

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

3
ВЫПУСК

ТВЕРЬ 1998

Тверской государственный объединенный музей

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

3
ВЫПУСК

*Родной кафедре археологии.
9/11-98г. ИС (И.Черных)*

Тверь 1998

В сборнике представлены главным образом доклады 3-го и 4-го заседаний научного семинара "Тверская земля и сопредельные территории в древности", проходивших 26-28 марта 1996 г. и 24-27 марта 1997 г. в Тверском государственном объединенном музее.

Основными обсуждавшимися темами были "Взаимодействие культур в эпоху первобытности (миграции и трансформации, контакты и пр.)" и "Вопросы адаптации человеческого сообщества в древности в различных ее проявлениях".

Хронологически сборник охватывает периоды от финального палеолита до раннего средневековья.

В научный оборот вводятся новые материалы полевых и камеральных исследований, как чисто археологических, так и произведенных на стыке с другими науками: палеоэкологией, почвоведением, гидронимией и т. п., а также некоторые теоретические разработки. В статьях отражены современные методы и предлагаются новые методики изучения археологических объектов. Публикуются предметы материальной и духовной культуры разных эпох.

Ряд статей носит проблемный характер, не все идеи и разработки, предлагаемые некоторыми исследователями, получили поддержку семинара.

В целом сборник имеет непосредственное отношение к изучению древностей Тверской земли и ее связей с другими территориями.

Книга предназначена археологам, историкам, музейным работникам, студентам, краеведам и всем, интересующимся древнейшим прошлым России и Тверского края.

Сборник издан за счет средств, полученных Тверским государственным объединенным музеем от проведения хозяйственных охранных археологических исследований.

Редакционная коллегия:

И. Н. Черных (ответственный редактор выпуска),
М. А. Ефимов

Tver State United Museum

**TVER ARCHAEOLOGICAL
SYMPOSIUM
(Collection of Articles)**

Tver 1998

The collection comprises articles based on materials presented at the third and the fourth sessions of the Archaeological Seminar «The Tver Region and the Adjacent Territories in the Ancient Times» which were held on March 26-28, 1996 and March 24-27, 1997 respectively in the Tver State United Museum.

The most important problems under discussion during the seminar were: «Interrelation of Cultures in Primeval Period (Migration, Transformations, Contacts etc.)» and «Problems of Adaptation of Ancient Human Communities in its Various Aspects».

Chronologically the articles embrace times from the Late Palaeolithic to the Early Middle Ages.

New materials obtained during field and laboratory research are introduced. Along with purely archaeological investigations, complex surveys based on collaboration with other sciences, such as palaeoecology, soil science, hydronimy etc., have been performed. Some of the articles are of theoretical character.

The materials of the collection introduce new and modern methods of investigation of archaeological objects. Articles and facts belonging to material and spiritual culture of various epochs are published.

A number of the articles are of a problem character, some of the concepts introduced by the authors were critically debated at the seminar.

On the whole the articles included into the collection are closely connected with the ancient cultures of the Tver Region in its interrelation with other territories.

The book is addressed to archaeologists, historians, museum experts and to students as well as to all who are interested in learning more about the ancient times of Russia and the Tver Region.

The publication is funded through commercial archaeological projects undertaken by the Tver State United Museum.

Editorial Board:

I.N.Tchernykh (Editor-in-Chief),

M.A.Efimov

А.А.Синицын, Г.В.Синицына

СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ПЕРВОБЫТНЫХ СООБЩЕСТВ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ НА РУБЕЖЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА-ГОЛОЦЕНА

Адаптация как категория научного анализа

Понятие адаптации в современной археологии используется предельно широко, охватывая все аспекты человеческой жизнедеятельности: от техники расщепления камня до способов охоты и структуры поселений, - как "... диалектически единый процесс приспособления общества и составляющих его индивидов к условиям среды и преобразования этой среды (преимущественно в результате трудовой деятельности людей)..." [1, с. 89] или как "... целесообразное приспособление техники, технологии и морфологии хозяйственного инструментария к потребностям жизнеобеспечения..." [2, с. 181]. За пределами адаптации, по существу, остаются только социальные отношения. Неоправданное расширение объема научного понятия лишает его конкретности и, следовательно, работоспособности. Происходит это, как правило, в двух случаях:

- когда вопрос о содержании термина как научного понятия вообще не ставится, предполагается, что это очевидно и всем понятно;
- когда вопрос определения понятия ставится в такой форме, в которой на него возможен любой ответ (как в случае с адаптацией).

Задача состоит в том, чтобы, по мере возможности, из неопределенного понятия сделать определенное, с четкой функцией и направленностью. Другими словами, сделать его работоспособным, способствующим получению нового знания об объекте. В случае с "адаптацией" задача состоит в ограничении диапазона значения понятия. Вопрос не в том, чтобы сформулировать *что такое адаптация?*, а в том, чтобы определить, *зачем это понятие нужно археологии?*, то есть *каким сторонам изучаемой действительности оно может соответствовать?* и *какого рода информация может быть получена на основе его использования?*

Состояние вопроса

Адаптация, или приспособление в том виде, в котором понятие используется в археологической практике, имеет два аспекта:

- внешний, то есть характер освоения окружающего пространства, включающего геоморфологию местности, наличие водных ресурсов, источников сырья для изготовления орудий, животных и растительных ресурсов;

· внутренний — структура поселений, характер жилых и бытовых объектов (очагов, ям, вымосток...) и их взаиморасположение. Кроме этого сюда же относятся положение поселения в рельефе конкретной местности, наличие инфраструктуры использования территории (охотничьи временные стоянки, места забоя животных, места хранения запасов и пр.), тактические особенности охоты, сезонные миграции...

Если первый аспект, как адаптивный механизм, сомнений не вызывает, то целесообразность использования того же понятия для второго, по меньшей мере, сомнительна.

Смысловая нагрузка двух аспектов человеческой жизнедеятельности (адаптации в широком смысле) принципиально различна. В первом случае деятельность человека направлена исключительно на потребление, на максимальное использование того, что уже существует, и в этом смысле это продолжение "модели" существования животного мира. Исключение составляет связь с источниками сырья, хотя в археологии есть примеры отсутствия такой связи (наиболее яркий — Костенки). Термин "адаптация" заимствован из биологии, и его использование в археологии для обозначения "внешнего" аспекта человеческой жизнедеятельности приемлемо без изменения содержания биологического понятия.

Функция и значение второго аспекта диаметрально противоположны первому. Основная цель перечисленных выше составляющих его моментов состоит в создании искусственной среды обитания, в нарушении и видоизменении естественных условий. Это “уникальная” модель, присущая только человеку, отличная от первой по всем компонентам.

Использование для процессов и явлений диаметрально противоположного содержания одного термина методически неверно. Создание искусственной среды человеческого обитания в виде поселений и сопровождающих компонентов по своей природе является процессом адаптирующим — направленным не на приспособление человека к окружающим условиям, а на приспособление последних к его нуждам и потребностям.

Охота, собирательство, добыча сырья для орудий с этих позиций являются процессами адаптивными. Хранение ресурсов в ямах, их приготовление и потребление так же, как создание орудий труда, постройка жилищ, бытовых объектов с их помощью — адаптирующими. В самом общем виде можно сказать, что деятельность, сосредоточенная на поселении (стоянке), является адаптирующей, а имеющая место за его пределами — адаптивной.

Дискуссия

Разделение процессов человеческой жизнедеятельности на адаптивные и адаптирующие относительно и имеет больше методологическое, чем практическое значение.

Наиболее ярко это характеризуется двумя моментами.

1. С одной стороны, однокультурные памятники не имеют универсальной, одинаковой привязки к рельефу, водным и сырьевым ресурсам. Например, классификация поселений культуры бромме Дании С.Андерсена [3], согласно которой в пределах одной культурной общности выделяются: а) небольшие стоянки на высоких сухих моренных холмах без какой-либо привязки к пресной воде, характеризуются преобладанием (до 100%) черешковых наконечников и определяются как места забоя охотничьей добычи; б) стоянки с большим количеством черешковых наконечников и низким содержанием скребков и резцов, определяются как охотничьи стойбища; в) стоянки с небольшим количеством орудий, преобладает первичное расщепление, есть скребки и резцы, черешковые наконечники стрел практически отсутствуют; определяются как специализированные мастерские по расщеплению кремня; г) стоянки более крупных размеров, выделяемые как базовые поселения, где представлен широкий спектр типов изделий. Поселения 2, 4 групп всегда расположены на песке недалеко от воды. Для стоянок 3 и 4 групп значение имеет доступность источников хорошего кремневого сырья. Это показывает отсутствие жестких стереотипов жизнедеятельности, раскрывает “творческий” потенциал конкретной культуры, ее принципиальные возможности и специфику.

2. С другой — это наличие разнокультурных поселений и даже поселений разных археологических эпох (финального палеолита, мезолита, неолита) на одних и тех же местах (например, Валдай). Это показывает, что существуют всеобщие, “глобальные”, общечеловеческие закономерности в оценке природного окружения, в выборе оптимальных условий обитания. Лучшим примером этому будет наличие многослойности археологических памятников. Объяснений этому может быть много: сезонность заселения стоянок, охота на одних и тех же животных, сходная система оценок для выбора оптимального места поселения и пр., и каждое из этих объяснений будет верным.

Разделение адаптивных и адаптирующих механизмов человеческой деятельности в том виде, в котором оно здесь приводится, во многом определяется оценкой археологических материалов с позиции концепции историко-этнографических областей (ИЭО) и хозяйственно-культурных типов (ХКТ), которая по праву считается одним из принципиальных достижений советской этнографии [4]. Несколько иную направленность проблема взаимодействия человека с природой имеет в американской, и в целом англоязычной, археологии, где палеоэкологические исследования развиваются в рамках иных традиций, корнями связанных с работами Франса Боаса. Показательно, что если в американской этнологии различие во взглядах исследователей на проблему привело к выделению и обособлению различных направлений или школ (экологическая этнография, культурная экология, экосистемная антропология, этноэкология, процессуальная экوانтропология...) [1] со своим собственным понятийным аппаратом и методами анализа, то в отечественной этнографии дискуссия ведется на единой методологической основе.

Для конкретных задач археологии отечественное направление представляется более перспективным, поскольку кроме корреляции категорий анализа различных направлений этнографии необходима еще корреляция их с археологическими понятиями. В целом, “контактные” категории анализа археологии и этнографии прямого и однозначного соответствия не имеют. Поэтому при использовании понятий этнографии в археологии первым должен быть вопрос о соответствии области их применения. Здесь категория ХКТ принимается в том значении, в котором это понятие было сформулировано в этнографии. “Под хозяйственно-культурными типами понимают определенные комплексы особенностей хозяйства и культуры, которые складываются исторически у различных народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитающих в сходных естественно-географических условиях” [5, с. 169]. На практике задача состоит в том, чтобы определить, во-первых, “определенные комплексы особенностей...”, во-вторых, “сходство естественно-географических условий”.

Вопросы адаптивно-адаптирующих процессов в целом и их специфика на рубеже плейстоцена-голоцена

в приледниковой зоне в частности касаются круга проблем, связанных с конкретизацией понятия ХКТ, а именно с установлением особенностей материальной культуры, доступной археологическому анализу, и с реконструкцией природного окружения. Первая задача решается чисто археологическими средствами; вторая — целиком естественнонаучными.

Перспективы исследования

Можно выделить три точки зрения на вопросы адаптации первобытного населения Восточной Европы в постгляциальных условиях плейстоцена-голоцена.

Первая наиболее отчетливо сформулирована Л.Л.Зализняком и по существу является прямой проекцией в археологию этнографической концепции ХКТ. В развитие этих идей выделяются 11 основных форм хозяйственной адаптации, при этом “девять из них под названием хозяйственно-культурных типов зафиксированы этнографами в недавнем прошлом у отсталых народов различных природно-географических зон” [6, с. 4]. Понятия “хозяйственно-культурный тип” и “форма адаптации” представлены здесь как синонимы.

В общем виде классификация ХКТ выглядит следующим образом. I. Собиратели: 1) собиратели и охотники тропических лесов, 2) собиратели и рыболовы тропических побережий. II. Рыболовы и морские зверобои: 3) рыболовы и собиратели морских побережий умеренного пояса, 4) рыболовы и охотники берегов крупных рек умеренного пояса, 5) охотники на морского зверя и рыболовы арктических побережий. III. Охотники закрытых пространств: 6) охотники и рыболовы лесов умеренного пояса, 7) охотники горных лесов. IV. Охотники открытых пространств: 8) охотники лесотундры, 9) охотники степей и полупустынь. Данные археологии, по мнению Л.Л.Зализняка, свидетельствуют о существовании в прошлом еще двух хозяйственно-культурных типов: 10) охотников на мамонта и 11) охотников приледниковых гор.

Для целей настоящего рассмотрения важно в первую очередь то, что понятие ХКТ в рамках этой точки зрения является категорией “внеисторической”, то есть одинаково применимой ко всем эпохам и анализу материалов как археологической первобытности, так и этнографической современности.

Вторая точка зрения представлена Я.В.Чесновым [7; 8]. Под сомнение им ставится как раз позиция, лежащая в основе первого направления. По его мнению, как для возникновения ИЭО, так и для возникновения ХКТ необходим определенный уровень социально-экономического развития общества, находящийся в прямой зависимости от степени интенсивности освоения природных ресурсов, то есть (опосредованно этим) от плотности заселения территории. Основу этой позиции составляет заключение Ч.Чарда [9, с. 185] о том, что распространение палеолитических, мезолитических и раннеолитических культур связано с бассейнами крупных рек, которые в северном полушарии имеют преимущественно меридиональное направление. Археологические культурные области палеолита, мезолита и раннего неолита тоже вытянуты в меридиональном направлении, часто пересекая различные ландшафтно-климатические зоны. На основании этого делается вывод об отсутствии жесткой привязки культур этого времени к определенным природным условиям. В позднем неолите и в эпоху бронзы картина уже принципиально иная: культуры и культурные области ориентируются в широтном направлении — вдоль ландшафтно-климатических зон. Можно соглашаться или не соглашаться с тем, что “само первоначальное возникновение ХКТ мы непременно должны связать с возникновением общественного разделения труда” [7, с. 22] (тем более что иллюстрируется эта точка зрения на примере неолита Прибайкалья с позиций А.П.Окладникова, которые в настоящее время подвергаются серьезной ревизии), но нельзя игнорировать саму проблему времени и условий возникновения ХКТ.

Эта позиция и подход к проблеме представляются логичными. Однако подтверждение ее фактическим материалом оставляет желать лучшего.

Третья точка зрения принадлежит П.М.Долуханову. На основе типологического анализа палеолитических, мезолитических и раннеолитических индустрий Европы Я.К. и С.К.Козловских [10] с добавлением данных геологии, геоморфологии, палинологии, палеозоологии и при применении факторного анализа он пришел к выводу о различном характере взаимоотношения “человек — природная среда” в различные эпохи [11; 12]. Предложенная им модель экосоциальной системы состоит из двух подсистем: экологической и социальной. Основными элементами экологической подсистемы являются климат, растительность, животный мир. Социальная подсистема включает экономику, население, орудия труда. Экономика рассматривается как питающий блок системы. Она действует в соответствии с принципом оптимизации и отражает взаимодействие человека с природой в процессе производства, в большинстве случаев обнаруживает адаптивные свойства по отношению к природным ресурсам. Данная модель, по П.М.Долуханову, содержит еще один важный элемент — культуру в широком смысле, которая рассматривается как накопитель знаний, традиций, верований, как “блок памяти” экосоциальной системы и отражается в наборе орудий труда.

В пределах культур с черешковыми наконечниками обособляются памятники свидера, которые четко отделяются от аренбургских, а памятники бромме-лингби распределяются между этими двумя группами. Это указывает на устойчивое формирование общностей в позднеледниковое время, в периоды потеплений, и на преобладание культурного фактора над экологическим. В течение холодных этапов (максимум оледенения, мадлен) наибольшее значение приобретает природно-хозяйственные факторы. По-видимому, в это время происходит унификация хозяйственной деятельности, что нашло отражение в большем единообразии каменных орудий [12, с. 72].

Несколько отличаясь от двух точек зрения, где главный акцент был сделан на содержании категории

ХКТ как обобщенного понятия, третья представляется более обоснованной фактическим материалом, опирается на значительно более широкий круг данных. Некоторые сомнения вызывает то, что выводы о культурной дифференциации каменного века Европы, полученные в результате факторного анализа, практически полностью совпали с выделением культур, послуживших источником анализа, на традиционной основе.

Каждая из перечисленных точек зрения не лишена недостатков, и было бы странно, если бы их не было. В плане постановки вопроса об адаптивно-адаптирующих процессах, регулирующих тип жизнедеятельности первобытного населения и облик его материальной культуры, следует отметить:

1) при наличии различий в определении проблема адаптации как категории научного анализа в полном объеме не поставлена;

2) целесообразным кажется, по крайней мере на современном этапе, обособленный, отдельный анализ адаптивных и адаптирующих процессов человеческой жизнедеятельности;

3) в самом общем виде адаптивные процессы связываются с человеческой активностью вне поселения, с освоением природных ресурсов. Адаптирующие процессы связываются с деятельностью на поселении — в первую очередь, это преобразующие виды активности: от переработки добытых ресурсов до создания инфраструктуры поселения;

4) адаптивные виды активности, в том числе охота, собирательство и добыча сырья, не могут считаться относящимися к экономике. Собственно экономическими являются только преобразующие виды деятельности, сосредоточенные на поселении, для выделения которых в особую форму активности А.Н.Рогачевым [13, с. 194] был предложен термин “домашне-хозяйственная деятельность”;

5) проблема адаптации и баланса экономических/неэкономических факторов человеческой жизнедеятельности является частью или коррелянтом проблемы ХКТ;

6) из имеющихся на настоящий момент трех точек зрения на проблему взаимоотношения “первобытный человек – природная среда” ни одна не может быть однозначно принята;

7) для освободившейся от ледника территории на рубеже плейстоцена-голоцена адаптирующие (культурные) факторы человеческой активности, как это следует из анализа немногочисленных фактических данных, преобладали над адаптивными на всей территории Северной Европы.

Рассмотрение вопросов адаптации первобытных коллективов на рубеже плейстоцена-голоцена на узкой, в рамках рассматриваемой темы, территории Валдая во многом определяется состоянием источниковедческой базы. Заключение Л.В.Кольцова [14], сделанное 25 лет назад, о том, что здесь “... охота велась на одних и тех же животных, о чем свидетельствует однородность охотничьего вооружения...”, сохраняют свою актуальность так же, как и то, что фиксируемые в археологических материалах различия “... в определенной мере диктовались какими-то различиями в природных условиях разных частей региона, хотя это пока не прослежено специалистами”. Новые памятники в основном приурочены к отложениям пребореального и бореального возраста [15; 16]. Стоянки времени рубежа эпох: Аллеред, Дриас III — пока единичны. Это памятники Подол III [17] и Усть-Тудовка I [18], на которых фаунистические остатки отсутствуют. Их возраст определен на основании палинологических данных [19]. Инвентарь этих поселений находит аналогии в материалах культур с черешковыми наконечниками стрел.

По классификации памятников культуры бромме С.Андерсена [3] Подол III представляет собой четвертый тип памятников, то есть базовую стоянку с использованием местного сырья и углубленным в землю жилищем. Следовательно, здесь мы имеем дело с уже адаптированными к местным условиям коллективами охотников, сохранившими культурные традиции бромме.

Миграции культур с черешковыми наконечниками стрел как в направлении север-юг, так и в направлении запад-восток неоднократно обсуждались как в отечественной, так и в зарубежной литературе. На основании типологического сходства их инвентаря Л.Л.Зализняк пришел к выводу о том, что “генезис этого культурного единства обусловлен формированием на границе Аллереда-Дриаса III холодных сухих лесостепей с фауной северного оленя на обширных пространствах Северо-Германской, Польской, Полесской низменностей, бассейнов Немана и Верхнего Днепра. Складывание благоприятных для охоты на северного оленя условий явилось причиной миграций из Ютландии населения культуры Лингби” [20, с. 164].

Эта точка зрения бесспорно нуждается в подтверждении данными палеофауны, прежде всего потому, что исследования памятников культуры бромме (Bromme, Trollesgave, Langa) показали [21, с. 113; 22, с. 86], что экономика культуры бромме базировалась на охоте на лося, гигантского оленя и другие лесные виды: бобра, росомаху, косулю (найжены также кости лебедя и шуки). Только стоянки типа 2 по Андерсену с большим количеством черешковых наконечников и низким содержанием скребков и резцов определяются как охотничьи стойбища (hunting sites) охотников на северного оленя, да и то лишь на основании их геоморфологии.

Таким образом, встает вопрос о корреляции данных палеофауны и кремневых технокомплексов даже в тех случаях, когда костный материал на стоянках сохраняется. Так, на материалах многослойной стоянки Бирюса (Средний Енисей) афонтовской культуры, где хорошо представлен фаунистический материал, видовой состав по слоям не был однородным. В нижних слоях доминировали костные останки северного оленя и бизона, на долю позднеплейстоценового зайца приходилось 2,5-3,0% костей. В верхнем слое, датированном Аллередом, наоборот, роль позднеплейстоценового зайца-беляка резко возрастала до 86%. При этом орудийный набор не изменился. Отличия касались лишь количественных соотношений типов орудий [23]. Этот пример показывает невозможность переноса выводов, полученных на одном материале, на другой.

Поставленная вначале задача сделать из неопределенного понятия определенное навряд ли может быть выполнена в полном объеме из-за тех трудностей, которые объективно существуют на современном уровне развития как археологии каменного века, так и проблемы взаимоотношения “первобытный человек – природная среда”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козлов В. И., Ямсков А. Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде (Ред. Е. А. Веселкин, В. А. Тишков). М., 1989.
2. Амирханов Х. А. Адаптация и некоторые аспекты культурогенеза (на примере раннеголоценовых памятников Кавказа) // Археологические вести. № 4. СПб., 1995.
3. Andersen S. A survey of the late palaeolithic of Denmark and Southern Sweden // De la Loire a l'Oder. Les civilisations du Paléolithique final dans le nord-ouest Européen / ed / M. Otte / Actes du Colloque de Liège. 1985. Vol. II. - British Archaeological Reports, International Series, 444 (II). 1988.
4. Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: к постановке вопроса // СЭ. 1971. № 4.
5. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1955.
6. Залитяк Л. Л. Первобытные охотники открытых пространства // Вопросы археологии юга Восточной Европы: Сборник научных трудов. Элиста, 1990.
7. Чеснов Я. В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина) // СЭ. 1970. № 6.
8. Чеснов Я. В. Теория “культурных областей” в американской этнографии // Концепция зарубежной этнологии. Критические этюды. М., 1976.
9. Chard Ch. S. Neolithic culture areas of Northern Asia: a preliminary definition // Bericht über den V Internationalen kongress für Vor-und Frühgeschichte (Hamburg, 1958). Berlin, 1961.
10. Kozłowski J. K., Kozłowski S. K. Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p.n.e. Warszawa, 1975.
11. Dolukhanov P. M., Kozłowski J. K., Kozłowski S. K. Multivariate analysis of Upper Palaeolithic and Mesolithic stone assemblages // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. DLXIV. Prace archeologiczne. Zesz. 30. Warszawa-Krakow, 1980.
12. Долуханов П. М. Верхний палеолит и мезолит Европы: опыт многомерного анализа // Проблемы реконструкции в археологии (Ред. Р. С. Васильевский, Ю. П. Холопкин). Новосибирск, 1985.
13. Рогачев А. Н. Вместо послесловия // Технологии производства в эпоху палеолита (Ред. А. Н. Рогачев). Л., 1983.
14. Кольцов Л. В. Среда и материальная культура финального палеолита и мезолита на Волго-Окском междуречье // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене: Материалы Всесоюзного Симпозиума, организованного Институтом географии АН СССР и Комиссией по изучению четвертичного периода АН СССР в марте 1973 года. (Ред. И. П. Герасимов) М., 1974.
15. Кравцов А. Е., Леонова Е. В., Лев Ю. С. К вопросу о месте иеневской культуры в мезолите Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
16. Кравцов А. Е. К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур // СА. 1991. № 2.
17. Сивилкина Г. В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях // Археологические изыскания. Вып. 39. СПб., 1996.
18. Жилин М. Г., Кравцов А. Е. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Археология Верхнего Поволжья: Материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Нижний Новгород, 1991.
19. Сивилкина Г. В., Спиридонова Е. А., Лаврушин Ю. А. Природная среда и возможные миграции первобытного человека на рубеже плейстоцена-голоцена на севере Русской равнины и Скандинавии // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997.
20. Залитяк Л. Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.
21. Fischer A. Pioneers in deglaciated landscapes: The expansion and adaptation of late Palaeolithic societies in Southern Scandinavia (edited by N. Barton, A. J. Roberts, D. A. Roe) // Council for British Archaeology. Research Report 77. Oxford., 1991.
22. Petersen P. V., Johansen L. Tracking Late Glacial reindeer hunters in eastern Denmark / The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas (ed. by L. Larsson). // Acta Archaeologica Lundensia. Stockholm, 1996. Series in 8°. № 24.
23. Sinitzyna G. V., Svezhentsev Yu. S., Khlobystin L. P., Kuzmina I. E. - Palaeolithic layers of multilayer site Biriysa on the Middle Yenisey (in press).

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

A.A. Sinitsyn, G.V. Sinitsyna

**ON THE PROBLEM OF ADAPTATION OF PRIMEVAL COMMUNITIES IN THE NORTHERN EUROPE
IN THE LATE PLEISTOCENE / EARLY HOLOCENE**

Summary

The problem of adaptation that the article deals with makes the methodological background for analysis and interpretation of archaeological data. The basis of the question debated in the article is the differentiation of the "adaptation to" and "adaptation of" processes, the first dealing with relations and activities people carried out outside the settlement (e.g., a specific type of consumption of natural resources, similar to the ways animals subsist themselves in the outer world, never modifying it), the second being connected with modification of environment, that is with creation of artificial milieu within the settlement by means of, and according to the cultural tradition.

Three viewpoints on the role and significance of "adaptation to" and "adaptation of" processes in different periods of human history in the late-glacial and the post-glacial times of the Eastern Europe are discussed in the article. The available archaeological data concerning the Late Pleistocene / Early Holocene period do not provide us with the material sufficient for the adequate solution of the problem under discussion. Nevertheless, further studies of the adaptation problem should by all means be carried out.

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Dvortsovaya Emb., St. Petersburg,
191065, Russia*

И.В.Калинина

ОППОЗИЦИЯ КУЛЬТУРНОЕ / ПРИРОДНОЕ В АРХЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

(Функции предметов естественного происхождения в археологической культуре. Вопросы методологии и теории первобытной культуры)

С эпохи палеолита известно собирание и использование человеком природных форм. "И.Г. Пидопличко отметил сбор сброшенных рогов оленей на стоянках, указывающих на добывание их собирательством, а не охотой. То же самое можно предположить", по мнению О.А. Соффер, "для костей и бивней мамонтов" [1, с. 106]. Отдельные кости, судя по местоположению на некоторых памятниках, отбирали и "укладывали в определенном порядке" [2, с. 13]. На поселениях и в могильниках археологи находят многочисленные искусственные аналоги природным формам (глиняные, костяные, бронзовые имитации костей животных, раковин каури, белемнитов и т. п.).

Собирание природных форм известно и по этнографическим материалам. Подбирались и хранились находимые в лесу кости животных. Особым почитанием пользовались ископаемые кости. К примеру, в Западной Сибири на средневековые поселения и святилища приносили кости, зубы мамонта плейстоценового возраста [3, с. 77]. По сообщению Л.А. Несова, Эдвард Д. Коп опубликовал челюсть примата палеогена, которая была обнаружена в украшении индейцев. Археологи также отмечали, что палеолитический человек использовал в качестве украшений не современные ему раковины, а ископаемые [4, с. 421-422]. "На охотничьей стоянке под открытым небом поздней ориньякской эпохи около Майнца... человек, имевший в своем распоряжении достаточное количество современных ему раковин, отыскивал, однако, вымершие: среди найденных раковин было обнаружено множество просверленных изящных удлинённых раковин вида *Scithium* более раннего, чем ориньякская эпоха. Раковины эти в большом количестве были включены в прилегающий к стоянке третичный известняк, где человек мог их собирать" [5, с. 38-39]. Несколько ископаемых палеогеновых раковин рода *Gurphaea* с пробитыми овальными отверстиями были обнаружены на Сунгирской верхнепалеолитической стоянке [6, с. 165]. В Костенках 17, в нижнем культурном слое, датированном 36-32 тыс. до н.э., найдено несколько просверленных ископаемых раковин и кораллов [7, с. 186].

Необработанные гальки, раковины, кости и зубы животных с отверстиями или нарезками для привязывания принято рассматривать как украшения или амулеты-обереги. К такого рода предметам относят и ископаемые формы, в том числе белемниты. В Костенках 17, в нижнем культурном слое, встречены расколотые, распиленные белемниты с просверленными отверстиями [7, с. 186]. На стоянке Сунгирь найдены сотни разбитых белемнитов. Для чего служили разбитые белемниты, как считал О.Н. Бадер, "остаётся неясным". "В отдельных случаях... концы их сильно сбиты, что свидетельствует об употреблении их для какой-то работы". Тем не менее, О.Н. Бадер назвал их подвесками (?) и поместил в раздел "Украшения, произведения искусства" [6, с. 165]. Следовательно, есть основания для складывания стереотипа восприятия в культуре природных форм как предметов художественной и культовой практики.

Предметы естественного происхождения имеют в глазах археологов особый статус, поскольку находятся вне орудийной производственной деятельности. Другими словами, с позиции трудовой теории, иная природа данного феномена постулируется при классификационном подходе как иное качество, иное назначение вещи. Отсюда наделение предметов природных форм особой, не утилитарной, функцией в культуре. Между тем, известно употребление естественных форм как орудий. По материалам из пещеры Чжоу-Коу-Тянь, уже "синантроп использовал в качестве орудий нижнюю челюсть оленя" [8, с. 175-176]. "В качестве орудий палеолитический человек использовал нижние челюсти хищников с их острыми и крепкими клыка-

ми. ... На стоянке Елисевичи найдено несколько челюстей волка, обработанных резанием и пропиливанием. ... имеются многочисленные этнографические параллели применения нижних челюстей мелких хищников в качестве орудий" [8, с. 185]. В качестве орудий использовались не только челюсти, но и другие кости зверей, птиц, рыб. Как шилья и проколки, по С.А.Семенову, "в хозяйстве верхнего палеолита широко употреблялись трубчатые кости таких мелких животных, как заяц и песец" [8, с. 185]. Подобными орудиями в разных археологических и этнографических культурах являлись грифельные кости лосей и оленей.

Раковины не зафиксированы археологами как орудия, но по этнографическим материалам известно, что речные раковины, большей частью их острый наружный край, применялись для резания и скобления. У шавантов (Бразилия) спиральная раковина улитки представляет собой своеобразный "рубанок". "Режущей частью служат края пробитого в середине ее отверстия. Второе отверстие, находящееся на противоположной стороне стенки раковины, служит для того, чтобы сквозь него проходили стружки обстругиваемого дерева" [9, с. 242]. Ископаемые формы также использовались в качестве орудий. Кроме Сунгирской стоянки известны орудия из белемнитов со стоянки Сахтыш I.

Естественные формы, одинаковые по происхождению, служили не только подвесками и орудиями, но и употреблялись в качестве емкостей, заменяющих посуду. По Леруа-Гурану, "многочисленные покрытые нарезками фрагменты черепных коробок, относящихся к верхнепалеолитическому времени во Франции, Испании и Центральной Европе, ... служили в качестве украшений" [10, с. 45]. Вместе с тем, "в пещере Голефельса южной Германии, среди типичного палеолитического инвентаря, был найден череп северного оленя, тщательно оббитый и приспособленный служить сосудом для питья; в Костенках найдена вертлюжная впадина тазовой кости мамонта со следами пользования ею как сосудом, в Плехановском бору — раковины *Grurhaea*, обработанные в виде ложек или чашек" [11, с. 588]. В Костенках 21 (нижний культурный слой) найдена чашечка, вырезанная из створки ископаемой раковины [7, с. 204]. Такого рода сосуды из костей, рога, бивня слона или зуба бегемота, раковин и т. п. широко представлены в этнографических материалах.

Итак, с палеолита природные формы используются в качестве орудий, емкостей, то есть как вещи практического назначения. Но археологами и этнографами зафиксировано также неутилитарное использование предметов естественного происхождения.

В настоящее время выяснено, что аммониты, белемниты, створки раковины *Ulio*, позвонки рыб, кости и челюсти разных видов животных служили орудиями для орнаментации неолитической керамики. В статье "Архаические орнаменты", написанной в соавторстве с Е.А.Гаджиевой, рассматривается преемственность семантических функций подвесок, архаических орнаментов и орудий татуировки, делается вывод о семантической значимости орудий для нанесения орнаментов [12, с. 83-94]. Однако следует обратить внимание и на другой аспект архаических орнаментов — на их характеристику как орудий. На основании экспериментального моделирования было установлено, что морфологические особенности зависят не только от формы орудия, но и от способа орнаментации: от постановки и кинематики движения орнамента. Нанесение орнаментов архаическими орнаментами требует определенных навыков. Природные формы орнамента, в частности анатомическое строение челюстей разных животных, ограничивают возможные положения орудия относительно положения сосуда, диктуют в некоторых случаях кинематику движения. Тем самым создаются условия для возникновения разных технологических приемов орнаментации. То есть формирование традиций орнаментации связано не с совершенствованием орудий, а с приобретением навыков — через способ орнаментации приспособлением к формам орудий. Это ставит задачу изучения генезиса навыков труда во взаимосвязи форм орудий и способов работы этими орудиями.

При физическом моделировании технологии изготовления древних орудий вопрос соотношения формы и функции имеет практическое значение. Так, было установлено совместно с Г.Т.Ленц, что форма рабочей части древних костяных наконечников непосредственно связана с функцией — нанесением ударного, колющего либо режущего действия. Форма же наконечника в целом диктуется не только функцией, но зависит от анатомических особенностей заготовок наконечников — костей разных видов животных: толщины, формы используемых участков кости [13, с. 10]. При изготовлении наконечников, например, учитывалось, что пястные и плюсневые кости обладают неодинаковой плотностью дистального и проксимального концов, различаются по толщине стенок. Наибольшей толщиной обладают части трубчатых костей со стороны дорсальной и боковых участков вентральной поверхностей. То есть различающиеся по действию типы наконечников могли быть изготовлены из одной и той же кости, но разных ее участков. Материал, сырье для изготовления орудий выступает, таким образом, в форме заготовки, обладающей определенными свойствами, качествами будущего орудия.

Кости животных как фаунистические остатки принадлежат сфере природы, а как формы-заготовки орудий относятся к сфере культуры. По современным представлениям, функции вещей в культуре определяют их форму. В первобытной культуре, как выясняется, природной формой заготовки задается не только форма, но и функция будущего орудия. Этнографам известны факты использования естественных функций природных форм, к примеру резцов грызунов в качестве долота, "когтей броненосцев для копания земли, то есть для тех же функций, которыми они служили самому животному" [14, с. 140-141]. Слитность формы-функции в первобытном сознании тем самым находит рациональное объяснение. Леви-Брюль, ссылаясь на Кэшинга, который жил среди зуны, писал: "Предметы, созданные рукой человека, ... имеют разные функции в соответствии с приданной им формой. Отсюда следует, что мельчайшая деталь в форме этих предметов имеет свое значение, которое может иногда стать решающим" [15, с. 23]. С позиции технологического

подхода слова Леви-Брюля обретают рациональный смысл. Архаическое орудие сохраняет естественную слитность формы-функции природной формы.

Представления, что качество (свойство) готового изделия определяется качеством (свойством) материалов, из которых оно изготовлено, согласуются с мифологическими воззрениями: чтобы овладеть вещью, надо знать ее происхождение, знать, как вещь была создана. Качество сырья определялось местом его нахождения — известным населению постоянным местом поиска и заготовки сырья. Свойства природного сырья, считалось, зависели не только от формы, но и от других качественных признаков: цвета, вкуса, запаха и т. п. Приведу диалог с литовским стариком-умельцем из рассказа А. Приставкина “Как сделать лодку”.

- А какой-нибудь секрет все-таки существует? — спросил Имант отца и перевел ответ, что нужен хороший глаз на все. И на выбор материала тоже. ... Раньше ездил в лесничество и выбирал. Потом и на пилораме смотрел да щупал каждую дощечку.

- Как вы подбираете дерево? — спросил Шухов.

- Дерево очень важно. Когда оно пилится, то смотрят в сторону, которая идет к центру дерева: ее пускают внутрь лодки, а наружную — наружу, она крепче. ... так как штевень изогнут, то для снятия лишнего напряжения выбираешь и дерево чуть изогнутое.

- А толщина какая?

- Толщина около 40 см. Если встанешь рядом с деревом, около груди 30-40 см должно быть.

- А если выше?

Имант вместо отца ответил, что середина бревна не берется, ее можно пускать на что-нибудь другое, только не на лодку.

- А как ищутся деревья? — спросил Шухов.

- ... на возвышенности лучше лес, только не на опушке, а в гуще [16, с. 7].

Согласно семиотической концепции, “есть все основания утверждать, что именно ритуал породил технологию...”. “Правила, по которым был создан мир, легли в основу первобытной технологии”. “Показательно, что создание вещей преимущественно практического... назначения еще совсем недавно (в конце XIX — начале XX в.) увязывалось с целым комплексом представлений ритуально-мифологического характера. При этом выбор материала, формы, места, времени и технологии подчинялся сериям ограничений, далеко не всегда соответствовавшим практическим соображениям”. Как конкретный пример А.К. Байбуриным приводятся запреты на выбор деревьев для строительства домов у восточных славян [17, с. 68, 67; 18, с. 219]. При изучении древней технологии, по-видимому, нельзя недооценивать и практические знания. С позиции функционально-технологического подхода некоторые из приводимых А.К. Байбуриным запретов, такие как запрет “на любые старые деревья, которые, по мнению крестьян, должны умереть “своей” (естественной) смертью”, запрет использовать “молодой, строевой лес (“молодняк”)”, запрет на “так называемые “проклятые” деревья, прежде всего осину”, запрет использовать “деревья с наростом”, могли иметь и практическое, закрепленное традицией основание.

Изготовлению вещей в древности предшествовал целенаправленный поиск природных материалов. Преднамеренный набор определенных костей животных предвещал создание костяных орудий. Для каменных орудий “на реках, где широко распространены галечники, сырьем обычно является именно речная галька” [19, с. 14]. По сообщению А. Гайгаласа, для изготовления позднеэоценовых топоров из коллекции И. Лозе, собранных в окрестностях Лубанского озера, использовались наиболее твердые и устойчивые породы, обработанные ледником и талыми водами. Выбирались при этом гальки определенной формы [20, с. 14].

Таким образом, природные формы в археологических и традиционных культурах не представляют собой диковины, раритеты. Они использовались наряду с искусственно созданными предметами, функционально принадлежат и материальной, и духовной сферам культуры.

Изучение природных предметов, объектов в археологических культурах необходимо в связи не только с проблемой формообразования, генезиса материальной культуры, но и с более широкой проблемой соотношения природы и культуры в древних обществах.

В докладе на VIII УАС в 1983 г. В.Ю. Дукельский поставил вопрос о соотношении археологии и культурологии. Предмет культурологии, по его словам, “составляют закономерности развития культуры, связи и взаимодействия ее элементов, функции культуры, культурная типология и т. д. Значительное место занимает культурная проблематика и в археологии. Возникает вопрос, что перед нами действительно, родственные дисциплины или простое совпадение ряда терминов?” В.Ю. Дукельским справедливо замечено, что археологи «на определенной стадии исследования неизбежно реконструируют культуру определенного общества и уже в дальнейшем через нее выходят на историю в собственном смысле слова. В этом проявляется двойственная природа археологического знания, археологии в целом, включающей как исторический, так и культурологический уровень абстракций”. Методологический опыт культурологии соответственно, полагаем, представляет интерес и для археологов.

В культурологии оппозиция культурное/природное — одно из основных понятий. “Понятие культуры своими этимологическими корнями восходит к латинскому слову cultura (возделывание, обработка) и в самом общем смысле служит для обозначения системы ценностей, изготовленных руками человека, в отличие от предметов и сил природы, не затронутых человеческой деятельностью”. Отсюда, по мнению А.Ф. Косарева, “противопоставление естественного (природного) и искусственного (культурного), столь характерное для многих поколений исследователей этого замечательного феномена” [21, с. 13].

При всех различиях точек зрения на культуру исследователей объединяет понимание взаимоотношения

человека-природы в категориях борьбы-подчинения. По О.М.Фрейденберг, “первобытно-охотничий коллектив объективно находится в состоянии постоянной и ожесточенной борьбы с природой... Борьба — единственная категория восприятия мира в первобытно-охотничьем сознании, единственное семантическое содержание его космогонии и всех его действий, ее воспроизводящих” [22, с. 55]. У В.Я.Проппа: “Обряд, возникнув как средство борьбы с природой, впоследствии, когда находятся рациональные способы борьбы с природой и воздействия на нее, все же не отмирает, но переосмысливается” [23, с. 25]. Категория “борьбы” соответствует “духу времени” — господствующей идее в мировоззрении людей на протяжении почти всего XX века. А.М.Горький в статье 1937 года писал: “В основе всех мифов, легенд и сказок лежит стремление людей, древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов” [24, с. 41]. То же можно прочесть и в монографии “Млекопитающие фауны СССР” 1963 года: “Уже на ранних этапах своей истории человек сталкивался со зверями как врагами и конкурентами, с которыми он вынужден был бороться за свою жизнь и жилище, или охотился за ними, чтобы добыть себе пищу и одежду. И в настоящее время одни из них приносят человеку пользу, и в отношении них принимаются необходимые меры по охране и даже разведению; другие, наоборот, вредны, человек вынужден истреблять их или проводить мероприятия по ограничению их численности” [25, с. 22].

Однако формируется и другое видение соотношения природа-культура. Д.С.Лихачев в “Заметках о русском” пишет: “У природы есть своя культура. ... отношения человека и природы — это отношение двух культур, каждая из которых по-своему “социальна”, общежительна, обладает своими “правилами поведения” [26, с. 18,19]. Д.Биленкин и В.Левин ссылаются в своей статье на натуралиста Э.Кольера, который в своих заметках отметил, что поначалу он не мог понять, зачем бобры свалили могучие, затеняющие весь берег тополя. “За пять лет мы поняли, в чем дело. <...> Берега преобразились, там выросли буйные травы, кустарники, туда потянулись животные, насекомые и птицы. Возник новый, более сложный, более богатый и разнообразный, а потому более устойчивый биоценоз. Получается, бобры преобразовали природу так, словно им были ведомы новейшие знания экологов!” По современным экологическим представлениям, “древнейший наш предок был, как и животные, звеном экосистемы, обладал тонко отрегулированным “экологическим поведением”, обязывающим его соблюдать прежние “правила игры”. Именно это обеспечило ему стабильное существование в природе” [27, с. 215].

Вряд ли кто станет сегодня серьезно возражать против такого рода идей. Но вот что любопытно: в отличие от представителей естественных наук, исследователи гуманитарных областей знаний предпочитают обсуждать эти проблемы только на страницах научно-популярных изданий. Идеи взаимосвязей живого “не работают” в теории культуры. В инерции научного знания, полагаем, не последнюю роль играет системный подход в современном его понимании. Принципы системного подхода имеют общенаучное значение. “Системно-структурные исследования выступают в качестве специфической тенденции науки середины XX века...” [28, с. 41]. Согласно Э.Г.Юдину, научный подход определяется как принципиальная методологическая ориентация исследования, как точка зрения, с которой рассматривается объект изучения, как понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования [29, с. 74]. Под системным подходом понимается “общенаучное методологическое направление, которое ставит задачей разработку принципов, методов и средств изучения объектов, представляющих собой системы” [30, с. 157].

“Исходным пунктом всякого системного исследования является представление о целостности изучаемой системы. Из этого представления... вытекают два вывода: во-первых, система может быть понята как нечто целостное лишь в том случае, если она в качестве системы противостоит своему окружению — среде. Во-вторых, расчленение системы приводит к понятию “элемента”, свойства и функции которого определяются его местом в рамках целого”. При исследовании функционирующего объекта главное внимание обращается “на те его характеристики, которые обеспечивают его устойчивость и стабильность в относительно изменчивых условиях” [30, с. 158-159; 163]. Понятие целостности “выражает требование особого описания системы в целом, отличного от описания ее элементов, а также... особую противопоставленность системы ее окружению (среде), противопоставленность, в основе которой лежит внутренняя активность системы” [31, с. 186]. Следовательно, как отмечает В.А.Геодакян, “когда мы выделяем систему как совокупность взаимодействующих элементов, автоматически появляется некая среда — все, что не вошло в систему. ... Для того, чтобы лучше сохраниться, надо быть по возможности “дальше” от среды, и, наоборот, для облегчения изменения необходимо быть “ближе” к среде” [32, с. 63].

Функцию теоретической связки между понятиями “система” и “среда”, согласно Э.С.Маркаряну, выполняет понятие “адаптация” [33, с. 169-170]. По Э.С.Маркаряну, “в свете идей кибернетики адаптивность (приспособительность)... выражается в способности системы приводить себя в соответствие с условиями внешней среды в целях самоподдержания. Активность сложнодинамической системы, для того чтобы не нарушалась ее устойчивость, должна быть адаптивной, ибо... активность, не будучи координирована условиями в системе и среде, имеет тенденцию разрушать систему. Адаптация в свете интегральных идей современного научного знания выступает фундаментальным свойством всех без исключения самоорганизующихся систем, специфическим и наиболее сложным проявлением которых выступает общество людей” [34, с. 42; 35, с. 17-18; 36, с. 10].

Таким образом, понятие “адаптация”, с одной стороны, связано с “активностью” системы, с другой стороны — с “саморегуляцией” системы, с устойчивостью, стабильностью ее структуры. “Форма системы адаптивна, если она удерживает существенные переменные в допустимых пределах. Именно благодаря этому свойству высокоразвитых систем оказывается возможным их самоуправление” [36, с. 17-18]. То есть “любая

система может существовать лишь тогда, когда она функционирует и видоизменяется так, чтобы сохранить себя и максимально упрочиться. А для этого ей надо обрести максимальное в данных условиях состояние” [27, с. 213].

Признано, что “развитое структурное исследование с необходимостью приходит к такой точке, когда оно должно изучать и объяснять не только процесс функционирования, но и структурные сдвиги объекта. Однако структурализм как таковой не располагает необходимыми логико-методологическими средствами для постановки и решения таких проблем” [30, с. 174]. Правомерно ли будет такое утверждение для системного подхода в целом? Методологическим принципом системного подхода, как известно, является, во-первых, рассмотрение элементов, их свойств, функций как частей целого — системы, то есть в качестве компонентов, частей целого выступают “те структурные единицы, взаимодействие которых и вызывает присущие целому качественные особенности” [37, с. 18]. Соответственно “элемент не существует до целого. Элемент не является ни более непосредственным, ни более ранним, чем целое. Познание целого и его законов нельзя вывести из знания об отдельных частях, образующих это целое” [38, с. 13-14]. Во-вторых, для системы свойственна устойчивость структуры. Относительно же развития полагали, что “наличие структуры — условие накопления количественных изменений внутри целого, являющихся необходимой предпосылкой для его коренных, качественных преобразований” [37, с. 23], “развитие сложной системы, рост и усложнение ее структур, изменение функции идут через противоречивые изменения ее элементов и подсистем” [39, с. 6] либо “формирование существенно новых свойств, усложнение свойств происходит из-за изменения структуры и связей часто при довольно ограниченном и неизменном составе компонент” [40, с. 4].

В 1977 г. Э.С.Маркарян заметил: “Часто автоматически срабатывают ассоциации, сложившиеся при употреблении... терминов в обыденной жизни. Так... адаптация связывается с чем-то всегда пассивным, “приспособленчеством”, а при использовании термина “выживание” можно нередко столкнуться с ситуациями, когда претит сама мысль о том, что выживание может выступать фундаментальной, исходной целью общества как системы. Тем самым требуется определенное время для “адаптации” к самому термину “адаптация” и преодоления психологических барьеров при осознании его нового кибернетического значения” [33, с. 170]. Через полтора десятка лет А.Е.Матюхин возражает: “Трудно согласиться с Э.С.Маркаряном, что одним из “фундаментальных” свойств культуры является ее адаптивный характер. ... всякое новое социальное движение возникает не как приспособительная, а как самостоятельная, активная форма, то есть как развитие. О культуре уместно говорить не только как о “динамическом равновесии со средой”, но прежде всего как о “самоорганизации”, “упорядоченном взаимодействии” с ней, что явно не одно и то же” [41, с. 22]. А.Е.Матюхин понятию “адаптация” противопоставляет уже не “активность”, а “развитие” системы. И, видимо, не случайно.

Характерная, как отмечают, черта современного этапа развития науки “заключается в том, что от локальных или “островных” диалектических идей в пределах собственных “чистых” областей наука переходит к объединяющей “сквозной” идее диалектического развития, охватывающей основные... ступени развития объективного мира, которые начинают поэтому рассматриваться в глубоком взаимопроникновении и взаимопревращении” [42, с. 3]. Процесс взаимодействия, наблюдаемый “в живой природе, начиная с репликации ДНК и до формирования биоценозов”, понимается уже как источник нового [43, с. 115]. “В процессе развития происходит не только осуществление возможностей, заложенных в прошлом, но и создание принципиально новых возможностей, которые не были заложены во всех предыдущих состояниях, а возникли как следствия новых условий” [44, с. 233]. Заметим, по археологическим данным фиксируются сосуществование – взаимодействие – трансформация на одной территории разных археологических культур [45, с. 33-35]. Как выяснилось, для методологии системного подхода принципиально, что “на всех уровнях... пара частиц, стремящихся в одной ситуации избавиться друг от друга, в другой ситуации объединяются в устойчивые системы” [46, с. 21]. То есть при определенных условиях, ситуациях элемент активен и самостоятелен по отношению к системе. Тем самым смещается акцент, задается равноправие элемента по отношению к системе. Следовательно, принцип подчинения элемента системе не абсолютен и возможна модификация системного подхода. При исследовании развивающихся объектов, по-видимому, потребуется разработка на содержательном уровне понятий “условия”, “ситуация”.

Известны две модели, говоря словами Ю.К.Ефремова, “отражения связей человечества с остальной природой. Одна опирается на удачную для времени своего возникновения, но одностороннюю догадку: “Земля — жилище человека”; другая — на понимание единства с природой: человечество не вставлено в нее, как в футляр, и не только заселяет некую жилплощадь, а само представляет неотъемлемую составную часть природы” [47, с. 77]. В рамках системного подхода первым представлениям соответствуют понятия “система – среда”. Вторые — отражены в иерархии понятий “система – подсистема – элемент”. Так, по Ю.В.Бромлею, “этнос в узком смысле слова образует определенные системы не только с социальной, но и с природной средой. Это т. н. “этносфера” [48, с. 54]. По мнению П.М.Долуханова, системный подход позволяет рассматривать на высоком интегральном уровне первобытное человеческое общество (социосистему) и географическую среду (экосистему) как элементы (единицы) системы высокого уровня — социозкосистемы [49]. В свою очередь, признается, что “познание географической оболочки невозможно без анализа ее как сложной и комплексной структуры; познание природных комплексов невозможно без анализа их свойств как структурных, закономерных частей географической оболочки” [50, с. 15]. К системному подходу относят и концепцию В.И.Вернадского. Э.Г.Юдин пишет: “Для Вернадского целостность биосферы является не постулатом, а предметом и в известном смысле даже результатом исследования. ... из детального анализа опреде-

ленных типов связей делается вывод о целостности объекта, ограниченного этими связями. Такой тип движения научной мысли... составляет одно из методологических оснований экологии, и не случайно, конечно, концепция Вернадского до сих пор продолжает сохранять роль теоретического фундамента этой дисциплины” [29, с. 25-26]. Подчеркнем, что в данном направлении исследований целое определяется не структурой-системой, а связями. “Взаимосвязи”, “развитие” для экологов - понятия конкретно-научного уровня исследований. В отечественной культурологии в теории культуры Э.С.Маркаряном реализован первый вариант системного подхода.

Культура рассматривается Э.С.Маркаряном “как специфический адаптивный механизм общества” [51, с. 44]. “В качестве генетически первичного элемента и решающего фактора развития общественной жизни и выработки культуры” Э.С.Маркарян выделяет материально-производственную деятельность [51, с. 139-140]. “Непосредственное отношение общества к природной среде происходит... благодаря производственно-экономической деятельности (через материальное производство), приводящей к обмену веществ между человеком и природой. Посредством этой сферы человеческой деятельности и осуществляется активная адаптация социальной системы к окружающей среде, адаптация, приводящая к удовлетворению составляющих ее индивидов материальными благами и тем самым к поддержанию их жизни” [34, с. 30]. “Важнейшая особенность человеческого общества как адаптивной системы состоит в том, что приспособительный эффект достигается им в результате постоянного и универсального по своим потенциальным возможностям производственного адаптирующего воздействия на среду” [33, с. 170]. Другими исследователями также разделяется точка зрения, что “вся производственная деятельность первобытного человека — это его адаптация в различных формах к окружающему миру природы” [52, с. 31]. То есть трудовая деятельность лежит в основе объяснения генезиса общества и культур. Как подчеркивает Э.С.Маркарян, “под “трудовой деятельностью” в данном случае подразумевается вполне определенный ее вид — материально-производственная деятельность” [51, с. 139]. Концепция, получившая название “трудовой теории”, могла бы быть названа и “производственной”, поскольку понятия “производство” и “труд”, как известно, у Маркса, Энгельса взаимосвязаны — это “единый процесс, рассматриваемый с двух разных точек зрения... с точки зрения субъекта, производителя, рабочей силы и с точки зрения результата, продукта” [53, с. 105-106]. В рамках “трудовой теории”, “производства” в широком смысле, включая “материальное производство идей” (А.Д.Столяр), развивались все направления исследований в советской археологии.

До недавнего времени “трудовая теория” была не только ведущей в изучении антропогенеза, но и являлась теоретическим основанием для сравнительной этологии. По словам С.Керригер, “поскольку ученые — люди своего века, то нет ничего удивительного в том, что критерием сходства животных с человеком считалось умение животных пользоваться орудием”. “Если бы эволюционная теория возникла в любое иное время, кроме века индустриализации, то весьма вероятно, что изучение животных не ограничилось бы выявлением их способностей к использованию механических приспособлений и в эволюции сознания подчеркивались бы другие стороны разумности животных”. “Древний человек научился собирать семена дикорастущих трав и сеять их; в таком процессе орудия для вспашки земли были вспомогательными приспособлениями, однако ведь сама идея посева семян не родилась в результате применения орудий. Человек собрал диких животных в стада и научился пасти их, но ведь орудия труда не имели почти ничего общего с этим шагом вперед по пути эволюции” [54, с. 190-191]. Об этом же писала В.И.Кочеткова: “Труд хотя и играет роль фактора по отношению к развитию мозга, но его влияние определяет только общее направление — усиление развития в мозге областей, имеющих теснейшее отношение к трудовым операциям. Труд способствует адекватной функциональной специализации этих областей, но не создает прямой адаптивной приспособленности мозга к конкретным вариантам культуры древних людей” [55, с. 69]. Другими словами, по Д.Биленкину, “орудия труда, однажды появившись, обеспечили человеку оптимальное вживание в уже существующую систему природных взаимоотношений”. “Появление орудий труда, дав человеку преимущество в конкурентной борьбе с животными, еще не порвало прежние экологические связи. Охота, простейшее собирательство — так и медведь живет” [27, с. 215].

Представление об “уникальности человека, о его высшем положении в иерархии биологических видов” [56, с. 16] все еще остается основополагающим в системе духовных ценностей современной культуры. “Мы и поныне вольно или невольно смотрим на животный мир сквозь фильтры религиозных мистификаций, унизивших животное, чтобы возвысить человека” [27, с. 214]. “В христианстве, как ни в одной другой мировой религии, проводится четкая грань между миром природы и миром человека. Человек при этом не просто выделен из природы: принят постулат его превосходства над ней” [57, с. 32]. В мире же природы конкуренция и отбор трактуются как закон выживания видов.

Этологи, изучая поведение животных, пришли к выводу, что поведение животных зависит от ситуации. “Любой охотник может рассказать, как звери наблюдали за ним и даже начинали искать, если вдруг теряли из виду. Ф.З.Вальтер описывает, как газели Томпсона в Африке, заметив в 500-800 м льва или гепарда, плотным стадом подходили к хищнику на 100-200 м и даже передвигались за ним, чтобы выяснить степень опасности. Так же ведут себя северные олени по отношению к волкам (Л.Крайслер). Олени спокойно пасутся, следуют своими дорогами и даже отдыхают в присутствии волков. Страх охватывает их, лишь когда волки нападают”. “Быки гауры в Индии любят пасти в обществе слонов, которые отгоняют тигров” [58, с. 25, 7]. То есть поведение животных не представляет собой инстинктивную реакцию на хищника. В своем поведении животные способны учитывать состояние (“намерения”) хищника. “Мышь-доминант, днем активно нападающая на своих соседей, ночью приходила спать к ним в домик, так как было очень холодно. ...

Снежные бараны в Канаде делили территорию зимних пастбищ на участки, каждый из которых занимал самец с группой самок и молодняка. Самцы охраняли границы своего участка от чужаков. Однако в глубокие зимы, когда бараны могли добраться до корма лишь на гребнях хребтов, где ветер сдувает снег, они мирно паслись вместе” [58, с. 21-22]. Опять-таки, заметим, это-объединение при определенных “условиях”.

У животных известны межвидовые формы сотрудничества: “найдя улей, медоуказчик летит на поиск союзника, а им может быть и медведь, и барсук, и человек — все, кто не прочь поест меду, но кому трудно найти улей. Медоуказчик с криком порхает вокруг зверя, пролетает вперед, возвращается и делает это так убедительно, что зверь идет за ним, пока не будет приведен к улью. Он разорит пчел, достанет мед, а птица съест личинок” [59, с. 30]. Таким образом, наблюдается взаимодействие животных разных видов. Экологическое равновесие характеризует поведенческая адаптация разных видов животных друг к другу.

Существует мнение, что человеческая “деятельность включает в себя как рациональный, так и иррациональный аспекты. Первый является завоеванием общественно-исторической практики, второй — ее поражением в борьбе с природой (А.Ф. Анисимов)” [60, с. 153]. Австралийские зоологи “изучали взаимоотношения лесных охотников-аборигенов с дикой собакой динго. Люди живут небольшими временными поселениями в лесу. Динго самостоятельно живут неподалеку. Ночью собаки приходят к хижинам питаться отбросами, но пока люди в деревне, они не обращают внимание на собак, а те — на людей. Особых симпатий между ними тоже нет. Когда австралиец выходит на охоту, одна или несколько собак бегут недалеко от него. Охотник следит за их поведением, так как они обоняют и слышат лучше него, а динго следят за его поведением, ведь он видит дальше них и умеет убивать с расстояния. Подранков — в основном птиц — охотник и динго ищут в густых зарослях вместе. Если подранка нашла собака, австралиец пытается его отнять, что удается не всегда. Если нашел абориген — собаки надеются на объедки. Если подранок так и не найден, собаки отстают и в конце концов находят его. Когда охота кончена, австралиец идет на стоянку, а собаки — в лес. Взаимовыгодный, по В.Дольнику, союз двух слабо вооруженных хищников. Он мог становиться все глубже и теснее. В Австралии нет хищников, опасных для человека и собаки. Там нет и стад копытных, для охоты на которых такой союз необходим, и в Австралии он не развился” [59, с. 3]. Взаимопонимание наблюдали, к примеру, также между антилопами-ориксами и людьми, живущими одной жизнью с дикой природой Калахари. Бушмены убеждены, что “ориксы знают, когда мы идем их убивать, а когда подходим к ним с просьбой. ... разрешают ... пить молоко вместе с их телятами”. “В бинокль мы отлично видели, как он подошел к самке с детенышем, приласкал их, а затем начал сосать молоко” [61, с. 42]. В этом контексте иной смысл обретает признание А.Л.Никитина: “Меня не удивляла твердая вера старых саамов, что старые олени, умирая, передавали молодым заботу о человеке, принятом под покровительство их предками. ... симбиоз человека и животного настолько тесный, что было трудно определить, кто же кого приручил: человек оленя или олень человека” [62, с. 33-34, 31-32]. “Долгое время было непонятно, как удается индейским племенам из бассейна Амазонки так точно предвидеть разливы рек и вовремя покидать опасную зону. Местные жители не открывали свой секрет, и лишь недавно этнографу Жозе Мариа Лиме, посвятившему тридцать лет жизни изучению племен в джунглях бразильского штата Акри, удалось выяснить, что разгадку следует искать у тамошних муравьев. За неделю до наводнения муравьи... начинают проявлять бешеную активность... начинается подготовка всей многочисленной колонии к переселению” [63, с. 19].

Очевидно, что в поведении и животных, и человека нет ничего сверхъестественного. На уровне поведения между человеком и животным возможно понимание. Однако человека отличает осознанность его поведения. По словам министра Фолсена (он же известный в Лаосе писатель), “у нашего народа острая наблюдательность. Мальчишка, пасущий буйволов, охотник в горах замечают все. Почему сам тигр иной раз, будто постык, бросается щипать траву? Что делает раненая птица, почему мусолит сломанную лапу травинкой?...” И в тон ему продолжал Ананда Сайпаса: “Мы учимся у животных. Возьмите “ле пха”, что значит “горная кровь” (мумие). Она всегда в тех местах, где укрываются рожать обезьяны. Заметили — большие обезьяны тоже идут туда и лижут “ле пха” [64, с. 12]. К.Штейнен писал о бакайри Центральной Бразилии: “Всю свою наблюдательность они сосредотачивают на животных и при помощи приобретенного таким образом опыта объясняют явления природы и вырабатывают свое мировоззрение” [65, с. 80].

А.Л.Никитин хотел понять жизнь поморов, “увидев за действиями людей законы, которые их диктовали”. По его наблюдениям, “человек не изменял природу, он ей следовал, ... предугадывал изменения, чтобы встретить их подготовленным...”, проявляя при этом “способность отражать в своих действиях законы и связи окружающего мира”. “Каждая часть сложнейшей системы природы определяла существование другой, а все они находились в экологическом равновесии: отел оленей, цветение тундры, вывод птенцов, нерест мигрирующих и местных рыб, созревание грибов и ягод” [62, с. 16, 54, 66, 29]. “Согласно многочисленным свидетельствам, тасманийцы и австралийцы сознательно выжигали на своих охотничьих угодьях старую траву, чтобы обеспечить для кенгуру, на которых они охотились, пастбища со свежей, зеленой травой. Причем они предусмотрительно старались сохранить группы деревьев или небольшие роши, которые служили бы для животных укрытием. Все это вновь привлекало сюда стада кенгуру и способствовало увеличению их поголовья...”. В этом В.Р.Кабо видит проявление “в Австралии своего рода экологического равновесия, активным фактором которого является сам первобытный человек. Будучи частью экосистемы, он в то же время выступает в ней силой, регулирующей в своих интересах взаимодействие остальных частей” [66, с. 66, 67]. Аборигены в этих условиях обнаруживают “не столько умение пользоваться своими немногочисленными орудиями, сколько... способность к изысканию пищевых ресурсов и понимание законов пустыни”

[67, с. 142]. Такого же рода понимание характерно для обывденного сознания людей и других традиционных культур. В Узбекистане журналистом записан следующий диалог:

- У меня такое чувство, будто с каждым годом жара сильнее. Климат меняется, что ли?

- Не климат — жизнь меняется, — ответил геологу врач.

- Вот спроси у старика, как он работал? — Аксакал степенно поставил пиалу на кошму, неторопливо огляделся:

- Смотри, сынок, на мне — ситцевая рубаха. Сверху — стеганный на вате халат. На голове — баранья шапка-тельпек, под ней тюбетейка. В таком наряде я из густой тени выхожу на поле. Поработаю кетменем столько, сколько могу, — и снова в тень. Халат сброшу, тельпек сниму — пью чай. Тело остынет, голова проветрится, тогда я одеваюсь и снова иду под солнце. А устану — опять отдохну. В самый зной часа на три-четыре домой уйду, спать лягу, тяжелую работу ночью сделаю. А вы все бежите, бежите... Того не помните, что даже глупая ящерица на солнцепек зря не выйдет.

- Мудро сказал, отец, ... Мы, современные люди, хотим приспособить природу под свои нужды, а может быть, проще нам к ней приспособиться? Пустыня человеку должна быть другом, а не врагом.

Образу жизни соответствовала "подвижная модель поведения — возможность, не нарушая природного ритма, меняться самим" [68, с. 93]. "Человек не изменял природу, он ей следовал, ... предугадывал изменения, чтобы встретить их подготовленным.... они (поморы — И.К.) отличались удивительной уверенностью в том, что они считали "своим делом" [62, с. 54, 16]. Напротив, А.М.Сагалаев пишет об алтайцах: "Народ выпал из ритма времени и пространства. Он устал от игры, правила которой ему непонятны, а цель неизвестна" [69, с.3-4].

По распространенному мнению, "в историческом вчера все могло идти (и шло) путем саморегуляции, как бы помимо человеческой воли и сознания" [27, с. 222]. Но так ли это? Нам кажется наивным, что говорит депутат Госдумы Еремей Айпин — шаман, ведущий свой род от угорских бобров: "Когда мама случайно острием топора задела Землю, она быстро ровняла порез, закрывала его щепками и хвоей. — Это рана на теле Земли. Больно ей!" [70, с. 5]. Все непонятное в мифах, иное восприятие времени, пространства принято связывать с особенностями мышления первобытных людей. Считается, что "действие, обычное в более поздние эпохи, в ранних окутывалось сетью иллюзорных представлений, что было вызвано низким уровнем познания объектов и явлений природы и общества, следствием чего было наличие различного рода заблуждений, которые нередко приобретали вид фантастических представлений. Возникновение иллюзорного представления о действительности было линией наименьшего сопротивления в познавательной деятельности человека" [60, с. 155]. Первобытный человек рассматривал "животных прежде всего как существа, равные ему не только в физическом, но и в духовном и социальном отношении. Окружающий мир населен для него родами, племенами этих живых тварей с таким же социальным устройством (Л.Я.Штернберг)" [71, с. 110]. Иррациональны ли подобные взгляды?

По О.М.Фрейденберг, древнейшими являются представления о природе в звериной форме. "Для охотника внешняя природа слита со зверем" [72, с. 19, 23]. Взаимоотношения со зверем, с нашей точки зрения, не исчерпывались интересами охотника.

Первобытной жизнедеятельности, связанной с наблюдениями за поведением животных, формирующей взаимопонимание со зверем, соответствовало архаическое мировоззрение. Через мировоззрение — иное, отличное от современного понимание взаимоотношения человеческих коллективов с сообществами животных, человек осознавал, видел результаты, последствия своих действий.

В заключение резюмируем рассмотренные положения. Категория борьбы была не единственной категорией восприятия мира первобытным сознанием. Культурная, семантическая осмысленность человеком своей жизнедеятельности характеризует новый вид организации жизни на Земле. В архаических обществах, где "человек повседневно слит в своей жизни с природой" [73, с. 5], природная среда выполняла функции культурной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Спффер О.А.* Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М., 1993.
2. *Щербакова Т.И.* Попытка сопоставления отдельных элементов археологических и этнографических культур // Сакральное и культурное: Материалы III международных Санкт-Петербургских религиозно-этических чтений, ноябрь 1995. СПб., 1995.
3. *Косищев П.А.* Костные остатки из средневековых святыниц Западной Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985.
4. *Единек Я.* Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1982.
5. *Богаевский Б.Л.* Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья // Известия ГАИМК. Т. VI. Вып. 8-9. Л., 1931.
6. *Бадер О.Н.* Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978.
7. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Л., 1982.
8. *Семенов С.А.* Первобытная техника // Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы. М.; Л., 1957.
9. *Штернберг Н.Г.* Индейцы сириано // Сборник статей памяти В.Г.Богораза (1865-1936). М.; Л., 1937.
10. *Окладникова Е.А.* Петроглифы Антильских островов // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979.

11. *Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899 года. Т. I. М., 1901.
12. *Калинина И.В., Гаджиева Е.А.* Архаичные орнаменты для керамики // AD POLUS. Памяти Л.П.Хлобыстина. Археологические изыскания. Вып. 10. СПб., 1993.
13. *Калинина И.В.* Принципы функционально-технологического подхода в семантических исследованиях // АСГЭ. Вып. 32. 1995.
14. *Семенов С.А.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
15. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930.
16. *Приставкин А.* Как сделать лодку // Литературная газета. 1982. 3 ноября.
17. *Байбури А.К.* Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.
18. *Байбури А.К.* Семиотический статус вещей // Сборник МАЭ. Т. XXXVII. Л., 1981.
19. *Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Матюшкин И.Е.* Региональная и локальная палеоэкология каменного века // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М., 1993.
20. *Гайгала А.И.* Петрографический анализ каменных топоров с целью определения источника материала их изготовления // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии, посвященная памяти Б.А.Колчина: Тезисы докладов. Ч. II. СПб., 1994.
21. *Косарев А.Ф.* Культура как способ взаимодействия человека с природой: Материалы совещания по проблеме "Экономика и социальная структура древнего населения Западной Сибири" // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976.
22. *Фрейдберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936.
23. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
24. *Карабанова С.Ф.* Танцы малых народов юга Дальнего Востока СССР как историко-этнографический источник. М., 1979.
25. Млекопитающие фауны СССР // Определители по фауне СССР / Зоологические институты АН СССР. Вып. 82. Ч. I. М.; Л., 1963.
26. *Лихачев Д.С.* Заметки о русском // Новый мир. 1980. № 3.
27. *Билекин Д., Левин В.* В поисках "экологического сознания" // Новый мир. 1979. №1.
28. *Садковский В.Н.* Системы и структуры как специфические предметы научного знания // Проблемы исследования систем и структур: Материалы к конференции. М., 1965.
29. *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
30. *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Системный подход в социальном исследовании // Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972.
31. *Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности // Методологические проблемы современной науки. М., 1978.
32. *Геодакян В.А.* Человек и среда его обитания // Вопросы философии. 1973. №4.
33. *Маркарян Э.С.* Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук. Ереван, 1977.
34. *Маркарян Э.С.* Вопросы системного исследования общества. М., 1972.
35. *Маркарян Э.С.* Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур // Методологические проблемы исследования этнических культур: Материалы симпозиума. Ереван, 1978.
36. *Маркарян Э.С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973.
37. *Афанасьев В.Г.* Проблемы целостности в философии и биологии. М., 1964.
38. *Шаумян С.К.* Структурная лингвистика. М., 1965.
39. *Амосов Н.М.* Моделирование сложных систем. Киев, 1968.
40. *Глушков В.М.* Предисловие к книге В.В.Дружинина, Д.С.Конторова "Проблемы системологии". М., 1976.
41. *Матюшкин А.Е.* К постановке проблемы теории первобытной культуры // Археологические культуры и культурная трансформация: Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Археологические изыскания. №1. Л., 1991.
42. *Орлов В.В.* Предмет, структура и проблемы философской теории пограничных наук // Философия пограничных проблем науки. Вып. 5. Пермь, 1972.
43. *Мецержаков В.Т.* Гармония и гармоничное развитие. Л., 1976.
44. *Мелюхин С.Т.* Причинность и функциональная зависимость // Проблема причинности в современной физике. М., 1960.
45. *Калинина И.В.* О существовании в Прикамье двух неолитических культур // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XLIX. Л., 1984.
46. *Чайковский Ю.* Где начало того конца ? // Знание — сила. 1980. №1.
47. *Ефремов Ю.К.* Важное звено в цепи связей человека с природой // Природа. 1971. №2.
48. *Бромлей Ю.В.* Этнос и этносоциальный организм // Вестник АН СССР. 1970. №8.
49. *Долуханов П.М.* Палеоэкономические и палеодемографические процессы в первобытном обществе (опыт системного анализа): доклад на теоретическом семинаре ЛОИА 22 ноября 1971 года.
50. *Преображенский В.С.* Ландшафтные исследования. М., 1966.
51. *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. М., 1983.
52. *Глушков И.Г.* Керамика как исторический источник (методика технологической диагностики лепной посуды): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1995.
53. *Багатурия Г.А.* Категория "производительные силы" в теоретическом наследии Маркса и Энгельса // Вопросы философии. 1981. №9.
54. *Кэрригер С.* Дикое наследие природы. М., 1969.
55. *Кочеткова В.И.* Современное состояние проблемы гоминизации // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф.Энгельса. М., 1972.
56. *Арсеньев В.Р.* Звери = боги = люди. М., 1991.
57. *Шведов С.* Автомобили у заповедника // Знание — сила. 1979. №3.

58. *Баскин Л. М.* Законы стада. М., 1971.
59. *Дольник В.* Археология человеческих пристрастий // Знание — сила. 1979. №4.
60. *Рычков Н. А.* Традиция, обычай, обряд (к соотношению понятий) // РА. 1997. №2.
61. *Кулик С.* Жажущая земля // Вокруг света. 1980. №4.
62. *Никитин А. Л.* Над квадратом раскопа. М., 1982.
63. Секрет открыли муравьи // Знание — сила. 1989. №2.
64. *Моев В.* Восточная медицина: Лаос // Литературная газета. 1984. №2 (4964).
65. *Штейнен К.* Среди первобытных народов Бразилии. М., 1935.
66. *Кабо В. Р.* У истоков производительной экономики // Ранние земледельцы. Л., 1980.
67. Первый бумеранг // Мифы и легенды Австралии. М., 1980.
68. *Григорьева Т. П.* Японская художественная традиция. М., 1979.
69. *Сагалаев А. М.* Алтай в зеркале мира. Новосибирск. 1992.
70. *Гаман А.* Шаман бьет в бубен и издает законы // Комсомольская правда. 1994. 9 октября.
71. *Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.
72. *Фрейденберг О. М.* Миф и литература в древности. М., 1978.
73. *Столяр А. Д.* О научном предвидении в археологии // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда. 1996.

*Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург*

I. V. Kalinina

**THE OPPOSITION OF CULTURAL / NATURAL IN ARCHAEOLOGY AND CULTUROLOGY
(FUNCTIONS OF THE OBJECTS OF NATURAL ORIGIN IN AN ARCHAEOLOGY CULTURE. QUESTIONS
OF METHODOLOGY AND THEORY OF THE PRIMEVAL CULTURE)**

Summary

In the archaeologists' eyes the objects of natural origin at the ancient monuments have their special status because they are situated outside the tools production activities. Undeveloped stones, shells, bones and teeth of animals with the holes or cuttings for knotting are usually considered as decorations or amulets - protectors. Since the Palaeolithic the natural forms are being used as tools and capacities also, i.e. as the objects to be utilized in practical activities. The objects of natural origin including the remains of Fauna belong to the sphere of the Nature, but being ready forms of tools they relate to the sphere of Culture.

The investigation of the natural objects and objects in archaeological cultures is necessary not only in connection with the problem of forms origin and the genesis of material culture but in connection with the more wide problem of the correlation between Nature and Culture in ancient societies.

With all the differences of the points of view at the Culture the scholars are being united by the understanding of mutual relationship of Man and Nature in the categories of struggle - subjugation. The ideas of mutual connections of all living "do not work" in the theory of Culture. It is the system approach in its modern understanding which plays not the last role in the inertia of scientific knowledge.

All the directions of investigations in the Soviet archaeology developed within the limits of "the labour theory", "production" in its wide sense including "the material production of the ideas". "The labour theory" was a theoretical basis for the comparative ethology also.

The behaviour of animals in the presence of a wild animal is defined by the analysis of situation and is not an instinctive reaction. The forms of animals' cooperation are known. There can be mutual understanding between a man and an animal on the level of behaviour. Man differs from animal due to the consciousness of his behaviour.

The category of struggle was not the only one category of the world understanding by the primeval sense. Archaic world vision corresponded with the primeval living activities which formed the outlook different from modern understanding of the relationships between human societies and animal unities.

*The State Hermitage,
34-36, Dvortsovaya Emb.,
St. Petersburg, 191186, Russia*

Л. В. Кольцов

ФОРМЫ, СПОСОБЫ И СРЕДСТВА АДАПТАЦИИ В МЕЗОЛИТЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Адаптация человека к природной среде - сложное и многомерное явление, особенно в первобытном обществе, формирующее в значительной степени его материальную культуру. При этом гибкость адаптивной способности человека позволяет ей принимать самые разнообразные формы в зависимости от экологической ниши, в которой находится то или иное сообщество. Этим, по-видимому, и объясняется столь большое многообразие культур в мезолите Северной Европы.

Проблеме адаптации посвящена многочисленная литература, особенно западно-европейская. Думается, нет нужды перечислять здесь все эти работы. Их общая черта состоит в том, что они рассматривают адаптацию в целом, не пытаясь глубинным образом разобрать это явление. Вместе с тем, ни в одной из работ нет ни определения адаптации, ни попытки расчленить ее на определенные уровни для детального изучения.

Поэтому хотелось бы в начале статьи сказать, что я понимаю под термином "адаптация". С моей точки зрения, применительно к первобытному обществу адаптация - это приспособление средств и способов производства и социально-производственной организации к окружающим природным условиям с целью обеспечения общественного воспроизводства. Иначе говоря, это стремление к гармонизации системы "человек-среда", к приведению ее в оптимальное рациональное состояние, способствующее относительно благополучному существованию человеческих сообществ.

Необходимо, как мне представляется, выделять разные уровни явления адаптации. Самый общий уровень - это ее формы, которые имеют характер экономический, социальный, культурный и биологический. В данной работе я не буду рассматривать последнюю форму, поскольку для ее характеристики в мезолите пока располагаю слишком небольшим материалом, да и тот еще в недостаточной степени обработан антропологами.

Второй уровень, на котором следует изучать явление адаптации, ее способы. Под этим здесь подразумеваются отрасли экономики и экономические уклады (охотничье-собираТЕЛЬский, охотничье-рыболовческий, охотничье-рыболовческо-собираТЕЛЬский), формы организации социально-производственных коллективов и формирование определенных вариантов культуры.

Третий уровень - конкретные средства, которыми достигались способы и формы адаптации.

Анализ материалов мезолитических культур очень хорошо иллюстрирует высказанные выше положения. Не буду подробно излагать все фактические материалы, чтобы не загромождать текст статьи. Постараюсь привести примеры, которые помогут лучше осмыслить эти положения. Начну с разбора способов и средств экономической формы адаптации.

В этой сфере общим для всех культур мезолита является один из способов адаптации - охота. Практически во всех культурах она велась с помощью лука. Известные луки могут быть подразделены на несколько типов. Два из них - симметричные и асимметричные небольшого размера - предназначены для индивидуального пользования. Следовательно, можно говорить об общности вида охоты для всех известных мезолитических культур. Основные объекты охоты были, конечно, различными в зависимости от экологической ниши, в которой размещалась та или иная культура. Скажем, в Центральной и Западной Европе предпочитали благородного оленя и кабана, в Северной Европе - северного оленя и лося, в Восточной Европе - лося и бобра. Эта разница объясняется, может быть, не только различными экологическими условиями, но и определенными традициями в виде охоты. Ведь лось жил и в Центральной Европе, а благородный олень - в Восточной. Тем не менее, в разных районах предпочитались свои виды животных. Правда, это может еще объясняться и численностью отдельных их видов.

Охота велась, вероятно, небольшими коллективами, вряд ли она была строго индивидуальной, что, скорее всего, регламентировалось правилами безопасности.

В области охоты следует отметить еще некоторые адаптивные средства. Во-первых, в некоторых сообществах (культурах) существовал обычай высылки охотничьих экспедиций. Он состоял в том, что группа

охотников удалялась для проведения охоты на столь значительное расстояние от основного лагеря, что была вынуждена основывать новую стоянку на какое-то время. Во-вторых, в некоторых культурах существовала стратегия сезонных перекочевок, которые следовали за сезонными миграциями основных объектов охоты. При этом иногда даже менялся природный ландшафт (перекочевка с равнин на возвышенности и наоборот). Такая смена ландшафтов тоже, в свою очередь, требовала адаптивных приспособлений. Иногда в такой перекочевке участвовала не вся социальная группа, а только ее часть. В-третьих, не исключена возможность использования на охоте собаки, как для обнаружения возможной добычи, так и для преследования подраненного зверя. В-четвертых, надо отметить находку в торфянике Вис 1 луков-самострелов размером около 3 м, которые, вероятно, были хорошим подспорьем в условиях таежной зоны (к сожалению, их культурная принадлежность не ясна). В-пятых, следует обратить внимание на значительное развитие костяных и деревянных форм наконечников стрел (среди последних выделяются тупые стрелы для охоты на пушных животных). В некоторых культурах (например, в кундской) недостаток хорошего каменного сырья вынудил людей полностью перейти к костяным формам наконечников стрел.

Второй способ экономической формы адаптации - освоение целенаправленного рыболовства. Оно, видимо, существовало еще в палеолитическое время. Об этом говорят находки ихтиофауны на палеолитических стоянках. Но это было тогда достаточно случайное явление: или рыбу (скажем, лосося) ловили, может быть, даже руками во время ее массовых миграций в реках или ручьях, или употреблялась форма "охоты" на рыбу с помощью гарпуна. Других признаков рыболовства в палеолите как будто нет. В мезолите сохраняются эти два вида (средства) ловли рыбы. Однако именно в мезолитическое время были изобретены и широко освоены и другие средства рыболовства: ловля рыбы на удочку с помощью крючка или блесны, использование острога, сетевой лов, лов в верши. При этом осваиваются не только внутренние водоемы. Вероятно, в целях облегчения рыболовства именно в мезолитическое время было изобретено такое транспортное средство, как лодка, которое облегчало усилия рыболовов как во время самой ловли, так и при транспортировке улова. Внедрение лодок облегчало не только возможность полного освоения внутренних водоемов, но и выход в морские заливы для постановки сетей и выход в открытое море (о чем говорят находки костей трески, пикши, тунца в стоянке Мёртон в Шотландии). Таким образом, в мезолитическое время широко употреблялись самые разнообразные средства для успешного осуществления данного способа экономической адаптации - рыболовства.

Третий способ экономической формы адаптации - собирачество. Он предусматривает освоение лесной среды путем сбора разных съедобных частей растений: орехов разных видов (документируются в находках лесной орех - лещина и водяной орех - чилим), ягод (есть находки косточек дикой сливы), семян (находки семян желтой кувшинки, в том числе в человеческих копролитах), корней и корневищ, луковиц, грибов и т. д. Другим средством пополнения пищевых ресурсов за счет собирательства являлся сбор моллюсков: во внутренних районах - пресноводных, например, беззубки, в приморских районах - морских; последний вариант был, видимо, чрезвычайно продуктивным, что привело к образованию поселений особого вида - раковинных куч. При этом люди иногда облегчали себе обработку раковин дополнительным средством - внедрением орудий, облегчающих открывание раковин (например, двурогих "вилок" в культуре ларни).

Таким образом, экономическая форма адаптации в мезолите предполагает три основных способа, комбинации которых могут быть различными. Не всегда в археологических материалах, характерных для той или иной культуры, обнаруживаются признаки, присущие всем трем способам, даже если памятник располагается в очень благоприятных для сохранности культурных остатков условиях (торфяник). Так, на английской стоянке Стар Карр 4 при прекрасно сохранившейся фауне млекопитающих и имеющихся данных по собирательству полностью отсутствуют кости рыб, а из орудий, которые можно считать рыболовческими, есть только один мало характерный гарпун. Вероятно, население этой стоянки использовало в своей экономике только два способа экономической адаптации - охоту и собирательство.

На подавляющем большинстве мезолитических поселений не сохраняется органика. Поэтому при анализе их материала и попытке восстановить экономическую деятельность на них мы можем говорить только об охоте, хотя в данном случае это совершенно не значит, что рыболовство и собирательство здесь не использовались. Говоря о разных комбинациях способов экономической формы адаптации, я имел в виду разное значение в различных культурах того или иного способа.

Рассматривая экономическую форму адаптации, нельзя не сказать еще об орудиях обработки продуктов добычи. Они весьма многочисленны и разнообразны. Это и скребки, и резцы, и ножи, и перфораторы разных вариантов и т. д. Однако надо подчеркнуть одну категорию, которая именно в мезолите получила очень широкое распространение. Это - рубящие орудия: топоры, тесла, долота, стамески. Именно в условиях лесной зоны они оказались крайне необходимыми. Поэтому их тоже следует считать средствами адаптации.

И еще один момент. Именно в мезолите гораздо разнообразней, чем прежде, стала обработка кости и рога. Из этих материалов также изготавливались самые различные категории орудий, употреблявшиеся во всех видах хозяйственной деятельности.

Вторая форма адаптации - социальная. В ней тоже можно выделить различные способы. С моей точки зрения, одним из способов этой формы адаптации является организация социальных коллективов. Мезолитическому населению не нужно было придумывать здесь ничего нового. Уже в условиях позднего плейстоцена на данной территории сложился тип социальной организации, который оказался оптимальным в условиях раннего голоцена. Это был небольшой социально-производственный коллектив, состоявший из 2 - 5

малых семей, по мнению большинства современных специалистов. Существование такого коллектива в условиях отсутствия крупных или стадных животных в лесной зоне вполне могло обеспечить те способы экономической адаптации, о которых говорилось выше. Он мог безболезненно выделять из своего состава отдельные группы для решения той или иной конкретной экономической задачи (охота, рыболовство, собирательство, обмен, добыча сырья и т. д.), что способствовало процессам воспроизводства. Не берусь дать номенклатурное определение этой форме коллектива, да и суть дела не в названии.

Второй способ социальной формы адаптации - организация образа жизни. И здесь мезолитический человек пошел уже по проторенному пути. В конце плейстоцена во многих культурах оформился подвижный, не оседлый образ жизни. Тогда это было вызвано охотой на северного оленя - очень подвижного и осторожного животного. Однако в голоценовых условиях первобытный человек сохранил этот образ жизни. В одних культурах это было связано с сохранением северного оленя как основного объекта охоты, а в других, бытовавших в лесной зоне, - с интенсивным ведением основной отрасли присваивающей экономики - охоты, приводившей к оскудению ресурсов на основной охотничьей территории и вынужденной ее смене.

Главными средствами социальной адаптации, с моей точки зрения, следует считать следующие. Во-первых, это организация поселений. Как правило, мезолитические стоянки располагались на берегах водоемов, что объяснялось многими причинами. Водоемы обеспечивали людей водой, были источниками пищи, транспортными артериями (скажем, реки, причем не только водная поверхность, но и их долины). Можно выделить несколько типов мезолитических поселений: 1) многосезонные базовые лагеря, которые не обязательно заселялись постоянно, но посещались многократно, при этом иногда в разное время года; 2) сезонные стоянки всего социального коллектива; 3) места охотничьих остановок (для ночлега или раздела добычи); 4) стоянки-мастерские для добычи и первичного раскалывания каменного сырья. В первом случае почти обязательно наличие жилищ, иногда нескольких, причем порой разнотипных; встречаются жилища и на поселениях второго типа. Планировка поселений различна: известны случаи кольцевого расположения жилищ, полукольцевого, Г-образного, есть варианты расположения в одну линию. В каждом конкретном случае это связано с местными условиями. При закладывании поселений часто учитывались инсоляция, роза ветров, наличие источников чистой воды и т. д.

Во-вторых, очень важным средством социальной формы адаптации было установление охотничьих территорий отдельных социальных групп. Я считаю, что это явление было характерно для мезолита, иначе при определенных демографических кризисах были неизбежны военные столкновения, свидетелем чему мы практически не обнаруживаем.

В-третьих, средством социальной формы адаптации была постройка жилищ на поселениях. Разумеется, в разных культурах - жилища разных типов. Количественно преобладают наземные каркасной конструкции. Однако есть и полуземлянки, а в некоторых районах даже земляночные сооружения. В ряде мест - на заболоченных или тундровых грунтах - сооружались полы для жилищ или фундаменты для стен из камней. Иногда по ближайшей периферии стен лежат камни для придавливания кровли. Часто жилища утеплялись путем сооружения одного или нескольких очагов. Иногда очаги делались из камней.

Еще одним средством адаптации коллектива к среде была постройка деревянных помостов на заболоченных участках, на которых порой возводились жилища или раскладывались очаги на песчаной подсыпке.

И сооружение жилищ, особенно углубленных в землю, и помостов было, разумеется, социальным действием, недоступным для осуществления индивидуально. Поэтому я и отношу их к средствам социальной формы адаптации.

Еще одним средством социальной формы адаптации следует считать стратегию хранения ресурсов. На многих поселениях, особенно относительно долговременных, встречены хозяйственные ямы. Совершенно очевидно, что постройка их тоже была не индивидуальным делом, а социальным, осуществлявшимся в интересах всего социально-производственного коллектива.

Под культурной формой адаптации я подразумеваю приспособление культурной традиции к экологической нише, что выразилось в оформлении культурных общностей и культур. Я выделяю ее в особую форму по следующим причинам. Все мезолитическое население Северной Европы жило примерно в одинаковых общих экологических условиях - в лесной, лесотундровой и тундровой зонах. Если бы не было культурной формы адаптации, все они, имея одинаковый уровень социального развития и одинаковую экономику, имели бы и одинаковую материальную культуру. Однако этого не произошло. В регионах Северной Европы зафиксировано по меньшей мере пять больших культурных общностей и свыше 30 культур. Анализ формирования последних показывает, что в этом процессе главную роль играли не экономическая и социальная формы адаптации, а культурная традиция того или иного населения, заставлявшая его использовать определенные типы орудий.

Но адаптация в области культуры все же была. Именно ею объясняется появление такого количества культур. Попадая в определенную экологическую нишу, население, имевшее устойчивую культурную традицию, выражавшуюся в характерном для нее наборе инвентаря, отбирало из него те формы, которые в данных экологических условиях могли сыграть важную роль в экономике, отбрасывая при этом те, которые в данных условиях оказывались ненужными или малоэффективными. Таким образом формировался набор инвентаря, определявший лицо данной культуры. Именно так, с моей точки зрения, можно выяснить культурную форму адаптации.

Способы и средства ее уже видны из вышеизложенного. Это, во-первых, осознание и использование куль-

турной традиции и, во-вторых, отбор определенных категорий и типов орудий для/и в процессе производства.

Все три основные формы адаптации (экономическая, социальная, культурная) очень тесно переплетены и часто зависят друг от друга или влияют друг на друга. Это подтверждается многими фактами. Приведу несколько примеров. Население культуры дуфензе, сложившейся в зоне густых лесов путем сегментации от британского маглемозе и дальнейшей миграции на восток, в новых экологических условиях при сохранении культурной и экономической традиции (охота, в основном, на благородного оленя) вынуждено было произвести строжайшей отбор охотничьего вооружения, пригодного в новых условиях. По-видимому, в густом лесу невозможна была охота с луком большого размера и длинными стрелами. Все найденные в поселениях этой культуры стрелы не превышают в длину 60 см. В связи с этим необходимо было отрегулировать размер кремневых наконечников. Подавляющее большинство микролитов культуры дуфензе, служивших наконечниками, имеет в длину не более 3 см, в отличие от британского маглемозе, где они порой превышали 5 см в длину. Вместе с тем, их формы в основном повторяют формы британского маглемозе, хотя и был проведен некоторый качественный отбор и выработаны новые формы.

Сходные варианты можно наблюдать и у постсвидерских культур. Скажем, население культуры кунда, попав в среду, бедную хорошим каменным сырьем, с течением времени отказалось от изготовления каменных наконечников стрел, заменив их разными типами костяных.

Интересен пример яниславицкой культуры. Ее население, вынужденное почти постоянно мигрировать в результате воздействия окружающих культур, сократило до минимума количество форм каменных наконечников стрел, добившись при их изготовлении очень высокой степени стандартизации.

Подводя итоги, можно сказать, что формы, способы и средства адаптации - чрезвычайно сложное явление, которое еще долго будет привлекать внимание специалистов и потребует длительного исследования.

*Институт археологии РАН,
Москва*

L.V. Koltsov

FORMS, METHODS AND MEANS OF ADAPTATION IN THE MESOLITHIC NORTHERN EUROPE

Summary

Adaptation, in terms of the primeval society, is the methods the humans use to optimize the "Environment - Society - Man" system in order to rationalize the social reproduction.

Adaptation is a multiple phenomenon, and each of its aspects should be studied. The most general level of this phenomenon is made up of forms of adaptation: economic, social, cultural and biological (the last one is not examined in the article).

The next level is formed by methods of adaptation. The economic form of adaptation employs various methods, which combine 1) hunting and food-gathering, 2) hunting and fishing, 3) hunting, fishing and food-gathering.

Within the frame of the social form of adaptation we find organization of social and production groups, different modes of life, hunting territories. The cultural form of adaptation include: 1) the way a certain set of ethnic characteristics is formed, that is the methods of creation of certain archaeological cultures.

Means of adaptation is yet another level of adaptation. They find concrete manifestation within a definite archaeological culture.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanov St., Moscow,
117036, Russia*

М. Г. Жилин

АДАПТАЦИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ К КАМЕННОМУ СЫРЬЮ

Наличие запасов каменного сырья, пригодного для изготовления орудий, являлось для эпохи мезолита одной из важнейших составляющих природного окружения человека. От этого во многих случаях зависел облик каменной индустрии мезолитических культур, особенно при переселении их носителей на новые территории, отличающиеся по наличию каменного сырья от исходных. Вместе с тем, разным культурам была присуща своя технология обработки камня, ориентированная на используемые сырьевые ресурсы. В полной мере все это прослеживается на мезолитических материалах Верхнего Поволжья.

Важнейшим сырьем для изготовления каменных орудий в этом регионе являлся кремний, запасы которого распределены довольно неравномерно. В западной части бассейна Верхней Волги, выше г. Твери, кремний встречается в большом количестве в виде выходов плит и желваков, заключенных в толще известняков каменноугольного периода, размываемых Волгой и ее притоками. На бечевнике в изобилии попадаются кремневые желваки и галька разных размеров и качества, часто очень хорошего для изготовления орудий. Помимо этого, кремневые желваки и галька в этой зоне в большом количестве содержатся в моренных, флювиогляциальных и древнеаллювиальных отложениях. То есть ее можно охарактеризовать как зону избыточной обеспеченности кремнем.

В Ярославском, Костромском, Ивановском Поволжье и на севере Московской области выходов кремня нет, однако этот материал в виде желваков и гальки различных размеров, как правило, посредственного качества, часто встречается в переотложенном состоянии, особенно в местах, где водные потоки и овраги прорезают моренные и флювиогляциальные отложения. В целом недостатка кремня здесь не ощущается, и эту зону можно назвать зоной достаточной обеспеченности кремнем.

На востоке региона, в Балахнинской низине, в Волго-Клязьминском междуречье, в Мещере кремний встречается редко, в основном в виде мелкой гальки, редко небольших желваков, как правило, низкого качества. Моренные и флювиогляциальные отложения здесь сложены в основном некремневыми породами. Эту часть региона можно характеризовать как зону недостаточной обеспеченности кремнем.

В настоящий момент в мезолите Верхнего Поволжья выделяются 3 основные культуры: иеневская, бутовская и рессетинская. Первая была распространена в первой половине мезолита во всех трех зонах обеспеченности кремнем. В области обработки кремня она наследует традиции главным образом аренбургской культуры. Для иеневской культуры характерно использование различного по качеству кремня с ближайшей к стоянке территории, на ряде стоянок третьей зоны кремний, вероятно, приносной. Памятники без инуюльтурной примеси в инвентаре показывают, что техника расщепления ориентирована на получение пластин в основном неправильной огранки и отщепов. Большинство нуклеусов аморфные, с одной, реже двумя или несколькими площадками, предназначены для получения указанных заготовок при помощи скалывания жестким отбойником или с помощью посредника. Техника отжима правильных пластин и микропластин неразвита. Большую роль играет вторичная обработка, при помощи которой придается форма большинству орудий. Техника шлифовки камня неразвита и используется крайне редко. Такая технология обработки камня применяется как к кремню самого разного качества, так и к кремнистому известняку, кремнистому сланцу, опоке и другим породам камня, если кремня нет под рукой. Даже в случае расположения иеневских стоянок в нескольких километрах от выходов высококачественного кремня использовался кремний худшего качества из окрестностей стоянки, а не из этих выходов. Таким образом, можно отметить, что технология обработки камня в иеневской культуре ориентирована на использование различного кремнистого сырья и изменений в облике индустрии в зависимости от обеспеченности качественным сырьем не наблюдается.

Бутовская культура существовала в Верхнем Поволжье от начала и до конца мезолита, была распространена также во всех трех зонах обеспеченности кремнем. В инвентаре ее наиболее ранних памятников-Тихоново [1], Марьино 4 [2] и Становое 4 - прослеживается ряд черт, характерных для свидерской культуры, с которой бутовская генетически связана. К их числу можно отнести ориентацию техники расщепления

на получение правильных пластин скалыванием при помощи посредника с двухплощадочных односторонних и подпризматических, а также одноплощадочных подконических нуклеусов, минимальное использование вторичной обработки при изготовлении орудий. Большинство последних сделано на пластинах, скребки концевые, резцы на сломе заготовки и ретушные с длинными сколами средней ширины, имеются черешковые наконечники стрел на пластинах. Однако на всех этих памятниках уже представлена отжимная техника снятия правильных пластин, имеются серии правильных микропластин, отжатых со специально подготовленных микронуклеусов, а в Становом 4 встречен и нуклеус для отжима микропластин. В культурном слое этого памятника найдены два костяных наконечника стрел с пазами для вкладышей (рис. 1: 1,2), в пазу одного сохранилась длинная правильная микропластина, слегка изогнутая в профиль, вследствие чего она была сломана на 2 части при установке в паз, отжатая, вероятно, с карандашевидного нуклеуса. Появление отжимной техники получения пластин и микропластин, составных наконечников стрел с пазами для микропластинок-вкладышей является ярким индикатором, отделяющим мезолитическую бутовскую культуру от финально-палеолитической свидерской. Во второй половине Пребореала эта технология приводит к существенной перестройке инвентаря бутовской культуры (как и близких к ней кундской и неманской), в результате чего памятники этого времени уже сильно отличаются от свидерских. В силу указанных причин термин "постсвидерские" можно применять только к наиболее ранним памятникам этих культур.

Для темы данной статьи наибольший интерес представляет многослойное торфяниковое поселение Становое 4 (Комсомольский р-н Ивановской обл.), расположенное при истоке р. Лахость (правый приток р. Которосль, впадающей в Волгу в г. Ярославле) из залива древнего озера, существовавшего на месте Подозерского торфяника. Памятник имеет несколько культурных слоев. Нижний (IV) культурный слой датируется радиоуглеродным методом 9850 ± 60 л.н. (ГИН-8379 - все даты в настоящей статье некалиброванные, отсчет от 1950 г.); палинологическим методом - переходом от Дриаса III к Пребореалу.¹ Датировки хорошо согласуются.

В нижнем культурном слое найден пока немногочисленный, но выразительный материал. Каменные изделия четко распадаются на две группы по сырью. Первая включает предметы из высококачественного мелового кремня: черешковый наконечник стрелы с подправкой плоской ретушью кончика пера и полукрутой ретушью краёв черешка на брюшке, сделанный из правильной пластины (рис. 1: 3); двойной резец - ретушный и срединный со смещением на пластине (рис. 1: 4); двухплощадочный призматический нуклеус от микропластин (рис. 1: 5); длинную правильную микропластинку, вставленную в паз наконечника стрелы (рис. 1: 1а); несколько обломков пластин.

Такой кремнь встречается на Верхней Волге, но в окрестностях стоянки совершенно отсутствует. Здесь представлен только кремнь низкого качества в виде в основном мелкой гальки. Подозерский торфяник находится в зоне недостаточной обеспеченности кремнем. По всей вероятности, изделия из хорошего мелового кремня были принесены на стоянку в готовом виде. Население ранней бутовской культуры предпочитало высококачественный кремнь и, как и население свидерской культуры, транспортировало его на расстояние до 200 км. Так, большая часть инвентаря стоянки Тихоново, расположенной в Кимрском р-не Тверской обл., сделана из высококачественного старицкого кремня, выходы которого находятся в 200 км выше по Волге. Кремнь приносился в виде подготовленных нуклеусов, пластин и орудий. Становое 4 находится на расстоянии около 600 км по рекам от ближайших выходов мелового кремня, транспортировка которого в значительных количествах на такое расстояние была затруднительна. В силу этого население, осваивавшее данную экологическую нишу, вынуждено было переходить на местные сырьевые ресурсы.

Другая группа изделий сделана из местного пестрого кремня, часто трещиноватого и засоренного различными включениями. В нее входят двухплощадочный подпризматический нуклеус от пластин (рис. 2:1), несколько аморфных скребков на отщепах (рис. 2:2-4), пластины и отщепы кремня. Заслуживает внимания заготовка, вероятно, вставки рубящего орудия из продольно расколотой сланцевой гальки, оббитой по краям с двух сторон (рис. 2:5). В этом же слое найдены плоская вставка рогового топора примерно такого же размера и муфта из рога лося для небольшой плоской вставки тесла. Эти орудия не известны в палеолите, зато в мезолите распространены в лесной зоне Северной и Восточной Европы.

Нижний слой поселения Становое 4 показывает промежуточную индустрию, когда переход на местное сырье только начинается. Прежде всего, появляются различные аморфные скребки на отщепах, осваивается обработка некремневых пород (сланца) для производства рубящих орудий. Развивается обработка кости, позволяющая делать различные крупные орудия, для изготовления которых не было подходящего кремневого сырья, прежде всего наконечники стрел и рубящие.

Памятники бутовской культуры конца Пребореала и первой половины Бореала в зонах, где кремневого сырья хватало, дают каменный инвентарь, основанный на использовании пластин с минимальной подработкой, меньшая часть орудий делается на отщепах. Характерны достаточно крупные размеры пластин и их правильная огранка. Развита техника отжима микропластинок и вкладышевая техника. Формы орудий довольно устойчивы, размеры многих изделий крупные. Большинство рубящих орудий изготавливается при помощи оббивки, шлифовка применяется редко. В зоне недостаточной обеспеченности кремнем при близком типологическом составе орудий наблюдаются некоторые специфические черты.

¹ Автор благодарит Л.Д. Сулержицкого и Е.А. Спирidonову за проведенные анализы.

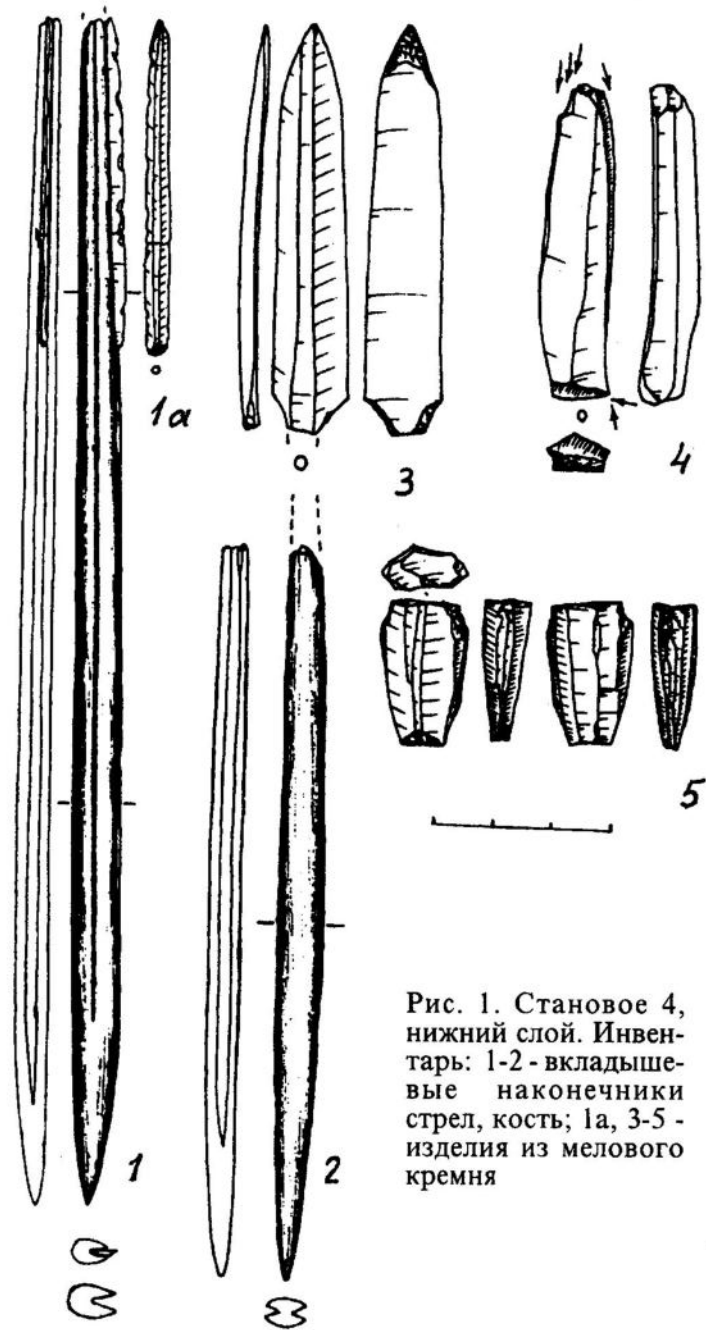

Рис. 1. Становое 4, нижний слой. Инвентарь: 1-2 - вкладышевые наконечники стрел, кость; 1а, 3-5 - изделия из мелового кремня

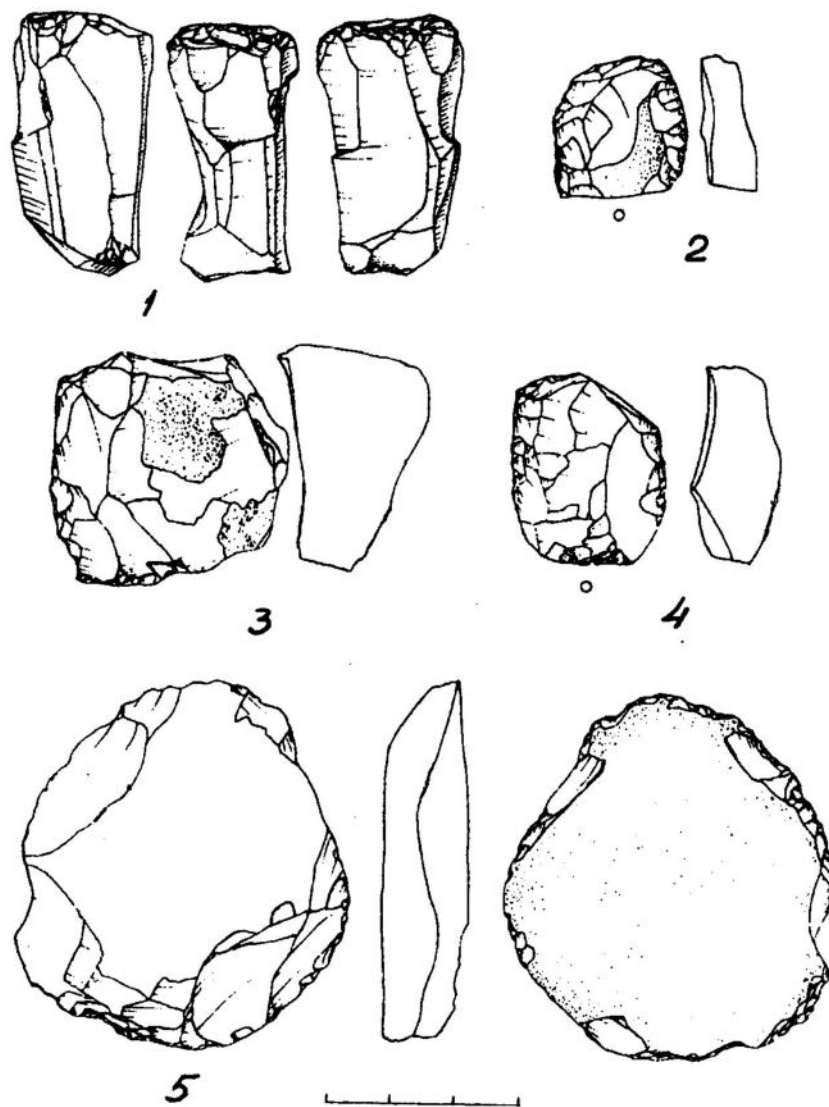

Рис. 2 Становое 4, нижний слой. Инвентарь: 1-4 - местный кремень; 5 - сланец

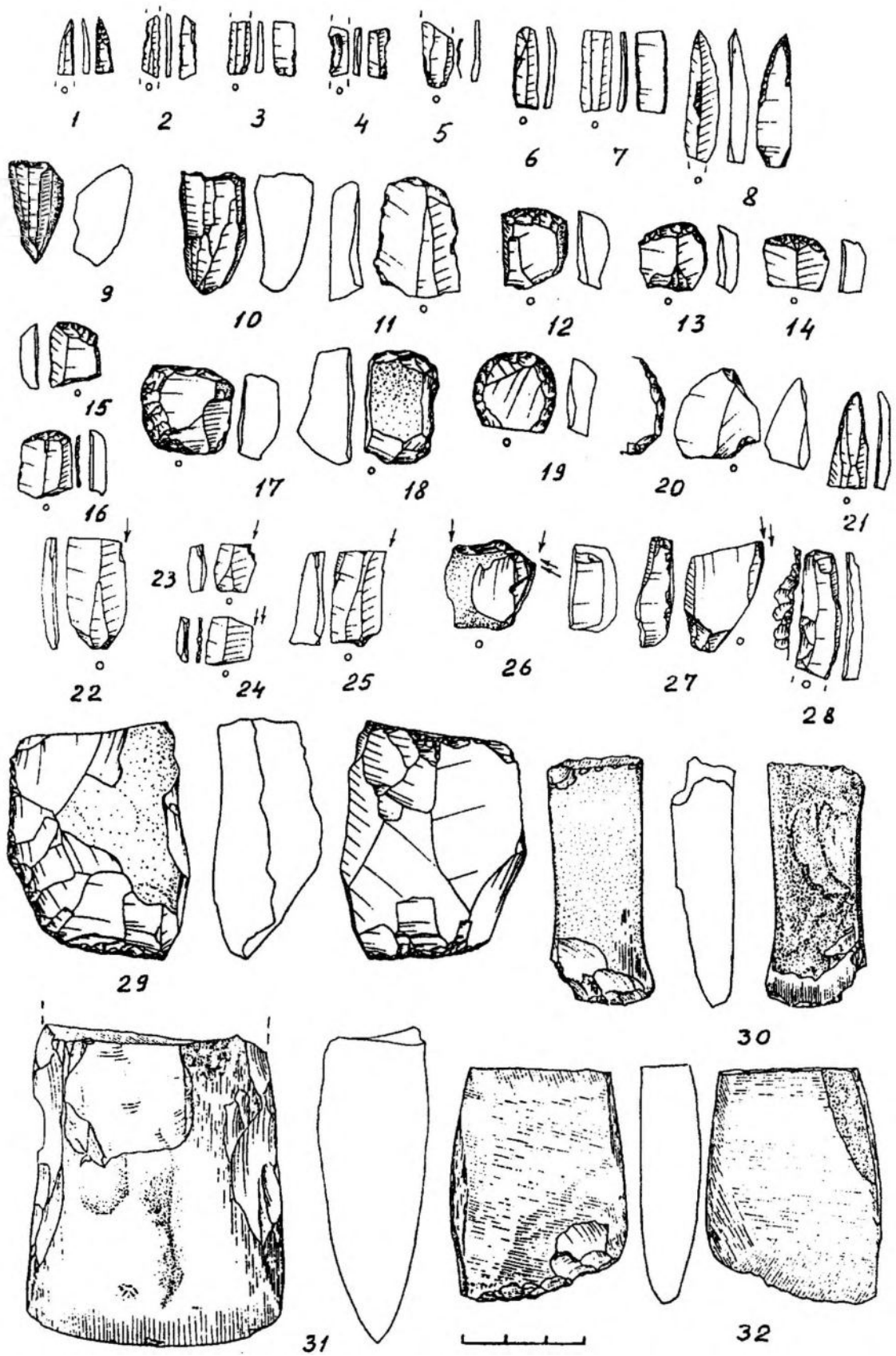

Рис. 3. Становое 4, III культурный слой. Инвентарь:
1-29 - кремнь; 30,32 - сланец; 31 - кремнистый известняк

Одним из наиболее ярких памятников первой половины Бореала в этой зоне является третий культурный слой поселения Становое 4. Радиоуглеродные датировки этого слоя по обработанной древесине: 8670 ± 50 (ГИН-8856) и 8540 ± 60 (ГИН-8853) л. н. Пыльцевой анализ отнес этот слой к первой половине Бореала (IX палинозона - около 8800-8600 л. н. [3]). Датировки хорошо согласуются, что позволяет считать их достоверными. Почти все изделия изготовлены из каменного сырья, главным образом из кремня низкого качества и различных кремнистых пород (кремнистый известняк, кремнистый сланец и т. п.). Небольшая серия орудий, главным образом скребков, сделана из кварца. Техника первичной обработки направлена на получение мелких пластинок и микропластинок при помощи отжима с подконических, подпризматических и торцевых нуклеусов, сделанных из мелкой гальки, а также на получение различных отщепов и осколков для изготовления, прежде всего, скребков. Единичные пластины и орудия из правильных пластин из высококачественного кремня говорят о его импорте в небольших количествах или о находках редких галек достаточно крупного размера. Большая часть изделий со вторичной обработкой (рис. 3) сделана на отщепах, среди них наиболее многочисленны аморфные скребки и скобели. Для этих орудий было важно наличие подходящего участка для оформления рабочего края, общая форма изделия большой роли не играла. Они изготавливались из любых заготовок, в том числе из осколков и галек. Из пластин делались редкие наконечники стрел, в основном же - режущие орудия. Микропластинки служили вкладышами наконечников и ножей. Большой серией представлены рубящие орудия, главным образом шлифованные топоры и тесла из сланца и кремнистого известняка. Реже встречаются изделия из других пород камня. Оббитые орудия делаются из низкокачественного кремня, малопригодного для других орудий. Это, главным образом, небольшие вставки для муфт, одна из которых была найдена вставленной в паз муфты (рис. 3: 29).

Богат и разнообразен набор изделий из кости и рога, по количеству орудий сопоставимый с каменным инвентарем, а по многообразию форм значительно его превосходящий. Из кости делались многочисленные наконечники стрел разных типов, наконечники копий, дротиков, гарпунов и острог, кинжалы и охотничьи ножи и многие другие орудия, не имеющие аналогов из камня. Разнообразна группа рубящих орудий, включающая роговые топоры, тесла, долота, стамески и муфты со сменными лезвиями.

Орудия из кости и рога вместе с каменными орудиями дают полный комплекс инвентаря, включающий все необходимые инструменты для промысловой и хозяйственно-бытовой деятельности. Как показывают материалы стоянок Сахтыш 9 [4], Малая Ламна 1 [5] и других, такой инвентарь был характерен для памятников бутовской культуры в зоне недостаточной обеспеченности кремнем в первой половине Бореала. Вероятно, этот набор технологических приемов и типов изделий выработался уже во второй половине пребореального периода, возможно, ранее. Основываясь на материалах стоянок Черная 1 [6], Окаёмово 5 [7] и Боровское 18 [8], можно считать, что развитие каменного инвентаря бутовской культуры идет по этому пути и во второй половине Бореала. При этом кремнь наиболее широко используется в западной части региона, а в восточной, где обеспеченность кремнем недостаточна, более широко применяются некремневые породы.

Таким образом, в первой половине бореального периода завершился процесс адаптации населения бутовской культуры к различным условиям обеспеченности каменным сырьем в разных частях Верхнего Поволжья. Была выработана динамичная система, предусматривающая использование всех видов доступного каменного сырья, а также кости и рога для изготовления всех необходимых орудий в достаточном количестве. Такая система позволила населению бутовской культуры успешно развиваться до самого конца мезолита.

Памятники рессетинской культуры пока известны только в западной части Верхнего Поволжья, где кремнь имеется в достаточном количестве. Они датируются первой половиной бореального периода [9]. Сказать что-либо об адаптации населения этой культуры к изменениям в обеспеченности кремневым сырьем пока не представляется возможным, поскольку такие изменения не зафиксированы.

Подводя итоги, можно констатировать, что в мезолите Верхнего Поволжья отмечены две модели адаптации населения к изменению сырьевой базы. Первая представлена иеневской культурой, вторая - бутовской. В первом случае технология обработки камня была изначально ориентирована на большую роль вторичной обработки при изготовлении орудий и использование местного сырья, качество которого не играло существенной роли. Это позволяло населению иеневской культуры сохранять традиционный набор технологических приемов для изготовления орудий традиционных форм, независимо от обеспеченности кремнем мест расселения. Развитие технологии обработки камня на "чистых" памятниках этой культуры почти не прослеживается. Эту модель можно назвать пассивной адаптацией.

Во втором случае технология обработки камня была изначально нацелена на получение максимально стандартизированной заготовки, которая требовала минимальной вторичной обработки. Такая технология предполагает использование качественного сырья. При отсутствии такового в местах расселения оно транспортировалось на значительные расстояния либо происходил переход на местное сырье. В последнем случае отмечаются существенные изменения технологии обработки камня, переход к использованию некремневых пород, широкое применение кости и рога, изготовление составных вкладышевых орудий. Часть режущих орудий и наконечников стрел изготавливалась из высококачественного кремня. Технологические перемены, вызванные изменением сырьевой базы, приводили к определенной качественной и структурной трансформации каменного инвентаря стоянок. В итоге была разработана система наиболее эффективного использования сырьевых ресурсов. Такую модель можно назвать активной адаптацией. Эти изменения происходили достаточно быстро, значительно меняя облик индустрии на ранних стадиях процесса. После его

завершения существенных изменений индустрии, связанных с обеспеченностью сырьем, не отмечается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кольцов Л. В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. Археология СССР. М., 1989.
2. Косорукова-Кандакова Н. В. Мезолитическая стоянка Марьино 4 в бассейне средней Мологи // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. II. Иваново, 1995.
3. Спиридонова Е. А., Алешишская А. С. Периодизация мезолита Волго-Окского междуречья по данным палинологического анализа // Палинология в России. М., 1995.
4. Крайнов Д. А., Лозовский В. М., Костылева Е. Л. Мезолитическая стоянка Сахтыш 9 // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 3. Иваново, 1990.
5. Уткин А. В. Мезолитическая стоянка Малая Ламна 3 в бассейне р. Лух // СА. 1990. № 4.
6. Крайнов А. Е., Лозовский В. М. Мезолитическая стоянка Черная I в Мещере // СА. 1990. № 4.
7. Жилин М. Г. Многослойные торфяниковые поселения на Средней Дубне // Тезисы докладов Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991 - 1995 гг. М., 1996.
8. Жилин М. Г. Мезолитический слой стоянки Боровское 18 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород, 1996.
9. Zhilin M. G. The Western Part of Russia in Final Palaeolithic - Early Mesolithic // L. Larsson (ed.). Earliest Settlement of Scandinavia. Acta Archaeologica Lundensia. 80. Stockholm, 1995.

*Институт археологии РАН,
Москва*

M.G. Zhilin

ADAPTATION OF MESOLITHIC CULTURES OF THE UPPER VOLGA TO LITHIC RAW MATERIALS

Summary

Lithic material, suitable for making tools, was one of the main natural resources for the Mesolithic population. On the Upper Volga flint was mainly used for toolmaking in Mesolithic. This raw material is abundant in the western part of the region and scarce in its eastern part. Three Mesolithic cultures are singled out on the Upper Volga - Ienevo, Butovo and Resseta cultures. The first two are spread in various districts, rich and poor in flint raw material.

Technology of flintworking used by the first culture aimed at producing irregular blades and flakes, which were transformed into tools after intensive secondary trimming. Quality of flint was not important, no serious changes, caused by the quality of the raw material, are observed at homogenous sites of Ienevo culture. Technology of early sites of Butovo culture aimed at production of regular blades, which served as tools after minor secondary treatment. Pressure technique of producing regular blades and microblades is observed, microblades served as inserts in bone arrowheads. Such technology demanded flint of good quality. When it was not available in the neighbourhood of the site, it was either transported from a distance of up to 200km, or local raw material was used, which led to serious changes of lithic industry. By Early Boreal a dynamic system of the most productive utilization of available raw material was worked out by population of Butovo culture. Sites of the Resseta culture are situated in places, abundant in good flint, so no adaptation is observed there.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

М. В. КОЗЛОВСКАЯ

ДРЕВНЕЙШЕЕ НАСЕЛЕНИЕ ЛЕСОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Изучение населения лесной полосы Северной и Восточной Европы эпох мезолита и неолита с точки зрения экологии представляется чрезвычайно плодотворным по нескольким причинам. Во-первых, формирование пояса лесов и их заселение происходили одновременно. Поэтому освоение лесных ландшафтов шло постепенно и механизм адаптации древнейших обитателей лесов к новой экологической нише был принципиально иным, чем при разовой миграции или кратковременном мощном миграционном потоке, как это было при проникновении носителей фатьяновской культуры или при складывании якутского этноса. Во-вторых, мир лесных археологических культур на протяжении всего каменного века, а также более поздних исторических эпох, вплоть до средневековья, проявляет известную "интравертность" по отношению к более южным культурным феноменам. И если общества, сложившиеся в иных экологических условиях, прилагали усилия для освоения все новых и новых земель, то лесные обитатели стабильно существовали в привычных экологических условиях. Уже само по себе это наблюдение свидетельствует о чрезвычайной значимости природного окружения в жизни древних лесных аборигенов. В-третьих, как известно, уклад жизни охотников-рыболовов-собирателей основан на сезонной смене способов добывания и хранения пищи и потому самым непосредственным образом связан с изменением окружающей флоры и фауны. В-четвертых, очень позднее восприятие способов производящего хозяйства наряду с неуклонным ростом общей плотности населения может быть истолковано как свидетельство достаточно хорошего жизнеобеспечения пищевыми и пр. ресурсами в условиях леса.

Приведенные соображения достаточно доказательно свидетельствуют о важнейшей роли "экологического компонента" в изучении лесных культур эпох мезолита и неолита. Следует отметить, что исследования, выполненные известными палеоботаниками Г. Н. Лисициной и Е. А. Спиридоновой, показали значительное влияние динамики климатических и гидрологических условий на распространение памятников лесных мезо-неолитических культур [1; 2]. Археологические исследования Л. В. Кольцова, В. В. Сидорова, А. В. Энговатовой, М. Г. Жилина, А. Н. Сорокина содержат богатую и разнообразную информацию об адаптации к микроландшафтным условиям, новым породам камня для изготовления орудий, сезонным и эпихальным климатическим и гидрологическим изменениям и пр.

Палеоантропологические исследования лесного населения эпох мезолита и неолита традиционно проводились в русле расово-генетической проблематики. Возникновение разнообразных палеоэкологических методов в палеоантропологии позволяет обратиться к материалам из могильников эпох мезолита и неолита с целью реконструкции адаптивных процессов в палеопопуляциях, состояния здоровья, качества жизни, социальной структуры обществ и пр.

Пионерским в этом направлении, вероятно, следует считать исследование В. Н. Федосовой о морфологической изменчивости посткраниального скелета в лесных палеопопуляциях эпохи неолита. Ею высказана гипотеза о связи продольных и широтных размеров длинных костей конечностей с климатическими флуктуациями [3]. Как показали исследования морфологии современных популяций, каждая крупная экологическая ниша характеризуется своеобразными пропорциями тела человека и в том числе конечностей. Оказалось, что размерные и пропорциональные параметры мезо-неолитических обитателей лесов кардинальным образом отличаются от таковых у современных коренных жителей этих районов (вне зависимости от их этнической принадлежности). Уже на основании этих выводов можно судить о существовании в прошлом адаптивного типа, значительно отличающегося от современных аналогов на этих территориях.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ "Историческая экология человека. Методика биологических исследований" (06-96-278)

Один из предлагаемых вариантов реконструкции адаптивных процессов в популяциях эпох мезолита и неолита - изучение климатических условий этих эпох, на основании чего можно предположительно выделить те или иные ведущие формообразующие природные факторы.

С какими собственно "биологическими задачами" сталкивались популяции, адаптированные к условиям холодных перигляциальных тундр? Ответить на этот вопрос можно, используя сведения об антропоэкологических связях. На материале современных аборигенных популяций из разнообразных экологических ниш вычислены коэффициенты корреляции морфологических, физиологических признаков адаптивного происхождения и характеристик окружающей среды [4]. Величины коэффициентов корреляции показывают, что наиболее биологически значимыми факторами природной среды для обитателей умеренных и холодных климатических зон Евразии являются средняя годовая температура и влажность воздуха. Также установлена достаточно тесная связь между рядом морфофизиологических признаков и синтетическим показателем температуры и скорости ветра - индексом Бодмана [5]. Таким образом, на основании сведений об антропоэкологических связях мы можем судить о том, что в пределах мезолита-неолита наиболее изменчивыми были как раз те характеристики окружающей среды, которые наиболее существенно влияют на морфофизиологическое своеобразие популяций.

Назовем биологические особенности, наиболее тесно связанные со среднегодовой температурой и влажностью. Это, прежде всего, показатели общих размеров тела и формы тела: коэффициент корреляции средней годовой температуры и длины тела для мужчин составляет +0,499 и +0,534 для женщин; средней годовой температуры и поперечного диаметра груди -0,478 для мужчин и -0,534 для женщин. Коэффициент корреляции относительной влажности воздуха и длины тела составляет -0,438 для мужчин и -0,301 для женщин; относительной влажности воздуха и поперечного диаметра груди +0,401 для мужчин и +0,603 для женщин. Также связаны с климатическими факторами физиологические показатели. Коэффициент корреляции средней годовой температуры и средней жировой складки составляет -0,672 для мужчин и +0,114 для женщин. Низкий уровень связи для женской части популяций обусловлен преобладающей ролью гормональной регуляции жиросложения у женщин. Коэффициент корреляции относительной влажности воздуха и средней жировой складки у мужчин равен -0,581. Описана реальная связь между средней годовой температурой и уровнем холестерина в крови (-0,451 для мужчин и -0,471 для женщин), интенсивностью обмена (-0,460 для мужчин и -0,735 для женщин). Высоки коэффициенты корреляции для относительной влажности воздуха и интенсивности кислородного обмена.

Становление новой экологической ниши - пояса умеренных и гумидных высокоширотных лесов - проходило параллельно с изменением морфофизиологического статуса местного населения. В первую очередь биологические изменения, по-видимому, касались энергетических показателей, выражающихся как морфологически, так и физиологически. По сравнению с условиями приледниковых ландшафтов условия умеренного климата и лесного ландшафта требовали меньших энергетических затрат.

Известно, что типы телосложения в аборигенных популяциях, которые живут в условиях реального холодового стресса, как правило, более мезоморфны, то есть имеют хорошо развитую мускульную компоненту. Для коренного населения Арктики и Субарктики характерна высокая частота встречаемости мускульного и мускульно-грудного типов телосложения у мужчин и эврипластического типа телосложения у женщин [5]. Отмечено резкое снижение частоты встречаемости менее энергетически выгодных типов (грудной, брюшной, астенический, стенопластический). На основании этого можно сделать следующее предположение: ослабление холодового стресса, постепенное смягчение климатических условий на протяжении практически всего голоцена явились основой для изменения физиологических особенностей населения, для снижения уровня энергозатрат организма, что стало предпосылкой для эпохальной грацилизации. Феномен эпохальной грацилизации, впервые описанный Г.Ф.Дебецом [6], до сих пор не имеет однозначного толкования среди антропологов (см. [7]).

Ряд исследователей связывает грацилизацию с переходом к земледелию и сменой питания с белкового на углеводное [6; 8; 9]. Во флористическом разнообразии лесных ландшафтов нет диких предков культурных растений, а переход на описываемой территории к земледелию был чрезвычайно поздним. Среди мезо-неолитической фауны северных районов восточноевропейских лесов практически отсутствуют дикие прототипы домашних животных (исключая собаку). Поэтому гипотеза о влиянии смены химического состава диеты в данном случае вряд ли приемлема.

Таким образом, есть все основания предположить, что ведущую роль в провоцировании эпохальной грацилизации населения лесной зоны, скорее всего, играла динамика условий окружающей среды.

Эта реконструкция базируется на сопоставлении двух современных адаптивных типов, описанных для аборигенов Арктики и умеренного пояса. Важной особенностью, разделяющей эти два адаптивных типа, является общий уровень биологической изменчивости (морфологической, физиологической). Арктический адаптивный тип характеризуется более узкими рамками изменчивости по сравнению с умеренным. Экстремальные условия Крайнего Севера сильно ограничивают морфофизиологическую изменчивость, ориентируют популяцию на формирование наиболее энергетически выгодных морфологических и физиологических особенностей.

Существование в условиях умеренного температурного режима разнообразия гидрорежимов (атмосферы и ландшафта) создает предпосылки повышения морфологической и физиологической изменчивости, большего биологического разнообразия. Поэтому при описании адаптивных особенностей в популяциях коренного населения умеренных лесов Восточной Европы мы сталкиваемся с проблемой выделения консо-

лидированных морфофизиологических особенностей:

Скорость изменения природных условий в голоцене достаточно велика. В пребореальный период - около одного тысячелетия - происходит исчезновение перигляциального ландшафта и формирование зоны березово-сосновых лесов незначительной сомкнутости. В первом приближении одно тысячелетие соответствует продолжительности жизни примерно пятидесяти поколений. Не используя в данном случае сведения археологии, а ограничиваясь только одним независимым источником, мы можем предположить, что в мезолитическом населении примерно за этот срок происходило формирование новых адаптивных особенностей, связанных с некоторым повышением среднегодовых температур и увеличением влажности.

Бореальный период длился примерно одно тысячелетие - это время формирования лесной зональности, собственно густого леса. Исходные данные нам также позволяют предположить, что в период времени, равный жизни примерно пятидесяти поколений, происходило освоение разнообразных лесных ландшафтов. По-видимому, в это же время появились новые специфически лесные условия, требовавшие своеобразной реакции, - условия труднопроходимого леса, в котором выделяется предпочтительный, если не единственный, способ коммуникации - по воде. Его можно рассматривать как новый фактор, способствовавший изоляции популяций, формированию структуры мелких коллективов, объединению популяций, связанных единой речной системой, и, наоборот, разбедению групп населения по водоразделам.

Атлантический период - примерно три тысячи лет - время расцвета разнообразных зональных и региональных вариантов лесных ландшафтов. На протяжении этого самого продолжительного периода популяции коренного населения, видимо, не сталкивались с принципиально новыми условиями и необходимостью адаптации к ним, хотя имели место постоянные смены ландшафтов, связанные не столько с температурными колебаниями атлантического периода, сколько с трансгрессионно-регрессионной активностью Балтики. Это время содержит природные предпосылки для формирования наибольшего биологического полиморфизма населения лесной зоны, причем в формировании этого разнообразия наиболее значительную роль играют факторы локальной изменчивости.

На основании оценки адаптивной роли изменений древней окружающей среды в верхнем плейстоцене - среднем голоцене, соответствующем историческим эпохам мезолита и неолита, можно предполагать различия в направленности процессов биологической изменчивости. Изложенные палеогеографические сведения общего порядка позволяют предположительно выделить следующие стадии формирования биологической изменчивости:

а) формирование биологической изменчивости под определяющим воздействием изменения температурного режима и влажности, освоения новых ландшафтов, перехода к более разнообразному пищевому рациону;

б) формирование биологической изменчивости с возрастающей ролью генетических факторов (изоляции, генетико-автоматических процессов), а также создание большего биологического разнообразия (в том числе адаптивного), что скорее всего соотносится с периодами позднего мезолита и всего неолита в целом.

К таким предположениям мы приходим на основании переноса известных механизмов формирования адаптивной морфофизиологической изменчивости в современных популяциях на древние популяции. Насколько это правомерно, покажет сопоставление полученных предположений с выводами, сделанными на основании описания палеоантропологических материалов.

В нашем распоряжении, к сожалению, нет скелетных остатков из памятников раннего и среднего мезолита. Оба крупнейшие и известнейшие могильника: Южный Олений Остров и Звейниекы - информируют нас о позднемезолитическом населении и о более поздних эпохах. Подробное и разностороннее описание и изучение антропологических материалов Оленеостровского могильника [10] позволяет составить самые общие представления о морфофункциональной специфике этого древнего населения. Прежде всего, следует отметить высокий рост этих людей: 1726 мм у мужчин и 1662 мм у женщин. Средняя длина тела мезолитических людей, рассчитанная по обширным материалам с территории России, Украины, Греции, Израиля, Ирака и Нубии, составляет 1725 мм у мужчин и 1597 мм у женщин [11]. Сам по себе феномен высокорослости на этой территории не находит аналогов среди современного населения. Более того, если мы обратимся к рассмотрению пропорций конечностей, то обнаружим, что это были абсолютно и относительно длинноногие и длиннорукие люди. Такие пропорции встречаются у современных аборигенов тропиков. Однако сходные пропорции ноги и руки были обнаружены и у верхнепалеолитических людей [12]. Правда, верхнепалеолитические охотники также обладали чрезвычайно крупными размерами грудной клетки, широкими плечами, большой массой тела, что хорошо согласуется с представлениями о векторах адаптивной изменчивости в условиях постоянного холодового стресса [13]. Умеренно развитый костный рельеф и умеренные продольные размеры ключиц у людей из Оленеостровского могильника не дают оснований для реконструкции массивного телосложения, встречающегося у людей верхнего палеолита. Вероятно, в этом проявляется адаптивная реакция на изменение климатических условий (снятие сильного холодового стресса). Каково же происхождение "тропических" пропорций конечностей оленеостровцев? Если сравнивать аналогичные пропорции конечностей у оленеостровцев и у людей эпохи мезолита с территории современной Украины, то нетрудно заметить, что они очень сходны. Таким образом, сходство пропорций конечностей у людей, живущих в очень отличающихся природных условиях и не связанных близкими родственными отношениями друг с другом, вероятно может объясняться известным единством образа жизни. Все мезолитические населенники рассматриваемой территории были охотниками-рыболовами-собираателями. Подвижный образ жизни, суровые условия, требующие большой физической выносливости, способствуют отбору именно такого

типа телосложения. Это наблюдение позволяет предполагать больший адаптивный вес влияния образа жизни, а не собственно условий природного окружения на морфофизиологическое своеобразие мезолитического лесного жителя. Это предположение кажется, на первый взгляд, достаточно парадоксальным, ведь именно в этих обществах неоспоримо приоритетное влияние природы на человека. Однако, вероятно, способы социальной адаптации оказываются намного успешнее, чем только биологической, поэтому наиболее важными становятся требования, предъявляемые образом жизни охотников-рыболовов-собирателей, а не среднегодовые температуры и влажность воздуха. Логически связано с этим предположением мнение о том, что тот огромный полиморфизм адаптивной изменчивости, который мы наблюдаем в современных аборигенных популяциях, - феномен относительно недавней биологической истории человечества, развитие которого стало возможным только на базе принципиального повышения уровня жизни, обеспеченного достижением производящего хозяйства.

Для того чтобы оценить уровень жизни популяций эпохи мезолита, обратимся к палеодемографическим данным. Очевидно, что продолжительность жизни в человеческих коллективах зависит от общего ее благополучия. В. П. Алексеев [14] в своей сводке по палеодемографии эпохи мезолита приводит следующие данные о средней продолжительности жизни : Васильевка I - 42,3 года для мужчин и 40,0 для женщин; Васильевка III - 36,3 для мужчин и 44,3 для женщин; Волошское - 44,2 для мужчин и 41,7 для женщин; Южный Олений остров - 42,4 для мужчин и 36,9 для женщин. В целом, продолжительность жизни в указанных мезолитических популяциях свидетельствует о достаточном благополучии и высоком уровне жизни населения этой отдаленной эпохи. Более того, продолжительность жизни охотников-собирателей-рыболовов мезолита значительно выше, чем в неолитических популяциях этих же территорий.

Некоторую добавочную информацию могут внести данные о характере питания мезолитического населения. Мне бы хотелось здесь привести сведения, полученные лишь при помощи химического анализа костной ткани, так как этот метод позволяет судить непосредственно о питании каждого индивидуума, а не использовать различные косвенные свидетельства. Реконструкция типа питания населения, оставившего могильники Кунда, Нарва, Люмменула, Скатехолм (побережье и острова Балтийского моря), выполненная на основании микроэлементного и изотопного анализа [15], показала:

- 1) отсутствие следов пищевой недостаточности;
- 2) высокую насыщенность пищи животными белками различного происхождения (наземные и морские позвоночные, моллюски, членистоногие);
- 3) существование различных традиций в питании мужчин и женщин. Мужчины в большей мере употребляли в пищу охотничью добычу, а женщины - все то, что приносит собирательство (в том числе и зоособирательство);
- 4) отсутствие универсальной структуры питания. Каждый коллектив имел собственный набор источников питания, который определялся локальными особенностями местоположения поселения, флоры и фауны.

Как следует из приведенных выше данных различных независимых источников изучения биологического своеобразия мезолитического населения, оно было достаточно успешно адаптировано к среде обитания при помощи социальных и биологических механизмов.

Последующая неолитическая эпоха в экологическом отношении характеризовалась, прежде всего, наступлением температурного оптимума голоцена в атлантическом периоде. Увеличение среднегодовых температур, повышение влажности способствовали расширению территорий, занятых лесами сплошной сомкнутости. Как следует из археологических данных, формирование неолитических культур происходило на базе мезолитических культур лесной полосы. Интенсивные процессы взаимовлияния локальных вариантов археологических культур, объединение их в обширные культурные общности типа населения с традициями ямочно-гребенчатой керамики или волосовского свидетельствуют о мелкодисперсной популяционной структуре, с одной стороны, и о наличии постоянного общения мелких групп населения, с другой.

Рассмотрим некоторые черты биологической адаптации у населения неолитических популяций. Прежде всего следует отметить, что морфологически особенности посткраниального скелета в лесных палеопопуляциях эпохи мезолита и неолита во многом совпадают. Однако наблюдается общая тенденция к уменьшению массивности скелета и к изменению пропорций конечностей. Нога, особенно за счет большеберцовой кости, становится относительно более короткой [3]. Таким образом, наблюдается приближение к пропорциям тела представителя современного лесного населения. Особенно четко это прослеживается на материалах позднеолитических - волосовских (Сахтыш IIa). Существуют некоторые биологические признаки, анализ которых позволяет пролить свет на причину этих эпохальных изменений. На материалах многослойного могильника Сахтыш IIa удалось проследить изменение массивности длинных костей конечностей в период существования льяловского и волосовского населения [16]. В целом, внутренняя массивность костей конечностей льяловцев и волосовцев выше, чем у средневекового населения. Реконструкция степени физических нагрузок показала, что основная нагрузка приходилась на руку, а на ногу следов рабочей гипертрофии не обнаруживается [17]. Выражена тенденция к снижению внутренней массивности скелета у более поздних обитателей. У женщин эта тенденция представлена в более яркой форме. Возможно, указанные изменения связаны не только с уменьшением физических нагрузок (что представляется более объяснимым), но и со сменой населения. Краниологические исследования, проведенные Т. И. Алексеевой [13], показали, что волосовское и льяловское населения различны по происхождению. Высокая локальная изменчивость продольных и широтных размеров длинных костей конечностей в пределах всего неолита на территории лесной зоны в настоящее время не находит единого истолкования. В. Н. Федосова [3] придерживается

гипотезы определяющего влияния климатических флуктуаций атлантического и суббореального периодов. Различный генезис неолитических популяций также не следует исключать из причин, влияющих на своеобразие посткраниального скелета.

Описывая самые общие особенности морфологической изменчивости посткраниального скелета лесного населения эпохи неолита, следует отметить два момента:

1. Изменение пропорций конечностей, приближающее древнее население к современному адаптивному типу лесных популяций.

2. Формирование высокой локальной изменчивости в пределах лесной зоны.

О значительных изменениях в образе жизни неолитического населения (на примере палеопопуляции из Сахтыша Па) по сравнению с мезолитическим свидетельствует и изменение демографической структуры палеопопуляций. Средняя продолжительность жизни носителей льяловских традиций составляет 32,5 года (в основном - женские скелеты), ранних волосовцев - 32,0 года у женщин и 34,4 года у мужчин, поздних волосовцев - 34,9 года у женщин и 37,0 лет у мужчин. Во всех указанных случаях наблюдается и высокий уровень рождаемости [18]. Таким образом, к финалу эпохи неолита начинают появляться палеопопуляции с новой, нетипичной для более ранних времен демографической структурой. Увеличение рождаемости, отмеченное для волосовской палеопопуляции, соотносится с большей частотой встречаемости памятников этой культуры, особенно поздних ее этапов, по сравнению с льяловскими поселениями и могильниками.

Укрупнение размеров палеопопуляций, увеличение рождаемости - четкие индикаторы изменения образа жизни. Такие демографические показатели, как увеличение процента женских погребений, рост рождаемости, соотносятся с более оседлым хозяйством. Охота на крупных лесных млекопитающих не совместима с оседлой жизнью крупных коллективов. Вернее, осуществляется их частью - группами мужчин-охотников. Рыбная ловля же способна обеспечить достаточным количеством пищи крупную оседлую группу населения. Ведущая роль именно рыболовства в комплексном хозяйстве волосовцев отмечалась и ранее [19].

Реконструкция типа питания населения, оставившего многослойный могильник Сахтыша Па, показала, что носители льяловских традиций добывали себе пищу охотой, зоособирательством, фитособирательством, рыбной ловлей. Сменившие их волосовцы в гораздо большей степени использовали рыбную ловлю. Различия в химическом составе костной ткани мужчин и женщин всех волосовских этапов существования памятника, а особенно позднего, позволяют заключить, что мужчины чаще дополняли свой рацион мясом, добытым на охоте, а женщины больше питались рыбой.

Сопоставление различных независимых систем биологических признаков доказательно свидетельствует в пользу очень важных изменений в образе жизни неолитического населения. Оставаясь и совершенствуясь в пределах присваивающего типа хозяйства, неолитическое население изменило пространственную схему расселения, структуру экономического уклада и пр. Некоторые поздненеолитические - энеолитические популяции волосовской культуры, днепро-донецкой культуры по своей демографической структуре приближаются к оседлым земледельческим палеопопуляциям, отличительной чертой которых является снижение продолжительности жизни и увеличение рождаемости.

Исходным тезисом данной статьи было признание важнейшей роли природных факторов в заселении и освоении лесных ландшафтов мезолитическим населением. Беглый анализ адаптивных особенностей в палеопопуляциях показал, что человек прошел через несколько этапов в освоении лесной зоны.

1. Первичное заселение лесных ландшафтов местными финально-палеолитическими группами и мигрантами с юго-западных земель. Этот этап не представлен антропологическими материалами, и об экологических особенностях этого населения мы можем иметь только модельные представления.

2. Освоение лесов и формирование образа жизни подвижных охотников-собирателей-рыболовов. На этом этапе мы можем наблюдать как адаптивные биологические реакции на снижение холодового стресса, так и мощные социальные адаптации (проявляющиеся в биологической специфике человека) к новому образу жизни. Следует признать, что в ряде популяций уровень жизни достаточно высок, что говорит об успешности и биологической адаптации, и избранной экономической стратегии.

3. Наиболее полное использование демографической емкости лесных ландшафтов, изменение основной направленности в добыче пищи с целью обеспечения существования более крупных коллективов. Начало формирования морфологических адаптивных черт, сближающих древнее и современное население. Снижение интенсивности физических нагрузок (особенно для женской части общества). Изменение демографической структуры палеопопуляции (повышение рождаемости, снижение продолжительности жизни).

Предложенный обзор основных направлений адаптивной изменчивости древнейших обитателей лесов северо-восточной Европы во многом предварителен и гипотетичен. Только систематическое исследование всех антропологических материалов с использованием как можно более широкого спектра методических приемов позволят нам в будущем реконструировать пути и особенности становления образа жизни охотников-собирателей-рыболовов. Несомненно одно: адресуясь к истории даже столь древних обществ людей, мы наблюдаем органическую и неразделимую связь биологических и социальных адаптаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лисицина Г. Н. Вопросы палеогеографии неолита районов Северо-Запада Европейской части СССР // Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.; Л., 1961.

2. Спиридонова Е. А., Алевинская А. С. Особенности формирования структуры растительного покрова Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
3. Федосова В. Н. Территориальная и эпохальная изменчивость длинных костей (по материалам неолитических серий лесной полосы Восточной Европы // Вопросы антропологии. Вып. 83. М., 1989.
4. Чикишева Т. А. Изучение связи антропологических особенностей населения с экологическими факторами (на примере Алтая-Саянского нагорья): Автореф. дисс. ...канд. биол. наук. М., 1982.
5. Алексеева Т. И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986.
6. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948.
7. Медникова М. Б. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М., 1995.
8. Алексеев В. П. География человеческих рас. М., 1974.
9. Козинцев А. Г. Экология ранних земледельцев // Ранние земледельцы. М., 1980.
10. Якимов В. П. Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове // Сб. Музея антропологии и этнографии. Вып. XIX. М.; Л., 1960.
11. Angel J. L. Health as a Crucial Factor in the Changes from Hunting to developed Farming in the Eastern Mediterranean // Paleopathology at the Origin of Agriculture., by M. N. Cohen and G. J. Armelagos eds., Arlando, 1984.
12. Хрисанфова Е. Н. Посткраниальный скелет взрослого мужчины Сунгирь I // Сунгирь. Антропологические исследования. М., 1984.
13. Алексеева Т. И. Географическая среда и биология человека. М., 1977.
14. Алексеев В. П. Очерки экологии человека. М., 1993.
15. Liden K. Prehistori diet transition. Stockholm, 1995.
16. Козловская М. В. Палеоэкологические аспекты исследования антропологических материалов могильника Сахтыш Па // Неолитическое население лесной полосы Восточной Европы. Палеоантропология Сахтышских стоянок. М., 1997.
17. Федосова В. Н. Морфологическая характеристика костей конечностей неолитического населения памятника Сахтыш Па // Неолитическое население лесной полосы Восточной Европы. Палеоантропология Сахтышских стоянок. М., 1997.
18. Сурмина Т. С. Могильники днепро-донецкой неолитической культуры и их историческое место // Антропологический сборник. III. М.; Л., 1961.
19. Крайнов Д. А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.

*Институт археологии РАН,
Москва*

M.V.Kozlovskaya

ANCIENT POPULATION OF THE EASTERN EUROPE FOREST ZONE: SOME ASPECTS OF THE PALEOECOLOGICAL INVESTIGATION

Summary

Some aspects of the procedures of bioarchaeological reconstruction are considered in the article. As the base for the paleoecological investigation anthropological materials are used. Adaptability potential of the modern population is analysed for reconstruction of the morphological and physiological features of the ancient (mesolithic and neolithic) man. The comparative analysis of palaeodemographic, palaeonutritional and morphological parameters valid for different groups of palaeopopulation (Yuzhny Oleny Ostrov, Zvejnieki, Vasiljevka I-III, Sakhtysh, Protoka etc.) is used for reconstruction of the main directions of the adaptation process.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

К.В. Воронин

ОТ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ К КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ (к вопросу о взаимодействии культурных традиций бронзового века в Волго-Окском бассейне)

Если взглянуть на древности Волго-Окского края II тысячелетия до н.э., первое, что бросается в глаза, - это количество и разнообразие археологических культур, с которыми они связаны. Действительно, все предыдущее третье тысячелетие в целом характеризовалось доминантой одной, волосовской, культуры. Последующее первое тысячелетие - время культур с текстильной и штрихованной керамикой. Более того, упомянутые культуры третьего и первого тысячелетий являлись местными, тогда как истоки четырех из семи культур эпохи бронзы Волго-Окского междуречья лежат за пределами рассматриваемого региона, а как минимум одна культура (чирковская) является субстратной.

Поликультурность - характерная черта Волго-Очья в бронзовом веке. Даже критерием обособления этого периода от позднелинитической эпохи для большинства исследователей прежде всего является распространение древностей, связанных с кругом культур боевых топоров и шнуровой керамики на рубеже III-II тысячелетий до н.э.. Появление в бассейне Оки и Волги археологических комплексов фатьяновско-балановской и среднеднепровской культур, их сосуществование с памятниками аборигенного населения края способствовало возникновению в регионе сложной этнокультурной ситуации, которая в связи с последующим появлением в Волго-Очье археологических комплексов с элементами лесостепных культур сохранялась в течение значительного временного отрезка - порядка полутысячелетия.

Для определения тенденций развития этнокультурной ситуации в Волго-Окском междуречье и на прилегающих территориях основным оказывается вопрос относительной хронологии культур бронзового века Волго-Очья и их территориального соотношения, а также вопросы межкультурного взаимодействия. В рамках этой работы будут упомянуты фатьяновско-балановская, среднеднепровская, волосовская (поздний этап существования), шагарская, чирковская, поздняяковская культуры и культура сетчатой (текстильной) керамики. Мнение исследователей об их хронологических рамках основано на перекрестном датировании по артефактам, находящим аналоги в материалах территориально близких и более удаленных культур с хорошо разработанной хронологической шкалой; сведениях о межкультурных контактах, закрепленных в археологическом материале, позволяющих синхронизировать две или несколько археологических культур; и на результатах датирования комплексов разных культур по методам естественных наук.

Волосовские древности на финальном этапе своего существования, сопровождаемые в основном плоскодонной керамикой, орнаментированной по всей поверхности ямчатыми и зубчатыми орнаментальными композициями, относятся к кон. III - 1-ой четв. II тыс. до н.э. Подобное мнение высказывается в работах Д.А. Крайнова, Е.Л. Костылевой, А.В. Уткина, В.В. Никитина (1, с.34,39; 2, с.69). Эти материалы встречены во всем ареале Волго-Окского бассейна, исключая Мещеру, от Верхнего (стоянки Сахтыш I,II) до Среднего Поволжья (стоянки Ахмылово 2, Уржумка, Удельный Шумец 7) и частично датированы радиоуглеродным методом. Последнее относится к поздневолосовским материалам со стоянок Сахтыш I (2110±60 г. до н.э.) [1, с. 34], Сахтыш II (2240±50, 1950±40, 1870±40 гг. до н.э.) [1, с.39], Удельный Шумец 7 (1710±30 г. до н.э.) [2, с.69].

Памятники фатьяновско-балановской культуры в целом связаны с 1-ой четв. II тыс. до н.э. Так, Д.А. Крайнов отмечает, что фатьяновские вещи на поселениях встречаются только в поздневолосовских слоях, датированных гранью III-II и нач. II тыс. до н.э. [3, с.71].

Правда, для балановских древностей средней Волги О.Н. Бадер и А.Х.Халиков предлагают более широкую хронологию. Выделенные исследователями для бассейна Среднего Поволжья балановский и атликасинский этапы развития культуры по их мнению датируются 1-ой пол. II тыс. до н.э. и XV-XIV вв. до н.э. [4, с.76]. Но эта довольно широкая датировка не соотносится как радиоуглеродной дате Волосово-Даниловского могильника, в котором присутствовали комплексы, близкие к балановским и атликасинским

погребениям Балановского могильника (1650±80 гг. до н.э.) [3, с. 71], так и логике исторической судьбы фатьяновско-балановской культуры, ставшей одной из основ для формирования чирковской культуры, сложившейся и существовавшей в “допоздняковское” время. На поселении Воймежное I в Северной Мещере фатьяновская керамика, орнаментированная балановским зигзагом или штрихованными ромбами, залегает в слоях, относящихся по данным палинологии к периоду Суббореал 2, т.е. к рубежу III-II тыс. до н.э. Еще одна дата по С-14, относящая существование фатьяновско-балановской культуры к I-ой четв. II тыс. до н.э. происходит из Тургиновского могильника (1780±130 гг. до н.э.) [3, с. 71]. Фатьяновско-балановские памятники известны по всему Волго-Очю, исключая северные районы междуречья и область центральной Мещеры и Средней Оки. Они представлены как могильниками, наиболее крупные из которых Волосово-Даниловский, Балановский, Вауловский и др. [5; 6, с. 18-26], так и поселениями. В центральных областях междуречья поселения представлены находками фатьяновско-балановских вещей в верхних слоях стоянок (Дикариха, Ватутинская, Рождественский Остров, Польцо, Воймежное I) [7, с. 208; 6, с. 31; 8, с. 66-76]. На средней Волге часть фатьяновско-балановских поселений - это мысовые поселки с выраженной планиграфией и остатками сооружений (Галанкина Гора, Васильсурское) [9, с. 39-47]. Поселения, в жилых комплексах которых совместно встречены фатьяновско-балановские и поздневолосовские материалы, будучи в своей основе волосовскими поселками, как правило расположены на дюнах (пос. Ахмыловское 2, Нижняя Стрелка 4) [10, с. 41-88; 11, с. 39-64].

Материалы, связанные со среднеднепровской культурой, происходят из западных областей Волго-Очья. В основном это погребальные комплексы с высокошейными сосудами, амфорами, орнаментированными шнуровыми орнаментами или нарезными и штампованными композициями из совмещенных треугольников. Из инвентаря, столь же характерного для среднеднепровских древностей, в части этих комплексов встречены молоточковидные булавки. Погребения, в состав которых входят упомянутые находки, происходят из Ханевского, Кузьминского, Протасовского и Олочинского могильников [12, с. 143-155; 13, с. 5-30, 39-40; 14, с. 14-27; 15, с. 10-36, 46]. Исходя из того, что в ряде случаев (Ханевский, Протасовский могильники) погребения с инвентарем, характерным для среднеднепровской культуры, происходят из некрополей, часть комплексов которых типично фатьяновско-балановская, первые также следует относить к I-ой четв. II тыс. до н.э.

Мещера и бассейн средней Оки - ареал распространения шагарских древностей. Керамика, профилированная и котловидная, специфичная по обработке поверхности, орнаменты которой частью являются реминисценциями традиций волососовской и северобелорусской культур, а некоторые формы очень близки к энеолитической посуде лесостепного Подонья, является визитной карточкой шагарских поселенческих (Черная Гора, Ибердус 3, Подборновская, Воймежное и др.) и погребальных комплексов (Шагарский могильник, погребения 2 группы; стоянка Большой Лес, погребение; могильник Фефелов Бор, погребения 35, 47) [16, с. 147-159; 17, с. 191]. Основные исследователи шагарских памятников Б.А. Фоломеев и Е.Д. Каверзнева связывают их существование с кон. III - нач. II тыс. до н.э. Справедливыми основаниями для подобного мнения являются керамические аналогии с посудой из комплексов 3 группы погребений Ивановобугорского могильника [18, с. 64-69], находка в погребении 8 Шагарского могильника янтарной пуговицы с V-образным отверстием и радиоуглеродная дата, полученная для одного из погребений второй группы Шагарского могильника, - 1760±40 гг. до н.э. [16, с. 157].

Основная масса абашевских древностей, связанных с ойкуменой Волго-Окского края, происходит из ее юго-восточных районов и связана с бассейном средней Волги [19, с. 128-129]. В центральной части Волго-Окского междуречья и в бассейне средней Оки абашевские материалы многочисленны и главным образом представлены несколькими курганными могильниками (Кухмарь, Петриха, Земское) [20, с. 147-160; 21, с. 668; 19, с. 126-127]. В слоях поселений фрагменты сосудов, которые по форме или орнаментам можно достоверно связать с абашевской культурой, встречены в двух случаях - на стоянке Подборница-Щербининская (вместе с бронзовой бляшкой-розеткой) [22, с. 183-184] и Липовка I [23]. Причем в последнем случае фрагмент абашевского сосуда с мелкозубчатым орнаментом из вытянутых треугольников встречен на участке памятника, где планиграфически доминировала чирковская керамика и, вероятно, входил в один комплекс с последней. Исследователи абашевских древностей центральной части Волго-Окского междуречья Д.А. Крайнов и А.В. Уткин высказывают мнение, что по деталям погребального обряда эти материалы наиболее близки к абашевским памятникам средней Волги, особенно левобережья Республики Марий Эл. Появление абашевских памятников в Волго-Окском междуречье объясняется миграциями групп абашевского населения из упомянутых районов [20, с. 150-151]. В настоящее время абашевские древности Среднего Поволжья в целом датируются досейминским и сейминским временем, т.е. XVIII-XVI вв. до н.э. [24, с. 160-169].

Отличительной чертой чирковских материалов является их повсеместное присутствие на памятниках практически всей территории Волго-Окского бассейна в сочетании с незначительным количеством чирковских находок в слоях отдельно взятого поселения. Территориальными исключениями из ареала распространения древностей чирковской культуры являются районы центральной Мещеры и северные области междуречья. В целом, когда речь идет о последних, в основном подразумевается керамика, обобщенными отличительными чертами которой являются профилированность сосудов и фатьяноидность некоторых керамических форм, орнаментация посуды геометрическим рисунком с узким зопальным регистром, выполняемая мелкозубчатым штампом, периодическое присутствие в орнаментальных схемах стилизованных изображений птиц, рыб и змей, преобладание керамических масс с большой примесью органики. Как было сказано выше, крупных комплексов с чирковской керамикой в центральных областях

Волго-Окского междуречья не известно. Серии фрагментов чирковской посуды происходят с поселений Станок и Борань [25, с. 85-204], стоянок Сахтыш I [26, с.133], Сулоть (материалы В.В. Сидорова) и др. Редкостным чистым комплексом, состоящим из фрагментов нескольких чирковских сосудов, треугольно-черешковых наконечников стрел, листовидных наконечников дротиков и кремневого дебетажа, локализованных вокруг открытого очага, является стоянка Липовка 2 на оз. Неро [27]. Как связанное с чирковской культурой, по мнению автора этой работы, следует рассматривать детское погребение со стоянки Сахтыш I, опубликованное А.В. Уткиным [28, с.3-6]. Крупные чирковские поселения со значительными сериями материала, постройками и четко выраженной планиграфией (Юринское, Удельный Шумец 7 и др.) расположены на средней Волге [29, с.95-101; 30, с.79-101]. В связи с находками смешанных керамических форм, сходных с чирковской посудой, в составе совместных фатьяновско-балановско-поздневолосявских поселенческих комплексов в свое время был поставлен вопрос о генезисе чирковской культуры, в настоящее время детально разработанный Б.С. Соловьевым [31, с.46-83]. Рассматривая чирковскую культуру как результат (или один из результатов) смешения фатьяновско-балановской и поздневолосявской культур, время существования которых ограничивается 1-ой четв. II тыс. до н.э., ее хронологические рамки к настоящему времени следует определять 2-ой четв. II тыс. до н.э. при ограничении их допоздняковским временем, т.к. на некоторых поселениях (Липовка I) чирковские материалы в переработанном виде присутствуют в слоях с комплексами сетчатой керамики 2-ой пол. II тыс. до н.э., одновременными материалам поздняковской культуры.

Культура сетчатой керамики представлена значительным количеством поселенческих комплексов, встреченных по всему Волго-Окскому междуречью и за его пределами. Выявленные погребальные памятники этой культуры немногочисленны, отделены друг от друга большими расстояниями и в основном (исключение могильник Ловцы) относятся ко 2-ой пол. II тыс. до н.э. Это могильники Дикариха, Ловцы, Березовый Рог и Маклашаевский [7, с. 204-236; 32; 33, с.27;34, с. 38-39]. По мнению автора данной статьи, древности, связанные с культурой сетчатой керамики, следует относить к двум хронологическим этапам [35]. Материалы 1-ой пол. II тыс. до н.э. (примерно до XVI в. до н.э.) встречены на территориях Восточной Прибалтики, Валдая, Верхнего Поволжья и Мещеры. Все ранние комплексы с сетчатой керамикой характеризуются сохранением традиций лесного неолита как в орудийном инвентаре, так и в деталях форм и орнаментов глиняной посуды. По характеру неолитической основы ранние комплексы культуры с сетчатой керамикой предварительно разделяются на две группы: комплексы с пористой сетчатой керамикой восточноприбалтийского типа и комплексы с ранней сетчатой керамикой с ямчато-зубчатой орнаментацией. И те, и другие представлены на памятниках Волго-Окского бассейна (Стан 1, Сулоть, Шагара 5 и др. - пористая керамика [36, с. 319-335; 37; 33, с.26; 38, с.22], ст. Ловцы, Песочное, Юхоть, Сулоть и др. - вторая группа керамики [32; 39, с.68-72; 37]. Пористую сетчатую керамику корректно датировать 1-ой - нач. 2-ой четв. II тыс. до н.э. на основании радиоуглеродных дат аналогичных материалов с памятников Восточной Прибалтики (материалы И.А.Лозе) [40, с.121] и бассейна средней Оки (стоянка Шагара 5 - материалы и разработки Б.А. Фоломеева и Л.Д. Сулержицкого) [33, с.26,32]. Ранняя сетчатая керамика с ямчато-зубчатой орнаментацией отнесена ко 2-ой четв. II тыс. до н.э., в частности по находке форм метисной посуды с элементами керамической традиции ранней ямчато-зубчатой сетчатой керамики и традиции гончарства чирковской культуры (стоянка Варос - материалы раскопок В.В. Сидорова [41, с.23-25]. Комплексы с сетчатой керамикой 2-ой пол. II тыс. до н.э., в отличие от материалов ранней группы, по своему облику сходны во всем ареале распространения культуры и обладают орудийными наборами, состав которых очень близок орудийным наборам сопредельной поздняковской культуры. По своей морфологии сходны с поздняковскими и некоторые образцы глиняной посуды (речь идет прежде всего о горшковидных формах). Характерные памятники с сетчатой керамикой этого времени - Ватажка, Липовка I, Плещеево 3, Дикариха, Гришинский исток 3, Мольбище и др. [25, с. 146-161;23; 42, с.77-82; 7, с. 204-226; 43; 44, с.89-99]. Радиоуглеродные даты, связанные с культурой сетчатой керамики 2-ой пол. II тыс. до н.э., происходят с Сахтыша II (1330±40 гг. до н.э.) [1, с.40] и среднеокских памятников: Гришинский Исток (6 дат, разрыв от 1170±80 гг. до н.э. до 920±240 гг. до н.э.) [33, с.33], Березовый Рог (1270±50 гг. до н.э., 910±100 гг. до н.э.) [33, с.33].

Ареалом распространения памятников поздняковской культуры является бассейн средней Оки. На этой территории поздняковская культура в равной степени представлена и поселенческими, и погребальными (курганными и грунтовыми) комплексами. Временем бытования культуры определяется 2-ая пол. II тыс. до н.э. Согласно разработкам Т.Б. Поповой, ранний этап культуры датируется XV-XIV вв. до н.э., развитой - XIV-XIII вв. до н.э., а поздний - кон. II тыс. до н.э. [45, с.135]. Основанием для этой хронологической классификации явился критерий изменчивости комплексов поздняковской культуры, в составе которых постепенно уменьшается количество изделий, характерных для срубной культуры, и увеличивается количество керамики с сетчатой орнаментацией. Напомню, что по Т.Б. Поповой памятниками раннего этапа культуры являются Мало-Окуловский и Битюговский могильники, поселения Алкановское, Поздняковское, Велетьминское, Логиновское и др.; памятники среднего этапа - могильники Борисоглебовский, Засеченский, Коренец 2 и др.; Подборновское поселение. Черногорский, Младший Волосовский могильники и Ефановская, Харинская стоянки относятся к позднему этапу развития культуры [45, с.135]. Интересные выводы о времени существования поздняковской культуры сделаны Б.А. Фоломеевым и Л.Д. Сулержицким, в последние годы проводящими обстоятельную работу по радиоуглеродному датированию памятников эпохи бронзы бассейна средней Оки. Исследователи указывают, что все радиоуглеродные даты из комплексов поздняковской

культуры (за исключением погребения I Засеченской курганной группы, которая представляется заниженной) укладываются в интервале XVI- XIII вв. до н.э. (временной интервал мной приведен по некалиброванным датам - К.В.), и что примечательно отсутствуют данные о существовании поздняяковских памятников позднее XIII в. до н.э. [46, с.45].

Не вдаваясь в детальный разбор истоков поздняяковской культуры и ее финала, отмечу, что большинство исследователей видят в качестве предковых для поздняяковских древностей традиции срубной культуры, несомненно трансформированные. А исчезновение поздняяковских памятников связывается с распространением комплексов с сетчатой керамикой.

Во вступлении к работе была отмечена важность случаев межкультурных контактов для проведения этнокультурной характеристики региона. При разнообразии археологических культур, распространенных на территории Волго-Очья, с течением времени в разных областях междуречья и в различных формах неоднократно возникали благоприятные условия для процессов межкультурного взаимодействия, смешения разнокультурных традиций, связанных с явлением социальной адаптации среди носителей разных культур и зарождением тенденций к формированию единого интегрированного культурного пространства внутри Волго-Окского междуречья. Археологическое отражение этих процессов - возникновение поселенческих и погребальных комплексов, в составе которых сочетаются предметы, как правило - керамика, различные по культурной атрибутике, в частности метисные керамические формы, связанные с традициями гончарства разных культур. Наибольшее разнообразие форм межкультурных контактов связано с I-ой пол. II тыс. до н.э., что объясняется инновационными вливаниями на территорию Волго-Окского междуречья, происходившими из традиционных областей распространения культур бронзового века лесостепной полосы.

Для фатьяновско-балановского времени, т.е. I-ой четв. II тыс. до н.э., погребальные комплексы с чертами разных культур в инвентаре и обрядности выявлены в западных областях Волго - Очья: это фатьяновско-балановско - среднеднепровские некрополи (Ханевский, Протасовский, Кузьминский). Компактное размещение этих памятников в западной области междуречья, примыкающей к бассейну верхнего Днепра, позволяет рассматривать их как расположенные в контактной зоне на границах фатьяновско-балановской и среднеднепровской культур. Отсутствие подобных могильников в глубине ареалов фатьяновско-балановской или среднеднепровской культуры говорит о территориальной и хронологической устойчивости границ между областями распространения традиций обеих культур, и свидетельствует о маловероятности миграции носителей фатьяновско-балановской культуры с запада лесной зоны.

В это же время поселенческие комплексы с элементами разных культур возникают в районе нижней Оки - средней Волги и в среднем Поочье, т.е. в южной части Волго-Окского междуречья. В первом случае речь идет о жилых комплексах с совместными находками поздневолосовской и фатьяновско-балановской керамики, а также метисных керамических форм с чертами керамических традиций фатьяновско-балановской и волосовской культур (поселения Галанкина Гора, Васильсурское, Нижняя Стрелка 4 и др.) [9, с.41-44; 47, с. 245-246; 11, с.47]. Во втором - о сериях фатьяновско-балановских и шагарских керамических материалов и небольшом количестве гибридной керамики с чертами обеих культур из построек (стоянка Воймежное I) и слоев периода ранней бронзы поселений Мещеры (Воймежное I, Беломутово, Муратовское). В противоположность контактам между носителями фатьяновско-балановской и шагарской культур в Мещере взаимодействие фатьяновско-балановских и волосовских культурных традиций на средней Волге было более глубоким и многоплановым и привело к возникновению чирковской культуры, существование которой связано со 2-ой четв. II тыс до н.э.

Именно с чирковской культурой, а также с культурой сетчатой керамики на раннем этапе развития связаны другие проявления межкультурных контактов. Комплексы с чирковским материалом, известные практически по всему Волго-Очью, в центральных областях междуречья в какой-то период сосуществуют с комплексами культуры сетчатой керамики. Учитывая то, что материалы культуры с сетчатой керамикой на раннем этапе развития в основном распространены в северных районах междуречья и в западных областях лесной зоны, а материалы чирковской культуры - в восточных районах Волго-Окского края, сетчатые и чирковские комплексы, вероятно, следует связывать с различными группами древнего населения. Отражением соприкосновения и контактов этих групп в центральной части междуречья являются находки гибридной керамики с элементами керамических традиций чирковской культуры и культуры сетчатой керамики в слоях стоянки Варос на оз. Неро.

Как проявление межкультурного контакта, видимо, следует рассматривать и появление абашевского металла на поселениях эпохи бронзы Волго-Окского междуречья, в частности находку вислообушного бронзового топора на стоянке Воймежное I. Распространение на памятниках лесной полосы металлических орудий и оружия, изготовленных из южноуральского металла, а не из медистых песчаников Волго-Камья, несомненно, связано с появлением в регионе носителей абашевской культуры, оставивших погребальные памятники типа Кухмарского могильника.

Во 2-ой пол. II тыс. до н.э. ярко выраженные явления межкультурного взаимодействия в Волго-Очье не прослеживаются. В этот период постепенно исчезают элементы культурных традиций, связанных с областями лесостепи. Одновременно по всему Волго-Окскому междуречью распространяются комплексы, обязательной составляющей керамического набора которых является посуда с сетчатой орнаментацией.

Важным элементом характеристики соотношения традиций разных культур внутри одного региона является интенсивность их взаимодействия. Очевидно, что интенсивность межкультурного взаимодействия в Волго-Окском междуречье не отличалась ни хронологической, ни территориальной устойчивостью. Так,

в 1-ой четв. II тыс. до н.э. взаимодействие между традициями разных культур достоверно прослеживается только в южной части междуречья на территориях, примыкающих к нижнему и среднему течению р. Оки. Менее отчетливо оно проявляется в западной части Волго-Очья.

Во 2-ой четв. - сер. II тыс. до н.э. процессы культурного взаимодействия имеют место в южной и центральной части междуречья. 3-ья четв. II тыс. до н.э. характеризуется интеграционными процессами в северной и центральной части Волго-Очья.

В кон. II тыс. до н.э. интеграционные процессы охватывают все Волго-Окское междуречье. Интересна направленность связей в регионе. Если в нач. II тыс. до н.э. связи направлены от границ междуречья в глубь лесной зоны (импульс идет от пришлых культур), то в его середине наиболее активны процессы межкультурного взаимодействия в средней части междуречья, где доминируют элементы культур лесной зоны. 2-ая пол. II тыс. характеризуется активной направленностью связей с севера на юг, индикатором чего является распространение сетчатой орнаментации по всему Волго-Очью.

Из вышесказанного следует, что большинство культур бронзового века Волго-Окского междуречья относятся к 1-ой пол. II тыс. до н.э. Это поздневолосовская, фатьяновско-балановская, среднеднепровская, шагарская, чирковская культуры и культура сетчатой керамики на раннем этапе развития. Во 2-ой пол. II тыс. до н.э. на рассматриваемой территории существуют только две археологические культуры - культура сетчатой керамики и поздняковская. Причем последняя не доживает до кон. II тыс. до н.э. и занимает только бассейн средней Оки.

В Волго-Окском крае выделяются две территории, культурное своеобразие которых в той или иной форме сохраняется на протяжении всей эпохи бронзы: северные районы междуречья с доминантой памятников культуры сетчатой керамики и среднее Поочье, сначала являвшееся областью распространения шагарских древностей (помимо которых, правда, известен ранний комплекс с сетчатой керамикой), а позднее - ареалом поздняковской культуры. При протекании интеграционных процессов в Волго-Окском междуречье во 2-ой пол. II тыс. до н.э., косвенным признаком которых явилось распространение традиции орнаментации посуды сетчатым рисунком, бассейн средней Оки был включен в ареал распространения комплексов с сетчатой керамикой в последнюю очередь только в кон. II тыс. до н.э.

В целом, картина соотношения древностей разных культур бронзового века в Волго-Очье выглядит следующим образом. На руб. III - II тыс. до н.э. - в 1-ой четв. II тыс. до н.э. по всему Волго-Окскому краю, за исключением среднего течения Оки (Мещера), были распространены поздневолосовские древности. Одновременно на этой же территории находятся комплексы, в основном погребальные, относящиеся к фатьяновско-балановской культуре. В западной части междуречья, примыкающей к Днепровскому бассейну, известно несколько погребальных памятников, которые по вещевому набору можно отнести к днепродеснинскому варианту среднеднепровской культуры. Материалы с пористой сетчатой керамикой из северных областей края определенно связаны с культурами Балтийского бассейна. В среднем течении Оки основная масса материала времени энеолита - раннего бронзового века представлена шагарскими древностями. Во 2-ой четв. - сер. II тыс. до н.э. культурная ситуация в регионе изменяется, но в целом остается столь же пестрой, что и раньше. В центральной и восточной областях Волго-Окского междуречья дисперсно распространяются комплексы с чирковской керамикой, формирование которых, определенно, явилось результатом взаимодействия фатьяновско-балановской и волосовской культур на средней Волге. Одновременно в центральную часть междуречья, примыкающую к Владимирскому ополью, проникают группы абашевского населения, следы пребывания которых - несколько курганных могильников и находки абашевского металла в слоях некоторых поселений. Примерно на этой же территории существуют и памятники с ранней сетчатой керамикой с ямчато-зубчатой орнаментацией. В Среднем Поочье шагарские древности постепенно замещаются материалами поздняковской культуры.

Как уже отмечалось, характерной чертой для Волго-Окского междуречья с руб. III-II до сер. II тыс. до н.э. является динамическое сосуществование в одном регионе аборигенных культурных традиций, находящихся истоки в неолитических культурах лесной зоны, и традиций, которые не имеют местных корней и ведут свою родословную из районов юго-запада лесной зоны или лесостепи. Часть памятников этого времени была связана с аборигенным населением Волго-Окского края - это финально-волосовские комплексы, шагарские комплексы и комплексы с ранней сетчатой керамикой. Часть относится к археологическим культурам, генезис которых происходил за пределами Волго-Очья, - это фатьяновско-балановские, среднеднепровские и абашевские древности. Часть (речь идет о комплексах с чирковским материалом) представляет собой результат смешения финально-волосовских и фатьяновско-балановских культурных традиций.

С сер. II тыс. до н.э. по всему междуречью распространяется интеграционная культура, более или менее однообразная по облику во всем ареале своего распространения. В основном она представлена однотипными поселенческими памятниками, керамические комплексы которых полностью или частично состоят из посуды с сетчатой орнаментацией, традиция изготовления которой связана с культурой аборигенного населения лесной зоны. До 3-ей четв. II тыс. до н.э. определенным культурным своеобразием обладает район среднего Поочья, где распространены поздняковские памятники. Постепенное увеличение к концу тысячелетия количества сетчатой керамики в составе поселенческих материалов прежде всего свидетельствует об усилении связей внутри региона при доминанте традиций, обусловленных культурой аборигенного населения Волго-Окского края.

Таким образом, по характеру этнокультурной ситуации в бронзовом веке в Волго-Окском междуречье

можно выделить два хронологических этапа. Первый этап датируется руб. III-II тыс. до н.э. - сер. II тыс. до н.э. и характеризуется значительным разнообразием археологических культур внутри региона, истоки большинства которых лежат за пределами Волго-Окского междуречья. Второй - относится ко 2-ой пол. II тыс. до н.э. и связан с распространением в междуречье местной культуры единого облика. В данном случае речь идет по сути о двух исторических периодах. Первый - это время активных инновационных вливаний в регион с сопредельных территорий, которые, вероятно, сопровождаясь миграционными процессами, в значительной степени изменили этническую картину и систему культурных связей в Волго-Очье. Второй - пора культурной интеграции региона и его этнокультурного обособления от сопредельных лесостепных областей; в результате этого восстанавливается зональная граница между культурами лесной полосы и лесостепи, существовавшая еще в неолитическую эпоху. Учитывая повышенную экологическую специализацию доисторических культур в целом, их склонность к существованию в определенных ландшафтных зонах и то, что наиболее активные проявления культурных инноваций в бронзовом веке имели место в южных областях Волго-Окского края, можно предполагать связь изменений этнокультурной ситуации на территории Волго-Окского междуречья в течение II тыс. до н.э. с климатическими колебаниями. Эти колебания, в частности, могли привести в I-ой пол. II тыс. до н.э. к появлению в Волго-Очье участков лесостепного ландшафта, что само по себе могло спровоцировать распространение на этой территории культур, традиции которых ранее не были известны в областях лесной полосы. Однако проверка этого предположения требует специальных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крайнов Д.А., Зайцева Г.И., Костылева Е.Л., Уткин А.В.* Абсолютная хронология Сахтышских стоянок // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 5. Иваново, 1991.
2. *Никитин В.В.* Медно-каменный век Марийского края (середина III - начало II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола, 1991.
3. *Крайнов Д.А.* Фатьяновская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
4. *Бадер О.Н., Халиков А.Х.* Балановская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
5. *Бадер О.Н.* Балановский могильник. Из истории Лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963.
6. *Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э. М., 1972.
7. *Никитин А.Л.* Дикариха (По материалам раскопок 1959-1960 гг.) // МИА. № 110. 1963.
8. *Воронин К.В.* Комплексы эпохи бронзы поселения Воймежное I // Древние охотники и рыболовы Подмоскovie (по материалам поселения эпохи камня и бронзы Воймежное I). М., 1997.
9. *Бадер О.Н., Халиков А.Х.* Памятники балановской культуры // САИ. VI-25. М., 1976.
10. *Никитин В.В.* Ахмыловское II поселение // Археология и этнография Марийского края. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1977.
11. *Соловьев Б.С.* Поселение Нижняя Стрелка IV и некоторые вопросы балановско-волосовских контактов в Среднем Поволжье // Археология и этнография Марийского края. Вып. 17. Йошкар-Ола, 1990.
12. *Кириянова Н.А.* Фатьяновский могильник у д. Ханево // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
13. *Бадер О.Н.* Кузьминский могильник фатьяновского типа под Москвой // Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1962.
14. *Крайнов Д.А.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. // САИ. VI-19. М., 1963.
15. *Крайнов Д.А.* Памятники Фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. // САИ. VI-20. М., 1964.
16. *Каверзнева Е.Д.* Шагарский могильник конца 3- начала 2 тыс. до н.э. в Центральной Мещере // РА. 1992. №3.
17. *Фоломеев Б.А., Глазко М.П., Валуева М.Н.* Опыт реконструкции природного ландшафта территории древнего поселения // Труды ГИМ. Вып. 60. М., 1985.
18. *Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна р. Дона. Воронеж, 1996.
19. *Пряхин А.Д., Халиков А.Х.* Абашевская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
20. *Крайнов Д.А., Уткин А.В.* Курганный могильник у ручья Кухмарь на Плесшесвом озере // Археология и этнография Марийского края. Вып. 19. Йошкар-Ола, 1991.
21. *Уваров А.С.* Мерянс и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда. Т. 2. М., 1881.
22. *Цветкова И.К.* Стоянка Подборица-Щербининская // СА. 1962. №2.
23. *Воронин К.В.* Отчет об охранных археологических раскопках ст. Липовка I в Ростовском районе Ярославской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №1990.
24. *Большов С.В.* Абашевские древности и некоторые проблемы эпохи бронзы лесной полосы Среднего Поволжья // Археология и этнография Марийского края. Вып. 19. Йошкар-Ола, 1991.
25. *Гурина Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции // МИА. №110. 1963.
26. *Гидзяцкая О.С.* Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы: Волго-Клязьминское междуречье // СА. 1992. №1.
27. *Воронин К.В.* Отчет о раскопках ст. Липовка 2 в Ростовском районе Ярославской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
28. *Уткин А.В.* Одиночные погребения абашевцев в лесах Восточной Европы // Древние памятники Окского бассейна. Рязань, 1993.
29. *Патрушев В.С.* Памятники волосовской культуры у пос. Юрино и с. Кокшайск // Археология и этнография Марийского края. Вып. 3. Йошкар-Ола, 1978.
30. *Соловьев Б.С.* Удельно-Шумецкое VII поселение эпохи бронзы // Археологические работы 1980-86 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. Йошкар-Ола, 1989.
31. *Соловьев Б.С.* Финал волосовских древностей и формирование чирковской культуры в Среднем Поволжье // Археология и этнография Марийского края. Вып. 19. Йошкар-Ола, 1991.

32. Сидоров В.В. Отчет о раскопках стоянки Ловцы I в Ростовском районе Ярославской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
33. Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна средней Оки // Финно-угры России. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1993.
34. Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. В1-24. М., 1984.
35. Воронин К.В. К вопросу о происхождении и развитии культуры с сетчатой керамикой бронзового века // В настоящем сборнике.
36. Воронин К.В. Стоянка Стан I и ее место в круге памятников энеолита - бронзового века Валдайской возвышенности и Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
37. Сидоров В.В. Отчет о разведках и раскопках в Московской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
38. Попова Т.Б. Исследование памятников эпохи бронзы на Канищенских днах под Рязанью // Археология Рязанской земли. М., 1975.
39. Воронин К.В., Сидоров В.В. Стоянка эпохи бронзы на р. Юхоть // Проблемы изучения первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1994.
40. Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.
41. Сидоров В.В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1990.
42. Никитин А.Л. Эпоха бронзы на Плещеевом озере // СА. 1976. №1.
43. Фоломеев Б.А. Отчет о раскопках Окской археологической экспедиции ГИМ в Клепиковском и Спасском районах Рязанской области и Мичуринском районе Тамбовской области // Архив ИА РАН. Р-1. №12557.
44. Большов С.В., Кузьминих С.В., Соловьев Б.С. К вопросу о поселениях культуры "текстильной" керамики в Среднем Поволжье // Археология и этнография Марийского края. Вып. 24. Йошкар-Ола, 1995.
45. Попова Т.Б. Поздняя бронза // Археология СССР. Бронзовый век лесной полосы СССР. М., 1987.
46. Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна Средней Оки // Древние памятники Окского бассейна. Рязань, 1993.
47. Халиков А.Х., Халикова Е.А. Васильсурское поселение эпохи бронзы // МИА. №110, 1963.

*Институт археологии РАН,
Москва*

K. V. Voronin

**FROM SOCIAL ADAPTATION TO CULTURAL INTEGRATION
(on the Problem of Interaction of Cultural Traditions in the Bronze Age in the Volga-Oka Basin)**

Summary

The article presents the results of the analysis of the ethnocultural situation in the Volga-Oka basin in the Bronze Age. In the author's opinion the Volga-Oka basin in the first half of the II millennium B.C. is characterized by coexistence of different cultures - a phenomenon reflected in dynamical interrelation of complexes belonging to various archaeological cultures. A part of these monuments was connected with the aboriginal population of the Volga-Oka region. The final Volosovo, the Shagara complexes, as well as complexes with the early net ceramics belong there. Yet another part is related to archaeological cultures originating from the territories outside the Volga-Oka basin (the Fatjanovo - Balanovo, the Middle-Dnieper and the Abashevo materials). The remainder, namely the complexes with the Chirkovo materials, seems to be the result of interrelation of the final Volosovo and the Fatjanovo-Balanovo cultural traditions.

The author supposes that the rise of the temperatures which occurred in the first half of the II millennium B.C. was one of the factors leading to multiplicity of archaeological cultures in the Volga-Oka basin in the period - the fact recorded by the palynological analysis of the habitation layers. The rise in temperatures led to shifting of the forest-and-steppe zone closer to the Volga-Oka region, as well as to possible penetration of the Southern forest-and-steppe Bronze Age cultures into the Volga-Oka territories. An integrated culture with material complexes homogenous in design, which bear the influence of the aboriginal culture of the forest zone, appears in the Volga-Oka basin in the second half of the II millennium B.C. The material marker indicating the formation of this culture is the net-ornamented ceramics distribution throughout the Volga-Oka basin, which in its turn indicates the domineering role of the cultural traditions of the native population of the region. The latter adopted the innovations of the alien Bronze Age cultures thus putting an end to the multiple penetration of the neighbouring cultures' traditions into the Volga-Oka region.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

В. М. Воробьев

НАЗВАНИЯ ОЗЕР БАССЕЙНА Р. ТОРОПЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ АДАПТАЦИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ КРАЯ К ЛАНДШАФТУ

О. Н. Трубачевым, Г. П. Смолицкой, Р. А. Агеевой и другими исследователями на больших сериях гидронимов Русской равнины показана их "позитивность", являющаяся отражением реальной связи между исходным термином, характерными свойствами именуемого водного объекта и собственным именем этого объекта [1-5]. "Позитивность" гидронимов позволяет восстанавливать на их основе историко-географические реалии: пути сообщения, черты хозяйственной и социальной практики, специфику ландшафта и т. п. [5].

Процесс освоения пространства Великого водораздела [6] в первобытности и средневековье протекал в условиях преимущественно озерного ландшафта, очень типичного для Валдайской возвышенности. Результаты адаптации носителей сменявших друг друга во времени археологических культур к такому ландшафту проявились, в частности, в лимнонимах, то есть в названиях озер.

Озера определяются как естественные водоемы с замкнутыми берегами. Именно замкнутость побережья, а также большая, относительно рек, площадь зеркала воды обеспечили особую притягательность озер для обитателей северо-запада Русской равнины, особенно в первобытности - при абсолютном или значительном господстве присваивающего хозяйства. Побережье озера и сама его акватория - хозяйственная территория одного или нескольких коллективов, чаще всего близкородственных.

Эта природно-культурная модель с ее четкой локальностью отличается и от речной, и от более поздней водораздельной. Доминанта рыболовства в хозяйстве, наблюдающаяся почти повсеместно вплоть до раннего железного века, обусловила преимущественное оседание людей именно на берегах озер с их высокой продуктивностью. Озерный ландшафт давал возможность применять наиболее простые и эффективные способы ловли рыбы, коллективные и индивидуальные, подробно описанные в археологической и этнографической литературе [7]. Места гнездования водоплавающих птиц и места водопоев млекопитающих служили для древнего населения существенной дополнительной мотивацией для выбора озерной модели расселения.

Своеобразие такой природной и продуктивной такой освоенческой модели обязательно должны были сказаться и на топонимической системе территории, в первую очередь на названиях самих озер. В качестве локальной модели для анализа топонимической адаптации к озерному ландшафту мной избран бассейн р. Торопы, одного из крупнейших притоков Западной Двины в ее верхнем течении. Бассейн Торопы неплохо изучен в археологическом отношении [8-16], а в процессе полевых разведочных работ мне довелось побывать почти на всех торопецких озерах и провести, в частности, определенные ландшафтные наблюдения.

В работе представлены результаты анализа названий 88 озер. Эти гидронимы в каждом случае соотнесены с реальной ландшафтной и освоенческой ситуацией.

В топонимике существует несколько классификаций гидронимов, ни одна из которых не признается удовлетворительной. Создание универсальной классификации "вызывает большие практические трудности ввиду многозначности самих апеллятивов, вхождения их в различные группы благодаря семантическим переходам и сдвигам и т. п." [5, с. 39]. В наиболее обобщенном виде классификационная схема может быть трехчастной: 1) отыменные названия; 2) названия от терминов человеческой деятельности; 3) названия от терминов, описывающих первозданную природу.

Первичная задача, стоящая перед исследователем, - выявить семантику каждого из гидронимов на основе лингвистических и экстралингвистических данных. В результате проделанной автором работы почти все лимнонимы бассейна Торопы получили удовлетворительное семантическое толкование [17]. Я не ставлю здесь цель выяснить время появления каждого из названий и отнести его к определенному этнокультурному пласту. Напомню лишь, что в бассейне Торопы открыто несколько мезолитических поселений; он был также весьма плотно заселен во все последующие археологические эпохи: здесь выявлено более 200 древних поселений и могильников. Древние европейцы, балты, прибалтийские финны, восточные славяне, последо-

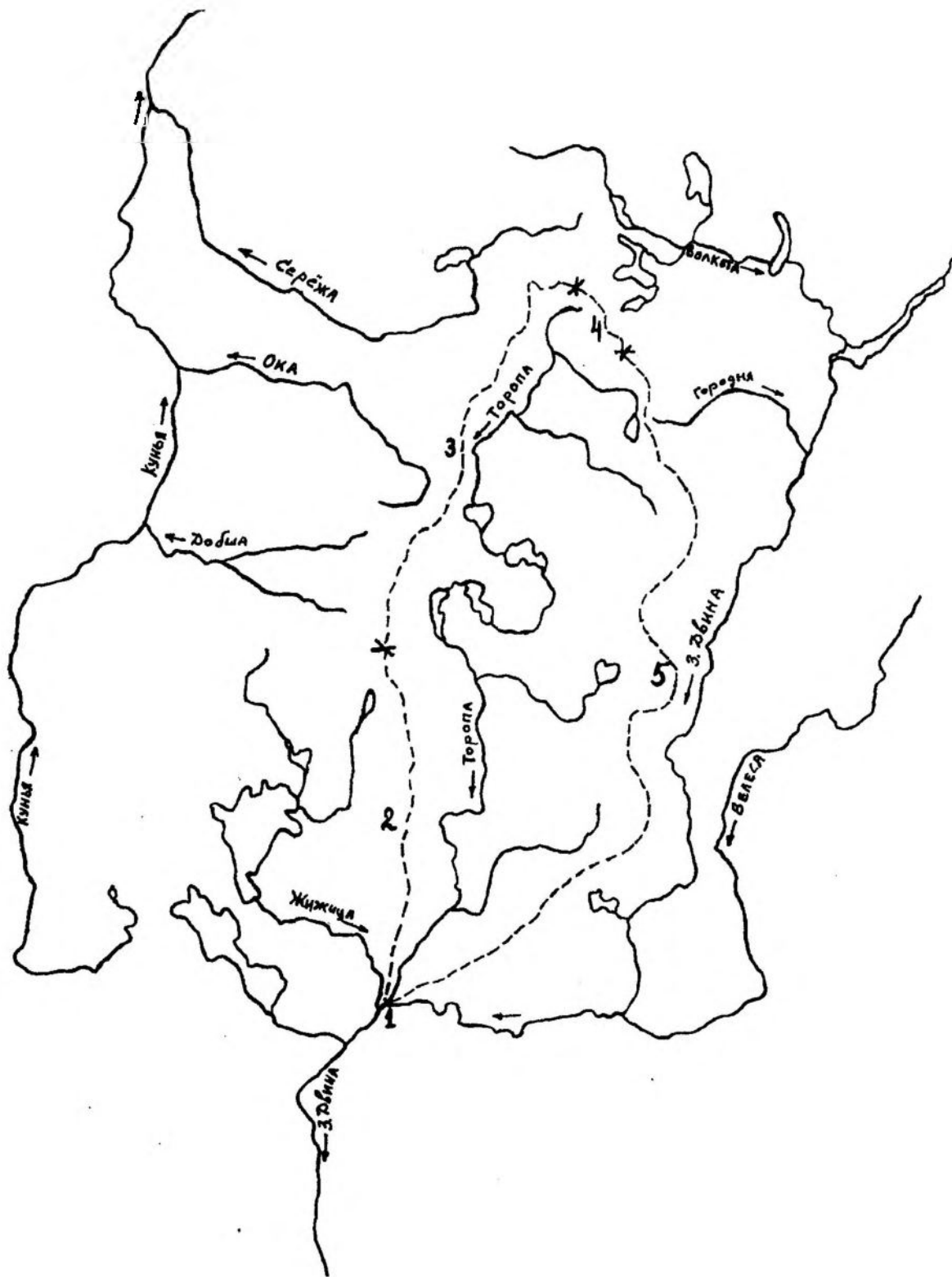

Рис.1. Пути сообщения в бассейн р. Торопы

----- бассейн р. Торопы

1 - устье р. Торопы; 2 - переходы из бассейна оз. Жижицкого на правые притоки р. Торопы; 3 - переходы с правых притоков р. Куньи на правые притоки р. Торопы и на ее исток; 4 - переходы из озерного района в среднем течении р. Волкоты на левые притоки р. Торопы близ ее истока; 5 - переходы с правобережья р. Западной Двины на левые притоки р. Торопы

вательно сменяя друг друга или сосуществуя на одной территории, обеспечили непрерывность исторического развития в этом районе на протяжении около 10 тысяч лет.

Основные «ворота» в бассейн Торопы (рис. 1):

- 1) на юге - устье Торопы, через которое вверх по ней поднималось население с берегов Западной Двины;
- 2) на юго-западе - переходы из бассейна оз. Жижицкого на правые притоки Торопы;
- 3) на западе и севере - переходы с правых притоков Куньи (бассейн Ловати) на правые притоки Торопы и на ее исток;
- 4) на северо-востоке - переход из озерного района в среднем течении Волкоты на левые притоки Торопы близ ее истока;
- 5) на востоке и юго-востоке - многочисленные переходы с правобережья Западной Двины на левые притоки Торопы.

Таким образом, прибалтийские культуры должны были оказывать определяющее влияние на освоение этого района, особенно до славянского расселения. Верхневолжское влияние могло быть только опосредованным - через бассейн Волкоты и через волоки с оз. Пено и Волго на оз. Охват.

Бассейн Торопы занимает западную часть Валдайской возвышенности. Ландшафт здесь типичный озерно-ледниковый; рельеф холмисто-равнинный, сильно изрезанный, сложен у поверхности ледниковыми отложениями. Разнообразие ландшафта ярко отразилось в номенклатуре озерных названий.

Отыменные лимнонимы (их 31) не имеют прямого отношения к описанию ландшафта. Замечу лишь, что сам факт высокой частотности такой номинации указывает на ведущую роль поселений как признака освоенного ландшафта. Этот информационный повод оказывался решающим при выборе названия озера в одном из каждых трех случаев. Отыменным русским названиям озер, конечно, предшествовали отапеллятивные. Можно жалеть об их утрате как о потере топонимической информации, но, с другой стороны, отыменный лимноним - показатель относительной качественной слабости дифференцирующего природного признака, положенного в основу прежнего именованного. В тех случаях, когда природный признак был весомым по содержанию, замены на антропонимный гидроним не произошло (см. ниже анализ лимнонимов третьей группы). Если во время прихода нового населения побережье озера было необитаемо, новые поселенцы выступали как бы первооткрывателями, не знающими прежнего названия водоема.

Среди объектов с отыменными названиями нет крупных озер. Чаще всего деревня, давшая имя озеру (Симоново, Абрамово, Бабынино, Коростино, Минино, Батехново, Маслово, Митьково, Михайловское и др.), - единственная на его берегах. На берегах *Масловского*, *Митьковского* и *Михайловского* озер есть городища раннего железного века. Соседство двух последних озер могло быть одной из причин, почему за ними не закрепилось название Городно (в этом случае не выполнялась бы различительная функция названий).

Помимо названий от канонических и прозвищных русских имен отмечу пять лимнонимов, образованных от древнеславянских имен, фиксирующих один из этапов освоения этого края в раннем средневековье:

- оз. *Неворожское* (от *Неворот* - имя-оберег в значении "кто не вернется, кто останется на чужбине");
- оз. *Ладомиро* (от *Ладомир* [зап.-слав.]; редкий случай полного сохранения двусосновного имени в гидрониме);
- оз. *Гостилицкое* (от двусосновного имени с одной из основ *гост-*; возможно, гидроним произведен от ойконима, что не меняет принципиально суть вопроса);
- оз. *Любынь* и *Любовец* (от двусосновных имен с одной из основ *люб-*; возможно, через ойконим, как и в предыдущем случае).

Тщательно проанализированные А. М. Микляевым гидронимы на *гост-/гощ* [18] - не более чем частный случай именованного водоемов по ойконимам, в основе которых лежат древнеславянские имена. Особенно продуктивны кроме указанной модели на *хот-*, *люб-*, *рад-*. Весьма эффективные результаты дал бы ареальный метод картографирования топонимов (в частности, гидронимов), содержащих все основы, которые можно идентифицировать как именные древнеславянские. Отыменных озерных названий гораздо больше, чем речных, поскольку в озерном ландшафте преобладает освоенческий принцип: одно озеро - одна деревня, а на берегах реки, в силу ее протяженности, было несколько селений, и для ее именованного обычно избирался не ойконим, а какой-то другой признак.

Названия озер бассейна Торопы, образованные от терминов человеческой деятельности (их 18), имеют заметное отношение к теме ландшафтной адаптации, поскольку характеризуют измененный ландшафт. Одни из них отражают хозяйственную деятельность на берегах (*Большой Дербовеж* и *Малый Дербовеж*, *Дербезж*), другие - рыболовческую практику (*Уклеино*, *Стречно*, *Верхнее Самино*, *Карасино*, *Яссы*, *Удбище*, *Пустое*), третьи описывают пути сообщения (*Бенцы*, *Бенето*), четвертые содержат информацию о типах поселений (*Городно*, *Сельское*, *Сельцы*, *Селище*), в названии оз. *Лобно*, возможно, заключена эмоциональная оценка конкретного ландшафта. Приведу семантические характеристики названий этой группы:

оз. *Большой Дербовеж* и *Малый Дербовеж*, *Дербезж* (от *дербь*, *дებрь*; *тербь*: "место, расчищенное от леса под пашню" [др.-слав.]; на берегах оз. Б. Дербовеж найдены два крупных курганных могильника кон. I - нач. II тыс. н. э.; на берегах большого оз. Дербезж, самого нижнего в цепочке проточных озер на Торопе, помимо множества поселений каменного и бронзового веков найдено несколько славянских селищ, в том числе на северном берегу селище Заречье I площадью в несколько гектаров, с находками керамики от раннего железного века до XVIII в., и несколько курганных могильников);

оз. *Уклеино 1-4* (от *уклеж*: порода рыб; малые размеры водоемов и бедность добычи обусловили их оди-

наковые названия, различающиеся лишь порядковой нумерацией);

оз. *Стречно* (вероятно, от *страчень*, "окунь" [др.-рус.]);

оз. *Верхнее Сомино* (от *сом*: порода рыб);

оз. *Карасино* (от *карась*: порода рыб);

оз. *Яссы*, в Торопецкой писцовой книге 1540/1541 гг. употребляется форма Язцо (вероятно, от *язь*: "рыбачий закол, перегорода со вставленными в нее рыболовными снарядами" [др.-рус.]; не исключается от *язь*: порода рыб, но для "рыбных" названий более типичны модели на *-ино* или *-ье*; на берегах озера несколько неолитических поселений, 3 городища раннего железного века, средневековое селище и курганный могильник, с XV в. известен погост Турово близ впадения в озеро р. Торопы);

оз. *Удьбище* (вероятно, в значении "прежнее место рыбной ловли"; не исключено образование не от *удить*, а от *удь*: "длинный, вытянутый, протяженный" [др.-рус.], но в этом случае необъяснимо употребление форманта *-ище*, обозначающего в древнерусской терминологии и топонимии утрату объектом основной функции);

оз. *Пустое* (от *пустой*: в данном случае название с отрицательным хозяйственным содержанием);

оз. *Бенцы, Бенето* (от *бенек*, "развилка"; возможно, через ойконим: с. Бенцы расположено на развилке трех дорог, ведущих вдоль Торопы, по левобережью Улиницы и к правобережью Западной Двины; не исключается в данном случае и отражение важности водного перекрестка: две системы проточных озер соединяются здесь, давая исток р. Бенчине, левому притоку Торопы; название *Бенето*, видимо, не самостоятельное, а производное от *Бенцы*; на берегах этих озер более 30 разновременных археологических памятников, отражающих интенсивность освоения этого микрорайона и разветвленность путей сообщения в бассейне Бенчины);

оз. *Городно*, на правобережье Торопы, близ ее истоков (от *городок, городище*: "укрепленное поселение, земляная крепость"; на северо-восточном берегу озера расположено городище раннего железного века Лучки I, единственное в окрестностях, что и стало мотивацией при именовании озера);

оз. *Городно*, на левобережье Торопы, в системе р. Улиницы (на берегу озера расположено городище раннего железного века Пахново I, единственное в системе этой речки);

оз. *Сельское, Сельцы, Селище* (по термину *селище*: "место прежнего неукрепленного поселения" или через ойконим с этим значением; берега этих озер - рано освоенные в земледельческом отношении микрорайоны с многочисленными раннесредневековыми селищами и курганными могильниками);

оз. *Лобно* (мнение Р. А. Агеевой: "Из апеллятивной основы лит. *labas*, прус. *labs* "хороший". Название, возможно, не обязательно балтийского происхождения, а другого индоевропейского, так как имеет параллели в западно-славянской и иллирийской области" [5, с. 191]; есть русские эквиваленты в топонимии Валдайской возвышенности, например оз. *Бологое* (дважды) - от *болотце*, "благо, добро, хорошо" [др.-рус.]; на берегах озера помимо раннеолитического поселения найдены три раннесредневековых селища; не исключено возникновение названия от термина *люб*, "мыс, крутой берег" [рус. - 19, с. 344], тем более что северо-западный берег озера, где расположен древний погост Лобно, именно таков по рельефу).

Разнообразная природная информация содержится в гидронимах третьей группы, образованных от географических терминов, описывающих первозданную природу (39 названий).

Два названия - *Белые Озёрки и Озёрце* - произведены от типобразующего термина *озеро*. Форма *озёрце* обычно характеризует не только малые размеры водоема, но и положение его в пойме и возможность сезонного пересыхания. Вероятно, значение "озеро" заключено и в гидрониме *Улин* (другие варианты значений: «ильмовое» (по растительности) [рус.]; "светлое"; "верхнее" [фин.]). Это большое озеро, освоенное с первобытности, судя по культурным остаткам древних поселений на его берегах.

Еще один типобразующий термин содержится в названии оз. *Кринично*, проточного в верхнем течении Торопы (от *криница*, "источник, ключ"). Со дна и ныне бьют ключи, вода здесь очень чистая и холодная; на юго-западном берегу, при выходе Торопы из озера, было расположено городище раннего железного века Жельно I, ныне почти полностью разрушенное при строительстве дороги.

Размеры водоема отражены в названии оз. *Велия* (от *вялье, велье*, "большое" [др.-рус.]). Это озеро - самое крупное в обширной системе проточных озер в течении р. Любутки, левого притока Торопы.

Проточный тип объекта зафиксирован в названии большого оз. *Соломено* (от *salmi* "пролив, протока" [фин.]). На его берегах высокие мысы перемежаются болотистыми участками поймы, близ впадения в него Торопы расположено знаменитое городище Подгай, раскопанное Я. В. Станкевич [8], а при истоке из него Торопы была основана крепость, положившая начало городу Торопцу и известная как Малое Торопецкое городище. Название *Соломено* имеет немало аналогий на северо-западе Русской равнины. Есть основания вкладывать сходное содержание и в названия озер *Стрежино и Струдно* (возможно, от *стреж* или *струга*, "фарватер, проток, ручей" [др.-рус.], но окончательно семантика названий все же не установлена). Два озера с названием *Глухое* представляют как бы вторую часть смысловой пары *проточное-глухое*, хотя в местности, где они расположены, гидронимов-антонимов нет. *Глухое* - самостоятельное название, не требующее обязательного топонимического противопоставления, оно как бы противопоставлено типологически сразу всем остальным лимнонимам.

Очень распространенная в топонимии пара лимнонимов *Долгое-Круглое*, заключающая противопоставление водоемов по очертаниям, есть и в бассейне Торопы; другая пара *Долгое-Кринка* выражает, видимо, тот же смысл, но в образной форме (впрочем, название *Кринка* может происходить от "криница, источник"). Сюда же относится и гидроним *Долж* (бессточное озеро на водоразделе с бассейном Ловати). Имено-

вание по очертаниям - простейший принцип номинации, поэтому русское название нередко может быть калькой с субстратного иноязычного названия.

Три озера имеют название *Глубокое*, одно из самых простых по смыслу, распространенных и древних. Они тоже могут быть кальками. Обычно такое название носит компаративный характер и не применяется по отношению к одиночным озерам. При этом название противопоставляется как бы сразу всем остальным (см. выше о названии *Глухое*). В бассейне Бенчины есть довольно большое озеро *Нерето* со сходной семантикой названия (Р. А. Агеева: "Балтийская основа *нер-/нар-*, часто встречающаяся в гидронимах... от корня, связанного с лит. *neriti* "нырять" и т. п." [5, с. 193]). Археологические данные свидетельствуют о хорошей освоенности берегов оз. *Нерето* еще с раннего неолита.

Характер озерного дна зафиксирован в названиях *Песно* и *Псовец* (от *песок*) и в антонимном названии *Халуно* (от *халуй*, "камень, камни на дне" [др.-рус.]).

Облик берегов отражен в названиях больших озер *Кудино* и *Куденец* (от *kuoto* "тина, грязь, вязкий ил" [фин.]), проточных на Торопе. Этот признак имел очень существенное значение для поселенцев, но он не препятствовал основанию здесь многочисленных рыболовческих поселений в неолите, бронзовом веке и в последующие эпохи, поскольку озера были, видимо, очень богаты рыбой и удобно расположены географически: почти кольцевой изгиб течения Торопы сближал их берега с самыми большими озерами Торопецкой земли - *Соломено* и *Заликовьем*. Сходный характер берегов озер *Кудино* и *Куденец* не потребовал изобретения особого названия для меньшего из них, гидроним *Куденец* лишь оформлен деминутивным суффиксом. Названия озер *Горецкое* и *Грядецкое*, даже если они производны от ойконимов, также очень точно описывают ландшафт по важнейшему признаку - рельефу берегов.

Разнообразны по содержанию гидронимы с ориентирным значением:

оз. *Заликовье* (от *за лукой*, с чередованием гласных *у-и*; если двигаться вниз по течению Торопы, оно расположено за большой излучиной, разделяющей озера *Соломено* и *Заликовье*);

оз. *Устенец* (от *устье*: "место впадения одного водотока в другой"; расположено у впадения р. Морожи в оз. *Сельское*);

оз. *Среднее* (3 названия), ориентирные названия в системах проточных озер;

оз. *Меденец* (может быть от *tjet* "средний, срединный" [юго-слав.]; но есть и "другая возможность объяснения - балтийский корень **med-*, название леса" [5, с. 206-207]);

оз. *Заднее*, самое верхнее (*заднее*) в обширной озерной системе, из которой вытекает р. Бенчина, левый приток Торопы.

Цвет воды отражен в гидронимах *Белое*, *Белые Озерки*, *Жельно* (от **quel* "желтый, желчь" [и. е.]).

Малопродуктивны в лимнонимах ботанические термины: в бассейне Торопы всего три таких названия: *Ореховое* (возможно, от ойконима - д. Орехово), *Боровно*, *Боровое* (затем, что термин *бор* несет в себе наряду с ботаническим определенное рельефное содержание - "сосновый лес на высоких песчаных берегах").

Единичное "звериное" название - оз. *Волчево* - дано, видимо, по урочищу. Малые размеры водоема включают тотемическое значение гидронима.

Наконец, три озерных названия вторичны по отношению к речным:

оз. *Торопато* (по р. Торопе, видимо, от *tor* + *ore* в значении "река, являющаяся главным путем" [и. е.]);

оз. *Морожи* (по р. Мороже, от *margas* "блестящий, пестрый" [лит.]);

оз. *Заливское* (по р. Завле, искаж. от Залва, от *zelva* "зеленая" или "место слияния двух рек" [балт.]).

Помимо изложенных выше частных наблюдений отмечу глубокую древность названий крупных озер: *Кудино*, *Куденец*, *Жельно*, *Лобно*, *Соломено*, *Нерето*, *Уши*, *Велия* и лимнонимов, образованных от древнеславянских имен; этот вывод подтверждается не только лингвистическими, но и обширными археологическими материалами.

Наблюдается очень низкая частотность смысловых значений озерных названий. Лишь термины *песок*, *долгий*, *средний*, *озеро*, *стрез*, *город*, *село*, *дервь* использованы для номинации озер бассейна Торопы дважды, а апеллатив *глубокий* - трижды. Этот факт подтверждает дифференцирующую функцию топонимов как основную.

Есть основания для вывода о том, что отапеллятивные лимнонимы заключают чаще всего весьма простой и в то же время самый существенный смысл, давая в совокупности цельную и многостороннюю характеристику озера как типа водоема на Великом водоразделе. Лингвистический материал гармонирует в этом отношении с географическим и историческим, указывая на высокую степень адаптации населения бассейна Торопы в первобытности и в средневековье к ландшафту Валдайской возвышенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трубица О. Н. Названия рек Приазовья Украины. М., 1968.
2. Смолицкая Г. П. Картографирование гидронимии Поозья // Вопросы географии. Вып. 94. М., 1974.
3. Агеева Р. А. Географические апеллативы в гидронимах западной части Калининской области и прилегающих районов Северо-Запада РСФСР // Вопросы географии. Вып. 94. М., 1974.
4. Агеева Р. А. Происхождение имен рек и озер. М., 1985.
5. Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.
6. Воробьев В. М. Великий водораздел Восточной Европы: географо-археологический аспект // Тверской археологический сборник.

Вып. 1. Тверь, 1994.

7. Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита - раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991 (см. указатель литературы).
8. Станкевич Я. В. Из истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э. // МИА. № 76. 1960.
9. Рапопорт П. А. Оборонительные сооружения Торопца // КСИА. Вып. 86. 1961.
10. Лесман Ю. М., Портнягин И. Г. Экспедиция Калининского областного краеведческого музея // АО-1974. М., 1975.
11. Кольцов Л. В., Урбан Ю. Н., Харитонов Г. В. Разведки в верховьях Зап. Двины // АО-1972. М., 1973.
12. Портнягин И. Г. Памятники эпохи неолита - бронзы бассейна р. Торопы // СА. 1984. № 1.
13. Бодунов Е. В., Харитонов Г. В., Харитонова Н. А., Урбан Ю. Н. Работы на территории Верхнего Подвинья // АО-1973. М., 1974.
14. Бодунов Е. В., Воробьев В. М., Максимов А. Д., Малыгин П. Д. Разведки в Калининской области // АО-1979. М., 1980.
15. Воробьев В. М. Работы экспедиции Калининского университета // АО -1981. М., 1983.
16. Малыгин П. Д. Раскопки в Торжке и разведки в верховьях Зап. Двины // АО-1980. М., 1981.
17. Воробьев В. М., Воробьева И. Г. История освоения Тверского края в географических названиях. Тверь, 1992.
18. Микляев А. М. О топо- и гидронимах с элементом -гост/-гощ на Северо-Западе СССР: К проблеме восточнославянского расселения // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
19. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

*Тверской областной институт
усовершенствования учителей,
Тверь*

V.M.Vorobjov

NAMES OF THE LAKES IN THE TOROPA BASIN AS A REFLECTION OF THE ANCIENT POPULATION'S ADAPTATION TO THE LANDSCAPE

Summary

Development of the Great Watershed territories in the primeval period and in the Middle Ages was carried out upon the landscapes where lakes were abundant, as it is characteristic of the Valday Heights. Names of lakes, in particular, reflect the results of adaptation of successive cultures to this sort of a landscape.

The Toropa Basin, well studied archaeologically, was taken as a local model for analysis of the cultures' toponymical adaptation to the lake landscape. Data on 88 names of lakes are presented in the article. In the most general sense the classification consists of three categories of names: 1) those derived from other names, 2) names describing modes of human activities, 3) names derived from terms describing primeval nature. Nearly all the limnonyms of the Toropa Basin were given satisfactory semantic interpretation. Names, derived from the terms characterizing activities of people (18 names), characterize the altered landscape. Various information on nature is contained in hydronyms made after terms describing the primeval nature (39 names). Limnonyms bear simple and, at the same time, the most profound meaning, giving complete and manifold characteristics of a lake on the Great Watershed. The linguistic data correlates to the geographical and historical material showing a high grade of adaptation of population living in the Toropa Basin in the primeval period and in the Middle Ages.

*The Tver Regional Institute
for Teachers' Perfection
7, Volokolamsk Ave.,
Tver, 170008, Russia.*

Ю. Б. Цетлин

КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ В ДРЕВНОСТИ

(ОБЩАЯ СИСТЕМАТИКА И ОТРАЖЕНИЕ ИХ В КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ ГОНЧАРОВ)

В распоряжении исследователей имеются три основные группы источников, которые могут содержать информацию о культурных контактах между человеческими коллективами, - письменные, лингвистические и вещественные. Это в равной мере относится как к современным, так и к древним культурным контактам. В данном случае речь пойдет именно о последних.

Очевидно, что информация о древних культурных контактах отражается в разных источниках в глубоко специфических формах. Поэтому для их анализа требуются в зависимости от вида источника и свои особые источниковедческие приемы, нацеленные, во-первых, на *выделение*, во-вторых, на *анализ* и, в-третьих, на *интерпретацию* содержащейся в данном источнике информации о культурных контактах.

Предлагаемая статья имеет целью привлечь внимание исследователей к обсуждению некоторых проблем изучения древних культурных контактов по вещественным источникам, в частности, по остаткам древнего гончарного производства. В связи с этим специальному рассмотрению будут подвергнуты два вопроса:

во-первых, что такое культурные контакты, какими они бывают и какова их основная роль в истории населения;

во-вторых, как культурные контакты отражаются в сфере гончарного производства (и прежде всего, в основных изделиях гончаров - глиняной посуде).

В заключение предполагается обсудить также два небольших вопроса из области этнографии, которые особенно важны для историко-культурной интерпретации археологических данных о культурных контактах:

первый - о механизме передачи гончарных навыков между поколениями,

второй - о важности учета полового разделения труда при изучении социальной структуры человеческих коллективов в эпоху первобытности.

* * *

Начнем с вопроса о том, *что такое культурные контакты, какими они бывают и какова их роль в истории древнего населения.*

Слово "контакт" происходит от латинского *contactus*, что значит "соприкосновение". По своему современному смыслу оно означает *взаимодействие предметов или явлений в результате их сближения (или соединения, соприкосновения) друг с другом* [1, с. 621; 2, с.267]. Поэтому содержание понятия "культурные контакты в древности" может быть определено *как взаимодействие близких по времени и территории бытования носителей разных культур или этносов.* В этом смысле оно будет употребляться в ходе дальнейшего изложения.

На протяжении многотысячелетней истории человечества культурные контакты были очень разнообразны как по форме, так и по содержанию. Поэтому прежде чем приступить к их изучению, следует попытаться дать хотя бы самую общую их систематику, опираясь на известные сегодня исторические, этнографические и археологические данные.

Общая систематика культурных контактов проводится на четырех уровнях (I, II, III и IV) по следующим параметрам:

I уровень - по "степени социально-экономического развития" непосредственных участников культурных контактов,

II уровень - по особенностям "носителя" культурной информации,

III уровень - по особенностям "формы" культурных контактов,

IV уровень - по особенностям "интенсивности" (и "результатам") культурных контактов.

Легко заметить, что если первый уровень касается только учета специфических особенностей участников культурных контактов, то второй, третий и четвертый уровни непосредственно нацелены на выяснение

специфики самих культурных контактов как таковых.

На **первом уровне** по “степени” социально-экономического развития контактирующих обществ выделяются два класса культурных контактов:

класс 1 - культурные контакты между обществами, носители которых находятся на разном уровне социально-экономического развития;

класс 2 - культурные контакты между обществами, носители которых находятся на примерно одинаковом уровне социально-экономического развития.

Необходимость такого разделения обусловлена тем, что, судя по имеющимся историко-этнографическим данным, степень социально-экономического развития контактирующих обществ существенно влияет на особенности культурных контактов между ними [3].

На **втором уровне** по особенностям “носителя” культурной информации выделяются две группы:

группа 1 - носителями культурной информации являются материализованные результаты человеческого труда, т. е. *конкретные вещи*;

группа 2 - в качестве носителя культурной информации выступают непосредственные участники процесса труда, т. е. *конкретные люди* с конкретными культурными традициями в той или иной сфере деятельности.

В историко-культурных ситуациях, относящихся к первой группе, в результате а) *дарения*, б) *обмена*, в) *торговли* или г) *захвата* в коллектив попадают инокультурные вещи, прежде всего такие, которых у местного населения нет и которые не умеют делать местные мастера. Эти импортные изделия в ряде случаев могут выступать в качестве “прототипов” для подражания. Так было, например, с античной глиняной и стеклянной посудой у черняховцев [4]. В наиболее развитом виде такого рода культурные контакты характерны для случаев, когда импортируемые изделия являются продукцией тех или иных форм ремесленного производства.

Более типичными и массовыми (особенно для ранних эпох) являются историко-культурные ситуации второго класса, т.е. контакт между самими носителями культурных традиций, которые выступают в роли не только потребителей, но и непосредственных производителей глиняной посуды. Примеры такого рода во множестве предоставляет археологический материал эпохи неолита и бронзового века [см., например, 5;6].

Такой подход позволяет вполне строго разграничивать понятия “культурные” и “этнокультурные” контакты. А именно: *культурные контакты* - это контакты, когда носителями культурной информации являются “вещи”, а *этнокультурные контакты* - это такие контакты, когда в качестве носителей культурной информации выступают непосредственные производители изделий, т.е. носители технико-технологических культурных традиций. Естественно, что в состав человеческого коллектива входят, как правило, и производители, и потребители изделий, которые также являются участниками этнокультурных контактов. По данным А. А. Бобринского [7, с. 242], по крайней мере для доремесленной эпохи гончарного производства, смешение носителей культурных традиций в технологии отражает также смешение и древнего населения в целом.

Соответственно, появляется возможность уверенно различать и весь комплекс аналогичных явлений в жизни древнего населения. Речь идет о “культурных и этнокультурных влияниях”, о “культурном и этнокультурном развитии”, о “культурной и этнокультурной истории” и т. п. В настоящее время принципиальное различие историко-культурного содержания этих понятий часто не учитывается в конкретных исследованиях.

На **третьем уровне** по “форме” культурных контактов выделяются *два их вида*:

вид 1 - *культурное заимствование*, когда какое-то явление переносится в инокультурную среду и используется там практически в готовом виде;

вид 2 - *культурное смешение*, когда какое-то явление в той или иной степени переосмысливается в новой среде и используется уже в измененном виде.

Здесь важно подчеркнуть, что “культурные заимствования” в гончарстве могут иметь место как при наличии, так и при отсутствии собственного производства посуды у одной из контактирующих групп населения, а “культурное смешение” в гончарстве возможно только в том случае, если это производство имеется у обеих групп населения. Кроме того, напомним, что в ходе любых процессов культурного смешения между их участниками всегда возникают особые отношения *доминантности* и *рецессивности*, которые указывают направление распространения инокультурных гончарных традиций [8, с. 57-59].

На **четвертом уровне** культурные смешения (т.е. *вид 2*) по их “интенсивности” и “конечному результату” разделяются на *три варианта*:

вариант 1 - *культурная инфльтрация*, т.е. проникновение единичных инокультурных явлений и, как правило, быстрое их растворение в местной культурной среде;

вариант 2 - *культурная интеграция*, т.е. проникновение более или менее массовых инокультурных явлений и возникновение на этой основе устойчивой культурной неоднородности населения;

вариант 3 - *культурная ассимиляция*, т.е. проникновение весьма массовых инокультурных явлений и быстрое разрушение ими местной культурной специфики.

* * *

Все предшествующее изложение подводит к мысли о том, что в результате любых культурных контактов

происходит определенное изменение *степени культурной однородности* контактирующих человеческих коллективов. Содержание этой проблемы следует рассмотреть более внимательно. Сделать это можно, опираясь на данные этнографии. Судя по распространенному мнению этнографов, современные этносы в среднем на 85-90% эндогамны [9, с.115], т.е. такое число браков заключается внутри данного этноса и лишь 10-15% браков - с представителями иных (главным образом, соседних) этносов. Такое количество межэтнических браков никак не сказывается на этническом облике населения и не ведет к нарушению его этнической целостности и специфики. Предполагается также, что в древности доля межэтнических браков была существенно ниже, чем в недавнем прошлом, т.е. древние этносы представляли собой еще более устойчивые в этническом плане формирования. Поэтому для древности, вероятно без особых погрешностей, можно ориентироваться на цифру около 10% межэтнических браков. На этой основе можно предложить *рабочую шкалу для оценки степени относительной этнической однородности древнего населения*. При этом для характеристики качественных особенностей разных состояний населения по этому признаку воспользуемся приведенными и выше понятиями - "инфильтрация", "интеграция" и "ассимиляция" населения.

Итак, если доля внутриэтнических браков для конкретного этноса составляет от 90% до 100%, то это население допустимо считать "*этнически однородным*". Отсюда состояние "*этнической инфильтрации*" характеризуется наличием в пределах этноса до 10% межэтнических браков (т.е. это состояние является "дополнительным" по отношению к состоянию "*этнической однородности*" населения). Состояние "*этнической интеграции*" характеризуется наличием от 10% до 50% межэтнических браков, а состояние "*этнической ассимиляции*" - наличием от 50% до 90% таких браков. Формальная численная граница между состояниями "интеграции" и "ассимиляции" характеризуется наличием 50% межэтнических браков, т.к. при оценке степени культурной однородности населения такое состояние отражает *максимальную неопределенность* ситуации по этому признаку. Нижние численные границы состояний этнической инфильтрации, интеграции и ассимиляции фиксируют начало этих процессов, а верхние границы - их завершение и переход в качественно иное состояние.

Эти градации, важные сами по себе, приобретают особое значение при изучении культурных контактов между различными группами древнего населения. Дело в том, что в результате межэтнических браков всегда осуществляется приток в этнос новой, инокультурной информации, что в свою очередь ведет к повышению культурного разнообразия в рамках этого этноса и размыванию в той или иной степени его культурной специфики. Поэтому, опираясь на данные о степени *этнической* однородности современного населения, можно с определенной долей уверенности делать заключения о степени *культурной* однородности древнего населения, возникающей в результате разных видов культурных контактов. Поэтому численная шкала качественно разных состояний культурной однородности древнего населения будет иметь следующий вид:

- I* - культурная инфильтрация - наличие в культуре общества до 10,0% инокультурных элементов;
- II* - культурная интеграция - наличие в культуре общества от 10,0 до 50,0% инокультурных элементов;
- III* - культурная ассимиляция - наличие в культуре общества от 50,0 до 90,0% инокультурных элементов;
- IV* - культурная однородность (практически тождественна состоянию культурной инфильтрации) - наличие в обществе от 90,0 до 100,0% местных культурных элементов.

При использовании этих данных нужно помнить, что *границы* между качественно разными состояниями культурной и этнокультурной однородности имеют условный характер, т.е. сама граница характеризуется *качественной неопределенностью состояния*. Однако по мере удаления от этих границ в центр понятий качественная определенность и надежность всех оценок закономерно возрастают.

* * *

Таким образом, обобщая результаты проведенной систематизации культурных контактов, допустимо говорить о 16 теоретически возможных их разновидностях. Из дальнейшего изложения станет понятным, что не все они были одинаково широко распространены в истории человеческого общества.

Ниже в тексте, а также в таблице (рис. 1) приведен общий перечень 16 разновидностей культурных и этнокультурных контактов, которые могли иметь место в реальной исторической действительности:

По *классу I* - культурные контакты между обществами с *разным уровнем* социально-экономического развития:

- I* - культурные заимствования;
- II* - культурная инфильтрация;
- III* - культурная интеграция;
- IV* - культурная ассимиляция;
- V* - этнокультурные заимствования;
- VI* - этнокультурная инфильтрация;
- VII* - этнокультурная интеграция;
- VIII* - этнокультурная ассимиляция.

По *классу 2* - культурные контакты между обществами с *близким уровнем* социально-экономического развития:

- IX* - культурные заимствования;
- X* - культурная инфильтрация;
- XI* - культурная интеграция;
- XII* - культурная ассимиляция;

- XIII - этнокультурные *заимствования*;
- XIV - этнокультурная *инфильтрация*;
- XV - этнокультурная *интеграция*;
- XVI - этнокультурная *ассимиляция*.

Таковы общие итоги *систематизации* древних культурных контактов.

* * *

Теперь остановлюсь на характеристике *общего процесса* развития культурных контактов (рис. 2). В основу ее положен один единственный критерий, а именно *“степень развитости”* таких контактов. Она определяется двумя факторами: во-первых, тем, кто выступает носителем культурной информации - “вещи” или “люди”, во-вторых, “формой” или “интенсивностью” культурных контактов.

Во все исторические эпохи перемещение в географическом пространстве “вещей” было делом более легким, чем перемещение “людей”, которые всегда привязаны к традиционной среде обитания. Это хорошо видно по многочисленным находкам импортных изделий далеко от тех центров, где они были изготовлены. Отсюда следует, что, как правило, культурные контакты сначала осуществляются путем перемещения “вещей”, а уж затем в них включаются “люди”.

Столь же очевидно, что наиболее простой формой контактов является *“культурное заимствование”*, поскольку оно сводится к переносу того или иного культурного явления из одного общества в другое в готовом виде. Поэтому заимствование ведет к *конгломератному* бытованию инокультурного явления среди аналогичных местных явлений. Кроме того, следует подчеркнуть, что заимствование “вещей” может осуществляться как непосредственно потребителями глиняной посуды, так и ее производителями, а заимствование технических “идей” (т.е. технологических навыков и технических устройств) доступно только непосредственным производителям посуды. Если в первом случае (когда заимствуются готовые изделия) эта посуда может прямо служить удовлетворению нужд потребителя, то во втором случае (при заимствовании “идей”) результаты его попадают к потребителям уже в переосмысленном виде, как правило, в виде “сосудов-подражаний”. Поэтому “культурное заимствование” всегда опережает по времени “этнокультурное заимствование”.

По сути дела, упомянутое выше переосмысление местными гончарами заимствованных технико-технологических “идей” уже представляет собой начальный этап процессов *культурного смешения*, которое является более развитым и сложным видом культурных контактов. Теоретически, при полном цикле оно проходит в своем развитии, как уже отмечалось, три последовательных этапа: инфильтрацию, интеграцию и ассимиляцию. С каждым последующим этапом степень развитости культурных контактов увеличивается. Здесь, как и в предыдущем случае, “культурное смешение” предшествует “этнокультурному смешению”. Однако следует иметь в виду, что в конкретной истории данная последовательность необязательно должна реализовываться полностью. В силу различных конкретно-исторических причин развитие культурных контактов может быть как начато, так и прервано на любом этапе.

Что касается количественных характеристик, то исходным состоянием начала любых культурных контактов является отсутствие таковых, т.е. полная культурная и этнокультурная однородность населения (доля инокультурных элементов теоретически равна 0%). Заимствование, как будет видно из дальнейшего изложения, не имеет каких-либо твердо установленных количественных рамок. Обычно оно проявляется в единичных случаях, но при отсутствии местного производства может быть и весьма массовым (т.е. доля инокультурных элементов в этом случае может изменяться в интервале от 0 до 100%). Как уже отмечалось выше, инфильтрация характеризуется присутствием в материалах памятника, группы памятников или археологической культуры примерно от 0 до 10%, интеграция - от 10 до 50% и, наконец, ассимиляция - от 50 до 90% инокультурных или смешанных элементов.

Легко заметить, что главным результатом любых культурных контактов является *передача культурной информации между разными человеческими коллективами, что ведет к их взаимному или одностороннему культурному обогащению и развитию*. В этом и состоит основная роль таких контактов в истории населения.

* * *

Следующий вопрос касается выяснения того, *как культурные контакты отражаются в основных традициях древнего гончарного производства и его продукции*.

Рассмотрим это последовательно для всех 16 разновидностей контактов. Однако прежде хотелось бы подчеркнуть тот факт, что это первый опыт систематизированного изложения современных представлений и некоторых конкретных данных по гончарству под таким углом зрения. Поэтому в будущем приводимые мною здесь признаки разных культурных контактов неизбежно подвергнутся существенной коррекции и уточнению.

Начнем с обсуждения характерных черт, свойственных культурным контактам *первого класса, т.е. контактам между обществами, находящимися на разном уровне социально-экономического развития*. Здесь специфика состоит в том, что там, где это возможно, следует рассматривать два направления контактов: 1) от общества более развитого к менее развитому и 2) от общества менее развитого к обществу более развитому.

I. Культурные заимствования между обществами с *разным* уровнем социально-экономического развития

Здесь речь идет только о “предметных” заимствованиях, к которым относятся готовая продукция гончара и используемые в производстве технические приспособления.

В огромном большинстве случаев такие культурные заимствования имеют четкое направление - от более развитого к менее развитому обществу, т.е. первое, как правило, выступает в роли доминантного участника контактов. Обратная ситуация, вероятно, имела место крайне редко.

Культурные заимствования, по крайней мере в начале, ограничиваются во всех случаях освоением нового культурного явления *в готовом виде*. Поэтому в сфере продукции гончарного производства они проявляются в попадании в коллектив некоторого числа инокультурных изделий, прежде всего престижного облика. Например, попадание античной греко-римской посуды на территорию так называемой “варварской периферии” [10, с.67-72]. В области техники заимствование может касаться более современных орудий труда гончара, например гончарного круга, обжигательных устройств и некоторых иных приспособлений [11; 12]. В этих случаях часто бывает, что заимствованные технические средства используются в новой среде не по их прямому назначению, которое осталось не полностью известным носителям местных гончарных традиций.

Особо следует отметить, что если в менее развитом коллективе вообще отсутствует собственное гончарное производство, то может иметь место массовое заимствование одной или нескольких основных категорий инокультурной посуды, которые заменяют в данном случае использованные здесь ранее, например, неглиняные емкости. Не вполне строгим, но характеризующим именно данное явление примером может послужить заимствование племенами северо-американских индейцев металлической и фарфоровой посуды, привезенной белыми переселенцами и торговцами [13, с.51-52; 14, с.123-124].

II. Культурная инфильтрация между обществами с *разным* уровнем социально-экономического развития

Это следующий этап культурных контактов, который фиксирует начало возникновения смешанных явлений в культуре, выросших на базе предшествующих культурных заимствований, когда в местной среде имеется собственное гончарное производство. Основное содержание этого этапа состоит в “переосмыслении” в этой среде заимствованной инокультурной посуды или новых орудий труда. Как и в предыдущем случае, господствующим здесь является только одно направление культурных контактов - от обществ более развитых к обществам менее развитым. Вероятно, нельзя исключать возможность и обратного направления контактов, но пока об этом трудно сказать что-нибудь определенное.

В отношении готовых изделий процесс переосмысления состоит в создании местными гончарами так называемых “*сосудов-подражаний*” импортным инокультурным образцам. Само их появление было вызвано тем, что число импортных престижных сосудов, попадавших в местную среду, было не столь значительным, чтобы удовлетворить потребности привилегированной части общества. Эти сосуды-подражания в различной степени воспроизводят, во-первых, общую конструкцию и очертания импортных престижных сосудов, во-вторых, облик внешней поверхности этих сосудов, в-третьих, особенности их декора. В то же время отличительной чертой этих сосудов-подражаний является почти полное сохранение местной традиционной технологии конструирования, и только в приемах обработки внешней поверхности этих изделий могут наблюдаться изменения, связанные с приданием им нового облика. Культурное смешение проявляется в этом случае в начале процесса размывания местных *морфологических* традиций глиняной посуды. Исходя из приведенных выше численных данных, можно определить, что количество таких сосудов-подражаний должно составлять не более 10% от общего объема посуды, например поселения или культуры, а количество заимствованных импортных прототипов должно соответственно быть значительно меньшим.

Что касается орудий труда и технических приспособлений, то здесь культурные контакты проявляются в единичных опытах изготовления местными гончарами орудий-подражаний импортным образцам. Часто такие подражания передают только общий облик орудия, без соблюдения специфических конструктивных его особенностей [12]. Продолжается, вероятно, также использование этих орудий не по своему прямому назначению.

III. Культурная интеграция между обществами с *разным* уровнем социально-экономического развития

В случае, если культурные контакты продолжают достаточно длительное время (вероятно, не менее одного поколения) или систематически возобновляются, то на основе культурной инфильтрации может развиваться следующий этап смешения - культурная интеграция. Как и в предыдущем случае, преимущественное направление культурных контактов - от более развитых обществ (доминантных) к менее развитым (рецидивным) обществам.

В сфере готовой продукции эта разновидность культурных контактов фиксируется следующими признаками. Во-первых, увеличивается доля импортной престижной посуды по сравнению с этапом культурной инфильтрации (в количественном отношении она, вероятно, доходит до 10%, приближаясь к верхней границе инфильтрации), а также расширяется ассортимент заимствованной посуды. В него начинает вклю-

Уровни систематики	Историко-культурное содержание разных уровней систематики культурных контактов				
I. Класс	Социально-экономическое развитие контактирующих обществ	1. Разное		2. Близкое	
II. Группа	Носители культурной информации	1. "Вещи"	2. "Люди"	1. "Вещи"	2. "Люди"
III. Вид	1. Культурное заимствование	I	V	IX	XIII
	2. Культурное смешение:				
IV. Вариант	1. Инфильтрация	II	VI	X	XIV
	2. Интеграция	III	VII	XI	XV
	3. Ассимиляция	IV	VIII	XII	XVI

Рис. 1. Общая систематика древних культурных контактов

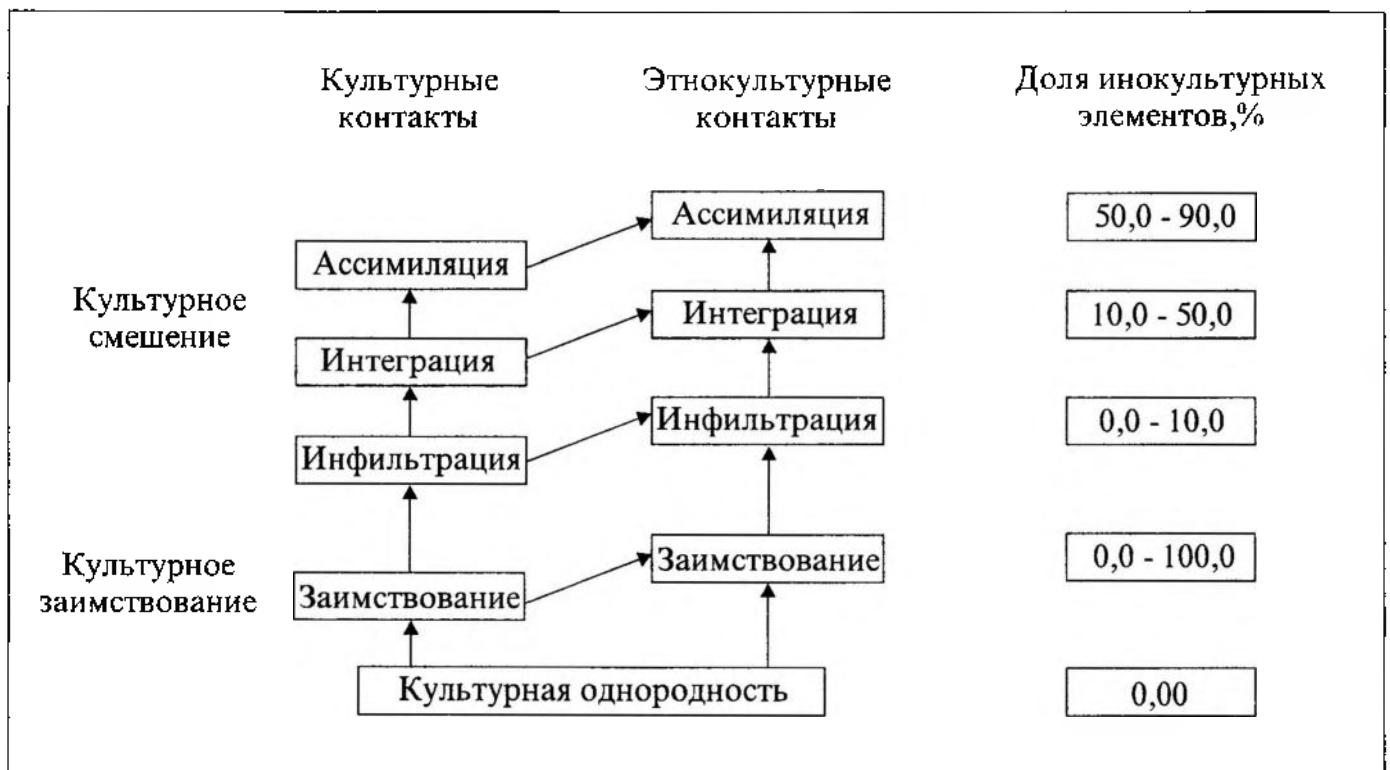

Рис. 2. Общая схема развития древних культурных контактов

чаться помимо явно престижной, вероятно, также и часть обычной посуды более развитого общества. Вторых, продолжает увеличиваться число сосудов-подражений, выполненных местными гончарами. Их доля в зависимости от степени развития интеграционных процессов может находиться в пределах от 10 до 50% от общего количества посуды. Увеличение числа таких сосудов отражает процесс дальнейшего распространения в обществе смешанных морфологических традиций при сохранении неизменными основных традиций в местной гончарной технологии. В ходе развития интеграционных процессов может наблюдаться частичное снижение внешнего “качества” сосудов-подражений из-за того, что в круг их изготовителей включаются не только наиболее квалифицированные и талантливые гончары, как в предшествующий период, но также и гончары средней квалификации. Таким образом, диапазон качества сосудов-подражений становится более широким, а близость части из них к прототипам уменьшается.

Пока трудно сказать, как культурная интеграция проявляется в области гончарной техники. Этот процесс практически не изучен. Можно предполагать, что число местных орудий-подражений на этом этапе увеличивается, а их распространение в местной культурной среде становится более широким.

IV. Культурная ассимиляция между обществами с *разным* уровнем социально-экономического развития

Это состояние культурных контактов отмечает следующий этап их развития по сравнению с культурной интеграцией. Здесь возможно только одно направление контактов - от более развитого общества к менее развитому. Вообще, вероятно, существует некоторая общая зависимость, связанная с тем, что по мере углубления культурных контактов их направление становится все более и более однозначным. Например, заимствование культурных явлений менее развитым обществом у более развитого не только возможно, но и является достаточно обычным; допустима также и обратная ситуация. Однако весьма маловероятно, чтобы менее развитое общество играло доминирующую роль в процессе культурной интеграции, а тем более культурной ассимиляции (именно культурной а не этнокультурной) общества, более развитого в социально-экономическом отношении.

В области гончарного производства культурная ассимиляция проявляется в форме массового распространения в инокультурной среде более совершенной, чаще всего, ремесленной посуды. Доля ее может составлять от 50 до 90%. Наряду с этим неизбежно происходит резкое сокращение числа сосудов-подражений, выполненных местными гончарами. В них просто исчезает надобность. Импортная массовая посуда сохраняет целиком свою первоначальную более совершенную технологию в некоторых приспособительных и субстратных навыках, но в том, что касается ее внешнего облика, она может включать отдельные черты (в характере поверхности и особенно орнаментации), свойственные местному населению. Эти черты специально воспроизводятся гончарами более развитого общества с целью удовлетворения традиционных вкусов потребителей. Важно подчеркнуть, что это может достигаться совершенно иными технологическими приемами. Таким образом, здесь как бы имеет место процесс обратного культурного влияния, который выражается в некотором расширении традиций внешнего оформления посуды у гончаров более развитого общества. При последовательном углублении ассимиляционных процессов местное гончарное производство постепенно разрушается и в конечном счете прекращает свое функционирование. Это имело место в абсолютном большинстве случаев, когда изделия традиционного гончарства сталкивались с распространением фабричной продукции.

* * *

Следующая группа культурных контактов принципиально отличается от разобранных выше тем, что основными носителями культурной информации в них являются не готовые изделия, а их непосредственные создатели, т. е. сами гончары. В этом случае формой существования культурной информации являются конкретные *навыки труда*.

V. Этнокультурные заимствования между обществами с *разным* уровнем социально-экономического развития

Такого рода заимствования могут осуществляться разными способами. Весьма распространенным среди них является насильственное переселение квалифицированных ремесленников (в частности, гончаров), захваченных в ходе военных действий, на новое место жительства. Естественно, что в этом случае происходит перенос всего производства в целом [15, с. 17]. Наблюдающиеся при этом изменения будут касаться только начальных приспособительных навыков, связанных с использованием новых источников глинистого сырья. Вместе с тем, под влиянием требований новых, инокультурных заказчиков могут также меняться и некоторые детали внешнего оформления изделий, например, включаться отдельные местные элементы декора.

По-иному происходит заимствование производственных “знаний” и “навыков труда”. Здесь прежде всего речь идет о так называемых “производственных секретах” инокультурного мастера. Причем заимствуются они часто способом, который в современную эпоху получил название “промышленный шпионаж”. Так, из этнографии Восточной Европы известны случаи, когда гончар, скрыв свое мастерство, нанимался учеником к мастеру, который делал посуду более высокого качества или какого-то особого внешнего

облика, с целью завладеть его технологическими секретами. По прошествии иногда нескольких лет он возвращался в родные места и начинал делать посуду с использованием этой новой заимствованной технологии [7, с. 220]. Такие контакты, во-первых, имеют все-таки характер единичных случаев, во-вторых, касаются прежде всего заимствования более совершенных технологических приемов.

Однако при этом нельзя исключать вероятность того, что они могли иметь место и в отношении мастеров примерно близкого уровня, но делавших какую-то “особую” посуду, например чернолощеную, которая пользовалась повышенным спросом, но которую не умели делать местные гончары. По данной классификации такие заимствования относятся к разновидности XIII.

VI. Этнокультурная инфильтрация между обществами с *разным* уровнем социально-экономического развития

Скорей всего, здесь можно говорить только об одном направлении культурных контактов - от общества более развитого к обществу менее развитому. Контакты противоположного направления, если они и имели место, не могут быть зафиксированы в материале, поскольку попадание отдельных носителей менее развитых гончарных навыков в инокультурную среду с более развитым гончарным производством вело бы к исключению этих индивидов из производственного процесса. Последнее неизбежно, т. к. они в этом случае оказывались практически лишены сферы сбыта своей продукции.

При этнокультурной инфильтрации носителей более развитых гончарных традиций в инокультурную среду в результате переселения попадает либо один гончар, либо одна или несколько семей гончаров. Пришлые гончары приносят с собой весь или почти весь ассортимент своей посуды и традиционные технико-технологические знания и навыки. Адаптация их начинается с освоения свойств местных источников сырья, т. е. глины и неглинистых добавок, придающих этим глинам те или иные полезные свойства [7, с. 73-79, 89-99]. Будучи более развитыми в экономическом и культурном отношении, они могут в течение какого-то времени сохранять свои традиционные морфологические особенности посуды. В случае, если инфильтрация была кратковременной и не получила дальнейшего продолжения, эти первые переселенцы, как правило, в течение 2-3 поколений утрачивают в основном свою культурную специфику и растворяются среди местного населения. Эта форма культурных контактов проявляется в материале памятника, во-первых, в виде редких экземпляров импортной бытовой посуды, во-вторых, в виде незначительного количества (до 10%) внешне инокультурной посуды, но имеющей смешанные с местными приспособительные традиции и инокультурные субстратные традиции в технологии гончарного производства.

В области гончарной техники проявления смешанности могут наблюдаться, вероятно, только в использовании при создании технических средств местных природных материалов.

VII. Этнокультурная интеграция между обществами с *разным* уровнем социально-экономического развития

Если инфильтрация инокультурного населения непрерывно возобновляется в течение достаточно длительного времени, то процесс смешения постепенно переходит в свою более развитую форму, а именно в форму “культурной интеграции”. Поэтому данная разновидность культурных контактов является дальнейшей стадией развития этнокультурной инфильтрации.

Сходные результаты могут возникнуть и при одноактном переселении в инокультурную среду достаточно значительной по численности группы населения и ее постепенном смешении с аборигенами. Здесь, прежде всего, ярко проявляются отношения доминантности и рецессивности всех культурных традиций в гончарстве. В результате этого гончарные традиции смешанного населения характеризуются наличием как бы двух культур в этой области - более развитой и менее развитой. На этапе ремесленного производства это может проявляться в оформлении особенностей “городского” и “сельского” ремесел, продукция которых, как правило, достаточно резко различается по технологическим и особенно по морфологическим традициям [16, с. 342-353]. На доремесленном этапе, вероятно, именно такого рода культурные контакты лежат в основе формирования в обществе разных традиций изготовления так называемой “столовой” и “кухонной” посуды [17, с. 199-201, 209-222, 228-252].

Таким образом, данная форма культурных контактов характеризуется наличием в обществе двух массовых групп посуды (в количестве примерно от 10 до 50%), которые достаточно явно различаются по культурным традициям в технологии, формах и орнаментах сосудов. Имеющиеся наряду с этим общие черты в гончарных традициях носят явно подчиненный характер.

Вероятно, этот вид культурных контактов проявлялся по-разному, в зависимости от направления культурной интеграции: от более развитого общества к менее развитому или наоборот. Однако пока эти особенности еще совершенно не изучены.

VIII. Этнокультурная ассимиляция общества с *другим* уровнем социально-экономического развития

В результате продолжающегося углубления процесса этнокультурной интеграции постепенно происходит этнокультурная ассимиляция общества, менее развитого в социально-экономическом отношении. При этом различия в степени доминантности и рецессивности между контактирующими обществами достигают

своего наибольшего развития.

В этом случае имело место сочетание двух процессов: во-первых, смешение пришлых доминантных и местных рецессивных гончарных традиций и, во-вторых, разрушение в ходе этого процесса местных гончарных производств, которые не могли конкурировать с инокультурными носителями более развитых гончарных традиций. В результате этих двух процессов происходило "размывание" и достаточно интенсивное разрушение местных культурных традиций в гончарстве. Более быстро процесс этнокультурной ассимиляции проявлялся, вероятно, в области морфологии глиняной посуды (в формах сосудов и орнаментации) в связи с меняющейся у местного населения "модой" на посуду, несколько более замедленно - в сфере гончарной технологии, которая была скрыта от глаз потребителя посуды.

Данная форма культурных контактов отражается в материале в виде преобладания инокультурной более совершенной посуды (примерно от 50 до 90%). Такая более совершенная посуда может нести на себе отдельные элементы морфологии, характерные для посуды аборигенов. Традиционные местные формы посуды составляют менее 50%, и при достаточно глубоко зашедшем процессе ассимиляции они могли сохраняться только в виде сосудов с какими-то очень узкими специфическими функциями (например, ритуальные или погребальные сосуды). Смешанность технологических традиций наблюдается главным образом в области субстратных навыков труда в сочетании с большей однородностью приспособительных навыков. Очевидно, что возможности изучения конкретного хода этнокультурной ассимиляции в большой мере зависят от детальной хронологизации посуды с разными культурными традициями.

Особенности проявления в керамическом материале обратного направления этнокультурной ассимиляции, т. е. ассимиляции менее развитым обществом более развитого, практически не изучены.

* * *

Теперь переходим к рассмотрению культурных контактов второго класса - между обществами, *близки* по уровню своего социально-экономического развития.

IX. Культурные заимствования между обществами с *близким* уровнем социально-экономического развития

Здесь возможны две ситуации. Первая касается случая, когда в обоих обществах имеется собственное гончарное производство. Тогда культурные заимствования касаются единичных образцов посуды, которые либо обладают какими-то особыми качествами, либо относятся к категории обычной бытовой посуды. Заимствование при этом осуществляется, как правило, в форме обмена или дарения и является обычно двусторонним. Вторая ситуация фиксирует случай, когда собственное производство имеется только в одном из контактирующих обществ. Здесь происходит массовое заимствование одной или нескольких категорий обычной бытовой посуды, реже - всего ее набора. Случаи этнической или этнокультурной специализации человеческих коллективов и целых племен, когда посуда делается ими не только для себя, но и для соседей из другого племени, хорошо известны по данным этнографии [18, с.70-71, 131-132].

С точки зрения особенностей культурных традиций в гончарстве, обе ситуации проявляются одинаково. Заимствованная посуда характеризуется своими собственными культурными признаками в технологии, формах и орнаментике. Только в первой ситуации она встречается в единичных экземплярах, сосуществуя (но не смешиваясь) с местной массовой посудой, а во второй ситуации вся посуда является достаточно однородной по своим признакам и сходной с посудой или отдельными категориями посуды одной из соседних групп населения.

Важно подчеркнуть, что здесь (как и при культурных заимствованиях между разными в социально-экономическом отношении группами населения), хотя и не происходит смешения ни морфологических, ни технологических гончарных традиций, может закладываться фундамент для возникновения такового. Оно проявит себя в рамках следующей разновидности культурных контактов.

X. Культурная инфильтрация между обществами с *близким* уровнем социально-экономического развития

Это следующий этап развития культурных контактов. Такие контакты, как правило, двусторонни и представляют собой обычное явление на границе двух этнических или культурных групп населения.

Поскольку оба контактирующих человеческих коллектива находятся примерно на одном уровне социально-экономического развития, трудно предполагать широкое распространение в каждом из них сосудов-подражаний инокультурным образцам. Это может касаться только каких-то единичных форм посуды, возможно, имевших ритуальный характер. Поэтому для обоих коллективов контакты в форме культурной инфильтрации будут проявляться здесь через наличие в материале достаточно стабильного количества инокультурной бытовой посуды (примерно до 10%), отличающейся по характеру технологических и морфологических культурных традиций. При этом отсутствуют признаки смешения гончарных традиций, носителями которых были члены двух контактирующих групп населения.

XI. Культурная интеграция между обществами с *близким* уровнем социально-экономического развития

Эта разновидность контактов фиксирует процесс дальнейшего углубления культурного смешения двух групп древнего населения. Вероятно, она преимущественно характерна для эпохи ремесленного гончарного производства. Культурная интеграция может быть как взаимной, так и направленной в одну сторону.

В первом случае взаимопроникновение и распространение элементов культуры идет более медленно и является следствием достаточно длительного совместного бытования этих групп на одной и той же или соседних территориях, что ведет к постепенному накоплению инокультурных элементов в местной среде.

Во втором случае, напротив, процесс культурной интеграции может идти более ускоренными темпами за счет того, что между контактирующими группами населения возникают отношения *доминантности и рецессивности*. Причем важно заметить, что интенсивность проникновения инокультурных элементов зависит от того, насколько сильно различаются по степени доминантности и рецессивности контактирующие группы населения. Чем эти различия значительнее, тем с большей интенсивностью идет этот процесс. Для эпохи первобытности степень доминантности и рецессивности контактирующих групп населения в конечном счете определяется их относительной численностью.

Поскольку речь идет об обществах, сходных по уровню социально-экономического развития, то здесь трудно предполагать широкое распространение традиции изготовления сосудов-подражаний и соответственно формирования достаточно массовых смешанных морфологических или тем более технологических гончарных традиций у местного населения. Поэтому культурное смешение осуществляется прежде всего в среде потребителей глиняной посуды за счет расширения ее ассортимента. В этом случае в зависимости от глубины интеграционных процессов доля инокультурной посуды может составлять от 10 до 50%.

XII. Культурная ассимиляция общества с *близким* уровнем социально-экономического развития

Строго говоря, в доремесленную эпоху чисто "культурная" (т.е. предметная) интеграция между обществами с близким уровнем социально-экономического развития, а уж тем более ассимиляция одним из таких обществ другого - это явление, вероятно, весьма редкое и нетипичное. Дело в том, что столь глубокое культурное смешение таких обществ обычно сопровождалось смешением и самих непосредственных носителей культурных традиций, т.е. по данной классификации оно должно относиться к группе "этнокультурных" контактов.

Тем не менее, культурные контакты, о которых идет речь в данном разделе, могли все-таки быть исторически реальными, скорее всего при сочетании двух условий: во-первых, если в этих обществах имеется достаточно развитое ремесленное производство глиняной посуды, во-вторых, если они сильно отличаются друг от друга по степени доминантности и рецессивности, т.е. по численности населения. Такая форма культурных контактов, вероятно, не будет сопровождаться смешением разных гончарных традиций, а будет происходить путем постепенного вытеснения и разрушения местного гончарного производства и перехода потребителей на использование инокультурной по первоначальному происхождению глиняной посуды. Ее количество на разных этапах культурной ассимиляции может составить от 50 до 90%.

XIII. Этнокультурные заимствования между обществами с *близким* уровнем социально-экономического развития

Данная разновидность культурных контактов, вероятно, весьма редко имела место на практике. Некоторые особенности ее проявления уже обсуждались при разборе разновидности V (см. выше).

XIV. Этнокультурная инфильтрация между обществами с *близким* уровнем социально-экономического развития

Такие контакты представляют собой, судя по данным этнографии и археологии, обычное явление на границе разных этнических групп. Они характеризуются наличием небольшой доли посуды (до 10%) со смешанными технологическими (в сфере приспособительных навыков) и морфологическими традициями ее изготовления (прежде всего, в сфере орнаментации) и абсолютным преобладанием (свыше 90%) посуды, выполненной в соответствии с местными культурными традициями во всех сферах гончарства.

XV. Этнокультурная интеграция между обществами с *близким* уровнем социально-экономического развития

Культурные контакты этой разновидности были наиболее массовыми и распространенными в первобытную эпоху и являлись основой для возникновения интенсивных процессов смешения между носителями разных культурных традиций в гончарстве [19, с. 45-62]. В ходе смешения между ними возникали отношения доминантности и рецессивности. Как правило, доминантными становились местные гончары, которые были и более многочисленны, и хорошо знакомы с ближайшими источниками сырья. Смешение культурных традиций постепенно захватывало все сферы гончарного производства.

В керамическом материале эта форма культурных контактов проявляется в наличии на памятниках от

10 до 50% посуды со смешанными приспособительными традициями и частично или полностью смешанными субстратными традициями в технологии, а также смешанными культурными традициями в формах и орнаментах глиняной посуды. В зависимости от конкретных условий сложившееся состояние смешанности могло либо консервироваться и сохраняться достаточно долгое время примерно на одном уровне, либо продолжать углубляться, что вело к возникновению новой разновидности культурных контактов между этими группами населения.

XVI. Этнокультурная ассимиляция общества с близким уровнем социально-экономического развития

Данный случай является логическим завершением развития предыдущей формы культурных контактов. Когда контактирующие группы населения значительно отличаются друг от друга по степени доминантности и рецессивности, сам процесс этнокультурной интеграции таких обществ идет более интенсивно, постепенно переходит ее пределы и завершается этнокультурной ассимиляцией рецессивной группы населения.

Вследствие близости уровня развития этих обществ у них в ходе смешения носителей разных гончарных традиций достаточно быстро распространяется посуда, во внешнем облике которой преобладают традиции доминирующей группы населения. Эта посуда характеризуется также однородностью смешанных приспособительных традиций и доминированием инокультурных или смешанных субстратных традиций в сфере гончарной технологии. В целом, такая посуда должна составлять от 50 до 90% материалов поселения или археологической культуры.

На этом завершается рассмотрение вопроса о том, как выделенные разновидности культурных и этнокультурных контактов разных групп населения отражаются в культурных традициях древнего гончарства.

* * *

В связи с предпринятым анализом содержания разных культурных контактов следует отметить несколько важных моментов. Во-первых, для обществ с разным уровнем социально-экономического развития весьма характерны как культурные, так и этнокультурные контакты. Во-вторых, для обществ с близким уровнем социально-экономического развития преимущественно характерны именно этнокультурные контакты, а среди культурных контактов - главным образом, начальные их формы, т.е. культурные заимствования и культурная инфильтрация. В-третьих, для таких обществ трудно предполагать распространение в доремесленную эпоху культурной интеграции и ассимиляции в "чистом" виде, т.е. без какого-либо участия в смешении непосредственных производителей посуды как носителей культурной информации в гончарстве. Нельзя исключать, что в действительности такого рода контакты более правомерно будет квалифицировать как "этнокультурные" и относить их не к разновидностям XI и XII, а к разновидностям XV и XVI.

* * *

В соответствии с логикой изложения сейчас следовало бы обсудить вопрос о современных возможностях изучения древних культурных контактов по керамическому материалу из раскопок. В качестве основных источников здесь могут выступать *форма сосудов, их орнамент и технология*. Однако сегодня, по сути дела, только технология гончарного производства в достаточной мере обеспечена необходимыми методическими разработками, которые, во-первых, подробно изложены в специальной литературе [7] и, во-вторых, уже прошли длительную апробацию при изучении конкретных археологических материалов [5; 6; 20; 21; 22]. Изучение историкоэтнографических возможностей форм посуды и орнаментов на сосудах пока еще далеко от завершения [23; 24; 25].

Поэтому в рамках данной статьи я ограничусь обсуждением только двух аспектов этого вопроса: *во-первых, еще раз напомню об основном механизме передачи гончарных навыков между разными поколениями, во-вторых, продемонстрирую важность учета полового разделения труда при изучении социальной структуры человеческих коллективов в эпоху первобытности*.

Одной из фундаментальных основ интерпретации данных о культурных традициях в гончарстве является знание *механизма передачи гончарных навыков между разными поколениями*. Исследованиями А. А. Бобринского установлено, что даже в XX столетии навыки работы с глиной на территории Восточной Европы передавались главным образом *по родственному каналу по мужской или женской линии в зависимости от того, мужчина или женщина были носителями этих навыков. Это осуществлялось путем постепенного и непосредственного обучения учеников всем этапам производственного процесса* [7, с. 242]. Такой механизм передачи навыков между поколениями зафиксирован, несмотря на развитый ремесленный характер производства, примерно в 70% случаев. Вероятно, в эпоху первобытности он практиковался значительно шире, приближаясь к 100%. Это подтверждается многочисленными данными о примитивном гончарстве практически из всех районов земного шара, где оно в таких формах сохранилось до этнографической современности [26].

При таком способе передачи навыков успешное выполнение работы целиком зависело от того, насколько строго ученик следовал указаниям своего учителя, т.е. гончара старшего поколения. Любое произвольное отступление от традиций с неизбежностью вело к значительному увеличению бракованной посуды на этапе сушки и обжига. Поэтому возникновение смешанных традиций в технологии гончарства могло происходить только в результате нарушения культурной однородности носителей навыков, т.е. в результате культурных смешений носителей разных гончарных традиций. А такие смешения, в свою очередь, были

возможны в условиях первобытности прежде всего в форме брачных контактов между членами коллективов с разными культурными традициями в сфере гончарного производства.

Поэтому изучение по древней керамике таких смешанных гончарных традиций позволяет реконструировать процессы культурного и этнокультурного смешения разных групп древнего населения. Изучение степени смешанности культурных традиций и их носителей позволяет получить информацию о характере контактов, имевших место между этими группами населения.

Для более углубленного изучения содержания процессов культурного и этнокультурного смешения и для реконструкции социальной структуры древних коллективов весьма важным представляется вопрос о *половом разделении труда в эпоху первобытности*.

В этнографической литературе широко распространен тезис о том, что *первобытный род (как и родовая община) не может выступать в роли накопителя и хранителя этнокультурной информации* [9, с. 128-129]. В качестве аргумента при этом приводится такое свойство рода, как "экзогамность", т.е. запрет внутри него брачных отношений, что ведет к постоянному размыванию культурной специфики рода. Специальное изучение демографических данных указывает, что "род" и "родовая община" на протяжении всей первобытной эпохи в значительной мере совпадают по своему составу. Судя по имеющимся данным, эта степень совпадения количественно может быть оценена в интервале от 75% до 83%. В связи с этим более правомерной представляется постановка вопроса о том, может ли в качестве хранителя культурной информации выступать не род, а родовая община. И ответ на него при ближайшем рассмотрении оказывается далеко не столь однозначным.

Напомним, что родовая община существовала в двух основных формах - *матрилокальной и патрилокальной*, а наиболее ранней формой разделения труда в общине было разделение его по *полу и возрасту*. Это означало, что одни виды деятельности традиционно были делом *мужской* части общины, а другие виды деятельности - делом *женской* ее части. Вполне очевидно, что, систематически выполняя строго определенные виды деятельности, представители каждого из полов выступали в роли "хранителей" той части производственной и иной информации, которая обеспечивала успешное выполнение этой деятельности. Следовательно, саму культурную информацию (в том числе и производственного характера) следует рассматривать не суммарно, а в двух основных формах - в форме "*женской культурной информации*" (или "*матриинформации*") и в форме "*мужской культурной информации*" (или "*патриинформации*"). Отсюда следует, что матрилокальная община (т.е. община, где женщины составляли ее неподвижное ядро) являлась хранителем и накопителем в первую очередь именно матриинформации, а патрилокальная община (где родовое ядро составляли мужчины) была соответственно хранителем и накопителем прежде всего патриинформации.

Таким образом, эти две формы культурной информации следует рассматривать в единстве, поскольку они обладают свойством "дополнительности" по отношению друг к другу. Такой подход к изучаемым явлениям позволяет значительно более осмысленно анализировать и интерпретировать археологический материал.

Покажу это на примере. Хорошо известно, что для эпохи неолита вещественные остатки на поселениях представлены практически двумя видами. С одной стороны, это изделия из кремня, обломки изделий и отходы производства, а с другой - это обломки бытовой глиняной посуды. Соответственно те и другие являются основными объектами анализа со стороны археологов. Судя по многочисленным этнографическим материалам, в эпоху первобытности изготовление изделий из кремня было по-преимуществу мужским занятием, а изготовление посуды - по-преимуществу женским. Отсюда следует, что если при изучении материалов конкретного поселения мы зафиксируем однородность традиций обработки кремня (т.е. однородность патриинформации) и смешанность гончарных традиций, то мы вправе высказать предположение, что данное поселение было местом обитания патрилокальной родовой общины. Напротив, если будут зафиксированы однородность гончарных традиций (т.е. однородность матриинформации) и смешанность традиций обработки кремня, то более справедливым будет вывод о том, что в данном случае мы имеем дело с матрилокальной родовой общиной. Не будучи специалистом, я затрудняюсь высказать заключение о состоянии традиций обработки кремня в неолите лесной зоны Восточной Европы. Однако смешанность гончарных традиций у этого населения на протяжении всего неолита не вызывает сомнений. Вопрос состоит только в том, чтобы оценить, какого характера эта смешанность: *внутриэтническая* или *межэтническая*. Судя по имеющимся данным, здесь правомерно, по крайней мере в большинстве случаев, говорить о межэтнической смешанности. В одних случаях она связана с процессом формирования археологических культур из двух глубоко различных в культурном отношении групп населения (верхневолжская, культура с ямочно-гребенчатой керамикой, волосовская) [27], в других случаях эта смешанность есть результат контакта носителей этих культур друг с другом [5].

Таким образом, имеющиеся данные, несмотря на некоторую их неполноту, позволяют сделать вывод, что древние неолитические племена лесной зоны Восточной Европы по-преимуществу были организованы в *патрилокальные родовые общины*, культурная замкнутость которых нарушалась прежде всего за счет межэтнических контактов.

* * *

Подведем общие итоги. Прежде всего напомним, что в результате систематизации культурных контактов по четырем иерархическим уровням были выделены 16 их разновидностей, которые, вероятно, охватывают все разнообразие взаимодействий между разными человеческими коллективами, имевшее место в древ-

ней истории. Основным результатом любых таких контактов является передача определенной культурной информации между человеческими коллективами, что, в конечном счете, ведет к их взаимному или одностороннему культурному обогащению и развитию. Происходит увеличение культурного разнообразия в обществе и уменьшение его культурной однородности. Причем характер этого разнообразия будет в большой мере определяться тем, имеем ли мы дело с "культурными" или "этнокультурными" контактами, т. е. *вещи* или *люди* будут выступать носителями культурной информации. В зависимости от конкретной исторической ситуации возникшее на основе таких контактов культурное разнообразие может, спустя некоторое время, либо вновь уменьшиться, либо, напротив, сохраняться неопределенно долго.

Полный цикл контактов начинается с первоначального нарушения культурной однородности населения в результате *заимствования* отдельных элементов чужой культуры, на основе которого позднее возникают смешанные ее элементы. Этот процесс, все более углубляясь, проходит в своем развитии три последовательные стадии: *инфильтрацию*, *интеграцию* и, наконец, *ассимиляцию* местных культурных элементов. В конечном счете цикл завершается формированием новой культурной однородности населения. Наблюдения над этнографическими данными о степени смешанности современных народов позволяют наметить примерные количественные характеристики разных форм культурных контактов.

Изложение вопроса о том, как выделенные разновидности контактов отражаются в гончарных традициях древнего населения, оказалось весьма сложным по целому ряду причин. Во-первых, это первый опыт систематизации данных о культурных традициях в гончарстве под таким углом зрения, во-вторых, в ходе написания статьи значительно более определенно, чем прежде, стали видны существующие сегодня пробелы в конкретных знаниях о традициях в разных сферах гончарства. Поэтому в дальнейшем изложенные здесь признаки разных культурных контактов неизбежно будут подвергнуты и детализации, и уточнению. В настоящее время мне представляется важным прежде всего попытаться очертить общий контур данной проблемы.

Как уже отмечалось выше, сегодня пока еще затруднительно в полной мере ставить и обсуждать вопрос об источниковедческих возможностях всего спектра гончарных традиций в связи с изучением культурных контактов между разными группами древнего населения. Это станет осуществимым после углубленного изучения свойств этих традиций в сфере форм глиняной посуды и ее орнаментации. Тем не менее, такой источниковедческий анализ все равно должен будет опираться на некий фундамент. Частью его является механизм передачи гончарных навыков от одного поколения к другому, который в наиболее чистом виде проявляется в эпоху доремесленного гончарства, но продолжает сохраняться и в условиях ремесленного гончарного производства. Суть его состоит в передаче гончарных навыков в родственной среде по женской или мужской линии, т. е. с учетом полового разделения труда.

Наличие в человеческом обществе устойчивых связей разных видов трудовой деятельности с разными полами индивидов заставляет думать, что целенаправленный учет этой информации также может существенно углубить понимание историко-культурного содержания древних этнокультурных процессов, в частности, характера культурных контактов между разными группами населения и социальной структуры этих групп. Пока это не более чем достаточно вероятная гипотеза, которая еще нуждается в детальном обосновании. Тем не менее, уже сегодня на ее основе допустимо высказать предположение о *патрилокальности родовых общин* неолитического населения лесной зоны Восточной Европы. Поэтому мне казалось важным обратить внимание специалистов, занятых изучением других видов вещественных источников, на желательность учета этой информации.

Таким образом, сегодня могут быть намечены некоторые конкретные перспективы изучения разных видов культурных контактов по данным о традициях древнего гончарного производства. Практическая реализация этих перспектив станет возможной после углубления наших знаний об источниковедческих возможностях разных компонентов этой сферы человеческой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Советский энциклопедический словарь. М., 1985.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973.
3. Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы исторических контактов). М., 1978.
4. Бобринский А. А. Формы бытовой глиняной посуды черняховской культуры (Методы анализа и классификации). М., 1984. (Рукопись плановой темы // Архив лаборатории "История керамики" ИА РАН).
5. Цетлин Ю. Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.
6. Волкова Е. В. Гончарство фатьяновских племен. М., 1996.
7. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
8. Бобринский А. А. Гончарная технология как источник информации о процессах смешения древнего населения // Тезисы докладов советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. М., 1980.
9. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
10. Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967.
11. Бобринский А. А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II - V вв. н. э.). М., 1991.
12. Бобринский А. А. Гончарный круг и его происхождение. Екатеринбург, 1993.
13. Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974.

14. *Дзенiskeвич Г. И.* Атапаски Аляски. Очерки материальной и духовной культуры. Конец XVIII - начало XIX в. Л., 1987.
15. *Гальперин А. Л.* Очерки истории Японии в 1640-1700 гг. // Ученые записки Института востоковедения. Т. 15. М., 1956.
16. *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948.
17. *Археология Украинской ССР.* Т. 1. Киев, 1985.
18. *Кауэлл А.* В сердце леса. М., 1964.
19. *Цетлин Ю. Б.* К проблеме сосуществования неолитических культур Верхнего Поволжья // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.
20. *Салугина Н. П.* Технология гончарного производства населения Среднего Поволжья в эпоху раннего средневековья (по материалам именьковской культуры): Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1988.
21. *Васильева И. Н.* Гончарство Волжской Болгарии в X-XIV вв. Екатеринбург, 1993.
22. *Ламан В. Г.* Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II тысячелетия до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.
23. *Бобринский А. А.* Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.
24. *Волкова Е. В.* Историко-культурный подход к изучению орнаментов на древней глиняной посуде // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения). Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Куйбышев, 1991.
25. *Цетлин Ю. Б.* Общие принципы декорирования древней глиняной посуды (к постановке проблемы). Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
26. *Ширельман В. А.* Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов). Екатеринбург, 1993.
27. *Цетлин Ю. Б.* Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА. 1980. № 4.

*Институт археологии РАН,
Москва*

Y.B. Tsetlin

**CULTURAL CONTACTS IN ANTIQUITY
(THEIR GENERAL SYSTEMATICS AND REFLECTION IN CULTURAL TRADITIONS OF POTTERS)**

Summary

The article deals with cultural contacts between various groups of ancient population, and is based on the data concerning the cultural traditions in pottery making. The general systematics of the cultural contacts is given in the article, as well as the role of cultural contacts in the history of the population is outlined. In addition it is shown how various cultural contacts influence ancient pottery production and are reflected in the way clay vessels are produced. Moreover, two major questions relevant to historical interpretation of archaeological data concerning the cultural contacts, are debated in the article. The first concerns the mechanism of transition of labour skills from one generation of potters to another. The second deals with distribution of various aspects of labour between the sexes in the primitive society in relation to the structural pattern of the ancient society.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

В. В. Сидоров

ТРАНСФОРМАЦИИ И МИГРАЦИИ КУЛЬТУР КАМЕННОГО ВЕКА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Переходя к исторической интерпретации археологической информации, мы вынуждены переходить и на язык более широкой науки, подставлять под археологические понятия реалии, описываемые этнологией. Первое из специальных понятий - археологическая культура. Практическое его применение - это всего лишь группировка комплексов по принципу близости к эталону. Рамки такой близости задаются условно (а потому не могут быть переведены в исторические реалии генезиса, развития), хотя и делаются попытки найти естественные границы таких группировок и истолковать их исторически.

Широко используемый подход предполагает у археологической культуры определенный набор материальных признаков. В этом он совпадает с одним из вариантов этнографического подхода к этносу, где последний характеризуется также набором этноопределяющих признаков. В обоих случаях обсуждается лишь вес признаков, их значение для этноразличия. Это, однако, касается только синхронных групп, но этнография и имеет дело с принципиально синхронными источниками (диахронность, развитие в ней только реконструируются). Археология же в основном имеет дело с диахронными источниками (хотя существуют памятники, позволяющие реконструировать ситуацию, этнографическую конкретику). Суть этноса не в наборе его признаков - это только его локально-хронологическое проявление. Она - в передаче и сохранении информации, в связи между современниками и поколениями. Этнос есть среда сохранения и функционирования культуры, а археологическая культура - материальный след этноса.

Необходимо уточнить и понятие КУЛЬТУРА. Широко используемое определение Э. С. Маркаряна "культура есть специфически человеческая деятельность" [1] включает в себя, с одной стороны, тавтологию, поскольку суть человека тоже определяется через понятие культуры, с другой стороны, неограниченное расширение - "деятельность". Суть культуры в том, что она - ОБЩЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ, информация, передаваемая путем научения, и средства сохранения информации (кодирования и декодирования информации) [2]. В таком смысле культура не может быть материальной. Материальны лишь следы ее, по которым она реконструируется. Но в таком случае она не может ограничиваться набором признаков, представляя собой сеть реконструируемых связей.

Включение в понятие культуры критериев пространства и времени неправомерно - это лишь среда, в которой проявляется система связей. Культура этноса простирается во времени и пространстве там, где прослеживаются связи. Обрыв связей в пространстве показывает территориальные границы этноса. Сложнее с обрывом связи во времени. Существуют ли они вообще? Если подходить к этносу как к организму, как это делает Л. Н. Гумилев [3], то границы во времени показывают зарождение и гибель этноса. Но этнос - очень слабая система, взаимодействие частей которой осуществляется многоступенчато, к ней не применимы законы организма. Случаи обрыва связи во времени требуют особо тщательной интерпретации. Моментами начала археологической культуры В. Б. Ковалевская предлагает считать всплески новаций [4]. Но меняется ли система связей при изменении облика, набора признаков? Какова плотность по времени появления новых признаков? Каков источник их? Все это требует анализа, и в итоге мы не получаем ответа - новая это культура или старая, но обновленная? Критерии остаются субъективными.

Всплеск новаций может быть связан с появлением новых технологий, с изменением природной среды, потребовавшей новых адаптивных реакций, но наиболее вероятно - с воздействием иной культуры, иного этноса. Взаимодействие двух информационных систем приводит к внедрению целостных блоков информации, меняющих облик культуры-реципиента в гораздо большей степени, чем адаптивные реакции, которые строятся на базе собственной культуры. Именно поэтому невозможно не заметить миграции. Не требуется прибегать к истолкованию миграциями всяких трансформаций в культуре.

Миграцией необходимо считать проникновение в новую среду группы, способной длительно сохранять свою собственную культуру. Как минимум это может быть община, и то ей в таком случае необходимо поддерживать связи с культурой материнской, иначе она будет ассимилирована за 2-3 поколения, не оста-

вив археологически достоверного следа. Только группа общин способна образовать жизнестойкую этнокультурную систему. Просачивание (инфильтрация) индивидов или отдельных семей мало меняет принимающую культуру, хотя способно в итоге значительно изменить ее антропологический тип.

Не относится к культуре и природная среда, хотя несомненно отражается в ней. Она входит в культуру трансформированной системы кодировки информации через адаптивные реакции (даже биологические). Она влияет на отбор психических типов через специфику деятельности, создавая таким образом и этнический менталитет. Аборигенные культуры обладают большей приспособленностью, и пришлые могут быть окрашены именно аборигенными приспособительными реакциями. Но изменились ли при этом системы связей? Это мы узнаем, анализируя их направленность до и после момента миграций, что и позволяет выяснять этнолингвистическую принадлежность археологической культуры.

Очень важны для понимания условий миграций и взаимодействий культур демографические оценки групп: имеем ли мы дело с десятками, с сотнями или тысячами - условия и результаты будут совершенно различны. Можно ли говорить о "миграционных потоках" или "волнах", когда речь идет о переселении сотни людей? Допустимо ли искать объективную причину миграции нескольких десятков человек, когда для них самих субъективные побуждения были гораздо важнее? Да и организация переселения общины совершенно не та, какая известна во времена "Великого переселения народов".

Субъект исторического процесса для неолита - отдельная община. Археологически это локальная группа, связанная с определенной для данного времени ландшафтной единицей [5], или же локальный вариант - группа локальных единиц, обладающих тождественным синхронным набором признаков. Этнологически это племя, микропопуляция, диалект.

Преемственность во времени, а также развитие археологической культуры устанавливаются на хронологически последовательных комплексах. Именно для такого построения нужна периодизация, позволяющая группировать комплексы, потенциально синхронные. Такая группировка может строиться на любых достоверно фиксируемых и ограниченных во времени признаках, вне зависимости от их этноразличительной значимости.

Таковы теоретические предпосылки реконструкции этнических процессов на археологических источниках. Но практическая реконструкция очень часто сталкивается с дефицитом датировок, чистых и стратифицированных комплексов, неразработанностью периодизации, которая не позволяет выделить хронологически узкие этапы, только которые и пригодны для выстраивания генетических цепочек и сопоставления культур - современников. Сравнение этапов длиной в тысячу лет, как это делают Д. А. Крайнов и многие другие, не позволяет проследить реальные связи. Глубокая устойчивость этнических систем допускает реконструирование их и в тех случаях, когда реальные связи в источниках не ясны: они обнаруживаются на последующих этапах (рис. 5).

Первоначальное заселение Приледниковья наиболее реально с востока, из Зауралья. Приледниковье было отделено от Среднерусской возвышенности, ближайшей заселенной территории, ледниковыми потоками и озерами (рис. 1) [6]. Меньше препятствий было с востока. К тому же только сибирские культуры были знакомы с рубящими орудиями и, следовательно, с преодолением водных преград. Материальный след связи с Сибирью - комплекс Акулово [7] - оказался в непосредственной близости от конечных морен ледника между 15,5 и 13 тыс. л. н. К нему восходит генезис культур Северо-Запада, который может быть прослежен до современности.

Наблюдаемый контраст между культурами круга акулловской традиции - суомусьярви - веретье - кунда и бутовской, сперрингс и льяловской, асбестовой керамики и волосовской позволяет говорить об устойчивом различии культуры северо-запада и юга лесной зоны Восточной Европы. Но он же позволяет одновременно фиксировать следы их контактов.

Генезис мезолитических культур этого района Л. В. Кольцов [8] связывает с Западной Балтикой, выводя оттуда и элементы лингби, и иеневскую, трансформированную из аренбургской, и бутовскую как продолжательницу свидерской. Ряд последовательных потоков направляется им из относительно теплой приатлантической области в область куда более сурового климата, миграции сопровождаются межэтническими конфликтами с вытеснениями, истреблениями, ассимиляциями. Данная картина опирается на серии радиоуглеродных дат. Даты, правда, показывают синхронность, а не последовательность культурных явлений на западе и на востоке и таким образом говорят только о связях этих районов, но не о направлении миграции.

Датировка комплексов восточного района типа Сюкеевского Взвоза, относившихся ранее к мезолиту, основывается на залегании их в верхней части лёсса, что проецирует их в поздний плейстоцен. Состав орудий, техника скалывания здесь в общем те же, что и в типичных иеневских комплексах. Таким образом, фактом становится громадная протяженность территории общности - от Казани до Дании, характеризующейся набором признаков аренбургской культуры. Теоретически такая общность могла возникнуть при расселении из одного источника, а одинаковая направленность последующего развития отражает сохранение связей расселившихся на протяжении 2,5 тысяч км групп. Вопрос состоит в направленности расселения. Естественным представляется расселение в сторону более мягкого климата вниз по реке, возникшей при отступлении ледника к берегам Балтики около 13,5 тыс. л. н. Река проходила через полесья в устьях Немана, Вислы, Эльбы, Рейна и растекалась по равнине на месте Северного моря.

Последнее наступление ледника отрезало на 1,5 тысячи лет группы, обосновавшиеся на Скандинавских рефугиумах. Они и стали предками саамов. В. Я. Шумкин [9] отмечает аренбургские черты древнейших

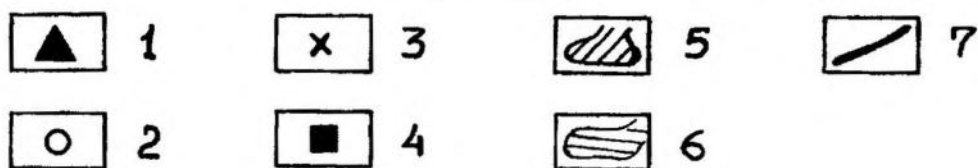
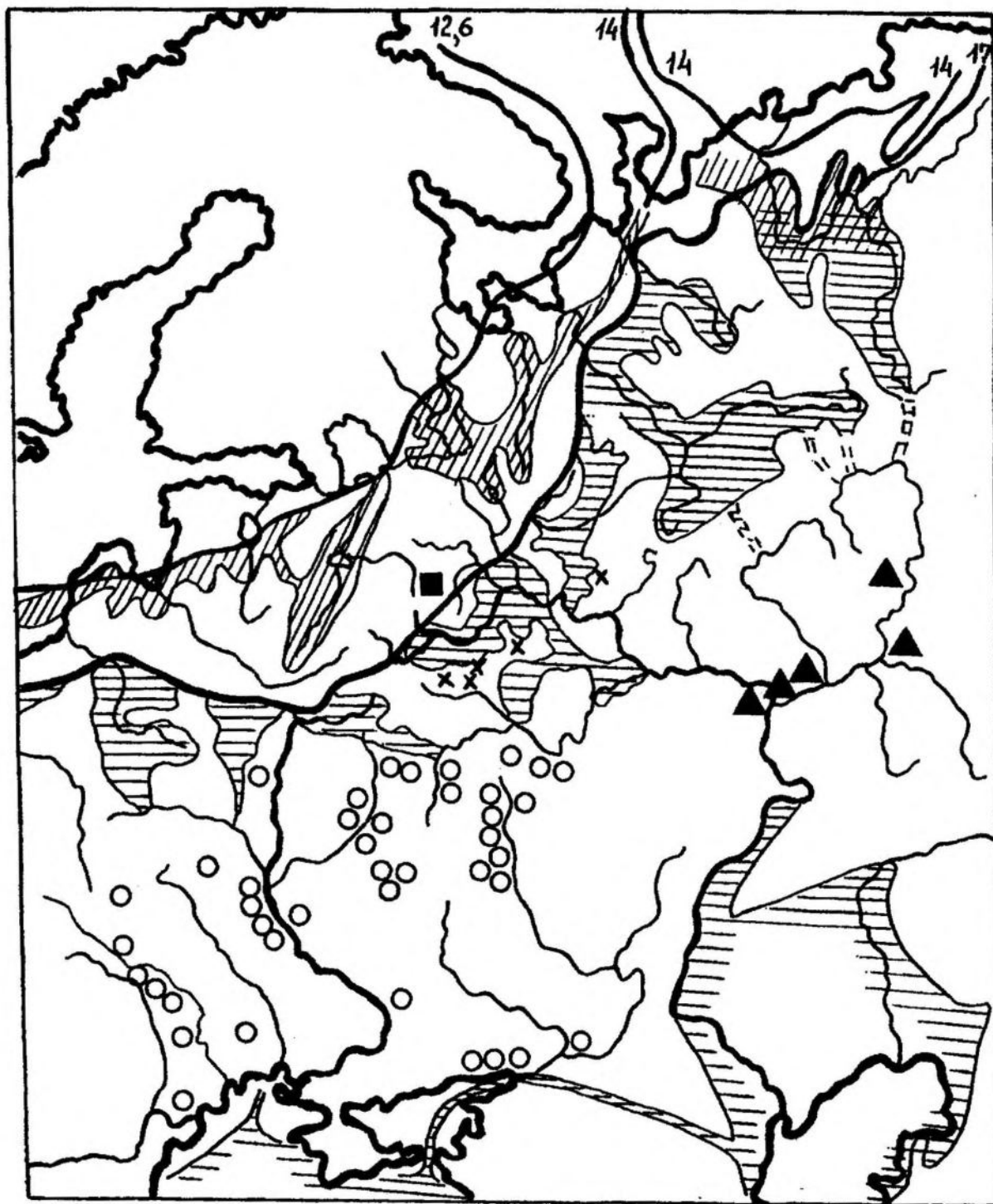

Рис.1. Палеогеографическая ситуация в Восточной Европе в позднем плейстоцене:

1 - стоянки Волго-Уральского региона; 2 - палеолитические стоянки Среднерусской возвышенности; 3 - местонахождения Приледниковой зоны; 4 - стоянка Акулово 1; 5 - приледниковые озера максимальной стадии; 6 - приледниковые озера лужской стадии; 7 - зоны конечных морен и их даты (тыс. л. н.)

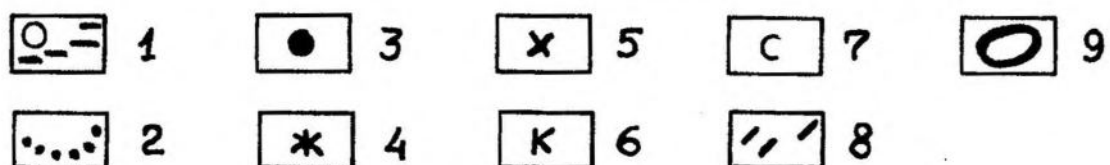
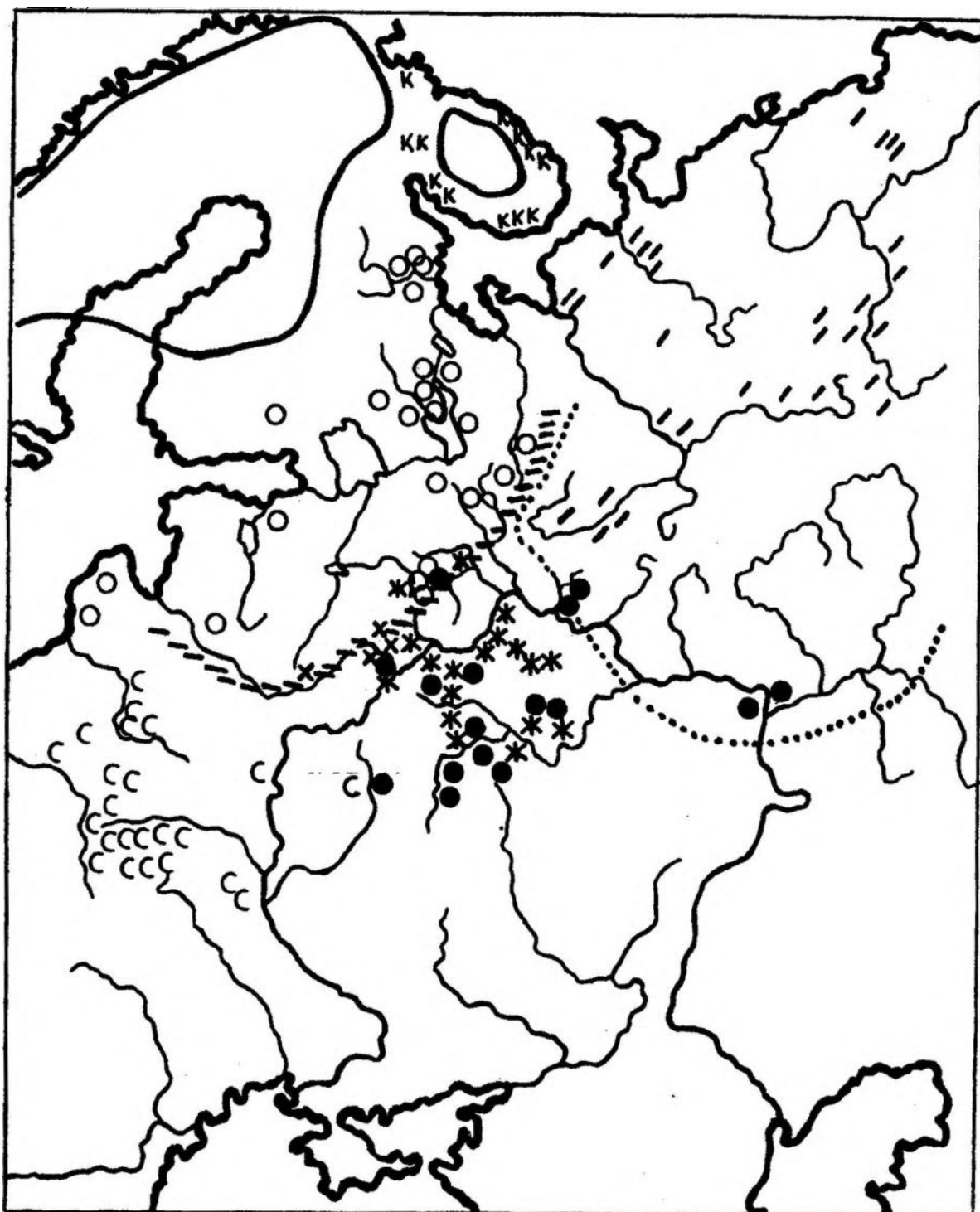

Рис. 2. Общности лесной зоны Восточной Европы 11-7 тыс. л. н.:

1 - акуловская традиция; 2 - уральская традиция; традиция лингби; 3 - аренсбургско-иневская, 4 - бутовская, 5 - валдайская; 6 - мезолит Кольского полуострова; 7 - свидерская культура; 8 - памятники уральской традиции; 9 - ледник 9 тыс. л. н.

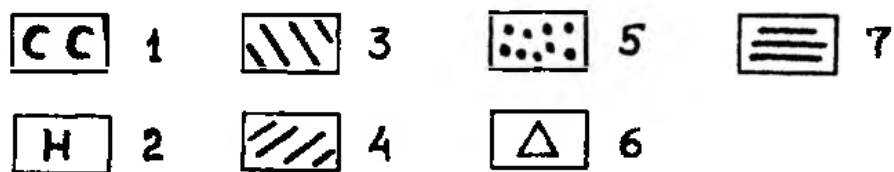
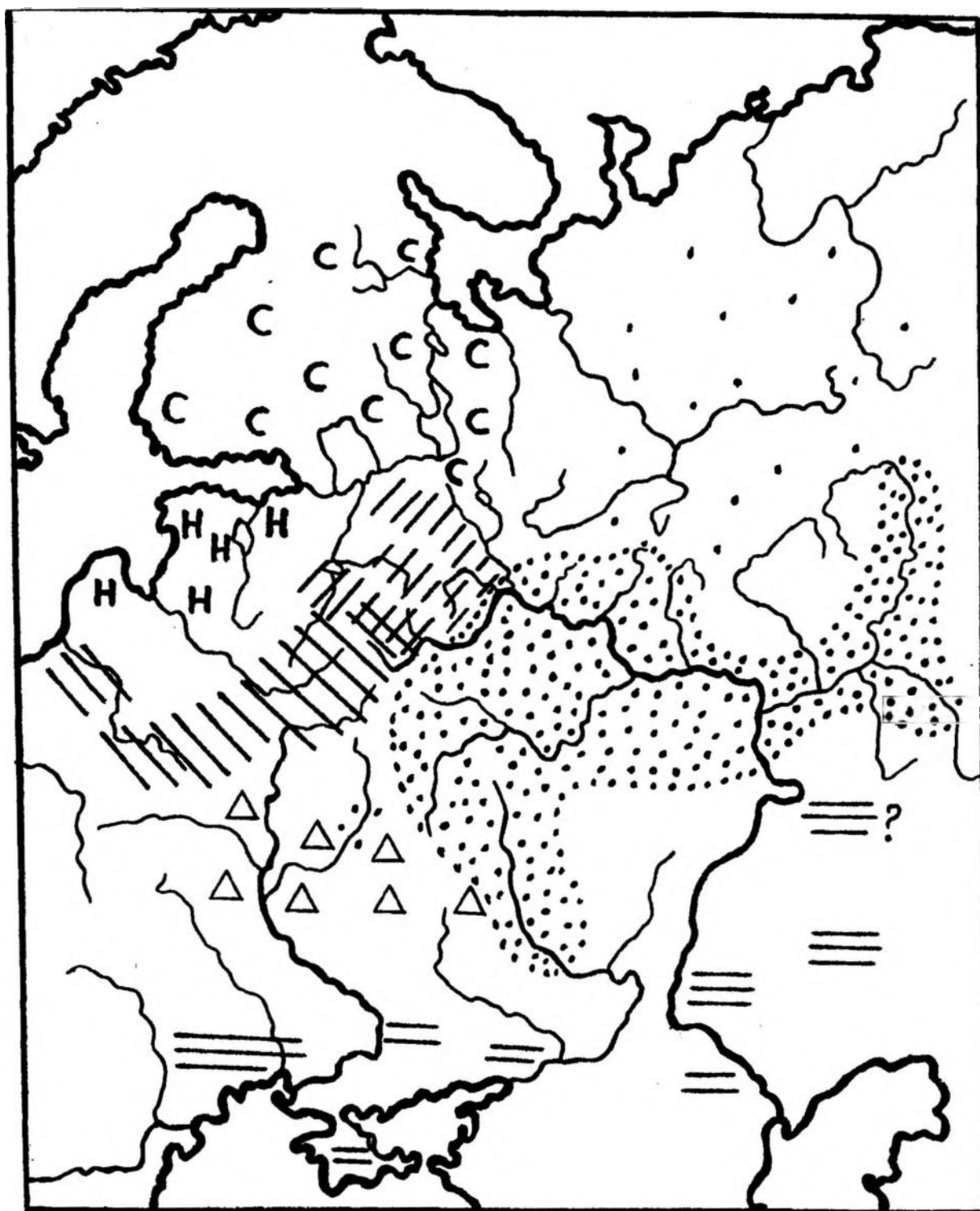

Рис. 3. Ранненеолитические общности лесной зоны Восточной Европы 7 - 6 тыс. л. н.:

1 - сперрингс; 2 - нарвская; 3 - валдайская; 4 - моложско-мстинская; 5 - с накольчатой керамикой; 6 - днепро-донская; 7 - культуры с керамикой VI тыс. до н. э.

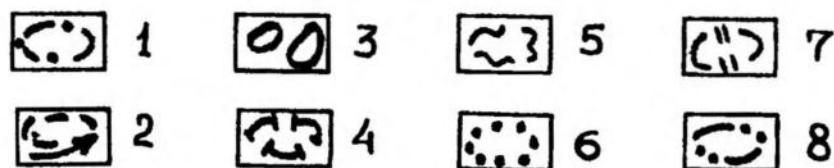
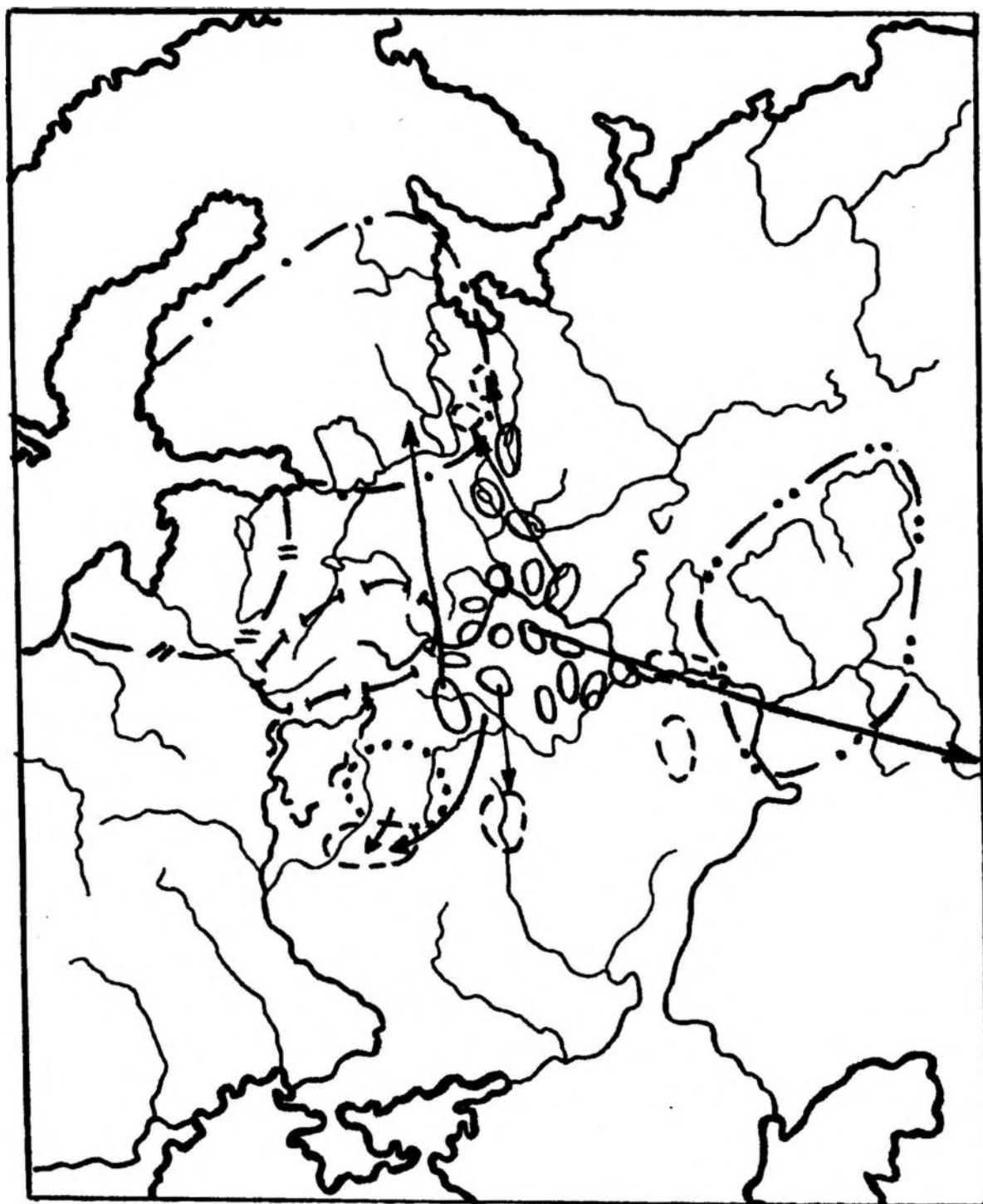

Рис. 4. Среднеолитические общности лесной зоны Восточной Европы 6-5 тыс. л. н.:

1 - сперринге; 2 - локальные варианты льяловской культуры, вытесненные в нач. III тыс. до н. э., и их миграция; 3 - локальные варианты льяловской культуры, существовавшие в 1-ой пол. III тыс. до н. э.; 4 - валдайская культура; 5 - верхнеднепровская культура; 6 - деснинская культура; 7 - нарвская культура; 8 - волго-камская культура

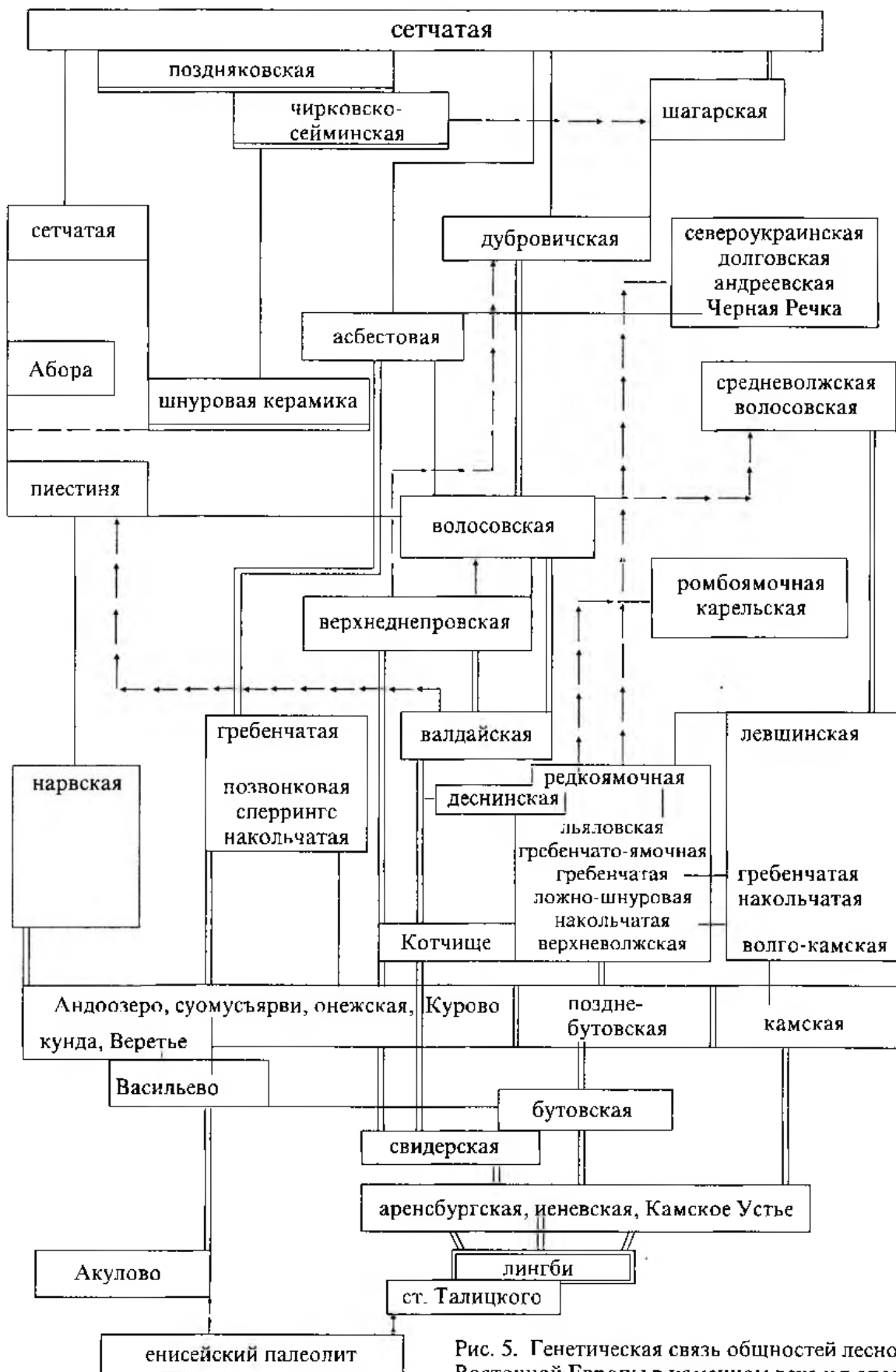

Рис. 5. Генетическая связь общностей лесной зоны Восточной Европы в каменном веке и в эпоху бронзы:
 =, || - трансформация; □ - связи и единства;
 - - - - миграции; □ - культуры мигрантов

комплексов Скандинавии. Другие группы в Южной Прибалтике с началом потепления были довольно скоро ассимилированы, а некоторые, возможно, вытеснены на восток, на свою прародину.

Генетическая связь иеневской и бутовской культур, категорически отрицаемая Л. В. Кольцовым, тем не менее может быть допустима. Хронологически они в основном последовательны, а не синхронны, хотя небольшое их хронологическое наложение отмечается А. Е. Кравцовым [10], оно не выходит за пределы погрешности датировки. Л. Л. Зализняк [11] возводит свидерскую и аренбургскую культуры к общему предку - культуре лингби, что означает их близкое родство. Формирование свидерской техники он связывает с тем, что она базировалась на использовании высококачественного кремневого сырья. Синхронные комплексы, совмещающие признаки обеих культур, могут рассматриваться как промежуточные (трансформация). Значительный пласт иеневских комплексов типа Умрышенки 3, Усть-Тудовки I не имеет никаких следов контактов с бутовской культурой. Бутовские элементы встречены в комплексах, которые и с точки зрения развития собственно иеневских признаков ранними не являются или содержат заведомо разновременный материал (Шильцева Заводь, Дальний Остров).

Тем не менее контраст между этими культурами довольно значителен. Он может быть связан с трансформацией под воздействием новой культуры - это могли быть и вернувшиеся с запада свидерцы, и продвинувшиеся со Среднерусской возвышенности носители рессетинской культуры [12]. Не исключается здесь возвратная миграция свидерских групп на восток. Но возможна и чисто технологическая трансформация, изменившая типологию инвентаря, - освоение техники отжимных пластин, почти не применявшейся на стадии иеневской (аренбургской) культуры.

На протяжении позднего палеолита - раннего мезолита происходило изменение антропологического типа с монголоидного на европеоидный, в котором монголоидность сохранилась как слабый компонент. Достоверно это коснулось западных районов [13]. Существенна также большая разница в антропологическом типе носителей волосовской и льяловской культур. Льяловцы, как показывают реконструкции Г. В. Лебединской, сохранили гораздо более выраженный лапоноидный облик. Не все случаи проникновения чуждых культур могли оставить следы в антропологическом типе и культуре населения лесной зоны.

К VI тыс. до н. э. в лесной зоне прослеживаются три крупные общности (рис. 2) - северо-западная (акуловская традиция, к которой восходят культуры кунда, суомусъярви, онежская, Нижнее Веретье), камская (характерны связи, направленные через Урал), бутовская, западная периферия которой перетекает в литовско-белорусскую постсвидерскую культуру. На стыке истоков Зап. Двины - Даугавы, Днепра, Волги, бассейна Ильменя может быть намечена еще одна мезолитическая культура. Эти культуры оказываются непосредственно связанными с возникшими на этой же территории неолитическими культурами: сперрингс и нарвской на северо-западе, волго-камской - на востоке, верхневолжско-льяловской и валдайской в центре и на западе (рис. 3).

Древнейшие формы керамики одинаковы для валдайской, верхневолжской, деснинской, донской культур. Такая же керамика присутствует в волго-камской и днепро-донецкой культурах в менее определенных стратиграфических условиях. Все это свидетельствует о получении навыка изготовления посуды из одного источника. Предположение А. С. Смирнова [14] о происхождении ее из Прикаспия не может быть принято после появления публикаций комплексов раннего неолита этого района [15]: широкое, массивное и плоское дно никогда не встречается у раннеолитической керамики лесной зоны, не характерны профилировка горла, бордюрный орнамент, примесь раковины. Но керамика, обладающая всем набором технологических признаков древнейшей керамики лесной зоны, появляется в низовьях Днепра на 500 лет раньше, чем в его верховьях и на Волге.

Само по себе распространение керамики не означает миграции (инфильтрация здесь более вероятна). Но эта новация делает видимыми связи, существовавшие ранее, но не фиксируемые в каменном инвентаре. Существенное для археологии свойство нового источника - его связь с женской субкультурой и способность отражать систему брачных отношений. Местное развитие керамики очертило те же группировки, какие ранее выделялись в виде мезолитических культур. Дальнейшее их взаимодействие прослеживается более достоверно (рис. 3).

Некоторые культуры бывшей приледниковой зоны получили керамику несколько позднее. Так, накольчатая керамика культуры сперрингс типологически родственна и синхронна верхневолжской керамике второго этапа. Примерно в это же время та же технология керамики появляется в таежной зоне Западной Сибири (боборькинская культура), куда она могла попасть через Прикамье. Прибалтика получает керамику из другого источника и заметно позже, чем волжско-днепровские культуры, нарвская керамика технологически им совершенно чужда. Наиболее вероятный источник - Южная Прибалтика.

Трансформация раннеолитических культур в среднеолитические происходила без существенных влияний извне. Выделение четырех этапов развития верхневолжской культуры и пяти - льяловской позволило проследить плавную трансформацию одного хронологического варианта в другой. Она прослеживается как по керамике, так и по кремневому и костяному инвентарю. В V - нач. IV тыс. до н. э. благодаря подвижности населения границы локальных вариантов размыты. Прочное оседание групп в отдельных озерных системах относится ко 2-й пол. IV тыс. до н. э. Архаичная льяловская керамика в совершенно одинаковых формах, характерных для древнейших льяловских слоев Волго-Окского междуречья, встречается на Сейме, Мокше, Мсте, Онеге, Вычегде. В течение этого времени параллельно с формированием оседлости происходило обособление локальных вариантов. К кон. IV тыс. до н. э. выделяется около 18 локальных вариантов льяловской культуры, занимавших бассейн Оки, часть бассейна Верхней Волги и протянувшихся

к Белому морю (рис. 4). Территория повторяет карту бассейна ПраВолги, существовавшего между 13,5-6,5 тыс. л. н.

Восточную часть бассейна Волги занимала волго-камская культура. Верховья современной Волги, Валдай, Даугаву и бассейн оз. Ильмень - валдайская культура, территория которой совпадала с верховьями древней Прибалтийской реки. Бассейн современной Верхней и Средней Волги оказался разделенным между тремя основными культурными общностями с разной ориентировкой связей.

Часть локальных вариантов льяловской культуры ярко окрашена примесью материалов соседней чуждой культуры - это достоверно для моложского (примесь валдайско-мстинского материала) и для московско-окского (примесь деснинского материала). Остальные локальные варианты формируются по бассейнам рек, объединяющим группы озерных систем. В отдельных случаях мы можем фиксировать взаимовлияния их (по отдельным редким формам), но контраст локальных вариантов недостаточен для определения взаимодействий по массовому инвентарю.

В нач. III тыс. до н. э. начинается миграция с территории валдайско-мстинской культуры. Отдельная ветвь ее идет на запад. Она фиксируется по гребенчато-ямочной керамике прибалтийского типа [16]. Тождественная ей керамика оказалась в сменивших льяловские комплексах Языково. Детально процесс появления протоволосовских комплексов и формирования волосовской общности рассмотрен ранее [17]. Здесь мы вправе говорить именно о миграции. Выявлены ее источник (Селигер, Мста), направленность, состав групп. Так, мстинский локальный вариант достиг бассейна Костромы. Западномерцера протоволосовская группа связана, видимо, с верховьями Зап. Двины, где она контактировала с верхнеднепровской культурой.

Причиной миграции вряд ли была относительная перенаселенность Валдая - здесь оставалось много озер, не использовавшихся местным населением, имелись ресурсы для увеличения плотности населения. К тому же процесс заболачивания озер коснулся равно бассейна Даугавы и Оки и в меньшей мере - зоны молодых ледниковых озер. Скорее можно говорить о причинах возможности миграции, возможности вытеснения местного населения. Это может быть изменение конфигурации речных бассейнов в результате прорыва верхневолжских озер на восток. Затем - иная социальная организация населения валдайской культуры, связанная с большей плотностью населения при гораздо большей густоте озерной сети. Могла быть даже разная степень адаптации культуры к неблагоприятным факторам среды, в частности, разная степень зараженности паразитами (гельминтоз), по-видимому, очень сильная у людей льяловской культуры [18]. Могут быть и иные причины толчка к миграции, победы над аборигенным населением и вытеснения значительной части его.

Археологически фиксируются следующие изменения этнической карты лесной зоны в нач. III тыс. до н. э. Исчезновение деснинской культуры ромбоямочной керамики. Ее место занимает верхнеднепровская культура с "лапчатой" керамикой. Исчезает московско-окский локальный вариант льяловской культуры. Его продолжение - культура ромбоямочной керамики на Онежском озере. Исчезает западномерцера вариант (Маслово Болото), но есть его продолжение - Долговская стоянка на Дону, для которой была выделена долговско-рязанская культура [19]. Исключительна близость по керамике и некоторым глиняным изделиям андреевской культуры в бассейне р. Тобол к финально-льяловским материалам Маслово Болота. В этой культуре В. Т. Ковалева [20] видит мигрантов из Волго-Окского междуречья, с чем вполне можно согласиться. Исчезают дубненский, нерско-нерльский, языковский и костромской варианты льяловской культуры (последний обнаруживается на восточном берегу Онежского озера). Увеличивается плотность стоянок в восточной Мещере, на Балахнинской низменности; балахнинские стоянки распространяются до Ветлуги. Такова картина вытеснения льяловской культуры с ее коренной территории.

Несколько позднее прекращается развитие льяловской культуры рязанского варианта. На поздних этапах хорошо фиксируются следы контактов его с волосовской или протоволосовской культурой (что И. К. Цветкова [21] принимала за доказательства трансформации рязанской культуры в волосовскую), ведущие к ассимиляции льяловской, которая завершилась около 2650 г. до н. э. Примерно в это же время появляется волосовская культура на Средней и Нижней Оке, а затем и ниже по течению Волги. Она синхронизируется только со средним и поздним этапами волосовской культуры запада Волго-Окского бассейна (рис. 5).

Волосовская культура возникает в результате миграции населения с Валдайской возвышенности, но протоволосовская керамика далеко не тождественна волосовской. Трансформация гребенчатой валдайской керамики в волосовскую связана с ассимиляцией нарвской культуры мигрантами с Валдая: технология тождественна нарвской, но формы и орнаменты - валдайские. Волосовская керамика с раковинной примесью распространяется по Даугаве вверх (усвятский вариант), затем оказывается в Западном Подмосковье (Полецкое озеро, Тростенское озеро) и далее в Западной Мещере. Несколько позднее она проникает в бассейн Дубны, затем в Нерско-Нерльский регион и Языково, где дольше сохраняется гребенчатая керамика протоволосовского типа, сосуществовавшая с ранней волосовской. Примерно в это же время керамика с раковинной примесью появляется на Сахтыше и распространяется вниз по Клязьме. В Центральную Мещеру ранневолосовская керамика так и не попала - льяловское население этого района было ассимилировано позднее.

Можно отметить две дальние миграции на ранней стадии волосовской культуры - это появление на Севере комплекса Модлоны [22; 23] и группы стоянок на Самаре (Гундоровское поселение и др.) [24]. Они сопоставимы именно с ранними волосовскими комплексами и могут быть датированы ок. 2750-2650 л. до н. э. Столь далеко оторвавшиеся группы сохраняли связи с западными волосовскими общинами. Через них на Самару попадает янтарь, а на западных стоянках изредка встречается такой восточный элемент орнамента,

как шагающая гребенка (Языково, Замостье 1). Удаленные группы оказывались проводниками волосовского влияния, трансформировавшего карельскую культуру в культуру асбестовой керамики, в которой отчетливо читаются волосовские признаки. Самарская же группа способствовала включению в волосовскую общность населения бассейна Камы (гаринско-борская культура).

Но в некоторых районах, где присутствует валдайская гребенчатая керамика, волосовская керамика раннего и среднего этапов так и не появилась - это бассейн Костромы с галичской культурой [25] и Валдай, его центр и северный склон. М. П. Зимина [26] часть погребений с янтарем, тождественным янтарю волосовских могильников Языково 1, Сахтыш 2 и 8, связывает на основании стратиграфии с комплексами гребенчатой керамики (пористая волосовская керамика здесь более поздняя, чем на названных стоянках Волжского бассейна). Гребенчатая керамика с Валдая попадает в Южную Карелию в течение всего III тыс. до н. э. [27], т. е. в волосовское время.

На протяжении III тыс. до н. э. общность, возникшая в результате миграций с Валдая, не только не распалась, а продолжала интегрироваться. Комплексы позднего этапа содержат практически тождественную пористую керамику в Карелии и на Средней Волге. При этом далеко не всюду основное население было валдайское - в ряде районов численно преобладающим компонентом оказывалось льяловское. Льяловский (балахнинский) компонент входит в состав средневожских волосовцев, по мнению В. В. Никитина [28] и В. П. Третьякова [29]. Если учесть общую бутовскую подоснову неолита валдайской и льяловской культур, а также следы их контактов и промежуточную моложскую группу, приходится признать, что волосовская и льяловская культуры, при всем их внешнем контрасте, могут восходить к общему корню.

Видимо, помимо трех сохранившихся ветвей носителей финских языков существовала четвертая - отпочковавшаяся от волжских финнов и расселившаяся в Южной Прибалтике. Она была первой ассимилирована, но ее следы в виде финно-угорских топонимов в Северной Польше [30] и монголоидных элементов в антропологическом типе сохранились до наших дней. Дальнейшие полевые исследования озерного края позволяют заполнить разрыв гребенчатых неолитом Польши и Валдая. Немногочисленные, но яркие комплексы типа Кривины обнаруживают близость к усвятым памятникам, а через них - к волосовским.

В тот момент, когда началась экспансия среднеднепровской культуры вверх по Днепру, часть местного населения с лапчатой керамикой мигрирует в соседние районы. Совершенно чистые, типично верхнеднепровские комплексы встречены в Подмосковье, где они нередко перекрывают поздневожские слои (Полецкая, Маслово болото 4, Богдарня 2). Есть памятники, где отмечена гибридизация волосовской и лапчатой керамики, хотя тут же присутствуют и чистые верхнеднепровские формы (Языково 1, Воймежная, Черная Гора, Владычино Береговая, Дубровичи). В ряде случаев примесь лапчатой керамики столь значительна и столь существенно меняется облик культуры, что появляются основания рассматривать гибридные комплексы как памятники особой культуры - дубровичской [31], шагарской [32], имерской [33]. Верхнеднепровская культура просачивается не во все локальные варианты волосовской культуры. Инфильтрация происходила, видимо, небольшими группами. Стоянки с чистыми комплексами очень невелики по площади, например, на поселении Маслово Болото 4 - ок. 100 кв. м. Здесь мигрантам пришлось похоронить 6 человек. Еще меньше площадь, занятая чистым верхнеднепровским комплексом, на стоянке Богдарня 2 на старице р. Клязьмы. Малочисленность и давние связи групп верхнеднепровской культуры с волосовской способствовали их быстрой интеграции в принявшую их культуру.

К моменту фатьяновской экспансии волосовская общность простиралась от Курляндии до Приуралья, и процесс интеграции ее продолжался. Население Валдая и бассейна Костромы тоже оказалось интегрированным в волосовскую общность. Немногочисленные, но хорошо заметные фатьяновские племена какое-то время сосуществуют с волосовскими, а также с теми, которые значительно изменились, приняв в свой состав верхнеднепровцев. Дальнейшая трансформация аборигенной культуры связана с интеграцией в ее среду культур совершенно чуждых - фатьяновской, а затем поздняковской. Это сопровождалось усвоением производящего хозяйства, которое существенно меняло образ жизни, способствовало заимствованию от пришельцев новых бытовых навыков. Аборигенная культура окрашена фатьяновскими и поздняковскими чертами довольно поверхностно. Сложившийся новый облик ее известен в виде культуры сетчатой керамики, система связей которой повторяет волосовскую. Это те же финские народы на новой ступени интеграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркрян Э. С. Теория культуры и современная наука. М., 1983.
2. Сидоров В. В. О нациях - без эмоций // "Дружба народов". 1991. № 8.
3. Гумилев Л. Н. Этнос и биосфера Земли // Дебонент. 1979.
4. Ковалевская В. Б. Взаимосвязь понятий "археологическая культура" и "культурные традиции" // Археологические культуры и культурная трансформация. СПб., 1990.
5. Сидоров В. В. География неолита Подмосковья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
6. Квасня Д. Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975.
7. Сидоров В. В. Мезолит бассейна Съежи // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
8. Кольцов Л. В. К характеристике позднеплейстоценовых и раннеголоценовых миграций в Северной Европе // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. III. Иваново, 1996.
9. Шумкин В. Я. Мезолит Кольского полуострова // СА. 1986. № 2.

10. Крайцов А. Е. О хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур в Волго-Окском междуречье // Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
11. Зализняк Л. Л. Охотники на северного оленя эпохи финального палеолита. Киев, 1989.
12. Сорокин А. Н. Ресетинская культура // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
13. Гохман И. И. Оленеостровский могильник на Онежском озере как источник расогенеза населения северо-запада России и Фенноскандии // Тезисы докладов международной конференции к 100-летию В. И. Равдоникаса. СПб., 1994.
14. Смирнов А. С. Неолит Верхней и Средней Десны. М., 1991.
15. Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1988.
16. Лозе И. А. Памятники с гребенчато-ямочной керамикой в Восточной Прибалтике // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.
17. Сидоров В. В., Энговатова А. В. Протоволосовская культура или этап? // Тверской археологический сборник. Вып. 2: Тверь, 1996.
18. Энговатова А. В., Хрусталева А. В. Исследование копролитов со стоянок каменного века в Подмоскovie // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
19. Сидюк А. Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
20. Ковалева В. Т. Энеолит Среднего Зауралья: андресовская культура. Екатеринбург, 1995.
21. Цветкова И. К. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Тр. ГИМ. Вып. 44. М., 1970.
22. Брюсов А. Я. Свайное поселение Модлона и другие стоянки в Чарозерском р-не Вологодской обл. // МИА. № 20. 1950.
23. Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
24. Овчинникова Н. В. Керамика волосовского типа Гундоровского поселения // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991.
25. Гаврилова И. В. Неолитические племена Костромского Поволжья // МИА. № 172. 1973.
26. Зимица М. П. Каменный век бассейна р. Мсты. М., 1993.
27. Иващенко А. М. Погребение 1 могильника Тудозеро VI в Обонежье // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 3. Петрозаводск, 1995.
28. Никитин В. В. Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV. Йошкар-Ола, 1996.
29. Третьяков В. П. Волосовские племена в европейской части СССР в III-II тыс. л. до н.э., 1990.
30. Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994.
31. Фоломеев Б. А. К вопросу о памятниках «дубровничского типа» бассейна Средней Оки // КСИА. Вып. 141. 1975.
32. Каверзнева Е. Д. Шагарский могильник конца III - начала II тыс. до н. э. в Центральной Мещере // СА. 1992. № 3.
33. Третьяков В. П. Поселение Имерка 5 - памятник эпохи энеолита в Примокшанье // СА. 1987. № 1.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V.V.Sidorov

TRANSFORMATIONS AND MIGRATIONS OF THE STONE AGE CULTURES IN THE FOREST ZONE OF THE EASTERN EUROPE

Summary

There is a strong need for unification of terminology and methodology in ethnogenetic studies based on archaeological sources. An archaeological culture is interpreted as a trace of an ethnic unity, the culture's local variant being a trace of a tribe. No matter how the material frame of an ethnic tradition changes, it can be traced if we trace transition from one form to another. Migration can be detected if the whole cultural complex is transferred into a new environment.

Population of the Periglacial Zone could originate from Syberia alone. It gave birth to both Akulovo and Lingbi, the latter embracing the southern edge of the Periglacial Zone from Kazan to Norway. The anthropological type had undergone certain changes due to the infiltration of the southern population; nevertheless, throughout thousands of years the links between related groups of population remained constant. The Ienevo, Butovo, Upper-Volga and Ljalovo cultures had all been developing in this manner. The tribal structure of the initial population has been reflected to a great extent in the ethnocultural structure of the Forest Zone up to now, despite the infiltration of alien groups and the migration of related ones. The most intensive migration processes were observed in the beginning - the end of the III millennium B.C. when territorial differentiation of the Valday culture groups led to the integration of the Forest Zone population into the Volosovo unity from the Baltic Region to Kama. Later the adoption of industrial skills by this population led to its integration into the Net pottery culture.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

Л. В. Кольцов

О ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОСЕДНИХ КУЛЬТУР В МЕЗОЛИТЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Под Северной Европой в данном контексте понимается огромный регион, находящийся к северу от Сены, Альп, Судет, Карпат, бассейна Припяти, устья Десны, устья Камы и далее на восток до Урала. Только на такой обширной территории, давшей немалое количество мезолитических культур, стало возможным выяснение определенных закономерностей процесса взаимодействия между соседними культурами. Исследование этой проблемы особенно важно, так как в указанном регионе к настоящему времени выявлено большое количество мезолитических культур, имеющих разные ареалы, порой перекрывающие друг друга. Естественно было предположить, что между группами людей, оставивших эти культуры, иногда синхронные, существовали какие-то типы взаимоотношений.

Применительно к мезолиту эта проблема специально никем не рассматривалась.

Для определения характера взаимоотношений между культурами (пока только на этом уровне можно ставить исследуемую проблему) требовались четкие методические основания. Прежде всего, для сопоставления надо брать синхронные, хотя бы частично, культуры. Для этого желательно знать их точную хронологию. Далее, необходимо выяснить ведущие культуроопределяющие формы орудий каждой из сравниваемых культур. В данном случае это, вероятно, будут наконечники стрел, микролиты и некоторые виды рубящих орудий (костяные и роговые орудия при этом учитывать чрезвычайно трудно, поскольку они представлены только в 11 культурах мезолита из 35 и часто эти орудия трудно синхронизировать в соседних культурах).

Следующей ступенью будет выявление указанных выше форм в материалах другой культуры и возможное определение способа их попадания в эту культуру, а также их роли и значения в ней. Только после этого можно приступать к определению характера взаимоотношения культур.

Прежде чем сделать такой анализ, выскажу некоторые предположения о возможном теоретически характере таких взаимоотношений. С моей точки зрения, подчеркиваю, теоретически могли существовать четыре основных формы взаимоотношений между соседними культурами или, вернее, между группами населения, их оставившими: 1) отсутствие всяких взаимоотношений с соседями; 2) одностороннее воздействие с вариантами: а) диффузия или влияние, б) давление или вытеснение, в) поглощение или ассимиляция; 3) взаимодействие с вариантами: а) обмен, б) взаимовлияние, в) слияние и образование новых культур (взаимоассимиляция); 4) генетическая связь (под ней я подразумеваю такую форму взаимоотношений, когда одна культура дает начало другой, сохраняя при этом свое существование).

Приведем примеры каждой формы отношений между культурами. Классическим примером первой (отсутствие отношений) являются культуры Британских островов - шиппи хилл и ларнийская, которые после возникновения не вступали в контакт ни с одной мезолитической культурой, вероятно, в силу своего островного положения. Во всяком случае, в материалах этих культур, после того как Британские острова отделились от материка, не прослеживаются никаких элементов других культур до появления на островах земледельческого неолита дунайской традиции [1, с. 11; 2].

Примеров формы 2, варианта а) можно привести несколько. Обратимся к культурам кундской и бутовской. Они по времени совпадают в течение почти всего своего существования, захватывая вторую половину пребореального, бореальный и начало атлантического периодов. Для ранних памятников кундской культуры характерны черешковые наконечники стрел на пластинах, для изготовления которых использовался специфический технический прием - обработка плоской ретушью брюшка наконечника на 2/3 длины пера. Кроме того, этой культуре уже на ранних этапах присущи разные варианты вкладышевой индустрии. Менее характерны рубящие орудия, которые, судя по их размерам, могли служить вставками в роговые муфты. Следует отметить и разнообразие костяной индустрии [3].

Для ранних этапов бутовской культуры характерны свидерские, аренбургские и постсвидерские на-

конечники стрел на правильных ножевидных пластинах, разнообразные вкладышевые формы. Рубящие орудия гораздо разнообразнее, чем в кундской культуре, причем следует напомнить, что уже на довольно раннем этапе появляется техника шлифовки при их изготовлении. Раскопки последних лет дают основание говорить о высоком развитии костяной индустрии [4; 5; 6].

Сравнение хронологических реперов и типолого-морфологического состава инвентаря заставляет предполагать, что появление ряда вкладышевых форм в бутовской культуре произошло под воздействием кундской, поскольку эти формы были уже известны на самом раннем этапе развития последней (стоянка Пулли) и практически отсутствовали на самом раннем этапе бутовской (стоянка Тихоново). Это кундское воздействие было настолько сильным, что, можно сказать, сформировало в значительной степени категорию вкладышей бутовской культуры. Кроме того, в ряду ранних памятников бутовской культуры (например, в Бутове) обнаружены наконечники стрел с кундским (пуллийским) характером обработки из прибалтийского кремневого сырья. Эти факты свидетельствуют об одностороннем влиянии на бутовскую культуру со стороны кундской на ранних этапах их развития.

Вероятно, на поздних этапах своего развития бутовская культура оказывает влияние на камскую культуру. Этим, по-видимому, объясняется появление в некоторых камских комплексах отдельных наконечников стрел на пластинах постсвидерского типа и оббитых рубящих орудий [7].

Одностороннее влияние кундской культуры возможно и на неманскую. На ранних этапах развития последней в ней почти отсутствуют вкладышевые формы. В дальнейшем появляются вкладыши с затупленным краем, с двумя затупленными концами, с затупленным краем и концом, которые были известны на ранних этапах кундской культуры [8].

Таким же примером, хотя и условным, можно считать влияние усть-камской культуры на камскую: в последней появляются крупные трапеции с вогнутыми краями, распространенные в усть-камской культуре [9; 10].

Приведу еще один пример одностороннего воздействия. На территории Южной Голландии и Бельгии граничат две синхронные культуры - де лейен-вартена и нижнерейнская. Состав микролитов нижнерейнской культуры включает основные варианты форм совтеррско-тарденуазской культурной общности (острия типов Ставинога, Коморница, Тарденуа, неравнобедренные треугольники, прямоугольники, трапеции). Кроме того, обнаружены характерные только для нее орудия с двусторонней обработкой по всей поверхности: симметричные и асимметричные наконечники стрел и треугольники. Набор микролитов культуры де лейен-вартена включает острия типов Ставинога, Коморница, Маглемозе, ланцетовидные, ромбовидные, с затупленным краем и ретушированным основанием, неравнобедренные треугольники, трапеции. На 16 стоянках нижнерейнской культуры найдены формы, характерные для культуры де лейен-вартена: это острия с затупленным краем и основанием (3 случая), типа Маглемозе (14 случаев), ромбовидные (1). Обратного воздействия не наблюдается, поэтому, пожалуй, здесь тоже можно говорить о влиянии культуры де лейен-вартена на нижнерейнскую [16].

Показательным примером вытеснения одних культур другими является история постмаглемозских культур. После распада культуры маглемозе оставшееся на ее бывшей территории население культуры конгемозе вытесняет все остальные постмаглемозские группы. В результате этого они вынуждены мигрировать в направлении южного спектра, образуемая при этом четыре новые культуры (де лейен-вартена, ольдесло, хойнице-пеньковскую и яниславицкую).

Случаев поглощения или ассимиляции одной культуры другой относительно немного. Можно предположить ассимиляцию отдельных групп местного волго-окского палеолита типа Алтыново - Заозерье населением бутовской культуры. В ранних ее памятниках еще прослеживаются отдельные элементы указанного палеолита, затем они исчезают. ~~При этом населения палеолита, затем они исчезают.~~ При этом населения палеолита, по-видимому, больше не существует, поскольку памятники его уже не встречаются.

Очень вероятно такое же явление в Центральной Европе, где население культуры дуфензе, очевидно, ассимилирует остатки аренсбургского. Во всяком случае, после образования культуры дуфензе на данной территории аренсбургские памятники уже неизвестны [11].

Варианты взаимодействия двух культур также можно обнаружить в мезолитических материалах. Пожалуй, хуже всего прослеживаются признаки обмена. Надежные примеры здесь связаны только с кундской культурой. Так, все рубящие орудия кунды изготовлены из карельских каменных пород. Можно предположить, что они поступали к кундскому населению или в результате обмена, или в результате охотничьих или сырьевых экспедиций, что тоже предполагает обмен.

Примеров взаимовлияния можно привести достаточно много. В Волго-Окском бассейне одновременно с ранними этапами бутовской культуры существовала иеневская (это подтверждается теперь серией датировок методами естественных наук, полученной для ее памятников). Ее микролиты и наконечники стрел отличаются от бутовских: основными формами наконечников являются асимметричные изделия на отщепках, иногда с боковой выемкой у основания, встречены многочисленные геометрические микролиты, в особенности разнообразные трапеции, редкие треугольники, сегменты, ромбы. В числе рубящих орудий обращают на себя внимание топоры и тесла с перехватом или полуперехватом, а также оббитые подтреугольные и подовальные формы. В отдельных памятниках встречены мотыги и кайла [4].

При анализе иеневских комплексов в некоторых из них обнаружены бутовские технические и морфологические элементы - постсвидерские наконечники стрел, вкладыши с затупленным краем и концом, обработка плоской ретушью на брюшке черешков некоторых наконечников с боковой выемкой, наличие не-

большого числа шлифованных рубящих орудий и др. Напротив, в бутовских стоянках встречаются в небольшом количестве трапеции и рубящие орудия с перехватом, безусловно, заимствованные из иеневской культуры. Таким образом, взаимодействие этих культур следует расценивать как взаимовлияние. Оно, вероятно, не было очень сильным.

Неманская культура взаимодействовала с яниславицкой. Об этом говорят факты находок типичных яниславицких элементов (острий и треугольников яниславицкого типа) в ряде неманских стоянок (например, Самантонис, Кампишкес I, Мяркине За и др.). Возможно, от яниславицкой культуры на поздних этапах развития населением неманской культуры были заимствованы трапеции и скребки неправильной формы. Вместе с тем, в 5 памятниках яниславицкой культуры проявляется влияние неманской в виде наличия типичных для последней пластин-вкладышей с ретушью по краю, а на яниславицкой стоянке Максимонис IV одно из острий яниславицкого типа имеет плоскую ретушь на брюшке, как у постсвидерских наконечников. Таким образом, и здесь можно говорить о взаимовлиянии. В то же время, неманская культура повлияла на яниславицкую путем вытеснения последней со своей территории [8; 12].

Культура фосна (ЮЗ Скандинавия) на ранних этапах существования граничила с культурами дуфензе и маглемозе. Культуроопределяющими признаками фосна являются наконечники с боковой выемкой у основания и аренбургского типа, трапеции, особенно высокие, ромбы, острия типа Коморница [13, т. 19]. Соответствующие типы орудий культуры дуфензе: острия типов Коморница, Ставинога, ланцетовидные, низкие трапеции, треугольники в разных вариантах, короткие сегменты; для культуры маглемозе характерны неравносторонние треугольники в разных вариантах (в том числе с ретушью по трем краям), пластины-вкладыши с ретушированным основанием, острия ланцетовидные, ромбовидные, с затупленным краем и ретушированным основанием, типов Маглемозе, Ставинога, Коморница, реже равнобедренные треугольники [14].

В одних комплексах культуры дуфензе (например, на стоянке Сандарна) встречены наконечники с боковой выемкой, в других (например, Тер Хорст) - ромбы, характерные для культуры фосна. На стоянках культуры маглемозе есть наконечники с боковой выемкой (например, Вестра Хаген), ромбы (Ренне-хольм, Лундбю II, Ёгаарде, Веруп). Напротив, в ряде комплексов культуры фосна (Готтскер, Хенсбаска I) найдены типично маглемозские формы - острия типа Маглемозе. Хотя эти находки и немногочисленны, они все же свидетельствуют о взаимовлиянии (пусть не очень значительном) фосна и культур общности дуфензе-маглемозе.

Культура британского маглемозе сосуществовала с ранним тарденуазом. Однако их контакты становятся очевидными только в поздних фазах развития британского маглемозе. Культуроопределяющие формы британского маглемозе: острия ромбовидные, ланцетовидные, с ретушированным краем и основанием, типов Маглемозе и Коморница, наконечники типа Маглемозе, низкие трапеции, равнобедренные треугольники [15]. Соответствующие типы тарденуаза: острия типов Тарденуа, Коморница, Ставинога, Совтерр, ланцетовидные, треугольники равнобедренные и неравносторонние [16].

В VII тыс. до н. э. в комплексах британского маглемозе (на 22 стоянках) появляются острия типов Тарденуа и Совтерр. На 5 тарденуазских стоянках есть маглемозские элементы: острия типа Маглемозе, ромбовидные, с ретушированным краем и основанием. Следовательно, и здесь можно говорить о взаимовлиянии. Однако влияние тарденуаза на британское маглемозе было все же более сильным, что объясняется, по-видимому, подвижкой части тарденуазского населения на территорию теперешних Британских островов (соединенных в то время с материком мостом суши). Осуществляемое пришельцами влияние было столь сильным, что привело к распаду британского маглемозе и образованию на Британских островах культуры шиппи хилл с признаками тарденуаза и британского маглемозе. Очень показателен этот пример и для варианта взаимоассимиляции двух культур.

Позднемезолитическая культура боберг, относящаяся к совтеррско-тарденуазской культурной общности, как бы вклинилась в треугольник из синхронных ей трех постмаглемозских культур - конгемозе, ольдесло и де лейен-вартена. Культуроопределяющие формы культуры боберг: острия типов Совтерр, Тарденуа, Ставинога, Коморница, треугольники равнобедренные, неравносторонние, в том числе с ретушью по трем краям, и пеньковского типа. Соответствующие типы культуры ольдесло: острия ланцетовидные, ромбовидные, с ретушированным краем и основанием, типов Коморница и Новы Млын, треугольники равнобедренные и неравносторонние вытянутых пропорций, в том числе с ретушью по трем краям, пластины-вкладыши с ретушированным основанием, трапеции разных типов - низкие, высокие, средних пропорций, в том числе асимметричные или с вогнутыми ретушированными краями. Для культуры конгемозе характерны ромбы разных пропорций и размеров, а также асимметричные высокие трапеции, в меньшей степени - другие типы микролитов (ланцетовидные острия и острия типа Коморница). Об основных типах микролитов де лейен-вартена говорилось выше [17].

Культура ольдесло, по-видимому, испытывала влияние культуры боберг. Во всяком случае, в 9 ее памятниках найдены острия типа Совтерр, а в 20 - острия типа Тарденуа. И тот и другой типы совершенно не характерны для предка ольдесло - маглемозе. В то же время, в ряде комплексов культуры боберг, расположенных в восточной части ее ареала, прослеживаются вещи, не характерные для совтеррско-тарденуазской общности и присущие культуре ольдесло. Это пластины-вкладыши с ретушированным основанием, острия типа Новы Млын, типа Маглемозе. Очевидно, эти факты говорят о взаимовлиянии обеих культур.

На 9 стоянках культуры боберг, расположенных по соседству с памятниками культуры де лейен-вартена, найдены острия типа Маглемозе, на 4 - пластинки-вкладыши с ретушированным основанием, еще на 4 -

ромбовидные остря, на 6 стоянках - остря с затупленным краем и ретушированным основанием. Все эти формы не характерны для совтеррско-тарденуазской общности и, наоборот, широко распространены в культуре де лейен-вартена. В 6 памятниках культуры де лейен-вартена обнаружены формы орудий, присущие культурной общности совтерр-тарденуаз, которые могли в них попасть, вероятно, из культуры боберг: остря типов Тарденуа, Совтерр, Вьелль. Следовательно, и здесь можно говорить о взаимовлияниях [11].

Кроме указанных еще один пример взаимоассимиляции можно видеть в слиянии отдельных групп культур фосна и маглемозе, которые дают в итоге культуру конгемозе, объединяющую в своем инвентаре признаки обеих названных культур.

Можно привести и примеры генетических взаимоотношений. Одним из них, с моей точки зрения, является возникновение сухонской культуры, население которой отсегментировалось от продолжающей существовать бутовской и мигрировало на север. В орудийном наборе сухонской культуры повторяются многие варианты бутовских инструментов. Некоторые сухонские памятники по пыльце датированы атлантическим периодом. Аналогичные даты имеют позднебутовские стоянки. Следовательно, поздние этапы существования бутовской культуры и начало возникновения сухонской культуры совпадают во времени.

Вторым примером могут служить ранние этапы британского маглемозе и культура дуфензе. Последняя, вероятно, сложилась на основе первого с добавлением небольшого числа элементов других культур. Однако это добавление, по сути дела, не столь уж значительно, чтобы изменить генезис дуфензе от британского маглемозе. Правда, после окончания формирования дуфензе развитие этих культур пошло разными путями. Но это уже другая проблема.

Можно привести еще несколько примеров (скажем, культуры дуфензе и коморницкая, поздний аренсбург и фосна, фосна и комса и т. д.). Во всяком случае, этот вариант взаимоотношений в северном мезолите также достаточно распространен.

Таким образом, в мезолите Северной Европы есть все указанные выше теоретически возможные варианты взаимоотношений между культурами.

Каковы были причины, механизм и последствия этих форм взаимоотношений? Вероятно, общей закономерности здесь нет. В каждом конкретном случае они были особыми. В рамках данной статьи нет возможности разобрать каждый такой случай. Поэтому попытаюсь сделать некоторые обобщения.

Отсутствие взаимоотношений с соседями в указанных случаях объясняется, по всей вероятности, острым изолированным положением культур.

Причины, механизм и последствия генетических связей довольно однообразны. Думается, что основной причиной их в большинстве случаев была демографическая: увеличение населения материнской культуры настолько, что ее экономическая территория уже не могла достаточно обеспечить имевшееся население. Механизм был в этом случае одним и тем же: широко использовалась сегментация. Последствия - образование новых культур.

Причины, механизм и последствия видов одностороннего воздействия могут быть крайне различными. Проще всего, пожалуй, здесь говорить о вариантах вытеснения и ассимиляции. И в том и в другом случае одна более высоко организованная и консолидированная группа населения (культура) воздействует на другую, внутренняя организация которой менее сплоченна. При этом причины установить с достоверностью возможно далеко не всегда. Иногда, безусловно, именно демографические проблемы заставляют осуществить давление на соседнее население (этот вариант, по-видимому, самый частый). Но возможны и другие причины, которые на современном уровне знаний о той или иной культуре трудно определить с достоверностью.

Механизм вытеснения может быть разным. Могли возникать договорные отношения, но нельзя исключать и военных столкновений. Механизм ассимиляции тоже может быть или мирным, или военным. Последствия в этих вариантах таковы: вынужденное сдавливание или миграция вытесняемого населения в случае вытеснения или исчезновение полностью поглощенной культуры в данном регионе в результате ассимиляции. Возможна и комбинация этих двух вариантов, когда ассимилируется только часть населения культуры, а другая часть вытесняется на другие территории.

Причины влияния или диффузии тоже не всегда удастся выяснить. Механизм же здесь, по-видимому, один - контакты населения двух культур, в результате которых одна из них воспринимает формы изделий, прежде отсутствовавших в ее инвентаре.

Очень схожи причины, механизм и последствия взаимовлияния: разница в том, что здесь обогащается инвентарь обеих взаимодействующих культур. То же - и при обмене.

При взаимоассимиляции, причиной которой может являться культурное сближение населения сливающихся культур и языковая близость, происходит соединение населения этих культур в одну социальную группу, которое археологически выражается в создании новой культуры, включающей признаки обеих сливающихся культур почти в равной мере.

В данной статье я хотел поставить проблему, которая давно назрела. Думается, что высказанные в ней положения могут заинтересовать специалистов и побудить их к дальнейшей ее разработке, в ходе которой мои мысли могут быть скорректированы или подтверждены. Но при современном уровне знаний о мезолите Северной Европы вопрос о взаимоотношениях соседних культур представляется достаточно сложным и требует всестороннего, максимально полного освещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mitchell D. F. The Larnian Culture: a Minimal View // *Proceedings of the Prehistoric Society*. V. 37. 1971.
2. Clark J. G. D. A Microlithic Industry from Cambridgeshire Fenland and other Industries of Sauveterrian Affinities from Britain // *Proceedings of the Prehistoric Society*. Т. 21. 1955.
3. Juuants K. Die mesolithischen Siedlungsplätze mit Feuersteininventar in Estland // *Mesolithikum in Europa*. Berlin, 1981.
4. Кольцов Л. В. Мезолит Волго-Окского междуречья // *Мезолит СССР. Археология СССР*. Т. 2. М., 1989.
5. Сорокин А. Н. Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции). М., 1990.
6. Жилин М. Г. Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. М., 1993.
7. Гусенцова Т. М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993.
8. Римаутене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
9. Косменко М. Г. Мезолит Среднего Поволжья // *КСИА*. Вып. 149. 1977.
10. Бадер О. Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // *МИА*. № 126. 1962.
11. Schwabedissen H. Die mittlere Steinzeit im westlichen Norddeutschland. Neumunster, 1944.
12. Kozłowski S. K. Pradzieje ziem polskich od IX do V tysiąclecia p. n. e. Warszawa, 1972.
13. Freund E. A. Komsa - Fosna - Sandarna // *Acta Archaeologica*. Т. 19. 1948.
14. Brinch Petersen F. Klosterlund - Sonder Hadsund - Bollund // *Acta Archaeologica*. Т. 37. 1966.
15. Clark J. G. D. Excavations at Star Carr. Cambridge, 1954.
16. Rozoy J. - G. Les Derniers Chasseurs. ~~Chasseurs~~. Charleville, 1978.
17. Jørgensen S. Kongemosen // *Kuml*. København, 1956.

*Институт археологии РАН,
Москва*

L. V. Koltsov

ON CHARACTER OF INTERRELATION OF NEIGHBOURING CULTURES IN THE NORTHERN EUROPE MESOLITHIC

Summary

The article deals with the interrelations between neighbouring cultures in the Northern Europe in the Mesolithic Period. The following forms, examples of which are observed in the region, are surveyed: 1) no relations of any kind are observed (Larne cultures and cultures of the Shippea Hill type belonging to the Late Mesolithic in Britain); 2) one-way influence: a. influence (of the Kunda culture on the Butovo culture, of the Butovo culture on the Kama culture, of the de Leien Wartena culture on the Lower-Rhein culture), b. displacement of one culture by another (the Kongemose culture drives out all other Post-Maglemose cultures), c. assimilation of one culture by another (the Late Ahrensburg is assimilated by the Duvensee culture, the Altynovo type Palaeolithic is assimilated by the Butovo culture); 3) interaction: a. exchange (the Kunda - Suomusjärvi), b. interinfluence (the Butovo-Ienevo cultures, the Nemanska - Janislavice cultures, the Fosna - Duvensee and Maglemose cultures, the British Maglemose - Tardenoisien cultures, the Boberg - Oldesloe and de Leien Wartena cultures), c. interassimilation (the Tardenoisien and the British Maglemose, the Fosna and the Maglemose); 4) genetical relations (one culture gives birth to another retaining its own characteristics: the Butovo - to the Suchona, the British Maglemose - to the Duvensee, the Duvensee - to the Komornica, the Fosna - to the Komsa).

Methods for evaluation of these interrelations are given in the article.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

В. И. Тимофеев

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР МЕЗОЛИТА - НАЧАЛА НЕОЛИТА В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

В финально-палеолитическое время на обширной территории, примыкающей с юга и юго-востока к Балтике, рядом исследователей прослежено чересполосное расположение стоянок, материалы которых в той или иной мере относятся к двум позднейшим палеолитическим культурам - аренбургской и свидерской [1; 2; 3 и др.]. Иная ситуация наблюдается в раннеголоценовое время, для которого уже характерно складывание территориально устойчивых мезолитических культур. При формировании типологического облика мезолитических индустрий Балтийского региона важное значение имела степень обеспеченности территорий доступными источниками каменного сырья. Характер исходного кремневого сырья (конкреции, гальки, глыбы разного размера) также отражался на размерах и, в определенной степени, на форме изделий. Хорошо заметны различия в направлениях развития индустрий, для которых характерно обилие рубящих орудий. Так, на обширных материалах богатой кремнем территории неманской культуры, существовавшей в мезолите и неолите, заметны отличия в направлении и темпах эволюции кремневых рубящих орудий от известных в северо-западной европейской провинции, особенно в ее классической скандинавской и северогерманской части. Если на северо-западе Европы в целом изменения набора типов от развитого мезолита к неолиту идут в направлении уменьшения количества "нуклеидных" рубящих орудий, бифасов и возрастания числа топоров из отщепов - транше, которые в комплексах неолитического времени становятся доминирующим, а потом и единственным типом рубящих орудий, то в ареале неманской культуры, в бассейнах Немана и Припяти, "нуклеидные" рубящие орудия абсолютно преобладали в течение всего неолитического периода, на более поздних его этапах подвергаясь шлифовке. Особенности набора рубящих орудий Пономанья и верховьев Припяти объясняются, видимо, определяющей ролью кремневого сырья - конкреций, оптимальных заготовок для массивных в сечении, удлиненных пропорций рубящих орудий. В то же время, большое число "нуклеидных" рубящих орудий при почти полном отсутствии орудий типа транше характерно и для другой богатой кремнем провинции лесной зоны Восточной Европы - верховьев Волги и Валдайского Поозерья.

В раннем голоцене в бореальных лесах и на западе и на востоке Балтийского региона существовали мезолитические общности, характеризующиеся богатым костяным-роговым инвентарем. На обширной территории между ареалами культур маглемозе на западе и юге и кунда на востоке известны также многочисленные находки костяных-роговых орудий в торфяниках, вне комплексов стоянок (имеющиеся здесь стоянки дюнного характера, не сохранившие изделий из органических материалов, представлены кремневым инвентарем неманской или яниславицкой атрибуции). Ассортимент этих находок с территории Литвы [1] и Калининградской области [4] при сравнении с характерными наборами орудий маглемозе и кунда показывает их большую близость к кундской индустрии (рис. 1). Необходимо отметить, что типы, общие для индустрий маглемозе, кунда и находок с промежуточных территорий, в рамках культуры кунда связываются, преимущественно, с более ранними комплексами (Пулли, Звейниекы II, классическая эпонимная коллекция Кунда). Большинство типов костяных-роговых орудий кундской индустрии, не находящих аналогов в материалах маглемозе, связано с поздним этапом кундской культуры.

Следует отметить, что в последние годы первые стоянки кундской мезолитической культуры открыты в северо-восточной Польше (исследования Р. Шильда, З. Сульгостовской) и в Литве (исследования А. Гирининкаса, Т. Остраускаса).

В позднемезолитическое и раннекерамическое время заметны существенные различия между костяными-роговыми индустриями лесной зоны Восточной Европы и более западных регионов. В то же время, эти различия вполне объяснимы в рамках естественных, природных особенностей территорий. С атлантическо-

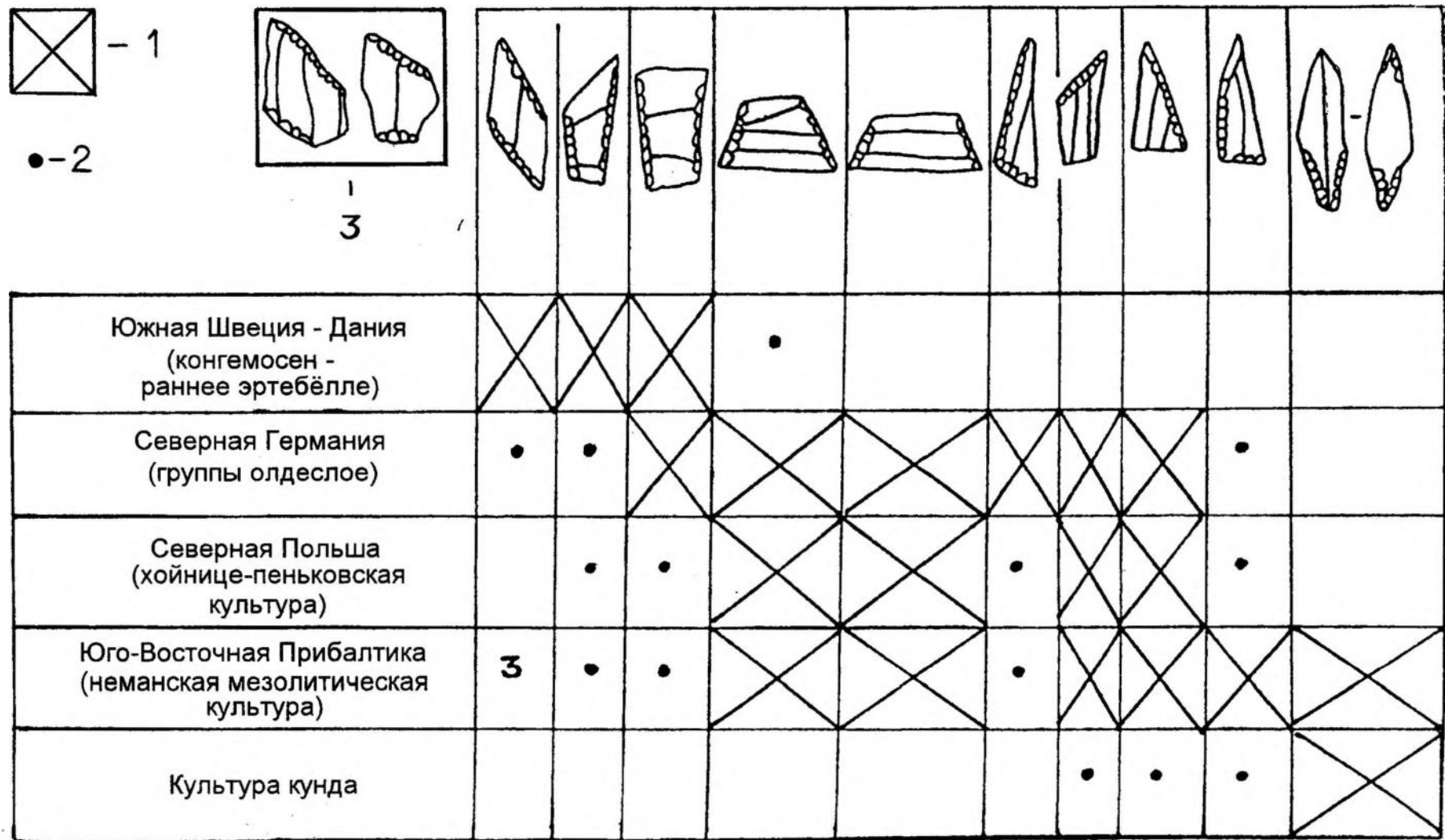

Рис. 3. Встречаемость некоторых типов охотничьего вооружения в комплексах культур второй половины мезолита в Балтийском регионе: 1 - серии находок; 2 - отдельные находки; 3 - наконечники из погребений в Спигинас (Литва)

Комплекс Данбки IX

Неманская культура

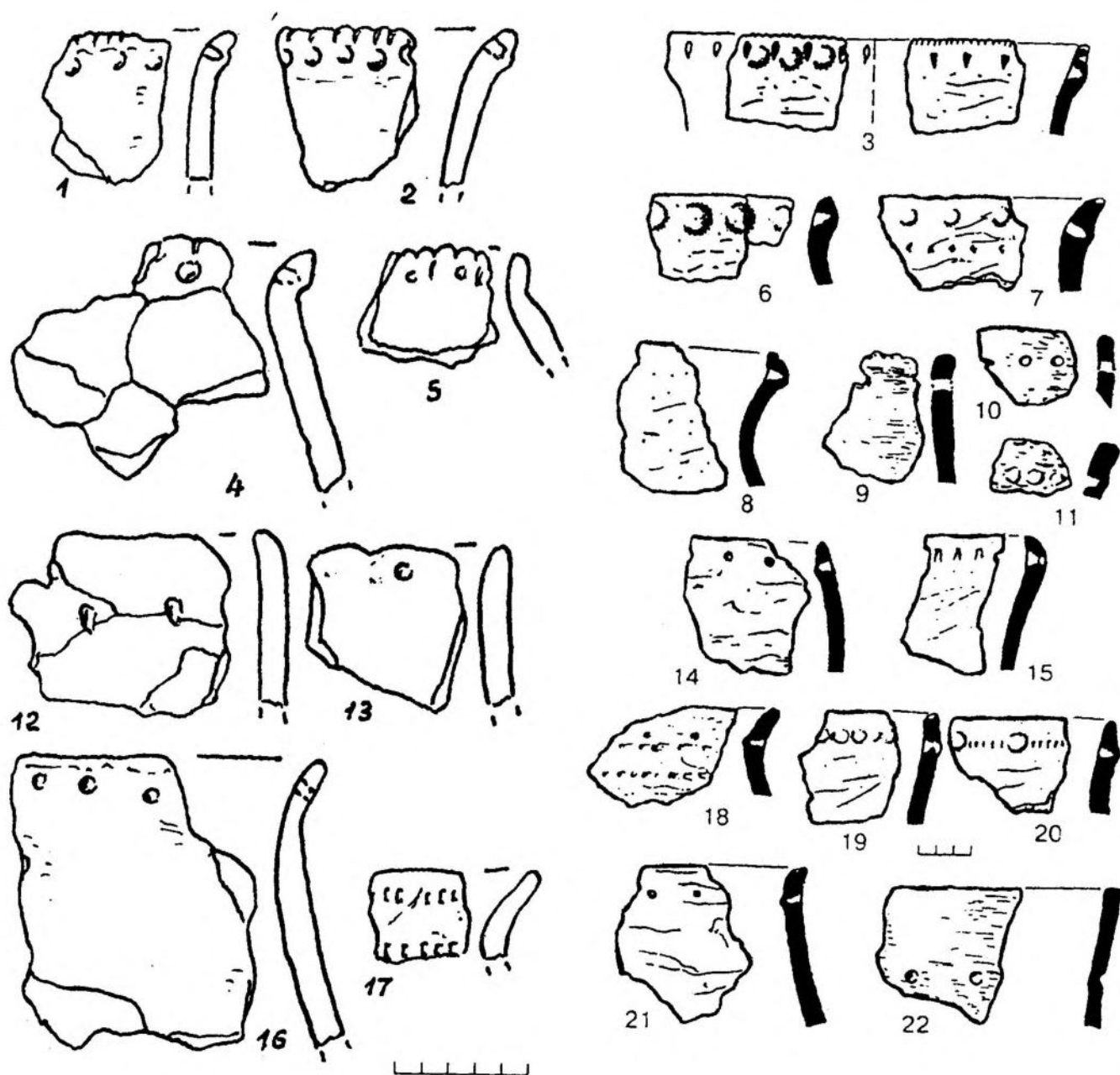

Рис. 4. Сопоставление орнамента сосудов восточной группы культуры эртебелле-эллербек (стоянка Данбки IX, Северная Польша) и неманской неолитической культуры: 1, 2, 4, 5, 12, 13, 16, 17, - Данбки IX (по И. Илькевич); 3, 6 - Лысая гора; 7, 8, 14, 15, 18-21 - Русаково II (по М.М. Чернявскому); 9-11, 22 - Гранды Войнецко (по К. Новаку)

го климатического периода основным сырьем для изготовления роговых орудий в Центральной Европе и на юге Скандинавии был рог благородного оленя, характерного представителя фауны широколиственных лесов, а на востоке, где благородный олень был редок, большинство орудий изготовлялось из рога лося. Различия естественных заготовок существенно сказались на типологии индустрий. Так, наиболее характерные для позднего мезолита - первой половины неолита Западной Прибалтики и Центральной Европы орудия Т-образной формы и "кирковидные" - сопряженные группы орудий, связанные общей технологией изготовления, получаемые при использовании в качестве заготовок ствола и ветвей рога благородного оленя, практически отсутствуют в индустриях каменного века восточной части Балтийского региона и лесной зоны Восточной Европы в целом. Рог лося был весьма неподходящей заготовкой для получения орудий этих форм. Очень показательны различия при сравнении инвентаря двух наиболее развитых и при-

мерно синхронных роговых индустрий культур запада и востока Балтийского региона - эртебёлле и нарвской, для которой характерны, в частности, долотовидные и тесловидные орудия из плоских кусков рога лося (рис. 2). В умеренной зоне Восточной Европы набор Т-образных и "кирковидных" орудий из рога благородного оленя выразительно представлен лишь в неолитической культуре крайнего запада лесной полосы - цедмарской [5; 6]. Другой особенностью нарвской костяной-роговой индустрии являются многочисленность и разнообразие наконечников стрел (рис. 2), заменяющих кремневые при крайнем дефиците кремневого сырья в ареале нарвской культуры.

Для кремневых индустрий позднемезолитического времени в регионе характерны устойчивые, сложившиеся локальные особенности. По своим основным составляющим индустрии позднекундской и неманской позднемезолитической культур Восточной Прибалтики, хойнице-пеньковской культуры Северной Польши, памятников локальных групп культуры олдесло на севере Германии, культуры конгемосен - раннего бескерамического этапа эртебёлле Дании и Южной Швеции, очень различны. В то же время, если мы возьмем наиболее чуткие культурные индикаторы - предметы охотничьего вооружения [7; 8], то увидим, что в памятниках, расположенных в районах стыка культур, наконечники стрел культуроразличающих типов встречаются вместе, что не раз отмечалось исследователями. В определенной степени ситуацию в позднем мезолите региона можно представить не только в виде дискретных ареалов культур, но и как своего рода цепочку, состоящую из взаимно стыкующихся элементов, протянувшуюся от юго-запада до северо-востока Балтики (рис. 3).

На наш взгляд, в позднемезолитическое время, несмотря на нарастание локальных различий, население циркумбалтийского пространства было интегрировано в большей степени, чем мы можем заключить, основываясь на типологических различиях массовых материалов индустрий, во многом зависевших от природных особенностей территорий. О возможности прямых контактов свидетельствует, например, открытие в Литве в Спигинас погребений с ромбовидными наконечниками (рис. 3), близкими типу Конгемосен [9]. Распространение во второй половине мезолита вокруг Балтики крупных могильников, состоящих из окрашенных охрой погребений, расположенных рядом с поселениями, указывает, видимо, на существование в разных частях обширного Балтийского региона сходных идеологических представлений и обрядов. Мы уже приводили данные [10; 11] о находках в Скандинавии и в лесной полосе Восточной Европы некоторых сложных сходных объектов, возможно, сопутствующих этим явлениям (например, жезл "оленеостровского" типа из Дании, Ведбэк; позднемезолитическая восточноютландского типа орнаментированная "роговая рукоятка" из Тырвала; признаки существования в каменном веке в Скандинавии и лесной полосе Восточной Европы сходного обычая покрывать расписным орнаментом лопасти весел). Вероятно, это лишь небольшая часть из имевшихся подобных параллелей. Проблема происхождения сходных с восточноевропейскими элементами в инвентаре культуры эртебёлле требует специального исследования. На наш взгляд, скорее всего, из одного источника - региона, расположенного к юго-востоку от Балтийского моря, позднемезолитическое население и восточной, и западной частей Балтийского региона получило технологические навыки производства первой керамики [12; 11]. Первые идеи в этом направлении были высказаны около тридцати лет тому назад В. Н. Даниленко [13, с. 182-183]. После открытия на севере Польши, в Кошалинском воеводстве, выразительного комплекса польского эртебёлле - торфяниковой стоянки Даньки IX [14] гипотеза о восточных связях культуры эртебёлле получила весомое подтверждение. В орнаментации сосудов Даньки IX прослеживается целый ряд элементов, близких орнаментике керамики неманской неолитической культуры (рис. 4) - территориально ближайшей культуры "лесного" неолита. Существенно, что в керамических материалах Даньки IX присутствуют элементы орнаментации и профилировки сосудов, характерные не только для древнейшей, дубичайской, по М. М. Чернявскому [15], фазы неманской культуры, но и для развитой, лысогорской. Сходные с материалами Даньки IX керамические комплексы в последние годы открыты и в северо-западной части литоральной зоны Польши (исследования Т. Галинского). Таким образом, можно заключить, что памятники типа Даньки Балтийского побережья Польши закрывают значительную лакуну, существовавшую между основной территорией культуры эртебёлле - эллербек на юге Скандинавии и севере Германии и территорией, занятой ранне-неолитическими культурами лесной зоны Восточной Европы, где, в ряде случаев, представлена керамика сходных форм и орнаментации, датирующаяся более ранним, судя по данным радиоуглеродной хронологии, временем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Римаитене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
2. Кольцов Л. В. Финальный палеолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.
3. Зализняк Л. Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.
4. Тимофеев В. И. Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1980.
5. Тимофеев В. И. Изделия из кости и рога неолитической стоянки Цедмар (Серово) Д // КСИА. Вып. 165. 1981.
6. Тимофеев В. И. Памятники типа Цедмар // Неолит Северной Евразии. Археология СССР. М., 1996.
7. Формозов А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
8. Кольцов Л. В. О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы // СА. 1979. № 4.
9. Butrimas A. Mesolithic graves from Spiginas, Lithuania // Mesolithic Miscellany, 10. № 2. 1989.

10. Тимофеев В. И. Некоторые общие проблемы каменного века лесной полосы Восточной Европы // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
11. Тимофеев В. И. Связи культур позднего каменного века Скандинавии и Восточной Европы // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997.
12. Тимофеев В. И. Проблемы генезиса раннеолитических культур в Балтийском регионе // ПАВ. № 9. СПб., 1994.
13. Даниленко В. Н. Неолит Украины. Киев, 1969.
14. Ikiwicz I. From Studies on cultures of the 4-th millenium BC in the central part of the Polish coastal area // Przegląd Archeologiczny. 36. 1989.
15. Чарняўскі М. М. Неаліт Беларускага Панямоння. Мінск, 1979.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

V.I.Timofeev

SOME PROBLEMS OF THE MESOLITHIC - EARLY NEOLITHIC INTERACTIONS IN THE BALTIC REGION

Summary

There is quite a lot of evidence concerning the East - West connections during the periods in question. The similarities in the material culture are more evident in the first half of the Mesolithic, in the materials of the Maglemose and Early - Classical Kunda cultures, especially those based on the data of antler-and-bone industries (Fig.1).

The local differences became much more recognizable closer to the Late Mesolithic (Fig.2), but the differences were affected also by the natural conditions - red deer antler was used for production of antler tools in the West, and elk antler was used in the East of the area. The situation in the Late Mesolithic we could consider also as a kind of a "chain" with the interconnected divisions around the large part of the Baltic Sea area (Fig.3). Probably, the technology of the first pottery production came to both parts of the Baltic Region from one source - from a region situated in the southern part of the Forest Zone, somewhere close to the Dnieper Basin area. The obvious links between the areas of the Ertebolle - Ellerbek entities and the Nieman Neolithic culture of the westernmost part of the Forest Zone became obvious after the discovery of the Polish Ertebolle sites, where many similarities with the Nieman culture in the pottery ornamentation are recognizable (Fig.4).

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Dvortsovaya Emb., St.Petersburg,
191065, Russia*

И. В. Исланова

ИЗМЕНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ ОТ МЕЗОЛИТА ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (по материалам северо-востока Тверской области)

Наряду с изучением конкретных регионов лесной зоны Восточной Европы в отдельные периоды древней истории исследователи обращаются и к анализу культурных процессов, происходивших на довольно обширных территориях на протяжении нескольких тысячелетий (например, работы В. А. Булкина по Днепро-Двинскому региону [1] и А. М. Микляева по междуречью Западной Двины и Ловати [2]).

В настоящей статье рассматривается картина культурных изменений на северо-востоке современной Тверской области, начиная с эпохи мезолита и до средневековья. Достоверные памятники более раннего времени известны пока не на всей исследуемой территории. Анализируемая далее северо-восточная часть Тверской обл. - это не особый историко-культурный регион, а отдельный крупный участок конкретной территории. На севере он включает бассейны Верхней Мсты и Верхней и Средней Мологи, на юге и юго-востоке - бассейны левых притоков Волги. Условными границами территории являются: на севере - Нижняя Молога, на западе - течение р. Тверцы, на юге и востоке - тверское течение Волги.

В результате проведенных детальных разведывательных работ и крупных стационарных исследований по данной территории за последние десятилетия накоплен определенный материал, позволяющий судить об основных тенденциях в культурных изменениях на протяжении почти десяти тысячелетий. Анализируя ситуацию, автор опирается на уже опубликованные научные концепции и выводы разных исследователей.

В рассматриваемую территорию включены участки (далее районы) двух крупных географических регионов: западного - озерного Валдайского и восточного - Волго-Окского. Западный регион - это зона Валдайской возвышенности с многочисленными озерами ледникового происхождения, ряд которых занимает более древние понижения. Здесь причудливо переплетена речная сеть, близко подходят верховья рек: с одной стороны, Балтийского бассейна, а с другой - Волжского. Небольшие водораздельные участки не затрудняли переходов и были удобны для волоков. Основные водные артерии относятся к бассейну р. Мсты.

Восточный регион связан с крупнейшей магистралью Восточной Европы - р. Волгой. Территория - в основном низинная с отдельными грядами, обязанными происхождением Московскому леднику или являющимися более древними поднятиями. Реки принадлежат Волжскому бассейну. Верховья правых притоков Волги уходят на восток - вглубь Волго-Окского междуречья. При движении на юг - вверх по Волге, далее - по Вазузе - открывается путь в Верхнеднепровский регион.

Несмотря на современные изменения почвенного покрова, прослеживаются общие тенденции, важные в данном случае при характеристике земледельческих культур. При всей его пестроте и наличии заболоченных пространств в западном регионе преобладали малоплодородные песчаные почвы. Поймы - самые удобные участки для земледелия в эпоху железа и раннего средневековья - были слабо развиты у молодых рек Валдайского региона. Восточный регион на значительном пространстве покрыт плодородными лессовидными супесями и суглинками, в обширных поймах находятся плодородные аллювиальные отложения.

Эпоха мезолита (рис. 1). В восточном районе рассматриваемой территории известны памятники бутовской и иеневской культур. Вопрос о сосуществовании или одновременности поселений этих древностей остается открытым. Иеневская культура возникает на местной основе. Бутовская, включая местный компонент, формируется после культурного свидерского импульса из более западных регионов - с территории современной Прибалтики, Белоруссии и Польши [3, с. 8-9].

В западном районе серия раскопанных поселений Удомельского Поозерья тяготеет к иному культурному ареалу, лежащему к северу и северо-западу, - Белозерью и Карелии [4, с. 12-13]. Найденные здесь материалы, относящиеся к бутовской культуре, возможно, связаны с подвижками населения из Волго-Окского в озерный регион.

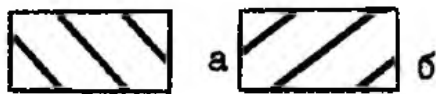
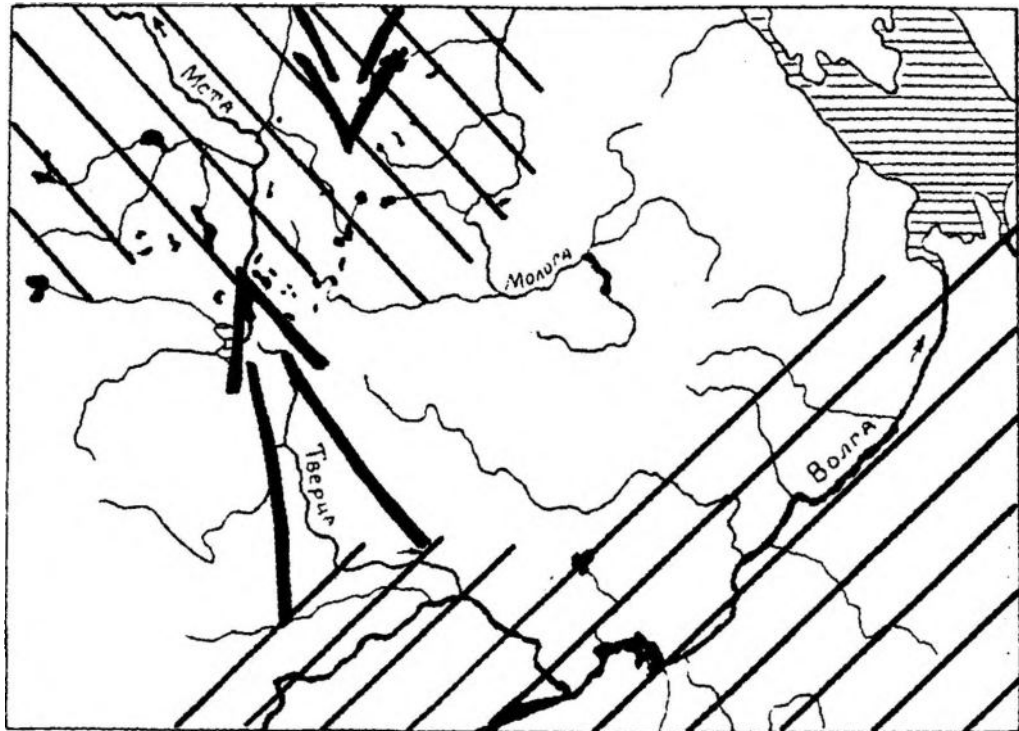

Рис. 1. Эпоха мезолита:
 а - северный мезолит;
 б - бутовская и иеневская культуры

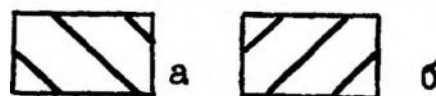
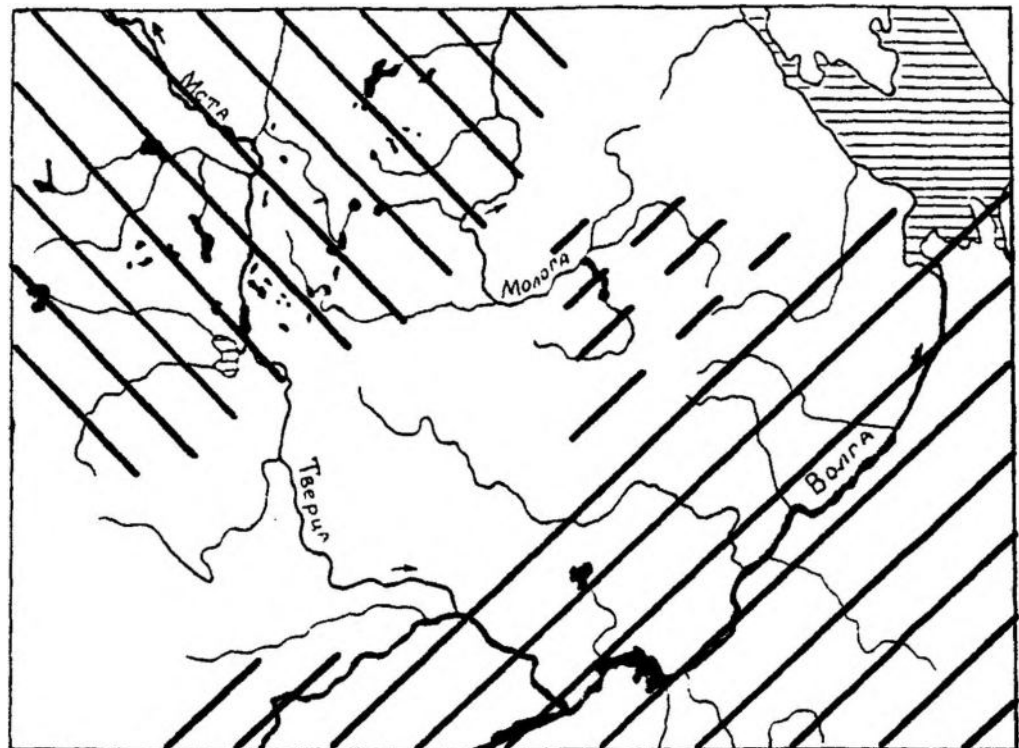
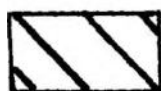
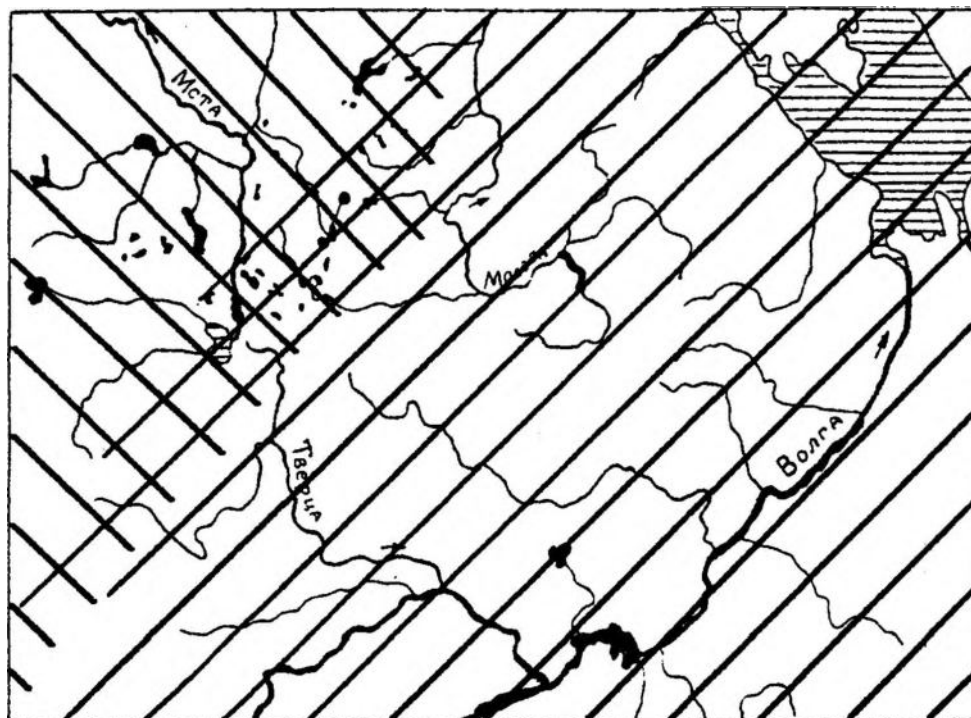
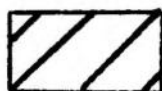

Рис. 2. Эпоха раннего неолита:
 а - валдайская раннеолитическая культура;
 б - верхневолжская культура

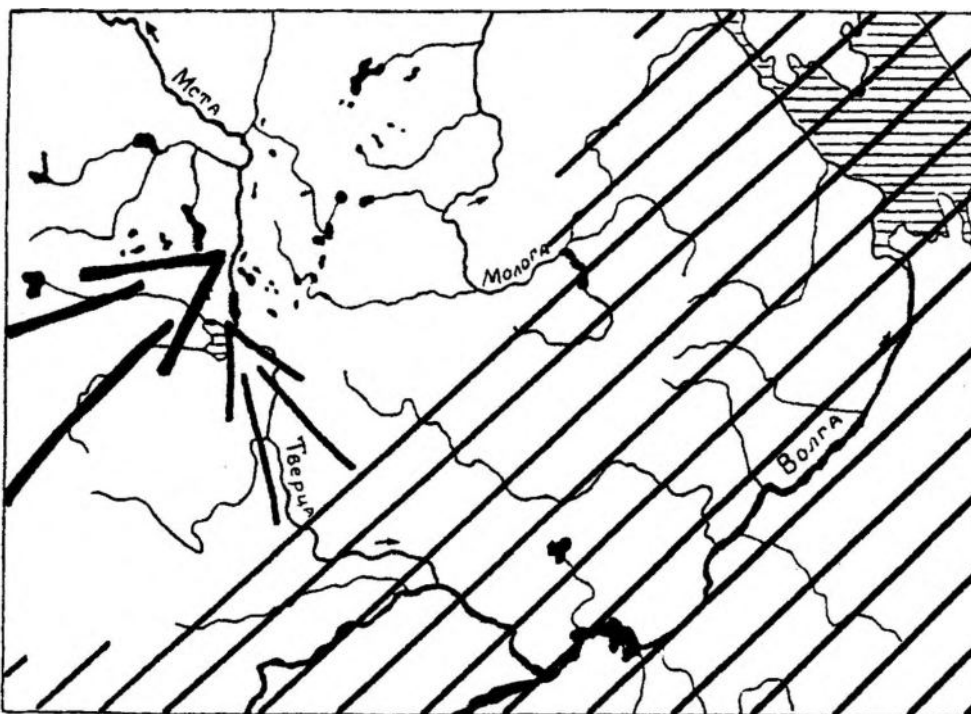

а

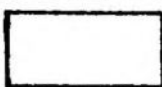

б

Рис. 3. Эпоха среднего и позднего неолита:
а - мстинская или валдайская культура;
б - льяловская культура

а

б

Рис. 4. Эпоха бронзы:
а - фатьяновская культура;
б - культура с "текстильной" керамикой с органическими примесями

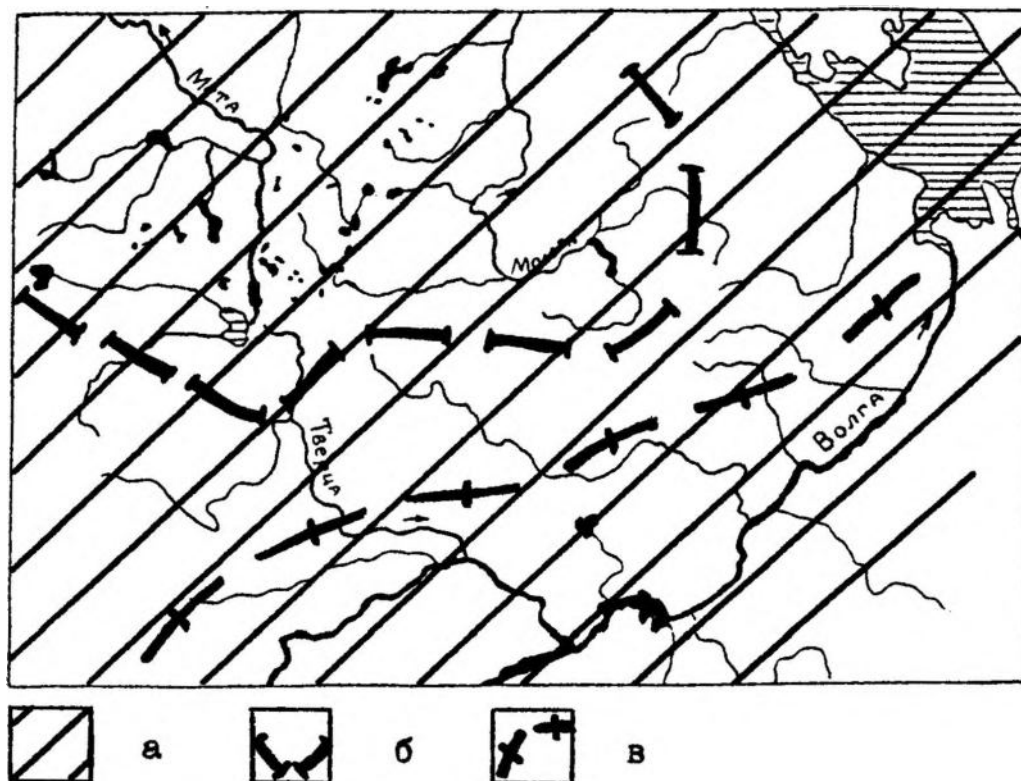

Рис. 5. Эпоха раннего железа:
 а - ареал распространения сетчатой керамики и грузиков дьякова типа;
 б - южная и восточная границы Северной группы памятников дьяковской культуры (по А. Д. Максимова);
 в - северо-западная граница дьяковской культуры (по И.Г. Розенфельдт)

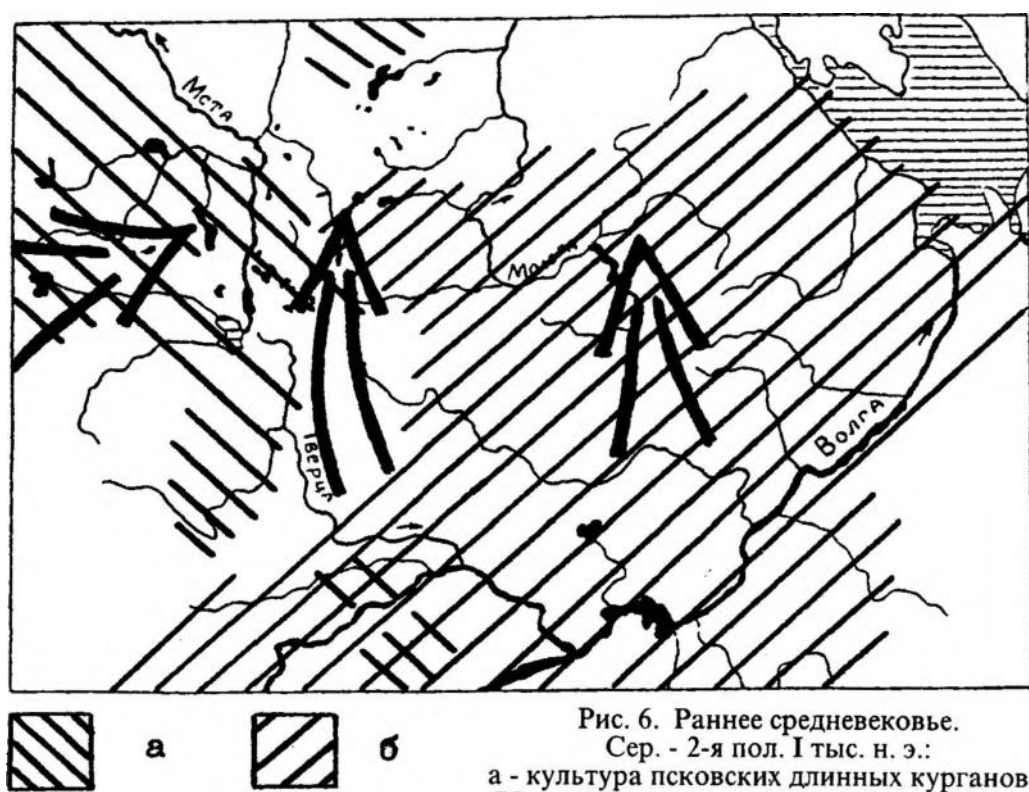

Рис. 6. Раннее средневековье.
 Сер. - 2-я пол. I тыс. н. э.:
 а - культура псковских длинных курганов (Южный участок, по П.Д. Малыгину);
 б - позднедьяковские древности

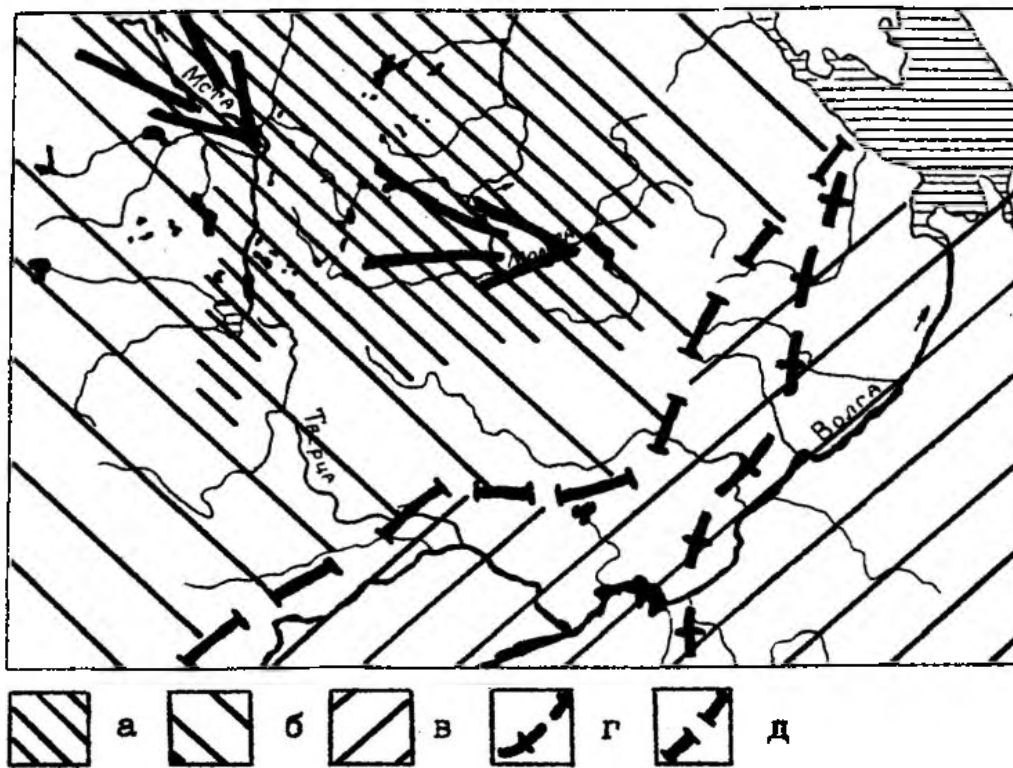

Рис. 7. Древнерусский период. Кон. I - нач. II тыс. н. э.:
 а - культура сопок; б - Новгородские земли; в - Ростово-Суздальские земли;
 г - граница Северо-Восточной Руси в XI в.; д - граница Северо-Восточной Руси
 в XII в.

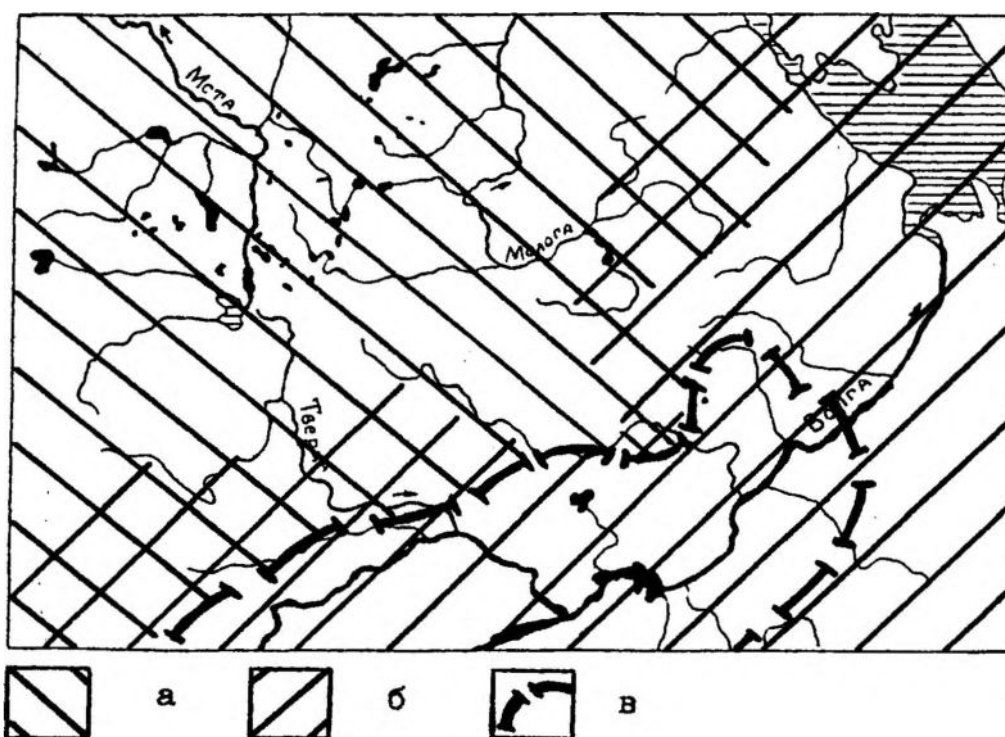

Рис. 8. Средневековье. XIII - XV вв. н. э.:
 а - Новгородские земли; б - Северо-Восточная Русь; в - границы Тверского
 княжества

Эпоха раннего неолита (рис. 2). Восточный район входит в зону формирования верхневолжской культуры, в основе которой лежат буговские древности [5, с. 166]. Как и в предшествующий период, эта территория является составной частью крупного Волго-Окского культурного региона.

В западном районе, видимо, идет иное развитие - не без влияния северных древностей. Территория входит в обширный регион распространения валдайской или особой моложской ранненеолитической культуры [6, с. 243-244].

Средний и поздний неолит (рис. 3). Восточный район занят льяловской культурой, основной ареал которой лежит в Волго-Окском междуречье. Предполагаемая граница между рассматриваемыми районами передвигается к западу. Удомельское Поозерье представляет собой контактную зону между льяловской и мстинской (или валдайской) культурами [4, с. 13; 5, карта 10]. Западный район, уменьшившийся в размерах, входит в ареал валдайских, в широком понимании, групп памятников. В дальнейшем рассматриваемая территория, за исключением долины Волги, занята памятниками с гребенчатой («протоволосовской») керамикой [8, рис. 1, с. 177-179].

Эпоха энеолита. В III тыс. до н.э. оба района входят в волосовскую зону памятников, распространенную вплоть до Средней Волги [8, с. 180-181; 9, с. 12]. Судя по находкам янтаря, контакты с Прибалтикой были характерны не только для западного, но и для восточного района.

Эпоха бронзы (рис. 4). В I-й пол. II тыс. до н.э. опять наблюдается деление территории на два района, происшедшее после миграции населения культуры боевых топоров и шнуровой керамики на Волгу, видимо, по Днепру, Вазузе и по Западной Двине [9, с. 62-63]. Восточная часть территории занята памятниками фатьяновской культуры [10, рис. 2]. Граница между западным и восточным районами сдвигается к востоку и проходит западнее Нижней Тверцы, Верхней Мологи и далее - Нижней Мологи. Отдельные фатьяновские находки в западной части территории могут быть связаны с культурными контактами или возможными подвижками фатьяновского населения вверх по Тверце в Вышневолоцкое Поозерье.

Западные участки заняты потомками волосовцев. Сюда на рубеже III и II тыс. до н.э. из Восточной Латвии проникает новое население. Это фиксируется по находкам пористой сетчатой («текстильной») посуды и керамики аборского типа [7, с. 329-331]. Впоследствии древности сетчатой керамики, но иного по составу теста (минеральные примеси), накрывают не только западную, но и восточную части территории. Фактически повторяется ситуация волосовского периода.

Ранний железный век (рис. 5). В I тыс. до н.э. вся территория входит в обширную зону распространения сетчатой посуды, охватывающую пространство от Прибалтики до Среднего Поволжья [11, с. 76, 89, табл. X]. С VIII-VII вв. до н.э. на Волге и в западной части Волго-Окского междуречья выделяются древности дьяковской культуры. В рассматриваемом западном районе, возможно, находятся поселения варианта этой культуры - т. н. Северная группа памятников [12, с. 108, 112]. Отдельные находки штрихованной посуды на памятниках обоих районов, возможно, указывают на продолжающиеся контакты с юго-западными областями (территориями современных Белоруссии, Литвы, Латвии).

В нач. I тыс. н.э. на памятниках дьяковской культуры происходят существенные изменения. Исчезает сетчатая посуда, появляются лощеная керамика, вещи с эмальями. Это уже иной культурный массив. В литературе для этого периода употребляется термин «позднедьяковская культура» [13, с. 235-239]. Изменения происходят после подвижек на Волгу населения из Верхнего Поднепровья и Поочья, т. е. с юга. Эти культурные импульсы достигают и западного района [14].

Не исключено, что население западного района испытывало культурное влияние со стороны племен, живших севернее - в Белозерье и Нижнем Помоложье (имеется в виду традиция сооружения курганных насыпей) [15, с. 139]. Активно функционирует путь по Волге и ее левым притокам в сторону озерного региона. По-видимому, с Урала через Прикамье и Среднюю Волгу на запад поступает цветной металл.

Раннее средневековье (рис. 6). С сер. I тыс. н.э. опять происходит довольно четкое деление исследуемой территории на западный и восточный районы. Западная часть занята памятниками культуры псковских длинных курганов [16, с. 211-215] и раннеславянскими древностями Удомельского типа [17, с. 12-16]. Группы раннеславянского населения проникают с юго-запада и смешиваются с местными племенами. Западный район тяготеет к обширному региону, лежащему западнее и северо-западнее, т. е. в какой-то степени возникает ситуация, близкая эпохам раннего неолита и появления сетчатой («текстильной») пористой керамики.

В восточной части территории, видимо, продолжают функционировать поселения позднедьяковской культуры. Граница между районами примерно та же, что в фатьяновский период, - по Нижней Тверце и по Средней Мологе.

Конец I тыс. н.э. (рис. 7). Западная часть территории входит в ареал формирования культуры сопок, возможно, не без подвижек населения с северо-запада - из Приильменья [17, с. 16]. Культура сопок распространяется далее к востоку - на Мологу, вплоть до ее верховьев. Граница между рассматриваемыми районами передвигается к востоку [18, с. 161, 163, рис. 2].

Определенную сложность представляет анализ ситуации в восточном районе из-за слабой изученности памятников кон. I тыс. н.э. Вероятно, северная часть тверского течения Волги была занята племенами мери [19, с. 269]. Но это самый окраинный участок. Основная территория расселения мери лежала восточнее - в северной половине Волго-Окского междуречья. Славянское население предположительно могло передвигаться на Волгу с запада и северо-запада, в том числе и из озерного региона, и с юга и юго-запада - из Поднепровья.

Объединяющим для всей территории был проходивший здесь участок Волго-Балтийского пути, интенсивно функционировавший в VIII-X вв. н. э., когда из стран Халифата поступает арабское серебро [20, с. 388, табл. 161]. При этом путь шел не только по Волге: отдельные его ветви пронизывали всю территорию с юго-востока и северо-востока на северо-запад [21, с. 26-31].

Древнерусская эпоха (рис. 7). Западная часть исследуемой территории входит в состав Новгородской земли. К Новгородскому региону тяготеет и почти весь восточный район рассматриваемой территории. Граница между районами передвигается почти вплотную к Волге [22, рис. 2]. Вся территория занята памятниками древнерусской культуры. В дальнейшем - до позднего средневековья западный озерный район ориентируется на Новгород.

К XII в. зона течения Волги и Нижней Медведицы "возвращается" к своей основной ориентации - на Волго-Окское междуречье. Эти земли входят в Суздальское, а затем в Переяславское княжества [22, рис. 3, с. 102]. Средняя Тверца и Молога относятся к западному району - принадлежат Новгороду.

Средневековье (рис. 8). Во 2-й пол. XIII-XV вв. восточный район - это самостоятельный культурный центр - территория Тверского княжества. И над Тверскими, и над Новгородскими землями неоднократно нависали военные угрозы. Сначала с востока - монголо-татарское нашествие, затем с юго-запада - из Литовского княжества.

Интересна судьба в XIV-XV вв. пограничных участков между западным и восточным районами: среднего течения р. Тверцы, где располагалась Новгородская Новоторжская Волость, и верхнего течения Мологи - новгородской территории Бежецкий Верх. Эти земли какой-то период находились в т. н. сместном владении Новгорода и Москвы. При этом территория Бежецкого Верха до полного присоединения всего региона к Москве по экономическим причинам переориентируется на восток - на Москву (скупка земель московскими князьями, боярами и монастырями) [23, с. 253-261].

В кон. XV в. и Тверская, и Новгородская земля теряют свою самостоятельность и входят в состав Московского государства.

Итак, на протяжении истории заселения края с эпохи мезолита исследуемая территория являлась в широком смысле огромной контактной зоной между крупнейшими регионами: Волго-Окским и Валдайским. На отдельных хронологических этапах фиксируются ритмичные изменения культурной ситуации. В одни периоды вся территория накрывается единой "культурной вуалью": волосовские древности, древности с сетчатой керамикой, древнерусская культура. В другие периоды территория довольно четко делится на две части, тяготеющие или к Балтийскому (в широком смысле) культурному массиву, или к Волго-Окскому региону. Граница между двумя районами постоянно "колеблется", смещаясь то к западу, то к востоку, в зависимости от культурной ориентации срединной части: Верхней Мологи и Средней Тверцы.

Каждый последующий этап в культурной ситуации уже накладывается на предыдущий, т. е. на местную, относительно нового пришедшего сюда населения, основу, но общая картина культурного деления спустя какое-то время опять "восстанавливается". В западный район культурные импульсы и подвижки населения осуществляются с севера и северо-запада или с запада и юго-запада - из Карелии, Белозерья, Приильменья, Прибалтики; в восточный район - с юго-востока, юга и юго-запада - из Волго-Окского междуречья, Поочья, Верхнего Поднепровья, Подвинья.

Крупные перемещения населения наблюдаются в основном с запада и юго-запада: появление постсвидерских древностей, приход носителей сетчатой пористой керамики, расселение славян из пражского ареала и новгородских словен из Приильменья. В отличие от западного, восточный район, напрямую связанный с Волгой, судя по современным разработкам, неоднократно становился определенным культурным центром: бутовские древности, верхневолжская культура, а в средневековье - Тверское княжество. Одновременно между регионами, куда входят рассматриваемые районы, существовали постоянные экономические контакты.

Один из ответов на вопрос о причинах сходства и ритмичности культурных изменений в разные периоды, похоже, лежит на поверхности. Несомненно связь с географическим местоположением рассматриваемой территории, обусловившим появление устойчивых путей, по которым проникали новые группы населения и осуществлялись контакты. Разные почвенные условия в периоды существования земледельческих культур приводили к тяготению и перемещению населения на благоприятные почвы. На крупные передвижения населения влияли и циклы изменений климата на всей Европейской территории. Возможно, сюда докатываются и волны глобальных подвижек населения, происходивших в степной и лесостепной зонах Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булкин В. А. Днепро-Двинское пространство - "срединная" Русь // ПАВ. № 9. 1995.
2. Микляев А. М. Каменный - железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // ПАВ. № 9. 1995.
3. Кольцов Л. В. О первоначальном заселении Тверского Поволжья // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
4. Сидоров В. Я. Тысячи лет культурной преемственности // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
5. Неолит Северной Евразии. Археология СССР. М., 1996.
6. Урбан Ю. Н. Стоянка Забелье - памятник раннего неолита Северного Валдая // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
7. Воронин К. В. Стоянка Стан 1 и ее место в круге памятников неолита - бронзового века Валдайской возвышенности и Верхнего Поволжья // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.

8. Сидоров В. В., Энговитова А. В. Протоволосовский этап или культура? // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
9. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.
10. Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972.
11. Смирнов К. А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974.
12. Максимов А. Д. Краткие итоги и перспективы изучения памятников раннего железного века Тверской области // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
13. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966.
14. Исланова И. В. Селище Троица I на оз. Удомля // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
15. Башенькин А. Н. Сопки и длинные курганы в юго-западном Белозерье // Славянская археология 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян: Материалы по археологии России. Вып. 1. М., 1993.
16. Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
17. Исланова И. В. О новом типе памятников третьей четверти I тыс. н. э. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь, 1996.
18. Исланова И. В. Структура сельского расселения в Мстинско-Моложском междуречье в VI-XIII вв. // Славянская археология 1990. Раннесредневековый город и его округа: Материалы по археологии России. Вып. 2. М., 1995.
19. Леонтьев А. Е. Археология мери. М., 1996.
20. Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. М., 1985.
21. Исланова И. В. Водные пути в восточной части Новгородской земли в IX-XIII вв. // РА. 1994. № 1.
22. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984.
23. Дворников А. С. Новгородско-московские отношения и Бежский Верх в XV веке // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород, 1995.

*Институт археологии РАН,
Москва*

I.V. Islanova

CHANGES IN THE CULTURAL SITUATION IN THE NORTH-EASTERN PART OF THE TVER REGION OBSERVED FROM THE MESOLITHIC PERIOD TO THE MIDDLE AGES

Summary

The article deals with cultural tendencies observed within the range of several milleniums on the territory which is a part of two vast regions: the Baltic region and the Volga-Oka region. The survey is based on various historical concepts published in press.

The territory under survey had been a place where regions mentioned came into contact. It used to be a sole cultural unity in the Eneolithic, throughout the Early Iron Age and the Ancient Russian period. During the Mesolithic, the Neolithic, as well as within the Bronze Age and the Middle Ages this territory was divided into two parts.

Each of those parts was influenced and partly assimilated by the said regions, and the border line which separated the parts was shifting either westwards or eastwards depending on what region the borderland was influenced by culturally. The cultural impulses as well as the migration of the population into the western part was directed from the North and the West while the eastern part of this region was influenced in this respect by its south-western, southern and south-eastern neighbours. Profound migrations of populations are observed in the Mesolithic, the Eneolithic and the Early Middle Ages. The eastern part of the region becomes a «cultural centre» in the Mesolithic, the Early Neolithic and the Middle Ages. Every succeeding cultural and chronological period continues the previous one, being grounded on its local (in relation to the new one) basis. After a certain interval the division into two parts is reestablished.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

Ю. Б. Цетлин

О ДРЕВНЕЙШИХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ ПРЕДМЕТНОЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Первобытное изобразительное искусство уже около полутора сотен лет является объектом пристального внимания исследователей [1]. За это время в его изучении были достигнуты значительные успехи. Они касаются, главным образом, проблемы происхождения первобытного искусства и проблемы его развития. Одним из существенных компонентов древнейшего искусства являются различные знаки, которые некоторые исследователи склонны рассматривать как особые численные системы [2; 3;4] и которые с известной долей условности могут быть объединены понятием «орнамент». Занимаясь довольно долго изучением источниковедческих особенностей орнамента на древней глиняной посуде, я все больше склоняюсь к мнению, что развитие орнамента на керамике нельзя по-настоящему понять, не рассматривая его как составную часть орнамента «вообще», а этот последний, в свою очередь, — как часть древней изобразительной деятельности человека. Такое мнение базировалось на интуитивной убежденности, что в основе развития тех и других явлений должны лежать некие общие историко-культурные закономерности. Соответственно, некие общие принципы должны присутствовать и в исследовательском подходе к их изучению. В связи с этим возникло желание посмотреть, как формировались основные черты предметной изобразительной деятельности человека, начиная, по возможности, с первых его шагов в этой области. Материалом для анализа в данном случае могли служить опредмеченные в тех или иных долговечных материалах древнейшие произведения изобразительного творчества человека. Проведение этой работы стало возможным благодаря большому числу монографических исследований и достаточно полных сводок конкретных данных о древнейшем искусстве (среди зарубежных специалистов это прежде всего работы А. Брейля и А. Леруа-Гурана, Я. Елинека, а среди отечественных — работы З. А. Абрамовой, А. Д. Столяра, Б. А. Фролова, А. А. Формозова и др.). Это позволяло пользоваться весьма добротной конкретной информацией о произведениях искусства, хотя и полученной частично из "вторых" (или даже "третьих") рук.

Однако до того как перейти непосредственно к изложению темы, мне хотелось бы сформулировать некоторые общие взгляды на данную проблему в целом. Прежде всего подчеркну, что, исходя из методологии "историко-культурного подхода", я рассматриваю предметную изобразительную деятельность человека как особый способ предметного воспроизведения окружающего мира, которое осуществлялось им в форме исторически сложившихся культурных традиций.

Для создания любых изобразительных творений древний человек должен был выработать специальные навыки труда, каждый из которых представляет собой особым образом организованную совокупность действий при решении конкретной задачи в данной области культуры. Взаимосвязанные системы навыков передавались в относительно замкнутых человеческих коллективах из поколения в поколение в течение длительного времени и в результате этого закреплялись в сознании людей как обязательные для исполнения культурные традиции.

В данном случае понятие "навык труда" включает три основных структурных элемента:

- 1 - "содержание изображения", куда относятся тема изображения и манера его создания;
- 2 - "средства" воспроизведения изображения, включающие материалы и инструменты, на которых и с помощью которых оно создается;
- 3 - "технология" создания изображения, т. е. способы его выполнения.

Предварительный анализ произведений изобразительной деятельности древнего человека позволил выявить основные варианты структурных элементов, составлявших в прошлом конкретное содержание понятия "навыки труда" в этой сфере.

Во-первых, установлено, что содержание произведений включает три основные темы:

изображение человека;
изображение животного;
изображение системы знаков.

С точки зрения современного исследователя, эти темы могут быть выполнены мастером в трех основных манерах:

1) *реалистической*, которая характеризуется а) детальным воспроизведением, б) внутренней динамикой и в) полной узнаваемостью образа;

2) *стилизованной*, которая характеризуется а) обобщенностью, б) как правило, статичностью и в) частичной узнаваемостью образа;

3) *абстрактной*, для которой свойственно а) чисто символическое и б) практически неузнаваемое по содержанию изображение.

Во-вторых, древний мастер, вероятно, воплощал свои изобразительные произведения на различных материалах, но только произведения, выполненные на *камне, кости и глине*, дошли до современности. В сочетании с этими основными видами материала он часто использовал вспомогательные материалы, важнейшим из которых были *краски*. Произведения, созданные в камне, кости или глине, могли быть по своему характеру *стационарными* или *мобильными*. "Стационарными" я называю произведения, которые использовались либо там же, где они создавались, либо вблизи этого места. Такие произведения носят также название "монументальные". Напротив, "мобильными" названы те произведения, которые могли создаваться в одном месте, а использоваться в другом. Их перемещение в пространстве не представляло никаких сложностей. Вопрос об инструментах, какими пользовался древний мастер, в данном случае обсуждать затруднительно из-за отсутствия об этом конкретной информации. Поэтому пока он остается открытым.

В-третьих, судя по изученным материалам, могут быть названы три основных способа создания изобразительных произведений:

1. *графика* - создание плоскостного изображения путем искусственного нарушения поверхности материала;

2. *роспись* - создание плоскостного изображения без искусственного нарушения поверхности материала;

3. *скульптура* - создание объемного изображения.

Таким образом, в данном случае "навыки труда в искусстве" включают как минимум **135 различных вариантов**, в которых теоретически могла проявляться предметная изобразительная деятельность древнего человека.

В ходе описания конкретных произведений изобразительной деятельности древнего человека было установлено любопытное явление. Дело в том, что иногда, создавая то или иное произведение, мастер использовал только какой-то один вариант "темы", один вариант "манеры" и один вариант "способа" ее исполнения. Например, "графическое изображение человека в реалистической манере" или "расписное изображение животного в стилизованной манере" и т. п. В других же случаях он совмещал в одном произведении два варианта "темы" (например, знаменитый "колдун" из пещеры Труа Фрер, который совмещает черты человека и животного [5, с. 369], два варианта "манеры" (примером этого может служить изображение бизона из пещеры Марсула во Франции со вполне реалистической мордой и абстрактно выполненным туловищем [5, с. 337] или изображение на кости стада оленей из пещеры Тейжа, где сочетаются стилизованная и абстрактная манеры [5, с. 320]) или несколько вариантов "способа" создания произведения (в качестве примера можно привести изображения животных из пещеры Альтамира в Испании, которые сначала наносились на скалу графически, а затем раскрашивались красками [5, с. 321; 1, с. 110-111]).

Тот факт, что подобные примеры являются массовыми в искусстве палеолита, приводит к выводу о бытовании в прошлом культурных традиций изобразительной деятельности человека в двух различных состояниях - **несмешанном и смешанном**.

Известные сегодня изображения являются по своему "характеру" либо стационарными, либо мобильными, и поэтому они не могут быть смешанными по этому признаку. Это в такой же мере касается и видов использовавшихся в древности "материалов", где, насколько мне известно, достоверные признаки смешанности также не фиксируются. Только оставшиеся три компонента культурных традиций (способы, темы и манеры создания изображений) могут пребывать как в несмешанном, так и в смешанном состояниях.

Соответственно, **несмешанные традиции** - это такие традиции, при которых используется только один вариант "способа", "темы" и "манеры" создания изображения.

Смешанные традиции - это традиции, при которых могут использоваться разные варианты "способов", "тем" и "манер" при создании одного изображения. По изученным материалам фиксируются семь видов смешанных культурных традиций:

вид 1 - в "способах" создания изображений, например "графика + роспись" или "скульптура + графика" (всего 4 варианта);

вид 2 - в "темах" изображений, например "человек + животное" или "человек + символ" (всего 4 варианта);

вид 3 - в "манерах" изображений, например "реалистическая + стилизованная" и т. п. (всего 4 варианта);

вид 4 - в "способах и темах" изображений, например антропоморфное изображение, выполненное графически и расписанное (всего 16 вариантов);

вид 5 - в "способах и манерах" изображений (всего 16 вариантов);

вид 6 - в "темах и манерах" изображений (всего 16 вариантов);

вид 7 - в "способах, темах и манерах" изображений (всего 64 варианта).

Легко заметить, что в целом здесь речь идет как бы о **двух уровнях смешанности традиций**:

I - это уровень смешения навыков и приемов выполнения какого-то одного конкретного вида работы при создании изображения, т. е. смешение или в способах, или в темах, или в манерах создания изображения; сюда относятся виды 1-3;

II - это уровень смешения навыков труда не в каком-то одном, а в двух или трех компонентах культурных традиций при создании конкретного изображения, т. е. смешение наблюдается, например, и в способах, и в темах, и в манерах работы, или в каких-то двух из этих компонентов. Это уже как бы смешение *второго рода*. Сюда относятся виды 4 - 7.

Отмеченные выше виды смешанности культурных традиций изобразительной деятельности, с учетом "характера" и "материала" изображений, могут проявляться в **620 вариантах**. Это с учетом **135 несмешанных вариантов** культурных традиций составляет в общей сложности **755 вариантов культурных традиций**. Здесь нет места для подробного разбора этого огромного разнообразия. Однако очевидно, что смешение разных навыков труда неизмеримо увеличивает число вариантов, в которых могла проявляться конкретная изобразительная деятельность первобытного человека.

Даже если не все теоретически возможные варианты смешанных традиций реально существовали в прошлом или были достаточно массовыми, использование такой разветвленной системы понятий позволяет достаточно детально выделять и анализировать разные культурные традиции в древнем изобразительном искусстве.

* * *

Перейдем к вопросу об **источниковедческой базе исследования**.

Объектами непосредственного изучения были опубликованные в специальной литературе фотографии и прорисовки (или рисунки) различных произведений предметной изобразительной деятельности палеолитического человека [это прежде всего работы 6; 7; 5; 1; 8; 2; 3; 9]. Сюда относятся изображения различных знаков, животных и людей, выполненные различными способами на скалах и каменных монолитах, глиняных полах или потолках пещер, на мелких камнях и гальках, костях и черепахах животных или вылепленные из глины, а также различные изображения на предметах быта и орудиях труда и т. п. В общей сложности анализу подверглись **свыше 1,5 тысяч подобных объектов из 233 памятников**.

Первая цифра является приблизительной, т. к. в литературе обычно приводятся обобщенные сведения о числе зафиксированных исследователями изображений. Поэтому были введены некоторые ограничения в отношении использования численных данных. Так, при описании произведений изобразительной деятельности по отдельным памятникам мне пришлось отказаться от выяснения степени распространенности разных изображений внутри памятника и фиксировать только **сам факт наличия и число различных видов и вариантов изображений**, но не число самих изображений, которое, естественно, было значительно большим. Такой подход к количественным характеристикам, с моей точки зрения, должен был сделать получаемую картину более объективной, хотя в ряде случаев и несколько более обобщенной.

Еще одно вынужденное ограничение касается принципов выделения районов распространения изучаемых объектов. Дело в том, что находки произведений палеолитической изобразительной деятельности встречаются весьма неравномерно на разных территориях. Основными районами их сосредоточения в Западной Европе является, например, Франция, в Центральной Европе - Моравия, в Восточной Европе - бассейны Десны и Верхнего Дона. Значительно меньше памятников с произведениями искусства известно в лесной зоне Восточной Европы и в Сибири. Причем такова, вероятно, историческая реальность, связанная с распространением навыков изобразительной деятельности в эту эпоху. Трудно рассчитывать, чтобы дальнейшие исследования изменили ее существенным образом. Это обстоятельство заставило меня при выделении территориальных групп памятников базироваться на учете их локализованности в географическом пространстве. Поэтому полученные группы оказались весьма неравноценными как по размеру территории, так и по числу включенных в них памятников.

В данной работе по возможности полно учтены памятники с находками остатков изобразительной деятельности палеолитического человека на территории Северной Евразии. Учитывая известную условность этого географического понятия, отмечу, что в данном случае в него включаются, во-первых, вся территория Западной Европы, во-вторых, Восточная Европа и Кавказ, в-третьих, Северная Азия в границах бывшего СССР.

В общей сложности на всей этой территории были выделены 14 групп памятников с остатками предметной изобразительной деятельности эпохи палеолита (рис. 1).

Датировка разных памятников палеолитического искусства имеет свои особенности. Они состоят в том, что достаточно определенно датируются предметы небольшого размера, находившиеся в культурном слое, и большие сложности у исследователей обычно вызывает определение возраста монументальных произведений искусства. Не касаясь этих специальных вопросов, я целиком опираюсь в данном случае на заключения специалистов.

Для изучения самых общих временных особенностей культурных традиций исследованные материалы были разделены на три широких хронологических периода. Период I - эпоха ашеля и мустье (примерно до 35 тыс. л. н.). Период II - это условно "ориньякско-солютрейская эпоха" (примерно от 35 до 15 тыс. л. н.). Период III - "мадленская" эпоха (примерно от 15 до 8-10 тыс. л. н.). Обобщенные данные об относительной хронологии и числе памятников в разных территориальных группах Северной Евразии представлены в таблице 1.

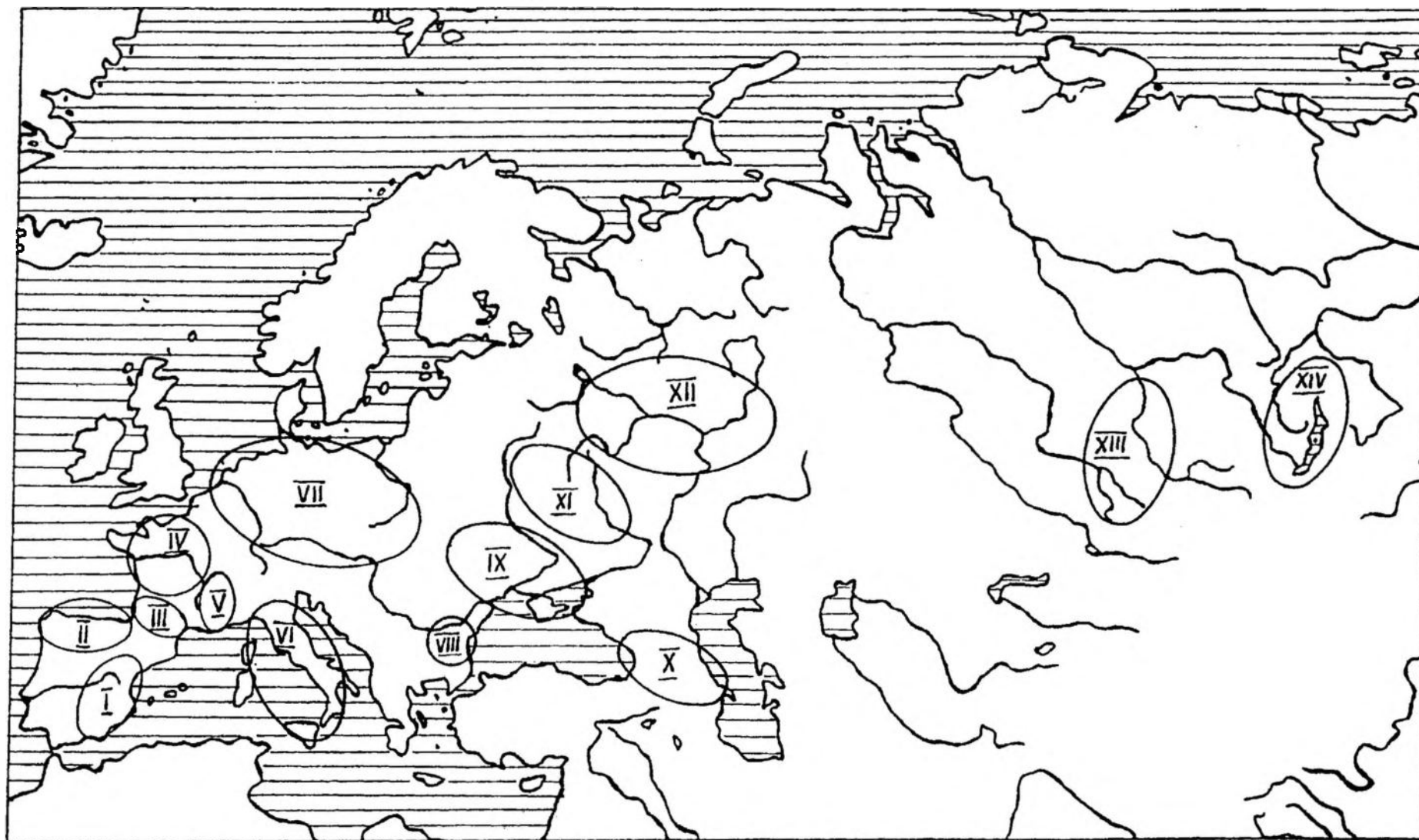

Рис. 1. Территориальные группы памятников Северной Евразии с остатками предметной изобразительной деятельности человека в эпоху палеолита

Таблица 1.

Территориальные группы памятников	Хронологические периоды			Всего памятников
	I	II	III	
I. Восток Пиренейского полуострова	-	1	7	8
II. Север Пиренейского полуострова	3	8	6	17
III. Северные Пиренеи	1	3	21	25
IV. Междуречье рек Луары и Гаронны	10	27	30	67
V. Бассейн реки Роны	3	3	1	7
VI. Апеннинский полуостров	2	7	3	12
VII. Центральная Европа	6	16	13	35
VIII. Западное Причерноморье	1	-	-	1
IX. Северное Причерноморье	3	5	7	15
X. Кавказ	4	6	1	11
XI. Юг Восточной Европы	-	14	5	19
XII. Центр Восточной Европы	-	3	-	3
XIII. Юг Западной Сибири	1	3	3	7
XIV. Юг Восточной Сибири	-	1	5	6
Всего памятников	34	97	102	233

На этой источниковедческой базе была предпринята попытка решения следующих исследовательских задач:

- 1) выяснение степени распространенности разных компонентов культурных традиций в древнейшей изобразительной деятельности;
- 2) изучение явления "смешанности" навыков труда в этой сфере деятельности;
- 3) выяснение основных территориальных и хронологических особенностей культурных традиций изобразительной деятельности человека в рассматриваемую эпоху.

* * *

Начнем с первого вопроса. Изложение его как бы конкретизирует характеристику источников. В данном случае учету подверглись все различные по составу использованных навыков труда изображения в рамках каждого из 233 памятников с территории Северной Евразии. Как было показано выше, культурные традиции изобразительной деятельности древнейшего человека включают 5 основных компонентов: 1) характер, 2) материалы, 3) способы, 4) темы и 5) манеры изображений. Рассмотрим, как распространены в рамках каждого из этих компонентов составляющие их виды культурных традиций.

I. *Характер* изображений зафиксирован в 294 случаях. Из них: 1) стационарные отмечены в 81 случае (27,6%); 2) мобильные - 213 (72,4%).

II. *Материалы*, на (или из) которых выполнено изображение, также зафиксированы в 294 случаях. В том числе: 1) камень использован в 148 случаях (50,3%); 2) кость - в 127 (43,2%); 3) глина - в 19 случаях (6,5%).

III. *Способы* создания изображений зафиксированы в 421 случае: 1) графика - 226 (53,7%); 2) скульптура - 110 (26,1%); 3) роспись - 84 (20,2%).

IV. *Темы* изображений зафиксированы в 485 случаях: 1) человек - 146 (30,1%); 2) животное - 152 (31,3%); 3) знак - 187 (38,6%).

V. *Манеры* изображений зафиксированы также в 485 случаях: 1) реалистическая - 55 (11,3%), 2) стилизованная - 188 (38,8%); 3) абстрактная - 242 (49,9%).

Таким образом, можно заключить, что в изобразительной деятельности первобытного человека абсолютно преобладали произведения не стационарного, а мобильного характера. Он практически в равной мере наносил их на камни или кости и в значительно меньшей степени еще использовал такой материал, как глина. Доля последней была, вероятно, несколько большей. Это связано с тем, что скорее всего не все произ-

ведения из глины сохранились до сегодняшнего дня. Наиболее распространенным способом создания различных изображений была графика, от нее значительно отставали скульптура и роспись, использовавшиеся древним человеком почти в равной степени. В древнем изобразительном творчестве наиболее распространены были различные знаки, а на втором месте стояли изображения животных и человека, представленные практически одинаково. Что касается манеры изображений, то здесь картина достаточно определенная: половина изображений выполнена в абстрактной манере, чуть более одной трети переданы в стилизованной форме и только немногим более 10% всех изображений могут быть отнесены к реалистическим.

* * *

Второй вопрос касается рассмотрения особого историко-культурного явления, которое до сего времени, насколько мне известно, не было объектом специального внимания исследователей первобытного искусства. Речь идет о "смешанности" навыков труда в изобразительной деятельности древнего человека. Как уже отмечалось выше, суть этого явления состоит в том, что при создании изобразительного произведения одна и та же задача выполняется мастером с помощью различных средств и приемов. Впервые смешанность культурных традиций была исследована в сфере древней гончарной технологии [2, 10], но затем выяснилось, что она широко представлена также в сфере орнаментации глиняной посуды [11]. Теперь становится очевидным, что явление смешанности навыков труда характерно и для древнейшей изобразительной деятельности.

Начнем с анализа самых общих проявлений смешанности навыков труда в изобразительной деятельности. Первоначальное формирование культурных традиций, как правило, было связано с их обособленным бытованием в относительно замкнутых человеческих коллективах, где они возникали и затем устойчиво передавались из поколения в поколение. Для возникновения смешанных навыков труда необходим устойчивый контакт между носителями разных навыков в одной и той же сфере деятельности. Он становился возможным только в случае совмещения этих носителей в одном времени в каком-то ограниченном пространстве, обычно на одном поселении. Такое состояние навыков и культурных традиций было названо "конгломератным" [12]. Именно на его основе происходит формирование собственно смешанных традиций. Таким образом, в самом общем виде могут быть выделены три последовательных состояния развития культурных традиций: I - "несмешанное", II - "конгломератное" и III - "смешанное". Рассмотрим, как меняется соотношение этих трех состояний в искусстве разных периодов палеолита (табл. 2).

Здесь обобщены данные о состояниях культурных традиций на памятниках по всем случаям смешанности. Для эпохи палеолита в целом несмешанные традиции изобразительной деятельности составляют около 2/3 всех случаев, а конгломератные и смешанные традиции - по 1/6 случаев. Отсюда следует, что основная масса произведений выполнялась с использованием "чистых" систем навыков труда, которые, раз сформировавшись на поселении, продолжали устойчиво воспроизводиться членами этого замкнутого коллектива. Однако если мы рассмотрим эти данные во времени, то картина станет еще более наглядной. В эпоху мустье несмешанные традиции на памятниках абсолютно господствовали (ок. 90%), в 7,4% случаев наблюдается их конгломератное состояние, когда на поселении, скорее всего, одновременно жили носители разных традиций, среди которых только-только начался процесс взаимного обогащения новыми творческими навыками, смешанные навыки составляют всего около 2%. Для двух последующих периодов подчеркну два момента. Первый, и наиболее важный, связан с устойчивым ростом во времени доли смешанных навыков изобразительной деятельности и столь же устойчивым снижением доли несмешанных навыков. Второй касается того, что доля конгломератного состояния навыков для второго и третьего периодов сохраняется практически неизменной.

Из пяти компонентов культурных традиций изобразительной деятельности первые два ("характер" и "материалы" изображения) могут пребывать, как уже отмечалось выше, обычно только в двух состояниях - несмешанном и конгломератном, т. е. изображения могут быть либо стационарными, либо мобильными и изготовленными либо из камня, либо из кости или глины. Три других компонента этих традиций допускают пребывание во всех трех состояниях. Данные о соотношении этих состояний и их особенностях во времени по каждому компоненту культурных традиций приведены в таблице 3.

Рассматривая эти данные, можно отметить следующее. Во всех без исключения случаях доля *несмешанных* навыков труда во времени сокращается, хотя и с разной интенсивностью. Во всех трех случаях, где фиксируются смешанные навыки изобразительной деятельности, доля их столь же устойчиво возрастает во времени. Доля *конгломератного* состояния навыков в периоды целиком сформировавшейся изобразительной деятельности (второй и третий) колеблется по сравнению с долей *смешанных* навыков в весьма ограниченном пределах - примерно от 16 до 20%.

Однако наиболее важный вывод удастся сделать на основе сравнительного анализа доли смешанных навыков по каждому из трех компонентов культурных традиций (табл. 3). Так, в III периоде палеолита на первом месте по смешанности стоят навыки выбора темы изображения (34%), на втором - навыки манеры исполнения (30,7%), на третьем - способы создания изображений (20,9%). Во II периоде сохраняется та же самая последовательность: смешанные темы - 21,3%, смешанные манеры - 20,8%, смешанные способы - 19,2%. Для всей эпохи палеолита в целом характерна аналогичная последовательность степени распространенности смешанных навыков: в темах - 26,5%, в манерах - 24,7%, в способах - 18,5%. Таким образом, во всех трех случаях наиболее смешанными оказываются темы изображений, несколько менее смешанными - манеры изображений и наименее смешанными - способы создания изображений. Первый период - это, главным

Таблица 2

Периоды	Состояние традиций			Сумма, % (n)
	Н/см.	Конгл.	См.	
III	61,1	17,2	21,7	100(789)
II	67,6	17,8	14,6	100(673)
I	90,7	7,4	1,9	100(162)
В целом	66,7	16,6	16,7	100(1624)

Таблица 3

Периоды	"Характер" изображения				"Материалы" изображения			
	Состояние традиций			Сумма, % (n)	Состояние традиций			Сумма, % (n)
	Н/см.	Конгл.	См.		Н/см.	Конгл.	См.	
III	89,2	10,8	-	100(102)	73,5	26,5	-	100(102)
II	89,7	10,3	-	100(97)	77,3	22,7	-	100(97)
I	94,1	5,9	-	100(34)	88,2	11,8	-	100(34)
В целом	90,1	9,9	-	100(233)	77,3	22,7	-	100(233)

Таблица 3 (продолжение)

Периоды	"Способы" изображения				"Темы" изображения				"Манеры" изображения			
	Состояние традиций			Сумма, % (n)	Состояние традиций			Сумма, % (n)	Состояние традиций			Сумма, % (n)
	Н/см.	Конгл.	См.		Н/см.	Конгл.	См.		Н/см.	Конгл.	См.	
III	61,4	17,7	20,9	100(158)	49,8	16,2	34	100(215)	52,8	16,5	30,7	100(212)
II	62,3	18,5	19,2	100(151)	58,6	20,1	21,3	100(174)	63	16,2	20,8	100(154)
I	78,6	14,3	7,1	100(42)	100	-	-	100(26)	100	-	-	100(26)
В целом	63,8	17,7	18,5	100(351)	56,6	16,9	26,5	100(415)	60	15,3	24,7	100(392)

образом, время становления изобразительной деятельности человека, и поэтому в данном случае он не может считаться показательным. Приведенные данные позволяют высказать предположение о различной степени устойчивости разных компонентов культурных традиций в ходе их развития.

Наибольшей устойчивостью, вероятно, обладают способы создания изображений, на втором месте по устойчивости стоят манеры исполнения изображений, а на третьем месте - темы изображений.

В перспективе эти данные могут оказаться полезными как один из факторов, определяющих глубину процессов смещения носителей разных традиций в изобразительной деятельности. Однако это пока дело будущего.

* * *

Третий вопрос касается выяснения основных территориальных и хронологических особенностей культурных традиций в древнейшей изобразительной деятельности человека. Начнем с анализа территориальных особенностей этих традиций в Северной Евразии. Для получения наиболее "чистой" картины локальных особенностей их распространения воспользуемся только данными о несмешанных традициях. Они приводятся в таблице 4. Поясню, что здесь дано соотношение долей разных несмешанных навыков работы при создании изображения по памятникам каждой территориальной группы и в целом (нижняя строка) для каждого компонента традиций. В вертикальных столбцах жирным шрифтом выделены господствующие навыки в каждой группе, а курсивом - навыки, близкие по степени своей распространенности. В последнем для каждого компонента столбце таблицы указано число случаев, в каких этот компонент зафиксирован и от которого исчисляется процентное соотношение в группе разных навыков труда. К каким же выводам приводят эти данные?

Анализируя характер произведений изобразительной деятельности, следует отметить, что традиции создания стационарных произведений изобразительного творчества являлись господствующими только в двух районах Северной Евразии - восточной и северной частях Пиренейского полуострова (группы I и II). Во всех остальных местах значительно преобладали так называемые "мобильные" произведения, которые выпонднылись либо на небольших по размеру природных объектах, либо на изделиях из природных материалов. Важно обратить внимание на тот факт, что стационарные произведения были достаточно массовыми (около 40%) еще в двух районах, прилегающих к тем местам, где они являлись господствующими. Это район Северных Пиренеев (группа III) и междуречье рек Луары и Гаронны (группа IV). В Восточной Европе основным памятником подобного искусства является Каповая пещера на Урале (группа XII).

Теперь рассмотрим территориальные особенности использования для произведений изобразительной деятельности различных природных материалов. Так, изображения на камне или из камня были преобладающими на территории всей Западной Европы, включая Апеннинский полуостров (группы I-VI). Вторым районом, где преобладали произведения из камня, была территория центра Восточной Европы (группа XII). В Западной Европе (район Северных Пиренеев, междуречье рек Луары и Гаронны и бассейн реки Роны - группы III-V) при господстве традиций использования камня были широко распространены и традиции создания изображений на кости. На территории Центральной Европы, в Черноморском бассейне и на юге Восточной Европы, напротив, господствующим материалом для изобразительного творчества была кость - это группы VII-XI. Причем территория Центральной Европы (группа VII) была как бы переходной зоной, поскольку там при преобладании изображений на кости были широко распространены традиции использования камня. Другим районом, где господствовали традиции использования кости, была территория юга Западной и Восточной Сибири (группы XIII и XIV). Применение глины как материала для изобразительной деятельности ни в одном из районов Северной Евразии в эпоху палеолита не было господствующим. Однако этот материал стабильно использовался в Западной и Центральной Европе и на Апеннинском полуострове (группы II - VII), составляя там примерно от 3,5 до 14% всех изображений. Еще одним районом, где были распространены эти традиции, был юг Западной Сибири (группа XIII).

Что касается способов создания изображений, то картина их распространения несколько иная. Традиции исполнения графических изображений были распространены чрезвычайно широко в Северной Евразии. Они господствовали в районе Северных Пиренеев, в междуречье рек Луары и Гаронны, в бассейне реки Роны (группы III - V), в Центральной Европе (группа VII), а также в Западном и Северном Причерноморье, на Кавказе и в южных районах Восточной Европы (группы VIII - XI). Еще один район господства этих традиций - юг Западной Сибири (группа XIII). Расписные изображения господствовали только в восточных и северных районах Пиренейского полуострова (группы I и II). Традиции создания скульптурных изображений нигде не были преобладающими. Однако в некоторых районах два разных способа создания изображений были представлены достаточно широко. Так, например, на севере Пиренейского полуострова (группа II) наряду с господствовавшими там расписными изображениями были распространены и графические. Аналогичная картина характерна для центральных районов Восточной Европы (группа XII). На Апеннинском полуострове и в Центральной Европе, на юге Восточной Европы и в южных районах Восточной Сибири (группы VI, VII, XI и XIV) наряду с графическими традициями были весьма распространены и традиции создания скульптурных изображений.

Неодинаково в разных районах Северной Евразии представлены в изобразительном творчестве и разные темы. Традиции изображения человека были относительно преобладающими только в районе Северных Пиренеев, в междуречье рек Луары и Гаронны, на Апеннинском полуострове и в Центральной Европе (группы III, IV, VI и VII). Изображения животных господствовали только на территории современной Ис-

Таблица 4

Террито- риальные группы	Компоненты несмешанных культурных традиций						
	"Характер" изображения			"Материалы" изображения			
	Стационар.	Мобильн.	Сумма, п	Камень	Кость	Глина	Сумма, п
I	87,5	12,5	8	100	-	-	8
II	70,6	29,4	17	58,8	29,4	11,8	17
III	39,5	60,5	43	53,5	32,6	13,9	43
IV	39,5	60,5	86	63,9	32,6	3,5	86
V	30	70	10	50	40	10	10
VI	25	75	16	68,8	25	6,2	16
VII	-	100	43	39,6	48,8	11,6	43
VIII	-	100	1	-	100	-	1
IX	5,9	94,1	17	23,5	76,5	-	17
X	18,2	81,8	11	27,3	72,7	-	11
XI	-	100	23	21,7	78,3	-	23
XII	33,3	66,7	3	66,7	33,3	-	3
XIII	-	100	7	28,6	57,1	14,3	7
XIV	-	100	9	33,3	66,7	-	9
В целом	27,6	72,4	294	50,3	43,2	6,5	294

Таблица 4 (продолжение)

Террито- риальные группы	Компоненты несмешанных культурных традиций											
	"Способы" изображения				"Темы" изображения				"Манеры" изображения			
	Графика	Роспись	Скульпт.	Сумма, п	Человек	Животное	Знак	Сумма, п	Реалист.	Стилизов.	Абстракт.	Сумма, п
I	12,5	87,5	-	8	-	100	-	3	11,1	88,9	-	9
II	45	55	-	20	11,8	58,8	29,4	17	11,1	50	38,9	18
III	65,7	22,9	11,4	35	34,8	30,4	34,8	46	15,6	37,8	46,6	45
IV	63	24,7	12,3	81	37,1	29,2	33,7	89	15,3	48,2	36,5	85
V	66,7	33,3	-	9	10	40	50	10	12,5	50	37,5	8
VI	42,8	14,4	42,8	14	53,3	13,4	33,3	15	14,3	50	35,7	14
VII	48,8	4,9	46,3	41	44,2	18,6	37,2	43	11,6	30,2	58,2	43
VIII	100	-	-	1	-	-	100	1	-	-	100	1
IX	63,2	26,3	10,5	19	6,7	6,7	86,6	15	-	13,3	86,7	15
X	72,7	18,2	9,1	11	-	9,1	90,9	11	-	-	100	11
XI	60	3,3	36,7	30	20	25,7	54,3	35	7,4	22,2	70,4	27
XII	50	50	-	4	20	20	60	5	-	25	75	4
XIII	85,7	-	14,3	7	14,3	-	85,7	7	-	-	100	7
XIV	50	-	50	6	25	37,5	37,5	8	-	25	75	8
В целом	58	22	20	286	29,8	26,9	43,4	305	11,2	37,3	51,5	295

пани (группы I и II). Значительно шире были распространены знаковые изображения. Они господствовали в бассейне реки Роны (группа V), в Западном и Северном Причерноморье, на Кавказе, в Восточной Европе и Западной Сибири (группы VIII - XIII). Однако в ряде территориальных групп сочетались традиции изображения двух и даже трех разных тем. Например, как изображения животных, так и изображения различных знаков были массовыми в бассейне реки Роны и в южных районах Восточной Сибири (группы V и XIV). Изображения человека и знаков были примерно одинаково распространены в Центральной Европе и на Апеннинском полуострове (группы VI и VII). Все три темы (изображения и человека, и животных, и знаков) также были широко распространены прежде всего в двух районах - в Северных Пиренеях и в междуречье рек Луары и Гаронны (группы III и IV).

Манеры создания изображений также имеют свои особенности в разных районах Северной Евразии. Так, абсолютно господствующей традиция создания стилизованных изображений была только на востоке Пиренейского полуострова (группа I). Традиция изображений, выполненных в абстрактной манере, господствовала в Северных Пиренеях (группа III) и далее, начиная с территории Центральной Европы и вплоть до южных районов Восточной Сибири (группы VII - XIV). Стилизованная и абстрактная традиции были примерно в равной степени распространены в изобразительном искусстве на севере Пиренейского полуострова, в Северных Пиренеях, в междуречье рек Луары и Гаронны, в бассейне реки Роны, на Апеннинском полуострове и в Центральной Европе (группы II - VII). Традиция создания реалистических изображений в это время еще нигде не была господствующей и даже достаточно массовой. Однако она была распространена в количестве 11 - 16% от общего числа изображений во всех группах на территории Западной и Центральной Европы. В восточной части рассматриваемой территории она в небольшом количестве зафиксирована только в южных районах Восточной Европы (группа XI).

Таким образом, подводя итоги пространственного анализа культурных традиций изобразительной деятельности палеолитического человека, следует отметить, что на территории Северной Евразии выделяются две группы районов: первая, где преобладающим был какой-либо один вид каждого компонента культурных традиций, и вторая, где были распространены разные виды каждого из этих компонентов традиций. Проще говоря, одни районы характеризуются распространением преимущественно **несмешанных** культурных традиций, а другие - **конгломератным** состоянием этих традиций (табл. 5).

По *характеру* изображений к первым районам относится почти вся рассматриваемая территория, кроме Северных Пиренеев и междуречья рек Луары и Гаронны (группы III и IV). По особенностям использовавшихся *материалов* преимущественно несмешанные традиции были характерны для Пиренейского полуострова, Западного Причерноморья, всех районов Восточной Европы и Сибири. Конгломератное состояние традиций по этому признаку преобладало в Северных Пиренеях, в междуречье рек Луары и Гаронны, бассейне реки Роны и в Центральной Европе. По *способам* создания изображений несмешанные традиции были распространены в большей степени в восточных районах Пиренейского полуострова, на территории современной Франции, большей части бассейна Черного моря и юга Западной Сибири. Конгломератное состояние разных *способов* создания изображений было характерно для северных районов Пиренейского полуострова, Апеннинского полуострова, Центральной Европы, южных и центральных районов Восточной Европы и юга Восточной Сибири. Несмешанные традиции выбора *тем* изображений в большей мере были свойственны для обитателей Пиренейского полуострова и всех территорий, которые располагаются восточнее Центральной Европы, включая южные районы Восточной Сибири. Конгломератные традиции выбора *тем* изображений были характерны для севера Пиренейского полуострова, междуречья рек Луары и Гаронны, бассейна реки Роны, Апеннинского полуострова и районов Центральной Европы. Особенности распространения разных *манер* и *тем* изображений сходны между собой. Несмешанные *манеры* создания изображений известны преимущественно на востоке Пиренейского полуострова и в районах к востоку от Центральной Европы. Конгломератное состояние этих традиций было характерно для изображений, распространенных главным образом в Западной Европе и на Апеннинском полуострове, кроме восточных районов Пиренейского полуострова.

Итак, на территории Северной Евразии выделяются две обширные зоны культурных традиций в изобразительной деятельности. Первая - зона преимущественного распространения **конгломератного состояния несмешанных традиций**. В нее входят район Северных Пиренеев, междуречье рек Луары и Гаронны, бассейн реки Роны, Апеннинский полуостров и Центральная Европа. Здесь на памятниках три из пяти компонентов культурных традиций находятся в конгломератном состоянии. В других районах Северной Евразии доля конгломератных традиций на памятниках древней изобразительной деятельности существенно ниже. Эти районы составляют вторую зону, где в основном зафиксировано **несмешанное состояние культурных традиций**. Речь, в первую очередь, идет о самой западной части Западной Европы, территориях Восточной Европы и Сибири. Весьма вероятно предположение, что в силу каких-то конкретно-исторических причин во второй зоне в эпоху палеолита значительно менее интенсивно по сравнению с первой зоной шли процессы смешения носителей разных навыков в сфере изобразительного творчества.

Для изучения "первоначальных" центров формирования разных культурных традиций в изобразительной деятельности основной интерес представляет именно зона распространения **несмешанного состояния традиций**. Допустимо предполагать, что именно в ее пределах группы наибольшего распространения разных компонентов изобразительных традиций будут фиксировать районы первоначального формирования разных навыков изобразительной деятельности на территории Северной Евразии. Основные из этих центров выделены в таблице 5 жирным шрифтом.

Таблица 5

Территор. группы	Компоненты несмешанных культурных традиций				
	Характер	Материал	Способы	Темы	Манеры
I	Ст	Км	Р	Ж	С
II	Ст	Км	РЛ	Ж	С/А
III	МБ/Ст	Км/Кс/Гл	Г	Ч/Ж/З	А/С
IV	МБ/Ст	Км/Кс	Г	Ч/Ж/З	С/А
V	МБ	Км/Кс	Г	Ж/З	С/А
VI	МБ	Км	Г/С	Ч/З	С/А
VII	МБ	Кс/Км/Гл	Г/С	З	А/С
VIII	МБ	Кс	Г	З	А
IX	МБ	Кс	Г	З	А
X	МБ	Кс	Г	З	А
XI	МБ	Кс	Г/С	З	А
XII	МБ	Км	Г/Р	З	А
XIII	МБ	Кс	Г	З	А
XIV	МБ	Кс	Г/С	Ж/З	А

Условные обозначения:

- характер изображения (Ст - стационарный; МБ - мобильный);
- материал изображения (Км - камень; Кс - кость; Гл - глина);
- способы изображения (Г - графика; Р - роспись; С - скульптура);
- темы изображения (Ч - человек; Ж - животное; З - знак);
- манеры изображения (Р - реалистическая; С - стилизованная; А - абстрактная).

При конгломератном состоянии традиций они располагаются в последовательности уменьшения их распространенности

Итак, формирование традиций создания стационарных изображений, вероятнее всего, было связано с восточными районами Пиренейского полуострова (группа I), а складывание традиций создания мобильных изображений, скорее всего, происходило где-то в широкой зоне, включающей районы Центральной Европы и Причерноморья (группы VII - XI), а также в южных районах Западной и Восточной Сибири (группы XIII - XIV).

Формирование традиции использования в изобразительной деятельности камня также связано с востоком Пиренейского полуострова (группа I), использование кости - с Причерноморьем и югом Восточной Европы (группы VIII - XI), а также с югом Восточной Сибири (группа XIV). Традиция использования для этой цели глины, вероятно, формировалась в двух районах - в междуречье рек Луары и Гаронны (группа III) и в Центральной Европе (группа VII).

Центром формирования традиции расписных изображений следует считать все тот же восток Пиренейского полуострова (группа I). Графические изображения были распространены, как уже отмечалось, очень широко, и поэтому районы их первоначального формирования с трудом поддаются выделению. Тем не менее, судя по имеющимся данным, в качестве таковых можно предположительно наметить два основных района: 1) Западное и Северное Причерноморье и Кавказ (группы VIII - X), 2) юг Западной Сибири (группа XIII). С наименьшей вероятностью выделяется еще один район возможного формирования этих традиций - Северные Пиренеи, междуречье рек Луары и Гаронны, бассейн реки Роны (группы III - V). Также гипотетически выделяются и два района формирования традиций создания скульптурных изображений: один - на Апеннинском полуострове и в Центральной Европе (группы VI - VII), второй - на юге Восточной Сибири (группа XIV).

Традиции изображения животных, вероятно, сложились в восточных районах Пиренейского полуострова (группа I). Традиции изображения людей, скорее всего, сформировались на Апеннинском полуострове и в Центральной Европе (группы VI - VII). Формирование традиции знаковых изображений можно связывать с двумя районами - бассейном Черного моря (группы VIII - X) и югом Западной Сибири (группа XIII).

В самом общем виде стилизованные и реалистические манеры исполнения изображений были характерны для Западной Европы, включая Апеннинский полуостров, а абстрактная манера - для Центральной и Восточной Европы и Сибири. Однако при более детальном рассмотрении имеющихся данных выделяются районы, которые можно рассматривать как центры первоначального формирования этих традиций. Сти-

лизованная манера, по всей вероятности, формировалась на востоке Пиренейского полуострова (группа I). Абстрактная манера может связываться с двумя районами: частью бассейна Черного моря (группы VIII - X) и югом Западной Сибири (группа XIII). Места формирования реалистических традиций могут быть намечены только весьма гипотетически - это, во-первых, Северные Пиренеи и междуречье рек Луары и Гаронны (группы III - IV) и, во-вторых, территория Апеннинского полуострова (группа VI).

Таким образом, в Северной Евразии выделяются три основных зоны, где в эпоху палеолита, скорее всего, и шло первоначальное формирование основных традиций изобразительной деятельности:

- I - восточные районы Пиренейского полуострова (группа I);
- II - бассейн Черного моря и некоторые прилегающие районы Центральной и Восточной Европы (группы VIII - X и отчасти группы VII и XI);
- III - южные районы Западной и отчасти Восточной Сибири (группа XIII и, может быть, группа XIV).

* * *

Теперь, после того как рассмотрены пространственные особенности культурных традиций изобразительной деятельности, обратимся к обсуждению наиболее общих хронологических особенностей этих традиций. Начнем с несмешанных традиций, а затем перейдем к смешанным.

В данном случае нас будет интересовать, как во времени менялась доля различных несмешанных навыков труда по каждому из компонентов культурных традиций изобразительной деятельности. Необходимые для анализа этого явления данные приведены в таблице 6.

По результатам изучения характера изображений можно утверждать, что доля стационарных изображений во времени устойчиво возрастала, а доля мобильных изображений столь же устойчиво снижалась. При этом важно подчеркнуть, что на всех этапах доля мобильных изображений оставалась господствующей.

Определенные временные особенности имели и традиции использования разных природных материалов для создания изображений. Так, доля изображений на камне во времени возрастала. Доля изображений на кости была несколько неустойчива во времени: в первый период она составляла около 57%, во втором периоде снизилась до 40%, а в третьем возросла, но лишь до 43%. Доля изображений из глины имела устойчивую тенденцию к уменьшению своей распространенности во времени. Кроме того, следует отметить, что изображения на кости безусловно господствовали в первый период палеолита, а во второй и третий периоды наибольшее распространение получили изображения, выполненные в камне.

Традиции использования разных способов создания изображений менялись во времени следующим образом. Доля графических изображений, будучи господствующей во всех периодах палеолита, неуклонно возрастала во времени. Доля расписных изображений резко уменьшилась при переходе от первого ко второму периоду, а во втором и третьем периодах оставалась практически неизменной. Скульптурные изображения не обнаруживают однозначной тенденции изменения во времени. Максимальное распространение они получили во второй период, а в первый и третий периоды были распространены почти одинаково, но значительно менее широко. Во втором периоде доля скульптурных изображений даже превысила долю расписных изображений.

Анализируя распространение разных тем изображений, следует отметить, что для первого периода палеолита, вероятно, не характерны никакие изображения, кроме знаковых, а во втором и третьем периодах уже были представлены все три основные темы. Во втором периоде традиции изображения знаков еще продолжали господствовать, а в третьем периоде наиболее распространенными стали изображения человека. Итак, доля изображений людей во времени возрастала, доля изображений животных оставалась практически на одном уровне, а доля знаковых изображений во времени устойчиво уменьшалась.

Весьма интересным является вопрос о распространении во времени разных манер изобразительной деятельности. Судя по имеющимся данным, можно заключить, что в первом периоде, вернее всего, была распространена только абстрактная манера создания изображений. Она оставалась господствующей во все периоды палеолита, хотя доля таких изображений с течением времени устойчиво сокращалась. На втором месте по степени распространенности стоят изображения, выполненные в стилизованной манере. Их доля, хотя и незначительно, увеличивалась во времени. Менее всего в изобразительном творчестве палеолита были представлены реалистические изображения: во втором периоде их доля составляла около 10% изображений, а в третьем периоде она выросла только до 14%.

Таким образом, обобщая эти данные, можно сделать вывод, что в период становления первобытной изобразительной деятельности человека (первый период) в Северной Евразии были преимущественно распространены мобильные изображения на кости, выполненные графическими, реже расписными приемами и представлявшие собой некую абстрактную систему знаков.

Во втором периоде палеолита наиболее распространенными оставались мобильные изображения, но уже выполнявшиеся преимущественно из камня и с использованием графических приемов. Эти изображения по-прежнему представляли собой главным образом системы абстрактных знаков. Однако уже для этого времени следует отметить массовое появление (по крайней мере в отдельных районах) стационарных изображений. Кроме того, достаточно широко распространяются мобильные скульптурные изображения, выполненные из кости. Массовыми становились изображения как человека, так и различных представителей животного мира, выполненные в основном в стилизованной манере и значительно реже - в реалистической.

В конце верхнего палеолита (третий период) продолжали господствовать мобильные изображения из камня,

Таблица 6

Террито- риальные группы	Компоненты несмешанных культурных традиций						
	"Характер" изображения			"Материалы" изображения			
	Стационар.	Мобильн.	Сумма, п	Камень	Кость	Глина	Сумма, п
III	31,7	68,3	100(139)	52,5	43,2	4,3	100(139)
II	28	72	100(125)	52	40	8	100(125)
I	6,7	93,3	100(30)	33,3	56,7	10	100(30)

Таблица 6 (продолжение)

Террито- риальные группы	Компоненты несмешанных культурных традиций											
	"Способы" изображения				"Темы" изображения				"Манеры" изображения			
	Графика	Роспись	Скульпт.	Сумма, п	Человек	Животное	Знак	Сумма, п	Реалист.	Стилизов.	Абстракт.	Сумма, п
III	78,6	24,3	18,4	100(125)	36,6	29,6	33,8	100(142)	13,8	42,9	43,5	100(147)
II	68	24,7	33	100(122)	28,5	29,2	42,3	100(137)	10,7	38,5	50,8	100(122)
I	55,9	41,2	17,6	100(39)	-	-	100	100(26)	-	-	100	100(26)

Таблица 7

Виды смешанности культурных традиций							Сумма, % (n)
1. С+С	2. Т+Т	3. М+М	4. С+Т	5. С+М	6. Т+М	7. С+Т+М	
17,2	10,8	1	11,3	7	30,5	22,2	100(203)

Таблица 7. Условные обозначения:
С - способы создания изображений;
Т - темы изображений;
М - манеры изображений

Таблица 8

Периоды	Компоненты смешанных культурных традиций			Сумма, % (n)
	Способы	Темы	Манеры	
III	26,5	40,7	32,8	100(253)
II	34,6	38	29,4	100(136)
I	100	-	-	100(3)
В целом	29,8	38,8	31,4	100(392)

Таблица 9

Периоды	Варианты компонентов смешанных культурных традиций														
	Способы				Сумма, % (n)	Темы				Сумма, % (n)	Манеры				Сумма, % (n)
	Г+Р	С+Г	С+Р	С+Г+Р		Ч+Ж	Ч+З	Ж+З	Ч+Ж+З		Р+С	Р+А	С+А	Р+С+А	
III	14,9	79,1	3	3	100(67)	12,6	27,2	51,5	8,7	100(103)	14,5	15,7	62,6	7,2	100(83)
II	8,5	74,5	8,5	8,5	100(47)	2	49	47	2	100(49)	-	17,5	80	2,5	100(40)
I	66,7	33,3	-	-	100(3)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В целом	13,7	76,1	5,1	5,1	100(117)	9,2	34,2	50	6,6	100(152)	9,8	16,2	68,3	5,7	100(123)

Таблица 9. Условные обозначения - см. табл. 5

выполненные графическими приемами. В это время наиболее распространенными стали изображения человека. При этом практически в равной степени использовались как абстрактная, так и стилизованная манеры исполнения разных изображений. Наряду с этим, традиции создания стационарных изображений постепенно становились еще более массовыми. В качестве материала для изображений по-прежнему очень широко применялась кость. Около 25% изображений выполнялось с помощью расписных приемов. Резко сократились традиции создания скульптурных изображений. В этот период массовыми оставались традиции изображения различных знаков и животных. Продолжалось распространение реалистических изображений в первобытном искусстве.

После того как мы разобрали хронологические особенности несмешанных культурных традиций изобразительной деятельности, следует провести аналогичную работу в отношении смешанных культурных традиций. Перед тем как обратиться к этому вопросу, посмотрим, какие виды смешанных навыков и в каком количестве выявлены в древнейшем изобразительном творчестве человека. Выше были выделены 7 видов смешанных культурных традиций, которые представлены в изученных материалах следующим образом (таблица 7).

Несколько неожиданным является то, что наиболее массовыми оказались виды смешанности II уровня: вид 6 - смешение в темах и манерах выполнения изображений - ок. 30% (отмечен по 49 памятникам); затем следует вид 7 - смешение в способах, темах и манерах изображений - ок. 22% (зафиксирован в 34 памятниках); на третьем месте, правда, стоит вид 1 - смешение в способах создания изображений, т. е. I уровень смешанности - ок. 17% (отмечен по 28 памятникам). Четыре других вида смешанности представлены менее значительно.

Виды 4 - 7, которые, как указывалось выше, относятся ко II уровню смешанности, для данной цели целесообразно разложить на составляющие компоненты и проанализировать их совместно со смешанными видами I уровня. Эти обобщенные данные о смешанных традициях I и II уровней приведены в таблице 8.

Прежде всего отмечу, что данные о соотношении компонентов смешанных традиций "в целом" подтверждают высказанное выше заключение о степени их устойчивости в ходе развития. Наименьшей смешанностью характеризуются способы создания изображений (29,8%), на втором месте стоят манеры исполнения изображений (31,4%) и ощутимо больше доля смешанных тем изображений (38,8%).

Эти данные странным образом противоречат наиболее общим тенденциям изменения смешанных традиций во времени, которые выявляются по этой же таблице. Последние проявляются в том, что в начальный период развития изобразительного творчества (период I) смешанность традиций была, вероятно, характерна только для способов создания изображений, а смешанные традиции в темах и манерах изображений появились, скорее всего, только в эпоху уже полностью сформировавшегося палеолитического искусства (период II). Кроме того, во времени доля смешанных способов создания изображений неуклонно уменьшалась (от 100 до 26,5%), а доли смешанных тем и манер изображений при переходе от второго к третьему периоду палеолита возрастали, хотя и очень незначительно (в первом случае - от 36 до 41%; во втором случае - от 29 до 33%). Не исключено, что это противоречие объясняется недостаточной полнотой данных о произведениях, относящихся к древнейшему периоду развития изобразительной деятельности.

Напомню, что для каждого из этих трех компонентов культурных традиций выделяются четыре разных варианта смешанности:

в рамках *способов* создания изображений: 1 - графика + роспись (Г + Р); 2 - скульптура + графика (С + Г); 3 - скульптура + роспись (С + Р) и 4 - скульптура + графика + роспись (С+Г+Р);

в рамках *тем* изображений: 1 - человек + животное (Ч+Ж); 2 - человек + знак (Ч+З); 3 - животное + знак (Ж+З) и 4 - человек + животное + знак (Ч+Ж+З);

в рамках *манер* создания изображений: 1 - реалистическая + стилизованная (Р+С); 2 - реалистическая + абстрактная (Р + А); 3 - стилизованная + абстрактная (С+А) и 4 - реалистическая + стилизованная + абстрактная (Р+С+А).

Особенности распространения во времени всех этих вариантов смешанных культурных традиций создания изображений приведены в таблице 9. Посмотрим, к каким выводам могут привести эти данные.

Начнем с рассмотрения смешанных способов создания изображений. Прежде всего, следует отметить, что наиболее массовой является традиция С+Г (она составляет около 76% всех смешанных способов), на втором месте стоит традиция Г+Р (около 14%), две другие смешанные традиции представлены в единичных случаях. В период становления изобразительной деятельности (т. е. период I) известны только две смешанные традиции - Г+Р и С+Г. Первая из них являлась преобладающей (66,7%). Во втором периоде господствующей стала традиция С+Г (74,5%), а три прочие традиции были представлены незначительно. В конце верхнего палеолита (период III) доля традиции С+Г еще немного возросла (79,1%) и продолжала оставаться наиболее распространенной. Значительно уступала ей традиция Г+Р (около 15%). Здесь важно обратить внимание на один момент, достоверное объяснение которому пока дать затруднительно. Речь идет о наиболее сложной смешанной традиции, когда в одном изображении сочетались и скульптурные, и графические, и расписные навыки работы (С+Г+Р). Она в большей степени была распространена во втором периоде палеолита (8,5%), а к концу его доля этой традиции снизилась почти в три раза (до 3%).

Теперь рассмотрим смешанные традиции в выборе тем изображений. Они еще не были известны в первом периоде палеолита. Позднее (во втором и третьем периодах) две из четырех традиций стали массовыми: одна - сочетание животного и знаков в одном изображении (Ж+З) - составляла 50% всех таких изображений, другая - сочетание в одном изображении человека и знаков (Ч+З) - охватывала около 34% изображе-

ний. Две другие традиции были представлены незначительно. Любопытно отметить что доля трех из четырех смешанных традиций во времени возрастала. Это традиции Ч+Ж (от 2 до 12,6%), Ж+З (от 47 до 51,5%) и Ч+Ж+З (от 2 до 8,7%). И только одна смешанная традиция (сочетание в одном изображении человека и знаков - Ч+З) резко сокращалась во времени (от 49 до 27,2%). В противоположность предыдущему случаю, здесь наиболее смешанная традиция выбора темы (человек + животное + знак) получила максимальное распространение только в конце верхнего палеолита.

* * *

Изложенными в данной статье наблюдениями ограничиваются на сегодняшний день мои возможности решения тех исследовательских задач, которые были поставлены в ее начале. Теперь сформулирую основные результаты, полученные по обсуждавшимся выше вопросам.

Начну с некоторых результатов методического характера. Изучение древнейшей изобразительной деятельности человека велось с позиций историко-культурного подхода. При таком подходе основным исследовательским понятием является понятие "культурная традиция", которая в данном случае рассматривается как устойчиво существовавшая система действий человека по созданию определенного предметного изображения.

Анализ структуры культурной традиции в области предметной изобразительной деятельности позволил выделить в ее составе 5 основных компонентов: характер, материал, способ, тему и манеру изображения. Установлено, что три последних компонента культурной традиции могли находиться как в несмешанном, так и в смешанном состояниях, а первые два компонента, скорее всего, только в несмешанном состоянии.

Впервые для изучения предметной изобразительной деятельности древнего человека предлагается общая система понятий и категорий, которая включает 135 вариантов несмешанных культурных традиций и 620 вариантов смешанных традиций в этой области человеческой деятельности. Эта система понятий использована для анализа примерно 1,5 тысяч изображений, происходящих из 233 палеолитических памятников с территории Северной Евразии. В результате были получены следующие выводы историко-культурного характера.

При изучении степени распространенности навыков по разным компонентам культурных традиций был сделан ряд наблюдений, часть из которых хорошо известна, а некоторые являются новыми. В частности, выяснилось, что в палеолите Северной Евразии мобильные изображения встречаются примерно в три раза чаще, чем стационарные. Для создания стационарных изображений использовались камень и, значительно реже, глина, а для мобильных - прежде всего кость и редко глина. В наибольшей степени на рассматриваемой территории были распространены разнообразные графические изображения, на втором месте стояли скульптурные и на третьем - расписные изображения. Для эпохи палеолита "в целом" почти в равной мере были распространены все три основные темы: изображения человека, животных и знаков. Причем абсолютное большинство изображений выполнялось в абстрактной или стилизованной манере, и только очень небольшая часть их может быть признана реалистической.

Важные результаты были получены в ходе специального изучения явления смешанности культурных традиций в сфере изобразительной деятельности древнего человека. Прежде всего, было установлено, что по всем компонентам культурных традиций доля смешанных навыков труда во времени устойчиво возрастала, т. е. у человека происходил постепенный процесс усложнения навыков творческой деятельности. Впервые было выяснено, что разные компоненты культурных традиций обладают различной устойчивостью в ходе их развития. Наиболее устойчивыми оказались навыки применения разных "способов" создания изображений и, на втором месте стоят навыки использования различной "манеры" исполнения изображений и, наконец, на третьем месте по признаку устойчивости стоят навыки выбора разных "тем" изображений.

Анализ пространственных и хронологических особенностей культурных традиций на территории Северной Евразии в эпоху палеолита позволил прийти к следующим выводам. По особенностям распространения несмешанных культурных традиций здесь выделяются две обширные зоны. Одна из них - это зона, где в каждом случае господствовал *только один какой-то вид традиций*. Она включает два района: с одной стороны, это территория Пиренейского полуострова (группы I - II), а с другой - территория Восточной Европы и Сибири (группы VIII - XIV). Вторая зона - это преимущественно зона распространения *конгломератного состояния сходных традиций*. К ней относятся район Северных Пиренеев, междуречье рек Луары и Гаронны, бассейн реки Роны, Апеннинский полуостров и Центральная Европа (группы III - VII). Отмеченные особенности, вероятно, связаны с различной интенсивностью культурных контактов в каждой из этих двух зон между носителями разных традиций изобразительной деятельности.

Более детальный анализ распространения традиций позволил наметить центры первоначального формирования составляющих их компонентов на территории Северной Евразии. При этом выяснилось, что формирование разных традиций происходило первоначально в различных районах этой территории и только затем они распространялись в соседние районы. Именно в результате этого на поселениях возникало конгломератное состояние культурных традиций.

Хронологические особенности рассматривались отдельно по двум группам традиций - несмешанным и смешанным. По первой группе традиций выяснились следующие тенденции их развития: во-первых, доля стационарных изображений увеличивалась, а мобильных сокращалась; во-вторых, доля изображений из камня возрастала, а изображений из кости и глины уменьшалась; в-третьих, доля графических изображений увеличивалась, а расписных снижалась; в-четвертых, доля изображений людей росла, а доля знаковых изображений падала; в-пятых, увеличивалась доля реалистических изображений и уменьшалась доля абстракт-

ческо-расписных изображений (Г+Р) и увеличивалась доля скульптурно-графических изображений (С+Г); во-вторых, два вида смешанных по темам изображений являлись массовыми: животное + знаки (Ж+З) и человек + знаки (Ч+З), причем доля последних во времени сокращалась; в-третьих, с течением времени уменьшалась доля стилизованно-абстрактных изображений (С+А) и возрастала доля смешанных по манерам исполнения изображений с использованием элементов реализма.

По двум последним группам данных наибольший интерес представляют выводы о тенденциях изменения во времени конкретных тем и манер исполнения изображений. Они, в частности, свидетельствуют о том, что первоначальное восприятие человеком окружающего мира и воспроизведение его в предметном изобразительном творчестве осуществлялось в абстрактно-знаковой форме, а уже позднее оно все более становилось образным и реалистическим.

Таковы основные результаты изучения древнейшей изобразительной деятельности человека с позиций историко-культурного подхода. Новые возможности, которые он открывает перед исследователями, достаточно очевидны, но пока в этом направлении сделаны лишь самые первые шаги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.
2. Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск. 1974.
3. Фролов Б. А. Первобытная графика Европы. М., 1992.
4. Marshack A. Upper Palaeolithic notation and symbol // Science. Vol. 178. 1972.
5. Елинек Ян. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1982.
6. Абрамова Э. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. Свод археологических источников. Вып. А 4 - 3. М.; Л., 1962.
7. Абрамова Э. А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л., 1966.
8. Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969.
9. Leroi-Gourhan A. Dictionnaire de la Prehistoire. Paris, 1988.
10. Franken H. In search of the Jericho potters. New-York, 1974.
11. Цетлин Ю. Б. Общие принципы декорирования древней глиняной посуды (К постановке проблемы). Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
12. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.

*Институт археологии РАН,
Москва*

Y.B.Tsetlin

ON ANCIENT CULTURAL TRADITIONS IN PRIMEVAL ART

Summary

The article is an attempt to consider some aspects of the Palaeolithic Material Art from the point of view of the historical-cultural approach. The analysis is based on the results obtained in the process of close study of about 1,5 thousand pieces originating from 233 monuments found in Northern EuroAsia. The notion of "cultural tradition in the material art" is analysed on this basis; the general systematics of these traditions, which includes 755 types and their variants, is suggested. Viewed from this angle, the material analysed leads to solution of three main problems: 1) on the range of distribution of various components of cultural traditions of material art; 2) on "mixed" character of these traditions; 3) on major territorial and chronological aspects of these traditions existing within the borders of Northern EuroAsia in the Palaeolithic.

As a result of the survey the following conclusions were arrived at: 1) the material art activities of the ancient man manifest themselves in a form of historically determined cultural traditions; 2) survey of «non-mixed» traditions leads to location of their origin; 3) creative activities of the ancient man grew more and more complex in the process of mixing of different traditions; 4) the history of cultural traditions had its peculiarities in various regions of Northern EuroAsia; 5) the primitive artist's initial perceptions of the outer world and their reproduction in works of art were abstract and symbolic, to become imagistic and realistic in later periods.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

А. В. Уткин, Е. Л. Костылева

ВОЛОСОВСКИЕ СКУЛЬПТУРНЫЕ МОДЕЛИ ФАЛЛОСА

Среди множества артефактов, находимых археологами в культурных слоях древних поселений, эпизодически встречаются отдельные предметы и целые серии вещей, функциональное назначение которых на первых порах определить крайне трудно. Лишь со временем, главным образом после накопления определенного количества аналогичных находок или при констатации каких-то специфических условий их обнаружения, становится возможным дать им правильную интерпретацию. Такая судьба "постигла" новгородские деревянные цилиндры - бирки сборщиков дани кон. X-XI вв. [1, с. 139-141]. Еще более запутанными и взаимоисключающими были толкования составных клювов из кости и рога от ритуальных птичьих масок руб. III-II тыс. до н. э. [2].

Наконец, аналогичная ситуация повторилась и с находками скульптурных моделей фаллоса. Первоначально их рассматривали как обычные образцы виртуозного костерезного искусства эпохи энеолита или принимали за рукояти составных орудий. Однако обнаруженный в 1979 г. на стоянке Сахтыш II предмет (рис. 3 : 2) [3, с. 119; 4, с. 84], который имел четко выраженную форму мужского *penis'a* в состоянии эрекции, позволил Д. А. Крайнову выделить подобные вещи в самостоятельную типологическую категорию [5, с. 101-105].

В настоящее время по нашим подсчетам к ним можно отнести примерно 13 находок с семи памятников. Они изготовлены из кости, рога или дерева, имеют Г-образную форму и состоят как бы из двуединых частей: длинная - собственно изображение фаллоса, короткая - рукоять.

Скульптуры *penis'a* вырезаны почти в натуральную величину, на конце имеют хорошо узнаваемое анатомическое утолщение. По внешнему краю моделей прорезаны неглубокие желоба, в которые вкладывались подвижные стержни, имитировавшие *os penis* медведя (рис.3: 1, 2).

Рукояти по отношению к фаллосам расположены под углом 90° и имеют различное оформление. По ним модели можно разделить на три типа. В первый объединяются пять скульптур, найденных на стоянках Черная Гора [6, с. 33, рис. 4: 1], Волосово [7, с. 367, рис. 73], Ивановское VII [5, с. 103, рис. 137], Шагара II [8, с. 94] и Языково I. У всех скульптур рукояти выполнены в форме реалистичного изображения головы гуся/лебедя (рис. 1: 1-4). Ко второму типу относятся также пять моделей (одна - с Ивановского III [5, с. 104, рис. 139], остальные - с Сахтыша II [5, с. 104, рис. 140: 2]), у которых рукоятями являются лопаточки, вырезанные в виде удлинненного в плане ромба и орнаментированные косыми нарезными линиями (рис. 2: 1-3). Третий тип представлен пока единственным экземпляром с Сахтыша II [5, с. 103, рис. 138 : 1]. Он изготовлен из края тазовой кости крупного животного, поэтому рукоять, в силу специфики материала, имеет простую форму подтреугольного в сечении стержня (рис. 3: 1). Наконец, у двух моделей (обе с Сахтыша II [5, с. 102, рис. 136]) рукояти утрачены (рис. 3: 2) и судить об их типах не представляется возможным.

Более-менее точные обстоятельства нахождения скульптур нам известны в 11 случаях. Пять моделей (одна с Ивановского III, прочие с Сахтыша II) были в составе волосовских кладов, где они датируются по С-14 4150-3720 л. н. [9, с. 29; 10, с. 38-39]; три (все с Сахтыша II) происходят с территории ритуальных погребальных площадок; столько же (с Черной Горы, Ивановского VII и Шагары II) обнаружено в культурных горизонтах волосовских поселений. Скорее всего, с культурными слоями стоянок связаны и остальные находки (с Языково I и Волосово).

Другими словами, наиболее надежно документированные условия нахождения большинства моделей, их специфическая конструкция и изображение *penis'a* в явно возбужденном состоянии свидетельствуют, что эти предметы имели сугубо культовое назначение. Их неординарность подчеркивается также косвенными данными: из семи сахтышских скульптур шесть намеренно сломаны (рис. 2: 1, 2; 3: 2), у деревянной модели с Ивановского III ударом рубящего орудия отсечен кончик фаллоса (рис. 2: 3) и сломана костяная имитация *os penis* медведя, а у черногорской находки вся поверхность была окрашена красной охрой [6, с. 34].

По-видимому, скульптурные модели фаллоса, с одной стороны, олицетворяли образ предка волосовцев

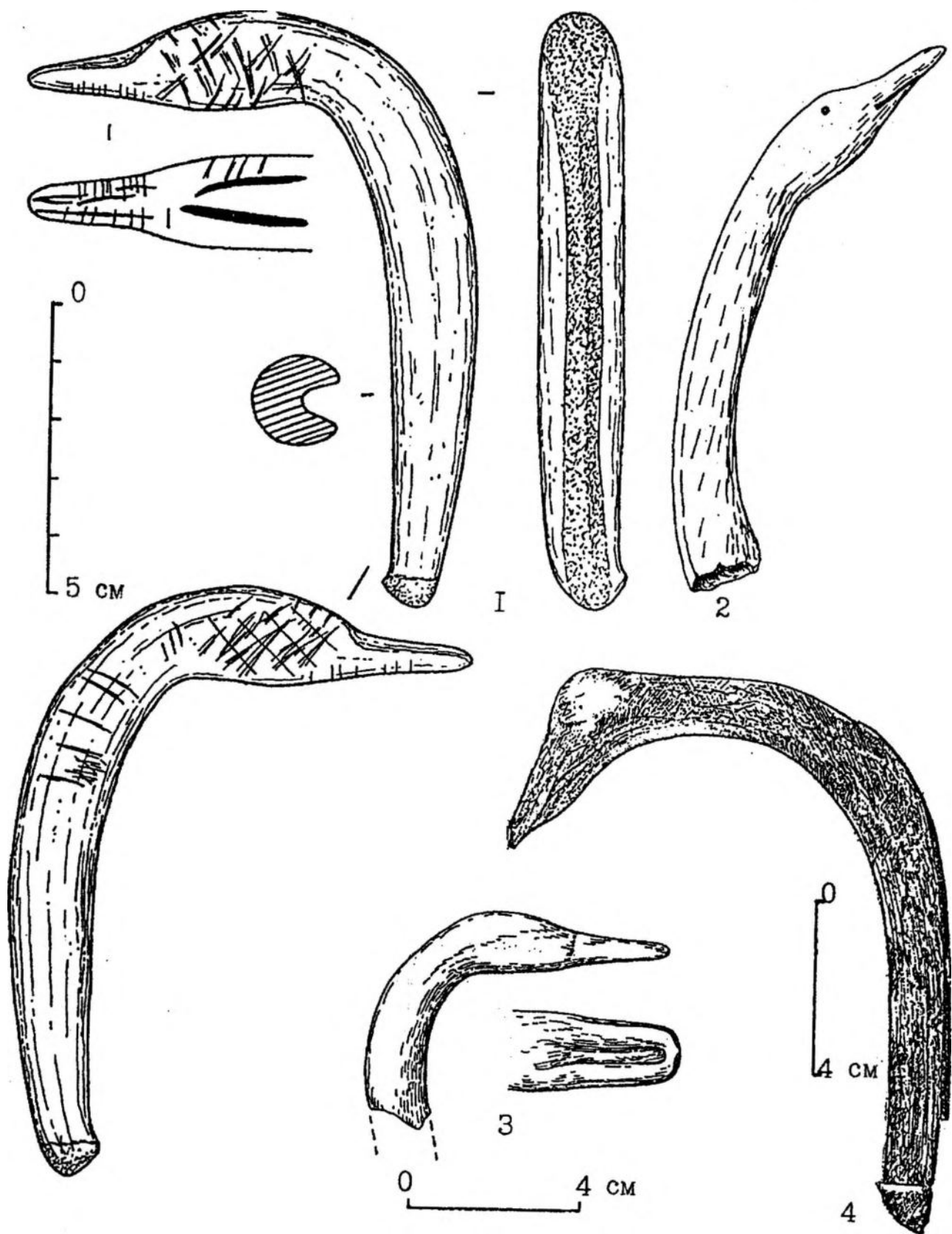

Рис. 1. Скульптурные модели фаллоса (тип I): 1 - Ивановское VII; 2 - Волосово; 3 - Шагара II; 4 - Черная Гора. 1 - рог; 2-4 - кость(?)

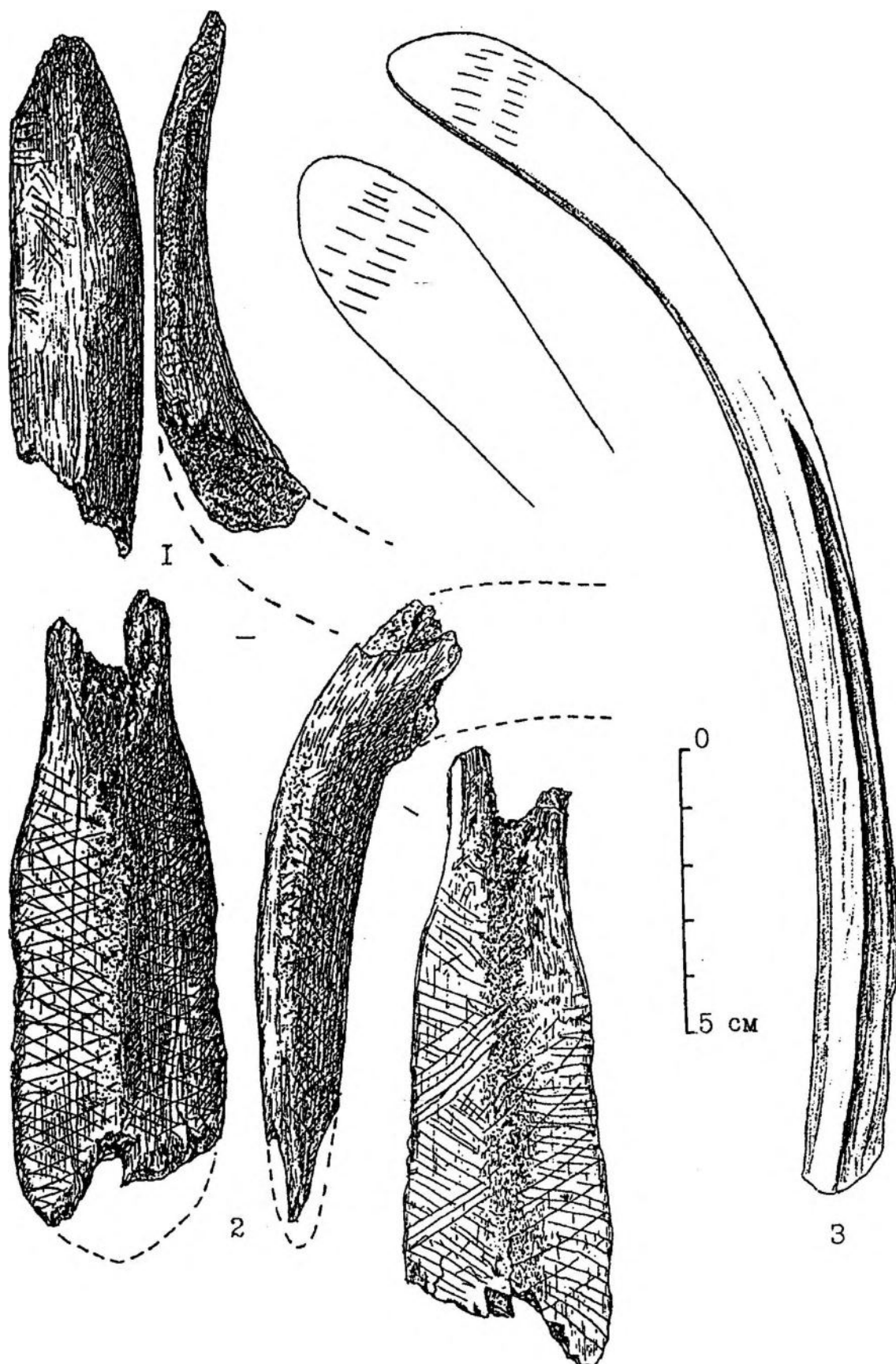

Рис. 2. Скульптурные модели фаллоса (тип II): 1,2 - Сахтыш II; 3 - Ивановское III.
 1,2 - рог; 3 - дерево (сосна)

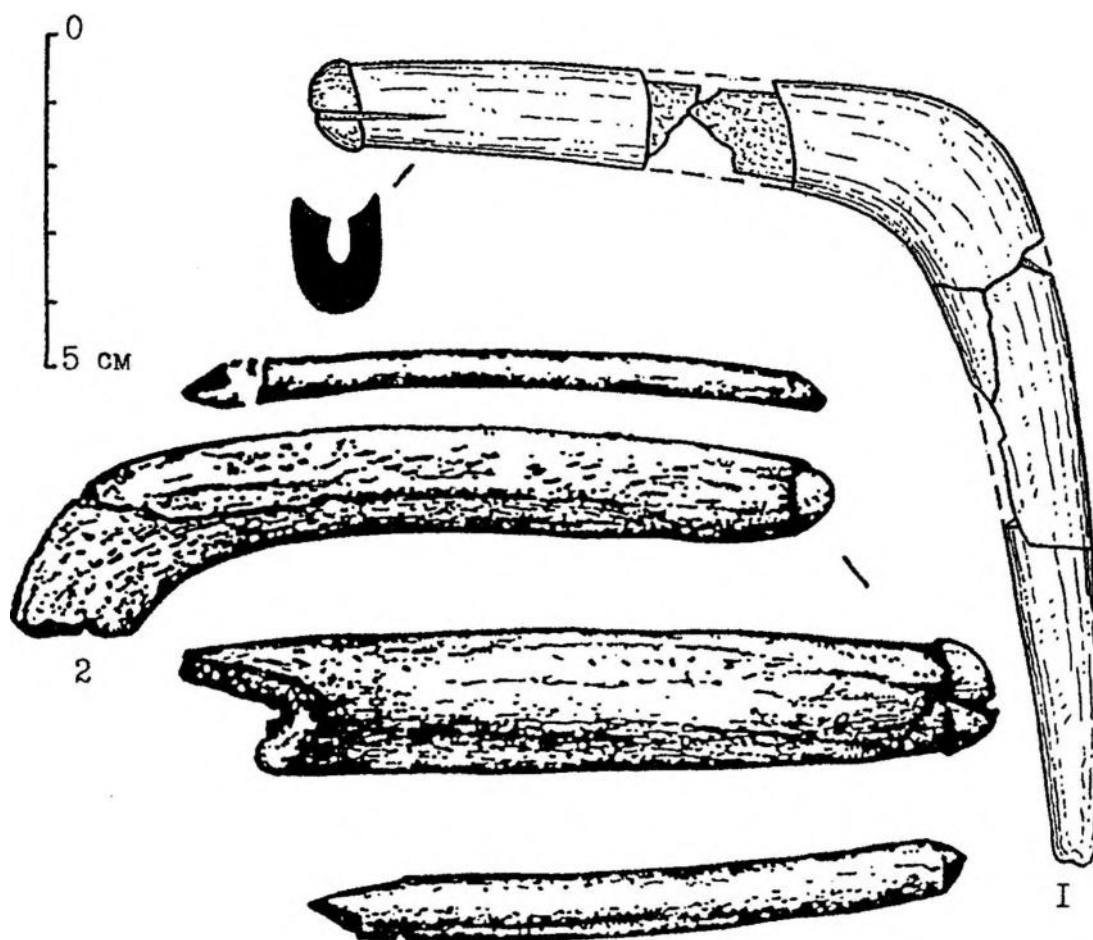

Рис. 3. Скульптурные модели фаллоса (тип III): 1,2 - Сахтыш II. 1 - кость; 2 - рог

(человека-медведя), культ которого был чрезвычайно распространен в их среде [11; 12], а с другой - могли использоваться при совершении специфических обрядов, связанных с женскими инициациями. В этих случаях модель выполняла роль *penis a* прародителя, а рукоять в виде головы гуся/лебедя (или его стилизованного аналога - лопаточки) символизировала душу прародителя. (Как известно, у многих примитивных народов душа изображалась в виде птицы, а в древневедийском языке слово "*hamsa*" означало одновременно и "гуся", и "душу, познавшую высший Дух, высшую истину" [13]).

Дальнейшие полевые исследования, безусловно, выявят новые находки скульптурных моделей фаллоса, обнаружатся они и при внимательном просмотре костяных изделий в старых коллекциях, особенно с памятников, где открыты волосовские погребения (Языково I, Черная Гора, Володары и, возможно, Сахтыш I). Однако количество их в будущем вряд ли резко увеличится, вероятно, не расширится и география их распространения. По нашим наблюдениям (во многом субъективным), эти специфические ритуальные предметы бытовали только у волосовских общин Волго-Окского междуречья в течение относительно короткого времени - на закате развития культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Янин В. Л., Рыбина Е. А. Открытие Древнего Новгорода // Путешествия в древность. М., 1983.
2. Сидоров В. В. Манок - музыкальный инструмент эпохи неолита // Народные инструменты и инструментальная музыка. Ч. 1. М., 1987.
3. Крайнов Д. А. Ритуальный памятник Сахтышских стоянок // Природа. 1980. № 8.
4. Крайнов Д. А. Новые исследования стоянки Сахтыш II // КСИА. Вып. 169. 1982.
5. Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зимина М. П. Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М., 1992.
6. Цветкова И. К. Украшения и скульптура из неолитического поселения Черная Гора // Экспедиции Государственного Исторического музея: Доклады на Ученом Совете ГИМа 5-7 февраля 1969 г. М., 1969.

7. *Городцов В. А.* Археология: Каменный период. М.; Пг., 1923.
8. *Фролов А. С., Трусов А. В., Сорокин А. Н.* Разведки в Мещере // АО-1975. М., 1976.
9. *Крайнов Д. А., Зайцева Г. И., Уткин А. В.* Стратиграфия и абсолютная хронология стоянки Ивановское III // СА. 1990. № 3.
10. Абсолютная хронология Сахтышских стоянок / Д. А. Крайнов, Г. И. Зайцева, Е. Л. Костылева, А. В. Уткин // АПВКМ. Вып. 5. 1991.
11. *Уткин А. В., Костылева Е. Л.* Антропоморфные изображения волосовской культуры // ТАС. Вып. 2. 1996.
12. *Utkin A. V., Kostyleva E. L.* Neolithic flint antropomorphic sculpture in the East European forest zone of Russia // European Association of Archaeologists. Second Annual Meeting: Abstracts. Riga, 1996.
13. *Третьякова Э. В.* О сакральном смысле языка древнейших Вед // Рукопись.

*НИИ по охране памятников комитета
по культуре и искусству администрации
Ивановской области, Ивановский
государственный университет, Иваново*

A.V.Utkin, E.L.Kostyleva

VOLOSOVO SCULPTURAL PHALLIC MODELS

Summary

The article deals with Volosovo sculptural models of phallus. The models are small in number (only 13 are known), they are made of bone, horn or wood and are L-shaped. Each model consists of two parts, the long one being a representation of the phallus itself, and the short one is a handle.

The sculptural phallus is made real-size and has a well-known anatomical bulge. Along its external edge there is a shallow groove where a bone moving bar is inserted to imitate a bear's *os penis*.

The handle makes 90° angle to the phallus and is designed in different ways. It is either a small blade in the form of a prolonged rhombus ornamented with slanting cut lines, or a realistic representation of the goose/swan head.

Five models were found in the cultural layers of Yazykovo I, Ivanovskoe VII, Chernaya Gora, Shagara II and Volosovo sites. Others were found in the burial tools and decorations treasures in the Ivanovskoe III site and Sakhtysh II cemetery, where they are dated by C - 14 4150-3720 BP.

Documents on conditions and location of the largest proportion of the models, as well as their specific construction which represents an erected penis, testify to the fact that these subjects had particularly a cult function. Evidently, on the one hand, the sculptural phallic models were naturalized fertility symbols, and on the other hand, they served as an instrument with the help of which the Volosovo "shamans" (pagan priests) ritually "fertilized" maidens. In this procedure the sculptural phallic model played a role of the ancestor's penis, and the goose/swan-head handle (or its stylized analogy - a blade) symbolized the ancestor's soul. (As it is known, many primitive people represented a soul in a form of a bird; and in the ancient Veda language the word "hamsa" meant both a "goose" and a "soul", which sensed the "High Spirit, the Divine Truth").

*The Research-Industrial Centre for
Protection of the Monuments of the
Committee of Culture and Art of
the Ivanovo Region,
The State University of Ivanovo,
126, 8, Zharov St., Ivanovo,
153000, Russia*

И.В.Калинина

СЕМАНТИКА И ТЕХНОЛОГИЯ ДРЕВНИХ ОРНАМЕНТОВ

Большинство археологов придерживаются взгляда, что древние орнаменты заключают в себе скрытую символику-семантику. Однако, заключения о семантике орнаментов весьма субъективны. Предполагается, что “сами по себе первобытные изображения не могут быть источником абсолютно нового знания. Их значение в процессе познания определяется тем, насколько достоверно удастся включить их в широкий и сложный контекст архаичной духовной культуры” [1, с. 109]. Семантика орнаментов интерпретируется в зависимости от мировоззрения, приписываемого его исполнителям. Так, орнамент крашеной керамики Яншао расшифровывается как “магические заклинательные формулы, которыми первобытный человек пытался защитить себя от вредоносного действия непонятных ему грозных явлений природы” [2, с. 357], и как “выражение ряда чрезвычайно сложных идей и понятий” [3, с. 183]. Те из археологов, которые идут от материала в поиске этнографических аналогий, сталкиваются с фактом смысловой неоднозначности одинаковых геометрических мотивов у разных народов. Отдельные зооморфные и антропоморфные изображения, встречаемые на сосудах, снимают вопрос “что изображено?”, но не проясняют смысла, семантики орнамента в целом. Такое положение с изучением семантики породило сомнение в том, что наука уже располагает для этого методическими средствами. Но рассмотрим проблему исследования семантики в ином аспекте, а именно в аспекте технологии.

При подходе к семантике как к дешифровке знакового текста у семантики и технологии нет точек соприкосновения: один и тот же текст может быть передан разными техническими приемами. То есть семантика орнамента не зависит от технологии его исполнения. Не случайно в археологической литературе можно встретить утверждение, что орнамент мог наноситься любым случайным предметом. При такой методической установке естественно разделение археологов на исследователей, занимающихся семантикой, явлениями духовной культуры, формами мировоззрения, склонных к широким обобщениям, и исследователей древней технологии, опирающихся на эксперимент, естественно-научные методы, стремящихся к математически точному знанию. Однако вместо размежевания наблюдается обратный процесс: археологи, используя естественно-научные методы, ищут доказательства отражения в памятниках культуры, в том числе и в орнаментах, высокого уровня астрономических знаний в древности, наличия лунного, солнечного календарей, развитого счета. Культурологи же рассматривают производственно-хозяйственную деятельность, древнюю технологию как культурные тексты. Сошлюсь на работу Т.В.Цивьян “Повесть конопли” [4, с. 305]. Д.Харитонович утверждает, что “на протяжении всего средневековья ... миф лежит в основе не только каждого рецепта, но всего ремесленного знания в целом” [5, с. 36].

По-видимому, тенденция развития науки подводит к пониманию семантики не как отдельных смысловых значимостей — символов, а как системы архаических смыслов, охватывающих всю без исключения жизнедеятельность первобытного человека. Такое определение семантики было предложено О.М.Фрейденберг [6, с. 177 и др.]. Семантика, выступая алгоритмом стереотипов поведения в быту, в производственной деятельности, находит воплощение в результатах этой деятельности, а не только в явлениях, относимых к области духовной культуры. Проблема архаической семантики в таком понимании предстает междисциплинарной проблемой. Что касается ее археологического аспекта, то путь к раскрытию семантических образов проходит, полагаем, через познание закономерностей исторической технологии. Предметом исследования является отражение семантики в навыках труда.

Вопрос о взаимосвязи семантики орнамента и технологии орнаментации встал практически при технологической классификации орнаментов неолитической-энеолитической керамики уральского региона — в работе, проводимой совместно с Е.А.Гаджиевой. Опыты по физическому моделированию убедили нас в том, что морфология орнаментов зависит от формы орнаментира и способа орнаментации: положения орудия и его кинематики. Всего способов орнаментации определено было восемь: 1 - штампование, 2 - прокатывание, 3 - шагание, 4 - шагание с прокатыванием, 5 - шагание с протаскиванием, 6 - протаскивание, 7 - отступление, 8 - накальвание. Экспериментальными гребенчатыми штампами — аналогами археологических с древних поселений уральского региона — не все орнаменты удалось смоделировать. Хотя способ

орнаментации, как правило, сомнений не вызывал, но форма орудий оставалась неясной.

Особое внимание привлёк орнамент, встреченный в Прикамье и Зауралье на керамике, относящейся к разным археологическим культурам. Специфическая форма зубчиков оттисков натолкнула на мысль, что орнамент наносился челюстью небольшого хищника, как впоследствии оказалось — челюстью соболя [7, с. 7-19]. В качестве рабочей гипотезы было высказано предположение, что орнаменты, технологически непонятные, могли быть выполнены челюстями разных животных. Была проведена серия опытов с использованием челюстей грызунов, зайцеобразных и насекомоядных. В результате удалось идентифицировать орнаменты, выполненные челюстями зайца, бобра, куницы (соболя), лисицы (песца) (рис. 1). Физическое моделирование показало широкие возможности использования челюстей животных в качестве орнаментиров. Челюстями животных возможна орнаментация тем или иным способом, в целом же — всеми способами, установленными для гребенчатых штампов. Вместе с тем выяснилось, что анатомическое строение накладывает ограничение не только на выбор способов орнаментации, но и определяет в ряде случаев единственно возможное положение челюсти относительно поверхности сосуда. При орнаментации штампами от угла наклона штампа зависит форма зубчиков оттисков. Изменение угла наклона челюсти изменяет не только форму зубчиков, но и морфологию оттиска в целом: появляются или исчезают отпечатки отдельных зубов и незубчатых частей челюсти [8, с.69-83].

За пределами уральского региона, судя по фотографиям в публикациях, челюстные орнаменты представлены на керамике памятников Кольского полуострова и полуострова Ямал. Наблюдается локализация в использовании при орнаментации челюстей одного вида животных [8, с.78-82].

В настоящее время кроме челюстей известны как орнаменты естественного происхождения кости животных [7, с.7-19; 9, с.106], позвонки рыб [10, с.224-226], аммониты, белемниты [11, с.57], створки раковин [7, с.7-19]. Чем определялся выбор орнаментира? Перечисленные естественные формы — это известные с эпохи палеолита "украшения", "амулеты". В истории человеческой культуры подвески-амулеты предшествовали появлению керамики. Не исключено, что они "украшали-охраняли" не только человека, но и докерамические сосуды. В этнографии известны плетеные, берестяные сосуды, украшенные перьями, подвесками из раковин, костями животных. Прослеживается закономерность в использовании одних и тех же предметов в качестве украшений и орудий для нанесения орнаментов. Кости, челюсти животных в разных традициях служили инструментами татуировки [12, с.45, 477; 13, с.19; 14, с.140-141; 15, с.75]. Исследования Д. Дроста гончарства в Африке показали, что связки бус, каури, металлические наручные обручи употреблялись для обработки поверхностей сосудов [16, с.138,196,198]. В ходе экспериментального изучения различных способов орнаментации нами получены данные по изменению механических свойств поверхностного слоя сосудов в зависимости от применяемого способа орнаментации. На основании этих данных мы сочли возможным включить орнаментацию в раздел приемов вторичной обработки поверхности сосудов [17, с.4]. Нанесение челюстью орнаментов и обработка поверхностей сосудов связками бус в технологическом отношении оказываются действиями одного порядка, взаимосвязанными и семантически.

Археологические материалы свидетельствуют об одновременном бытовании естественных и искусственных орнаментов, те и другие применялись для орнаментации керамики на одних и тех же поселениях [18, с.83-94]. Гребенчатый штамп возводят "к гребням, применявшимся в некоторых видах плетения и ткачества для разделения нитей основы" [19, с.125]. Праславянское *grebo*, индоевропейское *ghrebho* - "рыть, царапать, драть, прочесывать" [20, с.77]. Однако в некоторых языках гребень этимологически восходит к "зубу": древне-английское *comb* - "гребень, расческа" буквально значит "зубчатый", тохарское *A kam*, *B kem* - "зуб" [4, с.815]. Семантическое сближение "прочесывать, расчесывать" и "зуб" подтверждают этнографические материалы. Так, обитатели Огненной земли расчесывали свои волосы зазубренными челюстными костями дельфина [22, с.66]. Архаичная семантическая функция гребня-челюсти сохранена обычаем: по археологическим данным, гребень, а в более древние времена — челюсти животных подвешивались к поясу [18, с.85]. Таким образом, замещение естественных орнаментов гребенчатыми штампами, полагаем, предопределено семантикой генезиса этих орудий.

В.В.Сидоровым высказано мнение, что использование при орнаментации метоподий мелких млекопитающих и трубчатых костей птиц было вызвано необходимостью магического воздействия на сосуд амулетов-оберегов [9, с.106]. Анализ челюстных орнаментов не позволяет согласиться с таким однозначным толкованием. Для "воздействия" было бы достаточно приложить, отпечатать оберег. На керамике же представлены не отпечатки зубов, а специфические орнаменты. Функция "защиты" нашла неожиданно подтверждение с технологической точки зрения. Как выяснилось, орнаментация на ранних этапах становления гончарного производства способствовала уплотнению стенок сосудов, препятствовала их растрескиванию при сушке. Технологией же подсказано, что в семантику "защиты" входит не только смысловое значение "оберега" - зубов, когтей зверя, но и смысл "покрова" - шкуры зверя.

Предположение, что орнаменты могут иметь семантику "покрова" - шкуры, не лишено основания. На неолитической гребенчатой керамике Прикамья мною была выделена группа орнаментов, сопоставимая с узорами ручных плетений. Эти орнаменты (IA) вместе с близкими вариантами (IB), как было подсчитано, представлены на 65% сосудов [23, с.170-179]. Но процент сосудов с орнаментами, воспроизводящими узоры плетеных изделий, оказался заниженным. В нач. 1970-х г. еще не было известно, что гребенчатая керамика и керамика с насечками, на рассматриваемых памятниках составляющая 4% сосудов, относятся к разным археологическим культурам — камской с гребенчатой и волго-камской с накольчатой керамикой [24, с.24-30]. Орнаменты с насечками (IV) должны быть исключены из подсчетов. Кроме того, от "плетенок" непра-

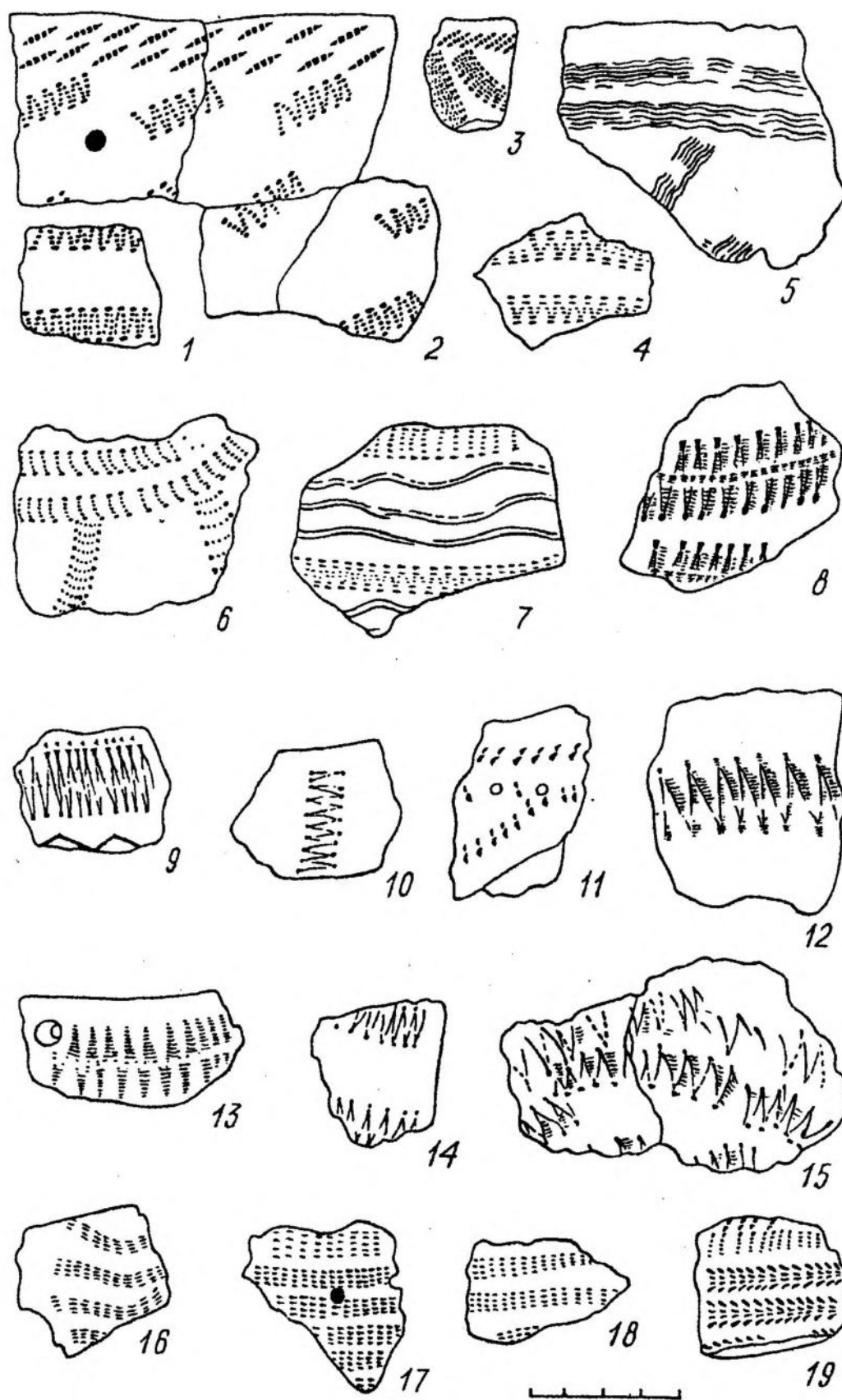

Рис. 1. Фрагменты керамики с "челюстными" орнаментами:

1-3 - оз. Исетское; 4,7 - Полуденка I; 5 - Юрьино IV; 6 - оз. Грязное; 8,11,14 - Сумпанья IV;
 9,12,13,15, - Сумпанья VI; 10 - Геологическое VII; 16-19 - Сумпанья III

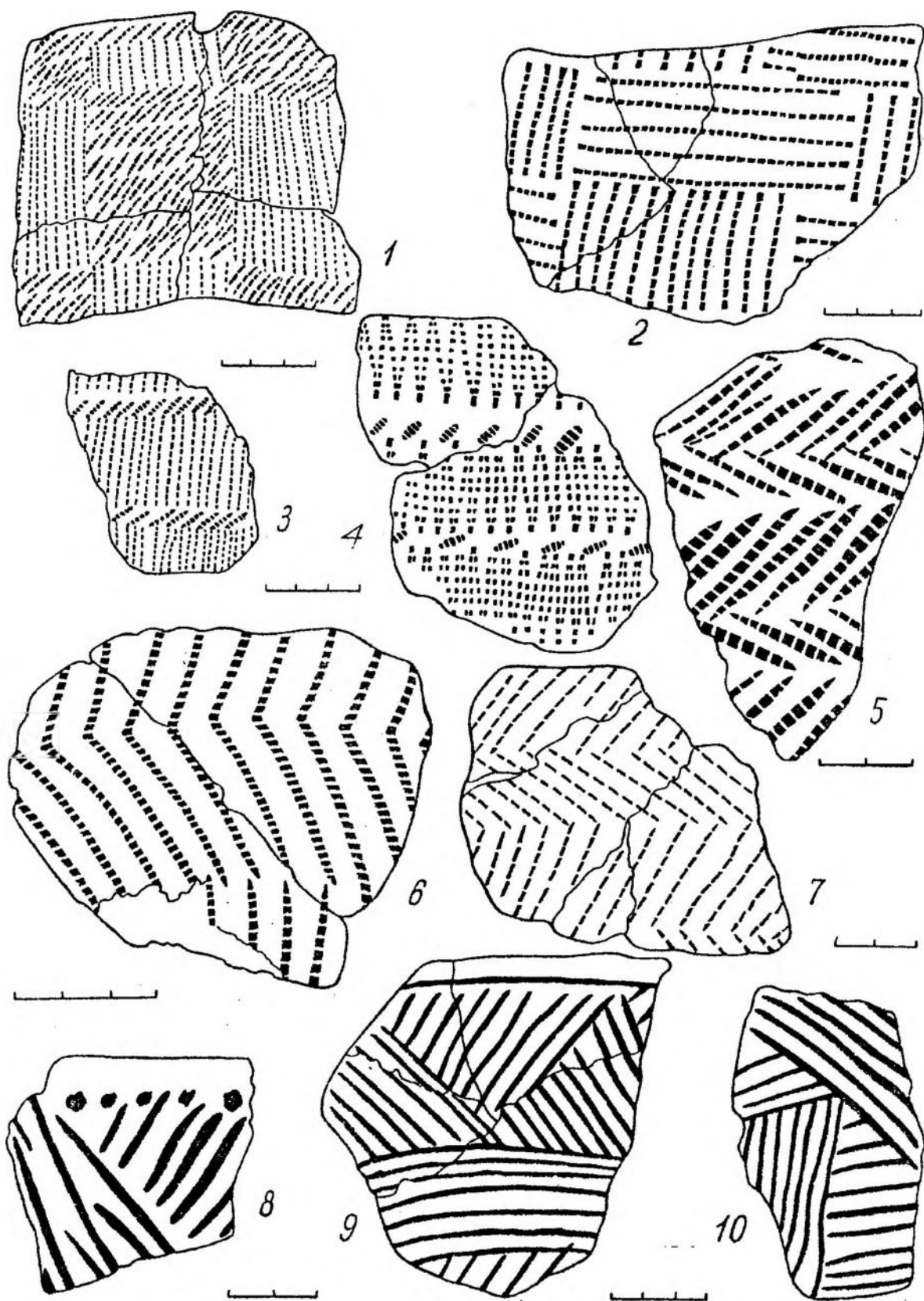
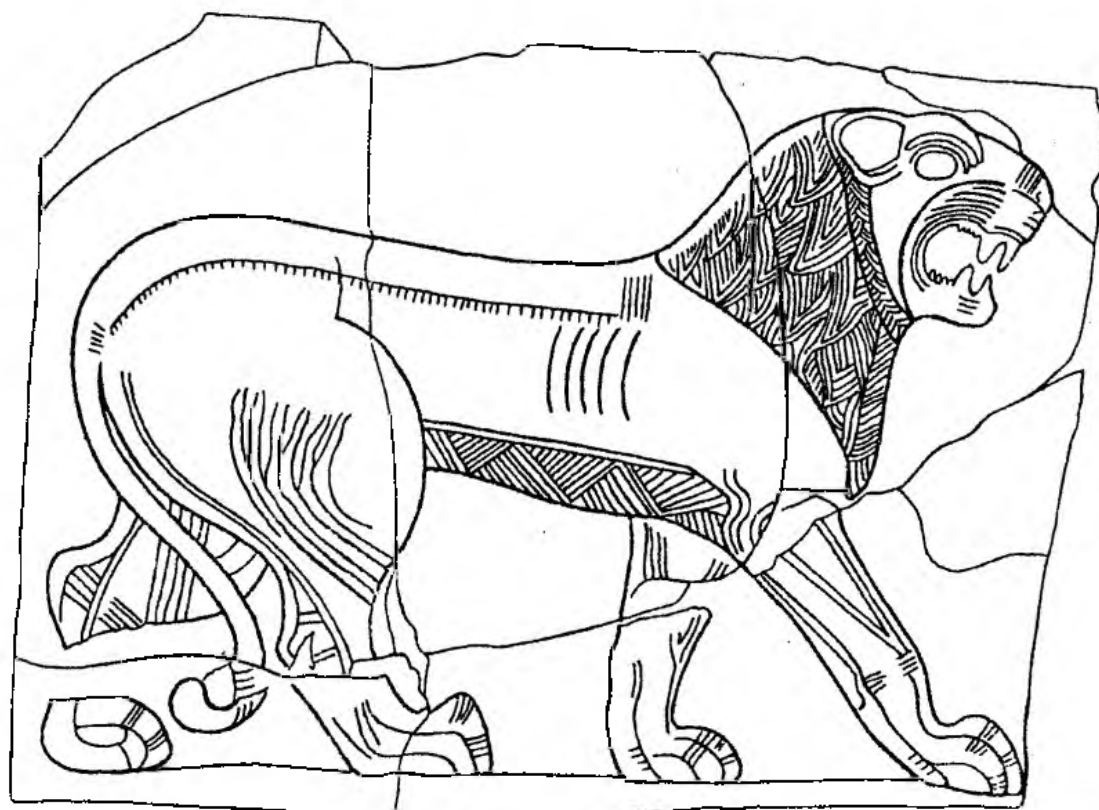

Рис. 2. Фрагменты керамики с орнаментами "плетенки":

1,2 - II Лебединская; 3,5-II Дубовогривская; 4 - Кряжская; 6,8 - Боровое озеро I; 7 - Хуторская

1

2

3

Рис. 3. Способы передачи шерсти, волос в разных культурных традициях:
1 - Ирак. Тель Халаф (V тыс. до н. э.); 2,3 - Кипр (VI в. до н. э.)

вомерно были отделены орнаменты (II), состоящие из коротких оттисков гребенчатого штампа, передающие витки плотных плетений (рис. 2). В орнаментации камской керамики, следовательно, орнаменты "плетенки" абсолютно преобладают.

Итак, для гребенчатой неолитической-энеолитической керамики выявлены "челюстные" орнаменты и орнаменты "плетенки". Каково историческое и семантическое соотношение этих орнаментов? В Прикамье "плетенки" присутствуют на керамике эпохи неолита, "челюстные" же представлены на керамике неолитических-энеолитических поселений. Но хронология поселений не определяет исторический возраст рассматриваемых орнаментальных систем.

Известно, что две теории - зоогенная и плектогенная - претендуют на решение проблемы генезиса геометрического орнамента. Сторонники зоогенной теории утверждают, что орнаментальные мотивы в истоках своих являются стилизованными изображениями как целых, так и частей животных. Их оппоненты усматривают происхождение орнаментальных мотивов на основе техники плетения и тканья [25, с.5-32]. Обе теории находят подтверждение в археологическом и этнографическом материале, в данных языкознания. Плетеный орнамент как первичный, к примеру, выявлен у народов крайнего северо-востока Сибири [25, с.408]. О генетической связи керамики и плетеных изделий, по мнению исследователей, свидетельствует этимология названий глиняных сосудов: у племен зуни кухонный горшок называется буквально "сложенная спирально глиняная кухонная корзинка" [26, с.355-356]. Следы связи с плетением для лексики гончарства отмечались О.Н.Трубачевым [20, с.19]. Положения плектогенной теории убедительны не только для отстаивающих их археологов и этнографов. Признанный авторитет в области культурологии Вяч. Иванов полагает: "вывод о том, что орнамент в ряде случаев развился из техники плетения или тканья, в настоящее время можно считать доказанным" [27, с.245].

Сторонники зоогенной теории выдвигают свои аргументы. Э.Гроссе писал: "трудно понять, почему стал бы австралиец изображать перевязи и плетенки на таких предметах, которые ни по происхождению, ни по употреблению не имеют никакого отношения к названным техническим приемам; наоборот, ... для него было бы вполне естественно украсить свое оружие стилизованными изображениями животных и их шкуры. <...> Туземец, кобонт (тотем - И.К.) которого представляет более или менее крупное животное, а для большинства это так и есть, естественно, не мог найти для своего щита более подходящего знака и более сильного фетиша, чем шкура его гербового животного" [28, с.124,131]. После публикации К.Штейном результатов его экспедиции к индейцам внутренней Бразилии общее внимание привлекли названия орнаментальных мотивов. "Особый интерес вызвало то обстоятельство, что названия строго геометрических узоров носили вполне конкретный характер ... По-видимому, индейцы усматривали в своих геометрических узорах нечто большее, чем видели в них европейцы. Названия узоров говорили о том, что за простейшими геометрическими формами — треугольниками, ромбами, волнистой линией и т. п. — скрывалось весьма богатое содержание, целый мир ярких образов, преимущественно зооморфного характера" [25, с.27]. Есть и прямые этнографические свидетельства соответствия геометрических фигур изображениям животных. Так, негры племени баньягов (Камерун) пропускают бечевку через пальцы, образуя геометрические фигуры, которые, по их мнению, изображают различных животных [29, с.87]. "Происхождение геометрических мотивов от зооморфных прототипов Л.Я.Штернберг считал явлением всеобщим, не вызывающим никаких сомнений. Так же понимал развитие орнамента Б.Э.Петри" [25, с.25-26].

Очевидно, что непримиримые противоречия в понимании генезиса орнаментальных мотивов у приверженцев разных теорий объясняются противопоставлением технологии и семантики. Для одних исследователей приемы труда порождают формы орнаментов, для других — форма мотивов диктуется семантикой. В рамках одной из этих теорий невозможна интерпретация всех имеющихся фактов. Тем, кто отстаивает плектогенную теорию, согласно которой орнаментальные мотивы в истоках своих асемантны, приходится вводить допущение, что образным смыслом геометрические мотивы наделяются в дальнейшем развитии в зависимости от представлений общества, в котором бытуют [25, с.208]. Не бесспорным является и положение о наличии в первобытном обществе зооморфного — мужского и геометрического — женского связанного с разделением труда искусства [30, с.218-222]. С точки зрения другой — зоогенной теории, генезис орнамента связан с функцией орнаментируемых предметов. Назначению предметов соответствуют мотивы орнаментов, формы орнаментов определяются образными смыслами эпохи — семантикой. Однако механизм взаимосвязи форм орнамента и семантики раскрыт не был. По словам Э.Гроссе, "при виде зигзагообразных или ромбоидальных рисунков на австралийских щитах всякий, конечно, сочтет смелым наше утверждение, что они взяты из животного мира; еще более рискованным покажется оно, если признаемся, что в большинстве случаев у нас нет прямых доказательств" [28, с.111]. Слабые стороны имеются у обеих теорий. Конкретный материал не дает оснований для абсолютного предпочтения той или иной гипотезы происхождения орнамента. С.В.Иванов, склоняющийся к плектогенной теории, в своей монографии ссылается на многочисленные примеры, начиная с эпохи палеолита, иллюстрирующие процесс превращения частей тела или покрова животных в самостоятельные бордюры, состоящие из геометрических фигур, и использование орнаментальных мотивов для обозначения тела животных [25, с.9-10]. Э.Гроссе же не отрицал наличия орнаментальных изображений обмотки, перевязей в тех случаях, когда функция предмета позволяет такую интерпретацию [28, с.122-124]. Проблема, таким образом, заключается уже не в доказательстве бытования плетеных и зооморфных орнаментов, а в установлении их первичности. Ни одна из теорий вопроса генезиса орнамента не решает.

Противоречия двух теорий снимаются с позиций признания единства исторической технологии и семан-

тики. Плетеные орнаменты интерпретировались как воспроизведение на глине внешнего облика плетеного сосуда. Такая трактовка увязывалась с гипотезой происхождения гончарства из опыта обмазывания глиной плетеных сосудов. Гипотеза эта, хотя и получила широкое распространение, признана далеко не всеми. Ю. Липс, вслед за Норденшельдом, полагал, что “если данная гипотеза может дать удовлетворяющее объяснение происхождения сосудов, сделанных из высушенной глины, то весьма сомнительно, чтобы подобным образом можно было объяснить возникновение глиняных сосудов, обожженных на огне” [22, с. 142]. “Корзиночная теория не подтверждается данными археологии” — к такому заключению пришел А.А. Бобринский, после того как “в лаборатории Института археологии были подвергнуты еще раз тщательному обследованию все следы на обломках примерно от 1000 сосудов, относящихся к памятникам V-IV тысячелетий до н.э. лесной и лесостепной зоны Восточной Европы. Ни на одном из них ... не обнаружили следов от корзин. Более того, их не было и на керамике того же времени из стран Западной Европы, Ближнего и Среднего Востока” [31, с. 76]. Уточним, что речь идет о характеристике протогончарства и древнейшего гончарства. Для стадияльно более поздних этапов гончарства, как представляется, не отрицается возможность использования корзин в качестве основ при формировании сосудов. Преемственность с технологией плетения, по видимому, имеется в навыках конструирования (техника налепа) сосудов. Наличие орнаментов “плетенок” на глиняных сосудах рассматривалось как аргумент в пользу плектогенной теории. Но поскольку происхождение керамики от корзин отрицается, появление плетеных орнаментов на сосудах столь же необъяснимо, как и их использование на предметах, с технологией плетения никоим образом не связанных.

Зоогенная теория до сих пор не находила, вернее не искала, подтверждения в технологии. А.А. Бобринскому принадлежит открытие в составе формовочных масс древней археологической керамики помета водоплавающих птиц и навоза жвачных животных. В некоторых случаях глина составляла лишь 1/5 часть сырья [31, с. 76-77]. Эксперименты показали, что для придания водонепроницаемости таким сосудам возможно было применение молока или жира животных. При изучении технологии орнаментации выявлены в качестве орнаментов кости, челюсти животных, то есть опять-таки “части” зверя. Зоогенная теория происхождения древнейших орнаментов обретает в технологии дополнительное обоснование.

По зоогенной теории геометрические орнаменты являются стилизованными изображениями частей зверя, в частности, шкуры животных. Между тем, далеко не для всех геометрических мотивов могут быть обнаружены изобразительные прототипы. Для такого рода орнаментов справедливо замечание С.В. Иванова, что зооморфные прототипы искали там, “где их никогда не было, например, в случае происхождения узоров из техники плетения. <...> ... чем глубже вдумывались исследователи в названия геометрических узоров, тем яснее становилась весьма далекая связь этих названий с орнаментальной формой, а подчас и полное несоответствие ей” [25, с. 26, 27].

Плетеные орнаменты, действительно, не являются стилизацией частей зверя, в них нельзя “узнать” шкуру, шерсть животного. Однако из этого не следует, что такие орнаменты, как полагал С.В. Иванов, асемантически — соотношение формы мотивов и семантики сложнее. “Плетенки” не изображают, а обозначают шкуру на определенном этапе развития архаической семантики. Этот этап характеризуется исторической преемственностью образов тотема-зверя и тотема-дерева. По семантике, “кора” дерева равнозначна “шкуре” зверя. Для обоснования этих положений необходимо рассмотрение типологии образов архаической семантики, что в данной статье не представляется возможным. Тем не менее, отметим: в поздних традициях “плетенки” как изображения шерсти, волос присутствуют на памятниках у разных народов (рис. 3). По Д.А. Авдееву, в Меланезии члены тайного союза Дук-дук носили во время театрализованных церемоний костюм из пальмовых листьев, изображающий “волосатое тело духа” [32, с. 92].

По-видимому, шкуре-покрову соответствовали не только орнаменты “плетенки”. Не исключено, что чрезвычайно широко распространенные и за пределами Урала орнаменты “шагающей гребенки”, “шагающей-протащенной гребенки” (так называемая “тесьма”) так же передают шкуру зверя.

В орнаментах, изображающих шкуру зверя, нельзя “узнать шкуру”, также как нельзя “увидеть зубы зверя” в челюстных орнаментах, которые, тем не менее, являются зооморфными орнаментами. Итак, если плетеные орнаменты в генезисе по семантике зооморфны, то, следовательно, снимается вопрос об историческом соотношении этих орнаментов.

Изучение закономерностей исторической технологии и семантики во взаимосвязи необходимо не только для раскрытия генезиса, смыслового содержания древних орнаментов. По А.А. Бобринскому, “знания о закономерностях эволюции гончарной технологии дают ключ к исследованию процессов этнокультурного развития древнего населения.” Прямое отношение к познанию этнических процессов имеет и семантика орнаментов. Известно, что народы, сохраняющие племенную структуру, имели традиционные племенные орнаменты; “потеря самостоятельности той или иной племенной группы лишала ее права и возможности воспроизводить свой независимый орнамент” [33, с. 151-152]. Племенной орнамент включал изображения зверя или его частей — тотемов разных родов [34, с. 71; 35, с. 170]. “Знаком рода” мог быть и “след зверя” в широком смысле, включающий не только следы когтей, но и зубов, рогов зверя. “Знак тотема” выполнял функцию оберега-защиты, по нему устанавливалась принадлежность человека к определенному коллективу. Особое значение семантики для понимания этнокультурных процессов заключается в том, что древние орнаменты — это “записи” генеалогий родов. Этнографы обратили внимание на то, что даже при значительном усложнении мотива за ним сохраняется его название [36, с. 130]. История рода, сегментация родов находят отражение в развитии орнамента.

Таким образом, для познания закономерностей исторического развития орнаментации необходимо зна-

ние законов как технологии, так и семантики. Вывод о единстве технологии и семантики относится, разумеется, не только к орнаментации сосудов, но и ко всем звеньям производственных процессов архаических технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евсюков В.В. Мифология китайского неолита // История и культура Востока Азии. Новосибирск, 1988.
2. Бунакова Ю.В. Китайская письменность // Китай. М.; Л., 1940.
3. Кашина Т.И. Семантика орнаментации неолитической керамики Китая // Первобытное искусство. У истоков творчества. Новосибирск, 1978.
4. Цивьян Т.В. Повесть конопля // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточные параллели. Структура балканского текста. М., 1977.
5. Харитонович Д. Средневековый ювелир // Декоративное искусство СССР. 1978. №7.
6. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978.
7. Калинина И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитической-энеолитической керамики Уральского региона. Материалы и исследования // АСГЭ. Вып. 30. 1990.
8. Калинина И.В., Устинова (Гаджиева) Е.А. Использование чешуек животных для орнаментации древней керамики // РА. 1995. №2.
9. Сидоров В.В. Орнаментация керамики как магическое действие // Тезисы докладов конференции "Религиозные представления в первобытном обществе". М., 1987.
10. Титов Ю.В. Об орнаменте керамики типа сперрингс // СА. 1970. №1.
11. Коробков И.А., Крижевская Л.Я. Использование первобытным человеком аммонитов и белемнитов для орнаментации керамики // Вестник Ленинградского университета. Серия геологических наук. Вып. 18. 1958.
12. Иванова С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX - нач. XX вв. // ТИЭ. Т.22. 1954.
13. Шницер Б.Я. Иллюстрированная всеобщая история племен. Спб., 1903.
14. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
15. Штейнен К. Среди первобытных народов Бразилии. М., 1935.
16. Drost D. Topferei in Afrika. Technologie // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. H. 15. Berlin. 1967.
17. Калинина И.В., Устинова Е.А. Опыт использования метода экспериментального моделирования для технологического анализа керамики по материалам неолитических памятников Полуденка I и Хуторская стоянка // АСГЭ. Вып. 29. 1988.
18. Калинина И.В., Гаджиева (Устинова) Е.А. Архаические орнаменты для керамики // AD POLUS. Памяти Л.П. Хлобыстина. Археологические изыскания. Вып. 10. Спб., 1993.
19. Коллет П.М., Иванова Л.А. Океанийская керамика в собраниях МАЭ // Культура народов Австралии и Океании: Сб. МАЭ. Т.30. М.; Л., 1974.
20. Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966.
21. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2-х частях. Тбилиси, 1984.
22. Липс Ю. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М., 1954.
23. Калинина И.В. Орнаментация керамики волго-камского неолита // СА. 1974. №4.
24. Калинина И.В. Поздненеолитическая керамика I Саузовского поселения (к вопросу о трансформации культуры камского неолита при переходе к эпохе металла) // АСГЭ. вып. 25. 1984.
25. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX - нач. XX вв.) // ТИЭ. Т.81. 1963.
26. Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964.
27. Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.
28. Гроссе Э. Происхождение искусства. М., 1899.
29. Богаевский Б.Л. Ритуальный жест и общественный строй на Крите // Религия и общество. Л., 1926.
30. Иванов С.В. Искусство в родовом обществе // Первобытное общество. Л. 1932.
31. Бобринский А.А. Секреты древних гончаров // Наука и жизнь. 1981. №10.
32. Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971.
33. Мошкова В.Г. Племенные "голи" в туркменских коврах // СА. 1964. №1.
34. Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. №29, 1952.
35. Чернецов В.П. К истории родового строя у обских угров // СЭ. Т. VI-VII. 1947.
36. Лукина Н.В., Рындина О.М. О семантике орнамента восточных хантов // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

I.V.Kalinina

SEMANTICS AND TECHNOLOGY OF ANCIENT ORNAMENTS

Summary

There is no correlation between semantics and technology if one sees in the former a procedure of decoding texts only. Within this approach to semantics, one and the same text can be rendered by means of various technologies, and any, even arbitrarily chosen tool can serve as an instrument of ancient ornamentation of pottery.

It was found out that in the process of decoration of the neolithic ceramics the makers used bones and jaws of animals and fish, as well as ammonites, belemnites and shells, all used as pendant - amulets since the Palaeolithic Age.

Two types of ornaments were found on the neolithic comb pottery: "jaw-like" ornaments and net ornaments. The problem of genesis of geometric ornaments is debated by a zoogenous theory, on the one hand, and a plectogenous theory, on the other. The net ornaments are zoomorphous semantically in their genesis.

We cannot "recognize a skin" in net ornaments, and likewise we cannot "see the animal teeth" in "jaw-like" ornaments. The contradictions of the two theories are eliminated if we accept the idea of technology - semantics correlation.

*The State Hermitage
34, Dvortsovaya Emb.,
St. Petersburg,
191186, Russia*

Е. В. Волкова

РОЛЬ ЭКСПЕРИМЕНТА В РЕКОНСТРУКЦИИ ФАТЬЯНОВСКОЙ ГОНЧАРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ

В июле и августе 1995 г. в течение одного месяца я принимала участие в работе экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства, организованной Самарским институтом истории и археологии Поволжья (нач. экспедиции - Н. П. Салугина). Основной целью моей работы была попытка физического моделирования навыков труда фатьяновских гончаров при обжиге глиняной посуды, т. к. именно эта ступень технологии фатьяновского гончарного производства оказалась в наименьшей степени доступна для специального изучения. В частности, это было обусловлено тем обстоятельством, что в лаборатории при использовании электрической муфельной печи далеко не все особенности древних приемов обжига могли быть обеспечены методическими разработками.

Однако для практического изучения в полевых условиях приемов обжига фатьяновской посуды прежде всего было необходимо изготовить большую серию сосудов, близких по своим основным особенностям к древним фатьяновским. Эти сосуды должны были соответствовать им по характеру использованной природной глины, составу формовочных масс, технологии конструирования, а также по форме и размерам. Все эти данные были предварительно получены в результате специального изучения практически всех известных сегодня фатьяновских сосудов из раскопок могильников этой культуры [1]. Как выяснилось в ходе исследования, фатьяновская гончарная технология достаточно разнообразна. Поэтому физическое моделирование всех известных на сегодняшний день ее вариантов представляется пока делом малореальным.

Для данного исследования были использованы наиболее типичные для древних фатьяновских гончаров технологические приемы. Так, для экспериментов была отобрана ожелезненная (красножгущаяся) глина средней пластичности с небольшим количеством естественного песка, похожая на ту, которой пользовались фатьяновцы. Формовочная масса также составлялась по наиболее распространенной у фатьяновских гончаров рецептуре: глина + крупный шамот в концентрации 1/4 + навоз животных в концентрации 1/5 (т. е. 1 часть примеси на 4 или 5 частей глины по объему).

Напомню, что наиболее типичными приемами фатьяновской гончарной технологии были следующие. Основным строительным элементом был глиняный лоскут длиной 2-3 см, который в процессе лепки отрывался от жгута диаметром не более 1 см. Стенки сосуда наращивались спирально-зональным способом, часто в два слоя - один поверх другого. Горло сосуда изготовлялось либо тем же спирально-зональным лоскутным налепом (иногда также двухслойным), либо из жгутов, наложенных по спирали. Дело в том, что по изучавшимся фрагментам горла фатьяновских сосудов часто невозможно однозначно заключить, каким из этих двух способов оно было сделано. Емкость сосуда лепилась с помощью специальных форм-моделей, следы от которых иногда сохранялись на донных частях сосудов как с внутренней, так и с внешней стороны. Это говорит о том, что для данной цели использовались как формы-емкости, так и формы-основы. Емкость сосуда составлялась обычно из двух частей, сделанных отдельно. У большей части сосудов отдельно лепилось и горло. В этих случаях оно всегда примазывалось к верхнему краю емкости с внутренней стороны. Стенки и дно сосудов выбивались. Причем, судя по тому, что на внешней поверхности сосудов оставались небольшие площадки от ударов колотушки, а внутренняя поверхность была идеально ровной, в качестве наковальни могла быть использована сама форма-основа.

Опираясь на такие наиболее достоверные факты, как использование лоскутного спирально-зонального двухслойного способа наращивания дна и стенок сосуда, применение форм-моделей, выбивание стенок специальной колотушкой, составление сосуда из трех отдельных частей, я приступила к изготовлению необходимого числа сосудов, близких фатьяновским. Однако здесь пришлось столкнуться с неожиданными трудностями, которые превратили первоначально сугубо служебную задачу по изготовлению сосудов для обжига в объект специального исследования.

В процессе непосредственной лепки сосудов оказалось, что изложенных выше конкретных знаний о навыках труда фатьяновских гончаров на этапах конструирования сосуда и придания ему формы недостаточно для практического изготовления сосуда. Выяснилось, что эта информация имеет фрагментарный характер. На бумаге эти пробелы не были столь заметны и очевидны, как во время практических попыток создания сосуда. Это наглядно демонстрирует первый из изготовленных сосудов (рис. 1): форма его была весьма далека от фатьяновской, стенки очень толстые, хотя и подвергались выбиванию; в целом на его изготовление ушло около трех часов. Для того, чтобы слепить сосуд, близкий по особенностям своей формы фатьяновскому (т. е. сосуд с шаровидным туловом, практически вертикальным горлом и тонкими стенками), с использованием уже известных технологических приемов, необходимо было экспериментальным путем выяснить пока еще скрытые детали навыков конструирования и формообразования фатьяновских сосудов и на этой основе реконструировать технологический процесс в целом. Данная статья представляет собой изложение попытки практического решения этой проблемы.

Рис. 1. Один из первых экспериментальных сосудов

жу. Далее из куска специально приготовленной формовочной массы раскатывался жгут диаметром около 1 см и длиной 20-25 см. Сам жгут брался в правую руку, а один конец его помещался в центр формы-емкости, где примазывался большим пальцем левой руки. После этого свободная часть жгута отрывалась и следующий его кусок (лоскут) длиной 2-3 см накладывался рядом с первым, частично перекрывая его, в виде веера. Далее операция наращивания глины повторялась последовательными зонами по спирали до тех пор, пока все стенки формы-емкости не оказывались покрытыми ровным слоем частично заглаженных глиняных лоскутков (рис. 3). После этого на первый слой массы совершенно аналогичным образом наносился второй слой. Так возникал «двухслойный спирально-зональный налел», который читается в изломах большинства фатьяновских сосудов. Когда вся внутренняя поверхность формы-емкости оказывалась покрытой двумя слоями формовочной массы, заготовка тулова извлекалась наружу за оставшиеся свободными края тканевой прокладки, которая затем снималась с заготовки. На этом завершался первый этап изготовления сосуда.

Далее бралась форма-основа (рис. 2б), которая была по размеру немного меньше, чем использовавшаяся перед этим форма-емкость. Эта форма-основа покрывалась влажной тканевой прокладкой, на нее надевалась полученная глиняная полусфера, которая затем тщательно выбивалась на ней специальной колотушкой (рис. 4). Именно в результате этой процедуры фатьяновские сосуды приобретали свои очень тонкие стенки. После такой обработки нижняя часть будущего сосуда была уже практически готова. Она отставлялась в сторону, а в форме-емкости тем же самым двухслойным лоскутным спирально-зональным налелем изготавливалась и затем на форме-основе выбивалась верхняя половина емкости сосуда.

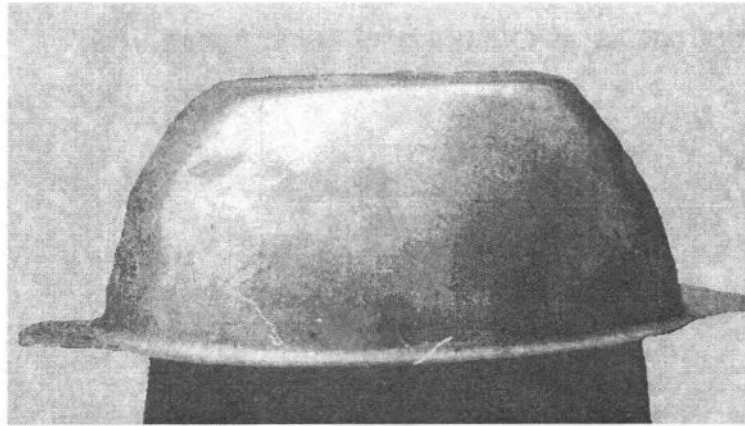
Процесс создания этой второй части имел только одну особенность. Первоначальное наращивание глины осуществляли не в центре формы-емкости, а слегка отступив от него к краю, т. е. центр формы-емкости не покрывался глиной. В результате этого из глины получалась уже не полусфера, как в первом случае, а широкое кольцо, меньшее отверстие которого по диаметру примерно соответствовало горлу будущего сосуда (рис. 5). После выбивания на форме-основе верхняя часть емкости была практически готова.

В результате ряда не очень удачных сначала опытов по изготовлению "фатьяновских" сосудов был в конце концов реконструирован целый комплекс взаимосвязанных приемов труда, применение которых на практике позволило найти наиболее оптимальное решение этой задачи. Оно состояло в следующем.

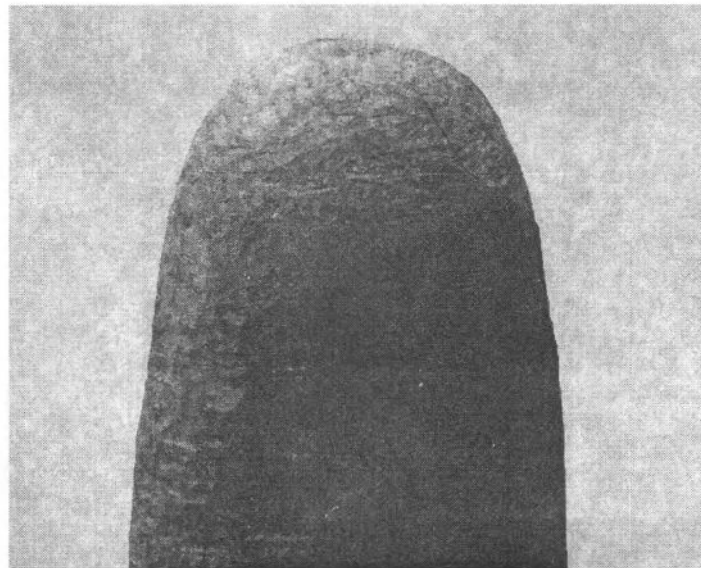
Прежде всего, для изготовления сосуда типа фатьяновского понадобились следующие технические приспособления и орудия: три формы-модели (две для создания емкости сосуда - рис. 2 а, б и одна для изготовления горла - рис. 2в), специальная колотушка для выбивания заготовок, ткань-прокладка и шнур.

Процесс непосредственной лепки сосуда начинался с изготовления в форме-емкости заготовки его тулова. Для этого брался квадратный кусок ткани со стороной 30-35 см, который смачивался в воде, отжимался и укладывался в форму-емкость так, чтобы все ее стенки были покрыты тканью, а края ткани свешивались наружу.

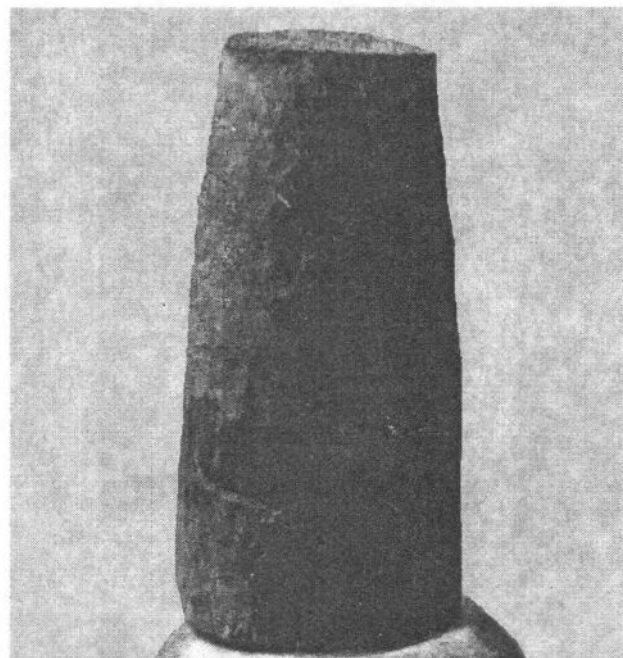
Процесс непосредственной лепки сосуда начинался с изготовления в форме-емкости заготовки его тулова. Для этого брался квадратный кусок ткани со стороной 30-35 см, который смачивался в воде, отжимался и укладывался в форму-емкость так, чтобы все ее стенки были покрыты тканью, а края ткани свешивались наружу.

а

б

в

Рис. 2. Экспериментальные формы - модели для изготовления сосудов:
а - форма - емкость для изготовления тулова; б - форма - основа для выбивания тулова;
в - форма - основа для изготовления горла сосуда

Рис. 3. Изготовление нижней части сосуда в форме-емкости

Рис. 4. Выбивание нижней части емкости сосуда на форме-основе

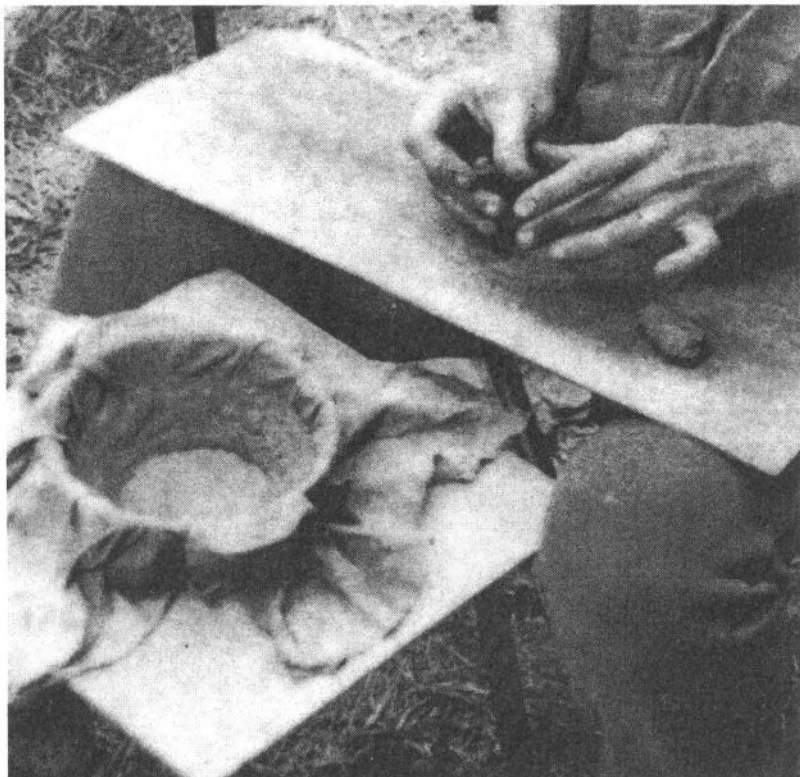

Рис. 5. Процесс изготовления верхней части емкости сосуда в форме-емкости

Рис. 6. Соединение двух частей емкости сосуда

Рис. 7. Начальная стадия изготовления горла сосуда

Рис. 8. Примазывание горла сосуда к его емкости

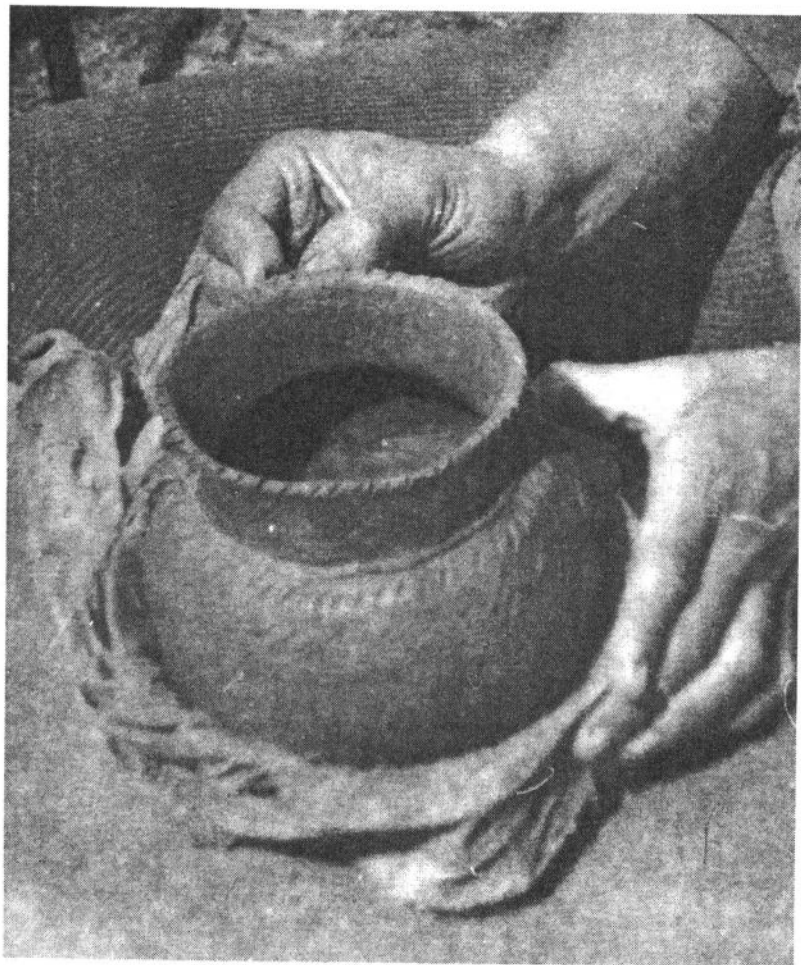

Рис. 9. Орнаментация сосуда

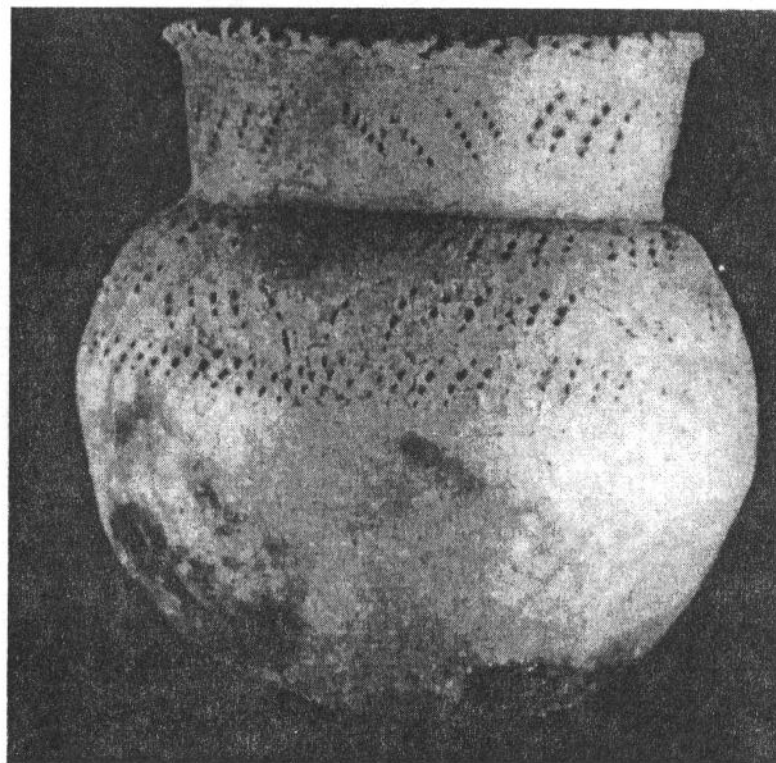

Рис. 10. Один из последних экспериментальных сосудов

Следующий этап работы предполагал соединение двух изготовленных частей. Для этого опять бралась форма-емкость, ее внутренняя поверхность покрывалась влажной тканевой прокладкой, и в нее вновь устанавливалась уже готовая нижняя часть сосуда. Она накрывалась готовой верхней частью и примазывалась к ней (рис. 6). Форма-емкость при этом выполняла одновременно роль подставки и поворотного столика. Такая функция формы-емкости хорошо известна по материалам современного деревенского гончарства Марокко [2, с. 395]. Благодаря тому, что обе части сосуда лепились в одной форме-емкости, их диаметры совпадали и они идеально состыковывались друг с другом без дополнительных лент или жгутов, что и имело место у фатьяновских гончаров. Важно подчеркнуть, что, как показали эксперименты, путем регулирования высоты верхней и нижней частей емкости можно изготавливать сосуды как с "шаровидным", так и с "реповидным" туловом, т. е. шаровидные горшки с выделенной шейей и амфоровидные сосуды. После соединения этих двух частей обрезалось и выравнивалось отверстие для горла, при этом форма-емкость использовалась в качестве поворотного столика.

После завершения этой работы готовая емкость сосуда отставлялась в сторону и лепилось горло. Но прежде чем описывать, из чего складывался процесс его изготовления, необходимо сделать небольшое отступление. Как отмечалось выше, в ходе технологического анализа фатьяновской керамики выяснилось, что горло сосудов лепилось или из жгутов по спирали, или из лоскутков, сделанных из жгута, и оно примазывалось к емкости сосуда изнутри. На некоторых фатьяновских сосудах в месте перехода плеча в горло с внешней стороны фиксируется отпечаток шнура. На одном сосуде (Тургиновский могильник Тверской области, раскопки Верхневолжской археологической экспедиции под рук. Д. А. Крайнова в 1966 г. [3]) такой отпечаток был обнаружен внутри излома, на месте спая плеча и горла. Экспериментально было установлено, что при свободном моделировании горла спирально-жгутовым налепом получался слишком большой угол наклона его стенок к стенкам емкости, так как при наращивании жгут накладывается либо с внешней, либо с внутренней стороны. При этом у форм типа шаровидных горшков, имевших горло небольшой высоты (2,5-3 см), сильного расширения его кверху не происходило, но у кубков, где высота горла в два раза больше (5-6 см), получался очень большой наклон стенок горла, что не соответствовало фатьяновским традициям внешнего облика посуды. Кроме того, при свободном моделировании горла возникала еще одна практическая сложность, которая состояла в необходимости подгонки нижнего диаметра горла диаметру отверстия в уже готовой верхней части емкости сосуда.

Другой способ лепки горла, также известный по фатьяновской керамике, - уже знакомый нам лоскутный спирально-зональный налеп - предполагал использование мастером особой формы-модели. Специально вырезанная из дерева форма-основа для изготовления горла имела вид усеченного конуса (рис. 2в). Использование ее в ходе экспериментов сразу дало ряд ощутимых преимуществ. Во-первых, появилась возможность изначально задавать нужный наклон стенок горла, который диктовался углом наклона конуса модели; во-вторых, стало намного проще подбирать необходимый диаметр горла в месте его соединения с емкостью; в-третьих, на форме-основе можно было наращивать горло как лоскутным, так и жгутовым налепом и, наконец, в-четвертых, на ней можно было лепить горло как горшков, так и кубков, т. е. и низкое, и высокое.

Осуществлялась лепка горла следующим образом. Перед непосредственным началом его изготовления конусовидная форма-основа обертывалась влажной тканью, опускалась узким своим концом в отверстие изготовленной ранее емкости сосуда и на ней пальцем отмечался требуемый в данном конкретном случае нижний диаметр будущего горла. На этом месте форма-основа обвязывалась влажным шнуром, который одновременно фиксировал ткань-прокладку на ее поверхности (рис. 7). Теперь именно с этого места можно было начинать наращивание глины. После наложения на форму-основу одной или двух зон лоскутного спирального налепа производилось небольшое выбивание глины и горло снималось с формы-основы. По отпечатку шнура убиралась лишняя глина с нижнего края горла, и оно вставлялось в отверстие емкости сосуда на глубину примерно 1 см. Перед примазыванием горла на месте соединения его с плечом с внешней стороны вновь завязывался влажный шнур. После этого оно примазывалось к верхней части емкости сначала изнутри, а затем снаружи строго по линии шнура (рис. 8). Затем шнур снимался. Роль его в конструировании оказалась крайне важной. Шнур выполнял здесь несколько функций. С одной стороны, он придавал необходимую жесткость глине при примазывании горла изнутри пальцами правой руки, в то время как большой палец левой руки, двигаясь по шнуру, фиксировал это горло снаружи. Это было особенно важным, учитывая очень малую толщину стенок фатьяновских сосудов. С другой стороны, именно благодаря применению шнура стало возможным сохранить четкий угол между плечом и горлом, свойственный практически всем формам фатьяновской посуды. Кроме того, использование шнура привело к образованию на форме экспериментальных сосудов короткого почти горизонтального плечика, также весьма характерного для фатьяновской посуды. Все время, пока шло присоединение и выравнивание горла, форма-емкость продолжала выполнять функции подставки для сосуда и поворотного столика. Затем сосуд извлекался из нее и осуществлялось окончательное заглаживание его поверхностей.

Для декорирования поверхности сосуда вновь помещался в форму-емкость. Медленное ее поворачивание позволяло нанести сложный фатьяновский орнамент на участки горла и плеча (рис. 9). На последнем этапе сосуд вынимался из формы, ставился на горло и в таком положении орнаментировалась его донная часть. Эксперименты показали, что сырой сосуд даже среднего размера с соответствующей толщиной стенок практически невозможно орнаментировать держа в руках или на коленях.

Таковым оказался экспериментально реконструированный процесс непосредственного изготовления,

вероятно, основной массы фатьяновских сосудов. В ходе этой работы были выявлены новые навыки труда фатьяновских гончаров на ступенях конструирования и формообразования посуды, навыки, которые либо не были известны вообще, либо могли лишь предполагаться с той или иной долей вероятности по результатам технологического анализа фатьяновской керамики. К ним относятся: во-первых, использование для лепки разных частей емкости сосуда одной и той же формы-модели; во-вторых, выбивание этих частей емкости на форме-основе перед их соединением друг с другом; в-третьих, изготовление горла сосуда с помощью особой формы-основы и небольшого последующего выбивания и, в-четвертых, использование шнура при примазывании горла сосуда к емкости. Кроме того, были получены принципиально новые данные о необходимом наборе инструментов фатьяновских гончаров.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одном моменте. Следует подчеркнуть, что полученные экспериментальным путем факты ни в коей мере нельзя ставить по степени достоверности на один уровень с теми, которые были выявлены в результате анализа непосредственно самой фатьяновской керамики. Последние безусловно являются более надежными, а выявленные в ходе эксперимента в большей степени носят гипотетический характер. Тем не менее, одним из косвенных доказательств правильности этого реконструированного процесса являются его последствия: в результате освоения данного комплекса приемов работы и технических средств стали получаться экспериментальные сосуды, форма которых уже была близка соответствующим категориям форм фатьяновских сосудов (рис. 10).

Однако нужно учитывать, что в некоторых случаях возможен и альтернативный вариант конструирования. Например, можно, вероятно, изготавливать все части емкости сосуда на форме-основе и на ней же выбивать их. Трудности, которые возникли в ходе экспериментов при подобном способе работы, с подгонкой диаметров этих частей друг к другу могли быть связаны с недостатком опыта работы. Точно так же горло у шаровидных горшков можно, вероятно, конструировать и без использования формы-основы, если в качестве строительного элемента использовать не лоскут, а глиняный жгут. При этом безошибочный подбор нужного диаметра нижней части горла опять-таки может быть делом практики. Для того чтобы выявленные факты из фатьяновской гончарной технологии могли рассматриваться как вполне надежные, необходимы специальное микроскопическое изучение всех изготовленных в экспедиции экспериментальных сосудов и сравнительный анализ наблюдаемых в них следов с теми следами, которые фиксируются на древней фатьяновской посуде. Однако это уже задача следующего этапа работы. Подводя итог, еще раз подчеркну, что в данном исследовании речь шла о реконструкции не всех, а только одного, хотя и наиболее распространенного у фатьяновских племен, технологического процесса непосредственного конструирования посуды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова Е. В. Гончарство фатьяновских племен. М., 1996.
2. Vossen Rudiger, Ebert Wilhelm. Marokkanische Topferei. Poterie Marocaine. Habelt-Bonn, 1986.
3. Гадляцкая О. С. Новые раскопки Тургиновского могильника // КСИА. Вып. 127. 1971.

*Институт археологии РАН,
Москва*

E.V.Volkova

ROLE OF EXPERIMENT IN RECONSTRUCTION OF THE FATJANOVO POTTERY TECHNOLOGY

Summary

A large series of vessels similar in character to original Fatjanovo's, was manufactured to study the skills of the Fatjanovo pottery-makers in firing of clay pottery. The vessels produced were to be similar to Fatjanovo's in the clay's structure, character of ceramic paste, in form and size. In the process of the experiment, though, it turned out that we lack information concerning skills of Fatjanovo pottery-makers at various stages of designing and manufacturing of vessels.

The missing stages of technological process were found out experimentally. The article presents a complete reconstruction of the process of Fatjanovo vessels manufacturing, which is based on the data obtained during the laboratory research of Fatjanovo clay pottery, as well as on the new information about the Fatjanovo pottery-makers' skills, which was found experimentally.

Among these newly-opened skills of Fatjanovo pottery-makers were: 1) one and the same pattern was used for moulding of different parts of a vessel, 2) these parts of a vessel were struck out while on a pattern, before they were connected to each other, 3) the vessel's neck was manufactured with a special pattern-form, 4) a cord was used in joining the neck to the vessel. In addition new data on the necessary tool kit used by Fatjanovo pottery-makers were obtained.

The author stresses that the article deals with the most widespread technological process of pottery manufacturing employed by Fatjanovo tribes, and leaves aside other technologies.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

Е. В. Волкова

ДРЕВНЯЯ ГЛИНЯНАЯ ПОСУДА, ИЗГОТОВЛЕННАЯ ОДНИМ МАСТЕРОМ (методика выделения и анализ)

Предлагаемая здесь методика была разработана в ходе изучения керамики фатьяновского Волосово-Даниловского могильника. Первоначальной целью работы в этом направлении было выделение практически одновременной посуды и на этой основе синхронизация погребений, в которых она была найдена.

Методика выделения посуды, изготовленной одним мастером, базируется на современных представлениях о древнем гончарном производстве как о системно организованном процессе труда. Это, во-первых, представления о культурных традициях в доремесленном гончарстве как о закрепленных навыках труда, передаваемых из поколения в поколение по родственным каналам; во-вторых, знания об изменении конкретных технологических навыков труда в процессе смешения: а) быстро меняющиеся (в течение жизни одного поколения) или б) медленно меняющиеся (в течение жизни пяти-шести поколений); в-третьих, знания о разной степени устойчивости в условиях смешения орнаментальных традиций различных структурных уровней: традиции орнаментального "образа" более устойчивы, чем традиции его "мотива" и "композиции"; в-четвертых, представления об орнаменте, по крайней мере у фатьяновских гончаров, как об одном из инструментов, который бережно хранился ими и, возможно, передавался по наследству.

Изложенная система взглядов лежит в основе выработанных критериев, которым должна соответствовать глиняная посуда, сделанная одним мастером. Первые два ее компонента - учение о культурных традициях в технологии гончарства и поведении навыков труда гончара на разных ступенях гончарного производства - разработаны А. А. Бобринским и изложены как в его трудах [1-3], так и в трудах его учеников и представителей его школы [4-7]. Третий компонент, т. е. представление о разной степени устойчивости традиций различных орнаментальных уровней, был выявлен мною в процессе стилистического анализа орнамента глиняной посуды всех локальных групп фатьяновской культуры [8]. В результате этого анализа удалось выяснить, что фатьяновское население разных локальных групп имело свои, преимущественно используемые ими орнаментальные "образы". В то же время, система организации этих "образов" ("мотив") и организация орнамента на всем сосуде ("композиция") обладали большей степенью изменчивости (даже в рамках керамического комплекса одного памятника). Подобное поведение орнаментальных традиций на разных структурных уровнях можно проследить и по этнографическим данным. Так, В. А. Шнирельман, говоря об орнаментальных стилях в керамике, ссылается на П. Роу, исследовавшего ткачество у индейцев шипибо в Перу. Здесь женщины из разных общин навещали одну общепризнанную мастерицу, чтобы "копировать" ее стиль. "При этом, правда, "копии" сильно отличались от прототипа, так как женщины творчески перерабатывали идущую извне инновацию... В то же время при всем своем разнообразии индивидуальные и общинные орнаментальные схемы подчинялись определенному общему канону и часто состояли из стандартных элементов" [9, с. 12]. У того же В. А. Шнирельмана можно найти ссылку на супругов Станиславски, которые изучали гончарное производство у индейцев хопи и хопи-тева в Аризоне. Исследователи отмечают, что "там неоднократно наблюдались случаи, когда, зародившись в каком-либо одном месте, новые орнаментальные приемы или мотивы за считанные десятилетия широко распространялись в ареале обитания обоих этносов." [9, с. 13].

Четвертый компонент системы, т. е. представление о бережном отношении мастера к орнаменту, обосновывается следующими данными.

По археологическим и этнографическим свидетельствам можно выделить три группы инструментов, которыми пользовались гончары для орнаментации своей посуды:

1. Природные материалы, которые всегда находятся под рукой и которые выбрасываются после использования. Чаще всего это части различных растений (початки, колосья, стебли, семена и т. п.). Такого рода "орнаменты" зафиксированы в XIX в. и в I-ой пол. XX в., главным образом у африканских гончаров [10, с. 157, 162, 166].

2. Личные вещи, которые также всегда находятся под рукой и которые в данном случае используются не по своему прямому назначению и, естественно, не выбрасываются после употребления. Обычно это бусы и браслеты гончарицы [10, с. 171-172]. Среди археологических находок известны орнаменты - "амулеты". Так, например, фигурный штамп для орнаментации посуды в виде птицы, сделанный из пластины черного шифера. Он найден на стоянке Старая Тотьма и относится исследователями к каргопольской культуре [11, с. 48-49, рис. 57: 2]. Волосовская фигурка водоплавающей птицы на костяной пластине из стоянки Сахтынь I, вероятно, также служила штампом для нанесения орнамента. Но, в отличие от каргопольской птицы, волосовская имеет четыре отверстия [11, с. 97-99, рис. 133: 4].

3. Специально изготовленные инструменты для нанесения орнамента на глиняную посуду. Они делались самими гончарами, реже заказывались у специалистов и, естественно, в большей степени ценились гончарами [12, с. 162-163; 13]. Иногда орнаментальные штампы вырезались на рукоятке гончарного ножа. Такой комбинированный инструмент был зафиксирован в Костромской области в 1928 г. [13]. Среди археологических находок имеются специально изготовленные для орнаментации глиняной посуды штампы. Например, хранящийся в ГИМе волосовский каменный зубчатый штамп с отверстием для подвешивания, найденный И. В. Климковой на поселении Владычинская-Береговая I.

Таким образом, по крайней мере, две последние группы орудий дают нам возможность предположить, что орнаменты обычно входили в традиционный рабочий набор гончара как специализированный или неспециализированный инструмент.

Еще одним аргументом в пользу бережного отношения гончара к орнаменту служат современные представления о традиционности самого гончарного производства. И это касается не только технологии конструирования и формы сосуда, но и орнаментации его поверхностей. Действительно, если мы вернемся к первой группе орнаментов, а именно к природным материалам, то увидим, что в одних африканских этнических группах традиционно используют для орнаментации глиняной посуды союму, а в других - початки кукурузы и т. д. [10, с. 157-166]. Это означает, что традиционный для определенной группы населения орнамент создавался с помощью столь же традиционных для гончаров этой группы орнаментов.

И наконец, косвенным свидетельством в пользу того, что у древних фатьяновцев орнаменты представляли собой долговременные и специализированные инструменты, являются попытки их воспроизведения в ходе специального эксперимента. Результаты микроскопического анализа орнаментальных отпечатков на фатьяновской керамике показали, что фатьяновские орнаменты делались из дерева и кости (или раковины). В 1995 г. в экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарного производства, организованной Самарскими институтом истории и археологии и пединститутом, несколько человек даже с помощью современных инструментов так и не смогли изготовить орнаменты, который давал бы близкие фатьяновским гребенчатые отпечатки. Отсюда следует, что для изготовления орнаментов, по крайней мере фатьяновских, необходимо было обладать устойчивыми навыками труда в этой области. И уже поэтому такие орнаменты не могли быть разовыми или случайными.

Мною был использован керамический материал, который давал наиболее благоприятные возможности для выработки методики выделения посуды, изготовленной одним мастером. Это комплекс Волосово-Даниловского могильника, имеющий ряд важных особенностей.

Во-первых, это один из самых крупных фатьяновских могильников (более 117 погребений), включающий 399 сосудов, который вполне обоснованно рассматривается как родовое кладбище [14, с. 40], о чем говорит широкое распространение в нем перекрывающих друг друга могил.

Во-вторых, практически во всех погребениях этого могильника находилось по несколько сосудов. Причем результаты технологического анализа их исходного сырья и формовочных масс показали, что чаще всего сосуды одного погребения сделаны, как минимум, двумя разными гончарами [15].

В-третьих, данный керамический комплекс позволял анализировать в основном целые сосуды или их развалы, и поэтому в данном случае не стояла задача выделения сосудов по их фрагментам. Т. е. при определении сосудов, изготовленных одним мастером, сравнивались между собой достоверно разные сосуды, а не фрагменты от одного и того же сосуда.

Прежде чем перейти к изложению самой методики, необходимо обратить внимание на два важных момента.

Сначала остановимся на содержании самого понятия "посуда, изготовленная одним мастером". Понятие "одного мастера" пока достаточно условно. Под посудой "одного мастера" мною понимаются практически идентичные глиняные сосуды. Они идентичны как по всем технологическим навыкам труда гончара, который их изготовил, так и по инструменту, которым был нанесен орнамент. В принципе, существует вероятность того, что эта посуда изготовлена не одним и тем же физическим лицом, а несколькими разными людьми, входившими в некий микроколлектив и тесно связанными между собой родственными узами. Но совершенно определенно можно говорить о том, что данная посуда была изготовлена практически одновременно.

Далее следует подчеркнуть, что предлагаемая методика не универсальна. Она разработана при изучении фатьяновской глиняной посуды и проверена пока только на этом материале.

Все эти обстоятельства заставляют подходить с большей осторожностью к интерпретации полученной информации. Поэтому в предыдущей работе [15] я ограничилась использованием данных о посуде, сделанной одним мастером, только для выделения относительно одновременных сосудов.

Разработанная методика базируется на использовании комплекса критериев, которые позволяют выделять практически идентичную глиняную посуду. Этот комплекс включает в себя навыки труда гончара по изготовлению и орнаментации посуды, а также форму рабочей части инструмента для нанесения орнамента, реконструируемую по орнаментальному отпечатку на сосуде.

Итак, два разных сосуда могут считаться изготовленными одним мастером в том случае, если они удовлетворяют следующим критериям:

1. Очень близкое по составу естественных примесей исходное сырье, из которого сделаны сосуды;
2. Одинаковые традиции подготовки этого исходного сырья;
3. Одинаковые традиции составления формовочных масс сосудов;
4. При наличии в формовочной массе сосудов шамота одинаковый рецепт формовочной массы шамота сравнимых сосудов;
5. Использование одного и того же инструмента для нанесения орнамента;
6. Сходные традиции работы этим инструментом при нанесении орнамента.

Все эти признаки недоступны визуальному выделению и могут изучаться только под бинокулярным микроскопом.

Важно подчеркнуть также, что критерии 5 и 6, связанные с технологическими орнаментальными традициями, оказались наиболее существенными для выделения посуды, сделанной одним мастером, по керамике Волосово-Даниловского могильника. Это, впрочем, относится и ко всей фатьяновской посуде. Т. е. данные критерии в наибольшей степени указывают на индивидуальные особенности гончара. Поэтому неорнаментированную фатьяновскую посуду, совпадающую по первым четырем критериям, нельзя с уверенностью приписывать одному и тому же мастеру.

Делая такие заключения, я исхожу из того, что одинаковые навыки труда возможны у разных гончаров одного коллектива, но наличие у них одного и того же инструмента для нанесения орнамента маловероятно. Необходимо подчеркнуть, что выделение одного и того же орнаментира по отпечаткам на разных сосудах возможно лишь при наличии у этого инструмента какой-либо специфической черты. Например, тонкий зубчатый штамп, сделанный из раковины или кости и не имеющий какой-нибудь характерной особенности, допустим, сломанного зуба, не может рассматриваться как инструмент, идентифицирующий определенного мастера. Во-первых, потому что инструменты такого типа широко распространены у фатьяновских гончаров и, во-вторых, потому что этот инструмент не имеет индивидуальных черт, необходимых для связи его с конкретным гончаром.

Тем не менее, несмотря на малую вероятность этого факта, остается правомерным вопрос о возможности использования разными мастерами одного и того же инструмента для нанесения орнамента. По данным этнографии известно, что одним и тем же орнаментиром помимо самого мастера могли пользоваться, во-первых, группа мастеров, работающих вместе, и, во-вторых, ученик мастера. Но в первом случае (этнические группы: моту (Новая Гвинея), хоппи и хопи-тева (Северная Америка), фогни-диола (Сенегал), моро (Судан) и др. [9, с. 13]) мы имеем, скорее всего, особую форму организации гончарного производства, т. е. мастерскую, адаптированную к современным условиям жизни, которую поэтому вряд ли можно без существенных поправок переносить в доремесленную эпоху для реконструкции деятельности фатьяновских гончаров, живших во II тыс. до н. э.

Во втором же случае при использовании одного и того же орнаментира и мастером, и его учеником возможны два варианта: либо одновременное его использование (что является частным вариантом первого случая), либо наследственное владение этим инструментом. Мне не удалось найти в этнографической литературе данных о наследовании непосредственно инструмента для нанесения орнамента. Но известны факты наследственного владения подкладными досками с рисунками. Такие подкладные доски с рисунками - "знаки" - были еще достаточно широко распространены в гончарных мастерских Средней Азии в 20-30-х гг. нашего столетия. Так, в Ташкенте в 1930 г. каждая мастерская имела свой определенный знак. Иногда, когда в мастерской работало несколько мастеров, определенный знак имел каждый из этих мастеров [16, с. 172]. У кузагаров "каждый мастер - владелец мастерской - имел свой знак, передававшийся по наследству к его преемнику, чаще всего к сыну" [16, с. 194].

Однако, даже учитывая эти этнографические данные, можно говорить о практически одновременном (с точки зрения археологии) бытовании рассматриваемой глиняной посуды.

В отношении сосудов Волосово-Даниловского могильника можно предполагать, хотя и с меньшей долей уверенности, что посуда была сделана одним мастером, даже если совпадают все указанные признаки, кроме четвертого - совпадения состава формовочных масс шамота. Дело в том, что возможен вариант, когда один мастер использовал для изготовления шамота сосуда, формовочные массы которых составлены по разным рецептам. Это объясняется тем, что у исследуемого населения шли активные процессы смешения, которые в первую очередь отражались на смешении традиций составления формовочных масс глиняной посуды. Поэтому допустимо предполагать, что для изготовления шамота могла использоваться не только своя собственная посуда, но и посуда соседей, которые применяли немного другой состав формовочных масс.

Таким образом, для заключения о принадлежности разной посуды одному мастеру необходимо, чтобы она соответствовала всем шести (в отдельных случаях - пяти) выделенным критериям.

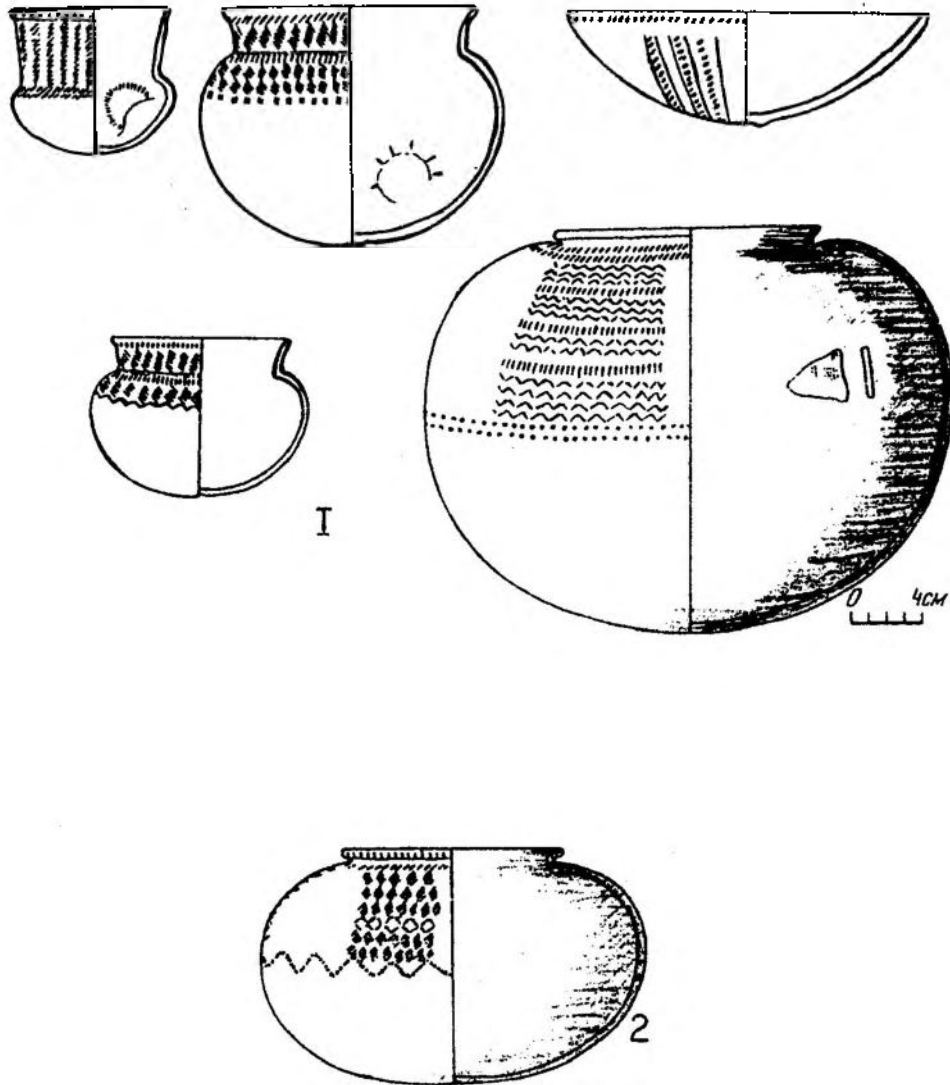

Рис. 1. Сосуды, орнаментированные одним и тем же инструментом: 1 - погр. 70; 2 - погр. 79

* * *

В результате применения данного метода исследования к керамическому комплексу Волосово-Даниловского могильника были выделены две группы погребений. В первую группу вошли 13 погребений, в каждом из которых часть посуды была сделана каким-то одним мастером. Во вторую группу вошли 14 погребений, объединенных попарно посудой одного и того же мастера.

Кроме того, зафиксирован случай использования одного и того же инструмента для нанесения орнамента на сосуды, которые имели разные по составу формовочные массы, отличались концентрацией искусственных примесей в этих массах и составом исходного сырья. Это сосуд № 493 из погребения 70 и сосуд № 548 из погребения 79 (рис. 1)¹. Данный факт объясняется либо тем, что эта посуда сделана мастером и его учеником, либо тем, что технологические традиции мастера в силу каких-то обстоятельств изменились.

Насколько же вероятно второе предположение? Оно допустимо лишь в случае переселения в род мужа гончарицы (или, соответственно, в род жены - гончара), которая уже имела свои навыки по изготовлению глиняной посуды. В этой ситуации практически сразу происходит смена традиции использования определенного исходного сырья и в течение 2-3 лет меняется традиция составления формовочных масс (что проявляется в изменении концентрации искусственных примесей и в различных вариантах смешанных рецептов), а более устойчивые традиции конструирования сосуда остаются неизменными.

Какая из этих ситуаций имела место в данном случае, сказать определенно трудно. Но поскольку рассматриваемые сосуды относились к разным группам по их общей пропорциональности, несмотря на их

¹ Все рисунки в статье сделаны на основе рисунков "Свода" Д.А. Крайнова и О.С. Гадзяцкой [14, с. 85-117]

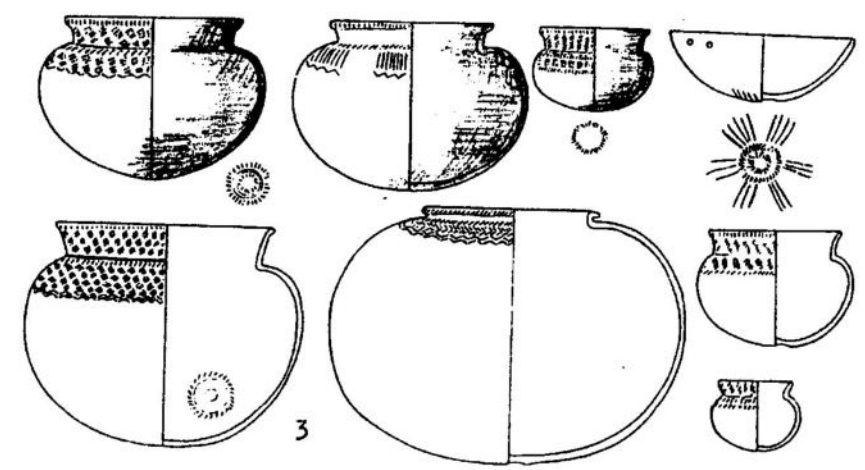
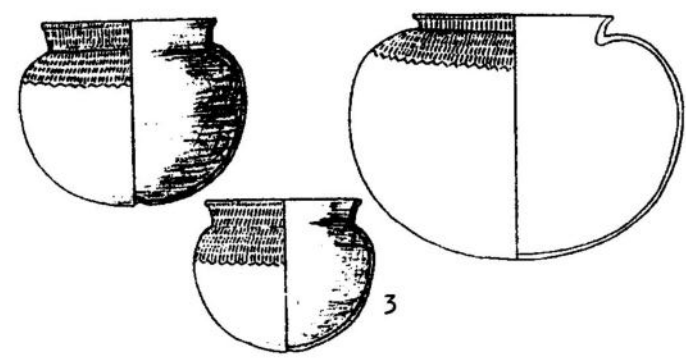
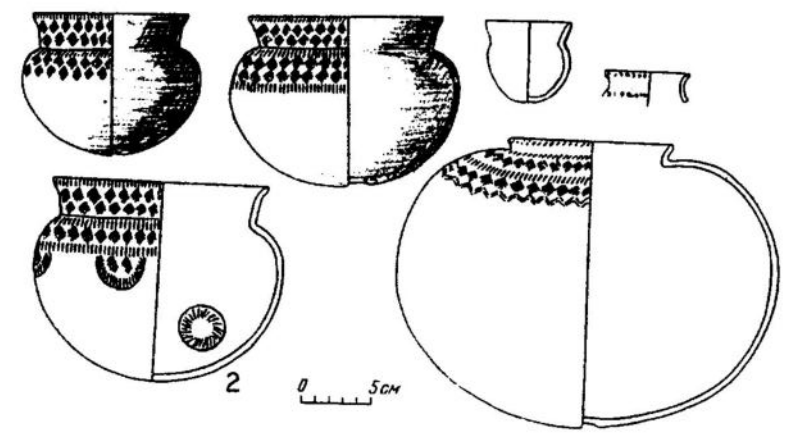
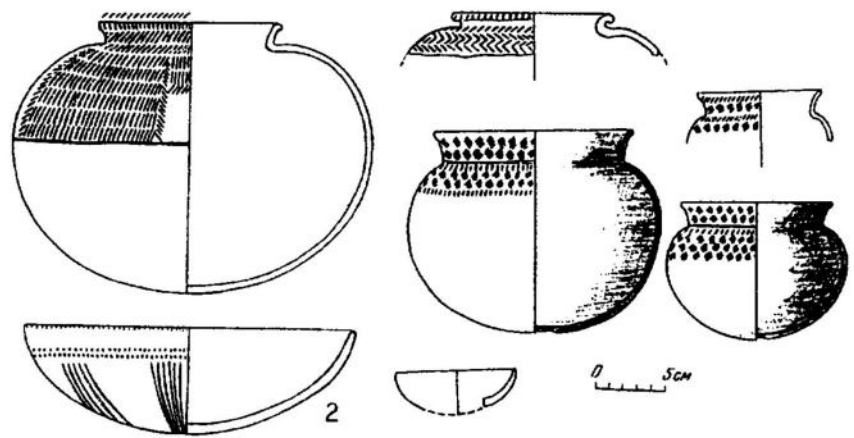
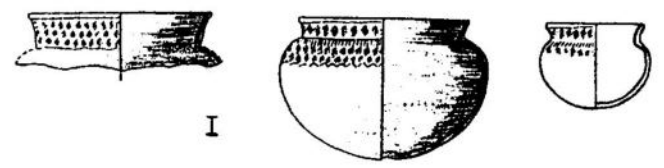
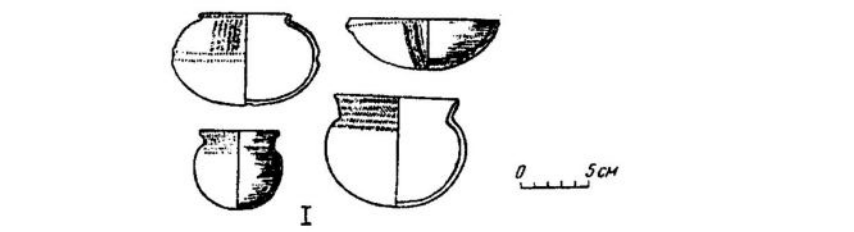
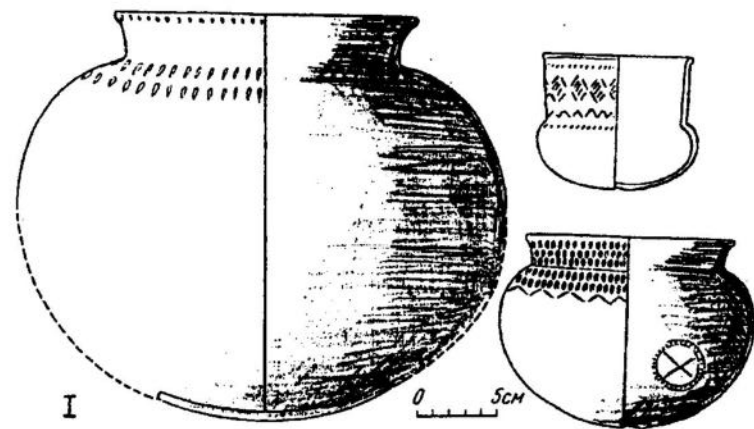

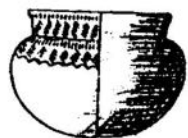
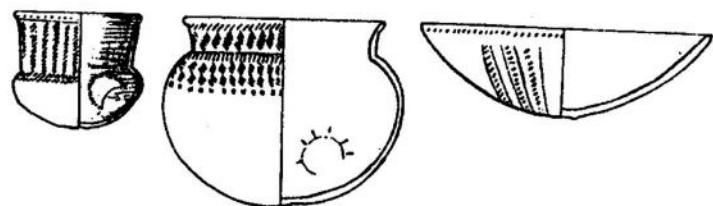
Рис. 2. Сосуды, изготовленные одним мастером (группа I):
1 - погр. 38; 2 - погр. 41; 3 - погр. 45

Рис. 3. Сосуды, изготовленные одним мастером (группа I):
1 - погр. 47; 2 - погр. 51; 3 - погр. 63

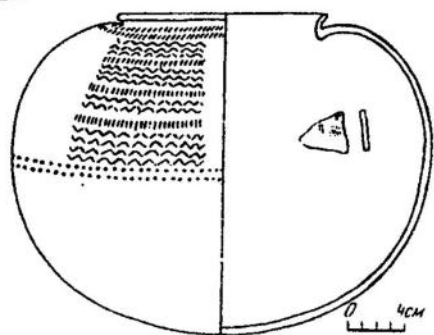

I

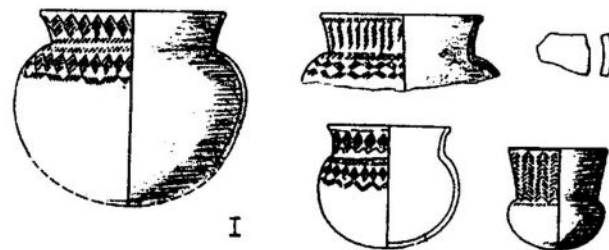
0 5cm

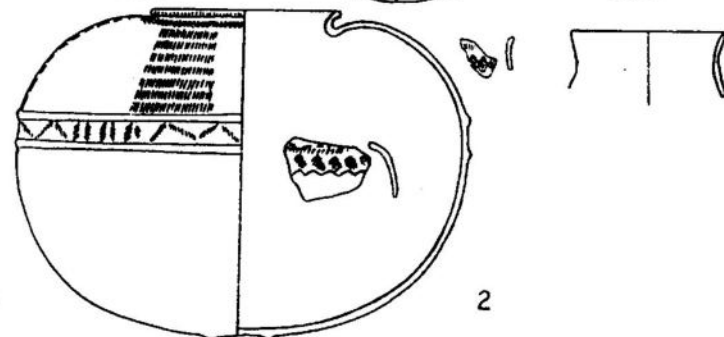
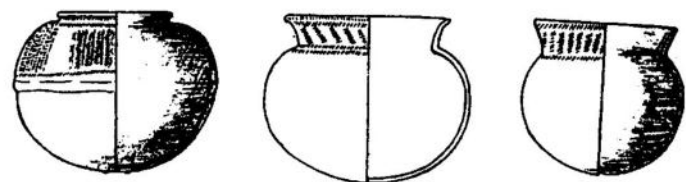
2

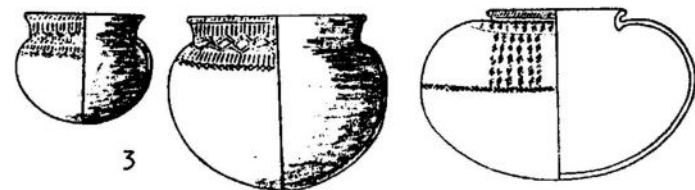
0 4cm

I

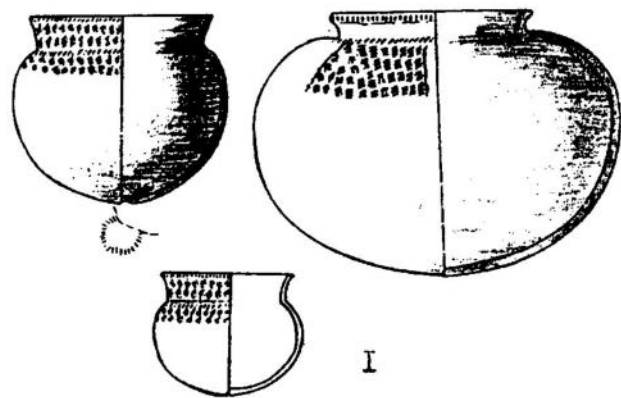
2

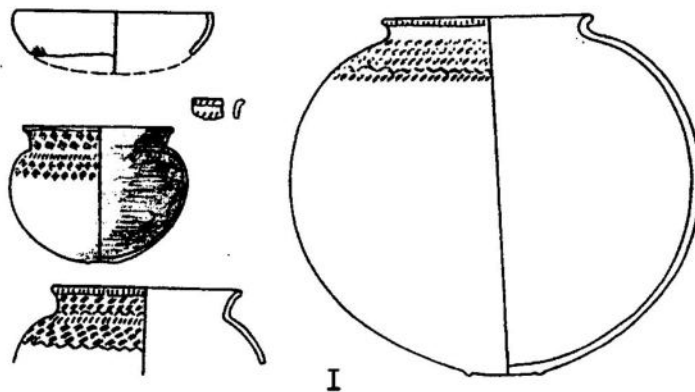
3

Рис. 4. Сосуды, изготовленные одним мастером (группа I):
1 - погр. 68а; 2 - погр. 70

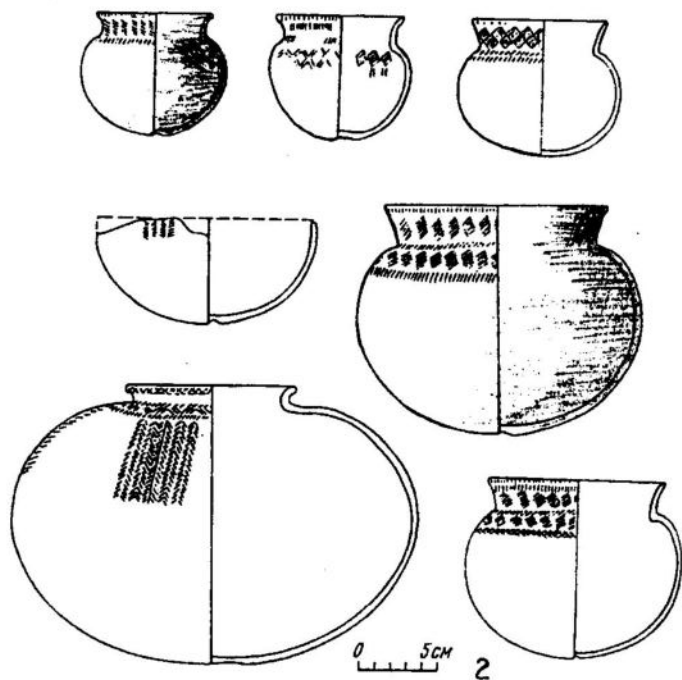
Рис. 5. Сосуды, изготовленные одним мастером (группа I):
1 - погр. 76; 2 - погр. 84; 3 - погр. 93

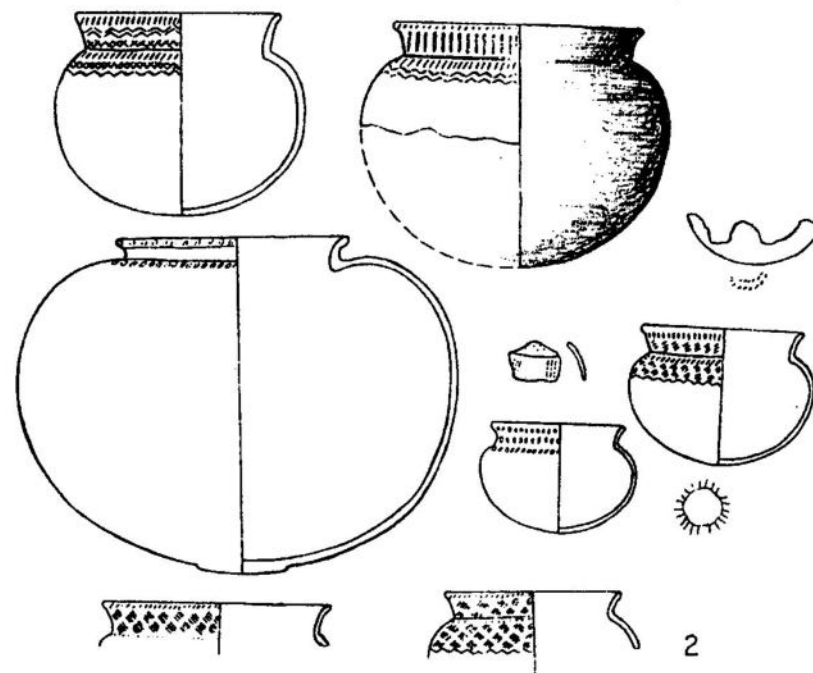
I

I

2

2

Рис. 6. Сосуды, изготовленные одним мастером (группа I):
1 - погр. 97; 2 - погр. 104

Рис. 7. Сосуды, изготовленные одним мастером (группа II):
1 - погр. 1; 2 - погр. 98

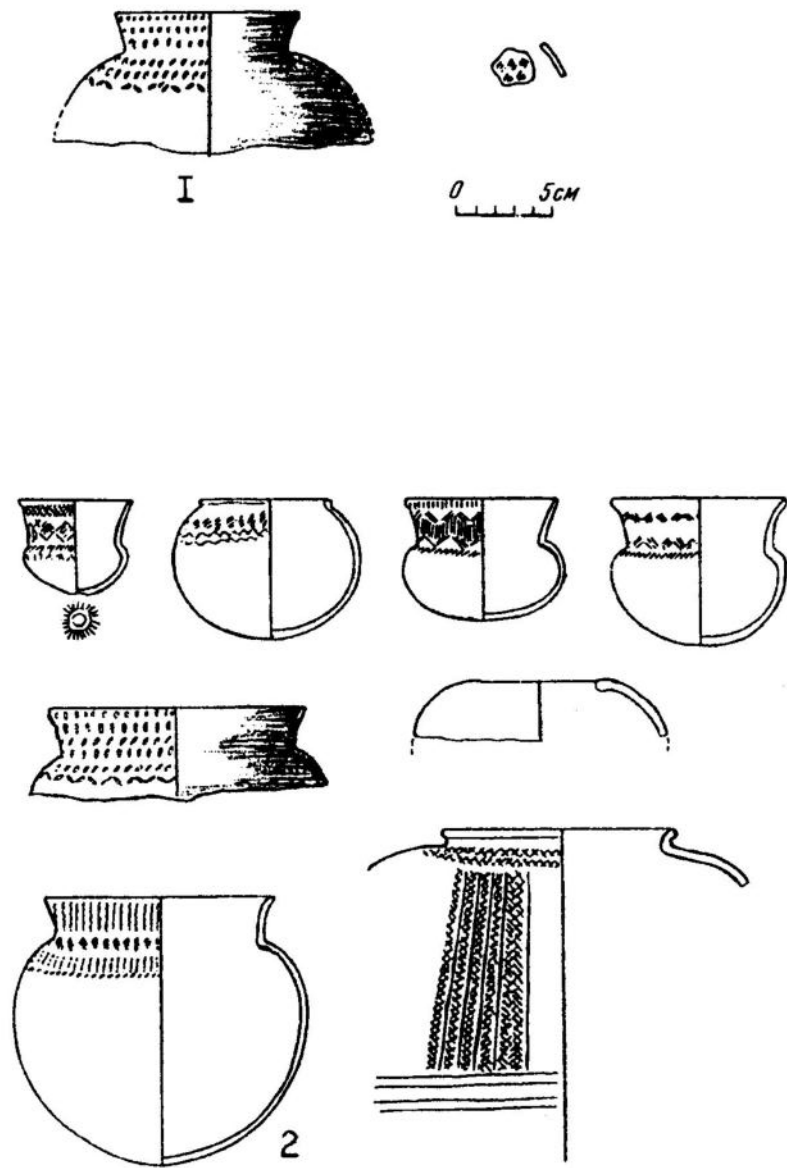

Рис. 8. Сосуды, изготовленные одним мастером (группа II):
1 - погр. 4; 2 - погр. 7

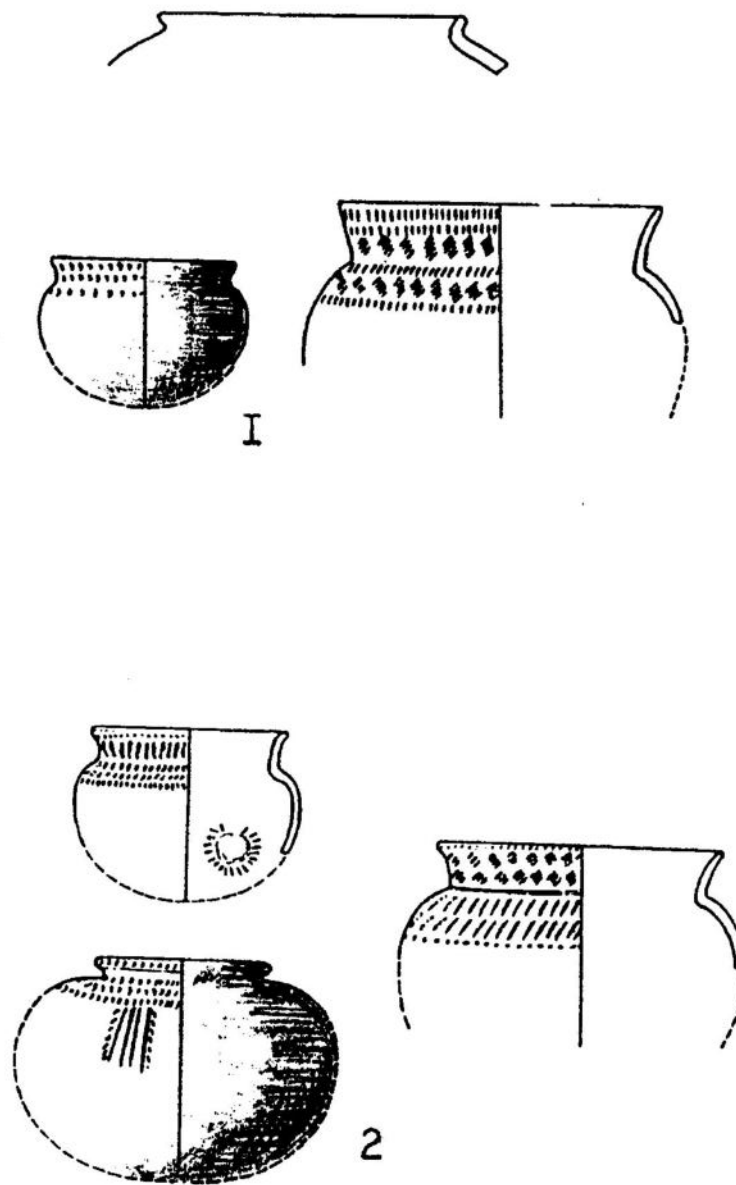

Рис. 9. Сосуды, изготовленные одним мастером (группа II):
1 - погр. 9; 2 - погр. 11

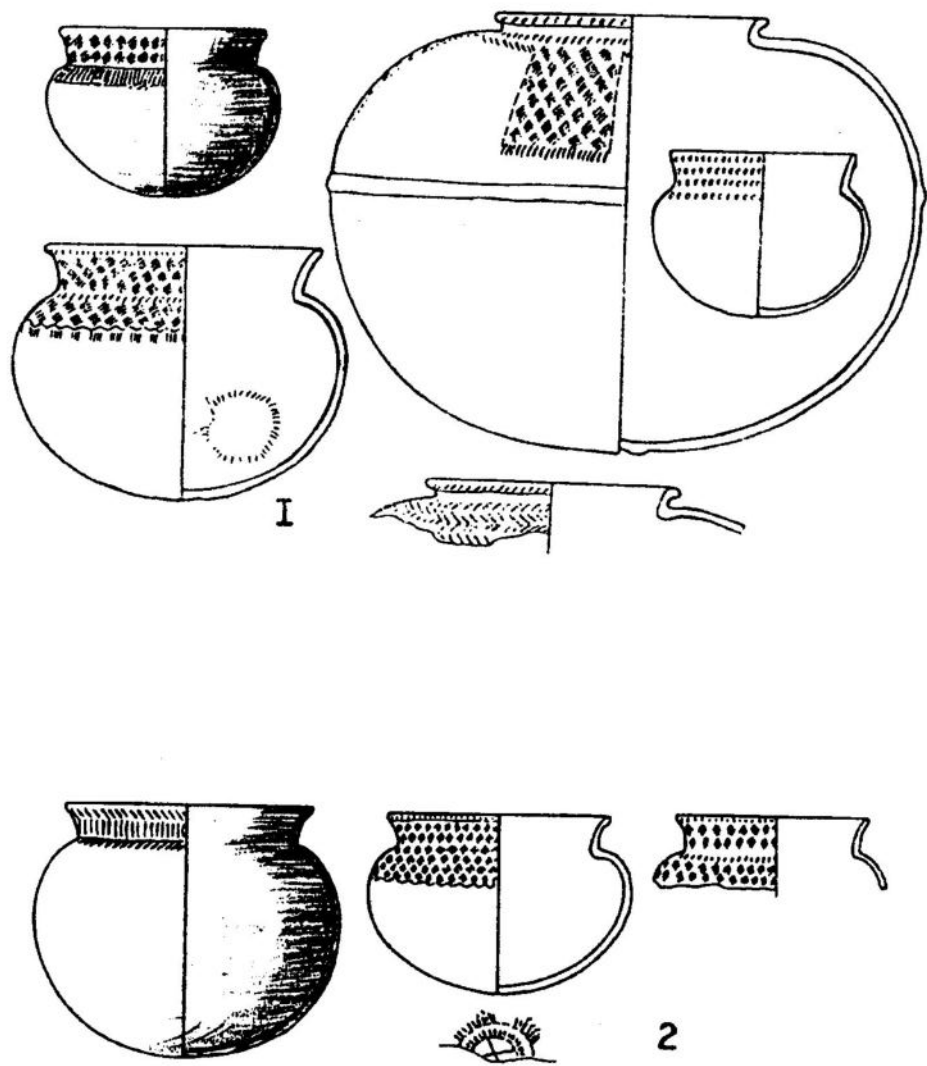

Рис. 10. Сосуды, изготовленные одним мастером (группа II):
1 - погр. 21; 2 - погр. 74

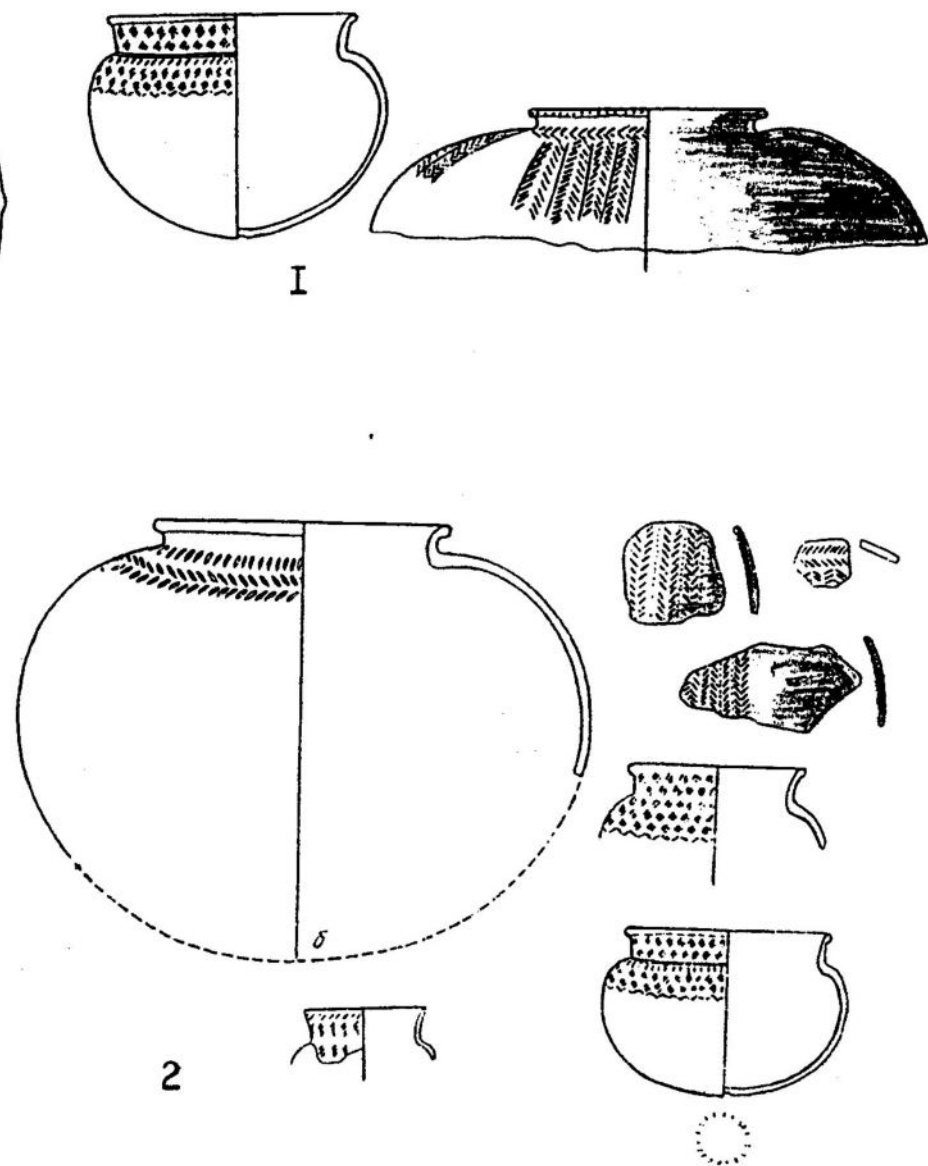

Рис. 11. Сосуды, изготовленные одним мастером (группа II):
1 - погр. 66; 2 - погр. 68

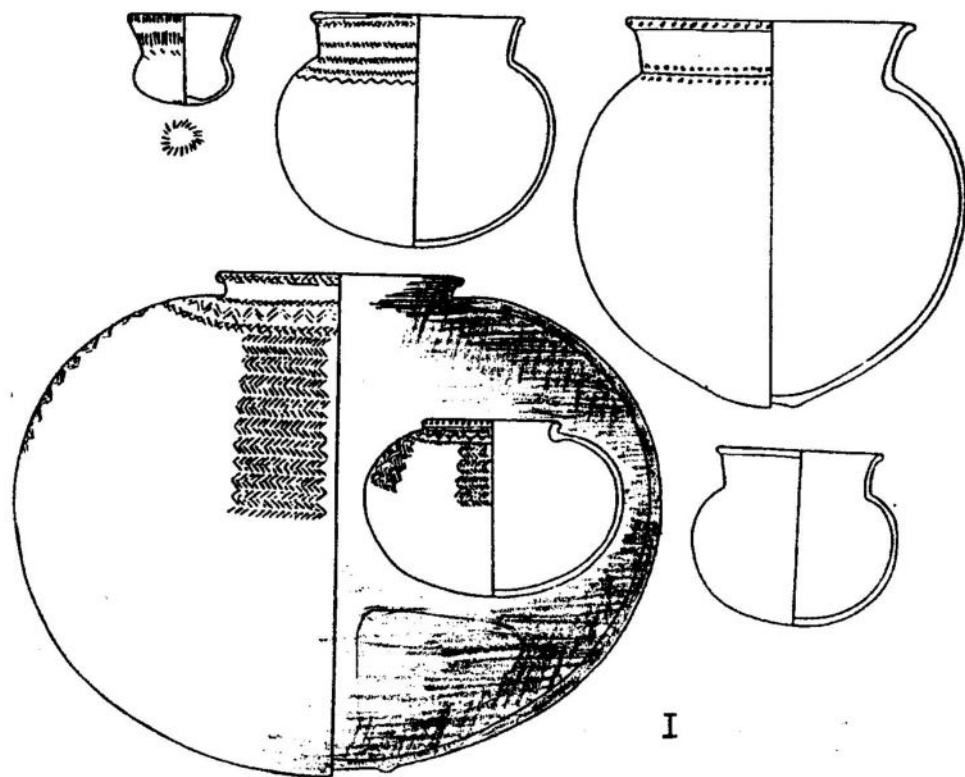

Рис. 12. Сосуды, изготовленные одним мастером (группа II):
1 - погр. 61; 2 - погр. 85

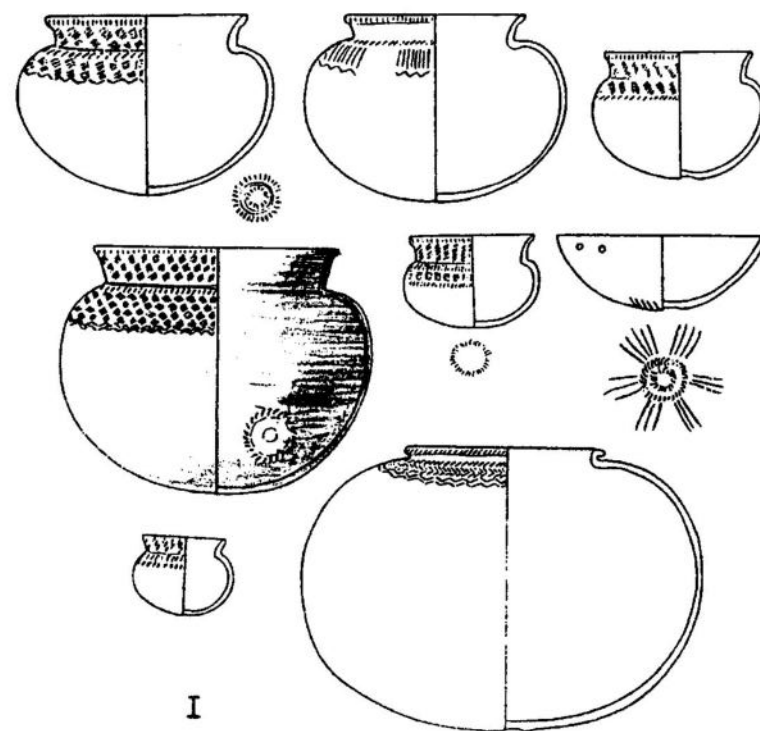

Рис. 13. Сосуды, изготовленные одним мастером (группа II):
1 - погр. 63; 2 - погр. 80

принадлежность к одной и той же категории форм (к амфоровидным сосудам), а также имели различия в орнаментальных традициях на уровне "образа" и "мотива", то, скорее всего, один из сосудов был сделан мастером, а другой - его учеником.

Рассмотрим первую группу погребений. На рисунках 2-6 изображена глиняная посуда этой группы. Здесь сосуды, сделанные одним мастером, выделены серым цветом. Мы видим, что сосуды одного мастера (обычно их два), происходящие из одного погребения, чаще всего имеют одни и те же орнаментальные образы и близкие мотивы и композиции. Причем эти сосуды могут относиться и к одной категории форм (в этом случае они всегда разного размера - рис. 3), и к разным категориям форм, например, горшок и миска (рис. 2: 1), горшок и кубок (рис. 4: 2), горшок и "амфора" (рис. 5: 2). Но к каким бы категориям форм они ни относились и какие бы размеры ни имели, по своей общей пропорциональности эти формы принадлежат одной и той же группе [8, с. 59-63]. Во всех погребениях этой группы имеются еще сосуды (от одного до пяти), сделанные другим мастером или мастерами. Они также изображены на данных рисунках (рис. 2-6). Причем орнаментальные образы, мотивы и композиции этих сосудов могут быть либо такими же, как у выделенных (рис. 2: 1-3), либо отличными от них (рис. 2: 2; 4: 1).

На следующей серии рисунков (рис. 7-13) показаны сосуды второй группы погребений. Во всех семи парах погребений посуда, изготовленная одним мастером (выделенная на рисунках штриховкой), имеет в основном одинаковые орнаментальные образы и сходные их мотивы. Но в отличие от посуды одного мастера первой группы, где представлен большой ассортимент форм, здесь у одного мастера фиксируется посуда какой-либо одной категории форм: либо горшки, либо амфоры. Почти во всех погребениях этой группы есть сосуды (от одного до семи), сделанные другими гончарами, причем эти сосуды, чаще всего, имеют другие орнаментальные образы.

Важно отметить, что все погребения с посудой, сделанной одним мастером, расположены в могильнике недалеко друг от друга.

Таким образом, применение данной методики выделения посуды одного мастера к конкретному материалу позволило получить еще два независимых критерия такой посуды, а именно: **орнаментальный образ и его мотив**, а также **тип формы по ее общей пропорциональности**. Вполне естественно, что правомерность использования этих новых критериев пока обоснована только для фатьяновской посуды.

* * *

Принципиально новые выводы удалось получить в результате сопоставления двух выделенных групп погребений с половозрастными данными погребенных. Выяснилось, что в первой группе преобладают мужские погребения (46%) и достаточную большую долю детских погребений (31%). Во второй группе также доминируют мужские погребения (29%), но очень мало детских (7%).

Если учесть, что в могильнике среди определенных вообще преобладают мужские погребения (30%) над детскими (18%) и женскими (7%, остальные 45% погребений могильника не определены), то обращает на себя внимание факт большого количества детских погребений в первой группе и незначительного их количества во второй. Получается, что в детские погребения приносили большее количество сосудов, сделанных одним мастером, т. е. из одного "дома" ("рода"). Кроме того, для детских погребений вообще характерно либо небольшое количество сосудов (в среднем 3 сосуда), либо только один сосуд. Все это, вместе взятое, позволяет предположить, что ребенок до определенного возраста рассматривался как член рода только одного из своих родителей. Поэтому и приношения в его могилу были преимущественно с одной стороны, в то время как в могилы взрослых приносили глиняную посуду родственники как по мужской, так и по женской линии.

Подводя итог, можно отметить, что применение данного метода к керамике Волосово-Даниловского могильника позволило: во-первых, говорить об относительной одновременности части погребений могильника, в которых находилась посуда, изготовленная одним мастером; во-вторых, выяснить возможный ассортимент фатьяновского гончара; в-третьих, наметить пути дальнейшего совершенствования самого метода - перспективным будет увеличение числа критериев для выделения посуды одного мастера за счет анализа орнаментальных образов и их мотивов, а также форм сосудов; и, наконец, самое главное, использование предложенной методики исследования керамики позволило приступить к изучению тех сторон жизни волосово-даниловского населения, которые прежде нам были недоступны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
2. Бобринский А. А. Современное состояние и перспективы исследований керамики как исторического источника // Тезисы докладов Всесоюзной научной археологической конференции "Керамика как исторический источник". Куйбышев, 1991.
3. Бобринский А. А. Историко-культурный подход к изучению гончарства // Тезисы докладов на Международной конференции по применению методов естественных наук в археологии. СПб., 1994.
4. Салугина Н. П. О некоторых чертах гончарной технологии племен именьковской культуры // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.
5. Клычкова И. В. Некоторые особенности технологии изготовления раннеолитической керамики гребенчато-накольчатого типа (по материалам поселения Владычинская-Береговая 1) // Тезисы докладов IV конференции молодых ученых ИА АН СССР "Древнее

- производство, ремесло и торговля по археологическим данным". М., 1988.
6. Волкова Е. В. Культурные традиции в гончарстве неолита: по материалам Деснинской экспедиции // КСИА. Вып. 201. 1990.
 7. Цетлин Ю. Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.
 8. Волкова Е. В. Гончарство фатьяновских племен. М., 1996.
 9. Шнирельман В. А. Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов). Екатеринбург, 1993.
 10. Drost D. Topferei in Afrika. Technologie. Berlin, 1967.
 11. Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зимина М. П. Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992.
 12. Китицына Л. С. Прimitивные формы гончарства Костромской области // СА. 1964. № 3.
 13. Китицына Л. С. Рукописный архив. Группа "История керамики" ИА РАН.
 14. Крайнов Д. А., Гадзюк О. С. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье // САИ. Вып. В1-22. М., 1987.
 15. Волкова Е. В. Керамика Волосово-Даниловского могильника как исторический источник. Рукопись // Архив ИА РАН.
 16. Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии // Тр. ИЭ. Новая серия. Т. XLII. М.; Л., 1959.

*Институт археологии РАН,
Москва*

E.V.Volkova

**ANCIENT POTTERY PRODUCED BY ONE AND THE SAME MAKER
(Selection and Analysis)**

Summary

The article, for the first time in research practice, presents a detailed method of selection of pottery designed and manufactured by one and the same maker. The method is developed within the historical-cultural approach to ceramics and is based on the materials from Volosovo-Danilovo necropolis, which belongs to Fatjanovo culture included into the Corded Ware and the Battle Axes cultures. The method presented aims, first and foremost, at selecting simultaneously produced pottery and, respectively, at selecting graves which had been made at the same time, and where this pottery was found. The method is based on the contemporary concept of pottery making as a certain system of labour skills. The basis for the selection of pottery produced by one and the same potter was formed by the information on technology he used in making vessels (selection of raw materials and preparation of paste), as well as on decoration traditions (definition of tooling used and the ways the tools were used).

The author gives the definition "pottery produced by one and the same maker", as well as a well-motivated set of criteria which helps to select this sort of pottery.

The article contains the results of implementation of the method described to the materials of Volosovo - Danilovo necropolis.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

М. М. Шахнович

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА В СЕВЕРНОЙ ФИНЛЯНДИИ (провинция Кайну)

Памятники эпохи мезолита на территории Карелии являются объектом серьезного изучения на протяжении последних тридцати пяти лет. Долгое время сфера исследований в основном ограничивалась бассейном Онежского озера, где не так давно была выделена и обоснована "онежская мезолитическая культура" [1, с. 63]. Однако большинство, если не все аспекты проблем мезолита Карелии находятся в процессе разработки и не получили еще окончательного решения. Это касается как технологических, так и социально-экономических и культурных характеристик формирования мезолитических общностей.

В историографическом контексте каменный век Карелии закономерно и постоянно соотносится с одновременными памятниками на территории Финляндии. Однако нужно отметить, что существующие государственные границы, значительная бедность и односторонность информации, а также определенные стороны российского научного менталитета приводили к двум полярным "уклонам". Первый - слепое калькирование "заграничных" культурных, типологических и классификационных схем на собственные материалы. Это долгое время касалось подходов к изучению мезолита и раннего неолита в Карелии. Второй - замыкание объекта исследования в государственных и административных границах, порождающее тенденцию к территориальной локализации с множественностью "археологических культур" в одном хронологическом срезе.

Полевые работы последнего десятилетия в ранее мало изучавшихся районах Западной и Северной Карелии позволили накопить новый материал и во многом по-иному взглянуть на проблемы генезиса и интеграции докерамических обществ приграничной Западной Карелии и Северной Финляндии. Возникла потребность в более тесной корреляции данных по каменному веку этих соседствующих территорий. Во многом это удалось благодаря сотрудничеству с археологической экспедицией

Рис. 1. Местоположение рассматриваемых памятников

музея губернии Кайну (Э. Суоминен). В данной статье мы попытаемся обобщить имеющиеся сведения о памятниках эпохи мезолита в Северной Финляндии.

Всего в Северной Финляндии (административно - провинция Кайну) на данное время насчитывается около пятидесяти объектов, относимых к "предкерамическому времени" [2, с. 46]. Только три стоянки в ходе раскопок были определены как памятники с чистыми комплексами эпохи мезолита (рис. 1). Это две стоянки у дд. Палтамо - Каарре и Китусенмитка (раскопки А. Сирияйнена 1961 г.), а также Хаутола близ д. Пуоланка. Две первых были раскопаны небольшими площадями (соответственно 111 и 86 кв. м), но дали значительный почти "чисто" кварцевый материал. Например, в коллекции Палтамо Каарре по описи (КМ 15225) числится 3842 предмета: орудий из кварца - 317, из других пород камня - 9, отщепов из кварца - 3492, из кремня - 9, из других горных пород - 23. На стоянке Палтамо Китусенмитка найдено кварцевых орудий - 92, отщепов кварца - 1336. Наиболее подробно мы сможем остановиться на материалах раскопок третьего памятника - Пуоланка Хаутола, происходивших при непосредственном участии автора в 1995 г. Приведенный ниже обзор результатов работ публикуется с согласия руководителя раскопок - Э. Суоминена.

Стоянка Пуоланка Хаутола была открыта в 1984 г. К. Мякивуоти, она располагается на северо-западном берегу небольшого оз. Аухо - в верховьях р. Киимингин (гидросистема Ботнии), в 100 км на восток от побережья Ботнического залива, в 120 км на север от г. Кааяни или в 20 км на северо-запад от д. Пуоланка. Стоянка занимает ровные площадки второй и третьей озерных террас на высоте 3-6 м над уровнем озера (рис. 2). Поверхность поросла редким крупным сосняком и незначительно испорчена лесоразработками. Приблизительная площадь памятника была определена в 4000 кв. м. Целью проводимых на стоянке работ было установление ее границ перед последующим земельным межеванием. Только этим можно как-то оправдать методику раскопок, обычно применяемую в подобных случаях финскими археологами. "Тотальной" шурфовкой было прослежено распространение находок вплоть до уреза воды, а также в прибойной линии озера. Это может свидетельствовать о частоте и одновременности заселения этого участка берега. Говорить об одном поселении на трех чередующихся террасах не представляется возможным. В 1994 г. Э. Суоминен произвел раскопки охотничьей ямы (8 кв. м) в центре стоянки. Тогда же в шурфах в северной части памятника был найден типичный для культуры суомусъярви шлифованный шиферный наконечник копья (в дословном переводе - "сланцевый") (рис. 3: 1), а также 21 отщеп и 13 чешуек из кварца, 1 сланцевый отщеп с частичной шлифовкой и 135 кальцинированных косточек (43 г). В 1995 г. небольшой раскоп в 8 кв. м на второй озерной террасе, заложенный на месте впадины, выявил жилище эпохи неолита.

В 1995 г. в северной, наиболее высокой, части памятника, в 50 м от воды, на третьей озерной террасе (высота 5-6 м над уровнем водоема) был разбит раскоп площадью в 70 кв. м. В него вошли два шурфа 1994 г. Значительная высота расположения исследуемого участка поселения и полученный в ходе работы материал позволяют рассматривать вскрытую часть памятника как отдельный комплекс эпохи мезолита. Его приблизительная площадь определена в 900 кв. м. С востока границей являются обрыв ручья и глубокая угольная яма.

Стратиграфическая колонка стандартна для сосновых лесов Севера Европы. Окраска почвы распределяется достаточно ровно: дерн мощностью до 0,05 м; подзол серого и белого цвета - 0,15-0,22 м, в западн-желт - до 0,4 м; темно-желтый с красным оттенком песок - 0,01-0,02 м; темно-желтый песок - 0,03-0,04 м; светло-желтый материковый песок. Находки встречаются сразу под дерном - в слое подзола и темно-желтого с красным оттенком песка, что также довольно типично.

Коллекция из раскопа состоит из 420 находок из камня (суммарно 1994-1995 гг.). Морфологически выраженных орудий - 25 (5,9%). Кроме этого были найдены 363 кальцинированные косточки. Основным сырьем служил белый кварц - среднего, обычного качества (97,4% от общего количества находок). Остальные горные породы представлены мягким зеленым сланцем (7), песчаником (2), шифером (2). Небольшое количество находок может быть объяснено или непродолжительностью функционирования стоянки, или следствием применяемой методики раскопок с помощью траншей.

Удалось зафиксировать только одно кострище - в северной части раскопа. Оно имело достаточно большие размеры - 3,8x1,5x0,45 м и хорошо очерчивалось по характерной окраске заполнения - желтому с темной примесью песку на общем более светлом фоне. В слое кострищной линзы была собрана 361 косточка.

В технике расщепления основного сырья - кварца трудно выделить конкретную систему. В массе преобладают отщеп и осколок небольших размеров, в среднем 2,1x1,9x0,5 см - 189 экз. (отщепов сланца - 3). Кварцевых чешуек - 201 экз. Остатки галечной корки встречались в семи случаях. Кусков кварца только два. Единственный нуклеус (4,2x3,2x2,1 см) является неиспользованной выбраковкой на первичной стадии подготовки: валунная корка удалена не со всей поверхности мелкими, плоскими сколами, так же создана ударная площадка. Среди всего материала отсутствуют черты пластинчатости техники расщепления. Таким образом, можно отметить часто встречающуюся тенденцию к предварительной, "черновой" подготовке кварцевого сырья вне стоянки - на месте сбора, с последующей утилизацией непосредственно близ зоны жизнедеятельности.

Среди орудий обращают на себя внимание обломок и заготовка наконечников копий из серого шифера. Найдены они были рядом друг с другом, на расстоянии не более 1 м. Обломок (КМ 28674:2), по всей видимости приострый часть (4,6x2x0,62 см), зашлифован полностью с двух сторон, в поперечном сечении имеет форму ромба (рис. 3: 1). Другой - незаконченный экземпляр наконечника копья (11,4x3,1x0,9 см), обработан ровной шлифовкой только с одной стороны - выделено двускатное ребро. На другой плоскости имеются следы только предварительной обработки. Острие обломано, что, вероятно, и послужило причи-

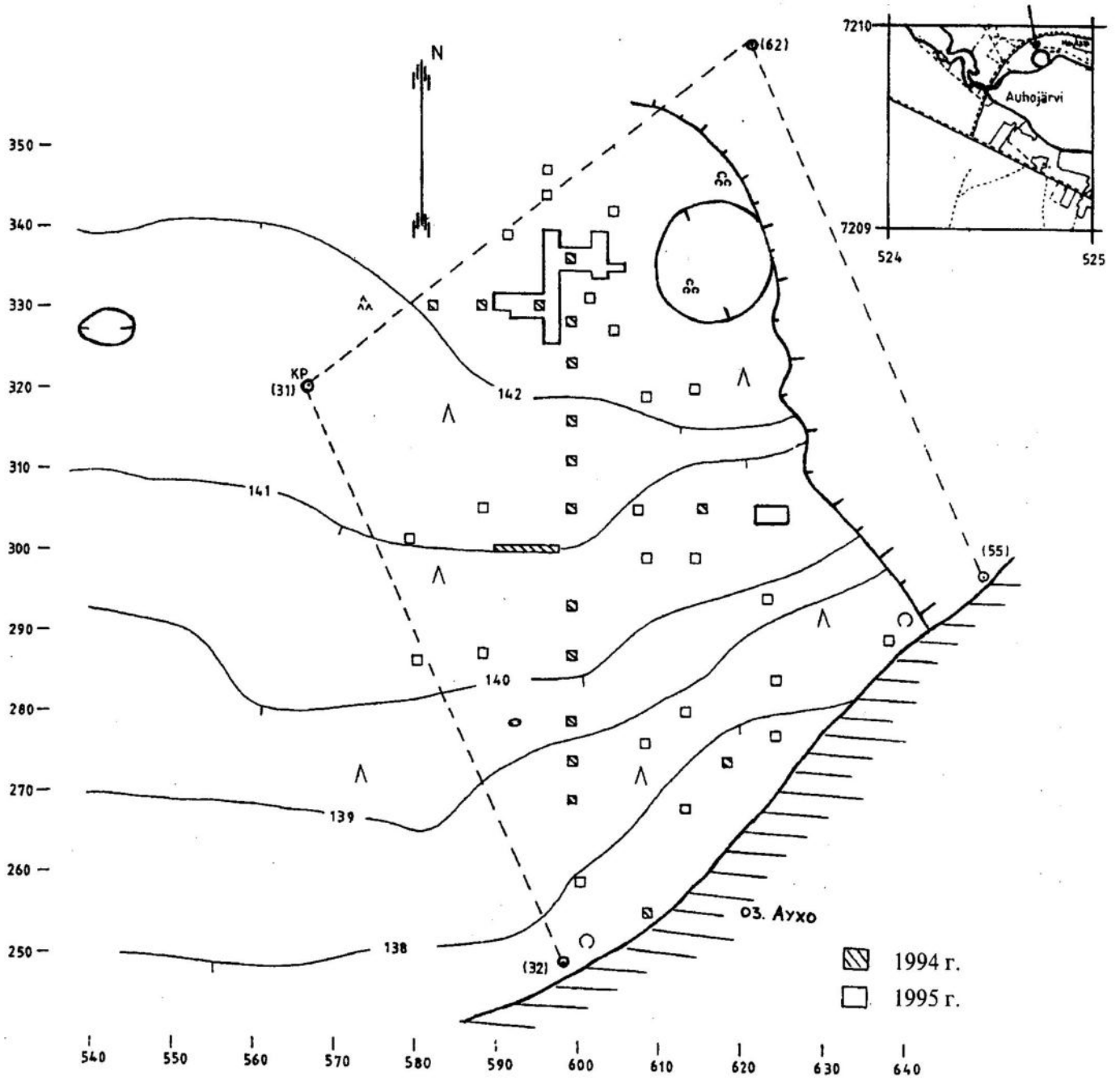

Рис. 2. План стоянки Пуоланка Хаутола (Э. Суоминен, 1995 г.)

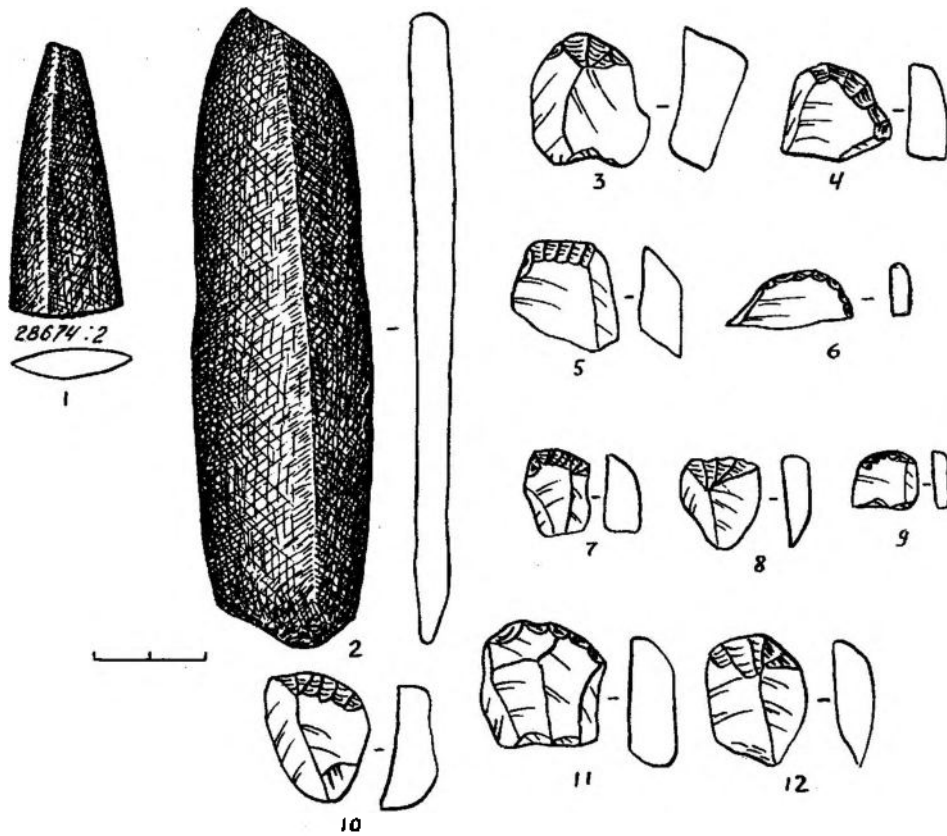

Рис. 3. Стоянка Пуоланка Хаутола. Каменный инвентарь: 1 - обломок наконечника копья; 2 - заготовка наконечника копья; 3-12 - скребки. 1, 2 - шифер; 3-12 - кварц

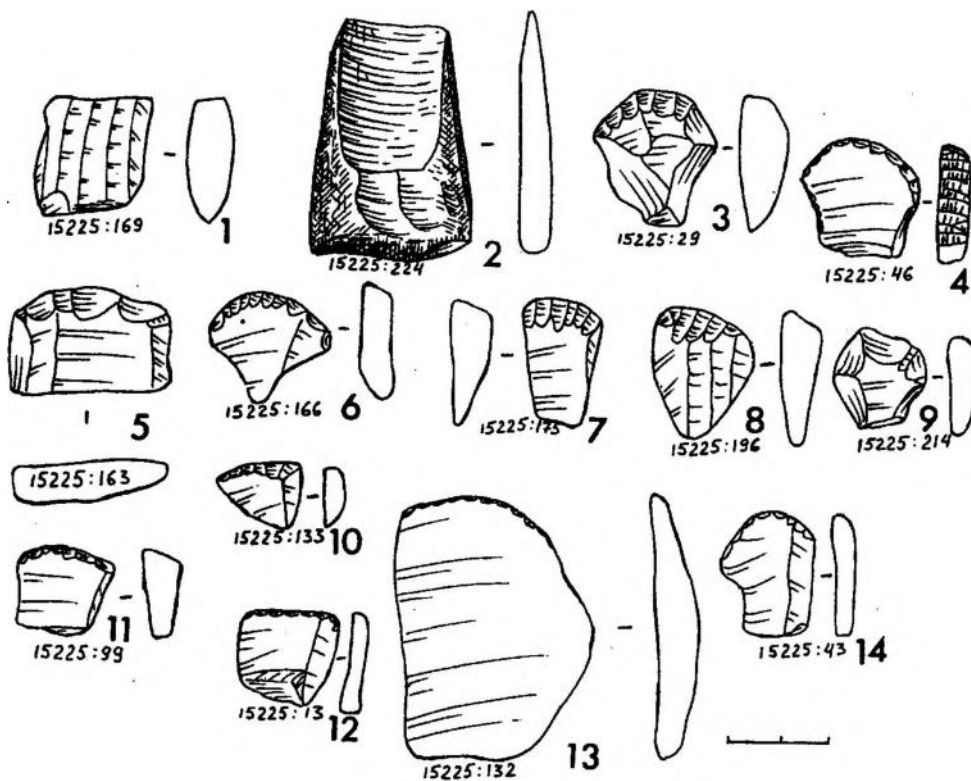

Рис. 4. Стоянка Палтамо Каарре. Каменный инвентарь: 1 - скол; 2 - обломок орудия; 3-12, 14 - скребки; 13 - скребло. 1, 3-14 - кварц; 2 - сланец

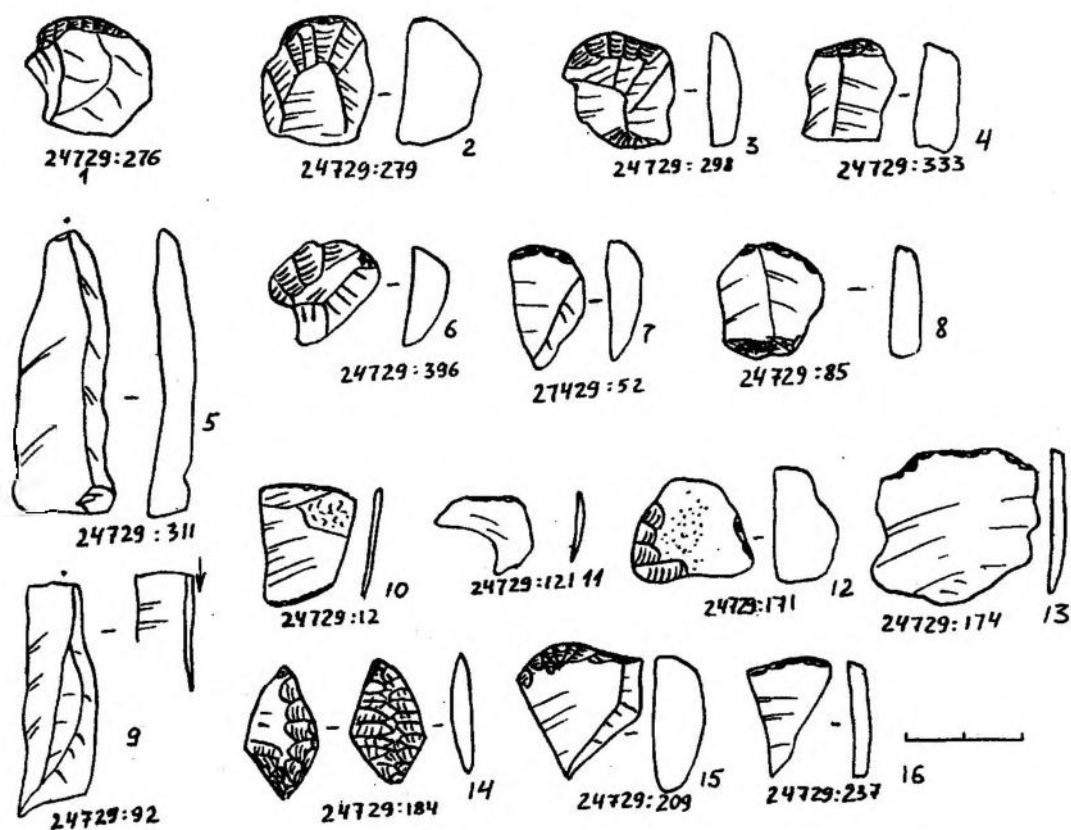

Рис. 5. Стоянка Суомуссалми Ванха Кирконсаари. Каменный инвентарь:
 1-4, 6-8, 15, 16 - скребки; 5 - пластинчатый скол; 9 - резец; 10-13 - отщепы со следами от использования;
 14 - наконечник стрелы. 1, 10, 11, 14 - кремень; 2-9, 12, 13, 15, 16 - кварц

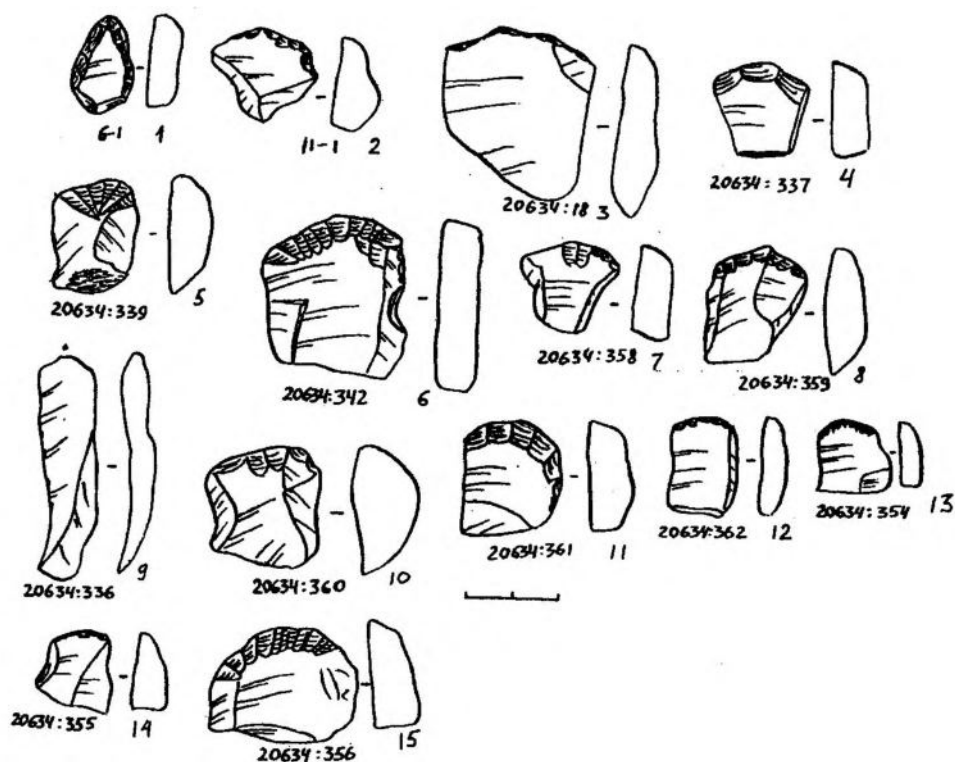

Рис. 6. Стоянка Хюрюисалми Коппелониemi. Кварцевый инвентарь:
 1 - 8, 10-15 - скребки; 9 - пластина

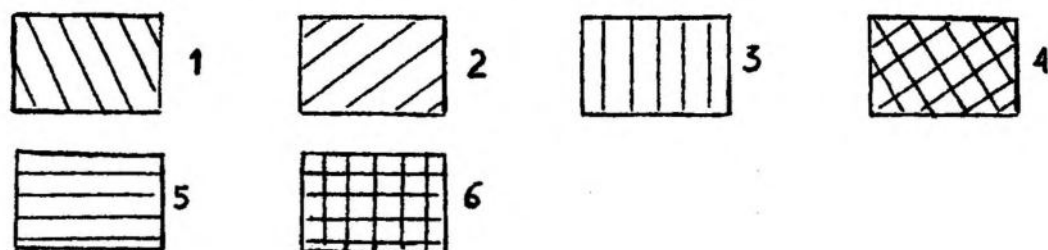
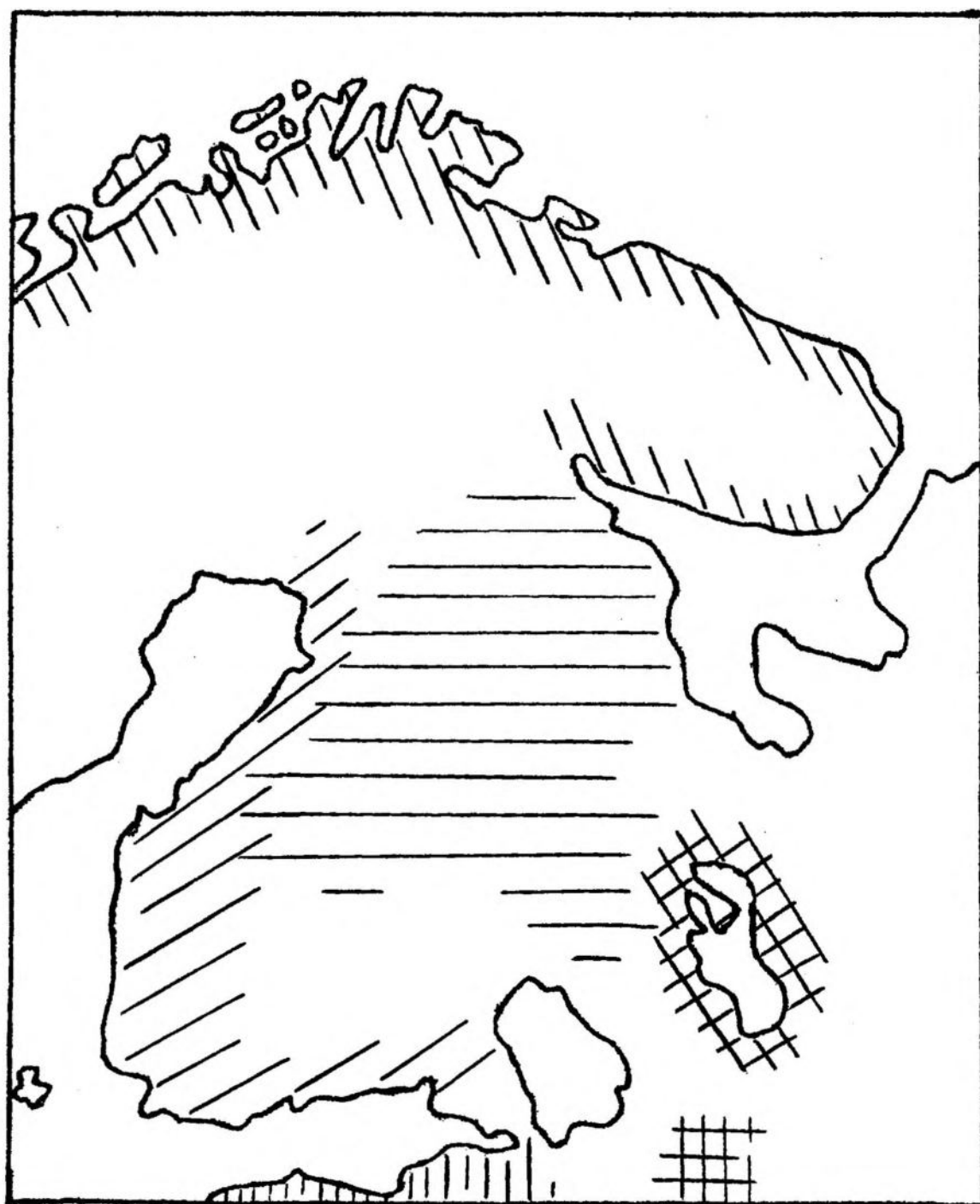

Рис. 7. Мезолитические общности в Северной Европе:
 1 - комса; 2 - суомусьярви; 3 - кунда; 4 - культура Обонежья; 5 - северный локальный вариант;
 6 - памятники типа Андоозеро-М

ной выбраковки (рис. 3: 2).

Самая многочисленная категория орудий - это скребки (12 экз.) (рис. 3: 3-12). Большинство из них (8 экз.) найдено в пределах небольшого участка в 4 кв. м в северо-восточной части раскопа. Основной заготовки является высокий отщеп подпрямоугольных очертаний. В то же время, следует отметить, что высота могла диктоваться соотношением с небольшими размерами исходного отщепа. Все скребки концевые - усредненно, 2,2x2,2x0,8 см. Пять экземпляров можно отнести к группе микролитических: наименьший - 1x1,3x0,4 см (рис. 3: 6-9). Фасетирование рабочего лезвия неглубокое. Точнее его можно определить как скалывание, что достаточно типично для обработки кварцевого сырья средней степени качества. Рабочий край крутой. Для микроскребок трудно говорить о характере ретуши, возможно, это следы от работы, которые хорошо фиксируются на всех скребках в виде заломов рабочего края.

Два небольших обломка от абразивов из песчаника (3,9x3,2x1,2 см и 5,1x4,3x1,8-0,4 см) имеют следы от интенсивного применения с двух сторон.

Из четырех отщепов зеленого сланца с участками шлифовки три очень невыразительны, так что трудно определенно сказать, являлись они частью рубящего орудия или же абразива. Один сланцевый отщеп (2,3x2,3x0,3 см) все же имеет поверхность с хорошей орудийной шлифовкой.

На трех кварцевых отщепах удалось визуально выделить следы от использования в виде заломов и выкрошенности по отдельным острым граням. Один небольшой осколок (2,1x1,4x0,85 см) имел следы уплощающей ретуши по спинке.

Остеологические материалы (363 экз.) получены в основном из слоя кострища и представлены исключительно кальцинированными косточками животных.

Незначительность и маловыразительность описанной коллекции являются довольно типичной чертой мезолитических комплексов в северных, глубинных районах Карелии и Финляндии. Средняя плотность находок из камня на стоянке составляет 6 на 1 кв. м, ее можно считать довольно высокой в сравнении с другими памятниками, где этот показатель бывает значительно ниже (до 3-3,6 на 1 кв. м). Выгодно отличает эту стоянку от других и наличие среди находок культурно-маркирующих артефактов, в данном случае шифрных наконечников копий. Они обычно считаются самой ранней группой находок в мезолите Финляндии (8,8-8 тыс. л. н.), но некоторые образцы датируются и более поздним временем - вплоть до IV тыс. до н. э. [3, с. 389]. Серия скребок из кварца достаточно хорошо укладывается в типологическую схему, разработанную для данной категории орудий в этом регионе [4].

Таким образом, характер техники расщепления кварца, приемы его вторичной обработки, а также сланца и шифера, сочетание основных типов изделий в коллекции и значительная высота расположения позволяют датировать данный вскрытый участок поселения Пуоланка Хаутола эпохой мезолита. Несколько не укладываются в общую схему два момента - наличие в коллекции скребка из кварца на уплощенном отщепе укороченных пропорций с рабочим лезвием по периметру (рис. 3: 4) и наличие кварцевого отщепа с полгой ретушью на спинке. На наш взгляд, подобные формы более характерны для комплексов эпохи раннего неолита, при усиливающемся наложении черт кремневой технологии на индустрию кварца [5]. Однако для объективности нельзя исключить и другое, пока не оработанное предположение - упоминаемое влияние (не наблюдаемое в мезолите на соседних территориях Русской Карелии) могло иметь место в данное время в Северной Финляндии. Слишком незначительная площадь раскопа, единичность орудий в коллекции находок и малочисленность памятников, изученных в этом регионе, не позволяют выйти за рамки первичной гипотезы. Все же, подводя итог, можно определить вскрытый участок как остатки небольшой мезолитической охотничьей стоянки.

Другие упомянутые стоянки - Палтамо Каарре и Китусенмитка являются единственными мезолитическими памятниками в данном регионе, материалы которых были хотя бы частично опубликованы [6]. Эти памятники согласно схеме отступления береговой линии предположительно датируются А. Сирийяненем началом бореального периода (VII-VI тыс. до н. э.) и считаются одними из самых ранних памятников в Финляндии [2, с. 30; 7, с. 18-19]. Данный вывод основывается на следующих положениях: нахождение стоянки на высоте, соответствующей усредненному уровню Анцилового озера (9-8 тыс. л. н.); отсутствие среди находок керамики; наличие "примитивных" топоров [6, рис. 3], "которые встречаются в неолите, но в основном относятся к мезолитическому времени"; "архаичность" кварцевых орудий - более крупные, чем неолитические аналоги; скребки в основном на уплощенной заготовке с обработкой рабочего края крутой ретушью, а также небольшое количество резцов и отсутствие орудий со шлифовкой [6, с. 10].

Схематичность публикации материалов потребовала личного ознакомления с ними в фондах Музейного Ведомства Финляндии. Это позволяет нам высказать ряд соображений относительно типологических и хронологических характеристик комплекса стоянки Палтамо Каарре.

- Кварц как основное сырье для изготовления орудий из камня (99% от общего количества находок) использовался на стоянке в очень широком качественном спектре - от высококачественного горного хрустала до плохообрабатываемых конкреций с крупнозернистой структурой.

- Целые сланцевые орудия действительно отсутствуют, но значительное число находок из сланца (23 экз.) позволяет говорить о наличии устоявшейся технологии обработки данного вида каменного сырья. Три отщепа из серого сланца и два обломка орудий серо-зеленого цвета имеют хорошее качество обработки шлифовкой с частичным залощением большей части поверхности. Первый (рис. 4: 2) - неопределенный предмет, носит следы попытки вторичного переоформления, второй (КМ 15225:135) - с участком рабочего лезвия, является обломком стамески. Отмечается характерный "поздний" признак - сглаживание торцовых

граней. Опубликованный, по всей видимости незавершенный, топор [6, рис. 3] был найден на другой стоянке - Палтамо Аутониemi, в 8 км севернее Палтамо Каарре (раскопки М. Хууре 1962 г.).

• Очень хорошо прослеживаются черты, свидетельствующие о влиянии технологии обработки кремня на индустрию кварца. Это наличие достаточно большого числа кварцевых пластинчатых сколов и остаточных нуклеусов с негативами от пластинчатых снятий, а также осколков и отщепов со следами ретуширования (рис. 4: 1).

• Среди скребков есть экземпляры с подработкой спинки уплощающими сколами. Скребок ретушь очень стабильна - медкая, полукруглая, возможно из-за незначительной толщины используемых отщепов (рис. 4: 7). Часты экземпляры с заходом удлиненных ретушных фасеток на спинку (рис. 4: 8). В большинстве случаев скребок заготовка - это отщеп подпрямоугольных очертаний. Наличествуют три "поздних" подкруглых скребка с четкой "кремневой" ретушью и один экземпляр с намеченным черешком (рис. 4: 9).

• Большое количество крупных желваков со следами галечной корки и незначительный спектр морфологически вычленимых орудий (скребки, отщепы с ретушью) указывают на узкую специализацию стоянки.

• Osteологические материалы представлены только кальцинированными косточками животных.

Таким образом, можно не согласиться с мнением А. Сирийяйна о достаточно раннем возрасте материала стоянки Палтамо Каарре. По технико-морфологическим признакам расщепления кварца и характеру вторичной обработки орудий из сланца и кварца памятник можно отнести к финальной стадии эпохи мезолита. В контексте общей дискуссии следует отметить, что аксиомативное использование финскими археологами графика берегового поднятия побережья Балтийского моря для датирования памятников каменного века давно вызывает справедливую критику. В данном случае стоянка располагается на первой речной террасе долины реки Кихимаяйоки на высоте 8 м над уровнем воды (стоянка Китусенмитки - на высоте 3 м), и поэтому непонятно привлечение для определения ее возраста условной линии древнего морского побережья.

Во многом материалы стоянок Палтамо Каарре и Пуоланка Хаутола очень схожи, что говорит об их культурной и хронологической близости.

Обзор единичных дат по С-14 мезолитических стоянок в Северной Финляндии и Лапландии показывает, что в большинстве они относятся к нач.-сер. V тыс. до н. э. [8]. В последнее время было получено несколько радиоуглеродных определений с ряда многослойных поселений в провинции Кайну, охватывающих промежутков с нач. до кон. VII тыс. до н. э. Это Каяни Якяляниemi - 8150±110 л. н. (Hel-2097, 2099, 2100), Хюрюнсальми Коппелониemi - 8260±120 л. н. (Hel-1425), Суомуссальми Ванха Кирконсаари - 8950±120 л. н. (Hel-2313) [9, с. 12]. Последняя является самой древней для каменного века в Финляндии после даты из Антреа Корпилахти (9230±210 л. н.) [10, с. 22; 11, с. 19].

Стоянка Суомуссальми Ванха Кирконсаари располагается на острове на ровной песчаной террасе на высоте 1-3 м над современным уровнем оз. Киантаярви. В расколе в 100 кв. м (Х. Таскинен, 1986 г.) встречались типичная гребенчатая керамика (3300-2800 лет до н. э.), литейные формы бронзового века, куски асбеста и большое количество кварцевых находок (орудия - 173, отходы производства - 4749). Образец угля был получен из кострища на глубине 0,45-0,5 м от современной поверхности, т. е. ниже общего уровня культурного слоя. Знакомство с каменным инвентарем стоянки (NM 24729) показало, что он может быть датирован эпохой неолита, с чем соглашаются и финские исследователи (Х.-П. Шульц) (рис 5).

Образец со стоянки Хюрюнсальми Коппелониemi происходил из кострища на глубине 0,45 м от 0 [8, с. 2]. Стоянка находится на обрывистом песчаном оз. Хюрюнярви на высоте 4-5 м над водой. Раскопки (М. Перкко, 1979 г.) выявили многослойное поселение мезолита-неолита - раннежелезного века. Это подтверждает и общий анализ инвентаря (NM 20634) (рис. 6).

Уголь из кострища на поселении Каяни Якяляниemi (М. Перкко, 1981 г., Е.-Л. Ниеминен, 1982-1983 гг.) был взят с глубины 0,3 м от 0. В двух метрах от кострища находилось погребение раннежелезного века. Каменный материал из коллекции (кварц - 93%, сланец - 7% [9, с. 12]) разделить на отдельные хронологические комплексы не представляется возможным.

Таким образом, все три памятника представляют собой смешанные, разновременные комплексы. Материалы раскопок имеют черты, позволяющие отнести их к более позднему времени, чем эпоха мезолита. Специфичная маломощность культурного слоя (в среднем 0,25-0,3 м) делает мало возможными попытки расчленения каменного материала путем горизонтальной и вертикальной фиксации (тем более, что при раскопках данных памятников это не производилось). Разновременный материал поддается лишь очень приблизительному типолого-хронологическому делению, что, естественно, уменьшает информативность коллекций. Это не позволяет привлечь данные три стоянки в качестве сравниваемых объектов. Исходя из этого, непонятно, как часть кварцевых орудий рассматривалась относящейся к эпохе мезолита [9, с. 12-13].

Немаловажно также учесть, что радиоуглеродные даты, признающиеся в данное время наиболее достоверными для наложения возраста памятников на временную шкалу, качественно зависят от целого комплекса причин, в т. ч. от характера и условий нахождения. Несомненно значительная степень "загрязненности" образцов, взятых из песчаного грунта с глубины 0,3-0,4 м от современной дневной поверхности. Таким образом, в данном случае мы не можем говорить об "абсолютном" возрасте памятника, а скорее имеем пример подтверждения неоднократно высказываемого мнения о том, что радиоуглеродная дата определяет только возраст конкретного образца органического вещества с различной степенью связи с комплексом артефактов [12, с. 146; 13, с. 53].

Если вероятность существования мезолитических поселений в данном регионе в кон. VII тыс. до н. э.

представляется относительно реальной, то датирование стоянки Суомуссалми Ванха Кирконсаари руб. VIII-VII тыс. до н. э. вызывает некоторые сомнения. По данным геологии, край ледника достиг современной границы между Россией и Финляндией в Северной Карелии (в районе р. Оуланкайоки) ок. 9,5 тыс. л. н. [14; 15], южнее - в Западной Карелии на широте г. Медвежьегорска - 10700 ± 260 л. н. [16]. При средней скорости отступления ледника 400 м в год [16] вся Северная Финляндия на рубеже Пребореала и Бореала могла быть свободна от льда. Уже в позднем Дриасе территория, примыкающая к леднику, была зоной тундровой и лесотундровой растительности [17, с. 118]. Несмотря на гораздо большую обводненность приледникового ландшафта, можно говорить о том, что к сер. VIII тыс. до н. э. в Северной и Западной Карелии, а в посл. четв. VIII тыс. до н. э. и в Северной Финляндии возникли относительно достаточные природные условия для обитания первобытных коллективов. Также на "анциловый период" эпохи мезолита (9,3-8,6 тыс. л. н.) приходится максимум резкого подъема суши в Финляндии [18, рис. 32]. Конечно, нельзя исключить того, что древнейшее заселение этих территорий могло происходить в непосредственном контакте с кромкой отступающего ледника, что может подтвердить пример существования культуры комса в Северной Фенноскандии [19] или позднелепелитических стоянок у приледниковых водоемов [20, с. 12-14]. С другой стороны, если учесть, что площадь приледниковых озер превышала современные размеры в 2-3 раза (например, уровень древнего озера Паанаярви в Северной Карелии был выше на 14 м) [14; 21], то вряд ли стоянка Суомуссалми Ванха Кирконсаари, находящаяся на острове на высоте 3 м над современным уровнем водоема, могла существовать в приледниковой зоне. Вышеизложенное не противоречит и мнению финских археологов, считающих, что освоение северной и северо-восточной части Ботнии началось около 8,5 тыс. л. н. [18, с. 72].

Характеризуя мезолитические памятники в Северной Финляндии, необходимо остановиться на существующем понятии "культура суомусъярви". Эпоху мезолита - "предкерамического времени" в Финляндии, финские археологи ограничивают хронологическим промежутком с VIII по посл. треть V тыс. до н. э., причем конкретно развитие культуры суомусъярви начинается с сер. VII тыс. до н. э. [22, с. 4-6]. Первоначально к территории, отводимой культуре суомусъярви, относили весь регион от Финского залива до Ледовитого океана, а также Русскую Карелию [23, с. 150]. Позднее - уже в конце 60-х гг. XX в. ее ареал был значительно сужен до областей "собственно Финляндии", т. е. полосы шириной 100-150 км вдоль побережья Ботнического и северной части Финского заливов [24; 25, с. 12]. Однако в России термины "культура суомусъярви" и "кварцево-сланцевая" культура в Карелии вплоть до сер. 1980-х гг. были понятиями одной этнически единой мезолитической "протосаамской" общности, автохтонно развивающейся, с делением только по линии государственной границы 2-й пол. XX в. [26, с. 10, 91; 27, с. 30-40, 175-177]. Нужно отметить, что трансгрессивные процессы в эпоху мезолита в огромной системе внутренних озер Биннем разрушили большинство памятников этого периода в континентальной Средней Финляндии [28]. Отсутствие информации о поселениях этого региона неизбежно создало восприятие культуры суомусъярви как общности, представленной памятниками исключительно приморского расположения. Суммируя мнения финских археологов на данное время о "мезолитической культуре суомусъярви", можно сказать, что она должна восприниматься как охватывающая не все известные мезолитические памятники на территории Финляндии, а только те из них, которые в большей степени тяготеют к прибрежной зоне Балтики. Этот вывод делается главным образом по картированию основных выделенных для культуры суомусъярви типов орудий [25, с. 11; 3; 29, с. 29]. В целом соглашаясь с данным положением, поставим естественный вопрос: какова же тогда культурная принадлежность имеющихся бескерамических памятников во внутренних районах Северной и Восточной Финляндии.

На современном этапе исследования можно утверждать, что в общем по характеру кварцевой индустрии рассматриваемые стоянки в Северной Финляндии очень близки одновременным поселениям в Западной и Северной Карелии (рис. 7). Тенденция развития индустрии кварца едина на данном территориальном промежутке: от северной части Ботнического залива до западного побережья Белого моря [5, с. 20-24; 30, с. 46]. Наверное, с некоторыми допущениями можно говорить о формировании в эпоху мезолита на очерченной территории определенного культурного массива - общности, которую в данное время не хотелось бы определять термином "археологическая культура" в его устоявшемся "классическом" понимании. Итак, следует выделить определенный "северный локальный вариант" двух расположенных южнее мезолитических общностей - культуры суомусъярви в Южной и Центральной Финляндии и мезолитической культуры Обонежья (бассейн Онежского озера). Технология обработки камня данного "варианта" во многом вобрала в себя черты этих двух мощных культурных группировок, но сохранила индивидуальную специфику в развитии индустрии кварца.

В подтверждение нашего тезиса о некоторой культурной изоляции района Северной Финляндии от общего массива культуры суомусъярви можно сослаться на мнение финских исследователей о возникновении именно в районе Кайну специфичного стиля раннеолитической керамики СярI как следствия смешения местных и миграционных тенденций керамического производства [31, с. 30]. В целом это можно рассматривать как продолжение более ранних процессов уже в эпоху неолита.

Подводя итог вышеизложенному, не хотелось бы ни отводить описываемому "северному варианту" особого места среди мезолитических общностей лесной зоны Севера Европы, ни тем более в чем-то принизить его значение в общей картине. Генезис индустрии камня, а упор в работе делается именно на нее, шел во многом параллельно процессам, развивавшимся на огромной территории от Прибалтики до Ледовитого океана. Отмечаемая самобытность базировалась на некоторой территориальной, сырьевой и вытекающей

из этого технологической изоляции в определенный период, продолжавшийся достаточно недолго (в условном выражении) - до середины эпохи неолита, позже и эти периферийные районы были вовлечены в общую пульсацию всего массива культур лесной полосы Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Филатова В. Ф.* Хронология и периодизация мезолита Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников в Карелии. Петрозаводск, 1991.
2. *Kainu Historia*. I. 1986.
3. *Matiskainen H.* The Chronology of the Finnish Mesolithic // ISKOS. 8. Helsinki, 1989.
4. *Шахнович М. М., Харин В. И.* Опыт классификации кварцевых скребков мезолитических поселений Западной Карелии // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 1. Петрозаводск, 1993.
5. *Шахнович М. М.* Бескерамические комплексы Северной Карелии: поиск хронологических критериев // Археология Севера. Вып. 1. Петрозаводск, 1997.
6. *Süriänen A.* Archaeological Shore Displacement Chronology in Northern Finland // ISKOS. 2. Helsinki, 1989.
7. *Suomen Historia*. I. Weilin, 1984.
8. *Jungner H., Sonniner E.* Radiocarbon dates. III. Helsinki, 1989.
9. *Schulz H.-P.* On the Mesolithic Quartz Industry in Finland // ISKOS. 9. Helsinki, 1990.
10. *Edgren T.* Kivikausi. Suomen Historia. I. Espoo, 1990.
11. *Seeger T.* The Thousand Years of Finnish Prehistory. A Tentative Calibration of the Earliest Radiocarbon Dates // Finskt Museum. Helsinki, 1990.
12. *Аникович М. В.* Основные принципы хронологии верхнего палеолита Европы // Археологические Вести. № 3. СПб., 1994.
13. *Тимофеев В. И.* Некоторые общие проблемы каменного века лесной полосы Восточной Европы // Древности Русского Севера. Вып. 1, Вологда, 1996.
14. *Koutaniemi L.* Paleohydrology of the rivers Ivalojoeki and Oulankajoki, Finland // OULU. 1987.
15. *Huvarinen H.* The deglaciation history of eastern Fennoscandia - recent data from Finland // Boreas. Vol. 2. Oslo, 1973.
16. *Ekman I. U., Iljin V.* Deglaciation, the younger drias end moraines and their correlation in Russian Karelia and adjacent areas // Glacial deposits in north-east Europe. Rotterdam, 1995.
17. *Елина С. А.* Принципы и методы реконструкции и картирования растительности голоцена. Л., 1981.
18. *Matiskainen H.* Studies on the Chronology, Material Culture and subsistence Economy of the Finnish Mesolithic (10000-6000 v. p.) // ISKOS. 8. Helsinki, 1989.
19. *Шумкин В. Я.* Ранний каменный век западной части Европейской Арктики (мезолит северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада. СПб., 1993.
20. *Микляев А. М.* Каменный - железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // ПАВ. № 9. СПб., 1994.
21. *Лесненко В. К.* К методике реконструкции голоценовых озер // Природа и береговые образования и история развития внутренних водоемов и морей Восточной Прибалтики и Карелии. Петрозаводск, 1971.
22. *Suomen esihistoria*. Helsinki, 1995.
23. *Luhio V.* Askola-Kultur // SMYA. 57. Helsinki, 1956.
24. *Luhio V.* Die Suomusjarvi-Kultur // SMYA. 66. Helsinki, 1967.
25. *Мейнандер К.* Финны - часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник. М., 1982.
26. *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1. М.; Л., 1978.
27. *Гурина Н. Н.* Древняя история северо-запада Европейской части СССР // МИА. № 87. 1961.
28. *Matiskainen H.* Die mesolithische Steinzeit und die Chronology im Binnenseegebiet Finnlands // Fennoscandia archaeologica. IV. 1987.
29. *Шахнович М. М.* Индустрия кварца в Северной Европе: качественный аспект // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
30. *Шахнович М. М.* Мезолитическое поселение Суккозеро I в Западной Карелии. Проблема изучения кварцевого материала // Археология Севера. Вып. 1. Петрозаводск, 1997.
31. *Torvinen M.* Sar I - Comb Ware of the Saraisniemi style // Славяне и финно-угры. СПб., 1997.

*Карельский республиканский краеведческий музей,
Петрозаводск*

M.M.Shahnovich

**MESOLITHIC SITES OF NORTHERN FINLAND
(the Province of Kainuu)**

Summary

There are about 50 sites of "preceramics period" registered up to now in Northern Finland (the province of Kainuu). The article deals with the collections from the Final Mesolithic sites of Puolanka Hautala (E.Souminen, 1994,1995) and Paltamo Kaarre (Siiriainen, 1961). The author regards as disputable the C-14 date of the Soumusalmi Vanha Kirkkonsaari site (8950 ± 120 B.C.) because the probability of the human inhabitation in the Glacial Zone seems to be too small. Mesolithic sites in Northern Finland are similar to Mesolithic sites in Northern and Western parts of Russian Karelia, and they all belong to the "northern local variant" of the cultures of Suomusjarvi in Finland and to the Mesolithic culture of the Onega Lake Basin.

*The Karelian State Local Museum
1, Lenin Sq., Pyetrozavodsk,
185035, Republic of Karelia,
Russian Federation*

Т.М.Гусенцова

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Многолетние исследования Ленинградской областной экспедиции на территории между Онежским и Ладожским озерами (Межозерье) выявили 20 памятников неолитического и более позднего времени, расположенных на озерах в бассейнах рек Свирь, Оять, Капша [1].

В 1990 г. на Большом Конце Сарском озере - нижнее течение р.Капши - была найдена стоянка, культурный слой которой содержал только кремневый инвентарь. Стоянка находится на северо-восточном берегу озера высотой 3-4 м, на небольшой площадке, примыкающей к озовой гряде. Возможно, большая часть ее разрушена и смыта в воду. Находки залежали в слое светло-желтой супеси мощностью 10-15 см, перекрытой дерном. Собрано более 150 изделий, изготовленных из местного серого с оттенками кремня, 5 из кварца и 2 из сланца. Подавляющее большинство из них составляют отщепы, куски кремня со следами желвачной корки, чешуйки, площадки и продольные сколы с нуклеусов с негативами снятия коротких пластин - результат расщепления двух или трех желваков кремня и гальки. Найдено 6 пластинок шириной 0,5-1,0 см неправильного ограничения, без ретуши. Для изготовления двух концевых и углового скребков использованы отщепы и поперечный скол с нуклеуса. Отщепы с ретушью утилизации на остром конце служили, очевидно, проколками (3 экз.), и один мелкий отщеп с краевой ретушью - ножом. Подобный инвентарь встречается и на памятниках с неолитической керамикой, но в данном случае она не найдена. Как правило, на неолитических озерных стоянках района хотя бы единичные фрагменты посуды присутствуют. По всей вероятности, открытая на Б.Конце Сарском озере стоянка относится к числу сезонных памятников мезолитического времени. Для определения ее культурной принадлежности необходимы дополнительные материалы.

В 1995 г., при низком уровне воды, было проведено повторное разведочное обследование оз.Ащозера (бассейн р.Оять). Между двумя неолитическими стоянками Ащозера VII и VIII на заторфованном участке восточного берега, отгороженного от воды небольшим намытым валом, в шурфе обнаружены изделия из камня (стоянка Ащозера VIIa). В раскопе (9 кв. м) собрано более 500 кремневых предметов. Они сосредоточены в двух скоплениях в сером песке, перекрытом дерном и черной гумусированной почвой мощностью 13-25 см, под серым песком находился светло-серый зернистый песок с галькой. Скорее всего, это был участок древнего пляжа, затопленного водой, на котором позднее начался процесс торфообразования. Для определения возраста находок существенным может оказаться однородность использованного сырья - белого (доломита) и светло-серого кремня, встречающегося в выходах у южного побережья Онежского озера. Эта порода камня редко употреблялась населением неолитических стоянок, раскопанных на озере (Ащозера I, VII, VIII). Среди изделий преобладают отщепы - 350 экз., продольные сколы с нуклеуса - 9 экз., преимущественно от одного куска доломита и немного от цветного кремня. По-видимому, одно из скоплений было "рабочей площадкой" мастера, пытавшегося максимально использовать сырье для получения ядрищ, а затем заготовок - пластин. Найдено 60 обломков пластинок и сечений шириной 0,5-1,2 см, без вторичной обработки ретушью или резцовым сколом. Значительно количество скребков - 31 экз. Преобладают концевые скребки на мелких отщепах случайной формы, пластинах и в единичных случаях на микропластинах. Несколько скребков имеют рабочее лезвие на 1/3 или 3/4 окружности отщепа либо скола с площадки нуклеуса. На отщепе изготовлена проколка с симметричным обработанным односторонней ретушью лезвием. Другой отщеп с краевой уплощенной ретушью, очевидно, выполнял функцию ножа.

Существенно, что на многих изделиях прослеживаются следы термического воздействия. Интересной находкой является найденное в двух обломках орудие (кирка?) из сланца, узкое с прямыми гранями и приостренным с двух сторон рабочим концом.

В целом, материалы стоянки Ащозера VIIa могут быть соотнесены с инвентарем позднемезолитических

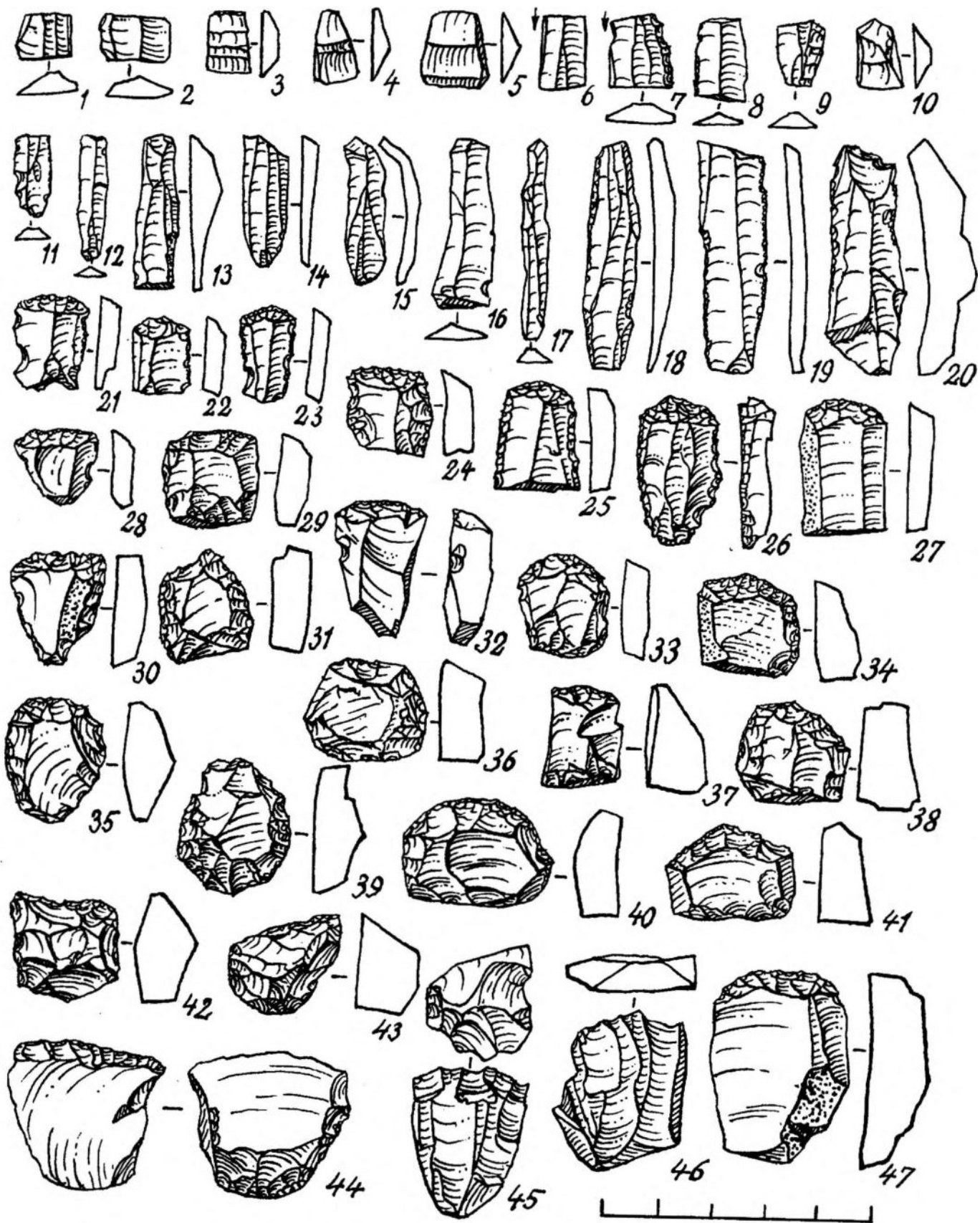

Рис. 1. Кремневый инвентарь стоянки Падань IV

памятников юго-восточного Обонежья [2].

В 1996 г. открыта стоянка на оз. Чик-Озере, соединенном небольшой речкой Падань с р. Шокшей, правым притоком р. Оять. Бассейн р. Шокши с одноименным озером, из которого она истекает, максимально приближена к южному побережью Онежского озера в районе р. Вытегры (80-100 км).

Стоянка Падань IV находится на юго-восточном берегу озера в 200 м от истока речки и в 40 м от залива (Лахты) озера. Памятник расположен на террасе (со склоном в сторону от озера) высотой 5-6 м, в 25 м от воды. Это наиболее высокий участок берега озера. При зачистке осыпи террасы был обнаружен культурный слой - ярко окрашенная супесь, содержащая исключительно кремневый инвентарь. Площадь распространения находок 200-250 кв. м. Стратиграфия памятника: дерн - 8-12 см, под ним темно-серый подзол - 10-12 см, ниже красно-малиновая супесь мощностью 30-50 см, подстилающий слой - желтый песок. В раскопе (10 кв. м) было собрано 3050 изделий из камня. Из остатков сооружений обнаружен очаг - пятно прокала размером 120 x 150 см, мощностью 25 см, с небольшим развалом из камней в центре. В очаге находились кальцинированные косточки, угольки и половина шаровидного предмета из твердой породы камня с биконическими сверлинами. Культурный слой памятника насыщен кальцинированными косточками и мельчайшими чешуйками кремня, последние насчитывают 57,3 % от всех находок.

Сырье, использованное обитателями стоянки, довольно однородное - красно-коричневый, темно-фиолетовый, реже серый кремень; единичны находки сланцевых и кварцевых отщепов. На стоянке производилось первичное расщепление кремня, на что указывают расколотые куски кремня, отщепы различной величины (32% от всего инвентаря), нуклеидные обломки, продольные и поперечные сколы с ядрищ (55 экз.). Последние часто употреблялись для изготовления скребков. Нуклеусы (2 экз.) одноплощадочные, конической и уплощенной формы, с негативами от снятия пластинок, высота их 2,8 см (рис. 1:45-46).

Второй после чешуек и отщепов группой изделий являются пластинки - 122 экз. и сечения пластинок, как короткие - 39 экз., так и удлиненные - 36 экз. (рис. 1:1-5,8,10-20). Ширина пластинок: 0,3-0,5 см - 18,8%; 0,6-0,8 см - 43,1%; 0,9-1,0 см - 19,3%; 1,1-1,3 см - 12,7%; 1,4-1,5 см - 6,1%. На нескольких обломках пластин и сечениях отмечены угловые резцовые сколы - 7 экз. (рис. 1:6-7). Большинство же пластинок вторичной обработки не подвергались, лишь на нескольких имеются участки с мелкой краевой ретушью (рис. 1:18-20). На пластинке изготовлен обломок наконечника стрелы с односторонней краевой ретушью на черешке (рис. 1:9).

Выразительную категорию изделий представляют скребки - 99 экз. Преобладают концевые скребки на пластинах со слабо выпуклым лезвием, боковые грани часто обработаны ретушью, на 4 орудиях имеются резцовые сколы (рис. 1:21-27), коротких отщепах (рис. 1:28,30,41), а также на продольных сколах с нуклеусов (рис. 1:32,37,47). Немного угловых скребков и орудий с двумя лезвиями на противоположных концах отщепов (рис. 1:33-34). Более 20 орудий, изготовленных на мелких и средних отщепах, площадках с ядрищ, имеют круговое лезвие или рабочий край на 3/4 периметра заготовки (рис. 1:31,35-36,38-40). Из ранних форм в коллекции присутствуют два долотовидных орудия на массивных коротких отщепах со спинкой, обработанной сплошной ретушью (рис. 1:42-43). На плоском отщепе изготовлен, очевидно, нож с обработанной ретушью рукоятью (рис. 1:44). Еще два отщепа имеют частичную краевую ретушь.

Не вызывает сомнения мезолитический возраст памятника. Это находит подтверждение и в характерном ярком (красно-малиновом) окрасе культурного слоя, типичном для мезолитических памятников Онежского бассейна, и в составе инвентаря. Ближайшие параллели его материалам есть на стоянках Восточного Прионежья - Муромское VII и Андозеро-М, датированных концом Бореала - началом Атлантикума [3;4]. Вместе с тем, инвентарь стоянки имеет значительное сходство с комплексом стоянки Лиственка III-A, расположенной на востоке Ленинградской области и отнесенной к середине Бореала [5]. Предварительная дата стоянки Падань IV - VII-VI тыс. до н.э.

Очевидно, заселение территории Межозерья в мезолите, а затем и в неолите происходило из различных регионов северо-запада Прибалтики, с Верхней Волги; наиболее интенсивным оно было из Юго-Восточного Прионежья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусенцова Т. М., Андреева Н. А. Каменный инвентарь стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой в бассейне р. Оять // В данном сборнике.
2. Филатова В. Ф. Каменный век. Мезолит // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
3. Косменко М. Г., Витенкова И. Ф. Мезолитический слой поселения Муромское VII // СА. 1980. №4.
4. Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
5. Косорукова Н. В. Мезолитические памятники в бассейне р. Колпи // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда. 1996.

*Дворец детского и юношеского творчества,
Санкт-Петербург*

T.M.Gusentsova

MESOLITHIC SITES IN THE NORTH - EAST OF THE LENINGRAD REGION

Summary

Data on the Mesolithic material found between the Ladoga and the Onega lakes is published for the first time in the article presented. Of special interest are materials from the site Padan' IV where a deep cultural layer with specific colouring was found. More than 300 flint articles were discovered in a small dig (10 sq. m). Among the leading types of tools found were blades and sections - inserts, as well as scrapers with various forms of edge on flakes and, less often, on regular plates. Only a few chisels and arrow-heads were found. Tools and weapons made of schist were none.

The flint industry of the site is similar to inventory of the Eastern Onega district and the Upper Volga monuments.

The most intensive process of populating the territories between the lakes had its origin in the South-East of the Onega region.

*Palace of Infant and Adolescent Art
4, b.2, Santjago de Cuba St., St. Petersburg,
194291, Russia*

Н. В. Косорукова

ПАМЯТНИКИ ТИПА АНДОЗЕРО-М В БАССЕЙНЕ ШЕКСНЫ

Памятник Андозеро-М был исследован и опубликован С. В. Ошибкиной [1]. Кратко напомним, что находится он на северном берегу Андозера, на территории Вологодской области, несколько юго-западнее Белого озера и юго-восточнее Онежского. Памятник расположен на низкой пойменной террасе, называется он собственно Андозеро 2, многослойный, нижний культурный слой относится к эпохе мезолита, он и был назван автором раскопок Андозеро-М. Мезолитический слой отделен от верхних напластований стерильной глинистой прослойкой, залегает в темном песке, очень насыщен находками. Каменный инвентарь состоит в основном из кремневых изделий, в незначительном количестве присутствует кварц, и довольно выразительным комплексом представлены изделия из сланца. Среди кремневых орудий преобладают скребки на отщепах, резцов мало, есть довольно своеобразные наконечники на пластинах, а также проколки, пластины с ретушью и другие изделия.

В монографии 1983 г. С. В. Ошибкиной было справедливо отмечено, что памятники, подобные Андозеро-М, еще известны слабо, но, несомненно, будут открыты на прилегающих территориях. В настоящее время в бассейне Шексны, к которому относится и Андозеро, известно уже несколько памятников такого типа. В их числе стоянки Лиственка 3-А, Лиственка 8, Усть-Колоденка 1 на Колпи, Усть-Андога 1, Никольское 15 на Суде, Иштомар в верхнем течении Андоги, ряд размытых стоянок на реке Ягорбе и озере Колмакском около Череповца и некоторые другие. Наиболее важными являются 2 памятника, где мезолитический слой представлен чистым комплексом, есть большие и выразительные коллекции и естественнонаучные датировки. Это Лиственка 3-А и Усть-Андога 1 (открыты и исследованы автором статьи).

Стоянка Лиственка 3-А находится на реке Колпь (приток Суды) на краю 1 надпойменной террасы, высота над водой 5 м. Находки залегают в песке, сразу под дерном. Раскопками выявлены жилище с очагом, хозяйственные ямы. Усть-Андога 1 находится в устье Андоги, которая впадает в Суду, а вытекает из Андозера. Это многослойный памятник, нижний культурный слой относится к эпохе мезолита, перекрыт толщей стерильного песка. Залегает в темном песке и суглинке. Обнаружены остатки жилища, очаги, хозяйственные ямы. Для культурного слоя в каждом случае характерна большая насыщенность находками.

Характеристика каменной индустрии дается в основном по материалам двух указанных памятников, но учитываются и коллекции других стоянок. Большинство орудий сделано из галечного разноцветного кремня, использовались также кварц и сланец. В качестве основной заготовки для орудий преобладает отщеп, но представлена и пластинчатая техника. Так, в Лиственке 3-А орудия на отщепах и обломках составляют 75,6%, а в Усть-Андога 1 - 83,2%; в то же время в Лиственке 3А общее количество пластин и изделий из них составляет 640 экз., а в Усть-Андоге - 423 экз. Нуклеидная группа обычно многочисленна, в ее составе довольно много нуклеусов, их фрагментов, технологических сколов и нуклеидных обломков. Для изготовления нуклеусов использовались всевозможные обломки, блоки и куски кремня, выглядят они часто довольно аморфно. Преобладают одноплощадочные односторонние. Немногочисленны, но представлены всегда устойчивой серией торцевые нуклеусы на небольших плоских подквадратной формы плитках для очень узких пластин. Есть также торцевые пренуклеусы. Правильные конусовидные формы с замкнутым скалыванием или со скалыванием на $3/4$ окружности единичны, в некоторых случаях представлены обломками (в т. ч. обломками нижнего конца) или сколами оживления площадки, изготовлены они из сиреневого кремня (рис. 2: 19-22). Размеры нуклеусов обычно небольшие, в соответствии с этим относительно небольшие и размеры пластин. Широких пластин мало, преобладают узкие и средние.

Среди орудий наиболее многочисленны скребки. В Усть-Андоге они составляют $2/3$ от общего количества изделий со вторичной обработкой или 84% от морфологически выраженных орудий, а в Лиственке больше половины изделий со вторичной обработкой и 63% от морфологически выраженных орудий. Большинство скребков сделано на отщепах случайной формы, преобладают однолезвийные, есть также ретушированные по двум смежным сторонам, в т. ч. скошенные, ретушированные на $3/4$ периметра; небольшим количеством представлены ретушированные по всему периметру, двойные и концевые на пластинах. Среди указанных типов выделяются также разнообразные подтипы.

Резцы представлены незначительно. В основном, это изделия на углу сломанной пластинки или на углах

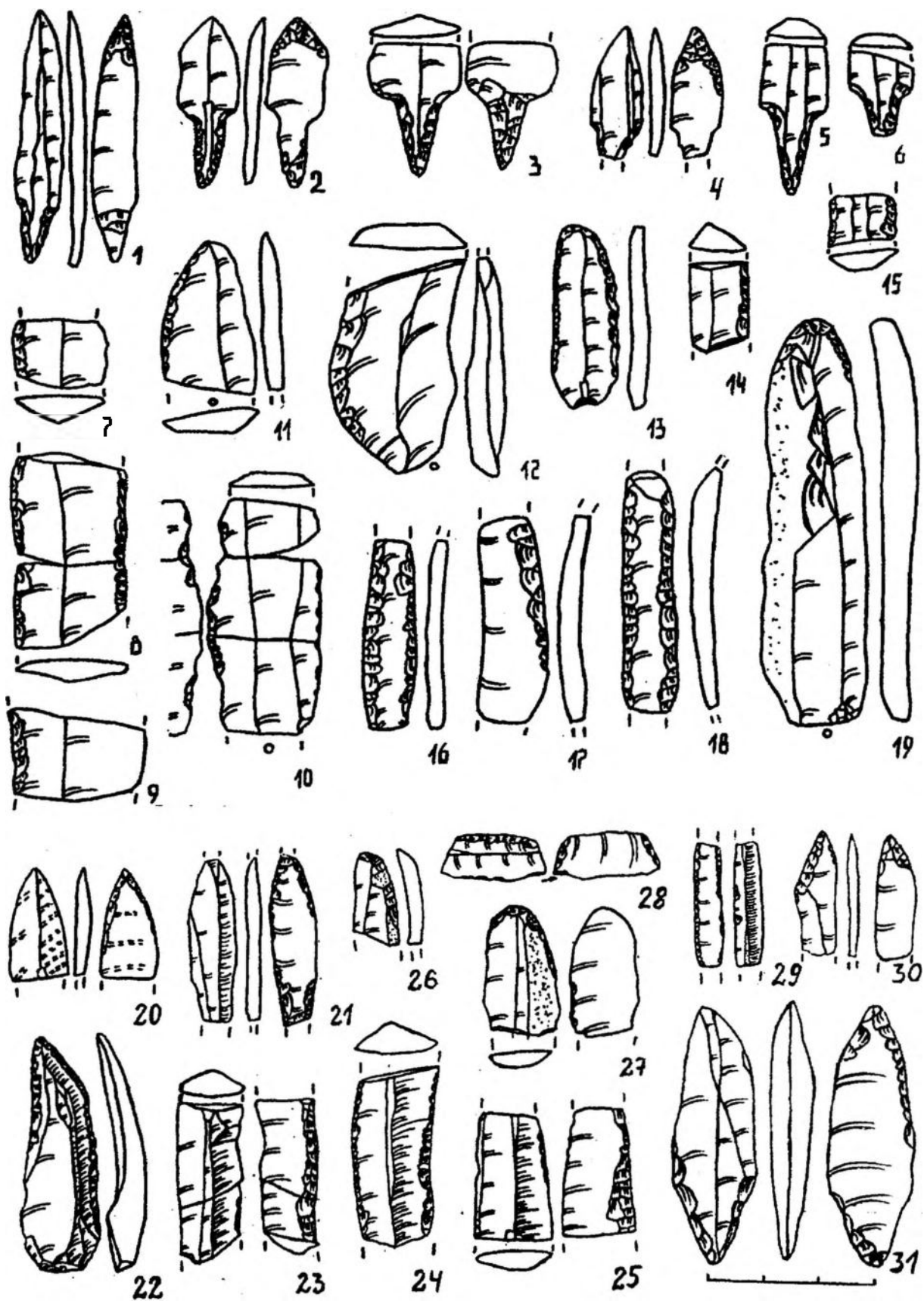

Рис. 1. Кремневый инвентарь памятников типа Андозеро-М:
 1-19 - Лиственка 3-А; 20-29 - Усть-Андога 1; 30,31 - Ягорба 22

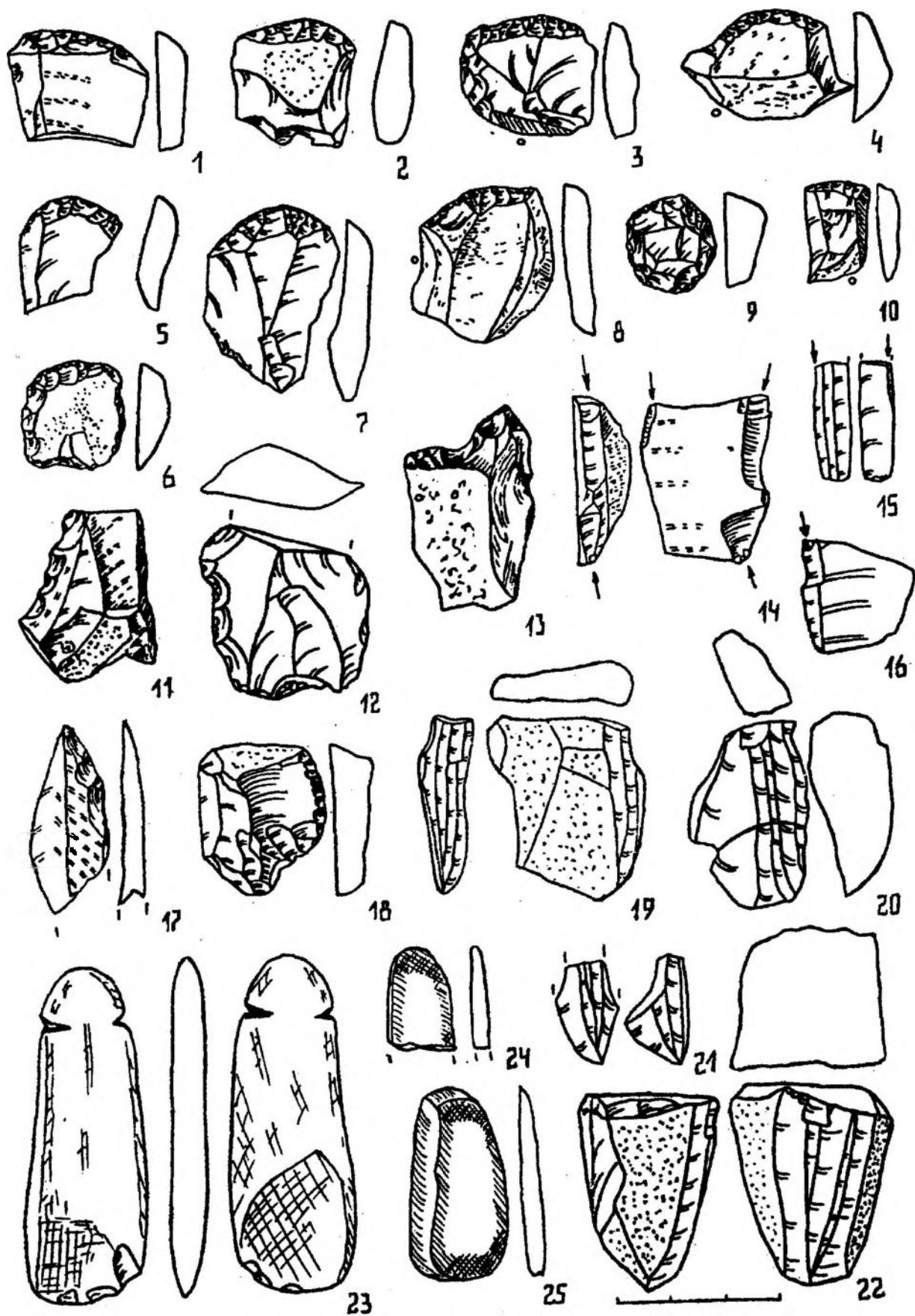

Рис. 2. Изделия из кремня и сланца (23-25) памятников типа Андозеро-М:
 1,4,7,8,10,11,13,15,16,18,20,21 - Лиственка 3-А; 2,3,5,6,9,12,14,17,19,22,23 - Усть-Андога 1; 24,25 - Иштомар

отщепов, разнообразных сколов, а также на торцах плоских плиток и на нуклеидных обломках. Помимо скребков и резцов есть скобели одно-, двух- и многовыемчатые, комбинированные орудия (среди последних преобладают скребки-скобели), проколки, пластины с ретушью, ножи, небольшие рубящие орудия с двусторонней обработкой из кремня, сланцевые топоры и тесла и другие изделия (рис. 2).

В коллекциях есть также наконечники, отличающиеся некоторым разнообразием. В Лиственке 3-А наконечники представлены выразительной довольно многочисленной серией постсвидерского типа, с четко выделенным черешком подтреугольной формы, иногда с плечиками (рис. 1: 1-6). В Усть-Андоге 1 наконечников мало, они отличаются от лиственских. Нет плоской ретуши на брюшке, острие и черешок подправлены мелкой полукрутой ретушью по краям со стороны брюшка, иногда на самых кончиках имеется пара плоских поперечных сколов (рис. 1: 20, 21). В Андозере-М есть пара подобных наконечников, но там они не являются основными, помимо них есть несколько других типов, например, наконечники листовидной формы, ретушированные по краям со стороны спинки, с прямым, усеченным или естественным основанием, слегка сужающиеся книзу, так что получается слабо намеченный черешок [1, с. 249]. Несколько наконечников найдено на Ягорбских стоянках, озере Колмакском и в Иштоаре. Среди них встречаются изделия постсвидерского типа с плоской ретушью на брюшке на острие и черешке и крутой ретушью на черешке со стороны спинки, а также изделия с несколько иным характером обработки: полукрутой ретушью по краям острия или черешка (или и того и другого) или только со спинки, или только с брюшка, или с двух сторон, иногда по всему периметру, в т. ч. с очень мелкой краевой ретушью, как в Усть-Андоге 1. Преобладают черешковые формы, но известны и обоюдоострые (рис. 1: 31).

В целом, однако, необходимо отметить, что для данных памятников характерны сходные черты в технике обработки камня, одинаковые типы для основного количества различных орудий и кроме того коллекции их отличаются большим чисто внешним сходством.

Аналогии памятникам типа Андозера-М можно найти в ряде стоянок на юго-восточном побережье Онежского озера [2]. Опубликовано из них в настоящее время только Муромское 7, датированное сер. VI тыс. до н. э. [3], на сходство Андозера-М с которым указывала С. В. Ошибкина [1, с. 178]. На основании имеющихся радиоуглеродных дат для Лиственки 3-А (9090 ± 60 л. н., ГИН-6578) и Усть-Андоги 1 (8540 ± 100 л. н., ГИН-5585, 7850 ± 140 л. н., ГИН-5583), а также учитывая датировку Андозера-М VI тыс. до н. э. [1, с. 176], можно считать, что появление данных памятников в бассейне Шексны относится ко времени не позднее конца VIII тыс. до н. э., и существуют они, как минимум, до VI тыс. до н. э. включительно. Иными словами, хронологический диапазон памятников типа Андозера-М охватывает промежуток от первой половины Бореала до первой половины Атлантикума. Памятники данного типа существуют здесь, по-видимому, во второй половине мезолита до его конца и именно на их основе складывается местный неолит, о чем можно судить на основании сходства каменных индустрий памятников типа Андозера-М и неолитических.

Наиболее ранним среди памятников типа Андозера-М является Лиственка 3-А, а Усть-Андога 1, само Андозера-М и, вероятно, большинство других стоянок (Иштоар, Ягорбские стоянки и пр.) являются более поздними, они существуют во 2-й пол. VII-VI тыс. до н. э. и примерно синхронны онежским памятникам. Сравнивая каменный инвентарь Лиственки 3-А с инвентарем остальных памятников, необходимо отметить, что, несмотря на большое сходство, имеются и некоторые существенные различия, которые характеризуют изменения, произошедшие в каменной индустрии памятников данного типа в период от первой половины Бореала до начала Атлантикума.

Это, в первую очередь, уменьшение пластинчатости комплексов (в Лиственке 3-А на пластинах сделано 24,3% орудий, а в Усть-Андоге - 16,8%) и соответственно увеличение процента орудий на отщепах. Вторая особенность - большая микролитизация более поздних комплексов, т. е. в Усть-Андоге 1 больше микропластин и торцевых нуклеусов для таких пластин, а в Лиственке 3-А больше, чем в Усть-Андоге 1 в процентном отношении более широких пластин и есть изделия на таких пластинах. Это, например, ножи на широких правильных пластинах с приостряющей плоской краевой ретушью со стороны спинки, которые сделаны из сиреневого кремня (рис. 1: 7-10); ножи с изогнутым скругленным крутой ретушью краем (рис. 1: 11, 12); длинная и относительно широкая для данных памятников пластина со скругленным крутой ретушью концом (рис. 1: 19). Таких изделий нет в более поздних памятниках, но можно сказать, что они являются как бы прототипами для подобных изделий, представленных, в частности, в Усть-Андоге, которые, очевидно в связи с произошедшей микролитизацией, делают уже на более узких пластинах (рис. 1: 22, 24, 26, 27).

Значительно видоизменяются изделия на пластинах средней ширины с плоской ретушью из широких и округлых фасеток по краям со стороны брюшка, т. н. ножи-скобели, представленные в Лиственке выразительной серией (рис. 1: 16-18). В Усть-Андоге на подобных изделиях фасетки более узкие, подпрямоугольной формы (рис. 1: 23, 25). Скребки во всех памятниках представляют самую многочисленную группу орудий, но в Усть-Андоге их в процентном отношении больше, чем в Лиственке. На раннем этапе несколько больше резцов и помимо угловых есть ретушные и двугранные. Наконечники классического постсвидерского типа с плоской ретушью на брюшке в более поздних памятниках встречаются реже или совсем отсутствуют. Очевидно, происходит постепенная утрата данных наконечников и замена их разнообразными типами. Кроме того, по-видимому в конце Бореала - начале Атлантикума, в этих памятниках появляются одиночные изделия на микропластинках: изделие типа трапеции и пластинки с притупленным краем в Усть-Андоге, Иштоаре, пластинки со скошенным концом в Андозере-М, Ягорбе 22 (рис. 1: 28-30). Также можно отметить, что на раннем этапе больше использовалось сиреневого кремня.

На более позднем этапе становятся разнообразнее сланцевые изделия. Рубящие орудия более многочис-

ленны, а помимо рубящих появляются предметы типа подвесок и амулетов или неясного назначения. Например, подвеска-лощило в Усть-Андоге, изделие со сверлиной в Андозере, поделки овально-прямоугольной формы ("заготовки под подвески"?) в Лиственке 8, Иштомаре (рис. 2: 23-25).

Касаясь вопроса о происхождении памятников типа Андозеро-М, автор данной статьи придерживается мнения, что население, оставившее эти памятники, не является пришлым. Каменная индустрия данных стоянок представляет собой дальнейшее развитие индустрии более ранних мезолитических памятников, известных здесь же, в бассейне Шексны. Имеются в виду памятники Лотовой Горы и Лиственка 3-Б, для которых характерна пластинчатая индустрия на кремне хорошего качества, отличающегося от кремня памятников типа Андозеро-М [4; 5]. Тем не менее, из ряда последовательных звеньев можно выстроить цепочку постепенного перехода индустрии Лотовой Горы в индустрию типа Андозеро-М, смысл которой заключается в том, что население памятников типа Лотовой Горы, использовавшее сырье хорошего качества (принесенное с собой или добываемое на каких-то не очень доступных местных выходах кремня?), постепенно было вынуждено переходить на местное более низкого качества кремневое сырье. И в этом плане схема развития мезолита в бассейне Шексны очень близка схеме развития кундской культуры.

Сходство материалов стоянки Андозеро-М с материалами кундской культуры было отмечено С. В. Ошибкиной (преобладание среди орудий скребков, 2 сходных типа сланцевых топоров) [1, с. 177]. По мнению автора данной статьи, сходство с кундской культурой, которое можно проследить и по ряду других признаков, имеет в своей основе не какое-то конкретное влияние одной культуры на другую, а одинаковую схему развития. Наиболее ранняя стоянка, которую относят к кундской культуре, - стоянка Пулли значительно отличается от других кундских памятников; в Пулли, как известно, преобладают орудия на пластинах и использовалось сырье хорошего качества [6, с. 47-49]. А такие изменения в развитии каменной индустрии, выявленные для памятников типа Андозеро-М, как уменьшение пластинчатости инвентаря стоянок атлантического периода по сравнению с инвентарем бореальных стоянок, увеличение количества скребков в составе орудий, исчезновение постсвидерских наконечников и замена их другими типами, также характерны для кундской культуры [7].

В заключение необходимо отметить, что предложенная схема, несомненно, представляет собой упрощенный вариант, в действительности развитие мезолита должно было происходить более разнообразно и более сложно. Последующие открытия новых памятников и их раскопки внесут коррективы в предложенную схему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ошибкина С. В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Принежья. М., 1983.
2. *Лобанова Н. В.* Мезолитические поселения в районе мыса Бесов Нос // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. II. Иваново, 1995.
3. *Косменко М. Г., Витенкова И. Ф.* Мезолитический слой поселения Муромское 7 // СА. 1980. № 4.
4. *Косорукова-Кандакова Н. В.* Мезолитическая стоянка на Лотовой Горы в бассейне Шексны // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991.
5. *Косорукова Н. В.* Мезолитические памятники в бассейне Колпи // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
6. *Гурин Н. Н.* Мезолит Латвии и Эстонии // Археология СССР. Т. 2. Мезолит СССР. М., 1989.
7. *Яашице К. Л.* Кремневый инвентарь стоянок кундской культуры: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1990.

*Музей археологии Череповецкого музейного объединения,
Череповец, Вологодская область*

N.V. Kosorukova

MONUMENTS OF THE ANDOZERO-M TYPE IN THE SHEKSNA BASIN

Summary

There are several Andozero-M type monuments in the Sheksna Basin with flake technology prevailing in the stone industry. These monuments are dated within the range of the end of VIII millenium B.C. to VI millenium B.C. The development of the stone industry is traced from the earlier monuments (Listvenka 3-A) to the later ones (Ust'-Andoga I, Andozero-M, Jagorbskye sites etc.): the decrease in lamination is observed, as well as the growing percentage of scrapers, the disappearance of arrow-heads of the Postswiderian type and their substitution with other types, together with the growing variety of schist articles.

The author puts forward an assumption that the monuments under study emerged locally on the basis of the earlier (Lotova Gora type) monuments of lamination industry. The emergence of these monuments was affected by the local industry's transfer to the local raw materials. The general pattern of the Mesolithic culture in the Sheksna Basin is similar to the development of the Kunda culture.

*Archaeological Museum of
the Tcherepovets Museum Association
1B, Krasnaya St., Tcherepovets,
the Vologda Region,
Russia*

Н.В. Косорукова

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЛИСТВЕНКА 8 НА РЕКЕ КОЛПЬ В БАССЕЙНЕ ШЕКСНЫ

Стоянка Лиственка 8 была открыта автором статьи в 1995 г. Она находится в Бокситогорском р-не Ленинградской обл. на левом берегу Колпи (бассейн Шексны), в 8 км юго-юго-восточнее д. Лиственка. Памятник расположен на невысокой узкой (10-15 м) песчаной гряде, проходящей вдоль края 1 надпойменной террасы; высота над уровнем воды составляет 6 м. В связи с тем, что по территории памятника проходят лесные, сильно разъезженные в условиях песчаного грунта дороги, постоянно разрушающие поверхность памятника, в 1996 г. автором были проведены аварийные раскопки на площади 240 кв.м. Большое количество отщепов и чешуек, разнообразных кусков и обломков кремня, в т.ч. расколотых и со следами снятий, наличие нуклеусов и нуклеидных обломков и относительно небольшое количество изделий со вторичной обработкой позволяют сделать вывод, что это стоянка-мастерская. Практически вся коллекция представлена изделиями из местного галечного кремня очень плохого качества, есть также предметы из сланца. Выходы сырья в настоящее время известны в 2 км ниже по течению, где на реке находится порог, а берега размыты и выстланы галечником.

Находки залегают традиционно для боровой террасы сразу под дерном в сером подзоле и желтом песке до глубины 0,3-0,4 м. Какой-либо западины с находками не фиксировалось. Было выявлено довольно много поздних ям, которые иногда заканчивались на глубине 0,3-0,4 м, иногда углублялись в материк и также повлияли на сохранность культурного слоя. На глубине 0,3-0,35 м были выявлены довольно многочисленные, относительно небольшие по размерам, серо-коричневые и темно-желтые пятна, выделяющиеся по цвету крайне слабо. Их можно было зафиксировать только в момент зачистки, причем в пасмурную погоду или при неярком солнечном свете. Эти пятна при выборке дали ямы в основном неправильно-овальной формы, глубиной от материка 0,1-0,6 м. В ямах были найдены отщепы и чешуйки. Никакой системы в расположении ям не прослеживалось. Большая часть их находилась на территории первого и второго раскопов, которые были насыщены находками в несколько большей степени, чем третий.

Общее количество находок составляет 32901. В т.ч. группа предметов расщепления - 96 экз., пластины - 433, изделия со вторичной обработкой - 255, 2 шлифовальных камня, 2 отбойника; остальная часть коллекции - отщепы, чешуйки, обломки, осколки и куски кремня.

Группу предметов расщепления составляют 18 нуклеусов, 3 обломка нуклеусов, 8 нуклеидных обломков, 48 кусков кремня со следами снятий, 2 скола с «ныряющим» окончанием, 19 технологических сколов. Среди нуклеусов преобладают аморфные низкие, с одной большой площадкой без следов подправки, с негативами коротких неправильных отщепов или пластин по всему периметру, изготовленные из не крупных галек; на многих участках поверхности сохраняется галечная корка (рис. 1:3,4). Есть также нуклеусы на плоских гальках, односторонние, с площадками без следов подправки (рис. 1:1, 2). Единичен аморфный двухплощадочный нуклеус со скошенными площадками, односторонним встречным скалыванием и негативами коротких отщепов и неправильных пластин. Небольшим количеством представлены аморфные многоплощадочные нуклеусы, к которым близки и многие куски и обломки кремня со следами снятий. Горцовых нуклеусов нет совсем. На многих нуклеусах прослеживаются следы работы жестким отбойником. Отжим представлен слабо; возможно, путем отжима была получена часть тонких коротких пластинок, отщепов и чешуек.

Предварительная подготовка нуклеусов к расщеплению, как и подправка их в ходе работы (в частности, ретуширование ребер или подправка площадок), по имеющимся нуклеусам и нуклеидным обломкам не прослеживается. Технологических сколов крайне мало, и большинство из них довольно аморфны. Только один скол оживления площадки нуклеуса из блестящего глянцевого кремня можно назвать «таблеткой», 4 экз., возможно, являются подправочными сколами с края площадки (сколы очень узкие и короткие), а ос-

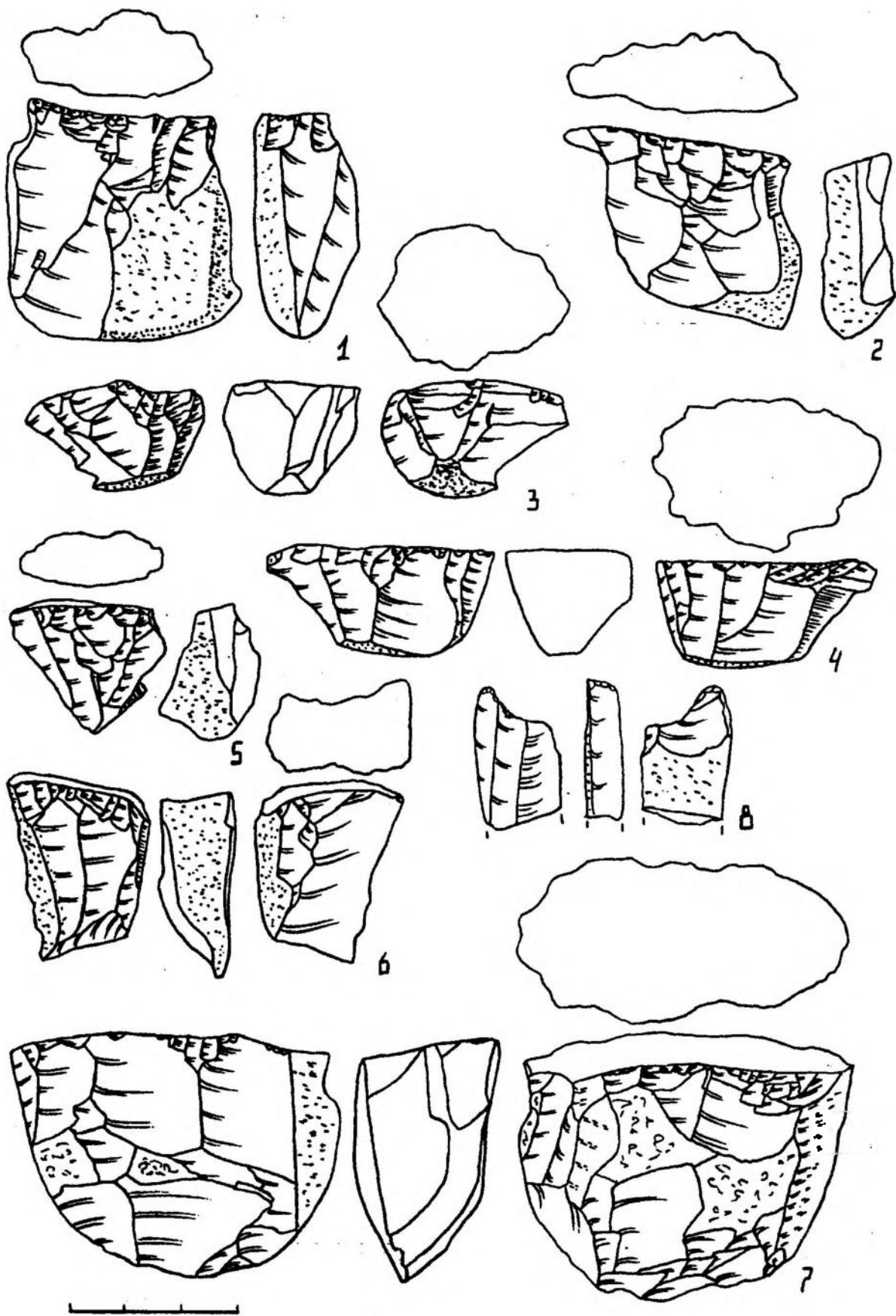

Рис. 1. Стоянка Лиственка 8. Нуклеусы. Кремь

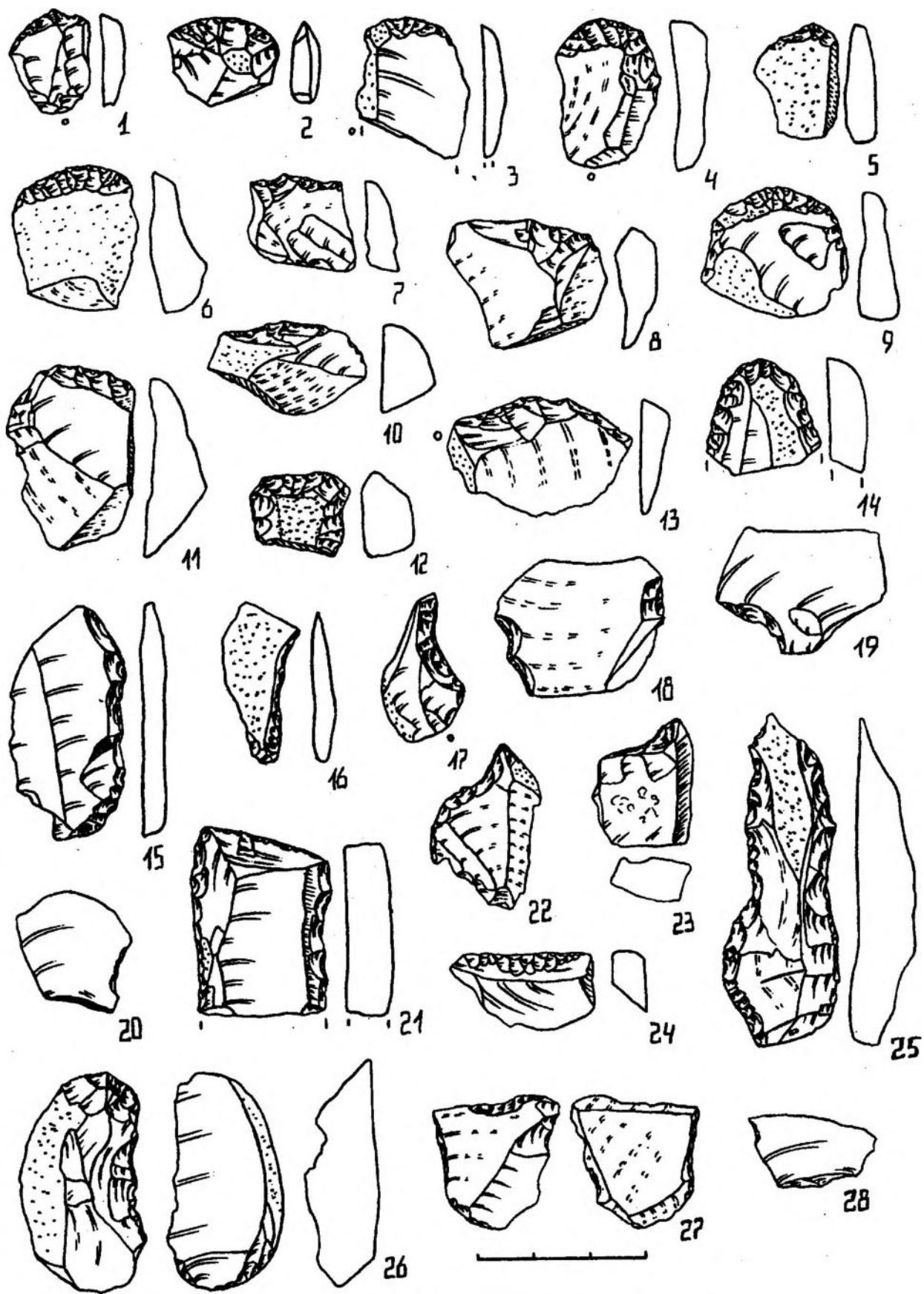

Рис. 2. Стоянка Лиственка 8. Кремневый инвентарь

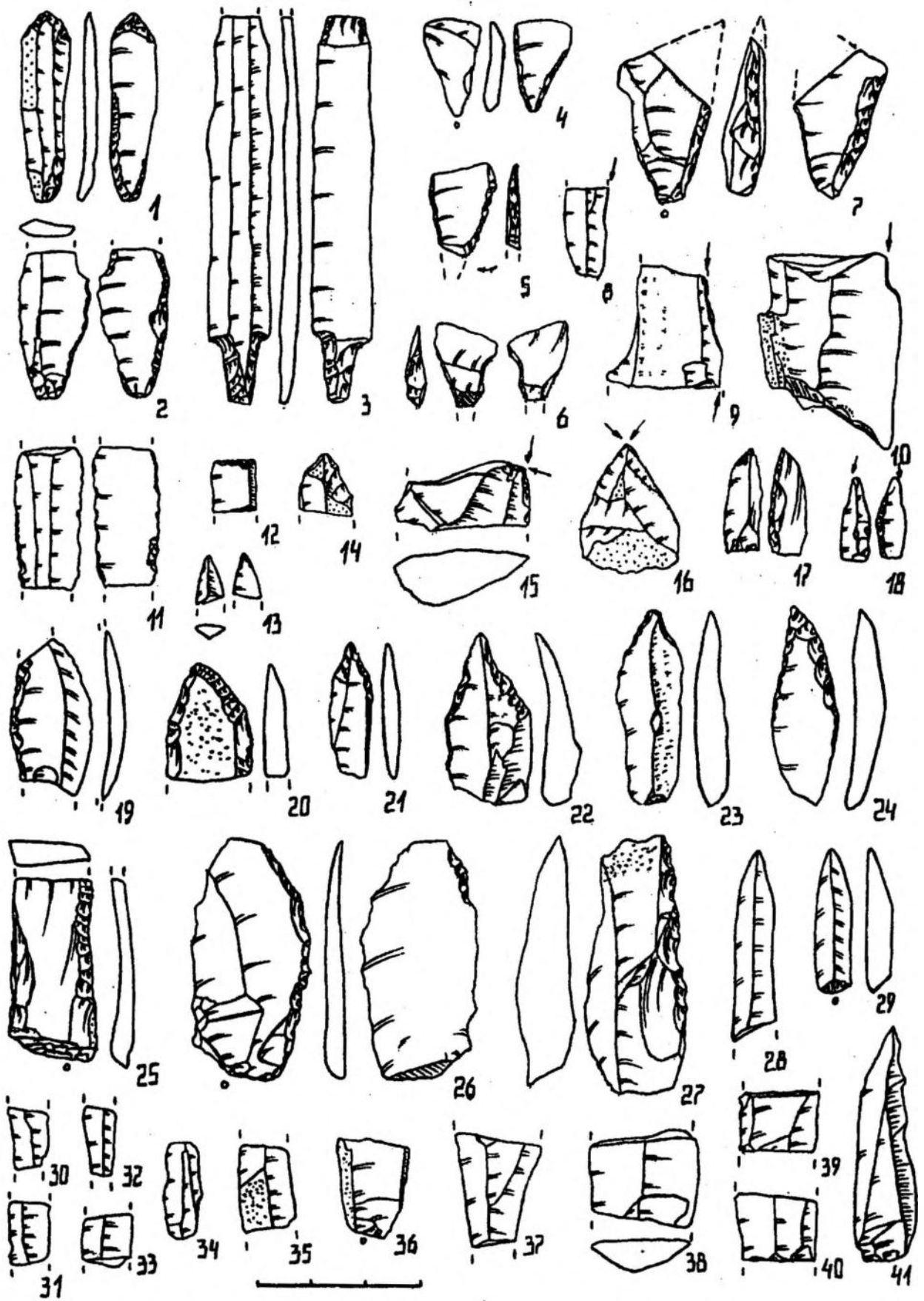

Рис. 3. Стоянка Лиственка 8. Кремневый инвентарь

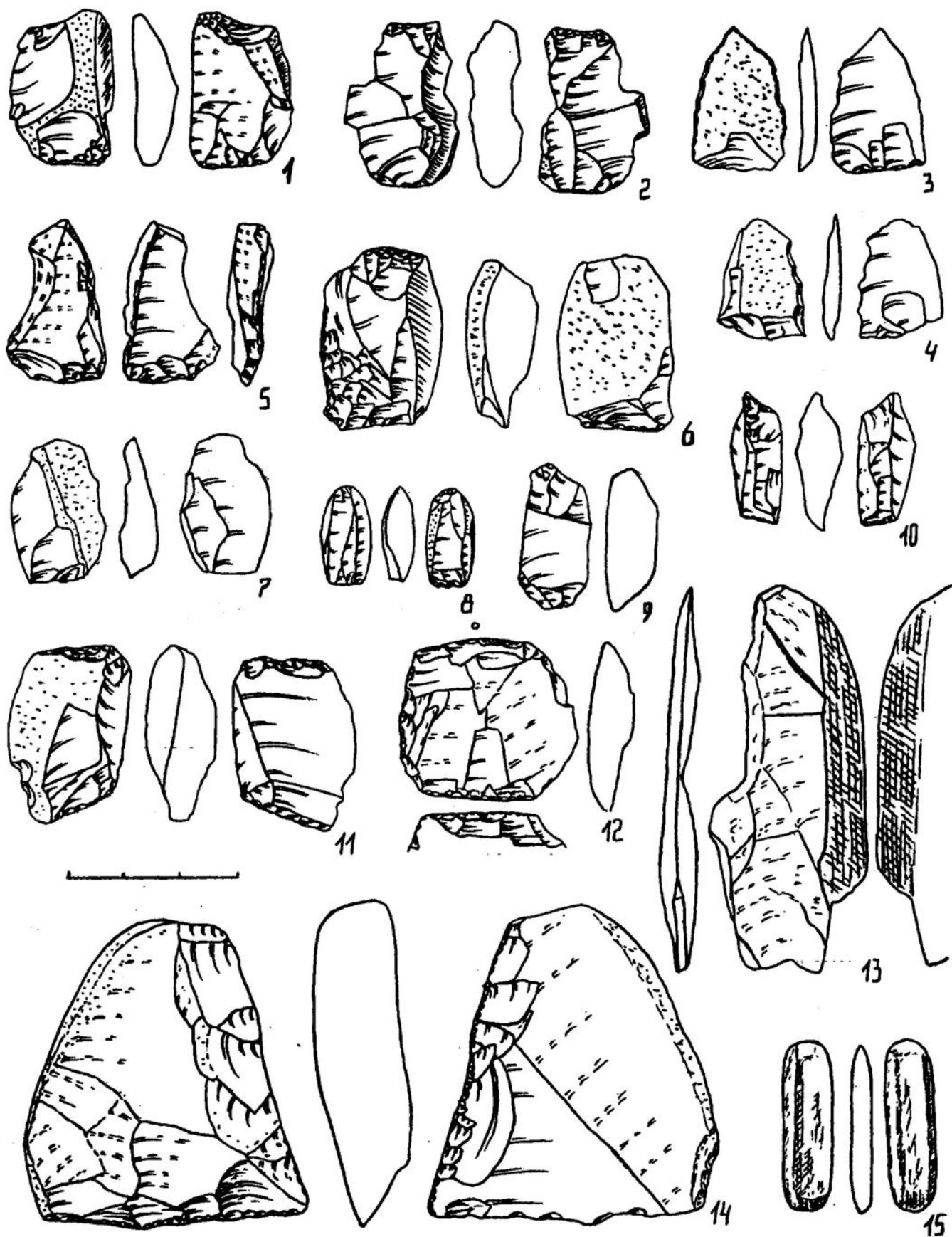

Рис. 4. Стоянка Лиственка 8. Изделия из кремня (1-14), песчаника (13) и сланца (15)

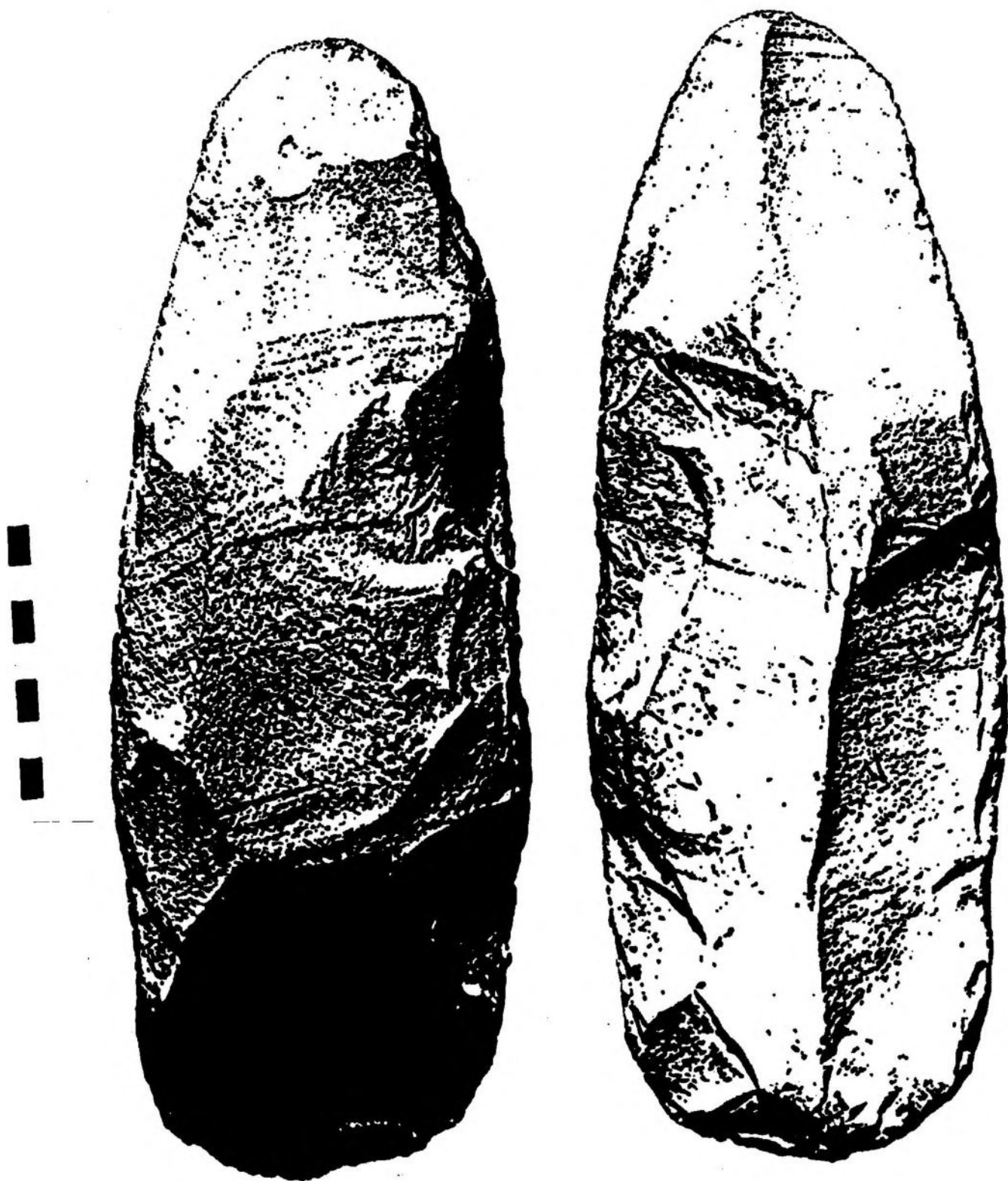

Рис. 5. Стоянка Лиственка 8. Заготовка тесла. Сланец

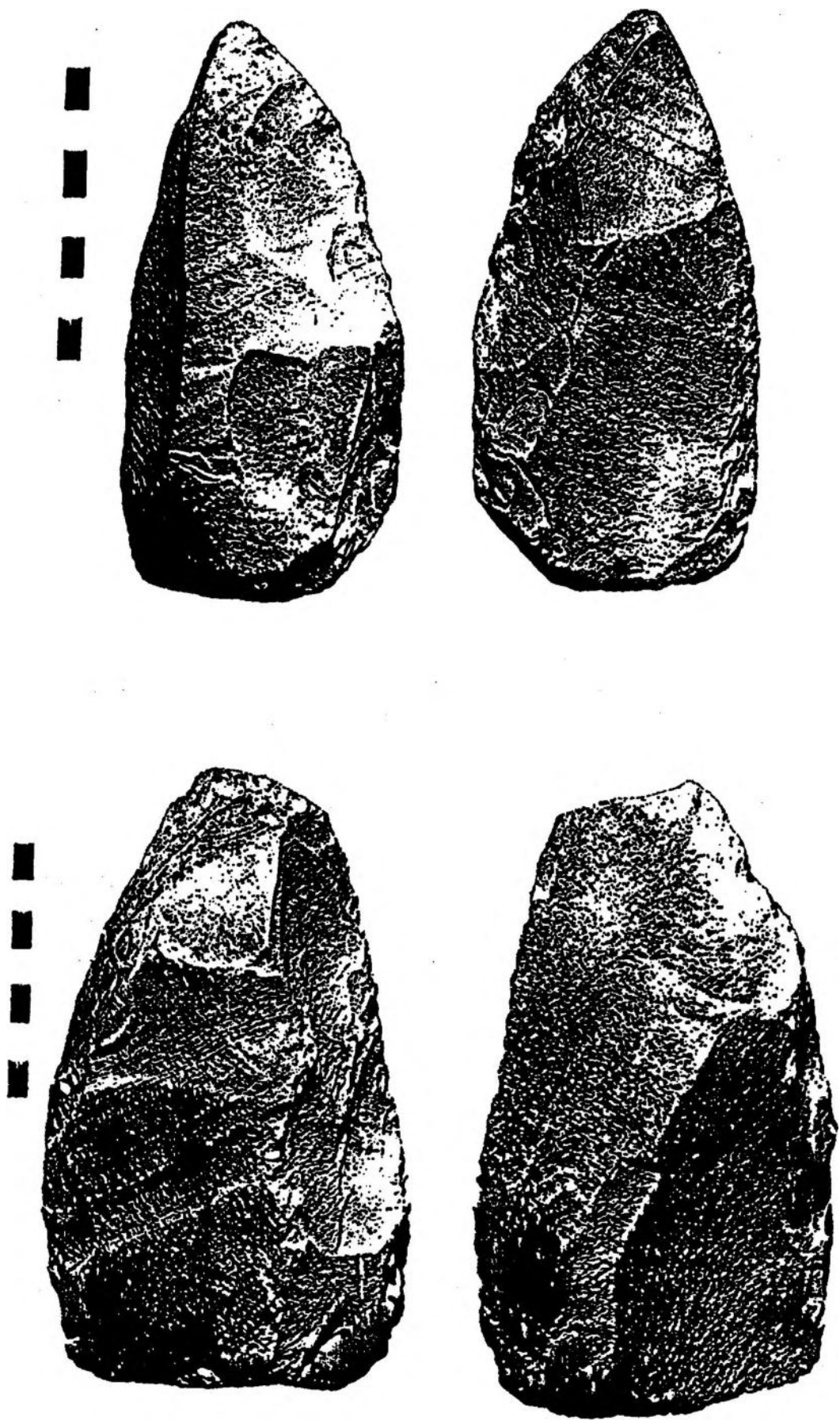

Рис. 6. Стоянка Лиственка 8. Заготовка тѣсел, Сланец

тальные напоминают ребристые (также короткие и нетипичные).

По-видимому, в связи с этим здесь нет и нуклеусов для пластин, за исключением только трех небольших обломков с несколькими узкими короткими негативами от микропластин. Общее количество пластин (433) составляет чуть больше 1% от общего количества предметов в коллекции. Большинство их было, скорее всего, не отжато, а отбито ударом. Представлены пластины в основном очень короткими невыразительными обломками, которые сломались в момент удара и которые нельзя было использовать в качестве заготовок. Среди них резко преобладают неправильные пластины. Правильными можно назвать только 27. 104 занимают промежуточное положение между правильными и неправильными. Широких пластин также мало. Более половины составляют микропластины (шириной до 0,8 см) и примерно третью часть - пластины шириной 0,8-1,2 см. Орудия из пластин единичны, почти нет пластин с ретушью и с видимыми следами использования.

Изделия со вторичной обработкой составляют 0,75% от общего количества предметов в коллекции.

В их составе:

долотовидные - 38,
скребки - 27,
скобели - 27,
наконечники - 7,
резцы - 7,
проколки - 5,
острия - 2,
обломки ножей - 2,
изделия на пластинах - 5,
рубящие орудия и заготовки рубящих - 8,
предметы из сланца со следами шлифовки и пиления - 9,
пилка - 1,
отщепы и обломки кремня с ретушью - 116.

Большая часть орудий сделана из отщепов и обломков. Изделия из пластин составляют 5%. Примерно половину изделий со вторичной обработкой составляют разнообразные аморфные отщепы и обломки с ретушью. 3 изделия имеют более правильную форму - это удлиненные отщепы, у которых один край (выпукло-вогнутый или почти прямой) обработан со стороны спинки полукрутой ретушью (рис.3:25-27). Эти орудия могли использоваться как ножи, скобели или скребки.

На втором месте по количеству среди изделий со вторичной обработкой находятся долотовидные орудия, чуть меньше - скребков и скобелей. Большинство долотовидных орудий (*pièces écaillées*) сделано из отщепов и обломков, некоторые напоминают переделанные нуклеусы и нуклевидные обломки (рис.4: 1-12). 1 экз. по внешнему виду представляет собой очень тонкий карандашевидный нуклеус с узкими негативами от микропластин, но без площадки, с двумя сужающимися концами (рис.4:8). У некоторых долотовидных сбит только один конец, т.е. с двух сторон на нем имеются фасетки, направленные от края к центру, и следы забитости. У большинства так выглядят оба конца, иногда имеется забитость еще и на боковом крае. Били по этим орудиям, по-видимому, каменным отбойником. 11 из 38 выделенных орудий отнесены к *pièces* условно, т.к. выглядят они довольно аморфно, хотя морфологически представляют собой те же орудия. В их числе несколько довольно плоских отщепов, имеющих на одном конце такую же подтеску с двух сторон, второй конец у них изначально острый, а в одном случае боковые края со стороны спинки обработаны очень мелкой полукрутой ретушью (рис.4).

Большую часть скребков составляют однолезвийные на аморфных отщепах. 4 экз. на более правильных отщепах можно назвать концевыми. Есть также ретушированные по двум смежным сторонам и на три четверти периметра (концевые-боковые, концевые-двойные боковые), некоторые из них сломаны, они были сделаны, по-видимому, на более длинных отщепах (рис.2:1-11,13, 14). Два скребка ретушированы по всему периметру, в т.ч. один высокой формы, маленький подквадратный, с галечной коркой на спинке (рис.2:12), второй - подовальной формы. Один скребок сделан на массивном нуклевидном обломке.

Скобели по форме разнообразны, все - на отщепах и осколках. Преобладают одновыемчатые. Есть изделия с двумя выемками, расположенными рядом. У некоторых скобелей рабочие участки расположены по двум или трем краям отщепа, иногда рабочий край выпукло-вогнутый ("фигурный"); такие орудия, вероятно, использовались и как скребки, и как скобели. Длина рабочего участка варьирует от 0,5 до 4,5 см (рис.2:15-28).

Выразительной серией представлены наконечники стрел. 2 экз. - на пластинах, поствидерского типа. Один - на длинной правильной пластине (длина сохранившейся части 7,1 см) из "крупчатого" темно-серого с белыми прожилками мелового кремня. Симметричный черешок выделен очень четко на спинке по краям пологой и полукрутой ретушью, и плоской и пологой на брюшке. Острие оформлено плоской ретушью на брюшке, конец обломан; вероятно, длина ретушированного участка на острие составляла примерно 1,5 см от кончика. Этот наконечник напоминает "пуллийские", только без шипов (рис.3:3). Второй наконечник - иволгистный, на пластине из темно-сиреневого кремня, насад оформлен полукрутой ретушью по одному краю на спинке и плоской и пологой по краям на брюшке, причем по одному краю ретушь доходит до середины изделия. Перо, видимо, было сломано, но снова подправлено пологой ретушью по одному краю

на спинке и по обоим краям на брюшке мелкой плоской ретушью (рис.3:1). Одно изделие на пластине также напоминает иволистный наконечник. Острый конец у него обломан. Один край полностью, а другой частично обработан полукрутой ретушью на брюшке. Частично края ретушированы и на спинке мелкой ретушью - оформлен сужающийся насад. Возможно, изделие было сломано в процессе обработки (рис.3:2).

Помимо наконечников на пластинах имеются 4 экз. на отщепах с поперечным и косым лезвием: 2 экз. из желтого кремня и 2 из темно-красного. 3 из них сделаны на очень мелких и плоских отщепах, по форме напоминают трапеции или треугольники. Боковые края у одного орудия обработаны крутой ретушью на брюшке (рис.3:4), у второго на одном крае - встречная вертикальная ретушь, на другом крае - ретушь на брюшке (рис.3:5). Третий представляет собой очень мелкий обломок косолезвийного наконечника с боковой выемкой (?), которая оформлена встречной вертикальной ретушью, а другой край или обломан в процессе изготовления или неретуширован (рис.3:6). Четвертый экз. - на более крупном отщепе, представляет собой косолезвийный наконечник без боковой выемки, угол сломан в процессе контрударной обработки, на боковых краях - крутая и вертикальная противолежащая ретушь (рис.3:7).

Резцы представлены крайне слабо. Только один выделяется четко: на углу правильной узкой сломанной пластинки, резцовый скол узкий (рис.3:8). Второй почти такой же, но сделан на коротком тонком сечении, резцовый скол еще более узкий. Третий сделан на более широкой пластине из очень плохого кремня; по двум углам одного бокового края нанесено несколько резцовых сколов (рис.3:9). Остальные резцы не выразительны и выделены несколько условно. Два угловых, в том числе один - на массивном пластинчатом отщепе, резцовый скол узкий и короткий (рис.3:10), второй - на плоском отщепе; два двугранных: на плоском отщепе и толстом обломанном отщепе, у второго резцовые сколы короткие (рис.3:15).

Четыре проколки сделаны на удлиненных отщепах, с симметричным, ретушированным по двум краям мелкой крутой ретушью концом, у одной конец слегка изогнут (рис.3:21-24). Одна проколка - на коротком тонком отщепе, рабочий конец оформлен мелкой противолежащей ретушью. Два изделия, выделенных в группу острий, изготовлены на мелких удлиненных заготовках - неправильных пластинах или обломанных отщепах, один край круто ретуширован на брюшке. Второй край у одного изделия - выукло-скошенный, с очень мелкой ретушью на кончике на спинке, у другого изделия сам конец сбит, а по второму краю нанесен мельчайший резцовый скол (рис.3:17,18).

В коллекции имеются одна правильная пластинка с двумя обломанными концами, по боковым краям - выщербины и мелкая нерегулярная ретушь; 2 крошечных обломка пластин с мельчайшей ретушью на остром конце; короткий обломок пластины с круто затупленным концом (рис.3:11-14); мельчайший обломок пластинки, по одному краю на брюшке есть две фасетки ретуши. Два орудия определены как обломки ножей: одно - на неправильной пластине с полукрутой и пологой ретушью по одному боковому краю, второе - на плоском удлиненном отщепе с острым концом, боковые края обработаны полукрутой ретушью на спинке (рис.3:19,20).

Рубящие орудия сделаны из кремня и сланца. 2 кремневых топора подпрямоугольной формы с сужающимся обухом, грубо оббитые по краям, в целом отличаются небрежностью в обработке. Одно небольшое кремневое тесло треугольно-трапециевидной формы обработано сколами и ретушью с двух сторон по одному боковому краю и с одной стороны по рабочему краю (рис.4:14). Имеются также небольшой обломок рубящего орудия подпрямоугольной формы с частичной двусторонней обработкой и небольшая заготовка овальной формы, оббитая с двух сторон от краев к центру, сделанные из кремня.

Три крупные сланцевые заготовки тесел, причем одна очень крупная - размерами 32x15x5 см, имеют подтреугольную форму с зауженным обухом, обработаны оббивкой, пикетажем и частично отшлифованы (рис.5:6). Интересно, что все эти три сланцевых изделия были обнаружены в одном месте ("склад" заготовок рубящих орудий), неподалеку был найден и кремневый топор. Этот факт объясняется, по-видимому, характером памятника (стоянка-мастерская).

Группу изделий из сланца дополняют семь отщепов, полностью отшлифованных с одной стороны, обломки заготовки стамески со следами глубокого надпила (5 мм) и с частичной шлифовкой и небольшое аккуратное орудие подпрямоугольной формы с закругленными концами, шлифованное, вероятно микростамеска (рис.4:15). Из песчаника сделана пилка с тонким, симметричным в профиле лезвием (рис.4:13).

Мезолитические памятники в бассейне Шексны по характеру каменной индустрии подразделяются на две основные группы: памятники типа Лотовой Горы с пластинчатой индустрией и памятники типа Андозеро-М с отщепово-пластинчатой индустрией [1;2]. Из двух указанных стоянок Лиственка 8 можно соотнести со второй, но при этом необходимо отметить, что на фоне памятников типа Андозеро-М данная стоянка выделяется своеобразием, в ее инвентаре есть немало отличий от инвентаря указанных памятников.

Отличия прослеживаются, прежде всего, в технике расщепления. В Лиственке 8 практически нет нуклеусов для пластин, а технологические сколы, свидетельствующие о существовании пластинчатой техники, единичны, не представлены торцовые нуклеусы, не прослеживаются предварительная подготовка нуклеусов к расщеплению и подправка их в ходе работы. В памятниках типа Андозеро-М классические нуклеусы с замкнутым или почти замкнутым скальванием для пластин представлены единичными экземплярами или обломками; торцовые нуклеусы для микропластин составляют, как правило, небольшую, но выразительную серию. Хотя большинство нуклеусов, как и в Лиственке 8, аморфные, на них есть негативы от пластин; на площадках имеются следы подправки, и представлены технологические сколы (ребристые и сколы подправки площадки, в т.ч. так называемые "таблетки").

Среди изделий со вторичной обработкой в Лиственке 8 преобладают отщепы с ретушью, скребки по

количеству занимают третье место. В памятниках типа Андозеро-М среди изделий со вторичной обработкой преобладают скребки, отщепы с ретушью занимают второе или третье место. В Лиственке 8 представлена выразительная серия долотовидных орудий, напоминающих палеолитические *pièces ecaillées*, которые по количеству занимают второе место среди изделий со вторичной обработкой. В памятниках типа Андозеро-М долотовидные орудия единичны или совсем не представлены.

Памятники типа Андозеро-М существуют в бассейне Шексны от рубежа Пребореала-Бореала до начала Атлантикума, на их основе появляются неолитические памятники. Для каменного инвентаря памятников типа Андозеро-М, если рассматривать их в хронологической последовательности, характерно постепенное все большее уменьшение пластинчатости и увеличение количества орудий на отщепах. По таким признакам как крайне малое количество орудий из пластин, практически полное отсутствие пластин с ретушью и нуклеусов для пластин, резкое преобладание орудий из отщепов, стоянку Лиственка 8 следовало бы датировать самым финалом мезолита. Однако для определения хронологии памятника более показательными в данном случае являются наконечники.

В Лиственке 8 найдены наконечники двух разных типов: постсвидерские на пластинах и с поперечным лезвием на отщепах. Постсвидерские наконечники сделаны из высококачественного не местного кремня, в то время как изделия с поперечным лезвием - из местного кремня (из такого же сырья сделаны скребки, скобели и другие орудия). Наконечники с поперечным лезвием по внешнему виду и характеру оформления напоминают изделия из стоянок поздней фазы иеневской культуры Иенево 2 и Пеньково [3, с. 78-80], которые датируются серединой Бореала [4, с. 278; 5, с. 16]. По этим изделиям, по-видимому, можно определить и хронологию Лиственки 8. Три наконечника были сломаны, вероятно, еще в процессе изготовления. Можно предположить, что обитатели стоянки не были знакомы с технологическими традициями изготовления наконечников при помощи удара и контрудара, так же, как не характерны для них и наконечники этих форм. Заимствование данной формы наконечников с применением соответствующей технологии изготовления свидетельствует о контактах обитателей стоянки с носителями иеневской культуры.

В то время как наконечники с поперечным лезвием, очевидно, не были в употреблении, постсвидерские наконечники, несомненно, использовались. У наконечника на длинной пластине с черешком из темно-серого с прожилками кремня сломано острие. У второго наконечника, иволистного на пластине, с намеченным черешком, из сиреневого кремня, острие было сломано и снова подправлено. Для памятников типа Андозеро-М, которые генетически связаны с более ранними памятниками типа Лотовой Горы, характерны постсвидерские наконечники [1; 2]. Индустрия типа Лотовой Горы, базировавшаяся на не местном кремне высокого качества, имеющая большое сходство с ранними памятниками бутовской культуры Бутово 1, Микулино и др., а также со стоянкой Пулли, в результате перехода на местное кремневое сырье трансформируется в индустрию типа Андозеро-М. В памятниках типа Андозеро-М большинство орудий сделано из местного кремня, но для наконечников, по-прежнему, предпочитают использовать хороший камень. В ранних памятниках (ЛиственкаЗА) [6] наконечники, практически, не отличаются от изделий, найденных в памятниках типа Лотовой Горы [7].

Постсвидерские наконечники в Лиственке 8 принадлежат той же культуре, что и изделия из ранних памятников типа Андозеро-М и памятников типа Лотовой Горы. Данные постсвидерские наконечники не выглядят поздними, они также подтверждают датировку памятника бореальным периодом. В бутовских памятниках и в памятниках типа Андозеро-М, относящихся к Атлантикуму (Озерки 5, само Андозеро-М), классические постсвидерские наконечники практически не встречаются, они чаще обработаны ретушью по всему периметру [8; 9]. Наличие в Лиственке 8 наконечника, напоминающего "пуллийские", только без шипов, свидетельствует о некоторой длительности существования или переживания традиции изготовления наконечников данного типа, но, в отличие от изделий, датированных Пребореалом, на этом наконечнике ретушь со стороны спинки уже не крутая, а полукрутая и пологая. "Пуллийские" наконечники встречаются в бассейне Верхней Волги [10], в бассейне Шексны такой наконечник из черного прозрачного кремня с шипами найден недалеко от стоянки ЛиственкаЗА, в культурном слое поселения эпохи позднего неолита - раннего металла Лиственка 1 (раскопки автора статьи). Такие наконечники были в употреблении, по-видимому, в Пребореале, но и позднее существуют близкие им типы.

Таким образом, по наконечникам стоянку Лиственка 8 следует датировать примерно серединой Бореала. Некоторые особенности (относительно небольшое количество скребков), возможно, объясняются характером памятника (стоянка-мастерская); резкое преобладание отщепов, использовавшихся в качестве заготовок для орудий, и характер нуклеусов можно предварительно объяснить крайне низким качеством используемого сырья, выходы которого имеются неподалеку. Наличие целой серии долотовидных орудий, представляющих характерную особенность памятника, скорее всего, также объясняется его спецификой и сырьевой базой. Но не исключены и другие причины, например инокультурные влияния или контакты с населением других территорий.

Точно такое же долотовидное орудие было найдено автором во время разведочного обследования в шурфе на стоянке Верхневольск 3, которая расположена на Колпи в 7 км ниже по течению от стоянки Лиственка 8. Подобные изделия встречаются на многих бореальных памятниках лесной зоны. Единичные долотовидные орудия типа *pièces ecaillées* известны в некоторых бутовских (Соболево 5) и иеневских памятниках [3, с. 80], но там они не образуют такой многочисленной и выразительной серии. То же самое можно сказать о памятнике Муромское VII на юго-востоке Онежского озера, где *pièces ecaillées* единичны [11]. Долотовидные орудия характерны для памятников кундской культуры на территории Эстонии и западной

части Ленинградской области [12;13, с.12-13]. Большим количеством данные изделия представлены обычно в памятниках более северных территорий, например в Карелии, но там они изготовлены из кварца [14, с. 27-31].

В заключение необходимо отметить, что предлагаемая интерпретация памятника не может считаться окончательной, новые исследования, несомненно, внесут свои коррективы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косорукова Н.В. Мезолитические памятники в бассейне Шексны (хронология памятников и характеристика развития каменной индустрии) // Древности Русского Севера. Вып.2. Вологда. В печати.
2. Косорукова Н.В. Памятники типа Андозеро-М в бассейне Шексны // В настоящем сборнике.
3. Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Т.2. Мезолит СССР. М., 1989.
4. Zhilin M.G. Western Russia in Final Palaeolithic - Early Mesolithic // L.Larsson (ed.) Earliest Settlement of Scandinavia. Acta Archaeologica Lundensia. 80. Stockholm, 1995.
5. Крацов А.Е. К хронологии иеневской мезолитической культуры // Тезисы докладов Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991-1995 гг. М., 1996.
6. Косорукова Н.В. Мезолитические памятники в бассейне Колпи // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
7. Косорукова-Кандакова Н.В. Мезолитическая стоянка на Лотовой Горе в бассейне Шексны // Археология Верхнего Поволжья. Н.Новгород, 1991.
8. Жилин М.Г. Археологические исследования на Озерском торфянике в 1990-1992 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
9. Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
10. Жилин М.Г. Хронология и периодизация бутовской мезолитической культуры // Труды ГИМ. В печати.
11. Косменко М.Г., Витенкова И.Ф. Мезолитический слой поселения Муромское VII // СА. 1980. № 4.
12. Янитс К.Л. Кремневый инвентарь стоянок кундаской культуры: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990.
13. Тимофеев В.И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе балтийских культур каменного века // Древности Северо-Запада. СПб., 1993.
14. Гурина Н.Н. Мезолит Латвии и Эстонии // Археология СССР. Т.2. Мезолит СССР. М., 1989.

*Музей археологии
Череповецкого музейного объединения,
Череповец, Вологодская область*

N.V.Kosorukova

MESOLITHIC SITE LISTVENKA 8 AT THE KOLP' RIVER IN THE SHEKSNA BASIN

Summary

The Listvenka 8 site is located at the Kolp' river in the Sheksna basin. An area of 240 sq.m where the site is situated was surveyed by the author in 1996. The finds were discovered in sand at the depth of 0,3 - 0,4 m.

A great number of flakes, scales, flint fragments, core-like fragments and cores were found, which led to the conclusion that the site was also a workshop (there are 32901 articles in the collection). The majority of tools was made of a low quality locally found flint, there are also schist articles. The cores found are amorphous; flakes with retouch prevail among tools with traces of secondary processing; a series of chisel-like tools were also found. Scrapes and push-planes are less numerous. Chisels and borers were found. The majority of tools was made of flakes. The arrow-heads found were of two types: Postswiderian heads on blades and heads with transverse edge on flakes.

The arrow-heads helped to date the monument by the Middle Boreal. The site corresponds to monuments of the Andozero-M type in the Sheksna basin and bears some unique traits if compared to those.

*Archaeological Museum of the Tcherepovets
Museum Association
1 B, Krasnaya St., Tcherepovets,
the Vologda Region, Russia*

Н. Б. Васильева, Н. В. Косорукова

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЛАНИГРАФИЧЕСКОГО, ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗОВ МАТЕРИАЛОВ СТОЯНКИ МАРЬИНО 4

Стоянка Марьино 4 была открыта Н. В. Косоруковой в 1990 г. Памятник расположен на правом берегу р. Ратцы - притока р. Песь в Чагодощенском р-не Вологодской обл. Он занимает краевой участок невысокой террасы (1 м над поймой) или коренного берега Ратцы, поросшего сосновым бором. В 1994 г. на стоянке были произведены раскопки на площади 116 кв. м. Скопление находок занимало небольшой участок 5x7 м, последующая шурфовка показала, что территория памятника исчерпана раскопом. Залегали находки сразу под дерном в темно-серой супеси и желтом песке до глубины 30-35 см от поверхности, наиболее насыщен уровень от 0,1 до 0,25 м.

Каменный инвентарь представлен исключительно кремневыми изделиями. Общее их количество 733 экз., из них 286 отнесены к орудиям, пластинам, нуклеусам или определяемым сколам. К орудийному набору отнесены: скребки (7), резцы (6), проколка (1), нож (1), скобели (2), наконечники стрел (12), обломки орудий (3). Большую часть коллекции составляют отщепы и чешуйки (447 экз).

Автор раскопок отмечает в комплексе смешение постаренбургских и постсвидерских черт и относит памятник к одному из наиболее древних в бассейне средней Мологи. Комплекс такого типа в Молого - Шекснинском междуречье встречен впервые [1; 2].

Все каменные изделия стоянки Марьино 4 были изучены с помощью бинокулярного микроскопа МБС - 2 с увеличением до 87,5 раз по методике, разработанной С. А. Семеновым [3]. Часть вещей была исследована при помощи металлографического микроскопа с увеличением до 200 раз с целью уточнения направления линейных следов и структуры заполировки. Следует отметить, что залегание находок в песчаной почве стало причиной плохой сохранности части коллекции. Некоторые вещи "окатаны", т. е. имеют скругленные грани и края, а также блеск, равномерно покрывающий всю поверхность. Это затрудняет работу с комплексом, не на всех вещах позволяет выявлять и анализировать следы изношенности. Результаты функционального анализа были проверены и скорректированы профессором Г. Ф. Коробковой¹. Выделено 104 кремневых изделия, имеющих достаточные для трасологического определения признаки износа, что составляет 14,2% от общего количества находок.

Обратимся сначала к функциональной характеристике типологически выраженных форм. Наиболее многочисленной группой являются наконечники стрел, которые представлены серией из двенадцати изделий. Все они изготовлены из пластин, черешок выделен крутой ретушью на спинке и слегка подправлен плоскими фасетками на брюшке. У четырех из них острие скошено крутой дорсальной ретушью, еще у четырех оставлен естественный дистальный конец пластины (рис. 1:1-6,9-13). Исследователями неоднократно отмечалась сложность выделения следов изношенности на метательном оружии, что связано с кратковременностью его контакта с материалом. Характерный макропризнак - язычковый слом - отмечен на одном наконечнике (рис. 1:4), еще на трех на острие присутствуют плоские микрофасетки (рис. 1:5,10,11). Следует отметить, что у всех наконечников на черешках хорошо прослеживается затертость от крепления в древке. Интересны два случая реутилизации наконечников: один наконечник после поломки служил резчиком по дереву (рис. 1:1), второй - скобелем по кости/рогу (рис. 1:2). Последний в процессе утилизации и подработки крутой дорсальной ретушью приобрел "зубчато - выемчатые" очертания.

Следующая по численности типологическая группа - скребки (7 экз.). Они образуют морфологически устойчивую серию: 6 из них изготовлены на пластинах, причем довольно стандартных размеров (ширина

¹ Авторы выражают благодарность Г. Ф. Коробковой и Т. А. Шаровской за помощь при проведении трасологического анализа.

их колеблется в пределах 2,2 см - 1,6 см, длина - 4,2 - 3,3 см). Их можно определить как концевые с округлым или слабовыпуклым лезвием (рис. 1:14, 17-21. Здесь и далее на рисунках пунктиром отмечен участок лезвия со следами изношенности). Характер заготовки седьмого скребка неясен, т. к. он дошел до нас в виде обломка, его можно описать как концевой - боковой или со смежными лезвиями (рис. 1:22). Ширина его 1,6 см. На всех изделиях данной группы на проксимальной части заготовки прослеживаются следы от крепления в рукояти, вероятно, стандартность размеров связана именно с определенными приемами крепления. На рабочей кромке орудий, совпадающей с ретушированным на спинке участком дистального конца изделий, зафиксированы следы изношенности в виде мелкой разрозненной односторонней выкрошенности, расположенной со стороны спинки, скругленной в плане кромки и кромочной жирной проникающей заполировки. Данная группа изделий применялась для очистки шкур от мездры, т. е. в этом случае типологическое и функциональное определения совпадают.

К резцам отнесены 6 изделий: 4 ретушных и 2 угловых. Следы от использования их для прорезания пазов отмечены на четырех экземплярах: на двух угловых (рис. 1:23, 27) и двух ретушных (рис. 1:28, 30). Но на двух предметах присутствуют следы и от других операций: первый - двойной угловой резец на обломке пластины с сохраненной проксимальной частью - был сначала строгальным ножом для дерева или совмещал две эти функции (рис. 1:27); у второго - ретушного - на ровном остром крае присутствуют следы от резания мяса (рис. 1:30).³ Ретушный резец на широкой пластине с дивергентным окончанием определен трасологически как мясной нож, резцовый скол в данном случае формирует аккомодационный участок орудия (рис. 1:35). Ретушный резец с подработанной ретушью боковой стороной определен типологически как "резец, комбинированный со скобелем". На ретушированном крае изделия отмечены следы сработанности от скобления кости/рога, следов же использования его в качестве резца не зафиксировано (рис. 1:31). Изделие, "напоминающее двойной ретушный резец и торцовый нуклеус", не имеет следов изношенности (рис. 6:2). Хотя представить, что это нуклеус, тоже довольно сложно - слишком малы его размеры. Можно предположить, что снятия, произведенные с торцов (рис. 6:2в, г), уничтожили следы работы.

Скобелей в коллекции два: широкая изогнутая в плане и в профиле пластина с небольшой ретушированной выемкой (рис. 1:32) и пластина с выемкой, занимающей почти всю длину края (рис. 1:33). Оба изделия действительно использовались для скобления твердых материалов: первое - для дерева, второе - для кости/рога, но только у последнего ретушированный участок лезвия совпадает с рабочим. У первого скобеля для работы использовался весь край пластины без ретушной подработки, а острый дистальный конец выполнял функцию резчика по дереву (рис. 1:32).

В коллекции присутствуют типологические формы, представленные единично. Проколка, изготовленная из короткой пластины (рис. 1:16), и отщеп с крутой ретушью (рис. 1:15) трасологически определены как сверла для дерева; "пластина со скошенным ретушью концом" использовалась для прокалывания шкур (рис. 1:25); "нож с обушком" (рис. 1:26) оправдывает свое типологическое название - острым выпуклым краем резали мясо, а обушок был притуплен ретушью на спинке.

Некоторые типологические определения носят описательный характер, например, "сечение пластины с выемкой" или "пластина с ретушью на двух противоположных углах". Среди изделий Марьино 4 в единичном экземпляре присутствуют оба "типа". Первое - сечение - служило резчиком по дереву (рис. 1:29), второе - это обломок скобеля для того же материала (рис. 1:24).

К "обломкам орудий" в типологии обычно относят все непонятные фрагменты изделий с ретушью. Три обломка с ретушью в коллекции Марьино 4 - это лезвийные части скобелей для дерева (рис. 1:7, 8, 34).

Перейдем к характеристике той части кремневых изделий, которые сохраняют "естественный контур" [5], т. е. не имеют ретушной подработки и потому не выделяются типологически как орудия, но имеют на своей поверхности следы изношенности от работы. Среди них присутствуют пластинки, их фрагменты и отщепы.

Пластинки на стоянке Марьино 4 использовались как резцы и резчики (14 экз. - рис. 2: 30, 40, 41, 45), скобели (7 - рис. 2:49), строгальные ножи (5 - рис. 2:29, 35-38), сверла (1 - рис. 2:15), пилки (3 - рис. 2:31, 34, 39), мясные ножи и вкладыши ножей (10 - рис. 2:11, 12, 16-18), проколки (3 - рис. 2:21, 24, 25), вкладыши метательного оружия (10 - рис. 2:1 - 10). На дистальном конце одной изогнутой в плане и в профиле пластины зафиксированы следы в виде жирной проникающей заполировки, располагающейся на четко ограниченном участке лезвия узкой полосой с двух сторон, сопровождающих ее тонких, направленных слегка диагонально кромке линейных следов, скругленной в плане кромки и микроскопической разрозненной выкрошенности. Такие следы износа позволяют интерпретировать изделие как "кожевенный нож", т. е. применявшееся для "раскраивания шкур" (рис. 2:20). Совмещают функции скобеля и резчика 3 экз. (рис. 2:33, 42), строгального ножа и резчика 3 экз. (рис. 2:35, 36), мясного ножа и резчика 9 экз. (рис. 2:14, 16, 26, 32, 41).

Для характеристики пластинчатых комплексов часто привлекают формально-статистические данные, т. е. подсчитывается количество пластин тех или иных параметров. В комплексе Марьино 4 это соотношение выглядит следующим образом (правда, в данном случае учитывались и типологически выраженные формы): микропластины шириной до 0,8 см представлены 120 экз., пластины шириной 0,8-1,2 см - 77 экз., шириной 1,2 - 1,8 см - 26 экз. и шириной более 1,8 см - 8 экз. В таблице 1 приведены данные, позволяющие проследить динамику использования пластин той или иной ширины. В целом можно отметить, что большинство

³ Здесь и далее следы изношенности на орудиях соответствуют описаниям, приводимым Г. Ф. Коробковой и В. Е. Щелинским [4].

Таблица 1

Размеры Функции	до 0,8 см			0,8 - 1,2 см			1,2 - 1,8 см			больше 1,8 см		
	фр-ты	целые	всего	фр-ты	целые	всего	фр-ты	целые	всего	фр-ты	целые	всего
мясные ножи				5		5	2	1	3			
мясные ножи / резчики				3	1	4	4		4	1		1
вкладыши метательного оружия	9	1	10									
проколки	1		1	1	1	2						
кожевенные ножи					1	1						
пилки		1	1				1	1	2			
сверла					1	1						
строгальные ножи				1		1	3	1	4			
строгальные ножи / резчики				2	1	3						
скобели	1	2	3	1	1	2				1	1	2
скобели / резчики							1	1	2	1		1
резцы	1		1	5		5	6		6	1	1	2
Всего	16			24			21			6		

пластин с признаками износа имеют ширину более 0,8 см. Из 120 микропластин достаточные для трасологического "диагноза" следы присутствуют только на 18, зато из 8 пластин, имеющих ширину более 1,8 см, использованы 6 (а еще 2 - это скребки), т. е. налицо стопроцентное использование. Основная часть пластин с признаками изношенности (и реутилизации) имеет ширину 0,8 - 1,8 см. Ярко выраженной связи между шириной пластин и их функцией не отмечается, кроме группы микропластин, определяемых как вкладыши метательного оружия.

Среди отщепов, имеющих следы изношенности, определены резец по кости/рогу (рис. 2:44), скобель для дерева (рис. 2:46), миниатюрный струг (рис. 6:8а), скребок для обработки шкур (рис. 2:48), два остроконечных отщепа использовались для прокалывания шкур (рис. 2:22,23). Вообще отщепы использовались, вероятнее всего, эпизодически, в тех случаях, когда их края имели подходящие "рабочие качества".

Таким образом, несмотря на "неразвитость типологического состава" [2] коллекции Марьино 4, в ней присутствуют разнообразнейшие функциональные группы, большая часть изделий со следами износа от выполнения различных работ представляет собой пластинки без ретушной подработки, т. к. для выполнения большинства операций она просто не нужна. Ретушь наносилась на определенные участки некоторых инструментов в случае необходимости: для выделения острых кончиков (проколки, сверла, наконечники), притупливания рабочего края (скребки и скобели), формирования черепков наконечников и обушковых частей (ножи) и площадок для нанесения резцового скола. С учетом случаев реутилизации количественное соотношение орудий, участвовавших в производственных операциях, выглядит следующим образом:

1. Группа орудий охоты и разделки охотничьей добычи:

а) наконечники стрел (1 - впоследствии скобель и 1 - резчик) - 12 экз.;

б) вкладыши метательного оружия - 10 экз.;

в) мясные ножи (в т. ч. совмещенные с резчиками) - 22 экз.

Всего: 44 экз.

2. Группа орудий для обработки шкур:

а) скребки - 8 экз.;

б) проколки - 6 экз.;

в) кожевенный нож - 1 экз.

Всего: 15 экз.

3. Орудия для обработки дерева:

а) резцы - 13 экз.;

б) строгальные ножи (в т. ч. совмещенные с резчиками) - 8 экз.;

в) скобели (в т. ч. совмещенные с резчиками) - 11 экз.;

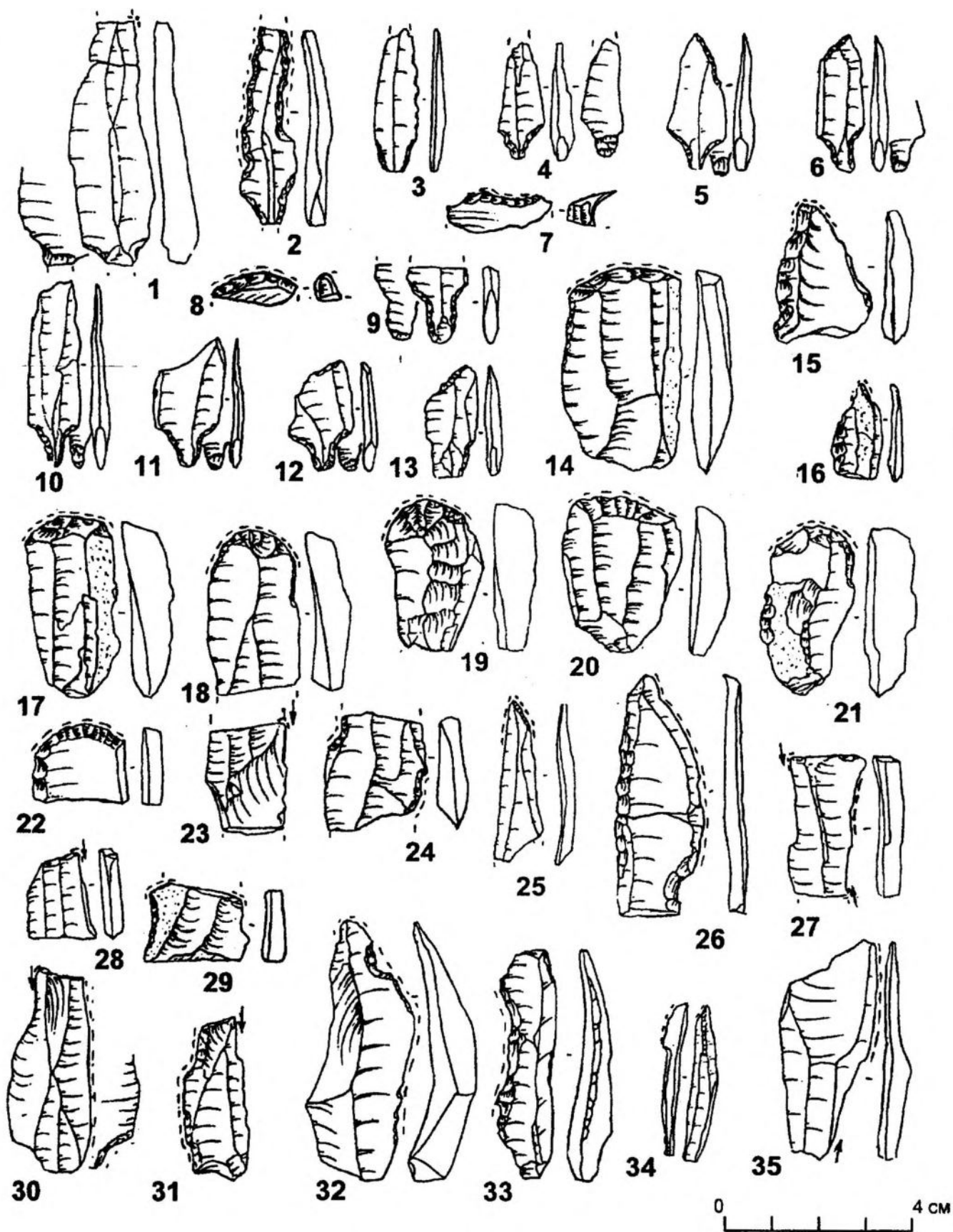

Рис. 1. Стоянка Марьино 4. Кремнёвые изделия

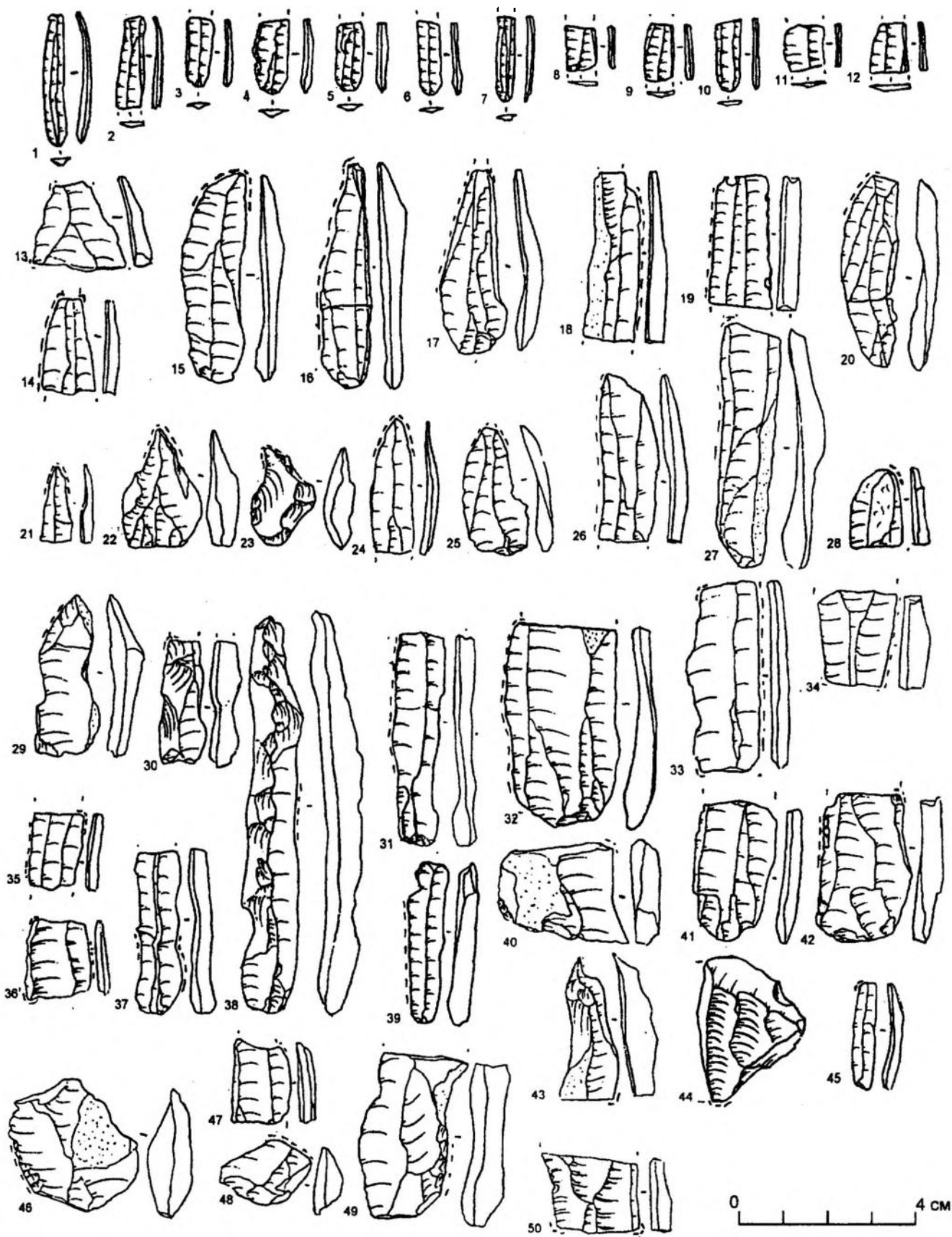

Рис. 2. Стоянка Марьино 4. Ножевидные пластинки и отщепы со следами использования. Кремль

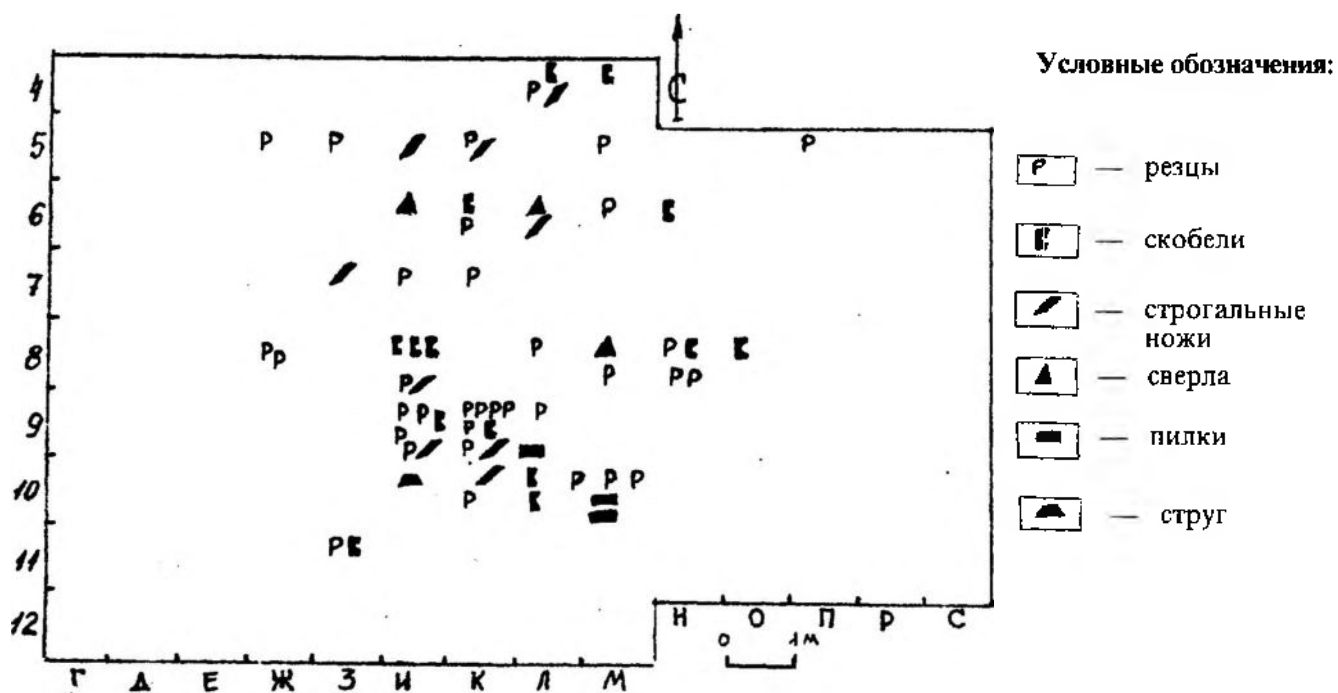

Рис. 3. Стоянка Марьино 4. Размещение орудий для обработки твердых материалов по площади раскопа

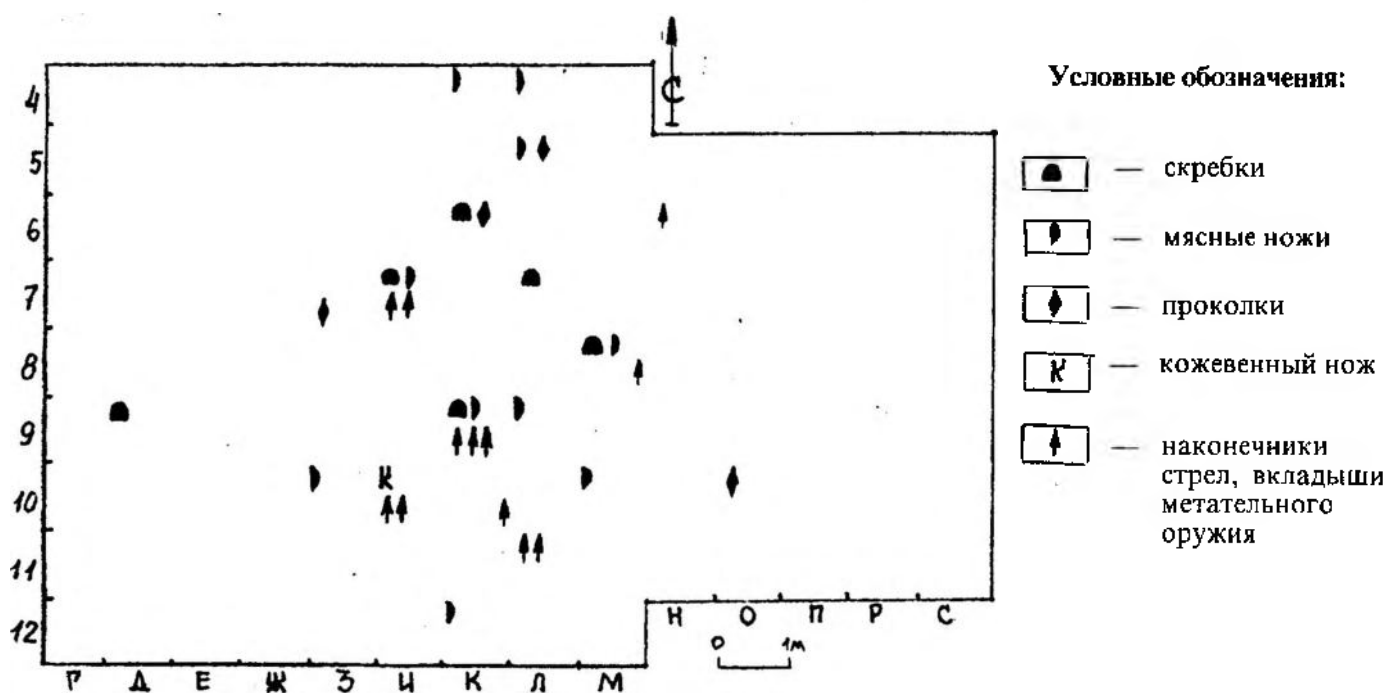

Рис.4. Стоянка Марьино 4. Размещение орудий для обработки мяса и шкур и охотничьего вооружения по площади раскопа

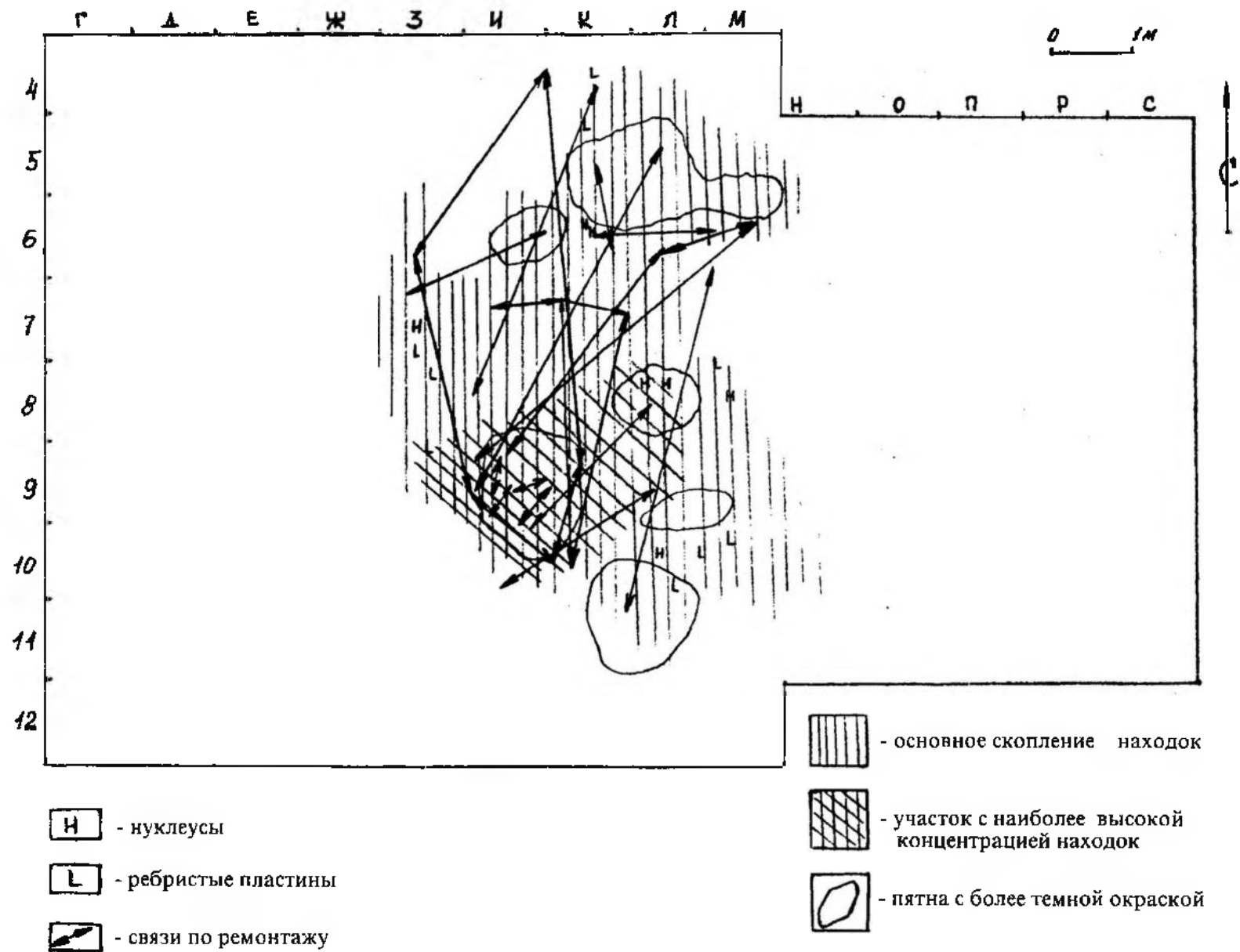

Рис. 5. Стоянка Марьино 4. Распределение группы технологически определимых сколов по площади раскопа

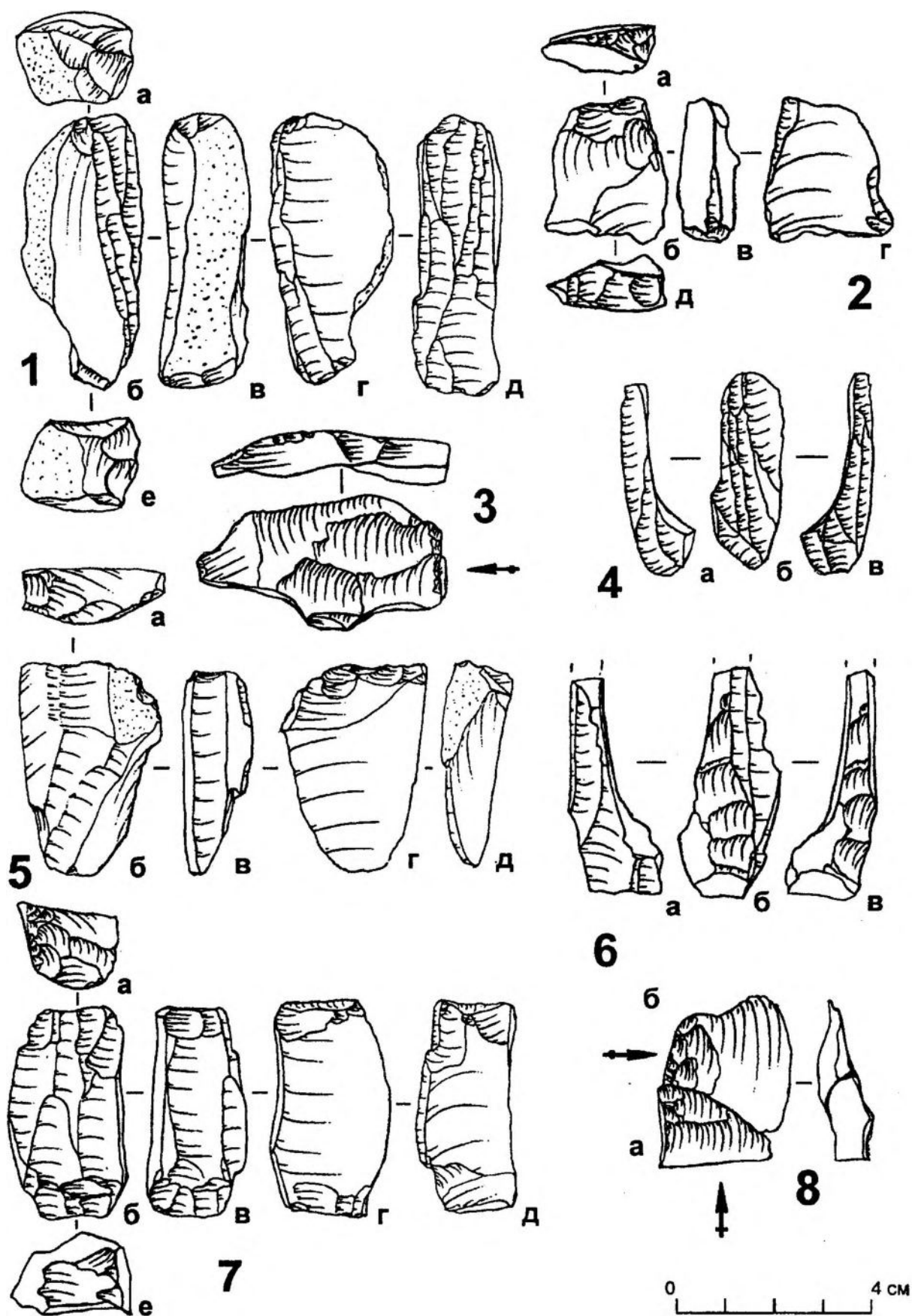

Рис. 6. Стоянка Марьино 4. Нуклеусы и технологически определяемые сколы. Кремль

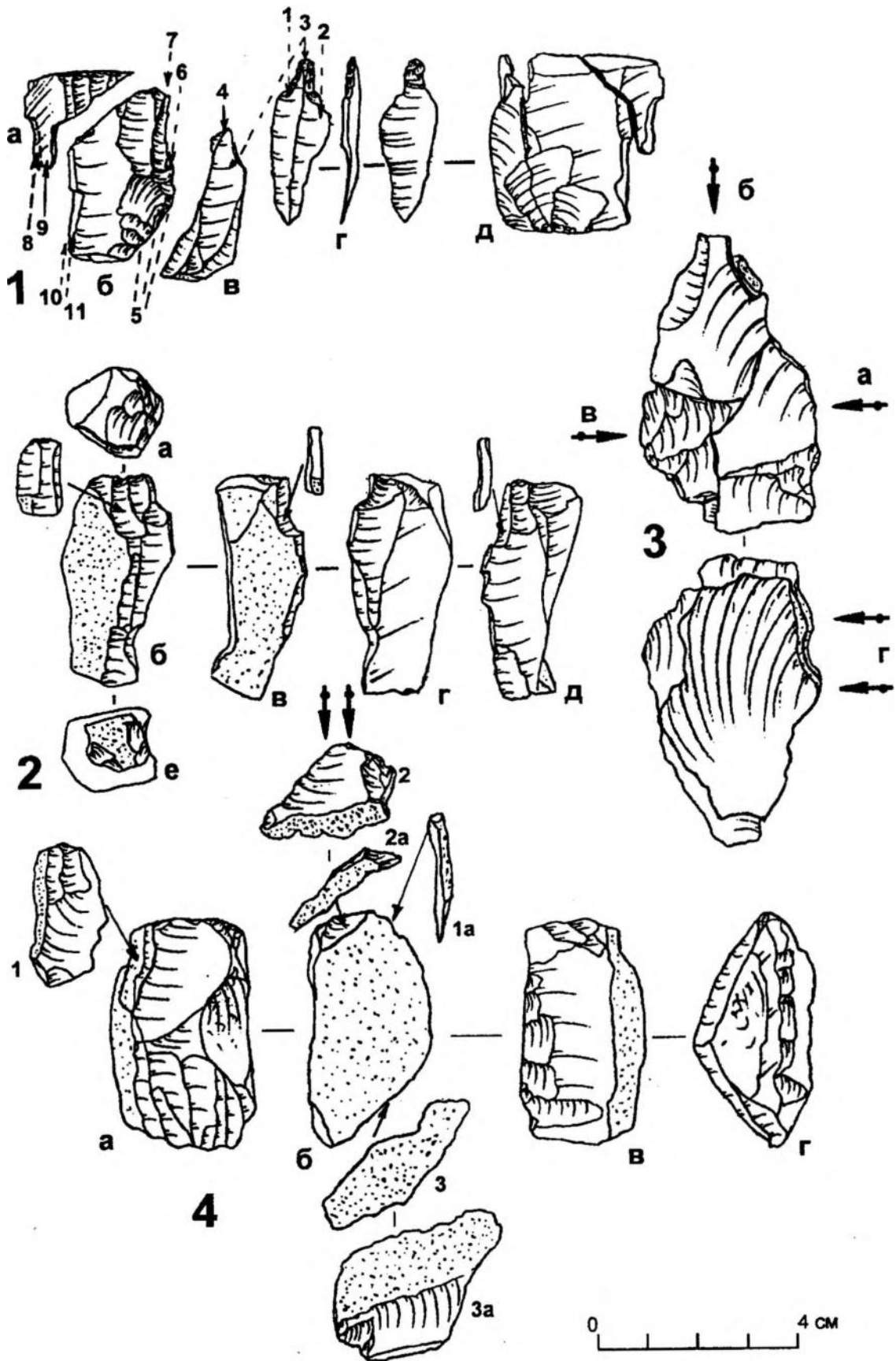

Рис. 7. Стоянка Марьино 4. Нуклеусы, складни. Кремьнь

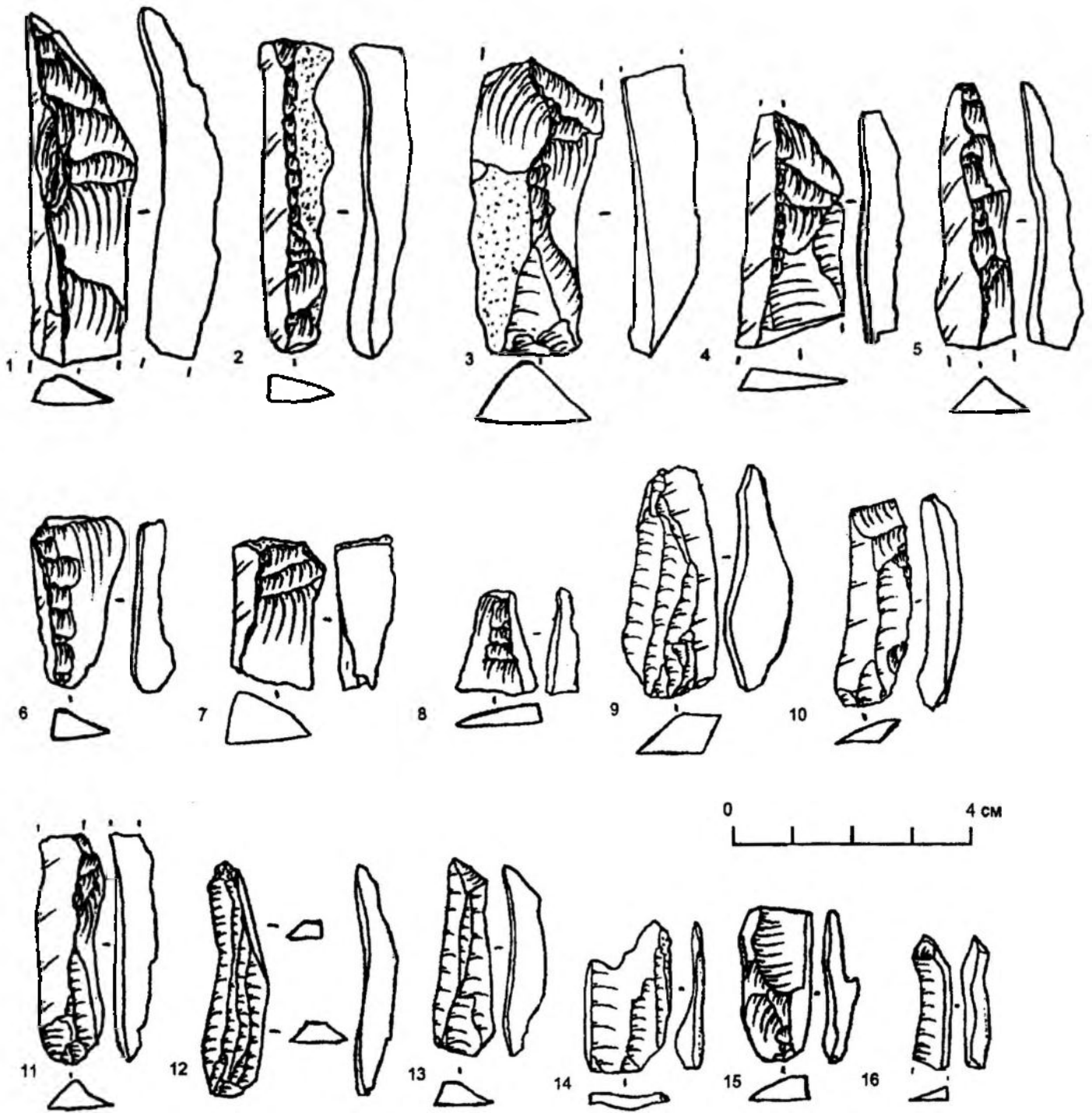

Рис. 8. Стоянка Марьино 4. Сколы, входящие в технологический контекст. Кремь

г) сверла - 3 экз.;

д) пилки - 3 экз.;

е) струг - 1 экз.

4. *Орудия для обработки кости/рога:*

а) резцы - 2 экз.;

б) строгальный нож - 1 экз.;

в) скобели - 3 экз.

Всего: 39 экз.

Всего: 6 экз.

Из приведенных цифровых данных видно, что количественно выделяется группа орудий для обработки дерева, более разнообразен их состав, хотя, конечно, это не может однозначно трактоваться как признак более развитой деревообработки по сравнению с обработкой кости. Среди орудий, служивших для обработки твердых материалов, преобладают резцы и резчики (33 экз. с учетом случаев реутилизации), применявшиеся, вероятно, для изготовления рукоятей, оправ составных орудий, но вполне возможны и другие варианты их применения. На территории стоянки производилась разделка туш животных, обработка шкур скребками. Наличие проколов и кожанного ножа свидетельствует об изготовлении из обработанных шкур каких-то изделий. В целом нужно отметить разнообразие проводимых на поселении работ.

Стоянки с подобным орудийным набором и соотношением функциональных групп традиционно относят к "поселениям без признаков специализации с повседневной хозяйственно-бытовой деятельностью" [6].

Функционально-планиграфические исследования обычно заключаются в распределении на чертеже территории исследованного раскопками участка изделий со следами износа от работы и выделении на основании полученных данных "производственных участков, зон активности, границ жилищ и межжилищных пространств", "решения ряда проблем по продолжительности бытования, определении сезонности и производственной спецификации" древних поселений [7]. Подобное поквадратное распределение инвентаря было произведено на материалах стоянки Марьино 4 с целью выявления "функциональной структуры" стоянки, т. е. наличия и расположения специализированных производственных участков³. Территория памятника имела поздние нарушения слоя в виде двух ям, которые расположены в стороне от основного насыщенного находками участка. Как уже отмечалось, все скопление находок в раскопе занимало небольшой участок 5x7 м в центральной его части. На рис. 3, 4 представлено расположение инструментов, применявшихся в производственных операциях, на площади раскопа. Первый чертеж отражает распределение орудий для обработки твердых материалов (дерева, кости/рога; сюда же отнесены и случаи реутилизации мясных ножей в качестве резцов), второй - изделий для обработки шкур, мясных ножей и предметов охотничьего вооружения. Орудия всех групп довольно равномерно расположены в границах основного насыщенного находками участка, не образуя четких "монофункциональных скоплений", кроме разве что группы резцов, строгальных ножей и скобелей в кв. И - 8-9, К - 9 - 10. На третьем чертеже (рис. 5) показано распределение по площади раскопа нуклеусов и "технологических сколов" (в данном случае ребристых пластин), отходов производства (чешуек и отщепов), отмечены выявленные связи по ремонту. Довольно большое количество обнаруженных связей, на наш взгляд, является надежным показателем одновременности и чистоты комплекса. Все имеющиеся в коллекции нуклеусы располагаются довольно равномерно в пределах основного скопления, два нуклеуса обнаружены в кв. Л - 10. В кв. И - К - 9 - 10 отмечено большое количество связей по ремонту (подбираются отщепы), видимо, данный участок можно охарактеризовать одновременно как "точка" (т. е. место, где велась обработка кремневого сырья [8]) и как производственный участок, связанный с обработкой твердых материалов (главным образом, дерева). Отходами производства особенно насыщен участок, ограниченный кв. И - К - 9. На территории, связанной с основной массой находок, зафиксированы пятна более темного по сравнению с остальной поверхностью раскопа цвета (рис. 5). После выборки культурного слоя они прослеживались в виде слабо заглубленных в материк ям с нечеткими краями. Интерпретация их на данный момент кажется затруднительной.

На наш взгляд, анализ распределения материала по площади раскопа не дает оснований для выделения разнофункциональных участков внутри скопления находок в центральных квадратах, которое следует рассматривать как единое целое. Учитывая небольшие размеры коллекции кремневого инвентаря и отсутствие на ее территории четко прослеживаемых конструктивных деталей (в т. ч. отсутствие выраженных очагов), стоянку Марьино 4 можно охарактеризовать как кратковременно бытовавшую, а размещение находок позволяет предположить, что в центральной части раскопанной площади велась разнообразная деятельность - от производства орудий до различных способов их использования.

Технологическое исследование марьинской индустрии заключается в выявлении способов производства заготовок через анализ форм представленных в коллекции изделий [4;9], в этом случае удалось использовать данные ремонта.⁴ Основным типом скола - заготовки в индустрии Марьино 4 служили ножевидные пластинки, ширина которых довольно сильно варьирует, многие из них имеют изгиб в профиле, большая их часть (из числа целых) отличается неправильностью огранки, угол схождения брюшка и спинки не всегда стабилен.

Контекст технологии неполный - в коллекции отсутствуют пренуклеусы, вероятные способы их оформления восстановлены по имеющимся "технологически определяемым сколам" и нуклеусам. В коллекции 6 нуклеусов. У пяти из них пластинчатые снятия производились в одной плоскости, у одного - в двух противо-

³ Авторы выражают благодарность Г. Н. Поплевко за помощь при проведении планиграфического исследования.

⁴ Авторы выражают благодарность Е. Ю. Гире за помощь и консультации при проведении технологического анализа.

положных, с разных площадок (рис. 7:1). На четырех нуклеусах фронт расщепления образован встречными негативами от пластин, снятых с двух площадок (рис. 6:1,7; рис. 7:2,4). Поверхности расщепления неширокие - от 1 см (рис. 6:5в) до 3 см, в последнем случае фронт расщепления имеет самую выпуклую в сечении форму (рис. 6:7а), в плане близки к прямоугольнику. Боковые поверхности нуклеусов составляют с фронтом расщепления угол, близкий к 90°, они не несут на своей поверхности следов намеренного выравнивания, в двух случаях это галечная корка (рис. 7:2,4), в двух - поверхность брющка скола (рис. 6:1г,5г; 7:2г). Тыл подработан поперечными сколами у одного ядрища (рис. 7:4в), у двух он образован коркой (рис. 6:1г,5г; 7:2г), еще у одного - это поверхность брющка скола (рис. 6:7г) и у последнего оставлено ребро схождения спинки и брющка отщепа (рис. 6:5). Площадки нуклеусов (в тех случаях, когда они не полностью истощены, т. е. фронт не вплотную приблизился к тылу, и могут быть проанализированы) оформлялись сначала одним крупным, а затем подправлялись серией мелких сколов, притупляющих первоначально сформированный угол скалывания (рис. 6:1а,5а,7а), или сохраняли естественную поверхность (рис. 7:1а), но в данном случае грань схождения площадки и боковой стороны интенсивно пришлифована. Абразивная подработка в этом варианте участок площадки, заранее подготовленный мелкими сколами (рис. 6:5а, г), указывают направление планируемого расширения фронта нуклеуса за счет боковой стороны. Интересно отметить, что на двух площадочных нуклеусах только одна площадка формировалась указанным способом, противоположная же несет просто негативы мелких сколов на галечной корке (рис. 7:2е), негативы подобных сколов на основном "плоском" фасе (рис. 6:7е) или несформирована совсем; снятие производилось с имеющегося ребра между тылом и фронтом расщепления (рис. 7:4,3,3а). Однако в случае частого использования такого приема слишком быстро сокращается длина нуклеуса, возможно, поэтому и возникала необходимость в создании второй площадки.

Пример формирования площадки снятием, направленным к боковой поверхности нуклеуса, дает складень, изображенный на рис. 7:4. Скол подправки ударной площадки имеет негативы предшествующих снятий, ориентированные в ту же сторону, что и он (рис. 7:4,2-2а). Ширина площадки не могла быть больше длины этого скола и составляла всего 2 см. Описываемый предмет имеет два ударных бугорка, так же, как и скол "г" из складня из подбирающихся отщепов на рис. 7:3. Вероятно, данный складень тоже дает пример формирования ударной площадки. Скорее всего, это была узкая (максимальная ширина 3 см) поверхность, т. к. с одной стороны она ограничивается ударными бугорками (сколы "б" и "в"), а сколы "а" и "г" имеют неподготовленные площадки (галечная корка). Интересен скол подправки ударной площадки, сохранивший устьевые участки негативов бугорков широких снятий (рис. 6:3). Он был снят в направлении боковая сторона - боковая сторона, т. к. сохраненная часть ударной поверхности не имеет подработки (часть поверхности снятия или разлома), а дистальный конец сохраняет галечную корку. Судя по негативам предыдущих снятий на сколе, предшествующая подработка площадки производилась подобным же образом.

Сколы формирования призматического рельефа поверхности расщепления представлены довольно большой серией - 12 экз. На некоторых из них выполнены орудия (рис. 1:19,21). Практически все они унифасильны (рис. 8:2,4-8), неподработанная сторона не имеет четко выраженных ударных волн и выглядит как часть поверхности разлома или снятия (в целом по характеру похожа на боковые стороны нуклеусов), у некоторых вторая грань подправлена 1-3 поперечными сколами (рис. 2:38;8:1,3). Часть ребристых сколов имеет асимметричное сечение и угол, близкий к 90°, образованный именно схождением неподработанных сторон спинки и брющка (рис. 8:1,2,4,6-8). Вероятно, они снимались с поверхности пренуклеуса с уклоном в сторону планируемой поверхности расщепления. Очень небольшое количество пластинчатых снятий имеет рельеф спинки, образованный одним продольным и несколькими поперечными снятиями без устьевых участков (следующие за ребристым); можно предположить, что ребристые сколы оформлялись главным образом для выведения первоначального угла скалывания. Это вполне логично, если учесть, что пренуклеусы изготавливались из отщепов, т. е. их стороны, являющиеся позитивами брющка или спинки, и без подправки имели достаточно ровный рельеф. Исключение составляет крупный скол с "ныряющим окончанием" с сохранившейся проксимальной частью, который сохраняет на поверхности спинки негативы поперечных снятий после отделения собственно ребристого скола и, по крайней мере, еще двух пластин (одна из них имеет встречное направление скалывания). В основном это негативы дистальных частей снятий (рис. 6:6), следующая за ними часть боковой стороны нуклеуса не подработана. Скол "нырнул" скорее всего потому, что в дистальной его части кремний имеет включение другой более крупнозернистой структуры.

Видимо, к сколам формирования первоначального рельефа следует отнести два скола с тупыми углами схождения плоскостей брющка и спинки (рис. 8:9,10). Дорсальная поверхность первого несет негативы параллельного скалывания и серии коротких поперечных снятий с ребра сколов, спинка второго - только серию негативов параллельной направленности. Их сечения наглядно показывают, что первоначальная поверхность расщепления была очень узкой.

Складень 1 на рис. 7 дает возможность проследить способы работы с поверхностью расщепления и некоторые из применявшихся в технологии Марьино 4 приемы исправления ошибок. Первое снятие (негатив 2 на рис. 7:1г) было произведено с узкого торца нуклеуса, следующее сместили в сторону боковой поверхности (негатив 1 на том же рисунке), затем так же была отделена пластина, из которой изготовили наконечник (рис. 7:1,г), следующий скол, с "ныряющим окончанием", снова был снят с торца (рис. 7:1в). Последний скол образовал на нуклеусе выступ в дистальной части, препятствующий дальнейшему процессу расщепления. Необходимый для продолжения расщепления рельеф поверхности скалывания был восстановлен поперечными снятиями, т. е. формированием ребра (рис. 7:1б), но последовавшее за этим снятие (негатив 6 на рис.

7:16) окончилось заломом, после чего работа с данной стороной нуклеуса была прекращена. Первое снятие, произведенное с противоположной поверхности расщепления и в противоположном направлении, с площадки, оформленной серией мелких направленных к боковой стороне сколов (рис. 7:1а, негатив 8), завершилось ступенчатым окончанием недалеко от основания нуклеуса. Вероятно, исправить ситуацию, сложившуюся на нуклеусе, решили, отнеся точку удара дальше в глубь площадки, чтобы снять крупный скол, который унесет с собой часть поверхности расщепления с дефектом; но скол "нырнул" (рис. 7:1а). После этого были предприняты попытки снять два угловых скола, видимо для того, чтобы расширить фронт расщепления за счет боковой стороны, но оба они окончились заломами, пройдя половину длины поверхности расщепления (рис. 7:1б, негативы 10 и 11).

Похожий пример исправления ошибки расщепления, связанной с возникновением на этот раз петлеобразного окончания, подправкой с боковой стороны представлен на рис. 6:8. Скол, имеющий на спинке негативы поперечных по отношению к направлению его скальвания снятий, окончился заломом (рис. 6:8а). Чтобы убрать возникшую на предмете расщепления выпуклость, было произведено еще одно боковое снятие (рис. 6:8б).

Вторым вариантом "борьбы с заломками" были встречные снятия (рис. 8:15). Данное наблюдение напрямую связано с вопросом о характере второй площадки на двухплощадочных нуклеусах. Ранее уже указывалось, что на таких ядрищах площадки формировались по-разному. Подсчет количества пластин с негативами встречных снятий показал, что они составляют чуть более 5% от их общего количества, причем подавляющая часть их имеет встречные негативы, в длину не достигающие и середины заготовки. Такие негативы вполне могли быть следствием удаления ошибок расщепления или образовываться от снятий, призванных понизить рельеф дистальной части нуклеуса. Сложно установить, на каком именно этапе работы с ядрищем производилось формирование второй площадки, но вполне вероятен ее вспомогательный характер.

Углы скальвания на нуклеусах колеблются в пределах 78° - 89° , что вполне соответствует углам скальвания на пластинах.

Анализ проксимальных частей пластинчатых сколов (120 экз.) показал, что наиболее часто зона расщепления готовилась редуцированием и пришлифовкой грани между ударной площадкой и поверхностью расщепления. Сочетание этих приемов имеется на 61 экз. Нужно отметить слабое редуцирование на части пластин, возможно, оно получалось благодаря интенсивной абразивной подработке. Следы только пришлифовки есть на 7 экз. снятий.

Большинство снятий имеют широкую (4 и более мм) площадку (70 экз. или 58%), 28 - точечную; практически все они представляют собой микропластины с наиболее правильной огранкой. Следов мелкой ретушной подработки края площадки на сколах не наблюдается.

15% от общего количества пластинчатых снятий составляют сколы, одна из боковых граней которых имеет прямой угол с брюшком. Эта грань представляет собой часть поверхности неподработанной боковой стороны или меловую корку. Это сколы увеличения выпуклости фронта расщепления нуклеуса, довольно большое их количество связано с узкими поверхностями расщепления большинства ядрищ коллекции. Скальвание производилось в пределах "полуторца", в этом случае поверхность фронта расщепления нуклеуса - отщеп быстро истощалась и уплощалась, приближаясь к боковой стороне. Увеличение выпуклости производилось посредством снятия угловых сколов (рис. 8:12,13,16), а на узких марьинских нуклеусах такой прием должен был использоваться довольно часто.

Из данного контекста выпадает "нырнувший" скол с нуклеуса, несомненно имевшего снятия по всему периметру площадки (рис. 6:4). Основание его несет следы подправки встречными снятиями. Подобные ядрища относят к нуклеусам с круговой огранкой и связывают с производством микропластин отжимной техникой. Нужно отметить, что классических микропластин в коллекции Марьино 4 не так много, т. к. большая часть снятий, имеющая ширину в пределах 0,8 см, отличается неправильностью огранки и большой толщиной. Снятий, достойных называться микропластинами, т. е. имеющих минимальную ширину и толщину при максимальной длине, всего чуть больше 20 с учетом фрагментов. Соотношение длины и толщины у них (у немногих целых) 30 мм к 0,5 мм при ширине в пределах 6 мм. Использовались они главным образом в качестве вкладышей в составных орудиях, для чего отбирались наиболее прямые в профиле пластинки или их фрагменты. Вероятно, в марьинской технологии их производство следует выделить в отдельный контекст, для полной реконструкции которого слишком мало данных.

В качестве основного итога исследования можно подчеркнуть следующее. Памятник Марьино 4 следует охарактеризовать как недолговременную стоянку, на площади которой производились различные виды работ с использованием разнообразных материалов. В этом отношении можно провести параллель со стоянкой Крутой Берег, также имеющей неспециализированный характер [10]. Для выполнения различных видов работ использовались главным образом ножевидные пластинки без ретушной подработки, что тоже сближает оба памятника. Технология производства ножевидных пластин в Марьино 4 основывалась на утилизации нуклеусов, изготовленных из отщепов. Эта особенность технологии, вероятно, вызвана отсутствием поблизости от стоянки источников кремневого сырья и необходимостью приносить его откуда-то со стороны. Начальная форма ядрищ обусловила основные, описанные выше, приемы подготовки и использования поверхности расщепления.

Функциональное, технологическое и планиграфическое исследование материалов мезолитических стоянок Молого - Шекснинского междуречья только начинается. Подобный анализ инвентаря других, не менее интересных памятников региона позволит провести подробные сравнения и определить место Марьино 4 в

кругу памятников эпохи мезолита бассейнов Шексны и Мологи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондакова-Косорукова Н. В. Отчет о работах Череповецкого отряда Севернорусской археологической экспедиции в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
2. Кондакова-Косорукова Н. В. Мезолитическая стоянка Марьино 4 в бассейне средней Мологи // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. II. Иваново, 1995.
3. Семенов С. А. Первобытная техника // МИА. № 54. 1957.
4. Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. Методика микро - макроанализа древних орудий труда. Ч. I. СПб., 1996.
5. Медведев Г. И. К проблеме анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. Иркутск, 1981.
6. Жилин М. Г. Мезолитическая стоянка Новошино на Нижней Оке // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991.
7. Кротова А. А., Коен В. Ю., Евтушенко А. И. Опыт изучения кремнеобрабатывающего производства позднелитической стоянки Ямы (по результатам планиграфического исследования) // Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев, 1989.
8. Леонова Н. Б. Характер скопления кремня на кремнеобрабатывающих мастерских // Вестник Московского Университета. Сер. 8. История. 1980. № 5.
9. Гиря Е. Ю. Технологический анализ пластинчатых индустрий: Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. ОП.2 - Д. Д510. СПб, 1993.
10. Васильева Н. Б. Кремневые орудия стоянки Крутой Берег по данным трасологического анализа // В печати.

*Областная станция юных туристов,
Вологда
Музей археологии Череповецкого музейного объединения,
Череповец, Вологодская область*

N.B. Vasiljeva, N.V. Kosorukova

THE RESULTS OF PLANIGRAPHIC, TRACEOLOGICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF MATERIALS FROM MARJINO 4 SITE

Summary

The Mesolithic site Maryino 4 was discovered in 1990 by N.V. Kosorukova. The site is situated at the right bank of the Rattsya stream, the tributary of the Pes' river in the Chagodosh District of the Vologda Region. The area of 116 sq.m was excavated in 1994. The finds are represented by flint artefacts. The combination of Post-Ahrensburgian and Post-Swiderian traits is a distinguishing characteristic of the assemblage. The site is among the most ancient ones in the Mologa river basin. The results of the functional and planigraphic analysis showed that the site had been occupied for a short time and was of unspecialized character. The unretouched blades were in use as the main tools and the blades production was based on the cores prepared of large flakes.

*Regional Station of Young Tourists
1, Puteyskaya St., Vologda
Archaeological Museum of
the Tcherepovets Museum Association
Tcherepovets, 1 B, Krasnaya St.,
Vologda Region, Russia*

А. В. Суворов

МОГИЛЬНИК МИНИНО I НА КУБЕНСКОМ ОЗЕРЕ (по результатам работ 1993 и 1996 гг.)

Памятник Минино I находится на территории Вологодского р-на Вологодской обл. в 0,8 км к СВ от д. Минино. Он расположен на левом берегу р. Дмитровки в 0,4 км от ее впадения в Кубенское оз., принадлежащее бассейну Сухоны - Северной Двины. Занимаемая памятником площадка представляет собой ближайший к озеру мысовидный выход первой надпойменной террасы высотой 2-3 м. Поверхность площадки сегодня покрыта луговой растительностью, а по краю двухметровой террасы на востоке и севере поросла ивой (рис. 1,2).

Памятник открыт в 1993 г. в ходе обследования Кубеноозерской низины отрядом экспедиции Научно-производственного центра "Древности Севера" (г. Вологда) под руководством С.Ю. Васильева. Заложный шурф площадью 16 кв. м показал наличие культурных отложений мощностью 0,65 - 0,9 м с инвентарем эпох мезолита, неолита, бронзы, раннего железного века, древнерусского времени и XV-XVI вв. В нижней части слоя были расчищены два погребения, сильно поврежденных перекопами. Эти безынварные трупоположения восточной ориентировки первоначально сколько-нибудь определенно датировать не удалось [1; 2]. Возникло даже предположение о принадлежности их к древнерусскому времени, основанное на близком расположении к костяку в разрушенной части погребения I двух пастовых бусин и фрагмента бронзовой спиралевидной пронизки [3, с. 8; 4, с. 217].

В полевом сезоне 1996 г. работы на памятнике были продолжены силами Онежско-Сухонской экспедиции ИА РАН под руководством Н.А. Макарова и С.Д. Захарова и НПЦ "Древности Севера" под руководством автора. У северо-восточного края трехметрового участка террасы рядом с шурфом 1993 г. заложен раскоп I площадью 60 кв. м (рис. 2). Общая мощность культурного слоя в раскопе составила 0,4 - 0,8 м. Слой недостаточно хорошо стратифицирован, в нем отсутствуют стерильные прослойки, что обычно для суходольных памятников региона многократного заселения. Слой наиболее четко визуальнo разделяется на верхний пласт - свиту неоднородных слоев, отложившихся в древнерусское время (0,2-0,45 м), и нижний, имеющий мощность 0,25-0,4 м, принадлежащий эпохе первобытности.

Средневековые отложения состоят из черно-коричневой супеси, в разной степени насыщенной осколками очажных камней. Верхняя часть пласта, имеющая несколько более светлую ровную окраску и содержащая меньше печных камней, видимо, подвергалась неглубокой распахке. В толще верхнего пласта на глубинах от 0,15 до 0,25 м на большей части вскрытой площади прослежены следы необычно высокого уровня стояния вод озера в виде отложенных прибоем тонких линз сортированного песка. Нижние несколько сантиметров средневекового пласта имеют более светлую окраску - скорее всего за счет оподзоливания.

Подстилающий средневековые отложения нижний пласт мощностью 0,3-0,4 м, сложенный темно-коричневой супесью, светлеющей по мере приближения к матерiku, дал материалы, относящиеся ко всем эпохам первобытности: от раннего железного века (РЖВ) до мезолита. Слой РЖВ имеет мощность до 0,2 м и местами выделяется более темной окраской. Материк представлен светло-желтой супесью с включениями мелко известнякового гравия.

Несмотря на слабую визуальнo воспринимаемую стратификацию и отсутствие стерильных прослоек, культурные отложения разных эпох достаточно мало смешаны. Указанная стратиграфия на значительной части памятника оказалась нарушена разновременными перекопами с нечеткими контурами и кротовинами, осложнена хозяйственными и могильными ямами.

При разборке нижнего пласта культурного слоя в большом числе встречена гладкая орнаментированная, сетчатая и штрихованная керамика РЖВ. В небольших количествах - принадлежащая к эпохе бронзы, с примесью органики и раковины к тесту, близкая чирковско-сейминской (керамика пласта 3 поселения Вёкса на р. Вологде [5]; сетчатая с "S"-видной профилировкой; энеолитическая с примесью раковины в тесте и пористая; неолитическая ямочно-гребенчатая и гребенчатая. Предматериковая часть слоя дала находки,

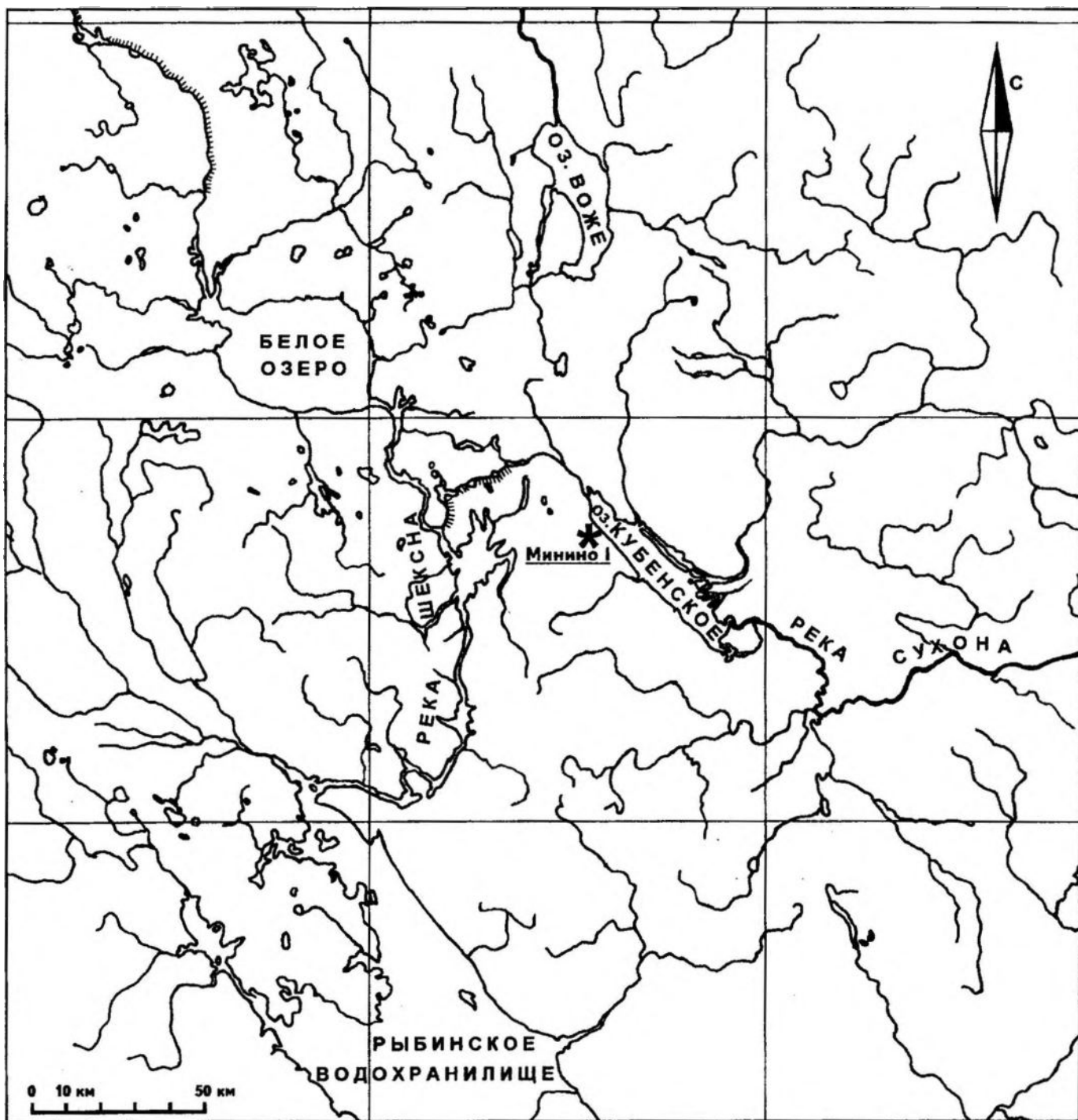

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника археологии Минино I на Кубенском озере

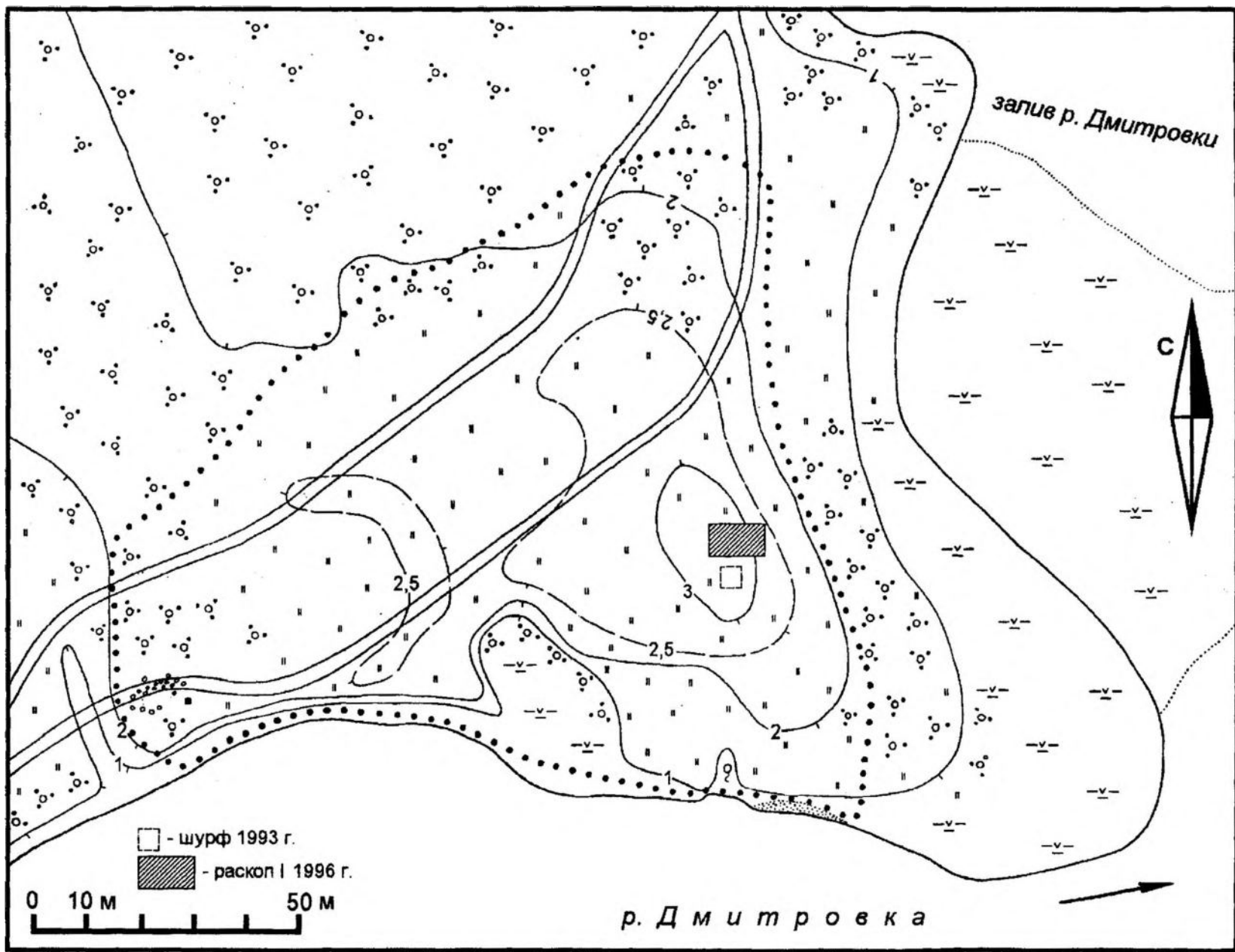

Рис. 2. План памятника Минино I. Инструментальная съемка Н. А. Макарова, 1996 г.

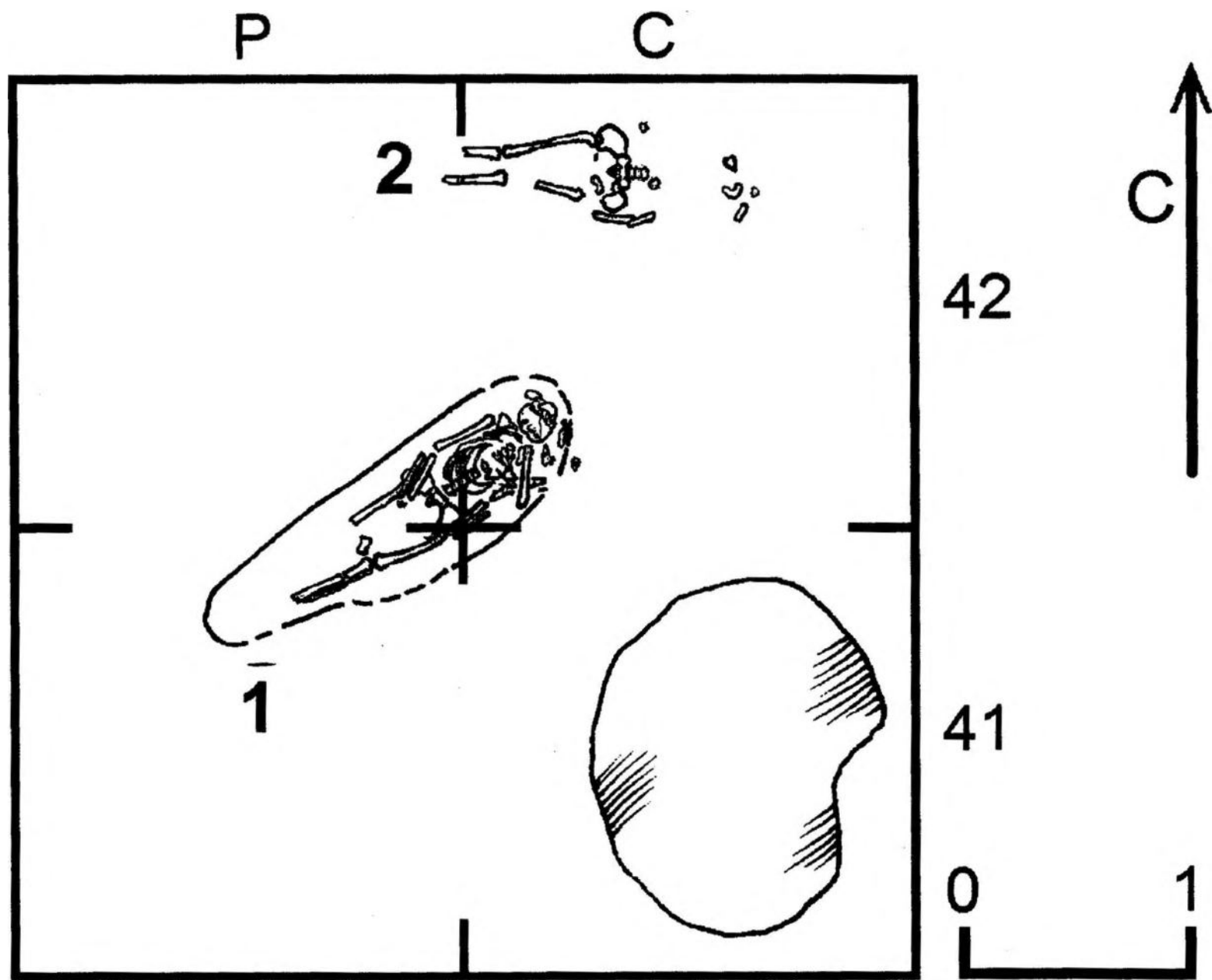

Рис. 3. Мичино I. План расположения погребений 1 и 2 в шурфе 1993 г.

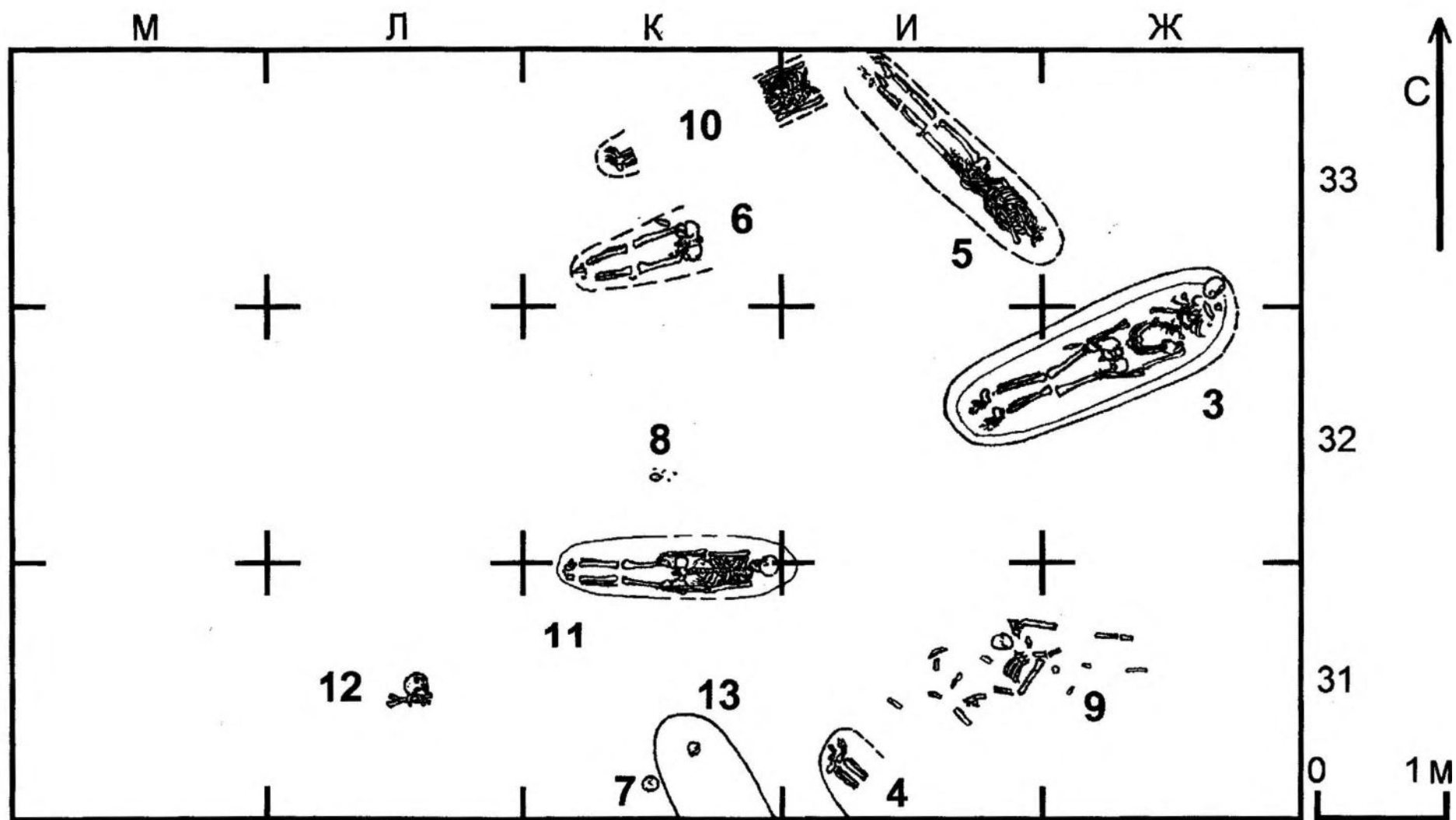

Рис. 4. Ммино I. План расположения погребений 3 -13 в раскопе 1996 г.

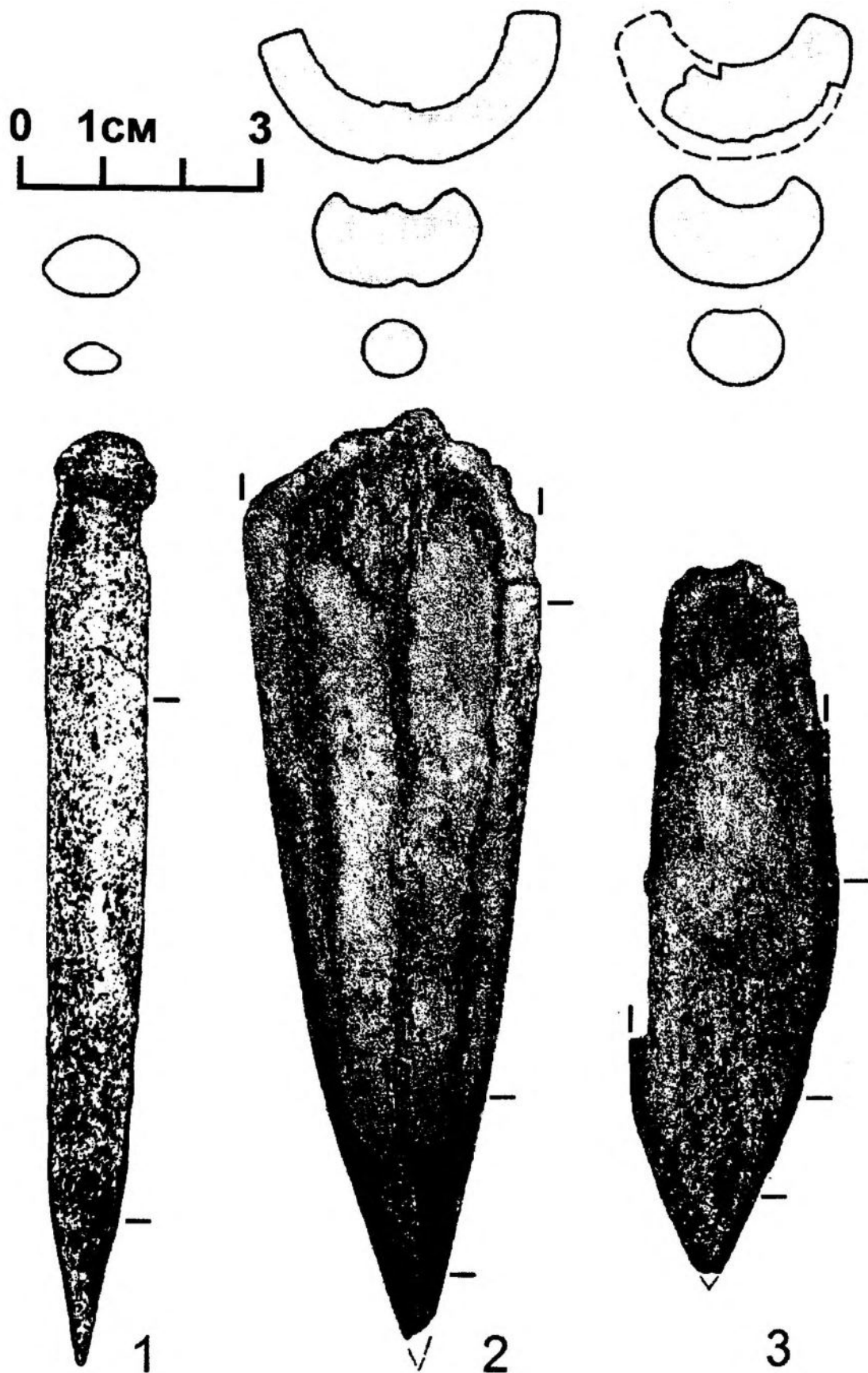

Рис. 5. Манино I. Костяные орудия из погребений:
 1 - погребение 3; 2 - погребение 5; 3 - погребение 6

принадлежащие позднемезолитическому поселению с кремневой индустрией, близкой к бутовской. Они представлены изготовленными из разного цвета кремня пластинчатыми сколами и пластинами, их сечениями, вкладышами с ретушью по одному или обоим краям, скребками, некоторыми другими орудиями на пластинах и заготовках случайных форм. Высокий уровень грунтовых вод способствовал хорошей сохранности кости в культурном слое, который не был постоянно обводненным. Значительный интерес представляет коллекция изделий из кости и рога и фрагментов изделий со следами обработки, насчитывающая ок. 200 единиц. В ее составе имеются, представленные большей частью обломками, наконечники стрел, зубчатое острие, роговое тесло со сверлиной, долото, наконечники рогатин ("кинжалы") из метаподий лося, шилья, рыболовные крючки, кинжалы и нож с пазами для кремневых вкладышей, серия орудий из челюстей и резцов бобра, подвески и нашивки из зубов, фрагментов костей животных и со сверлиной на костяных прямоугольных пластинках, обломок орнаментированной пластинки. Большая часть перечисленных находок сделана в нижней части слоя и может быть датирована по имеющимся аналогам Бореалом - началом Атлантикума. Несколько изделий, отличающихся типологически и имеющих следы обработки железными орудиями, относятся к раннему железному веку¹.

Погребения могильника

В ходе разборки нижнего пласта культурного слоя и выборки опущенных из него материковых ям на глубинах 0,45-0,8 м от современной поверхности были обнаружены человеческие останки. Погребения оказались сгруппированными у древнего, обращенного в сторону озера, края надпойменной террасы, резко понижающейся к востоку от линии квадратов И. Сохранность костных останков в разных погребениях - средняя, плохая и очень плохая. Погребения были совершены в толще нижнего пласта культурного слоя в плохо прослеживаемых ямах, практически соответствующих размерами погребенному телу. Часть погребений располагалась в зоне контакта культурного слоя с материком, часть оказалась несколько заглубленной в материк.

Погребения на памятнике получили сквозную нумерацию: 1 и 2 были расчищены в шурфе 1993 г., а 3 - 12 - в раскопе I 1996 г. (рис. 2). Вследствие того, что в 1996 г. при разбивке раскопа I контуры шурфа 1993 г. не удалось выявить с необходимой точностью, сетка квадратов получила обозначения по иной системе, принятой после ее закрепления на местности для дальнейших работ на памятнике. Ниже приводится краткое описание погребений. Предварительное антропологическое определение и патодиагностика проведены ст. научным сотрудником отдела теории и методики ИА РАН А. П. Бужиловой.

Погребение 1

Расчищено в центре шурфа 1993 г. в кв. Р-41, Р-42, С-41, С-42. Контуры могильной ямы очерчены на контакте с материком, в слое не выявлены. Размеры могильной ямы - ок. 1,9x0,5 м. Дно могильной ямы ровное, заглублено в материк на 0,05-0,1 м; поперечное сечение - неправильное линзовидное. Погребенный (мужчина) лежал вытянуто на спине, головой на СВВ (60°). Погребение с двух краев разрушено средневековыми перекопами, на месте сохранились кости от низа грудного отдела позвоночника до фрагментов берцовых. Большое число принадлежащих погребению костей верхней части скелета извлечено из ямы перекопа. Кисть левой руки погребенного находилась на верхней части левого бедра и таза; кисть правой руки располагалась в области паха. Сохранность костяка плохая. Инвентарь в сохранившейся части погребения отсутствует.

Погребение 2

Выявлено в кв. С-42 шурфа 1993 г. в 0,1 м над материком. Контуры могильной ямы в слое не обнаружены, ширина ямы - не менее 0,45 м. Погребенный (мужчина) лежал вытянуто на спине, головой на В (92°). Погребение с двух краев разрушено средневековыми перекопами, на месте сохранились кости от поясничного отдела позвоночника до поврежденных берцовых. Сохранность костяка очень плохая. Инвентарь в сохранившейся части погребения отсутствует.

Погребение 3

Зафиксировано в кв. И-32, Ж-32, Ж-33 раскопа I. Контуры могильной ямы в слое не выявлены и очерчены только в зоне контакта с материком. Размеры ямы по верхнему контуру - 2,25x0,7 м, по дну - 2,0x0,5 м. Яма заглублена в материк на 0,25-0,35 м, ее дно горизонтальное, стенки ровные, скошенные под углом около 75°. Заполнение ямы - слабо окрашенная смесь материковой светло-желтой супеси с культурным слоем. Останки принадлежат мужчине 30-39 лет (выявленные патологии - зубной камень, периостит, остеопороз, остеохондроз, вероятно нарушение обмена веществ). Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на СВВ (67°), кисти рук - на бедрах. Погребение с В края разрушено перекопом, на месте сохранились все кости ниже грудного отдела позвоночника и кости рук. Значительная часть перемещенных костей верхней части тела, принадлежащих погребению, извлечена при разборе вышележащих слоев из ямы перекопа. Сохранность костяка средняя. Инвентарь в сохранившейся части погребения представлен острием (шилом?) из кости животного дл. 11,6 см (рис. 5:1), располагавшимся в 0,05 м по направлению к ногам от кисти правой руки, острием в сторону головы. С противоположной стороны, у нижней части левой бедренной кости, в 0,05 м над дном ямы расчищен небольшой кусочек оранжевой супеси (охры?), не встречавшейся в культурном

¹ Автор выражает благодарность за полученные консультации сотрудникам сектора каменного века ИА РАН С. В. Ошибкиной и М. Г. Жилину.

слое.

Погребение 4

Расчищено в кв. И-31 раскопа I, уходит в южную стенку раскопа. Контуры могильной ямы очерчены также лишь на контакте с материком. Ширина ямы по верхнему контуру - 0,5 м. Дно сохранившейся части могильной ямы линзовидного поперечного сечения заглублено в материк на 0,09 м. Заполнение ямы - культурный слой. Погребенный (вероятно, мужчина 20-35 лет) лежал головой на ЮЮВ. Центральная часть погребения разрушена средневековым перекопом, на месте сохранились нижние части берцовых костей и кости стоп ног. Кости левой стопы большей частью перекрывают кости правой стопы. Такое взаиморасположение костей в узкой яме допускает возможность реконструировать позу погребенного - вытянутая на правом боку. Вскрытие участка южнее раскопа I, вероятно, разрешит этот вопрос, если перекопом не разрушено все погребение. Сохранность костей средняя. Инвентарь в сохранившейся части погребения отсутствует.

Погребение 5

Выявлено в кв. И-33, Ж-33 раскопа I. Контуры могильной ямы очерчены на контакте с материком. Размеры ямы - 2,2x0,45 м. Дно могильной ямы линзовидного поперечного сечения ровное, заглублено в материк на 0,06 м. Заполнение ямы - мезолитический культурный слой. Останки принадлежат мужчине 20-29 лет; выявленные патологии - остеохондроз, следы негативного влияния холода. Погребенный лежал головой на ЮВ (140°). Зафиксированы следы совершения погребения по необычному обряду - отчлененные вместе с лопатками и ключицами руки и голова покойного были помещены внутрь его грудной клетки. При этом руки, расположенные полностью в анатомическом порядке и "на своих местах" - слева и справа соответственно, сложены кистями на тазе слева в области паха. Череп обращен лицевой частью к внутренней левой стенке грудной клетки. Сохранность костей плохая. К инвентарю погребения может быть отнесен обломок наконечника рогатины из крупной трубчатой кости (рис. 5:2), расчищенный между стоп погребенного на дне ямы, лежавший острием к торцу могильной ямы.

Погребение 6

Зафиксировано в кв. К-33 раскопа I. Контуры могильной ямы, вырытой в мезолитическом культурном слое и заполненной им, практически не прослежены. Ширина ямы - не менее 0,4 м. Поперечное сечение ямы линзовидное, дно ровное, находилось в 0,05-0,07 м над материком. Погребенный (вероятно, мужчина 30-39 лет) лежал вытянуто на спине, ориентировка - СВВ (77°). Погребение сильно пострадало от перекопов РЖВ, его восточная половина полностью разрушена. На месте сохранились фрагментированные кости таза и ног. Сохранность костяка очень плохая. К инвентарю погребения может быть отнесен, с известной долей сомнения, обломок плохой сохранности орудия из крупной трубчатой кости - наконечника рогатины или кинжала (?) (рис. 5:3), расчищенный в пределах ямы у правого бедра, направленный острием в сторону стенки могильной ямы под углом 60° к ногам погребенного.

Погребение 7

Обнаружено в кв. К-32 раскопа I. Как погребение обозначены фрагменты правой височной кости черепа человека (антропологически не определялись), находившиеся в толще культурного слоя в 0,1 м над материком. Контуры ямы не прослежены. Передняя часть кости обращена к ССВ. Сохранность кости очень плохая. Инвентарь отсутствует.

Погребение 8

Как погребение обозначены найденные на площади в несколько квадратных дециметров в кв. К-32 раскопа I разрозненные зубы и фрагмент верхней челюсти человека (антропологически не определялись). Зафиксированы в толще культурного слоя в 0,06-0,08 м над материком. Сохранность кости плохая. Контуры ямы не прослежены. Инвентарь отсутствует.

Погребение 9

Расчищено в кв. И-31, Ж-31 раскопа I. Как погребение обозначено значительное по площади скопление разрозненных фрагментированных костей человека (мужчины, вероятно, 20-35 лет), находившееся в толще мезолитического культурного слоя в нескольких сантиметрах над материком. Контуры могильной ямы не прослежены; размеры скопления с С на Ю - до 1 м, с З на В - более 1,5 м. Фрагменты нескольких костей расположены в порядке, близком к анатомическому. Ориентация погребения, возможно разрушенного обширным древним перекопом без четких границ, может быть указана по взаиморасположению фрагментов берцовых, бедренных, тазовых и правой плечевой костей как западная (?). Сохранность костей плохая. Обращает на себя внимание некоторое повышение концентрации в зоне погребения характерных для мезолитического культурного слоя индивидуальных находок - встречены орудия на резцах бобра, фрагмент костяного орнаментированного изделия, подвеска из кости, игла, обломок орудия с пазом. Связь данного инвентаря с погребением представляется проблематичной.

Погребение 10

Выявлено в кв. И-33, К-33 раскопа I. Контуры могильной ямы, вырытой в мезолитическом культурном слое и заполненной им, прослежены в зоне контакта с материком. Ширина ямы - 0,45 м, длина сохранившейся части - 1,8 м. Поперечное сечение ямы линзовидное, дно, находящееся на уровне материка и несколько заглубленное в него, ровное, с уклоном к ногам 0,05 м. Погребенный (мужчина 20-29 лет) лежит вытянуто на спине, сориентирован на СВВ (72°). Погребение сильно повреждено двумя перекопами РЖВ - полностью разрушены центральная часть костяка и череп. На месте сохранились две группы костей - стоп с фрагментированными берцовыми и грудного и шейного отделов позвоночника с грудной клеткой и плече-

выми костями рук, с нижней челюстью. Сохранность костяка плохая. Инвентарь в сохранившейся части погребения отсутствует.

Погребение 11

Зафиксировано в кв. К-31, К-32 раскопа I. Контуры могильной ямы очерчены в нижней части культурного слоя на контакте с материком. Длина ямы - 1,8 м, ширина - 0,4 м. Могильная яма прорезает материковую яму, заполненную мезолитическим культурным слоем. Дно могильной ямы линзовидного поперечного сечения ровное, заглублено в материк на 0,04-0,1 м. Останки принадлежат мужчине старше 50 лет. Выявленные патологии - признаки продолжительной анемии, зубной камень. Сохранность костяка плохая. Грудная клетка и череп частично повреждены перекопом. Погребенный лежал головой на В (91°), руки вытянуты вдоль тела. Кости кистей рук - на бедренных костях. Внутри распавшейся черепной коробки расширены фаланга пальца и фрагмент ребра; между челюстями - также фрагмент ребра. Заполнение ямы - культурный слой. Вычленив инвентарь погребения из числа нескольких находок в нем затруднительно.

Погребение 12

Расчищено в кв. Л-31 раскопа I. Как погребение обозначены перевернутый череп без лицевой части, помещенный на нижнюю челюсть, и лежащие под ними в анатомическом порядке обе кости левого предплечья, находящиеся на материке. Останки принадлежат мужчине 20-25 лет. Выявленные патологии - анемия, неправильный прикус. Контуры ямы не прослежены. Сохранность кости средняя. Инвентарь отсутствует.

Погребение 13

Контуры северного края могильной ямы этого погребения выявлены у южной стенки раскопа I 1996 г.; уходит в южную стенку раскопа. Ширина ямы по выявленному верхнему контуру - около 0,7 м. Погребение не вскрывалось (законсервировано). Ориентация погребения - ССЗ.

Как видно из приведенных выше описаний и плана вскрытой части могильника, погребения объединяет обряд ингумации, представленный несколькими вариантами. Это вытянутые на спине труположения (погребения 1, 2, 3, 5, 6, 9(?), 10, 11, 13(?); вытянутое на правом боку труположение (4(?)); труположение с элементами расчленения трупов (погребения 5, 7(?), 8(?), 12). Последние три (наиболее достоверно - 12) могут рассматриваться как парциальные захоронения с обязательным присутствием частей черепа. Для погребений 7 и 8 нельзя исключить и вариант вторичного захоронения.

Интересны половозрастные характеристики погребенных, которые, согласно первичному определению оказались исключительно мужчинами в возрасте от 29-29 до более чем 50 лет (не определялись погребения 7, 8, 13).

Конструкция могил большинства погребений близка - яма, соответствующая размерами погребенному телу, вырытая целиком в толще нижнего пласта культурного слоя либо несколько заглубленная в материк, имеющая глубину от древней дневной поверхности около 0,2 м. Дно ям в продольном разрезе ровное, почти горизонтальное, в поперечном сечении линзовидное. Заполнение ям - мезолитический культурный слой. Инвентарь - единичные орудия из кости - выявлен в погребениях 3, 5, 6. Яма погребения 3 выделяется из общего ряда по всем параметрам - расположение практически целиком в материке, большие сравнительно с прочими размеры, плоское и достаточно широкое дно, ровные, приближающиеся к вертикальным, стенки, заполнение ямы материковой породой с незначительной примесью культурного слоя. Так же углублена в материк и столь же широка яма нескрытого погребения 13, заполненная, впрочем, типичным культурным слоем. Утверждение, что подавляющее большинство погребений было совершено в крайне неглубоких ямах, опущенных из нижней части культурного слоя, основано на стратиграфических наблюдениях. Так, в бровке и стенках раскопа зафиксированы частично или полностью разрезы ям погребений 4, 5, 11, 13. Контуры верхнего края наиболее глубокой и четко выраженной могильной ямы погребения 3 были прослежены также лишь в нескольких сантиметрах над материком.

Рассматривая выявляющиеся планиграфические закономерности, необходимо прежде всего отметить привязку большинства захоронений к обращенному в сторону озера краю возвышенного участка древней террасы на оконечности мыса. С ориентацией на восточную четверть горизонта (или головой к озеру ?, вниз по течению реки ?) совершены 8 из 10 с установленной ориентировкой захоронений, другие два (9, 13) сориентированы в противоположном направлении. Не имеют ориентировки останки, обозначенные как погребения 7, 8, 12. Возможно, намечающаяся рядность в расположении групп близко сориентированных погребений окажется обусловленной не только спецификой их размещения по краю террасы, но и культурной и хронологической близостью. Насколько позволяют судить имеющиеся на сегодняшний день материалы, погребения принадлежат к более чем одному могильнику. По стратиграфическим соображениям, скудному сопровождающему инвентарю и имеющимся аналогам погребения могут быть предварительно отнесены к широчайшему хронологическому диапазону - от мезолита до энеолита. Некоторую определенность в решение этого вопроса внесут результаты радиоуглеродного анализа и продолжение работ на памятнике.

* * *

На момент сдачи данной статьи в печать получены две даты по С-14 для погребений могильника Мино I (по костям погребенных):

ГИН-8837: погребение 3 - ВР 7240 (± 160), 6219 (6088) 5970 лет до н. э. (калибр.);

ГИН-8838: погребение 5 - ВР 6210 (± 210), 5350 (5220) 4903 лет до н. э. (калибр.).

Таким образом, выделяющиеся особенностями конструкции могильной ямы погребение 3 может быть отнесено ко времени финального мезолита, а погребение 5 - к рубежу мезолита и неолита. Данные датировки не противоречат результатам типологического анализа сопровождающего инвентаря погребений и полевым стратиграфическим наблюдениям. Значительный хронологический разрыв между совершением датированных погребений свидетельствует о наличии на оконечности мыса нескольких перекрывающих друг друга могильников.

Дальнейшие работы на выявленном достаточно крупном могильнике (могильниках) с удовлетворительной сохранностью костных останков на Кубенском озере позволят на новом уровне решать вопросы духовной культуры населения региона в каменном веке. Исследования специалистов, владеющих спектром естественнонаучных методов, остеологических материалов могильника дополнят реконструируемую картину пониманием процессов экологической и социокультурной адаптации древнего населения к местным особенностям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев С. Ю.* Отчет о полевых исследованиях в Вологодской области в 1993 году (Вологодский. Кичменгско-Городецкий районы) // Архив ИА РАН. Р-1.
2. Археологическое обследование низины Кубенского озера: Отчет о НИР НПЦ "Древности Севера". Исполнитель Васильев С. Ю., соисполнитель Суворов А. В. Вологда, 1994 // Архив Департамента природных ресурсов и природопользования Администрации Вологодской области.
3. *Васильев С. Ю., Патин И. В., Суворов А. В.* Исследования центра "Древности Севера" в Вологодской области // АО-1993. М., 1994.
4. *Суворов А. В.* Археологические разведки на Кубенском озере // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
5. *Васильев С. Ю.* Стратиграфия поселения Вёкса (участки 1-5; по материалам раскопок 1990, 1992 гг.) // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.

*Научно-производственный центр "Древности Севера",
Вологда*

A.V.Suvorov

MININO 1 NECROPOLIS AT THE KUBENSKOYE LAKE (the Results of Research Work Carried out in 1993 and 1996)

Summary

The article deals with the first results of research work carried out at the necropolis which belonged to the Minino 1 multilayer settlement situated at the Kubenskoye lake in the Northern Dvina basin (the Vologda Region). Descriptions of 13 graves, found during excavations in 1993 and 1996, are given in the article, as well as the results of the field stratigraphic and planigraphic analysis together with the data on typological survey of the inventory discovered in the necropolis. The information obtained in the research together with the radiocarbon datings of the osteological materials lead to the conclusion that the graves discovered belong to several necropolises of the Stone Age (the Mesolithic and the Early Neolithic).

*The Research - Industrial Centre
"Northern Antiquities"
12, Chelyuskintsev St., Vologda
160001, Russia*

А. Е. Кравцов

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ИЕНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

В настоящее время значительное число памятников мезолитической иеневской культуры (далее ИК) в Волго-Окском бассейне обеспечено палинологическими и радиоуглеродными датировками² [2, с. 28-33; 3, с. 3-27; 4, с. 26-27; 5]. В соответствии с этими датировками было установлено, что ИК существовала в пребореальном и бореальном периодах голоцена (далее РВ и ВО), вероятно исключая конец последнего, приблизительно 10,0/9,8 - 8,6/8,2 тыс. л. н. Подверглись пересмотру [6; 2; 4] представления о возникновении ИК в результате миграции в регион групп позднемезолитического населения из бассейнов Десны и Верхнего Днестра [7; 8].

К середине 1990-х гг. между исследователями, рассматривавшими вопрос о генезисе ИК, наметилось принципиальное согласие. Ее формирование было отнесено ко времени около рубежа плейстоцена и голоцена и связывалось с взаимодействием двух компонентов: групп финально-палеолитического населения, наследовавших традицию культур лингби-аренбург (1), и носителей традиции изготовления острий с затупленным краем (2) [9, с. 17; 10, с. 7; 11, с. 71; 4, с. 27; 12, с. 283], причем отмечалась доминирующая роль первого компонента [9, с. 17]³.

Первый представлен в Волго-Окском бассейне несколькими памятниками, выявленными пока только в Тверской области. Характернейшим элементом их кремневого инвентаря являются крупные наконечники метательного вооружения с крутой ретушью на более или менее выделенном симметричном черешке с необработанным или скошенным такой же ретушью пером, относящиеся к типу лингби или занимающие промежуточное положение между этим и некоторыми аренбургскими типами наконечников стрел (рис. 2: 29, 30, 34, 36, 38, 39). Обычно они дополняются мелкими черешковыми наконечниками с аналогичным характером обработки (рис. 2: 35) и/или некоторыми разновидностями наконечников с боковой выемкой [рис. 2: 31-33, 37], в том числе т. н. "кослезвийными" ("алтыновскими остриями", "вкладышами алтыновского типа"), близкими к высоким асимметричным трапециям [рис. 2: 31, 37]. По наиболее полно исследованной и опубликованной стоянке они могут быть названы памятниками типа раннего комплекса Усть-Тудовки [9]. Подобные материалы обнаружены на стоянках Подол 3 в раскопах 1 и 2 [14, с. 5-29], Троицкое 3 [15], Теплый Ручей 1 и 2 [16; 17]. Финально-палеолитические комплексы стоянки Усть-Тудовка 1 и из раскопа 2 на стоянке Подол 3 по некоторым технико-морфологическим признакам, отмеченным в группах наконечников стрел и рубящих орудий, представляются относительно поздними среди перечисленных и сближаются с памятниками ИК [14; с. 27], первый был охарактеризован уже как "протоиеневский" [9, с. 17]. По результатам палинологических исследований они отнесены к концу верхнего Дриаса (далее DR-3). Комплекс материалов из раскопа 1 на стоянке Подол 3, близкий (по Г. В. Синецкой) по характеру кремневого инвентаря памятникам культуры бромме (лингби), тем же методом датирован концом Аллереда (далее AL), но эта датировка кажется необудительной из-за имеющегося в публикации противоречия в определении стратиграфической позиции культурного слоя [14, рис. 4 и 12, с. 7 и 19, 20].

Л. Л. Зализняк прямо указывает на принадлежность стоянки Подол 3, а также ряда памятников в бассейнах Немана (Вильнюс 1, Эжяринас 8 и др.) и Верхнего Днестра (Большой Мидск, Аносово и др.) к культуре лингби ("восточное Лингби"). По его мнению, подобно тому как на Западе культура лингби явилась генетической подосновой аренбургской культуры, так "восточное Лингби" трансформировалось в красносельс-

¹ Подготовлено по материалам доклада «К вопросам о происхождении и периодизации иеневской культуры». Предложенный автором методический подход к решению второго вопроса здесь не рассматривается. Он получил необходимое обоснование в исследовании, проведенном совместно с Е. В. Леоновой [1]. Благодарю за помощь, оказанную мне при подготовке статьи, Л. В. Грехову, Е. А. Спиридонову, Л. Д. Сулержицкому.

² Спорово-пыльцевой анализ выполнен Е. А. Спиридоновой, А. С. Алешинской, Т. И. Будагян, Я. А. Лаврушиной в ИА РАН. Радиоуглеродный анализ - Л. Д. Сулержицким, ГИН РАН.

³ К аналогичному выводу в отношении песочноровской культуры пришел Л. Л. Зализняк [13, с. 9].

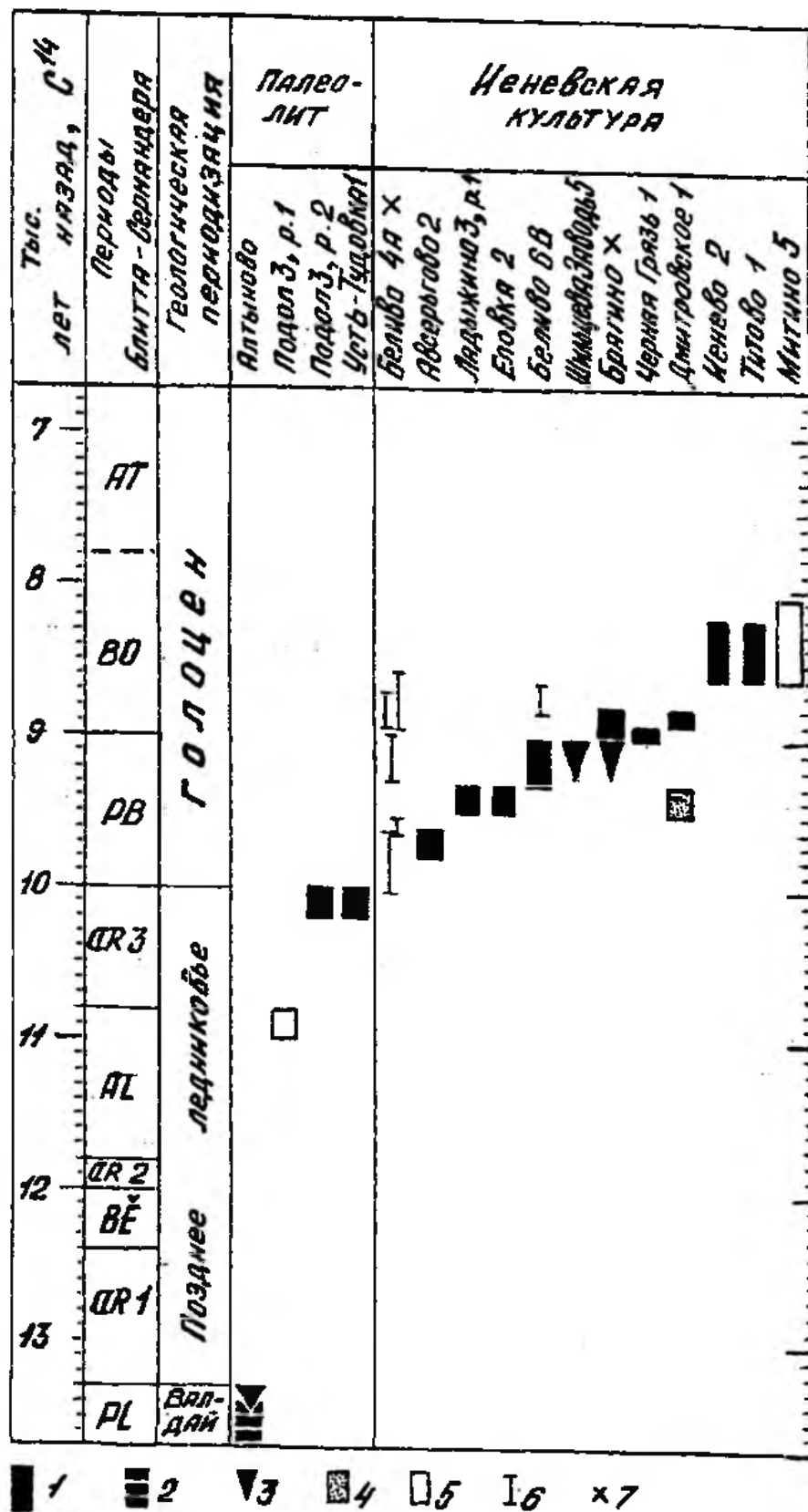

Рис. 1. Датировки памятников иеневской культуры и некоторых поздне- и финально-палеолитических памятников Волго-Окского бассейна. Условные обозначения: 1 - палинологические датировки; 2 - то же, предположительно; 3 - то же, не позднее; 4 - вероятно наличие нижнего культурного слоя (палинологическая датировка); 5 - датировки, нуждающиеся в проверке; 6 - дата по С-14; 7 - установлено смешение разновременных и разнокультурных материалов

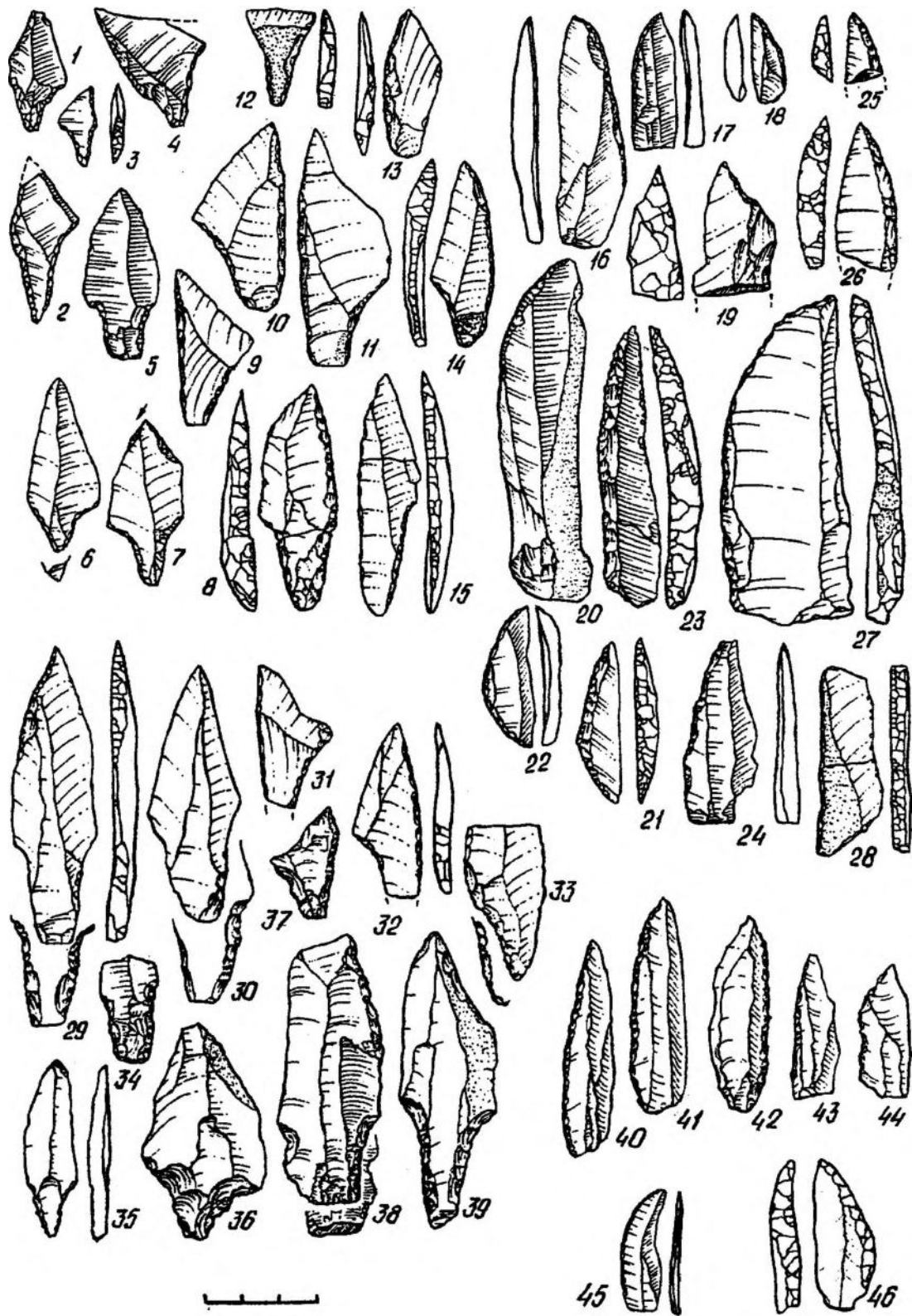

Рис. 2. Наконечники стрел (1-15, 29-39), остроконечные орудия с затупленным краем (16-28, 40-46) некоторых памятников иеневской культуры (1-28), поздне- и финально-палеолитических памятников Волго-Окского бассейна (29-39, 45-46) и бассейна Среднего Дона (40-44): 1-4, 20, 21 - Ладыжино 3 (по М.Г. Жилину и А. С. Фролову); 5, 23 - Дальний Остров (по В.В. Сидорову и М.Г. Жилину); 6, 7, 28 - Беливо 4А; 8, 9, 25-27 - Беливо 4Г - северная; 10-15 - Беливо 6В; 16, 17 - Пеньково; 18 - Коприно; 22 - Старокопстантиновская 4, 24 - Дмитровская 1, 45 - Алтыново, нижний слой (по Л.В. Кольцову); 19 - Еловка 2 (по М.Г. Жилину); 29-33 - Усть-Тудовка 1; 34-37, 38 - Подол 3, раскоп 2, 35, 36, 39 - Подол 3, раскоп 1 (по Г.В. Сеницыной); 40-44 - Боршево 2, верхний слой (по П.П. Ефименко, П.И. Борисковскому); 46 - Заозерье 1 (по А.С. Фролову)

кую культуру, распространившуюся с начала DR-3 в верхнем течении Немана (Красносельск Б, Гренск, Боровка и др.), на Десне (Бор, Бугры) и Верхней Волге, где она представлена упоминавшейся выше стоянкой Усть-Тудовка 1. В начале РВ на красносельской генетической основе формируется песочноровская культура [13, с. 7-9] в Верхнеднепровско-Деснинском и Волго-Окском бассейнах, локальным вариантом которой, по Л. Л. Зализняку [18, с. 44, 45], является ИК.

М. Г. Жилин [12, с. 276-278] относит Усть-Тудовку 1, Подол 3, Аносово 1 и 4 к восточному варианту аренсбургской культуры, на основе которого формируются песочноровская и иеневская - постаренсбургские культуры. Л. В. Кольцов [11, с. 71] считает, что ИК "сложилась на базе восточного аренсбурга (или восточного постлингби)", к которым, судя по одной из более ранних работ [10, с. 7], относит Усть-Тудовку 1 и стоянки у Теплового Ручья.

По моему мнению, подразделение финально-палеолитических стоянок Верхнего Поволжья, объединенных в этой статье под названием "памятников типа раннего комплекса Усть-Тудовка 1", и сходных с ними по группам наконечников метательного вооружения стоянок Верхнего Поднепровья, таких как Аносово 1, 4 [19, с. 244-251], Вышегора [14, с. 37-43], на отдельные культурно-хронологические группы ("восточное Лингби", "красносельская культура") пока недостаточно обосновано: их одновременность и хронологическая последовательность не подтверждены надежными естественнонаучными датировками; полного сопоставления комплексов кремневого инвентаря этих стоянок не проводилось; вполне вероятно, что в ряде коллекций, рассматривавшихся как "чистые" комплексы, смешаны разновременные (в пределах AL и DR-3, а возможно и более поздние) материалы.

Следует отметить, что между инвентарями указанных верхневолжских и верхнеднепровских памятников и аренсбургских стоянок в Германии имеются различия, в т. ч. такие существенные, как отсутствие на первых культурноопределяющих острий типа Цонхофен, низких трапеций, наконечников с черешком, оформленным на дистальном конце заготовок и др. В связи с этим отнесение их к восточному варианту аренсбургской культуры нельзя считать вполне удачным. Возможно, они действительно представляют собой местные проявления культуры лингби, преимущественно более поздние, чем относящиеся к ней стоянки на севере Центральной Европы и юге Скандинавии, и, таким образом, в большей мере соответствуют вновь образованному термину "восточное пост-лингби".

Впрочем, независимо от нюансов культурной интерпретации конкретные финально-палеолитические памятники традиции лингби или лингби-аренсбург, составляющие важнейший элемент генетической основы ИК в Волго-Окском бассейне и родственных ей мезолитических культур (или вариантов одной культуры) в сопредельных Верхнеднепровском и Деснинском бассейнах, четко определены, частично исследованы и опубликованы. Число их постепенно увеличивается. Такой определенности до сих пор нет в отношении памятников, представляющих второй обозначенный выше компонент, принимавший участие в формировании ИК, к которому, как подразумевалось, должна восходить отмеченная в ней традиция изготовления остроконечных орудий из пластин, один край которых затуплен крутой, "обрубающей" ретушью, а другой оставлен без обработки.

Такие орудия (рис. 2: 16-28) известны на многих (но не на всех) иеневских памятниках, но почти никогда не образуют серий. Преобладают довольно крупные (не микролитические) изделия, рассматриваемые как ножи с обушком, обычно дугообразным или выгнутым на прилежащем к концу участке, редко - прямым, встреченные на стоянках Высокино 6, Богоявление, Пеньково, Дальний Остров, Беливо 4А, 4Г-северная, Еловка 2 и др. В связи с некоторыми из этих находок автором в конце 1980-х гг. было сделано предположение, что ИК включила "...элементы... культурной общности федермессер и/или сходные с ними» [6, с. 9]. Иногда встречаются небольшие ланцетовидные острия (Богоявление, Черная Грязь, Коприно, Беливо 4г-сев. и некоторые другие (рис. 2: 18). Единичны сегмент (Староконстантиновская 4 - рис. 2: 22) и близкий к сегментам неравносторонний треугольник с плавно изогнутыми ретушированными сторонами (Ладыжино 3 - рис. 2: 21).

Предшественниками иеневской культуры в Волго-Окском бассейне, от которых она унаследовала интересующую нас традицию, разными авторами назывались группы населения, оставившего стоянку Заозерье 1 [6, с. 9; 4, с. 28; 10, с. 9; 12, с. 273], нижние культурные слои стоянок Алтыново [9, с. 17; 10, с. 4; 12], Золоторучье [10; 12], Федюково [12], объединенные М. Г. Жилиным под названием "восточный Федермессер", фактически повторяющим наименование группы позднемезолитических памятников на территории Польши ("восточный вариант культур федермессер") [20, с. 16-40], а также стоянку Авсерьгово 1 и нижний слой Скнятино [10, с. 7, 8]. Представляется необходимым выяснить, насколько это заключение оправдано в отношении каждой из указанных стоянок.

Сопоставление полученных при их исследовании комплексов кремневого инвентаря между собой и с инвентарями памятников ИК в настоящее время невозможно, так как опубликованы только материалы Заозерья 1 [21], которые целесообразно рассмотреть несколько ниже, и случайная выборка из одиннадцати орудий из Алтыново [8, табл. 40: 1-11]. Сведения об остальных материалах отрывочны. Не все коллекции прошли полную научную обработку. Отсутствует достоверная информация даже о тех культурноопределяющих изделиях, в связи с находками которых названные памятники упоминались в контексте интересующего нас вопроса. Фактически, следует говорить лишь о том, что на этих памятниках отмечались единичные острия с крутой ретушью по краю или обломки, предположительно связывавшиеся с такими остриями. Однако необходимо учесть, что за фрагменты острий с затупленным краем легко принять обломки асимметричных наконечников некоторых разновидностей, а целые орудия по форме, размерам и характеру об-

работки могут быть весьма различными. Так, экземпляр из Алтыново (рис. 2: 45), атрибутировавшийся ранее мною и другими исследователями как острие типа клинка перочинного ножа, на самом деле представляет собой тонкую изогнутую в плане пластинку с мелкой притупляющей ретушью по краю. Форма орудия определяется не вторичной обработкой, а случайными очертаниями заготовки, обушок не выражен. Это не позволяет считать его аналогией ни обушковым ножам и остриям ИК, ни типичным остриям культуры федермессер.

Рассматриваемая гипотеза не имеет и хронологического обоснования (рис. 1). Так, сужение геологической датировки нижних культурных слоев Алтыново и Золоторучья 1 - поздний плейстоцен - до 12-10 тыс. л. н. [10; 7] является произвольным. В соответствии с недавно полученными для стоянки Алтыново данными спорново-пыльцевого анализа (исследования Е. А. Спиридоновой, Е. В. Леоновой и автора) можно утверждать, что отложения, содержащие расщепленный кремьень, более древние, доаллередские; время их формирования отнесено к одному из последних межстадиалов позднего валдая (плюсскому?). Естественнонаучные датировки Авсерьгово 1, нижних слоев Скнятино и Федюково вовсе отсутствуют.

Вернемся к материалам стоянки Заозерье 1, в инвентаре которой имеется фрагмент сегментовидного острья с хорошо выраженным обушком (рис. 2: 46). Несмотря на сильное разрушение памятника распашкой, часть культурных остатков зафиксирована *in situ*. Они обнаружены в плейстоценовых отложениях, сформировавшихся не ранее начала позднего валдая (осташковского оледенения) [21, с. 76]. Таким образом, геологическая датировка может быть только очень широкой - от позднего валдая до позднего ледникового включительно. Однако отмеченные А. С. Фроловым [21, с. 82] многочисленные параллели кремневному инвентарю Заозерья 1 в материалах верхнепалеолитических стоянок бассейна Десны Тимоновка 1, 2, Елисеевичи, обеспеченные сериями радиоуглеродных дат, позволяют сузить эту датировку приблизительно до 17,5-12,5, а вероятнее всего - 15-13 тыс. л. н. [22, табл. 1 и 18].

Следует отметить значительное сходство кремневого инвентаря Заозерья 1 с инвентарем нижнего культурного слоя стоянки Боршево 2 [23, с. 60-64], где также обнаружены небольшие острия с дугообразным затупленным краем. Кроме этого признака они сближаются по технике расщепления и вторичной обработки кремня, типологической структуре комплексов орудий в целом, групп резцов и скребков, наличию серий стандартных узких пластинок с затупленным краем и т. д. Радиоуглеродных дат для нижнего и среднего слоев Боршево 2 нет, но в обоих обнаружены кости мамонта, исчезнувшего в бассейнах Верхнего Дона, Десны и Днепра между 13 и 12 тыс. л. н. Кремневый инвентарь верхнего культурного слоя, не содержащего остатков мамонта, продолжая в целом традицию нижележащих комплексов, по ряду признаков существенно отличается от них и от инвентаря стоянки Заозерье 1. Приведенные факты косвенно подтверждают предположенную выше датировку последней, исключаящую группу населения, оставившую этот памятник, из числа возможных участников процесса формирования ИК.

Таким образом, в Волго-Окском бассейне пока не выявлено ни одного финально-палеолитического памятника, с которым можно было бы достаточно обоснованно связать представленную в ИК традицию изготовления остроконечных обушковых ножей и ланцетовидных острий. Соответствующим памятником представляется верхний культурный слой стоянки Боршево 2 на Дону [23, с. 79-108], из которого происходит серия острий с более и менее выпуклым затупленным краем, в основном относительно крупных, сопоставимых с обушковыми ножами ИК, и более мелких ланцетовидных (рис. 2: 40-44). На участие носителей культурных традиций Боршево 2 в формировании песочноровской культуры указывает Л. Л. Зализняк [13, с. 9]. Этому выводу не противоречат недавно полученные для Боршево 2 радиоуглеродные даты, позволяющие отнести бытование поселений верхнего слоя памятника ко времени заключительных этапов позднего ледникового [24] и считать его ненамного древнее финально-палеолитических материалов стоянок Усть-Тудовка 1 и Подол 3 (раскоп 2). Интересно, что некоторые острия с затупленным краем из верхнего слоя Боршево 2 предположительно рассматривались как наконечники метательного вооружения [23, с. 91]. В связи с этим заметим, что одна из разновидностей асимметричных наконечников стрел (рис. 2: 32, 8, 14, 15), отмеченная в Усть-Тудовке 1 и характерная для некоторых (ранних?) памятников ИК, фактически представляет собой такое острие, дополненное боковой выемкой. При трасологическом анализе инвентарей стоянок Беливо-4Г-северная и 6В М. Г. Жилиным установлено, что острия с дугообразным затупленным краем являлись разделочными ножами; зафиксированы случаи вторичного (?) использования в той же функции упомянутых наконечников с боковой выемкой. Возможно, что эти формы генетически связаны, однако это предположение нуждается в более полном сравнительно-типологическом обосновании.

В заключение замечу, что ланцетовидные и более крупные острия с затупленным выпуклым (реже прямым) краем отмечены и на некоторых памятниках культур лингби и аренсбург в Германии, например, на стоянках Тольк А, Пинкберг, Клейн Норденд 2, Вестерхаузен, Даймерн 45 [25, табл. 87: 14-20; 84: 11-15; 78: 2-3; 65: 1-13; 3: 30, 32], и их отсутствие среди опубликованных материалов памятников традиции лингби - аренсбург в бассейнах Верхнего Днепра и Верхней Волги, составляющих генетическую основу (или главный ее компонент) ИК, может объясняться меньшей изученностью последних и неполнотой публикаций.

Таким образом, вопрос о генезисе ИК нельзя считать окончательно решенным. В этой статье я лишь попытался отразить современный уровень его разработанности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крайцов А. Е., Леонова Е. В. Структура памятников и вопрос о периодизации мезолитической иеневской культуры // Каменный век Европейской равнины: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры: Матери-

алы международной конференции в г. Сергиев-Посаде в июле 1997 г. В печати.

2. *Кравцов А. Е.* К хронологии буговской и иеневской мезолитических культур // СА. 1991. № 2.
3. *Сорокин А. Н.* Новые данные по мезолиту бассейна реки Ока // Кравцов А. Е., Сорокин А. Н. Актуальные вопросы волго-окского мезолита. М., 1991.
4. *Кравцов А. Е., Леонова Е. В., Лев С. Ю.* К вопросу о месте иеневской культуры в мезолите Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
5. *Кравцов А. Е., Спиридонова Е. А.* О возрасте и природном окружении стоянок иеневской культуры в Тверском Поволжье // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
6. *Кравцов А. Е.* Спорные вопросы иеневской мезолитической культуры // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1989.
7. *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* 25 лет (1959-1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. 1983. № 4.
8. *Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Т. 2. Мезолит СССР. М., 1989.
9. *Жилин М. Г., Кравцов А. Е.* Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Памятники археологии Верхнего Поволжья. Н. Новгород, 1991.
10. *Кольцов Л. В.* О первоначальном заселении Тверского Поволжья // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
11. *Кольцов Л. В.* Мезолитические культуры Волго-Окского междуречья в контексте Восточной Европы // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
12. *Zhilin M. G.* The Western Part of Russia in the Late Palaeolithic - Early Mesolithic // L. Larsson (ed.) The Earliest Settlement of Scandinavia. Acta Archaeologica Lundensia. V. 85. 1995.
13. *Задзьяк Л. Л.* Финальный палеолит Украины // Археология. 1995. № 1.
14. *Синицына Г. В.* Исследования памятников финального палеолита в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996.
15. *Ланцев А. П., Мирецкий А. В.* Стоянка Троицкое 3 - один из древнейших памятников Тверского Поволжья // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
16. *Мирецкий А. В.* Отчет о раскопках и разведках в Калининской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12262.
17. *Мирецкий А. В.* Отчет о раскопках стоянки-мастерской Теплый ручей 1 в Селижаровском районе Калининской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12678.
18. *Зализняк Л. Л.* Население Полесья в мезолите. Киев, 1991.
19. *Гурина Н. Н.* Кремнеобрабатывающая мастерская в верховье Днепра // МИА. № 185. 1972.
20. *Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.
21. *Фролов А. С.* Стоянка Зазерье 1 на Москва-реке // КСИА. Вып. 189. 1987.
22. *Величко А. А., Грехова Л. В., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И.* Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М., 1977.
23. *Ефименко П. П., Борисковский П. И.* Палеолитическая стоянка Боршево 2 // МИА. № 39. 1953.
24. *Сулержский Л. Д.* Радиоуглеродные даты памятников позднего палеолита Европейской части России: Доклад на Отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований в 1991-1995 гг. (23 октября 1996 г.)
25. *Taute W.* Die Stielspitzen-Gruppen in Nordlichen Mitteleuropa. Koln, 1968.

*Объединение "Государственный Исторический музей",
Москва*

A.E.Kravtsov

ON THE PROBLEM OF THE IENEVO CULTURE GENESIS

Summary

The article deals with a hypothesis of formation of the Mesolithic Ienevo culture in the Volga - Oka basin in the Pleistocene - Holocene period. The formation of the Ienevo culture was influenced by two interrelated factors: 1) population which adopted the Lingby - Ahrensburg tradition; 2) population following the tradition of making points with convex blunt edges. The monuments belonging to the first tradition (Late Palaeolithic, immediately prior to the moment of the Ienevo culture formation) have been attributed and thoroughly studied; some of the results obtained (concerning Podol 3, Ust'-Tudovka 1 etc.) were published. Some authors make assumptions that in forming the Ienevo culture certain groups of population belonging to the second tradition also took part (these groups left corresponding monuments in the region: Zaozerje 1, the lower layers of sites Altynovo, Fedyukovo, Zolotorutchje 1 etc.). These assumptions seem to be poorly grounded though, as the information concerning these facts is scarce; there are no any published materials (with the exception of the site Zaozerje 1), or any scientifically proved datings. Those datings that are available do not prove the assumptions on the Late Palaeolithic origin of the sites. The Zaozerje materials, as well as materials from the Altynovo lower cultural layer should be related to the Later Valdai, not to the final stages of the Late Glacial Age. Manifestation of the second tradition, closest to the Ienevo culture in the Final Palaeolithic, finds correspondences in the materials obtained from the upper cultural layer of the Borshevo 2 site - the latest monument in the Kostenki - Borshevo district on the Don, contemporary to sites Podol 3 and Ust' - Tudovka 1. It seems quite probable that the population which left the monuments of Borshevo 2 type had penetrated into the Oka basin and later participated in the formation of the Ienevo culture. This hypothesis, though, needs further grounding.

*"The State Historical Museum" Association
1/2, Krasnaya Sq., Moscow,
103012, Russia*

М. Г. Жилин, Е. А. Спиридонова, А. С. Алешинская

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ
И ЗАСЕЛЕНИЯ СТОЯНОК ОЗЕРКИ 5, 16, 17
В КОНАКОВСКОМ РАЙОНЕ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ**

Многослойные торфяниковые поселения эпохи мезолита и неолита в Верхнем Поволжье представляют исключительный интерес для комплексного изучения древнейшего прошлого центра Русской равнины. Надежная стратификация, сохранность органических материалов позволяют наряду с чисто археологическими применять и естественнонаучные методы, дающие возможность реконструировать развитие природной среды и основные этапы заселения памятников на основе детально разработанной хронологической шкалы.

Одним из микрорайонов, насыщенных подобными поселениями, является Озерецкий торфяник, расположенный в Конаковском районе Тверской области. В его западной части М. Г. Жилиным и Н. В. Левиной было открыто около 20 стоянок каменного века, три из которых - Озерки 5, 16 и 17 частично раскопаны М. Г. Жилиным в 1990-1995 гг. [1; 2]. В ходе раскопок были отобраны образцы для палинологического анализа, выполненного Е. А. Спиридоновой и А. С. Алешинской. Радиоуглеродные датировки выполнены Л. Д. Сулержицким.

Исследования, проведенные в данном регионе, позволили в зависимости от характера изученных толщ восстановить историю развития растительности от пребореального до атлантического периода голоцена включительно. Это дало возможность на базе сопоставления полученных данных с данными по районам Прибалтики и северо-запада Русской равнины выделить не только основные этапы эволюции растительности в голоцене, но и провести корреляцию их с этапами изменения природных явлений на соседних территориях Волго-Окского междуречья, датируя каждый интервал по С-14 [3].

Многослойное поселение Озерки 5 находится в 6 км к ЗЮЗ от пос. Озерки Конаковского р-на Тверской обл. Памятник располагается на полях торфодобычи Озерецкого торфопредприятия в 300 м к З от песчаного острова - внутреннего суходола, разделяющего 6 и 5 участки торфодобычи. Поверхность памятника обнажена в результате торфоразработок, снявших 3 м торфа. Раскопан около 200 кв. м.

Стратиграфия памятника (в обобщенном виде) такова (рис. 1): 1а - коричневый торф, переработанный фрезерованием, мощностью 0,12-0,22 м; 1в - серый торф с примесью суглинка - 0,02-0,05 м, встречен только на южном участке, на остальной части памятника снят торфоразработками; 1с - коричневый (до темно-коричневого) слоистый торф средней степени разложения - 0,10-0,30 м, в восточной части раскопа - с древесиной; 1д - рыже-бурый (до желтого) слаборазложившийся торф, соответствует слою 1в в восточной части раскопа, мощностью до 1,5 м; 2 - темно-коричневый (до черного) сильноразложившийся торф с небольшой примесью песка, большим количеством мелкой кальцинированной костяной крошки, угольков и золы, мощностью до 30-40 см, встречен в западной и центральной части раскопа, в восточной части выклинивается; 2а - слаборазложившийся коричневый торф с зеленоватым оттенком, с лесным мусором и угольками, но без песка и кальцинированной крошки, встречен в виде линзы под слоем 2в западной части раскопа - 0-0,20 м, заполняет какую-то промоину или ложбину; 3а - буро-коричневый, местами рыжий, а в нижней части преимущественно рыжий неслоистый торф с примесью песка, лесного мусора, угольков, золы и с большим количеством кальцинированной крошки - от 0,02 до 0,6 м в западинах при средней мощности 0,1-0,2 м; 3б - рыжий слоистый торф с листьями рогоза и полигональными трещинами усыхания в верхней части - материк.

Наблюдается общий плавный наклон слоев к В и С. При этом юго-западная часть раскопа значительно суше северо-восточной. В раскопе прослежено 4 культурных слоя, краткая характеристика которых (как и для других стоянок) приведена ниже при описании палинологических зон. Здесь же отметим, что I культурный слой залегает в слое 1с и нижней части 1д; II культурный слой - в слое 2, а его нижняя часть в западном конце раскопа - в слое 2а; III культурный слой встречен в восточной части на контакте слоев 2 и 3а и в самом

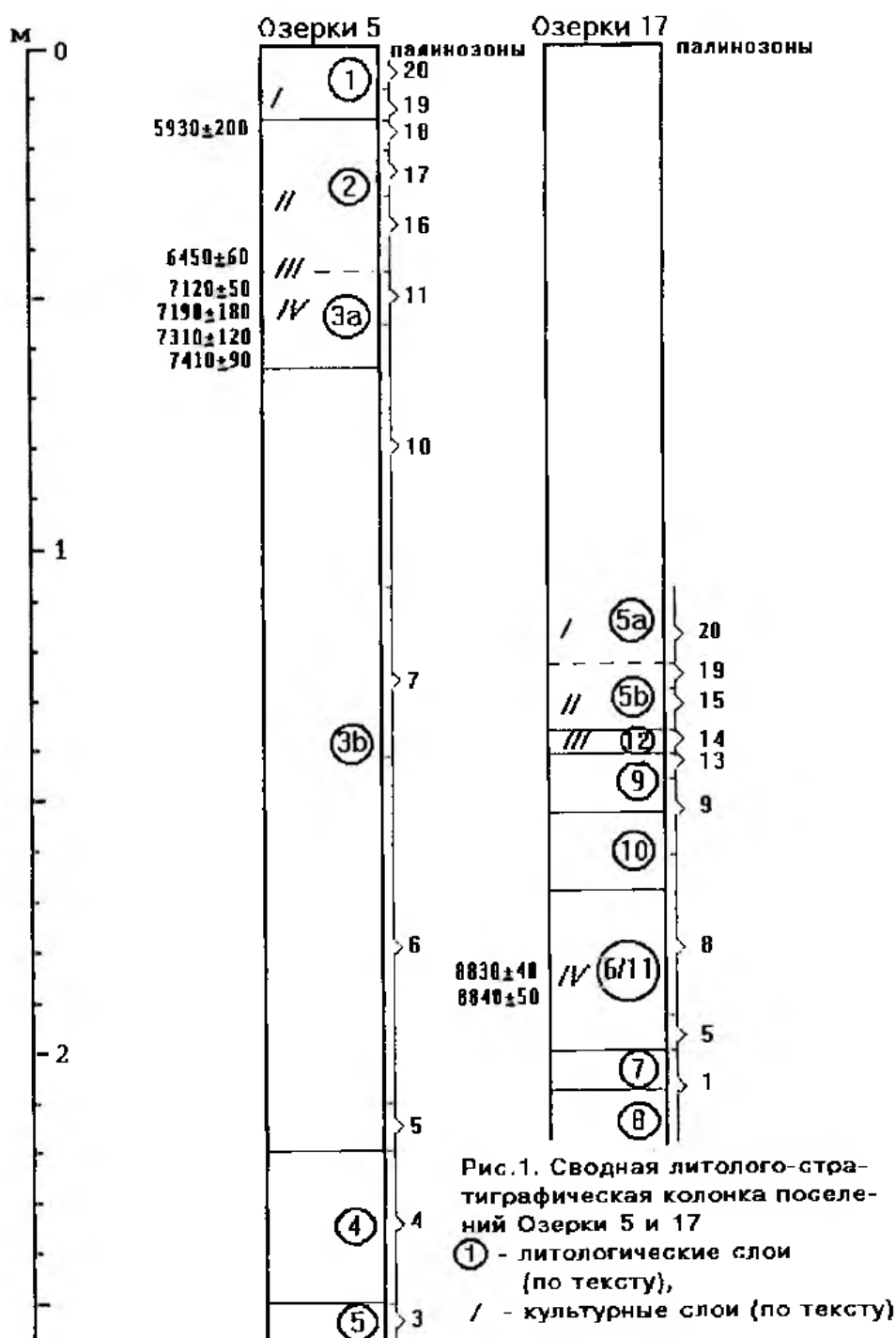

Рис. 1. Сводная литолого-стратиграфическая колонка поселений Озерки 5 и 17

① - литологические слои (по тексту),
/ - культурные слои (по тексту)

верху последнего; IV культурный слой распространен на всей площади раскопа и залегает в слое 3а.

Многослойное поселение Озерки 17 находится в 50 м к В от предыдущего, разрезано валовой и дренажными канавами, верхние слои на глубину 3 м сняты торфоразработками. Вскрыто 67 кв. м.

Стратиграфия памятника (в обобщенном виде) такова (рис. 1): 1 - коричневый среднеразложившийся торф с древесиной - 0,37-0,78 м; 2 - светло-рыжий слоистый слаборазложившийся торф - 0,5-0,85 м; 3 - бурый слоистый слаборазложившийся торф, в верхней части с древесиной, в нижней - с рогозом - 0,63-1 м; 4 - светло-рыжий слоистый торф, представлен в северной части раскопа - 0-0,4 м; 5а - коричневый неслоистый торф с большим количеством лесного мусора (листья, ветки и т. п.), представлен в центральной и южной части раскопа, мощность до 1,3 м; 5б - то же, с небольшим количеством лесного мусора, мощность до 15 см; 6 - темно-коричневый неслоистый опесчаненный торф с угольками и щепками, представлен в центральной части раскопа, мощность до 20 см; 7 - серый оторфованный песок с небольшим количеством лесного мусора

- 8-12 см; 8 - сизый глинистый песок, переходящий в сизую глину, - материк. Помимо этих в южной и центральной частях раскопа прослежено еще несколько слоев: 9 - светло-бурый слоистый торф без древесины, мощность до 10 см; 10 - грязно-желтый (до серого) сапропель, мощность до 15 см; 11 - оторфованная гиттия с лесным мусором и мелкими ракушками, замещает слой 6 в южной части раскопа, мощность до 30 см; 12 - лесной мусор с коричневым торфом и песком, прослежен в центральной части раскопа, мощность до 5 см.

В северной части раскопа слой 6 размыт, а мощность слоя 5, соответствующего намывному береговому валу древнего озера, довольно резко увеличивается в средней части раскопа, где выклиниваются слои 1-4. Прослежено 4 культурных слоя. Первый из них встречен в нижней части слоя 5а, второй - в слое 5b, третий - в слое 12 и четвертый - в слоях 6, 7 и нижней части слоя 11. В северной части раскопа находки этого культурного слоя лежат под слоем 5 в слое 7 и на его поверхности.

Падение культурных слоев и материковых отложений прослежено на стоянке Озерки 5 к С и В, а на стоянке Озерки 17 - к С и З. Памятники разделены неширокой ложбинкой, заполненной в нижней части сапропелем и гиттией. Видимо, здесь в древности из озера, расположенного севернее стоянок, вытекала речка, а поселения занимали мысы при ее истоке на разных берегах.

Стоянка Озерки 16 находится в 100 м к Ю от предыдущей, стратиграфия памятника в целом близка стоянке Озерки 17 [1], только не представлены два верхних культурных слоя. Вскрыто 12 кв. м.

На содержание пыльцы и спор исследовалось 110 образцов, отобранных из разрезов на стоянках Озерки 5, Озерки 16 и трех разрезов по стоянке Озерки 17. Почти все пробы содержали большое количество пыльцы и спор прекрасной сохранности. Насыщенность препаратов пыльцой и спорами оказалась значительной.

Всего удалось выявить и проследить по разрезам 19 палинологических зон, последовательно сменяющих друг друга (рис. 1, табл. 1).

1 палинозона (береза с участием сосны и ели, с преобладанием спорных растений) выделена по разрезу на стоянке Озерки 16 (I спорово-пыльцевой комплекс - спк) и по разрезам на стоянке Озерки 17: разрез 1 (I спк), разрез 2 (I спк).

Данная палинологическая зона по особенностям состава спектров может быть отнесена к началу **пребореального периода голоцена**. Сопоставление этой палинозоны с палинозонами, выделенными ранее по другим стоянкам Волго-Окского междуречья, позволяет датировать ее отрезком времени 9800-9600 л. н.

В этот отрезок времени безлесные пространства играли довольно значительную роль в ландшафте. Это были различные по составу разнотравные луга и болотные ассоциации, чередующиеся с островками леса, в составе которых преобладала береза с примесью сосны и ели. На слабо развитых почвах еще сохранялись ценозы с участием перигляциальных ксерофитных элементов флоры, в первую очередь полыней.

2 палинозона (ель, сосна с незначительным участием березы и ольхи) описана по разрезу на стоянке Озерки 5 (I спк).

Состав спорово-пыльцевых спектров свидетельствует о наиболее благоприятных условиях формирования данной палинозоны в Пребореале. На этом этапе в ландшафте господствовали елово-сосновые леса, в состав которых входили береза и ольха. По-видимому, ель в наиболее благоприятных условиях произрастания могла образовывать и чистые насаждения, тем более что ее пыленосность в два раза ниже, чем сосны. Возможно существование лесных полей наряду с заболоченными пойменными лугами, где в травостое преобладали осоки, злаки, присутствовал рогоз. На слабо развитых почвах еще сохранились реликты перигляциальной флоры, такие как полынь, карликовая березка (*Betula nana*).

Исходя из состава спектров время образования этой палинозоны относится ко времени климатического оптимума **пребореального периода**.

3 палинозона (сосна с участием березы и ели, с преобладанием спорных) описана по разрезам Озерки 5 (II спк), Озерки 16 (II спк) и разрезу 2 на стоянке Озерки 17 (II спк).

Эта палинозона характеризует переходный этап от климатического оптимума **пребореального периода голоцена** к более холодной фазе развития растительности.

Спектры этого времени характеризуют более влажные климатические условия, когда на территории были широко развиты заболоченные зеленомошные сосновые леса с примесью березы и ели. Безлесные пространства играли довольно значительную роль в ландшафте. Это были различные по составу разнотравные луга.

Анализ большого количества палинологических диаграмм по ранним этапам голоцена этой территории с учетом данных абсолютного датирования позволяет определить возраст 2 и 3 палинозон диапазоном от 9600 до 9300 л. н.

4 палинозона (береза с участием сосны и незначительным участием ели) выявлена по разрезу Озерки 5 (III спк) и разрезу 3 на стоянке Озерки 17 (II спк).

Состав спорово-пыльцевых спектров свидетельствует о частичной залесенности исследуемой территории. По сравнению с предыдущим этапом в ландшафте возросла роль березовых лесов. Возможно, некоторые ухудшения климатических условий привели к большей заболочиваемости пониженных участков рельефа и деградации сосняков высокого бонитета. Оставшиеся светлохвойные леса характеризовались значительным однообразием флористического состава. Фон в растительном покрове создавался в основном березой. Луговая растительность широко представлена заболоченными сообществами осочников.

Возраст этого интервала может быть определен **концом пребореального периода** и в абсолютном летоисчислении установлен от 9300 до 9000 л. н.

5 палинозона (береза с участием сосны и высоким содержанием спорных) описана по одному разрезу

Корреляция разрезов по палинологическим данным

Периоды Блинта- Сернандера	Абсолют. возраст по С-14	Культуры	Палинологические зоны	№ зоны	Озерки 5	Озерки 16	Озерки 17		
							разрез 1	разрез 2	разрез 3
At		ДЪЯЛОВ- СКАЯ	ольха, береза с участием широколиственных пород, незначительным участием сосны и ели	20	XII		VI	IX	IX
	5930 ± 200	ВЕРХНЕВОЛЖСКАЯ	сосна, береза с участием широколиственных пород, незначительным участием ели и ольхи	19	XI*		V		VIII
			ольха, береза с участием широколиственных пород и сосны	18	X	VII			
			береза, ольха с незначительным участием сосны, широколиственных пород и ели	17	IX	VI	IV	IV	
	6450 ± 160		сосна с участием березы, ели и широколиственных пород	16	VIII*				
			береза, сосна, ольха с участием широколиственных пород	15					VII
			береза с участием сосны, широколиственных пород и ольхи	14					VI
			береза с участием сосны и широколиственных пород, с высоким содержанием трав	13					V
	7120 ± 50		береза с незначительным участием широколиственных пород, ольхи и ели	12			V*		
	7310 ± 120	МЕЗОЛИТ	береза с участием сосны, незначительным участием широколиственных пород	11	VII*	IV			
	7410 ± 90		сосна с незначительным участием березы, ели, широколиственных пород и ольхи, с преобладанием споровых	10	VI*				
			береза с участием сосны и незначительным участием широколиственных пород	9					IV
	8000			береза с участием сосны, незначительным участием ели и широколиственных пород	8			III*	II
	8770 ± 40	B	сосна с участием березы с преобладанием споровых	7	V				
8830 ± 40	береза с участием сосны и высоким содержанием споровых		6	IV					
8840 ± 50		береза с участием сосны и незначительным участием ели	5	III				II	
Pb	9000		сосна с участием березы и ели, с преобладанием споровых	4	II	II		II	
			ель, сосна с незначительным участием березы и ольхи	3	I				
			береза с участием сосны и ели, с преобладанием споровых	2		I	I	I	I
AI	9800		береза, сосна, ель, полынь	1				I	

* - отбор проб на датирование по С - 14

Озерки 5 (IV спк).

По-видимому, эта палинозона является переходной от пребореального к бореальному периоду. В это время на территории еще сохраняются островные березовые леса, соответствующие более холодным и влажным условиям конца Пребореала, связанным с общим поднятием уровня грунтовых вод. Большие площади оказались заняты заболоченными лугами и настоящими болотами. Время формирования отложений, связанных с данной палинозоной, охватывает интервал от 9000 до 8900 л. н.

6 палинозона (сосна с участием березы, с преобладанием споровых) отмечена в разрезе Озерки 5 (V спк).

Судя по данным палинологического анализа, эта палинозона образовалась в период времени, когда лес становился зональным типом растительности. Постоянное присутствие в спектрах папоротников свидетельствует о хорошо развитых лесных бореальных сообществах. Широкое развитие получили сосновые леса наряду с березовыми. Возможно, на некоторых участках существовали смешанные сосново-березовые леса. Не исключено, что в состав некоторых сообществ входил и вяз с орешником в виде небольшой примеси, так как, начиная с этого комплекса, пыльца широколиственных пород встречается постоянно. Присутствие в общем составе до 20-25% пыльцы травянистых растений указывает на то, что луговая растительность играла определенную роль в сложении растительного покрова территории, причем чаще это были гигрофильные луга.

В целом все эти особенности фитоценозов свидетельствуют о большой обводненности территории в этот отрезок времени. Данные палинологического анализа позволяют датировать этот комплекс бореальным периодом голоцена. В абсолютном летоисчислении эту палинозону можно отнести к интервалу 8900-8800 л. н.

7 палинозона (береза с участием сосны, незначительным участием ели и широколиственных пород) выделяется по четырем разрезам: Озерки 16 (III спк), Озерки 17 - разрез 1 (II спк), Озерки 17 - разрез 2 (III спк), Озерки 17 - разрез 3 (III спк). Для данной палинозоны получены три датировки по С-14 по обработанному дереву из нижних культурных слоев, которые составляют 8840 ± 50 (ГИН-7474); 8830 ± 40 (ГИН-6655) л. н. (по стоянке Озерки 17 - разрез 2) и 8770 ± 40 (ГИН-6654) л. н. (по стоянке Озерки 16).

В течение этого этапа голоцена лес был представлен березовыми и в меньшей степени сосново-березовыми группировками. Присутствие значительного количества пыльцы травянистых растений указывает на то, что в это время возростала общая обводненность территории и луговая растительность играла большую роль в сложении растительного покрова территории и была представлена злаковыми сообществами при постоянном присутствии осок и прибрежно-водных растений по берегам озер и рек. В целом, описанная палинозона относится к бореальному периоду и характеризует отрезок времени 8800-8600 л. н. К этому периоду приурочены нижние культурные горизонты на стоянках Озерки 16 и Озерки 17, относящиеся к среднему этапу бутовской культуры.

8 палинозона (береза с участием сосны и незначительным участием широколиственных пород) описана по разрезу 3 на стоянке Озерки 17 (IV спк).

Данная палинозона характеризует следующий этап бореального периода голоцена. В это время господствовали березово-сосновые леса с незначительной примесью широколиственных пород. Присутствие пыльцы водных и прибрежно-водных растений свидетельствует о достаточно высоком уровне грунтовых вод на данной территории. Сопоставление этой палинозоны с данными по другим разрезам Волго-Окского междуречья позволяет установить ее возраст, близкий к 8600 л. н.

9 палинозона (сосна с незначительным участием березы, ели, широколиственных пород и ольхи, с преобладанием споровых) описана на разрезе Озерки 5 (VI спк).

Значительное увеличение в данной палинозоне количества пыльцы сосны, по всей вероятности, является свидетельством того, что сосняки в этот период получили значительное развитие. Присутствие пыльцы таких неморальных видов, как вяз, граб и лещина, указывает на некоторое улучшение климатических условий по сравнению с предыдущим этапом. Данная палинозона отражает характер растительного покрова начала атлантического периода. Учитывая данные по С-14, ее можно отнести к интервалу 8000-7400 л. н. К этой палинозоне приурочен самый низ культурного слоя финального этапа мезолитической бутовской культуры на стоянке Озерки 5. Возможно, начало заселения памятника приходится на самый конец этого периода. С другой стороны, как это обычно бывает на торфяниках, в начальный период заселения культурный слой образуется за счет переработки вследствие жизнедеятельности людей той поверхности, на которую они пришли. Это приводит к тому, что находки попадают в верхнюю часть более древних отложений. Косвенно на это указывает и дата по С-14, полученная по уголькам из нижней части культурного слоя, собранным с площади 1 кв. м. - 7190 ± 180 л. н. (ГИН-7218). Значительная погрешность может быть следствием загрязненности и недостаточности образца. Опубликованная ранее дата 7690 ± 150 л. н. (ГИН-7216) [1, с. 51] является ошибочной вследствие неправильной записи, ее истинное значение 6930 ± 70 л. н. Эта дата получена по щепкам, собранным с площади 1 кв. м, и, как другие даты, полученные по щепкам из этого слоя, является омоложенной. По мнению Л. Д. Сулержицкого, это связано как с попаданием в образец мелких кусочков более поздней древесины, так и с воздействием грунтовых вод. Наиболее надежными являются даты, полученные по крупным образцам обработанной древесины из культурного слоя, приведенные ниже.

10 палинозона (береза с участием сосны, незначительным участием широколиственных пород) выявлена по разрезам Озерки 5 (VII спк) и Озерки 16 (IV спк). По обработанному бревну из культурного слоя стоянки Озерки 5 получена датировка по С-14. Она составила 7310 ± 120 л. н. (ГИН-7218).

Судя по составу спектров, этот комплекс характеризует следующий этап атлантического периода, охватывающий диапазон 7400-7300 л. н. В это время в растительном покрове территории наряду с бореальным флористическим комплексом постоянно присутствуют неморальные элементы. С этого времени господствующими становятся смешанные умеренные леса из березы, сосны и таких широколиственных пород, как дуб, вяз, липа и в подлеске лещина.

11 палинозона (береза с незначительным участием широколиственных пород, ольхи и ели) описана по разрезу Озерки 16 (V спк). Начало этой палинозоны также прослеживается в верхней части IV культурного слоя на стоянке Озерки 5. По обработанному бревну из культурного слоя последней получена дата по С-14 - 7120 ± 50 (ГИН-7217) л. н.

Время образования этой палинозоны отвечает атлантическому периоду голоцена, когда происходит дальнейшее усиление роли неморального флористического комплекса. В это время господствующими становятся смешанные леса из березы и сосны, с примесью вяза, липы и подлеском из лещины. Корреляция этих данных с другими разрезами позволяет датировать эту палинозону интервалом 7300-7200 л. н.

12 палинозона (береза с участием сосны и широколиственных пород, с высоким содержанием трав) прослеживается с перерывом во времени по сравнению с предыдущей зоной и выделена по разрезу 3 на стоянке Озерки 17 (V спк).

Большие площади в это время были заняты березовыми лесами, в состав которых входили также сосна и широколиственные породы. Отличительной чертой этой палинозоны является увеличение количества пыльцы травянистых растений, свидетельствующее о широком развитии в это время злаковых луговых сообществ. Такой состав растительности был характерен для условий наибольшей аридизации атлантического периода, которые имели место на рубеже 7200-7100 л. н. Основной период заселения стоянки Озерки 5 в финальном мезолите приходится на 10-12 палинозоны. Видимо, с отмеченной аридизацией связан перерыв осадконакопления, и формирование верхнего горизонта финально-мезолитического культурного слоя происходило за счет переработки отложений предшествующего периода. Оно завершилось, вероятно, около 7000 л. н.

13 палинозона (береза с участием сосны, широколиственных пород и ольхи) представлена по разрезу 3 на стоянке Озерки 17 (VI спк). С ней связан культурный слой развитой верхневолжской культуры на стоянке Озерки 17.

14 палинозона (береза, сосна, ольха с участием широколиственных пород) также описана по разрезу 3 на стоянке Озерки 17 (VII спк).

Две предыдущие палинозоны характеризуют более влажный и теплый этап атлантического периода, соответствующий времени 6900-6500 л. н. В это время на данной территории произрастали березовые леса с различной долей участия в них широколиственных пород, ольхи и сосны. В исследованном разрезе стоянки Озерки 5 отложения этого периода не представлены, но в восточной части раскопа встречен культурный слой первой половины существования верхневолжской раннеолитической культуры (III). Он занимает стратиграфическое положение, соответствующее этому времени. Наряду с керамикой, идентичной фрагментам из III культурного слоя стоянки Озерки 17, относящегося к 13 палинозоне, встречены и более ранние материалы, аналогичные II культурному слою стоянки Окаево 5 и III культурному слою стоянки Окаево 18 на р. Дубне. Последние имеют радиоуглеродные даты 6800 ± 140 (ГИН-6193) и 6800 ± 60 (ГИН-6416) л. н. соответственно [4].

15 палинозона (сосна с участием березы, ели и широколиственных пород) выделяется по разрезу Озерки 5 (VIII спк). Из нижней части поздневерхневолжского (II) культурного слоя получена по щепкам датировка по С-14, которая составила 6450 ± 160 л. н. (ГИН-7215).

Эта палинозона характеризует условия, когда на исследуемой территории преобладали умеренные смешанные леса, где в сосново-березовых лесах была значительная примесь широколиственных пород и ели. Климат был умеренно влажный и более теплый, чем во все предыдущие периоды. Формирование этого комплекса происходило в атлантический период голоцена, в интервале от 6500 до 6400 л. н. В это время на стоянке Озерки 5 началось формирование культурного горизонта второй половины верхневолжской культуры, которое продолжалось и на следующем этапе, соответствующем 16 палинозоне.

16 палинозона (береза, ольха с незначительным участием сосны и широколиственных пород) описана по четырем разрезам: Озерки 5 (IX спк), Озерки 16 (VI спк), Озерки 17 - разрез 1 (IV спк), Озерки 17 - разрез 2 (IV спк).

В этот период, который приходится на интервал от 6400 до 6200 л. н., происходит изменение состава лесов, в которых теперь преобладают береза и ольха, значительно меньше становится сосны и широколиственных пород. Продолжается отложение поздневерхневолжского культурного слоя на стоянке Озерки 5.

17 палинозона (ольха, береза с участием широколиственных пород и сосны) выделяется по разрезу Озерки 5 (X спк) и Озерки 16 (VII спк).

По существу, данный комплекс представляет собой более позднюю фазу развития растительности атлантического периода голоцена, в интервале от 6200 до 6000 л. н., когда широко был представлен неморальный флористический комплекс. Наиболее распространенными являлись березово-ольховые леса с участием широколиственных пород. В это время наибольший расцвет получила поздняя верхневолжская культура на стоянке Озерки 5.

18 спорово-пыльцевой комплекс (сосна, береза с участием широколиственных пород, незначительным участием ели и ольхи) описан по разрезу Озерки 5 (XI спк), разрезам 1 (V спк) и 3 (VIII) на стоянке Озерки 17. По разрезу на стоянке Озерки 5 по обработанному бревну из самого верха поздневерхневолжского (II)

культурного слоя получена датировка по С-14, составляющая 5930 ± 200 л. н. (ГИН-6663).

В этот отрезок времени наиболее распространенными являлись березово-сосновые леса с участием в них ели, ольхи, а из широколиственных пород - чаще вяза. Исходя из особенностей спорово-пыльцевых спектров, время формирования этого комплекса соответствует похолоданию атлантического периода голоцена, который приходится на 6000-5900 л. н. К этому времени относится формирование самого верха II культурного слоя на стоянке Озерки 5. В этом горизонте наряду с материалами финального этапа верхневолжской культуры встречается "протоляловская" керамика. Культурный слой этого времени представлен и на стоянке Озерки 17.

19 палинозона (ольха, береза с участием широколиственных пород, незначительным участием сосны и ели) описана по разрезу Озерки 5 (XII спк), разрезам 1 (VI спк), 2 (IX спк) и 3 (IX спк) на стоянке Озерки 17.

Выделенный комплекс отражает растительность второго максимума атлантического периода голоцена (5900-5800 л. н.). Широкое развитие получили группировки, образованные смешанными и широколиственными лесами, в состав которых входили сосна, береза, вяз, дуб, липа и лещина. В наиболее топких местообитаниях селилась черная ольха, образуя иногда чистые насаждения. В это время на данной территории появилась льяловская культура, следы которой отмечены на стоянках Озерки 5 и 17.

Вновь полученные материалы по многослойным поселениям около пос. Озерки включают в себя данные по геологии, геоморфологии и палеоландшафтам, реконструированным, главным образом, благодаря широкому использованию палеоботанических методов, а также привлечению значительного количества радиоуглеродных датировок. Все это позволило более полно представить общую концепцию связи эволюции природных процессов и основных этапов развития материальных культур древнего человека в эпохи мезолита-неолита на территории как Волго-Окского междуречья, так и в целом лесной зоны центральной части Европейской России. При этом важно подчеркнуть, что уделялось существенное внимание не только палеоландшафтным характеристикам этапов той или иной археологической культуры, но также палеоэкологическим событиям, разделяющим их, что может впоследствии послужить некоторой основой для выявления причинной связи между изменениями природной среды и сменой материальных культур древнего человека.

Обобщение имеющихся в нашем распоряжении материалов примерно по 200 археологическим памятникам рассматриваемой зоны позволило выявить определенные пространственные закономерности в их геолого-геоморфологической и палеоландшафтной приуроченности.

Памятники мезолита на всей этой обширной территории имеют рассеянный характер распространения и приурочены, как правило, к открытым пространствам дюн, террасам рек, побережьям озер или границам редкостойных лесов.

В неолите подавляющее количество памятников пространственно оказалось приуроченным к берегам рек, озер-болот. При этом большая часть этих озер часто располагается в верховьях рек, что позволило выявить определенную тенденцию в концентрации археологических памятников неолита в крупных озерных впадинах.

Палеоэкологические события Пребореала, Бореала, начала атлантического периода и их корреляция с мезолитом

Климатическая ситуация в Пребореале и Бореале была нестабильной, что вызывало как постепенные, так и очень резкие изменения палеоландшафтов.

В начале Пребореала наиболее распространенными на всей территории Волго-Окского междуречья были березовые и сосново-березовые леса невысокой сомкнутости, и произрастали они избирательно в отношении рельефа местности. Такая особенность внутренней структуры лесных массивов в растительном покрове, по-видимому, связана со сложной комплексностью травянистых и кустарничковых сообществ, унаследованных еще от позднеледниковья и обусловленных быстрой сменой в пространстве почвенно-гидрологических и микроклиматических условий, а также с неоднородным распределением снежного покрова - одного из лимитирующих факторов природной среды. По данным палинологического анализа, в некоторых условиях произрастания - чаще по дюнам (более подробно они изучены вблизи стоянок Усть-Тудовка I, Подол III и Суконцево VII) - перигляциальный флористический комплекс все еще играл существенную роль в ландшафте. Открытые пространства были заняты болотами и луговой растительностью различного состава.

Памятники начала Пребореала пока единичны.

Значительно большее количество памятников связано по времени образования с наиболее оптимальными условиями Пребореала, охватывающими временные рамки от 9500 до 9300 л. н. Этот этап отчетливо прослеживается по озерным отложениям в низах разреза на стоянке Озерки 5. В это время хвойный лес становился единственным зональным типом растительности. Широкое развитие получили сосновые леса, в состав которых входила не только ель, но и береза, ольха. Возможно, ель в наиболее благоприятных условиях произрастания образовывала чистые насаждения. Однако бесспорно то, что ареал ели заметно расширился в это время. Постоянные находки пыльцы верескоцветных скорее всего указывают на развитие вересковых кустарничков под пологом леса либо на присутствие их среди болотных фитоценозов. Небольшие площади были заняты болотами и лугами, не только приречными, но и развитыми на суходолах. Их роль в ландшафте всей территории была больше, чем в последующие этапы голоцена, начиная с бореального периода.

Важным событием рассматриваемого этапа Пребореала (9500-9300 л. н.) является существенное понижение уровня озерных водоемов, побережья которых начали заселяться мезолитическим человеком. Форми-

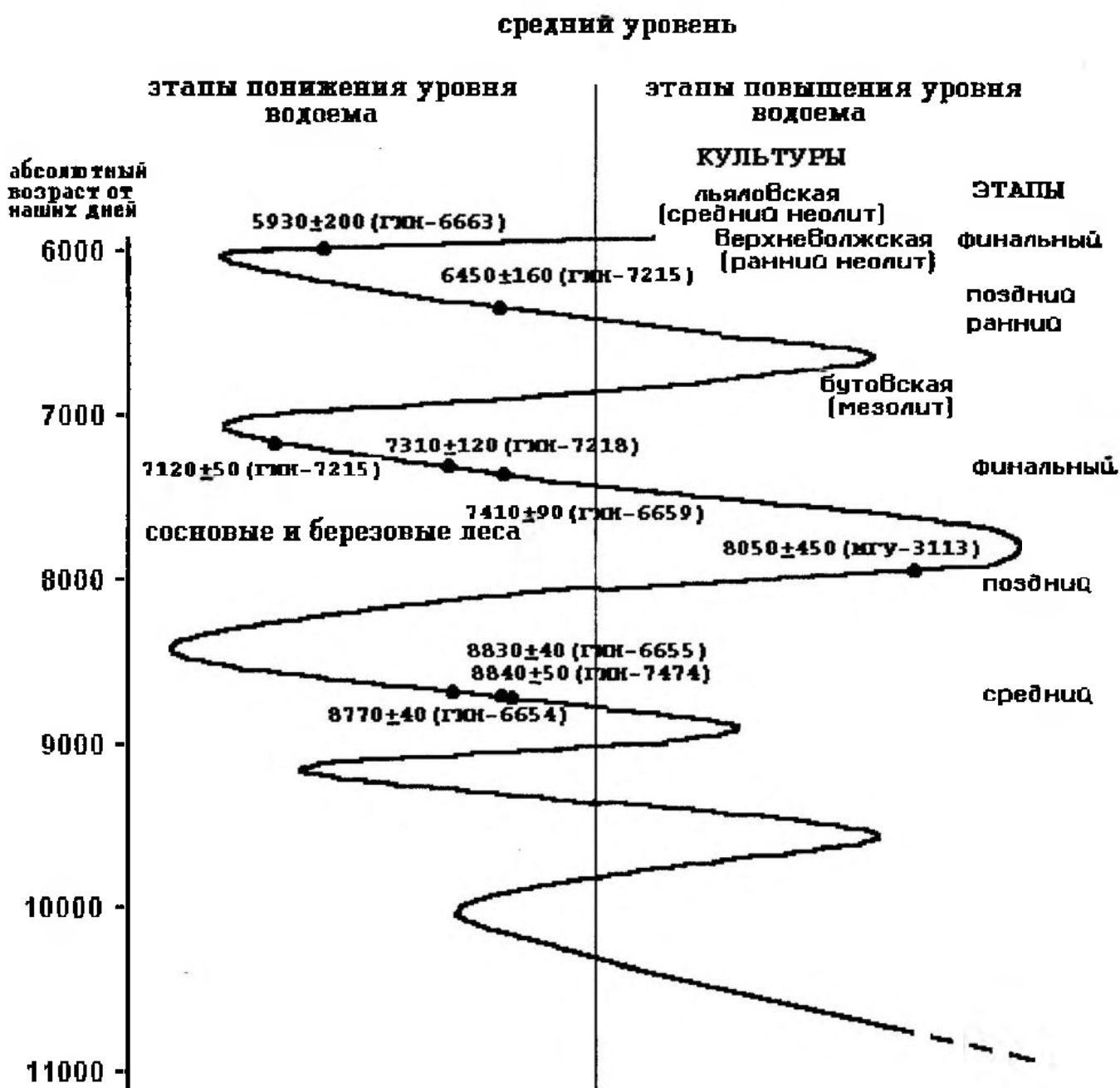

Рис. 2. Эволюция палеоэкологических событий в районе стоянок группы Озерки

рование культурных слоев на стоянках Бутово, Тихоново и Ладыжино III связано именно с этим интервалом (рис. 2).

Конец пребореального периода (от 9300 до 9000 л. н.) характеризовался ухудшением климатических условий, приведшим к поднятию уровня грунтовых вод, высоким и длительным весенним паводкам на реках и, как следствие, к заболачиванию пониженных участков рельефа и деградации сосняков высокого бонитета. Подобная природная ситуация создалась и в окрестностях поселений Озерки 5 и 17. Оставшиеся светлехвойные леса характеризовались значительным однообразием флористического состава. Фон в растительном покрове создавался березой и реже сосной. Эти леса скорее всего можно определить как среднетаежные, поскольку роль гипоарктических видов в них была уже ничтожно мала. Луговая растительность более широко представлена заболоченными сообществами осочников, тогда как наиболее продуктивные суходольные луга с господством разнотравья значительно сократились по площади своего распространения.

Таким образом, в это время происходит заболачивание огромного пространства Волго-Окского междуречья. Этот процесс создал менее благоприятную экологическую обстановку для жизни человека на побережьях озер. Можно предполагать, что в начале Бореала (9000-8900 л. н.) в связи с похолоданием, активным заболачиванием территории на междуречьях резко сократилось количество стоянок и древнее население мигрировало на наиболее дренируемые территории, в частности на участки распространения дюн и высокие террасы рек. Примером может являться расположение стоянки Черная Грязь I, формирование культурного слоя которой приходится на это время.

Начиная с 8900-8800 л. н., отмечается потепление климата, что способствовало постепенному уменьшению заболоченности всего междуречья и понижению уровня воды в реках и озерах. Именно с этим этапом связано формирование нижнего культурного слоя мезолита на стоянках Озерки 16 и 17. Судя по составу и флористическим особенностям палинологических спектров, сосновые леса постепенно становятся единственным зональным типом растительности Волго-Окского междуречья. Лишь на более влажных участках существовали смешанные подтаежные сосново-березовые леса. На этот этап также приходится пребывание людей на стоянке Дмитровское I.

В наиболее оптимальный климатический интервал Бореала (8600-8200 л. н.) в состав некоторых сосновых лесов входили в виде небольшой примеси широколиственные породы с орешником в подлеске. По существу, эти ландшафты можно рассматривать как бореальные леса южно-таежного типа. С данным интервалом времени связаны культурные слои ряда стоянок на побережьях рек и озер: Черная I, Угольново, Борисово, Шильцева Заводь V, Иенево 2 и др. Это позволяет думать, что интервал времени 8600-8200 л. н. был в экологическом плане достаточно оптимальным для мезолитического человека в пределах Волго-Окского междуречья.

Далее до конца бореального периода вновь отмечается некоторое похолодание климата, которое способствовало поднятию уровня водоемов и заболачиванию. Как показали наши исследования, в это время в окрестностях группы стоянок Озерки на фоне общего обводнения территории процесс торфонакопления происходил в прибрежных частях небольших островков, на одном из которых расположена стоянка Озерки 9, где и была получена датировка 8050 ± 450 (МГУ-1331) л. н.

Имеющиеся палинологические данные позволяют говорить о достаточно постепенном изменении палеоландшафтов на границе между бореальным и атлантическим периодами в рассматриваемом районе. Более того, на некоторых участках междуречья в начале атлантического периода существовали палеоландшафты, близкие по своему типу к бореальным. Это были хвойные леса того же состава, но с большей ролью неморального флористического комплекса. Культурные слои стоянок Озерки 5, Ивановское III, Нушполы 11 (III слой) датируются интервалом времени 7400-7100 л. н. и относятся к финальному мезолиту. Интересно, что на этот интервал времени приходится постепенное понижение уровня озерных водоемов на междуречье.

Возможно, это явление связано с общей тенденцией изменения климата в сторону большей аридизации, которая наиболее отчетливо выявилась по материалам современной лесостепи и степи.

Максимальный уровень аридизации на всех палинологических диаграммах не только лесной зоны, но и степи европейской России выделяется около 7200 л. н.

Именно с этого времени началась быстрая деградация таежного флористического комплекса не только в пределах плакорных местообитаний, что хорошо видно по материалам естественных разрезов, но и заболоченных пространств. На примере стоянок группы Озерки видно, что структура леса значительно усложняется, обогащается видовой состав наземных ярусов за счет примеси многих неморальных видов, типичные черты хвойного леса в значительной степени утрачиваются.

Помимо основных типов леса, приуроченных к плакорным местообитаниям в различных условиях влажности и богатства почв, встречаются их разнообразные эдафические варианты - широколиственные леса, березняки, черноольшанники. Они образуют несколько экологических рядов, связанных с заболачиванием, а также с возрастающим или убывающим богатством почвы.

Таким образом, анализ палеоэкологических особенностей Пребореала, Бореала и начального этапа атлантического периода позволил выявить как оптимальные, так и неблагоприятные условия существования мезолитического человека. Последние, безусловно, были связаны с ухудшением климатической ситуации, что, в первую очередь, вызывало атквизацию процессов заболачивания, повышение уровня озерных водоемов и изменение режима рек. Эти процессы способствовали миграциям мезолитического человека, связанным с освоением новых, более дренированных участков суши.

Палеоэкологические события атлантического периода и их связь с начальным этапом неолита

Резкое потепление климата явилось важным природным событием, которое трудно объяснить только перестройкой циркуляционных систем Северной Евразии, так как оно в значительной мере могло определяться общим увеличением теплоприхода к рассматриваемой части Северного полушария.

Палеоботанические материалы, полученные по бассейнам рек Волги и Оки, дали возможность изучить последовательные изменения климата и растительности этого региона в атлантическое время и по определенным хроносрезам провести сопоставление наиболее важных этапов в жизни людей с теми процессами, которые происходили в природе.

Как уже отмечалось выше, максимальный уровень аридизации на всех палинологических диаграммах выделяется около 7200 л. н.

Отчетливо прослеживается этап некоторого похолодания и, возможно, некоторой аридизации климата около 6000 л. н., когда господствующими формациями стали сосновые леса с хорошо развитым неморальным флористическим комплексом. Как показали наши исследования, именно этот рубеж явился завершением существования верхневолжской культуры и становлением раннеьяловской общности. Более влажные и теплые этапы соответственно охватывают интервалы неолита от 7000 до 6200 и от 5800 до 5100 л. н. Первый интервал соответствует времени существования верхневолжской культуры в пределах Волго-Окского междуречья. В это время даже по понижениям рельефа в окрестностях группы стоянок Озерки коренными лесами являлись хвойно-широколиственные сообщества, образованные дубово-липово-елово-сосновыми и липово-дубово-сосновыми формациями. В сложении травянистого покрова основную роль играли виды неморально-бореальной и восточно-неморальной групп. По понижениям рельефа, особенно вдоль рек и по берегам озер и болот, возрастала роль березы и ольхи. Гидрологический режим на реках и озерах характеризовался относительной стабильностью, чего нельзя сказать о втором, более влажном, интервале, связанном с бытованием яловской культуры. В эколого-фитоценоотическом отношении этот интервал, по данным всех изученных стоянок и естественных разрезов, может быть подразделен на три подэтапа, связанных с наибольшим развитием широколиственных лесов различного состава.

Новые материалы, полученные по стоянкам Озерки, дают возможность определить только временные рамки существования раннеьяловской культуры (после 5900 л. н.), когда значительное развитие получили широколиственные леса из вяза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жилин М. Г. Археологические исследования на Озерском торфянике в 1990-1992 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
2. Жилин М. Г. Некоторые итоги раскопок стоянки Озерки 5 в 1990-1994 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
3. Спиридонова Е. А., Аleshинская А. С. Периодизация мезолита Волго-Окского междуречья по палинологическим данным // Палинология в России. М., 1995.
4. Жилин М. Г. Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994.

*Институт археологии РАН,
Москва*

M.G.Zhilin, E.A.Spiridonova, A.S.Aleshinskaya

DEVELOPMENT OF NATURAL ENVIRONMENT AND HISTORY OF SETTLEMENTS OZERKI 5, 16, 17 IN THE KONAKOVO DISTRICT OF THE TWER REGION

Summary

Multilayer settlements Ozerki 5, 16 and 17 located in the western part of the Ozeretsky peat bed in the Konakovo District of the Twer Region were being excavated by M.G.Zhilin in 1990 - 1995. In addition to archaeological methods of survey the radiocarbon and palinological methods were widely employed. E.A.Spiridonova and A.S.Aleshinskaya processed materials from 5 sections which led to specifying of 18 spore - pollen complexes characterizing development of vegetation in the Early and Middle Holocene. The major events of this period were dated on the basis of the radiocarbon method. Vast amounts of materials obtained at different regions of the Volga - Oka basin allowed the authors to reconstruct the process of development of the natural environment and archaeological cultures starting from the beginning of the Mesolithic up to the beginning of the Middle Neolithic.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm.Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

А. В. Энговатова, Е. А. Спиридонова, А. С. Алешинская

ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОПРОЛИТОВ СО СТОЯНОК КАМЕННОГО ВЕКА ПОДМОСКОВЬЯ

Одной из фундаментальных проблем современной археологии является восстановление условий обитания древнего человека, определение основных закономерностей жизнеобеспечения древних коллективов. Многие для выяснения палеоэкологической ситуации существования человека на поселении исследуется с помощью ряда биологических методов, применяемых в т. ч. для изучения тех органических остатков, которые обнаруживают на месте прежних стоянок.

Копролиты являются ценным источником информации, говорящим исследователю многое о палеоэкологии, диете и заболеваниях древнего человека и домашних животных, обитавших с ним на поселениях [1]. В настоящее время существует обширная, преимущественно зарубежная, литература по исследованию копролитов [2].

Копролиты на археологических памятниках встречаются довольно часто, причем они охватывают время от палеолита до позднего средневековья. Известны копролиты на большинстве торфяниковых стоянок Волго-Окского междуречья. В материалах отчетов они упоминаются на Сахтышских, Ивановских, Берендеевских стоянках, на поселениях Окаёмовской группы, Озерковских стоянках [3] и т. д. Найдены копролиты и на поселении Воймежное 1, и на стоянках Замостьенской группы [4].

В культурном слое торфяниковых памятников копролиты обычно вычлняются как небольшие пятна разных оттенков коричневого цвета с несколько иной структурой, чем сам культурный слой. Структура копролитов на срезе четко отличается от культурного слоя, даже если он сильно обводнен. Часто копролиты "забиты" костями рыб, чешуей и другими органическими остатками. Количество копролитов в культурном слое может быть различным, что зависит от условий формирования слоя, планиграфических особенностей памятника. Нередки случаи очень большой концентрации копролитов, иногда более десятка на 1 кв. м. Довольно часто они сильно минерализованы и с трудом отличимы от конкреций другого происхождения. Форма копролитов овальная, размер колеблется от 5 до 20-30 см в зависимости от видовой принадлежности.

Существуют различные методы исследования копролитов, найденных на археологических памятниках. Применение их зависит от задач исследования. Чаще при анализе копролитов производятся микробиологические исследования растительных остатков и кусочков тканей животного происхождения. В настоящей статье хотелось бы подробно остановиться на одном аспекте изучения копролитов - на палинологических исследованиях.

Традиционно для палинологического анализа исследуется мелкозем из культурного слоя, что дает возможность определить характер зонального типа растительности в период формирования слоя, а также выявить локальные черты растительного покрова ограниченной территории поселения. Палинологическое изучение копролитов помимо решения общих задач поможет определить сезонную принадлежность полученного материала и по растительным остаткам в копролите - диету человека и животных, а также конкретные проявления сезонности.

Для целей палинологического анализа чаще использовались копролиты, сохранившиеся в кишечнике животных из слоя вечной мерзлоты [5]. В этом случае состав палинологического спектра соответствует только видовому набору растений, который был употреблен в пищу.

Копролиты из культурного слоя содержат более сложную информацию, включающую как представления о зональном типе растительности в период формирования самого культурного слоя, так и видовой состав растений, непосредственно используемых в пищу. В данном случае состав палинологического спектра копролита может быть использован также для определения возраста культурного слоя и сезонности поселения.

Методика отбора образца для палинологического анализа из копролита такая же, как и из культурного

слоя, но важно отобрать чистую пробу, поэтому желательнее взять осадок из середины копролита. Техническая обработка образца производится по методу В. П. Гричука [6]. В микроскопе при увеличении в 400 раз производится идентификация всех выявленных форм пыльцы и спор, а затем по процентному соотношению отдельных видов составляется гистограмма полученного палинологического спектра.

Более подробно остановимся на результатах исследований копролитов из раскопок 1991 г. стоянки Замостье 2 (раскоп II). Стоянка многослойная, содержит материалы от позднего мезолита до бронзового века. Поселения Замостьинской группы исследовались Подмосковной экспедицией ИА РАН [7]. Копролиты найдены при раскопках 1989, 1990, 1991 гг. на стоянках Замостье 1 и 2 в слоях позднего мезолита - раннего неолита (верхневолжская культура), которые относятся ко 2-ой пол. VII-V тыс. до н. э.

В данной работе анализируется небольшая выборка из работ 1991 г. Для "чистоты" эксперимента для спорово-пыльцевого анализа отобраны только 13 достоверных копролитов (вызывающие сомнения копролиты не отбирались) из верхневолжского слоя, не расчлененного литологически. Найдены копролиты в кв. Д-16, Г-13, Г-16, Г-14 (2 образца), Б-14, Б-15, А-15, Г-15, Б-16, В-14, Г-13, Д-15. Все исследованные на палинологический анализ пробы содержали пыльцу, споры и другие органические остатки, за исключением проб А-15, В-14, где растительные остатки практически отсутствовали. Часто встречались очень мелкие кусочки древесины сосны, ели, березы, а также коры сосны. В образце Д-15 определены гребешки от спорангиев орляка, присутствующие в большом количестве. Возможно, молодые побеги орляка использовали в пищу.

В целом, во всех образцах преобладает пыльца древесных пород (около 50%), пыльца травянистых растений составляет около 20%, на долю спор приходится до 30%. Состав пыльцы травянистых растений отличается наибольшим разнообразием, и, возможно, это связано с диетой. По результатам анализа все образцы были поделены на 4 группы, каждая из которых отличается по составу древесных пород.

I группа (ель, береза и сосна, мало широколиственных пород). В эту группу входят образцы из кв. II-7-Г13, и II-6-Г14. На фоне существенного преобладания пыльцы березы (50-70%) отмечается большое количество пыльцы сосны. Характерной чертой этой группы является наличие пыльцы ели и небольшое количество пыльцы широколиственных пород, которые представлены в основном липой (это также, видимо, связано с диетой). Состав пыльцы травянистых растений различен в двух образцах. В образце II-7-Г13 встречается только пыльца злаков, осок и полыней. Образец II-6-Г14 существенно богаче по видовому составу трав. Здесь встречается пыльца 10 видов трав, среди которой большинство составляет пыльца злаков. Встречается пыльца хмеля, крапивы и прибрежных растений (*Mugophyllum*, *Nymphaea*). Споровые растения представлены зелеными и сфагновыми мхами, папоротниками, в т. ч. отмечена и аномально большая концентрация спор и спорангиев папоротника-орляка (образец II-6-Г14).

II группа (береза, сосна, мало широколиственных пород), в которую входят 4 образца: II-7-Г16 (2 образца), II-7-А15 и II-7-Д15. Для этой группы характерно преобладание пыльцы березы (в среднем около 60%) и сосны - 30%. В небольшом количестве встречается пыльца ели и широколиственных пород. Пыльца широколиственных пород представлена липой, вязом и дубом. В образце Г16 отмечена пыльца калины. Видовой состав травянистых растений разнообразен. Как и в I группе, преобладает пыльца злаков. Также много пыльцы осок. В отличие от предыдущей группы здесь встречается также пыльца маревых.

Споровые растения представлены зелеными мхами и папоротником семейства *Polypodiaceae*. В небольшом количестве встречаются споры хвоща.

III группа (береза, сосна, широколиственные породы) состоит из 5 образцов: II-7-Б14, II-7-Б15, II-7-Г15, II-7-Г14, II-7-В14. На фоне высокого содержания пыльцы березы и сосны отмечается увеличение количества пыльцы широколиственных пород, которые представлены липой, вязом и дубом. В небольшом количестве присутствует пыльца лещины и ивы. Среди травянистых растений преобладает пыльца злаков. Много пыльцы осок и полыней. Так же, как и в предыдущей группе, встречается пыльца маревых. В образце Б15 присутствует аномально большое количество пыльцы *Rubus* (малина, костяника и др.), что, видимо, связано с диетой. Споровые растения представлены зелеными мхами, папоротниками сем. *Polypodiaceae*, хвощем. Во всех образцах, кроме образца Г15, присутствует папоротник-орляк (*Pteridium*).

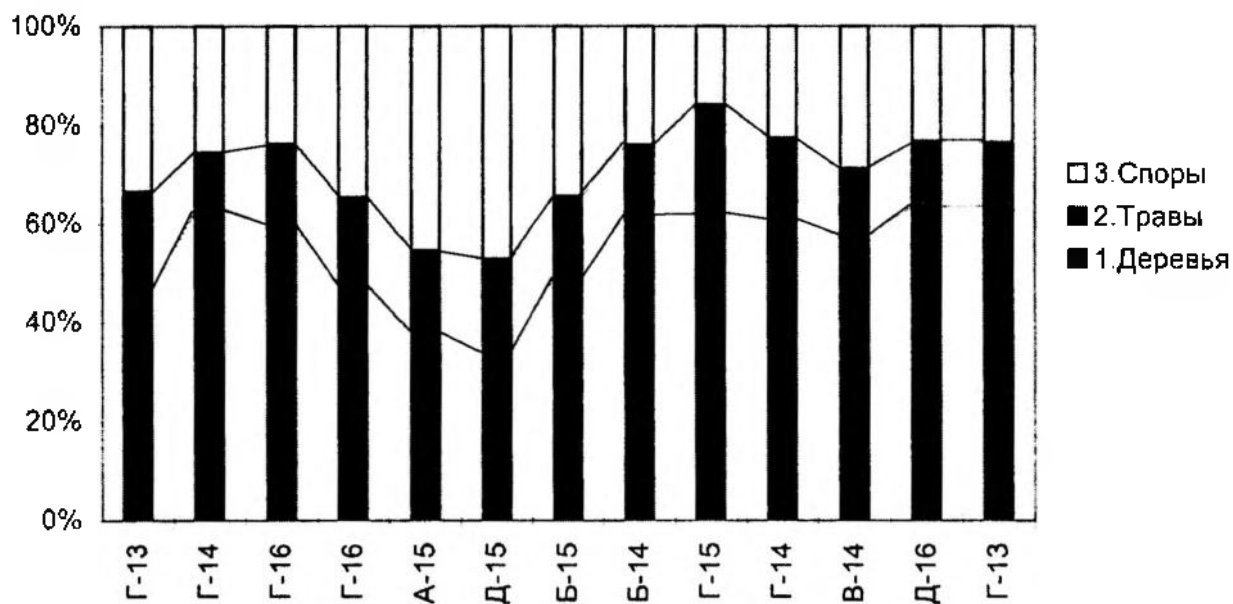
IV группа (береза, широколиственные породы, ольха, мало сосны). В эту группу входят 2 образца (II-7-Д16, II-7-Г13). По составу древесных пород эта группа существенно отличается от предыдущих. Пыльца березы хотя и преобладает, но ее меньше, по сравнению с другими группами (ок. 50%). Еще меньше в этих образцах встречается пыльца сосны (15%). Существенно увеличилось количество пыльцы широколиственных пород (до 30%), среди которых присутствуют липа, вяз и дуб. В образце Г13 отмечается наибольшее среди всех образцов количество пыльцы липы (20%). Также в большом количестве встречается пыльца ольхи. Присутствует пыльца лещины и ивы. Состав травянистых растений ничем существенно не отличается от предыдущих групп. Можно лишь отметить аномально большое количество пыльцы злаков в образце Г13 (67%). Интересно также полное отсутствие маревых (как и в образцах из I группы). Споровые растения представлены зелеными мхами и папоротником сем. *Polypodiaceae*. В небольшом количестве встречаются споры хвоща.

Восстанавливая условия внешней среды на основании полученных палинологических спектров копролитов, видим, что все описанные выше 4 группы отражают различные экологические особенности природной среды, характеризуя зональный тип растительности разных этапов развития верхневолжской культуры. Более ранние ее этапы связаны со спектрами I и II групп, тогда как III и IV группы фиксируют ее расцвет и завершение при заметно возросшей роли широколиственных лесов в составе растительности вокруг поселения.

месяц № обр.	апрель	май	июнь	июль	август	сезон
Д-16		Ulmus	Iris			весна
Г-13				Tilia Nymphaea		середина лета
Г-16		Ulmus		Humulus		начало лета
Г-14				Pteridium Humulus Myriophyllum Urtica Nymphaea		середина лета
Б-14			Iris Myriophyllum Equisetum palustre	Pteridium		начало лета - середина лета
Б-15			Myriophyllum Filipendula Rubus cha- maemorus	Pteridium		начало лета - середина лета
А-15			Myriophyllum Filipendula Equisetum palustre Humulus Pteridium Nymphaea			начало лета - середина лета
Г-15		Ulmus	Myriophyllum			конец весны - начало лета
Г-14				Humulus Pteridium Myriophyllum Nuphar		середина лета
Б-16		Viburnum opulus	Myriophyllum Filipendula Equisetum palustre Nymphaea			начало лета - середина лета
В-14			Nuphar Myriophyllum Equisetum palustre Pteridium			начало лета - середина лета
Г-13			мало пыльцы			
Д-15			Myriophyllum Filipendula Nymphaea			конец весны - начало лета
		Pteridium (спорангии)				

Рис. 1. Проявление сезонности в палинологических спектрах копролитов из раскопок 1991 г. стоянки Замостье 2

ОБЩИЙ СОСТАВ

ДРЕВЕСНЫЕ ПОРОДЫ И КУСТАРНИКИ

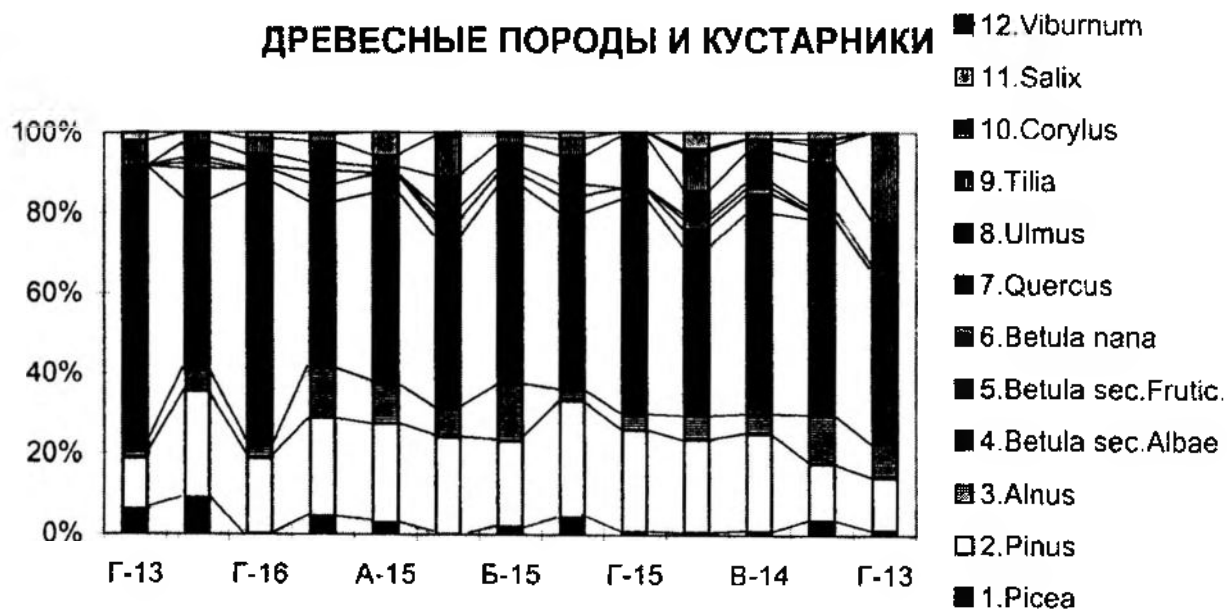
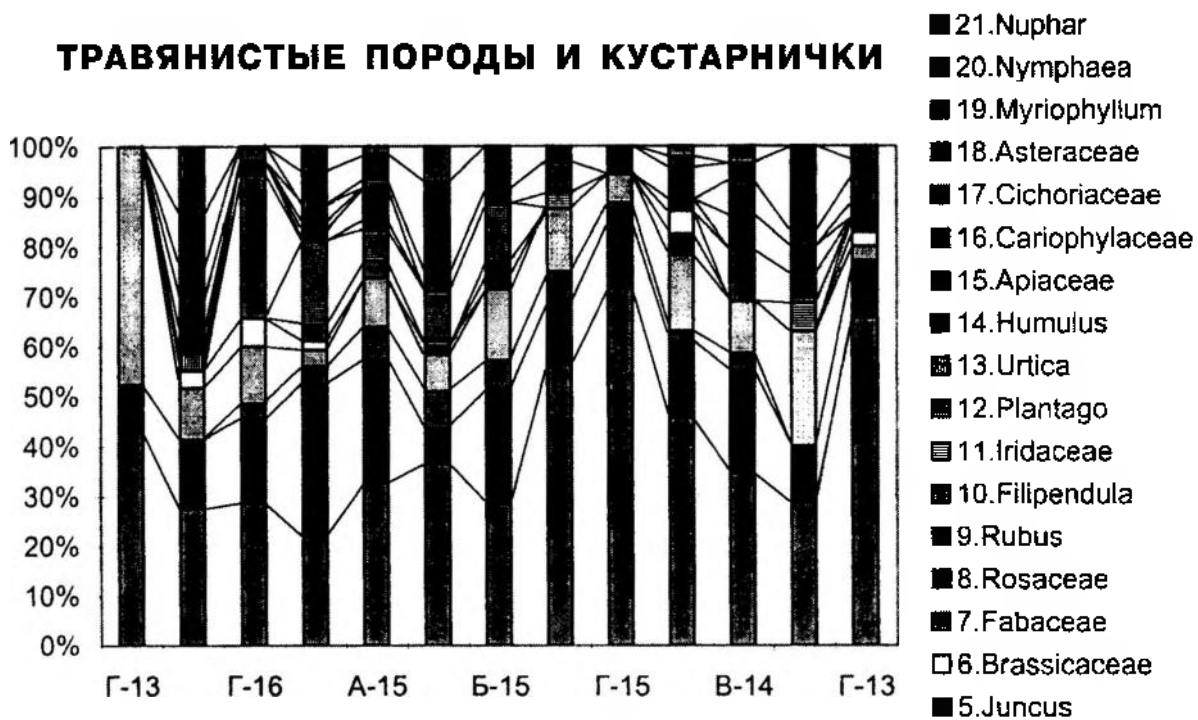

Рис. 2. Гистограммы спорово-пыльцевого анализа копролитов из раскопок 1991 г. стоянки Замостье 2

ТРАВЯНИСТЫЕ ПОРОДЫ И КУСТАРНИЧКИ

СПОРЫ

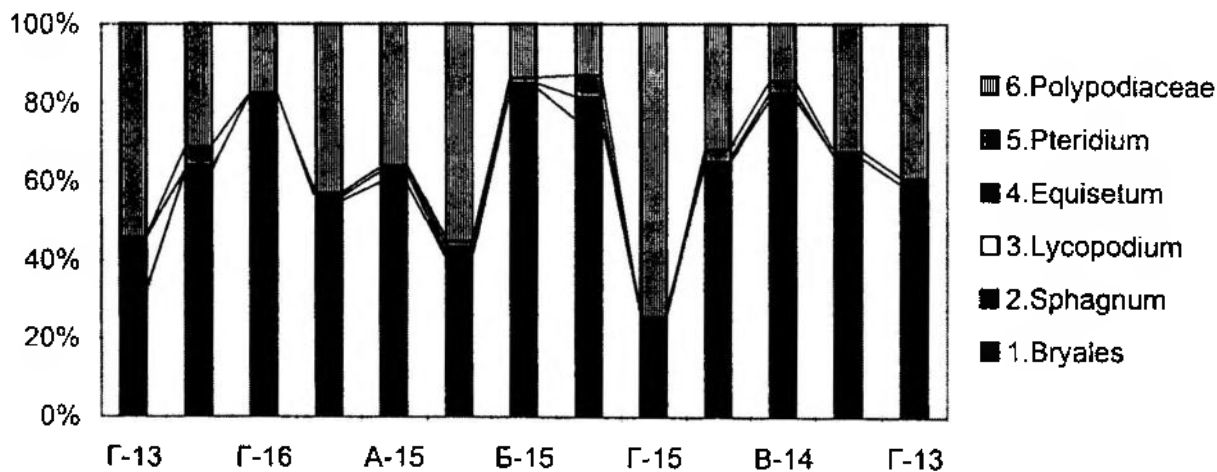

Рис. 3. Гистограммы спорово-пыльцевого анализа копролитов из раскопок 1991 г. стоянки Замостье 2

При сравнении полученных по копролитам данных и ранее известных материалов по верхневолжской культуре со стоянок Замостьинской группы и других памятников Волго-Окского междуречья видно их значительное сходство.

Из построенных гистограмм (рис. 2, 3) следует, что интерпретировать полученные результаты можно следующим образом. Пыльцевые спектры копролитов зависят:

а) от слоя, в котором они отложились (в этом случае пыльцевой спектр из образца копролита совпадает со спектром культурного слоя). Исходя из этого показателя, можно уверенно расчленить все 13 копролитов на более ранние (группы I и II) и поздние (группы III и IV) в рамках верхневолжской культуры;

б) от сезонности образования копролита. По результатам проведенных анализов можно уверенно говорить, что большинство копролитов образовались в начале - середине лета и только 3 в конце весны или в начале лета. Один копролит образовался осенью - ранней весной, т. к. не содержал пыльцы растений-маркеров. Поскольку все копролиты были оставлены в период функционирования стоянки, можно уверенно говорить о сезонности памятника - это весна - лето (рис. 1);

в) от диеты биологической особи. Аномальная концентрация пыльцы некоторых растений в ряде образцов однозначно свидетельствует о том, что эти растения употреблялись в пищу. Крупные скопления одного вида спор, иногда в спорангиях, - характерный признак того, что споры попали в копролит со съеденной пищей. К таким растениям относятся папоротник - орляк, калина, липа.

Интересны экология обитания и питательные свойства этих растений. В копролите II -6-Г14 и 7-Г15 найдены спорангии орляка (*Pteridium*). Орляк обыкновенный - до настоящего времени один из наиболее распространенных папоротников на территории России. Размножается орляк спорами, которые развиваются в сорусах, расположенных непрерывной полоской под закрученными краями долей листовых пластинок. Листья орляка издавна используются людьми в народной медицине при лечении самых разнообразных заболеваний: они обладают антисептическими свойствами. Молодые листья орляка - отличный пищевой продукт. Едят только самые молодые листья, пока они еще не развернулись и не позеленели, а только вылезли весной из земли. В таких проростках много аминокислот, в частности лейцина, а также аспарагиновой и глютаминовой кислот, аспарагина и других питательных и вкусовых веществ [8, с. 100-101].

В копролите Г13 найдена аномальная концентрация пыльцы липы. Видимо, она попала с пищей. Липа цветет в июне-июле. Распространена в лесной зоне Европейской части страны. Липа - один из важнейших медоносов, липовый мед считается особенно ценным. Липа - лекарственное растение. Ее соцветие употребляют в виде отвара или настоя как потогонное и жаропонижающее, а также как бактерицидное средство. Отвар цветков, содержащий огромное количество пыльцы, оказывает успокаивающее нервную систему действие. Цветки липы содержат эфирное масло, флавоноиды, аскорбиновую кислоту, сахара. Молодые листья и распускающиеся почки едят в свежем виде, они обладают фитонцидной активностью, используются для витаминного напитка и могут быть хорошим противоязвенным средством [8, с. 51-52].

В копролите 7-Г16 обнаружена аномальная концентрация пыльцы калины. В этом же образце найдена 1 косточка калины. То, что неолитическое население употребляло в пищу калину, видно из исследований нагара на сосудах, в котором сохранились многочисленные косточки. Теперь эти данные подтверждаются данными палинологического анализа. Лечебное действие плодов калины используется в народной медицине и известно по письменным источникам с 17 в. н. э. Плоды калины использовали при простудах, как мочегонное, слабительное, потогонное, успокаивающее и дезинфицирующее средство. Лечебные свойства плодов калины связаны с содержащимся в них сахаром, пектином, дубильными веществами, каротином, витаминами С и Р. Способ заготовки калины впрямь не изменился от раннеолитической верхневолжской культуры до позднеолитической культуры с редкоямочной керамикой (с V тыс. до н. э. до конца IV тыс. до н. э.).

Карпологиический анализ проведен на тех же 13 образцах со стоянки Замостье 2. В двух копролитах обнаружены семена плодов кубышки. Как они попали в копролит - с водой или с пищей - сказать сложно. Интересно, что находки плодов кубышки в копролитах есть и на соседней стоянке Окаёмово 8 [9]. Кубышка желтая образует обширные заросли в пресноводных озерах и реках с медленно текущей или стоячей водой. Заросли кубышки желтой - место кормления диких водоплавающих птиц и убежище рыб. Семена кубышки после созревания плода еще долго плавают по поверхности водоема благодаря беловатой оболочке, наполненной воздухом. С водой часть семян может попасть в организм живой особи, а позже в копролиты.

В двух копролитах обнаружены фрагменты плодов чилима (водяной орех). Плод 2 - 2,5 см в диаметре, черно-бурого цвета, созревает в августе - сентябре. В плодах содержится до 50% крахмала, ок. 15% азотистых веществ, 24% белка, 7,5% масла и свыше 3% глюкозы. Орехи можно есть сырыми, отваренными в воде или запеченными в золе. Урожайность этого ореха может быть промышленной. Чилим находят в культурном слое стоянок каменного века лесной полосы - так, у оз. Ванаявези (Финляндия) было встречено большое количество расколотых орехов, смешанных с древесным углем. В Латвии найдены слой скорлупы орехов и деревянные колотушки с впившимися в них шипами чилима (раскопки Л. В. Ванкиной). Скопление чилима имеется и в культурном слое стоянки Окаёмово 8 [9].

На основе спорово-пыльцевого анализа копролитов со стоянки Замостье 2 можно сделать следующие выводы:

1. Копролиты в рамках верхневолжской культуры не одновременны, есть образцы более ранние и более поздние, что может помочь расчленить единую литологическую толщу культурного слоя.

2. Сезон существования изученного культурного слоя стоянки, судя по палинологическим спектрам копролитов, можно определить как конец весны - лето.

3. В пищу употреблялись в т. ч. молодые побеги папоротника-орляка, калина, чилим. Однако трудно уверенно сказать, была ли это диета человека или собаки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Butzer K. W.* Archaeology as human ecology. Cambridge, 1982.
2. *Shackley M.* Environmental archaeology. London, 1981.
3. *Жилин М. Г.* Некоторые итоги раскопок поселения Озерки 5 в 1990-1994 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
4. *Энговатова А. В., Хрусталева А. В.* Исследования копролитов со стоянок каменного века в Подмоскowie // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
5. *Украинцева В. В.* Природная среда гибели мамонтенка // Магаданский мамонтонок. Л., 1981.
6. *Гричук В. П., Заклинская Е. Д.* Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М., 1948.
7. *Сидоров В. В., Энговатова А. В., Лозовский В. М., Воронин К. В.* Работы Подмоскowieй экспедиции // КСИА. Вып. 203. 1991.
8. *Губанов И. А.* и др. Лекарственные растения Подмоскowieя. М., 1993.
9. *Жилин М. Г.* Археологические исследования в бассейне р. Дубны в 1987-1990 гг. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Вып. 2. Нижний Новгород, 1991.

*Институт археологии РАН,
Москва*

A.V.Engovatova, E.A.Spiridonova, A.S.Aleshinskaya

PALINOLOGICAL ANALYSIS OF COPROLITES FROM THE STONE AGE SITES IN THE MOSCOW REGION

Summary

Coprolites prove to be a valuable source of information containing data on palaeoecology, diet and diseases of the ancient man and domestic animals that lived near him.

Coprolites found in cultural layers contain information of a more complex character which includes data on the regional type of vegetation relevant to the time when the cultural layer was formed, as well as on the types of vegetation consumed as food-stuffs. In the latter case the palinological spectrum of a coprolite can help in dating the cultural layer and in defining the seasons of the year when the settlement was inhabited.

The article gives detailed results of the analysis of coprolites found during excavations performed in 1991 by the Institute of Archaeology at the Zamostje 2 site. The site is multilayer, it contains materials from the Late Mesolithic up to the Bronze Age. Coprolites were found during excavations in 1989, 1990 and 1991 at Zamostje 1 and Zamostje 2 in layers belonging to the Late Mesolithic - the Early Neolithic (the Upper Volga culture) which relate to the second half of the VII - V millenium B.C.

A certain amount of materials obtained during excavations performed in 1991 is chosen for analysis in the work presented. To make the survey relevant only 13 authentic coprolites were taken for spore-pollen analysis (doubtful coprolites were set aside). The coprolites were taken from the Upper Voiga culture layer that had not undergone the lithological differentiation.

The spore-pollen analysis led to the following:

1. Coprolites found in the Upper Volga culture layer are not synchronous; there are samples relating to different periods, which can help to differentiate the lithological depth of the cultural layer.
2. According to palinological spectrum of coprolites the sites were inhabited in the end of spring - summer.
3. Coprolites give information on diet: young sprouts of fern ("orlyak"), cranberry, water caltrop were used as food-stuffs. It is difficult to say, though, whether it was the diet of a man or a dog.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

В. В. Сидоров, А. Н. Сорокин

РАСКОПКИ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЗАМОСТЬЕ 5

Роль археологических памятников с четкой стратиграфией, в т. ч. сохраняющих предметы из органических материалов, для изучения древней истории трудно переоценить. Они незаменимы для выяснения взаимодействия человека и природной среды, содержат объективную культурно-хронологическую шкалу, дают первоклассные музейные коллекции. Богатейшая группа таких стоянок находится в 100 км к С от г. Москвы в Сергиев-Посадском р-не, в среднем течении р. Дубны - правого притока р. Волги и приурочена к котловине Заболотского палеозера. Всего к настоящему времени здесь открыто 24 разновременных поселения.

Работы по изучению памятников верхней и средней Дубны ведутся с 1987 г. экспедициями ИА РАН. В 1989-1991 и 1994 гг. полевые исследования финансировались фондом "Культурная инициатива" и Загорской ГАЭС, с 1995 г. они финансируются Министерством культуры, а с 1996 г. - РГНФ.

Угрозу для сохранности памятников представляют сбросы воды из водохранилища электростанции на р. Кунья в 35 км от Заболотского торфяника. Современное искусственное русло р. Дубны было выкопано в 1972 г. Оно прошло по территории ряда памятников и частично разрушило их. Река вымывает рыхлые ракушечные слои, находящиеся в основании отложений торфяника, что приводит к проседанию всей пачки перекрывающих слоев. Смещенные блоки быстро размываются, а возникшие на их месте выемки провоцируют новый размыв берегов. За последние пять лет по обоим берегам р. Дубны была смыта полоса 1,5-2 м шириной. Разрушение культурных слоев уникальных памятников Заболотского торфяника можно предотвратить только с помощью охранных раскопок. Практика показывает, что самым простым и надежным способом берегоукрепления и консервации размываемых культурных слоев служат вытянутые вдоль русла реки длинные и мало врезанные в берег раскопы. Дамба из отвала блокирует от воды стенки раскопа и пласты ракушечника, в результате чего прекращается их размывание.

Рельеф озерной котловины переработан позднейшими озерными отложениями, памятники скрыты под плащом озерной глины и торфа. Выявить их удастся по находкам в руслах и канавах. Только обнажения и шурфы позволяют уловить их контуры и разграничить друг от друга. Привязка памятников осуществляется по единому для всей группы реперу - трубе в устье р. Сулать, от которой на топографическом плане котловины была отложена координатная сетка с шагом в 1 м. Регулярные зачистки берегов позволяют получать сводные разрезы памятников, определять характер и состояние культурных слоев. Однако этим способом нельзя установить площадь поселения. Закладка шурфов вне берегов рек чрезвычайно трудоемка, поэтому применяется крайне ограниченно. В настоящее время для локализации границ памятников предпринимается попытка использования аэрокосмических данных. Перспективной представляется и магнитометрическая разведка.

Во время полевых исследований особую роль играют стратиграфический и планиграфический методы, а для мезолитических слоев применяется методика трехмерной фиксации, при которой все артефакты фиксируются по двум координатам в плане и по глубинам залегания. Составление графов распределения артефактов вручную чрезвычайно трудоемко, поэтому в настоящее время предпринимаются попытки использования компьютера. Компьютерная обработка распределения археологического материала производится пока лишь в камеральных условиях, что замедляет получение результатов. Для компьютерной обработки данных используется программа "AUTOCAD", археологическая адаптация которой разработана А. С. Смирновым.

Человек появился в окрестностях Заболотского палеозера в конце плейстоцена, когда поверхность водоема упала до минимальной отметки 126,5 м, а с середины неолита здесь возникают долговременные поселения. Древнейшие стоянки появились, по-видимому, непосредственно на озерном берегу. Позднее поселения существовали на береговых валах протоков в дельте при впадении Дубны. Находки попадали в водные отложения из-за смыва и в результате хозяйственной деятельности в прибрежной зоне. Находки, оказавшиеся в воде, перекрывались прослойками ила, ракушек, торфа, и именно водные отложения дают наиболее выразительную стратиграфию, где культурные слои разделены стерильными прослойками, и археологический материал представлен закрытыми комплексами.

Самым выразительным памятником региона является стоянка Замостье 5. Она расположена, главным образом, на правом берегу искусственного русла р. Дубны на 70-170 м выше основного репера в устье р. Сулать. Копаное русло наискось срезает мысовую суходольную часть стоянки эпохи неолита, при этом часть ее шлейфа (прибрежные водные слои памятника) уходит в левый современный берег реки напротив участка 75-115 м. Уничтожена полоса длиной до 100 м по правому и до 40 м по левому берегам. Ширина русла по урезу воды - 13,5-17 м для уровня мезолитического слоя и 18-20 м для уровня льяловского слоя.

Многослойное стратифицированное поселение Замостье 5 раскапывается с 1994 г. Раскоп был заложен в центральной части памятника в 130-150 м от репера вдоль правого берега р. Дубны и ориентирован строго по астрономическому азимуту. За три сезона было вскрыто ок. 100 кв. м. Общая мощность напластований составляет ок. 3 м и включает не менее девяти культурных горизонтов. На памятнике имеются слои эпохи бронзы (фатьяновская культура), энеолита (волосовская культура), неолита (ляловская и верхневолжская культуры), мезолита (бутовская культура). В 1996 г. здесь был открыт ранее неизвестный на Заболотском палеозере слой, относящийся к рубежу плейстоцена-голоцена, с находками рессетинской культуры. Нижний культурный слой лежит непосредственно на поверхности алевролита - дне ледникового озера. В алевролит были забиты и кольца из мезолитических слоев. Наиболее полный разрез длиной 21 м получен в пределах раскопа 1996 г. по линии квадратов В-Г (рис. 1).

1. Отвал искусственного русла р. Дубны мощностью ок. 1 м, верхняя часть напластований которого перерабатывается как речной аллювий весенними паводками. Находки немногочисленны.

2. Торф минерализованный красно-коричневый, рыхлый, сильно разбитый, средней мощностью до 30 см - это молодая болотистая луговая почва. На участках, где мощность этого торфа достигает 1 м (вне пределов раскопа), встречаются линзы ожелезнения, насыщенные ракушкой, с включением переотложненного разновременного материала (горизонт I).

Горизонт I. Находки представлены единичными фрагментами сетчатой керамики, фатьяновскими черепками, льяловской керамикой, отдельными каменными изделиями, в т. ч. мезолитических форм, и хорошо сохранившимися изделиями из кости. Слой формировался в результате переотложения разновременных археологических материалов молодым руслом реки.

3. Глина озерная средней мощностью до 30 см, очень вязкая, голубовато-серая, высохшая, со следами слабого ожелезнения по трещинам. Отложена озером, существовавшим в I тыс. до н. э. - I тыс. н. э. На свежем срезе быстро темнеет и столбчато растрескивается. Находок не содержит.

4. Суглинок ожелезненный - гидроморфная суглинистая луговая почва, с желтыми и бурыми разводами, формировалась как пойменная, но существенно переработана после затопления озером. При высыхании рассыпается на столбики вместе с озерной глиной. Граница между ними, видимая на свежих зачистках, не проявляется после высыхания. В северной части раскопа поверхность суглинка горизонтальна, в южной - начинается ее падение. Мощность почвы составляет 10-25 см, подошва неровная.

Горизонт II. Количественно материал невелик, керамика в основном мелкая, поверхность ее выветренная. Численно преобладает редкоямочная льяловская керамика, присутствуют единичные фрагменты волосовской и керамики эпохи бронзы. Последняя представлена тонкими гладкими черепками без орнамента и развалами трех типичных фатьяновских сосудов на южном конце раскопа. Наиболее поздняя здесь - сетчатая керамика. Единственный венчик, принадлежащий хорошо профилированному горшку с примесью дресвы в тесте с орнаментом в виде полоски ямок, разделенных вертикальными насечками на горловине, позволяет отнести сосуд к ранней стадии сетчатой керамики. Кость в этом горизонте практически не сохранилась. Кремневых изделий немного, встречены заготовки и обломки копий, три листовидных наконечника стрел, массивное сланцевое тесло и несколько аморфных скребков.

5. Почва суглинистая, гумусированная, слабо ожелезненная, средней мощностью до 10 см. Сформирована, вероятно, из диатомита, переработанного почвенными процессами. Окраска и плотность однородны. Резко отличается по цвету от перекрывающего озерного суглинка. Содержит много щебня и мелкой гальки. Распространена в северной и центральной частях раскопа (горизонт III), но отсутствует южнее линии кв. 146.

Горизонт III. Состав керамики разнообразен, но керамика эпохи бронзы тут отсутствует. Волосовских черепков встречено всего 18, все они с характерным пористым тестом или примесью раковины в тесте и имеют обработку внутренней поверхности расчесами. Орнамент разреженный, выполнен крупным зубчатым штампом. Гребенчатой керамики валдайского типа (протоволосовской) немного, встречается она рассеянно, причем фрагменты одних и тех же сосудов найдены в разных горизонтах, но не ниже горизонта IIIб. Всего их собрано около 200. Они довольно толстостенны, отощены дресвой, внутренние поверхности большинства имеют расчес; слегка утолщенные венчики орнаментированы по верхнему срезу, изредка встречаются гофрированные. Орнамент выполнен глубоко вдавленным средним и коротким зубчатым штампом, часто установленным углом. Рисунок образован горизонтальными поясками наклонных оттисков, между которыми располагаются треугольники, наклонные полосы, соединяющие пояски. Изредка встречаются оттиски плюсневого штампа, а также округлого двудольного. Под венчиком, как правило, идет поясок глубоких оттисков, образующих на внутренней стороне четкие бугорки. Один сосуд может быть отнесен к ромбоямочным с рубчатым штампом.

В слое количественно преобладают поздняя льяловская и редкоямочная керамика, которая встречается на всей площади раскопа, кроме южного конца. Выветренность поверхности у нее значительно меньше, но нагар не сохраняется. Орнамент редкоямочной керамики характеризуется не столько разреженностью ямоч-

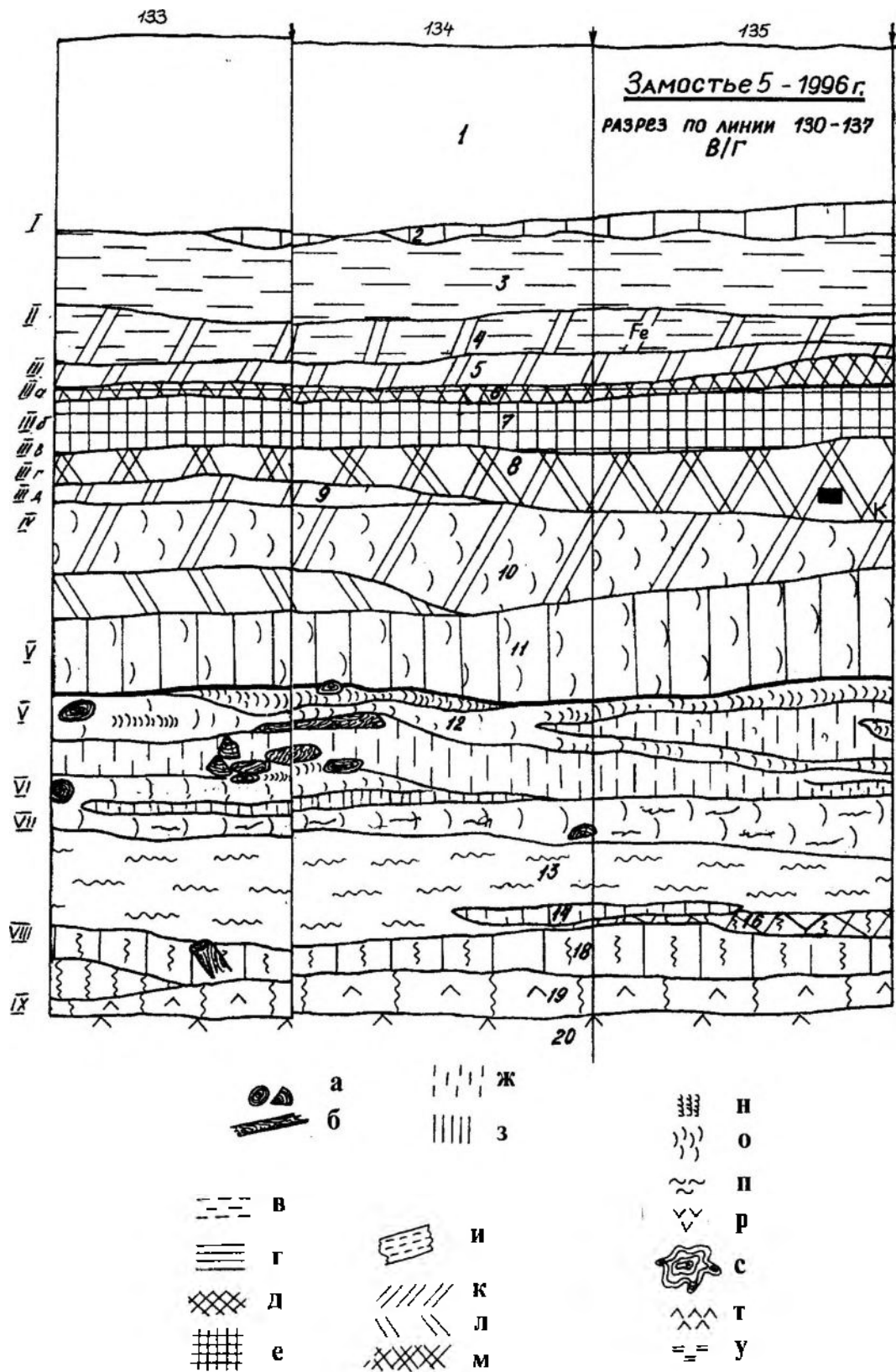

Рис. 1. Стоянка Замостье 5.

Стратиграфический разрез по линии кв. 133-135 В-Г (северная стенка раскола 1996 г.):
 а - колья; б - древесина; в - глина; г - суглинок; д - супесь гумусированная; е - суглинок гумусированный; ж - детрит; з - торф; и - кора; к - ожелезнение; л - вивианит; м - диатомит; н - рыбы кости и чешуя; о - раковины; п - зола; р - уголь; с - древесина; т - алеврит; у - проквал

ных полей, сколько использованием небелемнитного штампа. Ямки имеют, как правило, неправильную бобовидную форму, нередко с шишечкой на дне, причем все они довольно стандартного размера. Для их нанесения использовался какой-то естественный орнаментир, возможно, корень медвежьего зуба. Форма сосудов - котловидная с раздутыми боками или параболическая с приотстренным дном, особенно характерная для малых сосудов. Поддаются реконструкции и реставрации не менее 30 сосудов. Тесто их или опесочено, или слабо пористое. Встречается чешуйчатая пористость, характерная для редкоямочной керамики нерско-нерльской группы льяловской культуры. Толщина стенок не превышает 5-6 мм. Расчес присутствует примерно на пятой части сосудов. Характерна общая небрежность как в орнаментации, так и в формовке сосудов.

Система орнаментации для льяловской посуды единая - это широкие ямочные поля, иногда полностью покрывающие весь сосуд. Ямки расположены чаще всего в шахматном порядке, реже - строчно. Горизонтальные просветы есть на большинстве сосудов, немногие из них имеют фигурный рисунок - зигзаг или соединенные наклонными линиями полосы. Большинство редкоямочных черепков украшены неямочным штампом только на венчике и не имеют других оттисков, кроме перевитого шнура. Крайне редко присутствует плюсовый штамп.

Льяловская типичная керамика с белемнитной ямкой в горизонте III, главным образом поздняя, это тонкостенные сосуды котловидной формы, с тщательно оформленной и нередко заглаженной поверхностью, украшенной густыми или слабо разреженными ямочными полями. Наклон ямок незначителен. Встречается зигзаг из ямок в верхней части сосуда. Венчики чуть отогнуты и гораздо тоньше, чем у редкоямочных, все они обычно скруглены. Белемнитный орнамент часто дополняется коротким гребенчатым, наносившимся деревянным штампом, а также полудунным и перевитым шнуровым. В качестве зубчатого штампа использовался только деревянный, с нечетким рисунком зубцов. Костных штампов немного, среди них преобладает плюсовый.

Единичные мелкие раннеल्याловские черепки, попадающие в верхние слои из-за различного рода нарушений, резко выделяются по толщине стенок, размеру ямок, их разреженности и правильности.

Кремневых изделий по-прежнему немного. К верхней части льяловского слоя относятся половинка шлифованной мотыги с цилиндрической сверлиной, кварцитовое навершие с биконической сверлиной, две небольшие листовидные стрелки. Регулярно встречаются нуклеидные резцы и разнообразные скребки. В типичной волосовской технике выполнены сверла с вытянутым жальцем, два скребка, ложкарь, фигурный кремль в виде "елочки" и три "лунницы". Большинство их сконцентрировано в северо-западной части раскопа. К волосовскому комплексу могут быть также отнесены костяные подвески трапециевидной формы, тщательно отшлифованные, и, вероятно, небольшой костяной стержневидный штамп. Среди других выразительных костяных предметов - биконический наконечник стрелы с тонким процарапанным пояском, нанесенным на боевом конце.

6. Почва суглинистая гумусированная - диатомит, средней мощностью до 8 см. Отличается большей рыхлостью, пестрой окрашенностью и меньшим ожелезнением, чем вышележащий слой. Кость в ней довольно плохой сохранности, повсеместно встречаются бурые пятна разложившихся рыбьих костей и чешуи, представляющие собой кухонные кучи льяловского времени. Мелкими крапинками встречается охра. Слой выделяется обилием камней, гальки, керамики и другого археологического материала - горизонт IIIa.

Горизонт IIIa. Количество керамики возросло в среднем втрое, особенно в прибрежной полосе, где наметилось падение подопыи слоя. Сохранность черепков удовлетворительная, нередко встречается нагар на внутренней стороне. Характер керамики тот же, что и в предыдущем горизонте. Единичные черепки редкоямочной керамики найдены только на южном конце раскопа. С этим слоем связана находка сосуда без орнамента, сохраняющего форму и тесто редкоямочной керамики.

В этом горизонте начинают встречаться немногочисленные находки верхневолжской керамики, все они с накольчатым орнаментом, сильно выветренные. Большинство происходит с северного кошпа раскопа. Здесь же найдены две ножевидные пластины и раннеल्याловские черепки. Их присутствие в верхних слоях может показывать, что эта часть раскопа приближается к суходолу, откуда мог переоткладываться ранний материал.

Каменных изделий относительно немного, но есть выразительные вещи, в том числе два целых дротика и оригинальная поделка - штамп из расколотого вдоль белемнита с остро заточенным дуговидным концом.

7. Почва суглинистая гумусированная - диатомит, средней мощностью 16 см, гораздо более пестрая и неравномерно ожелезненная, местами обильно насыщенная раковинами, частично разложившимися в мергель. Содержит много мелких угольков и крупинок охры, а также множество крупных камней, щебня и гальки. Многочисленны развалы сосудов и скопления костей. Основу данного слоя - горизонта IIIб - составляют остатки кухонных куч льяловского времени, причем подавляющая часть их, относящаяся к позднему этапу льяловской культуры, сосредоточена именно здесь.

Горизонт IIIб выклинивается только на южном конце раскопа. Волосовские (?) погребения оказались спроецированы именно на этот горизонт. Общая толщина слоя достигает местами 20 см. В нижней части горизонта концентрируется мергель из разложившихся ракушек.

Наиболее поздними здесь были четыре толстостенных фрагмента волосовской керамики с примесью ракушки и фрагменты сосуда без орнамента, с пористым тестом. Крупные протоволосовские черепки встречены практически во всех квадратах.

В слое резко доминирует льяловская керамика, залегающая развалами, среди которых не менее 40 редко-

ямочных и 25 позднеляловских сосудов, причем последние обозначали подошву кухонной кучи.

Выделяется редкоямочный сосуд с единственным пояском ямок, характерный для каргопольского варианта культуры. Серию составляют небольшие сосуды с ромбическими, треугольными и зигзаговыми полями ямок по гладкому фону. Все они тонкостенны, форма шлемовидная. Диаметры сосудов 15-22 см. Реконструирован крупный сосуд с поясками в четыре ряда наклонных бобовидных мелких ямок. Сосуды, вложенные один в другой в кв. 137 Д, имели густое ямочное заполнение, но ямки на них овальные, плоскодонные, с шишечкой, причем у большего - с двумя гладкими просветами, а у меньшего было сплошное ямочное поле, не менее густое, чем у обычных сосудов позднего этапа ляловской культуры. Венчики обоих сосудов одинаковые, утолщенные и скошенные вовнутрь, орнаментированы отрисками перевитого шнура, поставленного перпендикулярно к краю, - это наиболее обычный способ орнаментации редкоямочной посуды.

Ляловские сосуды с белемнитной ямкой отличает простой округлый венчик без утолщения и часто встречающийся зубчатый штамп, хотя решительно преобладают широкие ямочные поля. Стенки сосудов тонкие. В качестве примеси использовалась дресва.

Из других керамических предметов отметим глиняную заплатку с отпечатком луба, которой пробовали чинить сосуд, и глиняную поделку конусовидной формы с небольшой ножкой и массивными бортиками, которая являлась, возможно, крышкой. Поверхность предмета очень неровная, орнаментирована рядами неправильных неглубоких ямок. Тесто сильно опесчанено. Обжиг сильный.

Каменные изделия представлены многочисленными резцами и скребками, присутствуют сланцевые рубящие орудия, а также их заготовки, часты обломки заготовок копий. Отметим удлинённый наконечник стрелы с намеченным черешком, конец которого обрублен резцовым сколом, возможно от попадания в камень, и крупный наконечник с намеченными шипами, обработанный очень тонкой регулярной ретушью в волосоской технике. Кроме того, имеются три сланцевых штампа для орнаментации керамики и заготовка еще одного с полностью шлифованными поверхностями и начатой в центре сверлиной.

В слое присутствует много кости, в т. ч. обработанной. Великолепен массивный кинжал из разрезанного вдоль метаподия лоса. Серией встречены биконические наконечники стрел с процарапанным желобком, проколки, орудия из клыка кабана, разбивники из птичьих костей с проточенными полированными желобками, которые продолжали встречаться и в горизонте Шв. В этом же слое в СВ углу раскопа был найден скребок из челюсти бобра, аналогичный встречавшимся до сих пор только в ранних слоях.

8. Диатомит светло-бурый до темно-желтого, неравномерно ожелезненный, включающий скопления ракушек и пятна мергеля, которые в южной части образуют четкий пласт толщиной до 4 см. Средняя мощность слоя достигает 20 см. В нем встречаются крупные камни, а пятна рыбьих костей более четкие, чем в перекрывающем слое. Это горизонт Шв.

Горизонт Шв относится к нижней части ляловского слоя. Он гораздо менее гумусирован и более ожелезнен, чем вышележащий слой. В нем сильно изменился состав керамики. Исчезла протоволосовская и редкоямочная, кроме находок из пятна в кв. 136Г. Доминирует классическая ляловская керамика. Черепки залегают скоплениями, всего выделяется около 50 сосудов. Преобладают толстостенные черепки, украшенные широкими ямочными полями из крупных правильных конических ямок. В тесте присутствует в умеренном количестве дресва. Венчики слегка утолщены и скруглены, обычно без орнамента. Специфика венчиков и орнаментации ляловской керамики Заболотских стоянок заключается в отсутствии оградных косых срезов, в малом количестве прямо срезанных и крайне редком присутствии трехзонности орнамента. Орнаментация выполнена зубчатым, плюсневым, полулунным и аммонитовым штампами.

В небольшом количестве встречены рассеянные по всей площади раскопа черепки ранней ляловской керамики с повышенной концентрацией дресвы в тесте, в орнаментации которых гребенчатые зоны преобладают. Попадают единичные верхневолжские черепки.

Характер техники раскалывания камня - чисто отщеповый, без каких-либо нуклеусов. Среди орудий преобладают нуклевидные резцы, затем идут не крупные скребки из отщепов округлой и подокруглой формы, их дополняют ножи из плоских отщепов, обработанные пологой краевой ретушью, и листовидные наконечники стрел, приближающиеся по форме к ромбическим. Имеется обломок струга с длинной пологой ретушью. Попадают мелкие заготовки копий, изредка отбойники.

Среди костяных орудий по-прежнему встречаются биконические наконечники стрел с желобком. Много костяных заготовок крупных орудий из метаподиев лоса. Следует отметить мелкозубый гарпун и тонкую ложечку из стенки кости, у которой выскоблена губчатая часть, а край приострен. Такие изделия на Замостье 2 связаны с мезолитическим слоем. Довольно часто встречаются пластины с приостренными краями, выструганные из клыков кабана. Есть орудия из резцов и из челюстей бобра. Все подвески из зубов животных без сверлин, у них имеются только надрезы для подвешивания.

9. Диатомит желтый, сильно ожелезненный, в нижней части окрашенный синим вивианитом, пятна которого с четкими границами прямо не связаны с культурным слоем. Местами имеются тонкие ракушечные прослойки. Средняя мощность слоя составляет 20 см, а вивианитовой части - около 10 см. Находки редки. Проявились макушки уходящих глубже кольев. Зафиксированные здесь два уровня культурного слоя выделены как горизонты Шг и Ш д.

Горизонты Шг, д. Находки залегают равномерно, не образуя скоплений. Развалы отсутствуют. Все черепки слабо окатаны и ожелезнены, изредка встречались окрашенные вивианитом. Сумма фактов свидетельствует о большей, чем в вышележащих горизонтах, переотложенности материала. Преобладает типич-

ная льяловская керамика начала среднего этапа льяловской культуры, датируемого сер. IV тыс. до н. э., - толстостенная, с примесью дресвы. Крупные ямки поставлены более разреженно, чем в предыдущем горизонте, ямочные поля уже, но количество чисто ямочных черепков составляет почти половину. Среди рисующих штампов наиболее часто использовались зубчатый, скорее всего каменный, и аммопит. Полулунный и плосцевый штампы редки, прочие костные не встречаются вообще. Некоторые из зубчатых оттисков при внимательном рассмотрении оказываются отпечатками сочлененных позвонков рыбы. Около пятой части черепков составляют гребенчато-ямочные с примесью крупной дресвы, относящиеся к раннему этапу льяловской культуры.

Кремневых изделий немного, среди орудий присутствуют крупный скребок с пологой ретушью, нож из плоского отщепа, резцы.

10. Диатомит палевоый ракушечный до 30 см мощностью. Ракушка сильно измельчена, окрашена гидроокислами железа. Местами слой окрашен вивианитом в черно-синий, но при высыхании становится светло-бурым. Подошва палевого слоя лежит на отметке - 66-70, а ожелезненных пятен - 100, местами прогибаясь до -108. В южной части разреза, начиная с кв. 145, намечается участок берегового склона, который прорезан двумя промоинами.

В слое изредка встречается древесина, как горизонтально лежащая, так и макушки вертикально забитых кольев. Кость отлично сохраняется, но находок очень мало. С этим слоем связывается ранний льяловский пласт - это горизонт IV.

Горизонт IV содержит очень небольшое количество материала, представленного семью фрагментами гребенчато-ямочной ранней льяловской керамики, тесто которых перенасыщено дресвой, игловидным наконечником стрелы с утолщенным концом и плоско срезанным насадом, тонким игловидным наконечником из птичьей кости и биконическим наконечником без следов желобка. Кроме того, на южном конце раскопа зафиксирована костная куча, состоявшая в основном из раздробленных метаподиев лося.

Вышеописанные слои, от озерной глины до палевого детрита, формировались как отложения прирусловых валов в пойме. Суходольные отложения подстилаются слоями водного происхождения. Структура водных отложений, залегающих под палевым детритом, осложнена многочисленными врезами разновременных промоин - русловых желобов. Здесь отмечаются горизонты размыва и набросы небольших берсовых валов. Стратиграфия этих слоев отличается значительной сложностью.

11. Под палевым диатомитом идет слой коричневого ожелезненного ракушечно-детритового диатомита, более грубого, содержащего большое количество древесины. Контакт слоев песток. В основании слоя отмечаются тонкие ракушечные прослойки, наиболее мощная из которых отделяет его от темно-коричневого, почти черного торфообразного ракушечно-растительного детрита. Граница коричневого детрита и ракушечника в С части разреза до кв. 136 идет горизонтально на отметке -98-100. Далее между ними проходит линия размыва, а подошва коричневого слоя западает в промоину № 3 до отметки -120-122 в кв. 140-131 В с четким бортом, увенчанным набросом раковин на границе кв. 141-142. Северный борт фиксируется уступом на границе кв. 137-138. Нижняя часть промоины врезана до отметки -155 в виде четкого желоба шириной 1,5 м в кв. 140-141. В этом желобе под ракушечным слоем фиксируется до пяти горизонтов размыва и ракушечных прослоек.

Промоина № 3 находок не дала. Она врезана в дно более древней промоины № 4, в заполнении которой есть только ранняя накольчатая керамика и немногочисленные косточки.

Судя по имеющимся данным, если неолитическое поселение располагалось на прирусловом валу при впадении одного из древних рукавов р. Дубны в палеозере, то нижние слои связаны с прибрежными отложениями или шлейфами, которые формировались непосредственно в воде. Верхние слои представляют собой жилую площадку поселения эпохи среднего неолита - бронзы с полным набором орудий и утвари, нижние - мезолитические слои - относятся к прибрежной части древних поселений. Их орудийный состав дает представление по преимуществу о промысловых занятиях населения. Разновременные поселения суходольной части различаются планиграфически, однако из-за малой величины вскрытой площади наблюдения такого рода предварительны.

Самый верхний слой памятника, перекрытый отложениями молодого озера, включает небольшое количество сетчатой керамики. В Ю части раскопа на береговом склоне встречены развалы фатьяновских сосудов. В СВ части раскопа исследуются периферия волосовского поселения и синхронный ему могильник, в котором расчищено четыре погребения: № 1, сохранившееся лишь частично и разрушенное еще в древности, принадлежало молодой женщине, погребенной вытянуто на спине; № 2 - детское, сильно разрушенное и переотложенное по склону; № 3 - женское, вытянутое на спине, ориентированное головой на С, к нему, возможно, относится челюсть собаки у правого плеча погребенной и кремневый наконечник стрелы листовидной формы; № 4 - тоже женское, сильно скорченное, в положении на левом боку, северной ориентировки. Достоверного инвентаря при погребенной нет, но вблизи нее в слое встречены типичные волосовские вещи: две кремневые фигурки и костяная подвеска. В В стенке раскопа обнаружены остатки еще одного детского костяка.

Наиболее многочисленны в Замостье 5 находки эпохи среднего неолита - льяловской культуры, максимум концентрации которых приходится на центральную часть раскопа. Слои позднего этапа льяловской культуры включают пласт раковинных кухонных куч с развалами нескольких десятков сосудов, скоплениями костей, каменных и костяных изделий. Около половины сосудов украшено редкоямочным орнаментом. Здесь же залегают фрагменты гребенчатой керамики валдайского типа. Лежащие ниже слои содержат раз-

валы сосудов среднего этапа льяловской культуры, скопления раковин, костяные и кремневые орудия. Слои раннего этапа льяловской культуры и верхневолжские материалы залегают вне жилой площадки в прибрежных отложениях, концентрация находок в них невелика.

Горизонт V. Содержал малочисленные черепки позднего этапа верхневолжской культуры с гребенчатым орнаментом и примесью дресвы в верхней части слоя. А все фрагменты ранней верхневолжской керамики с накольчатым орнаментом залежали горизонтально, фиксируя поверхность, слабо прогибающуюся над промоиной поверх помоста, но гораздо выше ее дна. Они относительно толстостенны, украшены редкими поясками строчек овальных наколов, поверхности хорошо заглажены, сохранился нагар. Прочие находки представлены единичными отщепами, игловидным и донким мелкозубчатым наконечниками стрел, острием под 45° и обломками заготовок острий, крупным костяным наконечником с выделенной фигурной головкой и игловидным наконечником.

12. На С участке эта пачка слоев включает пласт ракушечника и серого торфянистого детрита с ракушкой. Слои тут залегают практически горизонтально. Именно в этой пачке слоев лежат обломанные части кольев, фиксируемые стоящими в мезолитических слоях в кв. 132-134. Подошва черного ракушечно-торфянистого слоя опускается ступенчато. В кв. 130-132 горизонт размыва идет на отметках -122-125, южнее стоящих колов - на отметке -135, при этом подстилающим слоем оказывается серый слоистый сапропель с обильной ракушкой.

Мощность наиболее насыщенного ракушкой слоя возрастает к Ю от 3-4 см в кв. 130 до 15-20 см в кв. 134-138, а подошва падает от -130 до -155. В кв. 139-141 он западает в промоину № 5, дно которой фиксируется на отметке -177, а южный борт совпадает в плане с бортом промоины № 3. На дне промоины при ее бортах и чуть выше лежат раковинные линзы, порой с включением рыбьих костей. В основании ракушечного слоя встречаются также линзы рыбьих костей и скелеты рыб, слой местами переходит в "растительный войлок". Контакт с нижележащим слоем четкий.

Ниже в заполнении промоины в коричневом сапропеле можно отметить тонкие прослойки горизонтов размыва - следы повторных врезок. Одна из таких прослоек перекрывает остаток опорной жерди помоста на линии кв. 143. Непосредственно на жерди и прямо под ней отмечается "растительный войлок". Коричневое заполнение промоины идет непосредственно до поверхности помоста, фиксирующего дно врезки на глубине -185. Борт промоины отмечается по уступам в кв. 146 АБВ, а уровень ее заложения -134 соответствует уровню абразивной поверхности, на которой формируется береговой вал в кв. 147 АБВ.

Дно описанной промоины частично состоит из прослойки ракушечника в кв. 141-143, а частично - образовано поверхностью помоста, полностью прикрытой слоем "растительного войлока", который представляет собой массу перепутанных растительных волокон. "Войлок" напоминает размытый дерн или размоченные кочки. Нельзя исключать, что это и есть размытый дерн, которым был прикрыт помост, что объясняет хорошую сохранность последнего, отсутствие признаков повреждения поверхности жердей помоста, а также элементов крепления всей конструкции.

В заполнении промоины № 5 встречен материал только верхнего мезолитического слоя. Промоина № 4 синхронна предыдущей промоине. Она частично раскрыла помост, особенно его СВ часть. Промоина № 3 возникла на месте древнейших. После частичного ее заполнения в верхней части помоста отложился ранний верхневолжский материал. Промоина № 2 по времени синхронизируется с поздним этапом верхневолжской культуры.

Промоина № 1, перпендикулярная береговому склону, ориентирована иначе, чем предыдущие, - на ЮЮВ и является в отличие от описанных русловых желобов обычной береговой промоиной, которая функционировала синхронно поселению среднего этапа льяловской культуры.

Горизонт VI и все подстилающие его слои относятся уже к эпохе мезолита. Он был насыщен рыбьими костями. Встречены тут и кости млекопитающих. Кремневых орудий очень мало - это нож из плоского первичного отщела с двумя полого ретушированными прямыми лезвиями, две неправильные ножевидные пластины и скребок из отщела. Костяные предметы представлены длинным наконечником стрелы с граненым насадом, остриями под 45° и обломками острий, рыболовными крючками, обломками рукояток и заготовок орудий, обрезками рога лося. Помимо них имеются обломок крупного гарпуна с редко поставленными небольшими зубцами и острие из птичьей кости, сформированное косым срезом, с необработанной тыльной частью.

Горизонт VII дал выразительную серию рыболовных крючков, таких же, как и в горизонте VI. Они двух типов - тонкие и с утолщенной спинкой, последние служили мормышками или блеснами. Жальца крючков без бородки выделены надпилком без просверливания. Среди костяных орудий присутствуют также крупное плоское острие с уплощенным насадом и мелкими зубцами, крупный кинжал из разрезанного вдоль метаподия с массивным и скругленным концом, приостренным строганием боков, тыльная часть которого утоньшена выскабливанием губчатой части эпифиза, причем естественное отверстие при стыке эпифиза и продольного желобка было расточено. Имеются также игловидный и переделанный из гарпуна наконечники стрел. Каменные изделия помимо пластин и отщепов представлены грузилами из галек с боковыми выемками и чурингой, поперек одной из плоскостей которой сделан широкий заполированный желобок, заполненный орнаментом в виде сетки.

Самой сенсационной находкой слоя является вскрытое в нем деревянное сооружение. Несмотря на неглубокое залегание дерева от современной поверхности на краю искусственного русла р. Дубны, оно неплохо сохранилось. Сооружение представляет собой деревянный помост, покоящийся на двух продольных ла-

Рис. 2. Стоянка Замостье 5. Помост. Вид с юга

Рис. 3. Стоянка Замостье 5. Помост. Вид с юго-запада

гах, ориентированных СВ-ЮЗ (рис. 2, 3).

Непосредственно над помостом располагалась промоина с четкими берегами, ориентированная также СВ-ЮЗ. Контраст между ее заполнением и слоем, в который она врезана, позволял проводить границу совершенно точно. По границе слоев идет тонкая прослойка промытого кальцита и "растительного войлока". Слой, в который она была врезана, - серый ракушечный детрит с малым количеством древесины. Находки были единичны, встречались отдельные кости бобра, птиц. Рыбьи кости зафиксированы отдельными компактными пятнами. Заполнением промоины служил черный осоково-древесный торф, окрашенный вивинитом, с хорошо заметной слоистостью. Никаких находок, включая рыбьи кости, в заполнении промоины не встречено. Материал верхневолжского времени (горизонт V) залегал, как уже отмечалось, выше ракушечного слоя, западая лишь в самую верхнюю часть промоины.

В слое ракушечного детрита на краю промоины встречен таз лося в сочлененном положении, который был законсервирован отложениями небольшого берегового вала. Немногочисленные находки из слоя представлены крупной галькой-ретушером, бобровой челюстью с прорезанным ушком и следами использования как орудия, отщепом и двумя косточками. Древесина южнее помоста залегала горизонтально, но ориентирована она была достаточно хаотично. Встречены обломки жердей диаметром от 2 до 6 см почти все с корой, кол диаметром 4-5 см без коры, сосновые лучины, а также четыре фрагмента лосиных костей. Одна из жердей диаметром 4 см имела обожженный конец.

По мере расчистки сооружения стала угадываться его конструкция: возвышенная часть помоста опиралась на жердь, ориентированную СВ-ЮЗ, диаметром 9-6 см и не менее 4 м длиной, уходящую комлевой частью в В стенку раскопа на отметке -144. Вне стенки раскопа несущая продольная жердь идет на 15 см выше. Северные концы поперечных жердей сохранили свое горизонтальное положение, а южные опустились от продольной жерди на 50 см на дно водоема. Жерди помоста уложены плотно, частично налегая друг на друга, преобладают прямые, с удаленными ветками. Жерди расположены тремя группами: в кв. 144-145 В лежали восемь жердей диаметром в комлевой части 5-7 см и длиной свыше 1,5 м, еще одна жердь была тонкая и лежала наискось, ее диаметр 3-4 см при длине 155 см. Ширина этой группы жердей помоста составляла 80 см. Вторая группа в кв. от 144 А до 146 В включает 17 жердей длиной до 3 м диаметром в комлевой части 7-11 см, но не менее трех жердей из них тонкие - всего по 2-3 см диаметром. ЮВ концы касаются обломка продольной жерди диаметром до 10 см, лежавшего перпендикулярно им в кв. 146 В на глубинах -184-185. Концы жердей помоста, касающиеся продольной опоры, сохранили следы обработки - они обрублены с длинной односторонней затеской комлевых частей. Ширина группы жердей помоста равнялась 1 м. Третья группа жердей лежала в кв. 146-147А, частично уходя под В стенку раскопа; она была наиболее плотная. Здесь было около 23 жердей, составляющих по ширине не менее 1,75 м при длине 2-2,3 м. Диаметры их комлевых частей - 7-10 см. Тонкие жерди здесь не отмечены. Разрывы между поперечными жердями, вероятно, объясняются частичным разрушением помоста. На глубине -167-173 см имелся обломок другой опорной продольной жерди диаметром 5-6 см, вскрытой в длину на 77 см. Он залегал параллельно длинной опорной жерди, описанной выше. Параллельно продольной лаге на той же глубине на 5-8 см южнее лежит половинка лосиного таза.

Часть жердей третьей группы, начинаясь под помостом, продолжается южнее отмеченной выше опорной жерди. Они идут в том же ЮВ направлении на глубинах -167-180 см, с интервалом в 30-50 см, залегая субгоризонтально. Комли их также обращены к ЮВ. Пространство между жердями заполнено горизонтально лежащими пластинами коры, а также "досками" - пластинами расщепленных крупных стволов, шириной до 30 см при толщине 2-4 см. Длина жердей на этом участке составляла 2,2-3,5 м при диаметре 6-8 см. Южнее полосы компактного помоста на отметках -169-180 залегал пласт жердей, крупных листов коры и древесины, большая часть которых имела ту же ориентировку, что и жерди помоста. В 3 части раскопа располагались тонкие жерди, вероятно с помостом не связанные.

Колов, достоверно связанных с помостом, немного. В кв. 144Б продольная жердь налегала на наклоненный к СЗ кол диаметром 8 см. Другой кол диаметром 6 см находился в кв. 147А между продольной жердью и тазовой костью лося. Еще два кола диаметром по 5 см зафиксированы в кв. 148 и 149А.

Никаких находок, если исключить лосиный таз, на помосте или непосредственно под ним, разумеется в той части, которая была вскрыта в 1996 г., не обнаружено.

Поперечные жерди помоста были непосредственно перекрыты "растительным войлоком", очень прочным и плотным, поверх которого шел тонкий слой кальцита, который обычно отмечает горизонт размыва. В кв. 144-145АБ непосредственно под опорной жердью и поперечными жердями третьей группы лежит небольшой плотный блок сфагнового торфа толщиной до 12 см. Под первыми двумя группами этого торфа нет - здесь под жердями идет серый ракушечный сапропель. Уходящая в стенку часть опорной жерди повисает в отложениях заполнения промоины, хотя и она здесь была оплетена тем же растительным войлоком, какой покрывал все жерди остальной части помоста.

Таким образом, большая часть помоста и длинной опорной жерди либо покоится на ракушечнике, либо просела на ракушечное дно современного ему водоема, поверхность которого он, собственно, и повторяет, т. е. стратиграфическое положение помоста рассматривается однозначно: он залегает ниже верхнего мезолитического слоя, который связан с серым ракушечным детритом (горизонт VI), и выше более древнего мезолитического слоя (горизонт VIII), связанного со слоем светло-серого сапропеля. Полевые наблюдения позволяют сделать вывод о принадлежности помоста к комплексу горизонта VII, возможно, его верхней части. Для определения возраста сооружения важен анализ торфа, на котором оно покоится, и образца

древесины из помоста.

13. Серый слоистый сапропель залегает на отметках -130-158 в кв. 130 АБВ, -155-172 в кв. 137 АБВ. Представляет собой чередование четких горизонтальных прослоечек кальцита и органических материалов - листьев, веточек, лучин - с редкими прослойками ракушек, а также жердями. Древесины довольно много, встречаются лежащие колья, некоторые из них идут из нижних слоев. Промоины № 4 и 5 врезаются в него. В слое найдены единично и небольшими скоплениями кости рыб. Помост заключен именно в этот слой. В Ю части раскопа в слое с продолжением помоста встречено много древесины и коры, залегающей листьями. Тут он залегает на отметках -170-180. На участке кв. 134-139 нижняя часть слоя сапропеля значительно темнее и выделяется обилием раковины. Здесь, на отметках -178-188, встречен материал, относимый к горизонту VII. В Ю части, законсервированной на отметке -170, слой остался неисследованным.

14. Коричневый сапропель. Поверхность его наклонна к Ю, контакт со слоистым сапропелем нечеткий, структура близка к темному неслоистому сапропелю.

15. Белесый кальцитовый слой - горизонт размыта толщиной до 8 см, который представляет собой взвесь (суспензию) разложившихся ракушек и прикрыт сверху тонким слоем ракушки. Сам слой практически стерилен, немногочисленные находки связываются только с перекрывающей его ракушкой. Слой четко виден в профиле в кв. 137-142, а севернее этих квадратов он переходит в коричневый сапропель.

16. Непосредственно под кальцитовым слоем идет пласт ракушечника с прослойками детрита. Слой четко слоист, содержит много древесины. Местами это почти чистый ракушечник с многочисленными рыбьими костями и чешуей. На тех участках, где мощность этого слоя доходит до 8-12 см, выделяются два уровня концентрации раковины. Нижний ракушечный слой местами лежит непосредственно на алевролите в виде тонкой, в несколько миллиметров, плотной прослойки. В нем довольно много древесины. Этот слой переходит в коричневый сапропель на участке кв. 137 АБВ, он прослежен до кв. 142 АБВ и далее к Ю не вскрывался. Именно этот слой вместе с коричневым сапропелем С части раскопа выделяется в горизонт VIII. Подошва ракушечной прослойки опускается от отметки -198 в кв. 138-139 до отметки -221 в кв. 141 АБВ, затем слегка подымается и далее к Ю, под помостом, идет, по-видимому, горизонтально. В максимальном прогибе слой ракушки на дне наиболее мощный и насыщенный рыбьими костями.

17. Под ракушечной прослойкой в кв. 140-142 виден пласт очень плотного ярко-коричневого, цвета марса, сфагнового торфа мощностью в среднем 2-5 см, но ниже по склону в западном направлении он доходит до 12 см. В тех местах, где его мощность больше 5 см, в нижней части его выделяется пласт древесного торфа с присутствием ракушки. Древесина в этом слое, лежащем на алевролите, несколько худшей сохранности, сильно размочена и окатана, что, видимо, свидетельствует о размывости слоя в целом. Находки встречаются в поверхностной части сфагнового торфа и в древесно-ракушечной, но их количество невелико. Этот слой выделен в горизонт IX.

18. Под светло-коричневым сапропелем в С части раскопа прослеживается пласт серого сапропеля, который в кв. 138 АБВ переходит в ракушечно-детритовый серый слой, подстилающий кальцитовую прослойку. Контакт его с вышележащим светло-коричневым и подстилающим голубоватым сапропелями нечеткий. Средняя мощность достигает 10 см. Подошва субгоризонтальна и фиксируется на отметках -200-207. Встречаются горизонтально лежащая древесина, пятна ракушек.

19. Сапропель голубовато-серый с включением алевролита - предматерик. Отличается от последнего гораздо меньшей пластичностью. Находок в нем немного, но часто встречаются растрескавшиеся камни, доходящие до уровня контакта с алевролитом. Подошва этого слоя круто падает в З направлении так, что вероятно продолжение этого слоя под дном современного русла реки. Здесь в нем выделяются три прослойки ракушечника, сопровождающиеся находками костей. Максимальная глубина ракушечника в раскопе достигает отметки -257. Этот залегающий над чистым алевролитом слой выделен в горизонт X. Хронологически он, вероятно, относится уже к эпохе плейстоцена.

20. Алевролит - дно ледникового озера. Материк.

Мезолитические слои (горизонты VI-X) приурочены к донным отложениям разного состава. Чрезвычайный интерес вызывает находка уникального деревянного помоста из плотно уложенных березовых жердей, опирающихся на продольные лаги (горизонт VII). Его ширина составляет около 2,5 м, а длина прослежена на протяжении 4,2 м. Вне помоста отмечены колья и жерди, часть которых продольно расколота. Для этого слоя характерны костяные крючки с массивной спинкой, без бородки, игловидные наконечники стрел, массивные острия и кинжалы.

Четко выделяется ранний мезолитический слой, залегающий в нижней части сапропеля и отделенный от среднего стерильной прослойкой. В нем встречены крючки, гарпуны, игловидные стрелы, деревянная муфта для тесла, чуринга, наконечник копья или кинжала из крупной кремневой пластины с плоской ретушью на брюшке и другие орудия. Одна из самых выразительных находок этого слоя (горизонт VIII) - лезвийная часть шлифованного сверленного сланцевого клевца с орнаментом. Клевец украшен прочерченными зизгагообразными линиями, ромбами и насечками. Его четкое стратиграфическое положение в слое заставляет пересмотреть возраст подобных ему давно известных находок из сборов с поверхности. Все эти изделия относятся к раннему этапу бутовской культуры. Непосредственно над донными отложениями ледникового озера залегает еще более древний, возможно, финально-палеолитический слой. В нем обнаружены рессетинский наконечник из пластины с длинной боковой выемкой, каменное тесло и несколько костяных наконечников. Таковы вкратце стратиграфия и слои стоянки Замостье 5. Теперь обратимся к характеристике найденного здесь материала.

Обработка обширной археологической коллекции памятника далеко не закончена, поэтому ограничимся лишь суммарной характеристикой археологического материала без его точной количественной оценки.

Горизонт VIII. Здесь найдены крупная проколка из грифельной кости лося, подвеска из резца крупного грызуна с выделенной в корневой части головкой, обычное для мезолитических слоев орудие из челюсти бобра, игловидные наконечники стрел, зубчатые острия и рыболовные крючки двух типов - уплощенные и с раздутым туловом. Из каменных орудий этого слоя следует отметить крупный плоский концевой скребок из отщепа со скругленным лезвием, небольшой нуклеидный резец и наконечник копья или кинжала из крупной пластины, подправленный на острие ретушью с двух сторон: плоской - на брюшке и полукрутой - на спинке. Изделие напоминает известный кинжал с берестяной обмоткой со стоянки Нижнее Веретье, раскопанной С. В. Ошибкиной [1, с. 219, табл. 12: 8], однако, найденное в Замостье 5 гораздо больше его по размерам. Рубящие орудия представлены теслом из массивного сланцевого отщепа, обработанного по периметру отвесными крупными сколами, и кремневым острообушковым теслом с дуговидным желобчатым лезвием, которое полностью обработано крупными плоскими сколами. К уникальным находкам этого слоя помимо копья может быть отнесена половинка полностью шлифованного клевца со сверленным проухом из светло-серого сланца. На одном из боков нанесены накладывающиеся друг на друга линии зигзага, которые при пересечении образуют цепочку ромбов. Зигзаги прочерчены тонкой линией, без врезки. На второй боковой грани видна группа четких поперечных, возможно счетных (?), надрезов. Орнамент сходен с оформлением боковых поверхностей рогового клевца в виде головы лося из мезолитического слоя Замостья 2 (раскоп 1990 г.). Имеется и желобчатая чуринга из известняковой плитки, побывавшей в огне. Желобок полностью пересекает один из фасов, он до блеска заполирован, и, в отличие от всех остальных желобчатых чуринг, в нем не видно орнамента. Но на примыкающей к нему плоскости есть затертые параллельные линии и слабо различимые следы косой штриховки. Смолисто-угольные подтеки пересекают фасадную сторону чуринги, боковую сторону, имеющую следы распада по трещине, и переходят на тыльную сторону. С этим слоем связаны деревянная муфта для тесла из сучка березы, почти целая, два деревянных острия из ели, скорее всего наконечники, а также фрагмент лубяной веревочки. Судя по наконечнику копья, слой, вероятно, относится к раннему этапу бутовской культуры.

Находки горизонта IX, вскрытого, как и горизонт VIII, на ограниченной площади, представлены из костяных орудий лишь игловидным наконечником стрелы и зубчатым острием. В слое содержится много рыбных костей, есть птица и челюсть выхухоли. При увеличении вскрытой площади число находок, без сомнения, возрастет. Из каменных изделий найдены пластины и микропластины, в т. ч. со следами работы, острообушное тесло с выпуклым лезвием, обработанное крупными сколами по обеим сторонам, концевой скребок на отщепа и наконечник стрелы на микропластине с длинной боковой выемкой, оформленной крутой ретушью на спинке. Перо наконечника ретушировано на брюшке плоской, вполне свидерской, ретушью. Изделие аналогично наконечникам стоянки Пулли - наиболее древнего памятника кундской культуры [2, с. 67-68]. Все каменные изделия, судя по их облику, имеют прямые аналоги только в памятниках рессетинской культуры и относятся именно к ней. Четкое стратиграфическое положение находок рессетинской культуры под слоем с находками раннего этапа бутовской культуры лишний раз подтверждает высказывавшуюся ранее А. Н. Сорокиным гипотезу о хронологическом предшествовании рессетинской культуры ранним бутовским материалам и генетической связи рессетинской, кундской и бутовской культур [3].

Материал горизонта X представлен пока только рыбьими костями, и его выделение носит предварительный характер.

Таковы вкратце находки, собранные в культурных слоях стоянки Замостье 5. Судя по анализу вещевого материала памятника, при всем сходстве типов орудий, встреченных в раскопе Замостье 5, с теми, которые найдены на стоянке Замостье 2, обращает на себя внимание резкое различие состава орудий этих стоянок и, напротив, поражает сходство Замостья 5 со смешанным комплексом стоянки Замостье 13, который теперь можно надежно расчленить, выделив среди костяного инвентаря мезолитические предметы.

В Замостье 5 не найдены ножи из ребер лося и пока единичен нож из лопатки, которые являются самыми массовыми категориями вещей в Замостье 2. Но здесь несравнимо больше встречено крючков, и типы их иные. Очень мало рубящих роговых орудий. Таким образом, в мезолитических слоях Замостья 5 наблюдается явный крен в сторону промыслового снаряжения, что может быть связано с их иной сезонностью или иным хронологическим диапазоном. Комплексы ниже стерильной сапропелевой прослойки - горизонты VIII и IX в Замостье 2 не представлены.

В Замостье 5 сохранились слои финала верхневолжской культуры, раннего и среднего этапов льяловской культуры, разрушенные размывом на Замостье 2. Здесь также выделен слой эпохи бронзы, материал которого не отмечен на Замостье 2, хотя в переотложенном слое там встречена сетчатая керамика.

Помимо уникальных археологических находок памятник дает богатейшие материалы и по естественной истории всего голоцена. Актуальность отработки и применения методики выявления памятников в условиях озерно-болотного ландшафта с погребенными формами рельефа следует отметить особо, так как громадные территории лесной зоны Восточной Европы до сих пор остаются белыми пятнами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мезолит СССР. Археология СССР. М., 1989.
2. Сорокин А. Н. Еще раз о происхождении кундской культуры // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В. И. Рядоникаса. Тезисы докладов. СПб., 1994.
3. Сорокин А. Н. Ресетинская культура // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тезисы докладов. М., 1986.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V.V. Sidorov, A.N. Sorokin

EXCAVATIONS OF MULTILAYER SETTLEMENT ZAMOSTJE 5

Summary

The artificial river bed of the Dubna crosses the recess of an ancient lake and a number of sites. The most complete results of the stratigraphic analysis were obtained at the Zamostje 5 settlement.

Layers formed on the banks above the river bed were investigated here (the Bronze Age - the Fatjanovo culture, the Eneolithic - the Volosovo culture, the outskirts of the settlement and the necropolis of the Later Neolithic - the Proto-Volosovo period, a set of the Middle Neolithic layers - the Ljalovo culture). The Ljalovo settlement left layers rich in archaeological material (kitchen heaps). The previous Neolithic periods are traced in the coastal layer on the basis of scarce finds. Lower there are five layers of the water origin where complexes of different stages of the Mesolithic with numerous bone articles were found. The pole boarding belongs to the Middle Mesolithic layer.

The monument gives an opportunity to create a detailed cultural and chronological scale of the Mesolithic and the Neolithic in the Volga - Oka basin.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

А. В. Энговатова

ХРОНОЛОГИЯ ЭПОХИ НЕОЛИТА ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ¹

Верхневолжская и льяловская культуры в Волго-Окском междуречье представляют эпоху неолита. Волосовская и даже протоволосовская культуры относятся большей частью исследователями к энеолиту. Этот вопрос, правда, дискуссионен, как и вопрос о самом характере лесного энеолита и о критериях его выделения.

Начало неолита в лесной зоне, как это уже не раз отмечалось в исследованиях, за исключением появления керамических сосудов, практически никак не маркируется изменениями в материальной и духовной культуре населения [1;2]. Самые ранние памятники с керамикой очень мало отличаются от позднемезолитических по своей материальной культуре.

Интересно, что датировки памятников позднего мезолита часто перекрывают ранние неолитические даты. Ряд мезолитических стоянок имеет более поздний возраст, чем некоторые памятники, уже содержащие керамический материал. Так, мезолитическая стоянка Безводное X датируется 6920 ± 380 л. н. (ГИН-5442)², датировки, относящиеся к нач. V тыс. до н. э., дают материалы Ивановской III и др. памятников.

Достаточно много уже материалов о существовании раннеолитических памятников в кон. VI и на руб. VI-V тыс. до н. э. - Беливо II (7180 ± 60 л. н.) [3], Становое 4 (7030 ± 100 л. н., ГИН-8387) [2] и др.

Видимо, дело не только в определенной неточности количества радиоуглеродных датировок. Возможно, процесс "неолитизации", т. е. распространения и усвоения навыков изготовления керамических сосудов, шел на протяжении определенного временного отрезка. Вероятна также возможность того, что единичные на ранних памятниках керамические сосуды не попали в раскол, а кремневый инвентарь позднего мезолита и раннего неолита практически не отличим.

В последнее время появилась методическая возможность довольно точного датирования с помощью спорово-пыльцевого анализа. Благодаря разработанной Е. А. Спиридоновой дробной периодизации голоцена лесной зоны Русской равнины, стало реальным уточнение хронологии неолитических комплексов перекрестным независимым датированием двумя различными методами.

Дробное членение голоцена связано с выделением климатических периодов Блитта-Сернандера. В 1970-е гг. более детальное расчленение голоцена для Северной Европы было разработано Н. А. Хотинским [4]. При этом использовался не только традиционный палинологический метод, но и широкий спектр фито- и зооиндикаторных, изотопных и других данных.

Вместе с тем, ширина современного палеогеографического "шага" по этим схемам столь велика, что позволяет уловить лишь большие, чем вековые, ландшафтно-климатические изменения в природе. Для целей археологии такая величина "шага" уже становится малопримемой. В связи с этим в пределах Волго-Окского междуречья, где в настоящее время изучено большое количество естественных разрезов озерных и болотных отложений, а также разрезов на археологических памятниках, на каждой диаграмме выделялись спорово-пыльцевые комплексы. Они характеризовали спектры одного количественного состава, а затем уже были объединены в палинологические зоны, которые фиксировали одинаковые уровни по всем изученным разрезам.

Таким образом, палинологическая зона становилась самой дробной стратиграфической единицей, положение которой определялось также и данными абсолютного датирования. Используемая методика палинологического анализа значительно облегчала и сопоставление археологических культурных слоев на многослойных стоянках, особенно там, где визуальные литологические различия отсутствовали [5].

Эта же методика была успешно использована и для периодизации памятников мезолита Волго-Окского

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ, грант 96-01-00385.

² Все датировки, приведенные в статье, некалиброваны.

междуречья. По результатам исследования многих из них предложена новая схема биостратиграфического деления Пребореала-Бореала с "шагом" около 200 лет [5].

Ранний неолит представлен в Волго-Окском междуречье верхневолжской культурой [6]. Более детально хронология и периодизация верхневолжской культуры были разработаны в диссертации Е. Л. Костылевой [7]. При построении хронологии и периодизации верхневолжской культуры Е. Л. Костылевой использованы серии радиоуглеродных датировок литологических слоев стоянки Ивановское 3 и единичных радиоуглеродных датировок слоя стоянки Языково 1.

С некоторыми датировками у исследователей возникали сложности: например, один и тот же образец 6250 ± 60 л. н. разные исследователи относили к разным культурам [8; 9, с. 69].

В последних работах исследователи приводят датировку верхневолжской культуры от сер. V тыс. до н. э. до 1-ой четв. IV тыс. до н. э. [10, с. 166; 11].

Хронология и периодизация льяловской культуры с момента её выделения не раз корректировались разными исследователями [12; 13; 14; 15]. В. В. Сидоровым она датируется кон. V - 1-ой четв. III тыс. до н. э. и подразделяется на пять этапов. Происходит льяловская культура непосредственно из верхневолжской [14].

За последние пять лет Подмосковной и Верхневолжской экспедициями ИА РАН раскопан ряд опорных памятников с чистыми верхневолжскими и льяловскими слоями (Воймежное 1, Озерки 5, 17, Окаево 5, 18), которые надежно датируются естественнонаучными методами. В ходе работ проводилось геологическое и геоморфологическое исследование памятников, были отобраны образцы для палинологического анализа, выполненного Е. А. Спиридоновой и А. С. Алегинской (ИА РАН), и образцы для радиоуглеродного датирования, выполненного Л. Д. Сулержицким (ГИН РАН). На основе этих изученных комплексов можно было уточнить ранее предложенные хронологические схемы.

Хронология верхневолжской и льяловской культур строится автором на основе материалов опорных стратифицированных археологических стоянок, где помимо того, что слои с остатками верхневолжской и льяловской культур датировались по C-14, они были независимо датированы по спорово-пыльцевой шкале.

Коротко остановимся на опорных памятниках. Представительный комплекс верхневолжской культуры найден на поселении Воймежное 1, расположенном в Шатурском р-не Московской обл. Раскопками 1976, 1988, 1991-92 гг. [16; 17] вскрыто около 500 кв. м. Собран материал, характеризующий средний этап верхневолжской культуры и весь спектр льяловской культуры. Обилие материала и характер его залегания сделали возможным реконструкцию большинства верхневолжских и льяловских сосудов, что ранее не удавалось.

Стратиграфия поселения Воймежное 1 описана не раз [16; 18]. Уголь и зола взяты из кострища с развалом верхневолжского сосуда. Их дата - 6550 ± 100 л. н. (ГИН-6868). Вторая датировка получена по обработанному дереву из слоя - 6430 ± 40 л. н. (ГИН-5926). Верхневолжский комплекс с поселения Воймежное 1 можно датировать сер. V тыс. до н. э.

Лежащий выше через стерильную песчаную прослойку слой с архаичной льяловской керамикой надежно датирован по торфу из культурного слоя - 6100 ± 50 л. н. (ГИН-6871), а также по обработанному дереву - 6000 ± 40 (ГИН-6865) и 5990 ± 50 (ГИН-6866) л. н.

Поселение ранняя льяловского времени было небольшим по размерам (не более 12×15 м) и располагалось на 3 и СЗ краях площадки. Многочисленные развалы и кострища хорошо отделяются от нижележащего архаичного льяловского слоя. Датируется слой в пределах 5720 ± 120 (ГИН-6870), 5720 ± 50 (ГИН-6871) л. н.

Поселенческая площадка среднего этапа льяловской культуры практически не попала в раскопы. Сосудов реконструировать достоверно можно не более 10. Сосуды развитого льяловского комплекса типичны для этого этапа: очень крупные (диаметр 30-40 см), толстостенные (0,6-0,8 см), с хорошим обжигом. Форма - яйцевидная, тесто опесчаненное, иногда с примесью не крупной дресвы. Орнамент зональный, из белесых пятен, поставленных в шахматном порядке, и отпечатков гребенчатого штампа. Датируется поселение 5340 ± 50 , 5370 ± 50 , 5300 ± 100 л. н. (ГИН-6872, 6873, 6561).

Поселение позднего этапа льяловской культуры довольно крупное по размерам - 30×60 м. На поселении представлена серия кухонных куч и зольников. С и СЗ части площадки в этот период были периферией стоянки и слегка подмывались. Материалы этих участков частично окатаны. Поселение было, видимо, промыслового характера. По составу кухонных куч (90% костей лося) можно предположить, что они были связаны с охотой на лося и его разделкой.

Керамический комплекс типично "рязанского" вида: крупные сосуды (диаметр 30-40 см) из плотного тонкого теста с хорошим обжигом. Орнаментированы зонально полосами или треугольниками из косопоставленных ямчатых вдавлений.

Другой группой реперных памятников являются достоверно датированные комплексы верхневолжской культуры, представленные на многослойных памятниках близ д. Окаево и характеризующие ее наиболее ранний этап.

Поселение Окаево 18 (Талдомский р-н Московской обл.) расположено на левом берегу Дубны [19]. Вскрыто 72 кв. м. Поселение имело три культурных слоя. Третий - нижний культурный слой представлял ранний этап верхневолжской культуры. По черепу лося, лежащему в материке в скоплении находок верхневолжской культуры, получена датировка 6800 ± 60 л. н. (ГИН-6416).

Керамические сосуды из этого слоя крупные, видимо с плоским дном, орнамент зональный - ряды каплевидных паколов. Большая часть сосуда не орнаментирована. Внешняя поверхность подлощенная, обжиг хороший, примесь шамота и органики в тесте.

Окаемово 5 расположено в 100 м ниже на том же берегу р. Дубны. Раскопано 52 кв. м. Прослежено 3 культурных слоя. В среднем слое найдены кости и каменные изделия, фрагменты сосудов верхневолжской культуры. По тонкой прослойке сапропеля, содержащей раннюю верхневолжскую керамику, получена датировка 6800 ± 140 л. н. (ГИН-6193). Керамические сосуды крупные, округлой формы, орнамент в виде разрезанных каплевидных наколов, зональный, много неорнаментированного пространства. Тесто сосудов содержит органику и шамот, обжиг хороший, внешняя поверхность подлощена.

Еще несколько датированных методами естественных наук комплексов верхневолжской культуры происходят из многослойных стоянок Озерского торфяника. Стоянки расположены в Конаковском р-не Тверской обл. В 3 части торфяника М. Г. Жилиным и Н. В. Левиной было открыто ок. 20 стоянок каменного века, на двух из которых - Озерки 5 и 17 - встречены слои с верхневолжскими материалами. Стоянки раскопаны М. Г. Жилиным в 1990-1995 гг. [20; 21].

В течение нескольких лет палинологическим методом на этой группе стоянок было исследовано 5 разрезов, которые позволили не только восстановить историю развития растительности на протяжении всего голоцена, но и произвести более дробное деление атлантического периода на этапе существования верхневолжской культуры.

Многослойное поселение Озерки 5. Раскопано ок. 200 кв. м. Многослойное поселение Озерки 17 находится в 50 м к В от предыдущего, разрезано валовой и дренажными канавами, верхние слои на глубину 3 м сняты торфоразработками. Вскрыто 67 кв. м. На стоянке Озерки 5 в 1990-1992 гг. прослежено два культурных слоя верхневолжской культуры [20], в 1994-1995 гг. выявлен еще один [21].

Культурный слой первой половины существования верхневолжской раннеолитической культуры (слой III): сосуды крупные, с примесью органики и шамота в тесте. Внешняя поверхность сосудов тщательно заглажена и подлощена. Орнаментированы сосуды наколами в манере отступающей лопаточки. Есть фрагменты с прочерченным орнаментом. Большая часть сосуда не орнаментирована. Судя по пыльцевым диаграммам, формирование слоя, вмещающего подобную керамику, происходило в период 6900-6500 л. н.

В I-ой пол. V тыс. до н. э. леса по-прежнему занимали господствующее положение в растительном покрове территории. Болота, хотя и распространялись более значительно по сравнению с Борсалом, но занимали подчиненное положение в ландшафте даже на севере Волго-Окского междуречья. Господствовали березовые и реже березово-сосновые леса, среди которых чередовались зеленомошные и крупнотравные типы. В понижениях рельефа обычными были травяные (осоковые, хвощевые и тростниковые) болота. На этом этапе как по естественным разрезам, так и по археологическим памятникам прослеживаются неоднократные изменения уровня водоемов. Только в конце рассматриваемого периода в составе леса несколько возросла роль сосны и широколиственных пород [5].

Следующий верхневолжский слой из стоянки Озерки 5 (слой IIa) содержит несколько отличную керамику. Сосуды крупные, с округлым дном, венчики прямые, в тесте примесь органики, шамота и мелкого песка. Орнамент состоит из горизонтальных поясов наклонных оттисков длинного узкого гребенчатого штампа или наклонных прочерченных линий, разделенных овальными наколами и короткими оттисками гребенчатого штампа. Поверх этого орнамента нанесены редкие конические, а чаще неправильные, наколы. Из нижней части этого слоя получена по щепкам датировка по C-14, которая составила 6450 ± 160 л. н. (ГИН-7215). Судя по пыльцевым диаграммам (определения Е. А. Спиридоновой), формирование этого комплекса происходило в атлантический период голоцена, в интервале от 6500 до 6400 л. н. Климат был умеренно влажным и более теплым, чем во все предыдущие периоды. Аналогичный материал представлен в III культурном слое стоянки Озерки 17, датированном палинологическим методом тем же временем.

Основываясь на видовом составе и количественном соотношении выделенных форм, можно считать, что характер растительного покрова территории несколько изменился по сравнению с предыдущим этапом. Так, более разнообразен стал состав неморальной флоры. Доминирующей породой в лесу становится сосна. Климат стал менее влажным и еще более теплым, чем во все предыдущие периоды голоцена.

Возраст третьего этапа верхневолжской культуры по материалам стоянки Озерки 5 охватывает интервал 6400-6000 л. н.

Из данных палинологического анализа следует, что в это время на окружающей территории вновь стали господствовать березовые леса, в состав которых входили вяз, липа и реже дуб. По понижениям рельефа и окраинам болот возрастало значение черноольшанников. Гидрологические условия также не отличались постоянством, как и в начале существования верхневолжской культуры.

Следующий культурный слой (слой II) залегает непосредственно на предыдущем, встречены крупные сосуды с примесью дровяной в тесте. Поверхность сосудов тщательно заглажена и в некоторых случаях подлощена с внешней стороны. Орнаментированы сосуды по подсушенному тесту. Орнамент зональный: поля с отпечатками крупно- и среднезубчатой гребенки с разделителями из наколов покрывают все туловище сосуда. Встречаются белемнитные ямки, но редко. Заслуживает внимания находка развала небольшого тонкостенного сосуда без примеси дровяной с орнаментом из глубоких оттисков отступающей лопаточки рядом с развалом сосуда с обильной примесью дровяной с гребенчатым орнаментом.

По обработанному бревну из самого верха культурного слоя II на стоянке Озерки 5 получена датировка по C-14, составляющая 5930 ± 200 л. н. (ГИН-6663). Этот слой содержит наряду с поздней верхневолжской керамикой с дровяной и архаичную льяловскую керамику. Таким образом, наиболее поздняя верхневолжская керамика на стоянке Озерки 5 датируется в интервале 6400-6000 л. н. Судя по анализу спорово-пыльцевых спектров, время формирования самого верха слоя II соответствует похолоданию атлантического пери-

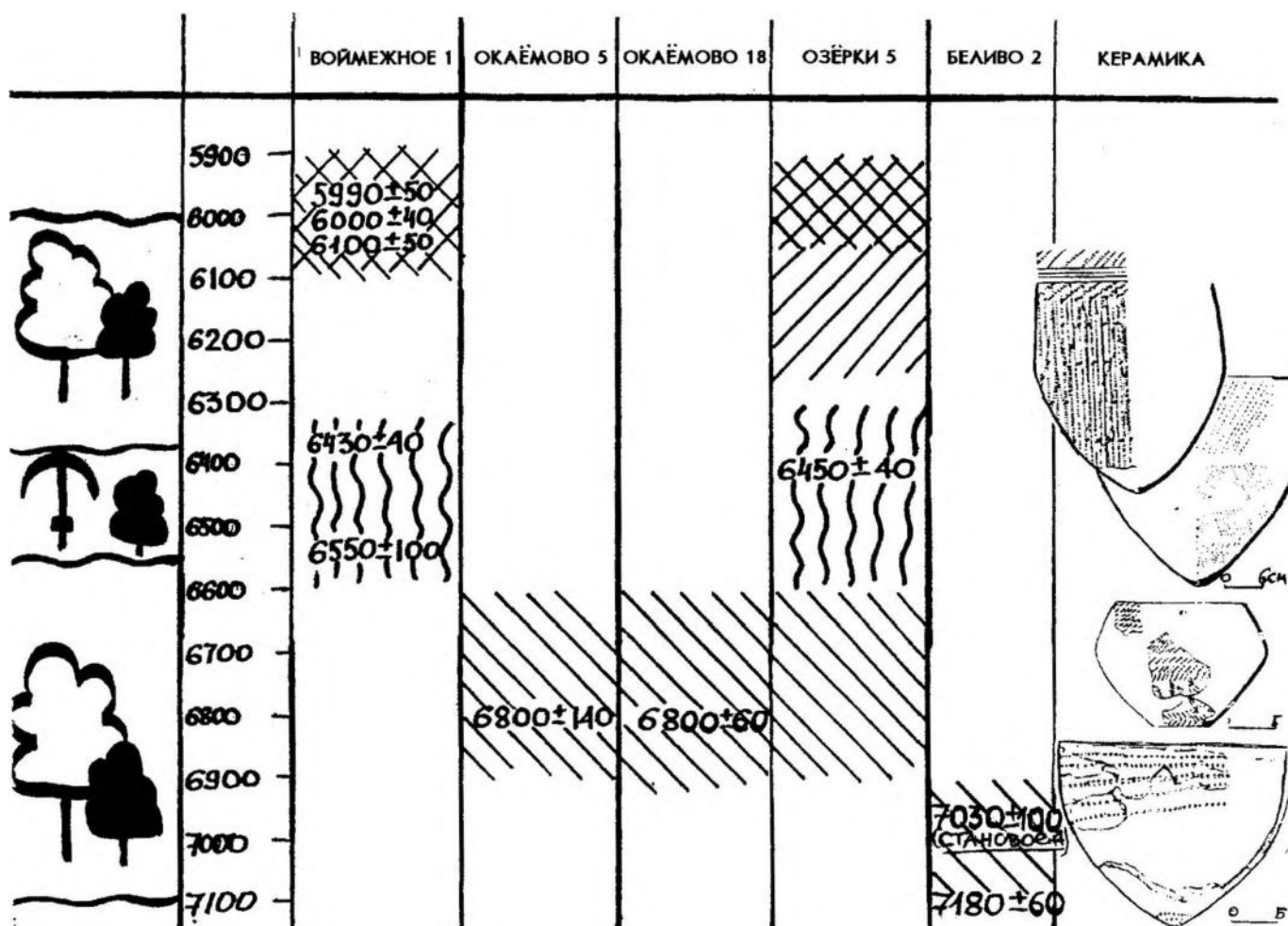

Рис. 1. Хронологическая таблица развития Верхневолжской культуры

ода голоцена, который приходится на 6000-5900 л. н. - кон. V тыс. до н. э.

На стоянке Озерки 17 аналогичная керамика встречена во II культурном слое. Керамические сосуды архаичной льяловской культуры со стоянок Озерки 5, 17 идентичны сосудам архаичного периода льяловской культуры с поселения Воймежное 1, поэтому подробное описание керамического комплекса опускаем. Слой с архаичной льяловской керамикой на стоянке Озерки 17 продолжал формироваться и в более поздний период.

Согласно спорово-пыльцевым спектрам этот период можно датировать началом второго максимума тепла атлантического периода голоцена (5900-5800 л. н.). Таким образом, архаичная льяловская культура существовала на стоянках Озерки 5 и 17 уже на руб. V-IV тыс. до н. э. Населения верхневолжской культуры в этот период на Озерковских стоянках уже нет.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к следующим выводам.

На основании комплексного анализа материалов стоянок Воймежное 1, Озерки 5, 17 и Окаемово 5, 18, а также опубликованных материалов с Ивановских, Языковских и Берендеевских стоянок верхневолжская культура может быть разбита на три этапа (рис. 1).

Ранняя верхневолжская культура в чистом виде представлена на стоянках Окаемово 5, 18, Озерки 5 (слой III), Беливо 2, Альба, Давыдовская, Шадрино 4. Ранние материалы есть на многих смешанных комплексах - стоянках Сахтыш 2, 8, Ивановское 3, 5, 7, Кухмарь 1, Варос, Польцо, Маслово Болото 8, Языково и др. Сосуды немногочисленны, крупные с приотстренным или плоским дном. Орнаментированы разнообразными наколами, как правило, лишь в верхней части, реже по всему тулову. Наколы подтреугольные, каплевидные, овальные, скобковидные. Наносятся как отдельными вдавливаниями, так и в технике отступающей лопаточки. Тесто тщательно промешанное, с примесью органики и шамота, реже мелкой ракушки. Поверхность сосудов тщательно заглажена, поддощена. Обжиг хороший - на изломе тесто однородное.

Каменный и костяной инвентарь этого этапа характеризуется преобладанием отщепы в качестве заготовки для орудий, хотя наконечники стрел и режущие орудия делаются в основном из пластин. Вкладыши, как и оправы для них, единичны. Скребки разнообразны и наиболее многочисленны, резцов немного, доми-

нируют резцы на сломе отщепов. Представлены различные ножи, скобели, сверла, проколки, комбинированные орудия. Среди наконечников стрел часто встречаются обработанные по периметру, нередко двусторонней краевой ретушью. Рубящие орудия делаются из разных пород камня при помощи как оббивки, так и шлифовки. Костяные орудия представлены наконечниками стрел, среди которых преобладают игловидные и с неправильной биконической головкой. Появляются уплощенные фигурные наконечники, наряду с ними встречаются однокрылые с шипом, узкие плоские с уплощенной головкой, тупые и некоторые другие виды. Среди зубчатых острий преобладают изделия с частыми мелкими зубцами. Встречаются гарпуны и кинжалы.

Разнообразны и многочисленны бытовые орудия. В целом, каменный и костяной инвентарь этого этапа очень близок к изделиям финального этапа бутовской культуры, появляется и широко распространяется только один новый тип костяных наконечников стрел, прототипы которого известны в финальном мезолите. Прослеживается дальнейшее развитие финально-мезолитических тенденций в обработке камня и кости.

Датированные комплексы с подобной керамикой - Окаево 18 - 6800 ± 60 , 6800 ± 140 л. н. (ГИН-6416, 6193). Наиболее ранняя дата этого этапа верхневолжской культуры происходит из стоянки Беливо II: кострище с накольчатой керамикой датируется 7180 ± 60 л. н. [3]. Слои ранней верхневолжской культуры со стоянки Замостье 2 датируются 7050 ± 40 , 6850 ± 60 л. н. (ГИН-6557, 6564) [5]. Таким образом, ранний этап верхневолжской культуры приходится на период кон. VI-нач. V тыс. до н. э.

Развитый верхневолжский комплекс в чистом виде представлен на поселениях Воймежное 1, Озерки 5 (слой IIa), Озерки 17 (слой III). Материалы развитого этапа есть на многих верхневолжских памятниках со смешанным слоем: Сахтыш 2, 8, Николо-Перевоз 1, 3, Ивановское 3 и др.

Сосудов на стоянках больше, размеры горшков крупные и средние. Примесь органики, шамота. Форма днища остродонная. Форма сосуда часто шлемовидная с перегибом в верхней трети сосуда. Орнаментация зональная - гребенчатая и гребенчато-накольчатая. Сосуд, как правило, орнаментирован по всей поверхности.

В каменном инвентаре отмечается дальнейшее падение роли пластины, практически исчезают вкладыши. Появляются наконечники стрел, спинка которых обработана сплошной пологой ретушью. Однако изделий, обработанных сплошной двусторонней ретушью, еще нет. Увеличивается доля шлифованных рубящих орудий. Среди костяных наконечников стрел преобладают игловидные узкие плоские, фигурные и короткие с неправильной биконической головкой, прочие типы редки. Практически исчезают оправы вкладышевых орудий. Остальные типы изделий не претерпевают серьезных изменений.

Датированные комплексы: Воймежное 1 - 6430 ± 40 , 6550 ± 100 л. н. (ГИН-5926, 6868), Озерки 5 (слой IIa) - 6450 ± 160 л. н. (ГИН-7215). Развитый этап верхневолжской культуры датируется около сер. V тыс. до н. э.

Поздний верхневолжский комплекс в чистом виде представлен на стоянке Озерки 5 (слой 2, верх), с небольшими примесями хронологически иного материала (эпоха бронзы и средневековье) - на стоянках Берендеево 2а, Золоторучье 3, Караш 3. Находки этого времени часто встречаются в смешанных слоях верхневолжской культуры на стоянках Сахтыш 1, 2, 2а, 8, Ивановское 3 и 7, Языково 1, 3, Маслово болото 7, Бисерово озеро (восточное) и др.

Сосуды крупные и средние. Примесь в тесте крупной дресвы, шамота. В орнаментации встречается беломнитная ямка в качестве подчиненного элемента.

На этом этапе пластины и изделия из них редки, хотя еще встречаются наконечники стрел и ножи из пластин. Распространяются двухсторонне ретушированные наконечники стрел наряду с обработанными краевой ретушью. Появляются единичные наконечники дротиков и ножи со спинкой, полностью обработанной широкой пологой ретушью. Среди костяных наконечников преобладают игловидные и короткие, приближающиеся к биконическим. Встречаются зубчатые острия, гарпуны, ножи, проколки, рубящие и различные бытовые орудия и украшения известных ранее типов.

Датированных радиоуглеродным методом чистых комплексов нет, но верхнюю границу четко устанавливают датированные комплексы архаичной льяловской культуры, перекрывающие поздние верхневолжские слои. На поселении Воймежное I архаичный льяловский комплекс датируется 5990 ± 50 , 6000 ± 40 , 6100 ± 50 л. н. (ГИН-6866, 6865, 6871). На стоянке Озерки 5 архаичный слой датируется 5930 ± 200 л. н. (ГИН-6663), на Ивановской 7 - 5920 ± 60 л. н. (ГИН-7476). Таким образом, слои с архаичной льяловской керамикой датируются руб. V-IV тыс. до н. э. и, соответственно, поздний этап верхневолжской культуры укладывается в период 2-ой пол. V тыс. до н. э.

По сравнению с ранее опубликованными датировками мы смогли несколько уточнить временной период существования культуры, значительно сузив его - почти на полтысячелетия. Несколько удревнилась нижняя граница культуры - ранее ее датировали сер. V тыс. до н. э. [7]. На наших материалах можно уверенно говорить о ее зарождении на руб. VI-V тыс. до н. э. ($7000-6800$ л. н.).

Существенно изменилась датировка позднего этапа и финала верхневолжской культуры. Ранее ее датировали до сер. IV тыс. до н. э. (5500 л. н.) [7]. По нашим материалам, окончание верхневолжской культуры приходится на руб. V-IV тыс. до н. э. ($6000-5900$ л. н.).

Важный вопрос о сосуществовании поздней верхневолжской и архаичной льяловской культур на наших материалах однозначного ответа не получает. На поселении Воймежное I архаичный льяловский культурный слой не содержит примеси верхневолжской культуры. Поздний этап верхневолжской культуры на этой стоянке не представлен. На стоянке Берендеево IIa в слое позднего этапа верхневолжской культуры нет примеси архаичной льяловской. В то же время II культурный слой поселения Озерки 5 содержит как позд-

ную верхневолжскую керамику с дрсевой в тесте, так и архаичную льяловскую. Причем и та и другая представлены крупными скоплениями и развалами, совместно залегающими на одних и тех же глубинах и связанными с одними и теми же кострищами (раскопки М. Г. Жилина). Принципиальная значимость данных о единовременном существовании этих культур для решения вопроса о происхождении всей льяловской культуры заставляет особенно скрупулезно проверять происхождение и достоверность датировок этих слоев.

Наиболее ранний этап верхневолжской культуры охватывает интервал времени 7000-6500 л. н., когда березовые леса с незначительным участием широколиственных пород были господствующими на всем междуречье. Второй этап развития данной культуры был менее продолжительным (6500-6400 л. н.) и характеризовался более сухим климатом, когда широкое распространение получили формации соснового леса. И наконец, третий этап (6400-6100 л. н.) вновь был связан с более влажным климатом и менее устойчивым гидрологическим режимом основных водных бассейнов. Преобладали березовые леса со значительно большим участием широколиственных пород, чем это наблюдалось на ранних этапах развития данной культуры.

На основании комплексного анализа материалов стоянок Воймежное 1, Озерки 5, 17 и Окаево 5, 18, а также опубликованных материалов с Ивановских, Сахтышских, Языковских и Берендеевских стоянок льяловская культура может быть разбита на четыре этапа: архаичный этап, ранний этап, средний - "классический", поздний, иногда называемый "редкоямочный".

Архаичным автором назван наиболее ранний этап льяловской культуры. Керамические сосуды крупные - диаметром 30-38 см, средние - 20-25 см и мелкие чашки - 10-15 см. Пропорции сосудов стандартны - высота близка к диаметру сосуда. У небольших чашечек иногда диаметр больше высоты в два раза. Форма сосудов коническая остродонная. Толщина сосудов от 5 до 8 мм. Венчик чуть отогнут наружу. Орнаментация зональная. Очень характерная деталь - зигзагообразный фриз по венчику. Ряды разнообразных гребенчатых оттисков и белемнитных ямок, отпечатков костных штампов («собачий нос»), намотанного на палочку шнура покрывают всю поверхность сосуда. Обильная примесь дресвы и, возможно, органики характеризует этот этап.

Кремневый инвентарь не отличается от позднего этапа верхневолжской культуры. Набор и техника обработки не изменяются.

По материалам стоянки Воймежное 1 этот этап датируется 5990 ± 50, 6000 ± 40, 6100 ± 50 л. н. (ГИН-6866, 6865, 6871). Материалы архаичного этапа льяловской культуры есть на таких памятниках, как Языково 1, Маслово Болото 2, 8, Ивановское 3, 7, Озерки 5. На стоянке Озерки 5 архаичный слой датируется 5930 ± 200 л. н. (ГИН-6663), на Ивановской 7 - 5920 ± 60 л. н. (ГИН-7476). Таким образом, слои с архаичной льяловской керамикой датируются от руб. V-IV тыс до н. э. до 1-ой четв. IV тыс. до н. э.

Керамический комплекс раннеल्याловского времени чрезвычайно выразителен - он представлен в основном крупными открытыми сосудами 20-40 см в диаметре с округлым или слегка приостренным дном. Высота сосуда близка к диаметру. Есть небольшие - 8-12 см - сосудики, диаметр которых в два раза больше высоты. Тесто сосудов с примесью дресвы, песка и органики, толщина стенок - 5-9 мм.

Орнаментом покрыто все тулово сосуда, он зональный и состоит из отпечатков разнообразного гребенчатого штампа, иногда "косой" гребенки, поясков ямчатых вдавлений и довольно редко из отпечатков шнура, намотанного на палочку, костных штампов.

Датировать ранний этап по материалам поселения Воймежное 1 (или серию посещений этой стоянки) можно в пределах 5720 ± 120 (ГИН-6870), 5720 ± 50 (ГИН-6871), 5730 ± 60 (ГИН-6863) л. н. - от кон. 1-ой четв. IV тыс. до н. э.

Керамика раннего этапа льяловской культуры встречается на памятниках Никольская-Правая, Мышецкая, Языково 1, Варос, Маслово Болото 2, 8, Ивановское 4. Для поселения Ивановское 4 получена датировка 5610 ± 40 л. н. Судя по керамическому материалу, этот памятник - один из поздних, почти переходный к этапу развитой льяловской культуры.

Средний или развитый этап льяловской культуры наиболее распространен на территории Волго-Окского междуречья. Именно в этот период культура начинает распространяться на юг, вплоть до районов Северной Украины. Керамика этого этапа очень выразительна и описывалась многими исследователями как "классическая" ямочно-гребенчатая [22].

Подобную "развитую" керамику в Карелии относят к раннему этапу ямочно-гребенчатой культуры [23]. Это не согласуется с нашей периодизацией. Возможно, в Карелии свой путь развития ямочно-гребенчатой керамики.

Сосуды развитого льяловского комплекса типичны для этого этапа - крупные (диаметр 30-50 см), толстостенные (0,6-0,9 см), хорошего обжига. Форма яйцевидная, тесто опесчаненное, иногда с примесью некрупной дресвы или песка. Орнамент зональный, из белемнитных ямок, поставленных в шахматном порядке, и отпечатков разнообразного гребенчатого штампа. Датируется развитый этап на поселении Воймежное 1 5340 ± 50, 5370 ± 50, 5300 ± 100 л. н. (ГИН-6872, 6873, 6561), т. е. 3-ей четв. IV тыс. до н. э. На этом поселении представлен конец развитого этапа, который начинается с сер. IV тыс. до н. э.

Средний этап льяловской культуры представлен на стоянках Языково 1, Уница, Варос, Ловцы 6, Маслово Болото 2, 5, 8, 14, Луково озеро 1, 3, Святое озеро, Мышецкая, Никольская правая, Полецкая 1, Сахтышские. На стоянке Сахтыш 1 подобные сосуды, правда относимые авторами раскопок к раннему этапу [24], датируются 5150 ± 40 л. н. (ЛЕ-1024).

Поздний этап льяловской культуры представлен достаточно разнообразными керамическими комплексами, четко видны локальные особенности разных групп памятников.

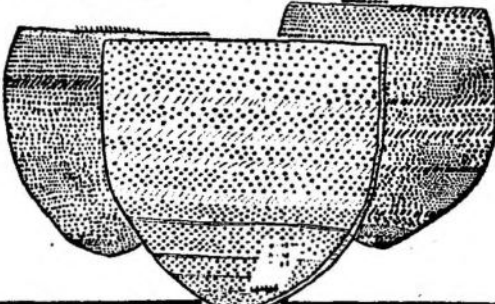
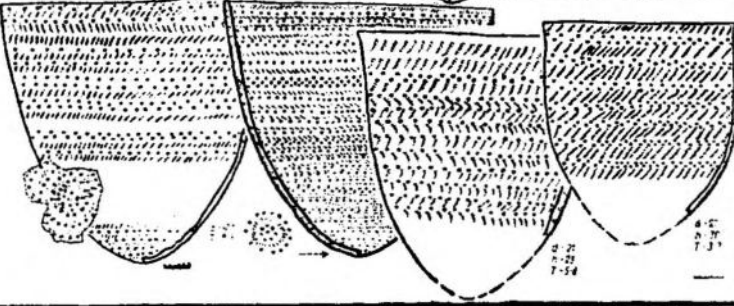
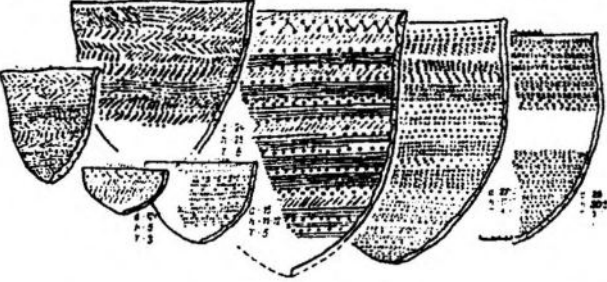
поселение Воймежное I этапы льяловской культуры	
поздний этап	<div style="display: flex; align-items: center;"> <div style="flex: 1;"> <p>5100±70 ГИН-6867</p> </div> <div style="flex: 2;"> </div> </div>
средний этап	<div style="display: flex; align-items: center;"> <div style="flex: 1;"> <p>5300±100 ГИН -6561 5340±50 ГИН-6872 5370±50 ГИН-6873</p> </div> <div style="flex: 2;"> </div> </div>
ранний этап	<div style="display: flex; align-items: center;"> <div style="flex: 1;"> <p>5720±50 ГИН-6871 5720±120 ГИН-6870</p> </div> <div style="flex: 2;"> </div> </div>
архаичный этап	<div style="display: flex; align-items: center;"> <div style="flex: 1;"> <p>5990±50 ГИН-6866 6000±40 ГИН-6865 6100±50 ГИН -6871</p> </div> <div style="flex: 2;"> </div> </div>

Рис. 2. Хронологическая таблица развития льяловской культуры (по материалам поселения Воймежное I)

Керамика представлена крупными сосудами (диаметр 15-40 см) из плотного теста с хорошим обжигом. На стоянках многочисленны сосуды отродонной формы толщиной 5-7 мм. Они украшены зонально полосами или треугольниками из косо поставленных ямчатых небелемнитных вдавлений. Венчики сосудов с напылом, часто украшены отпечатками гребенчатого штампа или зажимами. Встречаются отпечатки веревочки, намотанной на палочку, оттиски рамчатых штампов и ногтевидные вдавления.

Кремневый инвентарь этого этапа несколько отличается от инвентаря предыдущих этапов - орудия изготавливаются из отщепов при помощи плоской двухсторонней ретуши и оббивки. Наиболее массовые ка-

тегории находок - резцы и скребки, ножи с вогнутым или прямым лезвием. Характерны "мотыги" с отверстием посередине, есть разнообразные рубящие орудия. Немногочисленны сверла и проколки.

Поздний редкочечный этап представлен также на стоянках Языково 1, Уница, Варос, Поречье 2, Маслово Болото 2, 7, 8, 14, Луково озеро 1, 3, Святое озеро, Никольская правая, Ивановское 3 и др. По материалам стоянки Сахтыш 1 слой с редкочечной орнаментацией датируется 5000 ± 70 и 4850 ± 70 л. н. (ЛЕ-1020 и 1019) [24].

Датируется этот этап на поселении Воймежное 1 5100 ± 70 л. н. (ГИН-6867). На стоянке Ивановское 3 получена датировка 5100 ± 60 (ЛЕ-1976). Таким образом, поздний этап льяловской культуры относится к кон. IV тыс. до н. э.

Для корреляции хронологии неолитических культур не менее важными оказались палеоботанические материалы, полученные по многим разрезам из бассейнов рек Волги и Оки [5]. Дополнительно к серии полученных нами в последнее время радиоуглеродных дат удалось изучить и последовательные изменения климата и растительности этого региона в атлантическое время, а также по определенным хроносрезам провести сопоставление наиболее важных этапов в жизни людей с теми процессами, которые происходили в природе; так, максимальный уровень аридизации на всех палинологических диаграммах выделяется около 7200 л. н. Приблизительно в этот период появляются памятники, содержащие первые сосуды в Волго-Окском междуречье. Эти события маркируют определенные изменения в материальной культуре верхневолжского населения, возможно, переориентацию культурных связей или инфильтрацию каких-то групп населения, уже знакомых с гончарством, с юга, видимо с Поволжья.

Отчетливо прослеживается этап некоторого похолодания и, возможно, некоторой аридизации климата на уровне ок. 6000 л. н., когда господствующими формациями стали сосновые леса с хорошо развитым неморальным флористическим комплексом. Как показали наши исследования, именно к этому рубежу относятся завершение существования верхневолжской культуры и становление архаичной льяловской культуры. Более влажные и теплые этапы охватывают интервалы неолита соответственно от 7000 до 6200 и от 5800 до 5000 л. н. Первый интервал соответствует времени существования верхневолжской культуры в пределах Волго-Окского междуречья, второй интервал - времени существования льяловской культуры.

Начало неолита наступает на руб. VI-V тыс. до н. э. (7000-6800 л. н.). Средний этап верхневолжской культуры датируется временем от сер. до 2-ой пол. V тыс. до н. э. Окончание верхневолжской культуры приходится на руб. V-IV тыс. до н. э. (6000-5900 л. н.) Важный вопрос о сосуществовании поздней верхневолжской и архаичной льяловской культуры на наших материалах однозначного ответа не получает.

Льяловская культура датируется периодом от руб. V-IV тыс. до н. э. до нач. III тыс. до н. э. Архаичный этап льяловской культуры - от руб. V-IV тыс. до н. э. до 1-ой четв. IV тыс. до н. э. Ранний этап - от 1-ой четв. до сер. IV тыс. до н. э. Средний этап - от сер. до посл. четв. IV тыс. до н. э. Поздний - редкочечный этап льяловской культуры датируется от посл. четв. IV тыс. до н. э. до нач. III тыс. до н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ошибкина С. В.* Введение // Неолит Северной Евразии. Археология СССР. М., 1996.
2. *Жилин М. Г.* Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994.
3. *Кравцов А. Е.* О хронологии мезолитических и ранненеолитических памятников Мещерской низменности // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1987.
4. *Хотинский Н. А., Крайнов Д. А.* Хронология и палеогеографический фон древнейших поселений Центра Русской равнины // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1977.
5. *Спирidonova Е. А., Алешиинская А. С.* Периодизация мезолита Волго-Окского междуречья по палинологическим данным // Палинология в России. М., 1995.
6. Древнейшая раннеолитическая культура Верхнего Поволжья / Д. А. Крайнов, Н. А. Хотинский, Ю. Н. Урбан, Е. М. Молодцова // Вестник Академии наук. М., 1973. № 5.
7. *Костылева Е. Л.* Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской раннеолитической культуры: Дисс... канд. ист. наук. 1986. // Архив ИА. Р-2. № 2384.
8. Палинологические и радиоуглеродные датировки Языковских стоянок в Калининской области / Н. А. Хотинский, М. А. Гуман, Е. Н. Романова, Н. С. Маланова, Ю. С. Свеженцев // КСИА. Вып. 153. 1978.
9. *Урбан Ю. Н.* К вопросу о раннеолитических комплексах в Калининском Поволжье // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
10. *Крайнов Д. А.* Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. Археология СССР. М., 1996.
11. *Костылева Е. Л.* Раннеолитическая керамика Верхнего Поволжья // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
12. *Братсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
13. *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. Вып. 29. 1952.
14. *Сидоров В. В.* Многослойные стоянки верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
15. *Ошибкина С. В.* Неолит лесной зоны и севера Восточной Европы // ПАВ. № 9. СПб, 1995.
16. *Энгватова А. В.* Отчет о работах в Подмоскowie в зонах проектируемого меллиоративного строительства и проектируемых рекультивационных работ в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13812.

17. Сидоров В. В., Энговатова А. В. Отчет о работах Подмосковной экспедиции в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
18. Энговатова А. В., Жилин М. Г., Спиридонова Е. А. Хронология верхневолжской раннеолитической культуры (по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья) // СА. В печати.
19. Жилин М. Г. Стоянка Окаёмово 4 на Средней Дубне // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. II. Иваново, 1995.
20. Жилин М. Г. Археологические исследования на Озерском торфянике в 1990-1992 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
21. Жилин М. Г. Некоторые итоги раскопок поселения Озерки 5 в 1990-1994 гг. // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
22. Раушенбах В. М. Племена льяловской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы: Тр. ГИМ. Вып. 44. М., 1971.
23. Лобанова Н. В. Карельская культура ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита (некоторые итоги изучения) // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
24. Абсолютная хронология Сахтыньских стоянок / Д. А. Крайнов, Г. И. Зайцева, Е. Л. Костьшева, А. В. Уткин // АПВКМ. Вып. 5. Иваново, 1991.

*Институт археологии РАН,
Москва*

A. V. Engovatova

THE VOLGA - OKA BASIN NEOLITHIC AGE CHRONOLOGY¹

Summary

As a result of five-year excavations carried out by the Moscow and Upper Volga expeditions, a number of basic monuments of the Upper Volga culture were discovered: Voymeznoye I; Ozerki 5, 17; Okaemovo 5, 18. Palynological cores, as well as radiocarbon datings of these monuments were obtained. The complex analysis of the materials found at the sites mentioned led to a more accurate dating of the Neolithic cultures.

According to our data it is possible to date the origin of the Upper Volga culture by the VI / V millenium B.C. (7000 - 6800 years ago). The middle stage of the Upper Volga culture is dated from the middle of the V millenium B.C. to the second half of the V millenium B.C. The datings of the later and the final stages of the Upper Volga culture changed considerably; those were dated by the middle of the IV millenium B.C. (5500 years ago). According to our materials the final stage of the Upper Volga culture can be dated by the V / IV millenium B.C. (6000 - 5900 years ago).

An important problem of coexistence of the late Upper Volga culture and the archaic Ljalovo culture can not be solved unambiguously on the basis of our results.

The Ljalovo culture is dated within the period from the V / IV millenium B.C. to the beginning of the III millenium B.C. The archaic stage of the Ljalovo culture stretches from the V / IV millenium B.C. to the first quarter of the IV millenium B.C. The early stage lasts from the first quarter to the middle of the IV millenium B.C. The middle stage stretches from the middle of the IV millenium B.C. to the last quarter of the IV millenium B.C. The late ("rare-pitⁿ") stage of the Ljalovo culture is dated by the period from the last quarter of the IV millenium B.C. to the beginning of the III millenium B.C.

¹ The research was carried out under support of The Russian Humanitarian Sciences Fund, grant number 96-01-00385

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

В.В. Сидоров

МОЛОЖСКО-МСТИНСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ

Если подходить к понятию культура как к группировке памятников вокруг какого-то эталона, то объединить памятники раннего и позднего типов невозможно ни для валдайской, ни для мстинской культур. Есть единство территории, но связи между этапами только угадываются, а не доказываются, не обосновано и разграничение этих культур друг от друга. Проследив процессы, которые протекали здесь на протяжении ряда тысячелетий, мы приходим к выводу, что в основе своей население бассейнов Мологи и Мсты генетически связано с северо-западной традицией, восходящей к палеолиту Акулово 1. Оно испытывало длительное воздействие сначала в основном со стороны селигерского неолитического населения, затем, на протяжении IV тыс. до н. э., со стороны льяловских групп, которые в бассейне Мологи были преобладающими, потом было полностью включено в орбиту валдайской культуры, а в кон. III - нач. II тыс. до н. э. интегрировано в волосовскую общность. На основе последней сложился местный вариант культуры сетчатой керамики. Таким образом, если за археологической культурой стоит этнос, то термин М. П. Зиминой "Мстинская культура" приемлем. Но в эту культуру надо было бы включать и бассейн Мологи. Правильнее, видимо, говорить о расширении понятия "мстинская культура" до "моложско-мстинская" с двумя локальными вариантами, разграничение которых еще не достаточно обосновано. При этом культура включает типы керамики, известные в составе льяловской и валдайской культур, и почти не имеет собственной специфики в керамике. Она выражается лишь в модификации известных типов.

Включение ее в круг культур ямочно-гребенчатой керамики, как это делает М. П. Зиминая, неправомерно даже для наиболее восточных комплексов бассейна Мологи: специфическая форма ямочно-гребенчатой керамики, существовавшая в чуждой льяловской культуре среде, требует особого термина. Для ее обозначения можно предложить термин "моложская ямочно-гребенчатая керамика". Применение термина М. П. Зиминой затруднено тем, что он не дифференцирует керамику разного происхождения. Как мстинская может обозначаться не всякая ямочно-гребенчатая керамика Мсты и Мологи, а только модифицированная в условиях существования в чуждой этнической среде.

Неолитические памятники бассейна Мсты, выделенные в мстинскую культуру М.П.Зиминой [1-3], содержат значительную примесь керамики, по общему облику вполне соответствующей льяловской. На этом основании М.П.Зиминая видит в мстинской культуре развитие культуры ямочно-гребенчатой керамики в I-ой пол. III тыс. до н.э. Другой основной компонент исследованных ею комплексов - это гребенчатая керамика с примесью дровяной в тесте, не отличающаяся от гребенчато-ямочной керамики позднего этапа валдайской культуры. При этом одни и те же памятники включаются Н.Н.Гуриной [4;5] в валдайскую, а М.П.Зиминой в мстинскую культуру (рис. 1). Эти исследователи основываются на разных компонентах одних и тех же комплексов. Отличие памятников бассейна Мсты в том, что здесь примесь керамики льяловского облика значительно устойчивее. Материал опубликован М.П.Зиминой довольно полно, но объединение гребенчатой и ямочно-гребенчатой керамики в один тип и их суммирование делает малосодержательным приведенный ею статистический анализ.

Памятники такого рода, где наряду с гребенчатой керамикой мстинско-валдайского типа присутствует льяловская, исследовались Ю.Н.Урбаном [6;7] в бассейне Мологи и отнесены им к кругу культур ямочно-гребенчатой керамики. Это стоянки Иловец на севере Тверской обл., Барская Лядка на Мологе под Бежецком. Неоднократно встречались памятники с ямочно-гребенчатой керамикой на озерах системы рек Волчина (на оз. Волчино, Перхово, Святое, Рогозно), Сарагожа. Несколько стоянок с таким материалом было раскопано на оз. Удомля, Наволок [8]. Накопившийся материал свидетельствует о своеобразии культуры ямочно-гребенчатой керамики в бассейнах Мологи и Мсты, не позволяющем рассматривать ее только как проявление особого локального варианта льяловской культуры. Тем более, что историческая судьба населения этих территорий оказалась существенно иной. Это ставит вопрос о выделении памятников

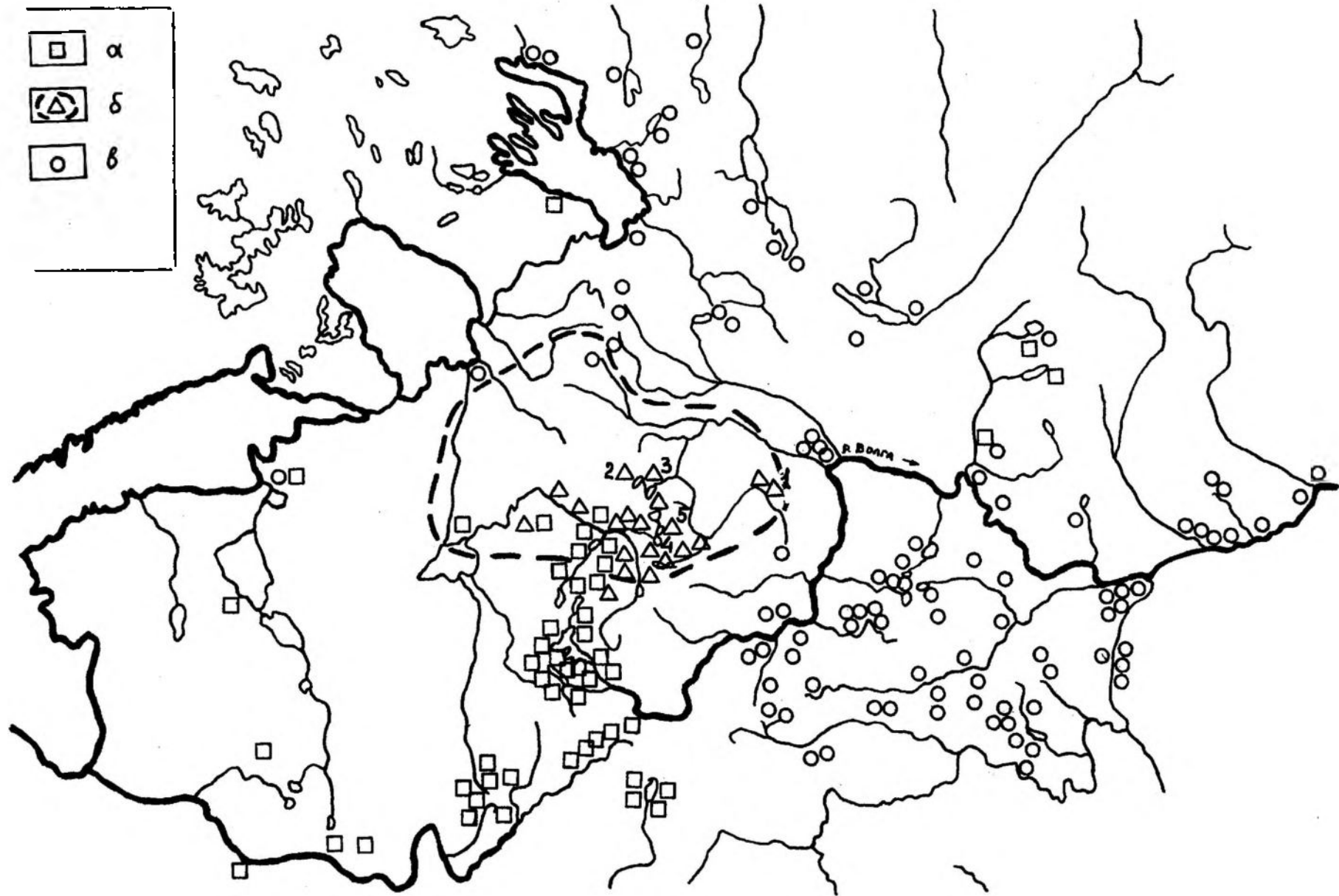

Рис. 1. Моложско-мстинская культура и ее соседи:
 а - валдайская культура; б - мстинско-моложская культура; в - льяловская культура.
 1 - Барская Лядка; 2 - Иловец; 3 - Сарагожа; 4 - Троица, Стан; 5 - группа стоянок оз. Наволок

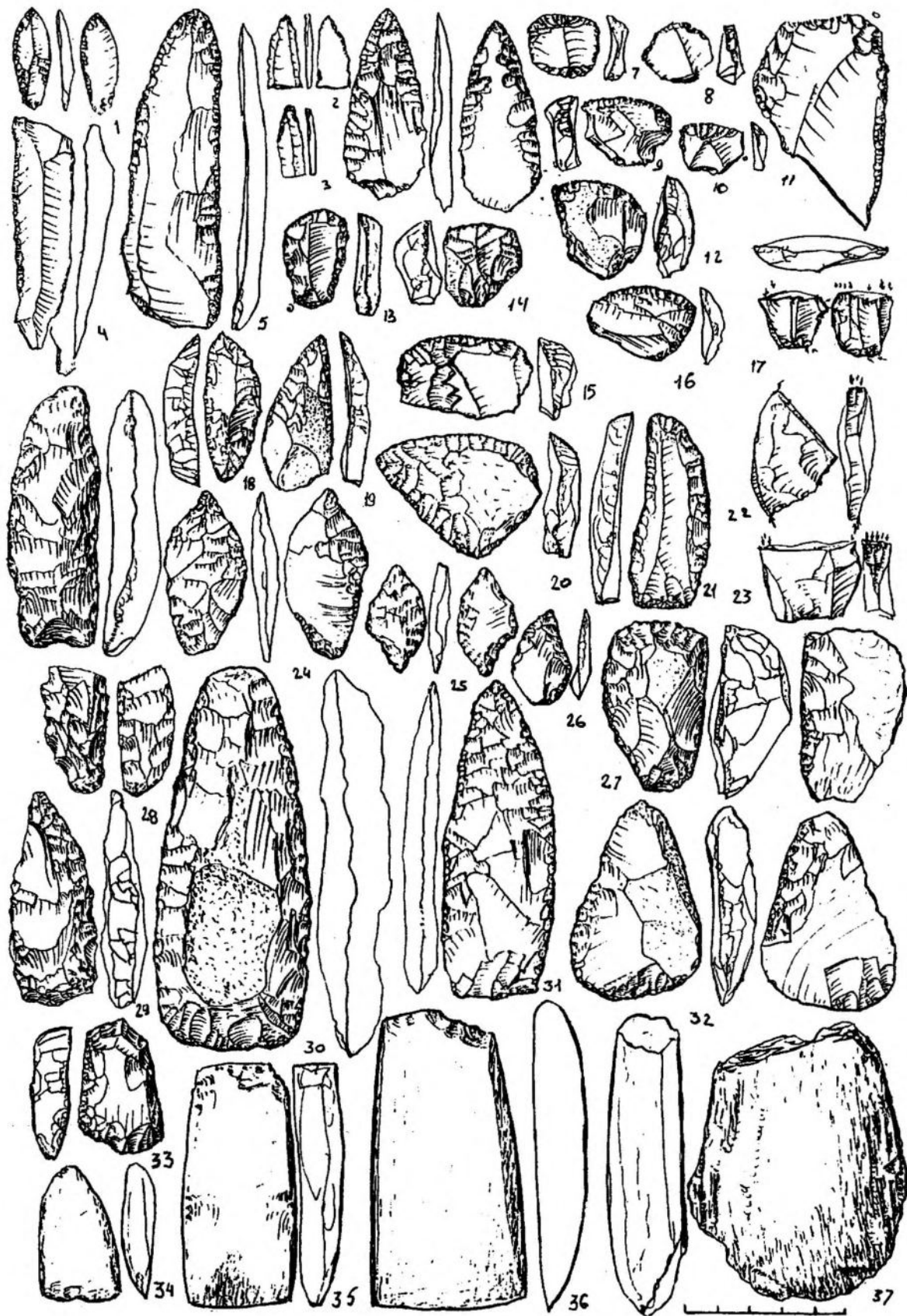

Рис. 2. Орудия со стоянок Гадомля, Курово 3 и Троица 1

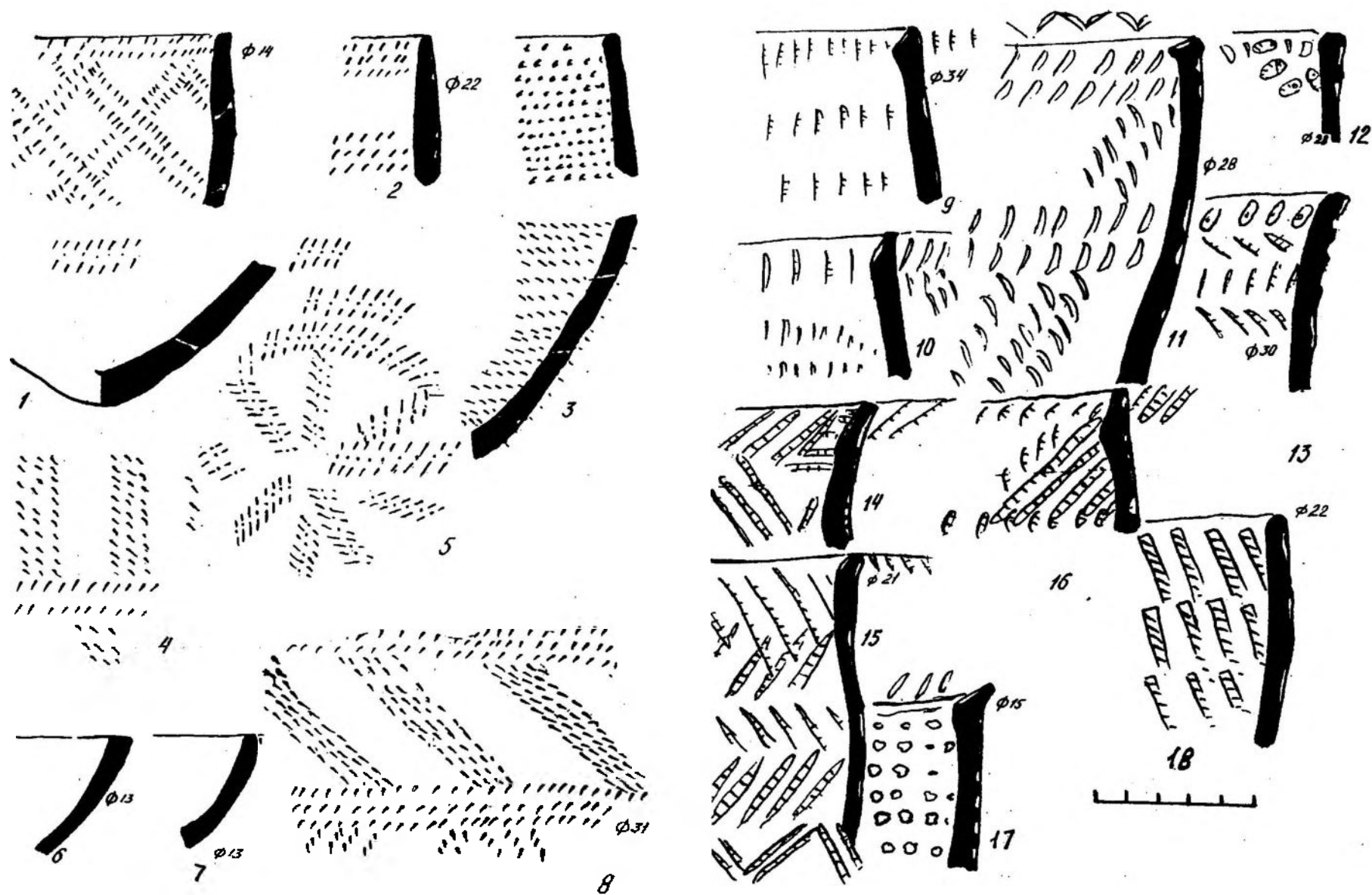

Рис. 3. Ранне (1-8) - и среднеолитическая (9-18) керамика со стоянки Скрабы III

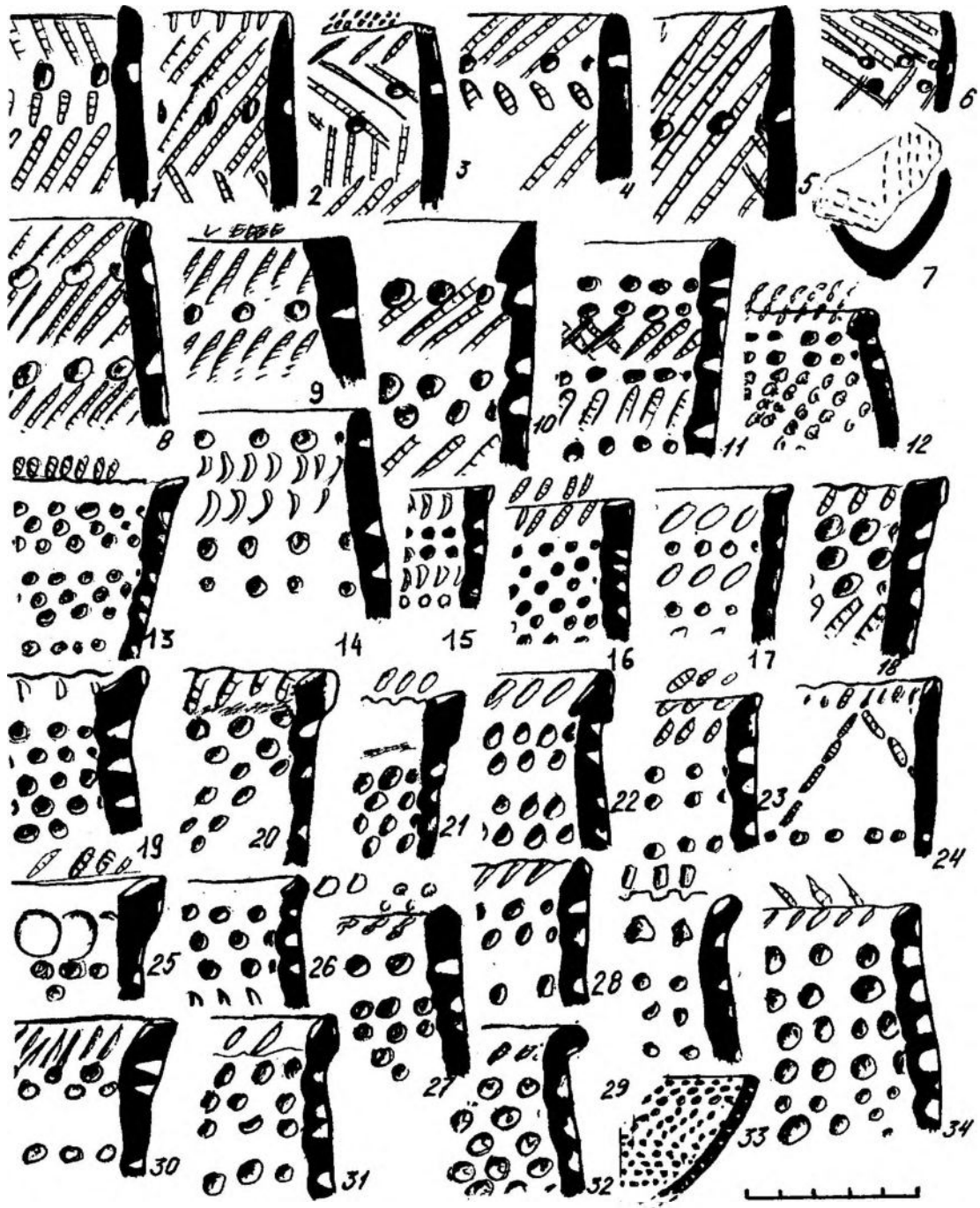

Рис. 4. Керамика ребенчатая (1-7) и ямочно-ребенчатая (8-34) со стоянки Барская Лядка

этого круга в особую культуру, родственную как льяловской, так и валдайской.

Специфика культуры этого района уходит в глубь мезолита. Если льяловская культура через стадию верхневолжской связана с бутовской мезолитической культурой, то культура Мстинско-Моложского региона имеет другую мезолитическую основу. В бассейне р. Съежи исследована серия памятников, которые показали, что корни этого мезолита следует искать в комплексе Акулово I [9], с которым связаны и другие культуры Северо-Запада. На стадии среднего мезолита (Васильево I) отмечаются контакты с бутовской культурой, которые привнесли ряд новых элементов, но не изменили направленности связей. В бассейне Мологи есть и типичный бутовский памятник - Лотова Гора [10]. Возможен позднебутовский характер Бологовской стоянки [5]. Проникновение чуждых групп на эту территорию можно отметить и ранее. Так, комплекс стоянки Усть-Кеза полностью соответствует инвентарю иеневской культуры (топор с перехватом, асимметричный наконечник из пластины, концевые скребки, макросверло) [11]. Тем не менее финально-мезолитические комплексы типа Курово 4 показывают, что преобладали связи с Карелией и бассейном Онеги.

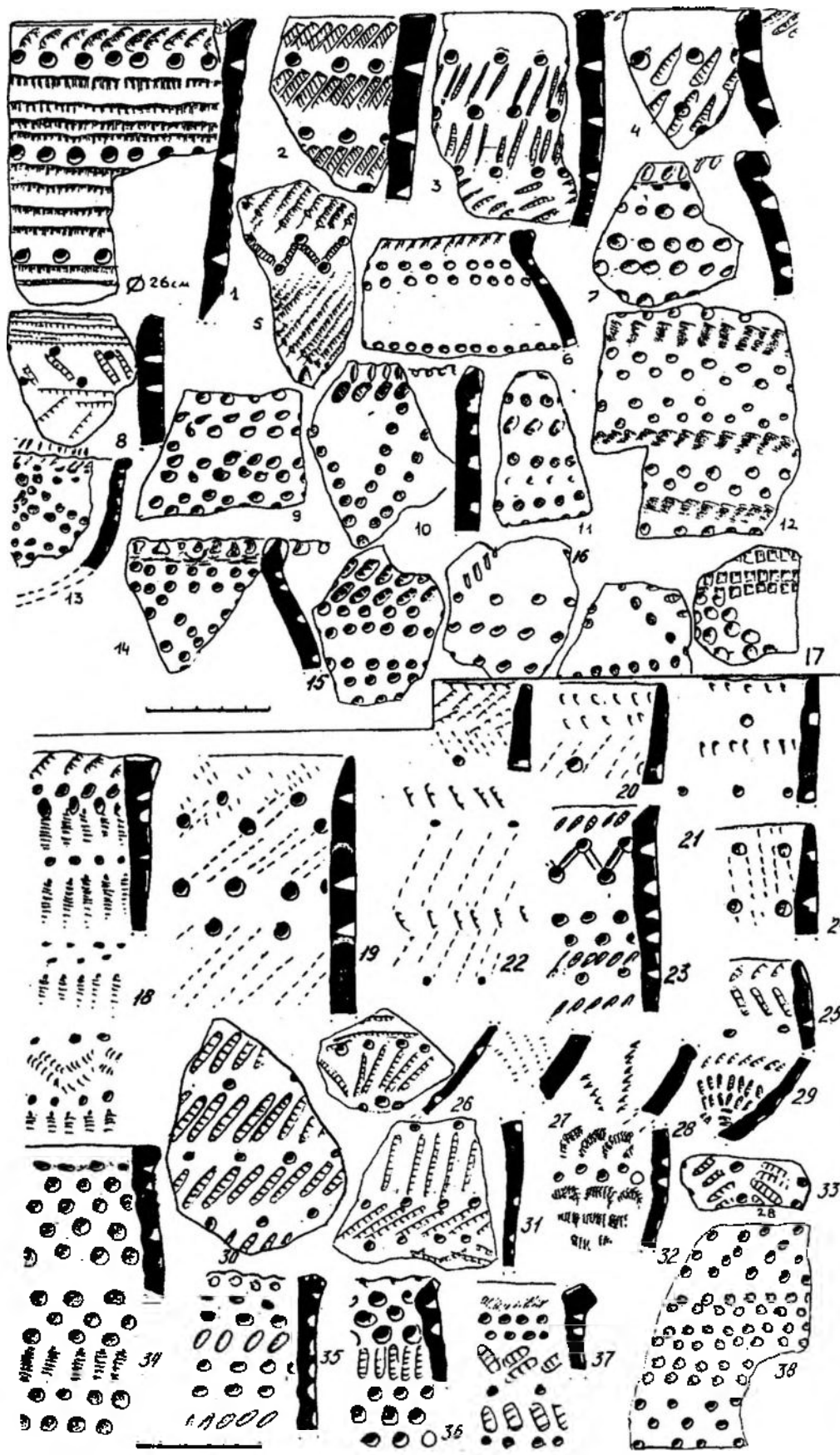

Рис. 5. Ямочно-гребенчатая керамика со стоянок Троица (1-17) и Бабулек 3 (18-38)

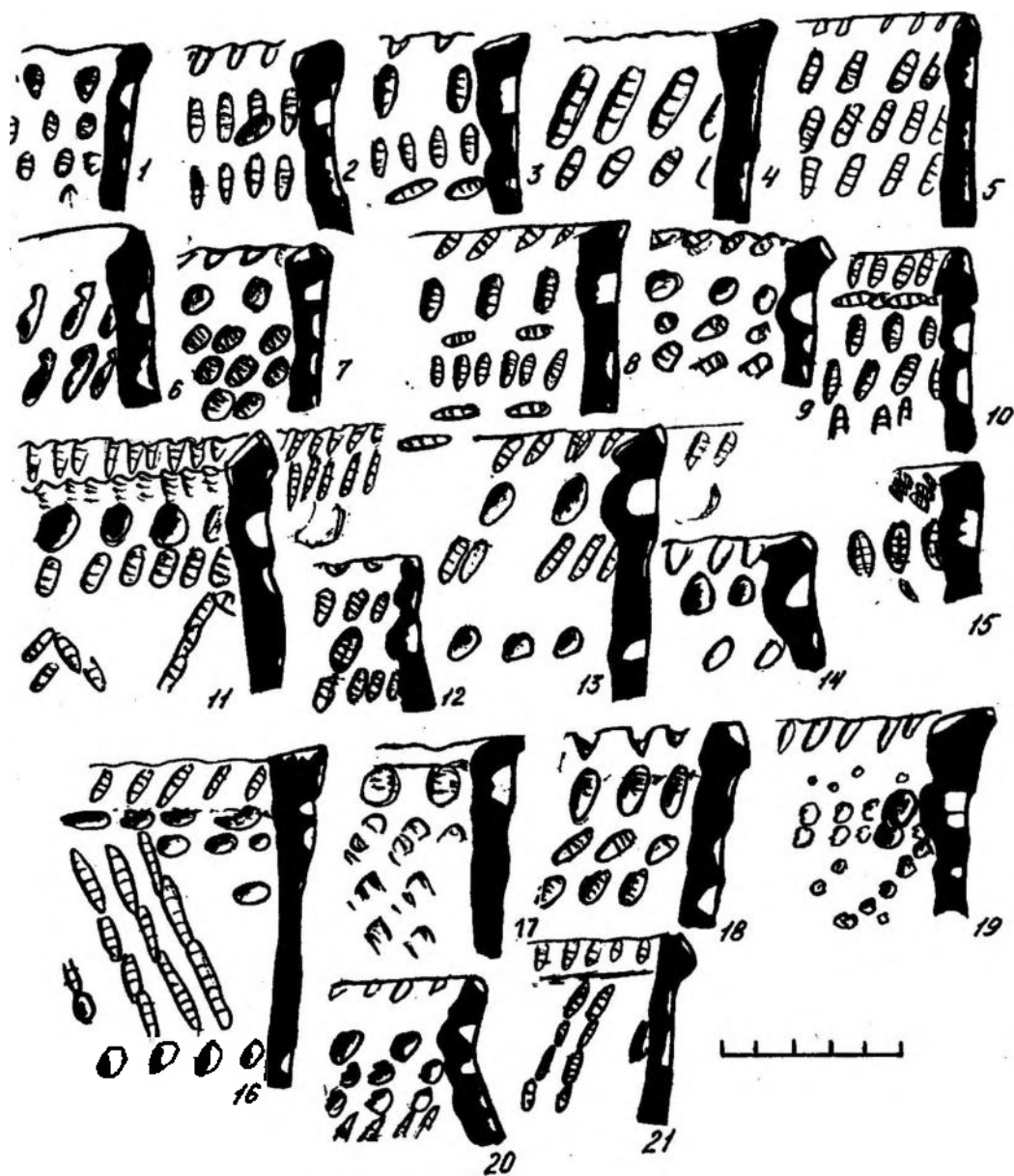

Рис. 6. Гребенчатая валдайская керамика со стоянки Барская Лядка

Преимущество раннеолитической культуры от финального мезолита доказывается вполне "куровским" характером кремневых орудий (рис.2: 1-17, 27-34) на стоянках с раннеолитической керамикой (Курово 3, Гадомля 9). Керамика обнаруживает черты, не позволяющие включать ее безоговорочно в верхневолжскую культуру. Для нее характерна примесь песка в тесте, не отмечаемая у ранней верхневолжской. Орнаментация наносилась по подсохшему тесту, по хорошо заглаженной поверхности наколами и тонким гребенчатым штампом - черты, общие с верхневолжской. Но эти же черты характерны и для ранней керамики таких стоянок, как Гараж 16, Скрабы III (рис.3).

Стоянка Скрабы III исследована Л.В. Кольцовым в 1974 г. и отнесена им к верхневолжской культуре. Действительно, часть керамического комплекса напоминает верхневолжскую керамику. Это остродонные сосуды с прямым горлом без профилировки. Поверхность их лощеная, техника лепки ленточная, внахлест, подобно верхневолжской. В тесте видны зерна, визуально определяемые как шамот, но вместе с ним обязательна органика. Верхний слой венчика обычно утоньшен, край срезан прямо. Орнамент разреженный, чаще всего игольчатый и пунктирный, образует горизонтальные пояски, наклонные или вертикальные полосы и решетку. Есть миниатюрные сосуды без орнамента. Часть сосудов имеет расчес внутренних поверхностей.

Несмотря на общее сходство с верхневолжской посудой, отличия устойчивы. Особенно они становятся заметны, если обратиться к другим памятникам этого региона. Такая же керамика встречается на стоянке Дербез III, исследованной И.Г. Портнягиным в 1974 г. Сюда же надо добавить керамику стоянок Гараж 16, Картунь 1 (раскопки В.М. Воробьева, 1978-1980 и 1988-1989 гг.), Ронское III (Д.А. Крайнов, 1966 г.), Подол 4 (И.Н. Черных, 1981 г.), Тиница, Залесье, Зехново (Н.Н. Гурина, 1977 г.). Кроме названных признаков здесь отмечаються отпечатки трубчатого (торец травинки) и кольцевого штампов, накол щепкой. Изредка здесь же встречается ложнопшуровой орнамент.

Ни трубчатый, ни щепочный, ни мелкий острый (угол сломанной пластины) наколы не встречаются на верхневолжской керамике. Пунктирный штамп наблюдается только на поздней верхневолжской, которая по технологии уже совсем не похожа на описываемую здесь керамику. Не свойственны ей вертикальные полосы орнамента. Совершенно не характерна для верхневолжской керамики примесь органики. По этим чертам ранняя валдайская керамика обнаруживает близость к ранней керамике бассейна Днепра, Западной Двины (руднянская культура А.М. Микляева).

В то же время на стоянках Скрабы III и Дербез III помимо этой группы есть керамика, которая продолжает развитие этого типа, сохраняя большую часть тех же штампов. К ним добавляется только крупный гребенчатый, а щепочный и травяной штампы более крупные. Эта керамика отличается большим количеством органики, утолщенным и орнаментированным венчиком, к орнаментальным мотивам добавлен вертикальный зигзаг - разнонаклонные ряды отпечатков (что может быть производным от крупных гребенчатых штампов). Помимо органики у этой керамики встречается примесь дресвы. Практически обязательен расчес, иногда наружной поверхности. Данная группа занимает промежуточное положение между керамикой ранней группы и гребенчатой керамикой валдайского типа, на основе которой сложилась волосовская керамика. Таким образом, несмотря на малочисленность коллекций, намечается стык между ранневалдайской и поздневалдайской керамикой.

Эти же признаки отмечены на керамике III типа стоянок Репище, Усть-Валдайка I и II, Прикол, исследованных М.П.Зиминой. Фрагменты с редкими строчками овальных наколов ближе к керамике Котчища, чем к верхневолжской [1, табл.14: 3, 4, 10; 35: 13 - 16; 45: 20; 50: 3, 10]. Кроме того, М.П. Зиминая отмечает на стоянке Репище значительное количество фрагментов с орнаментацией шагающей гребенкой, которая совершенно не характерна для верхневолжской (есть единичные случаи, в основном среди поздних сосудов) керамики. Это одна из самых характерных черт раннеолитической керамики Среднего Поволжья, но она отмечается и в верховьях Даугавы, а также в северном локальном варианте нарвской культуры. Сосуды с редкими рядами глубоких круглых ямок находят аналоги в материалах стоянок Спасна-Сози [7] и Языково 3 [12]. Единичны случаи ложнопшурового орнамента. Несмотря на ряд совпадений с селигерской керамикой, раннеолитическая керамика Съежи не тождественна ей - отсутствуют травяной трубчатый штамп, наколы углом пластинки, примесь органики. Не встречаются среди валдайских и верхневолжских сосуды с отпечатком сети. Не характерно для верхневолжской керамики применение деревянного штампа или щепки, но оно вполне типично для селигерской, то есть раннего этапа валдайской культуры по Н.Н.Гуриной [13].

Но верхневолжская керамика включает на поздних этапах в основном сосуды, орнаментированные длинными зубчатыми штампами, при этом керамика IV этапа имеет примесь дресвы. М.П.Зиминая же классифицировала керамику по характеру примеси, и вся керамика с примесью дресвы попала в тип I вместе с пельяловской и валдайской, хотя она полностью аналогична именно верхневолжской [1, табл.2: 23; 5: 13, 18; 6: 18, 21; 7: 17-19]. Правда, в определении по фотографии быть уверенным трудно - часть протоволосовских и волосовских сосудов тоже орнаментирована длинным узким зубчатым штампом с разделительными зонами, отличаясь от ранних по технологии лепки, форме венчика. Прочерченный орнамент характерен для некоторых верхневолжских групп (Языково, Спас, реке - Заболотское озеро и Николо-Перевоз I), но изредка встречается и на гребенчатой валдайской. Такой орнамент включен М.П.Зиминой в состав I типа [1, табл.8: 19; 10: 3, 12; 28: 14].

Гребенчатая керамика верхневолжского облика хорошо представлена в материалах Иловца и Барской Лядки (рис.4: 1-7). Совпадают формы - прямостенные, с закругленным, утоньшенным или, реже, прямо срезанным краем; система орнаментации - корзиночное плетение (зигзаг с разделительными поясками и ямками-наколами на его фоне, респетка. Можно отметить несущественные отличия верхневолжской керамики северной группы от верхневолжской керамики Языково, Маслова Болота, бассейна р. Дубны и оз. Неро. У керамики со стоянок бассейна Мологи несколько больше толщина стенок, черепок более опесчанен, чаще встречается вертикальное положение штампа, а также овальные и округлые ямки помимо каплевидных. Эти же признаки характерны для гребенчато-накольчатой керамики стоянок Спасна-Сози и Застанье, наиболее близких к моложским. Таким образом, если керамика раннего этапа здесь ближе к селигерской, то на позднем этапе раннего неолита в керамике четко узнаваемы признаки верхневолжской культуры.

Во всех описанных М.П.Зиминой комплексах есть примесь хорошо узнаваемой раннепельяловской кера-

мики. Она характеризуется повышенной концентрацией дресвы в тесте, толстостенностью, слегка утолщенными у большинства сосудов венчиками, преобладанием в орнаменте поясков зубчатого штампа, оттиски которого обычно занимают более половины поверхности сосуда [1, табл.7: 1, 14; 26: 14,19; 29: 4,5,9; 31: 3,4,7,16,18; 43: 2-14; 50: 6,11; 59: 2-5,9-12,15,16,18; 60: 1,2,5,10,12,14; 61: 4-6; 73: 21-25].

Эта же керамика выделяется в комплексе стоянки Троица 1 на оз. Удомля. Ее немного, но она легко узнаваема (рис. 5: 1-5). Один сосуд реконструируется довольно полно: средних размеров (диаметр 26 см), прямостенный, орнаментированный строчками ямок, разделенных поясками оттисков горизонтально поставленного штампа. Вообще горизонтальное положение штампа при орнаментации керамики этого района явление редкое (и в этом она противостоит льяловской керамике нерско-нерльского и рязанского локальных вариантов). Многочисленна гребенчато-ямочная керамика на стоянке Иловец, в комплексе Барской Лядки (рис.4: 8-11). Обычно она перенасыщена дресвой, ямки поставлены в 1-2 строчки. Характерны для этого района пояски наклонных рядов оттисков короткого штампа, нередко установленного в технике отступающей палочки, с протаскиванием. Регулярно встречаются сосуды со строчками ямок, соединенных зигзагом, иногда прореченным (это характерная черта керамики сперринге, но она распространена и по всей льяловской территории, отличие - помещение такого зигзага не только в верхнем, но и в среднем поясе орнамента). Большинство гребенчато-ямочных сосудов несет простейший орнамент - пояски наклонных оттисков гребенчатого штампа, разделенные строчками ямок.

Эта керамика вполне близка ранней и архаичной льяловской нач. IV тыс. до н.э. Но есть и некоторые отличия. Здесь крайне редко использовался косозубый штамп (в южных льяловских группах он составляет 60-75 % случаев использования гребенчатого штампа в раннеल्याловской керамике). Часто используется деревянный штамп с нечетким рисунком зубцов (характерен только для костромского и каргопольского локальных вариантов). И самое существенное - значительная часть ямок наносилась не белемнитом, а какими-то его заменителями (что не встречается в южных льяловских группах), хотя белемнитная ямка здесь тоже преобладает. Устойчиво повторяются формы венчиков - утолщенный прямо срезанный и утолщенный с косо срезанной тыльной частью. Но все эти признаки не выводят ямочно-гребенчатую керамику за пределы локального варианта льяловской культуры.

Исследованные памятники не позволяют определить, сосуществует ли такая керамика на мстинско-моложских памятниках с каким-либо другим типом керамики или для этапа, синхронного с архаичным и ранним льяловским, она также единственный тип. В связи с этим крайне интересен комплекс стоянки Бабулек 3 на восточном берегу оз.Наволоок. Здесь в раскопе встречена керамика только двух типов: классическая ямочно-гребенчатая, которую можно относить к концу среднего - началу позднего этапов льяловской культуры, и фрагменты 11 сосудов, резко от нее отличающиеся. Все они имеют тесто, перенасыщенное дресвой, гребенчато-ямочный орнамент с разделительными строчками ямок небелемнитного характера. У одного сосуда хорошо узнаваемый ямочный штамп - головка бедренной кости некрупного животного (рис. 5: 34). Зубчатый штамп неглубоко вдавлен, поверхность тех сосудов, где примесь позволяла, заглажена, орнамент разрежен. Формы, технология лепки, орнаментация этих сосудов различны, различны и штампы, но, несмотря на это, они единая группа. Здесь мы видим редчайший случай подражания, лепки сосудов в чуждых традициях, и элементы этих традиций проявляются в столь нетрадиционных сосудах: деревянные, тонкозубчатые и веревочные штампы, заглаживание поверхности - от селигерской керамики, ямочно-гребенчатая композиция - от льяловской (рис.5: 18-38).

Следует отметить, что кремневый материал этого памятника тяготеет к селигерской традиции: крупные овальные концевые скребки, многочисленные топорики и тесла, трапециевидные и обушковые, кремневая фигурка и отщеп с выделенной головкой.

Значительную часть коллекций с мстинско-моложских памятников составляют типично льяловские сосуды с белемнитными ямками. Практически чистый небольшой комплекс встречен под сопкой Мерлугино в г.Удомле и на стоянке Бабулек 3 (вместе с отмеченной выше керамикой), остров Литвин на оз.Наволоок. Очень значительна примесь типично льяловского материала на стоянках Курово 3, Иловец и Барская Лядка, намного меньше его на стоянках Гадомя 9, Троица 1 и 2, Стан 1 [14]. Во всех опубликованных М.П.Зиминой коллекциях присутствует легко узнаваемая и обильная примесь такого материала. Вся она включена в тип 1.

Характерно, что вместе с льяловской керамикой обязательно присутствуют типичные для этой культуры нуклевидные и угловые резцы из отщепов и осколков, в том числе - обломков орудий. Другие орудия не столь специфичны.

Несмотря на то, что значительная часть ямочно-гребенчатой керамики находит полную аналогию в локальных вариантах льяловской культуры, знакомство с крупными коллекциями позволяет увидеть специфику мстинско-моложской керамики.

Наиболее близки к классическим льяловским сосуды с орнаментом, выполненным тыльным концом белемнита (полулунный штамп). Ямки их всегда белемнитные. Не отличаются от обычных льяловских сосуды с использованием шнурового штампа. Но зубчатый штамп обычно крупнее и шире и, скорее всего, деревянный. У этих сосудов в большинстве случаев ямки небелемнитные. Рисующие штампы - зубчатые (зубчики порой различимы с трудом), щепочные, плюсовые, исключительно редко применение иных костей и окаменелостей. Очень много сосудов чисто ямочных, по крайней мере в верхней части (количество чисто ямочных черепков, однако, значительно меньше, чем в остальных льяловских локальных вариантах на позднем и среднем этапах). Среди ямочных сосудов встречаются орнаментированные бедренной

костью и другими заменителями (овальная ямка круглодонная, с неправильным ограничением, со ступенчатыми стенками, со складчатым дном).

Значительную часть составляют сосуды с гладкими просветами вместо орнаментальных поясков - признак складывающегося типа редкоямочной керамики. Здесь мы находим особый тип редкоямочной керамики, не встречающийся в других локальных вариантах (кроме балахнинского и на стоянках Оршинского мха (Спас, Застанье): на крупных сосудах идут пояски в 1-2 ряда больших, но неглубоких ямок, в виде горизонтальных линий, наклонных поясков, зигзага. У небольших округлых чаш заполнение ямочных полей аккуратное, плотное, в шахматном порядке (у крупных сосудов с ямочно-гребенчатым рисунком решительно преобладает строчное положение ямок).

Тесто большинства сосудов с ямочным орнаментом сильно отощено дресвой и песком, дресва встречается крупная, есть сосуды без видимых искусственных примесей. Поверхности не заглажены (только у редкоямочных сосудов), изредка встречается расчес внутренней поверхности.

Форма сосудов яйцевидная с прямым или слегка закрытым верхом. Профилировка создается оттибом края венчика. Среди малых и средних нередки открытые чаши, донышко округленно-приостренное. Характерен рисунок у ряда сосудов в придонной части - вертикальные полосы из наклонных коротких зубчатых оттисков (широкие лучи). Этой керамике присущи слегка утолщенные отогнутые и ограниченные венчики, иногда с продольным проглаживанием под верхним обрезом; реже он подчеркнут рядом крупных ямок. Форма венчика в значительной мере создается орнаментацией.

Если малое количество белемнитных и аммонитных штампов можно объяснить отсутствием в районе юрских отложений, а перенасыщенность теста отощителями - спецификой сырья, то состав орнаментальных мотивов - показатель культурной специфики. Характерно также отсутствие некоторых широко распространенных льяловских орнаментов: ни разу не отмечен присущий костромской и нерско-нерльской группам рисунок из горизонтальных поясков со строчкой ямок между ними. Не встречен концентрический рисунок вокруг дна, решетчатый рисунок, совершенно не характерны парнонаклонные линии. Особенно заметно проявляется своеобразие местной редкоямочной керамики.

Все эти наблюдения показывают, что на позднем этапе раннего неолита решительно преобладали связи, направленные к югу и юго-востоку. Максимум близости обнаруживается между льяловской керамикой стоянок Оршинского мха - Спас-на-Сози, Застанье, Гливистенки, которые по-видимому, представляют еще не выделенный льяловский локальный вариант. Значительно меньше сходства с комплексом Языково. Довольно слабо прослеживается связь с костромской группой и несколько больше - с каргопольской. Практически не наблюдается связей с нерско-нерльским локальным вариантом. Но видимо, основные партнеры - это группы, обитавшие в Молого-Шекснинской низине, все памятники которых уничтожены. Временами в Молого-Шекснинский бассейн проникали довольно значительные льяловские группы и на какое-то время стирали своеобразие местной культуры.

Но помимо льяловского компонента в состав почти всех памятников входит разнообразная гребенчатая керамика, по количеству ненамного уступающая льяловской. Вся она включена М.П.Зиминой в I тип. Это прямостенные разной профилировки - слабо закрытые, слабо открытые и прямогорлые котлы и чаши. Тесто почти всегда с примесью дресвы, редко с песком. Венчик утолщен, подчеркнут рядом глубоких ямок, выполненных тем же штампом, что и остальной орнамент, или овальным. Иногда проглажен желобок под ним, формирующий утолщенный край. Нередко венчик огранен, но его форма получается в результате орнаментации. Встречается гофрированный край (но реже, чем у гребенчатой керамики более южных групп). Орнаментальные мотивы - заполнение поля равнонаклонными оттисками, поставленными строчно или в шахматном порядке, поясковый рисунок - сочетание наклонных поясков, строчек, диагональных линий и зигзага, полей наискось идущих рядов оттисков (рис. 6).

Штампы довольно однообразны: короткие и широкие зубчатые, порой приближающиеся к деснинскому рубчатому ромбу, овальные, иногда с неясной насечкой, по сути тоже широкие зубчатые, иногда с продольной линией (рамчатые, таких здесь очень мало). Небольшие сосуды орнаментированы тонким зубчатым штампом. Регулярно встречаются плюсовые оттиски, чаще крупные (метаподии собаки, иногда бобра, рис. 6: 21). Редко используется шнуровой штамп - плоский оттиск намотанной на твердую основу толстой нити. Оттиски настоящих "лапчатых" штампов, характерных для верхнеднепровской культуры, встречены единично на стоянке Троица I. Изредка встречается прочерченный рисунок в сочетании с гребенчатым.

Типичные льяловские и валдайские орнаментальные схемы обычно легко различаются, но здесь их не всегда удается достоверно отличить: у обоих типов керамики одинаковое тесто, очень похожа профилировка венчика (у гребенчатых она более резко выражена); ямки, выполненные заменителями белемнита, порой не отличимы от ямок, сделанных неправильными или овальными штампами; зоны плюсового штампа многорядны у тех и у других, нередко широкие зоны просветов, и только по строчкам ямок удается определить, и то не всегда, к какой группе относится тот или иной черепок. Близость этих двух типов на молодых и мстинских стоянках вряд ли случайна. Здесь мы имеем дело с настоящим смешением двух традиций - льяловской и валдайской.

При этом на всех стоянках, содержащих гребенчатую керамику, отмечается присутствие хорошо узнаваемой кремневой техники, связанной генетически с Валдаем, - волосовской. Это скребки близких к геометрическим форм, ножи из широких отщепов, сверла со стержневидными жальцами, отщепы с выделенной головкой (рис. 2). Несмотря на недостаток хорошего кремня в регионе, удавалось получать и вполне волосов-

ские орудия.

Особенно тесное взаимодействие этих двух типов керамики идет на позднем этапе. В комплексе стоянки Стан I, где нет ранних материалов, около четверти сосудов отнести с уверенностью к одной из групп не удастся. По-видимому, та же картина наблюдается на стоянках западных частей региона. И для этого этапа, возможно, выделение мстинской культуры оправданно, хотя на предыдущем этапе направленность связей была иная - в сторону льяловских групп.

Хронология стоянок с несохранившейся органикой - слабое место построений, но здесь в качестве временной шкалы может быть использована хронологическая колонка Волго-Окского междуречья. Если для раннего этапа четко читается параллельность верхневолжской и ранней льяловской культур с неолитом мстинско-моложского региона, то условия гибридизации валдайской и льяловской традиций требуют дополнительной аргументации.

Редкоямочная керамика начинает появляться в льяловских комплексах в конце среднего этапа (ок. 3300 г. до н.э.). К нач. III тыс. до н.э. она господствует в южных локальных вариантах (кроме тех групп, где льяловская культура к этому времени уже исчезла, - московско-окский и западномещерский варианты). Отдельные образцы типичной редкоямочной керамики попадают и на Мологу. Но именно на этой стадии идет вытеснение льяловской культуры валдайской миграцией - исчезают локальные варианты: дубненский, языковский, нерско-нерльский и затем сахтышский и костромской. На их территории появляются памятники с валдайской керамикой. Продолжения развития льяловской традиции здесь нет ни в какой форме. Несколько дольше сохраняются рязанский, нижеокский, восточномещерский и балахнинский варианты, а также каргопольский. Их вытесняет или, вероятнее, ассимилирует население уже сложившейся волосовской культуры.

Но редкоямочная моложско-мстинская керамика мало похожа на керамику ближайших южных групп. Сходство наблюдается только с отдельными сосудами некоторых балахнинских памятников, особенно самых восточных, - строчки крупных круглых неглубоких ямок по подлощенной поверхности, резко отогнутой оградный венчик.

Можно сделать вывод, что постльяловская форма керамики - редкоямочная - здесь продолжала развиваться и тогда, когда она исчезла в соседних южных группах. Именно поздняя керамика здесь особенно полно смешивается с валдайской гребенчатой, которая все более преобладает.

Но если валдайская гребенчатая керамика на памятниках льяловской территории существует относительно недолго, сменяясь ранней волосовской, то в бассейнах Мсты и Мологи картина несколько иная: здесь не появляется ранняя волосовская керамика. Все известные образцы сопоставимы или с протоволосовской гребенчатой керамикой, или с поздней волосовской, т.е. на этой территории не происходило трансформации культуры в волосовскую. Гребенчатая керамика поздневалдайского облика оказывается синхронна не только финальному этапу льяловской, протоволосовскому этапу, но и раннему этапу волосовской. Это подтверждается материалами могильников Релище и Кончанское, где янтарные наборы, стратиграфически синхронизированные М.П.Зиминой с комплексами мстинской гребенчатой керамики, тождественны наборам из волосовских могильников Языково I и Сахтыш 8.

Наблюдения над направленностью связей в бассейнах Мсты и Мологи показывают, что эта территория оставалась пограничной для двух крупных этносов.

1. В мезолите она принадлежала части Северо-Западной общности, генетически восходящей к Акулово I, включавшей культуры кунда, суомусъярви, онежскую и Нижнего Веретья. Эпизодические проникновения сюда южных групп иеневской и затем бутовской культур, не изменили традиционную направленность связей.

2. Местное мезолитическое население усваивает керамику, видимо, сначала со стороны селигерской групп, но сюда продолжает проникать и верхневолжское население. Облик керамики финального этапа раннего неолита становится особенно близким именно к верхневолжской культуре.

3. На стадии архаичного и раннего этапов льяловской культуры продолжается проникновение сюда льяловских типов керамики. Тем не менее они усваиваются местным населением с существенными искажениями, в которых можно видеть признаки принадлежности местного населения к иному, чем льяловская культура, этносу. Приток льяловских компонентов возрастает на позднем этапе, но в целом тип керамики становится все более своеобразным за счет валдайских влияний. Гребенчатая керамика, тождественная поздней селигерской, становится господствующим типом, в котором растворяются льяловские черты. Видимо, усиление проникновения льяловских признаков связано с вытеснением этой культуры.

4. Гибридизация льяловской и валдайской культур не приводила здесь к становлению волосовской. Она происходила параллельно с распространением волосовской культуры на восток, которое долго - до позднего этапа - не затрагивало бассейнов Мсты и Мологи, хотя они оставались связанными с синхронными им волосовскими группами. Распространение волосовской культуры в бассейн Онеги обошло стороной эту территорию. Можно отметить также очень слабые следы взаимодействия с верхнеднепровской культурой, миграция которой в кон. III тыс. до н.э. заметно изменила облик волосовской культуры накануне появления здесь фатьяновской - на север не проникли ни верхнеднепровцы, ни фатьяновцы. Отмеченные М.П.Зиминой на стоянке Кончанское IV сосуды с асбестовой примесью - четкий показатель связей с Карелией.

5. На стадии финальной волосовской культуры интеграция затронула и этот регион: керамика типа Пб по М.П.Зиминой - это типичная поздневолосовская, видимо, синхронная фатьяновской посуда. Но эти же

формы волосовской керамики распространены очень широко: они есть и в Карелии, и в Лубанской низине, и на Средней Волге. Появляются плоскодонная посуда, орнамент в виде густого зигзага, нанесенного тонким зубчатым и скобчатым (стенка раковины) штампами, крупнозубые, в том числе шнуровые штампы. Видимо, в это время здесь появляются мигранты из Прибалтики - сетчатая керамика Стана I тождественна прибалтийской [15]. Но существует ли она в чистом виде или вместе с поздней волосовской - не ясно.

6. Становление культуры сетчатой керамики происходило на основе местной, хотя толчком к этому могло послужить и появление сетчатой керамики из Лубанской низины. Принесшие ее мигранты не были чужды местному населению и сами происходили от потомков мигрантов с Валдая вниз по Зап. Двине - Даугаве. Поэтому принесенные ими навыки, в том числе и производящего хозяйства, были усвоены довольно полно.

Таким образом, несмотря на длительное - в течение тысяч лет - влияние юго-восточных и восточных соседей, связи населения Мсты ориентированы были преимущественно в сторону генетически более близких им валдайских групп. Крупные этнические сдвиги на соседних территориях, меняя облик населения, мало меняли его состав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зими́на М. П. Неолит бассейна Мсты. М., 1981.
2. Зими́на М. П. Каменный век бассейна р. Мсты. М., 1993.
3. Зими́на М. П. Мстинская культура // Неолит Северной Евразии. Археология СССР. М., 1996.
4. Гури́на Н. Н. Валдайская неолитическая культура // СА. 1958. № 3.
5. Гури́на Н. Н. К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Памятники древней истории Евразии. М., 1975.
6. Урба́н Ю. Н. Поселение и могильник Иловец // КСИА. Вып. 137. 1973.
7. Урба́н Ю. Н. Исследование поселений эпохи неолита в Калининской области // Из прошлого Калининской области. Калинин, 1974.
8. Леонтьев А. Е., Сидоров В. В., Исланова И. В. Волго-окская экспедиция 1977-1984 гг. // КСИА. Вып. 188. 1986.
9. Сидоров В. В. Мезолит бассейна Съежи // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
10. Косорукова-Каидакова Н. В. Мезолитическая стоянка на Лотовой Горе в бассейне Шексны // Археология Верхнего Поволжья. Н. Новгород, 1991.
11. Урба́н Ю. Н. Открытие мезолита в бассейне Средней Мологи // Памятники древней истории Евразии. М., 1975.
12. Сидоров В. В. Многослойные стоянки Варос и Язьково // Многослойные поселения Верхнего Поволжья. М., 1992.
13. Гури́на Н. Н. Валдайская культура // Неолит Северной Евразии. Археология СССР. М., 1996.
14. Сидоров В. В. Стан I - стоянка и ритуальный комплекс // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
15. Ворони́н К. В. Стоянка Стан I и ее место в кругу памятников энеолита - бронзового века Валдайской возвышенности и Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V.V. Sidorov

THE MOLOZHSKO - MSTINSKAYA CULTURE AS A HISTORICAL AND ETHNOGRAPHICAL UNITY

Summary

In the article the author specifies the Molozhsko - Mstinskaya culture located on the territory of the Msta - Mologa basin which made a border between two vast cultural unities. The Molozhsko - Mstinskaya culture, supposedly, had two local variants, one of which, according to M.P.Zimina, was defined as the Mstinskaya culture.

Specific forms of pit-comb ceramics (Molozhskaya pit-comb ceramics) are characteristic of the Molozhsko-Mstinskaya culture; these vessel forms could be found in the Ljalovo and Valday cultures. The population of the Molozhsko-Mstinskaya culture is connected genetically with the North - Western tradition descending from the Akulovo I monument. This population was subject to continuous influence from the population of the Valday and then the Ljalovo cultures. The Ljalovo population prevailing in the Mologa basin found itself later wholly in the orbit of the Valday culture and was integrated into the Volosovo unity in the end of the III - the beginning of the II millenium B.C.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

Т.М. Гусенцова, Н.А. Андреева

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ НЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК С ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ В БАССЕЙНЕ Р. ОЯТЬ (Ленинградская область)

Большинство неолитических стоянок в бассейне р.Оять оставлено населением с двумя культурными традициями в изготовлении керамики: сперринге и ямочно-гребенчатой. Вследствие этого возникает сложность в соотношении каменного инвентаря с определенной группой керамики.

Для выявления специфических черт инвентаря разных групп населения представляют интерес памятники с относительно "чистым" комплексом ямочно-гребенчатой керамики - Мальгиничи, Мульевская, Ащозеро VII [1].

Стоянки находятся на небольших озерах, связанных системой рек и ручьев с р.Оять, левым притоком р.Свирь (рис.1). Они занимают площадки на мысах высотой 0,7-1,5 м на северо-восточных берегах озер. Культурный слой мощностью 15-20 см содержит остатки очагов из камня с развалами сосудов, фрагменты керамики, изделия из кремня и сланца.

Коллекции с памятников сравнительно немногочисленны: Мальгиничи - 740 фрагментов керамики и 240 каменных изделий; Мульевская - свыше 1000 фрагментов керамики и 70 изделий из камня; Ащозеро VII - 975 фрагментов керамики и 551 каменное изделие. Преобладает ямочно-гребенчатая керамика, отнесенная к раннему и развитому этапам неолита.

Лишь на стоянке Мальгиничи найдены 3 невыразительных фрагмента керамики сперрингс, сосуд с гребенчатым орнаментом и несколько фрагментов пористой и поздней гончарной керамики. На Ащозере VII имеется 2 фрагмента сосудов со стоянки Ащозеро VIII, украшенных рыбьим позвонком.

Основные характеристики ранней ямочно-гребенчатой керамики района неоднократно приводились авторами [1;2]. Она аналогична посуде типа Черной речки 1 в Карелии и ранней льяловской на Верхней Волге. Группа керамики развитого облика менее многочисленна, отличается от первой толстостенностью сосудов (0,8-1,2 см), примесью в тесте песка, крупнотолченой дресвы и шамота. Сосуды крупные, с диаметром горла 40-45 см. Края венчиков часто утолщены и имеют "Т"-образную форму, украшены гребенчатыми отпечатками. Орнаментальное поле составляют зоны ямок конической формы, дающих выпуклины-жемчужины с внутренней стороны, разделенные рядами гребенчатого штампа или овальными неглубокими вдавлениями. На ряде сосудов встречаются разреженные геометрические узоры (рис. 2: 1-3). Подобная посуда является типичной для неолитических памятников юго-западного и восточного Прионежья, позднельяловских на Верхней Волге [3;4]

Каменный инвентарь. На стоянке Мальгиничи изделия изготовлены из преимущественно местного серого с оттенками и коричневого кремня. Встречается сиреневый, вероятно, верхневолжский кремень, а также сланец, крайне редко кварц и лидит.

Среди отходов производства преобладают отщепы мелких и средних размеров - 156 экз., крупного обломочного материала практически нет. Нуклеусы представлены 3 предельно сработанными экземплярами высотой 1,5-2,0 см конической формы со следами снятия микропластин (рис.3: 15-16). Орудий - 78 экз. Преобладают пластины с ретушью утилизации, шириной 0,5-1,0 см - 30 экз. (рис.3: 1-2, 4-6). Сечения пластин - вкладыши (6 экз.) имеют укороченную форму, на одно нанесены резцовый скол и краевая ретушь (рис.3: 3). На пластине сделан обломок наконечника стрелы с выделенным черешком, обработанным противолежащей ретушью по краю. Найден крупный наконечник копья листовидной формы, обработанный ретушью с двух сторон (рис.3: 20). Наиболее выразительной серией орудий представлены скребки (38 экз.). Для их изготовления использовались плоские или высокие отщепы с концевой либо круговой формой лезвия (рис.3: 7-14). Встречаются скребки на площадках нуклеусов и на пластинчатых отщепах (рис.3: 14). Небольшую, но выразительную серию представляют рубящие орудия из сланца. К ним относятся 2 топора прямоугольной формы, овальные в сечении, с узким заточенным лезвием (рис.3: 21) и трапециевидное тесло

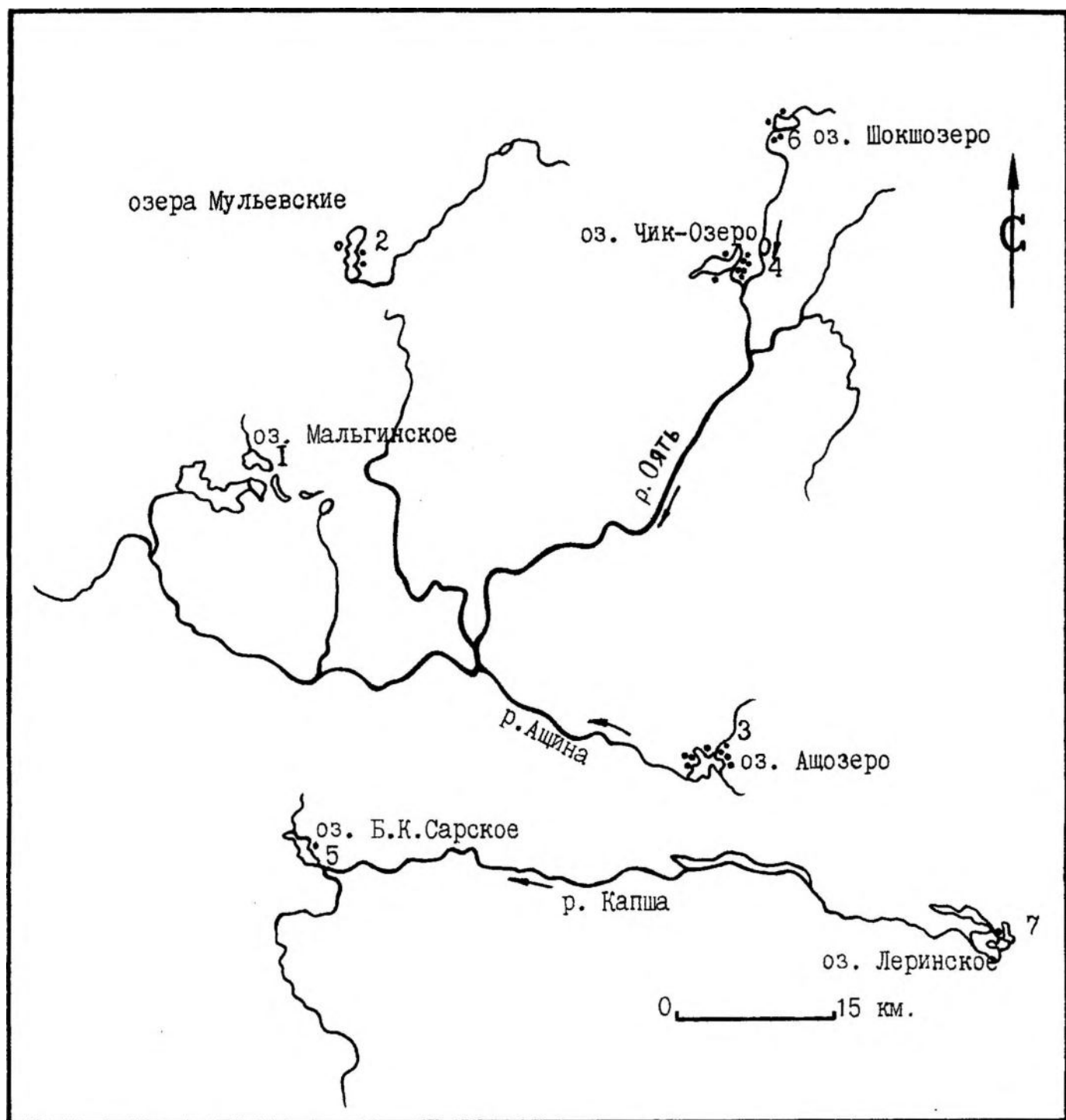

Рис. 1. Схема расположения памятников:
 1 - Мальгиничи; 2 - Мульевская; 3 - Ащозеро I-VII, VIIa, VIII-XI; 4 - Падань I-IV;
 5 - Бол. Конец Сарская; 6 - Шокша I-III; 7 - Леринская

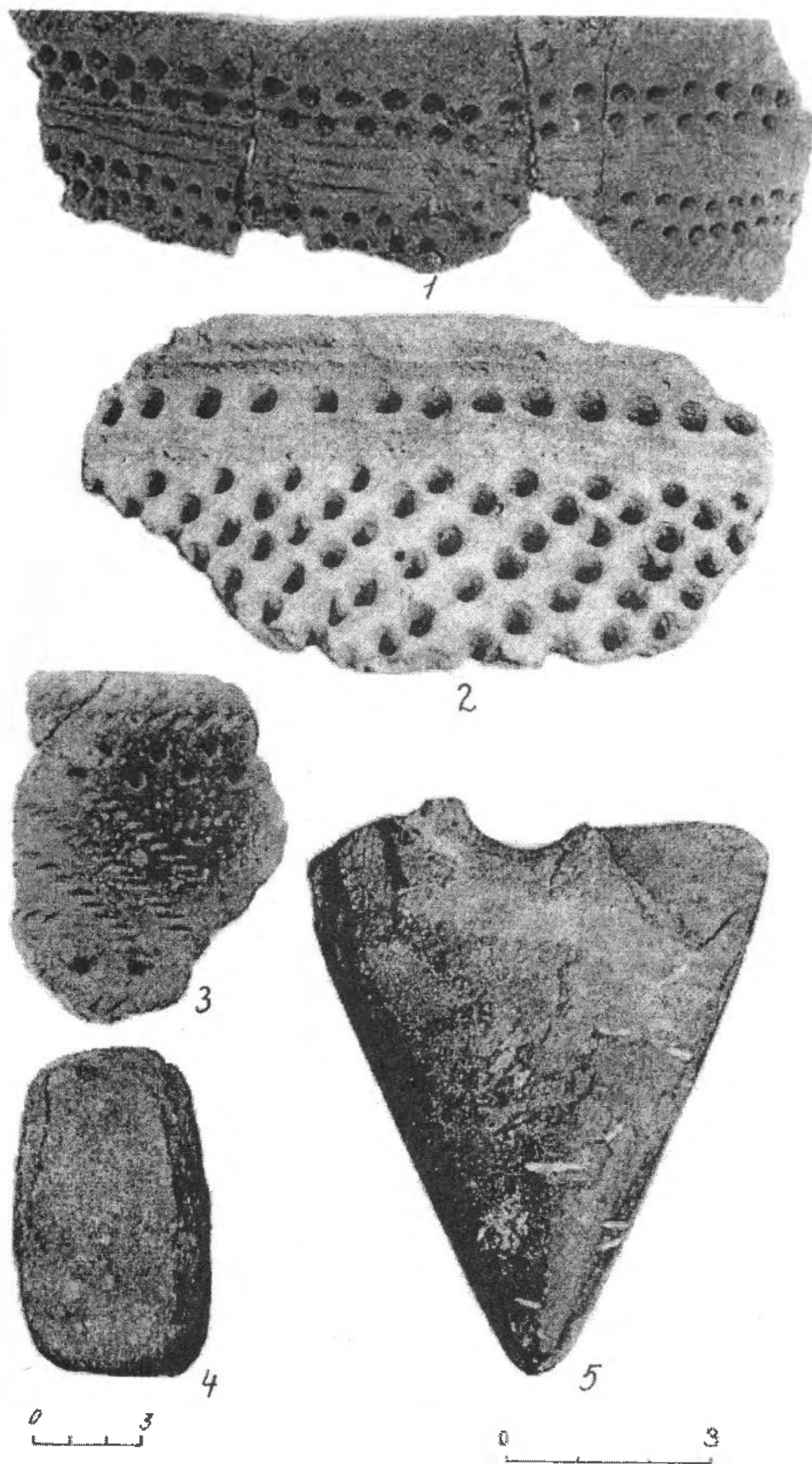

Рис. 2. Керамика и каменный инвентарь стоянок:
1,3 - Ашозеро VII; 2,4,5 - Мальгиничи

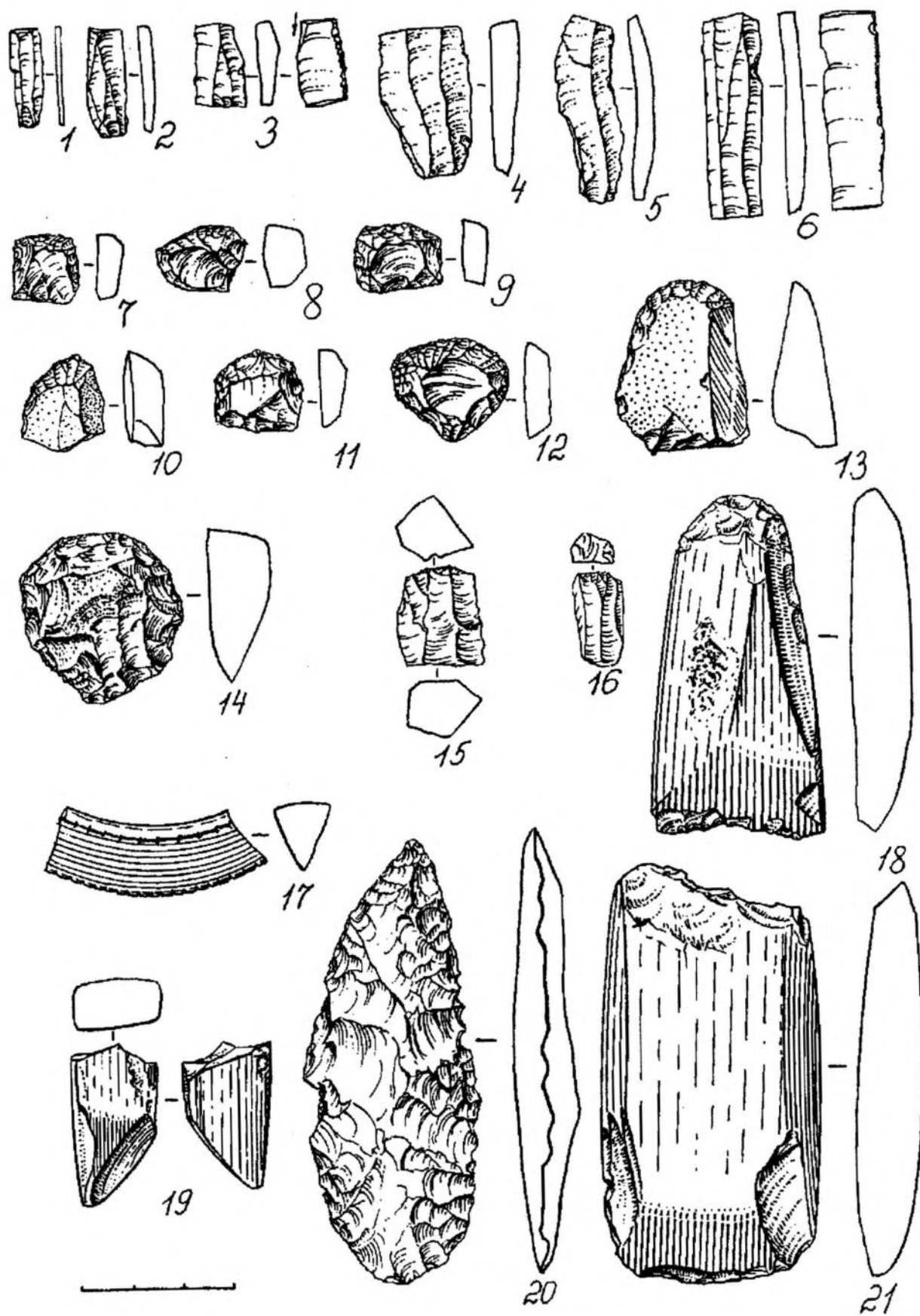

Рис. 3. Каменный инвентарь стоянки Мальгиничи

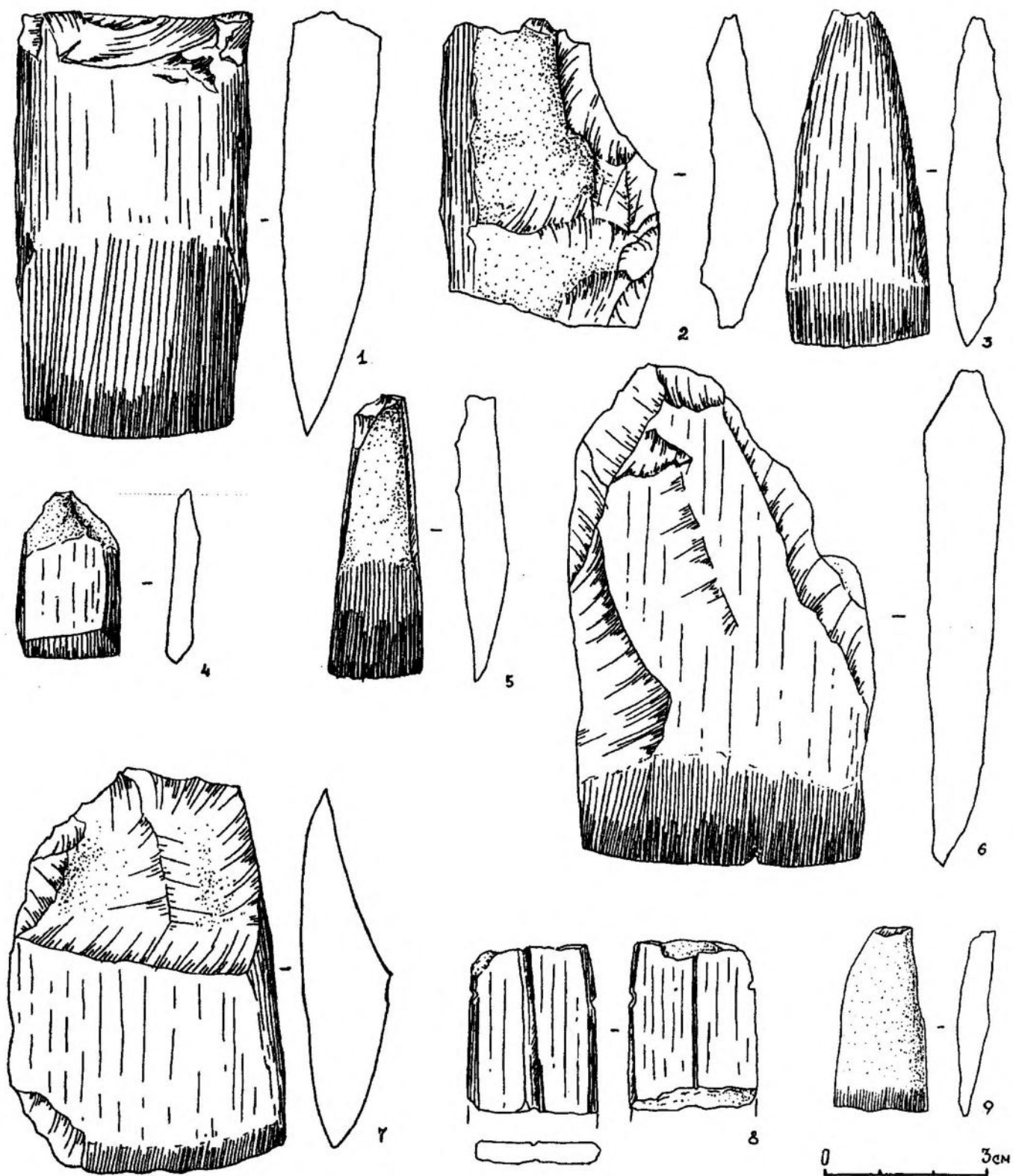

Рис. 4. Каменный инвентарь стоянок:
1-3, 6-9 - Мульевская; 4,5 - Ащозеро VII

с прямым выкрошенным рабочим краем (рис.3: 18). Есть два обломка мелких тщательно отшлифованных орудий, одно из которых, очевидно, было киркой (рис.3: 19). Обнаружен и обломок шлифовальной плиты из песчаника, а также пест из мелкозернистой породы (рис.2: 4).

Особо отметим два изделия. Одно является обломком сланцевого шлифованного кольца, подтреугольного в сечении, с насечками по внешнему краю (рис.3: 17). Подобные кольца являлись украшениями, но могли использоваться и как орнаментальные штампы. Они встречаются на памятниках с ямочно-гребенчатой керамикой в Карелии и Восточном Прионежье [3; 4, рис. 8, 9]. Другое - обломок крупной граненой сланцевой шлифованной мотыги с отверстием посередине (рис. 2: 5). Орудие аналогично изделиям с позднельяловских памятников Верхней Волги [5, рис. 8: 2].

Инвентарь Мульевской стоянки представлен орудиями из сланца, в основном теслами различной величины (5 экз. - рис. 4: 3-4, 6). Преобладают орудия подтрапециевидной формы с прямым хорошо заточенным лезвием. Два топора имеют прямоугольную форму и массивное клиновидное лезвие (рис. 4: 1, 7). Две сланцевые плитки, заточенные по краю, вероятно, служили пилами (рис. 4: 2). Из сланца изготовлено точило (?) - тонкая плиточка с желобком посередине (рис. 4: 8). Как и на Мульевской стоянке, найдены обломок шлифовальной плитки из песчаника и пест, заготовкой для которого послужило сломанное шлифованное сланцевое орудие. Сланцевые отходы (куски, отщепы) составляют 28,7% от всего инвентаря памятника.

Чрезвычайно беден набор изделий из кремня красно-коричневого и серого цвета, представленный нуклеидными обломками - 4 экз., скребком на продольном сколе с нуклеуса, пластинкой без ретуши, 2 отщепами с краевой ретушью и 4 отщепами без ретуши. Найдены также отщепы из кварца - 4 экз. и черной кремнистой породы - 9 экз.

На стоянке Ащозеро VII, напротив, большинство орудий сделано из красно-коричневого, серого с оттенками, белого местного и фиолетового верхневолжского кремня, редко из сланца и черной кремнистой породы. Основная масса находок - отщепы мелкой и средней величины - 462 экз. Нуклеусы представлены одним крупным экземпляром призматической формы, вторично использованным в качестве рубящего орудия, и 2 обломками. Пластины - 29 экз., шириной 0,7-1,2 см, практически все использовались без вторичной обработки. На пластинах изготовлены угловые резцы - 4 экз. Скребки - 43 экз. - на отщепках, площадках с нуклеусов, редко на пластинах неправильного огранения с концевым, круговым лезвием или лезвием, занимающим 3/4 окружности отщепки. Ножи преимущественно однолезвийные на пластинах и отщепках - 4 экз. Наконечник стрелы - листовидной формы без черешка с двухсторонней ретушью.

Орудия из сланца представлены обломками шлифованных топоров - 2 экз. и стамесками - 2 экз. (рис.4: 5, 9).

Таким образом, особенностью инвентаря стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой является сохранение пластинчатой техники изготовления орудий из местного кремня при увеличении изделий на отщепках (скребков) и из сланца. Среди небольшого количества наконечников стрел преобладают орудия листовидной формы без черешка или со слабо выделенным черешком, обработанные краевой или частичной двухсторонней ретушью. Пластинки и вкладыши (прямоугольной, иногда короткой формы) употреблялись в основном без вторичной обработки. Крайне редко использовались угловые резцы на сечениях пластин, проколки и концевые скребки на правильных пластинах.

Орудия из сланца имеют значительное сходство на всех рассмотренных памятниках и могут служить эталоном для выделения их в коллекциях со смешанных стоянок (Падань I, Ащозеро VIII). К ним относятся массивные топоры прямоугольной формы с клиновидным лезвием и подтрапециевидной формы тесла с пологими хорошо заточенными рабочими краями, от крупных до мелких; небольшие широкие стамески с узким тонким лезвием.

В целом, по своим признакам инвентарь стоянок достаточно типичен для памятников с ямочно-гребенчатой керамикой бассейна Онежского озера и отчасти Верхнего Поволжья и отражает процесс унификации производства каменного инвентаря неолитическим населением региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусенцова Т. М., Андреева Н. А. Итоги изучения памятников эпохи камня в северо-восточных районах Ленинградской области // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
2. Гусенцова Т. М., Андреева Н. А. Некоторые особенности изготовления раннеолитической керамики Межозерья // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
3. Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
4. Lobanova Nadezhda. Economy and mode of life of the neolithic population on the eastern shore of Lake Onega // Fennoscandia archaeologica. 1995. XII.
5. Сидоров В. В. Многослойные стоянки верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.

*Дворец детского и юношеского творчества,
Ленинградский областной музейный центр,
Санкт-Петербург*

T.M. Gusentsova, N.A. Andreeva

**STONE INVENTORY OF THE NEOLITHIC SITES WITH PIT-COMB CERAMICS IN THE OYAT' BASIN
(Leningrad Region)**

Summary

The article deals with stone inventory found in the sites with pit-comb ceramics in the Oyat' basin. The analysis shows that in producing tools locally found flint and schist were used as a rule. The technique used in production of tools, such as plates - inserts, cutters, as well as arrow-heads, was traditional. The most numerous were such tools as high scrapers with round edges, leaf-shaped arrow-heads, as well as cutting tools made of schist - massive axes and chisels of various sizes. The types of tools and weapons, as well as tool kits are similar to those found in the Neolithic monuments near the Onega and the Upper Volga.

*Palace of Infant and Adolescent Art
4, b.2, Santjago de Cuba St.,
St.Petersburg, 194291, Russia
The Leningrad Region Museum Centre
57, Lyteiny Ave., St. Petersburg,
190000, Russia*

К.Э. Герман

РАННЯЯ ГРЕБЕНЧАТАЯ КЕРАМИКА В БАССЕЙНЕ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

Ранняя гребенчатая керамика (согласно периодизации финского неолита, стиль I:2) была впервые найдена на территории Карелии на стоянках Ерпин Пудас I, Выгостров II (Лисья Гора), Остров Шойшуркшин, расположенных в низовьях реки Выг, в конце 1950-х гг. и получила название керамики прибалтийско-финского типа. Ю.А.Савватеев связал ее с комплексом керамики сперрингс, содержащейся на этих стоянках, исходя из сходства формы венчиков и построения орнамента [1, с.52-91]. Но он также отметил, что "сосуды с гребенчатой орнаментацией встречаются и после сперрингс, вместе с ямочно-гребенчатыми, на которые оказали, видимо, определенное влияние" [2, с.40].

После раскопок в 1960-х гг. стоянок с относительно чистыми комплексами керамики сперрингс и тех, в которых она находится вместе с другими типами керамики (Пиндуши III, Сандермоха IV, Войнаволок XXVIII и др.), выяснилось, что везде в незначительном количестве (1-2 сосуда) содержится ранняя гребенчатая керамика. По мнению Г.А.Панкрушева, "она возникла вместе с керамикой сперрингс, в среде тех же племен" [3, с.54]. Доказательством этому он считал наличие подобной керамики на стоянке Пиндуши III, являющейся самой ранней в соответствии с им же самым разработанным графиком высотных датировок. П.Э.Песонен также полагает, что ранняя гребенчатая керамика составляет единый комплекс со сперрингс, так как форма сосудов, их размеры, форма венчиков совпадают, стратиграфически она не выделяется в культурном слое и часто встречается в одной яме, либо в одном очаге со сперрингс. Однако, по ее мнению, она появляется на стоянках, датированных вторым хронологическим периодом развития культуры сперрингс, примерно с сер. IV тыс. до н.э. [4, с.80].

В Финляндии стоянки с ранней гребенчатой керамикой в целом занимают более низкие террасы на побережье Балтийского моря, чем стоянки с керамикой сперрингс (стиль I:1), хотя самая ранняя керамика, орнаментированная гребенчатыми отпечатками, появляется на поздней стадии развития сперрингс [5, с.177-179; 6, с.40-71]. Нижняя хронологическая граница ранней гребенчатой керамики в Финляндии - 3300 - 3200 лет до н.э. После этого начинается распространение типичной гребенчатой керамики, которая датируется 3300 - 2900 лет до н.э. [7, с.24-26]. Некоторые финские археологи считают, что типичная гребенчатая керамика в целом продолжает традиции гребенчатого стиля I, и как промежуточный этап между ними определяют керамику якярля [8; 9, с.14; 10, с.23].

При рассмотрении керамических комплексов со стоянок культуры сперрингс, раскопанных на достаточно больших площадях, видно, что в каждом из них имеется ранняя гребенчатая керамика. Поэтому автоматически считать все эти комплексы относящимися к позднему этапу культуры сперрингс, по-видимому, неверно. Тем более, что и сама ранняя гребенчатая керамика явно неоднородна и ее можно разделить на четыре группы.

Исходя из периодизации финского неолита, самой ранней гребенчатой керамикой (первая группа) можно считать ту, которая содержится на стоянках Уя III, Шелтозеро VIII, Оровнаволок V, Войнаволок XXVIII, Челмужская I, Тудозеро V (нижний слой), Большой Гурий остров (рис.1-2). На всех этих стоянках выделяются по 2-4 сосуда данной керамики. Большая часть из них небольших размеров (диаметр одного сосуда 11 см), толщина стенок 0,6 - 0,9 см. Тесто сосудов хорошего обжига, с примесью мелко истолченной дресвы. Орнаментированы по тулову горизонтальными рядами прямо- или наклонно поставленного 3-5-зубчатого гребенчатого штампа, которые тесно прилегают друг к другу. Иногда между рядами штампа проходят редкие пояски, состоящие из небольших конических ямок. Данная посуда имеет много общих черт с керамикой сперрингс, что уже ранее отмечалось исследователями.

Ко второй группе можно отнести керамику, содержащуюся в комплексах стоянок Войнаволок XX, Сандермоха II, Пиндуши III, Соломенное IV, Шелтозеро X, Сулгу Va, Тудозеро V (нижний слой) (рис.3). Сосуды становятся больше размерами (диаметр одного из них 18-19 см), толщина стенок 0,7-1,2 см. Тесто сосудов хорошего обжига, но становится грубее, чем у первой группы. Начинается орнаментация венчиков, но

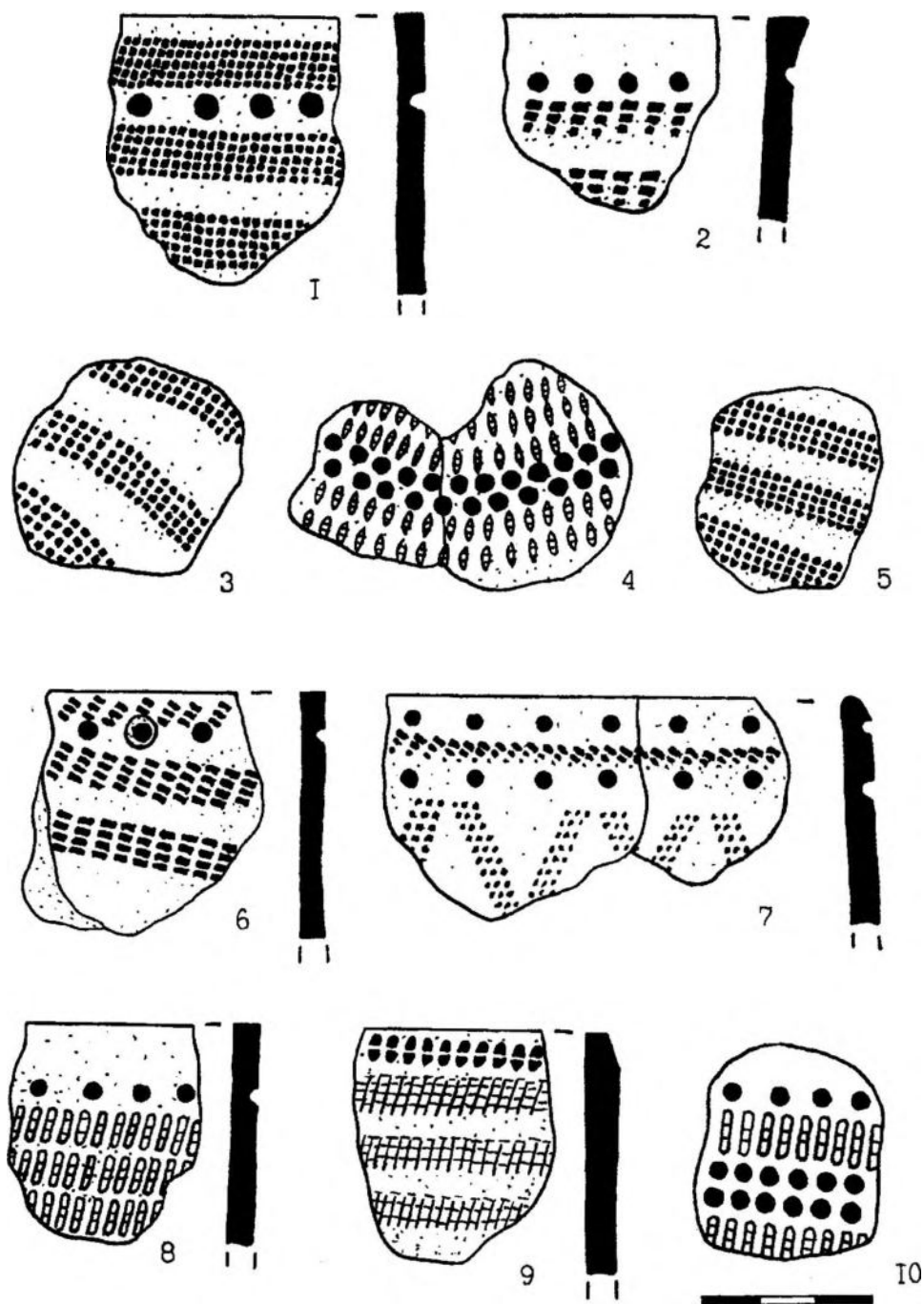

Рис. 1. Керамика первой группы:
 1-3 - Уя III; 4 - Шелтозеро; 5 - Оровнаволок V; 6-7 - Войнаволок XXVIII;
 8 - Челмужская I; 9-10 - Тудозеро V (нижний слой)

форма их в основном остается прежней: прямые, плоскосрезанные. Тулово сосудов украшено сплошными вертикальными зигзагообразными полосами из оттисков 5-10-зубчатого гребенчатого штампа. На основной узор нанесены редкие ямки. Появляется новый элемент орнамента: подромбические оттиски, которые выполняют роль разъединительных поясов между рядами оттисков гребенчатого штампа (рис.3:5) или образуют самостоятельный узор (рис.3:7). Гребенчатый штамп становится похожим на аналогичный в гребенчато-ямочной керамике.

Керамика второй группы встречается со сперрингс на стоянках Войнаволок XX и Сандермоха II, занимающих самые низкие гипсометрические отметки относительно уровня Онежского озера (соответственно 10,3 и 9,7 м), ниже которых керамика сперрингс не встречается. Последняя украшена только отступающей лопаточкой и подромбическими оттисками и имеет определенное сходство с керамикой второй группы (рис.4:5-7).

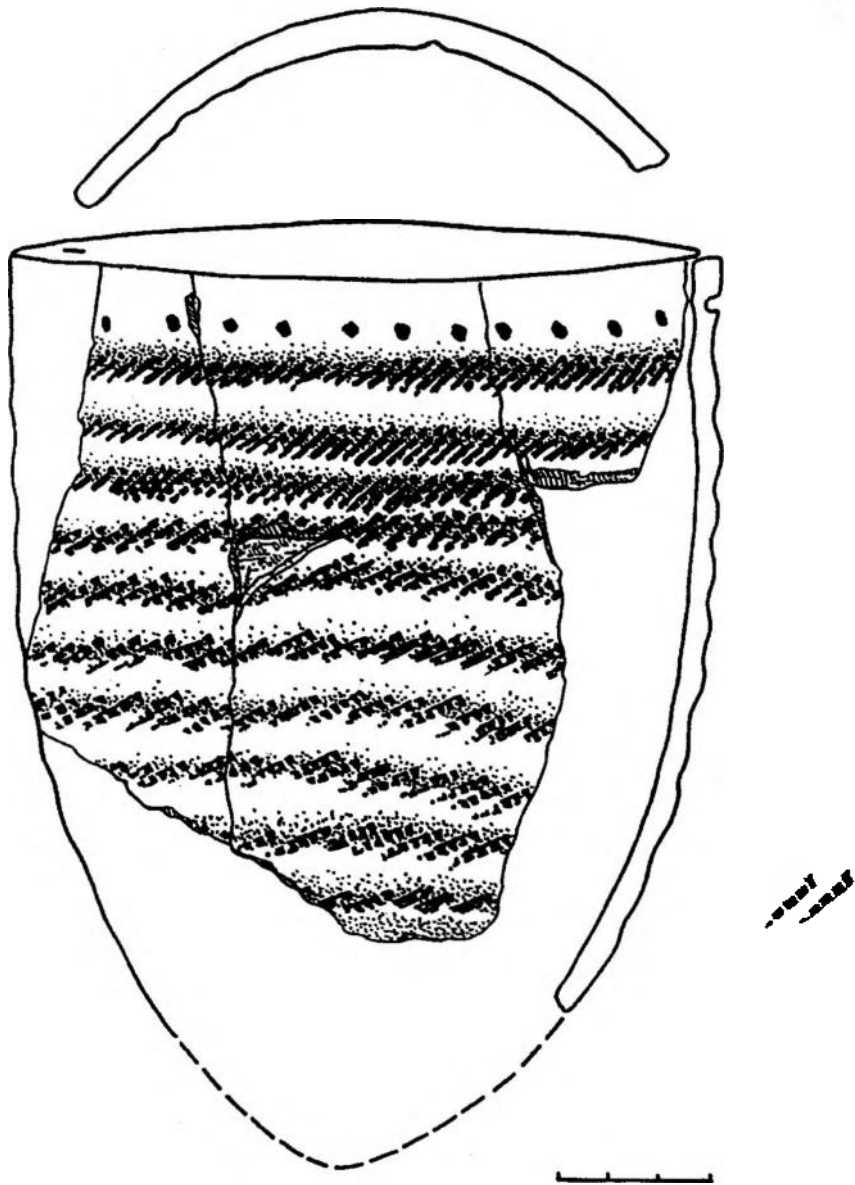

Рис. 2. Реконструированный сосуд со стоянки
Большой Гурий остров

ментированные венчики, форма и расположение в орнаменте гребчатого штампа. К сожалению, стоянки с керамикой четвертой группы раскопаны на небольших площадях (Пиндуши Ia - 24 кв.м, Пиндуши II - 40 кв.м), что не дает возможности определить: образует данная керамика самостоятельные комплексы или нет.

Главным выводом является то, что ранняя гребчатая керамика со стоянок бассейна Онежского озера не представляет собой единого нерасчленимого комплекса, как считалось ранее. В ней можно выделить не менее четырех групп, каждая из которых, видимо, характеризует определенный этап ее развития. Данная керамика появляется в комплексах керамики сперрингс, но доказательств, что это происходит на позднем этапе развития культуры сперрингс, нет. В кон. IV тыс. до н.э. в керамике сперрингс могла произойти смена прочерченного и отступающего элементов орнамента на оттиск гребчатого штампа. К этому времени уже мог исчезнуть позвоночный элемент орнамента, по крайней мере, он не встречается на стоянках Войнаволок XX и Сандермоха II, которые можно рассматривать, исходя из высотных данных, как наиболее поздние памятники культуры сперрингс. Появление гребчатого штампа на поздних этапах развития ранне-неолитических культур присуще многим из них (например, на территории Финляндии, на Верхней Волге, в Ловатско-Двинском междуречье).

В заключение можно отметить, что дальнейшие исследования памятников, содержащих раннюю гре-

Керамика третьей группы представлена на стоянках Пиндуши XIX, XXII, Пески III, в могильнике Сандермоха (рис.4). Она фиксируется в единичных экземплярах и не встречается с керамикой сперрингс. Это крупные (диаметром 25-30 см), толстостенные сосуды (0,9-1,2 см) хорошего обжига, с примесью крупной несортированной дресвы в тесте. Они орнаментированы по всему тулову наклонно поставленными оттисками 5-10-зубчатого гребчатого штампа. Венчики утолщены, скошены внутрь и орнаментированы по срезу. По размерам сосудов, обжигу, форме и орнаментации венчиков, построению орнамента керамика третьей группы близка гребчато-ямочной [11, с.104-125], но она также близка керамике второй группы: по толщине сосудов, составу теста и форме гребчатого штампа.

Керамика четвертой группы содержится на стоянках Пиндуши Ia и II (рис.5). На первой стоянке выделяется 8 сосудов, на второй - 6. Данная керамика своеобразна, так как ее нельзя с уверенностью отнести ни к ранней гребчатой, ни к ямочно-гребчатой; с комплексом последней она была найдена на стоянке Пиндуши II. Представлена сосудами различных размеров (диаметром 12-30 см) с толщиной стенок 0,4-1,1 см, хорошего обжига, с примесью в тесте мелко истолченной дресвы, с прямыми плоскосрезанными венчиками. В орнаментации самостоятельную роль играют круглоконические ямки диаметром 0,4-0,6 см, которые расставлены в шахматном порядке и образуют большие зоны. Сверху на них нанесены оттиски наклонно поставленного гребчатого штампа (рис.5:2,5,6). С ямочно-гребчатой данную керамику сближает большое количество ямок, их форма, расположение в орнаменте; с ранней гребчатой - прямые неорна-

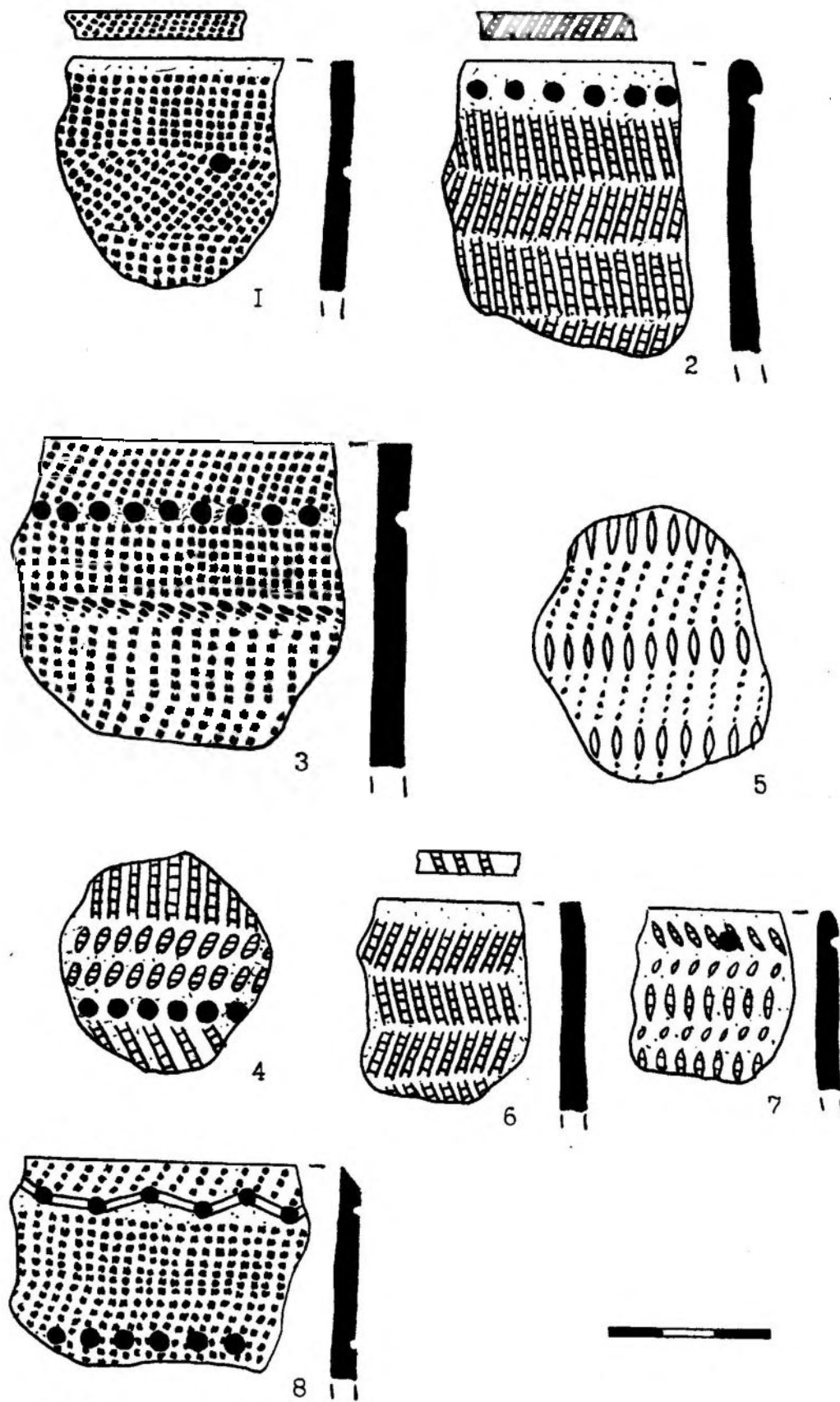

Рис. 3. Керамика второй группы:
 1 - Пиндуши III; 2 - Пиндуши Ia; 3-4 - Сандермоха II; 5 - Соломенное IV; 6 - Тудозеро V (нижний слой);
 7 - Шелтозеро X; 8 - Сулгу Уа

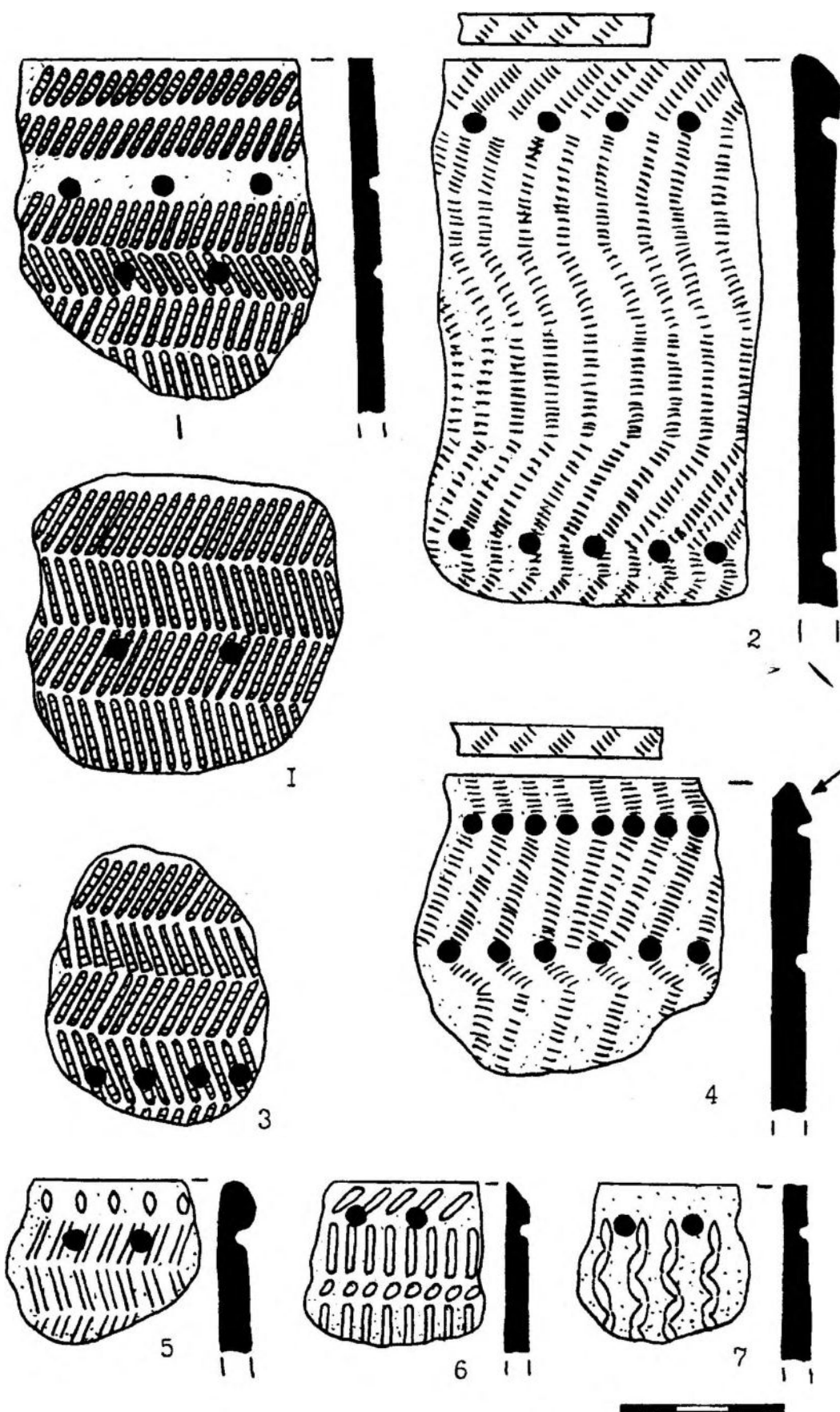

Рис. 4. Керамика третьей группы:
 1 - Пиндуши XIX; 2 - могильник Сандермоха; 3 - Пиндуши XXII; 4 - Пески III; 5-7 - Войнаволок XX

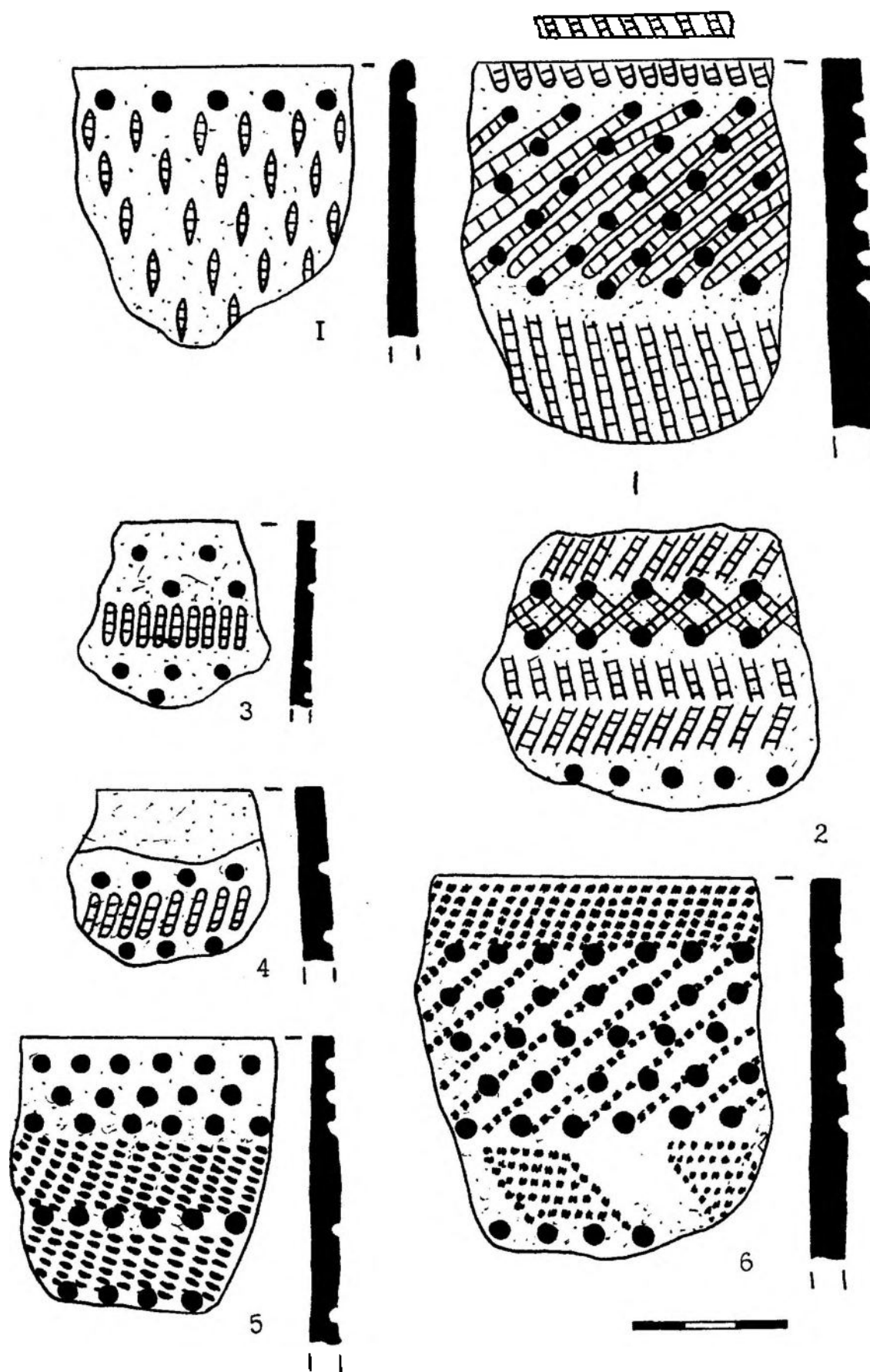

Рис. 5. Керамика четвертой группы:
1,2 - Пиндуши Ia; 3-6 - Пиндуши II

бенчатую керамику, возможно, помогут доказать, что керамика сперрингс, испытав влияние ямочно-гребенчатой, не исчезает бесследно, а продолжает развиваться, сменяв орнаментацию, и участвует в образовании гребенчато-ямочной или типичной гребенчатой керамики, которая, по общему мнению, возникает в области Карельского перешейка [12, с.62-70].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савватеев Ю.А. Неолитические поселения в низовье реки Выг // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.
2. Савватеев Ю.А. Залавруга. Ч.2. Л., 1977.
3. Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Ч.2. Неолит. Л., 1978.
4. Песонен П.Э. Хронология и периодизация культуры сперрингс // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
5. Ayräpää A. Die relative chronologie der Steizeitlichen keramik in Finland // AA. 1930. I
6. Siiräinen A. Über die Chronologie der steinzeitlichen Kustenwohnlätze Finnlands im Lichte der Uferverschiebung // SM. 1969.
7. Huurre M. 9000 vuotta Suomen esihistoria. Helsinki, 1979.
8. Edgren T. Jäkärälä-gruppen. En västfinsk kulturgrupp under yngre stenålder // SMYA. 1964.
9. Siiräinen A. Studies relating to shore displacement and Stone Age chronology in Finland // FM. 1973.
10. Мейнандер К.Ф. Финны - часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник. М., 1982.
11. Витенкова И.Ф. Хронология поселений с гребенчато-ямочной керамикой // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
12. Ошибкина С.В. Неолит лесной зоны и севера Восточной Европы (к проблемам финно-угристики) // ПАВ. № 9. 1995 г.

*НИИ по охране и использованию
памятников истории и культуры
Министерства культуры
Республики Карелия,
Петрозаводск*

K.E.Herman

EARLY COMB CERAMICS IN THE ONEZHSKOYE LAKE BASIN

Summary

The early comb ceramics was for the first time found on the territory of Karelia during excavations in the lower Vygh river. The ceramics found relates to the Sperrings culture pottery recovered at the settlements in this area.

According to P. Pesonen, the early comb ceramics appeared in the Sperrings culture sites from the middle of the IV millenium B.C., at the same time as it appeared in Finland where it was defined as style 1:2 and dated by 3600 - 3300 B.C.

Taking into consideration differences in form and size of the vessels, as well as in the ornamental patterns, the author defines four subsequent chronological groups in the Karelian comb ceramics. The fourth of these groups partakes in formation of the comb-pit pottery (Finnish style 2:1) which appeared, as it is generally accepted, in the Karelsky Isthmus area.

*The Research-Industrial Centre
for Protection and Use of
Monuments of History and Culture,
The Ministry of Culture,
Republic of Karelia
12, M.Slobodskaya St., Petrozavodsk,
185620, Republic of Karelia,
Russian Federation*

В.И.Тимофеев

ЦЕДМАРСКАЯ КУЛЬТУРА В НЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

Впервые неолитические находки из Цедмарского торфяника (расположен в Озерском р-не Калининградской обл., до окончания второй мировой войны - округ Даркемен бывшей Восточной Пруссии) получили известность в начале нашего столетия, после любительских раскопок, проведенных в 1905-1914 гг. прусским генералом К.Штади. Судя по короткой информации, опубликованной К.Штади [1], были вскрыты значительные площади (точные размеры раскопов неизвестны) на двух неолитических стоянках, названных им Цедмар А и Цедмар Д. Материалы стоянок, большей частью, утрачены в годы второй мировой войны (за исключением небольшой коллекции, хранящейся сейчас в музее г.Ольштына, Польша), методы раскопок К.Штади были весьма критически оценены другими немецкими авторами, прежде всего Г.Гроссом [2].

Проблема хронологического положения и культурной атрибуции цедмарских материалов многие годы дискутируется в отечественной и польской, а также, отчасти, немецкой и скандинавской литературе. Вскоре после раскопок К.Штади крупный немецкий археолог В.Гёрте [3;4], анализируя находки неолитической керамики, известные на территории Восточной Пруссии, отнес стоянки Цедмар А и Д к первой половине неолита, выделив несколько групп керамики - древнейшую, "Цедмар-Эртебёлле", культуры воронковидных кубков и культуры гребенчато-ямочной керамики, а также более позднюю шнуровую керамику. Позднее К.Энгель и В. Ля-Бом [5, рис.4] и А.Европеус [6, с.214] включали Цедмар А и Д в рамки культуры гребенчато-ямочной керамики. Х.Гросс [2, с.100 и сл.] разделил коллекции Цедмара на несколько хронологических групп: поздний неолит, средний неолит (находки культуры воронковидных кубков и культуры гребенчато-ямочной керамики), ранняя гребенчатая керамика и ранненеолитическая керамика "типа Цедмар-Эртебёлле". Многочисленные находки костяных и роговых орудий он поделил на две группы, одну из которых рассматривал как связанную с керамикой "типа Цедмар-Эртебёлле", вторую - как особый мезолитический комплекс, родственной кундской индустрии. Э.Штурмс, знакомый с коллекциями К.Штади, в изданной посмертно монографии [7, с.77 и сл.] предположил, что находки из Цедмарского торфяника относятся к особой цедмарской культуре, отметив также, что неясно, материалы одной или нескольких культур представлены в коллекциях. Сходное мнение было высказано в 1950-х гг. А.Европеусом [8, с.37 и сл.]. Отсутствие в литературе четких данных о характере памятников и подробных, невыборочных характеристик состава находок привело к разнообразию мнений, высказанных и в более позднее время исследователями, знакомившимися с материалами преимущественно по публикациям. Наибольший отклик нашло положение о древней неолитической культуре, родственной культуре эртебёлле Скандинавии и севера Германии, впервые высказанное В.Гёрте [3] и наиболее аргументированное Х.Гроссом [2]. Это мнение разделяется в публикациях А.Гардавского [9], Р.Индреко [10], Д.Я.Телегина [11], Л.Ю.Янитса [12], В.Н.Даниленко [13]. Ряд исследователей писали о принадлежности цедмарских стоянок (или части их материалов) к особой ранненеолитической культуре, предшествующей распространению гребенчатой керамики [8; 14; 15 и др.], особой культуре Цедмар [7] или серовской (по названию поселка, существовавшего в 1950-60-е гг. в районе стоянок) культуре [16; 17 и др.]. Высказывались также мнения о принадлежности стоянок (или части их материалов) к ранней стадии культуры гребенчато-ямочной керамики [18], о генетической связи "гребенчатой" керамики Польши с древнейшими материалами Цедмара [19], о влиянии на цедмарские материалы со стороны носителей керамики сперрингс - ранней гребенчатой керамики стиля I : 1 [20]. Кроме того, некоторые находки из коллекций Цедмара А и Д включаются в состав жушевской культуры [21]. Т.Сулимирским высказано в связи с этим мнение, что, возможно, решение проблемы происхождения культуры шнуровой керамики следует искать в исследованиях торфяниковых стоянок бывшей Восточной Пруссии [22].

Одной из существенных причин, породивших противоречивость высказанных в литературе мнений при оценке цедмарских материалов, являлась ненадежность источниковедческой базы. Уже специалистами

1930-х гг. методика раскопок К.Штади оценивалась очень низко [2, с.101; 7, с.77]. В.Гёрте, во многом прививавший наблюдения К.Штади, отмечал, что какое-либо поглубинное разделение материалов из его раскопок отсутствует [4, с.520]. Кроме смешанности материалов из разных горизонтов поселений имела место смешанность коллекций стоянок Цедмар А и Цедмар Д между собой. К этому выводу подводит тот факт, что в имеющихся публикациях целый ряд находок из раскопок К.Штади приведен без указания названия стоянки, как происходящей просто “из Цедмара”. Как писал Х.Гросс [2, с.122], инвентарные номера на предметах из цедмарских коллекций К.Штади отсутствовали. Можно привести пример из нашей практики, когда в процессе раскопок в 1977 г. поселения Цедмар Д был найден фрагмент сосуда со сложным, специфичным орнаментом. Другая часть явно того же сосуда в публикации В.Гёрте находок К.Штади приведена как происходящая из коллекции Цедмара А [3, рис.256].

Другой важной причиной, осложнявшей в 1930-60-е гг. решение вопросов культурной атрибуции и датировки цедмарских находок, была слабая в то время изученность собственно восточноприбалтийского неолита. Материалы Цедмара сравнивались прежде всего с наиболее изученными, но территориально далекими культурами Южной Скандинавии и Финляндии. После открытия и частичного исследования в 1960-80-е гг. в восточной части Балтийского региона двух основных для этой территории неолитических культур - нарвской и неманской, закономерно появились новые версии атрибуции цедмарских материалов. Так, к ареалу нарвской культуры отнесла Калининградскую обл. в одной из своих работ Н.Н.Гурина [23, рис.6], к сарнатской культуре (родственной нарвской или, как считают многие исследователи, являющейся одним из вариантов нарвской) отнесла стоянки Цедмара Л.В.Ванкина [24, с.143-144]. Мнение о нарвской атрибуции цедмарских материалов высказано также знакомившимися и с материалами наших раскопок 1970-х гг. Е.Кемписты [25, с.204], А.Гириникасом [26, с.119 и сл.]. В противовес этому, другой авторитетный исследователь восточноприбалтийского неолита Р.К.Римантене относит цедмарские стоянки к неманской неолитической культуре [27, с.221; 28, с.112 и др.].

В 1970-90-е гг. автором были проведены исследования, давшие новые, документированные материалы, а также существенно уточнившие стратиграфию памятников [29]. На стоянках Цедмарского торфяника было вскрыто около 1100 кв.м, еще один памятник с материалами цедмарского типа был открыт и частично раскопан в 50 км к северо-востоку от Цедмара в торфянике Утиное Болото [30; 29; 31]. На северо-востоке Польши, в Сувалкском воеводстве, ряд лет исследуется стоянка Дудка I, видимо, соответствующая пункту Рёстер-Визен Л.Килиана [32], с материалами, очень близкими неолитическим находкам Цедмарского торфяника [25; 33; 34].

Многочисленные новые материалы показывают своеобразие данных памятников, которые, на наш взгляд, следует относить к особой локальной неолитической культуре. Близкого мнения придерживаются и польские исследователи [33; 34]. Серия радиоуглеродных дат, полученных для всех известных сейчас памятников [35], уточняет время существования цедмарской культуры в пределах около 5600 - 4800 л.н. по “некалиброванной” радиоуглеродной шкале (рис.1), что соответствует второй половине раннего - началу развитого неолита в Восточной Прибалтике. Для комплексов цедмарской культуры характерна плоскодонная керамика (рис.2: 4-7; рис.3: В). Плоское дно появляется здесь значительно раньше, чем на остальной части Восточной Прибалтики, где это произошло лишь в позднем неолите. Остродонные сосуды (именно находка острого днища архаичного типа послужила в 1920-30-е гг. основанием для сопоставлений с материалами культуры эртебелле) на поселениях единичны. Характерно сочетание двух технологических групп керамики: 1) с органической и раковинной примесью и 2) с минеральной примесью в керамическом тесте. Технология I группы традиционна для ранней керамики Восточной Прибалтики, технология II группы - скорее всего, отражает западные связи населения цедмарской культуры. Сосуды обеих групп существовали одновременно, что подтверждается не только стратиграфическими и планиграфическими наблюдениями, но и прямым датированием керамики обеих групп по пищевому нагару на внутренней поверхности сосудов [36]. Подобное сочетание технологий не характерно ни для нарвского, ни для неманского керамических комплексов. Сосуды цедмарской культуры орнаментировались преимущественно по верхней части тулова, а также днищу. Характерна орнаментация насечками, а также ямчатыми вдавлениями (рис. 2; 3: А). Наиболее распространенная цедмарская орнаментика (насечками) встречается в нарвской и неманской культурах на отдельных сосудах, не составляя сколько-нибудь значительных серий. Для цедмарского кремневого инвентаря характерно использование как заготовок отщепов и довольно крупных, широких пластин (рис.4), наличие ланцетовидных острий (рис.4: 1, 4-8), небольшого количества трапеций (рис.4: 9,10), иногда - “наконечников с поперечным лезвием”. Этот набор инвентаря более близок к неманскому, при наличии существенных отличий. В частности, рубящие орудия цедмарской культуры не кремневые, они изготовлялись из сланцевых и других пород, характерна полная шлифовка поверхности (рис.4: 29). Кремневый инвентарь основных комплексов изучен трасологически (Н.Н.Скакун, Л.Г.Чайкина). Характерно преобладание орудий, связанных с обработкой шкур, работой по дереву, а также с разделкой мяса [37]. В целом, этот набор операций, видимо, свойствен охотничьим коллективам “лесного” неолита. Для характерных нарвских и неманских коллекций серийных определений нет. На рис. 4: Б представлена гистограмма соотношения основных функциональных групп орудий эталонного восточного скопления на стоянке Утиное Болото I. Количество костяного/рогового инвентаря в комплексах варьирует. В материалах стоянки Утиное Болото I, где особенно много кремневых орудий (что в целом не характерно для бедного кремневым сырьем ареала), орудия из кости и рога немногочисленны. Серии костяных/роговых орудий дают стоянки Цедмарского торфяника. Материалы стоянок Цедмар А и Цедмар Д показывают, что

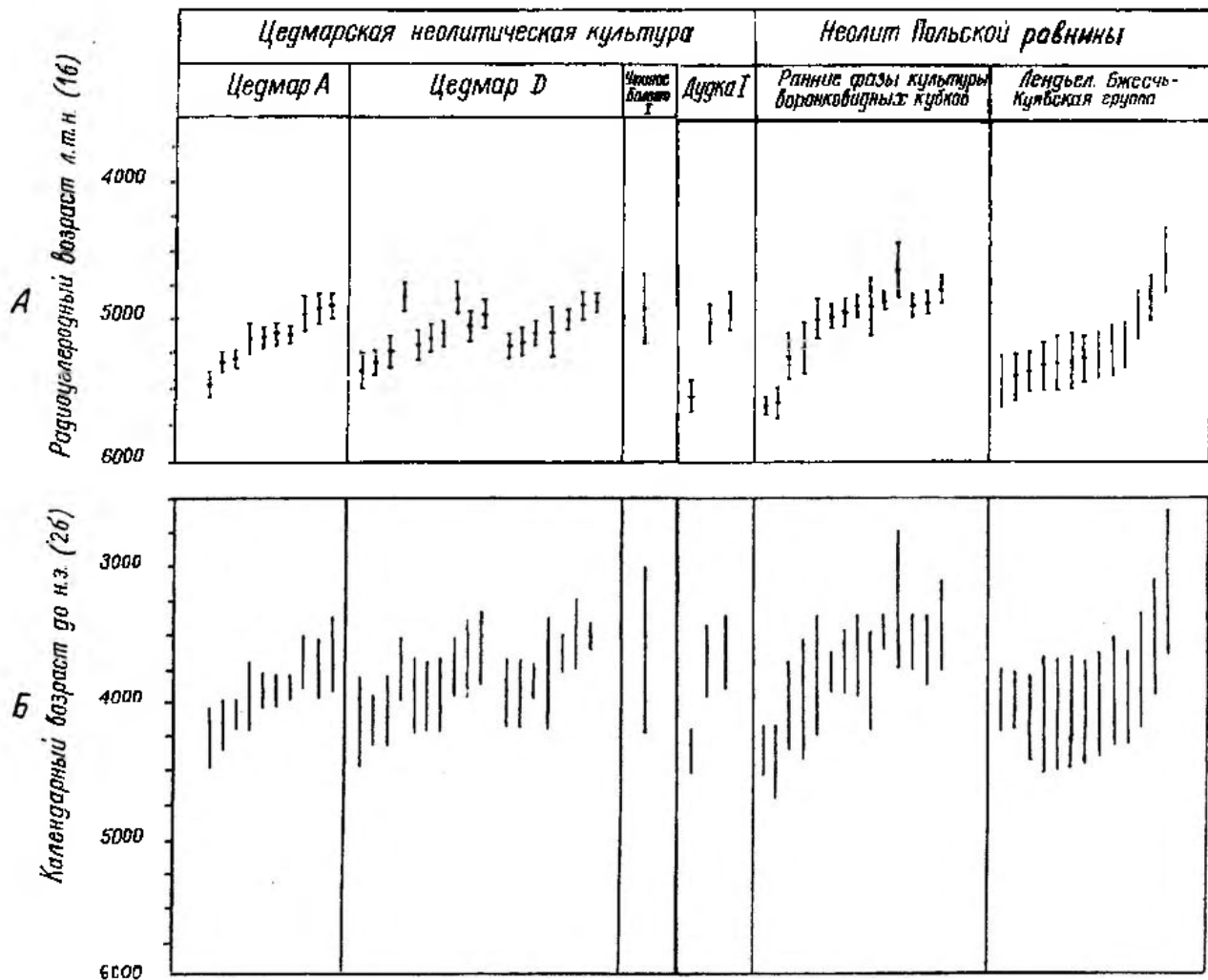

Рис. 1. Радиоуглеродные датировки памятников цедмарской неолитической культуры и синхронных культур Польской равнины: А - "некалиброванные" даты С-14, л. п. н.; Б - калиброванные даты, л. до н. э.

инвентарь с элементами кундских традиций быстро сменяется инвентарем центральноевропейского облика, основанным на широком использовании в качестве заготовки рога благородного оленя (рис.5). Наборы роговых орудий поселений Цедмар Д и Дудка I, где эти признаки наиболее выражены, в определенной мере напоминают индустрии синхронных западных соседей - культуры воронковидных кубков, лендзьельской, а также эртебелле.

Своеобразие облика материалов цедмарской неолитической культуры, на наш взгляд, обусловлено ее существованием на пограничье двух миров - неолита лесной полосы Восточной Европы и центральноевропейских культур, для которых характерны, в частности, производящее хозяйство и плоскодонная керамика. Взаимодействие двух традиций особенно заметно на материалах торфяникового поселения Цедмар Д (вскрыто более 800 кв.м). Значительная часть сосудов этого поселения имеет минеральную примесь в тесте (появившаяся в технологии производства керамики в Центральной Европе и Скандинавии раньше, чем в Восточной Прибалтике, где для раннеолитической керамики характерна раковинная и органическая примесь), а в орнаментации присутствуют мотивы, видимо, не восточнобалтийского происхождения (рис.3). В культуре воронковидных кубков находит аналоги характерная для "лесного" неолита "воротничковая" форма венчика отдельных сосудов (рис.3: Б). О параллелях роговой индустрии этого поселения (рис.5) говорилось выше. Взаимоотношения цедмарской культуры с культурами носителей производящего хозяйства, занимавшими обширные пространства к западу и юго-западу от ее ареала, вероятно, более соответствовали предложенной М.Цвелебилем и П.Ролей-Конви [38; 39] модели "первой фазы развития земледельческого фронта", характеризующейся отношениями своеобразной "кооперации" между коллективами носителей разных типов экономики. Как видно из состава фаунистических коллекций стоянок цедмарской культуры (определения Н.М.Ермоловой и А.В.Гальченко [29, с.164-165]), хозяйство ее носителей оставалось присваивающим, с преобладанием охотничьего уклада.

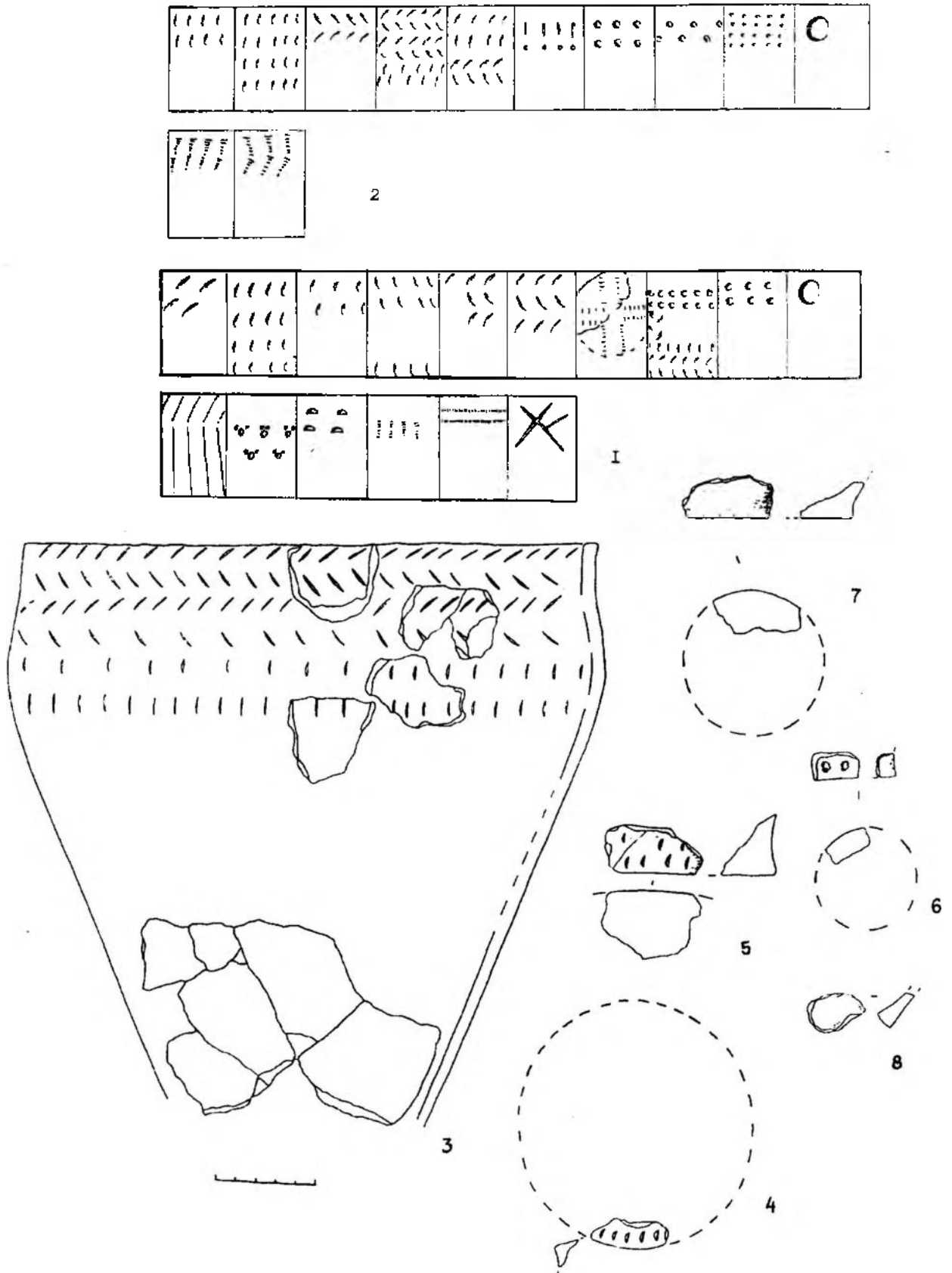
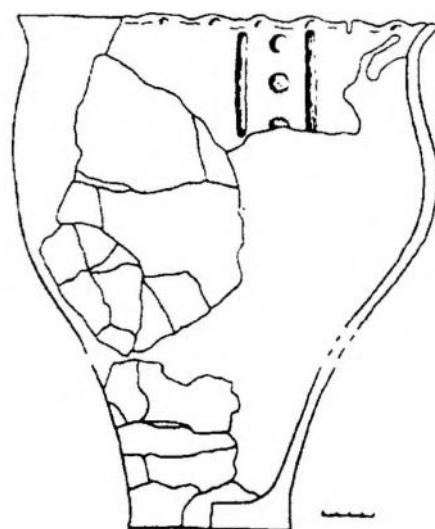
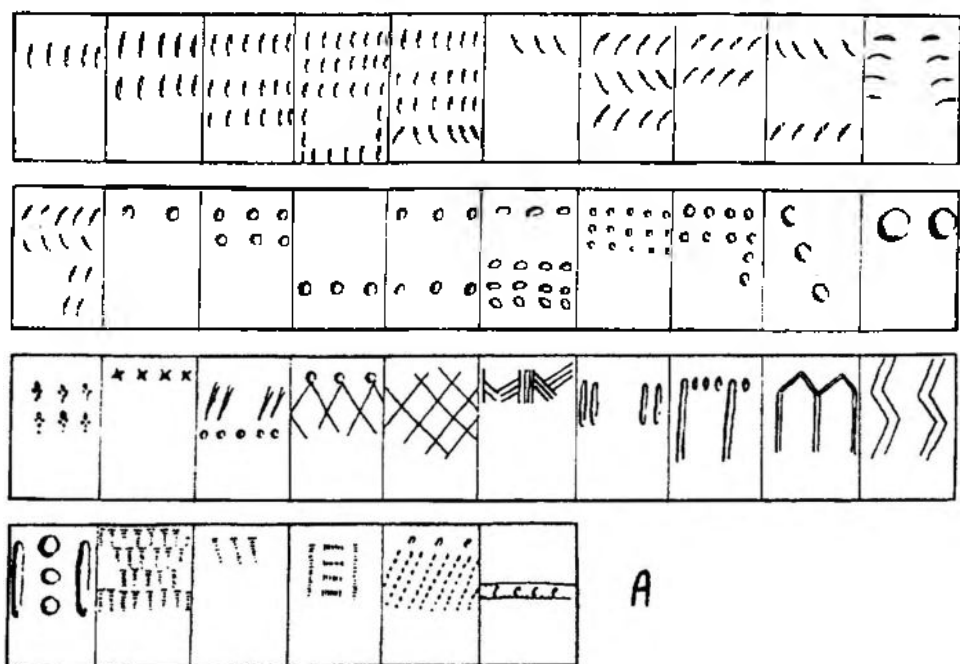
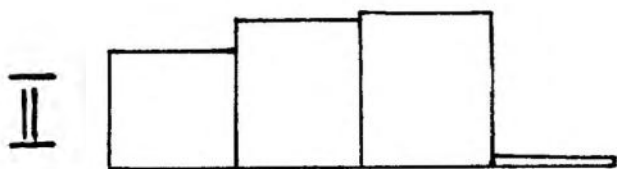

Рис. 2. Мотивы орнаментации (1,2), детали формы (3-8) сосудов цедмарского типа:
1 - Цедмар А; 2-8 - Утиное болото Г

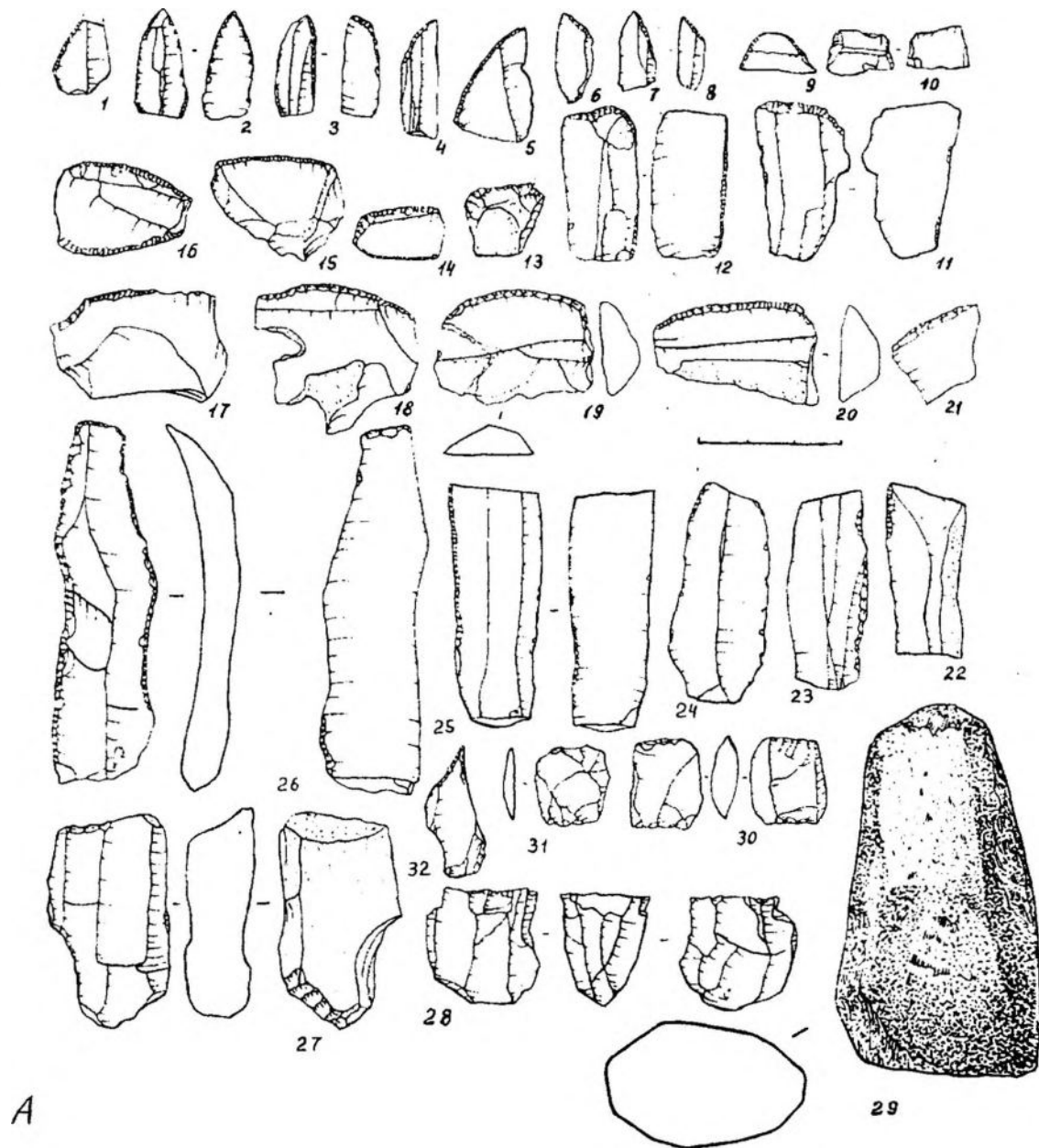

B

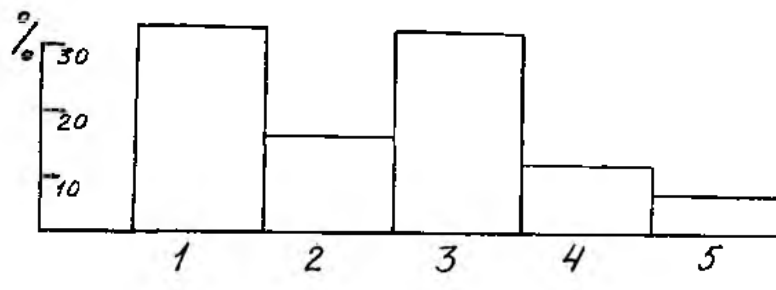

Б

Рис. 3. Мотивы орнаментации керамики (А), профилировка венчиков двух технологических групп керамики (Б), реконструированный сосуд (В). Материалы поселения Цедмар Д

A

B

Рис. 4. Поселение Утиное Болото I. Каменные орудия восточного скопления (А, 1-32), процентное соотношение орудий разного функционального назначения (Б, по данным трасологического анализа Л.Г. Чайкиной, определившей функции около 370 орудий).

Группы на диаграмме - орудия:

- 1 - для обработки шкур; 2 - для разделки мяса; 3 - для работы по дереву;
4 - для обработки кости/рога; 5 - полифункциональные

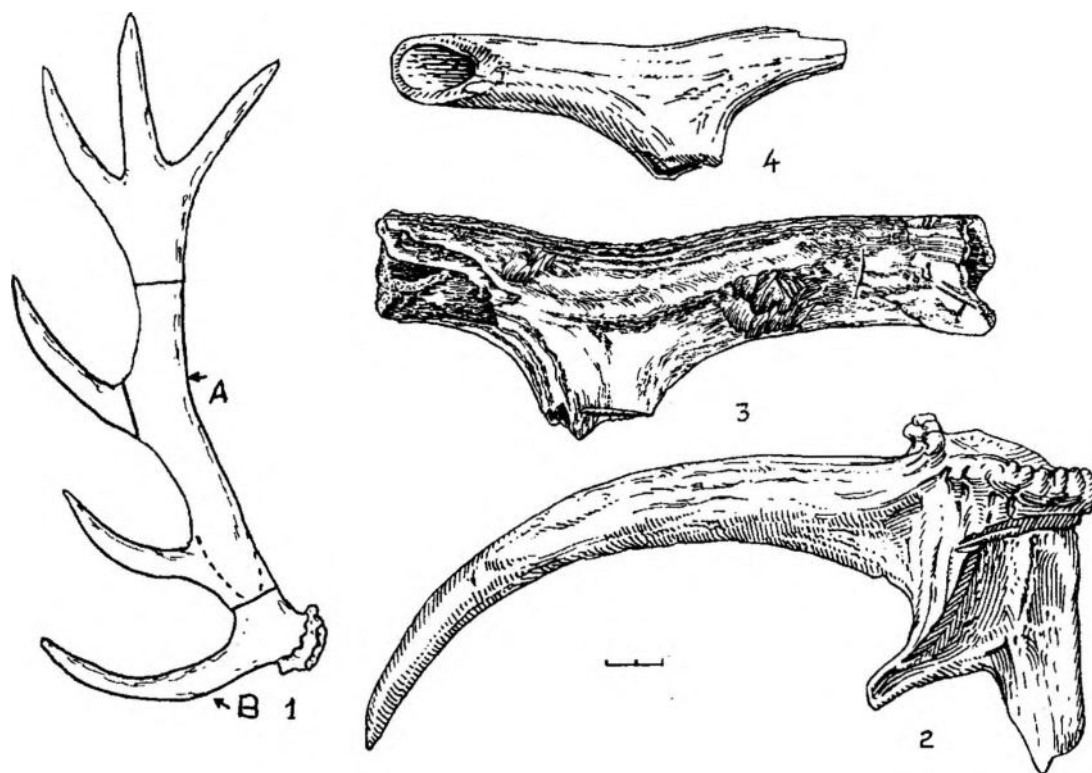

Рис. 5. Расчленение рога благородного оленя для получения заготовок орудий Т-образной формы и "кирковидных":

1 - реконструкция Р. Григеля [40]: А - заготовка орудия Т-образной формы;
В - заготовка "кирковидного" орудия;

2-4 - орудия из рога благородного оленя с поселения Цедмар Д: 2 - "кирковидное"; 3,4 - Т-образной формы

Все исследованные памятники цедмарской культуры представлены временными, скорее всего сезонными, стоянками - лагерями охотников, рыбаков и собирателей. Отдельные кости домашних животных (крупного рогатого скота, овцы, козы), составляющие незначительный процент в фаунистических коллекциях, следует, очевидно, объяснять имевшими место контактами. Отметим, что следы культурных знаков отсутствуют на пыльцевых диаграммах культурных слоев памятников. Необходимо также учитывать, что почвы района Цедмара, тяжелые, суглинистые, были неблагоприятны для земледелия до широкого распространения металлических орудий.

На наш взгляд, общие элементы в материалах цедмарской, нарвской и неманской культур объясняются территориальным положением района, занятого памятниками цедмарской культуры, граничащего с ареалами этих обширных неолитических культур. Исходя из типологических приоритетов, мы не можем поместить памятники цедмарского типа в нарвский или неманский культурный контекст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Stadie K. Die Stienzeitdörfer der Zedmar // *Bezenberger Festschrift*. Göttingen, 1921.
2. Gross H. Moorgeologische Untersuchungen der vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar-Bruch // *Prussia*. 33: 1-2. 1939.
3. Gaerte W. Die steinzeitliche Keramik Ostpreussens. Königsberg, 1927.
4. Gaerte W. Zedmar // *Reallexicon der Vorgeschichte*. Band 14. 1928.
5. Engel C., La Baum W. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande. Königsberg, 1937.
6. Äyräpää A. Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland // *Acta archaeologica*. 1930: 1.
7. Sturms E. Die steinzeitlichen Kulturen des Baltikums. Bonn, 1970.
8. Äyräpää A. Den yngre stenalderns kronologi i Finland och Sverige // *Finskt Museum*. 62. 1955.
9. Gardawski A. H. Moora. Zur ethnischen Geschichte der ostsee-finnische Stämme // *Rocznik Olszynski*. 3. 1960.
10. Indreko R. Mesolithische und frühneolithische Kulturen in Osteuropa und Westsibirien. Lund, 1964.
11. Телезин Д.Я. История племен днепро-донецкой культуры: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Киев, 1967.
12. Jaanis L. Die frühneolithische Kultur in Estland // *Congressus secundus internationalis fenno-ugristarum*. Helsinki, 1968.
13. Даниленко В.Н. Неолит Украины. Киев, 1969.
14. Sulimirski T. Polska przedhistoryczna. Vol. I. London, 1956.
15. Kempisty E. The Complex of Comb-and-Pit Marked Pottery Culture // *The Neolithic in Poland*. Wrocław-Warszawa-Krakow, 1970.
16. Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od późnego palcolita do VII w.n.e. Wrocław-Warszawa-Krakow-Gdansk, 1973.
17. Wislanski T. Krag Ludow subneolitycznych w Polsce // *Neolit*. Wrocław-Warszawa-Krakow-Gdansk, 1979.

18. *Kostrzewski J.* Od mezolitu do okresu Vydrovek Ludow. Prehistoria ziem polskich. Krakow, 1948.
19. *Glosik J.* Problematyka neolitu Polski polnocno-wschodniej // Rocznik Bialostocki. X. 1971.
20. *Luhó V.* Frühe Kammkeramik // SMYA. 58. 1957.
21. *Kilian L.* Hauffkistenkultur und Ursprung der Balten. Bonn. 1955.
22. *Sulimirski T.* Corded Ware and Globular Amphorae North-West of the Carpathians. London, 1968.
23. *Гуркина Н.Н.* Неолит лесной и лесостепной части СССР // МИА. №166. 1970.
24. *Ванкина Л.В.* Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970.
25. *Kempisty E.* Neolithic Cultures of the Forest Zone in Northern Poland // Problems of the Stone Age in Pomerania. Warszawa, 1986.
26. *Girininkas A.A.* Narvos kulturos raida // Lietuvos archeologija. 1985. 4.
27. *Римантиене П.К.* Неолит Литвы и Калининградской области // МИА. № 172. 1973.
28. *Rimantiene R.K.* Akmens amzius Lietuvoje. Vilnius, 1984.
29. *Тимофеев В.И.* Памятники типа Цедмар // Неолит Северной Евразии. Археология СССР. М., 1996.
30. *Тимофеев В.И.* Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
31. *Timofeev V.I.* Neolithic Sites of the Zedmar Type in the Southeast Baltic Area // Regions and Reflections. In Honour of Märta Strömberg. Lund, 1991.
32. *Kilian.* 1938.
33. *Guminski W., Fiedorczuk J.* Badania w Dudce, woj.suwalskie a niektore problemy epoki kamienia w Polsce polnocno-wschodniej // Archeologija Polski. XXXIII. 1. 1988.
34. *Guminski W., Fiedorczuk J.* Dudka I A Stone Age Peat-Bog Site in North-Eastern Poland // Acta Archaeologica. 60.1990.
35. *Timofeev V.I., Zaitseva G.I., Possnert G.* The Radiocarbon Chronology of Zedmar Neolithic Culture in the South-Eastern Baltic Area // Swiatowit. XXXIX. 1994.
36. *Timofeev V.I., Zaitseva G.I., Possnert G.* Neolithic Ceramic Chronology in the South-Eastern Baltic Area in View of C-14 Accelerator Datings // Fornvännen. V. 90. Stockholm, 1995.
37. *Чайкина Л.Г.* Производственная деятельность посетителей культуры Цедмар (по материалам поселения Утиное Болото I) // Развитие культуры в каменном веке. Спб., 1997.
38. *Zvelebil M.* Mesolithic Prelude and Neolithic Revolution // Hunters in Transition. Cambridge, 1986.
39. *Zvelebil M., Rowley-Conwy P.* Transition to Farming in Northern Europe: a Hunter-Gatherer Perspective // Norwegian Archaeological Review. V. 17. 1986.
40. *Grygiel R.* The Household Cluster as a Fundamental Social Unit of the Lengyel Culture in the Polish Lowlands // Prace i materialy Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi. Seria Archeologiczna. Nr.31. 1986.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

V.I. Timofeev

THE ZEDMAR CULTURE AND ITS POSITION IN THE NEOLITHIC OF THE BALTIC AREA

Summary

The materials of the Neolithic sites of the South-Eastern Baltic area are discussed. There are 4 peat-bog sites (Zedmar A, Zedmar D and Utinoye Boloto I in Kaliningrad region of Russia excavated by the author, and Dudka I in the North-Eastern Poland excavated by W.Guminski and J.Fiedorchuk) wich give the assemblages of finds different to the materials from the known Neolithic cultures of the Baltic region. The first finds belonging to this culture were discovered during the amateur excavations of K.Stadie in 1905 - 1914 and were discussed for a long period. The history of the sites' excavations is observed starting from the beginning of this century, as well as the development of the concepts connected with the sites' materials.

The peculiarities of the pottery, flint and bone-antler tools are represented (Fig.2-4). The chronological position of the Zedmar culture is about 5600 - 4800 BP (uncalibrated), and the C-14 datings of the sites are summarized (Fig.1). The Zedmar culture is the westernmost among the Neolithic cultures of the Forest Zone and it has a number of features borrowed from the area of the early agriculturalists of the Central Europe (flat bottoms of vessels, some motifs of pottery ornamentation and details of some vessels profiles, the peculiar technique of the antler tools making, similar to the Central European and Scandinavian Funnel Becker culture technique and to the one of the Lengyel culture (Fig.5).

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Dvortsovaya Emb.,
St.Petersburg, 191065, Russia*

В.В. Ставицкий

О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПРИМОКШАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ С ГРЕБЕНЧАТО-НАКОЛЬЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ

Вопрос о культурной принадлежности данных памятников был впервые поставлен А.Х.Халиковым. Проанализировав материалы подъемных сборов с ряда стоянок, он отнес их к различным этапам развития волго-камской культуры [1, с.72-73].

В 1976 г. В.Н.Шитовым была предпринята попытка культурного разграничения накольчатой и гребенчатой керамики Примокшанья. Гребенчатая керамика признавалась им волго-камской, а в качестве аналогов накольчатой керамики была рассмотрена посуда днепро-донецкой, верхневолжской и раннего этапа волго-камской культуры [2, с.31-32, 57-58].

Значительно расширили источниковедческую базу масштабные исследования В.П.Третьякова и А.А.Выборнова, предпринятые в окрестностях Имерского озера. Первоначально В.П.Третьяковым гребенчато-накольчатая керамика (далее ГНК) Имерских стоянок определялась как волго-камская [3, с.30]. Но с накоплением материалов однозначная трактовка культурной принадлежности этой керамики была отвергнута. Так, для материалов стоянки Имерка I-A отмечалось примерно равное сходство как с волго-камской, так и с верхневолжской керамикой [4, с.34-35]. Для ГНК стоянки Имерка 3 более близкие аналогии были найдены в материалах верхневолжской культуры [5, с.61]. При этом весьма аргументированно было доказано культурное единство Имерских поселений с ГНК [6, с.16-17].

Наконец, А.А.Выборновым был выдвинут тезис о складывании в Сурско-Мокшанском междуречье особой гибридной гребенчато-накольчатой группы керамики, точное определение культурной принадлежности которой затруднено [7, с.17].

На наш взгляд, кажущаяся неразрешимость данной проблемы заключается в представлении ГНК Примокшанья как единого, вполне сложившегося комплекса, что не совсем соответствует действительности. Не вся накольчатая керамика Имерских стоянок составляет единое целое с гребенчатой керамикой.

На поселении Имерка 7 выявлены два развала сосудов, украшенных треугольными наколами широкой угловой лопаточки, которые на одном из сосудов переходят в наколы скобковидной формы (рис.1: 1,3). Подобные приемы нанесения орнамента в сочетании с двойным рядом ямок под венчиком, прямостенная форма одного из сосудов, плавно переходящая в коническую придонную часть, использование технологии косой стыковки глиняных лент - все эти признаки являются специфическими для керамики среднедонской культуры и совершенно не характерны для основной массы ГНК Имерских поселений. Причем фрагменты одного из вышеописанных сосудов залегали в заполнении жилища с типичной имерской ГНК, что свидетельствует об одновременности данных материалов. Кроме развалов сосудов на поселении Имерка 7 собраны и отдельные фрагменты среднедонской керамики, в том числе фрагменты, на которых наколы сочетаются с оттисками зубчатого штампа (рис.1: 4,5).

Керамика, украшенная треугольными наколами, имеется и в материалах других стоянок Имерского озера, но здесь ее специфические среднедонские черты выражены не столь ярко. Треугольные наколы более аморфны и менее стандартизированны, отсутствуют скобковидные наколы. Является ли данная керамика периферийной разновидностью среднедонской посуды либо ее происхождение - результат адаптации среднедонских традиций в среде местного населения - однозначного ответа на эти вопросы пока дать нельзя. Скорее всего, обе названные причины имели место. Бесспорно одно, часть накольчатой керамики Имерских поселений не составляет культурного единства с гребенчатой посудой данных комплексов.

Подобные выводы согласуются с результатами анализа крупных фрагментов венчиков (высотой не менее 4 см), выявленных на стоянках Имерка I-A, 3, 4, 7. Среди 8 венчиков с накольчатым орнаментом преобладают прямостенные (рис.1: 9, 12-16). Слабую профилировку в верхней части имеют лишь два венчика со стоянки

Рис. 1. Керамика со стоянок Приморкпанья:
 1,3-6 - Имерка 7; 2,7 - Имерка 4; 8 - Подлесное 3.
 Венчики сосудов: 9-16 - с накольчатым орнаментом; 17-24 - с гребенчатым орнаментом

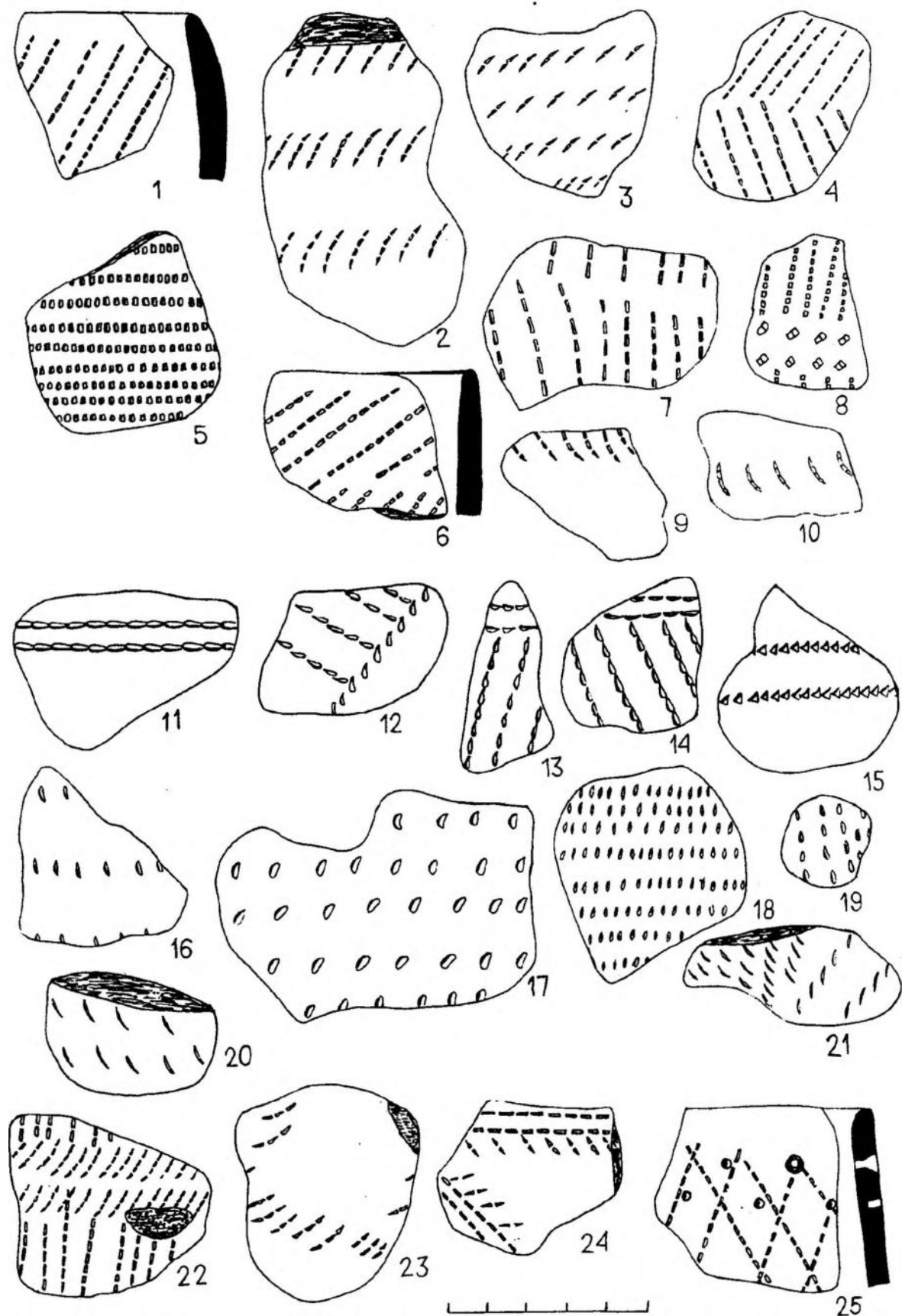

Рис. 2. Керамика верхневолжского облика с примокшанских стоянок:
 1-11, 15, 16, 18, 20 - Имерка 3; 12, 22-25 - Имерка 8; 13, 14, 17, 21 - Имерка I-A

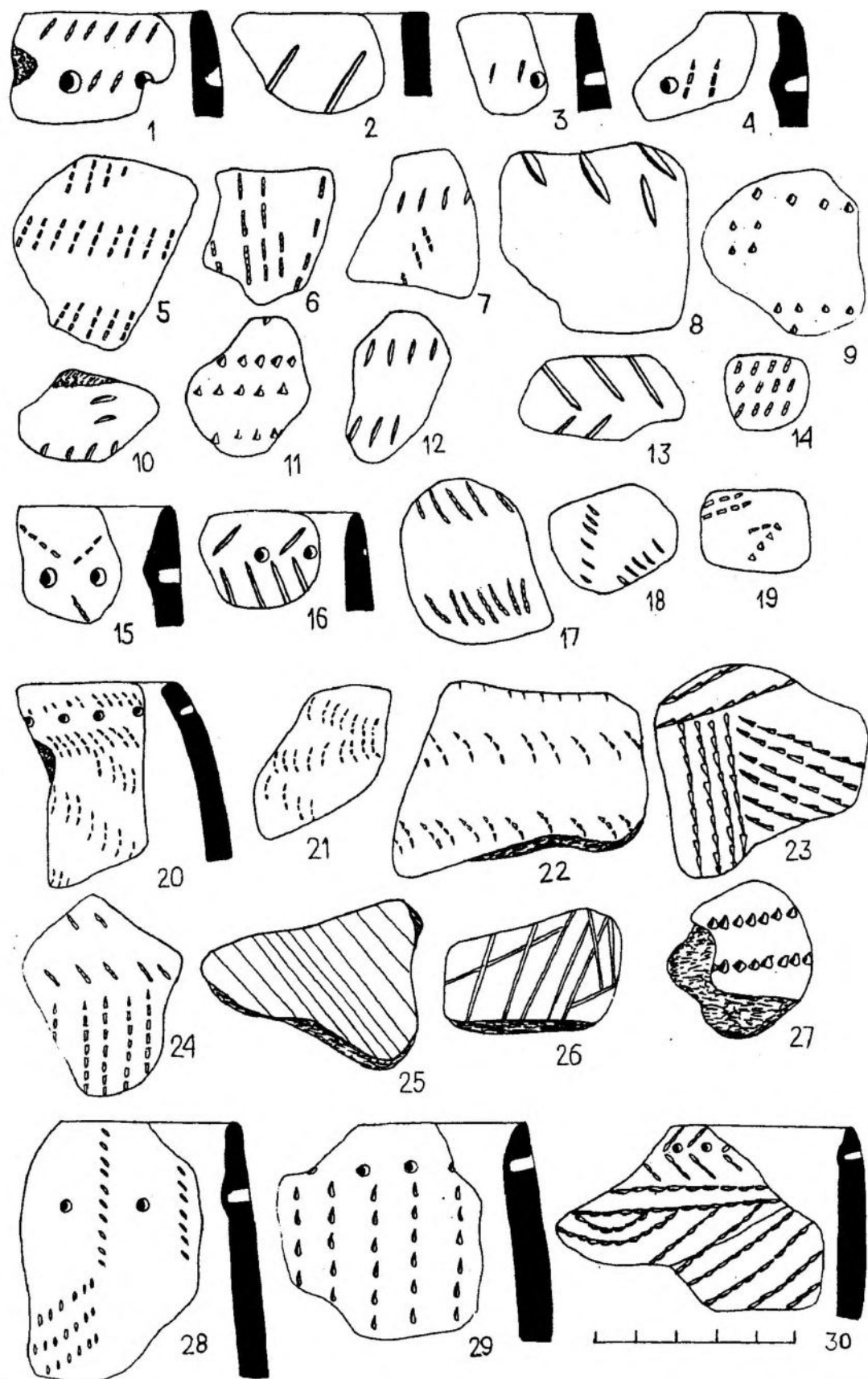

Рис. 3. Керамика с примокшанских стоянок:
 1-14 - Стародевичье 1; 15-19 - Стародевичье 2; 20-27 - Машкино 1; 28 - Имерка 3; 29,30 - Имерка 1-А

Имерка I-A (рис.1: 10,11), что, видимо, не случайно, поскольку в накольчатой керамике этого памятника более других просматриваются верхневолжские приемы нанесения орнамента (овальные и полуовальные наколы в виде тычков и насечек). Отметим, что ранняя керамика среднедонской культуры характеризуется примостенными формами венчиков [8, с.59-61].

Среди 8 венчиков с гребенчатым орнаментом 5 экземпляров в различной степени отогнуты вовнутрь (рис.1: 17,18,20,22,24). Профилированную форму имеют и все венчики с гребенчатым орнаментом со стоянок Подлесное 3, Мапкино 1 (рис.1: 8; 2: 20).

Единичны случаи взаимовстречаемости на фрагментах керамики гребенчатого и накольчатого орнамента. Обнаруженные на стоянке Имерка 7 развал сосуда и два отдельных фрагмента, на которых сочетаются наколы и зубчатые оттиски, имеют типично среднедонской облик (рис. 1: 1,4,5). На двух других фрагментах с поселений Имерка 3 и 7 зубчатый штамп сочетается со строчечными наколами в виде ложношнуровых оттисков, которые весьма характерны для керамики верхневолжской культуры (рис.1: 6,7). И только развал сосуда с Имерки 4, украшенный короткими рядами оттисков штампа, нанесенных в отступающей манере в сочетании со строчечными наколами подтреугольной формы, можно в какой-то степени отнести к гибридным формам керамики (рис. 1: 2).

Приведенными примерами исчерпываются практически все факты взаимовстречаемости различных видов орнамента, и вряд ли их следует трактовать однозначно в качестве примеров складывания культурного единства двух различных традиций, поскольку и в среднедонской, и в верхневолжской культурах подобное единство присутствует изначально.

При этом нельзя сбрасывать со счетов и факты другого рода. Практически на всех поселениях Примокшанья с гребенчатой керамикой имеется керамика, украшенная треугольными наколами. Отсутствуют видимые различия в технологии приготовления глиняного теста накольчатой и гребенчатой керамики, немало совпадений имеется в формах венчиков, что вряд ли было бы возможно без определенной степени культурного единства данных материалов. Необходимо лишь учитывать тот факт, что подобное единство не является изначальным, и поэтому представляется ошибочным, когда процессы складывания ГНК Имерских поселений выносятся за хронологические рамки существования данных памятников.

На территории Примокшанья не было особого периода паритетного сосуществования двух различных групп памятников: гребенчатой и накольчатой. Ранняя накольчатая традиция, фиксируемая на материалах стоянки Потодево [6, с.10], не получила дальнейшего развития. В Примокшанье возобладали гребенчатая техника орнаментации керамики, а появление новой волны керамики, украшенной треугольными наколами, объясняется постоянными контактами примокшанского населения с носителями посуды среднедонского облика. В связи с чем возникает вопрос: был ли достаточным объем подобных контактов для изменения этнокультурного облика местного населения?

Доля накольчатой керамики на Имерских стоянках составляет в среднем около 20%, достигая 30% лишь на поселении Имерка 7 [6, с.12-13]. Но если учитывать керамику, украшенную только треугольными и подтреугольными наколами, то ее удельный вес значительно ниже. На Имерке I-A фрагменты с подобным орнаментом единичны, на Имерке 4 они составляют около 5%, на Имерке 3 - около 10% и только на Имерке 7 их более 20%. Причем по отношению к верхневолжской культуре и раннему этапу камской среднедонская культура (для которой характерен орнамент из треугольных наколов) обладает более развитыми традициями керамического производства. Это хорошо видно по соотношению керамики и каменного инвентаря. На всех поселениях среднедонской культуры фрагментов керамики значительно больше, чем предметов из камня. Следовательно, процентное соотношение различной керамики на поселении не отражает реального соотношения между ее изготовителями, поскольку среднедонское население использовало большее количество посуды. Таким образом, размеры инोकультурного (среднедонского) влияния на население Имерских стоянок вряд ли превышали 5-10%, а по этнографическим исследованиям известно, что экзогамные контакты племени в пределах 15% являются нормой и не влекут за собой изменения его этнического содержания [9, с.200].

Вышеизложенные положения подводят нас к выводу, что культурная принадлежность примокшанских памятников с ГНК определяется принадлежностью комплекса гребенчатой керамики. А в данном вопросе нам остается только присоединиться к всесторонне аргументированной точке зрения В.П.Третьякова и А.А.Выборнова о том, что гребенчатая керамика Имерских стоянок имеет наибольшее сходство с посудой верхневолжской культуры [6, с.17,18; 10, с.70].

Данное утверждение вполне согласуется с территориальной близостью примокшанских памятников к верхневолжским стоянкам рязанского течения Оки. Одной из таких стоянок является Владыченская-Береговая 1. Из 8 орнаментальных композиций гребенчатой керамики этого поселения [11, рис.8] 7 находят аналогии в посуде поселения Имерка 3, и нет только узора в виде "елочки со стеблем" (рис.2: 1-10). На Имерке 3 имеются и более сложные композиции гребенчатого штампа: перекрещивающиеся оттиски, "пагающая гребенка", заштрихованные геометрические зоны, которых нет на владыченской керамике, но им имеются аналогии на других памятниках верхневолжской культуры: Колпь [12, рис.52: 6,7,9,10], Сахтыш 8 [13, рис.2:11-17,21] и ряд других.

Более заметны отличия при сравнении накольчатой керамики. На владыченской посуде значительно меньше треугольных наколов и более разнообразны наколы других форм. Из 14 композиций накольчатого орнамента на Имерских стоянках сходство имеют 8 [6, рис.4: 13,14; 6:2,4,10,11; 7:9; 11:10]. Причем особенно много совпадений с керамикой Имерки 3 (рис.2: 11-21).

Различия между накольчатыми комплексами вполне объяснимы. Сильное влияние среднедонской культуры, которое испытала имеркская керамика, видимо, не имело распространения на поречье Оки. Кроме того, накольчатый орнамент более характерен для ранней верхневолжской керамики, а имеркская посуда по таким признакам, как остродонная форма днищ, широкое использование длинного гребенчатого штампа, почти полное отсутствие прочерченного и редкое употребление пунктирного орнамента, синхронизируется с верхневолжской керамикой более позднего времени.

Однако в Примокшанье есть стоянки с керамикой верхневолжской культуры более раннего облика. При раскопках стоянок Стародевичье 1, 2 собрана керамика, большинство фрагментов которой украшено оттисками короткого зубчатого штампа и наколами различной формы. Единичные фрагменты орнаментированы прочерченными линиями, сочетаниями зубчатого штампа и наколов. Оттиски длинного штампа на керамике отсутствуют, мало используются треугольные наколы, строчечных наколов нет совсем (рис.3: 1-19).

Орнамент из коротких оттисков зубчатого штампа, наколов и прочерченных линий доминирует на посуде стоянки Машкино 1 (рис.3:20-27).

Керамика данных стоянок фиксирует появление в бассейне Мокши населения верхневолжской культуры на втором этапе ее развития по периодизации Е.Л.Костылевой [13, с.144-145]. Незначительная доля наколов треугольной формы на данной керамике свидетельствует о том, что в то время Примокшанье еще не испытывало сильного влияния со стороны среднедонской культуры.

Определение примокшанских памятников в качестве верхневолжских затрагивает вопрос о соотношении камской и верхневолжской культур. По мнению Д.А.Крайнова и Н.А.Хотинского, данные культуры обладают определенной генетической связью, в основе которой лежит формирование этих культур на общем позднемезолитическом субстрате [14, с.67]. Данную точку зрения оспаривает А.А.Выборнов, который полагает, что вопрос о взаимодействии этих культур можно ставить только для поздней фазы развития верхневолжской культуры, когда происходит смещение отдельных групп населения камской культуры в Верхнее Поволжье [7, с.18]. Однако в другой работе А.А.Выборновым приводятся убедительные доказательства в пользу того, что процесс складывания керамических традиций в приустьевом Прикамье определялся постепенным продвижением отдельных групп населения из Примокшанья [12, с.36]. Признание примокшанских памятников верхневолжскими позволяет предположить, что, во-первых, для камского населения одним из источников заимствования керамики являлась верхневолжская культура. Во-вторых, связи верхневолжской и камской культур не были односторонне направленными и, следовательно, надо вести речь не о спорадическом проникновении отдельных групп населения, а о постоянных контактах территориально близких друг к другу племен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
2. Шитов В.Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье // Материалы по археологии Мордовии. Саранск, 1976.
3. Третьяков В.П. Поселение Имерка II // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
4. Третьяков В.П., Выборнов А.А. Неолитическая керамика стоянки Имерка I-A // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.
5. Третьяков В.П., Выборнов А.А. Стоянка Имерка III на р.Вад // Древности Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1987.
6. Третьяков В.П., Выборнов А.А. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев, 1988.
7. Выборнов А.А. Соотношение культурных зон и миров, историко-культурных и этнокультурных областей в эпоху неолита // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988.
8. Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
9. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
10. Выборнов А.А. Гребенчатая неолитическая керамика лесного Волго-Камья // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.
11. Цветкова И.К., Кравцов А.Е. Керамика неолитической стоянки Владыченская-Береговая I // СА. 1982. №2.
12. Выборнов А.А. Неолит Прикамья. Самара, 1992.
13. Костылева Е.Л. Ранне-неолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. 1986. №4.
14. Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Верхневолжская ранне-неолитическая культура // СА. 1977. №3.

*Пензенский государственный
объединенный краеведческий музей,
Пенза*

V.V. Stavitsky

ON CULTURAL ATTRIBUTION OF PRIMOKSHANSK MONUMENTS WITH COMB-STROKE CERAMICS

Summary

There is no universally accepted cultural interpretation of these monuments in archaeological literature. Some experts interpret this material as a syncretic formation which appeared when local comb tradition of decorating pottery mixed with alien stroke tradition. Materials found in the Imerka settlements, though, show that the process of the above formation was incomplete. Agents of stroke tradition were influencing the Primokshansk population during the whole period of these monuments' existence, while the volume of this influence was relatively small, and therefore it could not alter the cultural orientation of the local population. Despite the influence of the alien culture, the Primokshansk monuments appear to have much in common with those found within the Upper Volga cultural materials.

*The Penza State United Local Museum
73, Krasnaya St., Penza, 440026, Russia*

Н.В. Овчинникова, А.А. Хохлов

ИССЛЕДОВАНИЕ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА У С. ГУНДОРОВКА В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОВОЛЖЬЕ

В последние годы на территории лесостепного Поволжья проводились целенаправленные поиски памятников эпохи неолита-энеолита. Особенно результативными оказались исследования в т.н. "Сокском микрорайоне" - среднем течении р. Сок, левого притока Волги. Обнаружены новые памятники, получены данные об их топографии, построена хронологическая схема развития культур в каменную и меднокаменную эпохи. Особый интерес представляют найденные на поселениях коллективные и одиночные захоронения людей, датировку и культурную принадлежность которых зачастую трудно определить из-за их безымянности или отсутствия определенных традиций в погребальном обряде. В этом случае основополагающими являются радиоуглеродное датирование и антропологические исследования. Человеческие захоронения были обнаружены на целом ряде памятников: II Чесноковской, II Большераковской стоянках, поселениях Гундоровском, Чекалино IV, Лебяжинка I, IV, V (рис.1). Большинство захоронений не имеет прямых аналогов в материалах ярких могильников самарской [1, с.6-11] и хвалынской [1, с.22-31; 2] культур, бытовавших здесь в энеолитический период.

Наиболее крупный массив погребений исследован на Гундоровском поселении, раскопки которого производились в 1985-1989 гг. [3]. Памятник находится в 5 км от с. Б.Раковка Красноярского р-на Самарской обл., на правом берегу р. Сок. Площадка поселения располагается в Ю части широкого мыса, образованного излучиной Сока и его старицей. Видимо, поселок стоял на берегу старицы - в то время основного русла реки. В наши дни Сок протекает в 200 м к В от памятника. Местность в окрестностях поселения лесостепная. Пойма заросла лесом и кустарником, на террасах и водоразделе встречаются лишь отдельные рощи и лесные массивы. В пойме имеются старичные озера. Следует отметить, что это не юг лесостепи, а собственно лесостепь, ее глубинные районы. Площадка поселения имеет наклон с С на Ю - к старице и с СВ к ЮЗ - также к старице. Поверхность памятника в С части потревожена вспашкой. На поселении был заложен раскоп общей площадью 1256 кв. м. Памятник оказался многослойным, что характерно для лесостепной зоны. Вероятно, мест для поселений было немного и выбирали наиболее удобные, не затопляемые во время паводков. Стратиграфия поселения следующая: в С части раскопа залегал черный слой гумуса (папня), в Ю части - дерновый слой, под ним находился темно-серый гумусный слой, содержащий материалы, уместившиеся в хронологический промежуток от средней бронзы до железного века. Под темным серым слоем на всей территории памятника залегал серый "золистый" слой эпохи неолита-энеолита. Ниже шел материковый суглинок. На памятнике обнаружены остатки восьми построек, каменный, костяной и керамический инвентарь, двенадцать захоронений людей (рис.2). По погребальному обряду и инвентарю они принадлежат к разным эпохам. Наиболее интересными являются погребения № 3-11 (рис.3-4), относящиеся, предположительно, к нео-энеолитическому времени. Погребения № 1-2 по обряду и инвентарю принадлежат эпохе средней бронзы.

Погребение №3 находилось в культурном слое, на глубине 10 см над материком. Четких контуров могильной ямы зафиксировано не было, но почва над костяком имела более интенсивную окраску. Погребенный - ребенок девяти лет. Костяк ориентирован строго на Ю, поза вытянутая на спине, руки вдоль туловища. В 0,45 м к В от него и примерно на том же уровне находился развал сосуда волосовского типа. Однако говорить с полной уверенностью о связи скелета и развала нет оснований.

Погребение №4 находилось в культурном слое. Костяк ориентирован головой на ВСВ, поза вытянутая на спине, руки вдоль туловища. Ноги ниже колен отсутствовали, в 0,5 м к З от колен были найдены берцовые кости левой ноги, а в 0,85 м к Ю от левой плечевой кости - малая берцовая кость правой ноги. Высота залегания этих костей примерно совпадает с уровнем костяка. Очертания могильной ямы не зафиксированы. Немного ниже колен в непосредственной близости от них был обнаружен крупный развал сосуда волосовского типа. Справа от черепа в районе височных костей найдена овальная подвеска из сланца. В 1 м к Ю

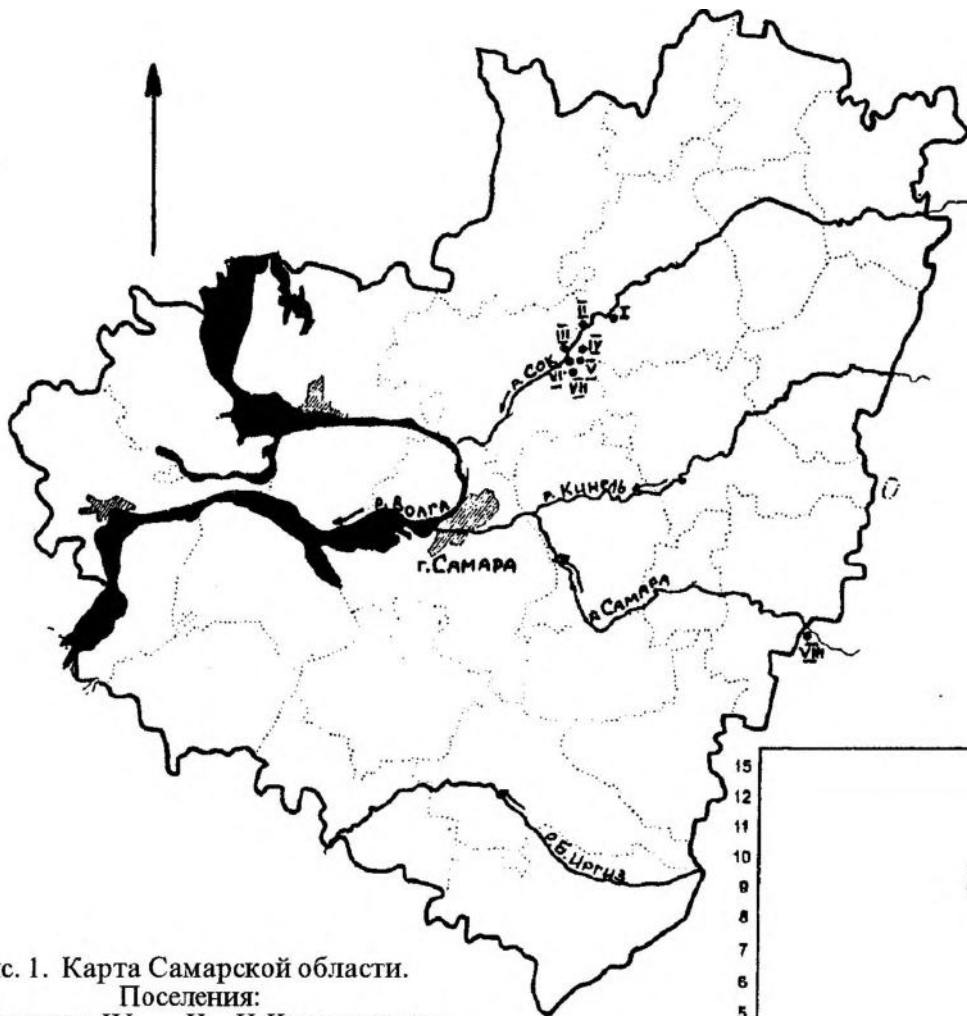

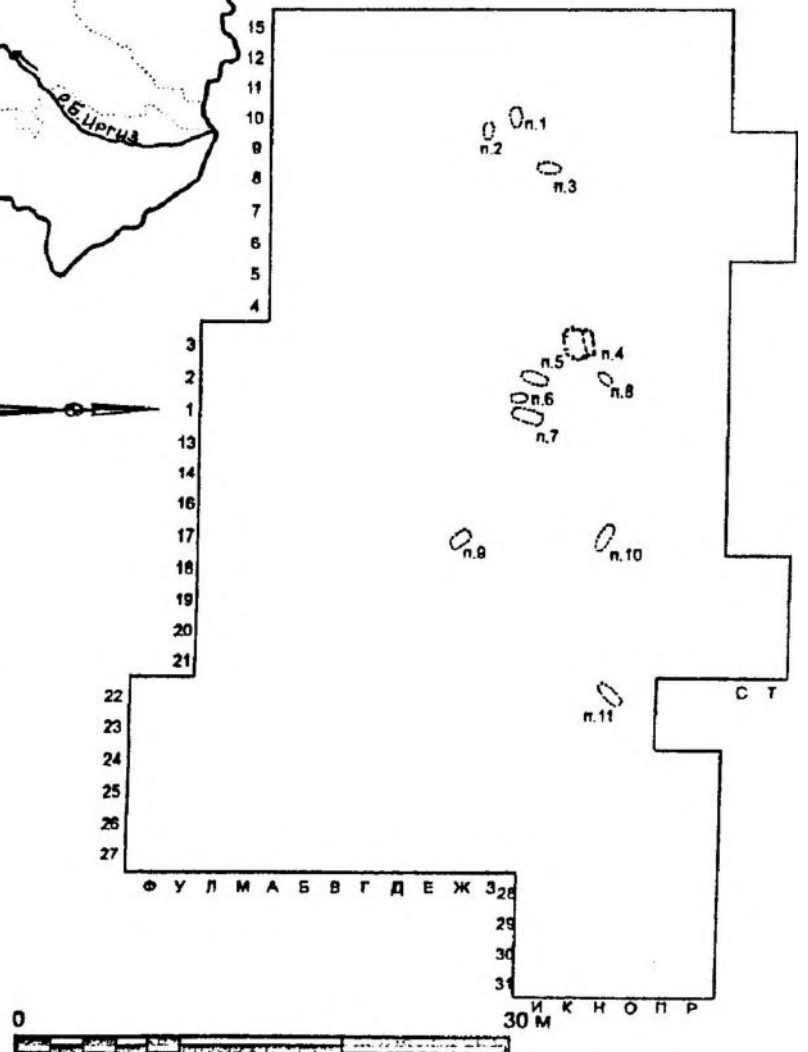
Рис. 1. Карта Самарской области.

Поселения:

- I - Чекалино IV;
- II - II Чесноковская;
- III - Гундоровское;
- IV - Лебяжинка IV;
- V - Лебяжинка I;
- VI - II Большераковская;
- VII - Лебяжинка V;
- VIII - II Старо-Елшанская

Рис. 2. Гундоровское поселение.
Расположение погребений в раскопе

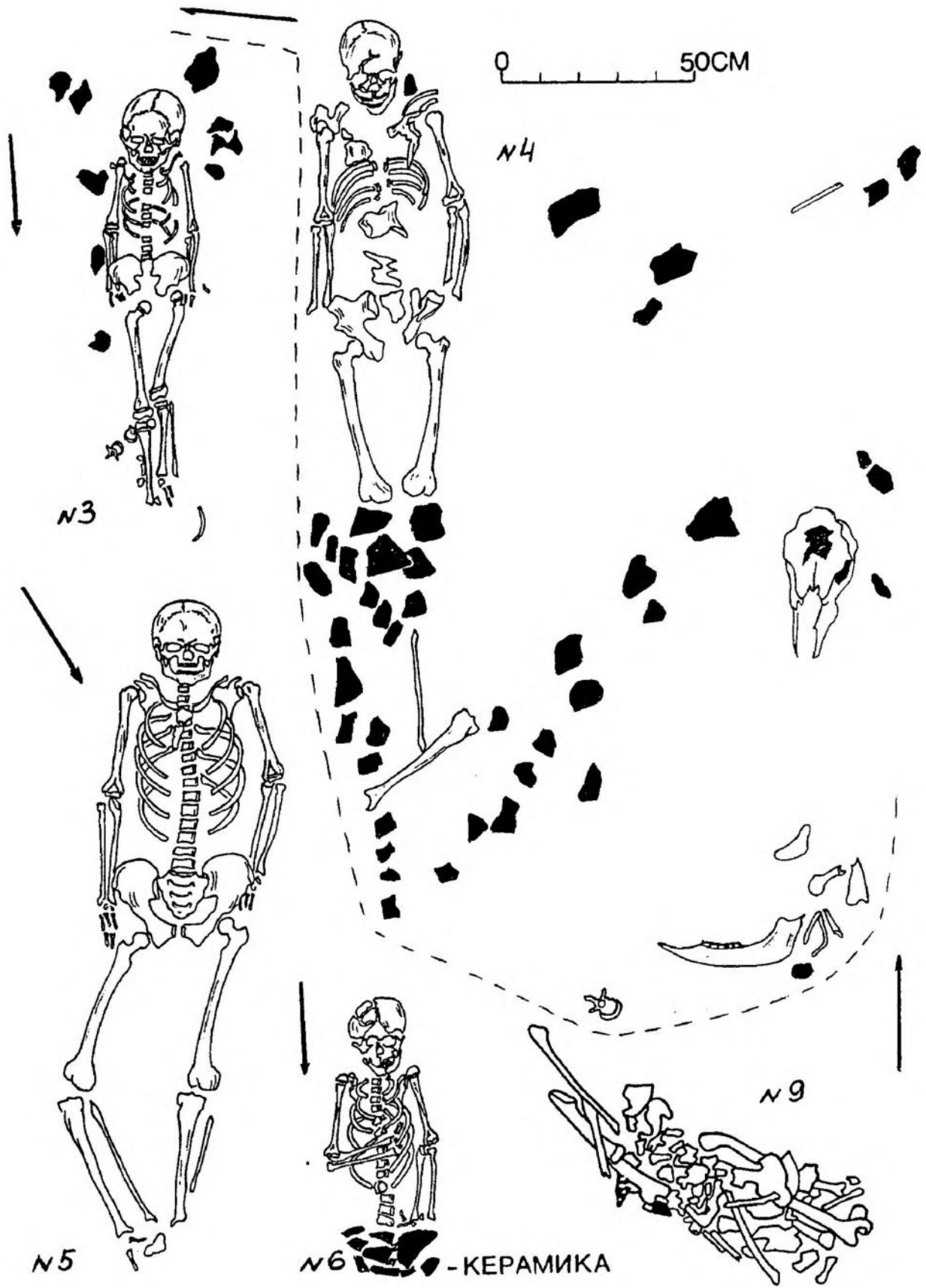

Рис. 3. Гундоровское поселение. Погребения № 3-6, 9

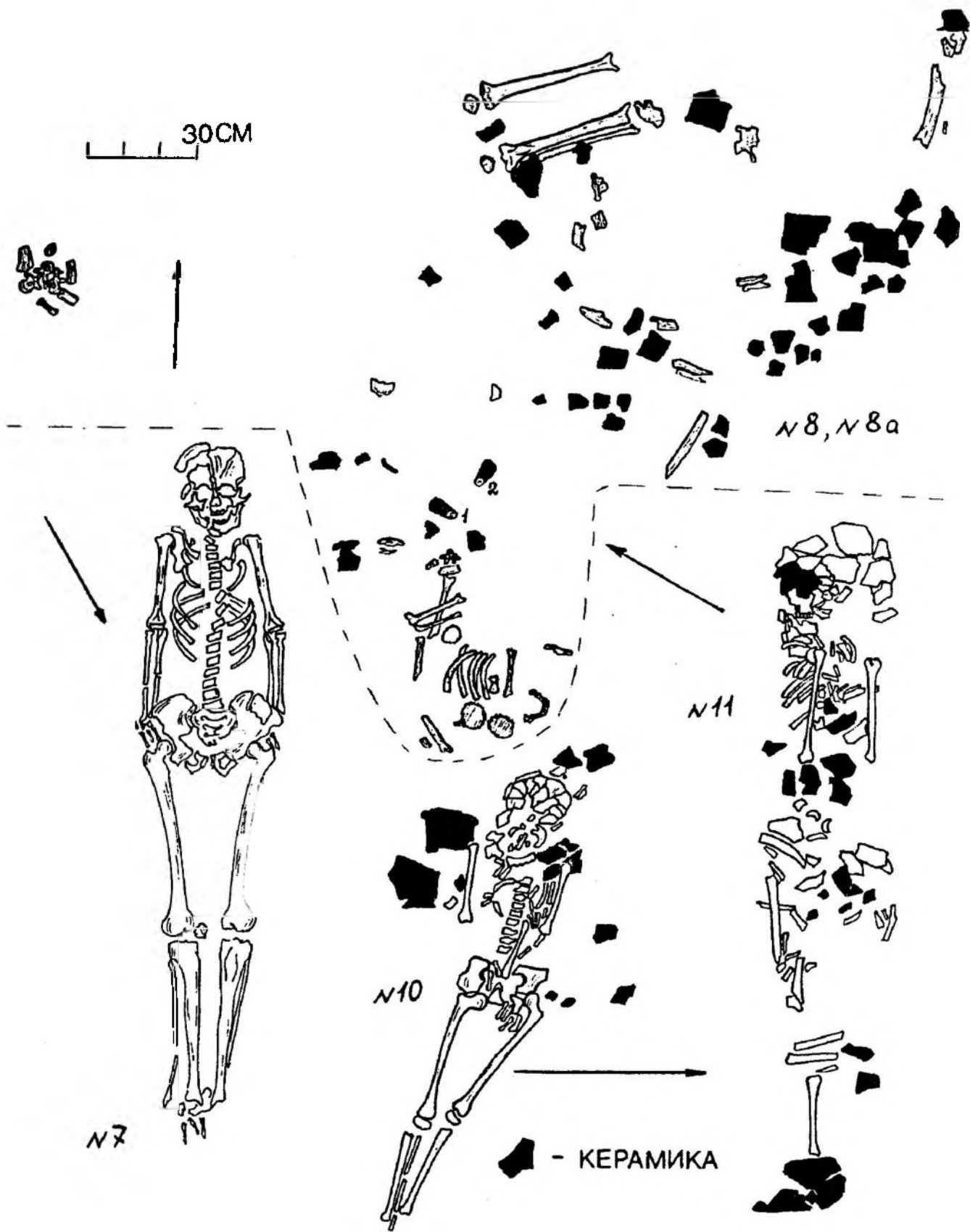
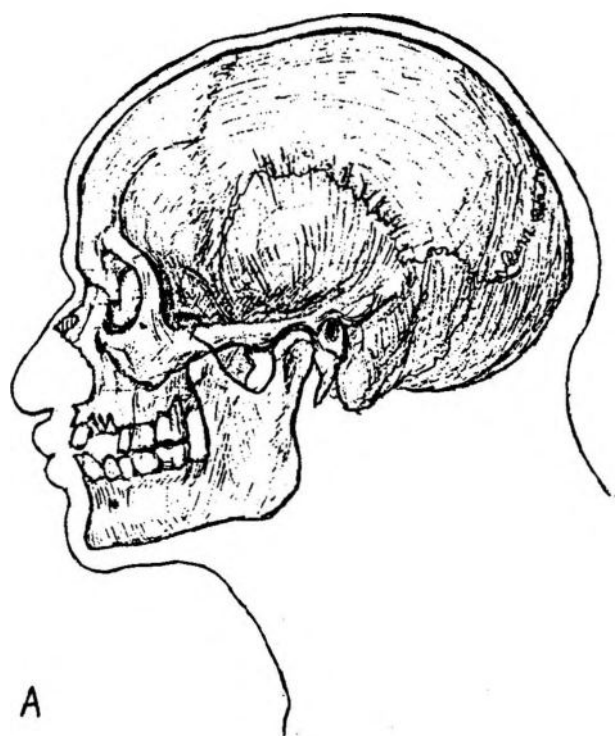

Рис. 4. Гундоровское поселение. Погребения № 7, 8, 8а, 10, 11

А

Б

Рис. 5. Гундоровское поселение. Череп из погребения 5 (а) и графическая реконструкция лица погребенной (ого?) (б). Выполнена антропологом А.И. Нечволода (Уфа)

компактно на площади 1,15 м x 0,35 м. Череп отсутствовал. Возле костей находился фрагмент керамики и створка речной раковины.

Погребение №10. Костяк человека лежал в вытянутом положении на спине, головой на СЗ. Некоторые кости скелета потревожены: нарушены лицевая сторона черепа, шейные позвонки, ребра с правой стороны груди, сдвинута кость правого плеча. Часть ребер, лучевая кость предплечья и фаланги пальцев ног отсут-

от развала сосуда находился череп быка (?). На его лобной кости фиксируются две пробоины: одна (4 см x 1,5 см) - довольно правильной линзовидной формы, видимо, была нанесена тесловидным каменным орудием, вторая (6 см x 7 см) - не имеет четкой формы, края обломаны, возможно, получена от сильного удара предметом с широкой тупой поверхностью. Эти удары, безусловно, повлекли за собой смерть животного. Череп быка лежал основанием вниз. Левая половина нижней челюсти была найдена в 0,4 м к З от черепа, правая не обнаружена. Кроме черепа на площадке вокруг костяка выявлено большое количество костей животных, а также фрагментов керамики, которые относились к сосуду, находившемуся у ног погребенного. Создается впечатление, что погребение №4 и череп быка составляют единый комплекс - погребение с жертвенной площадкой.

Погребение №5 находилось в слое на 7 см выше уровня материка. Погребенный - мужчина зрелого возраста, лежал вытянуто на спине с чуть раздвинутыми ногами. Левая рука располагалась вдоль туловища и была чуть согнута в локте, правая вытянута вдоль туловища. Костяк ориентирован головой на ЮЮЗ.

Погребение №6 выявлено примерно на том же уровне, что и погребение №5. Погребенная, девушка 14-16 лет, ориентирована головой на Ю. Костяк вытянут на спине, левая рука находилась вдоль туловища, правая, согнутая в локте, лежала на груди. Нижняя часть скелета с костями таза и ног отсутствовала. На их месте отмечен развал сосуда волосовского типа.

Погребение №7. Скелет взрослого человека лежал в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на ЮЮЗ. Руки находились вдоль туловища.

Погребения №8 и №8а (разрушенные). При расчистке погребения №8 оказалось, что оно почти полностью разрушено, *in situ* сохранились лишь берцовые кости взрослого человека, ориентированные по линии ЗЮЗ - ВСВ. По-видимому, погребенный лежал головой в ЮЗ направлении. Возле костей ног были разбросаны фаланги стоп. В 1,1 м к ЮЗ от нижних конечностей лежали несколько позвонков, фаланги пальцев, обломки ребер. В 0,8 м к Ю найдены две сланцевые овальные подвески размерами 7,5 см x 3,5-4 см, с отверстиями в зауженной части. На этом же уровне были расчищены многочисленные фрагменты волосовской керамики и обломки костей животных. Погребение №8а находилось в 1,05 м к Ю от погребения №8 и представляло собой скопление костей ребенка (0,4 x 0,4 м), состоящее из обломков черепа, нижней челюсти, ребер, позвонка, костей рук и ног.

Погребение №9 (вторичное захоронение?). Кости скелета взрослого человека были сложены

ствуют. Локтевая кость левой руки сдвинута к позвоночнику. Фаланги пальцев обеих рук находились в районе тазовых костей. Вокруг черепа и туловища погребенного лежали крупные фрагменты керамики волосовского типа.

Погребение №11. Скелет человека слегка нарушен анатомически, ориентирован головой на СВ. Судя по костям рук и ног, погребенный лежал в вытянутом положении на спине. Часть костей сдвинута с места или отсутствует. Между костями скелета и у нижних конечностей находились фрагменты керамики волосовского типа.

Таким образом, у всех погребений отсутствуют очертания могильных ям, все захороненные находятся в пепельно-серой супеси - слое, содержащем находки неолита-энеолита. Видимо, умерших положили непосредственно на древнюю поверхность и засыпали землей. Ориентировка погребенных различна. Захоронения были совершены по нескольким типам обряда - труположения вытянуто на спине, вторичного захоронения (?), расчленения умершего и захоронения частей тела (?). Рядом с некоторыми погребенными зафиксированы волосовская керамика, сланцевые подвески, имеющие аналоги в материалах лесных культур. Первоначально, исходя из основных признаков погребального обряда: расположение в пределах поселка, захоронение умерших в культурном слое, различия в ориентировке и в обряде погребений, почти полное отсутствие инвентаря [4, с.29-30], были сделаны выводы о принадлежности гундоровского могильника волосовскому комплексу. Однако такие элементы, как локализация в некоторых случаях (погр.№4, 6) керамики и сосудов в области недостающих костей скелетов, могут свидетельствовать о нарушении их анатомического порядка пришедшим позднее в эти места волосовским населением. Следовательно, могильник мог функционировать и в более раннее время.

Для определения абсолютной датировки гундоровских захоронений был проведен радиоуглеродный анализ нескольких костных образцов:

- погребение №4 - (ГИН 9040) 5080 ± 40 ,
- погребение №9 - (ГИН 9042) 5010 ± 50 ,
- погребение №10 - (ГИН 9041) 5120 ± 140 ,
- погребение №11 - (ГИН 9039) 5120 ± 50 л.н.

Полученные даты показывают более древнее существование этого могильника, чем возможное проникновение в лесостепное Поволжье племен волосовской культуры. В этом случае большой интерес для сопоставления вызывают материалы неолито-энеолитических культур лесостепного Поволжья - средневожской, самарской, хвалынской, репинской и других.

Достоверных погребений репинской культуры нет, хотя в основном бытует мнение об их погребальном обряде как, вероятно, более близком к ярким обрядам степных культур - среднестоговской, хвалынской, древнеямной и т.д.

Обрядовая сторона хвалынских могильников, представляющих население степных скотоводческих хозяйств, также не находит отражения в гундоровских материалах.

В определенной степени культурно-хронологическим репером может являться гундоровское погребение №4 (обряд труположения - вытянуто на спине и рядом жертвенная площадка) и относиться к самарской энеолитической культуре, также представленной на поселении жилищем и солидной коллекцией керамики. Однако помимо описанных никаких характерных для самарской культуры признаков в погребальном обряде (каменные закладки, засыпка охрой, специфический инвентарь и украшения, керамика на жертвенной площадке) не зафиксировано. Следовательно, отождествлять материалы гундоровского могильника и самарской культуры нельзя, если, конечно, знаменитый Съезженский могильник действительно отражает весь обрядовый арсенал этой культуры. Из всех имеющихся одиночных и безынвентарных погребений лесостепного Поволжья, пожалуй, наиболее близко гундоровским погребение с вытянутым труположением у с. Чекадино того же "Сокского микрорайона". Абсолютная культурная принадлежность этого погребения неизвестна, хотя следует заметить, что оно находилось в культурном слое с гребенчатой керамикой [5, с.44]. К сожалению, эта культура четко документированными погребениями не представлена. Тем не менее, известно, что основной ее географический ареал распространялся в неолито-энеолите по районам Среднего Поволжья, одним из которых был и "Сокекий".

Параллельно с археологическим исследованием проводился анализ палеоантропологического материала. Со времени изъятия скелетов из древних погребений у с. Гундоровка прошло несколько лет и, к сожалению, не все они сохранились в первоначальном объеме. Ко времени энеолита предположительно отнесены 1 детский и 4 взрослых скелета.

Погребение 4. Череп из этого погребения уже был однажды исследован Л.Т.Яблонским [6], однако его описание пока в дубликатах не появилось. С любезного согласия автора, мы воспользовались его работой, соответственно измерениями и описанием этого черепа. "Череп женский, мезокранный по показателю, со средними размерами основных диаметров мозговой коробки, с очень широким лбом, низким и среднешироким лицом. Лицевой скелет сильно уплощен на уровне назомаллярных точек, но рельеф переносья выражен хорошо, угол выступания носовых костей большой". Поскольку этот череп хранится в антропологических фондах Самарского государственного педагогического университета, как и другие гундоровские материалы, и очень важен в плане внутригруппового сопоставления серии, следует расширить его характеристику (табл. 1) и выделить особенности. Так, отмечается, за исключением, пожалуй, области надпереносья (3б), слабый макрорельеф всего черепа, включая и элементы нижней челюсти, - прежде всего небольшой подбородочный выступ. Лоб довольно прямой, с резким перегибом ($ук. 29/26=89.6$). Орбита

Таблица 1. Данные по нео-энеолитическим черепам (женским) лесостепного Заволжья и некоторым географически близким сериям

Признак	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Продольный д.	172	171	172.5	184	184	175.4(2)	183.0(7)	173.2(5)	171.0(5)
8. Поперечный д.	136	147	130	136	136	129.2(2)	136.3(7)	134.9(5)	145.6(5)
17. Высотный д.	127	127	130.8	132	-	130.8(2)	134.0(1)	132.7(3)	128.0(3)
20. Ушная высота	102	112	107	112	122	105.6(2)	-	116.0(2)	116.5(4)
9. Наим. шир. лба	101	93	87.2	89	97	82.3(2)	95.9(7)	96.3(4)	93.2(5)
45. Скуловая шир.	127	135	127.7	127	136	126.3(2)	127.6(7)	135.0(2)	134.0(4)
48. Верхн. выс. лица	61	54	63.2	67	63	64.1(1)	63.8(5)	64.5(2)	65.7(3)
51. Шир. орб. от mf	.	41	41.8	45.3	40.0	41.3(1)	40.1(6)	43.0(2)	42.0(4)
52. Высота орб.	<u>30.8</u>	27.4	30.8	32.4	26.3	33.8(1)	31.4(6)	34.0(2)	31.6(4)
54. Ширина носа	<u>21.4?</u>	25.8	20.4	22.8	-	21.1(1)	26.1(7)	24.5(2)	25.7(3)
55. Высота носа	45.3	44.8	47.6	49.5	-	45.6(1)	46.8(6)	46.0(2)	44.7(3)
8/1. Черепной ук.	79.1	85.9	75.4	73.9	73.9	73.7(2)	75.0(7)	82.9(3)	85.2(5)
52/51. Орбитный ук.	-	66.8	73.6	72.0	66.0	81.8(1)	78.4(6)	79.4(2)	75.1(4)
54/55. Носовой ук.	<u>47.2?</u>	57.6	42.9	46.1	-	46.3(1)	53.6(6)	53.3(2)	53.2(3)
ss/sc. Симотич. ук.	50.8	35.3	41.3	41.3	-	46.3(1)	-	33.2(2)	41.7(3)
32. Угол накл. лба	85.0°	89.0°	84.0°	84.0°	88.0°	85.0°(1)	83.5°(4)	89.0°(1)	87.0°(4)
33(4). Уг. перег. зат.	<u>129°</u>	124.0°	126.0°	120.0°	129°	-	-	-	121.7°(3)
72. Уг. выст. лица	85.5°	85.0°	83.0°	87.0°	-	80.0°	84.3°(3)	85.0°(2)	89.0°(3)
74. Уг. альв. части	<u>55.0°?</u>	78.0°	75.0°?	75.0°	-	70.0°(1)	-	67.7°(2)	76.5°(3)
77. Назомаляр. уг.	152.1°	142.0°	145.0°	142.0°	142°	149.0°(2)	134.3°(5)	145.0°(3)	145.7°(4)
zm. Зигомаксил. уг.	-	133.0°	125.0°	128.0°	-	126.3°(1)	124.2°(5)	134.0°(2)	135.1°(3)
75(1). Уг. выст. носа	27.0°	25.0°	27.0°	12.0°	-	27.0°	-	29.5°(2)	26.3°(3)
C. Уг. выст. подб.	<u>66.0°</u>	-	61°	70.0°	64.0°	-	-	-	-
69. Высота симфиза	<u>33.0</u>	25.0	30.3	30.0	33.0	-	31.6(5)	-	30.2(5)
71a. Наим. шир. в.	-	32.7	33.6	30.0	33.0	-	39.1(5)	31.8(4)	37.2(5)

Примечание к табл. 1. Цифры по мужским черепам Лебяжинки IV и могильника Съезжее трансформированы по коэффициентам полового диморфизма (рубрикация В.П.Алексеева, Г.Ф.Дебеца, 1964) в женские. "Косой шрифт" цифр означает нетрансформируемые мужские размеры

1 - Гундоровка, погр. 4 (измерения Л.Т.Яблонского, подчеркнутые цифры - измерения А.А. Хохлова); 2 - Гундоровка, погр.5; 3 - Лебяжинка IV; 4 - Чекалино IV а; 5 - Чекалино IV б; 6 - Съезжее, коллективное погребение (средние, Шевченко) [7]; 7 - Хвалынский I (Мкртчян) [8]; 8 - Волосовская культура (мог. Сахтыш, Алексеева) [9]; 9 - Шагарский могильник (Яблонский) [10].

Таблица 2. Остеологические данные (правая сторона) гундоровской и некоторых европейских серий погребений неолита-бронзы Украины

Признак	Мужские				Женские		
	1	2	3	4	5	6	7
H1	323.5	334.4(5)	336.6(18)	341.2(29)	307.4(2)	317.9(12)	310.7(6)
H4	62.7	-	-	67.5(13)	57.5(л)	-	60.3(4)
H7	58.3	66.3(12)	73.0(23)	67.9(26)	55.4(2)	64.1(13)	58.2(6)
R1	243.0	265.5(4)	262.1(15)	263.5(11)	216.0	238.0(7)	235.5(2)
R3	37.0	42.6(5)	47.6(10)	45.6(12)	33.5	38.6(5)	39.5(4)
F1	441.0	462.3(11)	466.7(32)	473.7(20)	406.0	432.4(17)	425.7(6)
F2	437.0	463.0(10)	463.7(21)	470.4(20)	404	428.0(9)	422.2(6)
F21	80.0	-	-	85.9(10)	73.0	-	75.2(2)
F8	83.0	90.9(19)	98.2(34)	93.3(24)	77.5	83.4(17)	80.5(6)
T1	366.0	383.2(6)	393.9(19)	387.3(20)	-	358.1(11)	349.0(2)
T10в	66.0	78.4(8)	83.4(21)	85.0(21)	-	73.5(11)	63.7(3)
R1/H1	75.1	79.5(2)	77.8(13)	76.8(10)	70.9	78.0(7)	75.2(2)
H1/F2	74.0	74.7(3)	71.5(7)	72.3(17)	75.4	76.9(7)	73.0(3)
T1/F2	83.8	82.2(4)	85.0(12)	83.6(15)	-	83.3(5)	83.4(2)
H7/H1	18.0	20.9(6)	21.6(17)	19.9(25)	17.9	20.0(12)	18.7(6)
R3/R1	15.2	17.0(5)	17.9(9)	17.3(11)	15.5	16.2(5)	16.7(2)
F8/F2	18.9	20.3(10)	21.3(18)	19.8(20)	19.2	20.1(10)	18.6(5)
T10в/T1	18.0	20.6(6)	21.2(18)	21.9(19)	-	20.4(11)	18.1(3)

Примечание: 1 - Гундоровка, погр. 9; 2 - мезолит Украины (Кондукторова, 1973) [11]; 3 - неолит Украины (Кондукторова, 1973); 4 - ямная культура Украины (Круц, 1984) [12]; 5 - Гундоровка, погр. 4 и 11; 6 - неолит Украины (Кондукторова, 1973); 7 - ямная культура Украины (Круц, 1984)

абсолютно низкая. Грушевидное отверстие узкое, слабо профилировано, подносовой шип небольшой (26). Носовые косточки коротковатые, узкие, с вогнутой спинкой. Строение носовой области свидетельствует о небольшом, узковатом, несильно выступающем и, видимо, с поднятым кончиком мягком носе. Следует также отметить глубокое нёбо, высокий симфиз нижней челюсти и, очевидно, судя по правилам восковой реконструкции, умеренную (?) профилировку лица на зигомаксиллярном уровне. В вертикальной норме лицо ортогнатно по указателю и углу выступания, а альвеолярная часть прогнатна.

На правой теменной кости черепа фиксируются два (три?) несквозных углубления (15,5 x 24,5 кв. мм и 13 x 34 кв. мм) подовальной формы, по всей видимости травматического происхождения, имевшие в прошлом большие очаги воспаления костной ткани.

Из длинных костей посткраниального скелета имеются левая плечевая, локтевая, правая лучевая и обе бедренные кости (табл. 2). Рост, вычисленный по этим костям, составил около 157-159 см по М. Троттеру и Г. Глезеру (1952) и 157,7 см по К. Пирсону и А. Ли (1899). По рубрикации В. В. Бунака [13] этот рост является средним в мировом масштабе. Но относительно европеоидного населения неолита его нужно оценивать невысоким. Пропорции скелета по возможным комбинациям (плечебедренный ук.=74,7, лучеплечевой=71,1 - брахикеркия) позволяют определить, видимо, брахиморфную конституцию человека. При этом развитие мышечно-жировой компоненты, судя по рельефу костей, очевидно, было средним.

Погребение 5. Представлено черепом довольно хорошей сохранности. Череп принадлежал человеку зрелого возраста. Половая принадлежность затруднительна, и в этом плане приходится сожалеть об отсутствии посткраниального скелета. По общему с московскими коллегами мнению, череп следует скорее считать женским. Поэтому его описание проведем по соответствующим категориям. Мозговая коробка имеет средние размеры продольного и высотного диаметров, очень широкая, выражено брахикранный. Рельеф ослаблен, выделяется более-менее лишь в области надпереносья (36). Лоб среднеширокий, но относительно верхней ширины лица (фронтомаллярный ук.) очень узкий, угол профиля большой. Затылок слегка выступает, его угол перегиба ниже среднего. Лицо очень широкое и столь же низкое, гиперэуриен. Выделяется крайне малой величиной высота верхней челюсти (точки ns-pr), равная 9,2 мм, что по графической реконструкции лица (рис. 5) заметно сближает кончик носа и верхнюю губу. Орбиты очень низкие, хамэконхные. Нос широкий, платиринный. Носовые косточки коротковатые, с вогнутой спинкой, по европеоидному масштабу выступают несильно и имеют невысокое переносье. Подносовой шип развит слабо. Горизонтальный профиль лица умеренный, особенно на зигомаксиллярном уровне, в вертикальной норме лицо ортогнатно. Из высотных характеристик лица следует также отметить очень низкое нёбо и симфиз нижней челюсти. Подбородочный выступ хорошо очерчен, выступает незначительно. Как видно, этот череп по ряду характеристик, особенно широтных, отличается от предыдущего, однако между ними еще больше сходства, особенно по расовой диагностике.

Погребение 9. Череп отсутствует. Из длинных костей нет левых плечевой, лучевой и обеих локтевых. По имеющимся костям определяется мужская принадлежность скелета, биологический возраст - 50-60 лет.

Плечевая кость недлинная, массивности ниже средней (ук. 6/5=69,6, ук. 7/1=18,0). Рост, определенный по таблице М. Троттера и Л. Глезера, составил в среднем 166,8 см, по формуле К. Пирсона и А. Ли - 169,6 см, по Г. Ф. Дебецу - 164,8 см, для европеоидов ниже среднего. По основным пропорциям можно лишь отметить мезатикеркию внизу интервала лучеплечевого указателя (75,1) и несколько повышенный по сравнению со средними цифрами плечебедренный указатель (74,0). По остальным же индексам фиксируется среднепропорциональное развитие скелета.

Погребение 11. Скелет представлен фрагментами черепа и, из длинных костей, правой плечевой костью. Была предпринята попытка реставрировать череп, однако, ввиду отсутствия многих частей и, как выяснилось, посмертной деформации, удалось склеить череп лишь частично. Все же некоторое и очень важное представление для сравнительного анализа получить можно. Во-первых, скелет принадлежал женщине зрелого возраста, во-вторых, мозговая коробка, как и у предыдущих черепов, не отличается массивностью. Ее размеры скорее ближе к средним, а по черепному указателю реконструируется, похоже, мезо-брахикранный (?). Из лицевого отдела имеются лишь правая половина без носовой косточки и левая ветвь нижней челюсти. Однако их морфологические особенности довольно определены, чтобы обойти их вниманием. Судя по ним, лицо скорее было небольшим, низким (62-64 мм?), орбиты низкими, а грушевидное отверстие узким (19-22 мм?). Нёбо высокос, а нижний горизонтальный профиль лица скорее довольно резкий. Ширина ветви нижней челюсти (34,5 мм) большая. Сравнение этого фрагментированного черепа с другими гундовскими показывает его близкое сходство с черепом из погребения 4.

Плечевая кость характеризуется средней длиной и небольшой массивностью (ук. 7/1=17,7; ук. 6/5=68,8). По всем параметрам она заметно меньше средних величин плечевой кости серий погребений неолита и ямной культуры Украины, то есть ее можно назвать грацильной (табл. 2). Рост, определенный только по этой кости, к примеру по М. Троттеру и Л. Глезеру (1952) - 162 см, по К. Пирсону и А. Ли - 163,6 см, не может считаться окончательно установленным.

Археологическая и хронологическая оценки описанных погребений позволяют отнести их предположительно к одной культуре, определение которой, правда, вызывает затруднения.¹ В этногенетической интерпретации, как известно, не последнюю роль играют и антропологические материалы, особенно если они

¹ Погребение №5 в целом не выбивается из структуры энеолитической части могильника, но не имеет собственной радиоуглеродной даты, поэтому иногда черепу из него аналоги подбираются отдельно.

довольно представительны. Однако и единичные, более-менее полные находки могут дать немалую информацию. Так, внутрigrупповое сравнение гундоровской серии, несмотря на фрагментарность костей некоторых погребенных, позволяет определить, во-первых, их сходство в плане ростовых характеристик - в целом небольших; во-вторых, по некоторым пропорциональным индексам длинных костей намечающуюся мезо-брахиморфию в сложении скелета; в-третьих, большую грацильность абсолютных размеров костей и меньшее развитие костного рельефа по сравнению с некоторыми сериями степных европеоидов мезолита - ранней бронзы (табл. 2); в-четвертых, наличие на плечевых костях всех описанных скелетов межмышцелкового отверстия - дискретно-варьирующего признака, являющегося в определенной степени маркером генетического родства. Сходство выявляется и по краниологическим материалам. Особенно близки между собой черепа из погребений 4 и 11. Череп из погребения 5 по основным расодиагностирующим характеристикам также сходен с ними, но отличается преимущественно большими широтными размерами. Все перечисленные черты сходства могут свидетельствовать об общем расогенезе "гундоровской группы" и, видимо, ее принадлежности действительно к какой-либо одной этнической группе. В плане расогенетической интерпретации следует отметить, что относительно одного гундоровского черепа (погр. 4) уже высказывался Л.Т. Яблонский [6]. По мнению этого исследователя, череп принадлежал грацильным, мезокранным и гипоморфным европеоидам, существовавшим в лесостепном Поволжье в поздненеолитическое время. Эта точка зрения Л.Т. Яблонского, поддерживаемая авторами, изложена и проанализирована на дополнительно полученном материале из лесостепного Заволжья в прежних работах одного из них [14; 15]. Однако, в части расовой таксономии, полагаем, что черепа подобного рода вряд ли следует называть европеоидными.

Рядом краниологов показано, что с древнейших времен на территориях, прилегающих к Уралу, проживали популяции грацильного сложения, физиономический облик которых содержал как "европеоидные", так и "монголоидные" черты, спор о происхождении которых не утихает до сих пор. Как показывают морфохарактеристики, именно к одной из таких популяций принадлежала и гундоровская. В таком случае почему бы ее в равной мере не отнести к древним монголоидам?

Полагаем, что здесь применима другая, самостоятельная терминология, которая используется для большей части древнейшего населения северо-востока Европы в работах Г.Ф. Дебеца (1948, 1961), М.М. Герасимова (1955), В.В. Бунака (1956, 1980), Г.М. Давыдовой (1989) и других исследователей, - уральский, древнеуральский, лапоноидный и т. д. тип/раса. В этой работе мы не будем раскрывать многочисленных доказательств в пользу самостоятельности этой расы(с)/типа(ов). Отметим лишь один пример, когда в ряде районов Земли локально проживают племена (к примеру, бушмены), облик которых довольно резко выделяется среди окружающих популяций и в то же время автохтонное происхождение которых доказано неоспоримыми фактами. Следует также добавить, что ввиду поступления нового палеоантропологического материала с территорий Приуралья предпринимались попытки оценить их расотаксономическое положение и более вескими - статистическими приемами [14; 16; 17]. Этими работами поддерживается мнение тех, кто возводил древнейшее население Урала в ранг самостоятельной расы, а многие группы прилесной зоны этого горного хребта воспринимал как ее локальные варианты с небольшой европеоидной или монголоидной примесью.

Что касается некоторого различия гундоровских черепов, то, скорее, это следствие обычной индивидуальной изменчивости в группе. Все же стоит выделить череп из погребения 5, представляющий классический лапоноидный тип. Другие гундоровские черепа, условно меряя их стандартами современной расовой систематики, можно сопоставить с беломоро-балтийским типом. Из такого рода сравнений, пожалуй, можно наметить определенную общность с древнейших времен представителей некоторых современных расовых типов лесной зоны Европы, что, естественно, не является новой идеей.

Нас же в большей степени интересует другое - поиск конкретных этногенетических корней древних гундоровцев. Задача трудная, поскольку, во-первых, ареал распространения этой расы в мезо-энеолите очень велик - охватывал не только лесную полосу Восточной Европы и Западной Сибири (?), но и, похоже, выступающие клинально к югу вдоль больших рек лесостепные области, во-вторых, не все известные культуры этих районов представлены палеоантропологическим материалом.

Пожалуй, из возможного предкового пласта можно исключить древнее население Волго-Окского региона, представляющее верхневолжскую и рязанскую культуры. Имеющаяся краниология (Ивановское VII, Черная Гора) представителей этих культур довольно специфична, доминирующим признаком является долихокрания.

На роль морфологических аналогов гундоровской серии прежде всего подходят мезо-брахикранные черепа Волго-Камья (Ново-Мордова, Пустая Морквашка?), Урала (Шигирские торфяники), "грацильные" черепа носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики (Языково, Эстония). Необходимо подчеркнуть большое морфологическое сходство гундоровского черепа из погребения 5 со среднеарифметическими цифрами серии Шагарского могильника (второй хронологический этап) Рязанской области.

Особый интерес вызывает отношение гундоровских черепов к местным предшествующему времени. Как оказывается, гундоровские черепа (погр. 4, 11) весьма схожи с неолитическими (Лебяжинка IV - едшанская культура, Чекалино IV а - культура гребенчатой керамики). Их различие - в основном лишь по черепному индексу: первые - мезобрахикраны, вторые - долихокраны. Черепа энеолитического Съезженского могильника (именно из коллективного погребения), представляющие самарскую культуру, несут тот же морфологический комплекс, что и их неолитические предшественники. Черепа хвалынской культуры известны пока только из одноименных могильников южной части Поволжской лесостепи. В целом они представляют

европеоидное население, но, по новым данным, в их состав входят и черепа древнеуральского типа, аналогичные, к примеру, съезженским. Тем не менее, представляется, что пришедшие в позднеэнеолитическое время в лесостепное Заволжье скотоводы "хвалынчане" были носителями преимущественно европеоидного комплекса и, следовательно, не могли быть генетической основой для популяций типа гундоровской. Относительно волосовского населения, также оставившего памятники в Самарском Заволжье, следует сказать, что, судя по имеющимся краниологическим материалам (Сахтыш II - Па, Панфилово, Володары, Старший Волосовский могильник), основной его компонент был европеоидным. Это косвенно подтверждается и строением скелета волосовцев (мезо-долихоморфных пропорций) - типично европеоидным. Видимо, между волосовским населением, представляющим Вехневожский регион, и гундоровским отсутствует прямая генетическая связь. Все же следует иметь в виду, что черепа "восточного" комплекса встречались и среди волосовского населения, особенно среди женского контингента.

Разумеется, из-за малочисленности сравнительного материала невозможно делать полновесные выводы о направлении генетических связей населения, оставившего гундоровский могильник, как и вообще об этногенетической истории Заволжских лесостепей. Все же на основании прослеженных археологических и палеоантропологических параллелей представляется, что ареал их предкового пласта очерчивается прежде всего лесными и лесостепными областями Волго-Уралья. И видимо, очевидное сходство гундоровских черепов с местными неолитическими и отчасти энеолитическими, а также определенное сходство по элементам погребального обряда, не следует воспринимать как случайное. Полагаем, что популяции типа гундоровской могли иметь очень древние местные корни.

На основании проведенного исследования можно заключить, что Поволжские лесостепи нельзя рассматривать только как зону контактов южных и северных культурных традиций. Здесь в силу стабильности климатических условий и значительной экологической емкости могла быть своя "лесостепная" линия развития населения. Благодаря гибкости различных типов хозяйства в лесостепи оказалось возможным сосуществование культур как местных неолитических охотников, так и пришлых скотоводов, с более развитым - металлургическим производством. "Сокский микрорайон" [18, с. 136-164], как уже отмечалось, археологически достаточно хорошо изучен. Кстати оказались и антропологические заключения. Комплексный подход в изучении Гундоровского могильника позволяет предположить, что памятник оставлен, вероятнее всего, позднеэнеолитическими племенами - носителями гребенчато-накольчатой техники орнаментации посуды, памятники которых широко известны в Поволжье и Прикамье [19, с. 35-36; 17, с. 144].

Возможно, в случае каких-либо резких внешних политических или природных перемен древнейшие аборигены частично отходили в глубины своей прародины - лесное Волго-Уралье (?). Однако с улучшением обстановки мигранты вновь занимали свои территории.

Следует сказать, что племена, адаптированные к условиям лесостепи, играли свою немалую роль в истории человечества, являясь проводниками в северные лесные районы основных производственных, социальных и духовных достижений.

Такие передвижки населения, учитывая длительность его существования, вполне могут объяснить и изменение некоторых культурных традиций, и эпохальное преобразование мозговой части головы в более округлые формы.

Точка зрения, выдвигаемая авторами, неоригинальна, но она построена на основе комплексного анализа археологических и антропологических материалов из лесостепного Поволжья и, следовательно, делает более весомым ранее высказанное предположение И.Б.Васильева [20, с.8] о существовании местной линии развития на протяжении эпох неолита и энеолита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1981.
2. Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990.
3. Отчеты И.Б.Васильева и Н.В.Овчинниковой об исследованиях в Красноярском районе Самарской области // Архив ИА РАН. Р-1.
4. Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.
5. Мамонов А.Е. Сергиевский район. Древность и средневековье (археологические очерки). Самара, 1997.
6. Алексеев В.П., Яблонский Л.Т. Палеоантропология Волго-Уральского региона эпохи неолита. Уфа, (в печати).
7. Шевченко А.В. Антропологическая характеристика населения черкаскульской культуры и вопросы его расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л., 1980.
8. Мкртчян Р.А. Палеоантропология неолитического и энеолитического населения юга европейской части СССР (по материалам могильников Госпитальный холм и Хвалынский): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987.
9. Неолит лесной полосы Восточной Европы (антропология Сахтышских стоянок) / Отв. ред. Т.И.Алексеева. М., 1997.
10. Яблонский Л.Т. Краниология Шагарского могильника // Древности Оки. М., 1994.
11. Кондукторова Т.С. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М., 1973.
12. Круц С.И. Палеоантропологические исследования степного Приднепровья. Киев, 1984.
13. Мамонов Н.Н. Опыт применения таблиц В.В.Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986.
14. Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи неолита с территории лесостепного Поволжья в связи с проблемой происхождения уральской расы // Вестник антропологии. 1996. Вып. 1.

15. *Хохлов А. А.* Население лесостепного Поволжья в нео-энеолите (по краниологическим данным) // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Ч.1. Уфа, 1996.
16. *Хохлов А. А.* К вопросу об "особой евразийской формации" // Вестник антропологии. 1996. Вып.2.
17. *Ражев Д. И.* Расотаксономическое положение населения Урала в период неолита-энеолита // Проблемы общей и прикладной экологии: (Материалы молодежной конференции). Екатеринбург, 1996.
18. *Барышкин П. П., Козин Е. В.* Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы соотношения нео-энеолитических культур в степном и южном лесостепном Поволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995
19. *Васильев И. Б., Выборнов А. А.* Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1988.
20. *Васильев И. Б.* Некоторые итоги и задачи исследования первобытных памятников лесостепного Поволжья // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991.

*Самарский государственный педагогический университет,
Лаборатория археологии Поволжья,
Самара*

N.V. Ovtshinnikova, A.A. Khokhlov

INVESTIGATIONS OF THE GROUND NECROPOLIS AT THE VILLAGE GUNDOROVKA IN THE FOREST-AND-STEPPE VOLGA REGION ZONE

Summary

The article deals with a necropolis found during excavations carried out at the Gundorovka settlement in the Krasnoyarsk District of the Samara Region, where materials from the Neolithic up to the Iron Age were found. The necropolis found had been initially attributed to the Volosovo cultural complex due to the features of the burial ritual defined (positioning of the necropolis within the settlement, burial of the dead into the cultural layer, different types of orientation of the graves and the very burial ritual, as well as the almost complete absence of the inventory). The radiocarbon analysis, though, led to a far earlier dating of the necropolis (the end of the IV - the beginning of the III millenium B.C.), while the anthropological survey made it possible to attribute the necropolis to one ethnic group within the ancient South - Urals race. The presented variant of the latter inhabited the forest, as well as forest - and - steppe zones in the Volga - Urals Region. The authors suppose that the Gundorovka necropolis was left by the Late Neolithic tribes of the Comb-stroke ceramics culture which had been inhabiting the Volga - Kama Region since ancient times.

*The Laboratory of the Volga Region Archaeology,
Samara State Pedagogical University
123, 127, Leninskaya St., Samara,
443041, Russia*

А.И. Королев

ПОСЕЛЕНИЕ ВОЛГАПИНО И ПРОБЛЕМА КОНТАКТОВ ВОЛОСОВСКОЙ И ИМЕРКСКОЙ КУЛЬТУР НА МОКШЕ И ВЕРХНЕЙ СУРЕ

Исследования В.П.Третьякова и А.А.Выборнова, предпринятые в нач. 1980-х гг. в Примокшанье, выявили ряд памятников нового типа эпохи энеолита. Раскопками были изучены поселения Имерка 5 [1], Новый Усад 4 [2], Имерка 6 [3]. Круг памятников типа Имерка 5 был объединен в имеркскую культуру, имеющую местное происхождение [4, с.149]. Волосовское население, по мнению В.П.Третьякова, было пришлым, вероятнее всего с территории Среднего Поволжья [5, с.65].

За прошедшее время фонд источников по имеркской культуре значительно увеличился благодаря раскопкам поселений Скачки [6], Грабово [7], Большой Колояр¹, Широмаково [8], Имерка 8[9]. Доисследовано поселение Новый Усад 4 [10]. Крупные коллекции материалов с этих поселений позволяют наметить решенные поставленные вопросы.

Весьма важным в этой связи представляется поселение Волгапино, изученное совместной экспедицией Самарского государственного педагогического университета и Пензенского государственного объединенного краеведческого музея в 1996 г. Памятник, открытый А.В.Циркиным в 1969 г., расположен на песчаной дюне в пойме р. Мокши. Раскоп площадью ок. 120 кв.м был привязан к раскопу В.В.Ставицкого 1990 г. и включал частично разрушенный котлован.

Публикация материалов находится в печати. В данной работе рассматриваются только энеолитические керамические комплексы.

Наиболее многочисленна керамика имеркской культуры (рис.1: 1-7): свыше 2000 фрагментов и 13 развалов. Керамика серовато-оранжево-коричневых оттенков, прочная, плотная, с толщиной стенок 0,7-0,8 см. В примеси содержатся органика, птичий пух, иногда шамот. Поверхность хорошо заглажена. Венчики, как правило, отогнуты наружу, с напылом на внутренней стороне. Доминируют приостренные днища, но отмечены и плоские. Сосуды обычно полностью орнаментировались, включая бордюрную зону и дно. На большей части всех фрагментов преобладает прочерченный орнамент. Оттиски гребенки и наколы играют здесь вспомогательную роль разделителей основных орнаментальных зон. Пятая часть керамики украшена зубчатым штампом с доминированием коротких оттисков, но более 70% фрагментов имеют отпечатки крупных штампов. Они нередко содержат следы зубчатого выравнивания на внешней поверхности, редуцированные напыльвы на внутренней стороне венчиков, своеобразные мотивы орнамента (рис.3: 1-4). Несколькую меньшую роль выполнял накольчатый орнамент - 18% керамики. Наколы скобковидной, полукруглой, треугольной, овальной формы наносились в отступающей манере. Среди мотивов наиболее употребительны горизонтальные ряды диагональных прочерченных линий, "паркет", "елочка со стеблем", запитрихованные треугольники, горизонтальный и вертикальный зигзаги, вертикальные прочерки, разреженные и частые ряды наколов и коротких оттисков гребенчатого штампа. Орнаментальные мотивы керамики поселения Волгапино на 80% повторяют орнаментацию посуды поселения Новый Усад 4. Сходство еще более усиливается наличием в материалах памятников льячек и литейных форм.

Имеркская керамика располагалась преимущественно в 5-м - 10-м горизонтах культурного слоя поселения, абсолютно преобладая в верхней части котлована жилища, ориентированного по оси СЗ-ЮВ. С верхним строительным уровнем связаны две очажные ямы, в которых были найдены фрагменты имеркских сосудов и обломки льячек. Глубже располагался слой светло-серой супеси, соответствующий нижней части

¹ Материалы фондов Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. Пользуясь случаем, приношу благодарность В.В.Ставицкому за предоставленную возможность ознакомления с коллекциями.

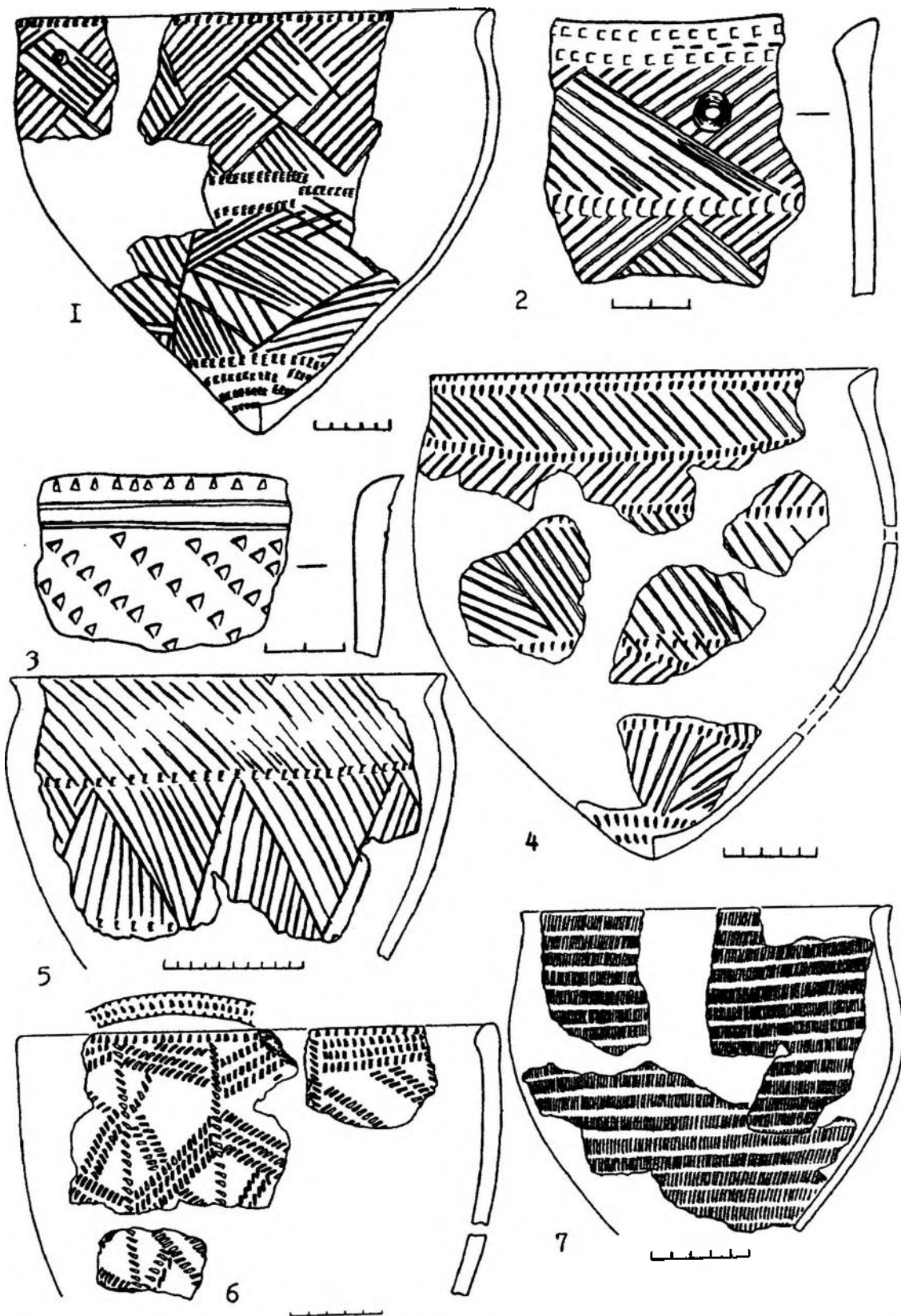

Рис. 1. Поселение Волгаино. Имеркская керамика

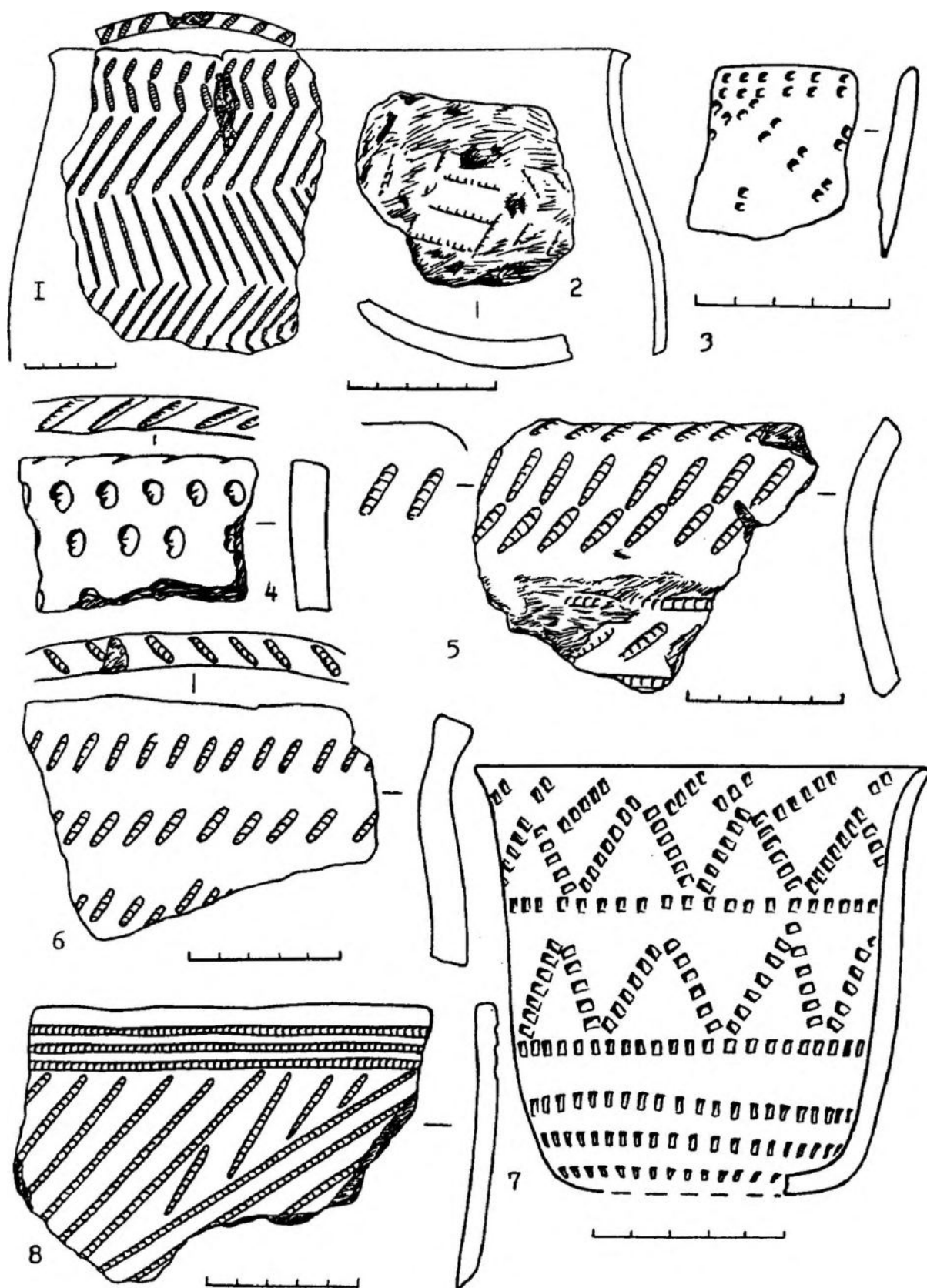

Рис. 2. Поселение Волгатино. Волосовская керамика

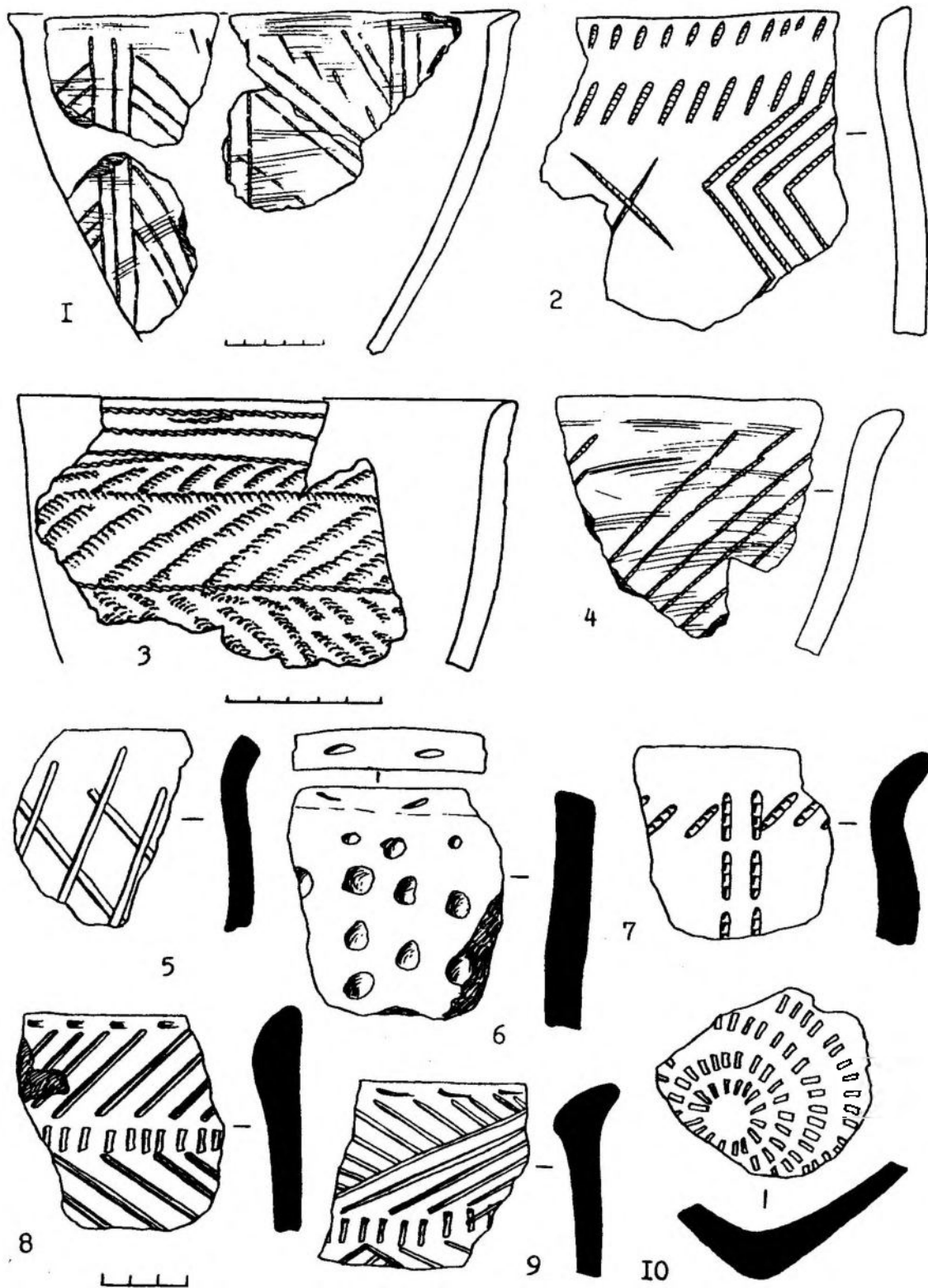

Рис. 3. Поселение Волгапино. Керамика смешанного облика (1-4).
 Поселение Имерка 5. Волосовская (5-7) и имерская (8-10) керамика

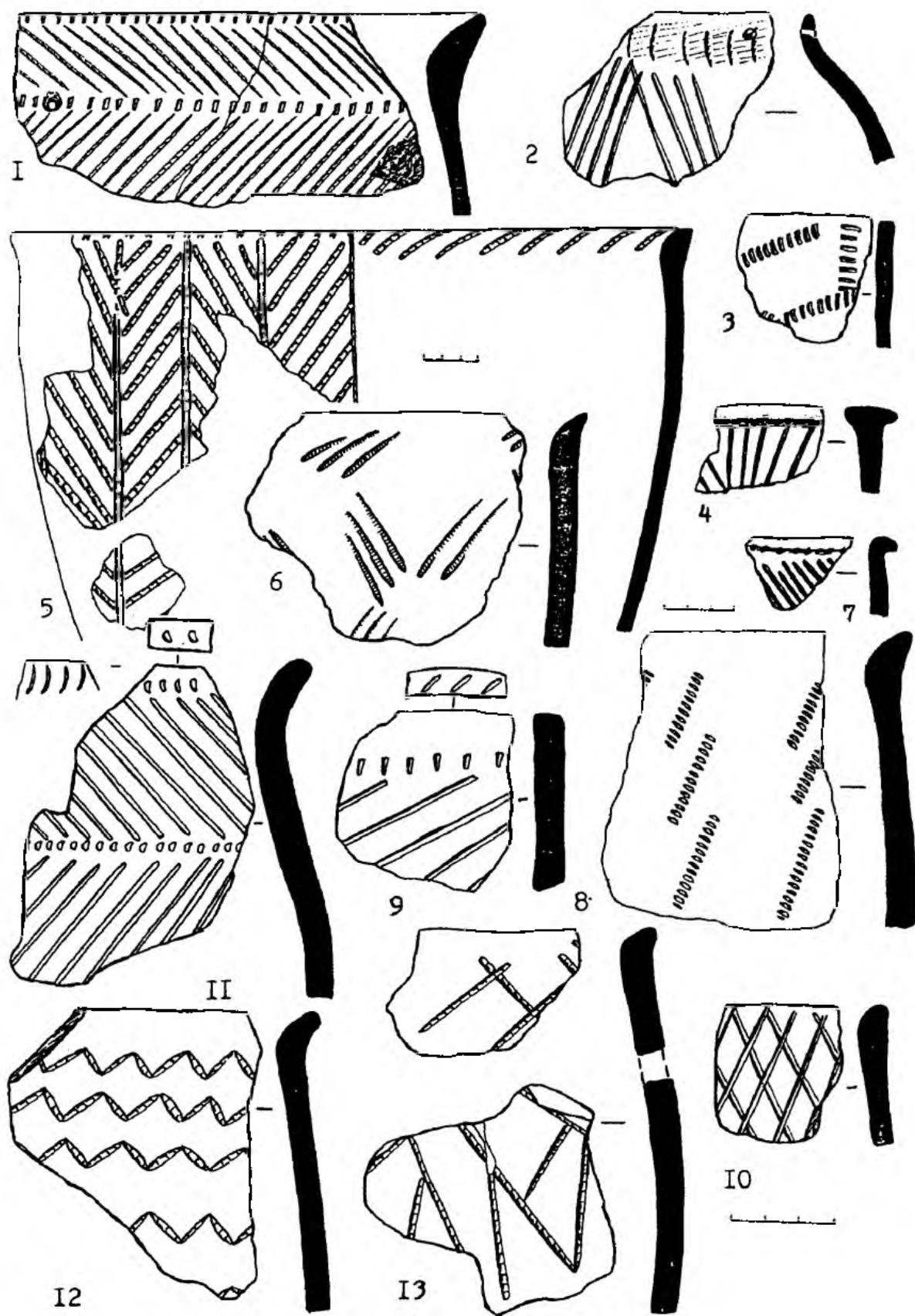

Рис. 4. Керамика с поселений Имерка 8 (1), Новый Усад 4 (2-7), Скачки (8), Большой Колояр (9-10), Грабово (11-13)

заполнения жилищного котлована. Ориентировка постройки на этом уровне не совпадала с ее контурами в верхнем горизонте. Длина сооружения составила 9 м, ширина более 6 м, выход на ЮЗ имел длину 2,6 м и ширину до 1 м. В его заполнении на глубине 9-14 горизонтов было найдено 80% волосовской посуды, включая все развалы.

Коллекция волосовской посуды состоит из 561 обломка примерно от 50 сосудов. Цвет фрагментов коричнево-серый, толщина 0,7-0,9 см, фактура хрупкая, в примеси - толченая раковина. Свыше половины венчиков прямые, реже встречаются слабо отогнутые, единичны Т- и Г-образные, 31% венчиков имеют утолщения в верхней части (рис.2). Отмечены округлые и плоские днища. Для орнаментации наиболее характерны оттиски зубчатых штампов и ямчатые вдавления, редки оттиски веревочки и прочерченные линии. Типичным является украшение срезов венчиков, нередко и их внутренней поверхности. Наиболее близка рассмотренной посуде керамика поселения Имерка 1Б [11]. В то же время необходимо отметить принципиальные различия в керамических традициях волосовской и имеркской культур.

Для волосовской посуды Примокшанья характерны наличие обильной раковинной примеси с включением птичьего пуха либо значительные органические добавки в глиняное тесто, хрупкость фрагментов, несколько утолщенные венчики разнообразных форм, округлые, уплощенные и плоские днища. Для орнаментации характерны различные по форме и размерам оттиски зубчатых штампов, ямчатые вдавления, короткие и длинные оттиски веревочки. Довольно редко встречаются оттиски рамчатых штампов, но при этом они являются ярким признаком волосовской культуры. Прочерченные линии редки, обычно поверхностны и небрежны. Орнаментальные мотивы часто лишены геометрзма.

В отличие от волосовской, керамика имеркской культуры плотная, прочная, с меньшей примесью органики; отмечено использование птичьего пуха, шмота. Внешняя поверхность хорошо заглаживалась. Очень выразительны отогнутые венчики с напылом на внутренней стороне, они составляют 80-98% от общего числа на имеркских стоянках. Абсолютно преобладают приотсранные формы днищ, реже встречаются плоские, единичны слабоогнутые. Пропорции сосудов стандартные - "шлемовидные". Весьма стандартна и орнаментация. Рисунку обычно плотно располагается по всему тулову, включая бордюрную зону и дно, в то же время, крайне редко присутствует на срезе и внутренней поверхности венчиков. Не менее половины фрагментов украшено четкими прочерченными линиями. В меньшей степени представлен накольчатый-ямчатый орнамент, выполненный в скорописной манере. Гребенчатые оттиски короткие, мелкозубые, характер их нанесения аналогичен накольчатому орнаменту.

Лишь незначительная часть керамики содержит признаки, сопоставимые с волосовской посудой. Среди них использование длинного зубчатого штампа, мелкозитой веревочки, некоторые формы венчиков, отмеченные в материалах ряда поселений. Эти факты свидетельствуют о некоторых заимствованиях, происшедших в результате существования имеркского и волосовского населения на одной территории. Однако различия между ними столь глубоки, что не позволяют усматривать их генетическую общность, и, следовательно, имеркские древности нельзя рассматривать как вариант волосовской культуры. Различия между ними станут еще рельефнее, если учесть широкое распространение обработки меди в имеркской культуре и единичные свидетельства о ней в материалах волосовских памятников региона. Кроме того, отличаются типы жилищ и ассортимент кремневых орудий: богатый и разнообразный в волосовских комплексах и более скромный в имеркских. Не вполне совпадают и ареалы распространения поселений рассматриваемых культур. Имеркская культура представляется адаптированной к условиям лесостепи. Наиболее северное поселение Ибердус расположено на р. Оке, неподалеку от места слияния ее с р. Мокпей. В настоящее время территория культуры включает Примокшанье и Верхнее Посурье.

Волосовская - типично лесная культура, в силу определенных причин освоившая некоторые лесостепные регионы в пределах пойменных лесов [12, с.89].

Топографическое положение имеркских и волосовских поселений, близкое время бытования, сходный набор кремневых орудий позволяют предполагать и близость хозяйственного уклада, основанного на охоте и рыболовстве. На поселении Имерка 8 среди тысяч костей животных выделено несколько особей собаки, остальные принадлежат промысловым животным. Здесь же обнаружено большое количество костей птиц, рыб, найдены рыболовные крючки, гарпуны, грузила, отпечатки сетей на керамике [11, с.146].

Совместное залегание и имеркских и волосовских материалов на поселениях региона зафиксировано многократно. В связи с этим вызывает интерес их стратиграфическое, а значит и хронологическое соотношение.

Поселение Волгапино демонстрирует четкую последовательность строительных горизонтов. Нижняя часть жилищного котлована, насыщенная волосовской керамикой, перекрывалась слоем с максимумом имеркской посуды. Появление имеркских материалов здесь связано с прекращением функционирования волосовского поселка. Верхняя граница имеркского слоя определяется керамикой балановского и катакомбно-полтавкинского типов, обнаруженной в верхних слоях поселений Волгапино и Новый Усад 4 [10, с.18-19].

При исследовании Нового Усада 4 было отмечено совместное залегание имеркской и волосовской посуды [13, с.65]. Последующие раскопки, проведенные В.В.Ставицким, подтвердили полученные выводы о том, что волосовская керамика позднего облика была распространена в средних и верхних слоях поселения [10, с.4]. Необходимо иметь в виду, что на небольшой дюне были построены два имеркских жилища, и часть материалов нижних слоев переместилась нанерх.

Важные наблюдения были сделаны В.П.Третьяковым при изучении поселения Имерка 5. Имеркские

материалы оказались разделенными на два горизонта стерильной прослойкой. В нижнем было обнаружено 33 фрагмента от волосовских сосудов с обильной органической примесью, толстостенных, с прямыми и отогнутыми венчиками [1, с.128]. Облик этой керамики не позволяет отнести ее к ранневолосовскому времени. При этом она, безусловно, предшествует верхнему слою с имеркской керамикой (рис.3 : 5-7).

На поселении Скачки было выявлено жилище, аналогичное постройке нижнего горизонта поселения Имерка 5, в заполнении которого залегало 51% имеркской, 23,4% поздневолосовской и 5% керамики со смешанными признаками [6, с.37]. Поселение Грабово на Верхней Суре содержало группу посуды, в которой сочетаются волосовские и имеркские черты [7, с.134]. Раскопки Имерки 8 дали крупную коллекцию волосовской посуды, при этом отложения волосовского времени перекрывались слоем, содержащим имеркскую керамику, в том числе и развалы сосудов [9, с.118].

Сосуществование двух групп населения в Примокшанье и Посурье оставило следы в их материальной культуре.

Эталонное имеркское поселение Имерка 5 почти не содержит таких заимствований. Посуда с отогнутыми наружу венчиками с массивными наплывами на внутренней стороне, приотстрепленными и небольшими плоскими днищами, прочная, орнаментировалась в прочерчно-накольчато-зубчатой технике с доминированием прочерков (рис.3 : 8-10). В коллекции полностью отсутствуют рыхлые по структуре фрагменты, близкие волосовским Г- и Т-образным формы венчиков, толченая раковина в примеси, расчески зубчатым штампом, орнаментация длинными оттисками гребенчатых штампов и крупными ямчатыми вдавлениями. Мелковитая веревочка отмечена на одном сосуде. Отсутствуют характерные волосовские композиции. Керамика других имеркских поселений в большей или меньшей степени содержит указанные признаки. Так, в керамике Имерки 8 отмечено применение длинного зубчатого штампа при общем доминировании имеркских традиций в изготовлении и орнаментации посуды (рис.4 : 1). Использование такого штампа наблюдается и в материалах поселений Имерка 6 и Широмазово. На поселении Новый Усад 4 отметим серию керамики, украшенную крупным зубчатым штампом и перевитой веревочкой. На подобной посуде зафиксированы следы зубчатого выравнивания, толченая раковина в тесте и близкие волосовским формы венчиков (рис.4 : 2-7). Керамика поселения Скачки содержит сосуды с разреженным орнаментом, изготовленные по имеркской технологии, но украшенные веревочкой, накрученной на палочку. Присутствуют и орнаментальные мотивы, близкие волосовским (рис.4 : 8). Посуда Большого Колояра имеет традиционный имеркский облик, некоторое своеобразие которому придает наличие плоско срезанных венчиков, обычных для волосовской керамики (рис. 4 : 9-10). Материалы такого поселения, как Грабово, демонстрируют результат длительного взаимодействия волосовского и имеркского населения. Обнаруженная здесь посуда характеризуется плотным тестом с примесью органики и шамота. Выделяются типично имеркские сосуды с полным набором характерных признаков, сосуды, за исключением плотной фактуры соответствующие волосовским, и керамика смешанного облика (рис. 4 : 11-13). Свообразие последней группы определяется присутствием в одном сосуде традиций двух культур, без явного преобладания одной над другими. Подобное развитие контактов нашло отражение в керамической группе имеркского облика с поселения Имерка 4 [14, с.115]. Фрагменты непрочные, со значительной примесью органики, небрежно орнаментированные наколами, гребенкой и прочерками. Следует упомянуть материалы поселения Подлесное 5 [15]. Керамика имеет плотную фактуру, в примеси содержит шамот, бурюю крошку, незначительно - органику. Сосуды с отогнутыми венчиками без утолщений, с уплощенными и округлыми днищами, с преобладанием в орнаменте зубчатых штампов соответствуют поздневолосовскому времени. Вместе с тем, редкая, но типично имеркская прочерченная техника в орнаментации свидетельствует о восприятии волосовским населением некоторых имеркских традиций.

Таким образом, керамика рассмотренных поселений демонстрирует длительные контакты населения волосовской и имеркской культур в Примокшанье и Верхнем Посурье, которые фиксируются в наличии смешанных керамических комплексов. Появление имеркских материалов на рассматриваемой территории, исходя из данных стратиграфии, можно отнести к развитой поре существования волосовской культуры. А отсутствие прямых данных о генетической связи местного неолитического населения и носителей имеркской культуры не позволяет принять тезис об автохтонном характере последних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Третьяков В.П. Поселение Имерка 5 - памятник эпохи энеолита в Примокшанье // СА. 1987. №1.
2. Выборнов А.А., Третьяков В.П. Поселение Новый Усад 4 на реке Мокше // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.
3. Третьяков В.П., Выборнов А.А. Поселение Имерка 6 // КСИА. Вып. 185. 1986.
4. Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л.,1990.
5. Третьяков В.П. Волосовские племена в Европейской части СССР в III - II тыс. до н.э. Л., 1990.
6. Ставицкий В.В. Поселение Скачки на Верхней Мокше // Древние поселения Примокшанья. Саранск, 1992.
7. Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Грабово 1 в Верхнем Посурье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара. 1995.
8. Беговаткин А.А., Гришаков В.В. Исследования поселений эпохи бронзы и раннего железного века в Примокшанье // АО-1995. М., 1996.
9. Королев А.И. Многослойное поселение Имерка 8 на р. Вад // Историко-археологические изыскания. Самара, 1996.

10. *Ставицкий В.В.* Новые раскопки поселения Новый Усад 4 // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Самара, 1992.
11. *Королев А.И.* Поселение волосовской культуры Имерка 1Б на реке Вад // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
12. *Овчинникова Н.В.* Керамика волосовского типа с Гундоровского поселения // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части СССР. АЭМК. Вып.19. Йошкар-Ола, 1991.
13. *Королев А.И., Третьяков В.П.* Поселение Новый Усад 4 в Мордовии // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991.
14. *Выборнов А.А., Королев А.И.* Поселение Имерка IV в Приокшанье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
15. *Третьяков В.П.* Стоянка Подлесное 5 близ г. Пензы // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.

*Самарский государственный
педагогический университет*

A.I. Korolev

**THE VOLGAPINO SETTLEMENT AND THE PROBLEM OF CONTACTS OF THE VOLOSOVO
AND IMERKA CULTURES ON THE MOKSHA AND THE UPPER SURA RIVERS**

Summary

New materials on the Eneolithic period in the Volgapino settlement on the Moksha river are presented in the article. Analysing the pottery the author subdivides it into two groups relating to the Imerka and Volosovo cultures. Data on cultural and chronological correlation between the materials of the two cultures in the Moksha basin and the Upper Sura basin are also given. The conclusion about the cultures' deep genetic difference is made. The stratigraphic analysis shows the close time of their existence. Examining the pottery the author shows the way in which the Volosovo and Imerka populations were influencing each other, which resulted in the emergence of syncretic dishes.

*Samara State Pedagogical University
47, L. Tolstoy St., Samara,
443010, Russia*

К.В. Воронин

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ С СЕТЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Материалы, связываемые с культурой сетчатой керамики, встречаются в обширном арсале лесной зоны Европейской части бывшего СССР на многочисленных памятниках (преимущественно поселениях) в районах Волго-Окского междуречья, Верхней Волги, Валдая, Приладожья, Прионезья, Карелии и Восточной Прибалтики.

Критерием их обособления для всех без исключения исследователей является своеобразный рисунок на керамике из плотно поставленных бессистемных неглубоких оттисков штампа, формирующих "рябь", отличающуюся от привычного орнамента отсутствием геометрической структуры и композиции. Последнее создало определенную трудность в его описании, которая, однако, была преодолена. Корицей российской археологии В.А.Городцов охарактеризовал этот рисунок как отпечаток древних тканей, назвав его в соответствии с технологией "текстильный". Название прижилось, но в быту стало сосуществовать параллельно с ассоциативным - "сетчатый". Ныне это фактически взаимозаменяемые термины, используемые разными авторами в соответствии с их предпочтениями для описания одних и тех же находок.

Несмотря на длительный период, прошедший со времени выделения керамики с сетчатой (или текстильной) орнаментацией из совокупности сосудов бронзового века, вопрос о происхождении связанной с ней культуры до сих пор окончательно не решен. При большом разнообразии интерпретаций источников исследователями формируется два подхода - интеграционный и автохтонный, выражающих дуализм мнений, в данном случае неизбежный, при решении задачи путем выстроения гипотез. Сформировавшись в 50-х годах нашего столетия, эти подходы сосуществуют до настоящего времени, присутствуя во взглядах исследователей разных поколений, порой представителей одних научных школ. Судя по опубликованным работам, к "интеграционистам" следует отнести О.Н.Бадера, П.Н.Третьякова, А.Л.Никитина, М.Г.Косменко и Л.В.Ванкину. Идеи автохтонности развиваются в трудах А.Я.Брюсова, Б.С.Жукова, М.Е.Фосс, Н.Н.Гуриной, Д.А.Крайнова, И.А.Лозе и С.В.Ошибкиной.

При сходстве в объяснениях принципов формирования культуры сетчатой керамики фактологическое содержание гипотез сторонников каждого подхода довольно разное.

Взгляды "интеграционистов", как правило, отличаются оценкой степени участия в процессе формирования культуры с сетчатой керамикой элементов "аборигенных" позднеэнеолитических культур лесной зоны и "припльых" культур бронзового века. Под аборигенными здесь понимаются элементы неолитических культур с ямочно-гребенчатой керамикой. Припльыми считаются элементы культур боевых топоров и шнуровой керамики, волосовской, абалпевской и поздняяковской. Сторонники этого подхода, уделяя основное внимание исторической оценке комплексов с сетчатой керамикой, широко используют в исследованиях понятия этнокультурного уровня.

О.Н.Бадер полагал, что "процесс формирования культуры с текстильной керамикой следует рассматривать как отражение процесса ассимиляции разнородных этнических элементов и постепенного слияния их в единое целое. Этот процесс завершается в период появления на Оке поселений с резко преобладающей и "чистой" текстильной керамикой, вероятно, в самом конце 2 или, скорее, в самом начале 1 тыс. до н.э.,... на всей обширной территории он не мог протекать одновременно. ... Нет основания возражать против участия в ... формировании (культуры сетчатой керамики - К.В.) потомков неолитического населения с ямочно-гребенчатой керамикой, как и волосовских, фатьяновских, балановских, поздняяковских и абалпевских элементов. Ее образование явилось актом нивелировки, слияния всех разнородных элементов, которые впитал в себя Волго-Окский край в предшествующие века богатыми событиями 2 тысячелетия до н.э." [1, с.36].

П.Н.Третьяков расценивал формирование культуры с сетчатой керамикой как результат интеграции при равном участии всех культурных элементов, присутствовавших на северо-западе лесной зоны и в Волго-Окском междуречье. "Распространение текстильной керамики следует рассматривать как один из по-

казателей культурно-этнической интеграции, основной силой которой являлись финно-угорские племена Поволжья и Прибалтики. В процессе этой интеграции исчезло различие между потомками местных и волго-окских пришлых финно-угорских камско-уральских племен (под пришлыми понимаются племена волосовской культуры - К.В.), утратились последние следы фатьяновских, балановских и абашевских традиций. Поздняковские племена вошли в рамки той же культуры.” [2, с. 135].

А.Л. Никитин отводил ведущую роль в интеграционном формировании культуры с сетчатой керамикой элементам культуры постнеолитического населения Волго-Окского края: “...Очень долгое время все внимание исследователей древней истории Волго-Окского междуречья оказывалось сосредоточенным на ярком и редком материале чужих культур эпохи бронзы, а незранные многочисленные следы аборигенов незаметно оказывались отгесненными в более раннее время. Только в конце 2 тыс. до н.э. эти действительные хозяева междуречья внезапно предстают перед нами в своем этническом и культурном единстве, оказавшемся способным принять и “переварить” все многообразие внешних влияний, которыми была заполнена прошедшая эпоха. В том же, что перед нами именно они, коренные обитатели этих земель, мне кажется, не возникает сомнения. Достаточно вспомнить традиционные формы и технику гончарного дела предшествующих эпох, приемы обработки и формы каменных орудий.” [3, с. 85].

Л.В. Ванкина, рассматривая происхождение восточноприбалтийской сетчатой керамики, полагает, что ранняя текстильная (пористая сетчатая) керамика в своем происхождении связана со ппуровой и развивается в результате взаимодействия культуры кубков с местным поздненеолитическим населением [4, с. 114-124].

Интересный анализ посуды из комплексов с сетчатой керамикой с территории Карелии по “методу пережитков” проведен М.Г. Косменко. Исследователем выделена группа сосудов, в формах и орнаментах которых присутствуют элементы, характерные, по его мнению, для керамики фатьяновской и поздняковской культур, в сочетании с архаизирующими постнеолитическими чертами. В целом, истоки культуры с сетчатой керамикой М.Г. Косменко видит за пределами Карелии, в более южных областях лесной зоны [5, с. 33-62].

Взгляды сторонников автохтонного подхода отличаются прежде всего степенью детализации при определении аборигенных культур, традиции которых являлись предковыми по отношению к сетчатой керамике. Как правило, в своих трудах эти исследователи очень осторожно используют понятие “археологическая культура”, предпочитая говорить только о посуде с сетчатой орнаментацией или памятниках с сетчатой керамикой.

По мнению А.Я. Брюсова, сетчатая керамика возникла и развивалась на большом пространстве в древних культурах Волго-Окской области и севернее, в культурах с ямчато-зубчатой керамикой, а не в фатьяновской или абашевской культуре. А.А. Спицын и Б.С. Жуков также пришли к выводу о наибольшей вероятности развития текстильной керамики из древнейших вариантов поздненеолитической ямочно-гребенчатой посуды.

В.П. Третьяков отмечал, что “везде она (сетчатая керамика - К.В.) формируется на базе тех или иных культур в различных областях этой огромной территории (Волго-Окского междуречья - К.В.)” [6, с. 29].

Н.Н. Гурина полагала, что культура сетчатой керамики сформировалась на основе традиций поздненеолитического населения с редкоямочной керамикой. “Рассматривая памятники, предшествующие текстильной керамике, трудно допустить, что эта керамика могла зародиться в недрах фатьяновской, слишком велико различие между ними, проявляющееся в примеси к глине, степени обжига, технических приемах обработки поверхности, толщине стенок, форме и орнаментации сосудов. ... Не удастся найти общих черт между текстильной и волосовской керамикой: иной характер теста, иные толщина стенок, форма и узор на сосудах. Не много общего имеет эта керамика и с сосудами эпохи бронзы, известными на этой и соседней территориях - галичской и турбинской культур. Вместе с тем, эта территория исключительно богата памятниками эпохи неолита, в том числе относящимися к позднему его этапу. Сравнение сосудов таких поселений с сосудами раннетекстильными, известными на этой территории, так же впрочем, как и всего Верхнего Поволжья, дает значительное количество общих черт.” Помимо близости в формах и способах изготовления сосудов “... между обеими группами нет резких различий и в орнаментации. Ранние сосуды с отпечатками ткани украшены преимущественно ямками, размещенными не только по венчику, но и по всему или почти по всему сосуду, а также несложным узором, нанесенным гребенкой.” [7, с. 201-202]. Происхождение сетчатой керамики от неолитической предполагала М.Е. Фосс в связи с рассмотрением материала со стоянки Умиленье [8, с. 63-69].

Генетическая связь памятников с сетчатой керамикой с памятниками культур ямочно-гребенчатого неолита отмечается С.В. Ошибкиной на примере материалов стоянок из Восточного Прионежья [9, с. 148].

Тезис о происхождении культуры сетчатой керамики от ямочно-гребенчатых неолитических культур развивается Д.А. Крайновым.

По мнению И.А. Лозе, пористая сетчатая керамика Восточной Прибалтики, залегающая в слоях поселений совместно с поздненеолитической пористой керамикой, украшенной по ровной поверхности (аборский керамический комплекс), представляет с последней единое культурное явление, но хронологически сосуществует со ппуровой керамикой, переживая последнюю [10, с. 120].

При значительных различиях в развиваемых научных концепциях во всех исследованиях, затрагивающих проблематику комплексов с сетчатой керамикой (за исключением работ, посвященных восточно-прибалтийским материалам), культура сетчатой керамики рассматривается как однородное статичное культурное образование, не обладающее региональной спецификой, отраженной в локальных вариантах, и динамикой изменения во времени.

До настоящего времени не были сделаны общий обзор материалов комплексов с сетчатой керамикой и определение своеобразия их вещевого набора на разных территориях. Классификация сетчатой посуды на основании декора, формы и состава керамической массы, необходимая для первичного территориально-хронологического членения материалов всей культуры, осуществлена только для района Восточной Прибалтики [10, с. 120-122].

Поэтому предварительная задача этой работы виделась в определении относительной хронологии древностей, связанных с культурой сетчатой керамики, и выделении ее локальных вариантов. Основное внимание уделялось керамике как материалу, облик которого способен в течение долгого времени сохранять в себе реминисценции технологических и декоративных традиций предшествующих эпох и одновременно изменяться весьма динамично и значительно под воздействием факторов хозяйственного и культурного порядка. На основании отмеченного выше свойства глиняной посуды была проведена классификация керамики с сетчатой орнаментацией и определена региональная специфика ее форм и орнаментов. Намеченное хронологическое членение древностей, связанных с культурой сетчатой керамики, выполнялось на основе анализа элементов формы и декора посуды и сопутствующего орудийного инвентаря, которые, как оказалось, порой соотносимы с традициями изготовления, декорирования керамики и обработки камня более ранних археологических культур или культур бронзового века сопредельных территорий. Также использовались данные естественно-научного датирования, произведенного для отдельных комплексов с сетчатой керамикой. Полученные результаты по возможности интерпретировались с исторических позиций.

Как известно, совокупность материалов, связанных с культурой сетчатой керамики, выделяется по специфическим отпечаткам - сетчатой ряби на поверхности сосудов, о происхождении которых высказывались различные мнения. Впервые они были объяснены как отпечатки ткани В.А.Городцовым. Позднее этот тезис нашел развитие в специальной статье А.Я.Брюсова, на основе сетчатых отпечатков давней охарактеристику ткачества эпохи бронзы в лесной полосе Европейской части СССР. Сетчатые отпечатки объяснялись автором не как орнамент, а как следы от заглаживания поверхностей сосудов тряпками [11, с.287-305]. Мнение о технологическом характере текстильных отпечатков разделяется И.А.Лозе и специалистом по ископаемым тканям А.И.Заррина, полагающими, что эти отпечатки были нанесены посредством прикладывания к поверхности сосудов ткани на дощечках [10, с.88-89]. А.А.Бобринский определяет сетчатые отпечатки как следы от инструментов, использованных при изготовлении сосудов в технике выколачивания. А.Л.Никитин рассматривал сетчатые отпечатки как орнамент, справедливо указывая, что во многих случаях поле сетчатого рисунка образовано отпечатками зубчатого штампа, щепы или шнура, причем последний является не самой распространенной орнаментальной составляющей [3, с.69-88].

На большинстве целых форм сетчатой керамики и ее фрагментах, рассмотренных автором этой работы, рябчатая поверхность также была получена с помощью различных штампов (зубчатого, гладкого, щепочного), которые при желании можно трактовать и как отпечатки орудий древнего гончара. Но присутствие сетчатых (текстильных) отпечатков на таких простых в изготовлении, несомненно лепившихся от руки предметах, как глиняные пряслица (стоянки Ватажки, Плещеево III, Липовка I - рис. 12: 5), позволяет рассматривать сетчатые отпечатки на поверхности глиняных изделий как декоративный, а не технологический орнамент.

Возможно, одним из элементов стереотипа, коим руководствовался древний мастер при изготовлении данных керамических изделий, являлось создание декора в виде поля сплошной орнаментации, который в этом случае формировался с помощью "крапления" больших участков поверхности предметов сетчатыми отпечатками. Тип орнамента, применяемого для этой цели, вероятно, имел второстепенное значение: в равной мере могли использоваться гладкий, зубчатый штамп и щепка, в меньшей степени шнур. Правда, в применении орнаментов для создания сетчатого рисунка прослеживаются региональные предпочтения. Так, шнуровой штамп в основном встречается на сетчатой керамике, происходящей из западных районов лесной зоны (Восточная Прибалтика и сопредельные территории) [4, с.114-124; 10, с.88-92].

По функции заполнения поверхности сосуда сплошным однородным орнаментальным полем сетчатый рисунок, по всей видимости, следует рассматривать как прямое продолжение традиций декора керамики культур лесного неолита, который в целом состоял из поля сплошного орнамента, полностью занимавшего внешнюю поверхность сосудов. Неорнаментированная неолитическая глиняная посуда на территории лесной зоны не известна. Совершенно иные композиционные принципы лежат в основе декора керамики культур эпохи бронзы лесной зоны, исторические корни которых находятся за пределами лесной полосы (фатьяновско-балановской, абашевской). Орнамент на посуде данных культур помещался только в верхней части сосудов и иногда на их донцах. В комплексах этих культур довольно часто встречаются вовсе не орнаментированные керамические формы. Не исключено, что декор на керамике фатьяновско-балановской и абашевской культур нес иную смысловую и семантическую нагрузку, нежели на посуде с сетчатой орнаментацией.

Ранние формы сетчатой посуды выделяются на территориях Восточной Прибалтики и северо-запада лесной полосы - в Приладожье, Прионежье, на Валдае и в Верхнем Поволжье.

На территории Восточной Прибалтики широко распространена пористая сетчатая керамика. Эта керамика - черепки сосудов с отпечатками ткани, по терминологии И.А.Лозе, встречена на всех поселениях позднего неолита и ранней бронзы Лубанской низменности: Лагажа, Абора, Эйни; стоянках Лейманишки (среднее течение р. Малта) и Крейчи у оз. Лиелаис-Лудзас. Комплекс с пористой сетчатой керамикой исследован на стоянках Акали и Кулмяги в Эстонии, эта керамика в небольшом количестве представлена на поселении Сарнате (материалы Л.В.Ванкиной, Я.Я.Граудониса, И.А.Лозе, Л.Ю.Янитса) [4; 12; 10; 13].

Для ранней текстильной керамики Восточной Прибалтики характерна большая примесь органики в тес-

те. По составу керамического теста она продолжает традицию культур нарвской и пиестиня. Сетчатый рисунок покрывает большую часть поверхности сосудов, иногда он совмещен с расчесом (рис.1; 2: 3; 3: 1-4). Как вариант существует и несколько иная разновидность сетчатой орнаментации на керамике с отпечатками ткани на дощечках, по терминологии И.А.Лозе. На поверхности керамики последней разновидности сетчатые отпечатки расположены "пятнами" площадью в несколько сантиметров, простирающимися в горизонтальном и вертикальном направлениях (рис.2: 5,6; 3: 1,3). Несетчатые орнаменты на пористой текстильной керамике, как правило, представлены композициями, сформированными из простых элементов (поясков, зигзагов), выполненных орнаментами одного типа (гребенчатым, узким гладким штампом или перевитым шнуром), а также ямок и насечек. Обычно эти композиции помещены в верхней части сосудов, чаще всего свободной от сетчатых оттисков (рис.1: 3,5; 3: 2; 4). Иногда геометрические штампованные рисунки наносились поверх сетчатого "фоновом" орнамента (рис.1: 4; 2: 5,6). Крупные формы сетчатой посуды представляют собой котловидные сосуды (рис.1: 1, 3-5; 2: 5,6). По классификации И.А.Лозе среди них выделяется несколько разновидностей. Это сосуды с плавно отогнутым наружу краем и хорошо выраженной шейкой, плавно переходящей в округлое тулово; сосуды с отогнутым наружу краем и короткой шейкой, обладающие округленным вытянутым туловом; сосуды с отогнутым наружу краем и короткой шейкой, переходящей в сильно расширенное тулово, близкое к шаровидному; сосуды баночной формы, имеющие округленный и срезанный ободок края; котловидные сосуды, морфологические прообразы которых хорошо известны еще в среднем неолите [10, с.88-92].

Для большей части пористой сетчатой посуды больших размеров характерны уплощенные донца. Исключение составляют котловидные сосуды с прямыми стенками и чуть утолщенным краем, во всех известных случаях обладающие округлыми днищами.

Мелкие формы пористой сетчатой керамики представлены округлыми мисками, плоскодонными и круглодонными, и оригинальными ладьевидными сосудиками (рис.1: 2; 2: 3), возможно, имеющими прототипы, аналогичные по облику емкости из комплексов нарвской культуры.

На всех поздненеолитических поселениях Восточной Прибалтики пористая сетчатая керамика залегает совместно с украшенной по ровной поверхности пористой поздненеолитической керамикой. Керамика аборского типа (рис.2: 2,4; 3: 5,6) и ранняя текстильная керамика Восточной Прибалтики обладают сходством в морфологическом строении сосудов (та и другая посуда с эвидным профилем или отогнутым венчиком, котловидным туловом, плоскодонная) и композициях орнаментов, а также имеют сходный состав керамического теста, отличающийся обилием органической примеси. По мнению И.А.Лозе, пористая сетчатая керамика и пористая поздненеолитическая керамика, украшенная по ровной поверхности, представляют собой единое культурное явление [10, с.81]. Возможность этого отрицал В.П.Третьяков, утверждая, что пористая сетчатая керамика произошла от восточноприбалтийской ямочно-гребенчатой керамики [14, с.3-15]. Но находка за пределами Восточной Прибалтики археологического комплекса, в целом сложившегося единовременно, состоящего из пористой текстильной керамики аборского типа, служит дополнительным весомым аргументом в подтверждение взглядов И.А.Лозе (стоянка Стан 1, Удомельский р-он Тверской обл.) [15, с.319-332].

Орудийный инвентарь комплексов с ранней текстильной керамикой Восточной Прибалтики представлен орудиями, форма и техника изготовления которых характерны для времени позднего неолита - раннего бронзового века. Он состоит из листовидных, треугольно-черепковых наконечников стрел, оформленных краевым ретулированием (рис.6: 15,16). Значительную долю метательного вооружения составляют ромбические и треугольно-черепковые наконечники копий и дротиков, оформленные крупными двусторонними сколами и короткой полукруглой ретушью по краям (рис.6: 18, 19, 22). Выразительны серии ножей и скребков на крупных отщепах (рис.6: 17). Рубящие представлены сланцевыми топорами-теслами трапециевидной формы с округлым или подпрямоугольным сечением (рис.6: 21), в единичных экземплярах известны сверленные тесловидные топоры, изготовленные из диорита или сланца (рис.6: 13).

Согласно датам по С-14, пористая сетчатая керамика существует в течение довольно короткого отрезка времени. Ее разновидность, керамика с отпечатками ткани на дощечках, исчезает уже к концу 1-ой четв. II тыс. до н.э. А во 2-ой четв. II тыс. до н.э. вся пористая сетчатая керамика постепенно замещается позднетекстильной, отличающейся отсутствием органических добавок в керамическом тесте и крайней бедностью и редкостью геометрических орнаментов. Не исключено, что этот процесс растянулся вплоть до сер. II тыс. до н.э. И.А.Лозе предполагает, что трансформация пористой сетчатой керамики связана с воздействием на нее керамики лубанского типа [10, с.121-122].

За пределами Восточной Прибалтики пористая сетчатая керамика встречается на Кривинском торфянике в Западной Белоруссии, на стоянках Усвяты в Псковской обл., Репище, Троица 1, Стан 1, Сияя Гора 1 на Валдае (материалы М.П.Зиминой, А.М.Микляева, В.В.Сидорова, И.Н.Черных).

Другой тип ранней сетчатой керамики был распространен на северо-западе лесной полосы и в районе Верхнего Поволжья. Она встречается на поселениях Репище, Сорочий Остров, Троица 1 на Валдае, стоянках Городища и Ловцы 1 на западе и юге Ярославской обл. (рис.4: 5). Сосуды, относимые к данному типу ранней сетчатой керамики, имели профилированные формы, в которых шейка от тулова отделялась более-менее выраженным перегибом, блюдцевидные или отогнутые венчики, покаты бока и, вероятно, округлые или приостренные доньпки. Шейки, плечики сосудов и изредка верхняя часть тулова были покрыты горизонтальными рядами ямчато-зубчатого рисунка (рис.4: 5: 1-7, 10, 11, 17-19). Чаще всего орнаментация тулова состояла из зон сетчатых оттисков, иногда совмещенных с расчесом. Формовка некоторых сосудов была сделана весьма небрежно, что выразилось в асимметричности профилировок некоторых изделий (рис.4: 4). В составе слабо опесчаненного керамического теста значительна примесь дресвы. Изнутри поверхность

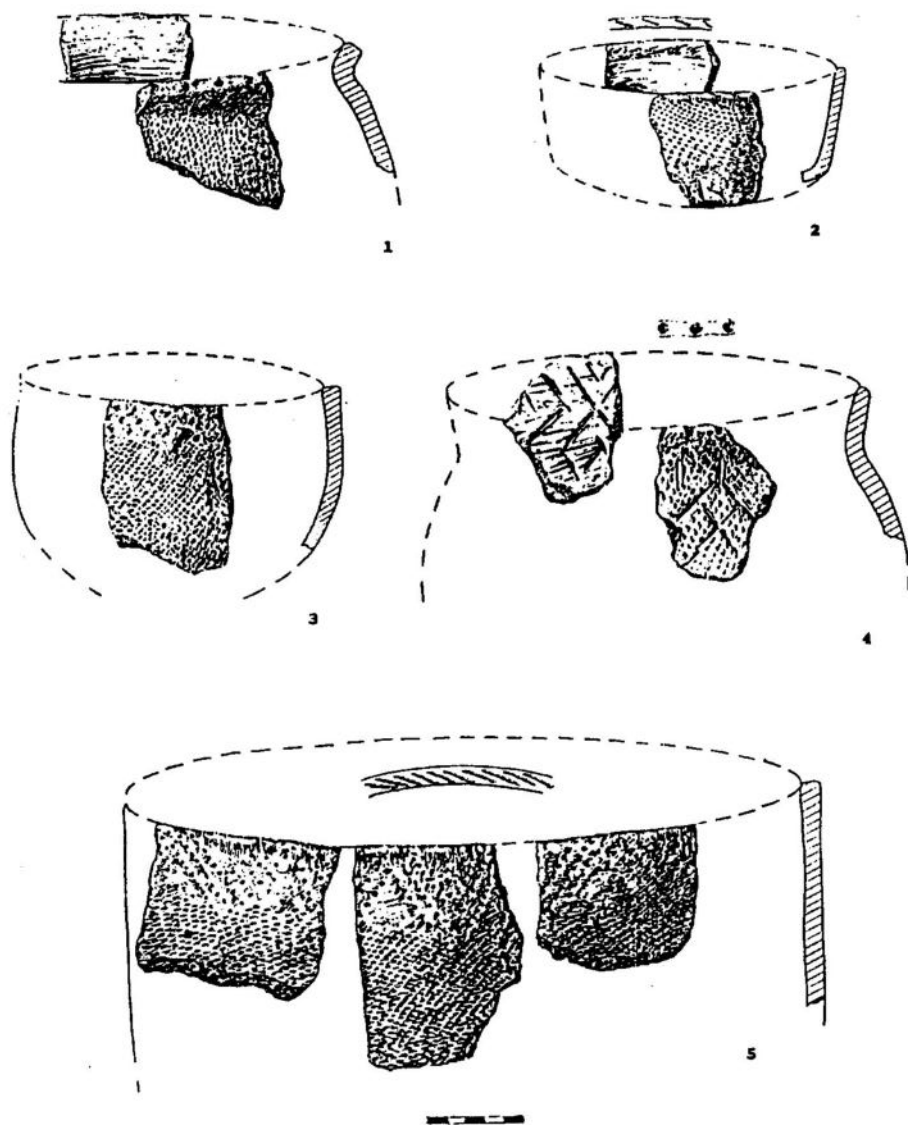

Рис. 1. Пористая сетчатая керамика с поселения Абора 1
(по И.А. Лозе)

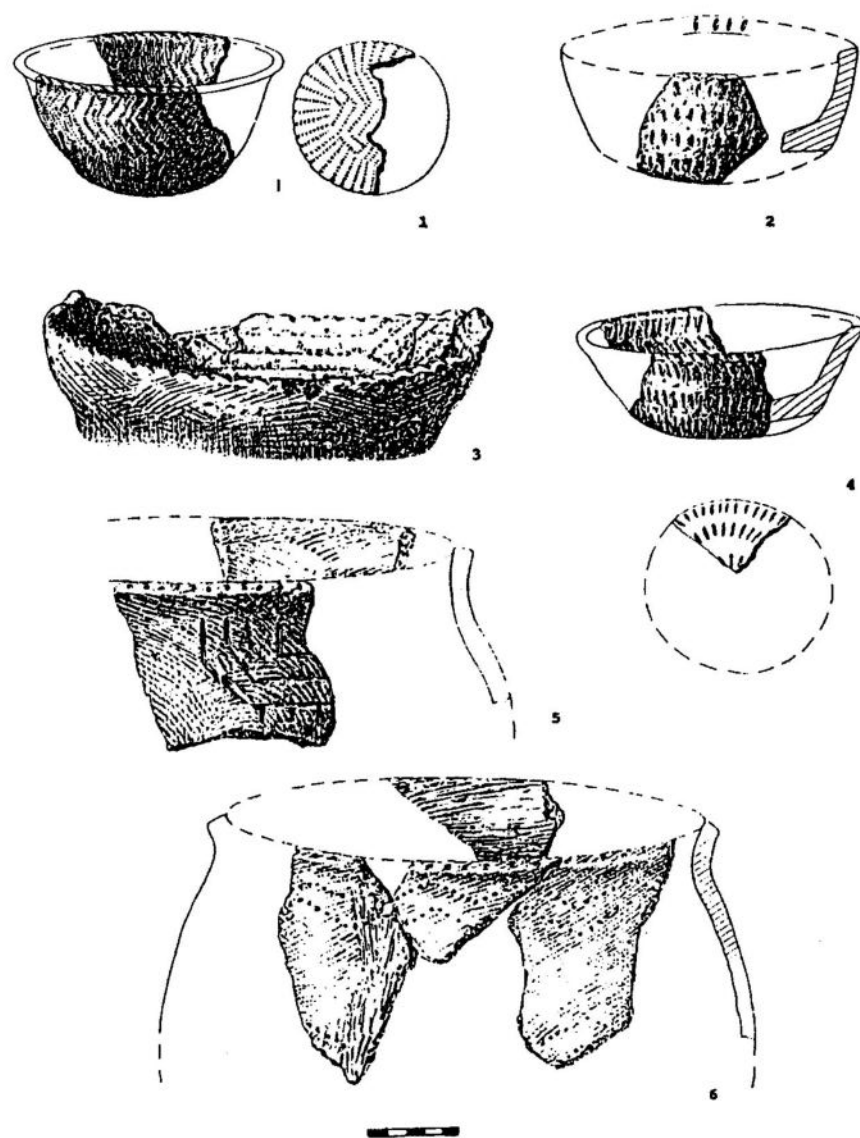

Рис. 2. Пористая сетчатая керамика с рисунком по ровной
поверхности (1, 2, 4), пористая сетчатая керамика "с отпечатками
ткани на дощечках" (3, 5, 6,) с поселения Абора 1 (по И.А. Лозе)

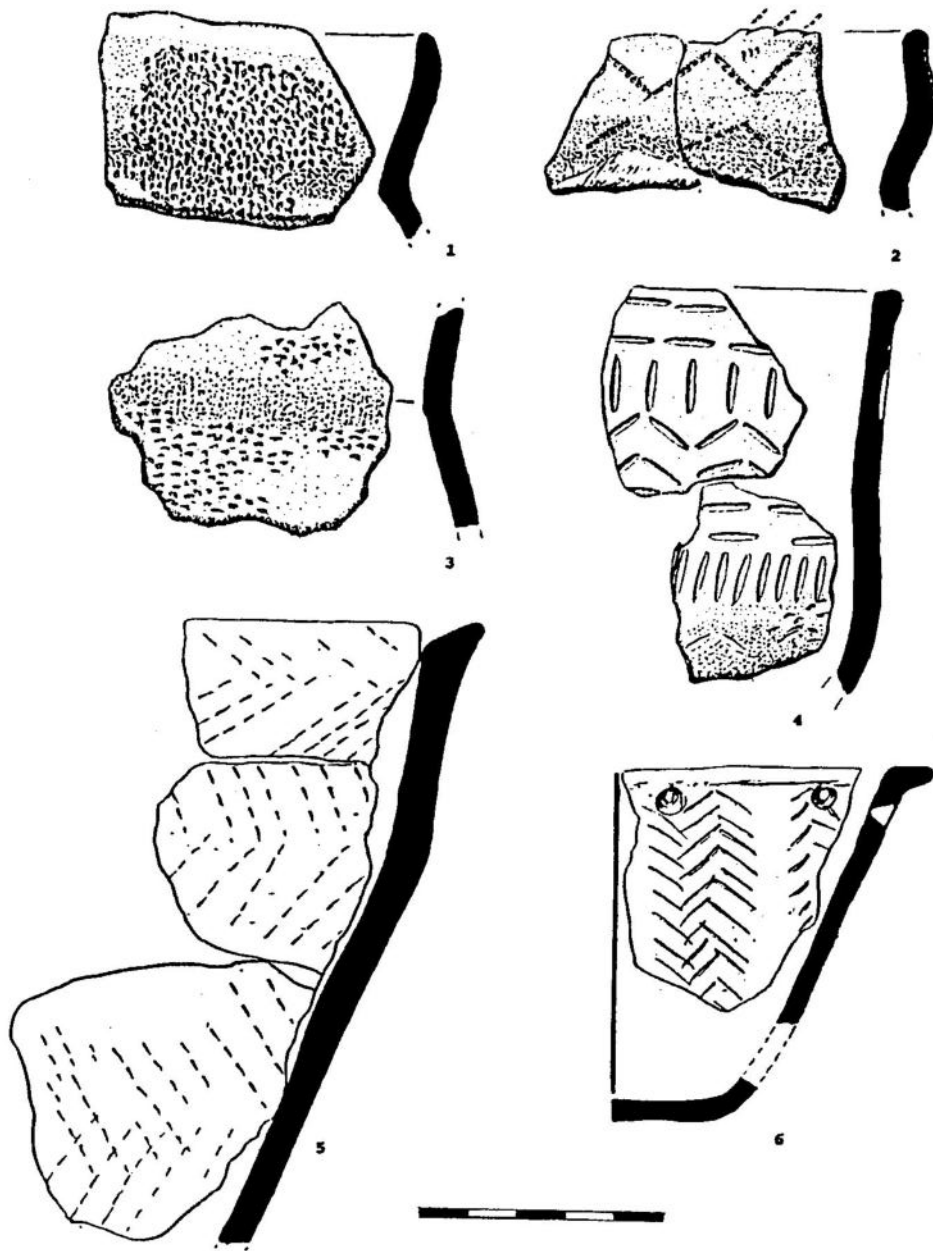

Рис. 3. Пористая сетчатая керамика (1-4), пористая керамика с рисунками по ровной поверхности (5,6) со стоянки Стан I

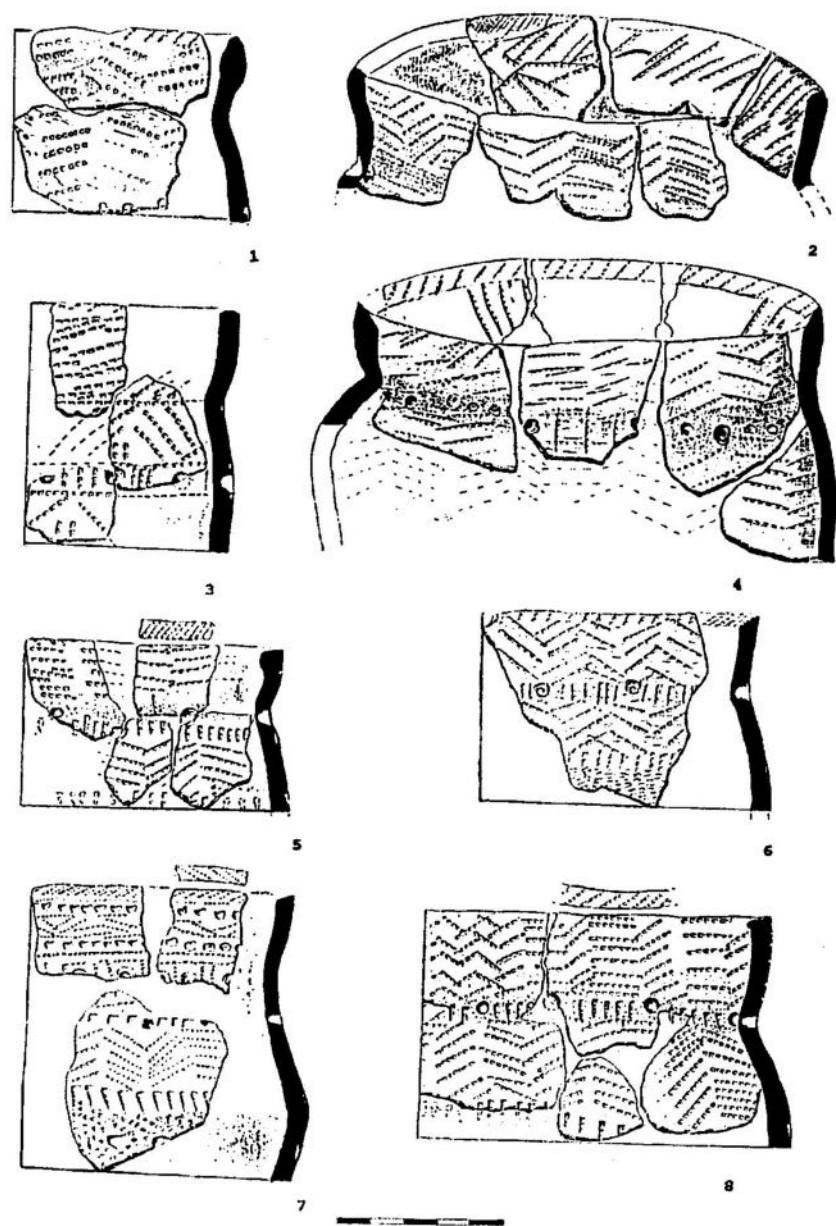

Рис. 4. Ранняя сетчатая керамика с ямчато-зубчатой орнаментацией со стоянки Троица

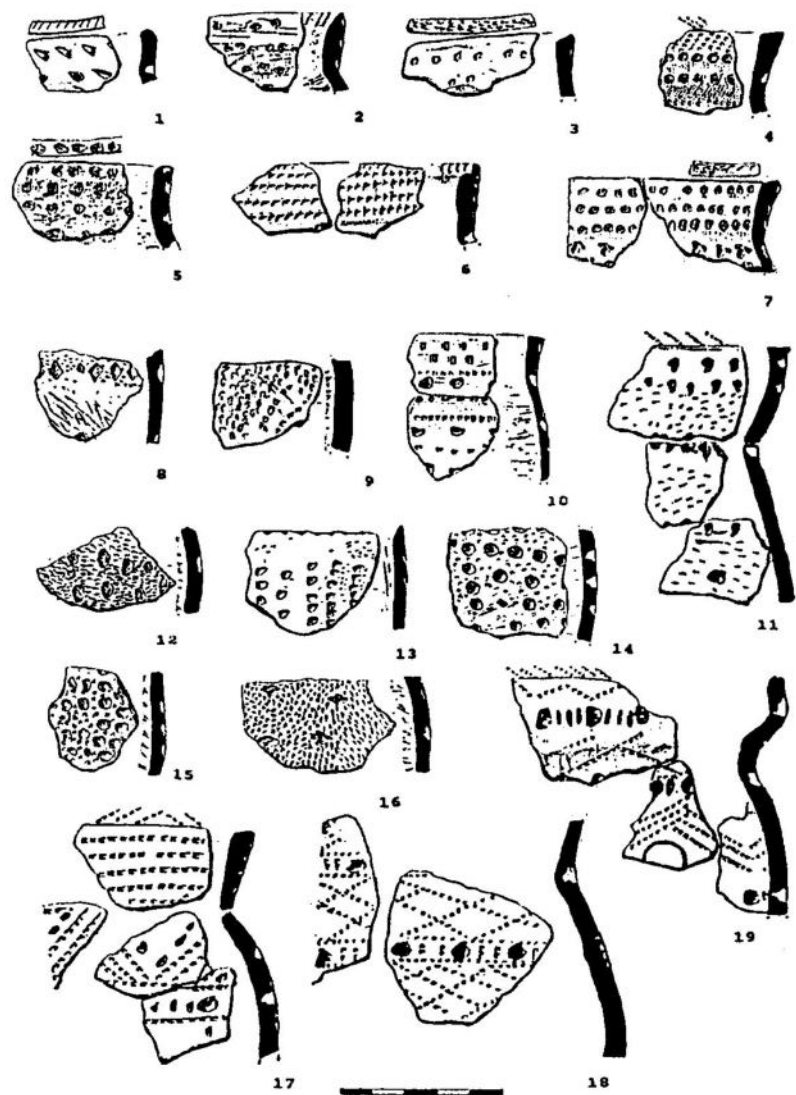

Рис. 5. Ранняя сетчатая керамика с ямчатой (1-11) и ямчато-зубчатой орнаментацией (17-19). Фрагменты стенок ранних сетчатых сосудов (8, 9, 12-16). Стоянки Троица (1-16), Юхоть (17-19)

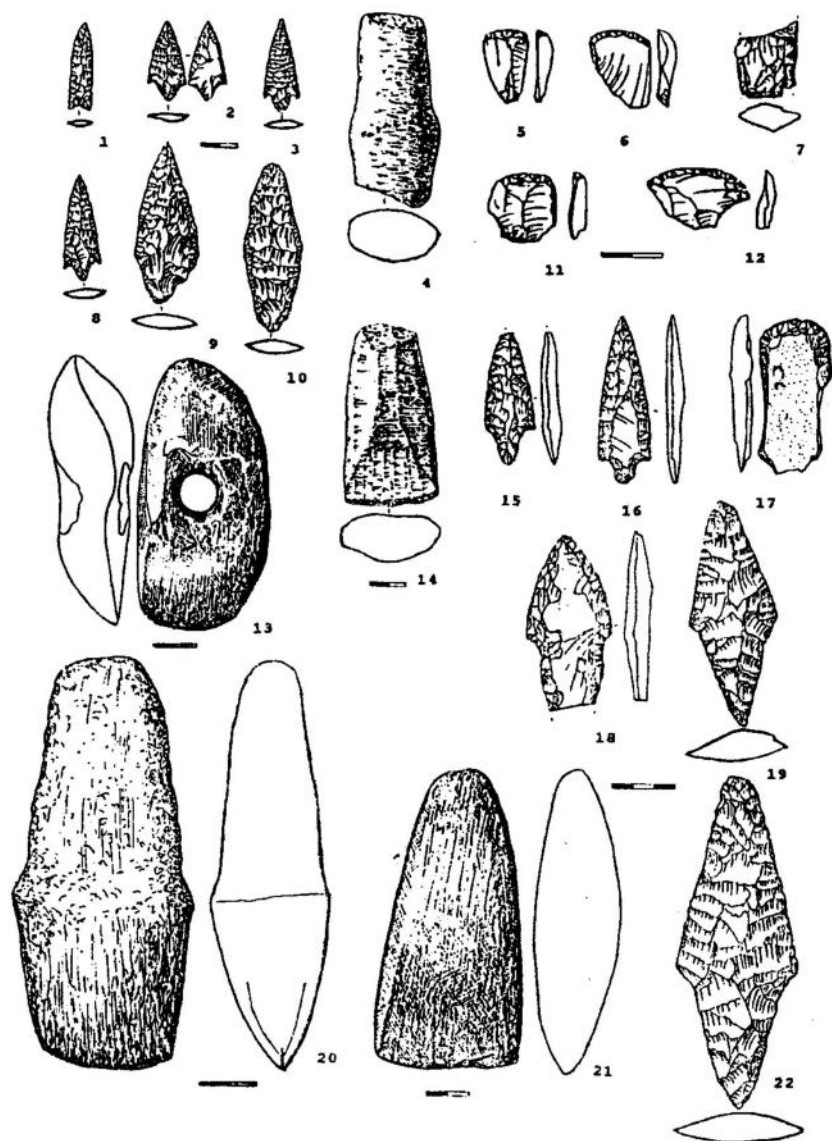

Рис. 6. Каменные орудия из комплексов с ранней сетчатой керамикой: 1-12, 14-20 - встречены с ранней сетчатой керамикой с ямочно-зубчатой орнаментацией; 13, 15-19, 21, 22 - встречены с пористой сетчатой керамикой. Восточное Прионежье - стоянка Тихманга (1-4, 8-10, 14, по С.В. Ошибкиной), Валдай - стоянка Стан 1 (13, 15-19, 21, 22), Верхнее Поволжье - стоянки Юхоть (5-7, 11, 12), Ловцы (20)

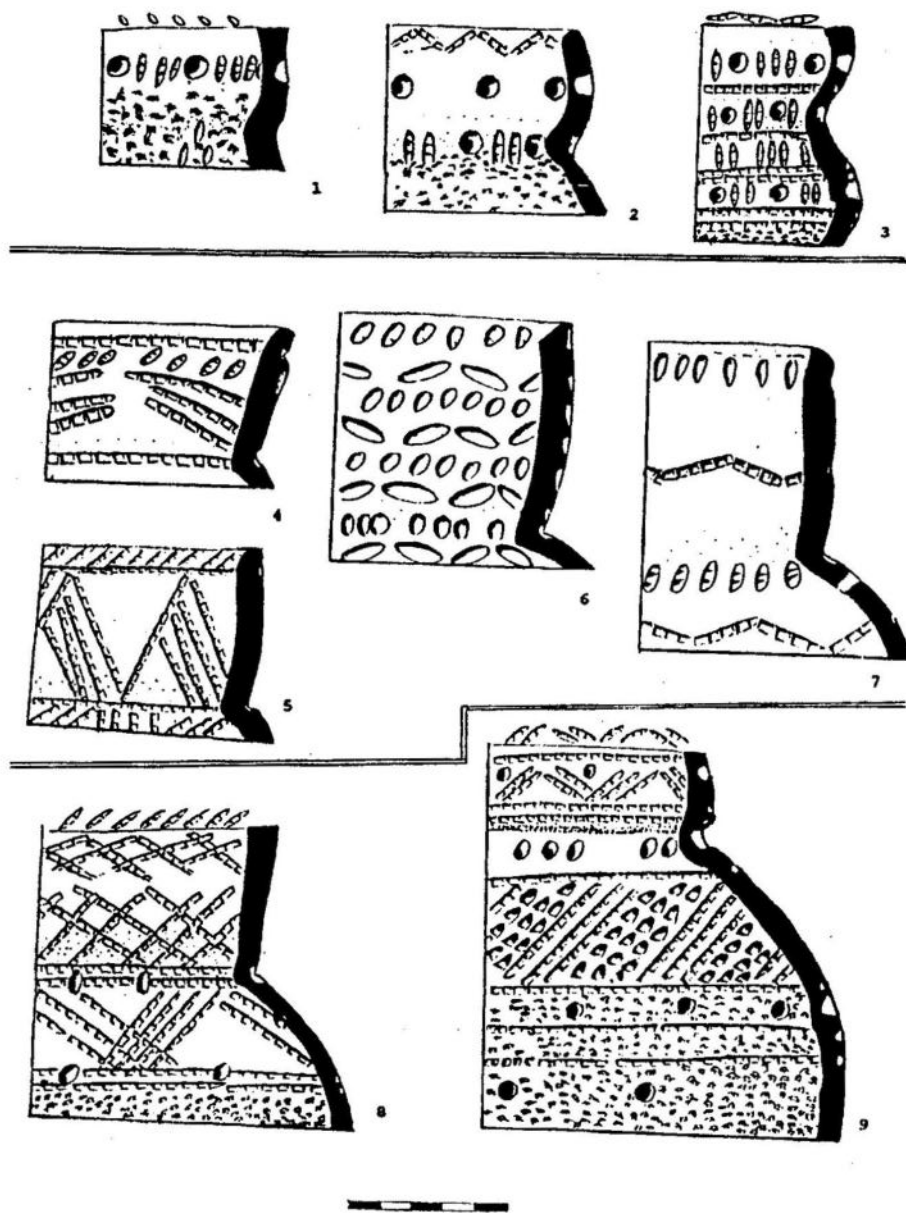

Рис. 7. Стоянка Варос. Ранняя сетчатая керамика с ямчато-зубчатой орнаментацией (1-3). Чирковская керамика (4-7). Гибридные керамические формы с сетчатыми, фатьяновско-балановскими и чирковскими элементами в форме и в декоре (8,9)

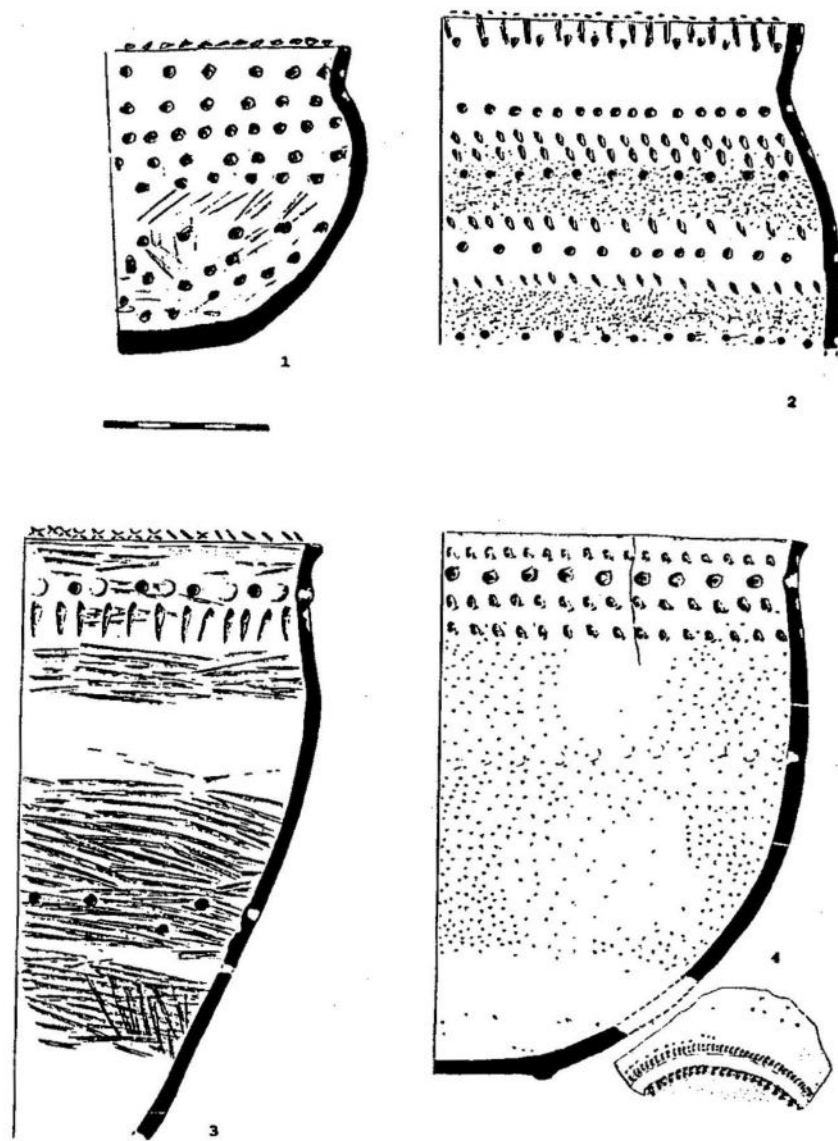

Рис. 8. Сосуды, входящие в комплексы с развитой сетчатой керамикой бронзового века. Стоянка Липовка 1

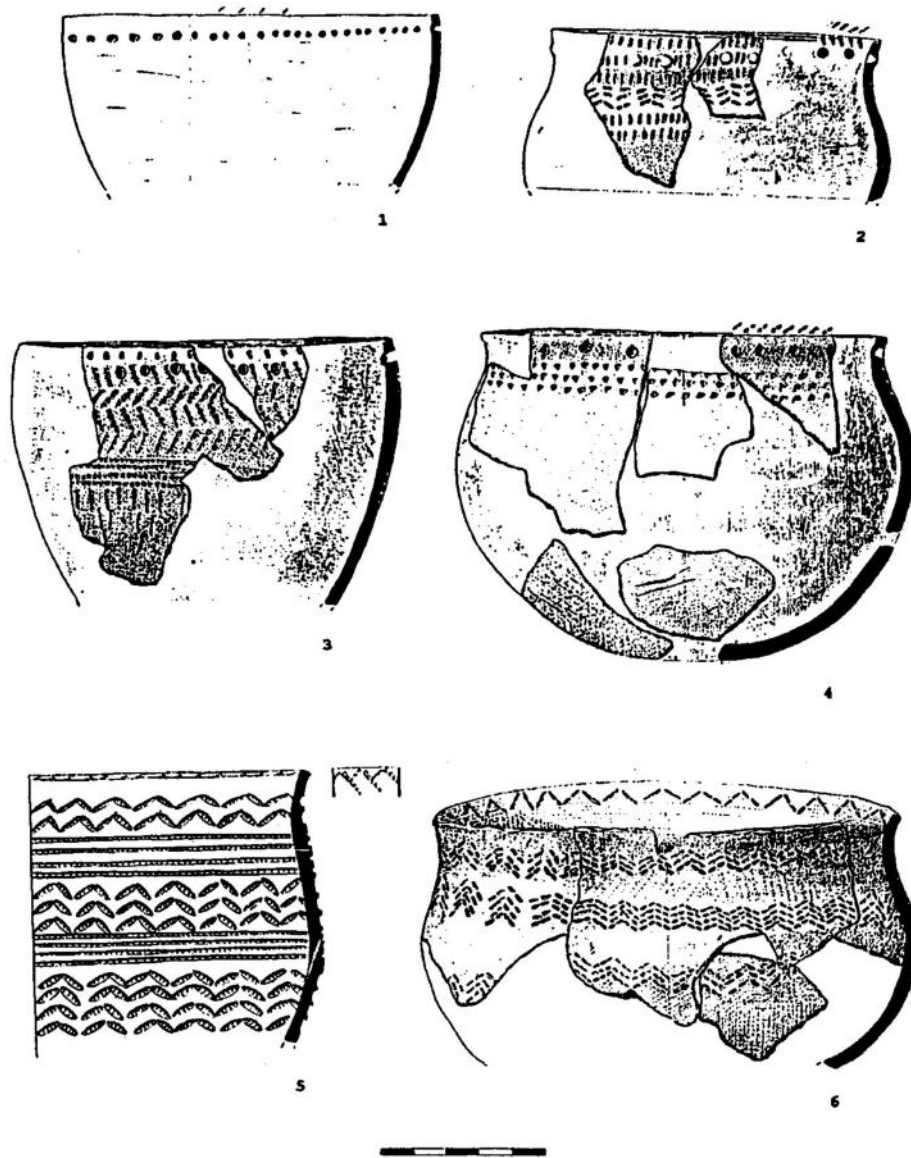

Рис. 9. Сосуды, входящие в комплексы с развитой сетчатой керамикой бронзового века. Стоянка Липовка I

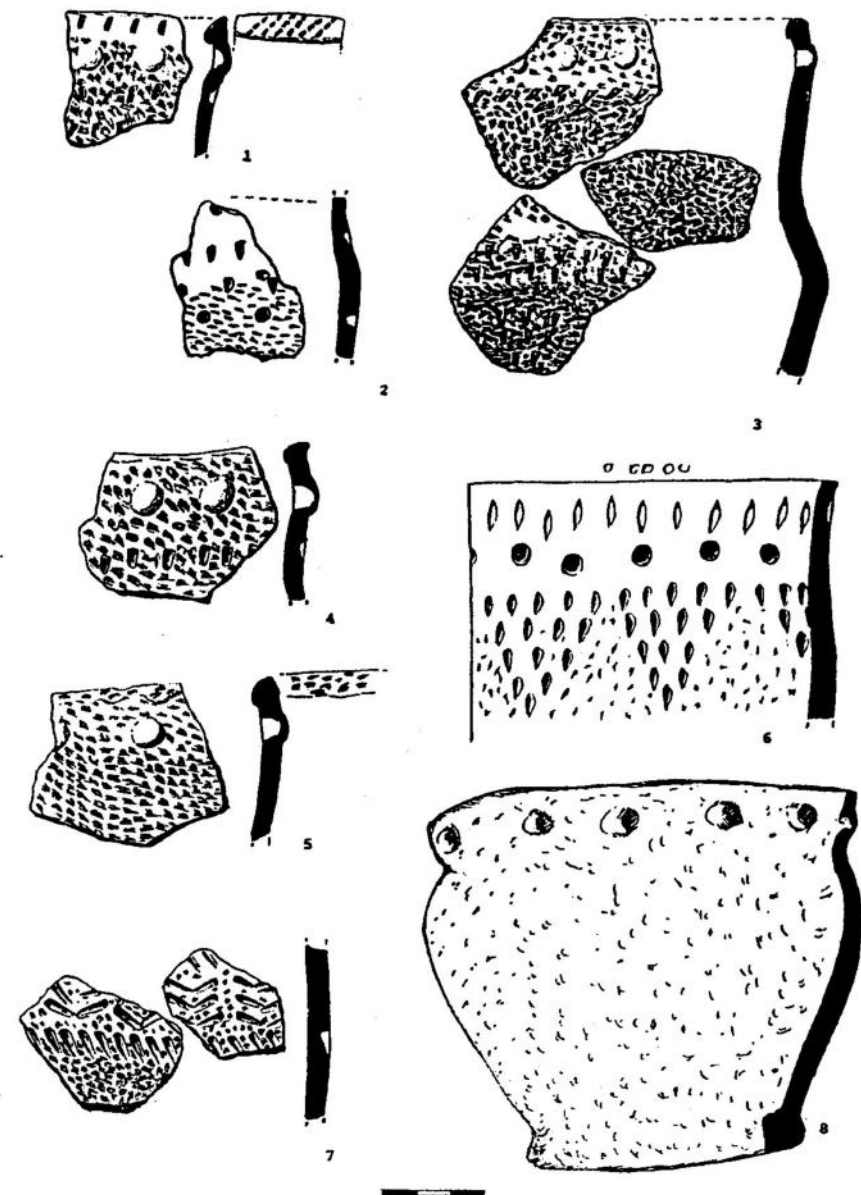

Рис. 10. Развитая сетчатая керамика бронзового века. Стоянка Липовка I

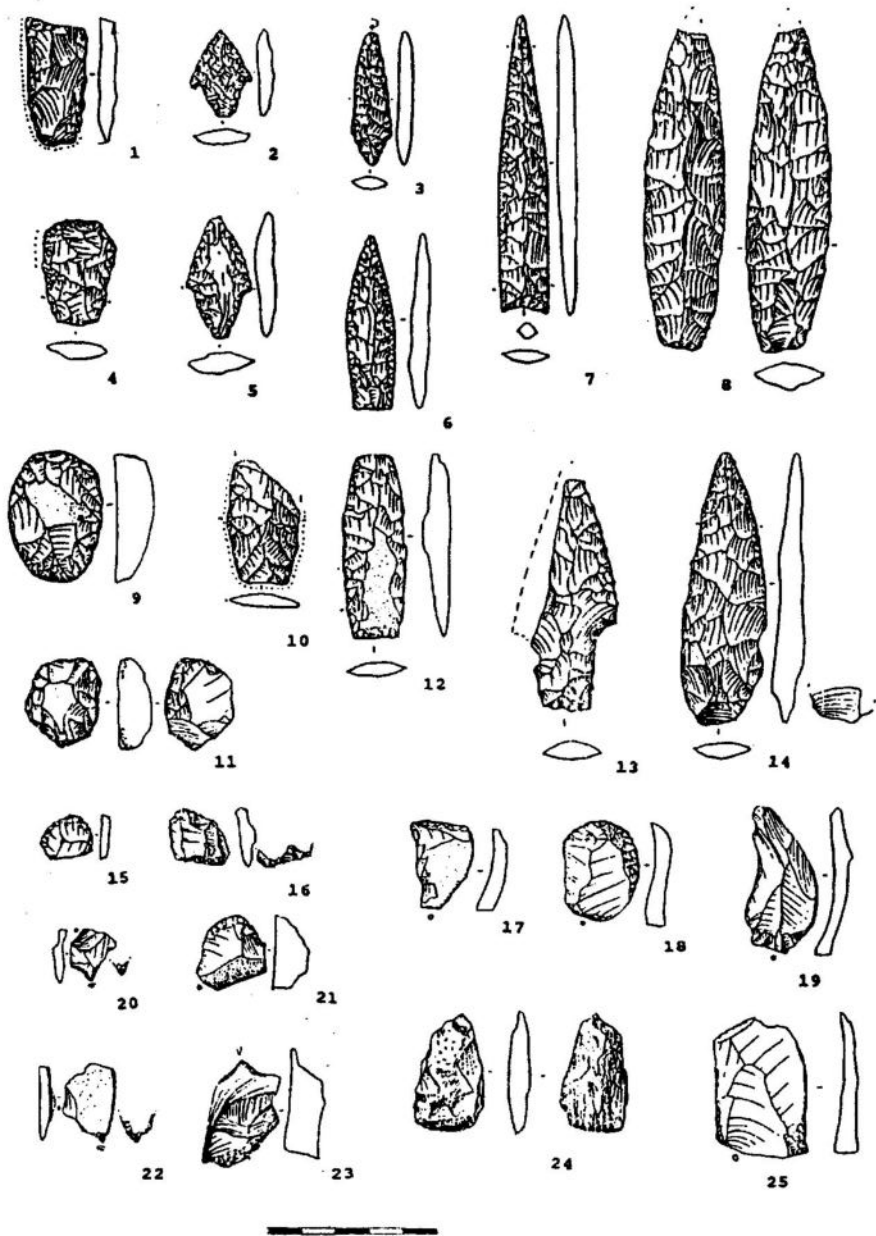

Рис. 11. Орудия из кремня и сланца (24) из комплексов с развитой сетчатой керамикой бронзового века. Стоянка Липовка I

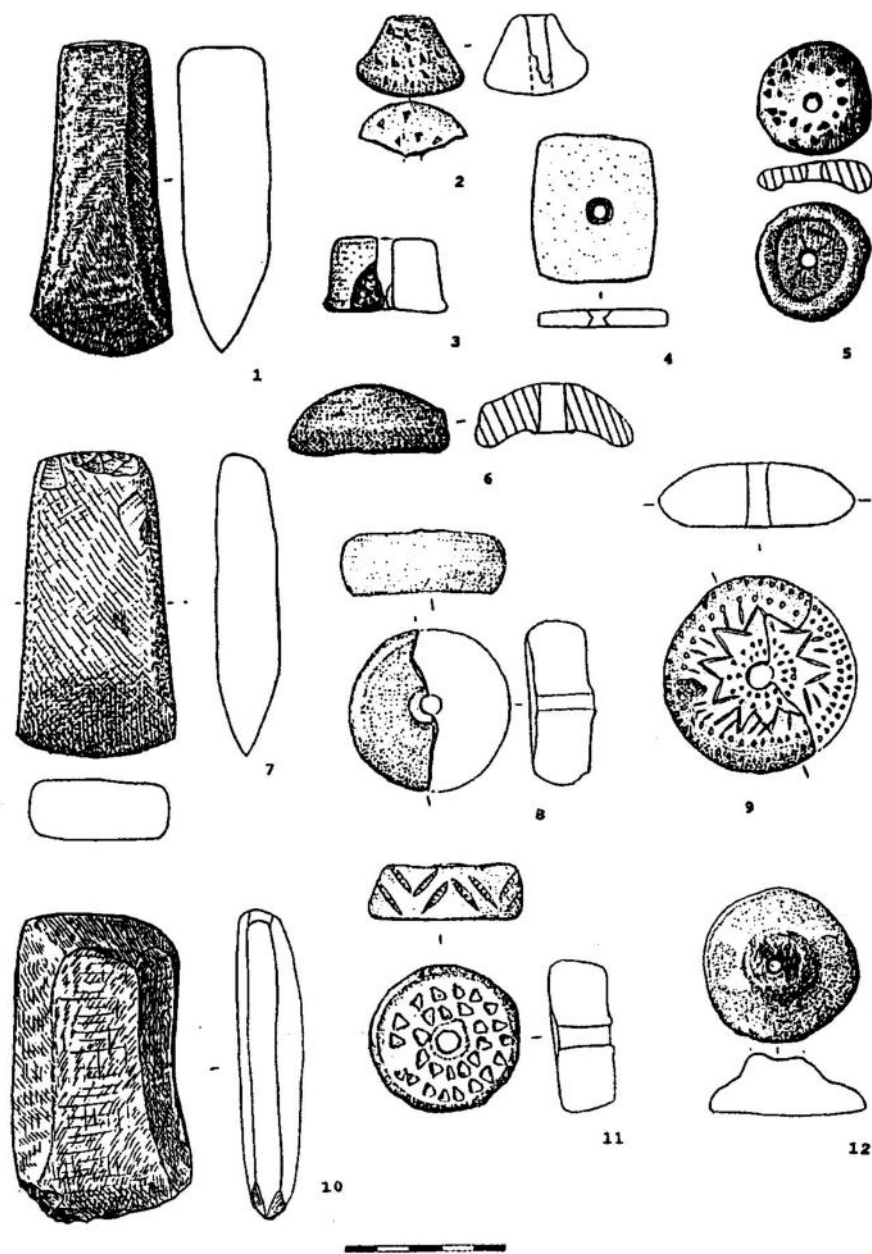

Рис. 12. Каменные топоры (1, 7, 10), пластинка из стенки сосуда (4) и глиняные пряслица из комплексов с развитой сетчатой керамикой. Стоянка Липовка I

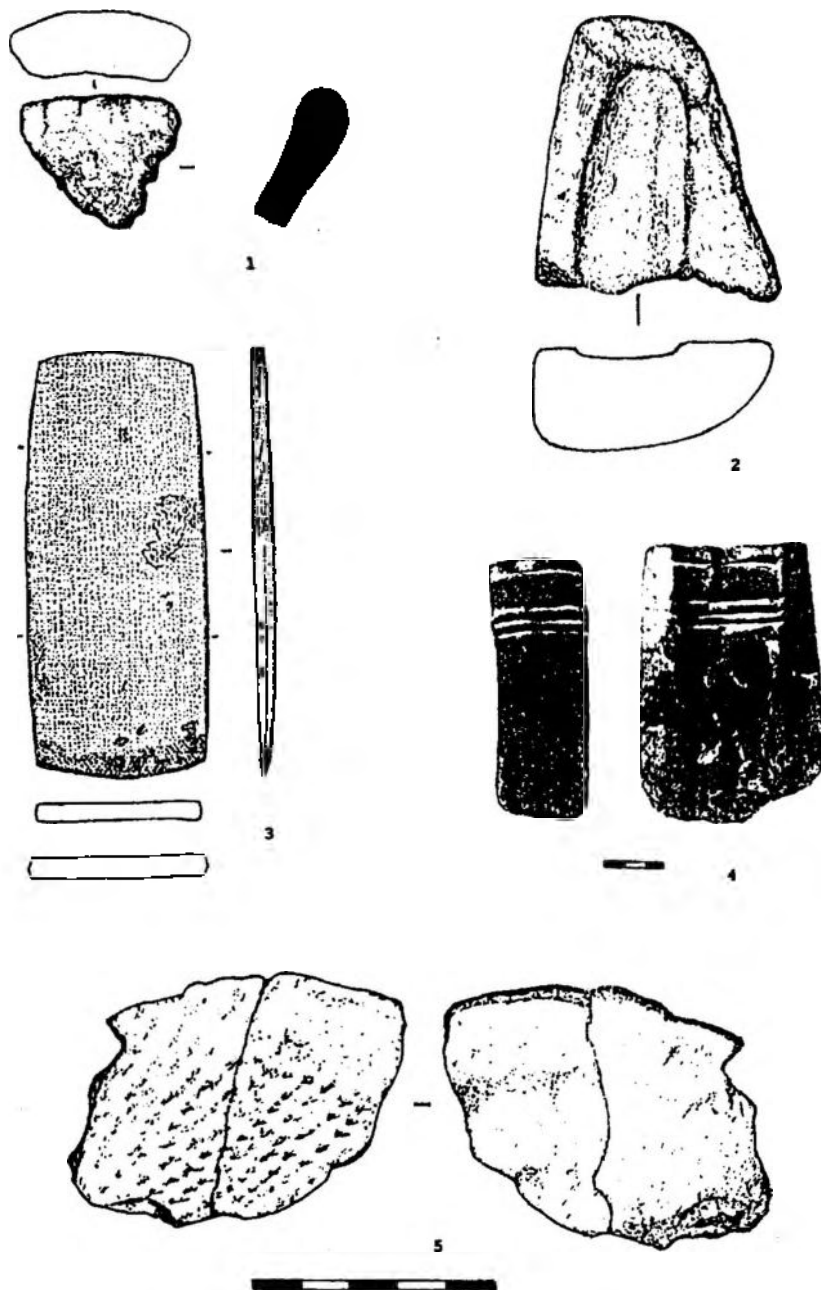

Рис. 13. Бронзовое тесло и фрагменты литейных форм (2,4) и тиглей (1,5) из комплексов с развитой сетчатой керамикой бронзового века. Стоянки Липовка I (1-3, 5), Ватажка (4, по Н.Н. Гуриной).

сосудов часто заглажена зубчатым инструментом, оставившим борозды крупного расчеса. По отличиям в манере ямчато-зубчатого рисунка выделяются две разновидности этой керамики: с ямчатым и сложным ямчато-зубчатым орнаментом.

На керамике с ямчатой орнаментацией (рис.5: 1-7, 10, 11) выполненные палочкой ямчатые вдавления неправильных форм являются преобладающим элементом орнамента. Вариантом ямчатых оттисков можно считать и подтреугольные наколы, сделанные углом зубчатого штампа (рис.5: 6). Композиции орнаментов довольно просты. Ямки образуют горизонтальные ряды, нанесенные порой весьма небрежно, покрывающие венчики и верхние части плечиков сосудов. На некоторых сосудах различные виды ямчатых вдавлений (собственно ямки и наколы) присутствуют в одной орнаментальной композиции. Разделителями орнаментальных зон служили ряды оттисков горизонтально поставленной мелкозубой гребенки, разреженных ямчатых вдавлений или пояски из чередующихся ямок различной величины (рис.5: 5, 11). Перед нанесением ямчатой орнаментации поверхность сосуда, как правило, подглаживалась. Иногда, однако, орнамент наносился и на незаглаженное поле. Так, на одном из фрагментов ряд разреженных ямчатых оттисков нанесен поверх глубокого горизонтального расчеса. Обрезы краев сосудов орнаментировались рядами неправильных ямок, оттисков узкого наклонного гладкого штампа, наколов, густыми сетчатыми оттисками разной величины, иногда совмещенными с накольчатыми отпечатками (рис.5: 1, 3-5, 7, 11). Шейки сосудов были отогнутые.

На керамике со сложной ямчато-зубчатой орнаментацией зоны зубчатых оттисков преобладают в декоративной композиции (рис.5: 6, 17-19). Мелкозубчатый рисунок покрывает шейки и плечики сосудов, помещаясь иногда и на их внутренней полости (рис.5: 2, 4). Орнамент состоит из "столбиков" оттисков прямо или наклонно поставленного зубчатого штампа, в совокупности образующих елочку или горизонтальный зигзаг (рис.4: 1, 2, 4).

По плечикам иногда нанесены ряды оттисков строенного разнонаклонного зубчатого штампа (рис.4: 3; 5: 19), ряды оттисков горизонтально поставленной или разнонаклонной гребенки (4: 5, 7, 8), сложные треугольники (рис.4: 3; 5: 17), решетка (рис.5: 18). Как элемент орнамента встречаются разреженные ряды крупных кольцевидных оттисков (рис.5: 19). Характерным элементом орнамента является ямчато-зубчатый (ямчато-накольчатый) поясок, представляющий собой горизонтальный ряд ямчатых вдавлений, перемежающихся с оттисками короткого зубчатого штампа или мелкими "наколами" (рис.4: 3-8; 5: 17-19). Этот поясок присутствует практически на всех сосудах и нанесен, как правило, на границах орнаментальных зон. Шейки у сосудов блюдцевидные или отогнутые.

Орнаментация тулова у сосудов обеих разновидностей одинакова. Они покрыты крупными крапчатыми или скобчатыми сетчатыми отпечатками, выполненными щепой или зубчатым штампом, порой в сочетании с расчесом, образующими густой или разреженный фон. Поверх сетчатой орнаментации нанесены ямчатые, зубчатые оттиски или наклонная гребенка, образующие горизонтальные, а в случаях ямчатой орнаментации вертикальные ряды различной плотности (рис.5: 8, 9, 12-16). Иногда ямки совмещены с

гребенкой в одной композиции.

У ранней сетчатой керамики северо-запада лесной полосы прослеживается ряд общих черт с неолитической мстинской ямчато-гребенчатой керамикой (керамика I типа по М.П.Зиминой) [16]. Сходство проявляется в составе керамического теста (глина с примесью дресвы), способах обработки поверхности сосудов (выравнивание их стенок расчесыванием зубчатым штампом или щепой), в некоторых орнаментальных составляющих (ямки неправильной или овальной формы, выполненные палочкой), зубчатой орнаментации (сходные столбики и зигзаги из гребенчатых отрисков). Эти черты особенно выражены у ранней сетчатой керамики с ямчатым орнаментом, большее сходство которой с мстинской неолитической ямчато-гребенчатой керамикой, возможно, свидетельствует о ее более раннем возрасте по сравнению с ранней сетчатой керамикой ямчато-зубчатой подгруппы.

Следствием морфологического развития форм мстинской неолитической керамики могут являться формы раннесетчатых сосудов. Группа мстинских неолитических сосудов (I типа по М.П.Зиминой) имеет отогнутый край и эсвидный профиль. Рассматриваемые ранние сетчатые сосуды обладают теми же морфологическими характеристиками, но зачастую усиленными за счет большей крутизны прогибов на шейке и плечиках. Весьма вероятно, что формы наиболее ранних сосудов с сетчатой орнаментацией являются прямым результатом морфологического развития мстинской неолитической керамики. Детальное сопоставление профилировок неолитических сосудов и сосудов эпохи ранней бронзы позволяет в некоторой степени воссоздать динамику этого процесса.

Обычно наличие хорошо выраженных эсвидных профилировок в керамике эпохи бронзы лесной полосы принято связывать с влиянием фатьяновской культурной традиции [17, с.122-141]. Но для керамических материалов археологических комплексов бронзового века, происходящих с Валдая, из Прионежья, Приладожья и отдельных районов Верхнего Поволжья, это предположение кажется не совсем правомерным. На большей части упомянутых территорий фатьяновские памятники пока не известны, но присутствуют комплексы с ранней сетчатой керамикой, техника формовки которой, по визуальным признакам, отлична от гончарных приемов фатьяновской культуры. Хорошо известно, что шейки фатьяновских сосудов формовались из отдельной ленты, примазываясь к моделируемому отдельно тулову, изготавливаемому, как установлено Е.В.Волковой, в технике выколачивания. Как следствие этой операции, у многих фатьяновских сосудов на стыке шейки и плечика с внутренней стороны имеется небольшое утолщение в виде валика. У ранних сетчатых сосудов в месте перехода шейки в плечико, независимо от угла перегиба, стенка имеет плавный обтекаемый профиль, на котором не прослеживается стык лент, - свидетельство того, что шейки у ранних сетчатых сосудов вытягивались из плечиков, составляя единое целое с туловом сосуда, лепившимся традиционным для лесной зоны ленточным способом.

В свое время интересное наблюдение было сделано П.М.Кожиным, обратившим внимание на то, что профилированная керамика в эпоху первобытности свойственна прежде всего коллективам, ведущим подвижный образ жизни. Подобный уклад создавал потребность в емкостях с хорошо фиксируемыми крышками, которые, будучи изготовленными из органических материалов, могли натягиваться на шейку сосуда и крепиться с помощью шнуров к месту ее перегиба или к специальным ручкам на плечиках. Выделение шеек на сосудах, вероятно, следует рассматривать как конвергентный навык, приобретаемый или теряемый в зависимости от изменения образа жизни древнего коллектива. Поэтому присутствие значительного числа профилированных сосудов в комплексах культуры с сетчатой керамикой на раннем этапе ее развития более логично рассматривать как свидетельство значительной подвижности населения этих стоянок, быт которых по динамике передвижений был сходен с образом жизни групп фатьяновского населения.

По всей видимости, возникновение форм и орнаментов сетчатой керамики на северо-западе лесной полосы Восточной Европы происходило на основе местных, "мстинских", неолитических традиций без какого-либо влияния со стороны фатьяновского культурного компонента.

Ранняя сетчатая керамика с ямчато-зубчатыми орнаментами встречается чаще, на большем числе памятников и в большем количестве, чем ранняя сетчатая керамика ямчатой разновидности. На обширной территории от Подмосковья до северо-запада лесной зоны она присутствует в слоях бронзового века или в составе комплексов эпохи бронзы на стоянках Тихманга в Восточном Прионежье, Репище в бассейне р. Мсты, Троица 1 на оз. Удомля и Сорочий Остров на оз. Наволок (Валдай), Усть-Рыбежна 2 в бассейне р. Волхов, Юхоть на Верхней Волге, Ловцы 1 на р. Саре, Варос, Песочное в котловине оз. Неро, Сулоть на севере Московской обл. (материалы Н.Н.Гуриной, М.П.Зиминой, С.В.Ошибкиной, В.В.Сидорова и К.В.Воронина).

Ранняя сетчатая керамика ямчатой разновидности в виде серий фрагментов пока известна только на нескольких памятниках, расположенных на Валдае и в прилегающих местностях, - стоянках Троица 1, Репище, Синяя Гора, Юхоть (материалы В.В.Сидорова, М.П.Зиминой, И.Н.Черных).

Исходя из вышеизложенного наиболее логично предполагать, что керамика с ямчатым орнаментом является локальной разновидностью ранней сетчатой керамики, ареал распространения которой в основном ограничивается Валдайской возвышенностью.

Вопрос о хронологическом соотношении керамики двух разновидностей в настоящее время не решаем. С одной стороны, то, что фрагменты ямчатой и ямчато-зубчатой керамики встречаются совместно в одних слоях на памятниках и недолго существующих комплексах (ст. Юхоть), есть свидетельство их одновременности. С другой - очевидно большее сходство облика керамики ямчатой разновидности с мстинской ямчато-гребенчатой керамикой, что в варианте интерпретации позволяет предполагать ее более ранний изначальный возраст.

С целью датирования рассматриваемой ранней сетчатой керамики имеет смысл обратиться к сопровож-

дающему ее орудийному инвентарю. Причем возраст последнего наиболее корректно определять по орудиям, типы которых обладают специфичными "стадиальными" морфологическими элементами, появление и распространение которых связано с определенными хронологическими периодами древности, имеющим соответствующие аналоги в орудийных наборах соседних культур. Немаловажен учет уровня регрессивности каменного инвентаря, для эпохи бронзы выраженного в "вымывании" определенных разновидностей каменных орудий из хозяйственного использования, в уменьшении размеров орудий и ухудшении качества обработки тех изделий, производство которых наиболее технологично.

Оказывается, что в одних случаях ранняя сетчатая керамика с ямчато-зубчатым орнаментом сопровождается каменными орудиями, характерными для времени позднего неолита и ранней бронзы (черешковые рабочие топоры из кристаллических пород камня, заготовка боевого топора с незавершенной сверлиной, треугольно-черешковые и листовидные наконечники копий, дротиков и стрел, обработанные длинной полой ретушью, крупные скребки устойчивых форм - Тихманга, Усть-Рыбежна 2), часть из упомянутых орудийных форм представлена в статье (рис. 6: 1-4, 13, 14, 20). В других (стоянка Городищи на р. Юхоть, Песочное 1 на оз. Неро) - каменный инвентарь, встреченный с ямчато-зубчатой ранней сетчатой керамикой, более регрессивен и характерен для сформировавшейся индустрии обработки и использования камня бронзового века. Среди каменных изделий отсутствуют сверленные топоры и наконечники копий, ухудшается качество ретуши на двусторонне оформленных орудиях - наконечниках стрел и дротиков. Большинство скребков обладают небольшими размерами, они изготовлены из трапециевидных отщепов с массивными ударными бугорками. Очень велика серия режущих "зрзац"-орудий, представляющих собой необработанные отщепы или чешуйки со следами изношенности (рис. 6: 5-7, 11, 12).

Вместе с тем, в орудийных наборах, связанных с ранней сетчатой керамикой, отсутствуют формы, характерные для эпохи поздней бронзы, - двусторонне ретушированные серпы, скребки с прямой спинкой и наконечники стрел с зауженным прямым основанием.

Косвенные данные для датирования дает керамика, входящая в совокупность ранней сетчатой ямчато-зубчатой посуды, встреченная на юго-восточных границах ареала ее распространения (стоянка Варос). В массиве этой керамики наряду с традиционными формами (рис. 7: 1-3), характерными для ойкумены северо-запада лесной зоны, во фрагментированном виде встречены сосуды, обладающие прямыми или блюдцевидными шейками, поставленными растробом и прямо, переходящими под острым углом в тулова шаровидных очертаний (рис. 7: 8, 9). Аналоги именно таким морфологическим особенностям в строении этой посуды ассоциативно находятся только среди фатьяновско-балановских керамических материалов и определенно связанных с последними чирковско-сейминских древностей (рис. 7: 4-7). В равной степени это относится и к элементам зубчатой орнаментации описываемых сосудов. Несомненно также то, что подобные сосуды, гибридные по морфологическому строению и стилю декора, могли создаваться в местах соприкосновения традиций разных культур, в данном случае - культуры сетчатой керамики, с одной стороны, и фатьяновско-балановской или чирковско-сейминской, с другой. Учитывая, что материалы эпохи бронзы со стоянки Варос представляют собой спаянные в единый литологический горизонт следы многократных посещений ее древними насельниками, описанные гибридные сосуды могут относиться к разным фазам жизни поселения. Тем более, что один сосуд (рис. 7: 8) по форме и орнаменту из штампованной решетки на шейке более близок к фатьяновско-балановским сосудам из Скомороховского, Волосово-Даниловского и Тростенского могильников, а второй (рис. 7: 9) - к чирковским материалам, встреченным на многих поселениях в Среднем и Верхнем Поволжье (территориально наиболее близки Сахтышские стоянки, поселения Станок, Борань. Липовка 2). Таким образом, наиболее вероятно предполагать тенденцию соприкосновения традиций культуры сетчатой керамики северо-запада на раннем этапе развития на границах ее ареала с фатьяновско-балановскими и чирковскими культурными компонентами. Время этих контактов, неизбежно датированное кон. 1-ой - 2-ой четв. II тыс. до н.э., ориентировочно определяет и время бытования самой ранней сетчатой керамики с ямчато-зубчатой орнаментацией.

Поэтому можно предположить, что ямчато-зубчатая ранняя сетчатая керамика существовала в сформировавшемся виде уже к XVI в. до н.э. - верхней дате существования поздних фатьяновско-балановских могильников по Д.А.Крайнову и О.С.Гадзяцкой. Формирование культурных традиций, связанных с ранней сетчатой керамикой, вероятнее всего шло в XVII в. до н.э. или даже уходило в 1-ю четв. II тыс. до н.э. Как отмечалось выше, формированию сетчатой керамики с ямчато-зубчатой орнаментацией в эпоху ранней бронзы не противоречит и облик некоторых каменных орудий из комплексов с ранней сетчатой керамикой - в частности каменных черешковых топоров, встреченных на стоянках Тихманга, Белозерская, Ловцы 1, происхождение которых связано с поздненеолитическими волосовскими технологическими традициями.

Некоторые элементы орнамента ямчато-зубчатой ранней сетчатой керамики, прежде всего ямчато-зубчатый пояс, доживают до сер. - 2-ой пол. II тыс. до н.э., встречаясь порой в весьма трансформированном виде на текстильной керамике с поздняяковскими элементами (рис. 9: 2).

Попытки определить, на какой территории: в Восточной Прибалтике или на северо-западе лесной полосы - в Верхнем Поволжье, сетчатая керамика возникает раньше, по-видимому, преждевременны. Гораздо важнее установить условия ее появления в каждом из районов. Как показывают первые наблюдения, все варианты ранних форм сетчатой керамики несут в себе черты определенных неолитических культур. Ранняя текстильная керамика Восточной Прибалтики по ряду признаков связывается с прибалтийской гладкой пористой поздненеолитической керамикой (аборский керамический тип). Ранние сетчатые формы северо-запада лесной полосы - с мстинской неолитической ямчато-гребенчатой керамикой, а в Ярославском, Ивановском и Костромском Поволжье несут в себе элементы формы и орнамента редкоямочной поздненеолитической посуды.

Формы ранней сетчатой керамики каждого из районов весьма отличны друг от друга. Объединяющий признак для всех ее вариантов - зоны сетчатых отпечатков на поверхности сосудов. Особенности каждого раннего локального варианта культуры сетчатой керамики в значительной мере определялись характером его неолитической основы.

Во 2-ой пол. II тыс. до н. э. вследствие интеграционных процессов, происходивших внутри культуры, сетчатая посуда на всей территории своего распространения становится более или менее одинаковой. Начинает доминировать посуда со слабо выраженной эсвидной профилировкой, и становятся крайне редки, исчезают сосуды с сильно профилированной верхней частью, обладающие шейкой, отделенной резким перегибом от плечиков. При сохранении котловидных и круглодонных сосудов (рис.8: 2, 4; 9:4) распространяются горшковидные и баночные формы, появляется плоскодонность (рис.8:3, 4; 10: 3, 6, 8). Иногда в составе поселенческих и погребальных комплексов (стоянка Липовка I, могильник Дикариха) посуда с сетчатой орнаментацией встречается совместно с аналогичными по форме сосудами с гладкой поверхностью, декорированными как простыми ямчатыми рисунками, так и сложными ямчато-зубчатыми композициями (рис.8: 1, 2; 9). Не исключено, что посуду с богатым ямчато-зубчатым декором, встреченную в комплексах с сетчатой керамикой, следует рассматривать как столовую. На самих сетчатых сосудах сетчатые отпечатки становятся основным видом орнамента в сочетании с редко поставленными поясками ямчатых оттисков и появившимися "жемчужинами". Штампованные гребенчатые и гребенчато-ямчатые композиции орнаментов значительно упрощаются (рис.8: 2-4; 10), в них уже невозможно уловить черты предковых неолитических культур. Расширяется и ареал распространения сетчатой посуды - традиция изготовления сетчатой керамики распространяется на центральную часть Волго-Окского междуречья и к кон. II тыс. до н. э. достигает Среднего Поочья.

Поздняя сетчатая керамика встречена на многих памятниках в Волго-Окском междуречье и на северо-западе лесной полосы: поселении "Под Сопкой" в Приладожье, стоянке Плещеево III, поселении и могильнике Дикариха на Плещеевом оз., Ивановская III на Ивановском болоте, поселении Липовка I на оз. Неро, стоянках Ворокса II, III (Ярославская обл.), поселениях Шунга, Борань, Ватажка в Костромском Поволжье, поселениях Фефелов Бор и Тюков Городок на Средней Оке и др. (материалы Д.А.Крайнова, Е.Л.Костылевой, А.В.Уткина, Н.Н.Гуриной, А.Л.Никитина, В.В.Сидорова, Б.А.Фоломеева, К.В.Воронина). Подобную керамику принято связывать со 2-ой пол. II - руб. II-I тыс. до н. э., что подтверждается некоторыми связанными с ней радиоуглеродными датами, происходящими со стоянок Сахтыш II (Ивановская обл.), Плещеево III и II (Ярославская обл.), Березовый Лог, Тюков Городок (Рязанская обл.) и др., опубликованными [18, с.33-42; 19, с.20-35]. Приведенные места находок комплексов с поздней сетчатой керамикой показывают ее однородность на весьма широкой территории, хотя некоторое своеобразие в материалах различных районов еще продолжает сохраняться. Так, на юге Ярославской обл. (оз. Плещеево, Неро) сетчатая керамика очень часто имеет пояски жемчужин, иногда чередующиеся с ямками, участки зубчатых и мелких ямчатых оттисков, образующих горизонтальные ряды, зигзаги, фестоны, "свисающие" по бокам сосудов. Многие сосуды обладают ребристой профилировкой. Для поздней сетчатой керамики Костромского Поволжья характерно преобладание в орнаменте ямок, образующих горизонтальные ряды различной плотности и разреженности, использование в орнаменте шнура, зубчатого штампа, более ограниченное применение жемчужин. Большинство сосудов имеют слабовыраженную и эсвидную профилировку. Наряду с плоскодонными встречаются сосуды с округлым или приостренным дном. В восточных районах Ярославской (стоянки Ворокса II, III) и в Ивановской обл. (стоянка Сахтыш VIII), на Валдае (поселение Троица I), в Приладожье (стоянка "Под Сопкой") основным элементом орнамента на сетчатых сосудах являются ямки, зубчатый штамп используется ограниченно, а жемчужины встречаются крайне редко. Все сосуды слабопрофилированы, многие из них имеют округлое и приостренное дно.

Судя по деталям формы и орнамента, на юге Ярославской обл. культура сетчатой керамики находилась в тесном взаимодействии с поздняяковской культурой, что выразилось в появлении на сетчатой посуде чисто поздняяковских элементов орнамента - жемчужин, фестонов и в приобретении некоторыми сетчатыми сосудами ребристости, свойственной поздняяковской керамике. С другой стороны, сетчатая керамика проникает на юг, в Поочье, вероятно, вместе с посетителями самой культуры. Округлость форм и некоторые мотивы зубчатой орнаментации сетчатой керамики Костромской низины Н.Н. Гурина объясняет проникновением в культуру сетчатой керамики отдельных фатьяновидных элементов. Другой вариант поздней сетчатой керамики выделяется на востоке Ярославской и в Ивановской обл. Д.А. Крайнов полагает, что остродонность, характерную для сетчатой керамики этого района и близость к редкоямочной орнаментации этой посуды можно объяснить устойчивым сохранением на этой территории в течение всего бронзового века культурных традиций местного неолита. Полное отсутствие каких-либо инокультурных элементов отмечается и в поздней сетчатой керамике северо-запада лесной полосы и в Приладожье. Подобное явление культурной "консервации" могло появиться только в "глубинках" - местах, относительно удаленных от контактных зон разных культур.

Показательно, что во 2-ой пол. II тыс. до н. э. некоторое своеобразие в развитии различных групп культуры сетчатой керамики уже определяется не характером их исторической основы, а спецификой внешнекультурных связей: на юге Ярославской обл. заметны сильные поздняяковские влияния, в Костромском Поволжье они проявляются в меньшей степени, но там достаточно явственны фатьяновские компоненты. В восточных районах Ярославской и в Ивановской обл. влияние инокультурных элементов весьма ослаблено и здесь очень устойчивы пережиточные неолитические традиции, на северо-западе лесной полосы в культуре сетчатой керамики развивается исключительно "аборигенная" культурная традиция,

имеющая истоки в местном неолите.

Сетчатая керамика 2-ой пол. II тыс. до н. э. сопровождается вещевым инвентарем, состав которого в целом сходен с наборами изделий из металла, кремня, камня и глины сопредельных культур времени поздней бронзы - позднеяковской и приказанской. Изделия из металла представлены бронзовыми кельтами и пластинчатыми теслами (рис. 13: 3). На некоторых памятниках (поселения Ватажка, Липовка 1) зафиксированы следы металлообработки (рис. 13: 1, 2, 4, 5). В то же время известны серии рубящих орудий, изготовленных из кристаллических пород камня, - диорита и сланца (рис. 12: 1, 7, 10), и небольших сланцевых стамесок, сделанных на отщепках (рис. 11: 24). Двусторонне оформленные орудия из кремня - это листовидные, треугольно-черешковые наконечники дротиков (рис. 11: 8, 13, 14), треугольно-черешковые, листовидные наконечники стрел, наконечники стрел с зауженной прямой и слабо вогнутой базами (рис. 11: 2, 3, 5-7), вкладышевые ножи-серпы (рис. 11: 1, 4, 10, 12). Большинство скребущих орудий, за исключением скребков с ретушированной спинкой (рис. 11: 9), не имеет устойчивой морфологии, отличается небольшими размерами и относится к категории "эрзац"-орудий, в совокупность которых также входят перфораторы и режущие изделия (рис. 11: 11, 15-25). К предметам из глины относятся пластины со сверлинами, изготовленные из обточенных стенок сосудов (рис. 12: 4), и пряслица, довольно разнообразные по формам и размерам, неорнаментированные и покрытые сетчатым и ямчатым, штампованным геометрическим и "солнечным" орнаментами (рис. 12: 2, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 12).

Лесная зона на протяжении голоцена несколько раз была охвачена процессами интеграции, что вызывает достаточную близость культур. Так, распространение керамики в нач. V тыс. до н. э. происходило в родственной среде из одного источника, нивелируя культурные различия предыдущих мезолитических культур. Ямочно-гребенчатая керамика также показывает связи, охватывавшие лесную зону от Кольского полуострова до лесостепи, но с распадом общности на три большие культурные зоны - Балтийского, Волго-Окского (с включением связей, простирающихся на север) и Волго-Камского (с включением Печоры) бассейнов. На протяжении IV тыс. до н. э. происходит накопление различий между локальными вариантами общности, ее дробление и дезинтеграция. Следующая интеграция связана с миграцией волосовских племен. Направление ее большинством исследователей определяется с востока на запад. Но новейшие данные по неолиту Прибалтики и датировки многослойных памятников Верхнего Поволжья позволяют говорить об ином направлении этой миграции - с Валдая на восток, с последующей интеграцией в эту общность как ассимилированных племен ямочно-гребенчатой керамики (льяловских), так и волго-камских.

Сетчатая керамика также фиксирует момент интеграции культур племен лесной зоны, повторяя при этом в общих чертах как систему связей ранне-неолитических, так и средне-неолитических культур. Новый признак, таким образом, очерчивает старые границы культурных связей, существовавшие здесь за 3 тысячи лет до сетчатой керамики. Но если предыдущие моменты интеграции обладают максимальным сходством в начальный момент появления какого-либо признака с последующим распадом на локальные варианты, то сходство локальных вариантов сетчатой керамики возрастает от I ко II этапу. Это свидетельствует не столько о распространении данного признака из одного источника, сколько о продолжающихся контактах внутри населения лесной зоны и о нарастании их интенсивности.

С чем связано появление сетчатой керамики на столь громадной территории: от северо-запада лесной зоны до юго-восточной оконечности Волго-Окского края? Орнаментация керамики, являясь одним из немногих дошедших до нас элементов древних культур, как-то отражающих их этническую специфику, наиболее достоверно очерчивает их территориальные рамки, является индикатором существующих в них связей. Выработка сходного облика материальной культуры на северо-западе лесной зоны и в Волго-Очье, наиболее наглядно отраженного в традиции изготовления и орнаментации керамики, свидетельствует о восстановлении широких и равноинтенсивных связей между населенками разных областей этого региона. Этому, вероятно, способствовало повышение подвижности населения ойкумены, мобильность передвижения которого, косвенно отраженная в многочисленных мелких стоянках, хронологически коррелирует со временем появления в лесной зоне основ производящего хозяйства - навыков скотоводства и земледелия. Свидетельство последнего - отпечатки зерен ячменя на стенках сосудов с текстильной орнаментацией из могильника Дикариха и со стоянки Липовка 1 (определения Н. А. Кирьяновой). В целом, механика процесса формирования культуры общего облика на столь обширной территории пока не ясна - этому могли рановременно способствовать как явление диффузии идей, так и миграции групп населения внутри региона.

Резюмируя итоги работы, следует отметить, что на настоящий момент материалы культуры сетчатой керамики разделяются на два хронологических горизонта. К первому горизонту, датируемому в общем I-ой пол. II тыс. до н. э., относятся комплексы с пористой восточноприбалтийской и сямчато-зубчатой северо-западной сетчатой керамикой из районов Валдая, Восточного Прионежья и Верхнего Поволжья. Их наиболее логично рассматривать как самостоятельные культурные образования, связанные друг с другом опосредованно. Обе группы материала определенно несут в себе наследие местных поздне-неолитических культур. Комплексы второго горизонта встречены в значительно более широком ареале: от областей северо-запада лесной зоны до районов южнее Оки и Среднего Поволжья. Они объединены единым субстратным признаком - доминантой сетчатой орнаментации на керамике, а также большим сходством орудийных и вещевых наборов. Механика формирования этого единства еще ждет своего объяснения. Пока же, сравнивая ареалы распространения культуры на разных этапах развития, следует заметить, что распространение традиции сетчатой орнаментации, являющейся в ее структуре наиболее специфичным, идентифицирующим элементом, скорее всего происходило из западных областей лесной зоны в

направлениях юг и юго-восток - в глубь Волго-Окского междуречья и на Среднюю Волгу. В формировании орудийного набора культуры прослеживаются иные закономерности, но это тема другого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадер О.Н. Культура с "текстильной" керамикой в Северо-Восточной Европе // СА. 1966. №3.
2. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
3. Никитин А.Л. Эпоха бронзы на Плещеевом озере // СА. 1976. №1.
4. Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970.
5. Косменко М.Г. Археологические культуры периода бронзы - железного века в Карелии. Спб., 1993.
6. Третьяков В.П. Соотношение позднеяковских древностей и культуры сетчатой керамики // КСИА. Вып. 142. 1975.
7. Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века в Костромском Поволжье // МИА. №110. 1963.
8. Фосс М.Е. Новые памятники в районе галичской культуры // КСИИМК. Вып. XVII. 1947.
9. Ошибкина С.В. Энеолит и бронзовый век Севера Европейской части СССР // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
10. Лозе И.А. Поздний неолит и бронза Лубанской низины. Рига, 1979.
11. Брюсов А.Я. Сетчатая керамика // СА. № XIV. 1950.
12. Граудонис Я.Я. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига, 1967.
13. Янитс Л.Ю. Поселения неолита и эпохи раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959.
14. Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики на Севере и Северо-Западе Европейской части СССР // СА. 1968. № 3.
15. Воронин К.В. Стоянка Стан 1 и ее место в круге памятников энеолита - бронзового века Валдайской возвышенности и Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
16. Зимица М.П. Стоянки позднего неолита и бронзы в Новгородской и Калининской областях // СА. 1968. №2.
17. Гадзьяцкая О.С. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго-Клязьминское междуречье) // СА. 1992. №1.
18. Крайнов Д.А., Зацева Г.И., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Абсолютная хронология Сахтыньских стоянок // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 5. Иваново, 1991.
19. Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна Средней Оки // Финно-угры России. Вып. 1 Памятники с рябчатой керамикой. Йошкар-Ола, 1993.

*Институт археологии РАН,
Москва*

K. V. Voronin

ON ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE NET POTTERY CULTURE IN THE BRONZE AGE

Summary

The article deals with the problem of origin and development of the Net Pottery culture in the Bronze Age. Monuments belonging to this culture are found in the Forest Zone of the Eastern Europe on the territories from the Eastern Baltic region to the Middle Volga basin. In the author's opinion the Net Pottery culture materials should be chronologically subdivided as belonging to two periods.

The first, earlier period is dated by the first and the second quarters of the II millennium B.C. (approximately up to the 16 century B.C.). This period is characterized by the variety of the net pottery found in different areas of its distribution. Here belong complexes with porous net ceramics, the bulk of which originates in the territories of the Eastern Baltic Region and the Valdai, as well as complexes of net ceramics with pit-comb ornamentation well known on the Valdai and the Upper Volga. Net pottery belonging to these complexes is accompanied by weapon kits characteristic to the Late Neolithic and the Early Bronze periods. The reminiscences of the Late Neolithic cultural traditions are clearly detected in forms and ornaments of the vessels. The author supposes that these net pottery complexes are connected genetically with two cultural traditions, namely with the Eastern Baltic Late Neolithic and the Valdai - Upper Volga pit-comb ceramics traditions. In the author's opinion those traditions were the foundation for all materials of the Net Pottery culture.

The second period of the culture's existence in the Bronze Age is dated by the second half of the II millennium B.C. During this period the net-ornamented pottery tends to be more or less homogeneous in terms of its design. The corresponding weapon kits were similar in terms of the types and forms of weapons to those belonging to the neighbouring Bronze Age cultures - the Pozdnyakovo and the Prikazanskaya. Certain regional peculiarities of the Net Pottery culture in this period is directly affected by the intensity of its contacts with the Bronze Age cultures of the neighbouring territories.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

Л.С. Андрианова, М.В. Иванищева

СЕТЧАТАЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ БЕРЕЗОВАЯ СЛОБОДКА II-III НА НИЖНЕЙ СУХОНЕ

Вопросы происхождения и датирования памятников с ранней сетчатой керамикой на севере лесной полосы Восточной Европы уже несколько десятилетий являются предметом дискуссии. Нельзя не отметить, что в зависимости от решения первого вопроса происходит и датировка данного круга древностей. Даты по С-14 для чистых комплексов с сетчатой керамикой единичны, в большинстве же случаев керамические и орудийные комплексы выделяются на многослойных поселениях типологически. Точки зрения исследователей, касающиеся данной проблематики, могут быть разделены на две группы. В последнее время получила дальнейшее развитие традиционная точка зрения на формирование памятников с сетчатой керамикой на основе пласта древностей с ямочно-гребенчатой керамикой с участием пришлых компонентов - в основном фатьяновских и поздняяковских племен, сторонниками которой были А.Я. Брюсов [1], Н.Н. Гурина [2, с. 99-100; 3, с. 10], В.П. Третьяков [4, с. 63]. Другая точка зрения, высказанная О.Н. Бадером, в общих чертах может быть сведена к пониманию древностей с сетчатой керамикой как интегрированных, то есть сложившихся на основе разнородных этнических и культурных образований в поздний период эпохи бронзы на различных территориях. В зависимости от составляющих компонентов объясняется сходство и различие сетчатой керамики на огромном пространстве. В их числе указывались волосовские, фатьяновские, поздняяковские, абашевские и другие [5, с. 33]. В современных работах антагонизм этих двух крайних точек зрения все более нивелируется, что и понятно. Выявление памятников эпохи неолита типа Модлона 2 [6; 7] (или северного варианта волосовской культуры, по В.П. Третьякову [8, с. 47]) в Прионежье и Каргополье и соответствующего пласта керамики в Карелии [9, с. 138-139] несколько корректирует точку зрения о прямой смене ямочно-гребенчатого неолита на севере памятниками с сетчатой керамикой и отчасти заполняет тот хронологический разрыв, который игнорировал в свое время В.П. Третьяков [4, с. 63], и указывает на вероятное участие в формировании культуры ранней сетчатой керамики еще одного компонента - волосовского [10, с. 15; 11, с. 152, 172]. Открытие новых памятников с ранней текстильной керамикой позволяет предположить происхождение ее не в одном центре, а в обширном регионе [12, с. 30, 31]. В то же время, по-прежнему нет единого мнения о генезисе сетчатой керамики. Сторонники находятся как у "моноцентристской" гипотезы, так и у теории конвергентного зарождения сетчатой керамики на различных территориях [13, с. 188-189; 14, с. 309]. Первая наиболее последовательно изложена в работах М.Г. Косменко. Зона первоначального формирования сетчатой керамики видится автором в левобережных районах Верхнего Поволжья и ограничивается юго-восточной Карелией на севере и верхним течением Сухоны на востоке (при недостаточной ясности западной и юго-восточной границ) [15, с. 148; 16, с. 148; 17, с. 148, рис. 44]. В последнее время наметилась тенденция удренения памятников с сетчатой керамикой до сер. II тыс. до н.э. и даже более раннего времени на основе находок орудий, встречающихся с этой керамикой и своеобразия форм посуды [18, с. 148; 7, с. 80], что отчасти подтверждается и радиоуглеродными датами памятников Верхней Волги и Карелии [17, с. 211; 19]. В Волго-Окском междуречье, на Средней Волге, на северо-западе и северо-востоке лесной зоны Восточной Европы памятники с сетчатой керамикой датируются кон. II - нач. I тыс. до н.э. [20, с. 174-185; 21, с. 39; 22, с. 43-45; 18, с. 151; 23, с. 118].

В связи с неоднозначностью решения вышеуказанных вопросов важным представляется введение в научный оборот материалов поселения с комплексом ранней сетчатой керамики, наиболее удаленного в восточном направлении от очерченных границ распространения ранних памятников этой культуры. Многослойное поселение Березовая Слободка II-III расположено на левом берегу р. Сухоны в ее нижнем течении при впадении р. Уфтыги. Оно занимает 7-8 метровую надпойменную террасу р. Сухоны, отделенную широкой (до 200 м) поймой от русла притока. В ходе раскопок выявлены культурные слои раннего неолита с гребенчатой и ямочно-гребенчатой керамикой, залегавшие в глинистых отложениях. Находки времени неолита-бронзы обнаружены в верхних супесчаных отложениях мощностью до 0,6 м. Комплекс ранней сетчатой керамики выделен типологически. Планиграфически выделяются два участка в соответствии с заложенными на расстоянии 70 м друг от друга двумя раскопами: раскоп I - 56 кв. м, раскоп II - 40 кв. м. В раскопе II выявлена часть разрушенного жилища прямоугольной формы, вытянутого в направлении С - Ю на 5 м, где

и залегала основная часть сетчатой керамики. На раскопе I вскрыта часть кремнеобрабатывающей мастерской [24, с.41-42]. Обсчет керамики по пластам выборки (10 см) позволил зафиксировать совместное залегание сетчатой керамики с поздневолоховской и фатьяноидной (табл. 1), что, вероятно, связано с продолжительным функционированием мастерской.

Таблица 1. Поселение Березовая Слободка II-III. Раскоп I.
Залегание групп керамики по пластам выборки (10 см)

Пласты выборки	Количество фрагментов			
	с расчесами и гладких	сетчатых	пористых	Всего
I	10	46	11	67
II	48	135	28	211
III	111	246	163	520
IV	14	13	91	118
V	2	6	50	58
VI	-	-	3	3
Всего фрагментов	185	446	343	974
Выделено сосудов	5	17	13	35

Всего на двух раскопах выделено по верхним частям и особенностям орнаментации 44 сосуда с сетчатым декором. Плоских донцев не найдено. По-видимому, вся посуда была округлодонной, о чем свидетельствуют находки двух донцев и придонных частей округлой формы. Подавляющее большинство посуды профилировано, имеет более или менее выраженный переход от шейки к тулову с одутловатыми стенками. В двух случаях на тулове наблюдается слабо выраженное ребро. В качестве отощителя глины использовалась дресва. Иногда примешивалась органика, отчего на черепках видны следы выгорания. Следы включения органики имеют 8 сосудов (18%), что, скорее всего, является результатом взаимодействия носителей сетчатой керамики и поздних волоховцев. Выделяется группа сосудов, в тесто которых наряду с незначительной долей дресвы примешан песок (18%). Тесто таких сосудов очень плотное, а на поверхности видны многочисленные блестящие. Большинство сосудов имеют следы заглаживания на внутренней поверхности, редко на внешней, которая декорирована сетчатыми отпечатками. Поверхность пяти сосудов ангобирована. Вся без исключения посуда орнаментирована. Степень орнаментации достаточно высока. На большинстве сосудов орнамент нанесен не только по шейке и горлу, но спускается на тулово (82%), часто занимает нижнюю треть сосуда. Орнаментальные композиции тяготеют к сложным и редко состоят из одного элемента, чаще из двух, трех и даже четырех. Всего выделено восемь элементов орнамента. Наиболее употребимы конические ямки и ямки с неровным дном и краями (табл. 2). Они редко образуют самостоятель-

Таблица 2. Поселение Березовая Слободка II-III.
Соотношение элементов орнамента и орнаментальных мотивов на сетчатой керамике

элементы орнамента	количество орнаментированных сосудов	удельный вес орнамента, %
ямки конические	19	21
ямки неровные	17	18
широкозубая гребенка	19	21
тычок-накол	16	17
каннелюр	11	12
жемчужины	6	7
мелкозубая гребенка	3	3
прочерченные линии	1	1

Таблица 2 (продолжение)

элементы орнамента	количество орнаментированных сосудов	удельный вес мотива , %
пояса	40	48
линии	24	28
ряды	5	6
зигзаг горизонтальный	10	12
зигзаг вертикальный	1	1
фестоны	2	2
ромбическая решетка	1	1
горизонтальная елочка	1	1
изображения схематич.	1	1

Таблица 3. Соотношение технологических приемов и способов орнаментации на сетчатой керамике (по типам сосудов)

Типы/ число сосудов	Примесь (%)			Толщина стенок (мм) (%)			Степень орнаментации (%)			Зональ- ность (%)	Количество элементов в композициях (%)			
	Д	Д+О	Д+П	5-6 мм	7-9 мм	>9 мм	срез венчи- ка	горло	туло- во		4	3	2	1
тип I/12	100	-	-	93	67	-	100	100	100	100	8	33	50	8
тип II/10	50	30	20	50	50	-	100	100	100	100 ?	40	20	20	20
тип III/10	50	10	40	60	10	30	90	80	40	20	-	10	50	40

Таблица 3. (продолжение)

Типы/ число сосудов	Элементы орнаментации (удельный вес) (%)							Орнаментальные мотивы (удельный вес) (%)									
	ямка кони- ческая	ямка черов- ная	жем- чужина	тычок нак.	канне- люр	п/з гре- бенка	м/з гре- бенка	про- чер- чен. линия	поя- са	ли- нии	ряды	бах- рома	зиг- заг гориз.	зиг- заг верт.	фе- сто- ны	ре- шет- ка	елоч- ка гориз.
тип I/12	21	21	3	10	24	21	-	-	44	41	4	-	7	-	-	-	-
тип II/10	18	14	14	25	4	21	4	-	45	17	4	4	17	4	9	-	-
тип III/10	29	18	-	18	-	29	-	6	48	6	5	-	-	11	-	5	5

Условные обозначения:

Д - дресва; О - органика; П - песок; Ш/З - широкозубая; М/З - мелкозубая

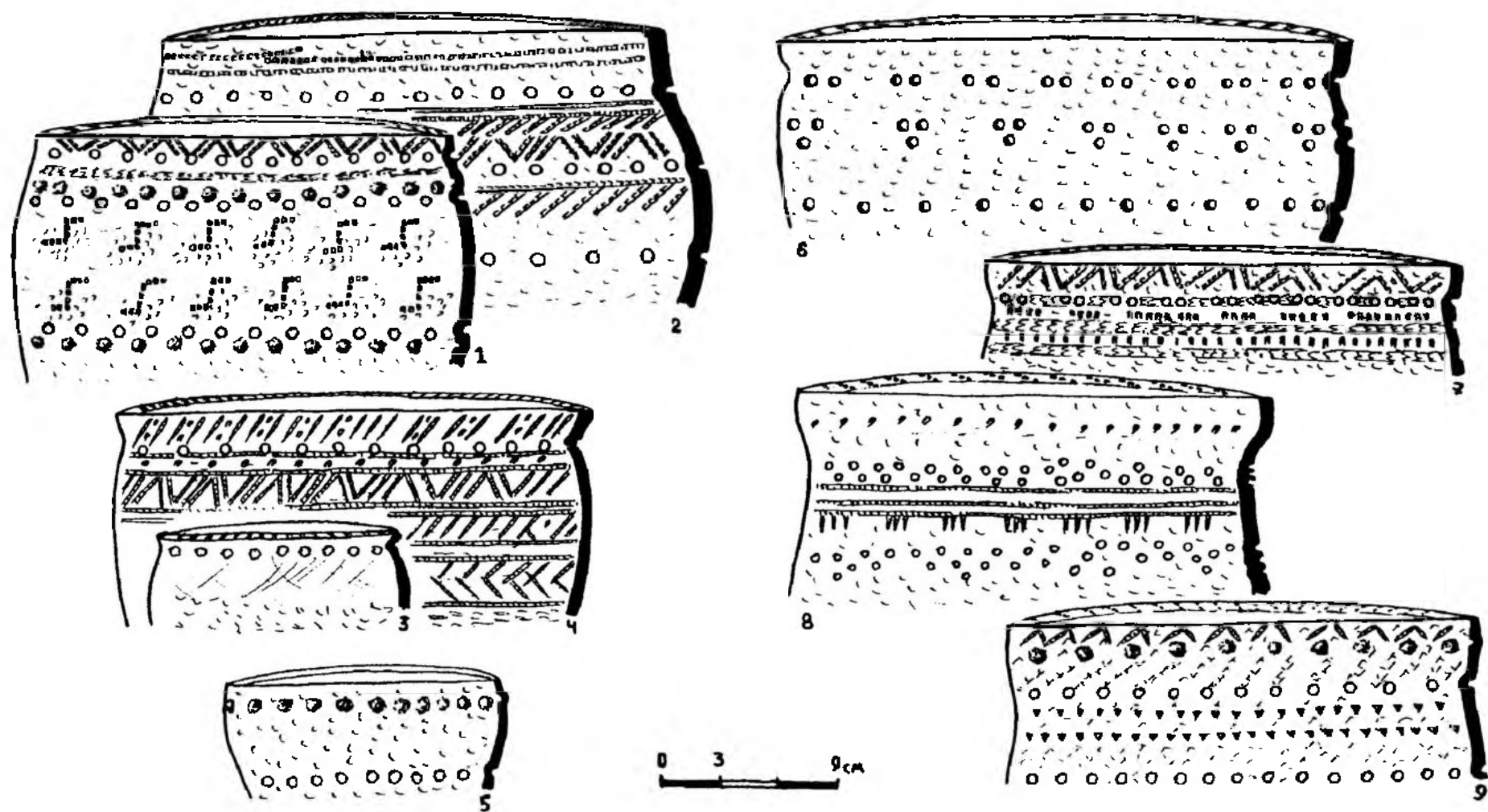

Рис. 2. Графические реконструкции сетчатых сосудов поселения Березовая слободка II-III:
1, 2 - тип I; 3, 4 - тип III; 6-9 - тип II; 5 - тип IV

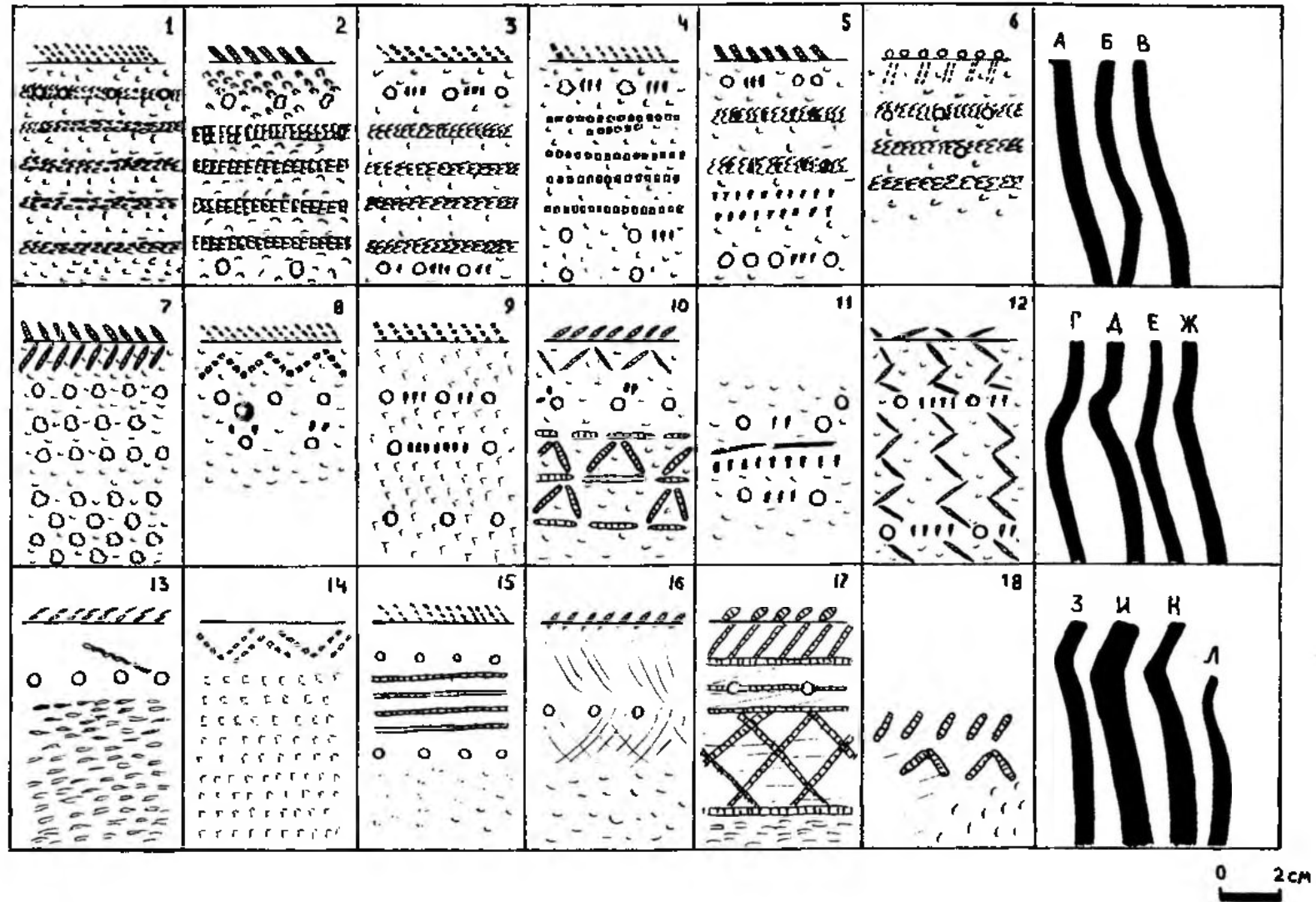

Рис. 1. Форма и орнаментация сетчатых сосудов поселения Березовая Слободка II, III:
 I, 1-6, А-В - орнаментальные композиции и профили сосудов типа I;
 II, 7-12, Г-Ж - орнаментальные композиции типа II и профили сосудов: Г, Е тип II, вариант 1; Д, Ж - тип II, вариант 2;
 III, 13-18, З-Л - орнаментальные композиции и профили сосудов типа III

ные композиции. В сочетании с гребенчатыми узорами они создают постнеолитические зональные композиции, в ряде случаев в сочетании с тычком используются для разделения зон орнаментации.

Следующие по употребимости элементы - широкая гребенка и тычки-наколы в виде узких клиновидных или треугольных неглубоких вдавлений - также не образуют самостоятельных композиций, используются в сочетании со всеми другими выделенными элементами. Свообразным для сетчатой керамики является элемент орнаментации, условно названный "каннелюр". Он представляет собой неглубокие, выполненные отступающим гребенчатым штампом желобки шириной до 0,5 см, опоясывающие в несколько рядов верхнюю часть сосудов (рис. 1: 1-3, 5, 6). На пяти сосудах, как правило в сочетании с ямочным, гребенчатым и тычковым элементами, встречаются глубокие вдавления с внутренней стороны - "жемчужины". Употребление в орнаментации мелкозубчатой гребенки и прочерченных линий единично. Мотивы, используемые при составлении орнаментальных композиций, достаточно однообразны. В основном это ямчатые и ямчато-накольчатые пояски и линии гребенки и каннелюров. Из линейных мотивов представлены также ряды наклонных и прямых оттисков короткой гребенки. Геометрические мотивы используются относительно редко (20% от всех мотивов), наиболее употребим из них горизонтальный зигзаг, единичны случаи орнаментации вертикальным зигзагом, косой решеткой, горизонтальной елочкой, фестонами. На одном сосуде встречены схематические изображения плывущих уток.

Целых форм не найдено, поэтому при выделении типов учитывались форма верхней части сосуда, состав формовочной массы (визуально определяемый), способы обработки поверхности, характер сетчатого декора и орнаментации. 33 наиболее информативных сосуда отнесены к четырем типам.

Тип I (12 сосудов-36%) включает слабопрофилированные сосуды с прямым прямосрезанным венчиком и плавным переходом от шейки к тулову (рис. 1: 1-6, А-В; рис. 2: 1, 2). На одном из сосудов заметно слабо выраженное ребро (рис. 1: Б). Преобладают сосуды средних размеров с диаметром венчика 20-24 см и крупные с диаметром до 34 см. Отметим, что при достаточно крупном размере сосудов толщина стенок не превышает 0,8 см, сосуды средних размеров имеют толщину стенок 0,5-0,6 см. В целом можно говорить об относительной тонкостенности сосудов этого типа. В качестве отощителя глины использовалась исключительно дресва. Другие примеси визуально не фиксируются. Внешняя поверхность сосудов рябчатая, декорирована отпечатками, нанесенными твердыми инструментами, скорее всего штампом. Подобные отпечатки покрывают всю поверхность сосуда. В ряде случаев, особенно на границе с орнаментальными зонами, четко прослеживается использование гребенчатого штампа для нанесения сетки. Заглаживание под орнамент не характерно. Этот тип сосудов отличается максимальной степенью орнаментации поверхности (табл. 3). Срезы венчиков орнаментированы отпечатками гребенчатого штампа, в одном случае ямкой. Зонально-линейные композиции, состоящие из двух-трех элементов, покрывают горло и спускаются на нижнюю часть тулова. Основными элементами узоров являются ямки, оттиски гребенки и каннелюры. В целом в орнаментации ярко проявляются черты, наследуемые от ямочно-гребенчатой керамики. На одном из сосудов наиболее полно представлена композиция из перемежающихся поясков ямок и зон гребенки, выполненная в стиле неолитической орнаментации (рис. 1: 2). По-видимому, с архаичной традицией следует связать орнаментацию одного из сосудов, включенного в данный тип по форме, стилизованным изображением плывущих уток (рис. 2: 1). Вероятно, на ритуальный характер сосуда указывает не только символическое изображение [25, с. 46], но и условная сюжетная композиция, составленная из максимально возможного числа элементов (4), ангобирование внешней и внутренней поверхностей сосуда. В центре композиции располагаются два ряда уток, выполненных тройными взаимоперпендикулярными оттисками трехзубого штампа. Идеограмма воды передается тремя орнаментальными мотивами. По зоне венчика нанесен двойной гребенчатый зигзаг, "объемность" волны передана двумя ямочно-жемчужными поясками, оконтуривающими изображения сверху и снизу, и, возможно, линией каннелюра, нанесенной по шейке сосуда. Рябь водной поверхности подчеркивается четкими сетчатыми отпечатками вокруг каждого изображения утки.

К типу II отнесены 10 сосудов (30%) с блюдцеобразными прямосрезанными венчиками, с хорошо выраженной высокой или низкой шейкой, переходящей в одутловатое тулово (рис. 1: 7-12, Г-Ж). Выделяются два варианта - с глубоким (II, 1) (рис. 2: 6, 8) и слабым (II, 2) (рис. 2: 7, 9) прогибом венчика. Сосуды крупных и средних размеров, два небольших с диаметром венчика 12-14 см. Толщина стенок не превышает 0,8 см, половина сосудов тонкостенна (до 0,6 см), толстостенных нет. Особенностью данного типа сосудов является разнообразие примесей в глиняном тесте. Половина из них изготовлена с примесью дресвы, в трех случаях к дресве добавлена органика, в двух - песок. Технологические приемы обработки внешней и внутренней поверхностей не отличаются от типа I. При сохранении максимальной степени орнаментации (до нижней трети тулова) орнаментальные композиции имеют тенденцию к усложнению (табл. 3). Более половины сосудов орнаментированы узорами с участием четырех или трех элементов, ведущими из которых являются ямки, тычки-наколы, широкая гребенка, "жемчужины". Отметим резкое увеличение тычков-наколов и "жемчужин" по сравнению с посудой первого типа. При сохранении горизонтально-зональной структуры композиции более разнообразными становятся орнаментальные мотивы при явном увеличении геометризованных узоров. Чаще употребляется горизонтальный зигзаг (в т. ч. оконтуренный), появляются вертикальный зигзаг и фестоны.

К типу III отнесены 10 сосудов (30%) S-видного профиля с коротким, отогнутым наружу венчиком и резким переходом к слегка одутловатому тулову (рис. 1: 13-18, З-Л; рис. 2: 3, 4). Преобладают прямосрезанные венчики, отметим появление двух венчиков с торцами, скошенными наружу. Большинство сосудов

среднего размера, есть небольшие и один крупный. Этот тип посуды отличает явное разделение на тонкостенную и толстостенную с преобладанием первой при отсутствии прямой зависимости между толщиной сосуда и его размерами. Второй отличительной особенностью типа является значительное число сосудов с примесью песка в тесте. Причем песок является ведущей примесью, количество дресвы незначительно. В половине сосудов в качестве отощителя единственной примесью является дресва. Несколько изменяется внешнее декорирование поверхности. Сетчатые отпечатки часто располагаются не по всей поверхности сосуда. Характерным приемом является заглаживание верхней части под орнамент. Заглаживание, по-видимому, производилось гребенчатым штампом - в нижней части ряда сосудов прослеживаются зоны с прикосновения расчесов и сетчатых отпечатков (рис.1 : 16). На ряде сосудов наблюдается заглаживание поверх сетки. Сетчатые отпечатки неоднородны. Два сосуда имеют удлиненные зернообразные, по-видимому, нитяные отпечатки, возможно, нанесенные колотушкой с намотанной на нее нитью или тонкой веревочкой. На одном из сосудов отпечаток веревочки случайно отпечатался на недекорированном горле (рис.1: 13). Кроме того, в коллекции имеются фрагменты, декорированные своеобразными дуговыми или ногтевидными вдавлениями, на одном из которых нанесен необычный орнамент в виде "домика" (рис.1: 18). На большинство сосудов сетка по-прежнему наносится гребенчатым штампом. Степень орнаментации данного типа сосудов меньше, чем двух предыдущих (табл.3). Орнамент редко спускается на нижнюю часть тулова. Характерной особенностью орнаментации является использование минимального количества элементов (двух или одного) для создания как упрощенных линейно-горизонтальных композиций на горле, шейке или плечике сосудов, так и пышных геометризованных узоров. Ведущими элементами являются ямки и отпечатки гребенчатого штампа. Характерно использование ямки в качестве самостоятельного элемента орнаментации в виде одиночного пояска по горлу или плечу сосуда. Этот же мотив употребляется как дополнительный в сочетании с гребенчатой орнаментацией.

По орнаментации к данному типу близок миниатюрный тонкостенный сосуд чапевидной формы с прикрытым горлом, украшенный двумя поясками ямок и жемчужин (рис.2: 5), выделенный особо в тип IV(3%).

Между отмеченными типами керамики наблюдаются определенные черты сходства. Своеобразное промежуточное положение занимают сосуды типа II. Близость их с сосудами типа I прослеживается в своеобразных гибридных формах сосудов типа II, 2. Технологически сосуды с блондцеобразным венчиком изготовлялись, по-видимому, дополнительным приемом вытягивания верхней части. На ряде сосудов типа II,2 прогнутость венчика с внутренней стороны лишь намечена, а с внешней стороны венчик почти прямой (рис.2: 7). Сходными в типах I и II являются высокая степень орнаментации, как правило, зональными композициями; мотивы ямочно-накольчатых поясков. Взаимовлияние этих двух типов сосудов прослеживается в орнаментации, проявившейся в появлении на посуде типа II характерного для керамики типа I каннелюра, поверх которого нанесен поясок тычков (рис.1: 5). К "гибридным" по ряду признаков следует отнести и сосуд со схематичным изображением уточки - по внешнему заглаживанию поверхности, использовано четырех элементов орнаментации, включая жемчужные пояски близкого к сосудам типа II. Сходство между II и III типами наблюдается в отношении глины помимо дресвы органикой и песком, в обработке внешней поверхности приемом заглаживания, а также в широком использовании геометризованных мотивов (ср.: тип I - 13%, тип II - 50%, тип III - 37%). Определенная закономерность прослеживается в распределении типов сосудов по участкам. В раскопе II ведущим является тип I (60%, тип II - 30%, тип III - 10%). Прослежено совместное залегание типов I и II в жилище. В раскопе I преобладают сосуды типа III (62%, тип II - 30%, тип IV - 8%). Наблюдается более высокое (позднее ?) залегание сосудов типа III.

Характеризуя керамику, мы попытались определить основные компоненты, орнаментальные традиции которых наиболее ярко проявились в том или ином типе посуды. Наиболее архаичным по облику является тип I, в котором еще сильны неолитические традиции составления формовочной массы и орнаментации. В сравнении с неолитической, в данном типе посуды несколько видоизменяется форма сосудов, стремящаяся к профилированности. Данные изменения, по мнению ряда исследователей, могли произойти под влиянием носителей шнуровой керамики культур боевых топоров [18, с.149; 26, с.38]. Примечательно, что на посуде этого типа наиболее часто используется каннелюр, он зафиксирован на 7 сосудах из 12. По-видимому, данный орнамент следует рассматривать как имитацию шнуровых отпечатков, широко представленных в культурах шнуровой керамики эпохи ранней бронзы. Сосуды типа II по форме и особенностям орнаментации близки ранней сетчатой керамике Верхнего Поволжья, имеющей в своей подоснове слившиеся фатьяновскую и местную (постволосовскую ?) культурные традиции [27, с.71]. Волосовские проявляются в использовании в качестве отощителя глины органических примесей, в развитой накольчато-тычковой орнаментации, в употреблении вертикального зигзага, а фатьяновские - в профилировке сосудов, использовании мелкозубчатого штампа. В орнаментации данного типа посуды присутствуют черты, свойственные поздняяковской культуре - третьему образующему компоненту ранней сетчатой керамики [15, с.148]. Они выразились в широком использовании "жемчужного" орнамента, сложных геометризованных мотивов, оформлении орнаментальных узоров бахромой. Для сосудов типа III труднее выделить наследуемые орнаментальные традиции, хотя он безусловно более близок поздняяковской культуре. Наиболее ярко это проявляется в составлении композиции одного из сосудов разнообразными гребенчатыми узорами - горизонтальными линиями, зигзагом, слочкой и наклонными рядами, дополненными тычковыми вдавлениями (рис.2: 4). Один из сосудов украшен в верхней части оконтуренной ромбической репеткой. К этому же типу относятся, по-видимому, фрагменты не менее чем от трех нереконструируемых сосудов со специфическими

поздняковскими узорами - мелкозубчатым, оконтуренным горизонтальным зигзагом, рядом "домиков" из отгисков короткого штампа. К поздняковской следует отнести традицию изготовления толстостенных сосудов [20, с. 145].

С определенной долей вероятности тип I может быть охарактеризован как местный. Два других типа могут быть связаны с последовательным влиянием или даже проникновением отдельных групп родственного населения из Верхнего Поволжья и с Оки. Причем длительного хронологического разрыва между этими контактами, по-видимому, не было. О прямом участии в этом процессе поздняковских племен говорят находки фрагментов не менее чем от четырех гладкостенных или с расчесами по поверхности сосудов с типичными для этой культуры признаками. В коллекции имеются фрагменты двух реберчатых сосудов со сложными узорами, нанесенными веревочными, гребенчатыми и нарезными штампами, фрагмент, орнаментированный встречным зигзагом и изображением креста.

На основании сравнительно-типологических данных существование комплекса сетчатой керамики на поселении можно отнести к ранней стадии формирования культуры сетчатой керамики.

Керамика, близкая по форме и орнаментации посуде типа II, относится исследователями в Верхнем Поволжье к сер. II тыс. до н. э. [27, с. 71]. Наличие на этой керамике характерного поздняковского "жемчужного" орнамента, опосредованно отразившегося и на керамике типа I, предполагает контакты носителей сетчатой керамики Верхнего Поволжья с поздняковцами на самом раннем этапе формирования этой культуры (XV - XIV вв. до н. э.). Существование местного наиболее архаичного типа I логично отнести к более раннему времени - до сер. II тыс. до н. э. Несколько более поздним представляется появление керамики типа III. На ней наблюдаются отсутствие "жемчужного" орнамента, некоторое упрощение орнаментальных композиций, увеличение ямочного элемента орнамента. Однако наличие в орнаментации пыльных гребенчатых узоров, высокая степень орнаментации сосудов в целом, включая их срезы, позволяют датировать ее временем не позднее развитого периода поздняковской культуры и отнести к 3-ей четв. II тыс. до н. э.

На ранний характер комплекса сетчатой керамики на данном поселении указывает сопутствующий каменный инвентарь. Из ранних типов орудий укажем сверленный пестиковидный топор, топор с выделенным черешком, наконечники стрел - короткие треугольные с прямым и вогнутым основанием, удлинённые тонкие с треугольной выемкой в основании с пильчатой ретушью (беломорского типа), массивный черепковый с асимметрично выделенным шипом. По-видимому, "беломорские" наконечники следует связать с местной посудой типа I. С поздняковским влиянием связываются такие типы наконечников, как удлинённые треугольные с прямым и слегка вогнутым основанием и характерной формы поздняковский скребок с высокой ретушированной спинкой. На основании анализа материалов поселения Березовая Слободка II-III можно предположительно говорить о складывании сетчатой керамики на нижней Сухоне на основе местного субстрата с участием пришлых компонентов не позднее сер. - 3-ей четв. II тыс. до н. э. и включить этот регион в ареал формирования культуры с сетчатой керамикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брюсов А.Я. "Сетчатая" керамика // СА. № XIV. 1950.
2. Гурина Н.И. Древняя история европейской части СССР // МИА. № 87. 1961.
3. Гурина Н.И. Некоторые итоги изучения древнейшей истории Ленинградской области // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.
4. Третьяков В.П. О возникновении сетчатой керамики в Восточной Прибалтике // КСИА. Вып. 161. 1980.
5. Бадер О.Н. Культура с "текстильной" керамикой в северо-восточной Европе // СА. 1966. №3.
6. Ошибкина С.В. Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре // СА. 1966. №4.
7. Ошибкина С.В. Стоянка Тихманга // КСИА. Вып. 193. 1988.
8. Третьяков В.П. Волосовские племена в Европейской части СССР в III - I тыс. до н. э. Л., 1990.
9. Жульников А.М. Проблемы хронологии и периодизации позднего энеолита Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
10. Крайная Д.А. Волосовская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
11. Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л., 1990.
12. Гурина Н.И. Относительная хронология керамики верховьев Волги // КСИА. Вып. 203. 1991.
13. Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988.
14. Смирнов А.К. О двух районах появления сетчатой керамики: Доклад на V международном конгрессе финно-угроведов // СА. 1983. №1.
15. Косменко М.Г. Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск, 1992.
16. Косменко М.Г. Происхождение культуры и хронология памятников эпохи бронзы в Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
17. Косменко М.Г. Культура сетчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
18. Ошибкина С.В. Энеолит и бронзовый век севера Европейской части СССР // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
19. Крайнов Д.А., Зайцева Г.И., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Абсолютная хронология сахтышских стоянок // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 5. Иваново, 1991.

20. *Попова Т.Б.* Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки памятников поздняковской культуры на Средней Волге // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. М., 1985.
21. *Халиков А.Х.* Приказанская культура // САИ. В1-24. М., 1980.
22. *Патрушев В.С.* У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола, 1989.
23. *Буров Г.М.* Древний Синдор. Сыктывкар, 1966.
24. *Иванищева М.В.* Работы Сухонского отряда // АО-1995. М., 1996.
25. *Ошибкина С.В.* Об изображении птиц на керамике эпохи бронзы в Восточном Прионежье // КСИА. Вып.161. 1980.
26. *Семенова В.А.* О некоторых культурных компонентах в этногенезе финно-угров // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Пермь, 1982.
27. *Воронин К.В., Сидоров В.В.* Стоянка эпохи бронзы на р. Юхоть // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып.1. Иваново, 1994.

*Научно-производственный центр "Клио",
Вологда*

L.S. Andrianova, M.V. Ivanischeva

NET POTTERY OF THE BEREZOVAYA SLOBODKA II-III IN THE LOWER SUKHONA BASIN

Summary

A description of vessel forms and ornaments found on net pottery from the farthest eastern site of the northern part of the Forest Zone is given in the article.

Three main traditions of the early net pottery found in the Lower Sukhona basin are being compared by the authors. Within one of the traditions traces of the influence of the Cord Ware pottery and the Battle Axes culture of the Early Bronze Period are observed.

A number of characteristic elements found in forms and ornamentation of the vessels belonging to the Slobodka net pottery type reveal the contacts of the locals with their southern neighbours from the Upper Volga Region (the Early Net Pottery culture) and the Volga - Oka Region (the Pozdnyakovo culture). These contacts took place in the Middle Bronze period.

*The Research-Industrial Centre "KLIO"
18, Sovetsky Ave., Vologda,
160000, Russia*

А.Л. Александровский, Н.А. Кренке, Е.А. Спиридонова,
Б.Е. Янишевский

ИЗУЧЕНИЕ ВАЛОВ И ПОГРЕБЕННЫХ ПОД НИМИ ПОЧВ НА ДЪЯКОВСКИХ ГОРОДИЩАХ ТРОИЦКОЕ, ЛУКОВНЯ 2 И КОРОБОВО В ПОДМОСКОВЬЕ

Обширные стационарные раскопки площадок городищ дьякова типа в Подмоскowie, проводившиеся начиная с конца 1950-х гг.¹, показали, что культурный слой на них часто слабо стратифицирован, несмотря на все свое богатство находками, порой оказывается малоинформативным или очень трудоемким для получения надежных хронологических реперов, сбора данных о палеоландшафтах и изучения вопросов, связанных с хозяйством жителей поселений.

Перспективность валов городищ как объектов исследований стала особенно очевидна, после того как получение радиоуглеродных дат стало реально доступным, что, в частности, продемонстрировало изучение разреза вала Дьякова городища в 1982 г. [1]. Даже при незначительных по масштабам раскопках, главным итогом которых является лишь профиль разреза вала, можно отобрать угли для датирования и в результате проследить важнейшие этапы функционирования поселения (время появления оборонительных укреплений, их пожары и смену). При этом необходимо отметить, что наличие следов сгоревших укреплений в разрезе вала Дьякова городища являлось отнюдь не уникальным явлением. Углистые прослойки наблюдались практически во всех разрезах, проложенных через оборонительные валы городищ дьякова типа, а таких разрезов было сделано около трех десятков².

Разрезы валов ценны также тем, что предоставляют уникальную возможность изучения погребенных под ними почв, а также почв, сформировавшихся на поверхностях первоначальных валов, погребенных под более поздними насыпями. Почвы, погребенные под достаточно мощными наслоениями (как правило, более 1 м), гораздо лучше сохраняют различные трансформации, образовавшиеся в них в результате человеческой деятельности, например, распашки под пашню, чем почвы, продолжающие оставаться на дневной поверхности. Кроме того, в погребенных почвах сохраняются разнообразныe палеоботанические остатки (пыльца, фитолиты, детрит и пр.), характеризующие как макроландшафтные условия, так и особенности древней растительности в непосредственной близости от места отбора образца. Таким образом, сочетание почвенных методов анализа и палеоботанических позволяет достаточно надежно диагностировать следы древней хозяйственной деятельности и реконструировать ландшафтную среду. Данная методика была первоначально апробирована в Подмоскowie на средневековых объектах [2]. Вслед за этим была поставлена задача изучения сходным образом и более древних памятников железного века.

Объектами исследований стали три городища (рис. 1)³. Два из них были выбраны вследствие своей неизученности - городища Луковня 2 на р. Пахре (открыто М.И. Гоняным в 1970-е гг.) и Коробово на р. Людовке (открыто А.А. Юпко в 1979 г.), а также потому, что находятся последние 100-200 лет в лесу, не имеют современных повреждений. Троицкое городище, наоборот, было почти полностью раскопано и результаты монографически опубликованы [3]. Свою задачу мы видели в этом случае в том, чтобы проверить и дополнить имевшиеся данные.

Городище Луковня 2. Исследование было проведено в 1987 г. [4]. Площадка городища размером около 700 кв. м расположена на мысу между двух оврагов и имеет протяженность около 50 м при максимальной ширине 20 м, возвышается над тальвегом оврагов на 10 м, а над уровнем р. Пахры (до которой 110 м) на 20 м (рис. 2). С напольной стороны городище защищено двумя валами, между которыми имеется четкий ров. Ров перед внешним валом также существовал, но сильно заплыл и на современной поверхности плохо заметен. Внешний вал почти прямой в плане, имеет высоту около 1,4 м над уровнем современной поверхности с напольной стороны. Внутренний вал сильно сглажен и плавно сходит на нет в сторону площадки, по-видимому, в результате поздней распашки. Перепад высот между дном рва и гребнем внутреннего вала составля-

¹ Всего на городищах в бассейне р. Москвы было изучено раскопками более 15 тысяч кв. м культурного слоя.

² На памятниках, расположенных по Москве-реке, были сделаны разрезы валов на городищах: Троицкое, Бушаринское, Саввино-Стороженское, Успенское, Кунцево, Боршева.

³ Работы на городище Коробово финансировались леспаркхозом "Горки", а на Троицком городище - администрацией Можайского р-на Московской обл.

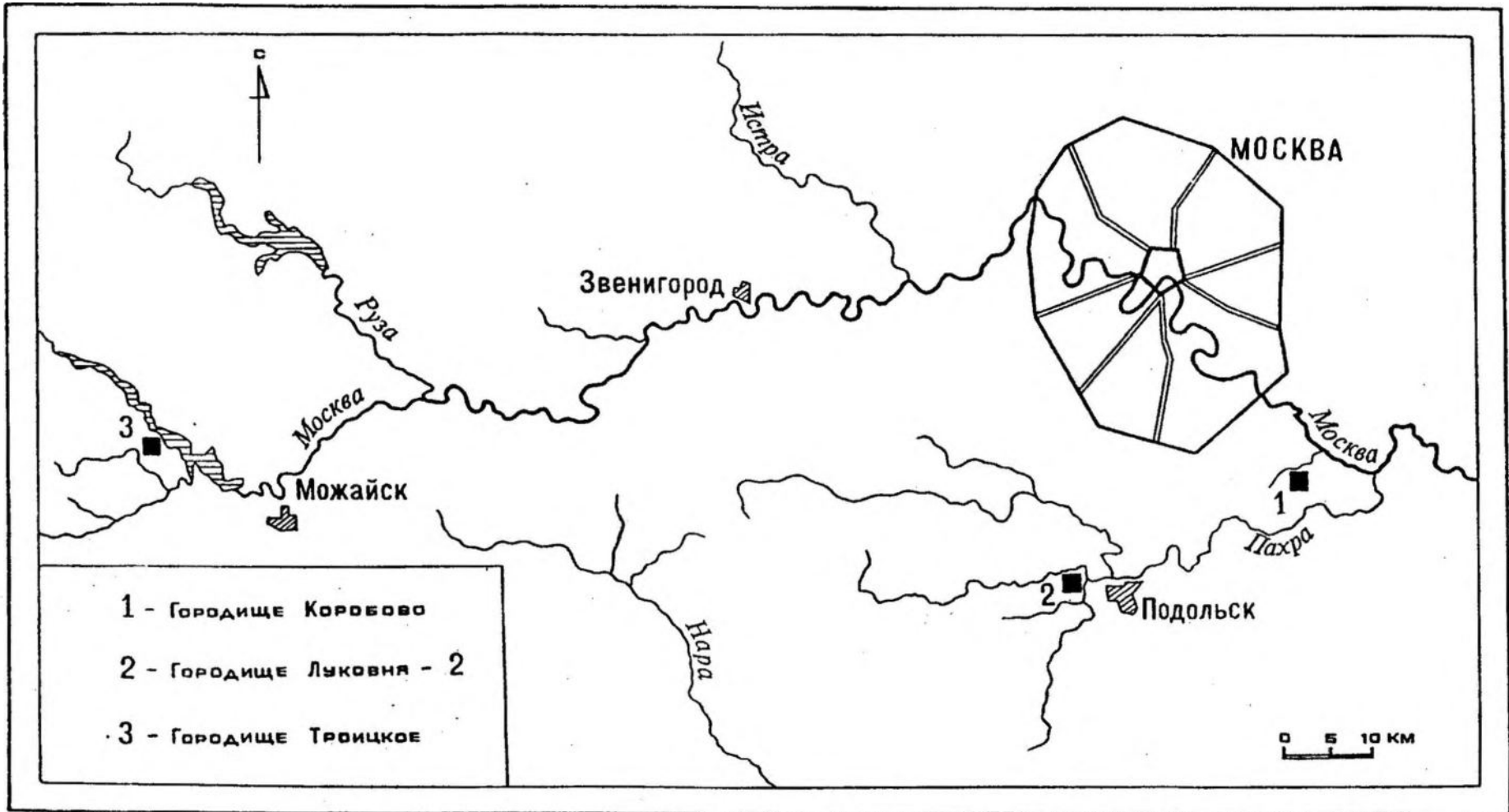

Рис. 1 Карта расположения городищ Коробово, Луковня 2, Троицкое

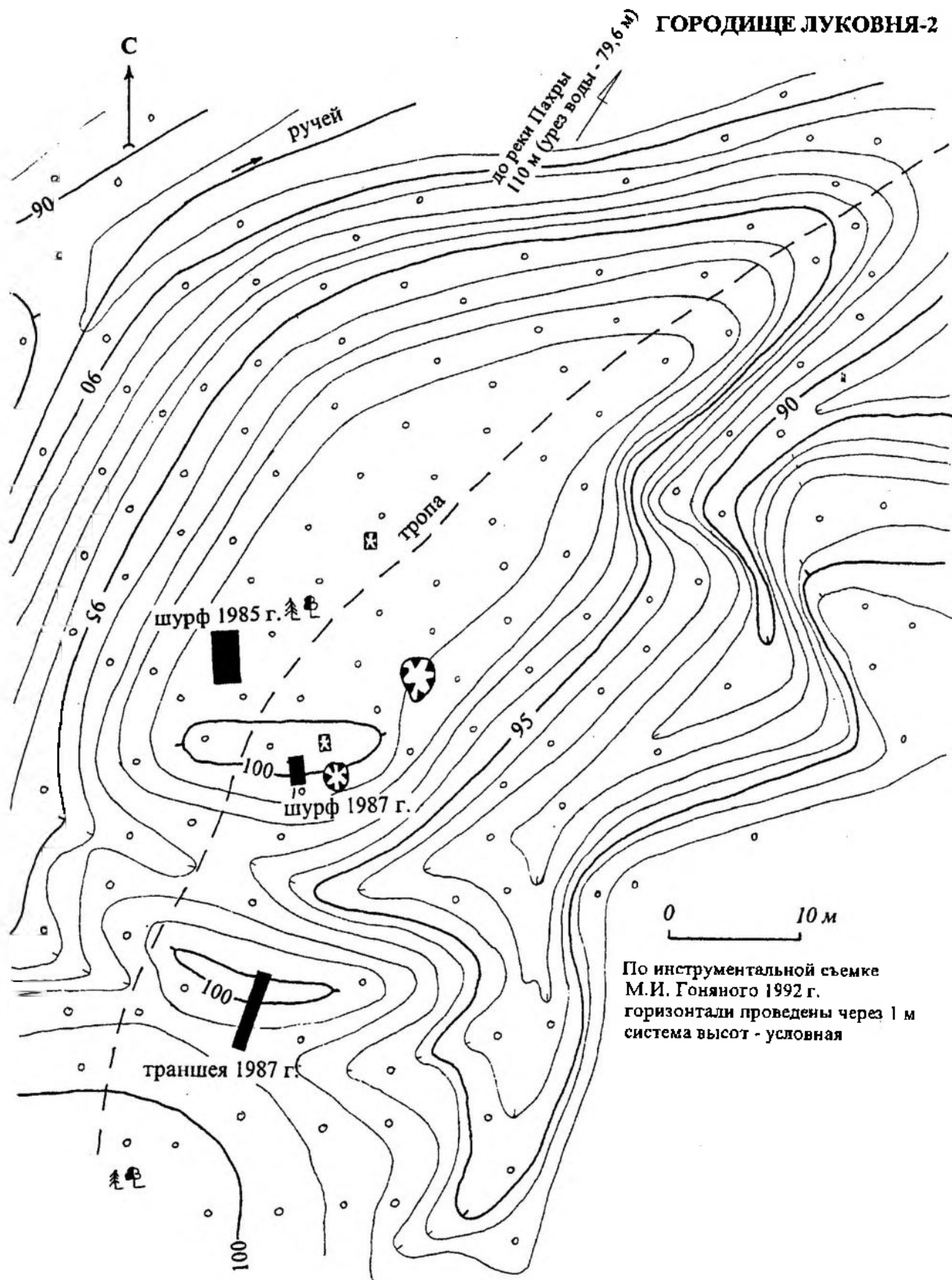

Рис. 2. Городище Луковня 2. Ситуационный план с указанием мест раскопов 1985, 1987 гг.
(по инструментальной съемке М.И. Гоняного 1992 г.)

ГОРОДИЩЕ ЛУКОВНЯ - 2. ПРОФИЛЬ ЗАПАДНОЙ СТЕНКИ РАЗРЕЗА
ВНЕШНЕГО ВАЛА

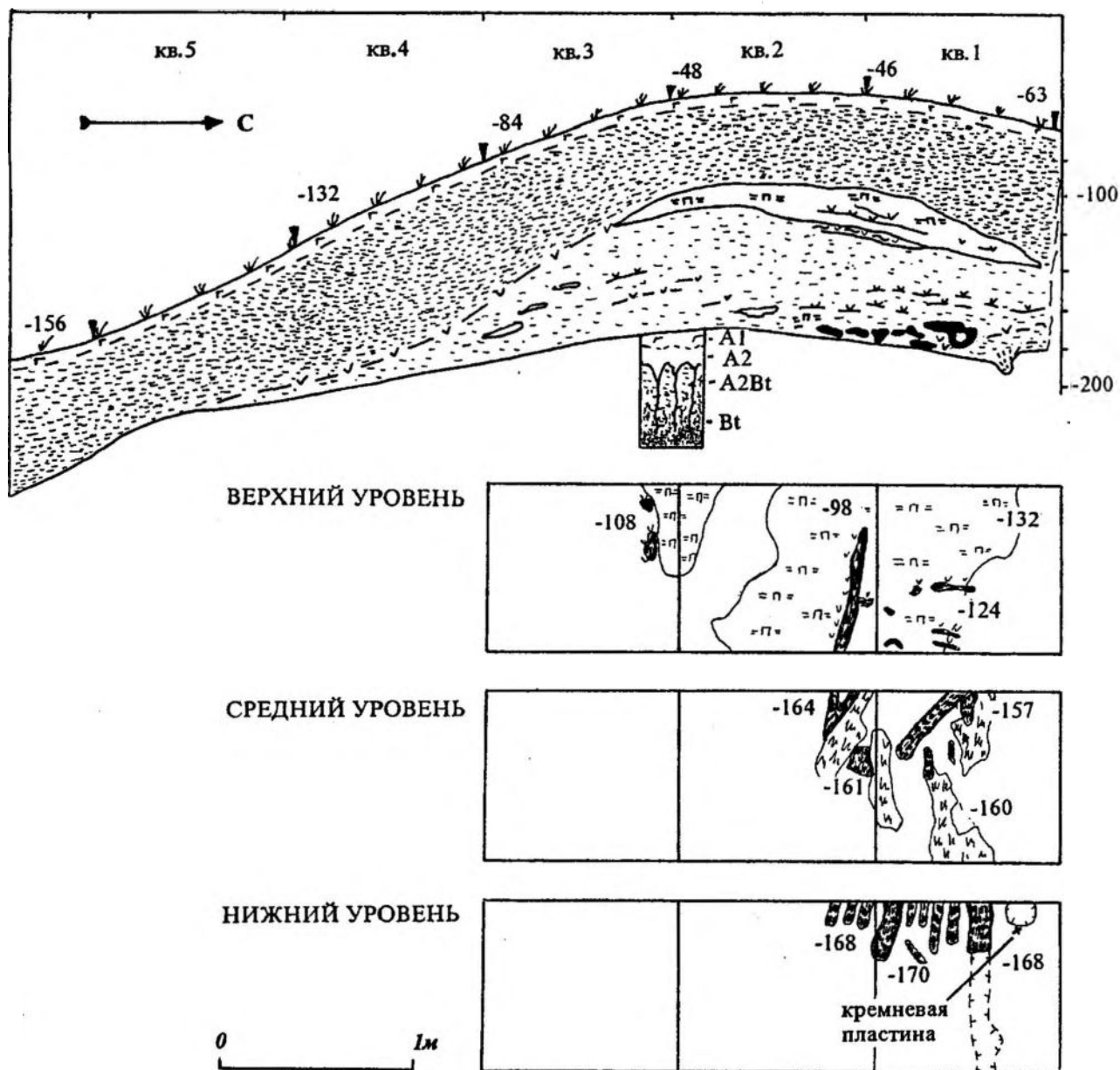

Рис. 3. Городище Луковня 2. Профиль западной стенки и планы 3-х уровней разреза внешнего вала.
(см. экспликацию на рис. 7)

ет 3 м. В 1985 г. на площадке в привальной части был заложен небольшой раскоп, показавший, что толщина культурного слоя на городище не превышает 30-40 см, найденный материал можно было ориентировочно датировать в интервале V в. до н.э. - рубеж эр (текстильная керамика составляла примерно половину комплекса, лощеная посуда отсутствовала).

Для изучения валов были заложены траншея через внешний вал 1 x 5 м и шурф 1 x 2 м на внутреннем валу.

В траншее через внешний вал была зафиксирована следующая ситуация (рис. 3). На глубине 40-50 см от гребня насыпи была выявлена прослойка прокаленного суглинка толщиной до 20 см, в основании которой имелись хаотично разбросанные головешки и плахи. Судя по тому, что прокаленная земля находилась над обугленными деревянными остатками, они были сожжены и засыпаны в процессе сооружения насыпи вала. На 40 см глубже в суглинистой насыпи был встречен второй горизонт залегания обугленных и истлевших древесных остатков. В разрезе они имели вид тонких (в несколько мм) прослоечек, в плане имели ширину до

ГОРОДИЩЕ ЛУКОВНЯ-2.

ШУРФ НА ВНУТРЕННЕМ
ВАЛУ (план, профили север-
ной и западной стенок)

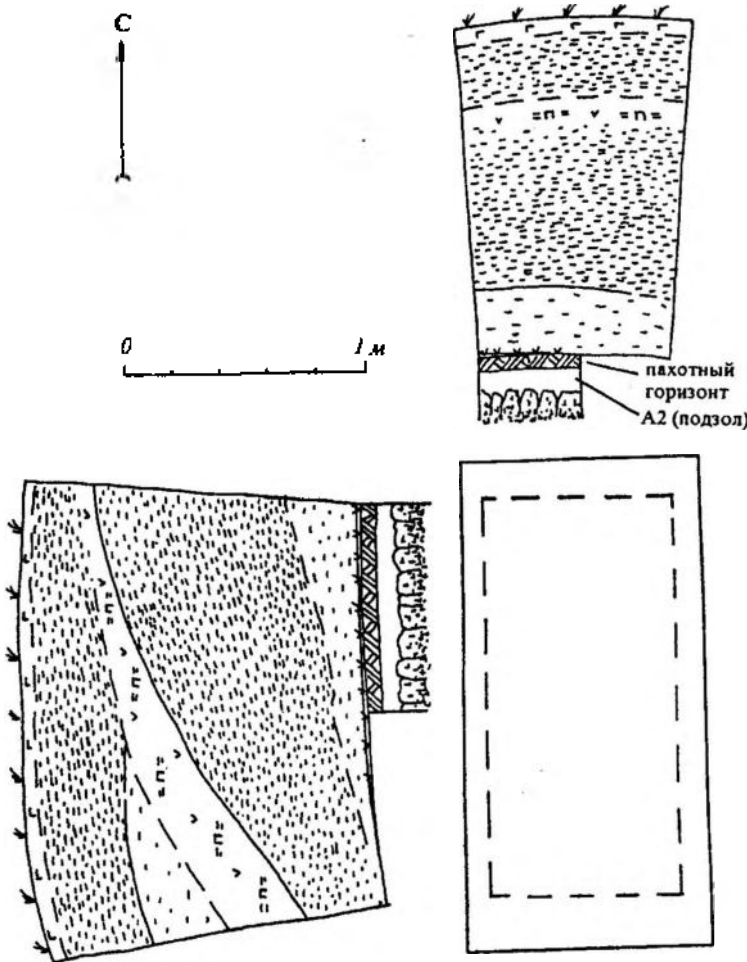

Рис. 4. Городище Луковня 2. Профили западной и северной стенок и план шурфа 1987 г. на внутреннем валу (см. экспликацию на рис. 7)

20 см. Возможно, некоторые из этих остатков являлись кусками коры. Залегали они также хаотично, выдерживая лишь приблизительно направление вдоль оси вала. Вокруг них и под ними имелись пятна прокала. И наконец, в основании насыпи на глубине 130 см от ее гребня залегали наиболее крупные обугленные плахи и жерди диаметром 3-10 см. Они были сложены аккуратно вдоль вала. Эти жерди также были перекрыты прокаленным суглинком, то есть сожжены и засыпаны при создании вала. Дополнительным аргументом против интерпретации данных обугленных жердей как остатков конструкции является то, что они внезапно обрывались. Их следы отсутствовали в восточной части разреза. По-видимому, раскопками зафиксирована куча положенных и преднамеренно сожженных жердей, рядом с которой имелось свободное пространство.

На уровне погребенной почвы (материка) были обнаружены неглубокая ямка с коническим дном и узкая канавка вдоль оси вала, возможно, имевшие какое-то конструктивное значение. Рядом с ямкой был найден обломок кремневой пластины с ретушью неолитического облика.

Профиль почвы, подстилавшей насыпь вала, сохранился полностью, включая верхний гумусовый горизонт, который характеризуется ослаблением гумусовой окраски и побурением в результате диагенеза. Этот верхний гумусовый горизонт A1 имел толщину 5-7 см, переход к нижележащему подзолистому горизонту A2 был постепенным, следы древней распушки отсутствовали.

Результаты радиоуглеродного датирования образцов, отобранных из насыпи внешнего вала, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования образцов из разреза вала городища Луковня-2.⁴

Стратиграфическое положение образца	№ ГИН	Радиоуглеродный возраст	Калиброванная дата
Верхний уровень углей, глубина: -112 -125 см	5447	2240±50	392 (362, 268, 263) 209 г. до н.э.
Средний уровень углей (угли), глубина: -160 -164 см	5448	2350±80	516 (402)386 г. до н.э.
Средний уровень углей (древесный тлен), глубина: -160-164 см	5449	2000±100	167 г. до н.э. - 80 г. н.э.
Нижний уровень углей, глубина: -168 -170 см	5450	2240±80	397 (362, 268, 263) 204 г. до н.э.

⁴ Все радиоуглеродные датировки получены в лаборатории Геологического института РАН под руководством Л.Д. Сулержицкого.

Точное совпадение датировок, полученных для образцов, отобранных из нижней и верхней углистых прослоек, по-видимому, указывает на их одновременность.

Таким образом, вал был, вероятно, сооружен в IV или III в. до н.э. При этом в процессе одного строительства земляная насыпь несколько раз обжигалась и затем вновь досыпалась. Наличие прослоек прокаленной глины, видимо, придавало сооружению большую прочность. Следы деревянных ограждений, которые, вероятно, дополняли земляную насыпь, не сохранились.

Шурф, заложенный на гребне внутреннего вала, показал, что мощность насыпи равнялась 1,1 м (рис. 4). Погребенная почва при сооружении насыпи не была подрезана, ее профиль сохранился полностью. Судя по наличию многочисленных угольков в верхней части древнего гумусового горизонта, на дневной поверхности перед насыпкой вала был разведен огонь. В основании насыпи (нижние 20-30 см) имелись многочисленные включения белесого подзолистого материала, взятого, очевидно, из верхнего почвенного горизонта при откопке рва. Крупных обугленных древесных остатков найдено не было, но в толще насыпи фиксировались слои и включения прокаленной глины, такие же, как и на внешнем валу.

Наиболее значимым результатом исследования внутреннего вала было обнаружение в северной стенке разреза следов пашни в профиле погребенной почвы. В верхней ее части выявлен палево-подзолистый горизонт, имевший резкую и ровную нижнюю границу (один из главных диагностических признаков пахотного горизонта в разрезе). По аналогии с подобными современными горизонтами он может быть определен как старопашотный. От современных его отличает более светлая окраска (за 2,5 тысячи лет в погребенном состоянии произошла минерализация значительной части гумуса), а также меньшая мощность - в среднем 8 см. Учитывая уплотнение под насыпью в 1,3 - 1,5 раза, его начальная мощность может быть оценена в 10-12 см, что сходно с реконструированной мощностью средневековых пахотных горизонтов, зафиксированных под насыпями курганов XII в. в Подмоскowie. Важно отметить, что на уровне пахотного горизонта, погребенного под насыпью внутреннего вала, были найдены фрагменты раннедьяковской текстильной керамики предположительно VII-VI вв. до н.э. (рис. 9: 10) и небольшой обломок орнаментированной стенки фатьяновского сосуда III-II тыс. до н.э. (рис. 9: 9). Этот фрагмент был обнаружен в 1987 г. при зачистке южной стенки шурфа 1985 г. Аналоги имеются на стоянке Воймежная 1 [5, рис. 84: 5, 6].

Городище Коробово. Комплексные исследования этого памятника проводились в 1995 г. [6]. Целый ряд признаков указывает на сходство городищ Коробово и Луковня 2. Размер площадки городища Коробово равен около 1200 кв. м, расположена она на мысу между оврагом и р. Людовкой, на высоте 15-16 м над урезом воды (рис. 5, 6). Городище с напольной стороны защищено валом дугообразной формы высотой 0,8 м, шириной 6-7 м, длиной до 65 м. С внешней стороны к валу примыкал ров, в настоящее время заплывший. Культурный слой незначителен - 20-40 см - и содержит материал, который можно приблизительно датировать в интервале III в. до н.э. - рубеж зр. Текстильная и грубая гладкостенная керамика найдена примерно в равных количествах, причем некоторые венчики текстильных сосудов имеют защипы по торцу, и они слегка отогнуты наружу (рис. 9). Подобная керамика была найдена на контакте нижнего и верхнего слоев Дьякова городища [7, рис. 63].

Площадка и особенно вал городища поросли лиственным лесом, включающим дубы возрастом 50-100 лет.

Вал и ров городища были разрезаны траншеей шириной 2-3 м и длиной 10 м (рис. 6). Профиль погребенной почвы сохранился полностью лишь под наиболее высокой центральной частью вала (рис. 7). Возможно, земля для насыпки вала бралась не только из рва, но и со стороны площадки.

Максимальная высота насыпи вала над уровнем древней дневной поверхности равнялась 80 см. Насыпь была сложена из суглинка и по своей структуре очень напоминала насыпь внешнего вала городища Луковня 2. Характер залегания слоев представлен на чертеже (рис. 7), ниже предлагается реконструкция процесса сооружения насыпи, основанная на результатах раскопок.

Перед насыпкой вала на древней дневной поверхности был разведен огонь (были сожжены ветки березы, ивы, ольхи и дуба). В плане они были зафиксированы как хаотически разбросанные головешки - нижний горелый слой (рис. 8). В профилях они выглядели либо как массивные угли толщиной в несколько см, либо как "нитевидные" углистые прослоечки. Еще недогоревшие ветки были заброшены землей, в результате чего образовался слой прокала в 10 см толщиной. На этот слой также были брошены и сожжены ветки вяза, ясеня (верхний горелый слой). В результате образовалось плотное "ядро" в основании насыпи. Возможны, конечно, и другие интерпретации смысла этих действий, например, обжигание границы с сакральными целями и т.п. Затем, с внешней стороны поверх прокаленного слоя была положена земля, вынутая из рва при откопке верхних почвенных горизонтов (белесый подзолистый слой). После чего вал был досыпан землей, взятой из более глубоких почвенных горизонтов (бурый суглинок). Возможно, обжигание насыпи в процессе ее сооружения проводилось неоднократно. Об этом позволяет судить наличие рассеянных угольков и пятен прокала уже на глубине 30 см от поверхности. Радиоуглеродные даты по углям, отобранным в верхней части насыпи, а также в верхнем и нижнем горелом слое в основании насыпи, дали некоторый разброс (см. табл. 2). Наиболее адекватными археологическому возрасту представляются три даты, полученные по образцам из верхнего и нижнего горелых слоев в основании вала, которые оказались практически идентичными и указывают на возраст в пределах I в. до н.э. - I в. н.э.

Профиль погребенной под валом почвы был представлен следующими горизонтами (глубины даны от

⁵ Авторы благодарят А. В. Энгватову за консультацию.

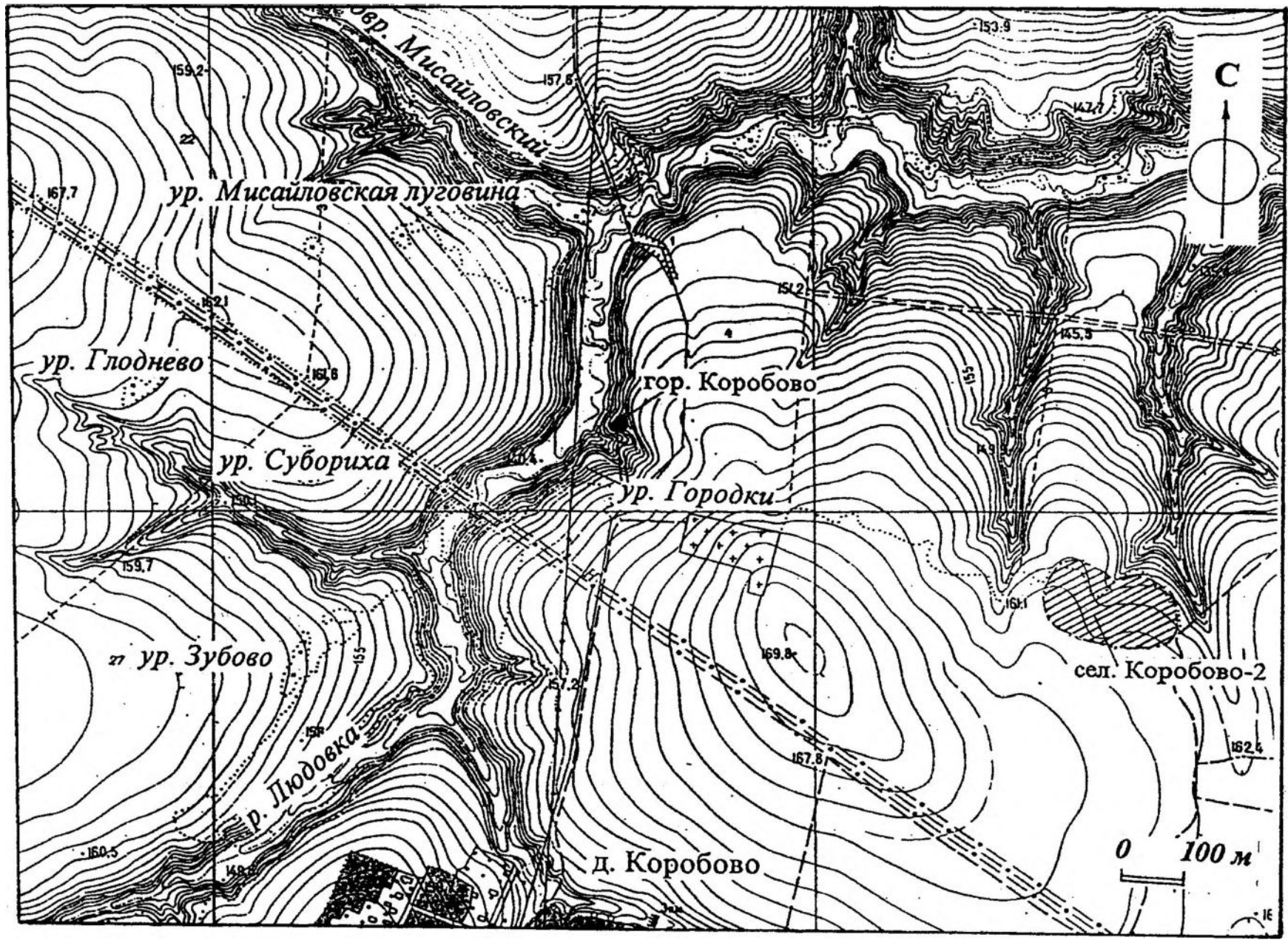

Рис. 5. Топографический план окрестностей городища Коробово

погребенной поверхности):

A1(p) 0-7 (8) см. Гумусо-элювиальный (предположительно пахотный) горизонт. Палево-бурый легкий к среднему суглинок с сероватым оттенком и мелкими белесыми пятнышками по ходам корней и червей; комковатый с плитчатостью, уплотненный. Встречаются угольки. Местами имеются корни современных деревьев. На отдельных участках нижняя граница (подошва пахотного горизонта?) ровная, переход резкий, слабо-размытый (зона перехода до 0,5 - 1 см), на отдельных участках - граница сильно турбированна, имеет пятнистое сложение.

El 7(8) -17 см. Элювиальный (подзолистый) горизонт. Пятнистый легкий суглинок: ярко-белые округлые пятна и разделяющие их палево-бурые прожилки вертикальной и горизонтальной ориентации. Комковато-плитчатый, уплотненный. Корней значительно меньше, переход постепенный.

ElVt 17-25 см. Переходный горизонт: белесые легко-суглинистые, бурые среднесуглинистые пятна. Переход постепенный.

Vt 25-45 см (дно траншеи). Бурый средний суглинок, ореховато-призматический, плотный.

Особый интерес представляет верхний горизонт погребенной почвы мощностью 7-8 см, который имеет признаки, позволяющие выделять его в качестве пахотного. Это гомогенное сложение, ровная на отдельных участках нижняя граница с относительно резким переходом (0,5-1 см) к нижележащему горизонту. В связи с небольшой мощностью насыпи значительное воздействие на погребенную почву оказали диагенетические процессы. Они привели не только к трансформации подошвы пахотного горизонта и его осветлению в результате минерализации гумуса, но также вызвали существенное изменение нижележащего элювиального (подзолистого) горизонта: пятна и прожилки.

На дне заплывшего рва была прослежена дерново-подзолистая почва с хорошо развитым текстурно-дифференцированным профилем. Для формирования такого профиля нужно длительное время. Отмечается значительно большая интенсивность почвообразования во рву по сравнению с валом. Можно полагать, что ров долгое время (около 2000 лет) оставался незаполненным и на его поверхности сформировалась почва с хорошо развитым профилем.

Следов распашки железного века вокруг городища обнаружить не удалось. Фоновые почвы в шурфах на прилегающих пологих склонах относятся к смытым дерново-подзолистым. Смыв следует связывать с распашкой относительно недавнего времени: на смытой поверхности не успела образоваться достаточно развитая почва. На бровках берега р. Людовки на одном уровне с площадкой городища имеется чехол делювиальных (агроделювиальных?) отложений мощностью 30-40 см с ровной нижней, вероятно, пахотной границей относительно хорошей сохранности. Датирующие материалы в этих разрезах не были обнаружены. Комплекс почвоведческих наблюдений позволяет сделать предположение лишь о времени прекращения распашки - не более 3-5 веков назад. Лес на исследуемой территории вторичный, он мог неоднократно вырубаться, и по его состоянию невозможно определить время начала облесения пашни.

Таблица 2. Результаты радиоуглеродного датирования образцов из разреза вала городища Коробово ⁶

Стратиграфическое положение образца	№ ГИН	Радиоуглеродный возраст	Калиброванная дата
Верх насыпи (-30 см от соврем. пов-ти)	8466	2140±60	353 (199, 189, 174) 95 г. до н.э.
Основание насыпи, верхний горелый слой	8457	1780±100	83 (234)384 г.н.э.
Основание насыпи, верхний горелый слой	8458	1920±70	16 до н.э. (69 г. н.э.) 132 г. н.э.
Основание насыпи, верхний горелый слой	8460	1930±80	88 г. до н.э. (65 г.н.э.) 132 г.н.э.
Основание насыпи, нижний горелый слой	8464	1980±50	90 г. до н.э. (4, 7, 23, 45 гг. н.э.) 66 г.н.э.

Из почвы, погребенной под валом городища Коробово, были отобраны образцы для изучения палеоботанических остатков, анализ которых дал следующие результаты (табл. 3)⁷.

⁶ Кроме представленных в таблице дат была получена одна более молодая: 800±60 л. н. (ГИН 8465) по углям с площадки (рядом была найдена керамика XII-XIII вв.), и две более древние: 2870±130 л. н. (ГИН 8459) и 3150±200 л. н. (ГИН 8461), которые не находят соответствия в археологическом материале.

⁷ Определение и анализ спорово-пыльцевых комплексов были выполнены Е.А. Спиридоновой (Институт археологии РАН); определение остальных элементов биогенной фракции (пород деревьев по уголькам, древесного и растительного детрита, копролитов и биогенного кремнезема, то есть фитолитов, микроскопических углистых частиц, грибных гифов, спикул губок) выполнено в Институте географии РАН А.А. Гольевой, предварительные результаты опубликованы [8].

ГОРОДИЩЕ КОРОБОВО. 1995г.

ПРОФИЛЬ СЕВЕРНОЙ СТЕНКИ РАЗРЕЗА ВАЛА И РВА

Рис. 7. Городище Коробово. Профиль северо-западной стенки разреза вала и рва

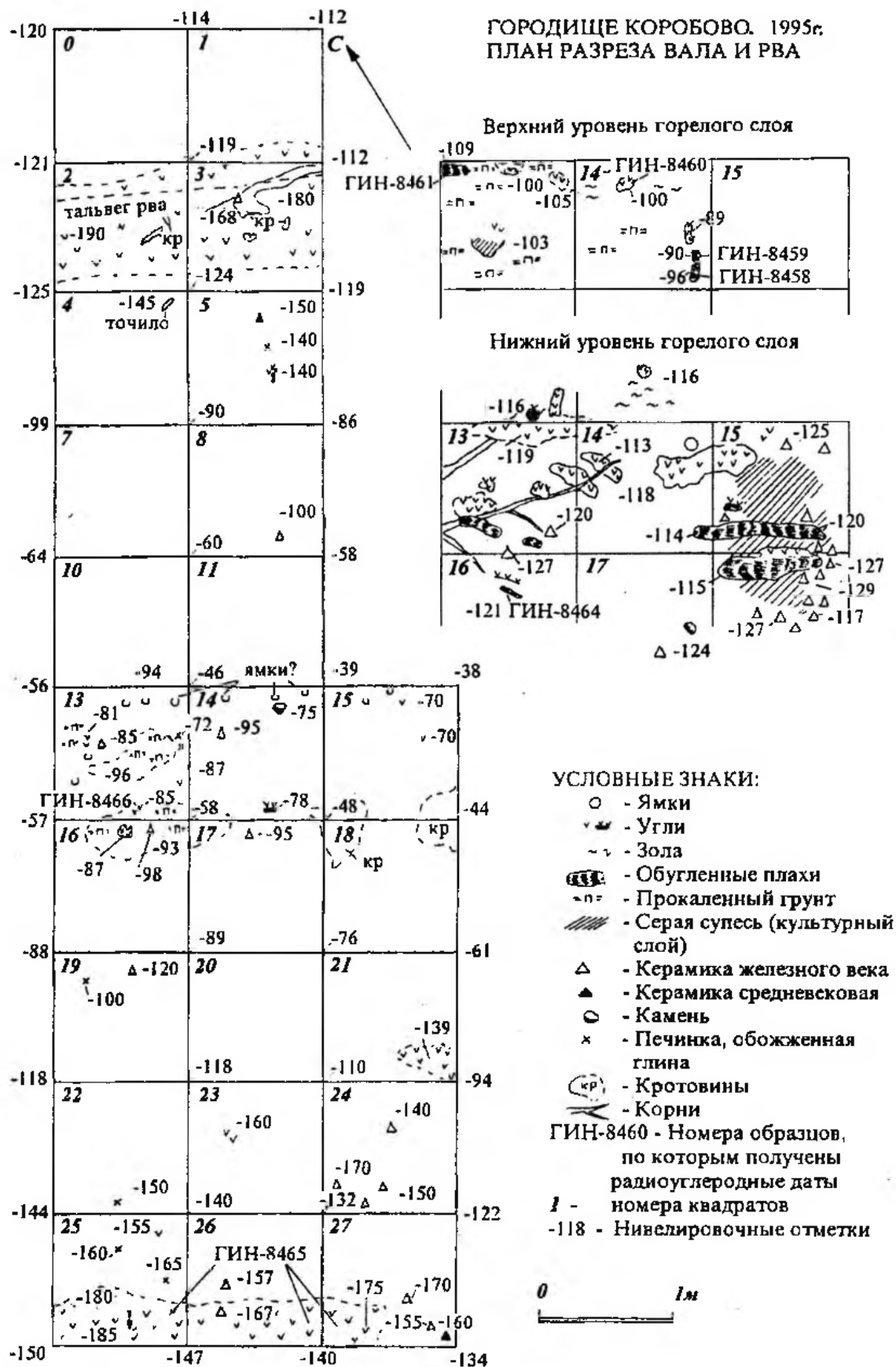

Рис. 8. Городище Коробово. План разреза вала и рва

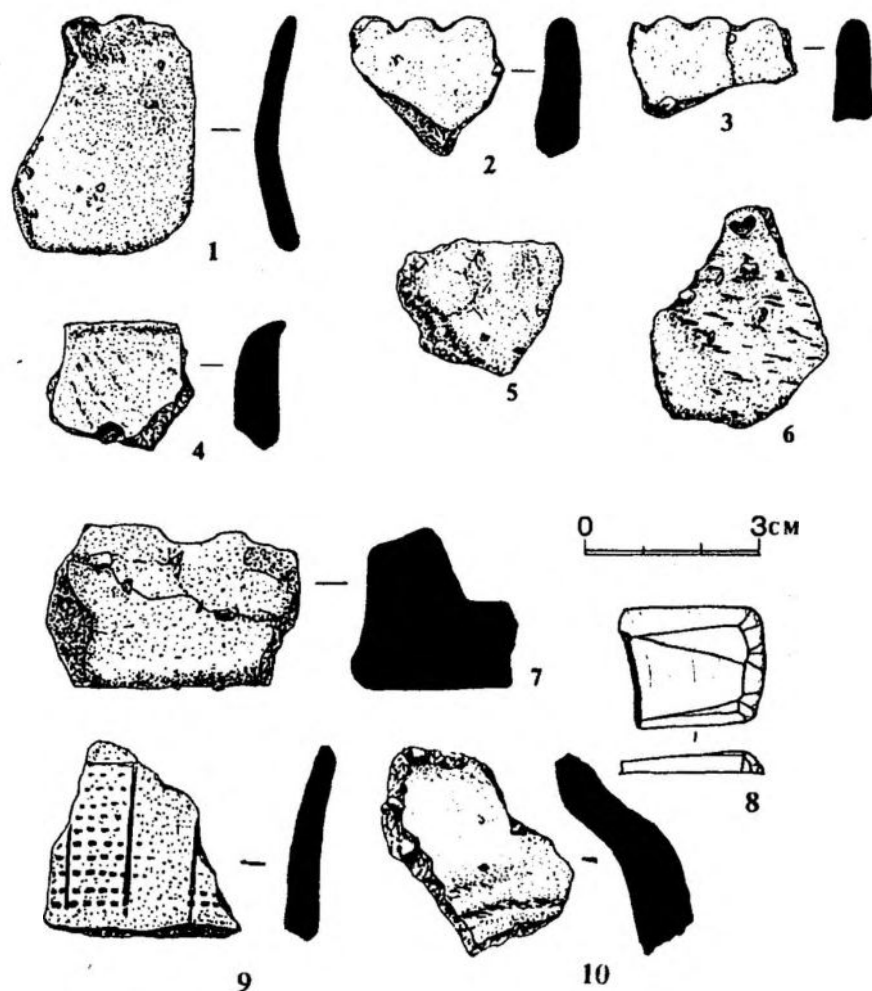

Рис. 9. Городище Коробово. Текстильная (1, 4, 6) и гладкостенная (2, 3, 5, 7) керамика из основания вала. Городище Луковня 2. Кремневая пластина с ретушью из основания вала (8), фатьяновский (9) и текстильный раннедьяковский (10) черепки из слоя почвы, погребенной под внутренним валом

В верхнем горизонте погребенной почвы (глубина 0-7 см от древней дневной поверхности) содержалось много фитолигов лесных и луговых растений, а также присутствовали формы фитолигов злаков, нетипичных для естественных ценозов данной подзоны, то есть культурных злаков. В образце имелось также большое количество мелких угольков древесины березы и сосны, встретились обугленная пыльца и кристаллы солей, образованных от пожаров.

Спорово-пыльцевой комплекс из верхней части предположительно пахотного горизонта погребенной почвы (табл. 3, образец 3) характеризуется преобладанием споровых растений (67%), затем следуют травы (21%) и деревья (10%). Среди древесных преобладает береза, затем идут сосна и ель, широколиственные породы отсутствуют. Среди пыльцы травянистых растений преобладают злаки. Встречена пыльца культурных злаков крупных размеров (ячмень или пшеница), которые иногда образуют большие скопления, свидетельствующие о близости их произрастания. Здесь же обнаружена пыльца рода *Polygonum*, многие виды которого являются пашенными сорняками. Около половины определенной пыльцы этого рода также находилось в скоплениях, что свидетельствует о недалекой транспортировке. Не исключено также, что находки спор печеночного мха *Anthoceros* связаны с пахотой и возможными условиями образования перелогов. Распространение березовых формаций, возможно, также следует интерпретировать как показатель сведения человеком коренных хвойных лесов.

В то же время состав спорово-пыльцевых комплексов из гумусового горизонта погребенной почвы под валом городища Коробово (образцы 2 и 3), по-видимому, свидетельствует о существенной примеси пыльцы из отложений не начала субатлантического периода (эпоха железного века), а гораздо более ранних - начала бореального - пребореального периодов. На это указывает исключительно высокий процент плаунов в спектре, присутствие пыльцы *Vetula pana*, обилие полыни (образец 2). Следовательно, детальная реконструкция растительно-ландшафтных условий вокруг городища по данным образцам не будет достаточно корректной.

Иной состав спектра имеет образец (№ 5), отобранный в гумусовом горизонте почвы, сформировавшей-

ся на поверхности вала. В пробе встречено большое количество микрофоссилий хорошей сохранности. Накопление пыльцы в этом образце могло начаться лишь после сооружения вала, то есть 2000 лет назад и продолжалось (?) в эпоху средневековья.

В общем составе господствует пыльца древесных пород (54,9%). На первом месте стоит сосна (43,9%), затем береза (33,7%) и ель (12,1%), достаточно полно представлены широколиственные породы, особенно дуб.

Состав травянистых растений из образца почвы на валу отличается от спорово-пыльцевых комплексов из погребенной почвы большим процентом пыльцы культурных злаков (29,7 % против 9,1%) и их спутников - сорняков, таких как *Polygonum aviculare*, *Centaurea cyanus*, *Chenopodium album*. Имеется и пыльца *Juncus* и осок, что может быть связано с небольшим заболачиванием близлежащей территории.

Судя по характеру изменений спектра, можно говорить о том, что в ландшафте территории господствовали или преобладали леса бореального типа, которые образованы сосной, березой при участии ели и широколиственных пород, таких как дуб, вяз, липа и лещина. Вместе с тем высокий процент участия пыльцы травянистых растений и, в первую очередь, культурных злаков и сопутствующих сорняков наряду с луговым разнотравьем свидетельствует о том, что открытые пространства, занятые пашнями и лугами, также определяли характер природной среды окружающей территории. Присутствие в спектре пыльцы культурных злаков в крупных скоплениях указывает на очень небольшой воздушный перенос пыльцы, что может быть связано только с близким расположением пахотного клина.

Таким образом, палеоботанические материалы подтверждают диагностику погребенной под валом почвы как старопашотной.

Таблица 3. Результаты спорово-пыльцевого анализа образцов из разреза вала городища Коробово

Систематический список	Образец № 5 (почва на валу) зерна /%	Образец № 3 (погреб. почва) зерна /%	Образец № 2 (погреб. почва) зерна /%
ОБЩИЙ СОСТАВ			
Деревья	214 /54,9	11/10,9	38/32,2
Травы	128/32,8	22/21,8	49/41,5
Споры	48/12,3	68/67,3	31/26,3
Деревья			
<i>Picea</i>	26/12,1	1/9,1	-
<i>Pinus sylvestris</i>	94/43,9	2/18,2	5/13,2
<i>Alnus</i>	3/1,4	1/9,1	1/2,6
<i>Betula sec. Albae</i>	68/31,8	5/45,5	20/52,6
<i>Betula sec. Fruticosae</i>	4/1,9	2/18,2	10/26,3
<i>Betula nana</i>	-	-	1/2,6
<i>Corylus</i>	3/1,4	-	-
<i>Quercus</i>	10/4,7	-	1/2,6
<i>Ulmus</i>	4/1,9	-	-
<i>Tilia</i>	2/0,9	-	-
Травы			
Juncaceae	6/4,7	-	-
Poaceae	42/32,8	9/40,9	13/26,5
Triticum	38/29,7	2/9,1	-
Cyperaceae	8/6,3	1/4,5	1/2,0
Chenopodiaceae	4/3,1	1/4,5	5/10,2
Artemisia	4/3,1	1/4,5	15/30,6
Polygonum	-	4/18,2	-
<i>Polygonum aviculare</i>	2/1,6	-	-
<i>Plantago</i>	1/0,8	-	6/12,2
Caryophyllaceae	10/7,8	2/9,1	6/12,2
Cichoriaceae	5/3,9	1/4,5	2/4,1
Asteraceae	6/4,7	1/4,5	1/2,0
<i>Centaurea</i>	2/1,6	-	-
Споры			
Bryales	17/35,4	1/1,5	20/64,5
Sphagnum	2/4,2	1/1,5	5/16,1
Botrychium	-	-	1/3,2
<i>Lycopodium clavatum</i>	1/2,1	27/39,7	-
Polypodiaceae	28/58,3	39/57,4	5/16,1

Городище Троицкое. Работы на памятнике производились в 1996 г. Само городище исчерпывающе представлено в публикациях. От двух вышеописанных памятников оно отличается большими размерами (площадка 3200 кв. м) и наличием следов очень интенсивной жизни. На памятнике зафиксирован культурный слой, толщина которого местами превышает 1 м, содержащий многочисленные остатки жилищ. Оборонительные укрепления городища специально изучались, и им посвящена отдельная работа [9].

С напольной стороны площадку Троицкого городища ограничивают два вала и два рва. Они были прорезаны двумя узкими (шириной 0,8-1 м) траншеями при раскопках 1959 и 1960 гг. (рис. 10). Участок, где пролегла длинная траншея 1959 г., был испорчен более поздними нарушениями, поэтому для исследования была выбрана полузасыпанная траншея 1960 г., прорезавшая внутренний вал городища.

Результаты раскопок 1956-1960 гг. показали, что оборонительная система городища сооружалась в несколько приемов. Помимо видимых на поверхности валов и рвов при раскопках на площадке были выявлены следы кольцевой конструкции "жилых оборонительных стен", позади внутреннего вала был обнаружен заплывший более ранний ров. В основании внутреннего вала была прослежена насыпь первоначального вала, на гребне которой имелись обугленные жерди (?), ориентированные вдоль вала [10; 11].

Р.Л. Розенфельдт выделял в истории оборонительных сооружений Троицкого городища три этапа. Первый этап - гипотетический, не подтвержденный материалами раскопок. Исследователь допускал существование укреплений на мысу в эпоху существования здесь поселка, жители которого пользовались текстильной керамикой (II-I вв. до н.э., по Р.Л. Розенфельдту, IV-III вв. до н.э., если следовать хронологической шкале, разработанной при раскопках Дьякова городища). Ко второму этапу, предатированному рубежом эр, были отнесены кольцевые жилые стены, заплывший ров на площадке и ядро насыпи внутреннего вала (выброс из рва наружу, по предположению Р.Л. Розенфельдта). На третьем этапе, в первые века н.э., была сооружена оборонительная система, включавшая два рва и два вала.

Нами был вновь зачищен трехметровый участок траншеи, прорезавший гребень внутреннего вала в том месте, где в его теле была обнаружена более ранняя насыпь (рис. 11). Как видно на чертежах (рис. 11 и 12) контуры слоев, зафиксированные в 1960 и 1996 гг., оказались практически тождественными. Однако теперь, благодаря комплексному подходу и появившимся данным других раскопок, появилась возможность новой интерпретации стратиграфии насыпи вала.

Полный профиль погребенной почвы сохранился лишь на ограниченном участке под центральной частью древней насыпи. Западины-рвы, откуда бралась земля для насыпки вала, прослеживались как с внешней, так и с внутренней стороны (отметим, что абсолютно тождественная картина наблюдалась на городище Коробово). Таким образом, данный вал не был просто выкидом земли из внутреннего рва. Здесь налицо вполне законченная оборонительная конструкция: ров-вал-ров, защищавшая подход к "кольцевым жилым стенам". Важно отметить, что на поверхности внешнего склона древнейшего вала было найдено скопление текстильной керамики [10].

На поверхности погребенной почвы и в основании тела насыпи имелись обугленные древесные остатки, которые, вероятно, не имели конструктивного значения, судя по хаотичности залегания, разнородности, составу пород. Образцы, отобранные при раскопках 1960 г., были определены Г.Н. Лисициной как лещина и осина [9, с. 141]. Угли, взятые из профиля погребенной под валом почвы в 1996 г., идентифицируются как береста (большое количество), ива, осина, дуб (определения А.Л. Александровского). Основание насыпи, что очень типично, содержит многочисленные линзы белесого подзолистого материала, взятого из верхнего почвенного горизонта по соседству (на месте рва).

Максимальная мощность первичной насыпи вала составляла 80 см. В верхней ее части на глубине около 20 см имелись угли ясеня, вяза, березы, переслоенные прокаленным суглинком. То есть ситуация абсолютно тождественна описанным выше разрезам валов городищ Коробово и Луковня 2. Радиоуглеродные даты, полученные по углям из основания и верхней части насыпи, - 2000 ± 40 (ГИН-8816) и 2090 ± 130 (ГИН-8815) л. н. соответственно, - практически не отличаются друг от друга и указывают на наиболее вероятный календарный возраст - около I в. до н.э. - рубежа эр. Таким образом, радиоуглеродные датировки подтвердили предположение о возрасте укреплений, сделанное на основании археологических находок.

Почва под насыпью имела признаки наличия пахотного горизонта. Его мощность была около 7 см. Он представлял собой серо-палевый суглинок непрочной комковатой структуры, местами сильно нарушенный ходами червей. Однако имелись значительные участки, где, несмотря на диагенетическую переработку материала корнями и почвенной фауной, сохранилась резкая ровная нижняя граница пашни.

Распашка так же, как и на двух других рассмотренных городищах, не привела к существенной эрозии почвы - хорошо сохранились подзолистый и переходный горизонты ее профиля. Мощность подзолистого горизонта составляла около 13 см. Верхняя его часть имела палевый оттенок, а нижняя - представляла собой белесый легкий суглинок, плитчатый, слабоуплотненный с неровной нижней границей с кляньями и затеками. Строение почвенного профиля в целом аналогично описанному выше на городище Коробово.

В толще вала была отмечена погребенная почва, сформировавшаяся на склоне первичного вала. Профиль почвы маломощный. В нем выделялся только гумусовый горизонт - 3-5 см, представленный суглинком серо-бурого цвета, комковатым с большим количеством копролитов и ходов червей.

В верхней части склона почва постепенно выклинивается, а у подножия склона вала ее мощность увеличивается до 10-15 см. Вероятно, во время формирования этой почвы происходило оплывание вала. На его вершине гумусовый горизонт формировался, но постоянный смыв приводил к перераспределению гумусированного материала. У подножия происходило накопление гумусированных склоновых отложений. Кроме

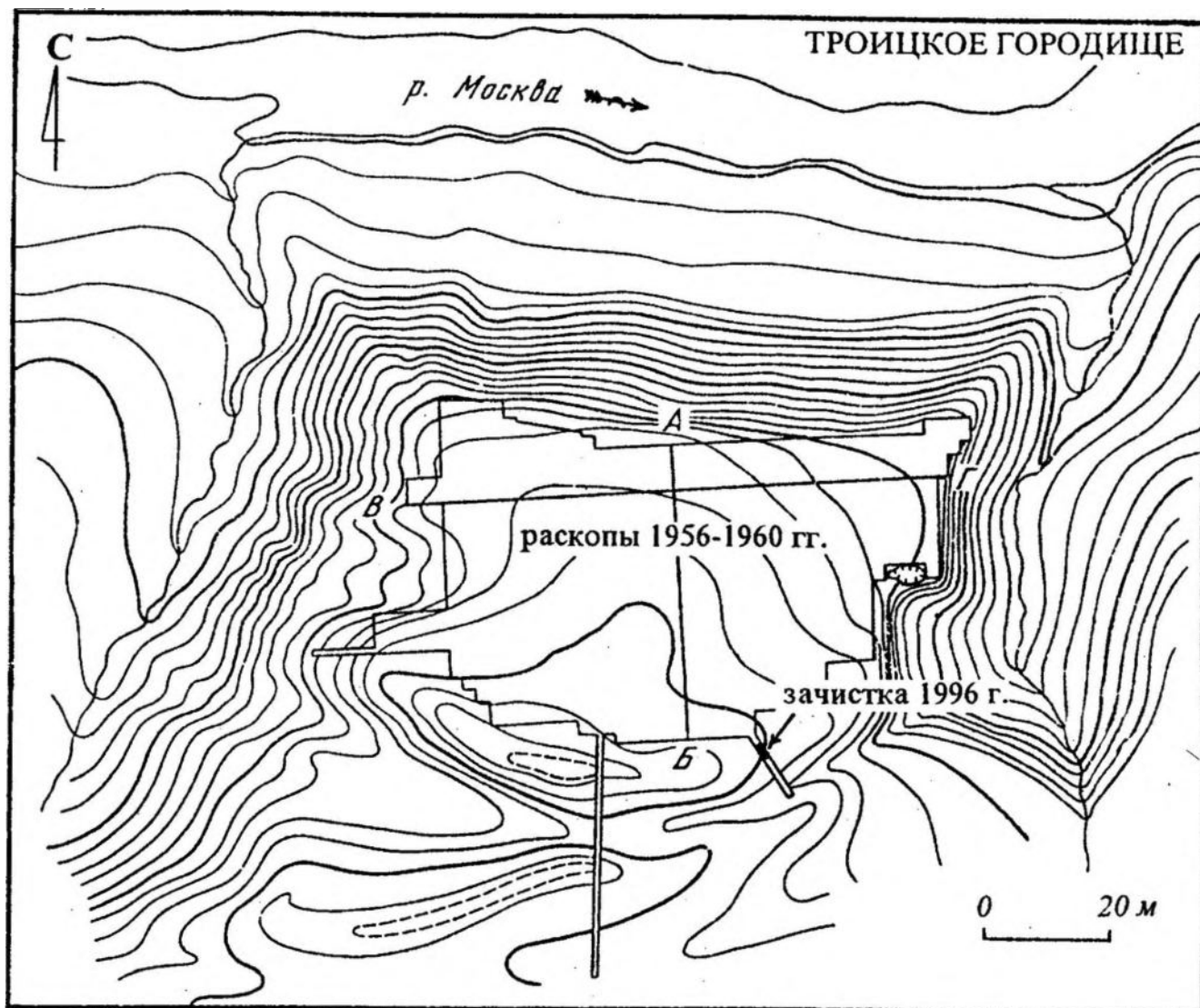

Рис. 10. Троицкое городище. План (по А.Ф. Дубынину) с указанием места зачистки в 1996 г. стенки раскопа 1960 г.

того, у подножия, в связи с поступлением по склону дополнительной влаги и растворенных элементов питания растений, обычно скорость формирования почв выше. Таким образом, для оценки длительности периода почвообразования на поверхности вала наиболее корректными будут наблюдения о степени развития почвы в средней части склона первичного вала. Учитывая имеющиеся данные по датированным почвам других объектов, можно полагать, что эта почва формировалась не менее 20 и не более 50-100 лет. Для сравнения отметим, что на современной поверхности вала почва имеет значительно более мощный профиль, развитый и на склонах, и на вершине. В ней выделяются гумусовый горизонт в 15-20 см и нижележащий оструктуренный горизонт В.

Спорово-пыльцевые спектры во всех трех образцах, отобранных из погребенной под первичным валом почвы, оказались похожи друг на друга. Они содержали очень много сгоревшей пыльцы - от обугленной до минерализованной и совсем мало зерен, пригодных для определения. Состав древесных пород характерен для зонального спектра. Доминируют сосна, ель, береза. Об относительной ненарушенности лесов свидетельствует и состав споровых - наличие зеленых мхов и папоротников.

Ландшафт ближайших окрестностей городища можно охарактеризовать как полуоткрытый, в котором существенное место занимала луговая растительность. Особенно важно отметить наличие пыльцы культурных злаков (скорее всего ячменя) в образце 2, взятом в основании пахотного горизонта (по почвенной диагностике). В этом образце зафиксировано два скопления пыльцы культурного злака по 5-6 зерен в каждом. То есть поля находились близ места отбора пробы.

Подводя итог исследованию, можно отметить следующее.

Рис. 11. Троицкое городище. Профиль западной стенки разреза внутреннего вала (из отчета А.Ф. Дубынина о работах Можайской экспедиции в 1960 г.) с указанием места зачистки 1996 г.

ТРОИЦКОЕ ГОРОДИЩЕ. 1996 г.

Зачистка разреза 1960 г. (раскоп XVIII) на внутреннем валу,
западная стенка

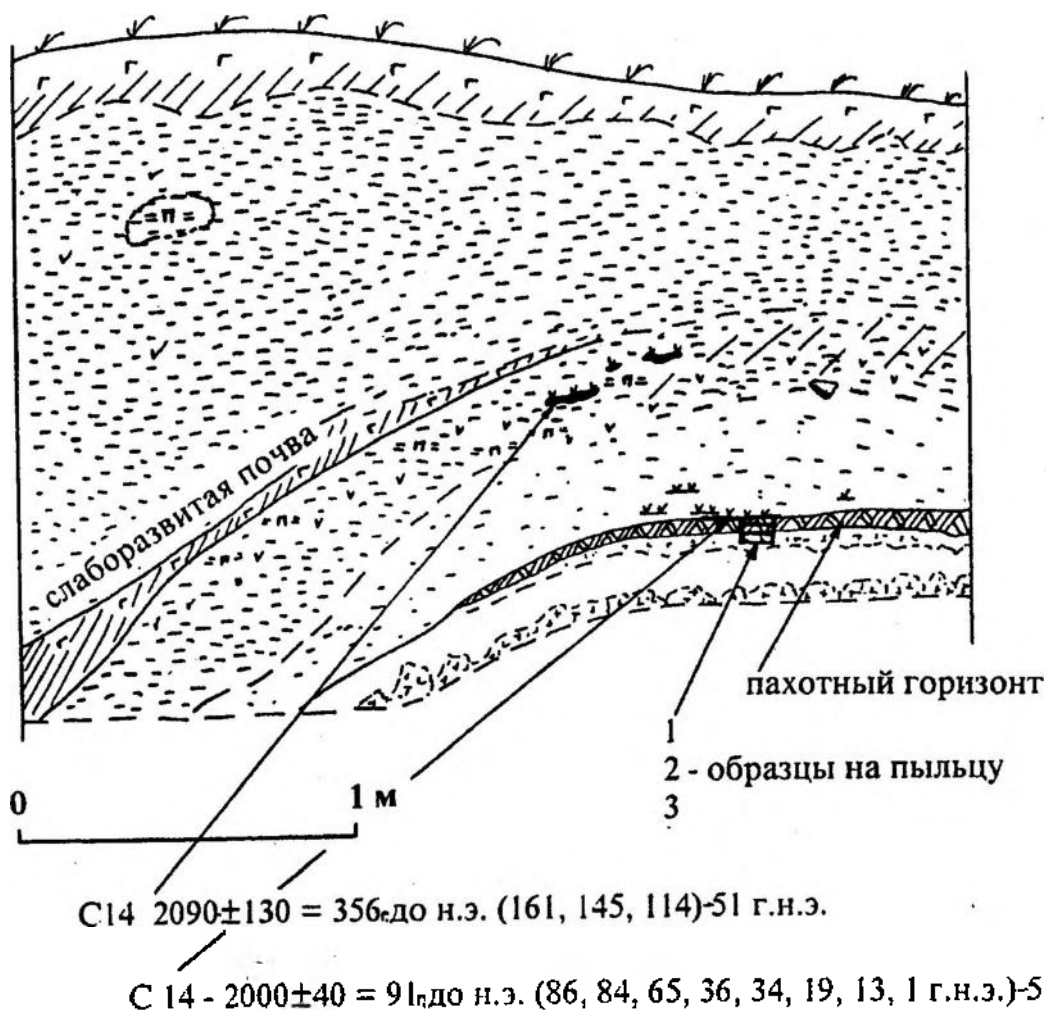

Рис. 12. Троицкое городище. Профиль западной стенки участка разреза 1960 г. на внутреннем валу по результатам зачистки 1996 г., с указанием радиоуглеродных дат (см. экспликацию на рис. 7)

Наиболее важным результатом является обнаружение пашен железного века. Структура насыпей валов и характер погребенных под ними почв, изученных на трех городищах, оказались весьма сходными. Во всех трех случаях сооружению оборонительных укреплений предшествовал этап использования участка под пашню. Надежность определения погребенных под валами почвенных горизонтов именно как пахотных подтверждается совпадением почвенной диагностики и палеоботанической.

Предположительное определение обнаруженной в слое погребенной пашни пыли ячменя кажется весьма вероятным, так как по данным раскопок Дьякова городища стало известно, что ячмень был одной из основных культур, возделывавшихся в Подмосковье в железном веке.

Судя по радиоуглеродным датам, полученным по углям, найденным в верхней части пахотных горизонтов или на их поверхности, возраст распашки может быть определен как "древнее IV-III вв. до н.э." или "древнее I в. до н.э." (в зависимости от дат). Скорее всего, распашка относилась к начальной фазе освоения территории в железном веке.

Полученные данные о наличии ранних полей на водораздельных склонах в их прирвовочной части подтверждают ранее высказанную гипотезу об именно такой их локализации, основанную преимущественно

на оценке природного потенциала этого типа урочищ [12].

Получены единичные свидетельства (археологические и палеоботанические), указывающие на то, что места будущих городищ несут следы более ранней, нежели железный век, человеческой деятельности. Это подтверждается и находками немногочисленных каменных орудий и керамики, относящихся к неолиту - бронзовому веку, обнаруженными при проведении крупномасштабных раскопок, например, на Троицком городище [13, с. 25] и при шурфовке городища Луковня 2.

Важным результатом являются также наблюдения, позволяющие реконструировать технологию отсыпки насыпей валов.

Наблюдения над обнаруженными в теле насыпей валов обугленными древесными остатками позволяют предполагать, что они не являлись элементами деревянных конструкций, а связаны с неоднократным "обжиганием" суглинистых насыпей в процессе их создания⁸.

Земля для вала, как оказалось, бралась не только из рва с внешней стороны, но и со стороны площадки с внутренней стороны, в результате чего образовывались западины или внутренние рвы, которые ранее исследователями принимались за самые ранние укрепления, засыпанные при расширении площадки.

Оборонительные укрепления на городище Луковня 2 оказались самими древними из трех рассмотренных памятников - IV-III вв. до н.э., и практически синхронными древнейшему валу Дьякова городища.

Земляные валы вокруг городищ Троицкое и Коробово были насыпаны практически одновременно примерно на рубеже эр. Однако дальнейшая судьба этих поселений оказалась различной. Первое - процветало и уже спустя несколько десятилетий (?) было опоясано новой более совершенной системой укреплений, а второе было по каким-то причинам заброшено.

⁸ Однако при раскопках вала Дьякова городища были обнаружены именно остатки сожженных деревянных оборонительных конструкций, сочетавшихся со столбовыми ямами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кренке Н.А. Вал Дьякова городища // КСИА. Вып. 186. 1986.
2. Александровский А.Л., Кренке Н.А. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. Вып. 208. 1993.
3. Древнее поселение в Подмосковье. МИА. № 156. 1970.
Древнее поселение в Подмосковье. МИА. № 184. 1971.
4. Кренке Н.А. Отчет о разведочных работах, проведенных в Подольском районе Московской обл. в 1987-1989 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13881.
5. Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М., 1997.
6. Кренке Н.А. Отчет об археолого-палеоландшафтных исследованиях на территории заповедника-леспаркхоза "Горки" в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13881.
7. Кренке Н.А. Культура населения бассейна Москва-реки в железном веке и раннем средневековье: Дисс.... канд ист. наук. М., 1987.
8. Гольева А.А. Диагностика палеоантропогенеза по данным фитолитного анализа почв // Проблемы антропогенного почвообразования: Сб. тезисов. Т.3. М., 1997.
9. Розенфельдт Р.Л. К вопросу об оборонительных сооружениях Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. Т. 1. МИА. № 156. 1970.
10. Дубынин А.Ф. Отчет об археологических работах Можайской экспедиции в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1932. а.
11. Дубынин А.Ф. Отчет о работе Можайской археологической экспедиции в 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2075. а.
12. Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А. Земледелие и система землепользования в долине Москва-реки в железном веке // РА. 1996. № 4.
13. Дубынин А.Ф. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмосковье. Т. 1. МИА. № 156. М., 1970.

*Институт археологии РАН,
Институт географии РАН,
Москва*

A.L. Aleksandrovsky, N.A. Krenke, E.A. Spiridonova, B.E. Yanishevsky

THE STUDY OF THE RAMPARTS AND SOILS BURIED UNDER THE RAMPARTS IN DJAKOVO HILLFORTS TROITSKOE, LUKOVNYA 2 AND KOROBOVO IN THE MOSCOW REGION

Summary

The article deals with results of complex archaeological, geographical and palaeobotanical research of fortifications (ramparts and ditches) in three hillforts belonging to the Early Iron Age in the Moscow region.

It was found out that soils buried under ramparts of all those hillforts had been cultivated (samples of pollen and phytolites of cultivated cereals were found, as well as morphological characteristics of arable land) in the period prior to the time when the ramparts were erected.

Radiocarbon dating of samples of coals made it possible to attribute the creation of fortifications to the IV - III centuries B.C. (Lukovnya 2 hillfort) and the I century B.C. - the beginning of the I century A.D. (Troitskoye and Korobovo hillforts)

The remnants found in the ramparts of the Korobovo and Lukovnya 2 hillforts on various levels relate to one and the same construction period and were the result of deliberate burning of ground the ramparts were made from.

This conclusion was made after analysis of the coal layers covered with layers of burnt ground, and after variety of burnt trees were specified.

Two construction periods in making ramparts were specified for the Troitskoye hillfort, as weakly developed soils were found on the surface of the initial rampart.

*Institute of Archaeology,
Institute of Geography,
Russian Academy of Sciences
19, Dn. Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

И.В. Исланова

ГОРОДИЩА ВЕРХНЕГО ПОМОСТЬЯ (опыт систематизации)

Проблемы культурной интерпретации дославянских древностей обширного Валдайского региона упираются в слабую изученность памятников 2-ой пол. I тыс. до н. э. - 1-ой пол. I тыс. н.э. Основная масса археологических памятников представлена укрепленными поселениями - городищами. На наиболее обследованном участке - в бассейне верхней Мсты - насчитывается не менее 42 городищ раннего железного века.¹ Стационарные раскопки проводились на 6 памятниках: Борки (Липовицы) [1; 2], Ловницы [3, с. 1-22], Бологое [4, с.69-72; 5, с.37-41], Кафтинский городок [6, с.235-236], Варварина Гора (Городок) [7, с.80-89], Яхново [8, с.8; 9, с.20-22], Юрьевская Горка [10, с.12-16].

Рельеф рассматриваемой территории связан с воздействием Валдайского ледника. Центральный участок занят обширной Вышневолоцкой низиной (в ее западной части выделяется самостоятельная Шлино-Цнинская низина). На севере низина переходит в задровую равнину, тянущуюся вдоль р. Березайки и охватывающую оз. Кафтино. На остальных участках представлены положительные формы рельефа: на юго-западе - отроги Остапковской гряды, на севере - Валдайская конечно-моренная гряда, на северо-востоке - отроги Лесной гряды, на юге - северная оконечность Вышневолоцко-Новоторжского вала.

Верхнемстинский район, по К.А. Смирнову, входит в ареал дьяковской культуры [11, табл. X]. А.Д.Максимов относит древности железного века Верхнего Помостья к северной группе памятников Тверской области [12, с.109-110]. На начальном этапе изучения этих древностей возможно предварительное деление известных городищ на относительно ранние (имеющие напластования древнее первых веков н. э.) и поздние (с напластованиями, не имеющими таких слоев). А.Д.Максимовым указываются конкретные хронологические группы: VIII-VII вв. до н. э. - II-III вв. н. э. и III - VII вв. н. э. [12, с.108], что представляется преждевременным, ибо основной хронологический критерий - наличие или отсутствие сетчатой керамики. По К.А.Смирнову, сетчатая посуда бытует по первые века н. э. [11, с.78]. По Н.А.Кренке, сетчатая керамика исчезает на дьяковских городищах гораздо раньше - в III в. до н. э., а в слоях последующего периода она встречается из-за перекопов [13, с.47-48].²

На исследованной территории городища концентрируются в центральной и восточной частях: в бассейне верхней Мсты (Балтийский бассейн) и на верхней Волчине (Волжский бассейн) (рис.1). В районе выделяется несколько "гнезд" компактно расположенных городищ, по два - четыре недалеко отстоящих друг от друга: 1) Перхово - Филатиха - Овсищи - Чеполлево; 2) Глебцово - Шелемиха; 3) Сергеево - Пальцево - Галичино - Колпинец; 4) Пуйга - Дягилево - Узи - Почеп; 5) Липовицы - Дивинец - Ширяево - Лялино; 6) Черенцово - Иванково - Заборовье; 7) Кафтинский Городок - Васильево - Чешуйки; 8) Бологое - Райгородок; 9) Селище - Головково - Михайловское; 10) Городок - Яхново.

Характерно, что в центре района (на озерах правобережья и левобережья Мсты) находятся ранние городища или памятники, имеющие ранние слои. Количество ранних городищ уменьшается с востока на запад - в "глубинку" района. На раннем этапе существовала почти половина из известных городищ (Курово, Пуйга, Борки, Лялино, Ширяево, Дивинец, Полукарпово, Филатиха, Чеполлево, Перхово?, Глебцево, Узи, Почеп, Дягилево, Бологое, Кафтинский Городок, Мыза, Иванково, Черенцово). По-видимому, на некоторых из этих городищ жизнь в нач. I тыс. н. э. прекратилась (по стационарным раскопкам - это городище Борки), а почти на половине городищ возникла только в I тыс. н. э. (по стационарным раскопкам - Яхново, Городок,

¹ Пользуюсь случаем выразить признательность Е.В. Бодунову, В.М. Воробьеву, А.П. Ланцеву, А.Д. Максиму, П.Д. Малыгину за возможность использования материалов их работ.

² Хронологическое деление памятников по керамике остается очень условным, так как поселение могло быть многослойным. Отсутствие в пурфах и среди случайных находок сетчатых фрагментов, конечно, не исключает того, что при раскопках широкой площадью здесь будет обнаружена подобная посуда.

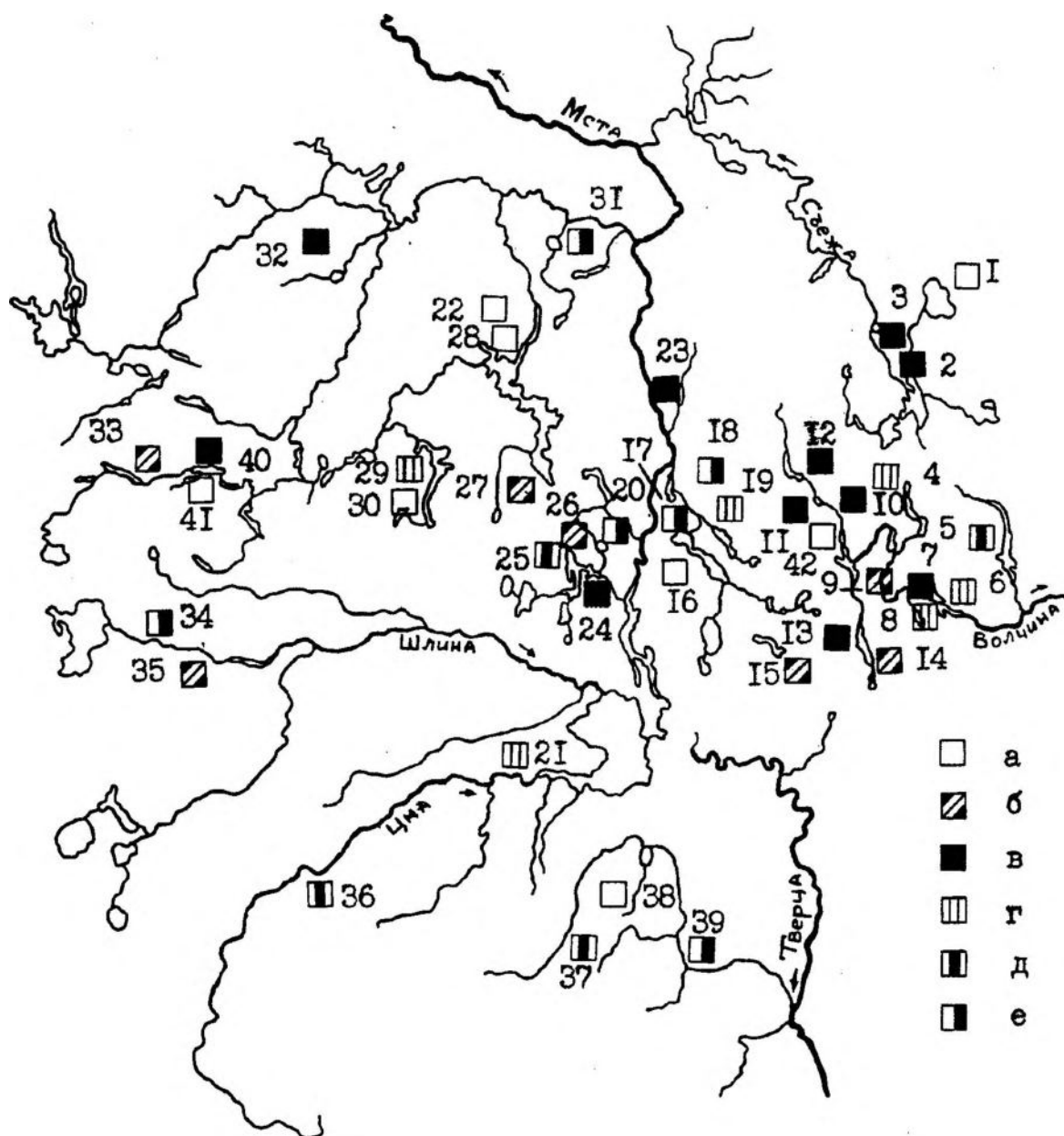

Рис. 1. Городища Верхнего Поместья:

а - памятник в группу не вошел; б - Первая группа (I); Вторая группа II; в - подгруппа А (IIА); г - подгруппа Б (IIБ); д - подгруппа В (IIВ); е - подгруппа Г (IIГ)

1. Курово
2. Юрьевская Горка
3. Порожки
4. Лайково-Попово
5. Полукарпово
6. Перхово
7. Филатиха
8. Чеполшево
9. Овсици
10. Галичино
11. Пальцево
12. Сергеево
13. Шелемиха
14. Глебцево
15. Сокольники

16. Узи (Камушки)
17. Почеп (Семики)
18. Дягилево
19. Пуйга (Ограда)
20. Липовицы (Борки)
21. Железняк (Жилотково)
22. Часовня
23. Казикино
24. Лялино
25. Ширяево
26. Подшевелиха (Дивинец)
27. Кафтинский Городок
28. Чешуйки
29. Болгое
30. Райгородок

31. Ловницы
32. Львово
33. Селище
34. Яхново
35. Городок (Варварина Гора)
36. Мыза
37. Заборовье
38. Иванково
39. Черенцово
40. Михайловское
41. Головково
42. Колпинец

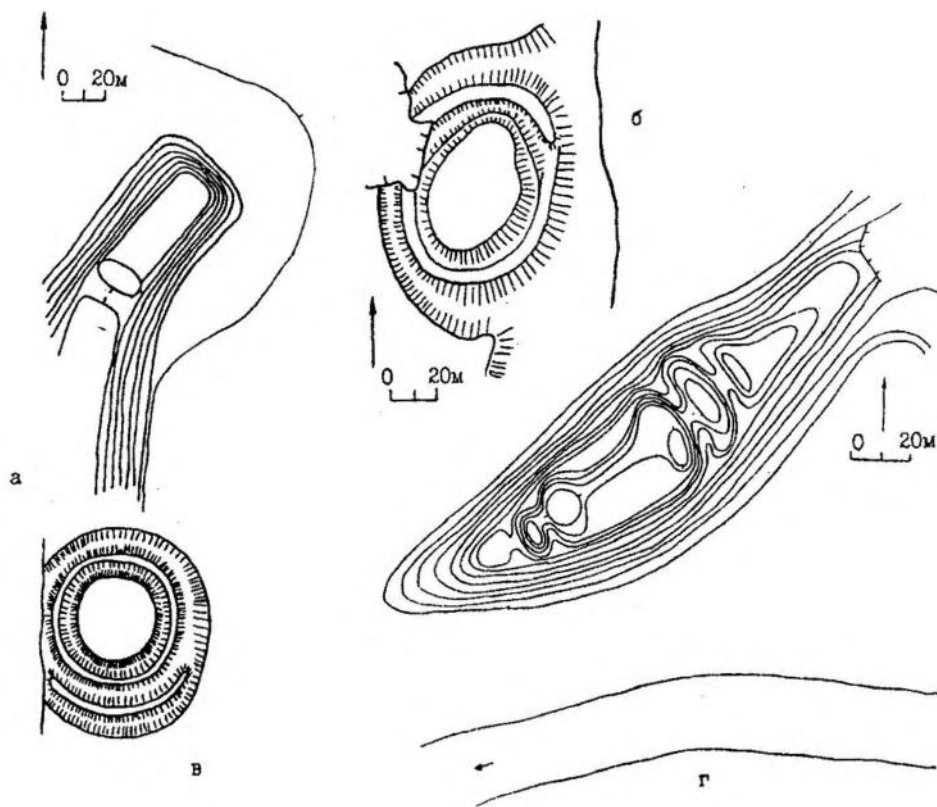

Рис. 2. Форма площадки и укрепления городищ:
 а - Почеп (по И.В. Ислановой); б - Бологое (по П.Н. Третьякову); в - Чепуйки (по А.А. Спицыну);
 г - Пальцево (по А.Д. Максиму)

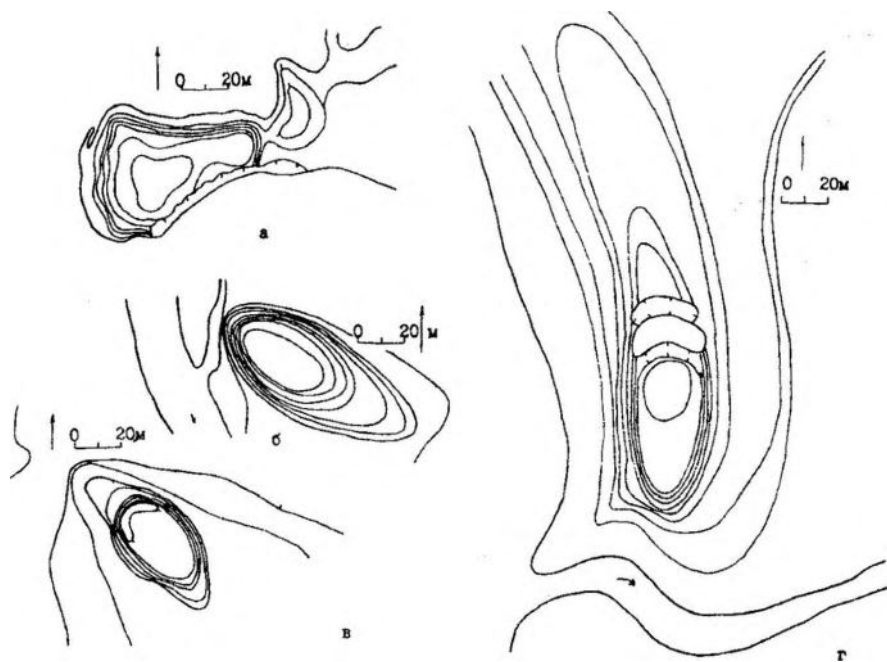

Рис. 3. Форма площадки и укрепления городищ:
 а - Полукарпово (по Е.В. Бодунову); б - Овсищи (по Е.В. Бодунову); в - Шелемиха (по В.М. Воробьеву);
 г - Сергеево (по А.Д. Максиму)

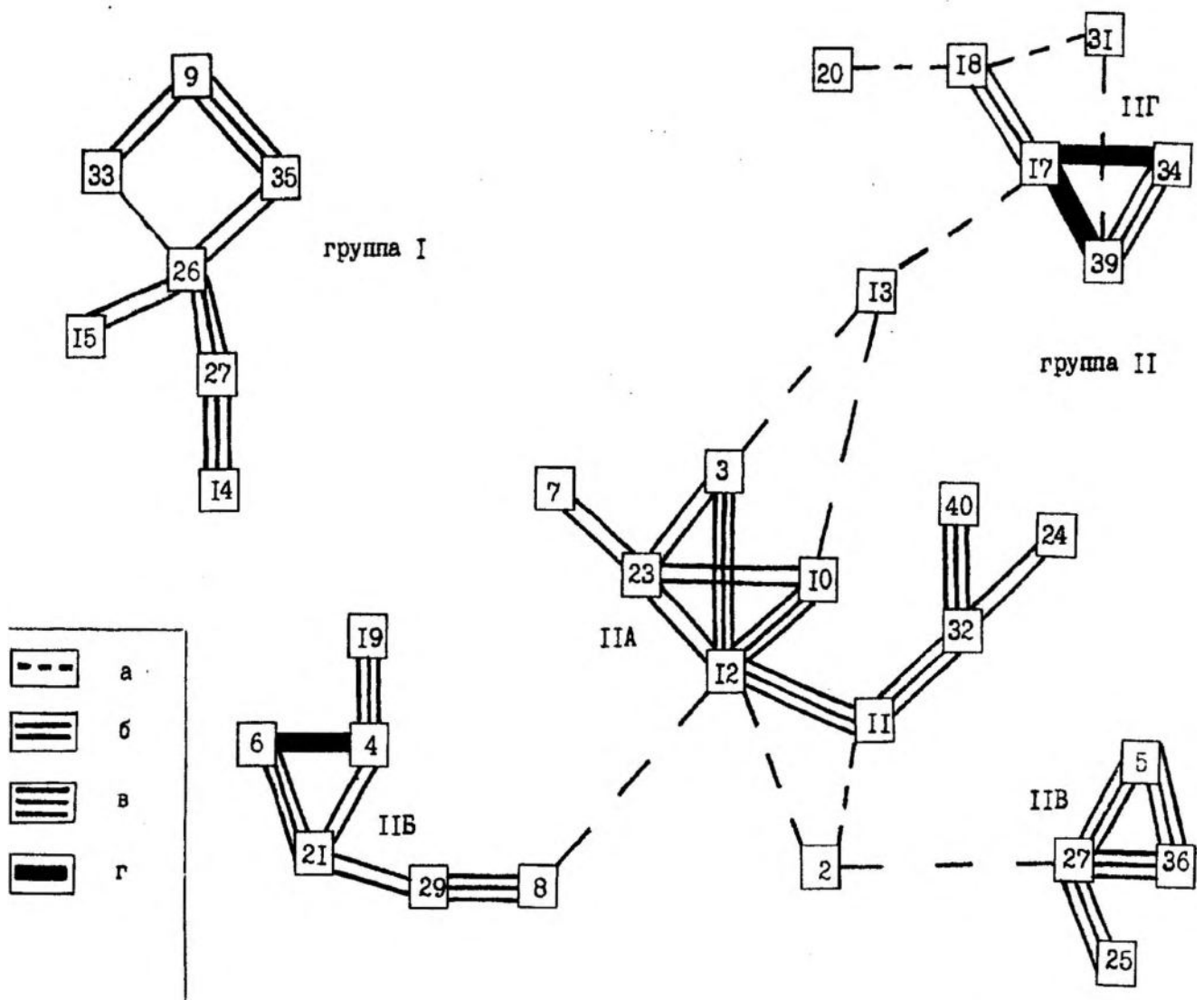

Рис. 4. Две группы городищ. Коэффициенты корреляции: а - 0,44-0,48; б - 0,49-0,56; в - 0,57-0,72; г - 0,73-0,80

Юрьевская Горка).

Интересна система размещения городищ в верховьях Волчины - по р. Мажице. Здесь находится цепочка только относительно поздних городищ, что, видимо, связано с относительно поздним освоением участка. Укрепленные поселения (Сергеево и Колпинец) как бы замыкают небольшой микрорайон с севера и с юга. Только на одном городище (Галичино) обнаружен мощный культурный слой.

54% городищ было сооружено на озовых грядках, возвышающихся над водоемами преимущественно на 7-14 м. Встречены случаи более высокого расположения площадок поселений - 15-22 м, редки случаи более низкого (относительно современного уровня воды) сооружения площадок городищ - 2-6 м. По форме площадки овальные, округлые, трапециевидные или близкие к треугольнику или прямоугольнику (рис.2; 3). При классификации такое дробное деление оказалось нецелесообразным. В результате все городища дифференцированы на две крупные группы: с округлой площадкой (в том числе и с овальной) и с площадкой иной формы (прямоугольной, треугольной, трапециевидной и т. п.).

9 городищ было эскарпировано - искусственные укрепления на поверхности не прослеживаются. По характеру укреплений (валы и рвы) выделяются следующие памятники: с напольной системой обороны, с напольной и мысовой, с кольцевыми или полукольцевыми укреплениями, с комбинированной системой (сочетание напольных и кольцевых укреплений). Не прослеживается какого-либо явного преобладания

объектов с той или иной системой укреплений. Вполне естественно, что комбинированные укрепления встречены реже - в 4 случаях.

Современная классификация городищ Верхнего Помстья возможна на основе признаков, выделенных по результатам разведочных обследований. Сопоставление объектов проводится по 9 основным позициям (табл. 1).

I. Форма жилой площадки городищ:	(1) прямоугольная, треугольная, трапециевидная, (2) округлая или овальная.
II. Местоположение городищ:	(3) на мысу, (4) на озовой гряде, (5) между оврагами, (6) в низменном месте.
III. Приуроченность городищ к современному или древнему водоему:	(7) при истоке или устье реки, (8) в месте сужения озера, (9) в месте сближения озер, (10) прочие.
IV. Характер земляных укреплений:	(11) напольные, (12) двусторонние, (13) полукольцевые, (14) кольцевые, (15) укреплений нет.
V. Мощность укреплений:	(16) простые - по одному валу и рву, (17) сложные - несколько валов и рвов.
VI. Площадь верхней площадки:	(18) 300 - 1100 кв.м, (19) 1200 - 1900 кв. м, (20) 2000 кв. м и более.
VII. Высота площадки над современным уровнем воды:	(21) 2-6 м, (22) 7-14 м, (23) 15-22 м.
VIII. Наличие или отсутствие поблизости могильников культуры длинных курганов (КДК):	(24) рядом насыпи КДК, (25) КДК нет.
IX. Характер близлежащего почвенного покрова:	(26) песчаные почвы, (27) суглинистые или супесчаные.

При классификации были использованы имеющиеся материалы по 39 городищам. Соотношение просчитано по формуле:

$$x = \frac{S^2}{k \cdot L},$$

где S - число общих признаков для пары городищ, k - общее число признаков для одного памятника, L - общее число признаков для другого памятника. По подсчитанным коэффициентам корреляции построены графы (рис. 4), где при определении силы связи использованы наибольшие показания от 0,44 до 0,80. Следует также учесть, что при коэффициентах 0,44 - 0,48 связь бывает условной (см. далее характеристику подгрупп).

Городища разделились на две основные группы. Несколько объектов в группы не вошло.

Первая группа. Городища Глебцево, Кафтинский Городок, Дивинец, Городок, Овсищи, Селище, Сокольники. Памятники без земляных укреплений. Городища рассредоточены по всему региону. Похоже, в группу вошли разновременные объекты.

Вторая группа дробится на четыре подгруппы, имеющие между собой слабые связи.

Подгруппа А - в центре графа. Сюда вошли 9 городищ (Пальцево, Сергеево, Галичино, Порожки, Казикино, Филатиха, Львово, Михайловское, Лялино) со сложной системой укреплений. В целом подгруппа включила относительно поздние поселения. Два памятника (Лялино и Филатиха), имеющие в слое находки сетчатой керамики, расположены по краям графа.

Подгруппа Б - наиболее интересная, состоящая из 6 городищ (Перхово, Лайково-Попово, Железняк, Пуйга, Болгое, Чеполшево). Подгруппа как бы "напрямую" имеет слабую связь с подгруппой А. Городища с кольцевой или полукольцевой системой укреплений, имеющие в основном ранние напластования. По материалам раскопок городище Болгое датируется первыми веками н. э. [5, с.41].

Подгруппа В - 4 городища (Полукарпово, Мыза, Заборовье, Ширяево). Судя по находкам сетчатой посуды, сюда также вошли относительно ранние памятники. Связь с подгруппой А через городище Юрьевская Горка проблематична.

Подгруппа Г - 4 городища (Почеп, Яхново, Черенцово, Дягилево) плюс еще два объекта (Борки и

признаки городища	I		II				III				IV				V		VI			VII			VIII		IX		
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
1																											
2																											
3																											
4																											
5																											
6																											
7																											
8																											
9																											?
10																											
11																											
12																											
13																											
14																											
15																											
16																											
17																											
18																											
19																											
20																											
21																											
23																											
24																											
25																											
26																											
27																											
29																											
30																											
31																											
32																											
33																											
34																											
35																											
36																											
37																											
38																											
39																											
40																											
41																											

Таблица I. Основные признаки городищ Верхнего Помесья.
Примечание. Номера городищ соответствуют списку памятников к карте (рис. 1),
сведений по городищам № 22, 28, 42 недостаточно

Ловницы) со слабой связью (0,44). Прослеживается, что городища объединены по признаку наличия поблизости памятников культуры длинных курганов. В подгруппу вошли как поселения, имеющие ранние слои (многослойные памятники?), так и не имеющие таковых (Яхново). Связь с подгруппой А через городище Шелемиха, видимо, проблематична.

Несмотря на предварительность предложенной классификации, за выделенными подгруппами, возможно, прослеживаются хронологические и какие-то культурные различия. Имеющиеся по городищам раннего железного века материалы скорее свидетельствуют в пользу отсутствия культурной преемственности между ними и памятниками культуры длинных курганов: относительно небольшие по мощности напластования с сетчатой посудой на городищах (Дягилево, Пуйга, Борки), практически полная несхожесть вещевого и керамического комплексов с КДК (Городок - сообщение В.А.Бурова). Исключением является городище Почеп (найдена синяя стеклянная буса в форме куба со срезанными углами, характерная для КДК [14]) и, возможно, городище Ловницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Репман А.Х. Отчет об археологических работах 1959 года в В. Волоцком р-не Калининской обл. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1905.
2. Репман А.Х. Отчет об археологических работах 1961 года в Вышневолоцком районе Калининской обл. // Архив ИА РАН. Р-1. №2348.
3. Тищенко А.В. Отчет о раскопках в 1910-1911 гг. в Новгородской губ. // ИАК. Вып.53. 1914.
4. Стицын А.А. Поездка 1903 г. на оз. Кафтино и Бологое и раскопки близ Рыбинска // ИАК. Вып.6. 1904.
5. Третьяков П.Н. Бологовское городище // КСИА. Вып. 82. 1962.
6. Стицын А.А. Из собрания Н.К.Рериха // ЗРАО. Т. VII. Вып.2. 1907.
7. Буков В.А. "А погост Жабна пуст...". М., 1994.
8. Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологической разведке в Валдайском р-не Новгородской обл. и Вышневолоцком р-не Калининской обл. на берегах оз. Шлино и р. Шлины в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 373.
9. Буков В.А. Отчет об археологических исследованиях средневековых памятников в 1992 г. в Фировском р-не Тверской обл. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17193.
10. Исланова И.В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997.
11. Смирная К.А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974.
12. Максимов А.Д. Краткие итоги и перспективы изучения памятников раннего железного века Тверской области // ТАС. Вып. I. Тверь, 1994.
13. Кренке Н.А. Периодизация дьяковских памятников бассейна Москвы-реки // КСИА. Вып.194. 1988.
14. Третьяков П.Н. Дневник П.Н.Третьякова о поездке в Вышневолоцкий уезд в 1929 г. // Архив ИИМК РАН. Ф.2. № 271.

*Институт археологии РАН,
Москва*

I.V. Islanova

THE VERKHNEYE POMOSTJE (THE UPPER MSTA RIVER BASIN) HILLFORTS (AN ATTEMPT OF SYSTEMATIZATION)

Summary

The Iron Age hillforts are the least studied phenomena of the East - European Forest Zone. The article puts forward classification of the monuments which belong to a thoroughly surveyed region of a part of the Volga - Baltic Watershed (mainly in the Upper Msta basin - Fig.1). The preliminary chronological division of the hillforts into the early and the late is based on finds of the net ceramics, which disappears from monuments in the first centuries of the I millenium A.D.

39 hillforts are differentiated according to 9 main characteristics (table 1).

After the correlation ratio was estimated two main groups (I and II) were detected, and four subgroups were selected in the second group (А, Б, В, Г - Fig.4). The first group consists of monuments without fortifications made of earth, which belonged to different time layers, and were seen on the surface. The II А subgroup was mainly made up of the later hillforts with complex fortification systems. The II Б subgroup consists of monuments with circular or semicircular fortification systems, while the II В subgroup contains hillforts of relatively early datings. The II Г subgroup was defined by the Long Barrows culture characteristic. However, there is no direct relation between types of hillforts and types of necropolises. An assumption is made that cultural differences between hillforts, as well as chronological ones are taken into consideration in the process of classification of monuments.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm.Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

В.И. Вишневский

КИКИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Кикинское городище расположено на правом высоком берегу р. Вели (левый приток р. Дубны) в 1 км от с. Кикино Дмитровского р-на Московской обл. Оно занимает овальный мыс в устье небольшого ручья высотой 20-25 м, размерами 52 x 132 м, площадью 5600 кв. м, частично размытый рекой. С напольной стороны на краю площадки находятся остатки вала высотой 4 м. Урочище "городище" упоминалось еще З.Д.Ходаковским в 1822 г. [1, с. 5-11]. Памятник был открыт в 1973 г. Н.А.Кренке, исследовался экспедицией Загорского (Сергиево-Посадского) музея-заповедника в 1984-1987, 1991-1992, 95-96 гг. Всего вскрыто 718 кв. м культурного слоя в ССЗ части площадки, прилегающей к валу, в т. ч. 66 кв. м на самом валу (рис. 1).

Коллекция индивидуальных находок составляет 310 предметов (железо - 56, бронза - 18, кость - 62, керамика - 144, стекло - 1).

Железо. Коллекция ножей насчитывает 20 предметов. Среди них серповидных - 3, горбатых - 5, с прямым лезвием - 12. В серии горбатых выделяются два ножа с уступом на горбинке (рис.2: 1). Значительна коллекция шильев по большей части круглого, но иногда и прямоугольного сечения. Большая часть шильев и ножей имела, судя по слоям сохранившейся ржавчины, деревянные рукояти. Найдены также 2 пластинчатых кресала с петлей (рис.2: 2), 2 двушипных наконечника стрел (рис.2: 3,4), 2 рыболовных крючка (рис.2: 5), 2 круглые застежки-сюльгамы (тип 2 по К.А.Смирнову) [2, с.47] (рис.2: 8), 2 круглые пряжки из дрота круглого сечения, лировидная пряжка (рис.2: 7), поясная накладка, прямоугольная с вогнутыми сторонами, на двух заклепках (тип III по И.Г.Розенфельдт) [3, с.113-114] (рис.2: 6).

Бронза. В основном это - женские украшения. Колокольчатая коническая привеска с тремя треугольными прорезями и петлей на длинном витом стержне (тип IV, вид 2 по И.Г.Розенфельдт) [3, с.22] (рис.2: 12). Фрагмент сережки (тип BVIII по И.Г.Розенфельдт) [3, с.34,45] из двух спаянных витых колец, на одном из которых петлей закреплена колокольчатая полушарая привеска на длинном витом стержне (рис.2: 13). Фрагмент бутылчатой привески (отдел А, тип I, вид 1 по И.Г.Розенфельдт [3, с.16-18] (рис.2: 16). Два перстня спиральные незамкнутые из проволоки полукруглого сечения (тип 1 по И.Г.Розенфельдт) [3, с.13-14] (рис.2: 17-18). Перстень из проволоки круглого сечения с завязанными концами (рис.2: 19), аналоги ему неизвестны. Два спиральных височных кольца из проволоки полукруглого сечения [4, с.52, рис.2: 9-10]. Сюльгама с плоским овальным кольцом трехгранного сечения и концами, расклепанными в трубочки [5, с.188-198] (рис.2: 9). Булавка со спиральной головкой в умбон из проволоки круглого сечения (тип 1 по К.А.Смирнову) [2, с.45] (рис.2: 21). Фрагмент пластинчатого браслета с расширяющимся концом, на котором выгравирован орнамент - линия мелкого зигзага, образующая зигзаг крупный [6, с.208, рис.38: 12] (рис.2: 10). Трапециевидная привеска из тонкого листа бронзы с пуансонным и прочерченным орнаментами (тип VI, вид 3 по И.Г.Розенфельдт) [3, с.26, 27] (рис.2: 14). Привеска-лунница из тонкого бронзового листа с петлей из полоски бронзового листа, прикрепленной с помощью заклепки (рис.2: 15), похожая на вещи из мордовского Армиевского могильника [7, с.293, табл.XLV:3]. Два фрагмента спиральных браслетов с завитком, где крепилось колечко (тип VI, вид 4 по И.Г.Розенфельдт) (рис.2: 11).

Одна стеклянная находка - красная бусина - "кирпичик" (тип 2 по К.А.Смирнову) [2, с.59].

Кость. Наконечники стрел представлены главным образом фрагментами или заготовками (5 экз.). Наилучшим образом сохранившийся (рис.3: 1) относится к отделу черешковых, имеет ромбическую форму и два симметричных выреза по краям. Найдено 2 целых и 5 фрагментов четырехзубцев (рис.3: 3), служивших, по-видимому, орудиями для плетения сетей. Два лошила - ребра лося и овцы, с закругленными концами.

Проколок - 14, в т. ч. 3 - с отверстиями в рукоятях. Встречаются иглы (3), в т. ч. 2 - с отверстиями (рис.3: 2). Многочисленны поделки (21), среди которых 7 трубок-пронизок (рис.3: 6). К числу редких можно отнести рукоять ножа овально-уплощенного сечения (рис.3: 5) и 2 фрагмента от прямоугольной пряжки прямоугольного же сечения. Аналоги обеим вещам неизвестны.

Найден также роговой гребень (рис.3: 4) с 12 зубцами, 3 круглыми отверстиями и "горбатой" спинкой, датирующийся посл. четв. I тыс н. э. [8, с.60].

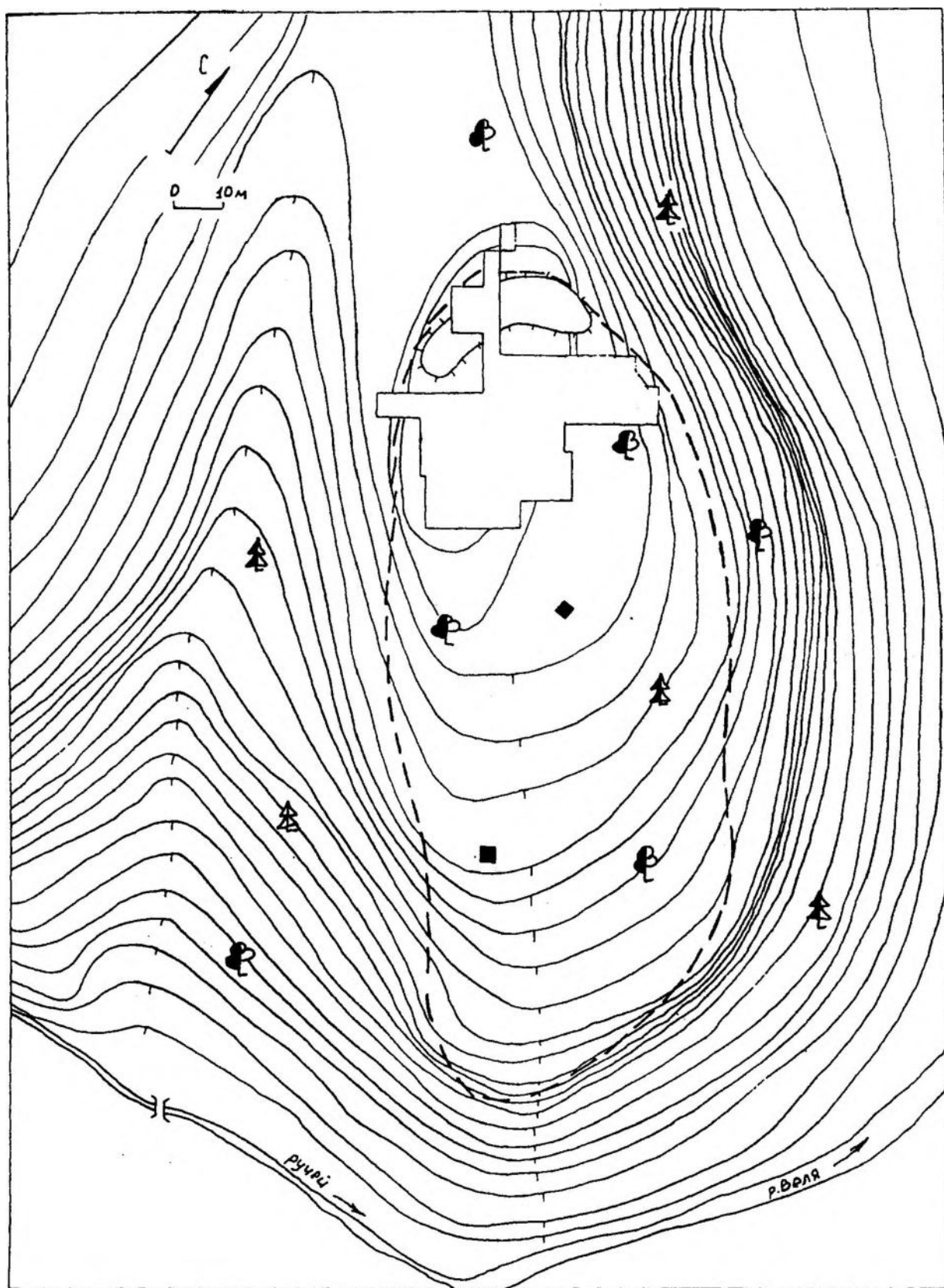

Рис. 1. План Кикинского городища с указанием раскопов

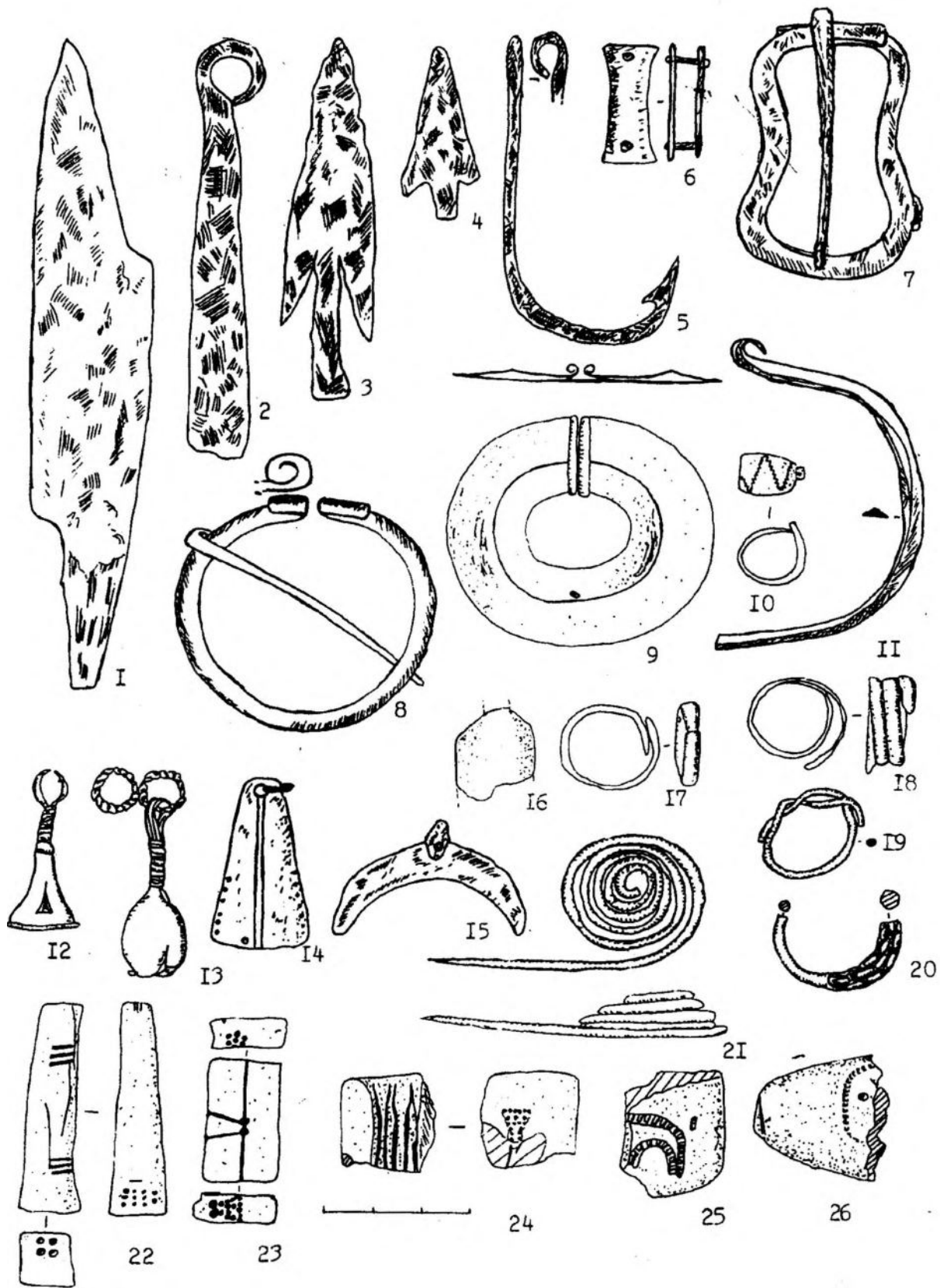

Рис. 2. Кикинское городище. Железные и бронзовые вещи. Литейные формочки.
 1 - нож горбатый; 2 - кресало; 3, 4 - наконечники стрел; 5 - рыболовный крючок; 6 - поясная накладка;
 7 - пряжка; 8-9 - застежки-сьюльгамы; 10-11 - фрагменты браслетов; 12-16 - привески;
 17-20 - перстни; 21 - булавка; 22-26 - литейные формы.
 1-8 - железо; 9-21 - бронза; 22-24 - камень; 25-26 - керамика

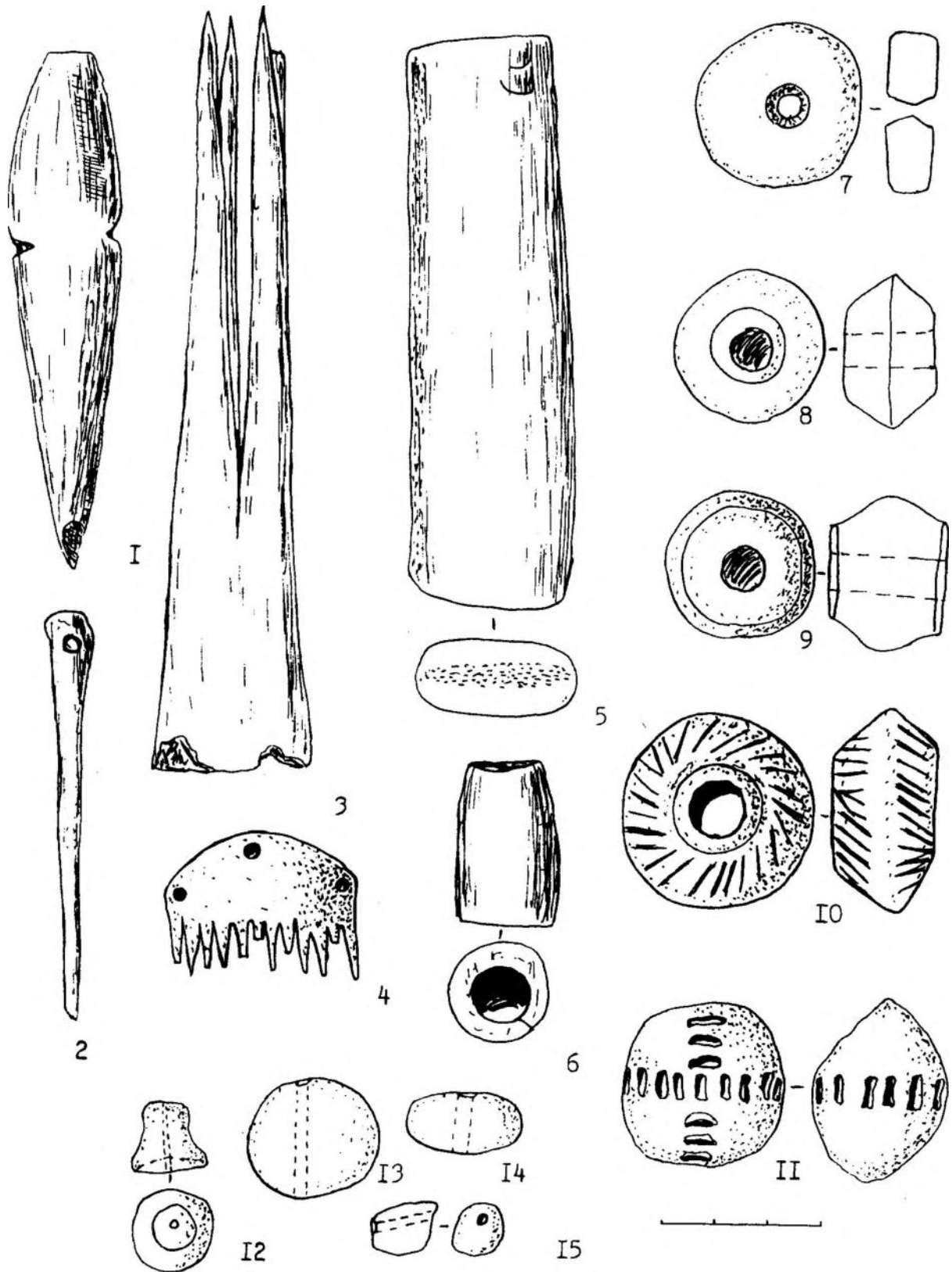

Рис. 3. Кикинское городище. Костяные и керамические вещи:
 1 - наконечник стрелы; 2 - игла; 3 - четырехзубец; 4 - гребень; 5 - рукоять ножа;
 6 - пронизка; 7-10 - пряслица; 11 - орнаментированный шарик; 12-15 - бусы.
 1-6 - кость; 7-15 - керамика

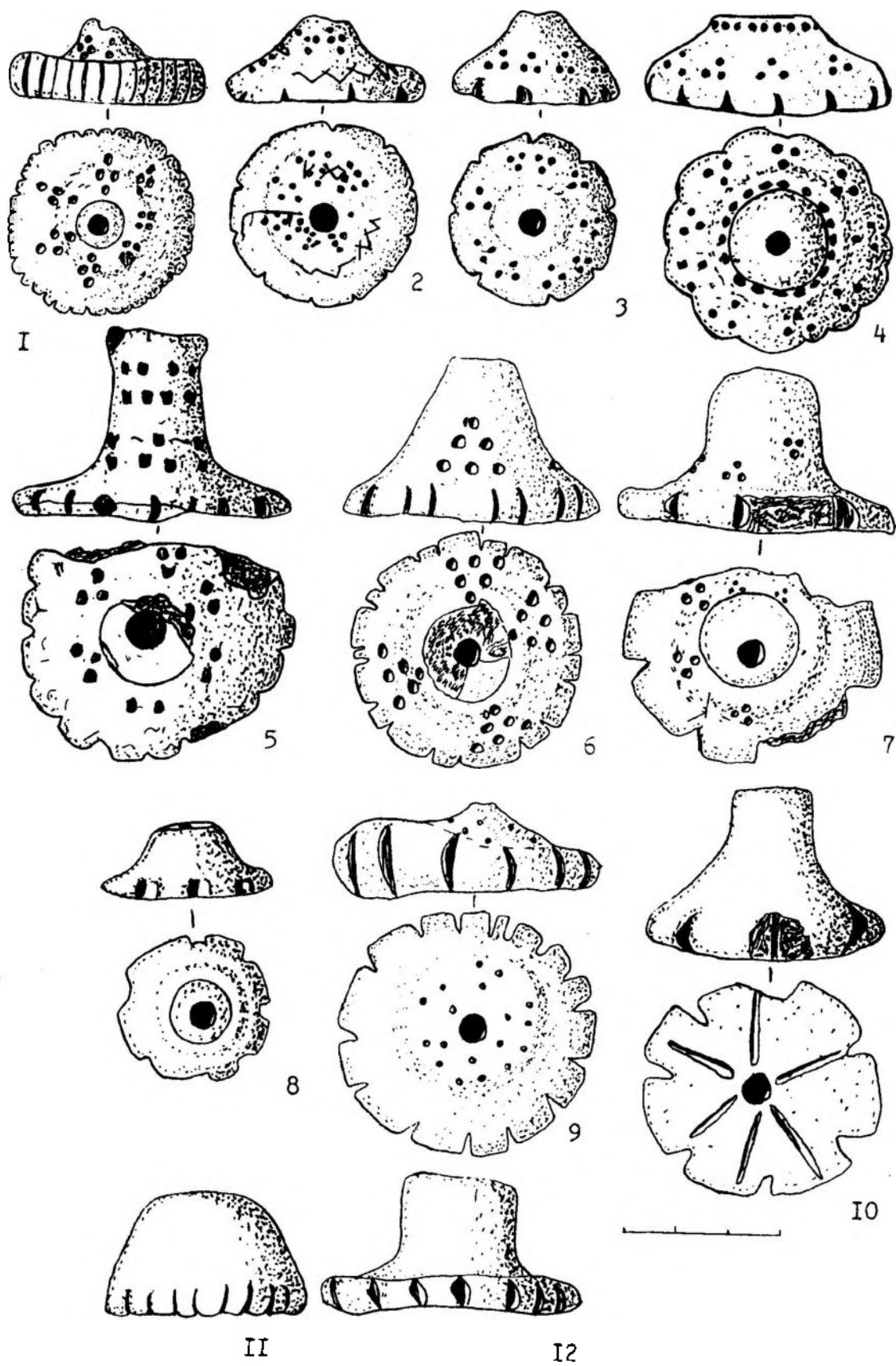

Рис. 4. Кикинское городище. Грузики дьякова типа

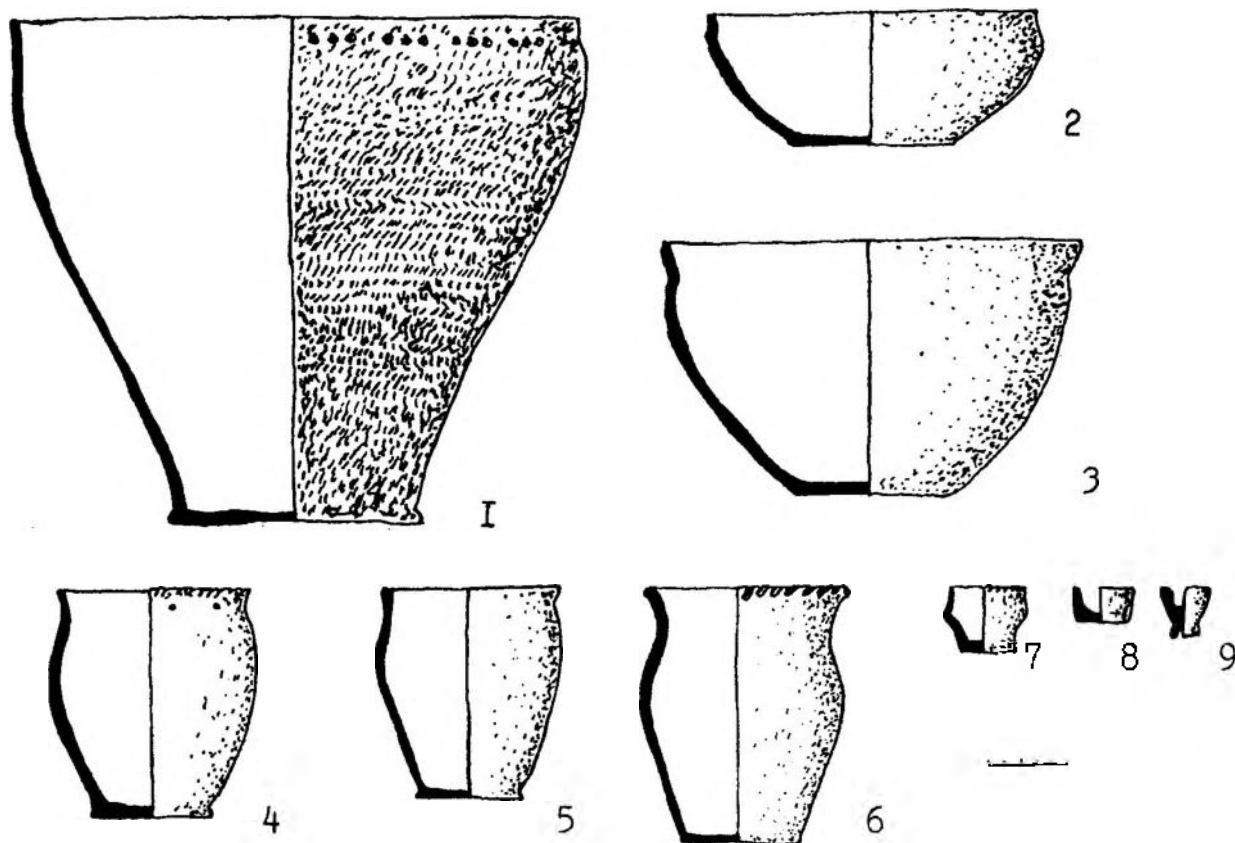

Рис. 5. Кикинское городище. Керамическая посуда

Таблица 1. Кикинское городище. Хронология инвентаря

N	ИНВЕНТАРЬ	ВЕКА н. э.									
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Булавка со спиральной головкой	+	+	+	+	+	+				
2	Застежка-сюльгама железная	+	+	+	+	+					
3	Наконечник стрелы двушипный	+	+	+	+	+					
4	Застежка сюльгама бронзовая с ребром жесткости				+	+					
5	Четырехзубец костяной				+	+	+	+			
6	Привеска-лунница бронзовая					+	+	+	+		
7	Височное кольцо спиральное						+	+	+	+	+
8	Браслет с орнаментом-"зигзагом"						+				
9	Накладка поясная железная						+	+			
10	Привеска трапециевидная бронзовая						+	+	+		
11	Крючок рыболовный железный						+	+	+		
12	Грузило круглое с отверстием каменное						+	+	+		
13	Кресало пластинчатое с крючком						+	+	+		
14	Перстень спиральный бронзовый						+	+	+	+	
15	Браслет спиральный с петлей						+	+	+		
16	Привеска колокольчатая с прорезями							+			
17	Привеска бутыльчатая							+	+	+	
18	Формочки литейные каменные							+	+	+	
19	Гребень горбатый костяной							+	+	+	+
20	Перстень ложноплетеный бронзовый							+	+	+	+
21	Привеска колокольчатая от серьги									+	

Керамические вещи наиболее многочисленны. Пряслиц - 30, в т. ч. 12 - цилиндрических (рис.3: 7), 10 - биконических (рис.3: 8), овального сечения - 5, одно бочонковидное (рис.3: 9). Два пряслица имеют орнамент (рис.3: 10).

Бронзолитейный керамический комплекс составляют 16 фрагментов и 3 целых льячки и 2 фрагмента литейных формочек (рис.2: 25,26) [4, с.49, рис.1: 4,5]. Встречены фрагменты орнаментированного рогатого кирпича, неопределенной формы лепешек (4), комочков (1), 2 целых круглых диска и 16 фрагментов, имевших металлургическое применение [4, с.50].

Найдены керамические украшения: 3 фрагмента погремушек с углублениями для двух пальцев и приплюснутый шарик с крестообразно пересекающимися поясками насечек (рис.3: 11), бусы: группевидная (рис.3: 12), уплощенная (рис.3: 14), шаровидные (рис.3: 13,15).

Грузиков дьякова типа на городище собрано 48 экз., в т. ч. 14 фрагментов. 12 грузиков орнаментированы (рис.4). Орнамент в основном ямочный - пояски из одинарных, двойных рядов, треугольников и ромбов. На днищах в двух случаях имеется лучевой прочерченный орнамент (рис.4: 10). Один из грузиков имеет нерегулярный орнамент из групп ямок, поверх которого был нанесен прочерченный орнамент-пиктограмма, в котором видны полоса зигзага и знак, похожий на рыбу (рис.4: 2).

Каменных предметов немного. Это оселки (9 экз., в т. ч. 6 фрагментов), точильная плита и зернотерка с курантом - из песчаника. Из известняка делались грузила: круглые с отверстием или яйцевидные с отверстием или с желобком для обвязывания, пряслица цилиндрической формы (4 экз.). Из известняка (рис.2: 22) и мягкого шифера (рис.2: 23,24) вырезаны литейные формочки.

Интересно, что наиболее близким по составу инвентаря памятником (рис.2: 1,3,4,14,17,21,22-24; рис.3: 3,4) является Попадьянское селище, датированное 6-7 вв н. э. [9, с.30]. В то же время, обращают на себя внимание бронзовые и др. вещи, встречающиеся в финских могильниках (рис.2: 6,9,10,14-16,20,22-24). Составление ряда находок (табл.1) позволяет датировать Кикинское городище сер. - 3-ей четв. I тыс. н. э. (V-VIII вв.) Вместе с тем, в комплексе присутствуют находки, относимые исключительно к первым векам н. э.: ножи серповидной формы, красная гасовая бусина - "кирпичик", керамические бусы (рис.3: 12-15). Радиоуглеродный анализ угля и кости с края площадки городища (вероятно, смещенных при поздних перестройках поселка) дал даты 1780 ± 40 (ГИН-7980) и 1560 ± 40 (ГИН - 7981), т. е. нач. III и нач. V вв. н. э. В этом случае нижняя дата памятника должна быть удревнена до III в. н. э.

Она, очевидно, соответствует дате верхнего слоя Дьякова городища, с которым обнаруживается и совпадение состава керамического комплекса [10, с.25,27]. Керамическая коллекция Кикинского городища составляет 24996 фрагментов лепной посуды, из которых 255 (1,02%) - сетчатые, встречающиеся только в нижних слоях и относящиеся к более раннему поселению, слой которого почти полностью уничтожен. Из ямы в материке происходит сосуд усеченно-конической формы с одинарным пояском-орнаментом из штампа-розетки у самого венчика (рис.5: 1). Основной комплекс керамики - грубая гладкостенная - 24442 фрагмента (97,78%). Представлены горшки, миски, миниатюрные сосуды (рис.5: 5-7). Орнаментированы 572 фрагмента (2,34%), причем больше половины случаев - это орнамент - насечка на венчике сосудов. Есть лощеная посуда - 301 фрагмент (1,2%). Формы и орнаментация посуды близки к позднедьяковским комплексам городищ Москворечья и Верхнего Поволжья.

Таким образом, в кругу поселений дьяковской культуры Кикинское городище является комплексом исключительно позднего ее этапа (III-VIII вв. н. э.).

Этнокультурный анализ находок показывает, что некоторые из них (рис.2: 2-4,8,11-13,16-18,21), характерные для позднедьяковских памятников, можно считать компонентом финно-балтской культуры сер. I тыс. н. э., другие же (рис.2: 6,9,10,14,15,20,22-24), по аналогии с материалами финских могильников, следует отнести к типично финской культуре 2-ой пол. I тыс. н. э. На Кикинском городище встречены льячки с ложкой овальной формы и с одним сливом, считающиеся наиболее характерными для литейщиц муромы и мери [11, с.79]. Представляется обоснованным связать последние века существования Кикинского городища с преобладанием здесь поволжско-финского этнического компонента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ходаковский З.Д.* Донесение о первых успехах путешествия в России Зориана Долуга-Ходаковского: из Москвы 13-го липца 1822 г. // *Русский исторический сборник.* Т.7. 1844.
2. *Смирнов К.А.* Дьяковская культура // *Дьяковская культура.* М., 1974.
3. *Розенфельдт И.Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М., 1982.
4. *Вишневский В.И.* О бронзолитейном деле на Кикинском городище // *Проблемы изучения первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы.* Вып. III. Иваново, 1996.
5. *Вихляев В.И.* Слюдамы из могильников Селиксенского и Армиенского типов // *СА.* 1972. №3.
6. *Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник. М., 1980.
7. *Финно-угры и балты в эпоху средневековья.* Археология СССР. М., 1987.
8. *Кондратьева О.Е.* Средневековые гребни с "горбатой" спинкой // *КСИА.* Вып.187. 1986.
9. *Леонтьев А.Е.* Археология мери: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1991.

10. Кренке Н.А. Раскопки Дьякова городища в 1981 г. // КСИА. Вып.178. 1984.

11. Голубева Л.А. Женщины-литейщицы (к истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. 1984.№4.

*Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник,
Сергиев-Посад, Московская область*

V.I. Vishnevsky

KICKINSKOYE HILLFORT

Summary

The Kickinskoye hillfort, located in the basin of the Dubna, the Volga's tributary, belongs to the Late Djakovo culture. It has been investigated by the Sergijev - Posad Museum expedition. An area of 718 sq.metres was excavated. The collection of individual finds consists of 310 articles (iron - 56, bronze - 18, bones - 62, ceramics - 144, glass - 1).

Of primary interest are the bronze articles similar to the ones found in Finnish necropolises. On comparing the finds the author found it possible to date the Kickinskoye hillfort by the middle - the third quarter of the I millenium A.D. At the same time some of the articles found in the complex can be dated by the first centuries A.D. The radiocarbon analysis of coal and bones taken at the edge of the hillfort led to two datings: the beginning of the III century A.D. and the beginning of the V century A.D. Thus the earliest date of the monument was adjusted and became the III century A.D., which led to the conclusion that within the Djakovo culture sites the Kickinskoye hillfort belonged to the culture's latest period (III - VIII centuries A.D.).

The ethnocultural analysis of finds shows that some of them, belonging to the Late Djakovo monuments, are a component of the Finnish - Baltic culture of the middle of the I millenium A.D. Other finds, being similar to those found in Finnish necropolises, can be defined as a typical part of the Finnish culture of the second part of the I millenium A.D.

The last two centuries of the Kickinskoye hillfort were undoubtedly influenced by the Volga - Finnish ethnic component prevailing on this territory.

*The Sergiev-Posad State Museum
of History and Art
Lavra, Sergiev - Posad,
the Moscow Region,
141300, Russia*

А.Д.Максимов, Л.С.Розанова

РЕЗУЛЬТАТЫ МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ С ГОРОДИЩА ОРЛОВ ГОРОДОК

Городище Орлов Городок находится в 12 км к ЮЗ от пос. Молоково - районного центра Тверской обл. и в 1,5 км к ССВ от д. Новокотова, в 20 м к ССВ от небольшого кладбища у б. д. Орлов Городок, на правом берегу р. Могочи. Занимает мыс коренного берега реки высотой 14 м над уровнем воды. Площадь укрепленной части поселения не превышала 600 кв. м. Жилая площадка городища подокруглой в плане формы имела размеры 24 x 26 м. С С она ограничена оврагом, с В - склоном берега реки, а с З и Ю находился искусственный ров. За оврагом выявлен культурный слой неукрепленного поселения, существовавшего одновременно с городищем. Селище оказалось почти полностью уничтожено карьером, и его остатки (16 кв.м) были раскопаны в 1980 г. Общая площадь неукрепленной части поселка составляла не более 150 кв. м. Городище исследовалось раскопками в 1980-82 и 1987 гг. На нем в общей сложности изучено 418 кв. м культурного слоя вместе с разрушенными частями площадью 100 кв. м (осыпь карьера, отвал бульдозерной траншеи) [1].

Комплекс железных изделий состоит из 248 предметов, включая и 2 находки из неукрепленной части поселения (двухшпный наконечник стрелы и обломок фибулы). Видовая принадлежность определена для 201 изделия, считая и заготовки ножей, а общий перечень их состоит из 30 названий (табл. 1). Определенную серию составляют полуфабрикаты различных предметов (18 экз.). Для 29 обломков и фрагментов вещей назначение определить не удалось.

За годы раскопок на городище последовательно вскрыты 12 условных пластов, в которых найдены железные предметы. Мощность дерна и каждого условного пласта 10 см. Максимальная глубина залегания находок из железа 1,3 м от дневной поверхности, кроме трех вещей из материковых ям. Поверхность материка ровная, имеет наклон к З (к напольной стороне). Наибольшая мощность культурных отложений 1,8 м от современной дневной поверхности, минимальная толщина культурного слоя 0,6 м.

По общей концентрации находок на уровне условных пластов, а также по их локализации на площадке городища, связанной, главным образом, с выявленными жилыми, хозяйственными и производственными комплексами, выделены 3 основных строительных горизонта. Первый - наиболее ранний, включает XII-VIII и большую часть VII пластов, второй охватывает меньшую часть VII, VI-V и половину IV, а третий связан с верхней половиной IV и III-I условными пластами. Датировка строительных горизонтов достаточно точно определяется даже только по изделиям, исследованным металлографически. Последние относятся к орудиям труда, предметам вооружения и охоты, почти все представлены значительными сериями и составляют большую часть вещей из железа: ножи и их заготовки (66 экз.), пиля (38 экз.), наконечники стрел (19 экз.), топоры и обломки (6 экз.), серпы (2 экз.). Всего по 6 категориям предметов найден 131 предмет (табл. 1). Следует отметить, что ножи, пиля и наконечники стрел встречены во всех строительных горизонтах, топоры - только в верхнем и среднем, а серпы - в наиболее раннем слое (I строительный горизонт).

Ножи представлены двумя основными типами. Первый - ножи со слабо выгнутой спинкой без уступа при переходе черепка в рабочую часть орудия сверху. В ряде случаев переход от черепка к лезвию акцентирован уступом снизу (рис. 1:1-2). Второй тип - ножи с прямой спинкой в рабочей части и черепком, опущенным вниз таким образом, что между ними образуется тупой угол (рис. 1:3-4). Ранее такой тип исследователями не выделялся. Среди ножей этого типа тоже есть экземпляры, у которых переход от черепка к лезвию отмечен уступом. Серповидных ножей нет. Несколькими экземплярами представлены ножи с признаками "горбатых", т. е. с характерным срезом обушка на конце лезвия (рис. 1:5-6). Встречены они только в средней и нижней части культурного слоя. Ножей с горбатой спинкой, существовавших до IV-V вв. н. э., в "чистом" виде на городище Орлов Городок нет. Ножи с сегментовидной спинкой приходят на смену серповидным ножам в первых веках I тыс. н. э. и существуют в лесной зоне в основном до VII в. н. э. включительно. В VIII-XI вв. они еще бытуют, но уже совместно с появившимися здесь ножами группы II и IV по Р.С. Мина-

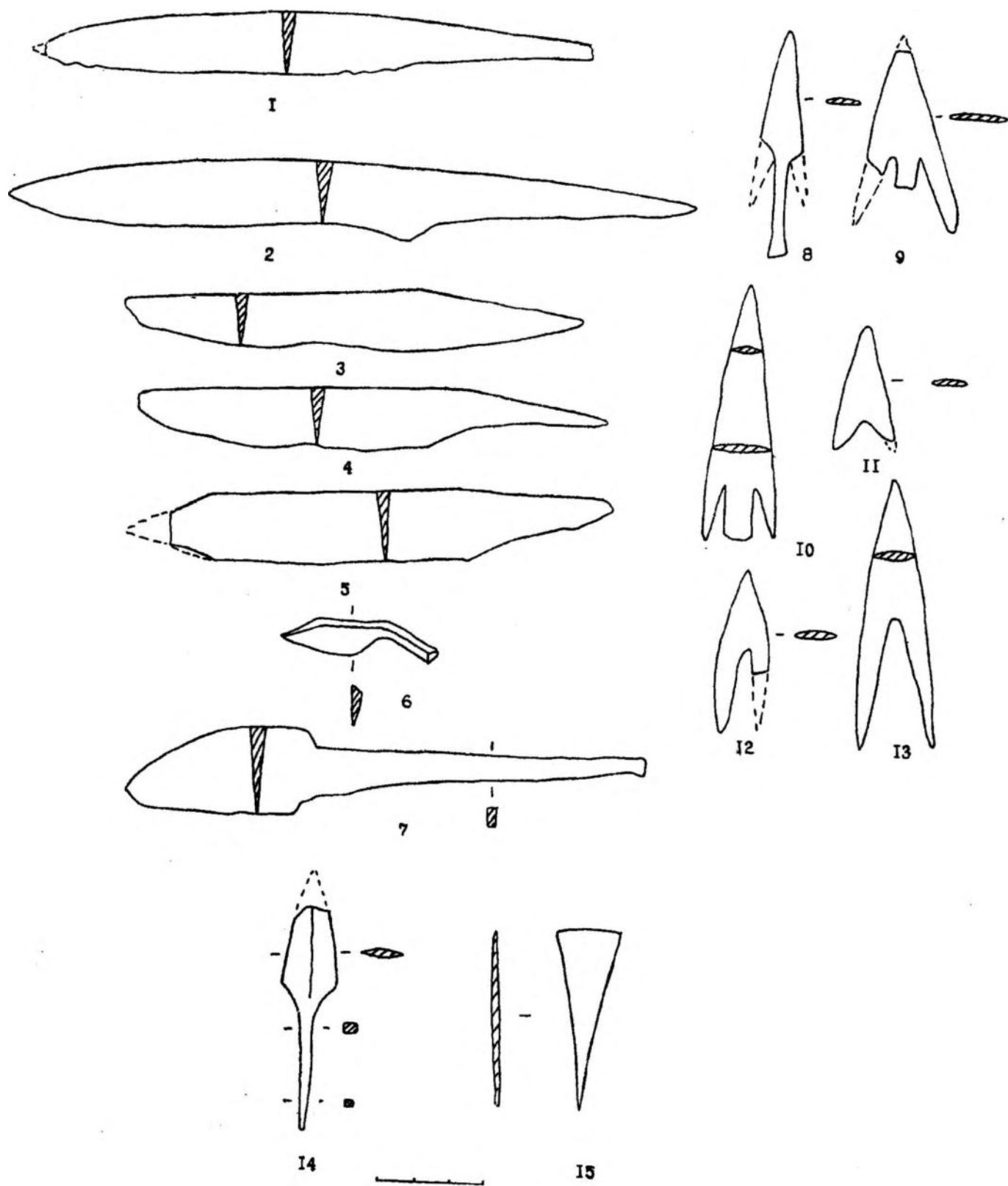

Рис. 1. Железные изделия городища Орлов Городок:
1-7 - ножи; 8-15 - наконечники стрел

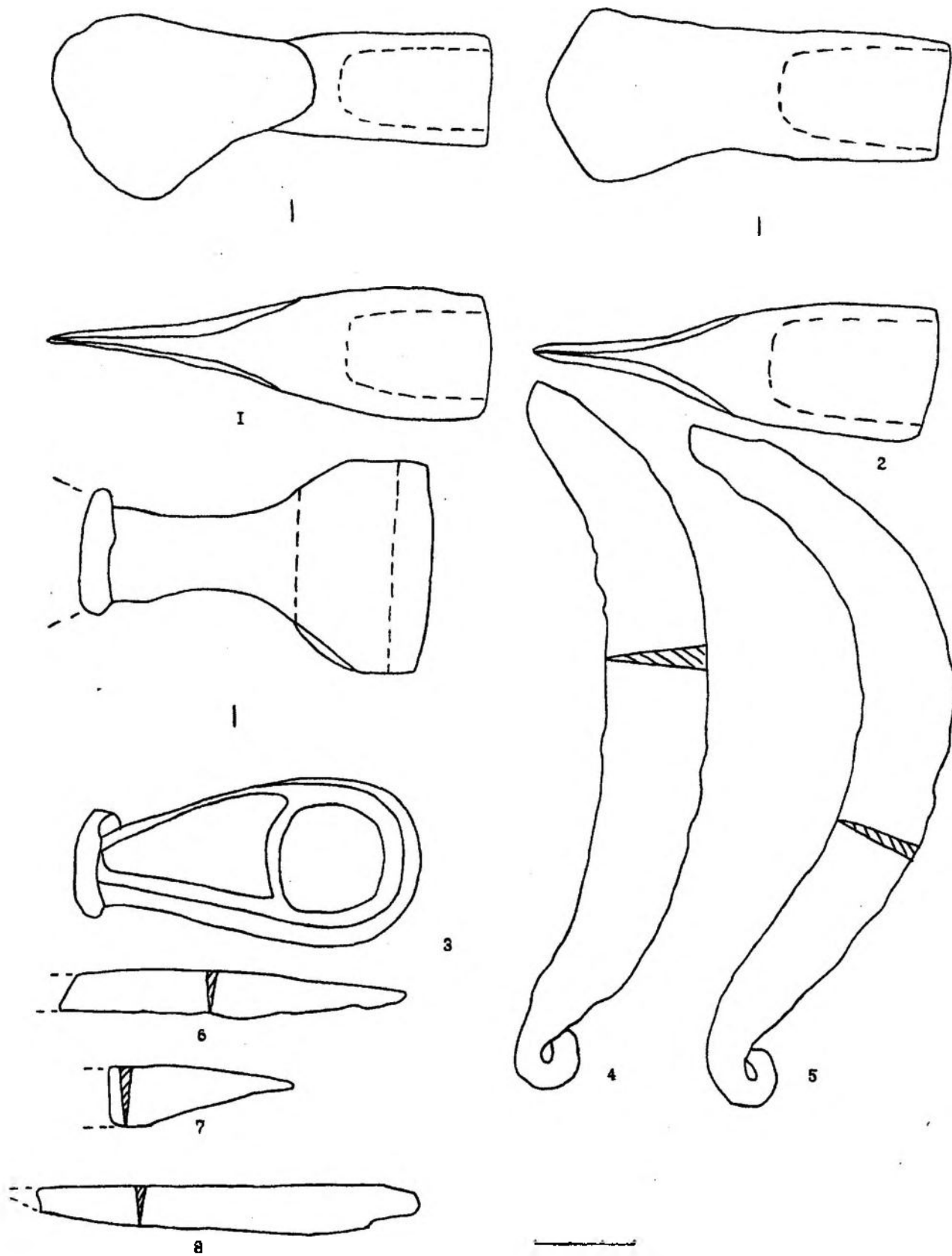

Рис. 2. Железные изделия городища Орлов Городок:
1-3 - топоры; 4,5 - серпы; 6-8 - ножи

Таблица 1. Видовая принадлежность железных изделий городища Орлов Городок и распределение их в культурном слое по условным пластам

№ пп.	Название предмета (видовая принадлежность)	Условные пласты (глубина от поверхности в метрах)												Ямы в материке	Подземный материал	Всего по виду (экз.)
		I 0.1-0.2	II 0.2-0.3	III 0.3-0.4	IV 0.4-0.5	V 0.5-0.6	VI 0.6-0.7	VII 0.7-0.8	VIII 0.8-0.9	IX 0.9-1	X 1-1.1	XI 1.1-1.2	XII 1.2-1.3			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1	Нож	4/2*	4/2	6/5	9/8	13/9	8/5	7/5	1/1	5/2	3/2	-	-	-	1/1	61/42
2	Заготовка ножа	-	1/-	-	-	1/-	-	-	2/1	-	-	-	-	1/-	-	5/1
3	Шило	2/-	1/-	5/2	2/1	4/-	7/-	4/-	3/2	3/-	4/-	-	-	-	3/-	38/5
4	Наконечник стрелы	3/2	1/1	-	1/-	4/2	1/1	4/1	4/1	-	-	-	-	1/-	-	19/8
5	Топор	-	1/1	1/1	-	2/2	-	2/1	-	-	-	-	-	-	-	6/5
6	Серп	-	-	-	-	-	-	-	-	2/1	-	-	-	-	-	2/1
7	Стамеска	1	-	2	-	2	1	2	3	-	-	-	-	-	-	11
8	Гарпун	-	-	-	2	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	4
9	Кресало	3	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	5
10	Булавка	-	1	-	1	-	1	-	1	-	-	-	-	-	2	6
11	Пряжка (в т. ч. биметаллическая)	1	2	1	1	-	1	1	-	-	-	1	-	-	-	8
12	Кернер, чекан	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	2
13	Зубило	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3
14	Обойма	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
15	Накладка	-	-	1	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	3
16	Игла	1	1	-	1	-	-	-	1	1	-	1	-	-	-	6
17	Пробой	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
18	Кольцо	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
19	Крючок рыболовный	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
20	Кинжал	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
21	Пластина от доспехов	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
22	Крюк для колчана	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1
23	Фибула (в т. ч. биметаллическая)	-	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	2
24	Долото	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
25	Пряжка к ожерелью	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
26	Подвеска (украшение)	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
27	Бляшка (украшение)	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	2
28	Привеска к поясу	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	2
29	Наконечник ручного орудия для рыхления почвы	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
30	Инструмент в виде циркуля	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
31	Заготовка изделия (кроме ножей)	3	1	4	2	2	3	-	1	-	1	-	-	-	1	18
	Всего по условному пласту	22	15	22	24	29	27	23	18	14	8	4	1	2	10	219

* Число в знаменателе соответствует количеству предметов, исследованных металлографически

сяну [2, с.69-70, 72-74]. У первых спинка клинка - чаще всего в виде слабой дуги, а черешок - в форме узкого треугольника длиной 3-5 см. Он отделен от клинка сверху и снизу ярко выраженными уступами высотой 3-5 мм. Уступы чаще всего асимметричны относительно друг друга и образуют со спинкой и режущей кромкой тупые углы. Примерно с VIII в. н. э. ножи группы II появляются в Верхнем Поднепровье (из Подесенья и Среднего Поднепровья) и начинают распространяться далее на север. К XII в. они становятся общедревнерусскими [2, с.69]. Для вторых (ножи группы IV) характерен узкий черешок длиной 6-12 см. Кончик черешка шилообразный, иногда загнут и расклепан. Такая конструкция черешка обусловлена тем, что он пробивал рукоять насквозь и и загибался на тыльной стороне. Клинки этой группы ножей имеют, как правило, четкие (около 2 мм высотой) уступы, отделяющие их от черешка. Спинка клинков прямая и только на конце слегка закругляется (приспущена). Эти ножи характерны для германоязычного населения Северной Европы. В сер.VIII в. они появляются на северных рубежах Восточной Европы [2, с.74]. В культурном слое городища Орлов Городок ножей групп II и IV нет, за исключением 1 экземпляра из 1 условного пласта со смешанными признаками (рис.1:7). Ножи с прямой спинкой и опущенным вниз черешком, по всей видимости, следует рассматривать как дальнейшее развитие и изменение "горбчатых" ножей, т. к. именно среди экземпляров этого типа встречено большинство изделий с характерным для "горбчатых" ножей срезом конца острия по обушку (рис.1:5-6). Ножей с прямой спинкой, у которых обушок режущей части составляет одну ровную линию с верхней кромкой черешка, среди целых экземпляров городища Орлов Городок также нет. Размеры ножей с городища Орлов Городок имеют широкий диапазон. Длина их варьирует от 8,5 до 19,5 см, а максимальная ширина рабочей части - от 1 до 2,1 см. Особую группу составляют миниатюрные ножи длиной до 5 см.

Шилья представлены тремя типами. К первому относятся стержни, у которых половина длины имеет круглое сечение, а другая - близкое к квадрату. В количественном отношении шилья этого типа преобладают. Второй тип представлен проколками, имеющими только круглое сечение всего стержня. Третий тип - шилья с сечением, близким к квадрату почти по всей длине и круглым только на самом конце острия. В целом, длина шильев редко превышает 12 см, а максимальная толщина - 4-6 мм.

Наконечники стрел. Среди железных изделий городища Орлов Городок встречены четыре типа наконечников стрел. Наибольшее количество среди них принадлежит двушипным черешковым (13 экз.). Обращает на себя внимание тот факт, что они почти все представлены изделиями крупных размеров, у которых концы шипов или равны, или опускаются даже ниже края черешка. Замечено также, что самые миниатюрные наконечники этого типа происходят из нижних слоев городища Орлов Городок и черешок их всегда длиннее шипов (рис.1:8). Датируются подобные экземпляры I-IV вв. н. э. [3, с.34]. Самые крупные двушипные черешковые наконечники стрел существуют на завершающем этапе периода раннего железного века [3, с.228; 4, с.163]. Только максимальное увеличение пропорций и размеров позволяет использовать эти изделия наиболее эффективно по их функциональному назначению. Не случайно, начиная с VIII в. н. э., им на смену приходят втульчатые двушипные стрелы [5, с.127]. Длина двушипных черешковых наконечников с городища Орлов Городок - от 5 до 7,7 см, а максимальная ширина (по основанию шипов) 2-3 см. Сечение пера плоское, линзовидное и в одном случае подромбическое (рис.1:9-10). Второй тип представлен бесчерешковыми двушипными стрелами, у которых место соединения с древком оформлено в виде выемки или "ласточки хвоста". Их найдено всего 4 экземпляра. Три наконечника имеют небольшие размеры (длина от 3,7 до 4,8 см, максимальная ширина от 1,5 до 2,2 см), и только один значительно длиннее (7,8 см), но его максимальная ширина также 2,2 см (рис.1:11-13). В настоящее время известно много памятников, точно датированных по вещевому комплексу IV-VII вв. н. э., где были найдены наконечники типа 2. Среди них городище Березняки, Попадьинское селище и другие поселения [6, с.62, рис.33:6; 7, с.88, рис. 33:13,14]. На памятниках Ярославского Поволжья, существовавших одновременно с городищем Орлов Городок, встречены и треугольно-черешковые или листовидные наконечники стрел без упора. Они происходят из культурных слоев городища Березняки, селищ у с.Устье (р. Ить) и у д. Кирино [6, с.62, рис.33; с.76, рис.43:1; с.78, рис.45:8]. Для этих наконечников третьего типа характерными особенностями являются размеры черешка и пера, равные половине или около половины всей длины, а максимальная ширина соответствует основанию пера. На городище Орлов Городок такие стрелы представлены одним экземпляром длиной около 7,5 см (сохранившаяся длина 6,5 см) и максимальной шириной 1,6 см (рис.1:14). Единственным экземпляром на городище Орлов Городок представлен и наконечник стрелы типа срезень (тип 4). До последнего времени таких изделий в памятниках раннего железного века лесной зоны не отмечалось, хотя они хорошо представлены в материалах поселений, существовавших позднее VII в. н. э. на территории северной половины Европейской части России, Урала и Западной Сибири [8, с. 348,350, табл.137:1; 9, с.266-267, табл.XVIII:17; табл.XIX:17; с.318, табл. LXX:5; с.321, табл.LXXIII:6; с.344, табл.XCVI:10].

На городище Орлов Городок срезень был найден на уровне 1 пласта, поэтому, скорее всего, его следует отнести к более позднему времени и не связывать с основным комплексом. Не исключено также и то, что этот тип наконечников появляется в лесной зоне уже на финальном этапе раннего железного века. Длина наконечника с городища 5,2 см, максимальная ширина ударной части 1,9 см (рис.1:15).

Топоры. На городище Орлов Городок найдены 2 целых кельта и 1 проушной топор с обломанным лезвием. Три других топора неопределенных типов представлены только небольшими обломками лезвийных частей. Длина кельтов 12,2 и 13,4 см, максимальная толщина по втулке 4 см, диаметр втулки 3,1 и 2,5 см.

Подобные экземпляры датируются К.А.Смирновым временем не позднее IV-VII вв. н. э. [3, с.41-42]. К этому же хронологическому периоду относится и проушной топор. Его длина, вероятно, не превышала

13-14 см. Максимальная толщина по втулке 5,1 см, размеры сквозного отверстия 3,1 x 3,4 см (рис.2:1-3).

Серпы, обнаруженные на городище, относятся к одному типу и представлены 2 экземплярами. Оба орудия имеют слабоизогнутые клинки, черешки которых загнуты к обушку в виде петли. Длина их 20,6 и 21,4 см. Максимальная ширина лезвий 2,8 и 3 см, толщина 4-4,5 и 6,5 мм (рис.2:4-5). По мнению Р.С.Минасяна, такие серпы бытовали только в раннем железном веке, т. е. до VI-VII вв. н. э. [10, с.79-80].

Таким образом, по разработанной на сегодняшний день типологии, описанные железные предметы существовали в период с кон. III по VII вв. н. э. включительно. Первый (древнейший) строительный горизонт городища Орлов Городок ориентировочно датируется 2-ой пол. III-IV вв. н. э.; средний слой отложился в период с кон. IV до сер. VI вв. н. э., а верхний образовался во 2-ой пол. VI - VII вв. н. э.

Для получения технико-технологических характеристик железных предметов городища Орлов Городок проведено металлографическое исследование 62 предметов (табл. I, II).

Таблица II. Металлографически исследованные предметы с городища Орлов Городок и технология их изготовления

Технология Категории	Заготовки цельнометаллические				Заготовки сварные				Всего
	Железо	Сырцовая сталь	Цементованная сталь	Цементация	Пакетирование	Наварка стального лезвия	Из 2-х полос	Из 3-х полос	
Ножи	11	10/5*	4/4	3/3	7/7	2/2	2/2	3/3	42/26
Заготовки ножей					1/1				1/1
Топоры					5/2				5/2
Серпы								1/1	1/1
Шилья	2	2/2			1/1				5/3
Наконечники стрел	2				6				8
ВСЕГО	15	12/7	4/4	3/3	20/11	2/2	2/2	4/4	62/33

*Число в знаменателе обозначает количество термообработанных изделий

Из них: ножи - 42 экз., топоры и обломки - 5 экз.; шилья - 5 экз., наконечники стрел - 8 экз., серп - 1 экз. и 1 заготовка - полуфабрикат ножа. Микроскопическое изучение показало, что 50% предметов были откованы в простых технологиях - либо целиком из железа и сырцовой неравномерно науглероженной стали, полученной в сырцовом горне (21 нож, 2 наконечника стрел, 4 шила), либо из качественной специально полученной стали (4 ножа). Примерно треть изделий (7 ножей, заготовка-полуфабрикат ножа, 6 наконечников стрел, 5 топоров, 1 шило) изготовлена пакетированием - использованием при формовке заготовки небольших полосок или кусочков металла, соединенных между собой с помощью кузнечной сварки. Существование такого приема было связано, скорее всего, с дефицитом поделочного материала. Однако можно отметить определенный набор металла для изделий разных категорий. Так, при отковке большинства ножей использовалась только сталь (степень науглероженности разная: от неравномерно науглероженной до высокоуглеродистой), воспринимающая термическую обработку. В итоге все ножи этой технологической группы имели закаленные клинки. Для наконечников стрел - предметов разового применения - подбирались менее качественное сырье: железо и малоуглеродистая сталь, практически не отличающаяся от железа. Целесообразность пакетирования на топорах заключена, на наш взгляд, в большей упругости многослойного лезвия при ударной нагрузке.

Как показало микроскопическое исследование, с целью снабдить изделие стальной рабочей частью применялась цементация готового орудия (3 ножа), фиксируются случаи кузнечной сварки как основы технологической схемы в виде наварки стального лезвия (2 ножа), двух полос - железа и стали с выходом последней на рабочую часть (2 ножа), трех полос (3 ножа, серп).

Особого внимания заслуживают изделия, выполненные в схеме трехслойного пакета: 2 ножа и серп откованы в "классической" технологии трехслойного пакета, предусматривающей сварку по всей длине клинка двух полос из высокотвердого (фосфористого) железа со стальной полосой между ними, выходящей на лезвийную часть. Клинок третьего ножа откован из трех полос высокоуглеродистой стали (рис. 2:4, 6-8). Следует отметить условия местонахождения этих 4 предметов. Два ножа и серп найдены или в жилищах, или в непосредственной близости от них (III-IV и IX условные пласты), один нож найден рядом с железоварильным горном (IX условный пласт).

В настоящее время установлено, что трехслойная технология "классического" вида наиболее характерна

для производства ножей (хотя известны случаи применения ее на серпах, топорах, косах) и не прослеживается в Восточной Европе вплоть до IX в. Распространяется она в материалах археологических памятников древнерусского времени IX-XI вв., где обязательно присутствуют скандинавские вещи. На некоторых памятниках эта технологическая схема является доминирующим приемом [11, с.176-178; 12, с.200-219; 13, с.33-45; 14, с.155,156; с.166-181]. Именно в это время прослеживаются активные контакты Древней Руси со скандинавскими странами. При этом ножи с трехслойными клинками имеют и характерные формальные признаки: узкий клинок с утолщенной спинкой (4-5мм), длинный шиловидный черешок, отделенный от клинка четко выраженными уступами (IV тип ножей по Р.С.Минасяну) [2, с.72-74]. Как отмечалось выше, таких ножей на городище Орлов Городок нет. Несмотря на то, что ножи, выполненные в "классической" технологии, сохранились неполностью, они соответствуют 2 основным типам ножей с городища. К типу сегментовидных можно отнести 2 ножа (IV пласт, кв.16 и IX пласт, кв.65 - рис.2:6-7), 1 нож с прямой спинкой и опущенным вниз черешком (IV пласт, кв.31 - рис.2:8), однако по технологическим особенностям, базирующимся на специальном подборе сырья, по высокому мастерству выполнения режимовковки и сварки эти орудия резко отличаются от остальной массы изделий. Такое же высококлассное исполнение демонстрирует и серп. Касаясь ножа, изготовленного в трехслойной технологии, но не в "классическом" виде (нож из кв.31), можно говорить лишь о заимствовании идеи, тогда как технологическая тонкость оказалась кузнецом не понятой.

На более поздних и точно датированных памятниках в этом микрорегионе ножи с трехслойными клинками хорошо известны. Ножи, выполненные и по "классической" схеме, и как подражание, зафиксированы на селищах Курово 2 (кон. VIII- 1-ая пол. IX вв.) и Белохово 2 или Бережок (IX - 2-ая пол. X вв.) и др. [16, с.229-233].

Подводя итоги технологическому рассмотрению коллекции железных предметов Орлова Городка, можно заключить, что местные кузнецы в качестве основного поделочного материала использовали железо и сырьевую сталь, умели получать качественную сталь путем цементации заготовок и самого изделия, практиковали прием пакетирования металла, подходу осознанно к подбору сырья при изготовлении определенных категорий изделий. Фиксируются случаи, хотя и редко, применения сварки при технологическом конструировании. Однако качество выполнения кузнечных операций невысокое, о чем свидетельствует структура металла, широкие, забитые шлаками сварочные швы. Заметным достижением местных кузнецов является частое использование закалки - термической обработки, увеличивающей в несколько раз твердость металла, а следовательно и остроту рабочей части. Если исключить из общего числа исследованных предметов изделия, изготовленные из железа и малоуглеродистой стали, неспособные воспринимать термическую обработку, то доля закаленных составит 78%.

По ряду таких показателей, как наличие изделий из качественной стали, применение сварки в качестве технологической схемы, широкое использование термообработки, кузнечные изделия городища Орлов Городок находят наибольшую близость в материалах Москворецких городищ III-VII вв. н. э., относящихся к дьяковской археологической культуре [17], а по присутствию изделий с трехслойными клинками в "классическом" исполнении - с памятниками IX-X вв. Этот факт оценивается авторами настоящей статьи по-разному. По одному мнению (Л.С.Розанова), принимая во внимание то обстоятельство, что на территории Восточной Европы в слоях памятников, существовавших ранее IX-XI вв. н. э., железные изделия с трехслойной технологией изготовления до сих пор не встречались, хронологические рамки бытования городища Орлов Городок следует расширить до IX в. включительно. Технология трехслойного пакета не применялась в практике местных кузнецов, а была привнесена извне. Истоки ее традиции просматриваются в материалах скандинавских древностей. Можно полагать, что изделия с трехслойными лезвиями попали в глубинные районы не в результате прямой торговли, а непосредственно - путем многократного внутреннего обмена. По второму мнению (А.Д.Максимов), вопрос о времени заимствования трехслойного пакета и начале его применения на территории Восточной Европы нельзя считать окончательно решенным. Во-первых, условия залегания четырех изделий, выполненных в технологии трехслойного пакета, в культурном слое городища Орлов Городок фиксируют хотя пока и слабую, но вполне определенную закономерность. Напомним, что 2 предмета происходят из III-IV условных пластов, а 2 других - только из IX, причем с участков, где перекопы не зафиксированы. Во-вторых, главным занятием населения городища Орлов Городок было железообрабатывающее и железоделательное производство наряду с бронзолитейной специализацией и изготовлением изделий из цветных металлов. Естественно думать, что мастеров не могли не интересоваться новинки в этих областях знаний. В-третьих, для точно такого же типологического комплекса железных изделий (ножи, наконечники стрел, серпы), полученного во время раскопок В.А.Булова на городище Городок (Варварина Гора) в Фировском р-не Тверской обл., есть радиоуглеродные даты [18, с.74, прил.2]. Этот памятник находится в одном микрорегионе с городищем Орлов Городок (Мстинско-Моложское междуречье) и существовал в одно время с ним, и по радиоуглеродному анализу образцов угля его культурный слой датируется временем не только не позднее VII в. н. э., но даже несколько более ранним - I - IV вв. н. э. Все отмеченные выше факты свидетельствуют о возможном проникновении технологии трехслойного пакета на территорию Восточной Европы задолго до IX-X вв. н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Максимов А.Д.* Отчет о раскопках городища Орлов Городок и разведках на оз. Селигер в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №8477.
Он же. Отчет о раскопках городища Орлов Городок и разведках в Осташковском и Конаковском районах Калининской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №8385.
Он же. Отчет о раскопках городища Орлов Городок в Молоковском районе Калининской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №10012.
Он же. Отчет о разведках и раскопках в северных районах Калининской области в 1987 г. // ИА РАН. Р-1.
Он же. Раскопки городища Орлов Городок // АО-1980. М., 1981.
Он же. Раскопки городища Орлов Городок // АО-1981. М., 1983.
Он же. Раскопки городища Орлов Городок // АО-1982. М., 1984.
2. *Минасян Р.С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (К вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 21. 1980.
3. Дьяковская культура. М., 1974.
4. *Крис Х.И.* Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie. Т.1. МИА. №156. 1970.
5. *Розенфельдт И.Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М., 1982.
6. *Третьяков П.Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. // МИА. №5. 1941.
7. *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. №94. 1961.
8. Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. М., 1985.
9. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.
10. *Минасян Р.С.* Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 19. 1978.
11. *Розанова Л.С.* К вопросу о технических приемах изготовления железных изделий из Старой Ладogi в докняжеский период // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994.
12. *Пушкина Т.А., Розанова Л.С.* Кузнечные изделия из Гнездова // РА. 1992. №2.
13. *Леонтьев А.Е.* Классификация ножей Сарского городища // СА. 1976. №2.
14. *Завьялов В.И., Розанова Л.С.* К вопросу о производственной технологии ножей в древнем Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. Новгород, 1990.
15. *Розанова Л.С.* Итоги металлографического исследования кузнечных изделий // Голубева Л.А., Кочуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX-X вв.). Петрозаводск, 1991.
16. *Исланова И.В., Розанова Л.С.* Железные изделия из памятников Удомельского Поозерья // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
17. *Хомутова Л.С.* История железообрабатывающего производства у дославянского населения Волго-Окского междуречья в I-ом тысячелетии н. э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1981.
18. *Буров В.А.* Отчет об археологических исследованиях средневековых памятников в бассейне оз. Шлино в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №15539.

Комитет по охране историко-культурного наследия администрации Тверской области, Тверь

A.D. Maksimov, L.S. Rosanova

RESULTS OF METALLOGRAPHIC ANALYSIS OF THE METAL WARE FROM ORLOV GORODOK HILLFORT

Summary

The corpus of metal ware obtained in the process of 4-year long excavations at Orlov Gorodok hillfort (II - VII centuries A.D., Molokovo District, the Tver Region) is surveyed in the article.

The majority of finds (201 samples, 30 names) are attributed as belonging to certain types. New types are found within some categories of materials. 62 tools and weapons were subjected to metallographic analysis at the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences). According to one of the authors of the article (A.D. Maksimov), the results of the analysis show that the three-layer-packet technology was introduced in the Eastern Europe during the final stage of the Early Iron Age (III - VII centuries A.D.), but not in the Middle Ages (IX - XI centuries A.D.), as it was stated before.

*Committee for Protection of Historical and Cultural Heritage, Administration of the Tver Region
10, Novotorzhskaya St., Tver, 170000, Russia
Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences
19, Dm. Uljanov St., Moscow, 117036, Russia*

Н.В. Лопатин, О.А. Лопатина

ПАМЯТНИК МОЩИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВЕРХОВЬЯХ ВАЗУЗЫ

Летом 1996 г. нами были случайно обнаружены остатки городища, ранее в литературе не упоминавшегося. Городище расположено на территории д. Лукино Григорьевского округа Новодугинского р-на Смоленской обл. на левом берегу р. Вазузы, недалеко от ее верховьев (рис.1).

Судя по рассказам местных жителей, здесь еще недавно был холм с плоской вершиной, где раньше устраивались танцы. На холме была и братская могила, которая перенесена в пос. Новодугино. Несколько лет назад холм был разобран на гравий при строительстве дороги. Уцелела лишь его северо-западная кромка шириной не более 10 м, обращенная к реке и заросшая деревьями и кустарником. Осмотр местности и топографическая карта показывают, что холм представлял собой останец моренной гряды, тянущейся в направлении З-В на противоположном берегу Вазузы. Он имел овальную форму размерами у подошвы примерно 130 x 80 м (рис.2).

Рельеф поверхности сохранившегося участка позволяет предполагать, что городище имело укрепления в виде уступа по краю площадки. В обнаженном обрыве с восточной стороны виден темно-серый культурный слой мощностью в основном до 30 см, который прослеживается на протяжении около 70 м. В целом этот слой слабо насыщен находками: непосредственно в его обнажении ничего найти не удалось.

В то же время в осыпи обрыва (примерно на середине его длины) было обнаружено скопление керамики, состав которой позволяет судить о культурной принадлежности памятника. Скопление это, с учетом перемещения фрагментов, является очень компактным (не более 5 м вдоль обрыва) и дало весьма однородный в культурном отношении и достаточно представительный материал. Вероятно, оно являлось заполнением какого-то углубленного сооружения: как раз над этим местом культурный слой достигает наибольшей мощности (до 50 см) и наиболее интенсивной темной окраски.

Вся керамика лепная, делится на грубую и лощеную (в последнюю группу включена как собственно лощеная, так и с хорошо выглаженной поверхностью). Всего найдено 93 фрагмента (в т. ч. 18 лощеных) от разных частей не менее 12 сосудов (в т. ч. не менее 4 лощеных). Некоторые формы частично реконструируются (рис.3-6).

Грубая керамика (рис.3-5) представлена горшками и корчагами, которые имеют диаметр венчика от 22 (рис.4:1) до 38 см (рис.5:2), толщину стенок 7-11 мм. Лишь один фрагмент принадлежит тонкостенному и, вероятно, небольшому сосуду (рис.4:7). Большинство грубых сосудов имеет уступ (часто подчеркнутый бороздкой) при переходе от плеча к венчику. Иногда уступ сглажен, изредка вовсе отсутствует (рис.4:1,7). Сужение к днищу резкое: диаметры придонных частей 12-13 см (рис.3; 4:8). У многих горшков край орнаментирован вдавлениями-насечками, нанесенными разными предметами: "ножом" (рис.4:4), угловатым острием (рис.3), тупым лезвием прямоугольного сечения (рис.4:3). Корчага (рис.5:2) имеет по краю отпечатки, не повторяющие по форме друг друга; вероятно, это следы выгоревших органических включений, специально вдавленных в край. Цвет черепков разный - желто-серый, коричневый, красноватый. Большинство их имеет примесь дресвы с наибольшим размером включений 4-6 мм. Исключения составляют тонкостенный сосуд (дресва до 2 мм) и корчага (дресва до 8 мм + шамот до 8 мм).

Лощеная керамика более стандартна: диаметры венчиков 16-20 см, днища - 10-11 см (рис.6). Фрагменты принадлежат, скорее всего, высоким мискам. Как и груболепные, лощеные сосуды имеют выпуклые плечи и уступ либо четкую профилировку при переходе к венчику, сильное сужение к днищу. Орнаментация отсутствует. Цвет поверхности в основном серый и темно-серый, иногда черный (рис.6:1). Во всех фрагментах отмечена примесь дресвы, размеры отдельных включений до 1-2 мм, изредка до 3 мм (рис.6:7).

Таким образом, наиболее характерны для представленного набора сосуды сильнопрофилированные с уступом и "раструбообразным" венчиком, причем это относится как к грубым, так и к лощеным. Такая керамика наиболее характерна для мощинской культуры, причем на некоторых памятниках она составляет

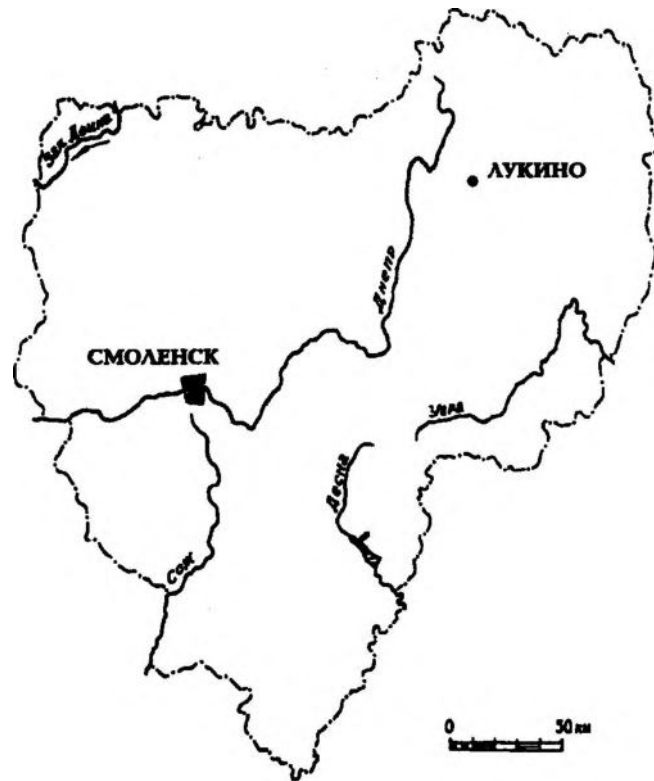

Рис. 1. Городище Лукино. Расположение памятника

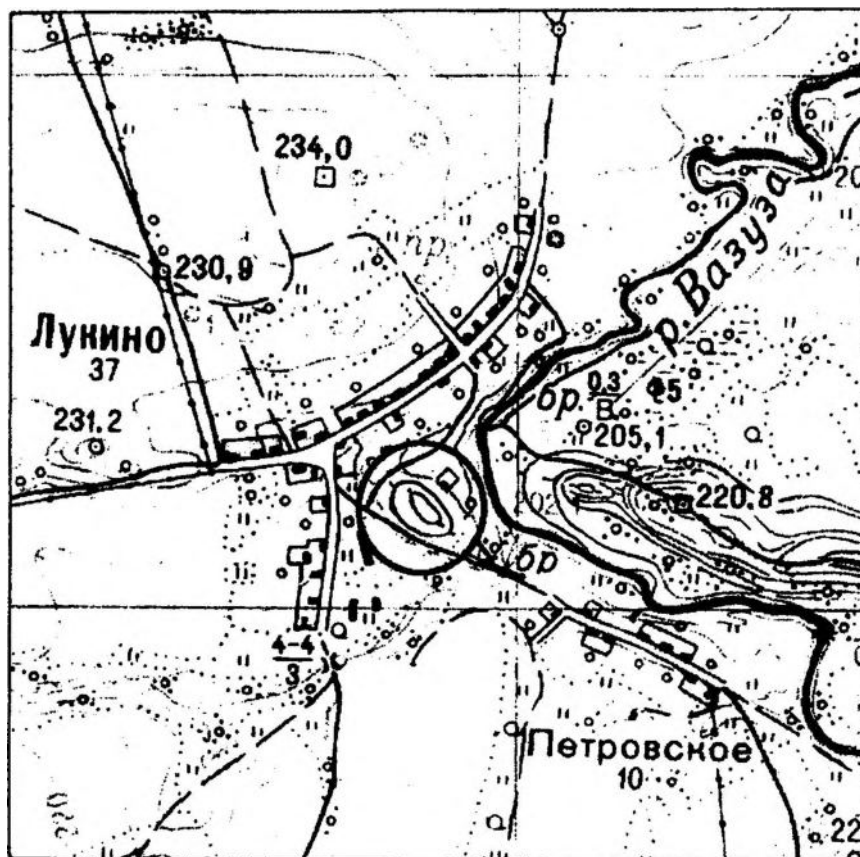

Рис. 2. Городище Лукино. План памятника

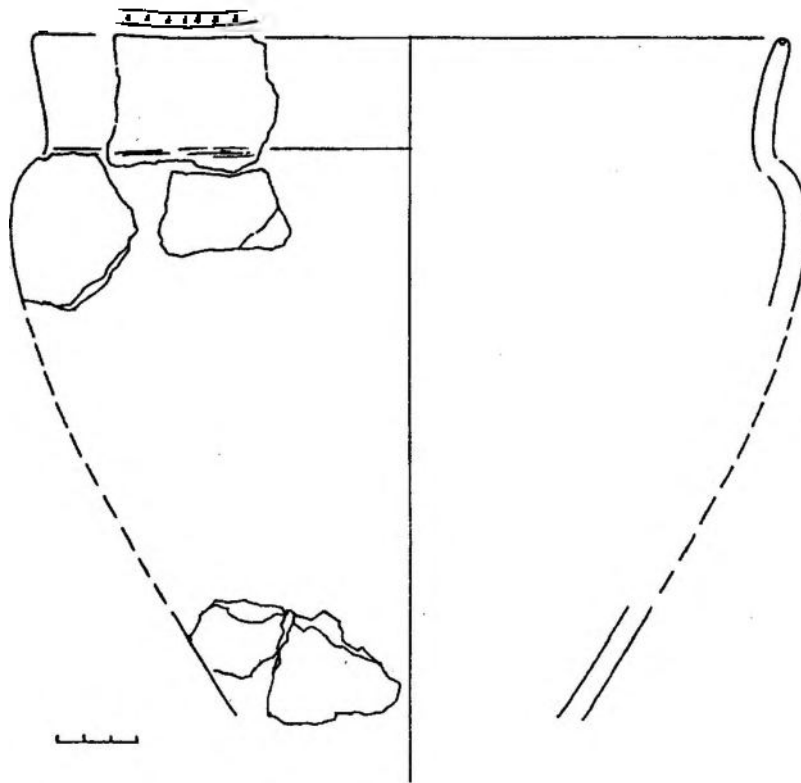

Рис. 3. Грубая керамика городища Лукино

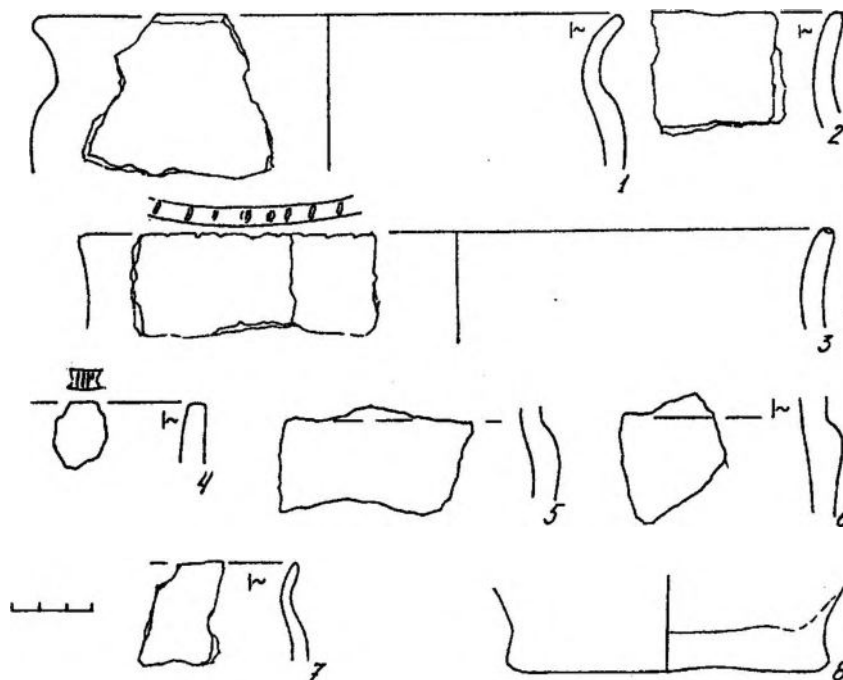

Рис. 4. Грубая керамика городища Лукино

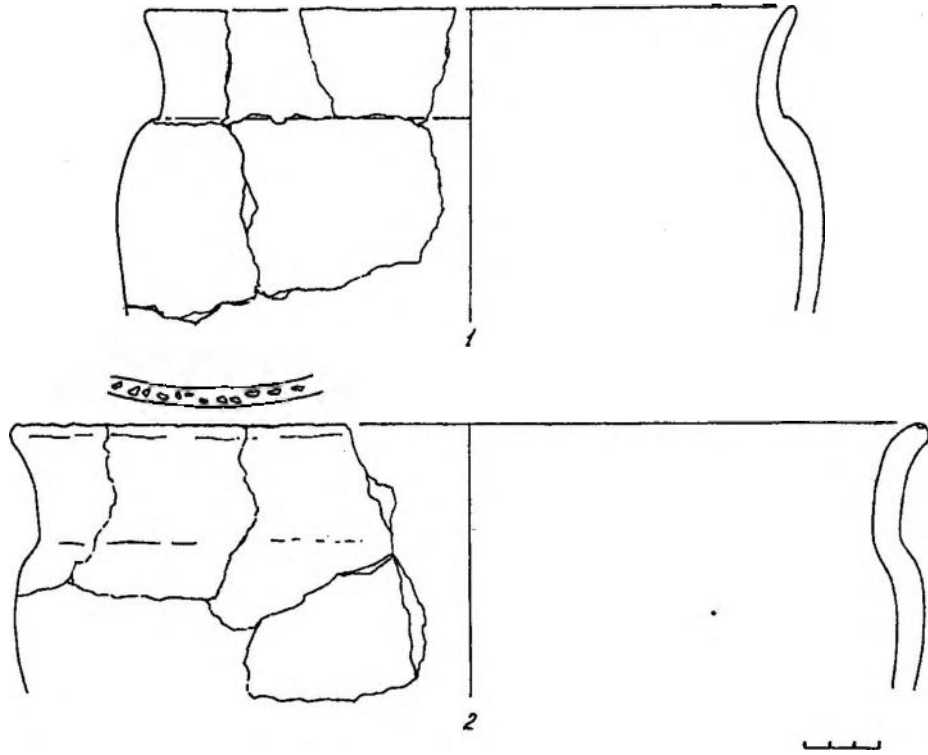

Рис. 5. Грубая керамика городища Лукино

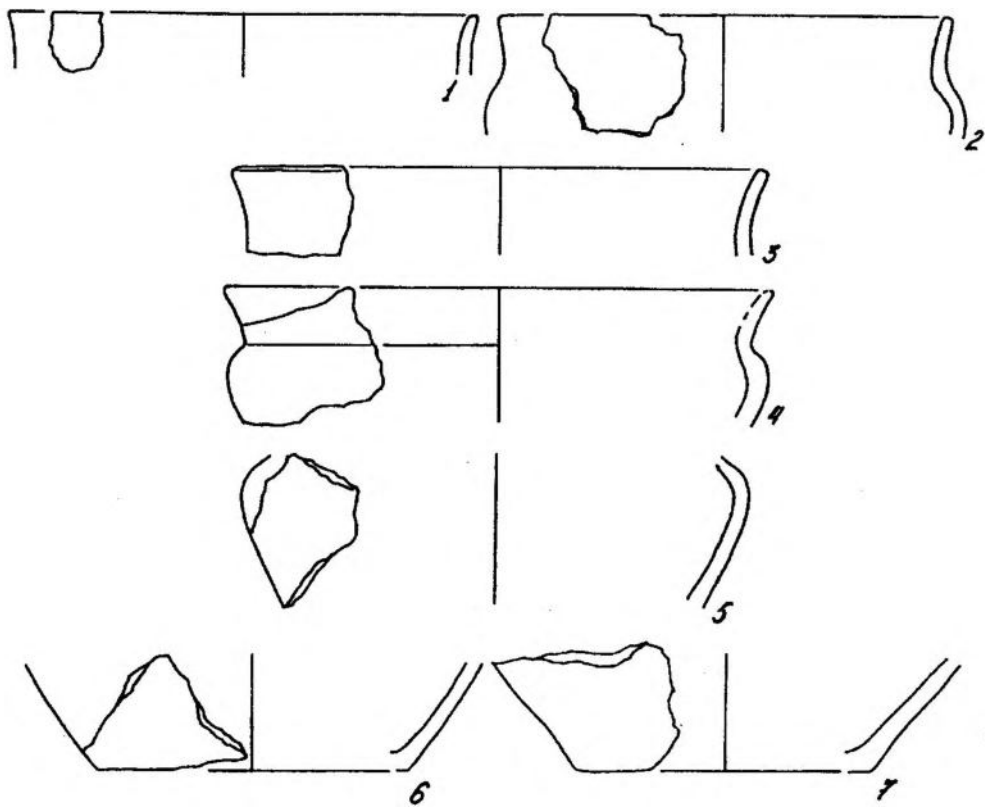

Рис. 6. Лощеная керамика городища Лукино

от 50 до 100 % набора [1, с.99, рис.1,2]. Встречается подобная посуда и на памятниках позднедьяковской культуры [2, с.62,63, рис.2], однако составляет меньшую долю набора.

Присутствие мощинской культуры в верховьях Днепра и на прилегающих территориях отмечалось уже давно [3, с.34,84], однако публикации материалов пока отсутствуют. В последнее время И.В.Исланова обращает внимание на мощинские элементы и севернее (Тверская область), причем высказывается предположение об участии мощинских племен в генезисе культуры длинных курганов [4, с.80-82, рис.3].

В свете изложенного бассейн Вазузы можно считать одним из путей проникновения мощинской культуры в Верхневолжье. Представляется, что для территории Тверского Поволжья возникает непростая проблема различия мощинской и позднедьяковской культур, изученных в этом регионе еще недостаточно для ее решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Массалитина Г.А.* К вопросу о керамических традициях окских племен // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1996.
2. *Крейке Н.А., Лопатин Н.В.* Петрографическое изучение керамики городиш Дьяково и Тушемля // РА. 1997. №1.
3. *Шмидт Е.А.* Археологические памятники Смоленской области. Смоленск, 1976.
4. *Исланова И.В.* Древности V-VIII вв. бассейна Верхней Мсты // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т.III. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М. В печати.

*Институт археологии,
Москва*

N.V. Lopatin, O.A. Lopatina

MOSCHINO CULTURE MONUMENT IN THE UPPER PART OF THE VAZUZA

Summary

Remnants of a site never before mentioned in research materials, were discovered near Lukino village (the Novodugino District, the Smolensk Region) on the left bank of the Vazuza, in its upper part.

The monument occupied the oval residual ground later destroyed by gravel extraction, and only the edge of it, of about 10 m wide, survived.

A lot of pottery was found in the edge of the bank, which made it possible to define the monument as belonging to an ancient culture. All the pottery found is hand-made and can be classified as crude and burnished. 93 fragments of no less than 12 vessels were found. The majority of those are sharply-profiled vessels with shoulders and funnel-shaped rims. These traits are characteristic for both crude and burnished vessels, which can be attributed to the Moschino culture of the Upper Oka.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Uljanov St., Moscow,
117036, Russia*

А.Д.Максимов

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС III-VII ВВ. Н. Э.
СЕЛИЩА СУХОДОЛ II
(Ржевский район Тверской области)**

Селище Суходол II открыто и обследовано в 1976 г. В.М. Воробьевым совместно с автором настоящей статьи [1]. Находится в 45 км выше г. Ржева (центр района Тверской области), в 1 км к Ю от д. Шолохово и в 1,3 км к ЮЗ от бывшей д. Суходол. Расположено на мысу I надпойменной террасы левого берега р. Волги, на высоте 5-6 м над уровнем воды. Имеет размеры 40 x 10-12 м и вытянуто вдоль берега реки (рис.1). Раскопками 1985-86 гг. изучено 132 кв.м культурного слоя. Он представляет собой серую супесь мощностью от 15 до 36 см. Во время работ было выявлено 3 разновременных комплекса: остатки курганного захоронения молодой женщины 1-ой пол. XI в. н. э.; жилище и несколько хозяйственных сооружений III-VII вв. н. э.; кремневые орудия труда и отходы производства, фрагменты лепной керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом, датирующиеся ориентировочно III тыс. до н. э. [2]. В настоящей статье будут проанализированы материалы, относящиеся только к финальному этапу раннего железного века (III-VII вв. н. э.).

Жилая постройка, хозяйственные и бытовые сооружения

На СЗ краю площадки селища у берегового склона р. Волги были выявлены остатки наземного жилища столбовой конструкции, ориентированного по длинной оси с СЗ на ЮВ (выходом к реке). На этом месте удалось проследить 2 строительных горизонта, связанных с частичной перестройкой и обновлением этой постройки. Остатки I (раннего) строительного горизонта фиксируются на глубине от 0,25 до 0,4 м от современной дневной поверхности, а II, более позднего, содержатся в слое толщиной 0,1 м (0,15-0,25 м от дневной поверхности). Очертания жилища хорошо видны в плане, т. к. внутри оно было заполнено золисто-углистой супесью более темной окраски, чем культурный слой за пределами всей конструкции. Специально в материк она не углублена, но с С и СВ ее края были незначительно врезаны в неровную древнюю поверхность, или, точнее, древняя неровная поверхность материка была частично сnivelирована. Несмотря на то, что жилище изучено только на 70% (за пределами раскопа остались С и З углы дома), размеры его и конструктивные особенности выявлены и определены достаточно точно. Первоначально оно представляло собой наземное сооружение, состоящее из двух частей. Основную площадь занимало жилое помещение размерами 4,3 x 4,7 м. К нему вплотную примыкал крытый вход удлиненной в плане формы размерами 1,5 x 3,2 м. Вся конструкция, почти точно соответствовавшая границам углисто-золистого пятна, была оконтурена ямами от столбов, которые находились по углам постройки (рис.2:1). О том, что однажды жилище обновлялось и перестраивалось, свидетельствует не только увеличившееся в размерах на уровне верхнего пласта углисто-золистое пятно (это могли быть и остатки кровли), но и новые столбовые ямы вдоль границ пятна, фиксирующие только на уровне II (позднего) строительного горизонта. Размеры нового жилого помещения были немного больше - 4,7 x 5,2 м, вход с небольшим тамбуром сохранил свои прежние параметры, но к нему была сделана пристройка квадратной в плане формы размерами 2 x 2 м. По всей видимости, пристройка имела хозяйственное назначение (рис.2:2). В жилой части дома находился очаг из камней, сложенный в центре помещения. Близ развала печи-каменки зафиксировано несколько ям от столбов, служивших, вероятно, опорами для нар или лавок. За пределами жилища, в некотором удалении от него, на краю берега была выявлена яма овальной формы, размерами 2,45 x 1,5 м, с коническим дном, заполненная серым и черным углистым слоем с обожженными камнями. Максимальная ее глубина от поверхности материка 0,37 м. В заполнении найдены фрагменты лепной гладкостенной керамики, в т. ч. с орнаментом, и обломок пережженной кальцинированной косточки, относящиеся к периоду раннего железного века. Сверху яма

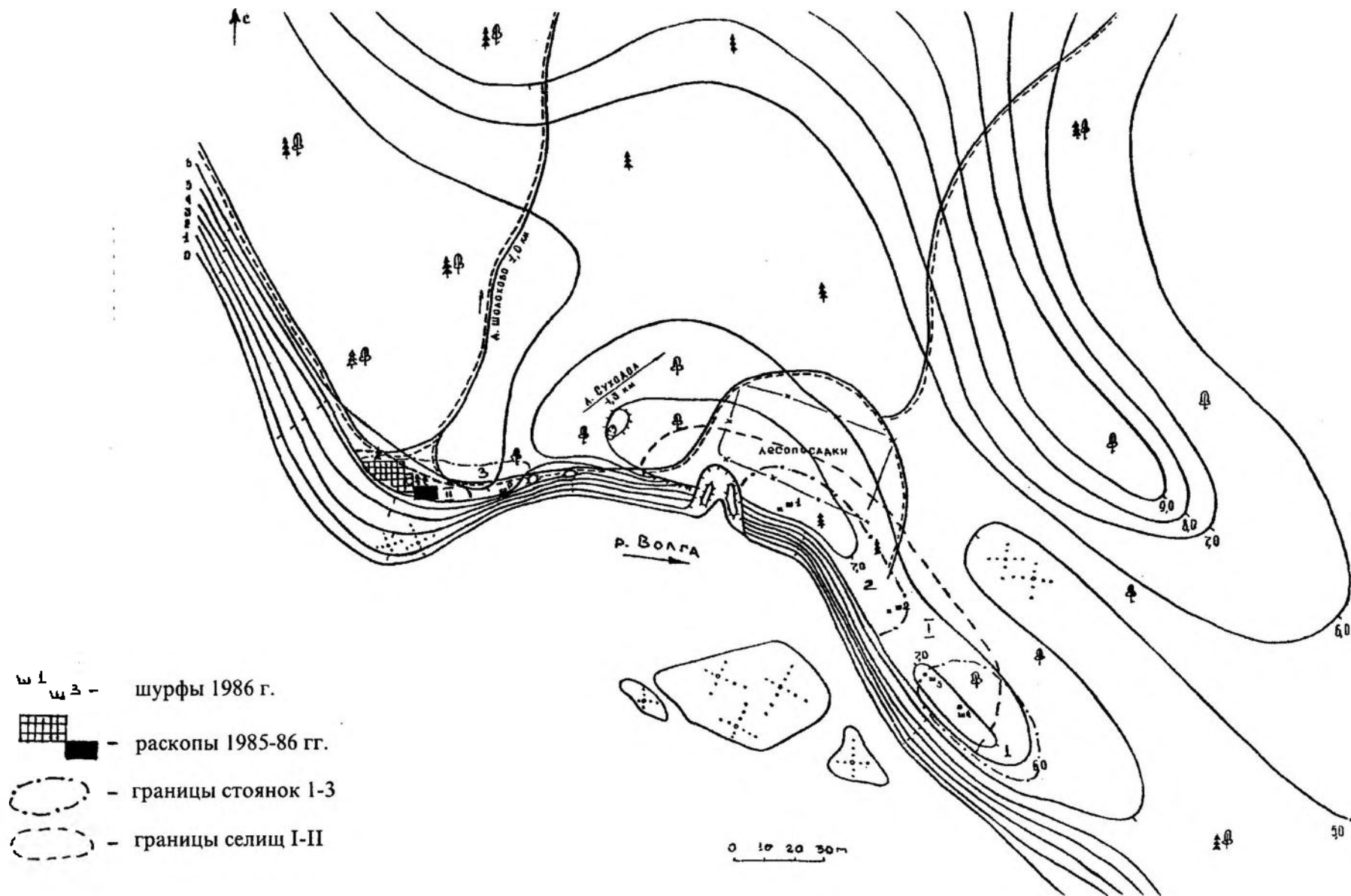

Рис. 1. Селище Суходол II и др. памятники. Ситуационный план. Глазомерная съемка (1986 г.)

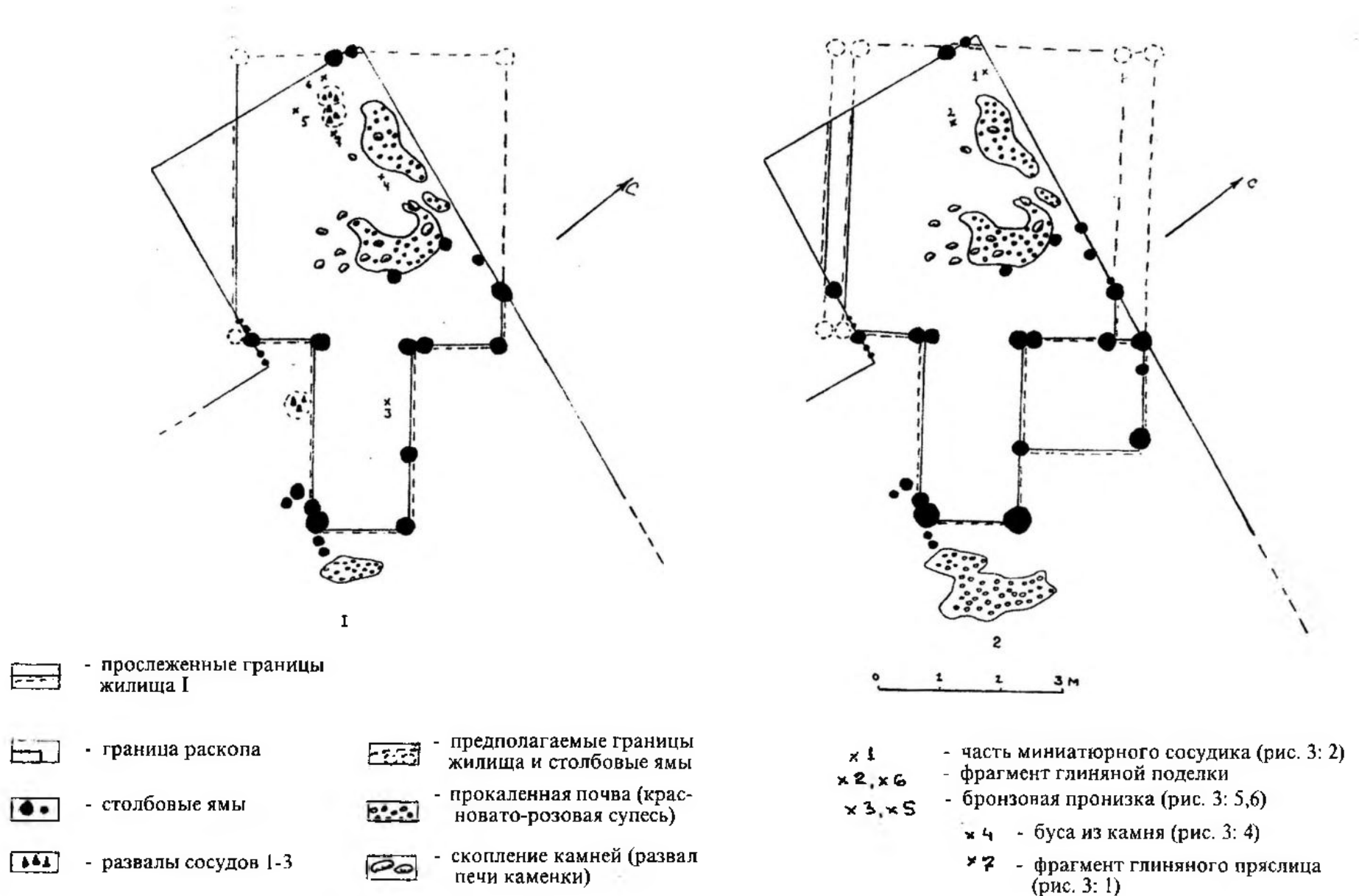

Рис. 2. Селище Суходол II. План жилища I:
 1 - на уровне I строительного горизонта; 2 - на уровне II строительного горизонта

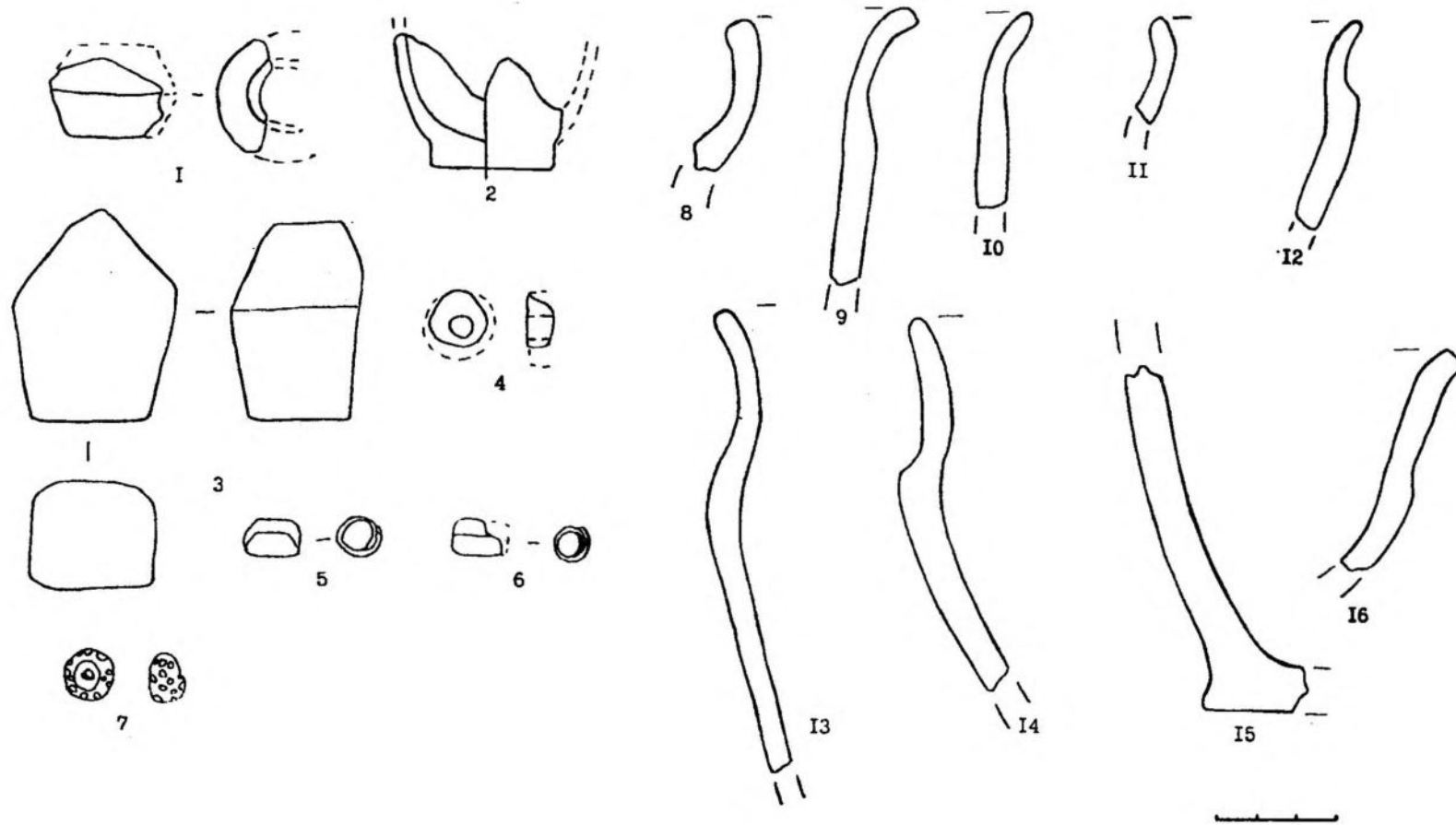

Рис. 3. Селище Суходол II. Находки:

1 - обломок пряслица; 2 - часть миниатюрного сосудика; 3 - плитка из известняка; 4 - бусина; 5, 6 - пронизки; 7 - бусина синего цвета с белыми глазками; 8, 9, 13, 14 - фрагменты венчиков лепных сосудов с шероховатой поверхностью; 10, 11, 15 - фрагменты венчиков и придонной части (15) лепных сосудов с гладкостенной поверхностью; 12, 16 - фрагменты лепных мисок с лощеной и мореной поверхностью.

1, 2, 8-16 - глина; 3, 4 - камень; 5-6 - бронза; 7 - глухое стекло

была перекрыта остатками насыпи и ровиком кургана XI в. Очаг в яме имел явно какое-то специальное назначение. Принимая во внимание то, что на всей вскрытой раскопками площади поселения не обнаружено следов бронзолитейного производства, а железоделательное представлено всего лишь несколькими небольшими кусочками шлака, этот очаг, скорее всего, использовался для обжига посуды.

Особого внимания заслуживают несколько столбовых ям, обнаруженных на материке и тянувшихся цепочкой от СВ угла дома в направлении с СЗ на ЮВ. Этот ряд столбов ограничивал северный край селища, т. к. культурный слой за ним практически не фиксируется, а к СВ углу раскопа 1986 г. вообще исчезает (рис. 1). Столбы служили основой для изгороди типа плетня. В пределах исследованной части памятника эта ограда на край берега не выходит. В то же время ближе к В стенке раскопа в профилях фиксируется утолщение и потемнение культурного слоя. Здесь же обнаружено и несколько столбовых ям. Не исключено, что за пределами раскопанной площади находится еще один дом, с которым первое жилище было соединено изгородью. Об этом косвенно свидетельствуют и некоторые находки. Именно близ восточного края раскопа в подъемном материале была найдена буса глухого синего стекла с белыми глазками, относящаяся к раннему железному веку (рис. 3:7).

Вещевой комплекс (рис. 2, 3)

Почти все индивидуальные находки обнаружены в пределах жилища и имеют отношение к женскому костюму и домашним занятиям. Это и буса из мягкого камня (рис. 3:4), и бронзовые пронизки, входившие в состав ожерелья (рис. 3: 5,6), и обломок глиняного биконического пряслица (рис. 3:1), а также куски обожженной и сырой глины. Кроме перечисленных предметов в жилище найдены 3 неполных развала лепных сосудов и часть миниатюрной чашечки (рис. 3:2). Основной вещевой комплекс селища Суходол II представлен фрагментами лепной керамики. До 80% ее обломков найдено также в жилище. Вся коллекция лепной керамики включает 1294 фрагмента, разделяющихся по характеру обработки поверхности на 2 основных типа, которые охватывают 94% всей посуды. К первому типу относится лепная гладкостенная керамика с замытой поверхностью. По составу примесей ее можно разделить на 3 группы: гладкостенная с примесью редкой дресвы, гладкостенная с примесью редкой дресвы и песка, гладкостенная с интенсивной примесью дресвы. Второй тип объединяет керамику с шероховатой из-за интенсивной примеси песка поверхностью. Сюда же отнесена и керамика с интенсивной примесью песка и мелкой дресвы. В количественном соотношении керамики I типа на 20% больше. Другими словами, на каждые 100 фрагментов сосудов этих двух типов в среднем приходится 60 обломков с гладкостенной поверхностью и 40 с шероховатой. Шесть процентов лепной керамики по характеру обработки поверхности представляют еще 2 типа посуды. Тип 3 - лощеная, подлощенная и мореная керамика с примесью песка. Тип 4 - керамика с затертой поверхностью и примесью песка. Орнаментацию имеет только керамика типов 1 и 2. В целом она составляет чуть более 1% от общего количества всех обломков. Орнаментированы лишь срезы венчиков и верхние части сосудов, на венчиках представлены различные вдавления и нарезки. Орнамент на плечиках сосудов более разнообразный и включает еще оттиски зубчатого штампа, образующие в некоторых случаях геометрические узоры, пояса мелких парных ямок, небольшие овальные ямки и ногтевые вдавления. Особо следует отметить два фрагмента с наклепным орнаментом. В одном случае это наклеп небольшого конуса диаметром 1,2 см и высотой 0,5 см, в другом - наклеп в виде валика. Для всех типов сосудов по способу обработки поверхности характерны одни и те же формы керамических изделий. Они включают горшки и миски разных размеров. Горшки имеют высокие венчики с длинной шейкой, часто заканчивающиеся ребром при переходе в тулово (по плечу сосуда). Максимальная ширина приходится или на срез венчика, или на верхнюю треть, или на среднюю часть сосуда (рис. 3:8-11, 13-15). У мисок также прослеживается ребро, но оно, как правило, сглажено (рис. 3:12,16).

Аналогии и датировка

Жилище и керамический комплекс находят ближайшие аналоги на селище Рогово II, находящемся всего в нескольких километрах ниже по р. Волге от селища Суходол II на том же левом ее берегу. Оно было раскопано Е.М. Черных в 1987 г. на площади 54 кв. м [3]. Во время этих работ были выявлены остатки сооружения подпрямоугольно-овальной в плане формы, размерами 7 x 8 м, сужающегося до 4 м к одному из краев и заполненного жирной темно-серой и черной гумусированной супесью с включениями углей и прокаленной почвы. В центре постройки находился очаг из камней, а внутри и около нее прослежены отдельные столбовые ямы. Скорее всего, это плохо сохранившиеся остатки наземного столбового жилища, очень близкого по конструкции жилищу с селища Суходол II, что подтверждает и набор лепной посуды из этого сооружения, а также его дата. Здесь было найдено 200 фрагментов лепной керамики с гладкостенной, шероховатой и штрихованной поверхностью без орнамента. Посуда представлена горшковидными сосудами с ребром в верхней трети тулова; шейки длинные и слегка отогнутые, стенки ниже ребра почти прямые и слабовыпуклые. Обнаруженный комплекс автор исследований датирует 3-ей четв. I тыс. н. э. и отмечает, что форма сосудов аналогична лощеным ребристым горшкам периода раннего железного века Московской области [3]. Действительно, среди памятников Тверской области других раскопанных поселений, подобных селищам Суходол II и Рогово II, пока нет. Поселения с точно таким же набором признаков мы находим только в мощинской археологической культуре, занимавшей территорию от верхней Оки до верховьев Днепра. Для этих памятников характерны деление столбовых построек на жилые и не жилые части, преобладание среди наборов лепной посуды отмеченных выше форм и сосудов с шероховатой из-за интенсивной

примеси песка поверхностью. Очаги из камней в жилищах всегда находятся в центре (городища Мощинское, Дешевское и др.). Датируется балтоязычная мощинская археологическая культура V-VII вв. н. э. [4, с.41-45,79]. Фрагменты лепной керамики с налпами в виде конусов и валиков находят аналоги в памятниках, относящихся к раннеславянской черняховской археологической культуре. Последняя существовала в III-V вв. н. э. и имела максимальное распространение в С и СВ направлении вплоть до среднего течения р. Десны и верховьев Сейма [5, с.126, рис.23, с.142,238].

Из других датирующих находок селища Суходол II можно назвать две бронзовые пронизки, входившие, по всей видимости, в состав ожерелий (рис.3:5,6). Такой же тип этих украшений встречен, например, в точно определенном по времени комплексе вещей с городища Орлов Городок, который относится к III-VII вв. н. э.[6]. Селище Суходол II следует также датировать этим периодом. Оно принадлежало к кругу балтоязычных культур и входило, скорее всего, в ареал распространения мощинской археологической культуры с незначительным добавлением раннеславянских элементов. Тем самым, северная граница расселения мощинцев может быть сдвинута с верховьев Днепра до р. Волги.

На многих памятниках, расположенных на р. Волге и ее притоках от г. Ржева до г. Кимры и существовавших до первых веков I тыс. н. э., разными исследователями давно и неоднократно отмечался заметный балтский элемент в материальной культуре населения, оставившего их. К ним относятся городища: Ермолотовское [7, с.150-156], Лесничино [8, с.48-55], Пентурово [9], Графская Гора [10, с.77-81] и многие другие. Говорить же о проникновении сюда отдельных групп населения с верховьев рек Оки, Десны и Сейма - с территории, занятой в I тыс. до н. э. и в нач. I тыс. н. э. верхнеокской и юхновской археологическими культурами, можно пока только предположительно. Другое дело - эпоха "великого переселения народов". Как показывают результаты раскопок селища Суходол II, в III-VII вв. н. э. на Верхнюю Волгу из более южных районов переселяются целые семьи и коллективы людей. Они занимают свободные земли и устраивают новые поселения. Одной из главных причин продвижения балтов на север, как отмечалось ранее в предварительном сообщении, явилось, вероятней всего, вторжение готов из Западной Европы в бассейн Днепра [11, с.158-159]. Каким был характер взаимоотношений пришлого населения с автохтонным и насколько значительным оказалось влияние переселенцев на местную культуру еще предстоит выяснить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воробьев В.М.* Отчет о разведках в Калининском, Ржевском, Оленинском, Селижаровском и Пенновском районах Калининской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №5819.
2. *Максимов А.Д.* Отчет о раскопках у д. Суходол Ржевского района Калининской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10670.
Максимов А.Д. Отчет о раскопках селища Суходол 2 и стоянки Суходол 12 в Ржевском районе Калининской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11473.
3. *Черных Е.М.* Отчет об археологических исследованиях в Ржевском районе Калининской области летом 1987 года. Т. II (селища Рогово II, III) // Архив ИА РАН. Р-1. № 12346.
4. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI-XIII вв. Археология СССР. М., 1982.
5. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. - первой половине I тысячелетия н. э. Археология СССР. М., 1993.
6. *Максимов А.Д.* Отчет о раскопках городища Орлов Городок в Молоковском районе Калининской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10012.
7. *Бычинский С.А.* Ермолотовское городище // Ржевский край. Сборник Ржевского общества краеведения. №1. Ржев, 1926.
8. *Смирнов К.А.* Жилище на городище у д.Лесничино на р.Вазузе // РА. 1992. №1.
9. *Крайнов Д.А., Бухтеева М.А.* Пентуровское городище: Отчет Верхневолжской археологической экспедиции за 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3567.
10. *Смирнов К.А.* Городище Графская Гора // КСИА. Вып.148. 1971.
11. *Максимова А.Д.* Первое поселение балтов на Верхней Волге // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. Суздаль, 1987. М., 1987.

*Комитет по охране историко-культурного наследия
администрации Тверской области,
Тверь*

A.D. Maksimov

**ARCHAEOLOGICAL COMPLEX OF THE III - VII CENTURIES A.D. IN SUKHODOL II SETTLEMENT
(THE RZHEV DISTRICT OF THE TVER REGION)**

Summary

A complex of finds and constructions dated by III - VII centuries A.D. and recovered during excavations in Sukhodol II settlement (the Rzhev district of the Tver Region) undertaken in 1985-86 is analysed in the article. The pillar construction ground lodgings, as well as the way the clay hand-made vessels were processed and formed, all find similarities in the materials of the Moschino archaeological culture. Taking into account numerous data on constant penetration of the Baltic elements from the Upper Oka, the Upper Desna and the Upper Seim into the material culture of the population inhabiting the Volga basin from the second quarter of the I millenium A.D., the author comes to the conclusion that large groups of the Baltic people had moved to the region driven out by the Gothic invasion into the Dnieper basin. In the author's opinion the Volga river should be considered the northern border of the Moschino culture, but not the Dnieper, as it was suggested before.

*The Committee for Protection of the
Historical and Cultural Heritage,
the Tver Region Administration
10, Novotorzhskaya St., Tver,
170000, Russia*

И.В. Исланова, И.Н. Черных

ПОСЕЛЕНИЕ ГЛЫБИ 2 (ранний железный век и раннее средневековье)

Слабая изученность поселений является наиболее уязвимым звеном в этнокультурных построениях, касающихся эпох раннего железа и раннего средневековья Северо-Запада Восточной Европы. Стационарные раскопки проведены пока на единичных памятниках. В этой связи заслуживают внимания материалы верхних слоев многослойного поселения Глыби 2.

Памятник был открыт в 1983 г. А.П. Ланцевым [1, с.36-37], в 1988 г. раскапывался И.Н. Черных [2]. Находится в 2,6 км к СВ от д. Глыби (Глыбы) Фировского р-на Тверской обл., в 0,5 км к С от курганной группы Поддубье 1, относящейся к культуре псковских длинных курганов, на ЮВ оконечности проточного оз. Глыби, в месте истока р. Шлины, на ее правом берегу. Поселения (стоянки и селища) занимали край мыса, образованного древним, ныне заболоченным, заливом реки или озера. В настоящее время - это пойма и первая терраса реки, высота над водой 0,2 - 4,0 м. Стоянки неолита и бронзы (общими размерами 20-30 x 100 м) больше тяготели, видимо, к заливу, а селища (15-30 x 160 м) - к реке. Территория памятника задернована, занята лугом и, частично, сосновым лесом и кустарником. Пойменная часть подболочена, терраса размывается рекой (рис. 1).

На памятнике было заложено два рекогносцировочных раскопа: раскоп 1, площадью 48 кв. м - на пойме, раскоп 2 - 16 кв. м - на террасе. На нижнем раскопе 1 прослежены следующие напластования (рис. 2). Под дерном мощностью 0,04-0,15 м залежали в разных частях раскопа черный, частично заболоченный (0,05-0,16 м) и/или коричневый (0,09-0,28 м) песок; ниже - черный влажный осуглиненный песок (0,06-0,19 м) с углистыми линзами и обожженными камнями, в том числе образующими скопления; ниже - желтовато-серый заиленный (0,03-0,18 м) и серо-желтый (0,15-0,18 м) песок. Общая мощность культурного слоя вне ям и западин составляла 0,24-0,44 м, последние были углублены в материк до 0,3 м. Материк представлен серовато-желтым крупнозернистым речным песком с линзами ожелезненной супеси и рыжего песка.

Судя по находкам, исследованный участок неоднократно заселялся. Он был освоен в раннем неолите (валдайская культура), здесь представлены также развитый и поздний неолит (валдайская культура) и энеолит (культура волосовского круга с органическими примесями в керамике). Основной материал относится к эпохе бронзы: разнообразная керамика различных форм с минеральными и органическими примесями, разной обработкой поверхности и орнаментацией, в том числе и "текстильная". Верхние слои частично заболоченного черного и коричневого (?) песка оставлены селищами раннего железного века (I тыс. до н. э. - нач. I тыс. н. э.) и раннего средневековья (2-ая пол. I тыс. н. э.).

Культурный слой в нижней части перемешан, заливался водой, пострадал от пожаров. В раскопе 1 обнаружены кострища, остатки очагов и построек, при сооружении которых мог использоваться неровный рельеф древней поверхности. Скопления камней связаны как с развалами очагов, так и с обработкой кремня, происходившей непосредственно на стоянках эпохи бронзы (нижняя часть черного влажного слоя) и раннего неолита (предматерик и материк).

Всего в раскопе 1 найдено свыше 8000 предметов: изделия из железа и бронзы; каменные и кремневые орудия труда и отходы производства; костяные орудия и обломки костей животных; керамика (свыше 2000 ед.), в том числе в виде скоплений; керамические изделия. Наибольшее число находок происходит из слоя черного влажного песка и связано со стоянкой эпохи бронзы, хотя здесь же присутствуют и более ранние и более поздние материалы, что говорит о перемешанности слоя. Материалы селищ раннего железного века и раннего средневековья составляют чуть более 1% от всех находок (5% от керамики).

Культурный слой на раскопе 2 представлен черным песком (мощность 0,05-0,39 м), залегающим под дерном (0,02-0,03 м) и расположенными ниже линзами коричневого и темно-коричневого песка (0,11-0,76 м), серо-коричневого песка (0,16-0,45 м). Общая мощность слоя 0,26-0,56 м, с ямами - до 0,9 м. Материк - желтый и серо-желтый песок. Слой перемешан, нарушен поздними кострищами, в нем зафиксированы костровые и хозяйственные ямы и, видимо, остатки какого-то сооружения, в котором концентрировались

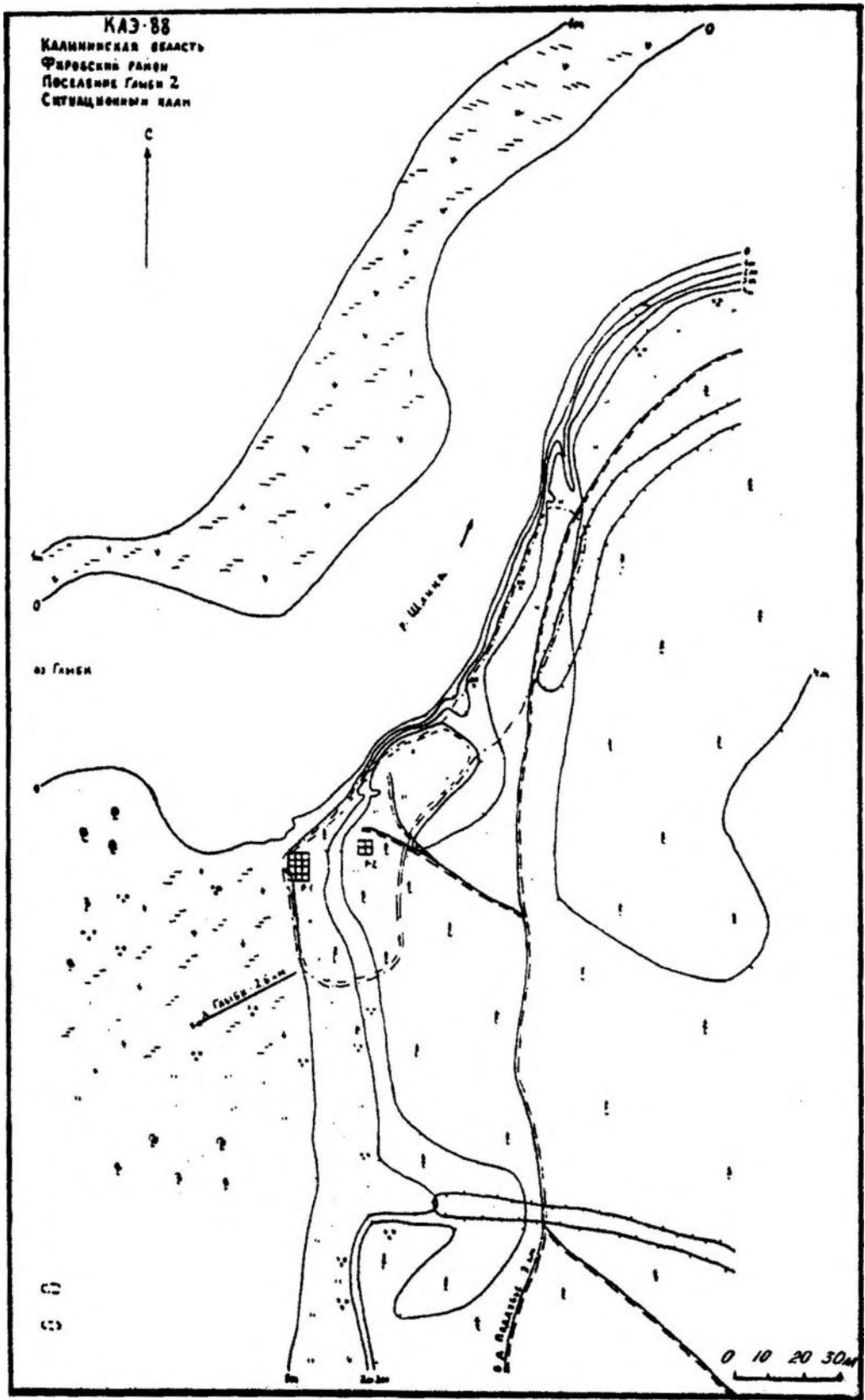

Рис. 1. Поселение Глыби 2. Ситуационный план (глазомерная съемка)

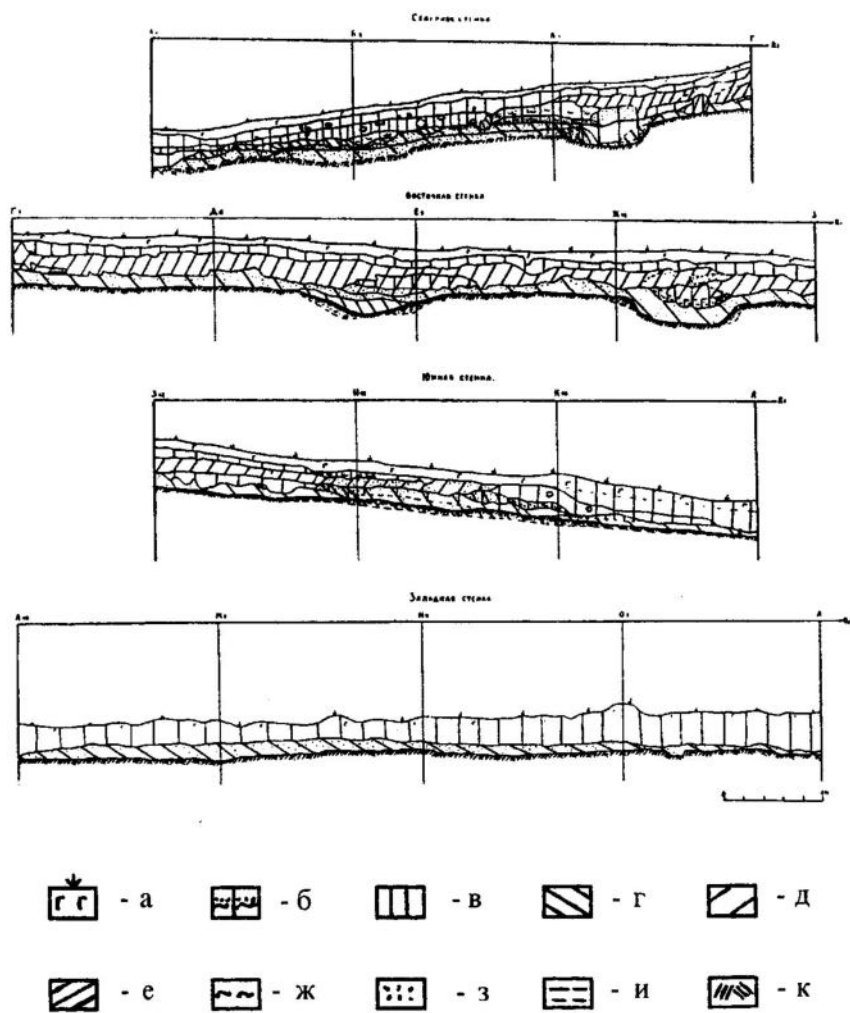

Рис. 2. Поселение Глыбы 2. Раскоп 1. Стратиграфия раскопа.
Условные обозначения:
а - дерн; б - углистый песок; в - коричневый песок; г - темно-коричневый песок; ж - серый песок (на разрезах ям); з - желтый песок; и - рыжий песок; к - материк

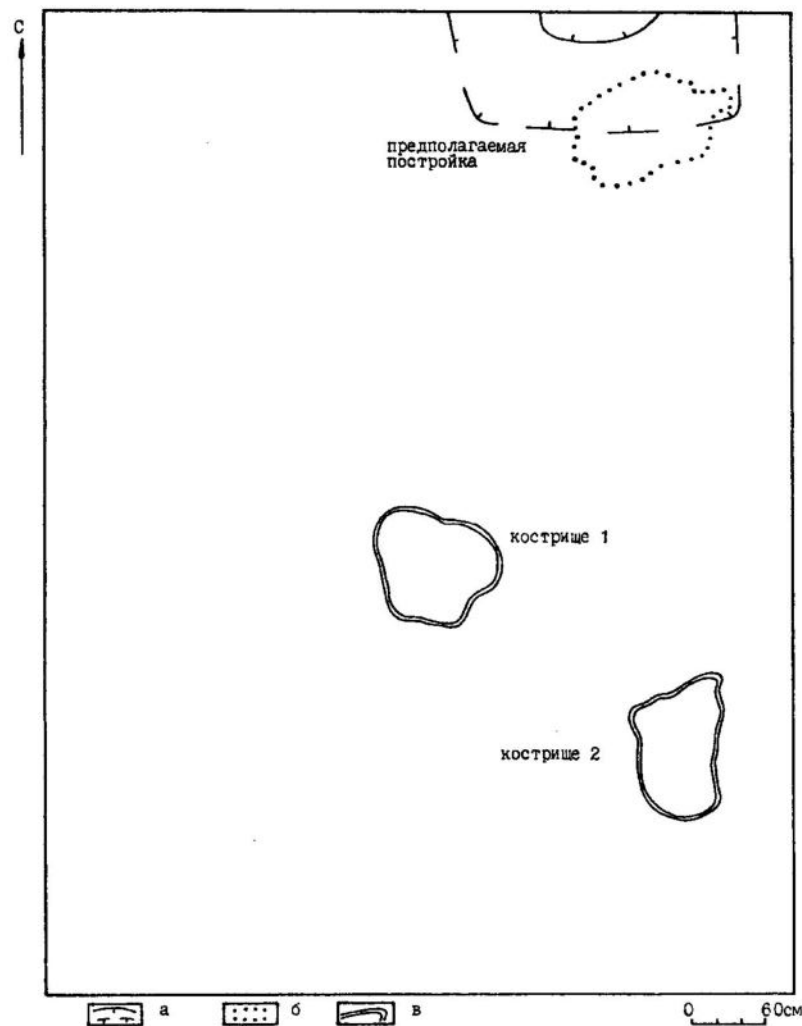

Рис. 3. Поселение Глыбы 2. Раскоп 1.
Остатки построек и кострищ:
а - контуры углублений; б - скопление камней;
в - контуры кострищ

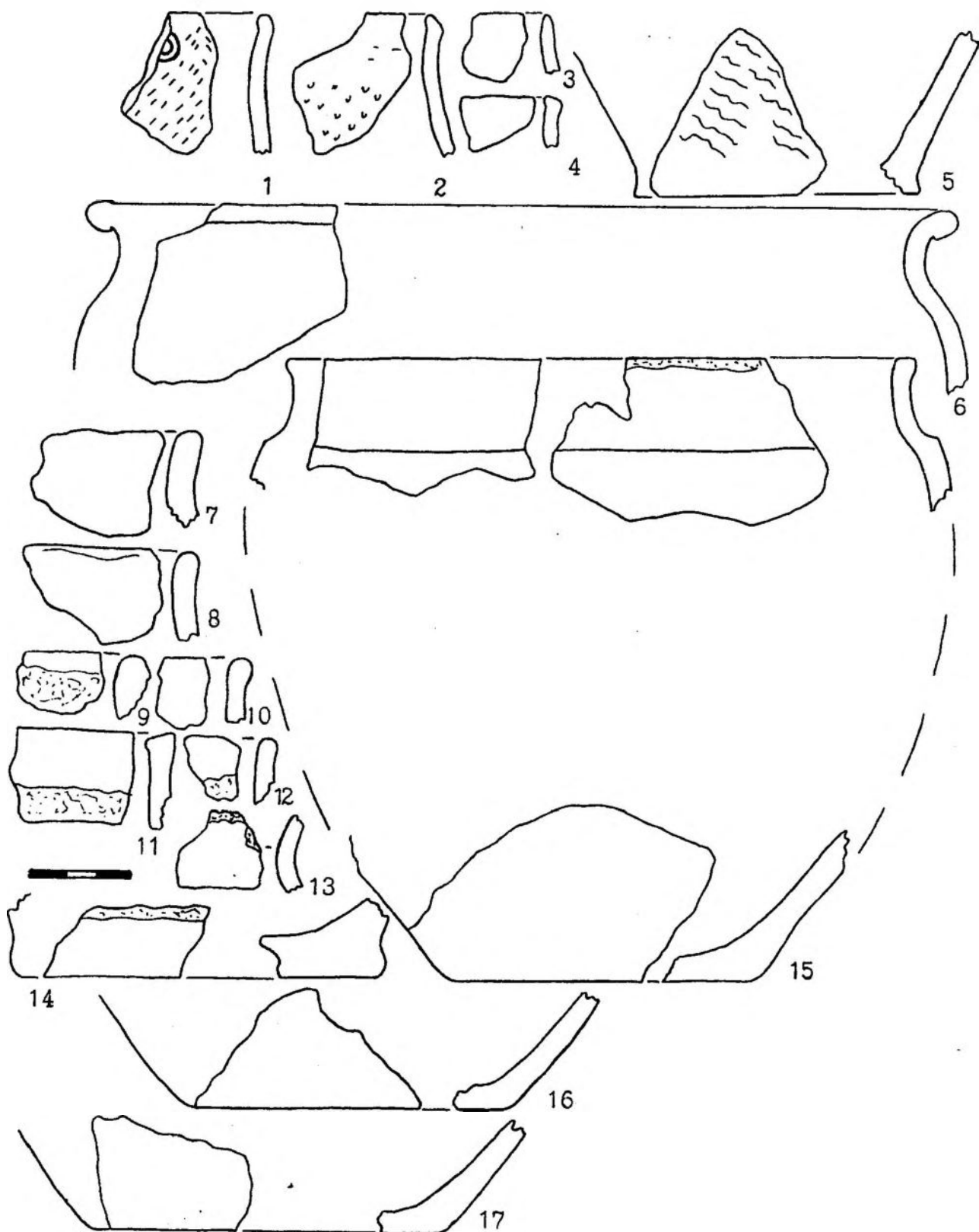

Рис. 4. Поселение Глыби 2. Раскопы 1-2.
 Керамика раннего железного века (1-5) и раннего средневековья (7-10, 12-17),
 древнерусского времени (11) и позднего средневековья (6)

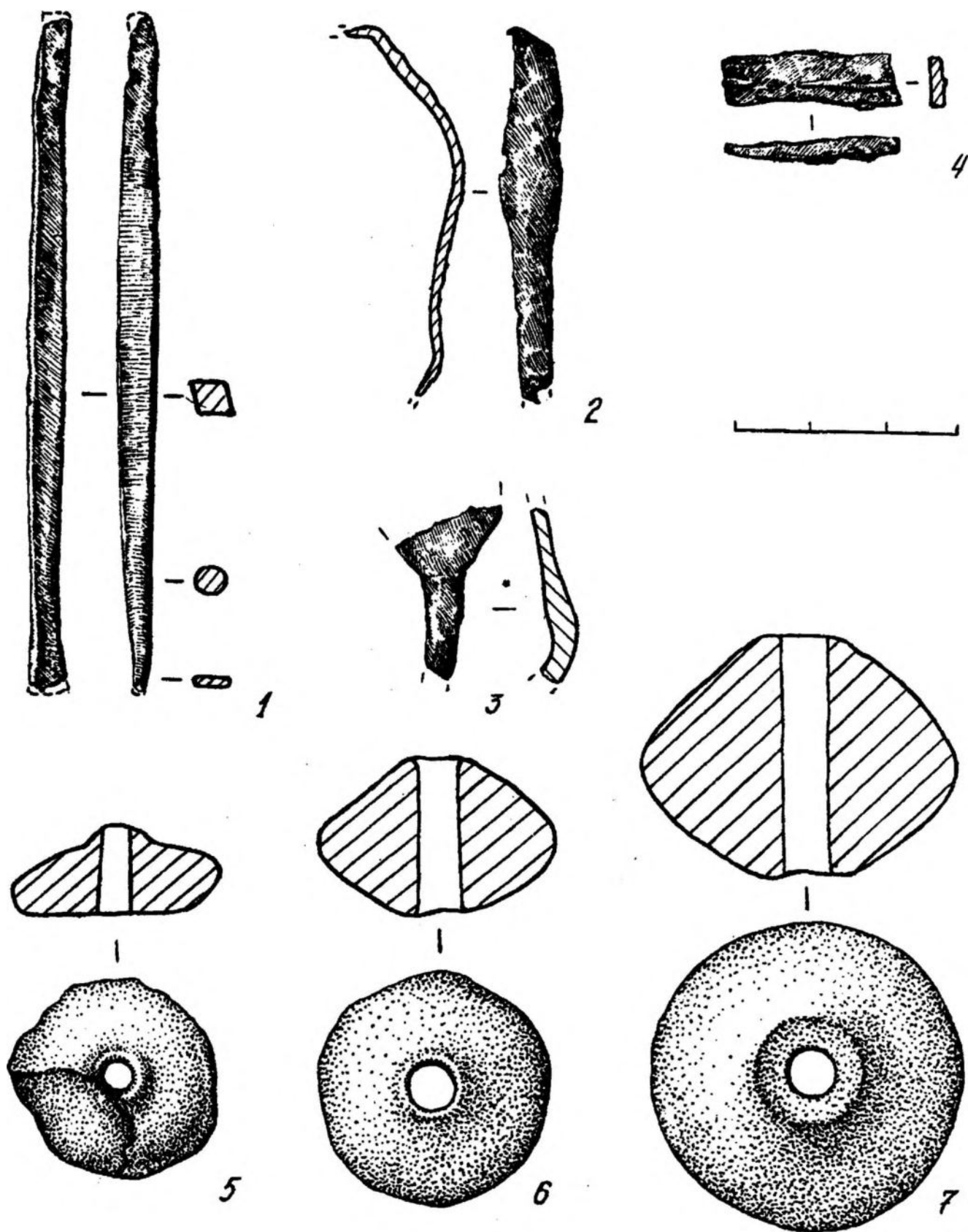

Рис. 5. Поселение Глыби 2 | Раскопы 1-2. Инвентарь:
 1 - стамеска (бронза); 2-4 - фрагменты изделий (железо);
 5-6 - грузики (грузила?, керамика); 7 - грузило (керамика)

находки кремневых изделий. В целом материалы раскопа 2 аналогичны полученным в раскопе 1, с той лишь разницей, что здесь не было находок, относящихся к раннему железному веку.

Реконструкция строительных остатков рассматриваемых в публикации периодов возможна лишь для раскопа 1 и проведена с определенной долей вероятности. Это связано со сложной стратиграфией памятника и небольшой изученной площадью. При интерпретации найденных остатков авторы опираются на материалы, полученные при исследовании близких в культурном, хронологическом и территориальном отношении поселений и, прежде всего, селища Городок I (культура псковских длинных курганов), расположенного в 6 км выше по течению р. Шлины. Проведенные в последние годы исследования на серии раннесредневековых селищ Верхнего Помостья (Троица I, Юрьевская Горка, Городок I, Бережок - раскопки И.В.Ислановой) позволяют дать суммарную характеристику культурных напластований таких памятников.

1. Культурный слой, преимущественно сильно гумусированный, имеет небольшую мощность: в среднем от 0,1 до 0,4 м.
2. В сильно гумусированном углистом слое отсутствуют скопления большого количества камней, что свидетельствует о жилом или производственном характере участка (в последнем случае - многочисленны также находки шлаков и обломков тиглей).
3. Постройки были наземными, в основном срубными подпрямоугольными небольших размеров: 3 x 4; 4 x 5 м. Столбовые ямы редки.
4. Отопительные сооружения представлены печами-каменками или очагами, в том числе и ямными, от которых сохраняются развалы или скопления обожженных камней, а иногда и куски обожженной глины. В основании очага или печи, сооруженных на материке, сохраняется слой прокала или прокаленный под печи.
5. В площадь построек входят подпольные хозяйственные ямы, выкопанные в материковом грунте.
6. Культурный слой слабо насыщен находками керамики и вещей.

Большинство этих признаков характерно для верхних напластований, вскрытых на раскопе 1 поселения Глыбы 2. Судя по всему, в СВ квадратах раскопа была исследована Ю часть наземной, видимо, жилой, постройки (рис.3). Строение было ориентировано примерно Ю-С, возможно, с небольшим отклонением к З. Ширина с З на В не менее 2,5 м. В центральной части в слое черного влажного и коричневого песка находилось небольшое углубление (на 0,12-0,15 м), заполненное черным песком с линзами углей. Края понижения фиксируются в С стенке раскопа по пятнам желто-коричнево-черного песка (рис.2) - следам столбов или бревен (?).

В Ю части постройки на площади 0,8 x 1,3 м расположено скопление мелких обожженных камней. Не исключено, что это остатки разрушенного очага. В предполагаемом центре постройки понижение переходит в овальную (?) яму, заполненную черным песком, а на дне - заиленным желто-серым песком. Общая глубина ямы до 0,4 м, поперечники З-В до 0,9 м. По всей видимости, именно с постройкой связаны находки лепной неорнаментированной раннесредневековой керамики, в том числе развал ребристого сосуда (рис.4:15) и, возможно, бронзовой стамески и грузика (рис.5:1,5).

Встреченные на остальной площади раскопа основания двух отопительных сооружений - "кострища 1 и 2" и хозяйственные ямы, скорее всего, связаны с поселением эпохи бронзы. Каких-либо строительных остатков, соотносимых с селищем раннего железного века, зафиксировано не было.

Керамическая коллекция эпохи железа и раннего средневековья (с двух раскопов) насчитывает чуть более 100 определяемых фрагментов.¹ Обломки посуды происходят в основном из слоя черного песка, в единичных случаях - из ям с тем же заполнением. Керамика раннего железного века (около 30 фр.) обнаружена только в раскопе I, причем преимущественно в его СЗ части. Внешняя поверхность сетчатая. Керамическое тесто плотное опесчаненное или с примесями мелкой дресвы, один фрагмент ошлакован. Встречается орнаментация в виде розетки или спиральных вдавлений (узелковая). Четыре небольших фрагмента венчиков представляют слабопрофилированные сосуды (рис.4:1-4). В одном случае найдена придонная часть горшка с закраиной, сформованного с подсыпкой песка (рис.4:5).

К раннесредневековой лепной посуде отнесено 76 фрагментов. На раскопе I (54 фр.) керамика найдена в основном в СВ части, т. е. там, где обнаружены остатки предполагаемой постройки. Глиняное тесто, по сравнению с посудой эпохи раннего железа, более рыхлое, внешняя поверхность нередко шероховатая (примесь дресвы, часто крупной) или слабо шероховатая с мелкими примесями. Возможно, к поселению этого периода относится один фрагмент от темного лощеного сосуда с плотным тестом с примесями песка. Орнамента на керамике нет. Обломки венчиков представляют, видимо, округлобокие горшки с короткой слабо отогнутой наружу шейкой (рис.4:7-10,12,13). При формовке дна горшков (рис. 4:14,16,17) применялись разные подсыпки: из дресвы, крупного песка, золы.

Наибольший интерес представляет реконструированный горшок с ребром, точнее с уступом в месте плечика, связанный с постройкой (рис.4:15). Обломок близкого сосуда найден на селище Городок I. В этой связи следует отметить, что оформление плечика сосудов в виде уступа является характерным признаком керамики мощинской культуры [3, с.51] и позднедьковских городищ Верхневолжья (например, керамика городища Отмичи - фонды ТГОМ). Отдельные находки керамики с уступом сделаны на памятниках культуры длинных курганов (курганы группы Чамка (Иваньково) - фонды Вышневолоцкого филиала ТГОМ).

Один обломок венчика (рис.4:11) можно отнести к раннекруговой керамике нач. II тыс н. э. Четыре

¹ Связь некоторых мелких и расслоившихся фрагментов с селищами или со стоянками определить было затруднительно.

фрагмента относятся к позднекруговой деревенской посуде (рис.4:6). Находки круговой керамики, скорее всего, связаны с посещением участка берега рыбаками.

Индивидуальные находки малочисленны и невыразительны. Глиняные грузила и железные предметы (рис.5:2-4,6) могут относиться как к раннесредневековому селищу, так и к последующим периодам. Еще два, видимо, грузила из глины (рис.5:7) могли принадлежать жителям как селища раннего железного века, так и раннего средневековья.

Судя в основном по керамическому материалу, слои селища эпохи раннего железа датируются 2-ой пол. I тыс. до н. э. - нач. I тыс. н. э., а раннесредневекового - 3-ей четв. I тыс. н. э. С последним, по всей видимости, связаны остатки постройки, обнаруженной в раскопе 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ланцев А.П. Отчет о разведках в Валдайском Поозерье в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №9897 и 9897а.
2. Черных И.Н. Отчет о раскопках поселения Глыби 2 в Фировском районе Калининской области в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1. №13343, 13344.
3. Массалитина Г.А. Лепная керамика городища и селища Мощины // КСИА. Вып.208. 1993.

*Институт археологии РАН,
Москва
Тверской государственный
объединенный музей,
Тверь*

I.V. Islanova, I.N.Tchernykh

THE GLYBI 2 SETTLEMENT (the Early Iron Age and the Early Middle Ages)

Summary

The article deals with the presentation of materials belonging to the Early Iron Age (the second half of the I millenium B.C. - the beginning of the I millenium A.D.) and the Early Middle Ages (the third quarter of the I millenium A.D.).

The materials were found during the reconnaissance excavations carried out at the multilayer settlement Glybi 2 in the Firovo District of the Tver Region. The first settlement here is dated by the Early Neolithic, while the major finds discovered at this monument belong to the Bronze Age.

Scarce fragments of ceramics, clay fishing weights, as well as bronze and iron articles can be related to the later periods of the settlement's existence, together with remnants of an on-land construction (a dwelling possibly) with a stone hearth and a sub-surface pit - all found in part within the excavation trench 1.

The Early Middle Ages monuments of the Glybi 2 settlement in general show the traits specific for cultural layers of the second half of the I millenium A.D. in the Upper Pomostje (the Msta basin). These traits are:

1. Low capacity of the cultural layer, scarcity of finds;
2. The on-land character of constructions, with "pillar" pits found quite rarely;
3. Heaters in a form of a stone stove or a hearth, burnt stones either scattered around or piled together.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm.Uljanov St., Moscow,
117036, Russia
The Tver State United Museum,
5, Sovetskaya St., Tver,
170000, Russia*

И.Н. Черных, П.Д. Малыгин, Т.В. Томашевич

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ В ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ (погребальный комплекс Подол I на оз. Кафтино)¹

Насыпи культуры длинных курганов (КДК) при всем многообразии их форм по праву могут считаться наиболее визуально определяемыми из всех погребальных памятников лесной зоны Восточной Европы.

В настоящее время на территории Тверской области насчитывается около 200 могильников КДК. Подавляющее большинство их лишь осмотрено во время археологических разведок. Но и этого оказалось достаточно, чтобы при картировании данных памятников выявить ряд особенностей и закономерностей распространения КДК на Верхней Волге и в Верхнем Подвинье.

Высотная приуроченность. Подавляющее большинство курганов расположено на высоте не ниже 200 м по Балтийской системе, основное же их местоположение - между 200 и 250-метровыми горизонталями (рис. 1). Участки, имеющие отметки выше 250 м, носителями КДК, как правило, не осваивались (Цнинская возвышенность, междуречье Волги и Зап. Двины). Нет длинных курганов в долинах Мологи, Волги и Медведицы, начиная с отметки ниже 200 м (рис. 1). Единичные памятники КДК на востоке области приурочены к возвышенностям-островам с отметками также не ниже 200 м (Глинники, Борисовское).

Почвенная приуроченность. В настоящее время основная территория расположения ДК - массивы песчаных, иногда супесчаных почв, занятые сосновыми борами. О весьма жесткой приуроченности к ним памятников КДК свидетельствует следующий факт. Удомельское Поозерье с С, З и Ю как бы зажато районами, достаточно плотно освоенными КДК. В самом же Удомельском Поозерье длинных курганов нет, что совершенно правильно объясняет И.В.Исланова наличием здесь подзолистых тяжело- и среднесуглинистых или глинистых почв, залегающих на валунном суглинке и маловалунной супеси [1, с.4].

Локальные особенности формы насыпей КДК. Среди погребальных памятников КДК выделяются т. н. блинообразные насыпи, округлые в плане, имеющие мощные кольцевые рвы, диаметром до 30 м, высотой не более 2 м. Вершина у таких насыпей представляет собой плоскую округлую площадку большого диаметра. Такие насыпи в Тверской области отмечены на достаточно компактной территории лишь в 4 микрорегионах, связанных с гидроузлом на водоразделе Тверца - Мста - Молога: бассейн рр. Шегры и Садвы, бассейн оз. Мстино, восточный берег оз. Шлино и верховья р. Волчины.

Историко-топографические закономерности

А. В наиболее плотном ареале псковско-мстинских ДК и сопок в Мстинско-Моложском междуречье практически нет памятников культуры древнерусских курганов, в т. ч. и городищ. И.В.Исланова предполагает здесь в кон. I тыс. н. э. "резкое уменьшение населения", а возобновление освоения территории датирует XV-XVI вв. [2, с.27,28]. Сочетание в одном памятнике КДК и древнерусской культуры фиксируется в бассейне р. Шегры (курганная группа Шитовичи I - помимо трупосожжений обнаружены грунтовые труположения [3; 4; 5]). На оз. Серемо и Тихмень фиксируются курганные группы, в которых ДК сочетаются с округлыми насыпями, имеющими каменную обкладку (Хриплы I, Кузино I).

Б. На территории Тверской области выделено 9 скоплений или регионов ДК [6;7]. При этом Тверецкий регион указывает на глубокие корни "приращения" (термин А.Н.Насонова) Новоторжских земель к району Помостья, а Волжско-Шошинский регион маркирует т. н. Новоторжско-Волоцкий коридор и объясняет закономерность возникновения здесь исконно новгородских городов - Торжка и Волока Ламского. Интересно и расположение Водораздельного, Селигерского, Шлинского и Бологовского регионов КДК. Цепочка этих регионов как бы соединяет ареалы смоленских и псковско-мстинских ДК. Интересно, что эта

¹ Предполагается продолжить публикацию материалов по исследованиям памятников культуры длинных курганов в Тверской области в Тверском археологическом сборнике.

Рис. 1. Памятники культуры длинных курганов в Верхневолжье и в Верхнем Подвинье (по П.Д. Малыгину):
 а - курганные могильники; б - высокие насыпи в группах ("сопки в борах"); в - выделенные регионы КДК (1. Бологовский; 2. Шлинский; 3. Верхнемстинский; 4. Тверецкий; 5. Волжско-Шошинский; 6. Селигерский; 7. Верхневолжский; 8. Водораздельный; 9. Подвинский); г - территория Удомельского Поозерья; д - горизонталь 250 м над уровнем Балтийского моря; е - горизонталь 200 м над уровнем Балтийского моря; ж - погребальный комплекс КДК Подол I (регион 1)

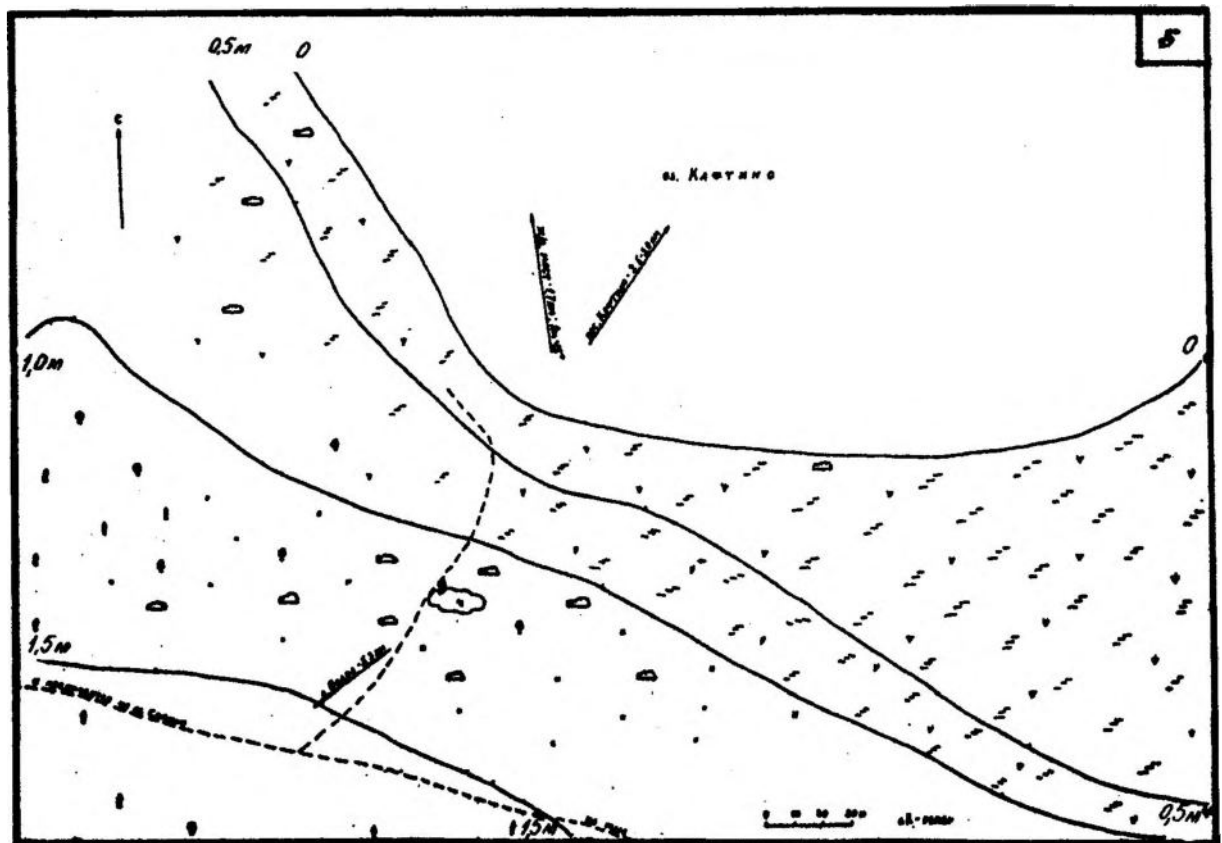
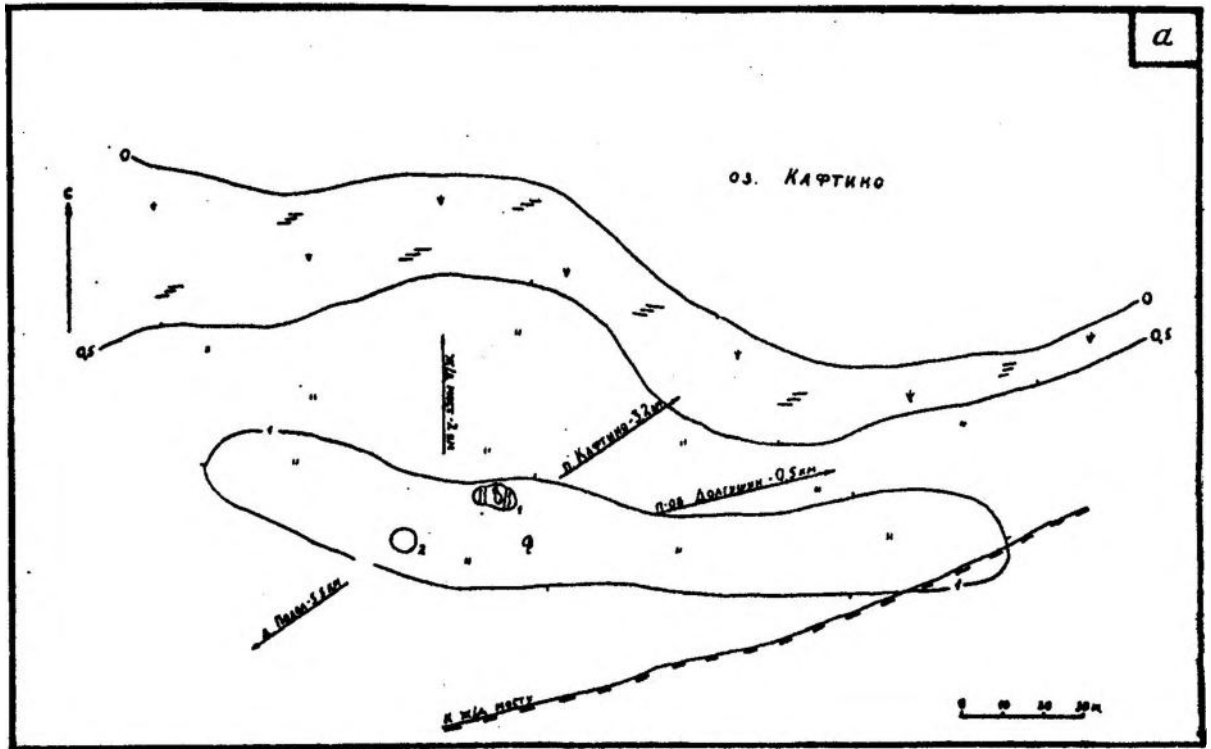

Рис. 2. Погребальный комплекс КДК Подол I. Ситуационные планы (глазомерная съемка):
 а - разведка КГУ 1980 г.; б - раскопки КГОМ 1981 г.

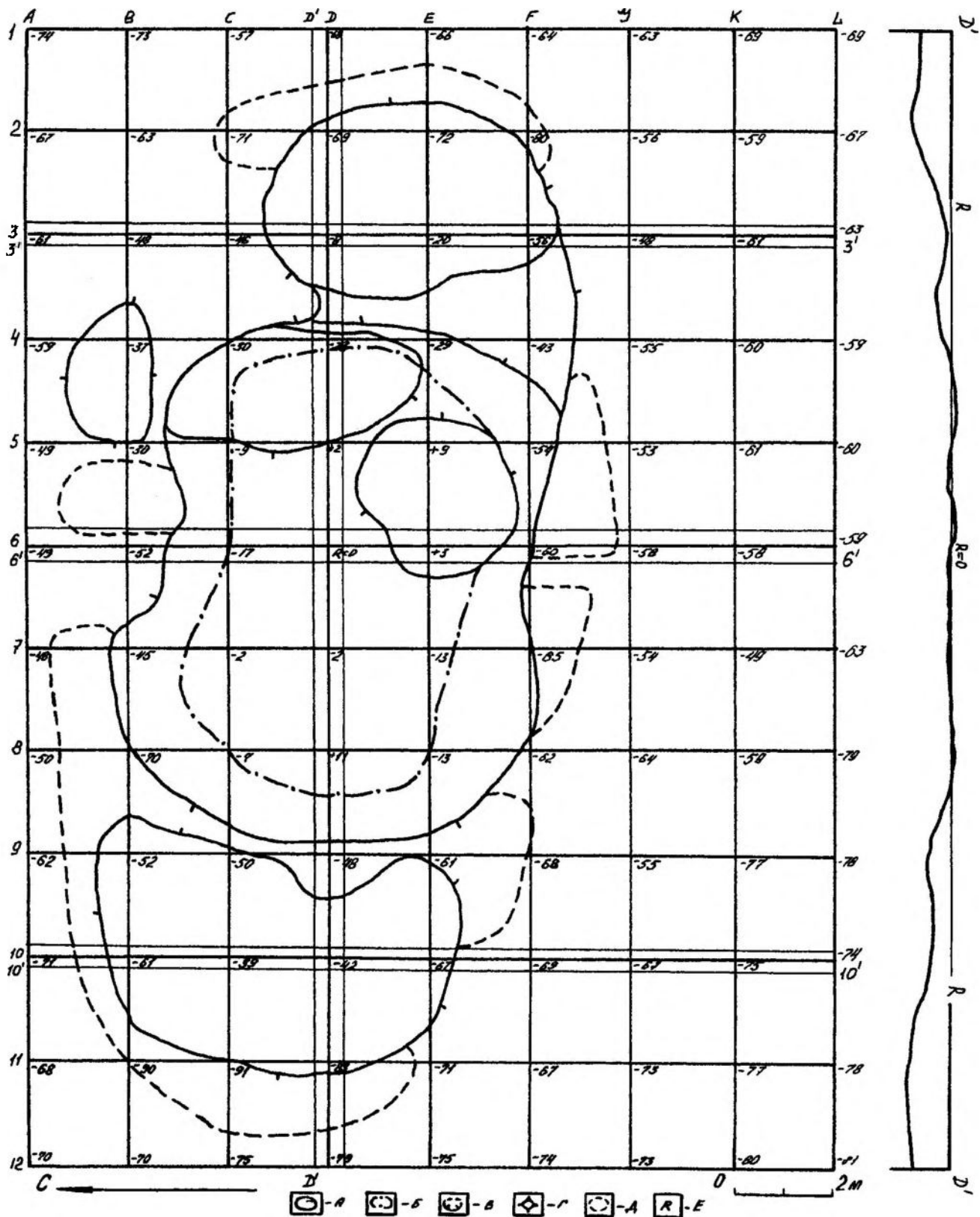

Рис. 3. Погребальный комплекс КДК Подол I. Курган.

План и профиль до раскопок (сетка раскопов 1981-82 гг.):

- а - граница основания кургана; б - граница верхней площадки кургана; в - прослеживаемые границы ровиков; г - выбросы из ям; д - задернованная яма; е - репер, высота 2,05 м над уровнем воды в оз. Кафтино (август 1981 г.)

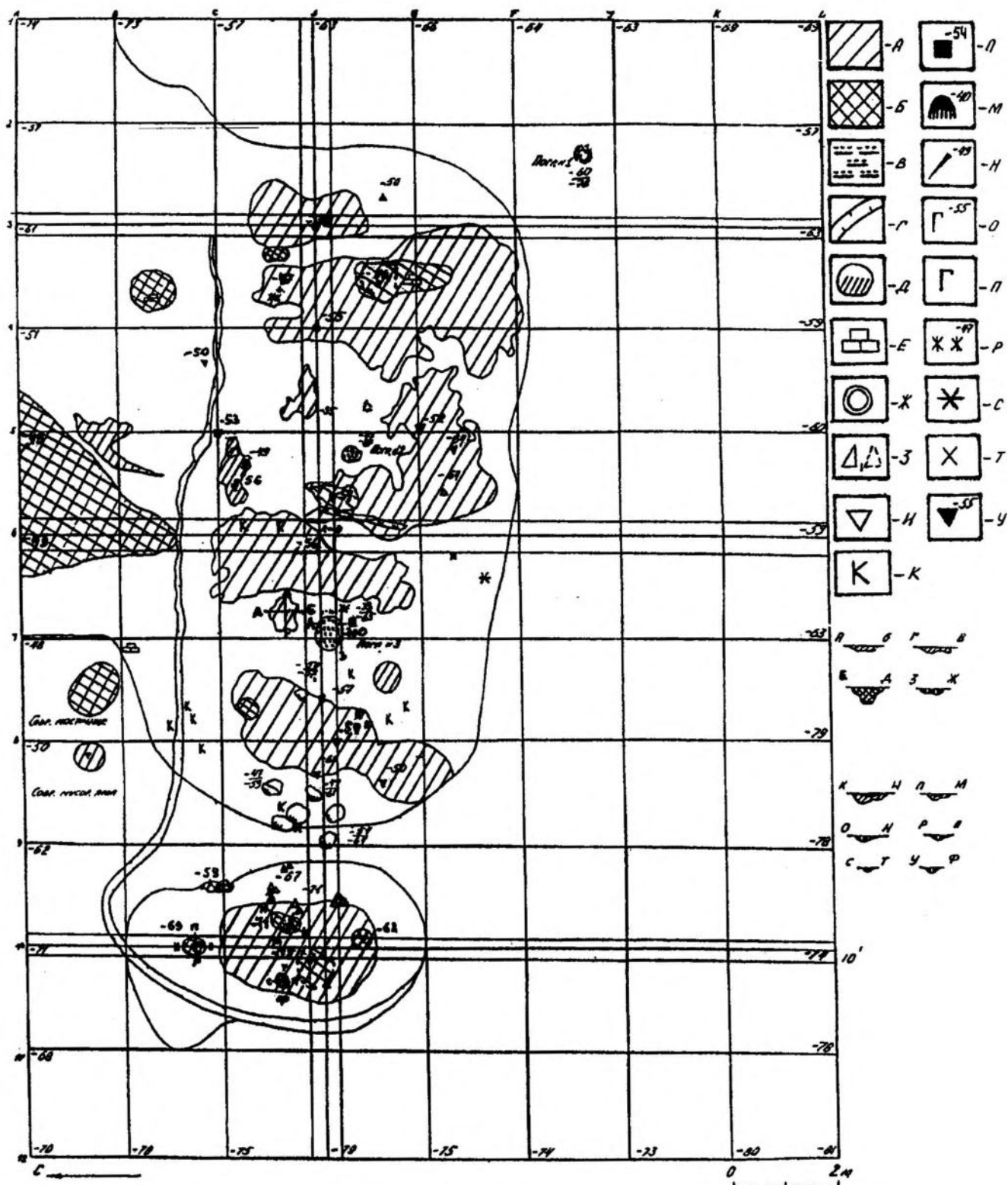

Рис. 4. Погребальный комплекс КДК Подол I. Курган.

План на уровне погребений (№ 2-3). Грунтовое захоронение (№ 1):

- А - серый золистый песок; Б - черный углистый песок; В - уголь; Г - канавка(?), изменение окраски слоя; Д - камень; Е - кирпичи; Ж - горшок (погр. 1); З - фрагменты керамики; И - керамика, не относящаяся к кургану; К - кальцинированная кость; Л - бронзовая обоймица (погр. 2); М - костяной гребень (погр. 3); Н - железный предмет (стамеска или срезень?); О - железный кованый гвоздь; П - современный стальной гвоздь; Р - остатки современной жестяной банки; С - кремнёвый нож; Т - отщеп кремня; У - глубина от репера в см

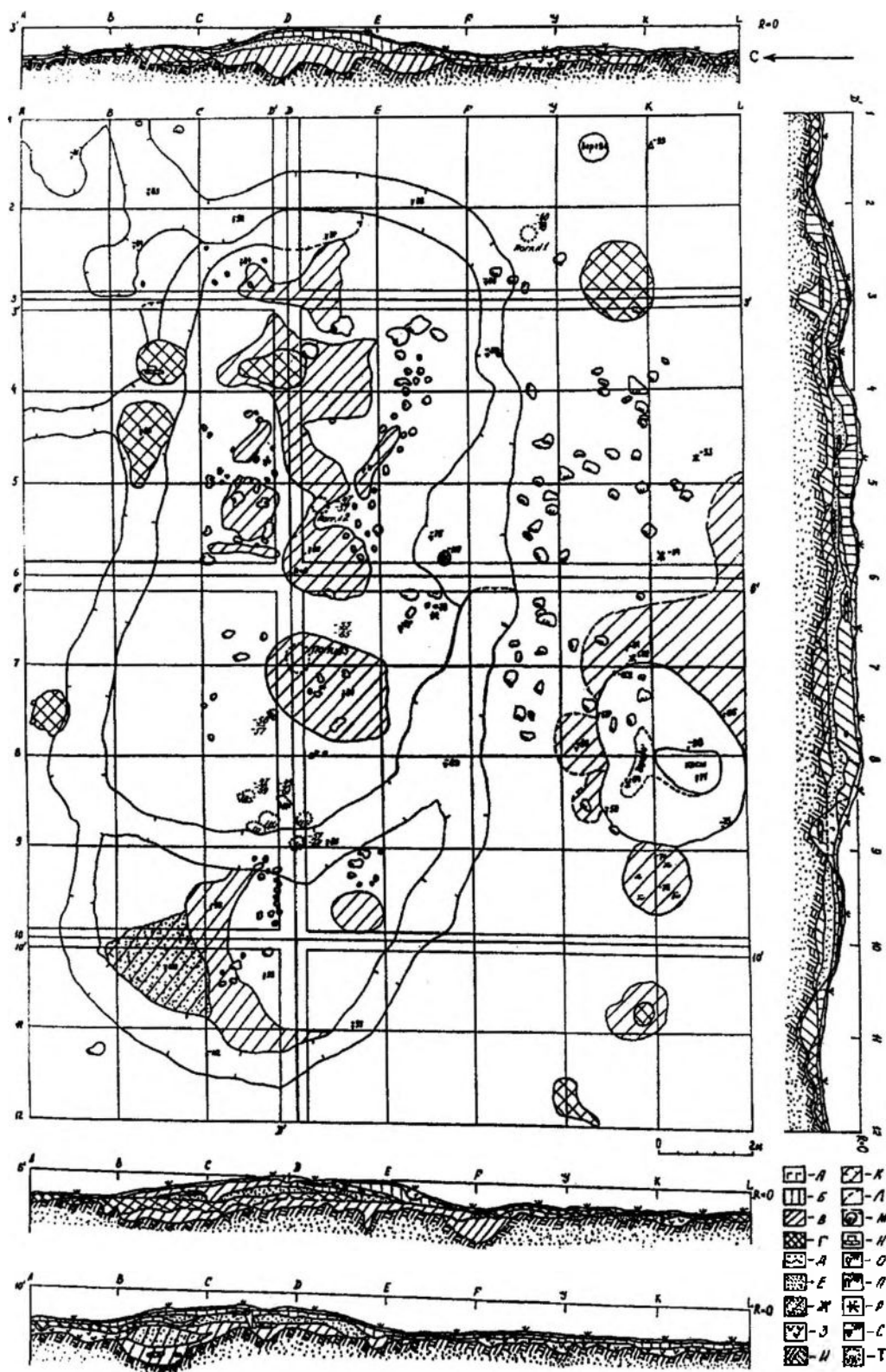

Рис. 5. Погребальный комплекс КДК Подол I. Курган.

План на уровне основания. Разрезы:

А - дерн; Б - темно-коричневый и темно-коричнево-серый песок; В - темно-серый и серый золистый песок; Г - черный углистый песок; Д - уголь; Е - желтый песок; Ж - желто-темно-серый песок; З - рыжий песок; И - материк; К - ровик; Л - ориентировочная граница; М - камень; Н - кирпичи; О - керамика эпохи бронзы; П - глиняная (?) поделка; Р - кремнёвый нож; С - глубина от репера в см; Т - границы погребений и камни, зафиксированные в вышележащем слое

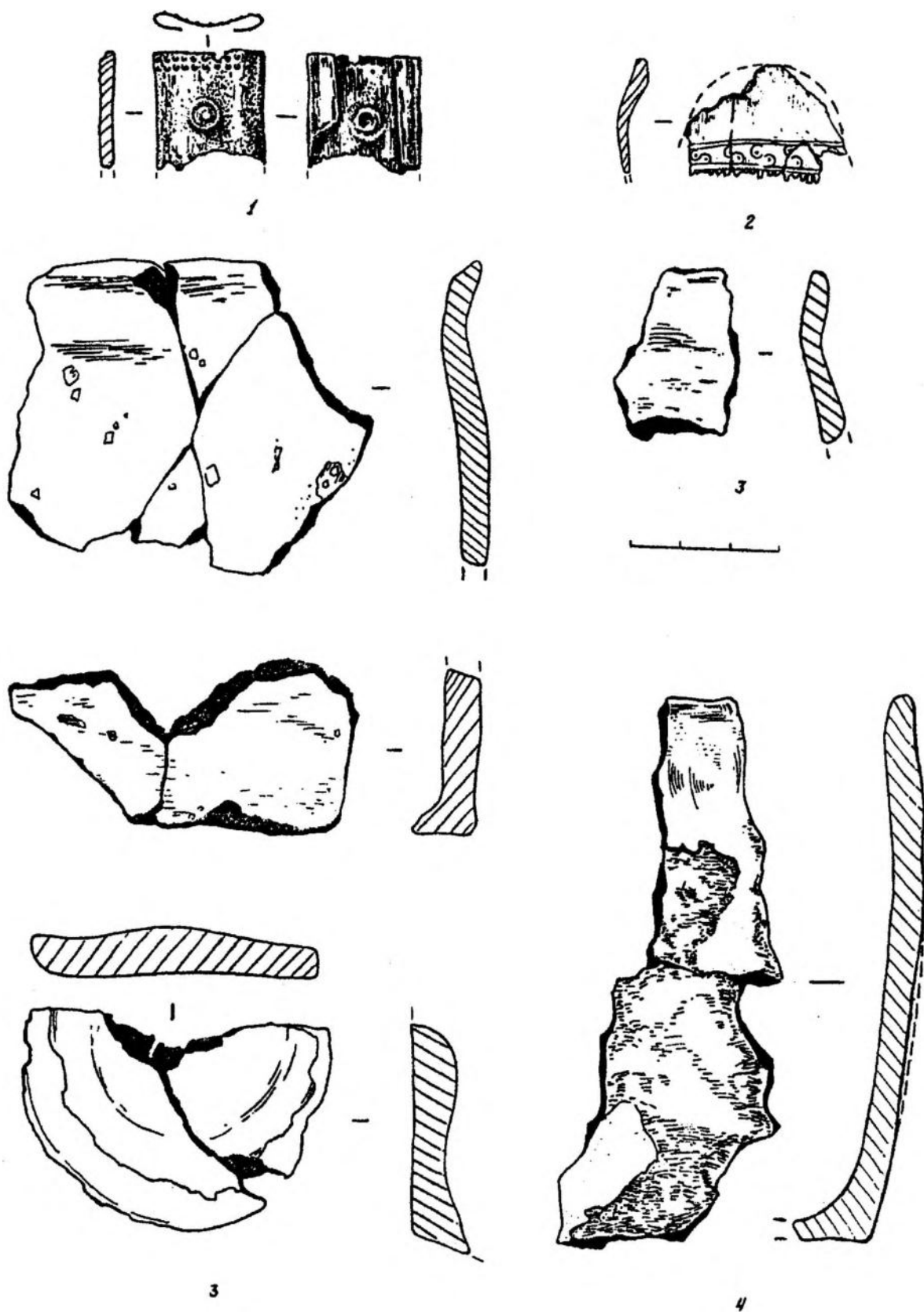

Рис. 6. Погребальный комплекс КДК Подол I. Находки в кургане:
 1 - обоймица (бронза), погр. 2, кв. D 5; 2 - гребень (кость), погр. 3, кв. D 7;
 3 - фрагменты сосуда (керамика), кв. С-D 9; 4 - часть сосуда (керамика), кв. D 4, F 2 (?)

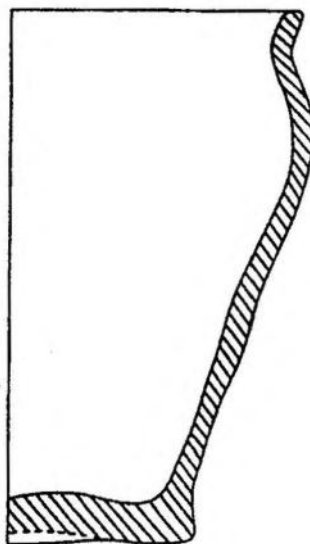
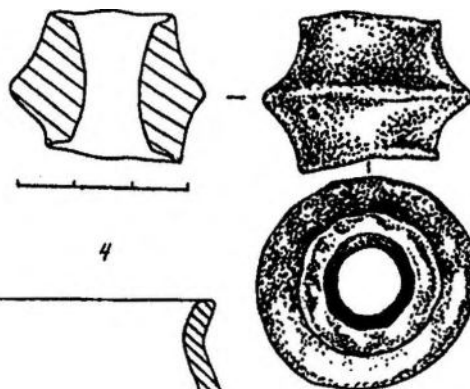
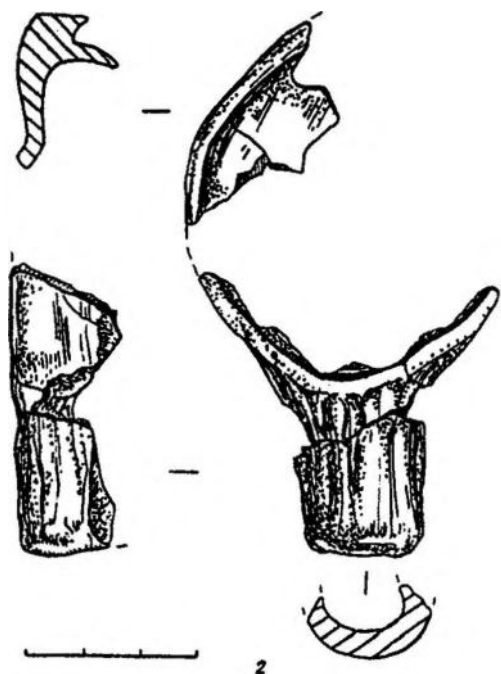
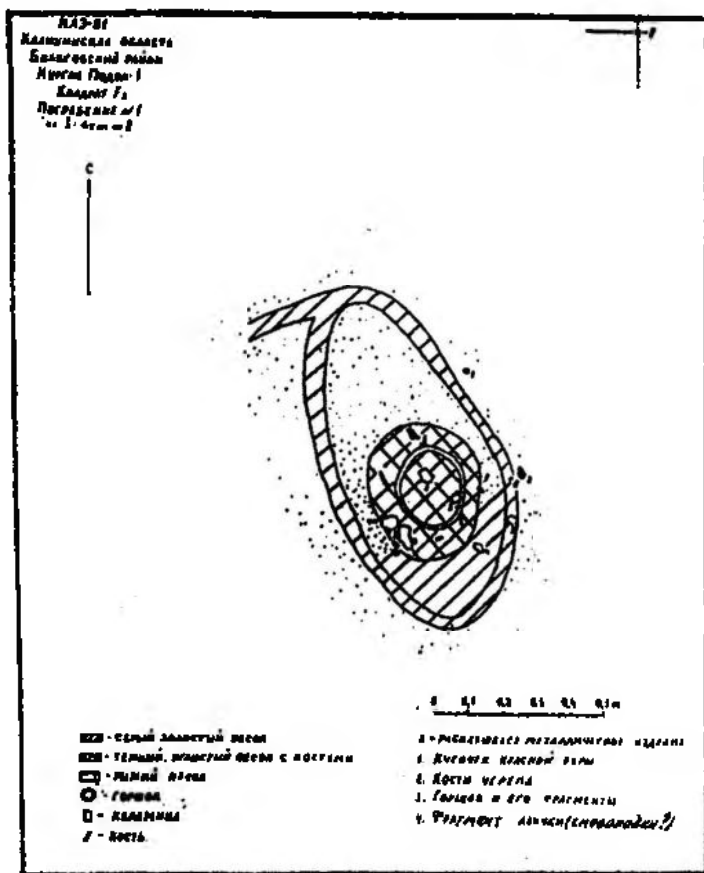

Рис. 7. Погребальный комплекс КДК Подол I. Грунтовое захоронение (№ 1):
1 - план погребения; 2 - фрагменты льячки (сковородки?); 3 - урна; 4 - пряслице. 2-4 - керамика

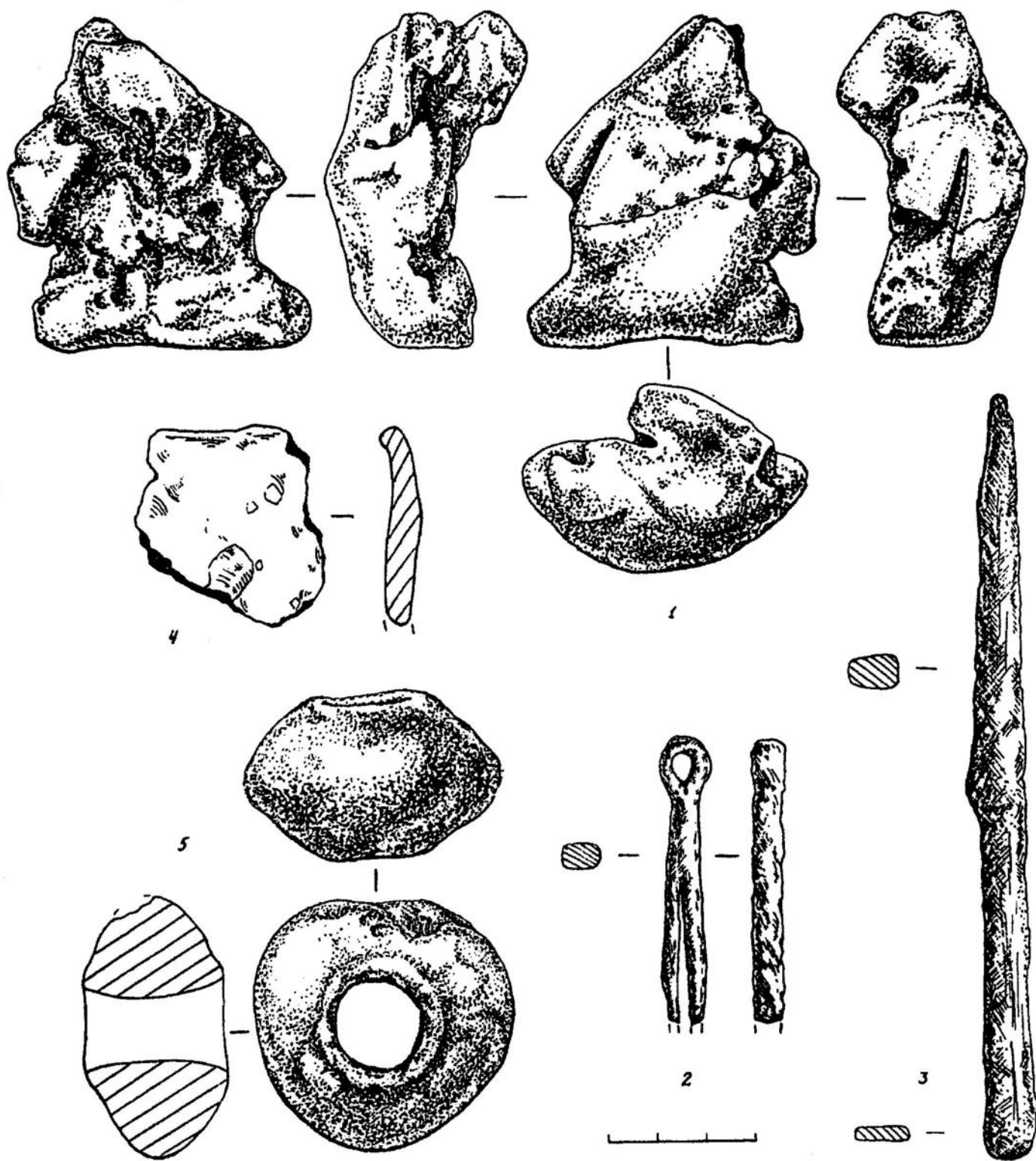

Рис. 8. Погребальный комплекс КДК Подол I. Находки в раскопе:
 1 - поделка (глина?), кв. Е 5; 2 - фрагмент удил (?) (железо), кв. D 5; 3 - стамеска (?) (железо), кв. С 5;
 4 - фрагмент сосуда (керамика), кв. К 1; 5 - грузило (керамика), выброс из современной ямы

полоса в XII в. соответствовала территории Новгородского княжеского (смоленско-черниговских князей) домена, включавшего, по мнению В.Л. Янина, волости Буйце, Лопастыцы, Велилу, Мореву, Стерж, Молвотицы, Березовец, Жабну и Пирос [8, с.111,112].

Гидронимические наблюдения. Бассейн Мологи, где ДК практически не фиксируются, в несколько раз богаче финно-угорскими гидронимами, чем бассейн Верхней Мсты - основной регион КДК на территории Тверской области [9].

Закономерности приуроченности ДК к водоемам. Е.Н. Носов отмечает, что большинство ДК располагается в стороне от водоемов на расстоянии до нескольких километров, на песчаных возвышенностях в сухих борах [10, с.49]. Однако для территории Тверской области такая ситуация не характерна. Во всех, кроме Верхневолжского, регионах прибрежные ДК составляют более 50% от общего числа погребальных памятников КДК. По всей видимости, мы имеем дело с двумя хронологическими пластами КДК, а Верхневолжский регион может быть охарактеризован как древнейший и наиболее традиционный для КДК. Прибрежные ДК следует, очевидно, датировать временем не ранее VII в., когда повышение среднегодовых температур привело к значительному уменьшению увлажненности и понижению уровня озер и рек по сравнению с очень сильным переувлажнением в V-VI вв. [11, с.131,135].

Один из ярко выраженных прибрежных памятников КДК был исследован на оз. Кафтино в Бологовском районе Тверской области.

Курганная группа из 2 насыпей Подол I в 5,3 км к СВ от д. Подол была открыта в 1980 г. В.М. Воробьевым [12] (Калининский государственный университет-КГУ), расположена на оконечности небольшого песчаного мыса в основании п-ова Долгушин, на высоте 1,3 м над августовским 1981г. уровнем воды в озере, в 70 м от воды (рис.2).

В 1981-82 гг. экспедиция Калининского (ныне Тверского) государственного объединенного музея (КГОМ) провела охранные раскопки этого памятника, нарушенного многочисленными ямами, деревьями и кустарником и заливавшегося в половодья. При этом были уточнены метрические характеристики памятника, его топографическая ситуация и степень разрушения (рис. 2-3) [13, с.28-44; 14, с.101-102; 15, с.7-13].

В насыпи №2, зафиксированной в 1980 г. и раскопанной при участии В.М.Воробьева в 1982 г., размерами 4,6 x 3,9 м, высотой 0,2-0,3 м, выявлена яма, вероятно, связанная со сгоревшим колодезем или деревом. Никаких находок обнаружено не было [15, с.10-13]. Возможно, насыпь является выбросом грунта из зафиксированной рядом с ней западины размерами 4,5 x 2,5 м, глубиной 0,2-0,25 м. Во всяком случае, ее отношение к КДК не подтвердилось.

Курган №1 исследовался на широкой площади (352 кв. м) с ровиками и, частично, с прилегающим пространством, на снос, с фиксацией стратиграфии по 1 продольной и 3 поперечным бровкам. Разборка насыпи после раздерновки производилась горизонтальными зачистками с фиксацией пятен и находок от единого репера. Сам курган и прилегающая площадка были задернованы, поросли кустарником, у подножия с С росла береза, не тронутая раскопками, сильно нарушены не читавшимися на поверхности постройкой, мусорными и костровыми ямами XIX-XX вв., современными ямами. Вероятно, на этом месте находился небольшой хутор или рыбацкая тоня, а в недавнее время - лагеря рыбаков и охотников. До раскопок курган представлял собой 2 сегментовидные насыпи по краям и удлиненную между ними с сужениями с двух сторон в центральной части, находившиеся на одной площадке. Он был ориентирован длинной осью по линии ЗСЗ-ВЮВ, имел максимальные размеры 19 x 8,5 м при высоте до 0,86 м (рис.2-3).

Все насыпи были окружены разомкнутым ровиком, кроме того отдельные ровики были и между насыпями. Ровик между центральной (Ц) и восточной (В) насыпями, если он существовал, вероятно, уничтожен поздней ямой. Ровик между западной (З) и Ц насыпями смыкался с общим кольцевым, располагаясь несколько выше него. Ширина последнего от 0,5 до 2,2 м, глубина от 0,2 до 1 м. Заполнение в наименее глубоких местах - черный и рыжий песок, в наиболее глубоких - коричневый и серый золистый песок. Самые глубокие части ровика прослежены в СВ частях В и З насыпей и в Ю части Ц насыпи. В кв. Е 6 с Ю стороны Ц насыпи ровик выклинивался и практически сразу же значительно углублялся. С СВ стороны часть ровика уходит в сторону от кургана и разделяется на несколько ветвей, не исследованных раскопками (рис.5).

Насыпи кургана состояли из мелкозернистого песка. В его основании прослежена углисто-золистая прослойка с глубокими ямами (до 0,8 м), часть которых связана, видимо, с корневой системой деревьев, а часть - с поздними перекопами. Эта прослойка была перекрыта линзами желтого песка мощностью до 0,4 м, в свою очередь засыпанными в разных частях кургана темно-коричневым, темно-коричнево-серым и темно-серым песком (рис.5) толщиной от 0,04 до 0,48 м. Судя по присутствию в насыпи нескольких мелких фрагментов керамики эпохи раннего неолита или бронзы и кремневых изделий и отсутствию культурного слоя этого времени на исследованной части прилегающей к кургану территории, можно сделать вывод о том, что часть грунта для насыпки кургана могла быть принесена со стороны.

Основные находки и погребения были выявлены в Ц и З насыпях (или частях насыпи) кургана, причем погребения были сосредоточены в Ц насыпи. Здесь зафиксированы 2 захоронения остатков трупосожжений в ямках, опущенных с уровня желтого песка, и кальцинированные кости, разбросанные по площадке кургана на этом же уровне в желтом и, частично, сером золистом песке, возможно связанные с погребениями в ямках (рис.4):

² Номер 1 получило грунтовое урновое захоронение, выявленное в составе комплекса Подол I рядом с курганом.

Погребение №2 (кв. Д5 - рис.4-6). Совершено в ямке подокруглой формы размерами 0,4 x 0,32 м, глубиной 0,1 м (верхняя часть погребения разрушена поздней ямой) по обряду кремации на стороне. В ее заполнении - углистый песок и очищенные после сожжения кальцинированные кости (следует отметить, что все обнаруженные в погребальном комплексе Подол I кости были хорошо очищены перед захоронением). Вес костей из ямки - 158,19 гр. Они представляют собой сбор и захоронение преимущественно частей черепа (определение костного материала сделано Т.В.Томашевич, МГУ). Среди них много фрагментов в основном свода черепа, в т. ч. с зубцами, 2 фрагмента верхней челюсти с альвеолами постоянных зубов, фрагмент венечного отростка нижней челюсти, фрагменты атланта с зубовидным отростком и тел других позвонков, эпифизы костей. Мало фрагментов диафизов длинных трубчатых костей. Судя по костным остаткам, погребение №2 связано с захоронением взрослого человека (*adultus*). Из вещевого инвентаря к погребению без сомнений можно отнести найденную на дне ямки бронзовую поясную бляшку - обоймицу размерами 1,3 x 1,4 x 0,05 см, почти квадратной формы, с пуансонным орнаментом по краям и вдавленным концентрическим посередине, с пробитым отверстием на одном внутреннем загнутом крае (рис.6:1). Находки подобного рода характерны как для псковских и мстинских, так и для смоленских ДК и датируются в пределах 2-ой пол. I тыс. н. э. [16, с.28-31], хотя по орнаменту ближе всего к подольской находки из Смоленской области (Цурковка, Арефино, Заозерье) [16, табл.25,26; 17, с.201].

Погребение №3 (кв. С-Д 6,7 - рис.4-6). Совершено в ямке слегка овальной в плане и горшковидной (сужается в нижней части) в разрезе формы. Ее зафиксированные размеры 0,64 x 0,56 м, глубина 0,32 м. Найденные кальцинированные кости (общий вес 343,21 гр.) принадлежат скорее всего 3 субъектам: взрослому (ранний *adultus*), подростку (*juvenis*) и маленькому ребенку (*infans I*). В разных частях ямки преобладают кости одного субъекта, но само захоронение единовременное. Кости, вероятно, были помещены в какую-то несохранившуюся емкость из органического материала. Видимо, с погребением №3 следует связывать и отдельные разбросанные кости, не представляющие полные скелеты, обнаруженные к СЗ, ЗСЗ и ЮЗ от этого захоронения (общий вес 62,92 гр.), среди которых фрагменты лопатки, позвонков, длинных костей, эпифизов, свода и затылочной части черепа взрослого человека и фрагмент эпифиза кости ребенка. Возможно, к погребению №3 или №2 относятся и кости, выявленные в кв. С5 на равном расстоянии от этих погребений (рис.4). Среди них - фрагменты диафизов длинных трубчатых костей взрослого, фрагменты кости черепа с зубцами, орбитального края лобной кости, неприросшего эпифиза большой берцовой кости, фаланги без эпифиза, эпифизов плечевой и метатарзальной костей подростка или ребенка.

В заполнении ямки среди костей на гл. 7 см от верха на ЮЗ краю ее найдены 3 склеившихся при реставрации фрагмента обожженного орнаментированного гребня из черепной (?) кости. Гребень односторонний, судя по сохранившимся участкам, он имел широкую округлую спинку. Орнамент расположен с одной стороны (вторая - губчатая) полосой над зубцами и представляет собой ряд косо поставленных знаков в виде буквы S с точками между завитками, ограниченный двумя тонкими горизонтальными нарезными линиями сверху и снизу. На сохранившемся фрагменте гребня (3,3 x 2,3 x 0,4 см) прослеживаются основания 16 зубцов (рис.6:2). Эта находка представляет исключительный интерес. Не вызывает сомнений, что данный гребень принадлежит к группе изделий с т. н. "горбатой" спинкой. В Северной Европе гребни, изготовленные из одного куска кости, полукруглой, подтреугольной и треугольной форм распространялись в I-II вв. н. э. [18, с.147] и связаны с черняховской культурой. По облику и орнаментации гребень из Подола напоминает гребни из могильника II-III вв. н. э. Брест - Тришин [19, табл. VI, VII, IX, XI]. Подобная параллель не покажется столь уж неуместной, если вспомнить теорию В.В.Седова о первоначальном (IV-V вв. н. э.) продвижении носителей КДК из Повисленья на Северо-Запад [20, с.210].

Гребни с "горбатой" спинкой до недавнего времени были встречены на Северо-Западе в количестве 4 экз. на Псковском городище (раскопки С.А.Таракановой). Но все они, хотя и напоминают по форме гребень из Подола, сделаны не из кости, а из рога. С.В.Белецкий датирует их 3-ей четв. I тыс. н. э., а К.М. Плоткин - VIII-IX вв. [21, с.58,59]. В КДК гребни такой формы пока еще не встречались, хотя обломки кальцинированных костяных изделий весьма распространены. Небезынтересно отметить, что в ингумациях гребень, как правило, имеет два традиционных местоположения: в области груди и на поясе в сумке или кошельке. Этнография отмечает гребень как носимый и как походный предмет, который в погребениях является напутственным приношением или даром от семьи и родственников умершего. При этом гребень выступает как вещь, необходимая усопшему в потусторонней жизни. Есть этнографические данные о том, что гребень, которым причесывали покойника, перед захоронением ломали [22].

В насыпях кургана сразу же под дерном начали встречаться камни: колотый кремь, гранит, в т. ч. обожженный, - некоторые размером до 0,3 м, не образующие каких-либо четких скоплений (рис. 4,5). Такие же камни встречены под дерном и за пределами кургана, особенно с Ю стороны. Часть обожженных валунов была связана с разрушенной печью или рыбокопильней, залегала вместе с красными кирпичами в поздней яме с углистым заполнением, врезанной, в свою очередь, в яму, заполненную серым золистым песком, размерами 5 x 3 м, вероятно, разрушившую внутренний ровик между В и Ц насыпями в кв.С-Е 3-4 (рис.4).

Скопление крупных валунов размерами 1,6 x 1,2 м выявлено в 3 части Ц насыпи на границе ровика между ней и 3 частью кургана (рис.4).

В большом количестве камни были встречены в желтом и сером золистом песке в основании насыпи. Размеры их различны: от мелкой гальки до крупных валунов длиной до 0,5 м. Закономерности в их расположении очень приблизительны. Так, в СВ части 3 насыпи (кв.С9) в основании ее прослеживалась "кладка"

вытянутых по одной линии небольших камней, как бы полуокружавших место, над которым были найдены фрагменты сосуда (рис.4,5). Полоса из отдельных крупных и мелких камней, ориентированная, как и курган, по линии ЗСЗ - ВЮВ, шла в ЮВ части насыпи (кв.ЕЗ, 4, Д5) на той же глубине. Размеры полосы 5,6 x 0,8 м (рис.5).

Кроме вещей, найденных непосредственно в погребениях, в кургане встречены и другие изделия, часть которых с той или иной долей вероятности может быть связана с погребальным комплексом. Прежде всего, это фрагменты лепных сосудов, обнаруженные как в насыпях, так и в выбросах из поздних ям, т. е. в переотложенном состоянии. Выше уже шла речь об остатках лепного сосуда, залежавших двумя скоплениями на площади 1,6 x 0,8 м в З части кургана, отделенной от Ц внутренним ровиком, над скоплением камней (кв.С-Д 9), в нижней части желтого песка. Всего найдено 9 фрагментов этого сосуда: в одном скоплении (кв.Д9) 4 фрагмента венчика и стенки, в другом (кв. С 9) - стенки и дна. Сосуд неполный, разбит в древности. Он имел горшковидную форму, чуть отогнутый наружу венчик с округло-плоским срезом, слегка выделенные плечики, плоское дно без закраины, сформованное с подсыпкой песка. Примесь к глиняному тесту - дресва. Поверхность сосуда заглажена, цвет желтовато-рыжий. Толщина стенок до 0,7 см (рис.4,6:3).

Кроме того, фрагменты стенок лепных сосудов с примесью дресвы с расчесами поверхности, толщиной до 1 см, частью расслоившиеся, были найдены в кв. Д2 (В насыпь), Е5 (Ц насыпь) и F 5 (рис.4).

В кв. Д4 найден фрагмент стенки и дна еще одного лепного сосуда, фрагмент венчика и стенки которого обнаружен вместе с фрагментами погребальной урны из погребения №1 за пределами кургана. Фрагменты имели старые сломы, склеились. Сосуд баночной формы, венчик прямой, срез округло-плоский. Дно плоское. Примесь к глиняному тесту - дресва. Цвет светло-коричнево-рыжий. Орнамент отсутствует. Высота сосуда 11,2 см, толщина стенки 0,7 см (рис.6:4). Эта керамика находит аналоги в исследованном Е.Н.Носовым грунтовом могильнике на оз. Съезжем [23, с.13, рис.3]. По мнению исследователя, могильник является предшественником КДК в бассейне р. Мологи (Хвойнинский р-н Новгородской обл.).

Кроме керамики к погребальному комплексу, возможно, относятся сильно коррозированные железные изделия: стамеска или наконечник - срезень (?), найденная в сером золистом песке в кв. С5, в 1,9 м к С от погребения №2, и обломок удила (?) в кв.Д4 (рис.4, 8:2,3), а также поделка из сильно обожженной глины (?), залежавшая в Ю ровике кургана у его Ц насыпи в небольшом кострище на его дне (кв.Е5, рис.5 и 8:1). Поделка напоминает по форме фигурку медведя или человека, имеет слегка вогнутое основание, фрагментирована, но сломы гладкие. Поверхность заглажена, цвет - желто-серо-розовый. Ее размеры 7,0 x 5,6 x 4,2 см.

Еще одно погребение (№1) выявлено за пределами насыпей и ровиков кургана в 0,88 м к ЮВ от края ровика (кв. F 2 - рис.4,5,7). Верх погребения находился всего в 4 см от уровня современной дневной поверхности, поэтому при раздирновке участка слегка пострадал венчик сосуда. Погребение представляло собой остатки трупосожжения на стороне нескольких субъектов, помещенные в керамическую лепную урну, поставленную, в свою очередь, в ямку, также заполненную костями. Часть костей находилась и на поверхности вокруг горшка (рис.7:1). Почвенное заполнение ямы - черный углистый песок. Она выделялась на общем фоне рыжего песка. Размеры ямы 0,4 x 0,34 x 0,2 м, она имела округлую в плане форму. Все погребение было окружено кольцевой канавкой или полосой серого песка подэллипсоидной формы, ориентированной длинной осью по линии ССЗ - ЮЮВ. Размеры полосы 1,2 x 0,53 м, ширина до 0,08 м. Мощность незначительна (почти сразу же счистилась). Отдельные находки костей были сделаны и за ее пределами, так же, как находка небольшого кусочка красной минеральной краски в 0,25 м к ССВ от горшка. В 0,1 м к ЮВ от горшка в яме найдено несколько фрагментов разбитой в древности глиняной льячки или сковородки (рис.7:1.2). Примесь не выражена. Дно плоское, ручка небольшая с коническим отверстием. Поверхность залощена. Цвет песочный. Предполагаемая длина изделия 9 см, диаметр чашки 6 см, длина ручки 2,5 см, отверстия - 1,3 см, толщина стенок 0,5 см. Известны льячки из ДК Восточной Эстонии, например, из могильника Линдора [24, с.82]. В.В.Седов датирует их VII-VIII вв. н. э. [16, с.28-31]. В грунтовых погребениях 2-ой пол. I тыс. н. э. такие находки не встречены. Следует особо отметить, что изделие из Подола явно не использовалось по назначению и, вероятно, носит чисто ритуальный характер (своеобразная ложка для погребальной урны - горшка ?).

С С у стенки горшка отмечено позеленение песка, возможно, здесь находилось распавшееся металлическое изделие (рис.7:1). Кроме того, рядом с горшком была найдена бугорковая часть грубой пластинки с коркой из коричнево-серого обожженного кремня размерами 2,1 x 1,1 см.

Погребальная урна (рис.7:3) стояла практически на дне ямы, ее заполнение - рыжевато-серый золистый песок с кальцинированными костями. Она была изготовлена из глины с примесью дресвы, имела светло-коричневый и розовато-рыжий цвет. Форма - горшковидная, асимметричная. Венчик короткий, слегка отогнутый наружу, с плоско-округлым срезом. Дно плоское с закраиной, сформовано с подсыпкой песка. Высота горшка 18,5 см, диаметр по венчику 20,4 см, по плечикам (максимальное расширение сосуда) 21 см, дна - 13,8 см, толщина стенок до 1 см. Поверхность заглажена (легкая штриховка), на внутренней стороне - нагар. Орнамент отсутствует. Обжиг слабый (осыпается). На верхнем крае горшка - следы старых сломов. Но был ли он поврежден намеренно во время совершения погребения (или перед этим) или позже (находился сразу же под дерном) не ясно.

В горшке примерно посередине него среди кальцинированных костей найдено грубое асимметричное глиняное пряслице (рис.7:4), битрапециевидное в сечении, с резко выраженным ребром. Края вогнутых оснований имеют заглаженные зарубки, отверстие биконическое с неровными стенками. Примеси к глине не прослеживаются, цвет - светло-коричневый. Максимальный диаметр пряслица 3,9 см, диаметр основа-

ний 2,4 и 2,6 см, высота 2,8 см, диаметр отверстий 0,7-1,2 см. Глиняные пряслица - типичные находки для КДК, однако в немногочисленных исследованных грунтовых урновых погребениях кажется пока не встречались.

Конструкция грунтовозахоронения №1 в Подоле напоминает погребение №1 из могильника на оз. Съезжем [25, с.65-66]. Характерно, что и там и здесь в урну сложены тщательно очищенные кальцинированные кости. Однако на Съезжем отсутствует канавка вокруг ямки с урной. Отличают эти два погребения и пропорции, и форма погребальных урн. Несколько деформированная при изготовлении урна из Подола находит аналоги в посуде смоленских, а не псковских ДК (Слобода Глушица) [16, табл.21:7, 22:8; 17, с.221, рис.10, с.231, рис.16]. Хотя на подольскую урну похож и один из сосудов с селища Юрьевская Горка в соседнем Удомельском Поозерье [26, с.15, рис. 2:16].

Анализ костного материала свидетельствует о том, что погребение №1 комплекса Подол I является одновременным захоронением минимум 2 взрослых субъектов: *adultus* в урне и частично в ямке и *adultus maturus* в ямке. Общий вес костей 698,84 гр.

Вполне классическое трупосожжение представлено в урне (вес 188,16 гр.). Здесь определяются фрагменты свода черепа с зубцами, левой височной кости с основанием скулового отростка, пирамида левой височной кости, фрагмент лобной кости, граничащей с правой скуловой костью, фрагменты обеих челюстей, левой лопатки, 3 из первых грудных позвонков, 3 фрагмента безымянной кости, проксимальные участки костей предплечья, принадлежащие одному субъекту. Кости, вероятно, этого же взрослого человека присутствуют и в ямке (вес 281,29 гр.). Среди них правая скуловая кость без выраженного рельефа, фрагмент правой достаточно миниатюрной височной кости со скуловым отростком, близкий по морфологии фрагменту левой височной кости с основанием скулового отростка из урны, хотя могущий принадлежать и другому субъекту. В ямке хорошо представлены осевой скелет и предплечье, мало длинных трубчатых костей нижних конечностей, доля костей черепа примерно соответствует их доле в сожженном скелете. Общий вес костей 197,52 гр. Среди них - принадлежавшие другому индивидууму фрагмент правой лопатки (непарный фрагменту левой лопатки из урны), правая пирамида и примыкающая к ней часть наружного слухового прохода и основания сосцевидного отростка (непарные пирамиде из урны). Кроме того определяются лобный отросток левой скуловой кости, фрагменты дуги с суставной поверхностью одного из грудных позвонков, безымянной кости с вертлужной впадиной, крестца с поверхностью тела позвонка, дистальный и проксимальный фрагменты лучевой кости.

В пятне сверху рядом с горшком лежали фрагменты свода черепа, дистального конца левой лучевой кости, фрагменты трубчатых костей (общий вес 36,37 гр.). Здесь же найдена необожженная головка бедренной кости особи мелкого рогатого скота, вероятнее всего козла (определение и. с. отдела археологии ТГОМ М.Е.Ланцевой). Связь этой находки с погребением гипотетична. Следует также обратить внимание на практически полное отсутствие в погребении №1 костей нижних конечностей.

На примыкающем к кургану с Ю пространстве были найдены фрагмент венчика еще одного лепного сосуда (кв.К1 - рис.5, 8:4) и массивное глиняное полированное грузило от рыболовной сети (рис.8:5), возможно связанное с погребальным комплексом, т. к. оно было обнаружено при разборке выброса одной из современных ям, зафиксированных на кургане в 1980 г., предположительно ближе к погребению №2 (нарушившей его?). Фрагмент керамики находился в 3,2 м к ЮВ от урнового погребения на уровне его основания. Венчик утоньшен, край округло-волнистый. Примесь - дресва, цвет светло-коричневый, поверхность с расчесами. Толщина стенки 0,8 см, сломы окатаны. Грузило - битрапецевидное в разрезе, асимметричное, с заполированными цилиндрическим отверстием. Высота изделия 3,2 см, диаметр отверстия 1,8 - 2,0 см. Грузило частично фрагментировано (скол).

Итак, выявленный раскопками погребальный комплекс КДК Подол I включает в себя грунтовое захоронение минимум двух взрослых субъектов (*adultus* и *adultus maturus*), остатки сожжения которых помещены в ямку и погребальную урну, окруженные "огневой канавкой" или полосой, и длинный комбинированный курган, состоящий из 3 или, скорее, 2 (центрально-восточной и западной) насыпей, разделенных внутренним ровиком (или ровиками), находившихся на одной площадке и окруженных общим ровиком. При этом Ц насыпь была использована для устройства минимум 2 захоронений по обряду кремации на стороне с помещением остатков сожжений в ямки и на площадке кургана россыпью. Западная насыпь, вероятно, являлась местом тризны или кенотафом. Судя по находкам фрагментов одного сосуда в насыпи и рядом с грунтовым погребением, за его пределами, последнее было совершено чуть ранее или одновременно с курганскими. Процесс формирования кургана включал в себя несколько этапов, проходивших в короткое время.

1. Выжигание площадки на уровне древней дневной поверхности (серый золистый и углистый слой с ямами).
2. Засыпка площадки желтым материковым песком (прослежен на примыкающей территории), возможно с камнями, и одновременное совершение погребений с этого уровня.
3. Выкапывание ровика между Ц и 3 насыпями и совершение тризны (?).
4. Досыпка кургана темно-серым, темно-коричнево-серым и темно-коричневым песком (также прослежен на примыкающей территории).

ний 2,4 и 2,6 см, высота 2,8 см, диаметр отверстий 0,7-1,2 см. Глиняные пряслица - типичные находки для КДК, однако в немногочисленных исследованных грунтовых урновых погребениях кажется пока не встречались.

Конструкция грунтовозахоронения №1 в Подоле напоминает погребение №1 из могильника на оз. Съезжем [25, с.65-66]. Характерно, что и там и здесь в урну сложены тщательно очищенные кальцинированные кости. Однако на Съезжем отсутствует канавка вокруг ямки с урной. Отличают эти два погребения и пропорции, и форма погребальных урн. Несколько деформированная при изготовлении урна из Подола находит аналоги в посуде смоленских, а не псковских ДК (Слобода Глушица) [16, табл.21:7, 22:8; 17, с.221, рис.10, с.231, рис.16]. Хотя на подольскую урну похож и один из сосудов с селища Юрьевская Горка в соседнем Удомельском Поозерье [26, с.15, рис. 2:16].

Анализ костного материала свидетельствует о том, что погребение №1 комплекса Подол I является одновременным захоронением минимум 2 взрослых субъектов: *adultus* в урне и частично в ямке и *adultus maturus* в ямке. Общий вес костей 698,84 гр.

Вполне классическое трупосожжение представлено в урне (вес 188,16 гр.). Здесь определяются фрагменты свода черепа с зубцами, левой височной кости с основанием скулового отростка, пирамида левой височной кости, фрагмент лобной кости, граничащей с правой скуловой костью, фрагменты обеих челюстей, левой лопатки, 3 из первых грудных позвонков, 3 фрагмента безымянной кости, проксимальные участки костей предплечья, принадлежащие одному субъекту. Кости, вероятно, этого же взрослого человека присутствуют и в ямке (вес 281,29 гр.). Среди них правая скуловая кость без выраженного рельефа, фрагмент правой достаточно миниатюрной височной кости со скуловым отростком, близкий по морфологии фрагменту левой височной кости с основанием скулового отростка из урны, хотя могущий принадлежать и другому субъекту. В ямке хорошо представлены осевой скелет и предплечье, мало длинных трубчатых костей нижних конечностей, доля костей черепа примерно соответствует их доле в сожженном скелете. Общий вес костей 197,52 гр. Среди них - принадлежащие другому индивидууму фрагмент правой лопатки (непарный фрагменту левой лопатки из урны), правая пирамида и примыкающая к ней часть наружного слухового прохода и основания сосцевидного отростка (непарные пирамиде из урны). Кроме того определяются лобный отросток левой скуловой кости, фрагменты дуги с суставной поверхностью одного из грудных позвонков, безымянной кости с вертлужной впадиной, крестца с поверхностью тела позвонка, дистальный и проксимальный фрагменты лучевой кости.

В пятне сверху рядом с горшком лежали фрагменты свода черепа, дистального конца левой лучевой кости, фрагменты трубчатых костей (общий вес 36,37 гр.). Здесь же найдена необожженная головка бедренной кости особи мелкого рогатого скота, вероятнее всего козла (определение и. с. отдела археологии ТГОМ М.Е.Ланцевой). Связь этой находки с погребением гипотетична. Следует также обратить внимание на практически полное отсутствие в погребении №1 костей нижних конечностей.

На примыкающем к кургану с Ю пространстве были найдены фрагмент венчика еще одного лепного сосуда (кв.К1 - рис.5, 8:4) и массивное глиняное полированное грузило от рыболовной сети (рис.8:5), возможно связанное с погребальным комплексом, т. к. оно было обнаружено при разборке выброса одной из современных ям, зафиксированных на кургане в 1980 г., предположительно ближе к погребению №2 (нарушившей его?). Фрагмент керамики находился в 3,2 м к ЮВ от урнового погребения на уровне его основания. Венчик утоньшен, край округло-волнистый. Примесь - дресва, цвет светло-коричневый, поверхность с расческами. Толщина стенки 0,8 см, сломы окатаны. Грузило - битрапиевидное в разрезе, асимметричное, с заполированным цилиндрическим отверстием. Высота изделия 3,2 см, диаметр отверстия 1,8 - 2,0 см. Грузило частично фрагментировано (скол).

Итак, выявленный раскопками погребальный комплекс КДК Подол I включает в себя грунтовое захоронение минимум двух взрослых субъектов (*adultus* и *adultus maturus*), остатки сожжения которых помещены в ямку и погребальную урну, окруженные "огневой канавкой" или полосой, и длинный комбинированный курган, состоящий из 3 или, скорее, 2 (центрально-восточной и западной) насыпей, разделенных внутренним ровиком (или ровиками), находившихся на одной площадке и окруженных общим ровиком. При этом Ц насыпь была использована для устройства минимум 2 захоронений по обряду кремации на стороне с помещением остатков сожжений в ямки и на площадке кургана россыпью. Западная насыпь, вероятно, являлась местом тризны или кенотафом. Судя по находкам фрагментов одного сосуда в насыпи и рядом с грунтовым погребением, за его пределами, последнее было совершено чуть ранее или одновременно с курганскими. Процесс формирования кургана включал в себя несколько этапов, проходивших в короткое время.

1. Выжигание площадки на уровне древней дневной поверхности (серый золистый и углистый слой с ямами).
2. Засыпка площадки желтым материковым песком (прослежен на примыкающей территории), возможно с камнями, и единовременное совершение погребений с этого уровня.
3. Выкапывание ровика между Ц и 3 насыпями и совершение тризны (?).
4. Досыпка кургана темно-серым, темно-коричнево-серым и темно-коричневым песком (также прослежен на примыкающей территории).

24. Аун М. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Таллин, 1980.
 25. Носов Е.Н. Поселение и могильник культуры длинных курганов на оз. Съезжее // КСИА. Вып. 166. 1981.
 26. Исланова И.В. О новом типе памятников третьей четверти I тыс н. э. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. I. Тверь, 1996.

*Тверской государственный объединенный музей,
 Тверской государственный университет,
 Тверь
 Московский государственный университет
 им. М.В. Ломоносова,
 Москва*

I.N.Tchernykh, P.D. Malygin, T.V. Tomashevich

**INVESTIGATION OF THE LONG BARROWS CULTURE MONUMENTS IN THE TVER REGION
 (the Podol I Necropolis at the Kaftino Lake)**

Summary

The article opens a series of publications dealing with the Long Barrows culture monuments in the Tver Region and introduces materials found during excavations performed in 1981-82 at the Podol I necropolis situated at the Kaftino lake in the Bologoye Region (I.N.Tchernykh).

The complex surveyed consisted of two practically simultaneously formed units: a long combined barrow made of two or three mounds on a single ground surrounded by a ditch with one or two internal ditches crossing the ground (more precise description was made difficult by deterioration of the monument in the XIX - XX centuries), and a flat-ground burial located by the barrow.

The barrow is oriented WNW - ESE by the long axis. It is 19 m long, 8,5 m wide and up to 0,86 m high. The barrow was being excavated together with the adjacent territory (the total area 352 sq.m).

The mounds contain two graves in pits, as well as bones scattered over the ground - all belonging to at least four people cremated (definition by T.V.Tomashevich): two adults (adultus), a juvenile (juvenis) and a baby (infans I). A bronze girdle and a bone ornamented comb undoubtedly belong to the necropolis. In addition fragments of clay vessels, as well as iron articles were found in the mounds. A clay(?) figure was discovered in the ditch. Part of the latter articles also belongs to the necropolis (burial feast?). The origin, as well as the function of stones (artificial, natural?) found in the barrow and on the adjacent ground is not clear.

The article presents the reconstruction of the barrow formation process (I.N.Tchernykh).

The flat-ground burial is a ceramic burial urn located in a pit filled with calcined bones and surrounded by a "fire ditch". A clay spindle ware as well as fragments of a "ljachka" (a spoon or a saucer, a cup for pouring of metal - copper, bronze - into moulds) or a pan which had never been in use, were found near the urn. According to the set of bones found in the burial at least two adults (adultus and adultus maturus) were buried there.

A fragment of yet another vessel together with a clay fishing weight was found on the ground to the south of the barrow. These finds might possibly be related to the barrow too.

According to the data on characteristics and distribution of the Long Barrows culture monuments in the Upper Volga and the Upper Dvina Region, presented in the article (P.D.Malygin), as well as on the peculiarities of the burial inventory, the Podol I complex can be dated by the period not later than the VII century A.D.

The survey of the monument is far from being completed, as there are offsets of a ditch to the north of the barrow, which penetrate the undug territory

*The Tver State United Museum
 5, Sovetskaya St., 170000, Tver
 The Tver State University
 33, Zhelyabova St., 170000, Tver
 The Moscow State University
 Moscow, Russia*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР - Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АПВКМ - Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново
АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург (Ленинград)
АЭМК - Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
ГИМ - Объединение "Государственный Исторический музей" (Москва)
ГИН - Геологический институт РАН (АН СССР) (Москва). Индекс радиоуглеродных анализов
ЗРАО - Записки Русского Археологического общества. Санкт-Петербург (Петроград)
ИА РАН - Институт археологии РАН (Москва)
ИАК - Известия Археологической комиссии. Санкт-Петербург
ИИМК РАН - Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
КСИА - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИИМК - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛЕ - Лаборатория археологической технологии Ленинградского отделения ИА АН СССР - ИИМК РАН (Ленинград, Санкт-Петербург). Индекс радиоуглеродных анализов
ЛОИА - Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (Ленинград)
МАЭ - Научно-исследовательский институт "Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (кунсткамера)" РАН (Санкт-Петербург)
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
МГУ - Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)
НИР - Научно-исследовательская работа
НПЦ - Научно-производственный центр
ПАВ - Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург
РА - Российская археология. Москва
РАН - Российская Академия наук
РГНФ - Российский гуманитарный научный фонд (Москва)
РИС - Русский исторический сборник. Санкт-Петербург
РФФИ - Российский фонд фундаментальных исследований (Москва)
СА - Советская археология. Москва
САИ - Свод археологических источников. Москва, Ленинград (Санкт-Петербург)
СЭ - Советская этнография. Москва
ТАС - Тверской археологический сборник. Тверь
ТГОМ - Тверской государственный объединенный музей (Тверь)
Тр. ГИМ - Труды Государственного Исторического музея. Москва
Тр. ИЭ, ТИЭ - Труды Института этнографии АН СССР. Москва
УАС - Уральское археологическое совещание
AA - Acta archaeologica. København
FM - Finskt Museum, Helsingfors - Helsinki
Hel - Helsinki. Индекс радиоуглеродных анализов
ISKOS - Suomen muinais muistoyhdistys finska form min nesföreninden. Helsingfors - Helsinki
RHSF - Russian Humanitarian Sciences Fund (Moscow)
SMYA - Suomen Muinais muistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki

СОДЕРЖАНИЕ

Синицын А. А., Синицына Г. В. Состояние проблемы адаптации первобытных сообществ Северной Европы на рубеже плейстоцена - голоцена	5
Калинина И. В. Оппозиция культурное/природное в археологии и культурологии (Функции предметов естественного происхождения в археологической культуре. Вопросы методологии и теории первобытной культуры)	11
Кольцов Л. В. Формы, способы и средства адаптации в мезолите Северной Европы	21
Жилин М. Г. Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью	25
Козловская М. В. Древнейшее население лесов Восточной Европы: палеоэкологические аспекты исследования	31
Воронин К. В. От социальной адаптации к культурной интеграции (к вопросу о взаимодействии культурных традиций бронзового века в Волго-Окском бассейне)	37
Воробьев В. М. Названия озер бассейна р. Торопы как отражение адаптации древнего населения края к ландшафту	44
Цетлин Ю. Б. Культурные контакты в древности (общая систематика и отражение их в культурных традициях гончаров)	50
Сидоров В. В. Трансформации и миграции культур каменного века лесной зоны Восточной Европы	64
Кольцов Л. В. О характере взаимоотношений соседних культур в мезолите Северной Европы	75
Тимофеев В. И. Некоторые вопросы взаимодействия культур мезолита - начала неолита в Балтийском регионе	80
Исланова И. В. Изменения культурной ситуации от мезолита до средневековья на северо-востоке Тверской области	87
Цетлин Ю. Б. О древнейших культурных традициях предметной изобразительной деятельности человека	95
Уткин А. В., Костылева Е. Л. Волосовские скульптурные модели фаллоса	111
Калинина И. В. Семантика и технология древних орнаментов	116
Волкова Е. В. Роль эксперимента в реконструкции фатьяновской гончарной технологии	125
Волкова Е. В. Древняя глиняная посуда, изготовленная одним мастером (методика выделения и анализ)	135
Шахнович М. М. Памятники эпохи мезолита в Северной Финляндии (провинция Кайну)	147
Гусенцова Т. М. Мезолитические стоянки на северо-востоке Ленинградской области	158
Косорукова Н. В. Памятники типа Андозеро-М в бассейне Шексны	162
Косорукова Н. В. Мезолитическая стоянка Лиственка 8 на р. Колпь (бассейн Шексны)	168
Васильева Н. Б., Косорукова Н. В. Результаты планиграфического, трасологического и технологического анализов материалов стоянки Марьино 4	179
Суворов А. В. Могильник Минино 1 на Кубенском озере (по результатам работ 1993 и 1996 гг.)	193
Кравцов А. Е. К вопросу о генезисе иеневской культуры	203
Жилин М. Г., Спиридонова Е. А., Алешинская А. С. История развития природной среды и заселения стоянок Озерки 5, 16, 17 в Конаковском районе Тверской области	209
Энговатова А. В., Спиридонова Е. А., Алешинская А. С. Палинологические исследования копролитов со стоянок каменного века Подмосковья	219
Сидоров В. В., Сорокин А. Н. Раскопки многослойного поселения Замостье 5	226
Энговатова А. В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья	238
Сидоров В. В. Моложско-метинская культура как историко-этнографическая общность	247
Гусенцова Т. М., Андреева Н. А. Каменный инвентарь неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой в бассейне р. Оять (Ленинградская область)	259
Герман К. Э. Ранняя гребенчатая керамика в бассейне Онежского озера	266
Тимофеев В. И. Цедмарская культура в неолите Восточной Прибалтики	273
Ставицкий В. В. О культурной принадлежности примокшанских памятников с гребенчато-накольчатой керамикой	281
Овчинникова Н. В., Хохлов А. А. Исследование грунтового могильника у с. Гундоровка в лесостепном Поволжье	288

Королев А. И. Поселение Волгапино и проблема контактов волосовской и имеркской культур на Мокше и Верхней Суре	300
Воронин К. В. К вопросу о происхождении и развитии культуры с сетчатой керамикой бронзового века	308
Андреанова Л. С., Иванищева М. В. Сетчатая керамика поселения березовая Слободка II-III на Нижней Сухоне	324
Александровский А. Л., Кренке Н. А., Спиридонова Е. А., Янишевский Б. Е. Изучение валов и погребенных под ними почв на дьяковских городищах Троицкое, Луковня 2 и Коробово и Подмосковье	333
Исланова И. В. Городища Верхнего Помостья (опыт систематизации)	352
Вишневецкий В. И. Кикинское городище	359
Максимов А. Д., Розанова Л. С. Результаты металлографического анализа железных изделий с городища Орлов Городок	367
Лопатин Н. В., Лопатина О. А. Памятник мощинской культуры в верховьях Вазузы	375
Максимов А. Д. Археологический комплекс III-VII вв. н. э. селища Суходол II (Ржевский район Тверской области)	380
Исланова И. В., Черных И. Н. Поселение Глыби 2 (ранний железный век и раннее средневековье)	387
Черных И. Н., Малыгин П. Д., Томашевич Т. В. Исследования памятников культуры длинных курганов в Тверской области (погребальный комплекс Подол I на оз. Кафтино)	394

CONTENTS

Sinitsyn A.A., Sinitsyna G.V. On the Problem of Adaptation of Primeval Communities in the Northern Europe in the Late Pleistocene / Early Holocene	5
Kalinina I.V. The Opposition of Cultural / Natural in Archaeology and Culturology (Functions of the Objects of Natural Origin in an Archaeological Culture. Questions of Methodology and Theory of the Primeval Culture)	11
Koltsov L.V. Forms, Methods and Means of Adaptation in the Mesolithic Northern Europe	21
Zhilin M.G. Adaptation of Mesolithic Cultures of the Upper Volga to Lithic Raw Materials	25
Kozlovskaya M.V. Ancient Population of the Eastern Europe Forest Zone: Some Aspects of the Palaeoecological Investigation	31
Voronin K.V. From Social Adaptation to Cultural Integration (on the Problem of Interaction of Cultural Traditions in the Bronze Age in the Volga-Oka Basin)	37
Vorobjov V.M. Names of the Lakes in the Toropa Basin as a Reflection of the Ancient Population's Adaptation to the Landscape	44
Tsetlin Y.B. Cultural Contacts in Antiquity (Their General Systematics and Reflection in Cultural Traditions of Potters)	50
Sidorov V.V. Transformations and Migrations of the Stone Age Cultures in the Forest Zone of the Eastern Europe	64
Koltsov L.V. On Character of Interrelation of Neighbouring Cultures in the Northern Europe Mesolithic	75
Timofeev V.I. Some Problems of the Mesolithic - Early Neolithic Interactions in the Baltic Region	80
Islanova I.V. Changes in the Cultural Situation in the North - Eastern Part of the Tver Region Observed from the Mesolithic Period to the Middle Ages	87
Tsetlin Y.B. On Ancient Cultural Traditions in Primeval Art	95
Utkin A.V., Kostyleva E.L. Volosovo Sculptural Phallic Models	111
Kalinina I.V. Semantics and Technology of Ancient Ornaments	116
Volkova E.V. Role of Experiment in Reconstruction of the Fatjanovo Pottery Technology	125
Volkova E.V. Ancient Pottery Produced by One and the Same Maker (Selection and Analysis)	135
Shakhnovich M.M. Mesolithic Sites of Northern Finland (the Province of Kainuu)	147
Gusentsova T.M. Mesolithic Sites in the North - East of the Leningrad Region	158
Kosorukova N.V. Monuments of the Andozero-M Type in the Sheksna Basin	162
Kosorukova N.V. Mesolithic Site Listvenka 8 at the Kolp' River in the Sheksna Basin	168
Vasiljeva N.B., Kosorukova N.V. The Results of Planigraphic, Traceological and Technological Analysis of Materials from Marjino 4 Site	179
Suvorov A.V. Minino 1 Necropolis at the Kubenskoye Lake (the Results of Research Work Carried out in 1993 and 1996)	193
Kravtsov A.E. On the Problem of the Ienevo Culture Genesis	203
Zhilin M.G., Spiridonova E.A., Aleshinskaya A.S. Development of Natural Environment and History of Settlements Ozerki 5, 16, 17 in the Konakov District of the Tver Region	209
Engovatova A.V., Spiridonova E.A., Aleshinskaya A.S. Palinological Analysis of Coprolites from the Stone Age Sites in the Moscow Region	219
Sidorov V.V., Sorokin A.N. Excavations of Multilayer Settlement Zamostje 5	226
Engovatova A.V. The Volga-Oka Basin Neolithic Age Chronology	238
Sidorov V.V. The Molozhsko-Mstinskaya Culture as a Historical and Ethnographical Unity	247
Gusentsova T.M., Andreeva N.A. Stone Inventory of the Neolithic Sites with Pit-Comb Ceramics in the Oyat' Basin (Leningrad Region)	259
Herman K.E. Early Comb Ceramics in the Onezhskoye Lake Basin	266
Timofeev V.I. The Zedmar Culture and its Position in the Neolithic of the Baltic Area	273
Stavitsky V.V. On Cultural Attribution of Primokshansk Monuments with Comb-Stroke Ceramics	281
Ovtshinnikova N.V., Khokhlov A.A. Investigations of the Ground Necropolis at the Village Gundorovka in the Forest-and-Steppe Volga Region Zone	288

Korolev A.I. The Volgapino Settlement and the Problem of Contacts of the Volosovo and Imerka Cultures on the Moksha and the Upper Sura Rivers	300
Voronin K.V. On Origin and Development of the Net Pottery Culture in the Bronze Age	308
Andrianova L.S., Ivanistcheva M.V. Net Pottery of the Berezovaya Slobodka II-III in the Lower Sukhona Basin	324
Aleksandrovsy A.L., Krenke N.A., Spiridonova E.A., Janishevsky B.E. The study of the Ramparts and Soils Buried under the Ramparts in Djakovo Hillforts Troitskoe, Lukovnya 2 and Korobovo in the Moscow Region	333
Islanova I.V. The Verkhneye Pomostje (the Upper Msta River Basin) Hillforts (an Attempt of Systematization)	352
Vishnevsky V.I. Kickinskoye Hillfort	359
Maksimov A.D., Rosanova L.S. Results of Metallographic Analysis of the Metal Ware from Orlov Gorodok Hillfort	367
Lopatin N.V., Lopatina O.A. Moschino Culture Monument in the Upper Part of the Vazuza	375
Maksimov A.D. Archaeological Complex of the III-VII Centuries A.D. in Sukhodol II Settlement (the Rzhev District of the Tver Region)	380
Islanova I.V., Tchernykh I.N. The Glybi 2 Settlement (the Early Iron Age and the Early Middle Ages)	387
Tchernykh I.N., Malygin P.D., Tomashevich T.V. Investigation of the Long Barrows Culture Monuments in the Tver Region (the Podol I Necropolis at the Kaftino Lake)	394
List of Abbreviations	409

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ (ТГОМ)

**приглашает посетить филиалы объединения,
в составе стационарных экспозиций которых
имеются археологические разделы, отражающие
древнейшее прошлое конкретных регионов области**

1. Весьегонский краеведческий музей

171720, Тверская область, г. Весьегонск, ул. К. Маркса, д. 97.

Тел. (8-264) 2-11-11, 2-13-88.

Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1992 г.

2. Ворошиловский краеведческий музей

172770, Тверская обл., Пеновский р-н, пос. Ворошилово.

Тел. (8-223) 3-17-33.

Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1989, 1995 гг.

3. Зубцовский краеведческий музей

172330, Тверская обл., г. Зубцов, наб. Вазузы, д. 18.

Тел. (8-262) 2-12-43, 2-12-09.

Авторы археологических разделов экспозиции А. В. Мирецкий, А. Н. Хохлов, И. Н. Черных. 1988 г.

4. Калязинский краеведческий музей

171550, Тверская обл., г. Калязин, ул. Ногина, д. 1.

Тел. (8-249) 2-04-79.

Авторы археологических разделов экспозиции И. Н. Черных, А. Н. Хохлов. 1987-1991 гг.

5. Кимрский краеведческий музей

171510, Тверская обл., г. Кимры, ул. Урицкого, д. 8.

Тел. (8-236) 3-27-43, 3-12-67.

Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1990 г.

6. Конаковский краеведческий музей

171280, Тверская обл., г. Конаково, пр. Ленина, д. 23.

Тел. (8-242) 3-14-49, 3-14-50.

Авторы археологических разделов экспозиции А. В. Мирецкий, А. Н. Хохлов, И. Н. Черных. 1990 г.

7. Краснохолмский краеведческий музей

171660, Тверская обл., г. Красный Холм, ул. Коммунистическая, д. 21.

Тел. (8-237) 22-711.

Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1994 г.

8. Лихославльский краеведческий музей

171210, Тверская обл., г. Лихославль, ул. Советская, д. 34.

Тел. (8-261) 2-10-56.

Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1995 г.

9. Осташковский краеведческий музей

172750, Тверская обл., г. Осташков, ул. Володарского, д. 19.

Тел. (8-235) 2-16-46, 2-10-24.

Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1986 г.

10. Старицкий архитектурно-художественный и археологический музей

171360, Тверская обл., г. Старица, ул. Пушкина, д. 1а.

Тел. (8-26300) 3-85.

Авторы экспозиции "Археология Тверской области" И. Г. Портнягин и др. 1978 г.

11. **Тверской областной краеведческий музей** - головное учреждение объединения (основан в 1866 г. как историко-археологический музей).

170000, г. Тверь, ул. Советская, д. 5.

Тел. (0822) 33-51-27 (приемная генерального директора объединенного музея), факс 33-37-90; 48-79-97 (отдел археологии объединенного музея); 33-77-76 (сектор археологических фондов отдела фондов объединенного музея).

Автор археологических разделов экспозиции (территория совр. Тверской области с финального палеолита до средневековья: X тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э.) И. Н. Черных. 1996 г.

12. **Торопецкий краеведческий музей**

172850, Тверская обл., г. Торопец, ул. Комсомольская, д. 2.

Тел. (8-268) 2-26-94.

Автор археологических разделов экспозиции И. Г. Портнягин. 1974 г.

Экспозиции музеев открыты для посещения ежедневно, кроме понедельника и вторника, с 11 до 17 часов.

Археологические коллекции, в том числе значительные, кроме головного музея объединения, содержащего в своих фондах основные материалы из археологических исследований на территории Тверской области, имеют Вышневолоцкий, Кимрский, Старицкий, Торопецкий, Кашинский, Весьегонский, Краснохолмский, Бежецкий, Калязинский, Конаковский, Осташковский, Ворошиловский музеи.

ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕННОГО МУЗЕЯ

оказывает услуги юридическим и физическим лицам в осуществлении на хоз. договорной основе различных археологических исследований:

полевых - разведывательные обследования, инвентаризация памятников археологии, надзор за проведением земляных работ на памятниках археологии, раскопки археологических объектов всех эпох как на территории области, так и на сопредельных территориях;

камеральных - реставрация археологического металла, обработка остеологических коллекций из археологических раскопок (домашние животные), отрисовка находок;

в разработке историко-археологических опорных планов;

в подготовке и оформлении археологических экспозиций.

Адрес отдела археологии ТГОМ: 170006, г. Тверь, ул. С. Перовской, д. 15. Телефоны для справок: (0822) 48-79-97, 33-77-76.

**Тверской археологический сборник
Выпуск 3**

Отв. редактор выпуска *И. Н. Черных*
Корректоры: *Т. М. Маренко, И. Н. Черных, В. В. Данилов*

Компьютерный набор: *В. В. Данилов, И. Ю. Довженко,
Г. В. Лубенцова, М. Н. Черных*
Оригинал-макет: *И. Н. Черных*
Перевод на англ. язык и корректура: *В. А. Миловидов*

ЛР № 040632 от 9.06.93 г.

Подписано к печати 12.03.98 г. Формат бумаги 84x108/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Объем 26,0 п. л. Тираж 450 экз. Заказ 4025. Цена свободная.

Тверская областная типография.
170000, г. Тверь, Студенческий пер., 28.

Важнейшие ошибки и опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
12	1 сверху	Елисевици	Елисеевичи
30	14 сверху	Нижегородские	Нижегородские
34	18 снизу	морфологически	морфологические
39	2 сверху	Сахтыш	Сахтыш
46	5 сверху	перходы	переходы
46	12 снизу	хозяйственную	сельскохозяйственную
47	6 сверху	исключается	исключается
48	27 сверху	[юго-слав.]	[южнослав.]
48	31 сверху	[и. е.]	[индоевропейский]
48	32 сверху	такаих	таких
49	5 сверху	Рапопорт	Раппопорт
54	12 сверху	современных	совершенных
74	3 сверху	...олея эпохи...	...олея Украинского Полесья эпохи...
74	18 сверху	Востчного	Восточного
84	рис. 4, подпись, 3 сверху	7, 8, 15, 19-21 -	7, 8, 14, 15, 18-21 -
109	1 снизу,	...абстракт-	...абстрактных. По группе сме-
110	1 сверху	ческо-расписных...	шанных традиций установлено, что, во-первых, во времени умень-
			шалась доля графическо-распис-
			ных...
121	28 сверху	Штейном	Штейненом
131	Рис. 9	Орнаментация	Орнаментирование
133	текст, 4 снизу	в них	на них
133	7 снизу	FatjNovo	Fatjanovo
137	5 сверху	оним	одним
146	13 сверху	производствоСредней	производство Средней .
152	1 снизу	Андоозеро	Андозеро
153	10 сверху	фиксируютя	фиксируются
153	16 сверху	испльзования	использования
153	16-17 сверху	выкрошености	выкрошенности
154	10 снизу	рассматривалоась	рассматривалась
156	13 сверху	Siirjainen	Siirjäinen
206	1 сверху	в верхнем течении Немана	в бассейне верхнего Днепра
229	24 сверху	мелке	мелкие
229	31 сверху	воловоскому	волосовскому
239	35 сверху	ляялоовской	ляяловской
242	11 снизу	...существования культуры...	...существования верховолжской культуры...
244	6 снизу	отродонной	остродонной
258	Сп. лит-ры, № 12 (28 сверху)	стоянки Варос	стоянки верхневолжского бассей- на Варос
264	14 сверху	на Мульевской стоянке	на стоянке Мальгиничи
266	2 сверху	Шойшурукшин	Шойрукшин
272	Сп. лит-ры, № 5 17 сверху	Die relative chronologie der stezeitlichen keramik in Finland	Die relative Chronologie der stein- zeitlichen Keramik in Finnland
273	12 снизу	распространеню	распространению
274	8 снизу	обработкой	обработкой

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
274	12 сверху	восточноприбалтийского	восточноприбалтийского
279	Сп. лит-ры, № 6 (12 снизу)	steinzeitlichen	steinzeitlichen
280	17 сверху	Kilian. 1938	Kilian L. Irdenware aus Ostpreussen // Altpreussen. 3. Jahrg. H. 3. Königsberg, 1938.
281	текст, 9 сверху	Имерского	Имеркского
281	14 снизу	имерской	имеркской
282	2 снизу	2,7 - Имерка 4;	2 - Имерка 3; 7 - Имерка 4;
292	21 снизу	напрвлении	направлении
296	текст, 3 снизу	описанных	описанных
318	рис., 1 сверху	тесло и	тесло (3) и
322	15 снизу	рановероятно	равновероятно
331	10 снизу	14. Смирнов А. К. О двух районах появления сетчатой керамики: Доклад на V международном конгрессе финно-угроведов // СА. 1983. № 1	14. Смирнов К. А. О двух районах появления сетчатой керамики / Седов В. В., Смирнов К. А. V международный конгресс финно-угроведов // СА. 1983. № 1
337	текст, 2 снизу	отбранных	отобранных
341	табл. 2, 1 колонка справа, 4 сверху	16 до н. э.	16 г. до н. э.
364	табл. 1, п. 10	Трапецивидная	Трапезиевидная
367	3 снизу	сегментовидной	выгнутой
371	34 сверху	эффетивно	эффективно
372	табл. II. Название. 1 сверху	исследованные	исследованные
373	5 сверху	45; 14, с. 155, 156; с. 166-181]	45; 14, с. 155-156; 15, с. 166-181]
373	10-11 сверху	к типу сегментовидных	к типу ножей со слабо выгнутой спинкой
373	15 снизу	терриории	территории
380	14 снизу	соответствовашая	соответствовавшая
389	рис. 2, подпись, 3 сверху	...песок; д - коричневый...	...песок; в - черный песок; г - серый и заиленный песок; д - коричневый...
391	1 снизу	5-6 - грузики (грузила?, керамика); 7 - грузило (керамика)	5 - грузик (грузило?, керамика); 6-7 - грузила (керамика)
403	31 сверху	исследовался	исследовался
403	3 снизу	опущеных	опущенных
406	4 сверху	грунтовогозахоронения	грунтового захоронения
406	25 снизу	выброса одной	выброса из одной
411	18 сверху	пропуск	Список сокращений 409

